ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки
в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием (Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по отраслям науки: **5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ОБРАЗОВАНИЕ
и ПРАВО
научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам философии, социологии, педагогики, юриспруденции, образования, а также правовому мониторингу, инновационным технологиям и реформе образования в России и мире

Председатель редакционного совета:
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Юлия Дребезгова

Дизайн:
Александр Черкасов

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

5.1.1. "Теоретико-исторические правовые науки";

5.1.2. "Публично-правовые (государственно-правовые) науки";

5.1.3. "Частно-правовые (цивилистические) науки".

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджментасоциологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волов – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО "Казанский Государственный Институт Культуры"

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)"

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: Р.Б. **Гандалоев**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации"

М.М. Дикажев — доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников –доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университетаим. А.И. Герцена

В.Б. Исраелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Меськов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х.Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжельского государственного университета

Т.А. Сошникова –доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова — доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член–корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Николаева Ю.В. * Проблемы противодействия коррупции в контексте приоритетов национальной безопасности Российской Федерации.....15

Мирошник С.В., Власова Т.В. * Национальная идея: от прошлого к настоящему (государственно-правовой аспект).....22

Ананьев В.А. * Государственная защита участников уголовного судопроизводства: административно-правовая роль органов внутренних дел в реализации программы 2024–2028 годов.....29

Наумова Н.В., Евтюхова А.В. * Кросс-уровневый анализ семейной политики: федеральный, региональный и международный ракурсы.....35

Самойлова Ж.В. * Политическая культура российского общества в контексте предстоящих выборов в Государственную Думу 41

Корсикова Н.А. * Криминологические особенности миграционной преступности в Российской Федерации.....44

Карманов О.А. Герасимова М.А. * К вопросу о правовом регулировании организации и проведения публичных мероприятий в Российской Федерации: формы, виды и условия проведения.....48

Морозов А.В. * Духовно-нравственные ценности в системе отечественного образования в условиях использования технологий «искусственного интеллекта».....54

Бровкин Д.В. * К вопросу о противодействии экстремистской деятельности в цифровом пространстве в Российской Федерации: правовое регулирование и анализ проблем 65

Чешин А.В. * Транснациональное и коллизионное регулирование договоров в международном частном праве.....71

Антонова Н.В., Басангов Д.А. * Российские научные юридические журналы: системные проблемы и направления институциональных преобразований.. 80

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Булаков О.Н. * Государственная защита прав и свобод как конституционный принцип прав и свобод 89

Щебляков А.А. * Баланс публичного и частного интересов при реализации права на информацию в контексте стратегии национальной безопасности 97

Мамошин В.И. * Право на цифровую смерть как элемент нового поколения прав человека: конституционно-правовые пределы посмертной цифровой имитации личности 101

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Эволюция конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху 110

Самитов Д.А. * Принципы публичного контроля и надзора за предпринимательской деятельностью в контексте конституционно-правового регулирования 117

CONTENT:

POLICY AND LAW

Nikolaeva Yu.V. * Anti-corruption issues in the context of national security priorities of the Russian Federation 15

Miroshnik S.V., Vlasova T.V. * The national idea: from the past to the present (state-legal aspect) 22

Ananyev V.A. * State protection of participants in criminal proceedings: administrative-legal role of the internal affairs bodies in the implementation of the 2024–2028 programme 29

Naumova N.V., Evtyukhova A.V. * Cross-level analysis of family policy: federal, regional, and international perspectives 35

Samoilova Zh.V. * Political culture of russian society in the context of the upcoming elections to the State Duma.....41

Korsikova N.A. * Criminological features of migration crime in the Russian Federation.....44

Karmanov O.A. Gerasimova M.A. * On the legal regulation of organizing and holding public events in the Russian Federation: forms, types, and conditions.....48

Morozov A.V. * Spiritual and moral values in the system of domestic education in the conditions of using artificial intelligence technologies 54

Brovkin D.V. * On the issue of countering extremist activity in the digital space in the Russian Federation: legal regulation and analysis of problems 65

Cheshin A.V. * Transnational and conflict-of-laws regulation of contracts in private international law.....71

Antonova N.V., Basangov D.A. * Russian scientific legal journals: systemic problems and directions for institutional transformation.....80

HUMAN RIGHTS

Bulakov O.N. * State protection of rights and freedoms as a constitutional principle of rights and freedoms...89

Shcheblyakov A.A. * Balance of public and private interests in the realisation of the right to information in the context of the national security strategy 97

Mamoshin V. * The right to digital death as an element of a new generation of human rights: constitutional and legal limits of posthumous digital imitation of the individual.....101

CONSTITUTION THEORY

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * The evolution of constitutional guarantees of the right to privacy in the digital age 110

Samitov D.A. * Principles of public control and supervision over entrepreneurial activity in the context of constitutional and legal regulation 117

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Барикаева А.Ф. * Муниципальная предпринимательская экосистема малого и среднего бизнеса как фактор укрепления экономических основ местного самоуправления.....123

Троян В.И. * Государственное регулирование финансового рынка: сущность и основные модели.. 132

Липская Е.Ю. * Особенности реализации принципов правового регулирования в деятельности органов публичной власти на современном этапе развития технологий искусственного интеллекта 139

Филатов К.С. * Правовые особенности использования земельных ресурсов для развития транспорта Российской Федерации 142

Валов К.Д. * Обязательные требования как правовая основа публичного контроля (надзора) в предпринимательской сфере.....150

Тюхай-Липский С.В. * Проблема экономической самостоятельности органов местного самоуправления и пути ее решения 156

Картухин В.Ю. * Космическое право: истоки, современное состояние, новые вызовы 163

Валов К.Д. * Пределы лицензионного контроля в механизме публичного вмешательства в предпринимательскую деятельность 169

Куклин Е.Р. * Государственно-частное партнерство как инструмент развития инновационной инфраструктуры: опыт Китая и перспективы для России.....175

Надин А.Н. * Совершенствование процедуры оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных правовых актов.....181

Шегай Ю.В. * Основные проблемы реализации проектов комплексного развития территорий в России: институциональные барьеры, экономические факторы и несоответствие нормативной базы ...189

Хомич Е.Д. * Нормативно-правовое регулирование финансового мониторинга в России: анализ и практика.....197

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Игнатов А.А. * Доктрина estoppel by deed в английском праве 201

Чумаков Р.Х. * Функция «мягкого» права как инструмента нормативного регулирования в рамках международной финансовой системы.....206

Михалев В.Е. * Германский колониализм как форма Европейской правовой экспансии конца XIX - начала XX века: историко-правовой анализ 212

Болотина Е.В. * От «супружеского долга» к сексуальной автономии в браке: эволюция судебной практики и законодательства Франции.....220

Лаврентьева Т.Н. * Частно-правовая ответственность директоров в корпоративном праве РФ и КНР: сравнительно-правовой аспект 226

Косьмин А.Д., Герасимова Н.О., Кулеева И.Ю. * Архитектура новой реальности: как Китай строит

PUBLIC LAW

Barikaeva A.F. * Municipal entrepreneurial ecosystem of small and medium businesses as a factor in strengthening the economic foundations of local self-government.....123

Troyan V.I. * State regulation of the financial market: essence and key models.....132

Lipskaya E.Yu. * Features of the implementation of the principles of legal regulation in the activities of public authorities at the current stage of development of artificial intelligence technologies 139

Filatov K.S. * Legal aspects of the use of land resources for the development of transport in the Russian Federation 142

Valov K.D. * Mandatory requirements as a legal basis for public control (supervision) in the entrepreneurial sphere.....150

Tyukhay-Lipsky S.V. * The problem of economic independence of local government bodies and ways to solve it 156

Kartukhin V.Yu. * Space law: origins, current state, and new challenges.....163

Valov K.D. * Limits of licensing control in the mechanism of public intervention in entrepreneurial activity.....169

Kuklin E.R * Public-private partnership as a tool for developing innovative infrastructure: China's experience and prospects for Russia.....175

Nadin A.N. * Improving the procedure for assessing the regulatory impact of draft municipal legal acts 181

Shegai Yu.V. * The main problems of implementing integrated territorial development projects in Russia: institutional barriers, economic factors and inconsistencies in the regulatory framework.....189

Khomich E.D. * Regulatory and legal regulation of financial monitoring in Russia: analysis and practice 197

HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES

Ignatov A.A. * The doctrine of estoppel by deed under english law.....201

Chumakov R.Kh. * The function of soft law as a regulatory instrument in the international financial system 206

Mikhalev V.E. * German colonialism as a form of European legal expansion in the late nineteenth and early twentieth centuries: a historical and legal analysis 212

Bolotina E.V. * From «conjugal duty» to sexual autonomy in marriage: the evolution of French case law and legislation.....220

Lavrentieva T.N. * Private law liability of directors in the corporate law of the Russian Federation and the PRC: a comparative legal aspect.....226

Kosmin A.D., Gerasimova N.O., Kuleeva I.Yu. * Architecture of a new reality: how China is building the

цивилизацию будущего (или о главных триумфах современного Китая) 230

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Грудцына Л.Ю. * Ранние формы российского конституционализма: протоконституционные акты. Часть 2. Введение к уложению государственных законов М.М. Сперанского 1809 г. конституционная хартия Царства Польского 1815 г. 239

Тараборин Р.С., Буркова К.Н. * Формирование и эволюция сегментов партикулярного права в Российской Империи XVIII века 248

Гусева Г.В. * Эволюция понятия «вина» от Русской правды до Соборного уложения 1649 года..... 254

Гусельников И.И. * Теоретико-правое исследование трансформации ценза социального происхождения и принадлежности к роду занятий в отечественном избирательном праве с 1905 по 1918 годы..... 259

Тараборин Р.С., Константинова А.А. * Партикулярное право Российской Империи в условиях автономии: Великое Княжество Финляндское 266

Иванов А.М., Иванова Е.А. * Профилактика правонарушений несовершеннолетних в советском союзе 1980-х гг. По материалам Смоленской области 272

Чепель А.И., Замятина Н.А. * Роль исторической памяти о вузе в деле воспитания студенческой молодёжи: на примере Санкт-Петербургского Государственного морского технического университета 277

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Усанов В.Е., Моторина И.С. * Договорная норма как индивидуальное правило поведения в сфере частного права 284

Фатеев А.С. * Объективная (предельная) исковая давность в гражданском праве России: проблемы исчисления и тенденции судебной практики 290

Шугулбаев Ж.А. * Идеологическая функция в основном законе государства 294

Куклин Е.Р. * Государственно-частное партнерство в России: состояние рынка, законодательные новации и проблемы финансирования инфраструктурных проектов 299

Гиндулина А.Д. * Юридическое значение возраста в семейно-правовых отношениях 306

Багыллы С.Т., Баркалова П.А. * Особенности процесса доказывания по спорам о страховом возмещении при страховании рисков в программах суррогатного материнства 309

Заживихина А.Ю. * Исторический генезис представлений о справедливости в правовом аспекте: от идеи до воплощения в законодательстве 316

Плотников Г.А., Совина А.Р. * Юридическая квалификация как задача классификации: пределы формализации (на примере административного и налогового права) 322

ИННОВАЦИИ

Совина А.Р. * Legal design как инструмент правовой коммуникации 329

civilization of the future (or the major triumphs of modern China) 230

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

Grudtsina L.Yu. * Early forms of Russian constitutionalism: proto-constitutional acts. Part 2. Introduction to the code of state laws of M.M. Speransky 1809 constitutional charter of the Kingdom of Poland 1815.....239

Taraborin R.S., Burkova K.N. * Formation and evolution of segments of particular law in the Russian Empire of the 18th century.....248

Guseva G.V. * The evolution of the concept of «guilt» from the russian pravda to the cathedral code of 1649 254

Guselnikov I.I. * Theoretical and legal study of the transformation of the census of social origin and employment in domestic voting rights from 1905 to 1918.....259

Taraborin R.S., Konstantinova A.A. * Particular law of the Russian Empire under autonomy: The Grand Duchy of Finland.....266

Ivanov A.M., Ivanova E.A. * Prevention of juvenile delinquency in the soviet union of the 1980s based on materials from the Smolensk region 272

Chepel A.I., Zamyatina N.A. * The role of historical memory of the university in the education of students: the example of St. Petersburg State maritime technical university 277

INTERPRETATION OF LAW

Usanov V.E., Motorina I.S. * Contractual norm as an individual rule of conduct in private law 284

Fateev A.S. * Objective (ultimate) limitation period in Russian civil law: issues of calculation and trends in judicial practice 290

Shugulbaev Zh.A. * The ideological function in the basic law of the state 294

Kuklin E.R. * Public-private partnership in Russia: state of the market, legislative innovations and problems of financing infrastructure projects.....299

Gindulina A.D. * The legal significance of age in family law relations.....306

Bagylly S.T., Barkalova P.A. * Features of the process of proof in disputes on insurance indemnification when insuring risks in surrogate motherhood programs ...309

Zazhikhina A.Yu. * Historical evolution of concepts of justice in a legal context: from concept to legislation..... 316

Plotnikov G.A., Sovina A.R. * Legal qualification as a classification task: the limits of formalization (the case of administrative and tax law) 322

INNOVATION

Sovina A.R. * Legal design as a legal communication tool.....329

Карнаухов С.С. * Гражданско-правовые проблемы инноваций.....338

Казберов П.Н. * Возможности обучения пенитенциарных психологов использованию методики биологической обратной связи 343

Алексеева П.М. * Метакогнитивные стратегии как регулятивный компонент метапознания: эволюция концепций и систематизация подходов 348

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Кружкова Т.И., Куликова Е.С., Рущицкая О.А., Кот Е.М., Батракова С.И. * Анализ методов продвижения молочной продукции на предприятии АПК Урала 355

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Рзаева В.А. * Правосознание как фактор обеспечения законности и правопорядка в современной России: теоретико-структурный анализ 362

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Гендеев Э.Н. * Вопросы сравнительного анализа дисциплинарных проступков (Федеральный закон № 342-ФЗ) и обязанностей сотрудников полиции (Федеральный закон № 3-ФЗ): оценка их взаимосвязи по принципу законности в реализации полномочий административного законодательства Российской Федерации.....368

Серебренников И.Н. * Доказательства, полученные с помощью технических средств, и преюдиция в деятельности сотрудников государственной инспекции безопасности дорожного движения ...375

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Лахин Д.Н., Шевченко В.И., Щербанюк Т.И., Баштовой С.В. * Критерий творческого вклада как основа для признания авторства на контент, созданный нейросетью.....379

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Эмеров М.Ю. * Понятие публичного порядка как основания отмены решения третейского суда в иностранных государствах.....386

Рущицкая О.А., Зырянова Т.В., Куликова Е.С., Сабурова Л.В., Фетисова А.В. * Устойчивое развитие АПК в контексте системного подхода 392

Алексеева Е.В. * Особенности определения подсудности дел о привлечении к административной ответственности организаций за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции.....400

Фатеев А.С. * Эволюция правовой природы исковой давности в российской цивилистике: от частного интереса к стабильности гражданского оборота.....407

Федосеева С.В. * Судебное делопроизводство: проблемы и перспективы развития.....411

Зарубина М.Н. * Условия определения компетенции судов по делам об оспаривании кадастровой стоимости земельных участков 418

Михайлов В.В., Корнилов А.Р. * Прецедент в судебной системе Российской Федерации 425

Karnaukhov S.S. * Civil law issues of innovation.....338

Kazberov P.N. * Opportunities for training penitentiary psychologists in the use of biofeedback techniques.....343

Alekseeva P. * Metacognitive strategies as a regulatory component of metacognition: evolution of concepts and systematization of approaches 348

LAW AND ECONOMICS

Kruzhkova T.I., Kulikova E.S., Rushchitskaia O.A., Kot E.M., Batrakova S.I. * Analysis of methods of promoting dairy products at the Ural agro-industrial complex enterprise 355

LAW FORMATION AND LAW CREATION

Rzaeva V.A. * Legal consciousness as a factor in ensuring legality and public order in modern Russia: a theoretical and structural analysis 362

ADMINISTRATIVE LAW

Gendeev E.N. * Comparative analysis of disciplinary misdemeanors (Federal law no. 342-FZ) and police officers' obligations (Federal law no. 3-FZ): assessment of their interrelationship based on the principle of legality in the implementation of the administrative legislation of the Russian Federation 368

Serebrennikov I.N. * Evidence obtained by technical means and prejudice in the activities of the employees of the state road safety inspection.....375

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Lakhin D., Shevchenko V., Shcherbanyuk T., Bashtovoy S. * The criterion of creative contribution as a basis for recognizing authorship of content created by a neural network.....379

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Emerov M.Yu. * The concept of public order as a ground for annulment of an arbitration court decision in foreign countries.....386

Rushchitskaya O.A., Zyryanova T.V., Kulikova E.S., Saburova L.V., Fetisova A.V. * Sustainable development of the agro-industrial complex in the context of a systemic approach.....392

Alekseeva E.V. * Specifics of determining jurisdiction in cases involving administrative liability of organizations for the retail sale of alcohol to minors.....400

Fateev A.S. * The evolution of the legal nature of limitation of actions in Russian civil law doctrine: from private interest to stability of civil commerce 407

Fedoseeva S.V. * Judicial records management: problems and development prospects.....411

Zarubina M.N. * Conditions for determining the jurisdiction of courts in cases challenging the cadastral value of land plots.....418

Mikhaylov V.V., Kornilov A.R. * Precedent in the judicial system of the Russian Federation 425

Абрамова М.В. * Изменения в ст. 446 ГПК РФ: гарантии защиты имущества многодетных семей при банкротстве 429

Бажанов С.А. * Судебная практика и категории споров по санитарно-защитным зонам в уголовно-исполнительной системе России.....433

Лесников А.А., Махонин Д.Д., Вродливец А.А. * Проблемы правоприменения смягчающих и отягчающих обстоятельств в современной российской судебной практике: статистический и догматический анализ 442

Искандарова К.У. * Соотношение свободной и формальной оценки доказательств в арбитражном и гражданском процессе: разница подходов (на основе анализа судебной практики) 447

Фатеев А.С. * Злоупотребление правом на возражение об истечении исковой давности: доктрина «отказа в защите» и поиск баланса интересов сторон.....457

Толстолуцкий В.Ю. * Барицентрический метод комплексной оценки процессуальной, методической и фактической стороны заключения судебной экспертизы.....461

Алексеева Е.В. * К вопросу о толковании contra legem в компетенции Верховного Суда Российской Федерации.....472

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бочарников Д.А. * К вопросу об обязательной периодической аттестации научных работников на соответствие занимаемой должности.....477

Бондаренко А.И. * К вопросу о понятии юридической ответственности.....483

Георгиев И.В. * Современные средства индивидуализации физических лиц.....487

Рыбченко В.К. * Правовой режим имущества общего пользования в товариществах собственников недвижимости, созданных для ведения садоводства 491

Жигалова И.В. * Правовая охрана традиционных знаний в Российской Федерации: система правового регулирования и направления законодательного совершенствования.....501

Белых К.С. * Холдинги: проблемы правового регулирования и пути их решения 511

Косарева В.В., Афанасьев Г.С. * Виды степени вовлеченности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности 516

Орешникова К.С. * Биометрические данные как объект правовой защиты.....524

Корсакова А.А. * Наследственное правопреемство в обязательствах из причинения вреда 529

Ионов А.С. * Особенности применения принципа зачета имущественных выгод и потерь при взыскании убытков в рамках корпоративных споров, связанных с применением статьи 53.1. ГК РФ.....534

Габдрахманов Р.А. * Правовая природа, виды и место адъюдикации в системе альтернативных способов разрешения споров.....541

Abramova M.V. * Amendments to article 446 of the RF CPC: property protection guarantees for large families in bankruptcy.....429

Bazhanov S.A.* Judicial practice and categories of disputes concerning sanitary protection zones in the Russian penal system 433

Lesnikov A.A., Makhonin D.D., Vrodlivets A.A. * Problems of applying mitigating and aggravating circumstances in modern russian judicial practice: a statistical and dogmatic analysis 442

Iskandarova K.U. * The ratio of free and formal evaluation of evidence in arbitration and civil proceedings: the difference in approaches (based on the analysis of judicial practice).....447

Fateev A.S. * Abuse of the right to object to the expiry of the limitation period: the “denial of protection” doctrine and the search for a balance of interests between the parties.....457

Tolstolutsky V.Yu. * Barycentric method of comprehensive assessment of the procedural, methodical and factual aspect of a forensic examination conclusion.....461

Alekseeva E.V. * On the issue of «contra legem» interpretation within the competence of the supreme court of the Russian Federation 472

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Bocharnikov D.A. * On the issue of mandatory periodic certification of scientific workers for their suitability for their positions 477

Bondarenko A.I. * On the issue of the concept of legal responsibility.....483

Georgiev I.V. * Modern means of individualization of individuals.....487

Rybchenko V.K. * Legal regime of common-use property in property owners’ associations created for gardening.....491

Zhigalova I.V. * Legal protection of traditional knowledge in the Russian Federation: the legal regulation system and directions for legislative improvement 501

Belykh K.S. * Holdings: problems of legal regulation and ways to solve them.....511

Kosareva V.V., Afanasyev G.S. * Types of involvement in bringing controlling persons to subsidiary liability..... 516

Oreshnikova K.S. * Biometric data as an object of legal protection.....524

Korsakova A.A. * Hereditary succession in obligations arising from tort.....529

Ionov A.S. * Specific features of applying the principle of compensatio lucri cum damno in the recovery of damages in corporate disputes related to the application of article 53.1 of the civil code of the Russian Federation.....534

Gabdrakhmanov R.A. * Legal nature, types and place of adjudication in the system of alternative dispute resolution.....541

Хасанова С.К. * Об отдельных вопросах взаимодействия субъектов пробации в ходе реализации индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации.....546

Еремеев Т.М. * Правовые основы функционирования регуляторных песочниц в сфере финансовых технологий в странах ЕАЭС.....552

Кириллова Т.К. * Правовые и организационные аспекты вселения и выселения органами ФССП России.....559

Демичев А.Д. * Проблематика института астрента в российском праве 563

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Ибрагимов И.Ф., Колясова В.Н., Власова Т.С., Журавлева М.С. * Студенческое восприятие новых Олимпийских видов спорта: ски-альпинизм на Олимпиаде-2026 571

Александрович О.Ю., Тарасенко В.А., Серебренников Д.А., Карелин А.Г., Юлдашева Н.В. * Проблема эмоционального выгорания юных спортсменов в условиях ориентации на высокие достижения.....579

Дубровский Д.К., Корсикова Н.А. * Перспективы отказа от ужесточения правового регулирования легионеров в спорте Российской Федерации (на основе футбола) 585

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Павлов О.В. * Римское право как протоязыковая модель империи и Адриан как исторический прообраз агентного ИИ в трансформации юридического образования 592

Казберов П.Н. * К вопросу о педагогических условиях совершенствования подготовки пенитенциарных сотрудников к профилактике деструктивного поведения в процессе обучения на курсах повышения квалификации 601

Чумакова Т.Н. * Психологическое здоровье как условие развития и саморазвития личности в профессии 606

Рязанцев А.А., Георгиевская Ю.В., Довгаленко В.С. * Профилактика эмоционального стресса студентов в период экзаменационной сессии.....611

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Звонарева Н.А., Корчагина Т.В., Маслова Н.Н. * Педагогические взгляды С.Т. Шацкого на формирование сплоченного коллектива и возможности детского самоуправления.....619

Хальзова Н.А., Паночевный П.Н. * Механизмы обеспечения качества образовательного процесса в вузе при создании и развитии межкультурной среды взаимодействия российских и иностранных студентов.....626

Клишкова Н.В., Максимова М.В., Бареева Р.С. * Особенности подготовки курсантов к олимпиадам по дисциплине «Физика» 633

Имангулов Р.Ш., Гарифуллина А.О. * Педагогические аспекты повышения мотивации студентов на занятиях физической культурой с использованием современных подходов.....638

Опарин Д.Е. * Актуальные вопросы нормативно-

Khasanova S.K. * On certain issues of interaction between probation subjects during the implementation of individual programs of re-socialization and social adaptation and social rehabilitation 546

Eremeev T.M. * The legal basis for the functioning of regulatory sandboxes in the field of financial technologies in the EAEU countries 552

Kirillova T.K. * Forced eviction and settlement in residential premises by the federal bailiff service of Russia.....559

Demichev A.D. * Problems of the astreinte institution in russian law.....563

SPORTS LAW

Ibragimov I.F., Kolyasova V.N., Vlasova T.S., Zhuravleva M.S. * Student perception of new Olympic sports: ski- mountaineering at the 2026 Olympics...571

Aleksandrovich O.Yu., Tarasenko V.A., Serebrennikov D.A., Karelin A.G., Yuldasheva N.V. * The problem of emotional burnout of young athletes in conditions of orientation to high achievements.....579

Dybrovskiy D.K., Korsikova N.A. * Prospects for avoiding tighter legal regulations on foreign players in Russian sports (with a focus on soccer).....585

MODERNIZATION OF EDUCATION

Pavlov O.V. * Roman law as a proto–language model of the empire, and Hadrian as a historical prototype of agentic AI in the transformation of legal education..... 592

Kazberov P.N. * On the issue of pedagogical conditions for improving the training of penitentiary staff in the prevention of destructive behavior in the process of training in advanced training courses 601

Chumakova T.N. * Psychological health as a condition for the development and self-development of the individual in the profession 606

Ryazantsev A.A., Georgievskaya Yu.V., Dovgalenko V.S. * Student emotional stress prevention during the exam session.....611

PEDAGOGICAL SCIENCES

Zvonareva N.A., Korchagina T.V., Maslova N.N. * S.T. Shatsky's pedagogical views on the formation of a united team and the possibilities of children's self-government 619

Khalzova N.A., Panochevny P.N. * Mechanisms for ensuring the quality of the educational process at the university in the creation and development of an intercultural environment of interaction between Russian and foreign students 626

Klishkova N.V., Maksimova M.V., Bareeva R.S. * Features of cadets' preparation for Olympiads in physics.....633

Imangulov R.Sh., Garifullina A.O. * Pedagogical aspects of increasing student motivation in physical education using modern approaches 638

Oparin D.E. * Current issues of the regulatory and legal regulation of the educational process in higher education

правового регулирования образовательного процесса в вузах МЧС России 642

Ярошенко Е.А. * Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении дошкольников в условиях современного детского сада.....649

Жэнь И. * Формат чат-шоу для обучения эмфатической речи на английском языке.....658

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Власов А.А. * Правовое воздействие на структуру занятости и профессиональную стандартизацию в промышленной отрасли 665

Базаркина О.В. * Осуществление профсоюзного контроля правовыми инспекторами труда.....671

Лавриненко А.А. * Правовая природа стимулирующих выплат и премирования в трудовом праве России.....677

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Пороки трудовых отношений: современный российский опыт 681

КРИМИНАЛИСТИКА

Бровкин Д.В. * Новейшие разработки и инновации в области криминалистики: совершенствование процессов обнаружения, идентификации и фиксации следов преступлений 685

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Трусова Е.А. * Роль судебно-психиатрической экспертизы на этапе предварительного расследования в уголовном судопроизводстве.....688

Боброва И.А., Стаурский Е.С. * К вопросу о преступлениях, совершаемых посредствам сети Иинтернет: понятие, виды киберпреступлений и способы противодействия.....697

Лесников А.А., Махонин Д.Д., Вродливец А.А. * Понятие и сущность смягчающих и отягчающих обстоятельств 702

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Электронные доказательства в уголовном процессе: критерии допустимости и достоверности 706

Викторов А.О. * Профессиональная правовая культура сотрудников УИС в механизме ресоциализации осужденных 711

Казберов П.Н. * Содержательные аспекты профессиональной деформации и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала 717

Алымов Д.В., Лоторева Е.А., Кизилова М.А., Скоркина В.Г., Преснякова С.С. * Криминалистические аспекты преодоления внешнего противодействия расследованию преступлений 722

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Квалификация преступлений в сфере кибербезопасности: проблемы и тенденции.....729

Иовенко А.Р. * Проблемы квалификации преступлений, совершаемых представителями власти в сфере правосудия 737

Купряшин В.С., Петров А.А., Моисеенко М.И. * Уголовно-процессуальные исключения в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: реализация принципа процессуальной экономии и особый порядок отложенной верификации доказательств 744

institutions of the ministry of emergency situations of Russia: current state, problems and development prospects.....642

Yaroshenko E.A. * Using information and communication technologies in preschool teaching in a modern kindergarten 649

Ren Yi. * A chat show format for teaching emphatic speech in the english language.....658

EMPLOYMENT LAW

Vlasov A.A. * Legal impact on employment structure and professional standardization.....665

Bazarkina O.V. * Implementation of trade union control by legal labor inspectors.....671

Lavrinenko A.A. * Legal nature of incentive payments and bonuses in Russian labor law.....677

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Vices of labour relations: the contemporary russian experience.....681

CRIMINALISTICS

Brovkin D.V. * The latest developments and innovations in forensic science: improving the detection, identification, and recording of crime traces.....685

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Trusova E.A. * The role of forensic psychiatric examination at the stage of preliminary investigation in criminal proceedings.....688

Bobrova I.A., Staursky E.S. * On the issue of crimes committed via the internet: the concept, types of cybercrimes and methods of counteraction.....697

Lesnikov A.A., Makhonin D.D., Vrodlivets A.A. * Concept and nature of mitigating and aggravating circumstances.....702

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Electronic evidence in criminal proceedings: criteria of admissibility and reliability.....706

Viktorov A.O. * Professional legal culture of penalties staff in the mechanism of resocialization of convicts..... 711

Kazberov P.N. * Substantive aspects of professional deformation and social maladjustment of penitentiary personnel.....717

Alymov D.V., Lotoreva E.A., Kizilova M.A., Skorkina V.G., Presnyakova S.S. * Criminalistic aspects of overcoming resistance to external investigation..... 722

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Qualification of crimes in the field of cybersecurity: problems and trends 729

Iovenko A.R. * Problems of qualification of crimes committed by government officials in the field of justice 737

Kupryashin V.S., Petrov A.A., Moiseeenko M.I. * Criminal procedural exceptions within the criminal procedure code of the Russian Federation: implementation of the principle of procedural economy and the special procedure for deferred evidence verification 744

Самогин А.С., Старцева Д.А. * Некоторые проблемы квалификации умышленного уничтожения чужого имущества как преступного деяния 754

Викторов А.О. * Профессиональная правовая культура сотрудников УИС при ограничении прав осужденных в условиях режима особых условий..... 759

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Проблематика расследования преступлений мошеннической направленности с вовлечением несовершеннолетних.....765

Казберов П.Н. * Аспекты знаний об авитальном поведении осужденных 770

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Семенов А.А., Гончар В.В. * Развитие и архитектурные особенности рекуррентных и спайковых нейросетей.....775

Маркаров М.Д. * Пределы усмотрения оператора информационной системы при установлении правил осуществления цифровых прав 785

Нежинская К.С. * Основные аспекты кибербезопасности в деятельности сотрудников МВД современного правового государства 791

Орешникова К.С. * Правовое регулирование цифрового суверенитета.....796

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Цифровизация социального обеспечения: доступ к услугам и защита данных 801

Беззатеева В.С. * Процессуальная достоверность цифровых доказательств в риск-ориентированной модели закрепления и оценки 806

Демидов К.С. * Особенности использования смарт-контрактов при трансграничной торговле в странах ЕАЭС.....810

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Бондарева Е.В., Стародумов Л.Л. * Определение расчетных отметок уровня моря.....816

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Самигуллин В.К. * Правопорядок в дискурсе культуры 824

Сорокина Н.И., Рахимова Т.Р., Степанов Р.И., Макарова Т.Н., Волкова С.А. * Синонимические ресурсы разносистемных языков: семантико-стилистическая и синтагматическая организация..... 829

Дьякова Н.В., Черных Н.М. * Опасная иллюзия: как кинематограф искажает образ серийного преступника и влияет на восприятие угрозы.....837

Викторов А.О. * Правовая культура сотрудников УИС при взаимодействии с адвокатами и представителями осужденных.....843

Кириллова Т.К., Сосновский Е.С. * Правовая культура в условиях развития искусственного интеллекта.....849

Королева Л.А., Халатян Р.Ф. * О ‘Категориях английского мышления’ на примере английской лексики: ‘Диалог’ Людвига Витгенштейна и Макса Шелера 854

Samogin A.S., Startseva D.A. * Some problems of qualifying intentional destruction of another’s property as a criminal act.....754

Viktorov A.O. * Legal culture of the UIS employees when interacting with lawyers and representatives of convicted persons.....759

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Problems of investigating fraud-related crimes involving minors..... 765

Kazberov P.N. * Aspects of knowledge about the avital behavior of convicts.....770

DIGITAL LAW

Semenov A.A., Gonchar V.V. * Development and architectural features of recurrent and spiking neural networks 775

Markarov M.D. * Limits of discretion of the information system operator in establishing rules for the exercise of digital rights 785

Nezhinskaya K.S. * Main aspects of cybersecurity in the activities of ministry of internal affairs employees in a modern legal state.....791

Oreshnikova K.S. * Legal regulation of digital sovereignty 796

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Digitalization of social security: access to services and data protection..... 801

Bezzateeva V.S. * Processual validity of digital evidence in a risk-oriented model of consolidation and evaluation 806

Demidov K.S. * Features of using smart contracts in cross-border trade in the EAEU countries.....810

ENVIRONMENTAL LAW

Bondareva E.V., Starodumov L.L. * Determination of design sea level elevations.....816

HISTORY AND CULTURE

Samigullin V.K. * Legal order in the discourse of culture.....824

Sorokina N.I., Rakhimova T.R., Stepanov R.I., Makarova T.N., Volkova S.A. * Synonymous resources of languages of different systems: semantic-stylistic and syntagmatic organization.....829

Dyakova N.V., Chernykh N.M. * A dangerous illusion: how cinema distorts the image of a serial killer and influences perceptions of threat.....837

Viktorov A.O. * Professional legal culture of penal system employees when restricting the rights of convicts under special conditions.....843

Kirillova T.K., Sosnovsky E.S. * Legal culture in the context of artificial intelligence development 849

Koroleva L., Khalatyan R. * A ‘Categorical table of the English mind’ with special reference to english lexica: a ‘Dialogue’ between Ludwig Wittgenstein and Max Scheler 854

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-15-21

НИКОЛАЕВА Юлия Валентиновна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы противодействия коррупции в Российской Федерации в контексте стратегических приоритетов национальной безопасности. Обосновывается, что коррупция и коррупционные преступления выступают не только формой должностной или экономической преступности, но и системной угрозой устойчивости публичного управления, бюджетной дисциплине, конкуренции, социальному доверию и реализации национальных целей развития. Сделан вывод о необходимости перехода от преимущественно отчетной модели противодействия коррупции к риск-ориентированной модели, встроенной в систему обеспечения национальной безопасности.*

Ключевые слова: *коррупция, коррупционные преступления, национальная безопасность, экономическая безопасность, государственная служба, конфликт интересов, взяточничество, коммерческий подкуп, контроль расходов.*

NIKOLAEVA Yulia Valentinovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Public Law, Faculty of Law Financial University under the Government of the Russian Federation

ANTI-CORRUPTION ISSUES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY PRIORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the challenges of combating corruption in the Russian Federation in the context of strategic national security priorities. It is argued that corruption and corruption-related crimes are not only a form of official or economic crime, but also a systemic threat to the stability of public administration, budget discipline, competition, social trust, and the implementation of national development goals. It is concluded that it is necessary to transition from a predominantly reporting-based anti-corruption model to a risk-based model integrated into the national security system.*

Key words: *corruption, corruption crimes, national security, economic security, civil service, conflict of interest, bribery, commercial bribery, cost control.*

Коррупция остается одной из наиболее устойчивых угроз российскому правопорядку. Ее общественная опасность не исчерпывается фактом незаконного вознаграждения должностного лица или размером причиненного имущественного ущерба. В современных условиях коррупция подрывает доверие к государству, снижает качество публичных услуг, искажает бюджетные решения, ограничивает конкуренцию, создает неравный доступ к административным ресурсам и препятствует достижению национальных целей развития. Поэтому исследование коррупции только как совокупности отдельных преступлений является недостаточным: она должна рассматриваться как сквозная угроза национальной безопасности.

Конституционные основы антикоррупционной политики вытекают из принципов правового государства, равенства перед законом и судом, законности деятельности публичной власти и обязанности государства обеспечивать права и свободы человека. [1] Стратегия национальной безопасности РФ закрепляет систему стратегических национальных приоритетов, включая сбережение народа, оборону страны, государственную и общественную безопасность, информационную и экономическую безопасность, научно-технологическое развитие, экологическую безопасность, защиту традиционных ценностей и стратегическую стабильность. [2] Коррупция затрагивает каждый из этих приоритетов, поскольку способна деформировать само принятие управленческого решения.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» определяет коррупцию через злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями и иное незаконное использование должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды. [3] Это определение важно для правоприменения, однако в научном анализе коррупция должна пониматься шире - как институциональная деформация публичной власти и служебных отношений. Б.В. Волженкин справедливо указывал, что коррупция опасна превращением власти в объект купли-продажи: публичная функция начинает обслуживать частный интерес, а управленческое решение утрачивает легитимное основание. [4] С.В. Максимов рассматривал коррупцию как явление, возникающее на пересечении служебного усмотрения, слабого контроля и личной выгоды, подчеркивая, что борьба с коррупцией невозможна без устранения организационных причин ее воспроизводства. [5] В. В. Лунеев связывал коррупционную преступность с высокой латентностью и предупреждал, что официальная статистика отражает прежде всего выявленную часть коррупционных практик, а не их реальный масштаб. [6]

Криминологический подход позволяет увидеть, что коррупция не является исключительно индивидуальным дефектом должностного лица. Н. Ф. Кузнецова, анализируя криминологическую детерминацию, показывала зависимость преступного поведения от социальных, организационных и правовых условий. [7] Применительно к коррупции это означает: преступление становится вероятным там, где имеются непрозрачные процедуры, избыточное усмотрение, зависимость гражданина или бизнеса от чиновника, слабая проверяемость решений и терпимость к «неформальным услугам». А.И. Долгова также подчеркивала необходимость анализа социальной среды, в которой коррупционное поведение становится устойчивой практикой. [8] Следовательно, коррупция представляет угрозу национальной безопасности не только тогда, когда образует состав преступления. Она опасна уже на уровне коррупционного риска, конфликта интересов, аффилированности, административного покровительства, кадрового протекционизма, неформального влияния на закупки, бюджетные решения и контрольные процедуры. Именно поэтому антикоррупционная политика должна быть межотраслевой: уголовно-правовые меры необходимы, но они не заменяют профилактику, финансовый контроль, прозрачность управления и ответственность организаций.

Российская система противодействия коррупции включает несколько взаимосвязанных блоков. Базовым является Федеральный закон N 273-ФЗ, который закрепляет принципы противодействия коррупции, меры предупреждения, требования к предотвращению и урегулированию конфликта интересов, ограничения и запреты для публичных служащих, обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции. [3]

Стратегический блок представлен Национальной стратегией противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. N 460, и Национальным планом противодействия коррупции на 2021-2024 годы. [9; 10] Цель Национальной стратегии сформулирована как искоренение причин и условий, порождающих коррупцию. Данная цель имеет принципиальное значение: эффективная антикоррупционная политика должна воздействовать не только на последствия, но и на

детерминанты коррупции.

Уголовно-правовой блок охватывает нормы о коммерческом подкупе, посредничестве в коммерческом подкупе, мелком коммерческом подкупе, злоупотреблении полномочиями, получении и даче взятки, посредничестве во взяточничестве, мелком взяточничестве, служебном подлоге и иных смежных деяниях. [11] Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях имеют особую роль, поскольку обеспечивают единообразное понимание предмета взятки, момента окончания преступления, посредничества, вымогательства, освобождения от ответственности и разграничения смежных составов. [12]

Финансово-контрольный блок выражен в контроле расходов публичных должностных лиц и иных лиц, обязанность которых установлена законом. Федеральный закон N 230-ФЗ предусматривает механизм сопоставления расходов с доходами и обращения имущества в доход государства при отсутствии подтверждения законности его приобретения. [13] Данный инструмент важен потому, что коррупция часто проявляется не столько в моменте передачи вознаграждения, сколько в последующем накоплении необъяснимых активов.

Закупочный и бюджетный блок представлен законодательством о контрактной системе и закупках отдельными видами юридических лиц. [14] Именно закупки, субсидии, государственное имущество, концессии, государственно-частное партнерство и исполнение государственных программ являются зонами повышенного коррупционного риска. Наконец, законодательство о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, позволяет выявлять и пресекать финансовую инфраструктуру коррупционных доходов. [15; 16]

Коррупционные преступления обладают многообъектной природой. Они посягают на нормальную деятельность органов власти и организаций, авторитет государственной и муниципальной службы, интересы граждан, бюджетную дисциплину, конкуренцию и устойчивость экономического оборота. Получение взятки означает незаконную приватизацию публичной функции; дача взятки поддерживает спрос на коррупционные решения; посредничество формирует инфраструктуру коррупционного обмена; мелкое взяточничество нормализует повседневную коррупцию; коммерческий подкуп поражает корпоративную и частно-публичную сферу.

Особенно значимым является коррупционное влияние на реализацию государственных программ и национальных проектов. В здравоохранении оно снижает доступность и качество помощи; в образовании - разрушает равенство возможностей; в оборонном заказе - способно повлечь угрозы обороноспособности; в строительстве и инфраструктуре - приводит к удорожанию, низкому качеству и срыву сроков; в научно-технологической сфере - препятствует распределению ресурсов по критериям эффективности и компетентности. Н. А. Лопашенко при анализе преступлений в сфере экономики указывает, что уголовно-правовая охрана экономических отношений должна учитывать не только имущественный ущерб, но и нарушение нормального порядка хозяйственной деятельности. [17] Этот вывод полностью применим к коррупции: ее вред состоит не только в размере взятки, но и в подмене правового порядка неформальным доступом к ресурсам.

Официальные данные также подтверждают актуальность проблемы. По сообщениям, основанным на данных Генеральной прокуратуры, в 2024 году было выявлено 38,5 тыс. коррупционных преступлений, что больше показателя 2023 года; в первом квартале 2025 года рост выявления продолжился. [18] Эти цифры нельзя толковать однозначно: рост может свидетельствовать как об увеличении коррупционной активности, так и об улучшении выявляемости. Однако масштаб зарегистрированных деяний показывает, что коррупция остается устойчивым вызовом для национальной безопасности.

Первая проблема - латентность коррупции. В отличие от многих иных преступлений, коррупционная сделка часто выгодна обеим сторонам. Заявитель отсутствует или сам заинтересован в сокрытии деяния. Вознаграждение маскируется под подарок, заем, консультационные услуги, трудоустройство родственника, оплату поездки, благотворительность, спонсорство, гражданско-правовой договор. Поэтому статистика выявленных преступлений не может служить единственным показателем эффективности.

Вторая проблема - формализация профилактики. Антикоррупционные планы, кодексы этики, положения о конфликте интересов и обучающие мероприятия часто существуют как отчетные документы, но не как реально действующие механизмы управления риском. П. А. Кабанов обоснованно рассматривает антикоррупционный мониторинг как диагностический инструмент, позволяющий оценивать причины коррупции и результативность принимаемых мер. [19] Без мониторинга профилактика превращается в набор формальных процедур.

Третья проблема - конфликт интересов. Его трудность заключается в том, что частная заинтересованность не всегда выражается в прямой денежной выгоде. Она может быть связана с родственными, корпоративными, карьерными, образовательными, земляческими или иными устойчивыми связями. Опасность конфликта интересов состоит в том, что публичное решение внешне может быть законным, но фактически обслуживать частную группу.

Четвертая проблема - закупочные риски. Электронные процедуры и открытые реестры снижают возможности прямого контакта, но не устраняют коррупцию полностью. Она смещается на стадии планирования потребности, подготовки технического задания, обоснования цены, определения критериев оценки, изменения контракта и приемки результата. Поэтому закупочный контроль должен быть не только процедурным, но и содержательным: необходимо анализировать экономическую обоснованность, аффилированность, повторяемость победителей, структуру субподрядов и качество исполнения.

Пятая проблема - недостаточность контроля активов. Коррупционный доход редко сохраняется в форме наличных денег. Он превращается в недвижимость, транспорт, доли в бизнесе, дорогие услуги, цифровые активы, имущество родственников и доверенных лиц. Поэтому контроль расходов должен развиваться вместе с финансовым мониторингом, налоговыми данными, регистрами имущества и механизмами выявления бенефициарного владения.

Шестая проблема - пределы уголовно-правовой репрессии. Уголовное право необходимо для реакции на наиболее опасные формы коррупции, но оно не способно заменить качественное управление. Б. В. Волженкин справедливо подчеркивал необходимость сочетания предупредительных и уголовно-правовых мер. [20] Если коррупционные условия сохраняются, уголовное преследование отдельных лиц не разрушает систему коррупционного обмена. Кроме того, сохраняются сложные вопросы квалификации: разграничение взятки и подарка, коммерческого подкупа и законного вознаграждения, злоупотребления полномочиями и дисциплинарного проступка, посредничества и информационного содействия.

Седьмая проблема - защита заявителей. Без гарантий от увольнения, давления, репутационного преследования и служебной изоляции лица, располагающие информацией о коррупции, часто предпочитают молчание. Между тем именно внутренние сообщения позволяют выявлять сложные схемы, недоступные внешнему контролю. Поэтому защита заявителей должна рассматриваться как элемент национальной безопасности, а не как второстепенная кадровая процедура.

Первым направлением является переход к риск-ориентированной модели. Каждый орган власти, государственная компания и организация с публично значимыми функциями должны иметь не формальный план, а карту коррупционных рисков: закупки, субсидии, разрешения, лицензии, контрольные мероприятия, приемка работ, управление имуществом, доступ к данным, кадровые решения. Для каждого риска должны определяться меры контроля, ответственные лица, цифровой след, периодичность аудита и индикаторы результата.

Второе направление - включение антикоррупционного анализа в стратегическое планирование. Государственная программа или национальный проект должны оцениваться не только по финансовым и отраслевым показателям, но и по коррупционной уязвимости: структуре закупок, распределению полномочий, числу посредников, уровню усмотрения, порядку приемки результата и прозрачности отчетности.

Третье направление - развитие цифрового антикоррупционного анализа. Цифровизация должна выявлять аномалии: повторяемость поставщиков, совпадение учредителей, резкое изменение цены, необычные условия контрактов, концентрацию побед у одного круга компаний, признаки аффилированности, несоответствие расходов доходам. Однако цифровые инструменты должны быть проверяемыми, защищенными от манипуляций и подчиненными правовым гарантиям.

Четвертое направление - усиление контроля расходов и бенефициарного владения. Необходимо учитывать не только формальное право собственности, но и фактический контроль над активами. Особое значение имеют имущество родственников и доверенных лиц, корпоративные структуры, иностранные активы, цифровые права, криптовалютные инструменты и дорогостоящие потребительские расходы.

Пятое направление - повышение качества уголовно-правовой реакции. Приоритетом должны быть не только мелкие эпизоды, но и системные коррупционные схемы в бюджетной, закупочной, оборонной, инфраструктурной, природоресурсной и финансовой сферах. Неизбежность ответственности должна сочетаться с точной квалификацией и недопущением избирательного применения уголовного закона.

Шестое направление - развитие ответственности организаций. Статья 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» закрепляет обязанность организаций

принимать меры по предупреждению коррупции. [3] Эта обязанность должна наполняться реальным содержанием: проверка контрагентов, правила подарков, каналы сообщений, внутренние расследования, аудит закупок, контроль конфликта интересов, обучение работников и дисциплинарная практика.

Седьмое направление - институциональная увязка антикоррупционных мер с кадровой политикой. Коррупция часто закрепляется не только через разовые сделки, но и через устойчивые кадровые практики: зависимость подчиненных от руководителя, отсутствие ротации на коррупциогенных участках, неформальное покровительство, продвижение по признаку лояльности, а не профессиональной компетентности. Поэтому антикоррупционная работа должна включать проверяемые критерии назначения, конкурсные процедуры, регулярную оценку должностей повышенного риска, ограничение длительного пребывания на наиболее чувствительных участках и персональную ответственность руководителей за игнорирование сигналов о конфликте интересов.

Восьмое направление - развитие общественного и профессионального контроля. Национальная безопасность не может обеспечиваться только внутренними ведомственными механизмами. В сферах закупок, градостроительства, природопользования, социальной поддержки, здравоохранения и образования необходимы публичные данные, позволяющие экспертному сообществу, общественным организациям, журналистам и профессиональным объединениям проверять обоснованность решений. При этом открытость должна сочетаться с защитой персональных данных, государственной тайны и иной охраняемой законом информации. Смысл такого контроля состоит не в замене государства обществом, а в создании дополнительного контура выявления аномалий и предотвращения коррупционного захвата управленческих процедур.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что коррупция и коррупционные преступления являются комплексной угрозой национальной безопасности РФ. Они подрывают не только законность и авторитет публичной службы, но и экономическую устойчивость, бюджетную дисциплину, социальную справедливость, обороноспособность, качество государственных услуг и доверие общества к институтам власти. Российское законодательство сформировало развитую систему противодействия коррупции: уголовную ответственность, профилактические запреты и ограничения, контроль расходов, финансовый мониторинг, закупочные процедуры, антикоррупционную экспертизу, комплаенс организаций и судебные разъяснения. Однако эффективность этой системы ограничивают латентность коррупции, формализация профилактики, слабая риск-ориентированность, сложность выявления конфликта интересов, недостаточная защита заявителей, закупочные риски и трудности контроля активов.

В контексте приоритетов национальной безопасности наиболее перспективным является переход от отчетно-репрессивной модели к модели управляемого антикоррупционного риска. Такая модель должна соединять уголовно-правовую неизбежность ответственности с профилактикой, цифровой аналитикой, финансовым контролем, прозрачностью публичных процедур, защитой заявителей и реальной ответственностью организаций. Только в этом случае противодействие коррупции будет не формальным направлением правовой политики, а институциональным условием национальной безопасности Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.05.2026).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения: 02.05.2026).

[3] Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» : в действ. ред. Ст. 1 // Собрание законодательства РФ. 2008. N 52, ч. 1. Ст. 6228.

[4] Волженкин Б. В. Коррупция. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 7-12.

[5] Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. Москва : ЮрИнфоР, 2000. С. 15-29.

[6] Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : мировой криминологический анализ. Москва : Норма, 1997. С. 342-351.

[7] Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В. Н. Кудрявцева. Москва : Издательство Московского университета, 1984. С. 36-57.

[8] Долгова А. И. Криминология : учебник /

под ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма ; ИНФРА-М, 2010. С. 712-724.

[9] Указ Президента Российской Федерации от 13.04.2010 N 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2010. N 16. Ст. 1875.

[10] Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 N 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2021. N 34. Ст. 6170.

[11] Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст] : от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ : (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 201, 204, 204.1, 204.2, 285, 286, 290, 291, 291.1, 291.2, 292.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» : в ред. от 09.12.2025 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 9.

[13] Федеральный закон от 03.12.2012 N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : в действ. ред. // Собрание законодательства РФ. 2012. N 50, ч. 4. Ст. 6953.

[14] Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : в действ. ред. // Собрание законодательства РФ. 2013. N 14. Ст. 1652 ;

[15] Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» : в действ. ред. // Собрание законодательства РФ. 2011. N 30, ч. 1. Ст. 4571.

[16] Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» : в действ. ред. // Собрание законодательства РФ. 2001. N 33, ч. 1. Ст. 3418.

[17] Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). Москва : Волтерс Клувер, 2006. С. 41-48.

[18] Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России // РБК. URL: https://prosecutordata.rbc.ru/ (дата обращения: 02.05.2026).

[19] Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования : монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2015. С. 45-61.

[20] Волженкин Б. В. Коррупция. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998. С. 33-40.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://pravo.gov.ru/ (date of access: 02.05.2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (date of access: 02.05.2026).

[3] Federal Law of 25.12.2008 N 273-FZ “On Combating Corruption”: in current version. Art. 1 // Collection of Laws of the Russian Federation. 2008. N 52, Part 1. Art. 6228.

[4] Volzhenkin B. V. Corruption. Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, 1998. Pp. 7-12.

[5] Maksimov S. V. Corruption. Law. Responsibility. Moscow: YurInfoR, 2000. Pp. 15-29.

[6] Luneev V. V. Crime in the 20th Century: Global, Regional, and Russian Trends: A Global Criminological Analysis. Moscow: Norma, 1997. Pp. 342-351.

[7] Kuznetsova N. F. Problems of Criminological Determinancy / edited by V. N. Kudryavtsev. Moscow: Moscow University Publishing House, 1984. pp. 36-57.

[8] Dolgova A. I. Criminology: textbook / edited by A. I. Dolgova. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma; INFRA-M, 2010. pp. 712-724.

[9] Decree of the President of the Russian Federation of 13.04.2010 N 460 “On the National Anti-Corruption Strategy and the National Anti-Corruption Plan for 2010-2011” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. N 16. Art. 1875.

[10] Decree of the President of the Russian Federation of 16.08.2021 N 478 “On the National Anti-Corruption Plan for 2021-2024” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. N 34. Art. 6170.

[11] Criminal Code of the Russian Federation [Text]: of June 13, 1996 N 63-FZ: (as amended on June 10, 2026, as amended on June 29, 2026) //

Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 25. — Art. 201, 204, 204.1, 204.2, 285, 286, 290, 291, 291.1, 291.2, 292.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 N 24 “On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes”: as amended. from 09.12.2025 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. N 9.

[13] Federal Law of 03.12.2012 N 230-FZ “On Control over Compliance of Expenses of Persons Holding Government Positions and Other Persons with Their Income”: in current version // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. N 50, Part 4. Art. 6953.

[14] Federal Law of 05.04.2013 N 44-FZ “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs”: in current version // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. N 14. Art. 1652 ;

[15] Federal Law of 18.07.2011 N 223-FZ “On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities”: in current version // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. N 30, Part 1. Art. 4571.

[16] Federal Law of 07.08.2001 N 115-FZ “On Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism”: in current version // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. N 33, Part 1. Art. 3418.

[17] Lopashenko N.A. Crimes in the Sphere of Economics: Author’s Commentary on the Criminal Law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation). Moscow: Wolters Kluwer, 2006. Pp. 41-48.

[18] The Prosecutor General’s Office disclosed data on corruption in Russia // RBC. URL: https://prosecutordata.rbc.ru/ (date accessed: 02.05.2026).

[19] Kabanov P. A. Anti-corruption monitoring in the constituent entities of the Russian Federation: issues of theory and practice of legal regulation: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. pp. 45-61.

[20] Volzhenkin B. V. Corruption. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation, 1998. pp. 33-40.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-22-28

МИРОШНИК Светлана Валентиновна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Университета правосудия им. В.М. Лебедева,

e-mail: miroshnik@mail.ru

ВЛАСОВА Татьяна Валентиновна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Университета правосудия им. В.М. Лебедева,

e-mail: t_vlasova@list.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Анализируются роль и значение национальной идеи в государственно-правовом пространстве России в контексте ее исторического развития. Методологию исследования составили диалектико-материалистический, историко-правовой, логический, формально-юридический методы познания. Сформулировано авторское определение национальной идеи, раскрыто соотношение национальной идеи и государственной идеи, установлена важность правового закрепления национальной идеи, выступающей основой конституционной идентичности, отражающей стремление политически организованного общества сохранить свою самобытность и неповторимость, передать будущим поколениям сложившиеся традиционные ценности. Сделан вывод о юридической многоаспектности национальной идеи, возможности ее объективирования как фундаментальной концепции развития российского государства, отражающей общие для всех народов ценности, выполняющей роль духовной основы формирования и развития правовой системы, явления правосознания в его видовом многообразии, нашедшей закрепление в правовых регуляторах, внешнее выраженных в различных формах права.*

Ключевые слова: *национальная идея; государственная идея; государственная идеология; правовая идеология; конституционная идентичность; государство; право; конституция; традиционные ценности; правосознание.*

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

MIROSHNIK Svetlana Valentinovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power Lebedev University of Justice

VLASOVA Tatiana Valentinovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power Lebedev University of Justice

THE NATIONAL IDEA: FROM THE PAST TO THE PRESENT (STATE-LEGAL ASPECT)

Annotation. *The article analyzes the role and significance of the national idea in the state-legal space of Russia in the context of its historical development. The research methodology consists of dialectical-materialistic, historical-legal, logical, formal-legal methods of cognition. Based on a critical comprehensive understanding of a number of doctrinal sources, the author's definition of the national idea is formulated, the correlation of the national idea and the state idea is revealed, the importance of the legal consolidation of the national idea, which is the basis of constitutional identity, reflecting the desire of a politically organized society to preserve its identity and uniqueness, to pass on to future generations the established traditional values, is established. The conclusion is made about the legal multidimensional nature of the national idea, the possibility of objectifying it*

as a fundamental concept of the development of the Russian state, reflecting the values common to all peoples, serving as the spiritual basis for the formation and development of the legal system, the phenomenon of legal awareness in its diversity, which has been consolidated in legal regulators, externally expressed in various forms of law.

Key words: *national idea; state idea; state ideology; legal ideology; constitutional identity; state; law; constitution; traditional values; legal awareness*.

Национальная идея - сложное многогранное явление, которое привлекает внимание представителей различных научных направлений. Она интересна для философов, историков, политологов, экономистов.

Представители экономической науки, в частности, обосновывают необходимость государственного вмешательства в экономическую сферу. Без этого решение задач «общенационального или общечеловеческого уровня будет совершенно невозможно» [1, с. 4420]. В связи с этим, по их мнению, необходима выработка новых принципов государственного управления, не только формирующих основы эффективных экономических моделей, но и позволяющих воплотить национальные ценности в законах, в том числе о государственном бюджете. Так, например, Г.А. Шкиренко пишет о новых ориентирах постиндустриальной экономики, задачей которой является не только производство экономических благ, но и достижение целого ряда неэкономических целей: «на первый план должна выдвигаться этическая значимость экономической деятельности. Такая экономика – это область духовной и социальной жизни, которая должна способствовать не анализу экономических результатов, а достижению гармоничного развития социума, развитию человека и его культуры» [2, с. 104].

С.А. Осипова отмечает, что национальная идея «с позиции политологии представляет собой единую систему базовых идейно-политических и национальных ценностей, взглядов и идеалов», выступает как особая форма общественного самосознания [3].

И.А. Кацапова анализирует основополагающий смысл понятия «национальная идея» через призму исторического и теоретического опыта, подчеркивая значимость философии права, позволяющей дать философское видение, обоснование соотношения права, политики и морали [4].

Исследование особенностей национальной идеи будет неполным без учета позиций представителей психологических наук. Так, например,

А.В. Юревич обращает внимание на то, что «национальная идея задает коллективный смысл существования нации, проецирующийся и на уровень индивидуальных смыслов» [5, с. 6], она выполняет ряд важнейших функций, в частности, смысложизненную, идентификационную, консолидирующую, программную, конструкционистскую (формирование образов будущего и др.) и компенсаторную («психологическое облегчение тягот повседневной жизни») [5, с. 10]. В. Ивановский акцентирует внимание на важности осмысления прошлого, т.к. только его системное восприятие позволит понять «к чему мы хотим прийти, к какому светлому будущему и какова в этом всем наша роль» [6].

Как мы видим, национальная идея имеет многоаспектный характер, объективно требующий использования междисциплинарного подхода к ее изучению.

В связи с этим авторами настоящей статьи ставится цель – используя философский принцип комплексного подхода в научном исследовании раскрыть национальную идею в государственно-правовом аспекте, выделив ее отличительные признаки, функции и роль в государственном строительстве.

Для достижения обозначенной цели предполагается провести историко-правовой анализ возникновения и развития представлений о национальной идее в России, выделить ее особенности, исследовать в контексте современной конституционной идентичности.

Национальная идея, отражая сложившуюся систему ценностей, имеет конкретно-исторический характер. Она развивается вместе с обществом и государством, находя отражение не только в соответствующих правовых актах, но и в национальном фольклоре, произведениях искусства и литературы. Достаточно вспомнить «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», призывающих к объединению русских земель [7, с. 23-24].

Существенное влияние на формирование национальной идеи имеет степень религиозности общества, характер взаимоотношений светской и церковной властей. Например, многие отечественные национальные идеи имели ярко выраженную христианскую направленность. Идея «Святой Руси», заложенная митрополитом Иларионом в литературном памятнике XI в. «Слово о законе и благодати», утверждала особое

призвание Руси в семье христианских народов. Ее продолжением стала доктрина «Третьего Рима», возникновение которой было обусловлено политической ситуацией, сложившейся в России в конце XVI в., стремлением обосновать права Русской Церкви на патриаршество [8, с. 10-11]. В Уложенной грамоте 1589 г. Российское царство уподоблялось Ромейскому царству. Однако в дальнейшем, благодаря направлению выходных записей Годуновских Псалтирей, составленных лицами, близкими к патриарху и царскому двору, в наиболее известные и крупные книгописные центры российского государства, Третий Рим стал ассоциироваться с Москвой [8, с. 14], что, несомненно, способствовало внутреннему укреплению российского государства.

Ученые прошлого и настоящего по-разному оценивают идею «Третьего Рима», но трудно не согласиться с позицией Е.А. Бауэр, отмечающей тесное переплетение в данной концепции государственного и церковного начал, их роль в формировании идеологии московского самодержавия [9, 125].

Само понятие «национальная идея» появилось в России в XIX в. Существенную роль в ее осмыслении сыграли славянофилы, исходившие из особой миссии русского народа и русской цивилизации в построении справедливого мироустройства на Земле. Одним из первых через формулу «соборного спасения во Христе» сформулировал русскую национальную идею А.С. Хомяков [10, с. 39-56]. В.С. Соловьев писал о русской идее, необходимости «положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [11].

При этом следует отметить, что наряду с идеей признания русского народа единственным хранителем и носителем православной веры, обреченным на страдание во имя спасения человечества, появлялись и получали достаточно широкое распространение прямо противоположные взгляды, полностью отрицавшие русскую национальную идею.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года ознаменовала победу идеи построения бесклассового коммунистического общества. Лейтмотивом правового регулирования стало построение новых правоотношений, основанных на положениях научного коммунизма, преемственности принципов организации конституционного устройства, соблюдении верности революционным традициям. При этом следует подчеркнуть, что построение социализма и коммунизма стало целью не только Советского Союза, но и многих других стран. Национальная идея стала международной.

Удивительно, но дореволюционная национальная идея, строящаяся на соборности, элементах языческого уважения к природе [12, с. 74], и послереволюционная, проникнутая духом атеизма, классовой борьбы, единства «братских» народов, имели общие черты, выражающиеся в отрицании индивидуализма, утверждении коллективизма и определенных ценностей.

Становление современной национальной идеи осуществляется в сложных условиях противодействия Востока и Запада, повышения социальной напряженности в обществе, не всегда удачного диалога между различными социальными слоями. Современному российскому обществу важно познать смысл своего существования, осознать собственное место в системе международных правоотношений, что невозможно без теоретического осмысления самого понятия «национальная идея». При этом, как точно замечает В. Ивановский, для того, «чтобы это происходило необходимо соблюдение нескольких условий, важнейшим из которых неразорванность, недискретность истории». В условиях постоянного отрицания предыдущего «вырабатывать национальную идею очень сложно, потому что каждый раз мы возвращаемся к банальным Иванам, которые не помнят своего родства» [6].

В контексте государственно-правового исследования национальная идея может быть рассмотрена в нескольких аспектах. Во-первых, на эмоциональном и чувственном уровнях она находит ответ в сознании человека: у индивида в результате ее осмысления формируются определенные правовые чувства, эмоции, установки и ценностные ориентации. Она становится его духовным благом, жизненной необходимостью, порождая соответствующие положительные правовые переживания.

Во-вторых, на рациональном (обоснованном, осмысленном) уровне национальная идея как совокупность систематизированных научных взглядов становится центром правовой идеологии. Она оказывается решающим фактором в формировании правовой воли субъектов правоотношений, содержательно определяя их целевую направленность на воплощение национальной идеи в реальной жизни.

Правосознание оказывается тем ключевым фактором, который из множества сталкивающихся в обществе идей выбирает единый концепт, выражающий значимые интересы индивидов с учетом их духовно-культурной и ментальной составляющей. Вне правосознания,

способного ее осмыслить и оценить, перевести на уровень конкретной деятельности, национальная идея лишается социального предназначения.

Обращает на себя внимание и тот немаловажный факт, что национальная идея объективируется в правосознании во всем видовом его многообразии - коллективном, групповом, индивидуальном. У человека определенной социальной группы формируются не только чувства, эмоции, но и понимание значимости народного единства, необходимости защиты традиционных ценностей, своего места в этом процессе. Данные представления определяют характер деятельности субъекта - чем выше уровень правосознания индивида или группы лиц, тем крепче убеждения в значимости национальной идеи, необходимости максимально возможного участия в ее реализации. В связи с этим представляется весьма интересной позиция В.Ю. Мельникова, предлагающего рассматривать национальную идею как форму конституционной правовой идеологии государства [13, с. 95].

Все более очевидным становится тот факт, что государство не может успешно функционировать и развиваться без идеологии, она – важнейший атрибут единой политической организации общества, его «душа». Национальная идея, в свою очередь, ценность, образующая прочный фундамент государственной идеологии, но она сможет реализовать свою консолидирующую функцию только в том случае, если станет результатом достижения социального компромисса - теоретического осмысления и практического согласования различных общественных интересов.

Соотношение национальной идеи и государственной идеи

Представленное исследование будет неполным без системного анализа соотношения национальной идеи и государственной идеи.

По этому поводу в науке высказаны разные точки зрения. Так, например, по мнению В.А. Тураева они не могут рассматриваться как равнозначные. Национальная идея государства динамична и подвижна, будучи результатом творчества политической элиты, направлена на консолидацию всех граждан для достижения поставленных целей [14, с. 8]. В свою очередь национальная идея народа является продуктом «родной культуры в ее историческом развитии, она живет во все времена, при всех политических режимах» [14, с. 8-9], способствуя сохранению «этноса, его самобытной культуры, его неповторимого «я» [14, с. 8]. Поэтому, полагает ученый, национальные идеи государства могут существенно различаться, а национальные идеи народов, по своей сути единые, «остаться самим собой» [14, с. 9].

Схожую позицию занимает И.Б. Орлов, рассматривая под национальной идеей идею народа в этническом значении, а под государственной – «совокупность политических, юридических, социальных и экономических принципов, на которых основывается государство» [15, с. 81].

С.А. Осипова, исследуя вопрос соотношения государственной и национальной идей, отмечает, что если «говорить о национальной идеи с позиции политической безопасности, то размывается значимая грань между понятиями «национальная идея» и «государственная идея», они представляются практически синонимами» [3].

Думается, что соотношение национальной и государственной идеи носит сложный характер. В период национально-освободительных войн они не только не совпадают, но и являются содержательно прямо противоположными. В условиях демократического режима, напротив, выступают двумя сторонами одной медали: национальная идея отражает духовную сторону жизни народа, выступая ориентиром для государственной идеи, определяющей основные направления развития политически организованного общества. Иными словами, государственная идея является своеобразным «планом», «дорожной картой» реализации национальной идеи. В этом контексте они совпадают.

Государственную идею можно обозначить как путь государства, его социальное предназначение, определение места в сегодняшнем глобальном мире. Но движение вперед немыслимо без сохранения своей национально-культурной или конституционной идентичности, выработки новых правовых идей, оказывающих реальное воздействие на сознание и поведение субъектов правоотношений посредством формирования у них устойчивого восприятия себя как части целого общества, воспитания уважительного отношения к обычаям и традициям многонационального российского народа.

На основании изложенного представляется, что и национальная идея, и государственная идея нацелены на обеспечение независимого существования и развития политически организованного духовно богатого общества, сохраняющего свои исторические корни и передающего из поколения в поколение проверенные временем, практикой общественной и государственной жизни традиционные ценности. Творчески синтезируясь, они находят свое достойное место в государственной идеологии.

Национальная идея и ее официальное признание

Правовое регулирование как целенаправленный процесс не может быть эффективным «вне системы тех идей и ценностей, которые и задают цели такого воздействия, выражают социальную и специально-юридическую ценность права как уникальной системы социального регулирования» [16, с. 32].

Особую роль в этом играет Конституция России, что обусловлено ее мировоззренческим воздействием, связанным с фиксацией определенной идеологии, с одной стороны, и обращенной к гражданам ориентационно-воспитательной составляющей с другой [17]. Достаточно вспомнить преамбулу, закрепляющую принадлежность человека к «многонациональному народу, соединенному общей судьбой на своей земле» [18]. Важно, что в данном особом правовом акте первичного учредительного характера закреплена конституционная идентичность, означающая признание государством своего прошлого, наличие у него своих идеалов и фундаментальных основ общественного устройства [19, с. 17]. Понимание этого крайне важно для научного планирования дальнейшего конституционного развития российского государства, его практического воплощения с учетом диалектической связи прошлого, настоящего и будущего, требующих слаженной работы всех конституционно значимых государственно-правовых институтов.

В.Д. Зорькин отмечает, что идентичность не является застывшим состоянием. Ее поиск предполагает переосмысление убеждений и идей «из исторического прошлого каждой страны» [20, с. 278] в новую эпоху. Благодаря особой «памяти народа» сохраняются и передаются из поколения в поколение традиционные ценности.

Принципы и нормы конституционного права являются краеугольным камнем правотворческого и правореализационного процессов. Государственная и национальная идея получают свою конкретизацию в различных правовых актах, среди которых декларации, стратегии, концепции – правовые документы системного, мировоззренческого характера, являющиеся формой выражения официальной правовой доктрины. В них определяются цели, задачи, принципы, основные направления дальнейшего развития государства и общества, способы достижения поставленных целей и задач. Ярким примером являются Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей [21], учитываемые сегодня при разработке и реализации правовых актов разного уровня по вопросам образования, воспитания, культуры, молодежной политики.

Национальная идея отражает стремление политически организованного общества сохранить свою самобытность и неповторимость, сберечь и передать будущим поколениям особенности национальной культуры, отстоять свое уникальное «эго» на международном уровне.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что национальная идея представляет собой сложный правовой феномен, который можно рассматривать в нескольких аспектах:

во-первых, как явление, получающее воплощение в правосознании в виде эмоций, представлений, правовых знаний, правовых ценностей, определяющее характер внутренней самостоятельности индивида и общества в целом, выполняющее роль саморегулятора в достижении определенных государственно-правовых целей;

во-вторых, как воспринятый обществом концепт, строящийся на многовековых нравственно-идейных установках, выполняющий роль духовной основы развития правовой системы, ядра государственной идеологии;

в-третьих, как правовой регулятор, получивший внешнее выражение в различных формах права, определяющий тактические и стратегические направления развития политически организованного общества.

Список литературы:

[1] Санникова Т.Д., Чижов Н.С. Национальная идея и государственное регулирование экономики: антропологический подход // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 12. С. 4411 – 4428.

[2] Шкиренко Г.А. Благосостояние индивидуальное и общественное - современные тенденции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 1. С. 102-107.

[3] Осипова С.А. Национальная идея и государственная идеология: соотношение понятий // Научный аспект. 2023. № 10. – URL: https://na-journal.ru/10-2023-politologiya/6605-nacionalnaya-ideya-i-gosudarstvennaya-ideologiya-sootnoshenie-ponyatii (дата обращения: 09.04.2026).

[4] Кацапова И.А. Русское самосознание: идея национального и универсального в праве (философско-правовой аспект). – URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/12/60758 (дата обращения: 09.04.2026).

[5] Юревич А.В. Поиск национальной идеи как психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 6-14.

[6] Психолог Валерий Ивановский

рассказал, что нужно для появления в России национальной идеи // Московская газета. 2020. 20 ноября – URL: https://mskgazeta.ru/obshchestvo/psiholog-valerij-ivanovskij-rasskazal-chto-nuzhno-dlya-poyavleniya-v-rossii-nacional-noj-idei-6416.html (дата обращения: 09.04.2026).

[7] Тищенко А.С. Генезис русской национальной идеи в отечественной литературе // Русская старина. 2021. № 12 (1). С. 20-28.

[8] Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 3(64). С. 9-17.

[9] Бауэр Е.А. Идея «Москва – третий Рим» в русской общественной мысли конца XV – начала XVII вв.: отечественная историография XX столетия: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 127 с.

[10] Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Сочинения богословские. СПб.: Наука, 1995. С. 39-56.

[11] Соловьев В.С. Русская идея // Электронная библиотека «Вехи». – URL: https://vehi.net/soloviev/russianidea.html (дата обращения: 27.03.2026).

[12] Зыкова С.В. Классификация и типология правосознания в российской юридической науке // История государства и права. 2022. № 11. С. 74-79.

[13] Мельников В.Ю. Национальная идея в форме конституционной правовой идеологии государства? // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10-1 (41). С. 95-96.

[14] Тураев В.А. Национальная идея как смысл существования и стратегия развития этноса // Россия и АТР. 2022. № 1 (115). С. 7-15.

[15] Орлов И.Б. Национальная идея России как механизм духовной мобилизации и цивилизационной идентичности // Мир и политика. 2010. № 7 (46). С. 79-85.

[16] Михайлов А.М. Правовая идеология и юридическая догматика // Genesis: исторические исследования. 2017. № 1. С. 31-52.

[17] Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 544 с. // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 25.03.2026).

[19] Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 17-19.

[20] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 448 с.

[21] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

References:

[1] Sannikova T.D., Chizhov N.S. The national idea and state regulation of the economy: an anthropological approach // Creative Economics. 2021. Vol. 15. No. 12. P. 4411 – 4428.

[2] Shkirenko G.A. Individual and social welfare - modern trends // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2014. No. 1. P. 102-107.

[3] Osipova S.A. National idea and state ideology: the relationship of concepts // Scientific aspect. 2023. № 10. – URL: https://na-journal.ru/10-2023-politologiya/6605-nacionalnaya-ideya-i-gosudarstvennaya-ideologiya-sootnoshenie-ponyatii (date of reference: 04/09/2026).

[4] Katsapova I.A. Russian identity: the idea of national and universal in law (philosophical and legal aspect). – URL: https://web.snauka.ru/issues/2015/12/60758 (date of request: 04/09/2026).

[5] Yurevich A.V. The search for a national idea as a psychological problem // Applied legal psychology. 2017. No. 1 (38). P. 6-14.

[6] Psychologist Valery Ivanovsky told what is needed for the emergence of a national idea in Russia // The Moscow newspaper. 2020. November 20 – URL: https://mskgazeta.ru/obshchestvo/psiholog-valerij-ivanovskij-rasskazal-chto-nuzhno-dlya-poyavleniya-v-rossii-nacional-noj-idei-6416.html Russian Russian Antiquity (date of reference: 04/09/2026).

[7] Tishchenko A.S. The genesis of the Russian national idea in Russian literature // Russkaya Starina. 2021. No. 12 (1). P. 20-28.

[8] Usachev A.S. On the history of the existence of the idea of the “Third Rome” in Russia in the XVI century // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church. 2015. No. 3(64). P. 9-17.

[9] Bauer E.A. The idea of “Moscow – the third Rome” in Russian public thought of the late XV – early XVII centuries: Russian historiography of the XX century: Monograph. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk Humanities. University, 2011. 127 p.

[10] Khomyakov A.S. The Church is one // Khomyakov A.S. Theological writings. St. Petersburg: Nauka, 1995. P. 39-56.

[11] Soloviev V.S. The Russian idea // The electronic library “Milestones”. – URL: https://vehi.net/soloviev/russianidea.html (date of reference: 03/27/2026).

[12] Zykova S.V. Classification and typology of legal awareness in Russian jurisprudence // History of the State and law. 2022. No. 11. P. 74-79.

[13] Melnikov V.Y. The national idea in the form of the constitutional legal ideology of the state? // International Scientific Research Journal. 2015. No. 10-1 (41). P. 95-96.

[14] Turaev V.A. The national idea as the meaning of existence and the development strategy of an ethnic group // Russia and the Asia-Pacific Region. 2022. No. 1 (115). P. 7-15.

[15] Orlov I.B. The national idea of Russia as a mechanism of spiritual mobilization and civilizational identity // Peace and politics. 2010. No. 7 (46). P. 79-85.

[16] Mikhailov A.M. Legal ideology and legal dogmatics // Genesis: historical research. 2017. No. 1. P. 31-52.

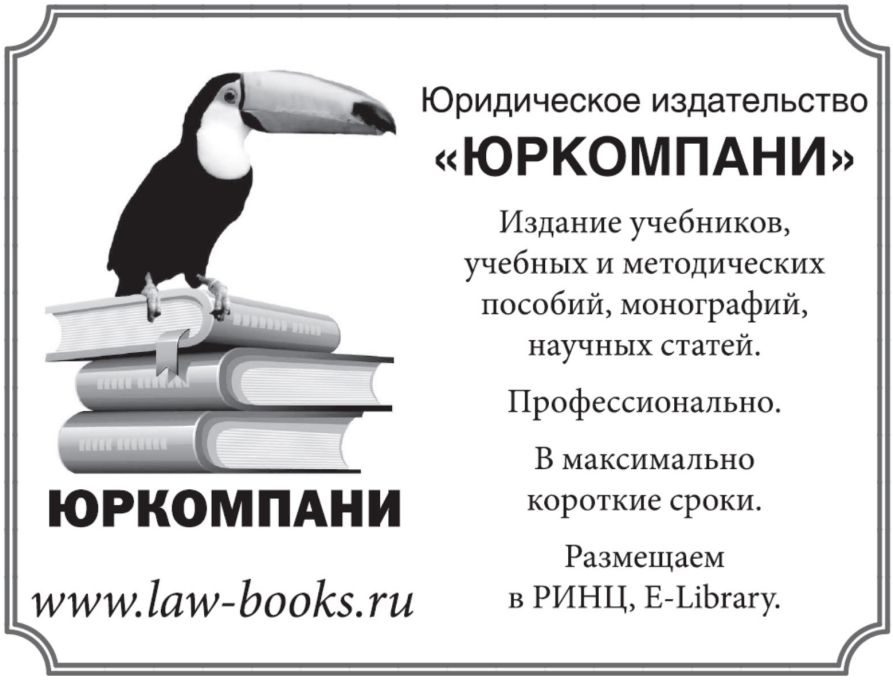
[17] Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. Moscow: Norm, Infra-M, 2011. 544 p. // SPS “ConsultantPlus”.

[18] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (date of access: 03/25/2026).

[19] Zorkin V.D. Providentia or the law of the future in the era of digitalization // State and Law. 2020. No. 6. P. 17-19.

[20] Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia: a monograph. 2nd ed., ispr. and add. M.: Norm: INFRA-M, 2023. 448 p.

[21] Decree of the President of the Russian Federation dated 11/09/2022 No. 809 (as amended on 03/04/2026) “On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. St. 7977.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-29-34

АНАНЬЕВ Владислав Алексеевич,

Адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений охраны общественного порядка ЦКШУ Академии управления МВД России Россия, Москва,

e-mail: ananev-vlad@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ 2024–2028 ГОДОВ

Аннотация. *Проведен административно-правовой анализ реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» в части деятельности МВД России и его профильного управления. На основе сопоставления трех программных циклов и сравнения с зарубежными моделями выявлена тенденция сокращения открытой части бюджетного финансирования при росте числа защищаемых лиц. Сформулированы предложения de lege ferenda по дифференциации поводов и оснований применения мер безопасности, судебному санкционированию отдельных мер процессуального характера, межведомственной координации и социальной поддержке.*

Ключевые слова: *государственная защита, потерпевшие и свидетели, меры безопасности, государственная программа, МВД России, Управление по обеспечению безопасности лиц, административно-правовое регулирование, уголовное судопроизводство, Федеральный закон № 119-ФЗ, межведомственное взаимодействие.*

ANANYEV Vladislav Alekseevich,

Adjunct, Department of Public Order Protection Unit Management, Central Command and Staff School, Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia Russia, Moscow

STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ADMINISTRATIVE-LEGAL ROLE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF THE 2024–2028 PROGRAMME

Annotation. *The paper presents an administrative-legal analysis of the implementation of the State Programme on Ensuring the Safety of Victims, Witnesses and Other Participants of Criminal Proceedings for 2024–2028 with regard to the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its specialised State Protection Department. Comparison of three programme cycles and a brief review of foreign models reveal a downward trend in open funding against a growing number of protected persons. Proposals de lege ferenda are formulated concerning the differentiation of grounds for safety measures, judicial authorisation of certain procedural measures, inter-agency coordination and social support*.

Key words: *state protection, victims and witnesses, safety measures, state programme, Ministry of Internal Affairs of Russia, State Protection Department, administrative-legal regulation, criminal proceedings, Federal Law No. 119-FZ, inter-agency cooperation.*

Введение

Институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства принадлежит к числу наиболее динамично развивающихся сегментов отечественного публичного права последних двух десятилетий. По данным преамбулы Постановления Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47, с 2006 по 2022 год защитой обеспечены свыше 39 тыс. лиц и применены более 94 тыс. мер безопасности [1]. На фоне устойчивости программно-целевого регулирования наблюдается обстоятельство, заслуживающее, на наш взгляд, отдельной оценки: открытая часть бюджета новой Программы 2024–2028 гг. сократилась относительно предыдущего цикла приблизительно

на треть, а количественные индикаторы вынесены в закрытое приложение. Концептуальные основы государственной защиты разработаны в трудах Л.В. Брусницына, О.А. Зайцева, А.Ю. Епихина, А.А. Дмитриевой, Е.И. Замылина [4; 6–8]; однако специфика административно-правового регулирования деятельности подразделений государственной защиты МВД России в свете новой пятилетней Программы пока не получила системного освещения. Цель работы – выявить административно-правовое содержание роли МВД России в реализации Программы 2024–2028 гг. в сопоставлении с предыдущими циклами и сформулировать предложения по совершенствованию ФЗ-119. Методология объединяет формально-юридический и сравнительно-правовой методы (сопоставление программ 2014–2018, 2019–2023, 2024–2028 гг., российской и зарубежных моделей – WITSEC США, Servizio Centrale di Protezione Италии, ZSHG Германии), статистический анализ открытых данных и метод системного толкования. Специальность ВАК – 5.1.2 (публично-правовые науки).

Правовая основа Программы 2024–2028 годов

Программа утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 [1]. Сама форма дробного номера через дефис указывает на наличие закрытой части документа: основное Приложение № 3 со сведениями о финансовом обеспечении ФСБ России и количественными индикаторами отнесено к государственной тайне. Подобный режим публикации сложился еще в программе 2019–2023 гг. Программа реализуется в составе комплекса процессных мероприятий государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» (ПП РФ от 15.04.2014 № 345); правовой базис задает статья 28 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Системообразующий закон в 2025 году претерпел два изменения: Федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 23-ФЗ скорректировал режим обработки персональных данных охраняемых лиц и ввел механизм направления уполномоченным органом предписаний владельцам информационных систем; Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 239-ФЗ интегрировал в систему мер государственной защиты следственные изоляторы ФСБ России. Оба акта решают разнопорядковые задачи, но имеют общий вектор – укрепление информационно-режимной защищенности системы. Закон дополняют постановления Правительства РФ № 630 от 27.10.2006 (правила применения мер безопасности), № 705 от 14.07.2015 (защита сведений), № 664 от 11.11.2006 (единовременные пособия), № 953 от 21.09.2012 (порядок переселения), а также процессуальные нормы статей 11, 166, 186, 193, 217, 241, 278 УПК РФ.

Место МВД России в системе субъектов реализации

В Программе 2024–2028 гг. МВД России определено ответственным исполнителем; соисполнителями выступают ФСБ России, Минобороны России, ФСИН России, ФТС России и Роструд. Конструкция воспроизводит принцип специализированной множественности субъектов, заложенный Федеральным законом № 119-ФЗ и Постановлением № 630: каждое ведомство отвечает за «своих» подзащитных, причем МВД охватывает основной массив, а координирующая функция закреплена за ним же [1].

Институциональным ядром системы выступает Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России, образованное Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316. Это головное оперативное подразделение центрального аппарата, реализующее нормы как Федерального закона № 119-ФЗ, так и Федерального закона № 45-ФЗ. В каждом субъекте Российской Федерации функционируют региональные Центры государственной защиты и оперативно-разыскные части, подчиненные территориальным главкам и методически – профильному управлению. Двухуровневая модель принципиально отличает российскую систему, как нам представляется, от моноинстанционных моделей США (U.S. Marshals Service, WITSEC) и Великобритании (UK Protected Persons Service в составе NCA с 2019 г.), тогда как рекомендации Совета Европы ориентируют государства на организационную автономность специальных структур защиты [10]. Норматив штатного привлечения восьми сотрудников для обеспечения личной охраны одного защищаемого задает жесткие предельные параметры нагрузки на территориальную сеть.

Административно-правовые формы и методы деятельности

Деятельность органов внутренних дел в рамках Программы реализуется в трех взаимосвязанных группах форм: правотворческой (ведомственное нормотворчество МВД России – приказы, регламенты, методические рекомендации), правоприменительной (вынесение постановлений о применении конкретной меры безопасности на основании письменного заявления охраняемого лица и материалов органа предварительного расследования – ст. 18 ФЗ-119) и обеспечительно-материальной (непосредственное исполнение мер безопасности,

сопряженное с осуществлением оперативно-разыскной деятельности). Федеральный закон № 119-ФЗ предусматривает девять видов мер безопасности (ст. 6); открытые статистические данные позволяют констатировать заметную неравномерность их применения. Доминируют личная охрана, охрана жилища и имущества, временное помещение в безопасное место, обеспечение конфиденциальности сведений; применение «затратных» мер – переселения, замены документов, изменения внешности – носит исключительный характер и явно отстает от потребностей правоприменительной практики, что согласуется с выводами о преимущественно процессуальном и криминалистическом характере применяемых мер защиты [4, с. 87; 8, с. 99]. В качестве дополнительного цифрового инструмента обеспечения безопасности в досудебном производстве рассматривается и видеоконференцсвязь [9].

Существенным административно-правовым параметром является режим санкционирования меры. Постановление о ее применении выносит начальник органа, осуществляющего меры безопасности (для МВД – руководитель территориального подразделения), а в отношении мер уголовно-процессуального характера (присвоение псевдонима – ч. 9 ст. 166 УПК РФ) – следователь с согласия руководителя следственного органа. Возникает двухконтурный механизм – административный и процессуальный, – образующий, по нашей оценке, конструкцию sui generis, обоснованно критикуемую в литературе. Как замечает С.А. Табаков, уровень процессуальной гарантии при сокрытии данных о свидетеле недостаточен и должен быть поднят до уровня судебного решения, поскольку сама мера ограничивает право обвиняемого на эффективную защиту [5, с. 65]. Л.В. Брусницын в работе 2025 г. развивает эту аргументацию, анализируя основания раскрытия личности анонимного свидетеля и последствия признания постановления о псевдониме необоснованным [6, с. 49–60].

Динамика финансирования и индикаторов

Сопоставление Программы 2024–2028 гг. с ее предшественницами обнаруживает отчетливую тенденцию сокращения открытого финансирования. На программу 2019–2023 гг. изначально (в 2018 г.) предусматривалось 1 059,256 млн руб., после корректировок – 911,991 млн руб.; на программу 2014–2018 гг. приходилось около 1,4 млрд руб. По действующей Программе 2024–2028 гг. открытая часть составляет 685,283 млн руб. на пятилетку при равномерном распределении – по 137,057 млн руб. ежегодно [1–3]. Распределение по соисполнителям (открытая часть, тыс. руб.): МВД России – 583 597,5; ФСИН России – 55 889,0; Роструд – 18 018,5; Минобороны России – 14 264,5; ФТС России – 13 514,0. Финансирование ФСБ России отнесено к секретному Приложению № 3. Заслуживает отдельного упоминания и расхождение между опубликованным проектом Программы и итоговым актом: в материалах общественного обсуждения (февраль 2023 г.) фигурировали возрастающие суммы – от 137 до 151 млн руб. ежегодно, тогда как в утвержденной редакции ассигнования зафиксированы в равных годовых траншах. Подобное отклонение, на наш взгляд, ставит вопрос о фактической индексации расходов в условиях инфляции.

При этом число защищаемых лиц растет. От 3 296 человек за весь срок первой программы (2006–2008) показатель вышел на устойчивый среднегодовой уровень 3,5–4 тыс. и накопленные свыше 39 тыс. за 17 лет; расходы на одного защищаемого в реальном выражении устойчиво снижаются [1–3]. Целевые количественные индикаторы Программы вынесены в закрытое Приложение № 3, что снижает прозрачность и затрудняет научный анализ ее эффективности. В открытой части обозначены лишь качественные приоритеты: исключение фактов гибели и причинения вреда здоровью охраняемых лиц, исключение уничтожения их имущества, укрепление материально-технической базы, повышение доверия граждан к органам, осуществляющим меры безопасности.

Проблемы реализации и пути их решения

Дифференциация поводов и оснований применения мер безопасности образует первый узел сложностей. Несоответствие наименования и содержания статьи 16 Федерального закона № 119-ФЗ, а также оценочный характер термина «реальная угроза» в части 3 статьи 11 УПК РФ порождают неединообразие правоприменения. А.А. Дмитриева обоснованно указывает на необходимость опережающего, а не реактивного применения мер и формализации предпосылок их реализации [7, с. 54]. В близком ключе высказываются Е.И. Замылин и В.В. Намнясева, подчеркивая роль следователя как ключевого инициатора государственной защиты на досудебной стадии и неудовлетворительное качество криминалистического обоснования таких решений [8, с. 127]. Программа определяет шесть ведомств-исполнителей, однако не закрепляет механизм оперативной координации в случаях смешанной подследственности или перевода охраняемого между ведомствами – например, из СИЗО ФСИН в учреждения ФСБ после изменений Федерального закона № 239-ФЗ от 23 июля 2025 г.

Материально-техническое и кадровое обеспечение составляет второе проблемное

направление. Сокращение открытого финансирования примерно на треть при росте числа защищаемых усиливает дефицит ресурсов региональных оперативно-разыскных частей; норматив восьми сотрудников на одного охраняемого штатно недостижим. О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин и А.В. Мишин убедительно показали потребность в специализированной подготовке сотрудников подразделений государственной защиты по программам, объединяющим оперативно-разыскную, психологическую и виктимологическую компетенции [4, с. 142]. Цифровизация государственного управления порождает новые угрозы конфиденциальности данных, защищаемых Федеральным законом № 119-ФЗ: утечки персональных данных, биометрическая идентификация, обработка цифрового следа в социальных сетях прямо названы в Рекомендации CM/Rec(2022)9 Комитета министров Совета Европы от 30 марта 2022 г. как новые вызовы защите свидетелей [10]. Внесенные в феврале 2025 г. изменения Федеральным законом № 23-ФЗ – попытка ответа на этот вызов, но они нуждаются в подзаконной детализации (новой редакции Постановления Правительства № 705). Социальная составляющая отстает не менее заметно: размеры единовременных пособий по Постановлению Правительства РФ № 664 от 11 ноября 2006 г. (от 10 до 100 тыс. руб.) не пересматривались с поправками 2020 г. и не отвечают современному уровню расходов, системное психологическое сопровождение по существу отсутствует, вопрос трудоустройства после переселения остается неурегулированным [8, с. 91].

Сравнительно-правовой контекст уточняет ориентиры. Программа WITSEC США (с 1971 г., 18 U.S.C. § 3521) при штате U.S. Marshals Service приняла под защиту около 19 250 человек за 53 года; ее отличительная черта – полная замена идентичности и пожизненное психолого-социальное сопровождение. В Италии Servizio Centrale di Protezione (Закон 82/1991) обеспечил защиту свыше 6 200 человек, германский ZSHG (2001 г.) сочетает функции земельных и федеральных Zeugenschutzdienststellen при BKA. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2005)9 и обновляющая ее Рекомендация CM/Rec(2022)9 ориентируют государства на формирование автономного органа защиты, независимого от следствия, – модель, последовательная реализация которой в России ограничена ведомственной структурой МВД [10].

На основании проведенного анализа представляются обоснованными следующие предложения de lege ferenda: внесение изменений в статью 16 Федерального закона № 119-ФЗ с разделением поводов и оснований применения мер безопасности и закреплением определения «реальной угрозы» как достаточной и достоверной совокупности сведений [7, с. 55]; перевод санкционирования меры в виде сохранения в тайне данных о личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) на уровень судебного решения, как это предлагают С.А. Табаков и Л.В. Брусницын [5, с. 65; 6, с. 49–60]; принятие межведомственного приказа МВД России, ФСБ России, ФСИН России, Минобороны России, ФТС России и Роструда о координации субъектов Программы при смешанной подследственности; пересмотр размеров единовременных пособий с привязкой к МРОТ; дополнение Программы открытыми количественными индикаторами без раскрытия секретных параметров; разработка ведомственного регламента профильного управления МВД России о цифровой защите данных охраняемых лиц с учетом ФЗ № 23-ФЗ и Рекомендации CM/Rec(2022)9.

Заключение

Программа 2024–2028 гг. сохраняет институциональное ядро системы государственной защиты – МВД России как ответственного исполнителя и его профильное управление как головное оперативное подразделение, – но в новых условиях работает с сокращенными ресурсами и при возросших рисках цифровой среды. Открытое финансирование снизилось примерно на треть относительно цикла 2019–2023 гг. при стабильно растущем числе защищаемых, что объективно усиливает нагрузку на территориальные подразделения. Парадокс Программы видится нам в синхронности двух разнонаправленных процессов: расширение нормативной базы (изменения ФЗ-119 в феврале и июле 2025 г., ужесточение режима персональных данных, интеграция СИЗО ФСБ) сочетается со снижением открытой бюджетной поддержки и закрытием количественных индикаторов. Административно-правовой ответ на этот вызов лежит, по нашей оценке, не столько в плоскости увеличения ассигнований, сколько в плоскости уточнения процедур, усиления судебного контроля над санкционированием отдельных мер, открытия параметров эффективности и более тонкой дифференциации поводов и оснований применения мер. Это позволит превратить Программу из инструмента финансового обеспечения уже сложившейся системы в инструмент ее качественной модернизации.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 06.09.2023 № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение

безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы»» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 38. Ст. 6901.

[2] Постановление Правительства РФ от 25.10.2018 № 1272 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы»». URL: https://base.garant.ru/72089744/ (дата обращения: 09.05.2026).

[3] Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 29. Ст. 3965.

[4] Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Процессуальные и криминалистические механизмы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 152 с. ISBN 978-5-4396-2088-3.

[5] Табаков С.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в условиях реализации фундаментальных положений судебного разбирательства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 63–68. URL: https://vestnikkf.ru/ru/nauka/article/88972/view (дата обращения: 09.05.2026).

[6] Брусницын Л.В. Раскрытие и отказ в раскрытии личности анонимного свидетеля: основания и последствия для доказывания в уголовном процессе // Уголовное право. 2025. № 7. С. 49–60. DOI: 10.52390/20715870_2025_7_49. EDN: EXHIOF.

[7] Дмитриева А.А. Поводы и основание принятия решения о применении уголовно-процессуальных мер безопасности к участникам досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 1. С. 51–56. DOI: 10.14529/law160108.

[8] Замылин Е.И., Намнясева В.В. Безопасность участников уголовного судопроизводства: проблемы обеспечения и реализации: учебное пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2017. 304 с. ISBN 978-5-7899-1059-7.

[9] Епихин А.Ю., Мишин А.В. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 43. № 3. С. 147–152. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-43-3-147-152.

[10] Recommendation CM/Rec(2022)9 of the Committee of Ministers to member States on the protection of witnesses and collaborators of justice: adopted by the Committee of Ministers on 30 March 2022 at the 1430th meeting of the Ministers' Deputies. URL: https://rm.coe.int/0900001680a5fe33 (дата обращения: 09.05.2026).

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 06.09.2023 No. 1454-47 "On approval of the State program "Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2024-2028" "//Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 38. Art. 6901.

[2] Decree of the Government of the Russian Federation of 25.10.2018 No. 1272 "On approval of the State program" Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2019-2023. " URL: https://base.garant.ru/72089744/ (access date: 09.05.2026).

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of 13.07.2013 No. 586 "On approval of the State program" Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2014-2018 "//Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. № 29. Art. 3965.

[4] Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu., Mishin A.V. Procedural and forensic mechanisms for ensuring the safety of participants in criminal proceedings: monograph. M.: Yurlitinform, 2020. 152 pp. ISBN 978-5-4396-2088-3.

[5] Tabakov S.A. Ensuring the safety of participants in the criminal process in the context of the implementation of the fundamental provisions of the trial//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (78). S. 63-68. URL: https://vestnikkf.ru/ru/nauka/article/88972/view (access date: 09.05.2026).

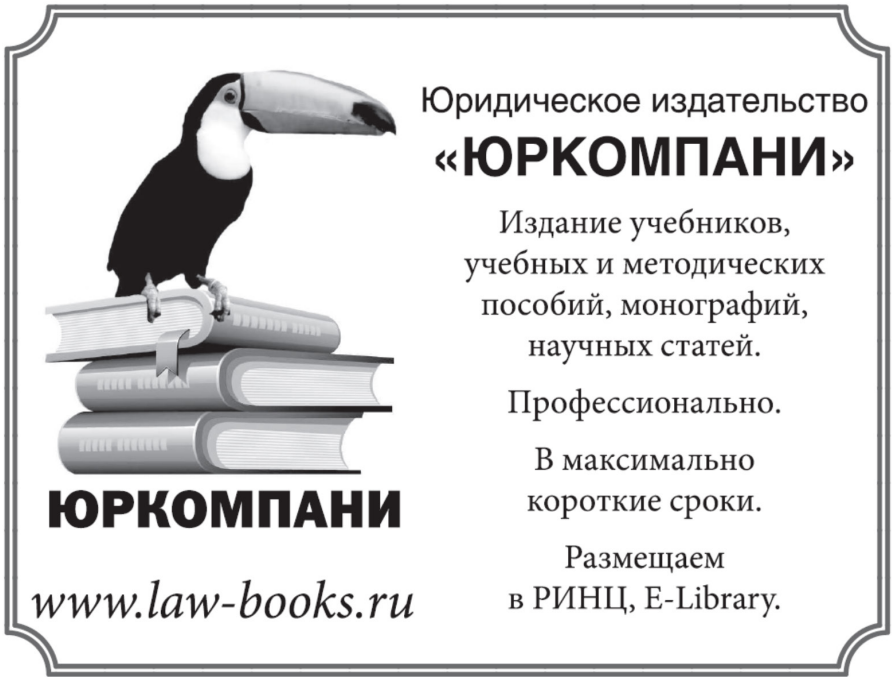
[6] Brusnitsyn L.V. Disclosure and refusal to disclose the identity of an anonymous witness: grounds and consequences for evidence in criminal proceedings//Criminal law. 2025. № 7. S. 49-60. DOI: 10.52390/20715870_2025_7_49. EDN: EXHIOF.

[7] Dmitrieva A.A. Reasons and basis for making a decision on the application of criminal procedural security measures to participants in pre-trial criminal proceedings//Bulletin of South Ural State University. Series: Right. 2016. T. 16. № 1. S. 51-56. DOI: 10.14529/law160108.

[8] Zamylin E.I., Namnyaseva V.V. Safety of participants in criminal proceedings: problems of support and implementation: textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 304 pp. ISBN 978-5-7899-1059-7.

[9] Epikhin A.Yu., Mishin A.V. The use of videoconferencing in pre-trial proceedings as a security measure for a participant in an investigative action//Legal Bulletin of Dagestan State University. 2022. T. 43. № 3. S. 147-152. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-43-3-147-152.

[10] Recommendation CM/Rec(2022)9 of the Committee of Ministers to member States on the protection of witnesses and collaborators of justice: adopted by the Committee of Ministers on 30 March 2022 at the 1430th meeting of the Ministers' Deputies. URL: https://rm.coe.int/0900001680a5fe33 (access date: 09.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-35-40

НАУМОВА Наталья Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Владимирского филиала РАНХиГС,

e-mail: natalya.naumova.69@list.ru

ЕВТЮХОВА Анна Владимировна,

студент факультета управления Владимирского филиала РАНХиГС,

e-mail: anyuta60@yandex.ru

КРОСС-УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАКУРСЫ

Аннотация. *В данной статье анализируются особенности семейной политики в Российской Федерации в свете современных социально-экономических изменений. Развитие семейной политики является важным национальным приоритетом, но в свете текущих вызовов выявляются некоторые проблемные аспекты. В связи с этим авторы провели сравнительный анализ действующего законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в области семейной политики, рассматривая этот вопрос через призму национального законодательства этих стран, отметив их сходства и различия в регулировании в этой сфере.*

Совместные усилия двух стран направлены на усиление поддержки многодетных семей, развитие инфраструктуры для детей и пропаганду традиционных семейных ценностей. В рамках Союзного государства предпринимаются усилия по унификации подходов и обмену наиболее эффективными практиками. Однако в политике обеих стран существуют и различия. Выявление этих различий имеет решающее значение для развития успешных инициатив в Российской Федерации.

В статье авторы предлагают комплексные пути преодоления кризиса в семейной политике. Они анализируют как государственные меры, так и практику субъектов Российской Федерации, подчеркивая необходимость заимствования положительного международного опыта. Основываясь на изучении нормативной базы и статистических данных из официальных источников, авторы предлагают ряд новаций, направленных на укрепление института семьи в стране.

В частности, предлагается расширить перечень сфер использования материнского капитала и предусмотреть выплаты на четвертого и последующих детей. Авторы также подчеркивают важность развития социальной рекламы и то, что работодатели должны поддерживать работников-родителей.

Ключевые слова: *семейная политика, материнский капитал, социальная реклама и союзное государство.*

NAUMOVA Natalya Valeryevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law of the Vladimir Branch of the RANEPA

EVTYUKHOVA Anna Vladimirovna,

student of the Faculty of Management of the Vladimir branch of RANEPA

CROSS-LEVEL ANALYSIS OF FAMILY POLICY: FEDERAL, REGIONAL, AND INTERNATIONAL PERSPECTIVES

Annotation. *This article analyzes the features of family policy in the Russian Federation in the light of current socio-economic changes. The development of family policy is an important national priority, but some problematic aspects have been identified in light of current challenges. In this regard, the authors conducted a comparative analysis of the current legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the field of family policy, considering this issue through the lens of the national legislation of these countries, highlighting their similarities and differences in regulation in this area.*

The joint efforts of the two countries are aimed at strengthening support for large families, developing infrastructure for children, and promoting traditional family values. Within the framework of the Union State, efforts are being made to unify approaches and share the most effective practices. However, there are also differences in the policies of both countries. Identifying these differences is crucial for the development of successful initiatives in the Russian Federation.

In the article, the authors propose comprehensive ways to overcome the crisis in family policy. They analyze both government measures and the practices of the constituent entities of the Russian Federation, emphasizing the need to adopt positive international experiences. Based on the study of the regulatory framework and statistical data from official sources, the authors propose a number of innovations aimed at strengthening the institution of the family in the country.

In particular, they suggest expanding the list of areas where maternity capital can be used and providing payments for the fourth and subsequent children. The authors also emphasize the importance of developing social advertising and the need for employers to support their employees who are parents.

Key words: *family policy, maternity capital, social advertising, Union State.*

Семья представляет особую непреходящую ценность в жизни каждого человека. В современных условиях сложной геополитической обстановки и вызовов для России актуальным остается вопрос укрепления и поддержки института семьи. В связи с чем государственная политика направлена на разработку и внедрение различных мер поддержки, в основном, в социально-экономической сфере (реализация национальных проектов «Семья», «Молодежь и дети», «Продолжительная и активная жизнь»). Однако существующих мер недостаточно для преодоления демографического кризиса.

Семья представляет собой многогранный общественный институт, на состояние которого влияют процессы, происходящие в обществе, поэтому цель представленной работы заключается в комплексном исследовании и анализе семейной политики в Российской Федерации и внесении предложений по совершенствованию национального законодательства.

Рассматривая развитие семейной политики в Российской Федерации, необходимо отметить, что ее основы были заложены задолго до постсоветского периода. Так, в Советском Союзе, после Октябрьской революции 1917 года, начался принципиально новый этап формирования семейного законодательства, который заложил фундамент для современных подходов к защите и поддержке семьи, в связи с созданием советского семейного права. 22 октября 1918 года был принят первый кодекс, регулирующий семейные отношения, - Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. В нем было зафиксировано правовое сопровождение вопросов семейных отношений.

В 1968 году был принят единый правовой акт (кодекс) - Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик, который послужил основой для разработки аналогичных кодексов во всех союзных Республиках СССР [2]. В период становления Российской Федерации, после распада Советского Союза, нужно было создать и новый правовой вектор развития отрасли семейного права. Им стал Семейный кодекс РФ, принятый в 1995 году, актуальный и в настоящий момент.

Данный нормативный правовой акт регламентирует семейные отношения, защищая и укрепляя семейные ценности, однако сам не содержит таких категорий как «семья», «брак». Но в региональном законодательстве некоторых субъектов РФ зафиксировано определение «семья». Так, в Социальном кодексе Санкт-Петербурга под «семьей» понимаются граждане,

являющиеся законными представителями детей, и дети, проживающие с ними и ведущие общее хозяйство.

В своей работе мы будем ориентироваться на понятие «семья», данное кандидатом социологических наук Бобровой Д.Н. в учебнике «Государственная семейная политика РФ». Семью она характеризует как социальное сообщество, основанное на родстве, браке или усыновлении, члены семьи разделяют общий образ жизни, взаимную ответственность за воспитание детей и взаимную поддержку [1].

Кроме того, семья представляет собой фундаментальную основу российского общества. Именно поэтому государственная семейная политика направлена на поддержку, укрепление и защиту этого института; сохранение традиционных семейных ценностей, усиление роли семьи в обществе, укрепление авторитета родителей, предотвращение и преодоление семейных проблем, улучшение условий и качества жизни семей [1].

Семейная политика Российской Федерации основана на системе нормативных правовых актов, и прежде всего, на конституционных нормах. В 2020 году в Основной закон были внесены поправки, которые затронули и институт семьи. Закреплено положение о том, что брак в нашей стране возможен только между мужчиной и женщиной (ст.72 п. ж 1). Установлено, что дети являются главным приоритетом государственной политики и что страна несет ответственность за судьбу несовершеннолетних (ст.67.1 п.4). Установлено, что дети обязаны заботиться о своих родителях (ст. 38) и что должны быть созданы особые условия для обеспечения достойного воспитания детей (ст.72 п. ж 1). Отмечена важность уважения к пожилым людям, воспитания патриотизма и гражданственности (ст.67.1 п.4).

Конституционные нормы Российской Федерации, определяющие основы семейного права, аналогичны и с законодательством других государств. В частности, много схожего с Основным Законом Республики Беларусь (далее – РБ). Там поправки в Конституцию были приняты в 2022 г., однако вопросы семейной политики также не остались без внимания. В обновленной Конституции речь идет о воспитании традиционных семейных ценностей, поддержке семей с детьми, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также подростков, заботе государства о пожилых людях и людях с ограниченными возможностями (статьи 32, 32.1, 47 Конституции Беларуси). Выделим особенность: законодательство Республики Беларусь, в том числе Конституция, гласит, что брак – это союз между женщиной и мужчиной; а в Конституции России – брак – это союз между мужчиной и женщиной. Данное различие связано с политико-правовой нагрузкой (исторические тенденции, защита традиционных ценностей).

Основное различие между законодательством России и Беларуси заключается в подходе к институту семьи. В России основное внимание уделяется правам родителей, независимо от того полная или неполная семья. В Беларуси, где семья на первом месте, ситуация иная. Кодекс о браке определяет понятия семьи, неполной семьи, многодетной семьи, с учетом социальных гарантий. В частности, семья в Беларуси имеет приоритет при выборе формы воспитания и образования детей.

Но в настоящий момент и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь особенно остро стоит вопрос преодоления демографического кризиса. В обоих государствах особое внимание уделено стратегическим инициативам, направленным на развитие института семьи. Именно поэтому с 2026 года в Российской Федерации действует национальный проект «Семья». Он включает пять федеральных проектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». В Беларуси нет национальных проектов, как в России, но реализуются госпрограммы, например, госпрограмма «Развитие демографического потенциала», рассчитанная на 2026-2030 годы. Она предусматривает мероприятия по следующим подпрограммам: «Содействие материальному благополучию семьи», «Время семейных ценностей!», «У вас будет ребенок!». Методы государственной политики могут быть различны, но цель двух государств одна: достижение положительных результатов, их эффективность.

Одной из значимых социально-экономических мер поддержки семей с детьми в России является государственная программа выдачи сертификата на получение материнского (семейного) капитала (в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ). На первого ребенка с 1 февраля 2026 года он составляет 728 921,90 руб., если ребенка родили (усыновили) с 1 января 2020 года. Если второй ребенок родился или был усыновлен с этой же даты, маткапитал увеличат на 234 321,27 руб. и он составит 963 243,17 руб. Особо необходимо отметить, что такую помощь можно получить только на первого, второго и третьего ребенка. При рождении четвертого и последующих детей новые выплаты не предусмотрены, государство может

предоставить только часть средств, которые по различным причинам не были выплачены ранее на других детей. В ряде субъектов РФ действуют региональные программы по выдачи материнского капитала. Эти программы финансируются из региональных и местных бюджетов и является дополнительной поддержкой к выдачи федерального сертификата на маткапитал.

В Республике Беларусь существует мера, аналогичная России, - семейный капитал. Но он выдается только на третьего ребенка и не предусмотрен при рождении последующих детей. В РБ в 2026 году его сумма 33 275 белорусских рублей, что составляет примерно 890 439 российских рублей.

Использование материнского капитала в России и семейного капитала в Беларуси в целом схожи, и их общими целями являются расходование средств на образование, улучшение жилищных условий (включая ипотеку), а также социальная адаптация и интеграция детей-инвалидов в общество. Однако есть и различия. Так, в России материнский капитал можно потратить на ежемесячную выплату, а в Беларуси – на получение медицинской помощи (в том числе на стоматологические услуги) и услуги в сфере социального обслуживания. Кроме того, материнский капитал в России можно потратить на накопительную часть пенсии матери, в Беларуси же – на формирование накопительной пенсии матери (мачехи) в полной семье, родителя в неполной семье, усыновителя (удочерителя).

Кроме того, необходимо рассмотреть востребованность различных направлений использования материнского капитала в России. По данным Росстата за 2007-2023 гг. наиболее малораспространенным направлением оказалось его использование для накопительной пенсии – это выбрали лишь 0,07% держателей сертификатов. Также 0,05% родителей направили средства маткапитала на товары для социальной адаптации детей-инвалидов. Последнее направление не является непопулярным - его низкий спрос обусловлен ограниченным перечнем товаров, которые можно приобрести с помощью этих средств.

В связи с этим наиболее перспективным решением является не столько расширение использования средств материнского капитала, сколько сосредоточение усилий на увеличении их размера и обеспечении равных возможностей для государственной поддержки семей с детьми по всей стране.

Материнский (семейный) капитал – эффективный инструмент поддержки семей с детьми. Однако для преодоления демографического кризиса необходимо учитывать такие негативные тенденции, как рост разводов (статистика за 2024 год показывает, что на 10 браков было 7 разводов), одной из главных причин которого является экономическая нестабильность семьи. В России и Беларуси существуют успешные примеры по минимизации этой проблемы, когда и государство, и частный сектор экономики формируют систему комплексной поддержки сотрудников, у которых родились дети.

Например, в 2022 году российская группа компаний «Дело» реализовала корпоративную программу поддержки сотрудников с детьми, охватывающую 11 тысяч работников по всей России. Инициатива, предложенная председателем совета директоров, многодетным отцом, Сергеем Шишкарёвым, направлена на повышение качества жизни и создание комфортных условий для семей с детьми, а также на укрепление престижа многодетности. За время действия программы её инструментами воспользовались уже около 2 тысяч сотрудников, а 30 семей получили единовременные выплаты по миллиону рублей при рождении третьего ребёнка. Кроме того, в компаниях группы введена должность социального менеджера, который занимается информированием персонала о доступных корпоративных и государственных льготах [1]. Этот пример говорит о развитии социально-ответственного предпринимательства.

Кроме денежных выплат, некоторые работодатели в России реализуют семейную политику через ряд мер, предусмотренных законодательством и корпоративными практиками, например:

Гибкий график работы (дистанционная работа или гибридная форма занятости с гибким графиком. Статья 93 Трудового кодекса Российской Федерации предусматривает обязанность работодателя установить неполный рабочий день или неполную рабочую неделю по желанию женщины, которая ожидает ребенка или уже имеет его в возрасте до 14 лет);

Поддержка ухода за детьми (услуги по организации детских садов или компенсации расходов на детский сад для сотрудников, на 2025 г. это 6% организаций, зарегистрированных в РФ);

Корпоративные программы поддержки (семинары, тренинги и консультации по вопросам воспитания детей);

Льготы и компенсации (например, мед. страховка для сотрудников с детьми);

Политика равенства (создание условий равного доступа к карьерным возможностям для всех сотрудников, в т.ч. родителей);

Обучение и развитие (программы повышения квалификации для сотрудников, возвращающихся из декретного отпуска);

Социальные инициативы (праздники для детей, спортивные мероприятия и др.).

Анализ законодательства, экспертных заключений и передовой практики показывает, что устойчивая и эффективная система поддержки семьи может быть создана только путем скоординированных действий в этом вопросе. В связи с этим считаем, что:

Необходимо ввести на федеральном уровне меры, предусматривающие использование средств материнского капитала на лечение детей и родителей. Такое решение планируется некоторыми российскими регионами в рамках их региональных программ материнского капитала. Например, в Санкт-Петербурге материнский капитал можно использовать на стоматологические и офтальмологические процедуры; в Ямало-Ненецком автономном округе, Ростовской и Томской областях он может быть использован на любое лечение, назначенное врачом; а в Ленинградской области он может быть использован на офтальмологические процедуры.

В настоящее время материнский капитал можно получить после рождения (усыновления) от одного до трех детей. Выплаты за четвертого ребенка и последующих не предусмотрены. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать введение прогрессивной шкалы материнского капитала, то есть выплата увеличивалась бы с каждым последующим ребенком или даже после рождения четвертого и последующих детей она просто оставалась бы на определенном уровне.

Кроме того, важным элементом формирования общественного сознания является социальная реклама, но данный механизм сталкивается с некоторыми трудностями. В настоящее время существует обязательная квота в 5% для социальной рекламы. Однако на практике эти квоты часто не выполняются, а у заказчиков нет эффективных механизмов воздействия на рекламораспространителей. Необходимо усилить контроль за соблюдением квот, например, через создание системы мониторинга и введения административной ответственности за необоснованный отказ от размещения социальной рекламы по укреплению традиционных семейных ценностей.

Как показывает опыт российских компаний, деятельность, направленная на социальную поддержку сотрудников, показывает положительный результат. В таких компаниях видят, что каждый работник важен, и ощущают уверенность в завтрашнем дне. Именно поэтому мы считаем необходимым внедрение в компаниях мер поддержки для родителей, эти направления могут включать гибкий график работы для них, а также не только материнские, но и отцовские отпуска.

Поэтому поддержка института семьи является одним из важнейших направлений государственной политики Российской Федерации. Только детально проанализировав текущую ситуацию в России и опыт союзных государств, мы сможем найти пути преодоления кризиса. В данной работе авторы предлагают несколько вариантов, которые помогут сократить проблемную зону и повысить эффективность семейной политики. Комплексный подход, сочетающий в себе совершенствование законодательной базы, усиление экономической поддержки и оптимизацию государственных механизмов, поможет создать прочную семейную ячейку в обществе.

Список литературы:

[1] Государственная семейная политика РФ : учебник для вузов / под научной редакцией Д. Н. Бобровой, В. А. Семенова. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 138 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-21568-7. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/581755 (дата обращения: 02.03.2026);

[2] Корнеева, И. Л. Семейное право : учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 285 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-9916-2547-0. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/559854;

[3] Иванова, Т.П. Семейная политика в современной Беларуси / Т.П. Иванова. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-v-sovremennoy-belarusi

[4] Платонова, А.В. Социальная реклама в России: состояние, тенденции, проблемы и перспективы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-v-rossii-sostoyanie-tendentsii-problemy-i-perspektivy.

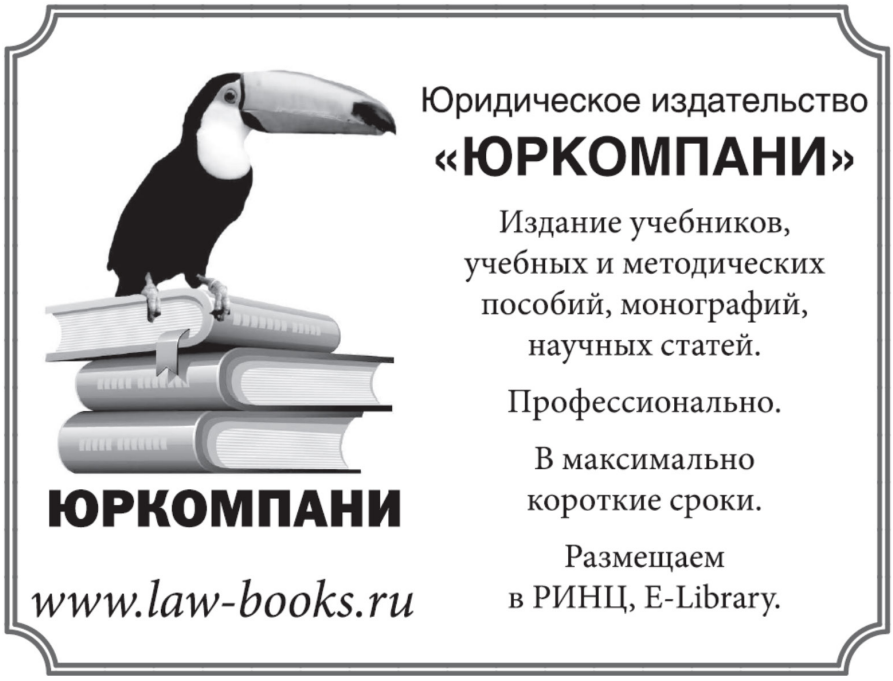
References:

[1] State family policy of the Russian Federation: a textbook for universities/edited by D. N. Bobrova, V. A. Semenov. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 138 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-534-21568-7. - Text: electronic// Educational platform Yurayt [site]. - URL: https://urait.ru/bcode/581755 (access date: 02.03.2026);

[2] Korneeva, I. L. Family law: textbook and workshop for universities/I. L. Korneeva. - 4th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 285 p. - (Higher education). — ISBN 978-5-9916-2547-0. - Text: electronic//Educational platform Yurayt [site]. — URL: https://urait.ru/bcode/559854;

[3] Ivanova, T.P. Family policy in modern Belarus/T.P. Ivanova. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-v-sovremennoy-belarusi

[4] Platonova, A.V. Social advertising in Russia: status, trends, problems and prospects. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-v-rossii-sostoyanie-tendentsii-problemy-i-perspektivy.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-41-43

САМОЙЛОВА Жанна Владимировна,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета (г.Иркутск),

e-mail: zhannaiv@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Аннотация. *В научной статье рассматриваются особенности политической культуры современного российского общества в условиях организации и подготовки к выборам в Государственную Думу Российской Федерации IX созыва. Исследуются ключевые элементы политической культуры, которые оказывают существенное влияние на электоральное поведение граждан, уровень политического доверия к органам государственной власти и степень вовлеченности населения в избирательный процесс. Особое внимание уделяется роли цифровых коммуникаций, средств массовой информации и молодежных политических практик в формировании электоральных установок. Автор приходит к выводу о том, что трансформация политической культуры в современной России сопровождается изменением механизмов политической социализации и ростом значимости информационного пространства в процессе формирования общественного мнения. Формулируется вывод о том, что важным направлением дальнейшего развития политической системы является повышение уровня политической грамотности населения, совершенствование механизмов взаимодействия государства и общества, а также развитие эффективных форм общественного диалога. От уровня развития политической культуры во многом зависит стабильность политической системы, легитимность избирательных процессов и степень гражданской вовлеченности населения.*

Ключевые слова: *политическая культура, электоральное поведение, Государственная Дума, выборы, политическое участие, политическая социализация, общественное мнение, молодежь, цифровые коммуникации.*

SAMOILOVA Zhanna Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Baikal State University (Irkutsk)

POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE UPCOMING ELECTIONS TO THE STATE DUMA

Annotation. *The article examines the features of the political culture of modern Russian society in the context of organizing and preparing for the elections to the State Duma of the Russian Federation of the 9th convocation. The article explores the key elements of political culture that influence citizens' electoral behavior, the level of political trust, and the degree of public involvement in the electoral process. Special attention is given to the role of digital communications, mass media, and youth political practices in shaping electoral attitudes. The author concludes that the transformation of political culture in modern Russia is accompanied by changes in the mechanisms of political socialization. The article concludes that an important area for further development of the political system is to increase the level of political literacy among the population, improve the mechanisms of interaction between the state and society, and develop effective forms of public dialogue. The stability of the political system, the legitimacy of electoral processes, and the level of civic engagement of the population largely depend on the development of political culture.*

Key words: *political culture, electoral behavior, State Duma, elections, political participation, political socialization, public opinion, youth, digital communications.*

Осенью 2026 года в единый день голосования в России состоятся выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации IX созыва. В этой связи видится актуальным исследовать отдельные аспекты формирования политической культуры российского общества и факторы, способные оказать влияние на уровень электоральной активности населения.

Политическую культуру можно назвать основой всей политической системы общества, она устанавливает свойства и особенности взаимодействия населения с государством, степень вовлеченности в политику, масштаб электоральной поддержки, характер политического поведения и специфику восприятия политических институтов.

В период подготовки к выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания следует подчеркнуть, что идеологические ориентиры, политические предпочтения и поведенческие паттерны граждан оказывают существенное влияние на избирательные процессы.

Для того, что обеспечить легитимность современных выборов, политическую культуру следует рассматривать как инструмент, превращающий избирательный процесс из простой формальности, в подлинный демократический механизм, которому доверяет гражданское общество.

Понятие политической культуры получило широкое распространение во второй половине XX века благодаря исследованиям Г. Алмонда и С. Вербы, которые рассматривали политическую культуру как совокупность политических ориентаций граждан по отношению к политической системе. По мнению исследователей, политическая культура включает когнитивные, эмоциональные и оценочные компоненты, формирующие отношение человека к политике. Такой значимый аспект культуры, как политическая культура, непосредственно определяет эффективность функционирования государственного механизма, справедливо отмечает В.В. Балахонский [1, с. 437].

В современной науке политическая культура рассматривается как система устойчивых ценностей, норм и моделей поведения, определяющих характер политического участия граждан, как «качественная характеристика правовой жизни общества» [2, с.1404]. При этом особое значение приобретает взаимосвязь политической культуры и политической социализации, в рамках которой формируются представления личности о власти, государстве и механизмах политического участия.

Российская политическая культура имеет ряд специфических особенностей, обусловленных историческим развитием государства, традициями централизованного управления и значительной ролью государства в общественной жизни. Для российской модели политической культуры характерны высокий уровень патерналистских ожиданий, ориентация на государственную стабильность и ограниченная вовлеченность значительной части населения в политическую деятельность.

Одновременно с этим в последние годы наблюдается постепенное расширение пространства общественной дискуссии, связанное с развитием цифровых технологий и социальных сетей. Информационная среда становится важнейшим фактором формирования политических взглядов и электоральных предпочтений граждан.

Современная политическая культура России формируется в условиях глобальных политических и социально-экономических изменений. Существенное влияние на общественные настроения оказывают процессы цифровизации, изменение международной политической обстановки, а также трансформация механизмов коммуникации между государством и обществом.

Одной из ключевых характеристик политической культуры российского общества остается высокий уровень ориентации на государство как основной институт обеспечения стабильности и безопасности. Значительная часть населения связывает решение социальных и экономических проблем прежде всего с деятельностью государственных органов власти.

Вместе с тем современная российская политическая культура отличается неоднородностью. Молодежь демонстрирует более высокий уровень вовлеченности в цифровые формы политического участия, включая обсуждение общественно-политических вопросов в социальных сетях, участие в онлайн-дискуссиях и потребление альтернативных источников информации.

Старшие поколения, напротив, чаще ориентируются на традиционные каналы политической коммуникации, включая телевидение и официальные средства массовой информации. Это приводит к формированию различных моделей политического восприятия и неодинаковому уровню доверия к политическим институтам.

Политическая культура оказывает непосредственное влияние на уровень электоральной активности граждан. Высокий

уровень политического доверия способствует росту участия населения в выборах, тогда как политический скептицизм и недоверие к институтам власти могут приводить к снижению явки и росту политической апатии. В этой связи О.В. Костюнина обоснованно подчеркивает, что на формирование недоверия граждан влияют: неуверенность в эффективности управления государственными инвестициями из-за злоупотреблений со стороны представителей власти; использование пропагандистских приемов, лоббирование личных выгод; отсутствие планирования будущего и его понимания в долгосрочной перспективе на фоне негативного настроя граждан [3, с.41].

Справиться со скептицизмом в отношении властей во многом поможет повышение уровня политической грамотности населения. Недостаточная информированность граждан о деятельности политических институтов и механизмах принятия решений снижает эффективность политического участия и способствует распространению манипулятивных практик.

Развитие цифровых технологий стало одним из ключевых факторов трансформации политической культуры современного общества. Интернет и социальные сети существенно изменили механизмы распространения информации, расширив возможности граждан для участия в общественно-политической дискуссии.

В преддверии выборов в Государственную Думу цифровые коммуникации приобретают особое значение. Практически все субъекты, формирующие политическую культуру, активно задействуют цифровые сервисы, вовлекая в сетевое взаимодействие и потенциальных избирателей.

Вместе с тем подобная ситуация может провоцировать и информационный «беспорядок», где содержится и распространяется дезинформация, что может деформировать политическую и правовую культуру избирателей.

Текущие тенденции таковы, что по мере приближения выборов происходит некая трансформация гражданского сознания и, как следствие, политической культуры общества в целом.

Достаточно высокий уровень политической культуры способен выступить главным гарантом организации и проведения легитимной избирательной кампании, а также обеспечить открытый диалог между государственными институтами, политическими партиями и гражданским обществом.

Список литературы:

[1] Балахонский В.В. История развития государственности: теоретическое и методологическое осмысление важнейших концептуальных подходов / В.В. Балахонский // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 433-440

[2] Федорова О.В. Антикоррупционное правосознание как элемент публично-правового механизма противодействия коррупции / О.В. Федорова // Baikal Research Journal. – 2025. – №4. – С. 1401-1412

[3] Костюнина О.В. Доверие к власти как условие достижения национальных целей развития России на современном этапе: теория и правовое регулирование / О.В. Костюнина // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1. – С. 35-43

References:

[1] Balakhonsky V.V. History of statehood development: theoretical and methodological understanding of the most important conceptual approaches/V.V. Balakhonsky//Academic Law Journal. – 2023. - T. 24, NO. 4. - S. 433-440

[2] O.V. Fedorova. Anti-corruption legal consciousness as an element of the public-legal anti-corruption mechanism/O.V. Fedorova//Baikal Research Journal. – 2025. – №4. - S. 1401-1412

[3] Kostyunina O.V. Trust in the authorities as a condition for achieving the national development goals of Russia at the present stage: theory and legal regulation/O.V. Kostyunina//Academic Law Journal. – 2025. - T. 26, NO. 1. - S. 35-43

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-44-47

КОРСИКОВА Наталья Александровна,

Доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент,

e-mail: korsikova-nataly@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается криминологический анализ особенностей миграционной преступности в современной России в целом и различные аспекты криминогенного поведения иностранных граждан, а именно, преступления, совершаемые гражданами - иностранцами и в отношении них, а также деятельность по их предупреждению, выявление ее особенностей в Российской Федерации и выработка на этой основе предложений, направленных на ее предупреждение.*

В настоящем исследовании рассмотрены нормы российского законодательства, регламентирующие противодействие преступлениям, совершаемым иностранными гражданами на территории страны, статистические данные и материалы судебной практики, касающиеся указанной проблематики, а также проанализированы особенности современной государственной миграционной политики России.

Ключевые слова: *миграция, преступность иностранных граждан, миграционная политика, предупреждение, миграционная преступность.*

KORSIKOVA Natalya Aleksandrovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF MIGRATION CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the criminological analysis of the features of migration crime in modern Russia in general and various aspects of the criminal behavior of foreign citizens, namely, crimes committed by foreign citizens and against them, as well as the activities aimed at their prevention, identifying its features in the Russian Federation, and developing proposals aimed at its prevention.*

This study examines the norms of Russian legislation regulating the prevention of crimes committed by foreign citizens in the country, statistical data and court practice materials related to this issue, and analyzes the features of Russia's current state migration policy.

Key words: *migration, foreign citizen crime, migration policy, prevention, and migration crime. migration, foreign citizen crime, migration policy, prevention, and migration crime.*

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются как общенаучные методы познания (диалектический, исторический, системный, анализа и синтеза и др.), так и частно-научные методы, в том числе сравнительно-правовой,историко-сравнительный, системно-структурный, формально-юридический, метод технико-юридического анализа, конкретно-социологический, статистический и др. методы.

Введение. Иностранный гражданин, согласно п. 1. ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» — это физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства [7].

В дополнение, исходя из факта широкого употребления понятия «мигрант» применительно к иностранным гражданам на территории РФ и отсутствия такой дефиниции в действующем

отечественном законодательстве, но использования при этом в ст. 2 ФЗ №109 [8] понятия миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства как государственной деятельности по фиксации и обобщению сведений о них и об их перемещениях, полагаем, что, следуя логике законодателя, возможно использование данных понятий как тождественных.

4 марта 2026 года, состоялось расширенное заседание коллегии МВД, на котором Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, подчеркнул, что «…на новый уровень должна выйти борьба с незаконной миграцией. Серьезным подспорьем в этой работе призвано стать создание в системе МВД миграционной службы. Конечно, мы прекрасно понимаем, что работа велась и до этого, но все-таки в последнее время и сам статус этой службы, и принимаемые здесь решения должны дать, на мой взгляд, уже в целом дают, определенный результат, так же, как и принятая осенью прошлого года Концепция государственной миграционной политики» [9].

В этой связи, актуальность и приоритетность данной темы, а именно криминологический анализ миграционной преступности не вызывает сомнений.

Переходя к анализу преступности иностранцев, возьмем за основу определение преступности, данное А.И. Долговой, которая рассматривает ее как массовое, системно-структурное социальное явление, оцениваемое законодателем как наиболее общественно опасное [1, с.56].

В общем числе зарегистрированных в стране в 2025 году преступлений (1771174) иностранцами совершено 41103 преступления, что на 6,5% больше, чем за 2024 год. При этом значительная доля таких деяний - 34655, приходится на выходцев из государств-участников СНГ, что на 6% больше, чем в 2024 год [10].

В отношении самих иностранцев в 2025 году в РФ совершено 9316 преступлений [10], что на 20,1% меньше, чем в 2024 году.

Особую важность представляет изучение такой характеристики личности иностранца-преступника, и иностранца-жертвы преступления, как гражданство. Характеризуя распределение преступлений, совершаемых мигрантами, с учетом их гражданства, обратимся к данным, приведенных в работе известных авторов [2, с.16. 3, с. 12. 4, с.60], поскольку в официальной статистике за 2025 год их нет.

Ряд авторов говорят о том, что принадлежность мигрантов к исламу не только как к религии, но и как к соответствующим традициям мировосприятия, обусловливает их предрасположенность к совершению преступлений экстремистской направленности [5, с.17]. Анализ высказываний официальных лиц в СМИ позволяет констатировать, что большая работа правоохранителей в этом направлении дала свои позитивные результаты.

Например, в Санкт-Петербурге, итоги мониторинга проявлений религиозного и национального экстремизма показали, что несмотря на некоторую сохраняющуюся напряженность в сфере межнациональных отношений, ситуация находится под контролем и как таковых межнациональных конфликтов в городе нет [11].

Результаты исследования. Законодательство, касающееся регламентации пребывания иностранных граждан на территории РФ и их правового статуса, без преувеличения можно назвать одной из наиболее динамично развивающихся подсистем российского законодательства. С момента его возникновения в 90-е годы XX в. произошла смена не одного поколения миграционного законодательства, каждое из которых было основано на разных моделях государственной миграционной политики [6, с.112].

Достаточно сказать, что в ФЗ № 115 за время его существования изменения вносились огромное количество раз, было разработано несколько вариантов Концепции государственной миграционной политики РФ, утверждаемой Президентом РФ. В настоящее время действует Концепция 2025 года [12]. В целях регулирования различных вопросов сферы государственной миграционной политики только в 2025 году МВД России обеспечило разработку и инициировало издание 9 федеральных законов, было подписано более 20 актов Президента РФ, подготовлено более 50 актов Правительства РФ.

Безусловно, причины такой динамичной трансформации миграционной политики и законодательства имеют многофакторный характер, будучи детерминированными как целями государственной внешней политики, так и задачами внутренней политики в целях социально-экономического развития.

Миграционное и уголовное законодательство РФ отличает появление ряда новых норм, способствующих учету законных интересов субъектов взаимодействия в миграционной сфере. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что их введение способствовало уменьшению числа недобросовестных действий со стороны граждан-иностранцев. Кроме того, динамизм в развитии миграционного законодательства объективно обусловлен и постоянно возникающими новыми вызовами, на которые

должен и пытается реагировать законодатель в целях нивелирования возникающих рисков в данной весьма чувствительной сфере.

Заключение. В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Представляется, что основной проблемой современной миграционной политики является отсутствие концептуальной четкости и ее непоследовательность. Резкие повороты миграционной политики и постоянное реформирование законодательства дезориентирует общество в отношении целей миграционной политики, понижают миграционную привлекательность РФ.

Слабым местом остается неразвитость официальной инфраструктуры трудовой миграции, т.е. комплекса консультационно-информационных сервисов. Значительным упущением российской миграционной политики является нерешенность проблемы адаптации и интеграции мигрантов, хотя она сформулирована как одна их ключевых в Концепции миграционной политики 2025 года.

Миграция в значительной своей части имеет неконтролируемый характер, что приводит к существованию значительного сегмента нерегистрируемой занятости мигрантов, провоцирует широкое распространение эксплуатации мигрантов вплоть до принудительного и рабского труда. Проблема связана помимо прочего и с низким качеством миграционной статистики.

Масштабность незаконной миграции и нерегистрируемого трудоустройства мигрантов зачастую обусловлено административными и бюрократическими барьерами на пути получения разрешительных документов для трудоустройства в России иностранцами, что побуждает их искать работу в обход закона.

Таким образом, соблюдение миграционного законодательства, причем и мигрантами, и должностными лицами, работающими в сфере миграции, и работодателями должно быть объектом жесткого и эффективного контроля.

Список литературы:

[1] Долгова, А. И. Криминология / А. И. Долгова. 4-е изд., перераб. и доп. - М.:, 2016. С. 368.

[2] Нежибецкая И. Е. Криминологические у и уголовно-правовые проблемы борьбы с преступностью мигрантов в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С.21.

[3] Громова О.О. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых мигрантами из государств - участников СНГ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - М., 2010. С. 32.

[4] Бучаков С, А. Незаконная внешняя миграция в России: криминологическая обстановка и политика противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. С. 239.

[5] Черепашкин А.С. Криминологическая характеристика преступности трудовых мигрантов // Виктимология. 2015. № 4 (5). С. 15-18.

[6] Криминология. Общая и особенная части: учебник. Под общ. ред. Корсиковой Н.А. – СПб.: 2022. – 527 с.

[7] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ http:// www.pravo.gov.ru.

[8] О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ http:// www.pravo.gov.ru.

[9] Сайт: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408?ysclid=ml6iefqz4m557143644

[10] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года [Электронный ресурс]. ЦСИ ГИАЦ МВД России. М. 2026.

[11] Межнациональных конфликтов в Петербурге нет, но напряженность сохраняется [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/mezhnacionalnyh-konfliktov-v-peterburge-net-no-napryazhennost-sohranyaetsya-vlasti.

[12] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы: указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 http:// www.pravo.gov.ru.

References:

[1] Dolgova, A.I. Criminology/A.I. Dolgova. 4th ed., Revised and add. - M.:, 2016. P. 368.

[2] Nezhibetskaya I.E. Criminological and criminal law problems of combating crime of migrants in Russia: author’s review. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2007. S.21.

[3] Gromova O.O. Criminological characterization and prevention of crimes committed by migrants from CIS member states: abstract. dis.... cand. jurid. sciences. - M., 2010. S. 32.

[4] Buchakov S, A. Illegal foreign migration in Russia: criminological situation and countermeasures policy: dis.... cand. jurid. sciences. Omsk, 2019. S. 239.

[5] Cherepashkin A.S. Criminological characterization of crime of labor migrants// Victimology. 2015. № 4 (5). S. 15-18.

[6] Criminology. General and special parts: textbook. Under the general. ed. Korsikova N.A. - St. Petersburg: 2022. - 527 s.

[7] On the legal status of foreign nationals in

the Russian Federation: Federal Law No. 25.07.2002 of 115-FZ http:// www.pravo.gov.ru.

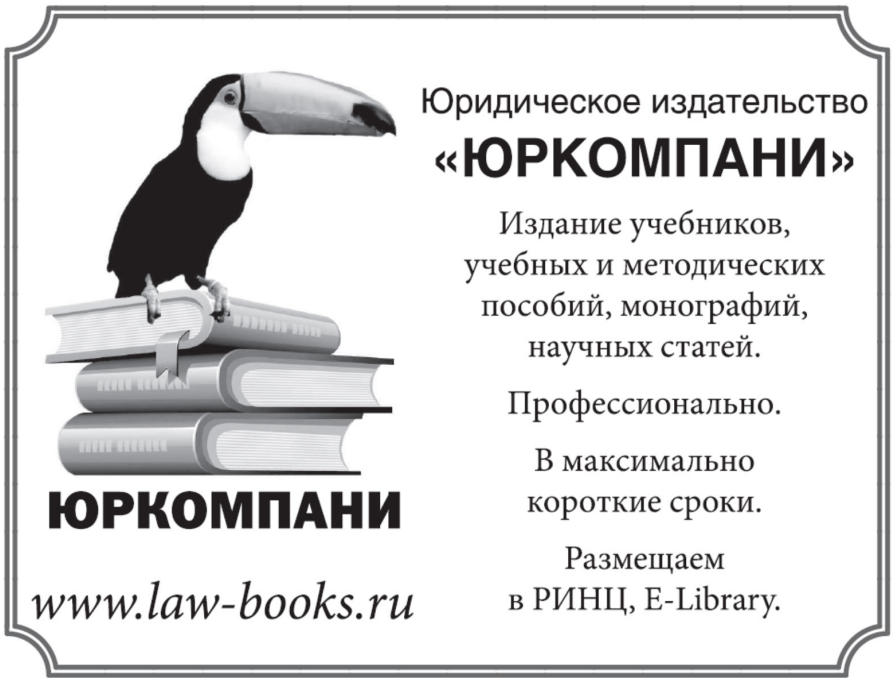
[8] On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation: Federal Law No. 18.07.2006 of 109-FZ http:// www.pravo.gov.ru.

[9] Сайт: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408?ysclid=ml6iefqz4m557143644

[10] The state of crime in Russia for January-December 2025 [Electronic resource]. CSI GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia. M. 2026.

[11] There are no interethnic conflicts in St. Petersburg, but tensions remain [Electronic resource]. - Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/mezhnacionalnyh-konfliktov-v-peterburge-net-no-napryazhennost-sohranyaetsya-vlasti.

[12] On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030: Decree of the President of the Russian Federation of 15.10.2025 No. 738 http:// www.pravo.gov.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-48-53

КАРМАНОВ Олег Анатольевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Брянского филиала Орловского юридического
института МВД России, подполковник полиции,
тел: 89036448686,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕРАСИМОВА Мария Александровна,
преподаватель кафедры математики и информатики
Московского университета МВД России
имени В.Я Кикотя, майор полиции,
тел: 89144035527,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ФОРМЫ, ВИДЫ И УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *Автор своей научной статье проводит анализ правового регулирования порядка организации и проведения публичного мероприятия, форм и видов публичных мероприятии, проводит исследование практических вопросов охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при выявлении нарушений установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.*

Ключевые слова: *публичные мероприятия, уполномоченный представитель, условия, безопасность, органы внутренних дел, порядок.*

KARMANOV Oleg Anatolyevich,
Associate Professor, Department of Administrative Law and
Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate
Bryansk Branch of the Oryol Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law
Police Lieutenant Colonel

GERASIMOVA Maria Aleksandrovna,
Lecturer, Department of Mathematics and Computer Science, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Police Major

ON THE LEGAL REGULATION OF ORGANIZING AND HOLDING PUBLIC EVENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: FORMS, TYPES, AND CONDITIONS

Annotation. *The author of this research article analyzes the legal regulation of the procedures for organizing and holding public events, as well as the forms and types of public events. He also conducts a study of practical issues related to maintaining public order and ensuring public safety when violations of the established procedures for organizing or holding meetings, rallies, demonstrations, marches, or pickets are identified.*

Key words: *public events, authorized representative, conditions, security, internal affairs agencies, procedure.*

Правовое регулирование и его детализация имеют принципиальное значение для рассматриваемой проблематики. Современная практика проведения публичных мероприятий характеризуется качественным многообразием, равно как и цели, а также организационно-правовая специфика самих мероприятий, обуславливающая особенности взаимодействия их организаторов и компетентных органов власти, в том числе правоохранительной направленности.

В рамках анализируемой деятельности часто используется не только понятие публичные мероприятия, которое получило законодательное закрепление, но и категория «массовые мероприятия». Единых содержательных критериев массовых мероприятий в действующем законодательстве не определено, однако в рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на ч. 6 ст. 12 Федерального закона «О полиции», в которой среди обязанностей полиции закрепляется обеспечение безопасности граждан и общественного порядка при проведении публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и др.) и содействие организаторам массовых мероприятий (спортивных, зрелищных и др.) в осуществлении вышеназванного функционирования [1].

Разграничение указанных разновидностей мероприятий объективно обусловлено законодательным закреплением различных требований к их организации и проведению, и если в отношении публичных мероприятий комплексная регламентация осуществляется Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», то различные организационно-правовые аспекты массовых мероприятий регулируются целым рядом нормативно-правовых актов в зависимости от содержательной специфики самих мероприятий.

Важно отметить, что формы публичных мероприятий конкретизированы в действующем законодательстве. Примечательно, что основные из них получили свою регламентацию непосредственно в конституционном положении, поскольку помимо закрепления права для граждан РФ собираться мирно, без оружия в ст. 31 Конституции, в указанной норме содержится прямое упоминание собрания, митинга и демонстрации, шествия и пикетирования. Указанные формы выступают основными организационно-правовыми моделями мирного собрания граждан в целях выражения существующих и формирования новых мнений, выдвижения определенных требований по различным направлениям реализации внешней и внутренней политики на территории российского государства, а также обеспечения диалога между избирателями и кандидатами в рамках отдельных электоральных процессов.

Российский законодатель совершенно справедливо определяет содержательные характеристики вышеназванных форм публичных мероприятий.

Во-первых, подобная законодательная конкретизация содействует эффективному функционированию гражданского общества, в том числе организаторов подобных мероприятий, позволяя им определить форму мирного собрания с учетом специфики его целенаправленности и соответствующей организационной модели.

Во-вторых, законодательная регламентация позволяет избежать ошибочного толкования сущности и порядка организации и проведения конкретных публичных мероприятий.

В рамках данного пособия видится необходимым подробно рассмотреть формы публичных мероприятий, регламентированные действующим законодательством, а также встречающиеся в современной практике их разновидности.

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» под собранием следует понимать совместное присутствие граждан в специально отведенном или приспособленном для этого месте для коллективного обсуждения каких-либо общественно значимых вопросов. Российский законодатель определяет собрание как форму коллективного обсуждения, при этом акцентирует внимание на характеристике соответствующих вопросов – общественная значимость. Именно данная характеристика наиболее часто критикуется в научной литературе, поскольку общественная значимость может зависеть от ряда факторов, начиная от состава участников и заканчивая сферой обсуждаемых вопросов и актуальностью их решения в конкретный период [2]. Следует также обратить внимание на тот факт, что собрание не является спонтанным и хаотичным публичным мероприятием, о чем свидетельствует законодательное требование к специально отведенному или приспособленному для подобного обсуждения месту.

Следующей формой публичных мероприятий является митинг, который определяется российским законодателем как массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера (п. 3 ст. 2 Федерального закона «О

собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»). Коллективный формат, наличие определенного места – схожие характеристики для многих публичных мероприятий, однако спецификой митингов является их массовость, целенаправленность – публичное выражение общественных мнений и общественно-политический характер оснований для их формирования. Если предметно-сущностный характер мероприятия регулярно фигурирует в определениях форм публичных мероприятий, то такой критерий как массовость закреплен лишь в отношении отдельных из них (митинги и шествия). Также данный критерий подвергается частой критике, поскольку законодательно не закреплены количественные показатели массовости.

В п. 4 ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» демонстрация также определена как организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан, однако существенной спецификой данного публичного мероприятия является использование во время передвижения, в том числе на транспортных средствах, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации. Таким образом, в отличии от митинга в демонстрациях присутствует не просто динамика перемещения в процессе выражения общественных настроений и наглядность отражения сформированных мнений, но и данная форма является единственной в которой допустимо использование транспортных средств, что в целом видится целесообразным в контексте возможностей передвижений. Следует отметить, что российский законодатель не определяет для демонстраций предметно-содержательных характеристик, что позволяет сделать вывод о возможности их проведения по различным вопросам.

Еще одной формой публичного мероприятия, предполагающей динамичное перемещение его участников, является шествие, под которым следует понимать массовое прохождение граждан по заранее определенному маршруту в целях привлечения внимания к каким-либо проблемам (п. 5 ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»). Шествие ориентировано на пеший способ передвижения участников, что исключается использование транспортных средств. Предметно-содержательные требования также ориентированы на проблемный характер тематик, выступающих основами для организации и проведения соответствующего публичного мероприятия.

Весьма специфической формой публичного мероприятия является пикетирование, которое в соответствии с п. 6 ст. 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» предполагает размещение одного или более граждан у пикетируемого объекта. Несмотря на общую ориентацию на публичное выражение мнений, данная форма исключает возможность передвижения участников пикета и использования ими звукоусиливающих технических средств. Допустимыми при этом являются средства наглядной агитации и быстровозводимые сборно-разборные конструкции. Уникальность пикетирования заключается в возможности его одиночного проведения, а также в отсутствии предметно-содержательных требований к организации и проведению.

На основе проведенного анализа законодательных положений, регламентирующих организационно-содержательную специфику основных форм публичных мероприятий следует сделать вывод о том, что они качественно отличаются друг от друга, что объективно обусловлено многоаспектностью общественной жизни и сфер, в которых они проводятся. Их целенаправленность напрямую связана с значением реализации свободы мирных собраний в контексте развития функционирования российского общества и государства, а также стремления к обеспечению частных и публичных интересов.

Как отмечалось ранее, формы публичного мероприятия обуславливают специфику организационно-правовой модели его проведения.

Данная специфика помимо всего прочего отражается в сроках, установленных действующим законодательством для подачи уведомления о его проведении в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации или орган местного самоуправления:

при проведении всех публичных мероприятий (за исключением публичного мероприятия, проводимого депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти, депутатом представительного органа муниципального образования в целях информирования избирателей о своей деятельности при встрече с избирателями, а также собрания и пикетирования, проводимого одним участником без использования быстровозводимой сборно-разборной конструкции)

при проведении публичного мероприятия депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти, депутатом представительного органа муниципального образования в целях информирования избирателей о своей деятельности при встрече

с избирателями (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одним участником без использования быстровозводимой сборно-разборной конструкции)

при проведении пикетирования группой лиц либо пикетирования, осуществляемого одним участником с использованием быстровозводимой сборно-разборной конструкции, создающей препятствия для движения пешеходов и транспортных средств

Указанные сроки объективно обусловлены необходимостью проработки различных аспектов организации и проведения конкретных разновидностей публичных мероприятий, и направлены на обеспечение максимально эффективного взаимодействия их организаторов с компетентными органами власти, в том числе правоохранительной направленности, в целях охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности участников данных мероприятий. При этом, важно отметить, что согласно п. 1 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в случае полного совпадения вышеназванных сроков подачи уведомления с нерабочими праздничными днями, оно может быть подано в последний рабочий день, предшествующий нерабочим праздничным дням. Особенно данная ситуация актуальная для длительных праздников, например, таких как новогодние. При исчислении сроков подачи уведомления о проведении публичного мероприятия не учитываются день получения такого уведомления органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления и день проведения публичного мероприятия.

Также серьезной спецификой в части уведомительного порядка обладает пикетирование. Во-первых, уведомление об одиночном пикета при его проведении без использования быстровозводимой сборно-разборной конструкции не требуется, при наличии соответствующих конструкций – уже требуется. Во-вторых, одиночные пикеты имеют место быть тогда, когда соблюдены минимально допустимые требования к расстоянию между лицами, осуществляющими указанное пикетирование, которые определяются региональным законодательством (но не более пятидесяти метров). На практике возникают ситуации, когда одиночные пикеты даже в случае соблюдения соответствующих требований при совокупном их проведении разными лицами, объединенными единым замыслом и общей организацией, в том числе участие в таких актах поочередно, может быть признана решением суда по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу одним публичным мероприятием.

Кроме того, в условиях повсеместной информатизации и цифровизации происходит трансформация анализируемой деятельности. Так, в настоящее время публичные акции проводятся в интернет-пространстве, однако их организация и проведения представляется неурегулированным. Учитывая значение информационных технологий в жизни современного человека видится перспективным разработать правовые режимы организации и проведения публичных мероприятий в онлайн-формате, что предопределяет необходимость предшествующего теоретико-правового осмысления заявленной проблематики.

Важно отметить, что в правовой литературе достаточно часто понятия «публичные мероприятия» и «массовые мероприятия» используются как тождественные, однако целенаправленность данных мероприятий существенно отличается, и если в случае с публичными речь идет об общественной значимых вопросах и выражении мнений, то массовые мероприятия спортивного, культурно-зрелищного и иного характера направлены на физическое, духовное и иное развитие личности. Верховный суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал значение цели публичного мероприятия, указанной в уведомлении о его проведении, которая должна быть определенной и не допускающей ее произвольного или неоднозначного толкования, а также отражать планируемый результат проведения публичного мероприятия [3].

В данном контексте следует подчеркнуть большое количество авторских классификаций, в которых также происходит подмена вышеназванных категорий, либо они рассматриваются как единые в содержании и организационно-правовых моделях. В связи с этим в правовой литературе предлагается публичные мероприятия разделять на общественно-политические, культурно-зрелищные, спортивно-массовые, религиозные (похоронные). Также высказывается спорное мнение о многочисленности и разнообразии именно публичных мероприятий [4].

Также ошибочным представляется определение собраний, митингов демонстраций, шествий или пикетирований как видов публичных мероприятий.

Исходя из законодательных положений – это формы публичных мероприятий, специфика которых обусловлена целенаправленностью и организационно-правовыми особенностями проведения.

Участниками таких мероприятий являются

как индивидуальные физические лица – граждане Российской Федерации, так и лица имеющие иные специальные правовые статусы: члены политических партий, члены и участники других общественных объединений и религиозных объединений. Единым для всех участников публичных мероприятий является добровольный формат участия в них.

Никто не может принуждаться в насильственной форме, а также мотивироваться иными способами. Как отмечалось ранее, основной целью публичных мероприятий выступает выражение общественного мнения по различным вопросам.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» участники публичных мероприятий имеют права, которые связаны в большей степени непосредственно с проведением публичного мероприятия, нежели с процессом его организации.

Также действующее законодательство акцентирует внимание на недопустимости определенного поведения со стороны участников публичных мероприятий, также вне зависимости от формы их проведения:

Рисунок 1.

Подводя итоги, стоит отметить, что действующее федеральное и региональное законодательство, а также практика высших судебных органов формируют организационно-правовые модели проведения публичных мероприятий с учетом специфики их форм, которые связаны непосредственно с целями соответствующего мероприятия.

Учет законодательных требований выступает основой не только эффективного взаимодействия организаторов мероприятий и компетентных органов, но и в первую очередь направлено на содействие реализации прав человека и гражданина на территории российского государства.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[2] Риэккинен М.А. Право на мирные собрания: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Финляндии // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 37.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Российская газета. 2018. № 145. 06 июля.

[4] Бачурин А.Г. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий / А. Г. Бачурин. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. С. 33.

References:

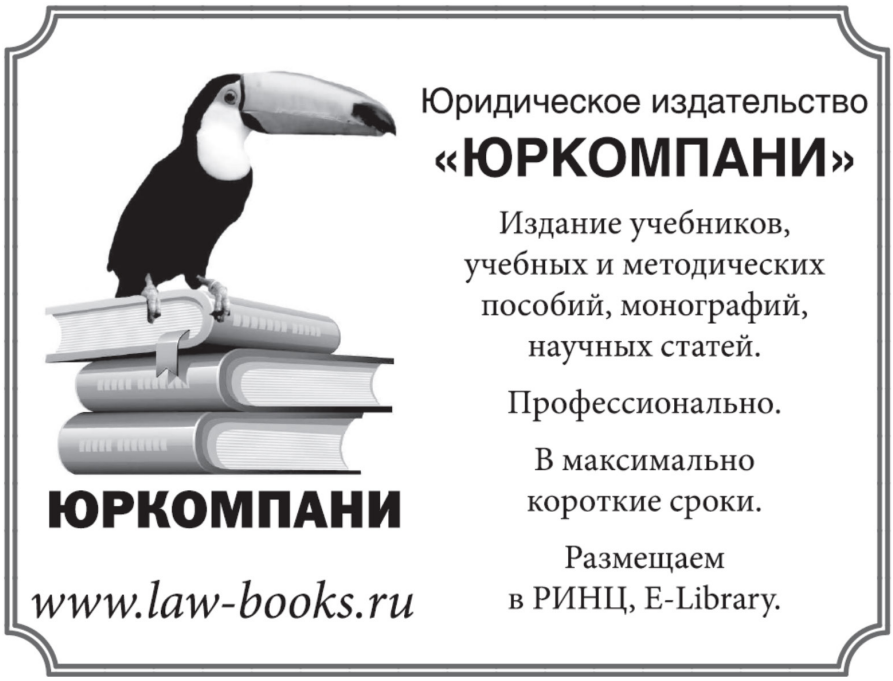
[1] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended on 28.02.2025) // Collected

Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 7. Article 900.

[2] Riekkinen M.A. The Right to Peaceful Assembly: A Comparative Legal Analysis of the Legislation of Russia and Finland // Current Issues of Russian Law. 2016. No. 12. P. 37.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.06.2018 No. 28 “On Certain Issues Arising in Courts When Considering Administrative Cases and Cases of Administrative Offenses Related to the Application of Legislation on Public Events” // Rossiyskaya Gazeta. 2018. No. 145. July 6.

[4] Bachurin A. G. Police in the administrative-legal mechanism of ensuring law and order during the preparation and holding of mass and public events / A. G. Bachurin. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-54-64

МОРОЗОВ Александр Владимирович,
главный научный сотрудник,
ФКУ «НИИ ФСИН России»,
e-mail: doc_morozov@mail.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА»

Аннотация. *В статье рассматривается проблема, обусловленная важностью сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе отечественного образования в условиях цифровой трансформации образовательного пространства, сопровождающегося широким внедрением в образовательный процесс технологий, так называемого, «искусственного интеллекта», а также с учётом того агрессивного воздействия, которое оказывается недружественными странами Запада в отношении нашего государства, характеризующегося попытками активного внедрения и навязывания псевдоценностей, чуждых отечественной культуре и веками складывавшимся традициям. В этой связи, особое внимание уделяется рассмотрению содержания Указа Президента РФ, которым были утверждены основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.*

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, образование, технологии «искусственного интеллекта», Указ Президента РФ, патриотизм, традиционные ценности, общество, человек, воспитание, гражданская идентичность, цифровая трансформация, образовательное пространство, цифровые ресурсы.*

MOROZOV Alexander Vladimirovich,
chief researcher,
FSI «Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia»

SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE SYSTEM OF DOMESTIC EDUCATION IN THE CONDITIONS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation. *The article discusses the problem caused by the importance of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values in the national education system in the context of the digital transformation of the educational space, which is accompanied by the widespread introduction of so-called «artificial intelligence» technologies into the educational process, as well as taking into account the aggressive influence exerted by unfriendly Western countries on our country, which is characterized by attempts to actively introduce and impose pseudo-values that are alien to Russian culture and centuries-old traditions. In this regard, special attention is paid to the content of the Presidential Decree that approved the foundations of the state policy for preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values.*

Key words: *spiritual and moral values, education, «artificial intelligence» technologies, Presidential Decree, patriotism, traditional values, society, individual, upbringing, civic identity, digital transformation, educational space, digital resources*

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее по тексту – Указ Президента РФ) утверждены основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В соответствии с Указом Президента РФ «традиционные ценности – это нравственные ориентиры, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности. К

ним относятся:

жизнь, достоинство, права и свободы человека;

патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу;

высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд;

приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость;

коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение;

историческая память и преемственность поколений, а также единство народов России» [30].

В Указе Президента РФ подчёркивается, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию. Российская Федерация, согласно Указа Президента РФ, рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет, осуществлять единство страны, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

Кроме традиционных ценностей, в Указе Президента РФ названы системы идей и ценностей, которые являются чуждыми российскому народу и разрушительными для российского общества, однако их список имеет открытый характер:

культивирование эгоизма, вседозволенности и безнравственности;

отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству;

отрицание естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности и созидательного труда;

отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру;

разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений [30].

Также, в Указе Президента РФ отмечено, что угрозу представляет деятельность экстремистских и террористических организаций, «отдельных средств массовой информации и коммуникации», действия США и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность «некоторых организаций и лиц» на территории России.

Среди областей, в которых реализуется государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей, в первую очередь, названы образование и воспитание. Кроме того, в Указе Президента РФ сделан акцент на том, что в целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии, реформы в области образования и воспитания должны проводиться с учётом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта, при условии проведения широкого общественного обсуждения. Государственная политика предполагает воспитание в духе уважения к традиционным ценностям.

В условиях непрекращающихся попыток создания деструктивными, антироссийскими силами условий для саморазрушения нашего общества, ослабления семейных, дружеских и иных социальных связей, активизируется негативное информационно-психологическое воздействие, а также иная деятельность, направленная на отрицание российской самобытности, ослабление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России, создание условий для межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Вопросы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей стали крайне актуальными в современных условиях, характеризующихся обострением международных отношений, резким возрастанием геополитических рисков, применением к Российской Федерации политических и экономических санкций, а также циничной «культуры отмены» со стороны США, коллективного Запада и недружественных стран.

Именно поэтому, по нашему мнению, особенно значим и важен акцент, сделанный в Указе Президента РФ: «ситуация в России и мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей» [30].

Приведённому выше Указу Президента РФ предшествовало принятие Федерального закона № 304 от 31.07.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся», в п. 2 которого представлена следующая формулировка дефиниции «воспитание»: «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, *духовно-нравственных ценностей* и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального

народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [31].

Таким образом, дефиниция «*духовно-нравственные ценности*» не только получила соответствующую своему статусу надлежащую оценку на самом высоком государственном уровне, но и была обозначена в качестве «краеугольного камня» всей системы воспитания в Российской Федерации, в том числе, и, в первую очередь, в сфере отечественного образования.

В целом ряде публикаций последних лет отечественными исследователями отмечаются наиболее значимые аспекты рассматриваемой нами проблемы, среди которых выделяются: конституционные духовно-нравственные ценности России [7]; духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности Российской Федерации [6]; интеграция науки и образования, как эффективное средство сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей [3]; традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации [4]; противодействие негативному информационно-психологическому воздействию в контексте сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей [23] и др.

Отдельного внимания заслуживают публикации, в которых рассматривается проблематика традиционных российских духовно-нравственных ценностей применительно к сфере образования [1; 12; 18; 29 и др.], а также вопросы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей в условиях современных угроз и рисков [13], проблемы и перспективы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей [17], стратегические задачи в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей [11], некоторые аспекты переоценки духовно-нравственных ценностей в российском обществе [33]; влияние средств массовой информации на воспитание, физическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних [25] и др.

Во многих из перечисленных нами выше публикаций подчёркивается мысль о том, что в сложившихся условиях крайне важно не допустить риски, связанные с попытками подрыва доверия к институтам государства, дискредитации идеи служения Отечеству, формирования негативного отношения к воинской службе и государственной службе, в целом.

Тот факт, что за последние три десятилетия резко снизилось качество отечественного образования, в целом, сегодня уже не подвергается сомнениям ни среди профессионалов-практиков, ни в научных кругах среди исследователей, занимающихся изучением проблемы на разных уровнях образования.

Уровень знаний студентов (по результатам проверок, проведённых сотрудниками Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки совместно с аттестованными экспертами из числа работников высшей школы) находится на уровне показателя «ниже среднего». Студентами из числа старшекурсников лучших столичных вузов были продемонстрированы следующие результаты: «теоретическую часть сдали меньше трети участников (102 из 345), а практическую – и вовсе – лишь 19 (!) человек» [2].

Бесконечное реформирование системы высшего образования в России в последние десятилетия, сопровождаемое регулярным переформатированием федеральных государственных образовательных стандартов, а, вместе с этим, разработкой и переработкой рабочих программ учебных дисциплин, учебно-методических комплексов, фондов оценочных средств и др. основательно изнурили и вымотали профессорско-преподавательский корпус высшей школы, постепенно деградировавший из категории «научно-педагогических работников» в категорию «методистов» и «лекторов», которым стало некогда заниматься реальными научными исследованиями, уделять достаточное внимание руководству научно-исследовательской работой студентов, в связи с чем, на общем фоне продолжающегося снижения престижности труда педагога, усилилась текучка наиболее высококвалифицированных и востребованных в высшей школе специалистов.

При этом, молодые и перспективные специалисты, успешно овладевшие новыми цифровыми инструментами, необходимость которых резко возросла в период недавнего перехода всей системы отечественного образования на дистанционный формат обучения, обусловленный угрозой распространения пандемии COVID-19 [38], освоившие новые цифровые образовательные технологии и направления, включая особенно востребованные сегодня технологии «искусственного интеллекта» [8; 9; 14; 20; 22; 24; 26; 27; 35 и др.], не стремятся работать в высших учебных заведениях, причиной чего является низкий уровень заработной платы.

Ещё одним неприятным фактом является то, что многие выпускники вузов не работают по полученной ими специальности, а диплом об окончании высшей школы выполняет функцию формального «статусного» документа, подтверждающего наличие необходимой «ступени» образования для того, чтобы претендовать на занятие той или иной вакансии. В этой связи возникает вполне закономерный

вопрос: стоило ли учиться несколько лет, занимая, вполне вероятно, чьё-то чужое место, чтобы в дальнейшем даже не рассматривать перспективу своего трудоустройства в соответствии с полученными в вузе компетенциями.

Современная система высшего образования является основным механизмом развития общества в силу своего устройства на процессах:

систематизации;

творческой переработки;

организованного усвоения социокультурного опыта предшествующих поколений [2].

Одними из наиболее актуальных и, вместе с тем, наиболее болезненных проблем российской высшей школы в современных условиях, обусловленных цифровой трансформацией образовательного пространства, являются:

вопросы финансового обеспечения (увеличение расходов бюджетных средств на образование);

материально-техническое обеспечение, в целом;

рост престижа профессии педагога;

повышение качества подготовки обучающихся;

обеспечение трудоустройства выпускников вузов и др.

Выступая с посланием к Федеральному собранию 21 февраля 2023 года, Президент РФ В.В. Путин обозначил вектор дальнейшего развития системы высшего образования в контексте назревших существенных изменений с учётом новых требований во всех сферах жизни: «для высшей школы необходим синтез советской системы образования и нового опыта» [28].

В современном мире, где цифровые технологии занимают всё более заметное место в общественной жизни, образование не может оставаться в стороне от этих изменений. Цифровая трансформация образовательного пространства приводит к изменению не только технических аспектов учебного процесса, но и к существенным изменениям ценностных ориентиров. Цифровизация образовательного процесса предъявляет новые требования ко всей системе образования. В первую очередь, это требует изменения ценностных оснований и ориентиров. В условиях цифровой экспансии воспитательно-учебный процесс не должен быть ограничен рамками учебных программ и знаний. Вместо этого, необходимо создавать возможности для организации полноценной воспитательной составляющей, а также для эффективной коммуникации и сотрудничества всех субъектов образовательных отношений.

Одним из главных изменений, которое происходит в современных условиях, характеризующихся процессом глобальной цифровизации, является переход от изучения отдельно взятой учебной дисциплины к наработке компетенций. При этом, основному и главному процессу – воспитанию – практически не уделяется не только должного, но и практически никакого внимания вообще (считаем необходимым отметить, что вполне очевидное исключение здесь составляют образовательные организации, относящиеся к различным силовым и правоохранительным структурам).

Вместо того, чтобы сосредотачиваться на отдельных предметах, цифровой формат образования нацеливает обучающихся решать разнообразные задачи, используя знания и навыки из различных областей. Это приводит к появлению новых ценностных ориентиров, таких как коммуникативная компетентность, работа в команде, осознание своих возможностей и ограничений.

Одним из главных факторов, влияющих на изменение ценностей, является доступ к информации. Благодаря цифровым технологиям обучающиеся имеют возможность получать знания не только из учебников, но и из различных источников, включая открытые онлайн-курсы, видеолекции, научные статьи и т.д. Это позволяет им расширять свой кругозор, получать новые знания и умения, а также более критически оценивать информацию.

Среди наиболее очевидных изменений, которые происходят в ценностных ориентациях обучающихся в условиях цифровизации образовательного пространства, можно выделить следующие:

1) *изменение приоритетов* (приоритеты обучающихся начинают переходить с реального мира на виртуальный: виртуальный мир становится для обучающихся главной сферой жизни, превосходя реальную жизнь важностью);

2) *изменение ценностных ориентиров* (увлечение играми, социальными сетями и другими онлайн-форматами делает обучающихся менее социальными и менее заинтересованными в реальной жизни: они могут забывать о традиционных ценностях, таких как семья, дружба, уважение к старшим и т.д.);

3) *изменение представлений о коммуникации* (интернет и социальные сети дают возможность обучающимся общаться со сверстниками и взрослыми по всему миру, но это меняет их представления о том, что такое настоящая коммуникация, зачем она нужна и как ее проводить);

4) *изменение восприятия информации*

(интернет обеспечивает доступ к неограниченному количеству информации, что, в свою очередь, влияет на способ восприятия обучающимися информации: они начинают ориентироваться на краткость и быстроту передачи информации);

5) *изменение отношения к обучению* (цифровые технологии меняют отношение обучающихся к учебному процессу: они могут стать более заинтересованными в изучении новых технологий, чем в традиционных предметах).

Как же в этой ситуации помочь обучающимся сохранить важные ценности и ориентиры, которые будут полезны им в их будущей жизни:

во-первых, нужно обеспечивать баланс между реальной и виртуальной жизнью (обучающиеся должны иметь возможность не только общаться в онлайне, но и принимать участие в реальных мероприятиях, проводить время с друзьями и близкими);

во-вторых, нужно формировать у обучающихся знания и умения, которые необходимы для полноценного функционирования в реальном мире (это включает в себя умение общаться, умение работать в команде, уважение к старшим, культуру поведения);

в-третьих, необходимо проводить работу по развитию личностных качеств обучающихся, таких как самоуважение, ответственность, трудолюбие и т.д. (эти качества будут полезны как в реальной, так и в виртуальной жизни).

Сегодня очень много и очень многие хорошо и правильно говорят о патриотизме и патриотическом воспитании, о необходимости и важности его формирования, как духовно-нравственной ценности [5; 15; 16; 21; 32 и др.]. При этом, далеко не все обращают внимание на тот, вполне очевидный, факт, что формирование этого самого «патриотизма», уважительного отношения к своей Родине, становление патриота своей страны начинается с себя – с каждого из нас, в отдельности.

Нельзя, одновременно, повествовать окружающим о необходимости чего-либо, убеждая в том, как это важно и не являться носителем этого «важного» в себе самом, в своей душе и своём сердце – это будет не только не убедительно и фальшиво, но и весьма безответственно и сверхцинично и, что самое главное – вполне очевидно для тех, кто вокруг, а, стало быть – в результате, возымеет совершенно противоположное воздействие, имеющее эффект отторжения и неприятия того самого «очень важного и необходимого».

Попав в заранее подготовленную и усиленно «удобренную» почву, «семена» чуждой для нашего народа Западной псевдокультуры и псевдотрадиций, в последние три десятилетия, ощутимо «проросли», что не могло не повлиять на веками складывавшийся менталитет и особую ментальность нашего народа [19], характеризовавшийся ярко выраженным коллективизмом и соборностью. В частности, в сознание людей исподволь превносились (и превозносились в качестве не подлежащих сомнению и обсуждению аксиом-постулатов) элементы крайнего индивидуализма, эгоцентризма, антипатриотизма и т.д.

Многие средства массовой информации открыто транслировали и популяризировали «продукты», содержащие, нередко, завуалированную, а, иногда, и вполне очевидную Западную идеологическую «окраску», оказывающую крайне негативное воздействие на здоровье и воспитание подрастающего поколения [25], насаждая чуждые ценности и смыслы, способствуя продвижению ложных ориентиров и приоритетов.

Всё это происходит в условиях глобальной цифровой трансформации, когда приоритетными и наиболее важными становятся задачи развития технологий «искусственного интеллекта», направленные на обеспечение национальных интересов, научно-технологическое развитие, разработку стратегических проектов. Сегодня в вузах повсеместно открываются программы по изучению технологий «искусственного интеллекта».

Для системы отечественного образования особенно важной является задача дифференциации тех сфер и областей применения, где технологии «искусственного интеллекта» могут использоваться не во вред развитию когнитивных способностей и уровня интеллекта обучающихся [14; 26 и др.]. Цифровые девайсы и технологии, став неотъемлемой частью жизни современного человека, постепенно и незаметно подсаживают его на «цифровую иглу», не оставляя никаких шансов на выбор иного пути, кроме как на полное и безоговорочное погружение в «омут цифровизации», который, по мнению целого ряда исследователей [9; 34; 35 и др.], наполнен, отнюдь, не стопроцентным позитивом и достоинствами. Подавляющее большинство опрошенных нами представителей студенческой молодёжи (82%) осознают потенциальные риски, присущие современной цифровой среде, и только 18% респондентов, в соответствии с анализом полученных результатов, сомневаются или не уверены в этом.

Цифровые ресурсы позволяют обучающемуся в короткий промежуток времени получить практически неограниченный объём различной информации (в том числе, и учебного

предназначения), но, при этом, возникает весьма серьёзная коллизия: дефиниция «информация», отнюдь, не тождественна дефиниции «знания». Даже самые совершенные и высокотехнологичные девайсы, **в принципе, не способны превращать информацию в знание, а значения в смыслы.** Пропорция, обусловленная большим объёмом информации, вовсе не означает аналогичного приращения знаний. Да, и саму информацию разные люди воспринимают по-разному, исходя из своего жизненного опыта, сложившихся конструктов и установок, ценностных ориентаций и т.д.

Процесс активного использования обучающимися и, в первую очередь, несовершеннолетними, различных цифровых девайсов и технологий, способствующий их глубокому погружению в «пучину» цифрового виртуального пространства, неминуемо приводит к деградации мозга, уже получившей название «цифровое слабоумие» (или «цифровой деменцией» – «digital dementia»). «Это диагноз, означающий нарушение когнитивных функций мозга и поражение отдельных его участков. Впервые этот диагноз поставили в Южной Корее в 2007 году младшим школьникам, когда оказалось, что изменения, которые произошли в их мозге, очень напоминают старческое слабоумие или деменцию. По мнению доктора Б. Джи-уона из сеульского Центра развития мозга, зависимость от новых цифровых технологий препятствует нормальному развитию мозга, так как при этом происходят атипичные процессы: в основном, развивается левое полушарие, а правое – остаётся слаборазвитым или не используется вовсе, что в 15% случаев ведёт к цифровой деменции» [39].

В России об этом негативном последствии цифровизации стали говорить относительно недавно, и до сих пор к обозначенной проблеме ещё не относятся со всей серьёзностью. Более того, отдельные учёные считают эту проблему надуманной и не имеющей под собой достаточных оснований, в силу чего воспринимают её как некую «страшилку», далёкую от реальности. Но, если в нашей стране пока ещё отсутствуют систематические обобщающие исследования заявленной проблемы, а тема цифровой зависимости на государственном уровне фактически не обсуждается, на Западе количество подобных исследований неуклонно растёт: психологи и психиатры, педиатры, нейробиологи, нейрофизиологи, представители других профессий – принимают активное участие в рассмотрении проблемы.

К весьма интересным и значимым исследованиям, по нашему мнению, следует отнести книгу немецкого психиатра и нейрофизиолога Манфреда Шпитцера «Цифровое слабоумие. Как мы лишаем разума себя и своих детей», название которой было переведено на русский язык, мягко говоря, не вполне корректно: «Антимозг. Цифровые технологии и мозг», что вполне объяснимо, если принять во внимание нежелание адептов цифровой трансформации посеять малейшее «зерно сомнений» у рядовых обывателей, вовлекаемых в процесс глобальной цифровизации и далёких, при этом, от научного поиска и анализа, а также сопоставления реальных цифр и фактов.

Необходимо отметить, что в указанной нами выше книге М. Шпитцера «достаточно детально представлены дисфункции вследствие отрицательного воздействия цифровых технологий на детей и приведён систематизированный статистический материал, посвящённый этой тематике» [36].

Головной мозг, как и любой орган человека, нуждается в регулярной тренировке, в связи с чем имеющиеся на сегодняшний день данные исследований убедительно подтверждают тот факт, что интенсивное использование определённых зон головного мозга приводит к их увеличению и, напротив, отсутствие нагрузки на головной мозг приводит, в конечном итоге, к уменьшению его размеров. Процесс цифровизации, в целом, и различные цифровые девайсы, в частности, избавляя человека от необходимости кропотливого умственного труда, лишают его регулярных «тренировок» ума, приводя к постепенному отмиранию недостаточно используемого и нагружаемого органа.

Реальное фактическое исследование окружающего мира сегодня подменяется виртуальным, что на практике способствует существенному ограничению возможностей человеческого познания. Мозг ребёнка, будучи лишённым получения необходимой ему для развития и нормального функционирования «пищи», начинает деградировать, что обусловлено атрофированием живых тканей в результате регулярного «голодания» важнейших участков мозга, ответственных за концентрацию внимания, сопереживание, самоконтроль, принятие решений и т.д.

Цифровизация образовательного процесса способствует снижению уровня интеллекта, что проявляется в утрате когнитивных функций и, в первую очередь, это сказывается на навыках мышления, снижении способности к критической оценке фактов и ориентации в потоках информации, а также умственной работоспособности, в целом. «Восприятие информации постепенно становится всё более поверхностным. Если раньше тексты читали,

сегодня их бегло просматривают, то есть скачут по верхам. Раньше в тему вникали, сегодня вместо этого путешествуют по Интернету (то есть скользят по поверхности информации; появилось даже слово «сёрфить»)» [36].

Всё это на практике приводит к закреплению, так называемого, «клипового мышления» у ребёнка, означающего особенность восприятия окружающего мира посредством коротких теленовостей, видеоклипов, различного рода ярких образов и т.д. При этом, окружающий мир не воспринимается целостно, а в виде небольших блоков событий, не связанных между собой и сменяющих друг друга без всякой логической связи. Таким образом, мир становится подобен калейдоскопу осколков информации и разрозненных фактов. Кроме того, как отмечает исследователь А. Косенко, современные дети, в большинстве своём, «совсем мало читают и очень плохо запоминают прочитанное, но самое ужасное в том, что они не понимают смысла прочитанного и очень быстро забывают то, чему их недавно учили. В процессе одного из исследований российским старшеклассникам предложили ответить на ряд элементарных вопросов из программы предыдущих классов, результаты показали, что коэффициент усвоения знаний у школьников равен всего лишь… 10%» [10].

Авторы целого ряда исследований обозначают такие негативные аспекты как утрата личностью своей социальности, появление зависимости от виртуального взаимодействия [35; 37 и др.], что, в свою очередь, порождает психологические проблемы, приводящие к деформациям в развития личности, а, нередко, и к личностной деструкции. Снижение когнитивных способностей, уровня умственной активности, ухудшение памяти, внимания является закономерным итогом систематического и чрезмерного использования обучающимся технологий «искусственного интеллекта» в ущерб развитию своего собственного интеллекта [8; 14; 20; 22; 26 и др.]. Всё это, в совокупности, формирует весьма настороженное отношение к цифровой реальности, пронизывающей многие сферы жизни современного человека и, в первую очередь, сферу современного образования.

Одним из выявленных следствий цифровизации современного образовательного пространства становится ликвидация у детей системного и аналитического мышления: мозг утрачивает способность конструирования образа будущего и, соответственно, постановки цели перед собой. В случае совмещения дистанционного формата образования с традиционным, а, тем более, замены второго первым – время, необходимое для осуществления качественного мыслительного процесса, у обучающихся будет неуклонно сокращаться.

В процессе обособления, отдавая предпочтение различного рода девайсам вместо реального общения с окружающими, ребёнок не создаёт социальные связи, подвергаясь эпидемии «цифрового аутизма», характеризующегося развитием суицидальных наклонностей и проявлений депрессии, в результате чего проявляет агрессию, социальную настороженность и внутреннее напряжение, склонность к конформизму. Ребёнок утрачивает способность поддержания длительного психологического контакта с окружающими, теряет интерес к внутреннему миру другого человека и т.д.

Резюмируя всё вышеизложенное, считаем необходимым сделать следующие выводы: технологии «искусственного интеллекта», безусловно, революционизируют процесс обучения, имеют определённый потенциал для мотивации обучающихся, их вовлечённости в образовательный процесс. Вместе с тем, технологии «искусственного интеллекта» имеют немало минусов и скрытых проблем, о которых необходимо говорить и которые важно не только предвидеть, но и предупреждать, так как они могут способствовать утрате тех самых духовно-нравственных ценностей, о которых шла речь в самом начале данной статьи. С одной стороны, цифровые образовательные технологии являются важным инструментом для обучения, развития и коммуникации, но, с другой стороны, они создают новые угрозы, вызовы и риски для осуществления процесса полноценного воспитания, направленного на развитие личности обучающегося, создание условий для самоопределения и социализации на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей.

Список литературы:

[1] Беляева В. А. Духовно-нравственные ценности в системе непрерывного образования России / В. А. Беляева // В сборнике: Образование через всю жизнь**: непрерывное образование в интересах устойчивого развития**. – Улан-Удэ, 2011. – С. 237-240.

[2] Боброва Т. А. Современная система высшего образования Российской Федерации: основные проблемы и пути их решения / Т. А. Боброва // Молодой учёный. – 2018. – № 45 (231). – С. 129.

[3] Гладких В. В. Интеграция науки и образования как эффективное средство сохранения и укрепления духовно-нравственных

ценностей / В. В. Гладких, Е. И. Панкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28. – № 3. – С. 580-591.

[4] Горлова И. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования / И. И. Горлова // Культурологический журнал. – 2021. – № 2 (44). – С. 10-14.

[5] Дивногорцева С. Ю. Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры / С. Ю. Дивногорцева. – М.: ПСТГУ, 2012. – 237 с.

[6] Ефимцева Т. В. Духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности Российской Федерации / Т. В. Ефимцева // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2022. – № 1 (51). – С. 26-28.

[7] Иванников Н. А. Конституционные духовно-нравственные ценности России: размышления над текстом Конституции Российской Федерации / Н. А. Иванников // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 13-16.

[8] Иванченко И. С. Оценка перспектив применения искусственного интеллекта в системе высшего образования / И. С. Иванченко // Science for Education Today. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 170-194.

[9] Каптерев А. И. Вызовы генеративного искусственного интеллекта для системы высшего образования / А. И. Каптерев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. – 2023. – Т. 20. – № 3. – С. 255-264.

[10] Косенко А. Что такое клиповое мышление / А. Косенко // Look At Me — Интернет-издание о креативных индустриях. URL: http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/207449-clip (дата обращения 07.06.2026).

[11] Лескин Д. Ю. О стратегических задачах в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Д. Ю. Лескин // Поволжский вестник науки. – 2022. – № 3 (25). – С. 7-12.

[12] Лю Ц. Система традиционных российских духовно-нравственных ценностей в вузах России / Ц. Лю // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. – № 4-1. – С. 111-117.

[13] Малышева Е. М. Возрастание роли защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей в условиях современных угроз и рисков // Приоритеты и перспективы устойчивого развития российских регионов: правовое измерение // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2023. С. 145-153.

[14] Матвеева И. П. Технологии «искусственного интеллекта»: перспективы развития и социально-психологические угрозы / И. П. Матвеева, А. В. Морозов, Е. Ю. Небродовская-Мазур // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2025. – № 3 (19). – С. 58-64.

[15] Мацефук Е. А. Духовно-нравственные ценности как основа воспитания патриотизма / Е. А. Мацефук, П. В. Разбегаев // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 199-201.

[16] Мижериков В. А. Патриотизм как важнейшая духовно-нравственная ценность / В. А. Мижериков // Конференциум АСОУ. – 2016. – № 2. – С. 541-550.

[17] Милькевич О. А. Сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: проблемы и перспективы / О. А. Милькевич // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80-2. – С. 233-236.

[18] Морозов А. В. Духовно-нравственные ценности в системе современного образования / А. В. Морозов // В сборнике: Информационный обмен в междисциплинарных исследованиях // Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Рязань: Академия ФСИН России, 2023. – С. 35-39.

[19] Морозов А. В. Изменение менталитета субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации образования / А. В. Морозов // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. – 2018. – № 14. – С. 65-73.

[20] Морозов А. В. О пользе и вреде внедрения «искусственного интеллекта» в систему современного образования / А. В. Морозов // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: психология, педагогика, экономика, управление и право // Сборник научных трудов II Ежегодной международной научно-практической конференции и Международных научно-практических конференций. – М.: МПСУ, 2024. – С. 541-547.

[21] Морозов А. В. Патриотизм как духовно-нравственная ценность человека и гражданина / А. В. Морозов // В сборнике: Драгомировские образовательные чтения // Сборник научных статей по VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: ПГУ, 2025. – С. 82-87.

[22] Морозов А. В. Перспективы внедрения

технологий «искусственного интеллекта» и их воздействие на интеллект человека в эпоху цифровизации / А. В. Морозов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество // Материалы VIII международной научно-практической конференции. – М.: УМЦ, 2026. – С. 174-177.

[23] Морозов А. В. Противодействие негативному информационно-психологическому воздействию в контексте сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей / А. В. Морозов // В сборнике: Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики // Материалы Международной научно-практической конференции. – СПб.: СПбУ МВД России, 2025. – С. 286-291.

[24] Морозов А. В. Современное образование через призму технологий «искусственного интеллекта» / А. В. Морозов // Человеческий капитал. – 2025. – № 12 (204). – С. 124-130.

[25] Морозов А. В. Влияние средств массовой информации на воспитание, физическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних / А. В. Морозов, Т. С. Самусева // В сборнике: Наука и практика: проблемы интеграции // Материалы Международной научно-практической конференции. – Котлас: КФ АГТУ, 2008. – С. 301-307.

[26] Нагорнова А. Ю. Искусственный интеллект в образовании: варианты применения: коллективная монография / А. Ю. Нагорнова, Р. М. Шерайзина, К. Р. Хачатурова [и др.]. – Ульяновск: Изд-во «Зебра», 2024. – 188 с.

[27] Полякова А. В. Синергия геймификации и искусственного интеллекта: образовательные перспективы / А. В. Полякова, А. В. Морозов // Педагогическая информатика. – 2024. – № 2. – С. 383-392.

[28] Путин призвал вернуться к традиционной для России системе высшего образования // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2023/02/21/obrazivanie/ (дата обращения 19.06.2026).

[29] Сайфетдинова М. К. Формирование у студентов духовно-нравственных ценностей посредством деятельности духовно-просветительского центра / М. К. Сайфетдинова, О. М. Назарова, Э. С. Семинская // Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2022. – № 3 (30). – С. 47-53.

[30] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 13.06.2026).

[31] Федеральный закон № 304 от 31.07.2020 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788 (дата обращения: 25.06.2026).

[32] Ходякова Н. В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание / Н. В. Ходякова // Академическая мысль. – 2023. – № 1 (22). – С. 116-120.

[33] Хубиева З. А. Некоторые аспекты переоценки духовно-нравственных ценностей в российском обществе / З. А. Хубиева // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 68-6. – С. 136-139.

[34] Четверикова О. Цифровизация образования – это опасно / О. Четверикова // Mentamore — информационно-познавательный портал. URL: https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html (дата обращения: 10.06.2026).

[35] Шихнабиева Т. Ш. Перспективы и риски внедрения технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования / Т. Ш. Шихнабиева // Мониторинг. Наука и технологии. – 2025. – № 1 (63). – С. 38-42.

[36] Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / М. Шпитцер. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.

[37] Bashkireva T. V. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students / T. V. Bashkireva, A. V. Bashkireva, A. V. Morozov, A. I. Evdokimova, M. A. Apsite // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – vol. 156. – Pp. 159-162.

[38] Bashkireva T. V. Problems of Professional Self-Development Among Undergraduates in the Digital Space, Identified During the COVID-19 Pandemic / T. V. Bashkireva, A. V. Bashkireva, A. V. Morozov, A. N. Kuraev, E. Yu. Nebrodovskaya-Mazur // В сборнике: SHS Web of Conferences // 3rd International Scientific Conference on New Industrialization and Digitalization (NID 2020). – 2021. – vol. 93. – P. 01018.

[39] Ryall J. Surge in «digital dementia» / J. Ryall // The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/ news/worldnews/asia/southkorea/10138403/Surge-in-digital-dementia.html (дата обращения 29.06.2026).

References:

[1] Belyaeva V. A. Spiritual and Moral Values in the System of Continuous Education in Russia / V. A. Belyaeva // In the collection: Education throughout life: continuous education in the interests of sustainable development. - Ulan-Ude, 2011. - Pp. 237-240.

[2] Bobrova T. A. The modern system of higher education of the Russian Federation: main problems and ways to solve them / T. A. Bobrova // Young scientist. - 2018. - No. 45 (231). - P. 129.

[3] Gladkikh V. V. Integration of science and education as an effective means of preserving and strengthening spiritual and moral values / V. V. Gladkikh, E. I. Pankova // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. - 2023. - Vol. 28. - No. 3. - Pp. 580-591.

[4] Gorlova I. I. Traditional spiritual and moral values in the regulatory documents of the Russian Federation: status and ways of improvement / I. I. Gorlova // Cultural Studies Journal. - 2021. - No. 2 (44). - Pp. 10-14.

[5] Divnogortseva S. Yu. Spiritual and moral education in the theory and experience of Orthodox pedagogical culture / S. Yu. Divnogortseva. - Moscow: PSTGU, 2012. - 237 p.

[6] Efimtseva T. V. Spiritual and moral values as the basis of national security of the Russian Federation / T. V. Efimtseva // Works of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. - 2022. - No. 1 (51). - Pp. 26-28.

[7] Ivannikov H. A. Constitutional spiritual and moral values of Russia: reflections on the text of the Constitution of the Russian Federation / H. A. Ivannikov // Gaps in Russian legislation. - 2022. - Vol. 15. - No. 1. - Pp. 13-16.

[8] Ivanchenko I. S. Assessing the prospects for applying artificial intelligence in the system of higher education / I. S. Ivanchenko // Science for Education Today. - 2023. - Vol. 13. - No. 4. - Pp. 170-194.

[9] Kapterev A. I. Challenges of generative artificial intelligence for the system of higher education / A. I. Kapterev // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education. - 2023. - Vol. 20. - No. 3. - Pp. 255-264.

[10] Kosenko A. What is clip thinking / A. Kosenko // Look At Me - Online publication about creative industries. URL: http://www.lookatme.ru/mag/how-to/inspiration-howitworks/207449-clip (date of access 07.06.2026).

[11] Leskin D. Yu. On strategic tasks in the field of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values / D. Yu. Leskin // Povolzhsky Bulletin of Science. - 2022. - No. 3 (25). - Pp. 7-12.

[12] Liu C. The system of traditional Russian spiritual and moral values in Russian universities / Liu C. // Pedagogical journal. - 2022. - Vol. 12. - No. 4-1. - Pp. 111-117.

[13] Malysheva E. M. The Growing Role of Protecting Traditional Russian Spiritual and Moral Values in the Context of Modern Threats and Risks // Priorities and Prospects for Sustainable Development of Russian Regions: Legal Dimension // Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Maykop: Adyghe State University, 2023. Pp. 145-153.

[14] Matveeva I. P. Artificial Intelligence Technologies: Development Prospects and Socio-Psychological Threats / I. P. Matveeva, A. V. Morozov, E. Yu. Nebrodovskaya-Mazur // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. - 2025. - No. 3 (19). - Pp. 58-64.

[15] Matsefuk E. A. Spiritual and Moral Values as the Basis for Fostering Patriotism / E. A. Matsefuk, P. V. Razbegaev // The World of Science, Culture, Education. – 2020. – No. 4 (83). – P. 199-201.

[16] Mizherikov V. A. Patriotism as the most important spiritual and moral value / V. A. Mizherikov // Conference of ASOU. – 2016. – No. 2. – P. 541-550.

[17] Milkevich O. A. Preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: problems and prospects / O. A. Milkevich // Problems of modern pedagogical education. – 2023. – No. 80-2. – P. 233-236.

[18] Morozov A. V. Spiritual and moral values in the system of modern education / A. V. Morozov // In the collection: Information exchange in interdisciplinary research // Collection of works of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. - Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. - Pp. 35-39.

[19] Morozov A. V. Changing the mentality of subjects of the educational process in the context of digitalization of education / A. V. Morozov // Social and psychological problems of mentality / mentality. - 2018. - No. 14. - Pp. 65-73.

[20] Morozov A. V. On the benefits and harms of introducing "artificial intelligence" into the modern education system / A. V. Morozov // In the collection: Actual problems of modern science: psychology, pedagogy, economics, management and law // Collection of scientific papers of the II Annual International Scientific and Practical Conference and International Scientific and Practical Conferences. - M .: MPSU, 2024. - P. 541-547.

[21] Morozov A. V. Patriotism as a spiritual and moral value of a person and citizen / A. V. Morozov // In the collection: Dragomirovsky educational readings // Collection of scientific articles on the VIII International scientific and practical conference. - Penza: PSU, 2025. - Pp. 82-87.

[22] Morozov A. V. Prospects for the implementation of “artificial intelligence” technologies and their impact on human intelligence in the era of digitalization / A. V. Morozov // Greater Eurasia: development, security, cooperation // Proceedings of the VIII international scientific and practical conference. - M .: UMC, 2026. - Pp. 174-177.

[23] Morozov A. V. Counteracting negative information-psychological influence in the context of preserving and strengthening traditional spiritual and moral values / A. V. Morozov // In the collection: Pedagogy and psychology in the activities of law enforcement officers: integration of theory and practice // Proceedings of the International scientific and practical conference. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - Pp. 286-291.

[24] Morozov A. V. Modern education through the prism of “artificial intelligence” technologies / A. V. Morozov // Human capital. - 2025. - No. 12 (204). - Pp. 124-130.

[25] Morozov A. V. The influence of mass media on the education, physical and spiritual-moral development of minors / A. V. Morozov, T. S. Samuseva // In the collection: Science and Practice: Problems of Integration // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. - Kotlas: KF ASTU, 2008. - Pp. 301-307.

[26] Nagornova A. Yu. Artificial Intelligence in Education: Application Options: A Collective Monograph / A. Yu. Nagornova, R. M. Sheraizina, K. R. Khachaturova [et al.]. - Ulyanovsk: Zebra Publishing House, 2024. - 188 p.

[27] Polyakova A. V. Synergy of Gamification and Artificial Intelligence: Educational Prospects / A. V. Polyakova, A. V. Morozov // Pedagogical Informatics. – 2024. – No. 2. – P. 383-392.

[28] Putin called for a return to Russia’s traditional higher education system // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2023/02/21/obrazivanie/ (accessed 19.06.2026).

[29] Saifetdinova M.K. Formation of students’ spiritual and moral values through the activities of a spiritual and educational center / M.K. Saifetdinova, O.M. Nazarova, E.S. Seminskaya // Bulletin of the Saratov Regional Institute for Education Development. – 2022. – No. 3 (30). – P. 47-53.

[30] Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” // President of Russia. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (date of access: 13.06.2026).

[31] Federal Law No. 304 of 31.07.2020 “On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation” on Issues of Upbringing of Students” // President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788 (date of access: 25.06.2026).

[32] Khodyakova N.V. Patriotism as a Traditional Russian Spiritual and Moral Value and Its Education / N.V. Khodyakova // Academicheskaya Mysl. – 2023. – No. 1 (22). – P. 116-120.

[33] Khubieva Z. A. Some aspects of the revaluation of spiritual and moral values in Russian society / Z. A. Khubieva // Trends in the development of science and education. – 2020. – No. 68-6. – P. 136-139.

[34] Chetverikova O. Digitalization of education is dangerous / O. Chetverikova // Mentamore - information and educational portal. URL: https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html (date of access: 10.06.2026).

[35] Shikhnabieva T. Sh. Prospects and risks of introducing artificial intelligence technologies into the higher education system / T. Sh. Shikhnabieva // Monitoring. Science and Technology. – 2025. – No. 1 (63). – pp. 38-42.

[36] Spitzer M. Anti-brain: digital technologies and the brain / M. Spitzer. – M.: AST, 2014. – 288 p.

[37] Bashkireva T. V. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students / T. V. Bashkireva, A. V. Bashkireva, A. V. Morozov, A. I. Evdokimova, M. A. Apsite // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – vol. 156. – Pp. 159-162.

[38] Bashkireva T. V. Problems of Professional Self-Development Among Undergraduates in the Digital Space, Identified During the COVID-19 Pandemic / T. V. Bashkireva, A. V. Bashkireva, A. V. Morozov, A. N. Kuraev, E. Yu. Nebrodovskaya-Mazur // In the collection: SHS Web of Conferences // 3rd International Scientific Conference on New Industrialization and Digitalization (NID 2020). – 2021. – vol. 93. – P. 01018.

[39] Ryall J. Surge in “digital dementia” / J. Ryall // The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/southkorea/10138403/Surge-in-digital-dementia.html (accessed 29.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-65-70

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры специальной и автомобильной техники Санкт-Петербургского университета МВД России,

e-mail: dimpsonn@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ

Аннотация. *Автор в своей работе проводит анализ проблем борьбы с преступлениями террористического характера в сети Интернет и отмечает, что для организации и осуществления эффективной борьбы с террористической деятельностью принципиальное значение имеет наличие развитой правовой базы и в первую очередь рассматривая вопросы правового регулирования контртеррористической деятельности необходимо обратить внимание на конституционные положения, прямо или косвенно связанные с анализируемой проблематикой.*

Ключевые слова: *дилемма, правовая база, правовое регулирование, борьба, терроризм, интернет, противодействие, преступность, государство.*

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,

PhD in Law, Associate Professor, Department of Specialized and Automotive Equipment, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF COUNTERING EXTREMIST ACTIVITY IN THE DIGITAL SPACE IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL REGULATION AND ANALYSIS OF PROBLEMS

Annotation. *The author in his work analyzes the problems of combating terrorist crimes on the Internet and notes that for the organization and implementation of an effective fight against terrorist activity, the presence of a developed legal framework is of fundamental importance and, first of all, when considering issues of legal regulation of counter-terrorism activities, it is necessary to pay attention to constitutional provisions directly or indirectly related to the analyzed issues.*

Key words: *dilemma, legal framework, legal regulation, fight, terrorism, Internet, counteraction, crime, state.*

Учитывая заявленную проблематику, связанную с финансированием терроризма, отметим, что выявление и расследование данных преступных деяний достаточно сложный процесс.

Во-первых, далеко не всегда люди сообщают о подобных фактах, даже если они о них как-то узнали.

Во-вторых, финансирование терроризма достаточно часто маскируется под правомерную деятельность, что в целом уводит из поля зрения правоохранителей подобное функционирование.

В-третьих, активное использование информационных технологий в финансово-кредитных отношениях в настоящее время значительно осложняет процесс отслеживания ресурсных взаимодействий и целей их дальнейшего применения [1].

Регламентация в рамках правового поля существует не только в отношении контртеррористических механизмов, но и на их результативное функционирование оказывает влияние состояние правовой систему конкретного государства в целом.

Несмотря на то, что терроризм и борьба с ним никак не упоминаются в тексте Основного закона Российской Федерации, многие конституционные положения выступают правовой основой указанной деятельности.

В данном контексте особое значение приобретают главы Конституции РФ, регламентирующие основы конституционного строя и права и свободы человека и гражданина, признаваемые и обеспечиваемые в российском

государстве [2]. Важнейшей основой противодействия террористической деятельности в Российской Федерации выступает Конституция, которая с одной стороны закрепляет базовые положения, недопустимые для нарушения, на которые, как правило, и ориентированы террористические проявления, с другой стороны – конституционные положения имеют организационно-процессуальную направленность в контексте закрепления федеративного устройства и системы органов государственной власти, а также их основных полномочий.

Отметим, что Конституция РФ также признает верховенство норм международного права, что делает актуальным рассмотрение в рамках правовых основ антиэкстремистской деятельности не только внутригосударственных актов, но и международных договоров. В данном контексте следует отметить, что в рамках заявленной проблематики практическое значение имеют как общеправовые международные документы, так и международные акты специальной направленности.

В рамках заявленной проблематики следует отметить, что проблемы борьбы непосредственно с финансированием терроризма достаточно давно актуализировались на международном уровне, в связи с чем в рамках анализа действующих международных стандартов особое внимание уделим положениям Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принятой в рамках деятельности ООН в Нью-Йорке 9 декабря 1999 года. Указанный международный документ впервые закрепил содержательные характеристики финансирования терроризма. Так, согласно ч. 1 ст. 2 указанной конвенции «любое лицо совершает преступление, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [2].

При этом средствами являются активы любого рода, движимые и недвижимые, осязаемые или нет, независимо от способа их приобретения, юридические документы, акты в любой форме, в электронной или цифровой, удостоверяющие право на активы, банковские кредиты, банковские чеки, ценные бумаги, акции, облигации, дорожные чеки, векселя, аккредитивы и т.д.

Вышеназванный международный документ также закрепляет необходимость для государств, принявших данную конвенцию, регламентировать в своей национальной правовой системе не только меры ответственности за финансирование терроризма, но и механизмы борьбы с анализируемым противоправным явлением.

В частности, в данном случае речь идет о комплексном государственном воздействии, как в части преследования виновных лиц и назначении им справедливого наказания, так и предупреждения развития подобной противоправной практики на территории различных государств.

Важно отметить, что рассматриваемый международный документ особенно актуален для ситуаций, когда финансирование терроризма носит трансграничный характер, т.е. в данную деятельность одновременно включены несколько разных стран. В тексте международного акта содержатся алгоритмы взаимодействия государств в подобных ситуациях, что позволяет вырабатывать единые подходы межведомственного взаимодействия.

Еще одним международным актом, представляющим интерес в рамках заявленной проблематики, является Модельный закон «О противодействии финансированию терроризма», принятый на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 16 ноября 2006 года. В указанном документе финансирование терроризма определяется как «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из деяний, определяемых нормами национального законодательства как преступления террористического характера, либо для обеспечения террористической организации» [4].

Указанный международный акт в большей степени уделяет внимание компетенциям разных органов государственной власти, в рамках которых подчеркивается актуальность направлений борьбы с финансированием терроризма. Особое практическое значение имеют подходы, связанные

с регламентацией обязательного контроля в отношении операций с денежными средствами или иным имуществом. Однако несмотря на достаточно прикладные подходы важно отметить, что указанный международный акт носит рекомендательный характер и используется государствами-участниками СНГ по собственному усмотрению с учетом специфики национальных правовых систем.

Тем самым целесообразно отметить, что на данный момент созданы отдельные международно-правовые основы и процессуальные механизмы борьбы с финансированием терроризма.

С одной стороны, указанные механизмы позволяют государствам-членам соответствующих международных организаций объединять свои силы по борьбе с анализируемым противоправным явлением, с другой стороны – данные механизмы весьма фрагментарны, поскольку по-прежнему сохраняются различные национальные подходы к противодействию финансированию терроризма в различных государствах.

Анализируя российское законодательство контртеррористической направленности следует отметить, что борьба с указанным противоправным явлением регламентируется целым рядом нормативно-правовых актов.

В первую очередь необходимо отметить наличие в российской правовой системе специализированных актов, а именно Федерального закона «О противодействии терроризму».

Указанный федеральный закон имеет принципиальное значение для теоретико-правового осмысления заявленной проблематики, поскольку закрепляет целый ряд базовых понятий, используемых в рамках контртеррористической деятельности.

Так, например, из определения понятия «террористическая деятельность» наглядно видно не только содержательное многообразие рассматриваемого явления, но и тот факт, что финансирование является неотъемлемым элементом современного терроризма, что еще больше актуализирует теоретико-правовое осмысление заявленной проблематики.

Кроме того, указанный федеральный закон детально определяет механизмы борьбы с указанным противоправным явлением. В действующем законодательстве противодействие терроризму определяется как деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Определение вышеназванных направлений в качестве основных видится справедливым, поскольку для эффективной борьбы с анализируемым преступным поведением необходимо не только результативно выявлять и расследовать совершенные деяния, но и постоянно осуществлять профилактико-предупредительную деятельность в отношении факторов, способствующих распространению террористических взглядов и идей в обществе.

Российский законодатель сознательно акцентирует внимание на субъектном составе указанной деятельности, который характеризуется качественным многообразием.

В контртеррористическую деятельность в настоящее время вовлечены далеко не только органы власти, но и представители гражданского общества, поскольку без участия последних крайне тяжело достичь целей осуществляемого воздействия.

Определение обозначенных направлений также весьма справедливо, что позволяет конкретизировать цели и задачи отдельный направленностей, а также специфику субъектного состава.

Вместе с тем, если говорит о выявлении, пресечении и расследовании террористических преступлений, то в данном контексте особое значение приобретает эффективное функционирование правоохранительных органов, поскольку именно к их компетенции относится соответствующее функционирование.

Вышеуказанные органы наделены целым рядом специальных полномочий, которые позволяют им оказывать наиболее эффективное воздействие на преступников.

В то время как в остальных двух направлениях значение имеет функционирование всех субъектов контртеррористической деятельности.

Помимо указанного федерального закона в качестве специализированного акта в рамках заявленной проблематики следует отметить Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2009 году.

Данный акт закрепляет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской

Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации.

В рамках заявленной проблематики следует отметить, что в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации среди основных тенденций современного терроризма определяется повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций.

Также подчеркивается, что для повышения результативности борьбы с терроризмом необходимо получение упреждающей информации о планах террористических организаций по совершению террористических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности [5].

Таким образом, борьба с финансированием терроризма способствует опережающему контртеррористическому воздействию.

Особое внимание в рамках заявленной проблематики следует уделить тому, что финансирование терроризма фигурирует в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), что объективно обусловлено спецификой лиц, привлекаемых к соответствующим разновидностям юридической ответственности.

Важно отметить, что диспозиция административных и уголовной норм в данном случае весьма схожи в части определения содержательных характеристик финансирования терроризма.

Однако ст. 15.27.1 КоАП РФ предусматривает ответственность юридических лиц за оказание финансовой поддержки терроризму, в то время как ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность физических лиц.

Актуально отметить, что административная ответственность появилась сравнительно недавно (с марта 2022 года), что объективно обусловлено активизацией вовлечения юридических лиц в процесс финансирования террористической деятельности в последние годы.

Действующая административно-правовая норма предусматривает санкцию в виде штрафа в размере от 10 до 16 млн. руб. [6]

Согласно примечанию к ст. 205.1 УК РФ под финансированием терроризма следует понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений [7].

Таким образом, российский законодатель определяет финансирование терроризма через призму ресурсного содействия террористической деятельности, как в прямом смысле – т.е. для совершения конкретного преступления террористической направленности, так и в опосредованном – т.е. для развития преступного сообщества, функционирующего в рамках вышеназванного противоправного поведения.

Кроме того, совершенно справедливо в судебной практике подчёркивается тот факт, что финансирование терроризма может производиться не только в денежной форме, но и любыми материальными средствами (например, предметы обмундирования, экипировки, средства связи, лекарственные препараты, жилые либо нежилые помещениями, транспорт и др.).

Для финансирования в данной сфере принципиальное значение будет иметь целенаправленность материального содействия – т.е. в целях организации или непосредственного совершения террористических преступлений.

Касаемо денежной формы финансирования терроризма в данном контексте следует отметить также многообразие форматов его совершения, начиная от систематических отчислений или разовых взносов в общую кассу и заканчивая приобретением недвижимости или оплатой стоимости ее аренды, а также предоставлением денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц [8].

Особую специфику финансирование терроризма приобретает в контексте цифровой его разновидности, когда материальное содействие осуществляется с использованием новейших технологий.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что финансовые правоотношения активно развиваются с учётом современных технологических возможностей, что приводит к

появлению новых финансовых инструментов, используемых в преступных целях.

К примеру, в данном контексте значительно обостряются риски использования цифровой валюты и цифровых активов, в том числе из-за различных правовых режимов указанных инструментов в современных государствах.

Важно отметить, что террористические организации учитывают правовые пробелы и противоречия внутригосударственных правовых систем, что сохраняет тенденцию их безнаказанности.

Наиболее привлекательной в данном вопросе является цифровая валюта, которая с одной стороны характеризуется качественным многообразием, а с другой – анонимностью и ограниченным государственным контролем [9].

В связи с тем, что финансовая основа является неотъемлемой составляющей терроризма, то для ее ликвидации необходим особый комплекс мер, который в итоге дополняет всю систему противодействия терроризму в целом. Результативность террористической деятельности во многом зависит от финансовой составляющей, которая позволяет решать задачи по обеспечению данной деятельности всем необходимым (оружием, амуницией, взрывчатыми веществами, местом проживания, продуктами питания и др.).

Формирование такой основы предполагает использование террористами различных источников легального и нелегального характера, а также обращение к ресурсам организованной преступности и др.

По этой причине финансирование террористической деятельности находится чуть ли не в диалектическом единстве с таким явлением, как легализация незаконных доходов, что в итоге и обуславливает необходимость создания эффективной системы борьбы с отмыванием незаконных денежных средств, а соответственно, и с финансированием террористической деятельности [10].

Таким образом, на основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что к настоящему моменту в российском государстве имеется весьма обширная правовая база для организации и осуществления контртеррористической деятельности.

Однако финансирование терроризма в большинстве из них рассматривается в качестве составного элемента террористической деятельности в целом, или же конкретизируется в контексте содействия терроризму.

Список литературы:

[1] Агеенков А.А. О некоторых особенностях оперативно-розыскного документирования финансирования терроризма // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. С. 45-46.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.

[3] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

[4] Модельный закон о противодействии финансированию терроризма (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-6 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. N 39 (часть 1). С. 254 - 281.

[5] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[9] Киндеева А.А. Противодействие финансированию терроризма, совершенному с использованием цифровых и финансовых активов // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 7. С. 140.

[10] Богмацера Э.В., Жамборов А.А. Противодействие финансированию терроризма как элемент системы борьбы с терроризмом на национальном и международном уровне // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 27-28.

References:

[1] Ageenkov A.A. On Some Features of Operational-Investigative Documentation of Terrorist Financing // Izvestiya Tula State University. Economic

and Legal Sciences. 2022. No. 4. pp. 45-46.

[2] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[3] International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism (Concluded in New York on 09.12.1999) // Bulletin of International Treaties. 2003. No. 5.

[4] Model Law on Combating the Financing of Terrorism (Adopted in St. Petersburg on 16.11.2006 by Resolution 27-6 at the 27th Plenary Session of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States. 2007. No. 39 (part 1). pp. 254-281.

[5] Concept of Counteracting Terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009) // Rossiyskaya Gazeta. 2009. No. 198.

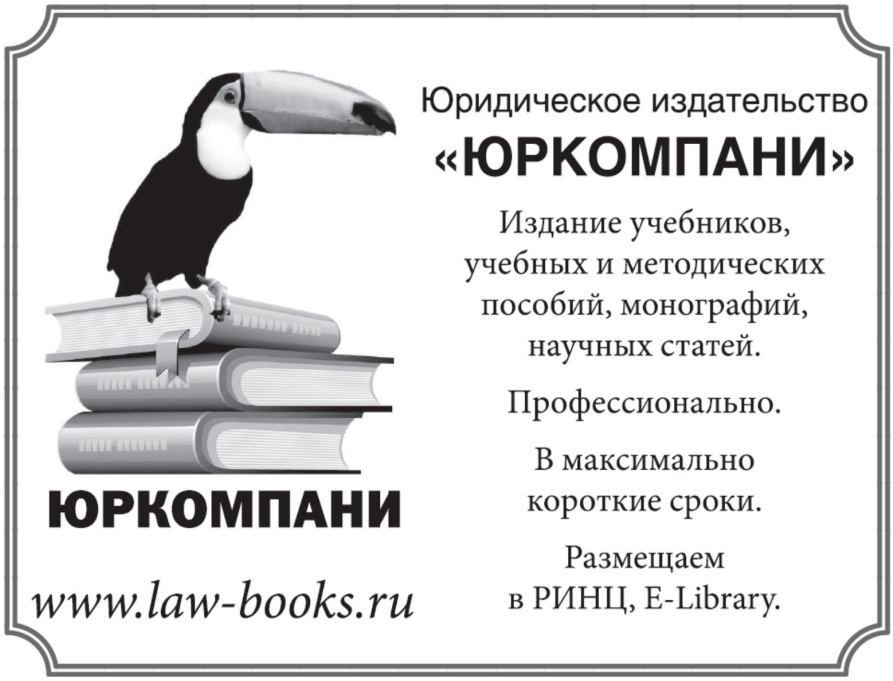
[6] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 08.07.2024, as amended on 18.07.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.

[7] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 12.06.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 No. 1 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Terrorist-Related Crimes” (as amended on 03.11.2016) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 4.

[9] Kindeeva A.A. Counteracting the Financing of Terrorism Committed Using Digital and Financial Assets // Legal Science: History and Modernity. 2023. No. 7. P. 140.

[10] Bogmatsera E.V., Zhamborov A.A. Counteracting the Financing of Terrorism as an Element of the Counter-Terrorism System at the National and International Level // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 2023. No. 4. P. 27-28.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-71-79

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет», Орск, Россия,

e-mail: cheshin@sirius56.ru

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ И КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается соотношение транснационального и коллизионного регулирования договоров в международном частном праве. Актуальность темы определяется усложнением трансграничного коммерческого оборота, расширением цифровых договорных моделей, распространением электронных платформ, цифровых активов и договоров, связанных с результатами интеллектуальной деятельности. В этих условиях традиционный вопрос о выборе применимого права сохраняет значение, однако уже не исчерпывает всех регулятивных задач, возникающих при заключении и исполнении международных коммерческих договоров.*

Цель исследования состоит в определении роли коллизионного метода и транснациональных негосударственных регуляторов в регулировании международных договорных обязательств. В статье анализируются положения раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации, Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, Гаагских принципов о выборе права в международных коммерческих договорах и Регламента ЕС «Рим I». Особое внимание уделяется автономии воли сторон, сверхимперативным нормам, публичному порядку, lex mercatoria, торговым обычаям и стандартным договорным условиям.

Обосновывается вывод о том, что коллизионное регулирование и транснациональные нормы не конкурируют, а выполняют различные функции. Коллизионные нормы определяют правопорядок, подлежащий применению к договору, тогда как транснациональные источники обеспечивают содержательную унификацию договорного регулирования и повышают предсказуемость коммерческого оборота. Наиболее эффективной является комбинированная модель, при которой выбор применимого права дополняется согласованием унифицированных правил, торговых обычаев, стандартных условий и арбитражных механизмов разрешения споров.

Ключевые слова: *международное частное право, транснациональное регулирование, коллизионное регулирование, международный договор, автономия воли, lex mercatoria, применимое право, Принципы УНИДРУА, Венская конвенция 1980 г., цифровые активы.*

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics and Management Orsk Humanitarian and Technological Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Orsk, Russia

TRANSNATIONAL AND CONFLICT-OF-LAWS REGULATION OF CONTRACTS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Annotation. *The article examines the relationship between transnational and conflict-of-laws regulation of contracts in private international law. The relevance of the topic is determined by the increasing complexity of cross-border commercial transactions, the spread of digital contractual*

models, electronic platforms, digital assets and contracts involving intellectual property rights. In these circumstances, the traditional issue of choosing the applicable law remains important, but it no longer fully covers all regulatory needs arising in international commercial contracts.

The purpose of the study is to define the role of the conflict-of-laws method and transnational non-state regulators in governing international contractual obligations. The article analyzes the provisions of Part VI of the Civil Code of the Russian Federation, the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods of 1980, the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts, the Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts and the Rome I Regulation. Special attention is paid to party autonomy, overriding mandatory rules, public policy, lex mercatoria, trade usages and standard contractual terms.

*The article substantiates the conclusion that conflict-of-laws rules and transnational norms do not compete with each other, but perform different functions. Conflict-of-laws rules determine the legal system applicable to the contract, while transnational sources contribute to substantive unification and increase predictability in commercial transactions. The most effective model is a combined one, where the choice of applicable law is supplemented by unified rules, trade usages, standard terms and arbitration mechanisms for dispute resolution***.**

Key words: *private international law, transnational regulation, conflict-of-laws regulation, international contract, party autonomy, lex mercatoria, applicable law, UNIDROIT Principles, CISG, digital assets.*

Введение

Международный договорный оборот развивается быстрее, чем национальные правовые системы успевают адаптировать свои регулятивные конструкции. Коммерческие связи давно вышли за пределы классической модели, в которой стороны из разных государств заключают письменный договор купли-продажи товаров и заранее определяют применимое право. Современная практика включает многоуровневые цепочки поставок, платформенные договоры, лицензионные соглашения, трансграничные сервисные контракты, сделки с цифровыми активами, договоры о передаче технологий и комплексные инвестиционно-коммерческие соглашения.

В этих условиях международное частное право сталкивается с двойной задачей. С одной стороны, необходимо определить национальный правопорядок, применимый к договору. Эту функцию традиционно выполняет коллизионный метод. С другой стороны, участникам трансграничного оборота требуется не только ссылка на право определенного государства, но и предсказуемая система материальных правил, понятная сторонам из разных юрисдикций. Эту задачу решают унифицированные международные акты, принципы международных коммерческих договоров, торговые обычаи, стандартные условия и иные транснациональные регуляторы.

Коллизионное регулирование договоров в российском праве сосредоточено прежде всего в разделе VI Гражданского кодекса Российской Федерации. Центральное значение имеет принцип автономии воли сторон: участники договора вправе выбрать право, подлежащее применению к их правам и обязанностям. Если такой выбор не сделан, применимое право определяется на основе коллизионных привязок, связанных с наиболее тесной связью договора с тем или иным правопорядком [1].

Однако выбор применимого права не решает всех вопросов. Даже при наличии оговорки о праве стороны нередко дополнительно включают в договор положения о применении Принципов УНИДРУА, Инкотермс, типовых условий FIDIC, правил международных банковских расчетов, торговых обычаев или стандартов отраслевой практики. Особенно часто это наблюдается в арбитражных соглашениях и долгосрочных коммерческих контрактах. В результате регулирование договора приобретает смешанный характер: национальное право действует вместе с транснациональными источниками.

Актуальность темы усиливается цифровизацией экономического оборота. Договоры все чаще заключаются и исполняются через электронные платформы; объектами сделок становятся цифровые активы, данные, программные продукты, результаты интеллектуальной деятельности и технологические решения. В литературе справедливо отмечается, что цифровая экономика меняет не только формы предпринимательской активности, но и правовую среду, в которой возникают новые модели имущественного оборота [18; 21]. Это особенно заметно в международном частном праве, где

территориальные привязки оказываются менее устойчивыми, чем в традиционном обороте.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании соотношения транснационального и коллизионного регулирования договоров в международном частном праве.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: определить содержание коллизионного метода применительно к договорным обязательствам; раскрыть значение автономии воли сторон; охарактеризовать основные транснациональные регуляторы договоров; показать соотношение национального права, унифицированных норм и негосударственных правил; выявить особенности регулирования цифровых и интеллектуальных договоров; сформулировать предложения по повышению правовой определенности трансграничного договорного оборота.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении транснационального и коллизионного регулирования не как альтернативных способов правового воздействия, а как взаимодополняющих элементов единого механизма регулирования международных договорных обязательств.

Материалы и методы исследования

Материальную основу исследования составили нормы российского гражданского законодательства о международном частном праве, международные унифицированные акты, акты мягкого права, зарубежные коллизионные источники, а также научные работы по международному частному праву, договорному праву и цифровой экономике.

К основным нормативным источникам относятся раздел VI Гражданского кодекса Российской Федерации, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г., Гаагские принципы о выборе права в международных коммерческих договорах 2015 г. и Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 593/2008 о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, известный как Регламент «Рим I» [1–5].

В качестве доктринальной базы использованы труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные международному частному праву, автономии воли сторон, lex mercatoria, унификации договорного регулирования и разрешению трансграничных коммерческих споров [6–14]. Дополнительно использованы работы, связанные с цифровой экономикой, цифровыми активами и интеллектуальной собственностью, поскольку современное транснациональное договорное регулирование все чаще охватывает именно эти сферы [18–21].

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и аналитический методы. Формально-юридический метод применялся при анализе норм российского и международного права. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российскую модель коллизионного регулирования с подходами, закрепленными в Гаагских принципах и Регламенте «Рим I». Системный метод использовался для определения места транснациональных правил в механизме регулирования международных договоров. Аналитический метод применялся при выявлении практических проблем выбора применимого права и включения негосударственных регуляторов в договорную конструкцию.

Результаты исследования и их обсуждение

Коллизионное регулирование договоров исторически является ядром международного частного права. Его задача состоит не в непосредственном установлении прав и обязанностей сторон, а в определении правопорядка, который должен регулировать соответствующее договорное отношение. Такая конструкция особенно важна для трансграничных договоров, поскольку они связаны сразу с несколькими юрисдикциями: местом заключения договора, местом исполнения, местом нахождения сторон, валютой платежа, местом нахождения имущества, языком договора, арбитражной оговоркой и другими элементами.

В российском праве ключевым принципом является автономия воли сторон. Согласно статье 1210 ГК РФ стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать право, подлежащее применению к их правам и обязанностям [1]. Этот подход соответствует общему направлению развития современного международного частного права. Гаагские принципы о выборе права в международных коммерческих договорах также исходят из того, что договор регулируется правом, выбранным сторонами [4]. Регламент «Рим I» закрепляет аналогичную модель для договорных обязательств в праве Европейского союза [5].

Значение автономии воли объясняется практическими потребностями оборота. Международный коммерческий договор должен быть предсказуемым для сторон. Если участники сделки заранее определяют применимое право, они снижают риск неопределенности, связанной с последующим спором. Особенно важно это для долгосрочных контрактов, где исполнение растянуто во времени и зависит от экономических,

политических и технологических факторов.

Вместе с тем автономия воли не является абсолютной. Ее пределы задаются сверхимперативными нормами, публичным порядком, специальными правилами о защите слабой стороны договора, а также нормами, регулирующими отдельные категории отношений. В российском праве значение имеют статьи 1192 и 1193 ГК РФ, закрепляющие применение императивных норм и оговорку о публичном порядке [1]. Эти ограничения позволяют государству сохранять контроль над наиболее значимыми сферами, даже если стороны выбрали иностранное право.

Особенно заметно действие этих пределов в современных условиях, когда международные договоры могут затрагивать санкционные ограничения, экспортный контроль, оборот стратегических товаров, цифровые активы, персональные данные, интеллектуальную собственность и критически важные технологии. В таких ситуациях выбор иностранного права не устраняет действие норм, которые государство считает принципиально важными для защиты публичных интересов.

Если стороны не выбрали применимое право, возникает необходимость использовать объективные коллизионные привязки. Российская модель исходит из права страны, с которой договор наиболее тесно связан. При этом для отдельных видов договоров установлены специальные презумпции. Такой подход позволяет сохранить гибкость, однако одновременно увеличивает роль судебного или арбитражного усмотрения. В сложных транснациональных договорах определить наиболее тесную связь бывает непросто: производство может находиться в одном государстве, продавец - в другом, покупатель - в третьем, платеж - осуществляться через банк четвертой юрисдикции, а спор - рассматриваться международным арбитражем.

На этом фоне возрастает значение транснационального регулирования. Под ним следует понимать совокупность норм, принципов, стандартов, торговых обычаев и типовых условий, которые формируются за пределами одного национального правопорядка и используются участниками международного оборота для регулирования договорных отношений. К таким источникам относятся Принципы УНИДРУА, Инкотермс, lex mercatoria, типовые контракты, правила международных торговых палат, банковские стандарты, арбитражные регламенты и отраслевые практики.

Транснациональное регулирование не заменяет национальное право полностью. Его особенность состоит в том, что оно обеспечивает содержательную унификацию коммерческой практики. Например, Принципы УНИДРУА не являются международным договором в классическом смысле, но широко применяются как нейтральный свод правил для международных коммерческих контрактов [3]. Они могут использоваться сторонами как выбранные правила договора, как средство толкования и дополнения национального права, а также как выражение общих принципов международной коммерческой практики.

Иной характер имеет Венская конвенция 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров. Это международный договор, устанавливающий единообразные материально-правовые правила для международной купли-продажи [2]. Ее значение состоит в том, что она сокращает потребность в обращении к коллизионным нормам по тем вопросам, которые урегулированы самой Конвенцией. Однако и здесь коллизионный метод не исчезает полностью: вопросы, не урегулированные Конвенцией, могут требовать обращения к применимому национальному праву.

Соотношение коллизионного и транснационального регулирования можно представить следующим образом.

Таблица 1. Соотношение коллизионного и транснационального регулирования договоров

Критерий	Коллизионное регулирование	Транснациональное регулирование
Основная задача	Определение применимого национального права	Формирование единых или нейтральных правил коммерческого поведения

Источники	Национальные коллизионные нормы, международные договоры о применимом праве	Принципы УНИДРУА, Инкотермс, lex mercatoria, типовые условия, торговые обычаи
Способ действия	Отсылка к праву определенного государства	Непосредственное регулирование отдельных условий договора или стандартов поведения
Роль сторон	Выбор применимого права либо отсутствие такого выбора	Включение правил в договор, ссылка на обычаи, выбор нейтральных стандартов
Ограничения	Сверхимперативные нормы, публичный порядок, специальные коллизионные правила	Зависимость от признания сторонами, судом или арбитражем
Практическое значение	Юридическая определенность правопорядка	Коммерческая предсказуемость и унификация содержания договора

В практике международных договоров наиболее устойчивой является комбинированная модель. Стороны выбирают национальное право, например право Российской Федерации, Англии, Швейцарии или другого государства, но одновременно включают в договор транснациональные стандарты. Так, в договоре поставки может быть выбрано российское право, но условия поставки будут определяться через Инкотермс; в строительном контракте может применяться право определенного государства, но структура обязательств будет построена на типовых условиях FIDIC; в договоре международной купли-продажи может применяться Венская конвенция, а для толкования отдельных положений стороны могут ссылаться на Принципы УНИДРУА.

Такой подход отражает практическую потребность бизнеса. Национальное право обеспечивает юридическую опору и связь с государственным правопорядком. Транснациональные правила позволяют использовать привычные коммерческие стандарты, понятные участникам из разных стран. Особенно важно это в международном арбитраже, где стороны часто стремятся избежать преимущества одной национальной системы над другой.

Однако транснациональные источники имеют пределы. Их применение зависит от воли сторон, содержания арбитражного соглашения, позиции суда или арбитража, а также от соотношения с императивными нормами применимого права. Нельзя считать, что ссылка на lex mercatoria полностью выводит договор из сферы национального регулирования. Даже если стороны указывают на применение «общих принципов права» или «международных торговых обычаев», вопрос о допустимости и пределах такого выбора обычно решается через коллизионные нормы соответствующей юрисдикции или регламент арбитража.

Отдельного внимания требует цифровизация международных договоров. Электронные платформы и цифровые сервисы изменяют как способ заключения договора, так и характер его исполнения. В трансграничных отношениях появляются договоры, где контрагент может находиться в одной стране, сервер - в другой, платежный посредник - в третьей, а цифровой объект не имеет устойчивой территориальной привязки. В таких условиях классические коллизионные привязки иногда работают с трудом.

Проблема особенно заметна применительно к цифровым активам. В научной литературе уже ставится вопрос о защите цифровых активов и специфике их правового режима [19]. Для международного частного права это означает необходимость определить, какое право применяется к договору о передаче цифрового актива, где локализуется объект, как учитывать платформенные правила и какое значение имеют технические условия смарт-контракта. Если договор исполняется автоматически, вопрос о применимом праве не исчезает: при споре все равно необходимо определить, какой правопорядок регулирует действительность договора, последствия нарушения, ответственность и способы защиты.

Сходные проблемы возникают в сфере интеллектуальной собственности. Международные лицензионные договоры, договоры о разработке программного обеспечения, соглашения о передаче технологий и договоры о совместном использовании результатов интеллектуальной деятельности сочетают обязательственный и вещно-исключительный элементы. Историческое развитие правового регулирования интеллектуальной собственности показывает, что данная сфера всегда была чувствительна к балансу между территориальностью прав и потребностями международного оборота [20]. Поэтому при заключении трансграничных IP-договоров важно различать право, применимое к самому договору, и право, определяющее возникновение, охрану и прекращение исключительного права.

Цифровая экономика также усиливает значение стандартных договорных условий. Платформенные соглашения, пользовательские условия, лицензионные договоры присоединения и автоматизированные договорные модели часто заранее сконструированы сильной стороной. Это снижает реальную свободу выбора применимого права для контрагента. В такой ситуации возрастает значение императивных норм, правил о защите потребителей, ограничений недобросовестных условий и процессуальных гарантий доступа к правосудию.

Исследования цифровой экономики показывают, что технологические изменения неравномерно влияют на участников хозяйственного оборота [21]. Для международного частного права это важно потому, что формально равные стороны договора могут обладать несопоставимыми информационными, организационными и техническими возможностями. Следовательно, автономия воли должна оцениваться не только как юридическая формула, но и как реальный механизм согласования интересов.

В условиях цифровизации транснациональное регулирование приобретает новые формы. Наряду с классическими торговыми обычаями появляются платформенные правила, технические стандарты, протоколы исполнения, правила цифровых маркетплейсов и внутренние механизмы разрешения споров. Они не всегда имеют статус правовых норм, но фактически определяют поведение сторон. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности в цифровой экономике подтверждают, что право все чаще сталкивается с гибридными регуляторами, находящимися на границе между юридическим правилом, техническим стандартом и деловой практикой [18].

Это не означает, что национальное право утрачивает значение. Напротив, именно коллизионное регулирование позволяет определить, каким образом эти новые правила соотносятся с правом государства, императивными запретами и судебной защитой. Если транснациональные нормы дают коммерческую гибкость, то коллизионное право задает юридические пределы этой гибкости.

Практическая проблема состоит в том, что договорные оговорки о применимом праве нередко формулируются недостаточно точно. Стороны указывают одновременно национальное право, Принципы УНИДРУА, торговые обычаи и арбитражный регламент, не определяя их иерархию. При споре возникает вопрос: какие правила имеют приоритет, можно ли применять негосударственные нормы напрямую, какие положения восполняют пробелы договора, а какие являются лишь средством толкования. Чтобы избежать неопределенности, договор должен ясно разграничивать применимое право, применимые правила, порядок толкования договора и механизм разрешения спора.

Возможная структура договорной оговорки может включать четыре элемента: выбор национального права; указание на применение унифицированного акта или принципов в части, не противоречащей императивным нормам; определение значения торговых обычаев; арбитражную или судебную оговорку. Такая конструкция позволяет соединить юридическую определенность коллизионного метода с гибкостью транснационального регулирования.

Особое значение имеет публичный порядок. Оговорка о публичном порядке выступает предохранительным механизмом, позволяющим не применять иностранное право, если последствия его применения явно противоречат основам правопорядка соответствующего государства. В договорных отношениях эта

оговорка должна использоваться осторожно. Ее чрезмерно широкое применение может разрушить предсказуемость международного оборота, а слишком узкое - ослабить защиту фундаментальных интересов государства и участников гражданского оборота.

Сверхимперативные нормы действуют иначе. Они применяются независимо от избранного сторонами права, если регулируют отношения вследствие особого значения для обеспечения прав и охраняемых законом интересов. В современных условиях к таким нормам могут относиться правила валютного контроля, санкционного регулирования, экспортного контроля, защиты персональных данных, оборота стратегических активов и некоторых цифровых объектов. Поэтому профессиональное составление международного договора требует не только выбора применимого права, но и анализа императивных ограничений в нескольких юрисдикциях.

Таким образом, современное регулирование международных договоров строится на сочетании нескольких уровней. Первый уровень - национальное коллизионное право, определяющее применимый правопорядок. Второй - унифицированные международные материальные нормы, такие как Венская конвенция. Третий - негосударственные транснациональные регуляторы, включая Принципы УНИДРУА, торговые обычаи и стандартные условия. Четвертый - императивные ограничения, публичный порядок и специальные режимы, связанные с цифровыми активами, интеллектуальной собственностью, санкциями и защитой слабой стороны.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что транснациональное и коллизионное регулирование договоров в международном частном праве не являются взаимоисключающими моделями. Коллизионное регулирование отвечает на вопрос о применимом правопорядке, тогда как транснациональное регулирование помогает сформировать содержание договорных условий на основе нейтральных и признанных в международной практике правил.

Принцип автономии воли сторон сохраняет центральное значение для международных договорных обязательств. Он позволяет участникам трансграничного оборота заранее определить применимое право и снизить риск правовой неопределенности. Вместе с тем автономия воли ограничивается сверхимперативными нормами, публичным порядком, защитой слабой стороны и специальными режимами, действующими в отдельных сферах.

Транснациональные регуляторы - Принципы УНИДРУА, Инкотермс, lex mercatoria, типовые договорные условия, торговые обычаи и арбитражные стандарты - выполняют важную унификационную функцию. Они делают международный договор более понятным для сторон из разных юрисдикций и уменьшают зависимость коммерческой практики от различий национальных правовых систем.

Наиболее устойчивой является комбинированная модель регулирования. В ней стороны выбирают национальное право, но одновременно включают в договор унифицированные правила, торговые обычаи и стандартные условия. Такая модель позволяет сохранить связь договора с государственным правопорядком и одновременно использовать преимущества транснациональной коммерческой практики.

Цифровизация усиливает значение рассматриваемой проблемы. Договоры с цифровыми активами, платформенные соглашения, смарт-контракты, трансграничные лицензионные договоры и сделки с данными затрудняют применение традиционных территориальных привязок. В этих условиях требуется более точное согласование применимого права, технических стандартов, платформенных правил и императивных норм.

Практическое значение имеет качество договорных оговорок. Сторонам следует четко определять применимое право, статус Принципов УНИДРУА или иных негосударственных правил, значение торговых обычаев, порядок толкования договора и механизм разрешения споров. Неопределенные формулировки создают риск последующего конфликта между национальным и транснациональным регулированием.

Дальнейшее развитие международного частного права в сфере договоров должно идти не по пути вытеснения коллизионного метода транснациональными нормами, а по пути их согласованного применения. Именно такая модель способна обеспечить баланс между автономией сторон, предсказуемостью международного оборота, защитой публичных интересов и адаптацией права к цифровой экономике.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

[2] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Вена, 11 апреля 1980 г. //

Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1994. № 1.

[3] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2016. // UNIDROIT. URL: https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

[4] Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Hague Conference on Private International Law, 2015. // HCCH. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135 (дата обращения: 08.06.2026).

[5] Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 2008. L 177. P. 6–16.

[6] Богуславский М.М. Международное частное право. М.: Норма, 2021. 672 с.

[7] Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 615 с.

[8] Международное частное право: учебник / отв. ред. Н.И. Марышева. М.: Норма, 2020. 407 с.

[9] Канашевский В.А. Международное частное право. М.: Международные отношения, 2019. 751 с.

[10] Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.

[11] Dicey, Morris and Collins on the Conflict of Laws. 16th ed. London: Sweet & Maxwell, 2022.

[12] Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2021.

[13] Ferrari F. Contracts for the International Sale of Goods: Applicability and Applications of the 1980 United Nations Sales Convention. Leiden: Brill, 2022.

[14] Bonell M.J. An International Restatement of Contract Law: The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. 3rd ed. Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2005.

[15] Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Global Sales and Contract Law. Oxford: Oxford University Press, 2012.

[16] Basedow J. The Law of Open Societies: Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws. Leiden: Brill, 2015.

[17] Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. No. 2. P. 447–468.

[18] Чешин А.В. Экономико-правовые аспекты инновационной деятельности предприятий в условиях цифровой экономики // Инновационное развитие экономики России: вызовы и решения: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 20 апреля 2023 г. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 426–433.

[19] Левкин И.В., Аламова С.М. Защита цифровых активов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы VII Национальной научно-практической конференции / под ред. Р.Ф. Степаненко, А.Б. Мезяева, С.Н. Тагаевой, С.М. Аламовой. Казань, 2023. С. 129–134.

[20] Аламова С.М. Исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 2-1. С. 391–400.

[21] Минаков А.В., Суглобов А.Е. Проблемы развития цифровой экономики регионов России // Вопросы региональной экономики. 2022. № 4(53). С. 63–72.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part Three of November 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Article 4552.

[2] United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. Vienna, April 11, 1980 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1994. No. 1.

[3] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016. Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2016. // UNIDROIT. URL: https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf (accessed: June 8, 2026).

[4] Hague Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. Hague Conference on Private International Law, 2015. // HCCH. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135 (date of access: 08.06.2026).

[5] Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. 2008. L 177. P. 6–16.

[6] Boguslavsky M.M. International Private Law. Moscow: Norma, 2021. 672 p.

[7] Asoskov A.V. Conflict of Laws Regulation of Contractual Obligations. Moscow: Infotropic Media, 2012. 615 pages.

[8] Private International Law: Textbook / Ed. N.I. Marysheva. Moscow: Norma, 2020. 407 pages.

[9] Kanashevsky V.A. Private International Law. Moscow: International Relations, 2019. 751 pages.

[10] Lunts L.A. Course of Private International Law: in 3 volumes. Moscow: Spark, 2002. 1007 pages.

[11] Dicey, Morris and Collins on the Conflict of Laws. 16th ed. London: Sweet & Maxwell, 2022.

[12] Born G.B. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn: Wolters Kluwer, 2021.

[13] Ferrari F. Contracts for the International Sale of Goods: Applicability and Applications of the 1980 United Nations Sales Convention. Leiden: Brill, 2022.

[14] Bonell M.J. An International Restatement of Contract Law: The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. 3rd ed. Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2005.

[15] Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Global Sales and Contract Law. Oxford: Oxford University Press, 2012.

[16] Basedow J. The Law of Open Societies: Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws. Leiden: Brill, 2015.

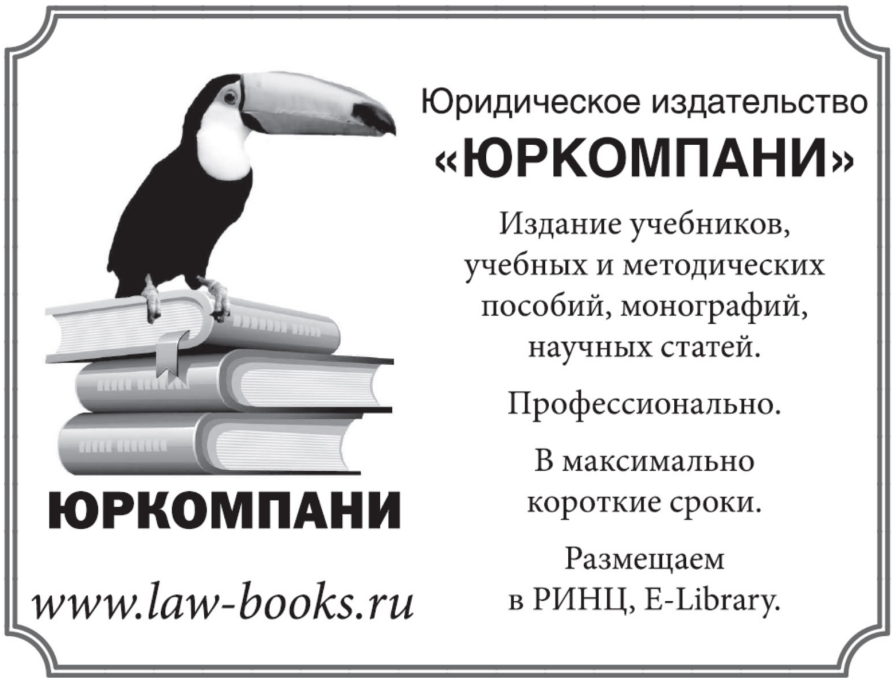
[17] Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. No. 2. P. 447–468.

[18] Cheshin A.V. Economic and Legal Aspects of Innovative Activities of Enterprises in the Digital Economy // Innovative Development of the Russian Economy: Challenges and Solutions: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 20, 2023. Moscow: Russian State University of Justice, 2024. Pp. 426–433.

[19] Levkin I.V., Alamova S.M. Protection of Digital Assets // Main Trends in the Development of Modern Law: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the VII National Scientific and Practical Conference / edited by R.F. Stepanenko, A.B. Mezyaev, S.N. Tagaeva, S.M. Alamova. Kazan, 2023. Pp. 129–134.

[20] Alamova S.M. Historical aspect of legal regulation of intellectual property // Issues of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 2-1. Pp. 391–400.

[21] Minakov A.V., Suglobov A.E. Problems of development of digital economy of Russian regions // Issues of regional economics. 2022. No. 4(53). Pp. 63–72.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-80-88

АНТОНОВА Наталья Владиславовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Ответственный секретарь Комиссии по юридической науке Ассоциации юристов России,

e-mail: natalli_an@mail.ru

БАСАНГОВ Денис Анатольевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

e-mail: report.izak@yandex.ru

РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ: СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. *В статье анализируются системные проблемы функционирования российских научных юридических журналов, связанные с нормативно-правовым регулированием их деятельности, выбором экономической модели и финансирования, интеграцией в российские системы научного цитирования, кадровым и техническим обеспечением редакций, организацией рецензирования, международным распространением. Авторами статьи предлагаются конкретные меры правового, организационного и технологического характера, реализация которых позволит повысить эффективность и качество научных юридических изданий, их роль в развитии отечественной правовой доктрины.*

Ключевые слова: *научные юридические журналы, правовой статус научного издания, национальная научная инфраструктура, «Белый список» научных журналов, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), наукометрия, эффективность правового регулирования, эффективность и качество научных юридических изданий.*

ANTONOVA Natalia Vladislavovna,

Candidate of Law, Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Executive Secretary, Commission on Legal Science, Association of Lawyers of Russia

BASANGOV Denis Anatolyevich,

Candidate of Law, Senior Researcher, Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

RUSSIAN SCIENTIFIC LEGAL JOURNALS: SYSTEMIC PROBLEMS AND DIRECTIONS FOR INSTITUTIONAL TRANSFORMATION

Annotation. *This article analyzes systemic problems affecting Russian scientific legal journals, including regulatory frameworks, the choice of economic model and funding, integration into Russian scientific citation systems, staffing and technical support for editorial staff, peer review, and international distribution. The authors propose specific legal, organizational, and technological measures that, if implemented, will improve the effectiveness and quality of scientific legal publications and their role in the development of domestic legal doctrine.*

Key words: *scientific legal journals, legal status of scientific publications, national scientific infrastructure, «White List» of scientific journals, Russian Science Citation Index (RSCI), scientometrics, effectiveness of legal regulation, effectiveness and quality of scientific legal publications.*

Современная система российских научных юридических журналов представляет собой важнейший элемент национальной научной инфраструктуры, непосредственно связанный с качеством юридической науки, подготовкой научно-педагогических кадров, формированием правовой доктрины и экспертным сопровождением нормотворческой деятельности [2; 3; 4; 11; 15; 19]. В условиях усиливающейся конкуренции на международном научном поле, изменений в системе государственной научной аттестации, а также трансформации экономических и технологических условий издательской деятельности научные журналы сталкиваются с комплексом системных проблем, которые препятствуют их эффективному функционированию и снижают качество научных исследований.

Особенность российского юридического сегмента научных журналов заключается в высокой степени зависимости от внешних регулятивных факторов [4]. Если в естественно-научных дисциплинах востребованность журнала в значительной мере определяется его положением в международных базах данных, то для юридических изданий определяющее значение сохраняют требования отечественной системы аттестации, прежде всего, Высшей аттестационной комиссии и формируемых ею перечней рецензируемых изданий. Эта зависимость порождает двойственный эффект, когда, с одной стороны, она гарантирует относительно стабильный спрос на публикации в журналах, включенных в соответствующие перечни; с другой, - создает условия для формализации научного процесса, когда содержание публикаций нередко приносится в жертву необходимости соответствия внешним критериям [4; 19].

Юридическая наука имеет существенную специфику, которая отличает ее от естественно-научных и технических дисциплин [2; 14; 20]. Эта специфика проявляется в тесной связи правовых исследований с национальным законодательством и правоприменительной практикой, в преобладании доктринальных подходов над эмпирическими исследованиями, в высокой степени зависимости от национальных источников права [13; 14; 19; 20]. Как следствие, российские юридические журналы ориентированы преимущественно на внутреннюю аудиторию, а их публикационная активность и показатели цитируемости в международных базах данных объективно ниже, чем у журналов по естественным наукам. Данное обстоятельство должно учитываться при разработке критериев оценки качества как отдельных журналов, так и научной деятельности в целом [13].

В настоящей статье предлагается проанализировать системные проблемы, ограничивающих эффективное функционирование российских научных журналов на примере юридической периодики, а также предложить возможные направления разрешения таких проблем с учетом современных отечественных реалий и позитивных зарубежных практик.

1. Правовое регулирование деятельности российских научных журналов

Одной из наиболее фундаментальных проблем, определяющих положение российских научных журналов, является отсутствие их специального правового статуса в федеральном законодательстве.

Научный журнал «de jure» регистрируется и функционирует в соответствии с законодательством о средствах массовой информации, что влечет применение к нему норм, изначально разработанных для совершенно иных целей – периодических изданий информационного, общественно-политического или развлекательного характера. При этом Федеральный закон от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон о науке), являясь базовым актом в регулировании научной деятельности, не содержит упоминания о научных журналах как особых институтах. Правовой статус главного редактора журнала, его ответственность и независимость в принятии решений о публикации научных статей законодательно также не определены. В настоящее время законодательно определены лишь минимальные требования к должности «главный редактор» (должностные обязанности, требования к квалификации), которые содержатся в Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденном постановлением Минтруда Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 37.

Отсутствие правового статуса главного редактора как лица, несущего персональную ответственность за научное содержание издания и обладающего при этом реальными полномочиями по отбору материалов, фактически размывает ответственность за качество публикуемого контента, позволяя учредителям вмешиваться в редакционную политику. Решением данной проблемы должно стать внесение изменений в Закон о науке, дополнение его специальной статьей «Правовой статус научного журнала», в которой следует определить основные функции научного журнала как института научной коммуникации; требования к учредителю и издателю; права и обязанности главного редактора, включая его независимость от

учредителя при принятии решений о публикации по результатам рецензирования.

В настоящее время осуществляется работа над созданием на законодательном уровне «Единого государственного перечня научных изданий – Белый список» (далее – «Белый список» научных журналов), который должен заменить собой действующие перечни рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (далее – «список ВАК»). Создание Единого государственного перечня научных изданий осуществляется в соответствии с Рекомендацией ВАК Минобрнауки России от 2 апреля 2026 года № 1/1-пл «О формировании Единого государственного перечня научных изданий», согласно которой предполагается принять нормативный правовой акт, которым данный Перечень будет официально введен в действие. Цель «Белого списка» научных журналов – выстроить в российской науке единую, прозрачную и объективную систему оценки научных публикаций.

Необходимо подчеркнуть, что пока такой нормативный документ не принят. Действующий «список ВАК» является закрытым и непрозрачным: критерии включения и исключения из него носят процедурный, а не содержательный характер; решения экспертных советов ВАК не всегда целесообразны и мотивированы; отсутствие статуса «журнал – кандидат на включение» или поэтапной аккредитации создает административные барьеры для новых изданий.

В связи с этим представляется целесообразным при разработке акта Минобрнауки России о введении в действие ЕГПНИ – «Белый список» научных журналов учесть в его содержании критерии вхождения в такой Список и их ежегодное обновление с участием научного сообщества; обязательную публичную мотивацию решений об отказе во включении или об исключении журнала из «Белого списка»; переходный период, согласно которому научные статьи, ранее опубликованные в «списке ВАК», будут учитываться при допуске на защиту диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Важной проблемой является также отсутствие правовой регламентации на уровне типового договора отношений по передаче авторских прав между авторами и издателями научных журналов. Отсутствие легальных механизмов использования лицензий открытого доступа приводит к правовой неопределенности при распространении контента в сети Интернет. Необходимо ввести в гражданский оборот типовой лицензионный договор между автором и издателем научного журнала, основанный на лицензиях Creative Commons BY, с обязательным указанием условий репозитарного депонирования и распространения в открытом доступе [18].

2. Экономическая модель и финансирование научных журналов

Экономические аспекты функционирования научных журналов представляют собой, пожалуй, наиболее болезненный блок проблем, поскольку именно дефицит финансовых ресурсов оказывает прямое влияние на качество издательской деятельности, уровень оплаты труда редакционных сотрудников, возможности внедрения современных технологий и международного продвижения [3].

В настоящее время доминируют две неэффективные модели финансирования журналов. Первая модель предусматривает бюджетное субсидирование издательских расходов организацией-учредителем (образовательной организацией, научной организацией и др.), при котором объемы финансирования нестабильны, не привязаны к реальным затратам на продвижение журнала и оплату работы рецензентов, что ведет к низкому качеству полиграфии и отсутствию профессионального менеджмента. Вторая модель предполагает взимание платы с авторов без должного внешнего рецензирования, что порождает индустрию «хищнических» изданий, публикующих любые материалы на возмездной основе [7].

Особую остроту проблема приобретает в отношении публикаций аспирантов и молодых ученых. Требование о публикации основных научных результатов диссертации в рецензируемых журналах, входящих в «список ВАК», «Белый список» научных журналов или международные базы данных, не обеспечено государственной поддержкой. Большинство аспирантов не имеют грантовых или стипендиальных средств на оплату публикаций, что вынуждает их либо искать спонсоров, либо обращаться к «серым» посредникам и сомнительным низкорейтинговым изданиям. Отсутствуют и государственные фонды целевой поддержки публикационной активности (по аналогии с грантами на поездки для участия в конференциях) [6].

Для решения перечисленных проблем необходимо перейти к смешанной модели государственного софинансирования высокорейтинговых журналов. С учетом требований, установленных статьей 6 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов», обязывающих редакции научных журналов безвозмездно передавать обязательный экземпляр журнала для формирования национального библиотечно-информационного

фонда, предлагается для изданий, входящих в ядро РИНЦ или международные базы данных, предоставлять государственную субсидию на условиях софинансирования (50% – бюджет, 50% – внебюджетные средства, включая умеренную плату за публикацию, но не с автора, а с организации-работодателя автора). Государство также могло бы закупать у научных высокорейтинговых журналов часть бумажного тиража и рассылать в крупные библиотеки и научные центры [1]. Такая практика существовала в СССР и могла бы быть возрождена.

Представляется также весьма эффективным создание при Российском научном фонде целевой программы «Публикационная поддержка молодых ученых», которая предусматривала бы гранты на оплату публикаций в рецензируемых научных журналах для аспирантов и кандидатов наук в возрасте до 35 лет. Размер гранта – до 30 000 рублей на одну статью (с учетом сложившейся рыночной стоимости публикации в добросовестных российских журналах из «списка ВАК» и «Белого списка»). Также необходимо обязать высокорейтинговые научные издания закрепить внутреннюю рубрику «Трибуна молодого ученого» для аспирантов и молодых авторов без степеней. Такая рубрика существует в Журнале зарубежного законодательства и сравнительного правоведения (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации), «Черных дырах» в российском законодательстве, ряде других научных изданий и доказала свою эффективность. Для образовательных и научных организаций можно было бы разработать и утвердить типовое положение о внутриорганизационном фонде поддержки публикационной активности с закреплением обязательных отчислений на эти цели (не менее 1% от внебюджетных доходов) [9].

3. Интеграция в системы научного цитирования

Российский индекс научного цитирования (далее - РИНЦ), созданный в 2005 году как национальная альтернатива международным базам данных, сыграл важную роль в повышении прозрачности и объективности оценки научной деятельности в России. Однако к настоящему времени накопился ряд системных проблем, ограничивающих его эффективность [3].

Первая проблема связана с неполнотой и неоднородностью базы данных РИНЦ. Включение в нее большого числа низкорейтинговых журналов перенасыщает массив данных и делает некорректным прямое сравнение показателей цитируемости. Технология сбора и верификации данных также несовершенна: распространено дублирование статей, ошибки привязки статей к авторам и организациям; имеет место некорректный учет самоцитирований и непрозрачность процедуры ретракции (отзыва статей) [10].

Для издателей интеграция с РИНЦ и Science Index является одновременно необходимым каналом распространения метаданных и серьезной информативной нагрузкой. Требования к разметке ссылок и идентификации авторов технически сложны, ответственность за актуальность и достоверность данных полностью возложена на редакции, при этом инструменты автоматической проверки и централизованной коррекции недостаточны.

Отсутствует и единая платформа в рамках РИНЦ, где может быть собрана информация о наукометрических показателях научных журналов (уровне «Белого списка», количестве цитирований, составе редколлегии, направлениях научных исследований и др.), которая позволила бы упростить процесс интеграции в РИНЦ членов научного сообщества и издательской деятельности, аспирантов, студентов и др. Проект Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science полезен, но непрозрачен. Отбор журналов не имеет четких, публичных критериев, а сам список не пересматривается в режиме реального времени [17].

Для решения данных проблем необходимо провести ревизию базы данных РИНЦ с целью исключения журналов, имеющих низкий уровень самоцитирования или нерегулярный выпуск. Установить минимальный пятилетний импакт-фактор для включения в «ядро РИНЦ» (например, не менее 0,3). Использовать для государственных управленческих решений данные только по «ядру» РИНЦ. Разработать технический регламент взаимодействия издателей с системой Science Index, предусматривающий автоматическую выгрузку метаданных в машиночитаемом формате (XML/JATS) и централизованную автоматическую идентификацию авторов через интеграцию с ORCID [3]. Обеспечить для редакций бесплатные модули проверки и коррекции метаданных.

Особое внимание следует уделить созданию единой платформы РИНЦ, которая позволит интегрировать информацию обо всех научных изданиях, включая научные журналы (РИНЦ, ВАК, «Белый список» и др.). Такая платформа для авторов позволила бы объединить права автора и администратора с целью осуществления в едином цифровом пространстве возможностей по отслеживанию статуса научных журналов, контролю подачи статьи для публикации и ее дальнейшей судьбы до момента опубликования; для представителей

издательской деятельности – права издательства и администратора с целью ведения истории принятых к публикации статей, отбора заявок на публикацию, осуществления рецензирования и мониторинга деятельности научного журнала, что позволит упростить процесс публикации научных статей, сделать его более открытым и прозрачным.

Необходимо установить порядок ежегодного пересмотра списка RSCI с публикацией на сайте Минобрнауки России протоколов оценки каждого журнала. Сделать обязательным условием нахождения в RSCI наличие не менее 30% статей со ссылками на зарубежные публикации [12].

4. Организация рецензирования рукописей

Рецензирование является центральным механизмом обеспечения научного качества публикаций. В юридических журналах оно традиционно строится на привлечении внешних специалистов – профессоров, доцентов, исследователей, обладающих опытом работы в соответствующей отрасли права. Однако фактическая организация этого процесса сталкивается с рядом системных трудностей.

Двойное слепое рецензирование носит декларативный характер и часто не применяется из-за малых размеров научного сообщества в узких областях. Широко распространены формальные отписки, рецензии, написанные самим автором по просьбе редакции, или «внутреннее» рецензирование (коллегой по образовательной или научной организации). Острейшая проблема – это дефицит мотивированных рецензентов. Рецензирование в российских журналах является безвозмездным. Отсутствует система признания рецензентской деятельности (учет рецензий в индивидуальных рейтингах ученых, публичное подтверждение на платформах типа Publons, символический гонорар). В результате сроки рассмотрения рукописей достигают 6-12 месяцев. Отсутствует и единая политика в отношении плагиата, дублирующих публикаций, конфликта интересов и ретракции (отзыва статей) [11].

Для решения данных проблем представляется верным закрепить в нормативных документах ВАК обязательность двойного слепого рецензирования для всех журналов, входящих в «список ВАК», «Белый список». Регламентировать сроки рецензирования не более двух месяцев на первичную рецензию, не более одного месяца на повторную. Ввести требование к редакциям формировать базу рецензентов из расчета не менее 50 человек на каждую рубрику журнала [3; 12].

Целесообразно создать национальную систему стимулирования рецензентов, при которой признавать рецензирование в качестве научной работы при оценке эффективности деятельности ученых (с выдачей индивидуального сертификата); разработать систему материального поощрения рецензентов. В перспективе (с 2028 г.) предусмотреть выплату рецензентам символического гонорара из средств издателя.

Необходимо также разработать и утвердить «Кодекс публикационной этики российских научных журналов» (по аналогии с Кодексом COPE) [3]. Создать на базе РИЭПП или РАН Координационный совет по публикационной этике, в функции которого будет входить: рассмотрение жалоб на нарушения этики; ведение реестра ретрагированных статей; методическая поддержка редакций, в том числе по вопросам выявления произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта (ИИ) [5; 20]. Соответствующие методические рекомендации могут быть разработаны Министерством науки и высшего образования Российской Федерации [8].

5. Кадровое и техническое обеспечение редакций

Эффективное функционирование научного журнала невозможно без устойчивой кадровой и технической базы. При этом практика показывает, что значительная часть российских юридических журналов существует фактически как «дополнительная нагрузка» на сотрудников научных организаций и университетов.

В большинстве журналов работа редактора (особенно ответственного секретаря) является дополнительной, низкооплачиваемой нагрузкой для штатного научного сотрудника или преподавателя. Отсутствует система профессиональной подготовки научных редакторов по программам, включающим издательские стандарты, наукометрию, управление электронными редакционными системами, публикационную этику. Техническая инфраструктура нуждается в развитии: большинство журналов, по-прежнему, принимают рукописи по электронной почте, не используют системы управления редакционным процессом (например, Open Journal Systems и им подобные). Присвоение DOI осуществляется лишь единицами изданий и не является обязательным. Отсутствуют штатные корректоры и верстальщики, владеющие спецификой научных текстов (формулы, сложная графика и др.), что ведет к многочисленным опечаткам и ошибкам [16].

Для решения данных проблем необходимо инициировать на базе ведущих университетов и Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ, г. Москва) создание программы профессиональной переподготовки

«Научный редактор современного журнала» (объем 250 часов). Предусмотреть возможность софинансирования из государственного бюджета программ обучения для ответственных секретарей (главных редакторов) журналов из «Белого списка».

Представляется целесообразным и выделение грантов для не менее чем 100 российских научных журналов на переход к использованию платформы Open Journal Systems (или ее отечественного аналога) с обязательным обучением персонала. Срок реализации может быть установлен в два года.

Следует также обязать издателей, получающих государственную поддержку, присваивать DOI каждой научной статье. При этом, в качестве обязательного критерия для включения в «Белый список» научных журналов, установить наличие в штате редакции не менее одного профессионального корректора (или договора с внешним корректором) и верстальщика, работающих на постоянной основе.

6. Международное распространение публикаций

Международное распространение российских юридических научных публикаций, их индексация в крупных международных базах данных и присутствие в международном научном дискурсе остаются слабым звеном национальной системы научных журналов [3]. Подавляющее большинство российских журналов публикует статьи только на русском языке, что делает их недоступными для мирового научного сообщества. Даже там, где есть переводы, их качество низкое, а стиль не соответствует международным академическим стандартам. Отсутствует и системная работа по продвижению содержания журналов в зарубежных реферативных базах данных, в профессиональных социальных сетях (ResearchGate, Academia.edu) и открытых архивах [15].

Путь к включению в Web of Science и Scopus является чрезвычайно сложным, непрозрачным и требует значительных ресурсов (международный состав редакционной коллегии, англоязычная версия сайта, высокая регулярность выпуска и метаданные высокого качества). Включение в эти базы данных требует системной работы, которую большинство редакций не в состоянии вести из-за отсутствия кадровых и финансовых ресурсов.

Для решения данных проблем представляется необходимым включить в государственное задание РАН и ведущих университетов функцию систематического профессионального перевода на английский язык ключевых статей из журналов, отобранных экспертным советом (не более 50 журналов в год). Финансирование можно было бы осуществлять за счет средств федерального бюджета, выделяемых на научно-информационное обеспечение.

Необходимо также организовать цикл обучающих семинаров для редакций (в очном и дистанционном формате) по подготовке заявок на индексацию в международных базах данных, с приглашением экспертов Clarivate Analytics и Elsevier; разработать и реализовать программу «Российская научная периодика в открытом доступе», предусматривающую создание единого агрегатора (платформы) для хранения метаданных и полнотекстовых версий статей на русском и английском языках; осуществлять автоматическое депонирование статей в международные репозитории (arXiv, Zenodo, SSRN) и передачу метаданных в CrossRef, продвижение журналов в социальных сетях за счет централизованного контент-маркетинга (ведение аккаунтов на русском и английском языках).

7. Общие выводы и предложения

Проведенный системный анализ позволяет констатировать наличие фактических проблем, которые не могут быть решены на уровне отдельных ведомств. Необходима разработка и утверждение Правительством Российской Федерации Комплексного плана мероприятий («дорожной карты») по реформированию системы научной периодики на 2027-2030 годы. Предлагаемые меры требуют межведомственной координации (Минобрнауки России, Минцифры России, ВАК, Российская академия наук) и выделения целевого финансирования.

Основными направлениями преобразований должны стать: закрепление специального правового статуса научного журнала; введение смешанной модели государственного софинансирования; создание системы стимулирования рецензентов; модернизация технической инфраструктуры; целевая поддержка перевода и продвижения публикаций.

Реализация перечисленных мер позволит повысить качество российских юридических научных журналов, их конкурентоспособность на международной арене и, в конечном счете, будет способствовать развитию отечественной правовой науки и совершенствованию законодательства.

Список литературы:

[1] Аксентьева, М. С. Особенности статистики посещений физических сайтов на примере научно-образовательного портала «Большая российская энциклопедия» и сайта журнала «Успехи физических наук» / М. С. Аксентьева, И. Г. Ефименко, О. С. Сажина // Научный редактор и издатель. – 2024. – Т. 9, № S2. – С. 88-99. – DOI 10.24069/SEP-24-12. – EDN

VZDXKG.

[2] Алексеева, Н. И. Проблема определения критериев эффективности правового регулирования в современной юридической науке / Н. И. Алексеева // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 67-71. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-10310. – EDN NPPNBS.

[3] Антонова, Н. В. Квалификация научных кадров: зарубежный опыт / Н. В. Антонова, Д. А. Басангов, Д. Х. Буй // Образование и право. – 2025. – № 8. – С. 453-463. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-8-453-463. – EDN CYBURG.

[4] Антонова, Н. В. Квалификация научных кадров по трудовому законодательству: сравнительно-правовой анализ / Н. В. Антонова, Т. Е. Мельник // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2022. – № 1. – С. 48-53. – EDN FGGNBW.

[5] Басангов, Д. А. Риски реализации прав человека в условиях развития цифровых технологий / Д. А. Басангов // Формы и методы публичного управления : сборник статей: в 2 томах. Том 1. – Москва : ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2026. – С. 107-113. – EDN HIAHSC.

[6] Бедный, Б. И. Экспертные оценки системы подготовки научных кадров в аспирантуре / Б. И. Бедный, А. А. Миронос, С. С. Балабанов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 28-35. – EDN JXCGDB.

[7] Брумштейн, Ю. М. Целесообразный состав и информативность наукометрических показателей вузовских журналов: взгляд с позиций их научных редакторов / Ю. М. Брумштейн, Н. К. Юрков, В. А. Камаев // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2015. – № 2(157). – С. 114-121. – EDN TVVZYJ.

[8] Брумштейн, Ю. М. Влияние развития информационных технологий на особенности использования ссылок в российских научных журналах и методы оценки на основе них наукометрических показателей / Ю. М. Брумштейн // Научная периодика: проблемы и решения. – 2016. – Т. 6, № 2. – С. 60-80. – DOI 10.18334/nppir.6.2.35647. – EDN WHJURJ.

[9] Зарубежный опыт финансирования науки и возможности его использования в России. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем развития науки Российской академии наук, 2017. – 72 с. – ISBN 978-5-91294-103-0. – EDN ZTIPAH.

[10] Индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования / В. А. Болотов, Н. Н. Квелидзе-Кузнецова, С. А. Морозова, В. В. Лаптев // Вопросы образования. – 2014. – № 1. – С. 241-262. – DOI 10.17323/1814-9545-2014-1-241-262. – EDN SGWRAB.

[11] Исаева, Т. Е. Эффективность оценивания деятельности преподавателей вузов: сравнение отечественных и зарубежных методик / Т. Е. Исаева, М. П. Чуриков, Ю. Ю. Котляренко // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. – Т. 7, № 3(28). – С. 154. – DOI 10.15862/141PVN315. – EDN UMFYKN.

[12] Кабакова, Е. А. Использование наукометрических показателей при оценке научной деятельности / Е. А. Кабакова // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 8(18). – С. 5. – EDN SXEWOX.

[13] Малешин, Д. Я. Наукометрия и юридическая периодика (на примере «Russian Law Journal») / Д. Я. Малешин // Научное издание международного уровня - 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций : Материалы 4-й Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–29 мая 2015 года / Ответственный редактор О.В. Кириллова. – Санкт-Петербург: Северо-Западный институт управления - филиал РАНХиГС, 2015. – С. 73-80. – EDN UAQETF.

[14] Научные концепции развития российского законодательства / Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров, В. Р. Авхадеев [и др.]. – 8-е издание переработанное и дополненное. – Москва : Норма, 2024. – 656 с. – ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ.

[15] Орлов, А. И. Число цитирований - ключевой показатель эффективности научной деятельности исследователя и организации / А. И. Орлов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 124. – С. 984-1009. – DOI 10.21515/1990-4665-124-064. – EDN XQZNQL.

[16] Семисорова, К. Н. Юридическая наукометрия: эффективное управление юридической наукой / К. Н. Семисорова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11(48). – С. 2635-2646. – EDN TFWVCF.

[17] Третьякова, О. В. Современные инструменты оценки научного потенциала территории: наукометрический подход / О. В. Третьякова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 4(72). – С. 7-16. – EDN SJDWDT.

[18] Шугрина, Е. С. Научные юридические журналы как средство продвижения научных школ и ученых Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) на российском научном пространстве / Е. С. Шугрина, К. Н. Семисорова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7(44). – С. 1530-1537. – EDN TFWWGF.

[19] Эффективность научной

деятельности: критерии правовой оценки / Н. В. Антонова, Н. С. Волкова, О. В. Гутников [и др.]. – Москва : Юридическое издательство «Норма», 2023. – 208 с. – ISBN 978-5-16-018270-4. – DOI 10.12737/1949067. – EDN ILCXWB.

[20] Юридическая концепция роботизации / Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба, А. А. Головина [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-392-37583-7. – DOI 10.31085/9785392306404-2019-240. – EDN CCWOYV.

References:

[1] Aksentieva, M. S. Features of statistics on visits to physical sites on the example of the scientific and educational portal "Big Russian Encyclopedia" and the site of the journal "Successes of Physical Sciences "/M. S. Aksentieva, I. G. Efimenko, O. S. Sazhina//Scientific editor and publisher. – 2024. - VOL. 9, NO. S2. - S. 88-99. – DOI 10.24069/SEP-24-12. – EDN VZDXKG.

[2] Alekseeva, N.I. The problem of determining the criteria for the effectiveness of legal regulation in modern legal science/N.I. Alekseeva//Education and law. – 2020. – № 3. - S. 67-71. – DOI 10.24411/2076-1503-2020-10310. – EDN NPPNBS.

[3] Antonova, N.V. Qualification of scientific personnel: foreign experience/N.V. Antonova, D. A. Basangov, D. Kh. Buy//Education and law. – 2025. – № 8. - S. 453-463. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-8-453-463. – EDN CYBURG.

[4] Antonova, N.V. Qualifications of scientific personnel in labor legislation: comparative legal analysis/N.V. Antonova, T.E. Melnik//Black holes in Russian legislation. – 2022. – № 1. - S. 48-53. – EDN FGGNBW.

[5] Basangov, D. A. Risks of the realization of human rights in the context of the development of digital technologies/D. A. Basangov//Forms and methods of public administration: collection of articles: in 2 volumes. Volume 1. - Moscow: Publishing House Jurisprudence LLC, 2026. - S. 107-113. – EDN HIAHSC.

[6] Poor, B. I. Expert assessments of the system of training scientific personnel in graduate school/B. I. Bedny, A. A. Mironos, S. S. Balabanov// Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2007. – № 2. - S. 28-35. – EDN JXCGDB.

[7] Brumstein, Yu. M. The expedient composition and informativity of scientometric indicators of university journals: a look from the standpoint of their scientific editors/Yu. M. Brumstein, N. K. Yurkov, V. A. Kamaev//Izvestia Volgograd State Technical University. – 2015. – № 2(157). - S. 114-121. – EDN TVVZYJ.

[8] Brumstein, Yu. M. The influence of the development of information technologies on the features of the use of references in Russian scientific journals and methods for assessing scientometric indicators based on them/Yu. M. Brumstein//Scientific periodicals: problems and solutions. – 2016. - T. 6, NO. 2. - S. 60-80. – DOI 10.18334/nppir.6.2.35647. – EDN WHJURJ.

[9] Foreign experience in financing science and the possibility of its use in Russia. - Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Problems of Science Development of the Russian Academy of Sciences, 2017. - 72 p. - ISBN 978-5-91294-103-0. – EDN ZTIPAH.

[10] Hirsch Index in the Russian Science Citation Index/V. A. Bolotov, N. N. Kvelidze-Kuznetsov, S. A. Morozov, V. V. Laptev//Education Issues. – 2014. – № 1. - S. 241-262. – DOI 10.17323/1814-9545-2014-1-241-262. – EDN SGWRAB.

[11] Isaeva, T. E. Effectiveness of assessing the activities of university teachers: comparison of domestic and foreign methods/T. E. Isaeva, M. P. Churikov, Yu. Yu. Kotlyarenko//Internet journal Science. – 2015. - T. 7, NO. 3 (28). - S. 154. – DOI 10.15862/141PVN315. – EDN UMFYKN.

[12] Kabakova, E. A. The use of scientometric indicators in assessing scientific activity/E. A. Kabakova//Issues of territorial development. – 2014. – № 8(18). - S. 5. – EDN SXEWOX.

[13] Maleshin, D. Ya. Scientometrics and legal periodicals (on the example of the "Russian Law Journal")/D. Ya. Maleshin//Scientific publication of the international level - 2015: current trends in the world practice of editing, publishing and evaluating scientific publications: Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 26-29, 2015/Executive Editor O.V. Kirillova. - St. Petersburg: North-West Institute of Management - branch of RANEPA, 2015. - S. 73-80. – EDN UAQETF.

[14] Scientific concepts for the development of Russian legislation/T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov, V. R. Avkhadeev [and others]. - 8th edition revised and supplemented. - Moscow: Norma, 2024. - 656 p. - ISBN 978-5-00156-353-2. – EDN VJUIJQ.

[15] Orlov, A.I. The number of citations is a key indicator of the effectiveness of the scientific activity of the researcher and organization/A.I. Orlov// Politematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2016. – № 124. - S. 984-1009. – DOI 10.21515/1990-4665-124-064. – EDN XQZNQL.

[16] Semisorova, K. N. Legal scientometrics: effective management of legal science/K. N. Semisorova//Actual problems of Russian law. – 2014. – № 11(48). - S. 2635-2646. – EDN TFWVCF.

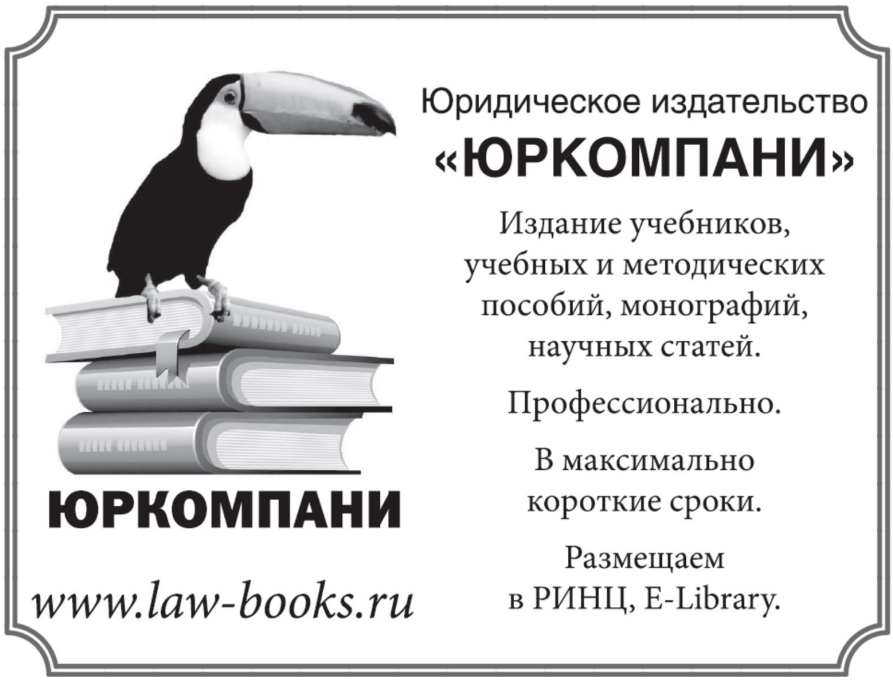
[17] Tretyakova, O. V. Modern tools for assessing the scientific potential of the territory:

scientometric approach/O. V. Tretyakova//Problems of the development of the territory. – 2014. – № 4(72). - S. 7-16. – EDN SJDWDT.

[18] Shugrina, E. S. Scientific legal journals as a means of promoting scientific schools and scientists of the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy) in the Russian scientific space/E. S. Shugrina, K. N. Semisorova// Actual problems of Russian law. – 2014. – № 7(44). - S. 1530-1537. – EDN TFWWGF.

[19] Effectiveness of scientific activity: criteria for legal assessment/N. V. Antonova, N. S. Volkova, O. V. Gutnikov [and others]. - Moscow: Legal Publishing House “Norma,” 2023. - 208 p. - ISBN 978-5-16-018270-4. – DOI 10.12737/1949067. – EDN ILCXWB.

[20] Legal concept of robotization/Yu. A. Tikhomirov, S. B. Nanba, A. A. Golovin [et al.]. - Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2023. - 240 p. - ISBN 978-5-392-37583-7. – DOI 10.31085/9785392306404-2019-240. – EDN CCWOYV.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-89-96

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

БУЛАКОВ Олег Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичной власти и правового положения личности, Институт Правоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия,

e-mail: bulakov62@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПРАВ И СВОБОД

Аннотация. *В системе конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина государственная защита занимает особое место. Она не сводится к одной из гарантий, дополняющих субъективное право, а выражает исходное обязательство публичной власти обеспечивать реальность всего конституционного статуса личности. Конституция Российской Федерации исходит из аксиологической формулы, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства. Поэтому государственная защита выступает юридическим мостом между декларацией прав и их практической исполнимостью: без нее право остается нормативно провозглашенным, но социально уязвимым притязанием.*

Ключевые слова: *конституционный принцип, государственная защита прав, права и свободы человека, статус личности, конституция.*

BULAKOV Oleg Nikolaevich,

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Public Authority and Legal Status of the Individual, Institute of Jurisprudence Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia

STATE PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF RIGHTS AND FREEDOMS

Annotation. *In the system of constitutional principles of human and civil rights and freedoms, state protection occupies a special place. It does not come down to one of the guarantees that complement subjective law, but expresses the original obligation of the public authority to ensure the reality of the entire constitutional status of the individual. The Constitution of the Russian Federation proceeds from the axiological formula, according to which a person, his rights and freedoms are the highest value, and the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms constitute the duty of the state. Therefore, state protection acts as a legal bridge between the declaration of rights and their practical enforceability: without it, the right remains a normatively proclaimed, but socially vulnerable claim.*

Key words: *constitutional principle, state protection of human rights, rights and freedoms, individual status, constitution.*

Нормативным ядром принципа государственной защиты прав и свобод человека и гражданина является часть 1 статьи 45 Конституции РФ: «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Эта формула должна толковаться во взаимосвязи со статьями 17, 18, 46, 52 и 53 Конституции РФ. В таком системном прочтении государственная защита означает не только

обязанность реагировать на уже совершенное нарушение, но и обязанность создавать правовой порядок, при котором права могут реализовываться без чрезмерных препятствий, а при нарушении - восстанавливаться в эффективной процедуре.

Государственная защита нередко описывается через категорию гарантий прав личности. Такой подход методически оправдан, поскольку позволяет показать организационные, процессуальные, материальные и идеологические условия осуществления прав. Однако для конституционного права принцип государственной защиты шире обычной гарантии: он задает критерий оценки всей деятельности законодателя, исполнительной власти, суда, прокуратуры, органов местного самоуправления и иных публично значимых институтов. В этом смысле он имеет одновременно субъективное и объективное содержание. [1]

Субъективное содержание принципа выражается в праве каждого требовать от государства правовой защиты, обращения к компетентным органам, судебного рассмотрения, восстановления нарушенного права, компенсации вреда, устранения незаконного акта или бездействия. Объективное содержание состоит в обязанности государства поддерживать такую институциональную среду, в которой защита прав является доступной, своевременной, профессиональной, беспристрастной и исполнимой. Именно поэтому принцип государственной защиты прав и свобод нельзя понимать как факультативное направление государственной политики; он является конституционно обязательной функцией публичной власти. [2]

Государственная защита прав и свобод связана с другими принципами конституционного статуса личности. Она опирается на всеобщность и неотчуждаемость прав, равенство всех перед законом и судом, непосредственное действие прав и свобод, недопустимость произвольного ограничения прав, право на самозащиту и возможность обращения в межгосударственные органы по защите прав человека при соблюдении установленных условий. В системе главы 2 Конституции РФ статья 45 не является изолированной нормой: она закрепляет общий защитный режим, который конкретизируется в специальных конституционных гарантиях.

Прежде всего, государственная защита производна от принципа непосредственного действия прав и свобод. Если права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, то вся публичная власть должна быть организована не вокруг удобства управления, а вокруг защищенности личности. Иначе говоря, правовое государство проверяется не количеством провозглашенных прав, а качеством механизмов их защиты.

Международно-правовой контекст также подтверждает, что эффективная защита является обязательным элементом правового статуса личности. Международный пакт о гражданских и политических правах требует обеспечить эффективное средство правовой защиты лицу, права которого нарушены, а также обеспечить рассмотрение такого средства компетентным судебным, административным или законодательным органом. Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами. Эти положения важны не как внешняя риторика, а как универсальный стандарт: право должно иметь процедуру защиты, а процедура должна приводить к реальному результату. [3]

В сравнительно-правовом плане значимыми остаются стандарты Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, прежде всего право на справедливое судебное разбирательство и право на эффективное средство правовой защиты. После прекращения участия Российской Федерации в Конвенции 16 сентября 2022 г. данные стандарты не являются для России действующим международно-договорным механизмом в прежнем виде, но сохраняют научное значение для анализа критериев эффективности национальной защиты: доступность процедуры, независимость органа, разумный срок, исполнимость решения, компенсационный эффект.

Внутри российской конституционной системы принцип государственной защиты выполняет интегрирующую функцию. Он связывает материальные права с процессуальными гарантиями, а индивидуальную свободу - с публичной ответственностью государства. Поэтому при преподавании темы прав и свобод целесообразно рассматривать государственную защиту не после перечня отдельных прав, а как сквозной принцип: каждое право должно быть объяснено через вопрос о том, кто, в какой процедуре, в какие сроки и каким юридическим результатом обязан его защитить.

Содержание обязанности государства по защите прав и свобод многоуровнево. На первом уровне находится обязанность признания прав: публичная власть должна исходить из того, что права не создаются государством произвольно, а признаются им как конституционная ценность. На втором уровне расположена обязанность

соблюдения прав: органы власти и должностные лица должны воздерживаться от незаконного вмешательства в сферу свободы личности. На третьем уровне находится собственно обязанность защиты: государство должно активно пресекать нарушения, восстанавливать положение лица, компенсировать вред и устранять причины нарушения.

Конституционный Суд РФ последовательно рассматривает признание, соблюдение и защиту прав и свобод как основополагающую обязанность государства. В его правовых позициях подчеркивается, что государство, будучи правовым и социальным, должно обеспечивать такое качество законодательного регулирования и правоприменения, которое исключает произвольное умаление прав и гарантирует восстановление нарушенного состояния. Эта позиция имеет принципиальное значение: дефект закона или процедуры также может быть формой нарушения обязанности по защите прав. [4] Важным элементом принципа является запрет фискального, организационного или бюрократического обусловливания основных прав. Конституционные права не могут ставиться в зависимость от удобства бюджета, ведомственной нагрузки, несовершенства информационных систем или отсутствия межведомственного взаимодействия. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что основные права гарантируются Конституцией без условий, которые фактически блокируют их осуществление. [5]

Конституционная обязанность защиты включает как негативный, так и позитивный аспекты. Негативный аспект означает запрет органам власти самим нарушать права, принимать произвольные решения, игнорировать процедуру, уклоняться от рассмотрения обращений, создавать дискриминационные условия доступа к публичным услугам. Позитивный аспект предполагает активную деятельность: принятие законов, финансирование институтов защиты, организацию судебной системы, развитие бесплатной юридической помощи, цифровых сервисов, механизмов контроля, публичной отчетности и правового просвещения.

Особенность государственной защиты состоит в том, что она обращена не только против противоправного поведения частных лиц, но и против самой публичной власти, если последняя нарушает права. В этом состоит зрелость конституционного принципа: государство обязано создавать процедуры защиты от собственных органов и должностных лиц. Статья 46 Конституции РФ прямо гарантирует возможность обжалования в суд решений и действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Тем самым конституционная модель исходит из недопустимости административной окончательности в вопросах прав человека.

Государственная защита прав и свобод реализуется через совокупность институтов, каждый из которых имеет собственную компетенцию, процедуру и юридический результат. К числу таких институтов относятся суды, Конституционный Суд РФ, прокуратура, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и уполномоченные в субъектах РФ, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, адвокатура, система бесплатной юридической помощи, нотариат, органы контроля и надзора, а также публичные цифровые платформы подачи обращений и жалоб.

Уполномоченный по правам человека является специализированным парламентским институтом, предназначенным для содействия восстановлению нарушенных прав, совершенствования законодательства и развития международного сотрудничества в сфере прав человека. Его значение заключается не в замещении суда, а в создании дополнительного канала защиты, особенно в ситуациях, где проблема носит системный характер или где лицо не обладает достаточными ресурсами для самостоятельного продвижения своей позиции. [6]

Прокуратура выполняет надзорную и правозащитную функцию в публичном интересе. Ее полномочия по выявлению нарушений закона, внесению представлений, принесению протестов, обращению в суд и участию в рассмотрении дел позволяют реагировать на массовые или социально значимые нарушения, а также защищать права лиц, которые по возрасту, состоянию здоровья или иным обстоятельствам не могут самостоятельно обратиться за защитой. При этом прокурорская защита не должна подменять судебную независимость и состязательность процесса; ее конституционный смысл - усилить, а не бюрократизировать механизм восстановления прав. [7]

Адвокатура, будучи институтом гражданского общества и профессиональной юридической помощи, занимает особое место в механизме защиты. Хотя адвокатура не является органом государственной власти, государственная защита прав была бы неполной без гарантированного доступа к квалифицированной юридической помощи, поскольку право на защиту часто не может быть реализовано без профессионального представительства. Поэтому конституционный принцип государственной защиты включает

обязанность государства уважать независимость адвокатуры, обеспечивать процессуальные гарантии адвокатской деятельности и развивать доступ к юридической помощи для социально уязвимых групп.

Система бесплатной юридической помощи является социально-правовым механизмом, призванным снизить имущественный барьер доступа к защите. Федеральный закон о бесплатной юридической помощи закрепляет категории граждан и виды помощи, включая консультирование, составление документов и представительство в суде в установленных случаях. Практическая ценность этой системы зависит от трех факторов: информированности граждан, реального качества юридической помощи и достаточного финансирования участников системы.

Государственная защита прав и свобод осуществляется в различных формах. Административная форма включает рассмотрение обращений граждан, ведомственные жалобы, контрольные и надзорные процедуры, предоставление государственных и муниципальных услуг, восстановление документов, исправление реестровых ошибок, отмену незаконных административных актов. Федеральный закон о порядке рассмотрения обращений граждан закрепляет общие правила подачи, регистрации и рассмотрения обращений, что делает право на обращение одной из базовых процедур включения гражданина в диалог с публичной властью.

Административная защита имеет достоинства оперативности, профессиональной специализации и возможности устранить нарушение без судебного спора. Но она несет и риски: ведомственная солидарность, формализм, повторное направление жалобы тому же органу, затягивание сроков, отсутствие реального восстановления. Поэтому административная процедура не может окончательно закрывать путь в суд. Ее назначение - быть первым и эффективным уровнем защиты, а не фильтром, блокирующим судебную гарантию.

Судебная форма является центральной в конституционном механизме защиты. Она охватывает гражданское, административное, арбитражное, уголовное и конституционное судопроизводство. Кодекс административного судопроизводства РФ имеет особое значение для защиты прав в публично-правовых спорах, поскольку именно в административном процессе гражданин или организация оспаривает нормативные правовые акты, решения, действия или бездействие публичной власти. [8]

Компенсационная форма защиты выражается в возмещении вреда, компенсации морального вреда, компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, а также в специальных механизмах реабилитации. Федеральный закон № 68-ФЗ закрепляет самостоятельную процедуру компенсации за чрезмерную длительность судебного разбирательства или исполнения судебного акта. Гражданское законодательство, в свою очередь, предусматривает ответственность публичной власти за вред, причиненный незаконными действиями или бездействием органов и должностных лиц. [9]

Конституционная форма защиты реализуется через обращение в Конституционный Суд РФ, когда нарушенные права связаны с применением закона, не соответствующего Конституции РФ или допускающего неконституционное истолкование. Конституционное правосудие не заменяет суды общей и арбитражной юрисдикции, но устраняет нормативную причину нарушения. В результате защита отдельного заявителя приобретает публично-правовой эффект: неконституционная норма утрачивает силу либо получает обязательное конституционно-правовое истолкование.

Судебная защита является ядром принципа государственной защиты по нескольким причинам. Во-первых, суд обладает конституционной функцией правосудия и обязан разрешать спор независимо от ведомственных интересов. Во-вторых, судебный акт имеет обязательную силу и подлежит исполнению. В-третьих, суд обеспечивает процессуальные гарантии: равенство сторон, состязательность, право быть выслушанным, право на мотивированное решение, возможность обжалования. В-четвертых, судебная защита направлена не только на констатацию нарушения, но и на восстановление права.

Конституционный Суд РФ подчеркивает, что право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод. Такая защита предполагает законный, независимый и беспристрастный суд, определенность подсудности, справедливую процедуру и исполнимость решения. Из этого следует, что формальное наличие суда еще не означает надлежащего исполнения принципа государственной защиты; необходимо оценивать качество процедуры и фактический результат. [10]

Право на доступ к правосудию имеет особую системную роль. Оно является гарантией всех других прав: если лицо не может добиться

судебного рассмотрения, то нарушенное материальное право фактически теряет юридическую силу. Поэтому ограничения доступа к суду требуют повышенной конституционной оценки. Недопустимы такие процессуальные конструкции, которые создают неоправданные барьеры: чрезмерные пошлины, неясные правила подсудности, невозможные сроки, обязательные досудебные процедуры, после прохождения которых судебная защита фактически блокируется. [11]

Судебная защита имеет и дисциплинирующее значение для публичной администрации. Возможность судебного контроля заставляет органы власти мотивировать решения, соблюдать компетенцию, учитывать права затрагиваемых лиц, формировать доказательственную базу и исполнять принятые судебные акты. В этом смысле суд не только восстанавливает нарушенное право, но и повышает качество публичного управления.

Вместе с тем судебная защита не должна рассматриваться как единственная форма государственной защиты. Если любой конфликт с публичной властью может быть разрешен только в суде, это означает дефицит административной культуры и слабость внесудебных процедур. Зрелая модель защиты предполагает разумную последовательность: профилактика нарушения, административное исправление ошибки, судебное восстановление права, компенсация вреда и системное изменение практики. Суд должен быть надежным последним рубежом, но не единственным рабочим инструментом.

Конституционное правосудие имеет особое значение для принципа государственной защиты, поскольку оно защищает права не только от единичного правоприменительного акта, но и от неконституционного закона, порождающего серию нарушений. Если обычный суд восстанавливает право в конкретном деле, то Конституционный Суд РФ выявляет пределы законодательного усмотрения, устраняет неопределенность и задает обязательный стандарт правоприменения. Поэтому конституционная жалоба является инструментом не только индивидуальной, но и структурной защиты.

В доктрине судебного конституционализма подчеркивается, что правовые позиции Конституционного Суда РФ выполняют нормативно-ориентирующую функцию: они связывают текст Конституции с конкретными правовыми ситуациями и задают пределы допустимого публичного вмешательства. Для принципа государственной защиты это означает, что защита прав не исчерпывается буквальным применением закона; суд и иные органы обязаны применять закон в конституционно согласованном смысле. [12]

Конституционный Суд РФ многократно указывал, что правосудие должно обеспечивать справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах. Это требование распространяется не только на судебные процедуры в узком смысле, но и на законодателя, который обязан создавать такие процедуры, которые не делают защиту иллюзорной. Если закон формально предоставляет средство защиты, но делает его чрезмерно сложным, дорогим, неопределенным или бессмысленным по результату, он противоречит содержанию статьи 45 Конституции РФ. [13]

Системная роль конституционного правосудия особенно заметна в делах о компенсации вреда, разумных сроках, доступе к суду, праве потерпевших, защите социальных прав, пересмотре дел после признания нормы неконституционной. В этих категориях дел Конституционный Суд РФ фактически переводит конституционный принцип из плоскости общей декларации в плоскость практических критериев: наличие процедуры, разумность условий, пропорциональность ограничений, реальность восстановления, недопустимость чрезмерного бремени для заявителя.

Часть 2 статьи 45 Конституции РФ закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Это положение принципиально важно: государственная защита не монополизирует защиту прав. Лицо вправе самостоятельно выбирать правомерные способы защиты, обращаться к адвокату, использовать общественные объединения, средства массовой информации, профессиональные союзы, медиацию, переговоры, претензионный порядок, публичные обращения. Самозащита выражает активную правовую субъектность личности.

Однако самозащита не отменяет обязанности государства. Напротив, ее конституционный смысл состоит в расширении пространства правомерной активности гражданина. Государство должно признавать результаты самозащиты, не препятствовать ей, обеспечивать безопасность лица, использующего законные способы защиты, и предоставлять доступ к официальным процедурам, когда самостоятельные меры недостаточны. В противном случае ссылка на самозащиту превращается в способ снятия с государства его конституционной ответственности.

Соотношение государственной защиты и самозащиты можно представить как модель взаимного дополнения. Самозащита обеспечивает

оперативность и автономию, государственная защита - публичную принудительность, авторитетность и исполнимость результата. Например, гражданин может направить претензию, собрать доказательства, обратиться за юридической консультацией, публично заявить о нарушении, но признать акт незаконным, взыскать компенсацию или обязать орган власти совершить действие может только компетентный публичный институт. С этой точки зрения важна правовая культура защиты. Чем выше уровень правовой грамотности граждан, тем эффективнее работает и государственная защита: обращения становятся более предметными, доказательства - более качественными, административные органы - более дисциплинированными, суды - лучше информированными о сути нарушения. Поэтому правовое просвещение является не периферийной, а конституционно значимой предпосылкой реализации статьи 45 Конституции РФ. [14]

Эффективность государственной защиты должна оцениваться не только по формальному наличию законов и органов, но и по реальным возможностям лица добиться восстановления права. В юридико-практическом плане можно выделить несколько критериев эффективности: доступность процедуры, определенность компетенции, разумный срок, профессиональность рассмотрения, беспристрастность органа, возможность участия заявителя, мотивированность решения, наличие механизма исполнения и компенсационный результат.

Первый критерий - доступность. Процедура защиты не должна быть настолько сложной, чтобы лицо объективно не могло ею воспользоваться. Недопустимы непрозрачные правила подсудности, чрезмерная стоимость обращения, искусственные требования к форме документов, невозможность подачи документов в электронном виде при фактической цифровизации других государственных функций. Доступность означает также физическую, языковую, цифровую и социальную доступность для пожилых людей, инвалидов, малоимущих, жителей отдаленных территорий.

Второй критерий - своевременность. Защита, предоставленная слишком поздно, часто утрачивает смысл. Поэтому разумный срок является не технической характеристикой процесса, а элементом самого права на защиту. Особенно это заметно в делах о медицинской помощи, социальных выплатах, жилищном обеспечении, доступе к информации, избирательных правах, семейных отношениях и защите от насилия. В таких делах промедление может привести к необратимым последствиям.

Третий критерий - восстановительный характер. Государственная защита должна быть направлена на восстановление нарушенного права, а не только на регистрацию жалобы или дисциплинарное наказание виновного должностного лица. Для гражданина имеет значение не ведомственная статистика, а конкретный результат: отмена незаконного решения, предоставление услуги, возврат имущества, компенсация вреда, внесение исправлений в реестр, прекращение противоправного воздействия.

Четвертый критерий - исполнимость. Судебное или административное решение, которое не исполняется, подрывает доверие к государству и превращает право на защиту в формальность. Поэтому исполнительное производство, бюджетные механизмы исполнения судебных актов, персональная ответственность должностных лиц и цифровой мониторинг исполнения являются не вторичными процедурами, а частью конституционного механизма защиты.

Пятый критерий - системный эффект. Если однотипные жалобы возникают массово, государственная защита не должна ограничиваться индивидуальными решениями. Необходимы изменение административной практики, корректировка нормативного акта, разъяснение компетентного органа, обучение должностных лиц, межведомственное взаимодействие. Иначе защита превращается в бесконечное исправление повторяющихся ошибок, а не в устранение причины нарушения.

Несмотря на развитую нормативную базу, реализация принципа государственной защиты сталкивается с рядом устойчивых проблем. Первая проблема — формализация процедур. Органы власти иногда подменяют защиту прав ответами по существу тем, что пересказывают нормы закона или сообщают об отсутствии оснований для вмешательства без проверки фактических обстоятельств. Такая практика внешне соблюдает порядок рассмотрения обращения, но не выполняет конституционную задачу восстановления права.

Вторая проблема - фрагментарность компетенции. Гражданин нередко сталкивается с ситуацией, когда один орган направляет его в другой, второй - в третий, а третий возвращает к первому. Межведомственная разобщенность особенно болезненна в социальных, жилищных, миграционных, медицинских и земельных вопросах. С конституционной точки зрения это не проблема удобства управления, а проблема доступности защиты: государство должно быть

единым адресатом обязанности защищать права, даже если внутри него полномочия распределены между различными органами.

Третья проблема - неравенство ресурсов между гражданином и публичной властью. В споре с государственным органом гражданин часто не обладает сопоставимым доступом к документам, юридическим знаниям, времени и организационным возможностям. Поэтому процессуальное равенство должно дополняться активной ролью суда в публично-правовых спорах, распределением бремени доказывания с учетом доступа к информации, бесплатной юридической помощью и обязанностью органа власти раскрывать мотивы своих решений.

Четвертая проблема - цифровое неравенство. Электронные сервисы подачи обращений, судебных документов и получения государственных услуг повышают скорость и прозрачность защиты, но одновременно создают риск исключения лиц, которые не имеют устойчивого доступа к интернету, цифровых навыков или подтвержденной учетной записи. Поэтому цифровизация защиты прав должна строиться по принципу дополнительности: электронный канал должен расширять доступ, а не заменять все иные формы взаимодействия.

Пятая проблема - недостаточный компенсационный эффект. Восстановление нарушенного права должно сопровождаться адекватной компенсацией, если лицо понесло имущественные потери, моральный вред или длительное ограничение прав. Конституционный смысл статьи 53 состоит не в символическом признании ответственности государства, а в реальном возмещении вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием публичной власти. Компенсация должна быть не карательной, но достаточной для восстановления справедливого баланса.

Цифровизация публичной власти меняет инфраструктуру государственной защиты прав и свобод. Электронные обращения, порталы государственных услуг, цифровые судебные сервисы, дистанционное участие в заседаниях, электронные доказательства, автоматизированные реестры и межведомственные информационные системы способны сделать защиту быстрее и удобнее. Но цифровая среда не отменяет конституционные критерии защиты: законность, доступность, равенство, мотивированность решения, право быть выслушанным, возможность обжалования и ответственность за ошибку алгоритма или информационной системы. [15]

Список литературы:

[1] Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 327–334.

[2] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 6-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020. Т. 1. С. 642–649.

[3] Universal Declaration of Human Rights. Art. 8, 10 // United Nations. URK: https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата обращения: 19.06.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012 г. № 29-П. П. 2; см. также правовые позиции КС РФ о признании и гарантированности государством прав и свобод. // Конституционный Суд РФ. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision117354.pdf (дата обращения: 19.06.2026).

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2002 г. № 22-О; правовая позиция воспроизводится в тематической подборке Конституционного Суда РФ «Признание и гарантированность государством прав и свобод». // Конституционный Суд РФ. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI756.htm (дата обращения: 19.06.2026).

[6] Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861 (дата обращения: 19.06.2026).

[7] Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157 (дата обращения: 19.06.2026).

[8] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990 (дата обращения: 19.06.2026).

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 16; часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Ст. 1069, 1070. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.06.2026).

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2017 г. № 37-П. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284491/ (дата обращения: 19.06.2026).

[11] Правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросу «Право на доступ к правосудию и законный суд»: тематическая подборка на официальном сайте Конституционного Суда РФ. // Конституционный Суд РФ. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI902.htm (дата обращения: 19.06.2026).

[12] Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России: доктрина и практика. М.: Норма, 2011. С. 89–107.

[13] Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. М.: Норма, 2018. С. 45–62.

[14] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. С. 428–436.

[15] Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: Городец, 2003. С. 41–57.

References:

[1] Vitruk N. V. General Theory of the Legal Status of an Individual. Moscow: Norma, 2008. pp. 327–334.

[2] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 volumes. 6th ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2020. Vol. 1. pp. 642–649.

[3] Universal Declaration of Human Rights. Art. 8, 10 // United Nations. URK: https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights (accessed on 19 June 2026).

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 30, 2012 No. 29-P. P. 2; See also the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the recognition and guarantee of rights and freedoms by the state. // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision117354.pdf (date of access: 19.06.2026).

[5] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 22, 2002 No. 22-O; the legal position is reproduced in the thematic collection of the Constitutional Court of the Russian Federation “Recognition and Guarantee of Rights and Freedoms by the State”. // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI756.htm (date of access: 19.06.2026).

[6] Federal Constitutional Act of February 26, 1997 No. 1-FKZ “On the Human Rights Commissioner in the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861 (accessed: June 19, 2026).

[7] Federal Act of January 17, 1992 No. 2202-1 “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157 (accessed: June 19, 2026).

[8] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015, No. 21-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990 (accessed: June 19, 2026).

[9] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ. Art. 16; Part Two of January 26, 1996, No. 14-FZ. Art. 1069, 1070. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: June 19, 2026).

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 11, 2005, No. 5-P; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 6, 2017, No. 37-P. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284491/ (date of access: June 19, 2026).

[11] Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue “Right to access justice and a lawful court”: a thematic selection on the official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/lp/frame/position/posByLI902.htm (date of access: June 19, 2026).

[12] Bondar N. S. Judicial Constitutionalism in Russia: Doctrine and Practice. Moscow: Norma, 2011. pp. 89–107.

[13] Zorkin V. D. Constitutional Justice: Procedure and Meaning. Moscow: Norma, 2018. pp. 45–62.

[14] Nersesyants V. S. General Theory of Law and State: Textbook. Moscow: Norma; INFRA-M, 2019. pp. 428–436.

[15] Lazarev L. V. Legal Positions of the Constitutional Court of Russia. Moscow: Gorodets, 2003. pp. 41–57.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-97-100

ЩЕБЛЯКОВ Артём Александрович,

аспирант департамента права ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет, юрист ООО «Юридическое бюро «Падва и Эпштейн», e-mail: Scheblyackov201@yandex.ru

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые и практические аспекты конкуренции частного интереса и публичного интереса при реализации права на информацию. Автором обосновывается, что в контексте стратегии национальной безопасности публичный интерес может быть ограничен в целях обеспечения стабильности, безопасности государства, его территориальной целостности и суверенитета. В статье приводится анализ мер, направленных на реализацию публичного интереса в указанной сфере, и дается оценка их эффективности. С учетом существующих технологий информационного общества безупречное достижение целей стратегии национальной безопасности невозможно, ввиду чего автором сделан вывод о необходимости поиска баланса для реализации частного и публичного интересов при реализации права на информацию.*

Ключевые слова: *частный интерес, публичный интерес, стратегия национальной безопасности, информационное общество, зарубежные интернет-сервисы.*

SHCHEBLYAKOV Artem Alexandrovich,

postgraduate student of Public law sciences sub-faculty, Moscow City Pedagogical University, associate of law firm «Padva and Epshtein»

BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE REALISATION OF THE RIGHT TO INFORMATION IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY

Annotation. *The article examines the legal and practical aspects of the competition between private interest and public interest in the realization of the right to information. The author argues that in the context of national security strategy, public interest may be limited to ensure stability, state security, territorial integrity and sovereignty. The article provides an analysis of measures aimed at realizing public interest in this area and offers an assessment of their effectiveness. Taking into account the current technologies of the informational society, it is impossible to achieve the goals of the national security strategy with complete perfection. The author therefore concludes that a balance must be sought between private and public interests in the realizing of the right to information*.

Key words: *private interest, public interest, national security strategy, informational society, foreign internet services.*

Вопрос о соотношении права личности на информацию и необходимости защиты государственных интересов приобрел в последние годы особую остроту. Информационная сфера перестала быть просто областью технологического развития, постепенно она стала иметь огромное политическое значение.

Особенно актуальным право на информацию становится в эпоху информационного общества, в котором люди существуют в условиях получения и передачи информационных потоков не только путем межличностного общения. Информация существует, хранится повсеместно, в том числе в окружающей технике. Информационное общество, а соответственно и информационное государство – это новый этап общественного (и государственного) развития, который характеризуется значительным использованием накопленных знаний, использованием современных технологий, средств вычислительной техники, коммуникаций и связи [3]. А.В. Власов в своем исследовании отмечал, что информационное общество как составляющая объективной действительности - очень многогранный и объёмный феномен, обладающий множеством характеристик и качеств - начиная от существенных изменений самого образа жизни людей и заканчивая

масштабными метаморфозами в экономике и государственной политике. Он также выделил ключевые свойства данного феномена: цифровизация (социальные изменения и электронное правительство), интернет и новые медиа (глобализация информации), свобода и доступность информации (кибербезопасность и приватность, смена ценностей), экономика знаний (бил-дата и аналитика) [1].

Развитие цифровых технологий повлекло усложнение структуры правоотношений, ранее выстраивавшихся преимущественно по модели «государство-гражданин». Указанная модель, сохраняя свое значение, оказалась дополнена новыми субъектами, обладающими значительным влиянием на реализацию информационных прав. К таким субъектам относятся владельцы и пользователи информационных ресурсов, платформ и агрегаторов. Не обладая публично-властными полномочиями, они фактически осуществляют деятельность, имеющую общественное значение. Они формируют информационную повестку, обеспечивают коммуникацию, предоставляют доступ к сервисам. Их положение в системе общественных связей позволяет рассматривать их в качестве участников, способных оказывать регулирующее воздействие, не будучи при этом субъектами публичной власти.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость пересмотра отдельных положений доктрины, касающихся гарантий реализации конституционных прав. Традиционное представление о государстве как об исключительном гаранте прав личности требует уточнения применительно к условиям цифровой среды. Очевидно, что в условиях информационного общества личность получила множество способов для самореализации, которым сопутствует право на информацию. Соответственно, частный интерес проявляется в стремлении индивида к использованию информации, информационной инфраструктуры для получения знаний, участия в общественной жизни и защиты собственных прав. Однако право на информацию не является абсолютным. Субъективное право на информацию может быть ограничено в целях обеспечения стабильности, безопасности государства, его территориальной целостности и суверенитета, что подразумевает публичный интерес.

Т.В. Дерюгина и Н.В. Квициния установили определяющие черты публичного интереса. Первым необходимым условием выступает признание со стороны государства. Речь о том, что власть обязана официально подтвердить наличие собственных интересов и выстроить деятельность по выявлению общественных потребностей. Далее публичный интерес должен оставаться в правовом поле. При необходимости его защищают специализированные субъекты в процедурном порядке, который должен быть закреплён законодательно. Третья черта публичного интереса состоит в том, что он всегда законен. Он попросту не способен противоречить правовым основам государства. Четвёртая особенность выглядит следующим образом. Ограничение публичного интереса недопустимо, однако частный интерес может быть ограничен ради достижения общесоциальных целей. Наконец, особенность защиты публичных интересов заключается в том, что инициирование соответствующих процедур берут на себя государственные органы, причём обычно в рамках административного или уголовного производства [2].

Из вышеперечисленного следует вывод, что для защиты публичного интереса, он должен иметь юридическое начало. В качестве одного из направлений развития законодательства выступает формирование системы норм, регулирующих отношения между гражданином, цифровой платформой и государством. В рамках данного подхода осуществляется дифференциация ответственности интернет-площадок в зависимости от характера их деятельности. Разработка указанной системы регулирования сопряжена с необходимостью разрешения противоречия между двумя требованиями. С одной стороны, возложение на частные структуры функций по контролю за информацией может повлечь необоснованное ограничение прав пользователей, поскольку частный субъект не обладает властными полномочиями для осуществления публично-значимых функций в данной сфере. С другой стороны, фактическое влияние указанных платформ на состояние информационной безопасности требует учета их деятельности при построении системы защиты прав личности. Технические возможности по управлению распространением информации, сбору и анализу данных создают возможности для воздействия на пользователей.

Реализуемая в последние годы концепция информационного суверенитета придает дополнительную значимость указанной проблеме. Обеспечение национальной безопасности в информационной сфере предполагает усиление требований к деятельности информационных ресурсов, включая российские. Политика в данной области направлена на защиту персональных, данных от неконтролируемой передачи, обеспечение

устойчивости критической информационной инфраструктуры, предотвращение использования информационных платформ для дестабилизации общества. Положения Доктрины информационной безопасности, интегрированные в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 [4], задают основные направления развития законодательства, ориентируя на поиск механизмов, позволяющих сочетать реализацию публичных интересов с сохранением условий для технологического развития.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет информационную безопасность в качестве одного из стратегических национальных приоритетов. В частности, пунктом 25 Стратегии предусмотрено, что национальным интересом на современном этапе является в том числе развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, и информационная безопасность является национальным приоритетом.

Состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз выступает необходимым условием устойчивого развития страны. Вследствие этого достижение целей национальной безопасности объективно требует от государства осуществления мер, направленных на предотвращение распространения информации, способной причинить вред охраняемым законом ценностям.

В России происходит замена зарубежных технологических продуктов на отечественные разработки. Также создаются новые национальные интернет-ресурсы. Один из примеров – это мессенджер «МАКС», появление которого предусмотрено Федеральным законом от 24.06.2025 № 156 ФЗ [5]. Данный сервис предлагается как альтернатива иностранным средствам связи. Такая работа направлена на укрепление технологической независимости страны. Вместе с тем, для распространения отечественных решений может использоваться ограничение доступа к иностранным платформам. Это связано с тем, что у российских государственных органов нет возможности влиять на работу таких сервисов из-за их зарубежного происхождения и особенностей политики управляющих компаний.

Стратегия национальной безопасности России, определяя приоритеты государственной политики, неизбежно сталкивается с необходимостью корректировки правового поля, регулирующего информационные потоки. В настоящее время органы публичной власти столкнулись с острым вопросом. С одной стороны перед государством стоит задача по обеспечиванию суверенитета и защиты от деструктивного воздействия вредоносной информации, с другой – обеспечить реализацию закрепленного в Конституции РФ права на информацию.

Введение соответствующих ограничений в отношении зарубежных интернет-сервисов преследует цель снизить информационно-психологическое воздействие на российское общество, вместе с тем анализ практики применения таких мер показывает иной результат. Их цель не достигается. Вместо сокращения доступа к иностранному контенту фиксируется рост зарубежного трафика. Участники IT-отрасли и точки обмена трафиком констатируют продолжение роста объема зарубежного трафика в российских сетях: за 2025 год он увеличился на 15-20 %. Сейчас его доля, согласно экспертным оценкам, составляет уже около 30 % [6].

Российские пользователи находят способы обхода установленных запретов. Для этого применяются специализированные сетевые технические средства. Активность использования этих инструментов возрастает пропорционально усилению вводимых ограничений.

В результате потенциально деструктивное информационное воздействие из зарубежных источников не прекращается, напротив, оно может усиливаться засчет неконтролируемого распространения информации в обходных источниках. Проводимая политика в существующем виде не приводит к изоляции общества от внешнего информационного влияния, она трансформирует формы доступа к зарубежным сервисам, но не устраняет саму возможность такого доступа.

Подводя итоги, можно констатировать, что современный этап развития характеризуется устойчивым доминированием публично-правовых начал регулирования информационных отношений. Такая реакция органов публичной власти обосновывается возрастающим количеством угроз в информационной сфере. Очевидно, что укрепление цифрового суверенитета является необходимым условием обеспечения национальной безопасности в условиях информационного общества, в то же время, полагаем, что меры по его обеспечению не должны превышать уровень необходимый для сохранения государства и общества в состоянии защищенности. Необходим поиск баланса в регулировании информационной сферы, только таким образом правовые гарантии, предусмотренные в Конституции

РФ могут считаться действующими. Поиск оптимального баланса продолжается. Очевидно, что в существующих реалиях невозможен ни возврат к полной свободе информации, ни тотальный контроль за цифровым пространством. Непосредственно поиск баланса между указанными категориями и будет соответствовать положениям Стратегии национальной безопасности, и что более фундаментально – духу и букве Конституции Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Власов Антон Владимирович информационное общество сегодня: текущие тренды, перспективы развития и вызовы // Коммуникология: электронный научный журнал. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-segodnya-tekuschie-trendy-perspektivy-razvitiya-i-vyzovy (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Татьяна Викторовна Дерюгина, Наталья Вячеславовна Квициния применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений // Legal Concept. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kategorii-publichnyy-interes-v-regulirovanii-chastnopravovyh-otnosheniy (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Информационное общество и глобальная информационная телекоммуникационная инфраструктура [Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 135 с.). - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2018. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/monographIT.pdf. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10’. С. 32.

[4] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

[5] Федеральный закон от 24.06.2025 N 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ 30.06.2025», N 26 (часть I), ст. 3486.

[6] Поставили на поток: как растет зарубежный сетевой трафик российских операторов / Сетевое издание «forbes.ru» – URL: https://www.forbes.ru/investicii/559646-akcii-evrotransa-rastut-na-novostah-o-nacale-vyplat-po-narodnym-obligaciam (дата обращения: 29.04.2026).

References:

[1] Vlasov Anton Vladimirovich information society today: current trends, development prospects and challenges//Communicology: electronic scientific journal. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obschestvo-segodnya-tekuschie-trendy-perspektivy-razvitiya-i-vyzovy (дата обращения: 15.04.2026).

[2] Tatyana Viktorovna Deryugina, Natalya Vyacheslavovna Kvitsinia application of the category “public interest” in the regulation of private law relations//Legal Concept. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kategorii-publichnyy-interes-v-regulirovanii-chastnopravovyh-otnosheniy (дата обращения: 15.04.2026).

[3] Information Society and Global Information Telecommunication Infrastructure [Electronic Resource]: monograph. - Electrical - Electron. text data. (1 pdf: 135 p.) - Nizhny Novgorod: LEO “Professional Science,” 2018. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/monographIT.pdf. Syst. requirements: Adobe Reader; screen 10 ‘. S. 32.

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation “//” Collection of Legislation of the Russian Federation,” 05.07.2021, No. 27 (part II), Art. 5351.

[5] Federal Law No. 24.06.2025 dated 156-FZ “On the Creation of a Multifunctional Information Exchange Service and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//” Collection of Legislation of the Russian Federation 30.06.2025,” No. 26 (Part I), Art. 3486.

[6] Put on stream: how foreign network traffic of Russian operators is growing/Network edition “forbes.ru” - URL: https://www.forbes.ru/investicii/559646-akcii-evrotransa-rastut-na-novostah-o-nacale-vyplat-po-narodnym-obligaciam (date of contact: 29.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-101-109

МАМОШИН Вячеслав Игоревич,

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВО НА ЦИФРОВУЮ СМЕРТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПОСМЕРТНОЙ ЦИФРОВОЙ ИМИТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается право на цифровую смерть как один из возможных элементов нового поколения прав человека, формирующийся под влиянием развития цифровых технологий и генеративного искусственного интеллекта. Обосновывается, что современная правовая проблема посмертной охраны личности не может сводиться только к вопросам наследования цифровых активов, доступа к аккаунтам или защиты памяти об умершем. Особое значение приобретает проблема посмертной цифровой имитации личности, то есть создания с помощью искусственного интеллекта интерактивного цифрового образа умершего человека, воспроизводящего его голос, изображение, стиль речи, поведение или предполагаемую волю. Автор приходит к выводу, что такая имитация затрагивает конституционно значимые блага: достоинство личности, право на частную жизнь, право на имя, изображение, цифровую идентичность, а также интересы близких родственников умершего. В статье предлагается рассматривать право на цифровую смерть как право человека при жизни определить пределы использования его цифрового следа после смерти, включая право запретить создание собственной посмертной цифровой копии. Обосновывается презумпция недопустимости посмертной цифровой имитации личности без специального, явно выраженного и осознанного прижизненного согласия гражданина.*

Ключевые слова: *цифровая смерть, новые поколения прав человека, искусственный интеллект, цифровая имитация личности, цифровая идентичность, достоинство личности, персональные данные, конституционно-правовое регулирование.*

MAMOSHIN Vyacheslav,

postgraduate of Constitutional law and constitutional judiciary sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE RIGHT TO DIGITAL DEATH AS AN ELEMENT OF A NEW GENERATION OF HUMAN RIGHTS: CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS OF POSTHUMOUS DIGITAL IMITATION OF THE INDIVIDUAL

Annotation. *The article examines the right to digital death as a possible element of a new generation of human rights emerging under the influence of digital technologies and generative artificial intelligence. It is argued that the modern legal problem of posthumous protection of the individual cannot be reduced only to issues of inheritance of digital assets, access to accounts or protection of the memory of the deceased. Particular importance is attached to the problem of posthumous digital imitation of the individual, that is, the creation by means of artificial intelligence of an interactive digital image of a deceased person reproducing his or her voice, image, speech style, behavior or presumed will. The author concludes that such imitation affects constitutionally significant values: human dignity, the right to privacy, the right to name and image, digital identity, as well as the interests of close relatives of the deceased. The article proposes to consider the right to digital death as the right of a person to determine during his or her lifetime the limits of using his or her digital footprint after death, including the right to prohibit the creation of a posthumous digital copy. The author substantiates the presumption of inadmissibility of posthumous digital imitation of the individual without the person's specific, explicit and informed lifetime consent.*

Key words: *digital death, new generations of human rights, artificial intelligence, digital imitation of the individual, digital identity, human dignity, personal data, constitutional and legal regulation.*

Цифровая трансформация меняет не только способы реализации прав человека при жизни, но и само представление о пределах существования личности после смерти. Если ранее правовая проблема посмертной охраны личности в основном связывалась с защитой чести, достоинства, доброго имени, изображения, авторских прав, тайны частной жизни и наследственного имущества, то развитие генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) создало качественно новую ситуацию. Цифровой след человека — фотографии, видеозаписи, голосовые сообщения, переписка, публикации в социальных сетях, поисковые запросы, биометрические данные, тексты и иные фрагменты цифрового поведения — может быть использован не только для сохранения памяти об умершем, но и для создания его интерактивной цифровой имитации.

Под посмертной цифровой имитацией личности в настоящей статье предлагается понимать созданный с использованием цифровых технологий и ИИ образ умершего человека, который способен воспроизводить его внешность, голос, речевые особенности, манеру общения, отдельные поведенческие реакции либо формировать иллюзию продолжения его присутствия в цифровой среде. В отличие от обычного хранения фотографий, видеозаписей, писем, архивов или мемориальных страниц такая имитация не только сохраняет информацию о человеке, но и создает эффект его продолжающегося участия в коммуникации.

Актуальность обозначенной проблемы усиливается тем, что в международной повестке регулирования ИИ всё более отчетливо закрепляется правочеловеческий подход. Так, Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права, открытая для подписания 5 сентября 2024 г., исходит из необходимости обеспечения соответствия жизненного цикла систем ИИ правам человека, демократии и верховенству права [11]. Российская Национальная стратегия развития искусственного интеллекта также связывает развитие ИИ с необходимостью формирования условий его безопасного и доверительного применения [10]. Однако специальные вопросы посмертного использования цифрового образа человека пока не получили достаточного нормативного разрешения.

В зарубежной научной и этической дискуссии такие технологии всё чаще описываются через понятия deadbots, griefbots, postmortem avatars, то есть цифровых моделей умершего человека, создаваемых на основе его данных и предназначенных для взаимодействия с живыми пользователями. Т. Холланек и К. Новацык-Басиньска обращают внимание на то, что в индустрии цифрового посмертия необходимо учитывать интересы не только лица, чьи данные используются для создания цифровой копии, но и лица, которое распоряжается этими данными после смерти, а также пользователя, взаимодействующего с такой копией [14].

Исследователи Кембриджского университета дополнительно указывают на риск психологического вреда и «цифрового преследования» близких, если подобные сервисы развиваются без прозрачности, ограничений и процедур уважительного прекращения использования цифровой копии [6].

Поставленная проблема имеет именно конституционно-правовое измерение. Конституция Российской Федерации исходит из признания человека, его прав и свобод высшей ценностью; достоинство личности охраняется государством и не может быть умалено; каждому гарантируются неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, защита чести и доброго имени. Эти положения формируют исходную рамку для оценки допустимости посмертного цифрового воссоздания личности. Вопрос состоит не только в том, кому принадлежат аккаунты умершего или кто вправе получить доступ к его цифровому архиву, а в том, может ли личность человека после смерти быть искусственно продолжена в цифровой среде без его прижизненной воли [7].

Теория поколений прав человека традиционно используется для объяснения исторического расширения правового статуса личности. Первое поколение связывается с личными и политическими правами, второе — с социально-экономическими и культурными правами, третье — с коллективными и солидарными правами. Однако развитие биомедицинских, информационных и цифровых технологий поставило вопрос о формировании нового, условно четвертого поколения прав человека, содержание которого уже не может быть полностью объяснено классической триадой прав. В российской доктрине справедливо отмечается, что цифровые права не всегда являются совершенно новыми правами, но часто выступают как новые формы проявления и защиты уже известных прав в изменившейся технологической среде [1].

Вместе с тем сама идея новых поколений прав человека не должна пониматься как механическое расширение перечня субъективных прав. Не всякий новый социальный интерес и не всякая технологическая возможность могут быть признаны самостоятельным правом человека. Иначе концепция прав человека утратила бы нормативную строгость и превратилась бы в открытую систему деклараций. Для признания определенного права элементом нового поколения прав человека необходимо наличие нескольких признаков: качественно новой угрозы личности, связи с конституционно значимыми благами, недостаточности традиционных правовых средств и возможности формирования конкретных юридических обязанностей государства, организаций и иных лиц.

С этой точки зрения право на цифровую смерть может рассматриваться как один из возможных элементов нового поколения прав человека. Его появление обусловлено тем, что цифровая среда изменила границы существования личности. В доцифровую эпоху после смерти человека могли сохраняться его имя, память, изображения, письма, произведения, семейные архивы. Однако эти объекты, как правило, имели статичный характер: они позволяли хранить сведения о человеке, но не воспроизводили его как участника текущей коммуникации. Современные технологии ИИ изменили эту ситуацию. На основе цифрового следа умершего возможно создать интерактивную модель, которая говорит его голосом, использует его изображение, имитирует стиль мышления и общения, отвечает на вопросы и формирует впечатление продолжающегося присутствия личности.

Именно эта интерактивность отличает посмертную цифровую имитацию от традиционных форм памяти. Фотография умершего, видеозапись его выступления или опубликованное письмо сохраняют фрагмент прошлого. Цифровая имитация, напротив, создает иллюзию настоящего: она не просто показывает, каким человек был, но моделирует то, что он якобы мог бы сказать, сделать или одобрить. Поэтому такая технология затрагивает не только сферу наследования или гражданско-правового распоряжения отдельными объектами, но и более глубокий конституционно-правовой вопрос — вопрос о границах личности и допустимости ее посмертного цифрового представительства.

Право на цифровую смерть имеет определенную связь с соматическими правами, однако не совпадает с ними. Соматические права выражают автономию человека в отношении собственного тела, здоровья, репродуктивной сферы, медицинского вмешательства, изменения телесного статуса. Право на цифровую смерть выражает автономию человека в отношении его цифрового продолжения: данных, изображения, голоса, переписки, цифрового профиля, биометрических характеристик и иных элементов, из которых может быть собран посмертный цифровой образ. Если соматические права отвечают на вопрос о пределах распоряжения телом, то право на цифровую смерть отвечает на вопрос о пределах распоряжения цифровой личностью после физической смерти человека.

При этом право на цифровую смерть не следует отождествлять с признанием правоспособности умершего лица в полном смысле слова. После смерти гражданин перестает быть субъектом большинства правоотношений, а его имущественные права и обязанности переходят в порядке наследования. Однако из этого не следует, что личность умершего полностью утрачивает правовую охрану. Российское право уже признает возможность защиты отдельных нематериальных благ после смерти гражданина, в том числе его чести, достоинства, доброго имени и изображения. Следовательно, правопорядок исходит из того, что смерть человека не уничтожает полностью правовое значение его личности, памяти и индивидуальности [8].

Особенность права на цифровую смерть состоит в его двойственной природе. С одной стороны, это прижизненное право самого человека определить судьбу своего цифрового следа после смерти. В этом аспекте оно принадлежит живому субъекту и может реализовываться через специальные распоряжения, согласия, запреты, настройки цифровых сервисов, завещательные или иные юридически значимые волеизъявления. С другой стороны, после смерти человека речь идет уже не о реализации им субъективного права лично, а о правовой охране его достоинства, памяти, имени, изображения и цифровой идентичности через механизм обязанностей третьих лиц и правомочий заинтересованных лиц требовать прекращения нарушения.

Для конституционно-правового анализа права на цифровую смерть принципиальное значение имеет разграничение нескольких близких, но не совпадающих понятий: цифровой след, цифровое наследие, цифровые активы, цифровая память и цифровая имитация личности. Без такого разграничения возникает риск смешения различных правовых режимов: наследственного, информационного, гражданско-правового, конституционного и этико-правового.

Наиболее широким понятием является цифровой след человека. Под ним следует понимать совокупность данных, сведений, изображений, текстов, аудиовизуальных

материалов, технических идентификаторов и иных цифровых фрагментов, которые возникают в результате жизнедеятельности человека в цифровой среде. Такой след может включать аккаунты в социальных сетях, электронную переписку, фотографии, видеозаписи, голосовые сообщения, историю поисковых запросов, данные геолокации, платежную информацию, биометрические данные, публикации, комментарии, цифровые документы и иные сведения, позволяющие прямо или косвенно характеризовать личность.

Цифровой след неоднороден по своей правовой природе. Одни его элементы могут иметь имущественную ценность и быть включены в гражданский оборот. Другие связаны преимущественно с личностью гражданина и охраняются как нематериальные блага. Третьи находятся в распоряжении цифровых платформ и фактически зависят от условий пользовательских соглашений. Поэтому сам по себе цифровой след не может быть автоматически приравнен ни к имуществу, ни к персональным данным, ни к объектам интеллектуальных прав, хотя в отдельных случаях может включать элементы каждого из указанных правовых режимов.

Более узким понятием является цифровое наследие. Оно охватывает те элементы цифрового следа, которые сохраняются после смерти человека и могут иметь значение для его наследников, родственников, общества либо иных заинтересованных лиц. К цифровому наследию могут относиться аккаунты, электронные архивы, фотографии, тексты, произведения, цифровые документы, доменные имена, криптоактивы, электронные кошельки и иные объекты, если они могут быть сохранены, переданы, использованы или администрированы после смерти гражданина. Однако цифровое наследие не следует отождествлять с наследственным имуществом в строгом смысле. Не всякий цифровой объект наследуется, не всякий доступ к аккаунту может быть передан наследникам, и не всякая информация умершего может свободно использоваться после его смерти.

Цифровые активы представляют собой только ту часть цифрового наследия, которая имеет имущественную или экономическую ценность. К ним могут относиться цифровые права, денежные средства на электронных счетах, криптовалютные активы, доменные имена, коммерчески значимые аккаунты, результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме и иные объекты, способные участвовать в гражданском обороте. Вопрос о цифровых активах преимущественно относится к сфере гражданского и наследственного права. Он важен, но не исчерпывает проблему права на цифровую смерть. Именно поэтому существующие исследования, посвященные наследованию цифровой информации, являются необходимой, но не достаточной основой для анализа посмертной цифровой имитации [2].

Отдельно необходимо выделять цифровую память. Под ней можно понимать сохранение и использование цифровых материалов об умершем человеке в целях памяти, семейного общения, исторического архива, культурного наследия, научного исследования или общественного признания. Цифровая память, как правило, имеет ретроспективный характер. Она обращена к прошлому: сохраняет то, что человек действительно написал, сказал, создал, совершил или оставил после себя. В этом смысле цифровая память близка к традиционным формам посмертного сохранения личности: фотографиям, письмам, дневникам, архивам, мемуарам, музейным экспозициям.

Иной характер имеет цифровая имитация личности. В отличие от цифровой памяти она не только сохраняет сведения о человеке, но и создает новые акты цифровой коммуникации от его имени или в его образе. Цифровая имитация предполагает моделирование личности умершего: его голоса, изображения, речевой манеры, эмоциональных реакций, стиля письма, поведения, взглядов или предполагаемой воли. В результате возникает цифровой объект, который не просто напоминает о человеке, а создает у пользователя ощущение взаимодействия с ним. В российской литературе уже ставился вопрос о технологиях цифрового реинкарнирования личности и праве на цифровую смерть, однако преимущественно в связи с аккаунтами, интеллектуальными правами и наследованием [3]. Отдельные авторы также предлагают рассматривать право на цифровое воссоздание личности умершего как разновидность прав человека четвертого поколения [5].

Именно цифровая имитация личности образует самостоятельную конституционно-правовую проблему. Если фотография или письмо фиксируют прошлое, то посмертный цифровой двойник производит новое содержание. Он отвечает на вопросы, участвует в диалоге, может давать советы, выражать оценки, появляться в видео, аудио, рекламе, образовательном, развлекательном или политическом контенте. При этом сам умерший человек уже не способен подтвердить, что подобные высказывания соответствуют его действительным взглядам, памяти, убеждениям и воле.

Следовательно, посмертная цифровая имитация личности не может регулироваться только по правилам о наследовании цифровых

активов или доступе к аккаунтам. Наследник может получить определенные имущественные права, но из этого не следует, что он приобретает право заново конструировать личность умершего. Родственники могут хранить фотографии, письма и семейный архив, но это не означает, что они вправе создать интерактивную модель, которая будет говорить от имени умершего. Платформа может технически располагать данными пользователя, но это не означает, что она вправе использовать их для создания посмертного аватара.

В этом контексте необходимо различать использование данных об умершем и цифровое представительство умершего. Использование данных может выражаться в хранении, публикации, передаче, архивировании или удалении сведений. Цифровое представительство возникает тогда, когда созданная модель начинает выступать как будто от имени человека, формируя новые сообщения, реакции или образы. Именно цифровое представительство требует наиболее строгого правового режима, поскольку затрагивает не только данные, но и саму идентичность личности.

Критериями посмертной цифровой имитации могут выступать следующие признаки: использование персонализированного цифрового материала умершего; внешнее или речевое сходство с ним; способность генерировать новые сообщения или реакции; создание впечатления общения с умершим; использование имени, изображения, голоса или иных идентифицирующих признаков; отсутствие возможности самого человека подтвердить или опровергнуть содержание такого цифрового поведения. Чем больше указанных признаков присутствует, тем выше риск нарушения достоинства, памяти и цифровой идентичности личности.

Особое значение имеет вопрос о голосе и изображении умершего. В традиционном правовом регулировании изображение рассматривается как самостоятельный объект охраны, а голос чаще всего защищается через совокупность норм о персональных данных, частной жизни, исполнении, смежных правах, защите от недобросовестного использования и иных правовых механизмов. Однако технологии синтеза речи и видеоизображения создают новую ситуацию: голос и лицо становятся не просто объектами воспроизведения, а средствами создания иллюзии продолжающегося присутствия человека. Поэтому использование голоса и изображения умершего в составе интерактивной ИИ-модели должно оцениваться строже, чем обычная публикация архивной записи.

Не менее важна проблема переписки, текстов и иных материалов, отражающих стиль мышления и общения человека. В цифровой среде именно эти данные позволяют обучить модель, имитирующую речевые особенности умершего. При этом тексты, созданные человеком при жизни, могли предназначаться для конкретного адресата, личного общения или ограниченного круга лиц. Их использование для посмертного моделирования личности может нарушать не только память умершего, но и частную жизнь других лиц, участвовавших в этой коммуникации.

Российское законодательство содержит отдельные элементы, которые могут использоваться для защиты личности от неправомерного посмертного цифрового использования. Прежде всего это нормы о нематериальных благах, защите чести, достоинства, деловой репутации и охране изображения гражданина. В частности, после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей, кроме случаев, прямо предусмотренных законом. Однако эти нормы были сформированы в иной технологической реальности и направлены прежде всего на обнародование и использование изображения, а не на создание интерактивной цифровой модели умершего [8].

Ограниченным является и потенциал законодательства о персональных данных. Федеральный закон «О персональных данных» закрепляет принципы законности, справедливости, ограничения обработки заранее определенными и законными целями, а также недопустимости обработки, несовместимой с целями сбора персональных данных. Эти положения важны для предотвращения произвольного использования цифрового следа человека. Однако действующее регулирование не дает прямого ответа на вопрос о судьбе персональных данных после смерти субъекта и тем более о допустимости создания на их основе посмертной цифровой имитации личности [9].

В результате действующее российское право защищает отдельные фрагменты личности — имя, изображение, честь, достоинство, авторские права, частную жизнь, персональные данные, — но не охватывает посмертную цифровую имитацию как комплексное явление. Такая имитация соединяет в себе элементы изображения, голоса, текста, биометрии, персональных данных, интеллектуального результата и алгоритмически сгенерированного поведения. Поэтому попытка регулировать ее только через одну отраслевую конструкцию неизбежно будет неполной.

Сравнительно-правовые ориентиры показывают, что вопрос о судьбе данных после смерти уже начинает получать специальное регулирование. Во Франции ст. 85 Закона о защите персональных данных позволяет лицу определить распоряжения относительно хранения, удаления и передачи его персональных данных после смерти. Национальная комиссия по информатике и свободам (CNIL) указывает, что такие распоряжения могут быть общими или специальными, а при их отсутствии наследники вправе, в частности, закрыть аккаунты умершего, возражать против продолжения обработки его данных или требовать их обновления. Этот подход важен не как готовая модель для прямого заимствования, а как пример признания того, что смерть человека не должна оставлять цифровую сферу вне правового управления [13].

Определенные ориентиры содержатся и в европейском регулировании ИИ. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте предусматривает специальные обязанности прозрачности для систем, взаимодействующих с физическими лицами, а также для синтетического аудио-, видео-, текстового и иного контента, включая маркировку искусственно созданного или измененного содержания. Эти положения напрямую не решают проблему посмертной цифровой имитации, однако они подтверждают общий нормативный принцип: лицо должно понимать, что взаимодействует не с человеком, а с ИИ, а синтетическая природа цифрового образа не должна скрываться [12].

Наконец, практики крупных цифровых платформ также показывают, что посмертная судьба аккаунтов уже стала самостоятельным элементом цифрового управления. Например, Apple предоставляет пользователю возможность заранее назначить цифрового наследника, который получит доступ к определенным данным аккаунта после смерти пользователя. Подобные механизмы полезны для управления цифровым наследием, однако они не должны смешиваться с вопросом о создании цифровой копии умершего. Назначение цифрового наследника или хранителя аккаунта не может автоматически означать согласие на посмертную цифровую имитацию личности [15].

В научной литературе уже предлагается закреплять понятие цифрового двойника и определять пределы действий цифрового двойника, основанного на ИИ [4]. Однако применительно к умершему человеку вопрос должен ставиться еще строже. Цифровой двойник живого лица может корректироваться самим человеком, использоваться им в пределах собственной автономии и контролироваться через текущую волю субъекта. Цифровой двойник умершего лишен такой связи с актуальной волей человека, поэтому любое его использование создает риск подмены личности интересами родственников, платформы, коммерческого сервиса или иных лиц.

Представляется, что конституционно-правовая модель защиты должна строиться на презумпции недопустимости посмертной цифровой имитации личности без специального, явно выраженного и осознанного прижизненного согласия гражданина. Такое согласие должно быть самостоятельным и не может подменяться общим согласием на обработку персональных данных, передачей доступа к аккаунту, согласием на публикацию изображения или распоряжением отдельными цифровыми активами. Человек должен прямо понимать, что речь идет не о хранении его данных, а о возможности создания цифровой модели, которая после смерти будет воспроизводить его образ, голос, стиль общения или предполагаемую волю.

Указанная презумпция не должна означать абсолютный запрет цифровой памяти. Запретительный режим должен распространяться прежде всего на те случаи, когда цифровой образ умершего используется как самостоятельный коммуникативный субъект: отвечает на вопросы, дает советы, участвует в переписке, появляется в рекламе, политической агитации, коммерческом контенте или иных формах публичной коммуникации, создающих у пользователя впечатление взаимодействия с личностью умершего. В таких случаях правовая проблема выходит за пределы обычного распоряжения данными и затрагивает достоинство личности, уважение к памяти умершего, автономию его прижизненной воли и интересы его близких.

Содержание специального прижизненного согласия также должно быть конкретизировано. Оно должно включать указание на вид создаваемой цифровой имитации, состав используемых данных, круг лиц, которые вправе взаимодействовать с моделью, цели использования, срок существования цифровой копии, возможность коммерческого применения, порядок удаления или прекращения функционирования модели. Недопустимо считать достаточным согласие, спрятанное в пользовательском соглашении цифровой платформы или сформулированное общими словами о «улучшении сервиса», «персонализации» или «использовании данных в целях обучения ИИ».

Прижизненное согласие также должно иметь пределы. Даже если гражданин выразил согласие на создание цифровой имитации, такая модель не должна использоваться для целей,

явно противоречащих достоинству личности, закону, нравственным основаниям правопорядка или правам других лиц. Например, недопустимым должно признаваться использование цифрового образа умершего для мошенничества, манипулирования родственниками, политической агитации без специально выраженного согласия, рекламы товаров и услуг без прямого распоряжения, а также создания контента, грубо искажающего память о человеке.

Вторым элементом предлагаемой модели должна стать обязательная маркировка посмертной цифровой имитации. Пользователь, взаимодействующий с такой моделью, должен постоянно и ясно понимать, что он общается не с человеком и не с юридически значимым представителем умершего, а с искусственно созданной системой. Такая маркировка имеет значение не только для защиты потребителя цифровой услуги, но и для защиты памяти об умершем: цифровая копия не должна создавать впечатление, что она выражает действительную волю человека после его смерти.

Третьим элементом должно стать право заинтересованных лиц требовать прекращения использования цифровой имитации, если она создана без прижизненного согласия, искажает личность умершего, используется в унизительном или манипулятивном контексте, нарушает семейную тайну либо причиняет существенный моральный вред близким. При этом правом на обращение должны обладать не только наследники в узком гражданско-правовом смысле, но и лица, чьи права и законные интересы затрагиваются созданием или использованием такой имитации.

Четвертым элементом является запрет коммерческой, рекламной и политической эксплуатации посмертной цифровой имитации без прямого прижизненного распоряжения гражданина. Такой запрет необходим потому, что посмертная цифровая копия обладает особой эмоциональной и репутационной силой. Использование образа умершего в рекламе, политическом сообщении или коммерческом сервисе способно не только нарушить память о человеке, но и манипулировать чувствами его близких, поклонников, учеников, пациентов, клиентов или неопределенного круга лиц.

Пятым элементом должна стать процедура цифрового прекращения. Если цифровая имитация была создана правомерно, должен существовать понятный порядок ее приостановления, удаления или архивирования. Такая процедура особенно важна в тех случаях, когда взаимодействие с цифровой копией начинает причинять вред живым пользователям либо когда цели, ради которых она была создана, уже исчерпаны. В этом смысле цифровая смерть должна включать не только запрет на незаконное воссоздание личности, но и возможность достойного прекращения уже созданного цифрового присутствия.

Предлагаемая модель не требует немедленного внесения отдельной нормы в Конституцию Российской Федерации. Конституционно-правовое значение права на цифровую смерть состоит прежде всего в том, что оно позволяет выявить новые обязанности законодателя и правоприменителя по защите достоинства, частной жизни и цифровой идентичности человека в условиях развития ИИ. На уровне специального законодательства такие гарантии могут быть закреплены путем внесения изменений в законодательство о персональных данных, нормы о нематериальных благах и изображении гражданина, а также в будущие специальные акты о регулировании ИИ и синтетического цифрового контента.

Таким образом, право на цифровую смерть следует рассматривать как перспективный элемент нового поколения прав человека. Оно не сводится к цифровому наследованию, доступу к аккаунтам или праву на удаление данных. Его центральное назначение состоит в защите личности от посмертного цифрового воссоздания без ее воли. Развитие генеративного ИИ делает возможным не только сохранение памяти об умершем, но и создание интерактивного цифрового субъекта, внешне и коммуникативно связанного с ним. Именно поэтому право должно провести четкую границу между цифровой памятью и цифровой имитацией.

Наиболее обоснованным решением является презумпция недопустимости посмертной цифровой имитации личности без специального, явно выраженного и осознанного прижизненного согласия гражданина. Такое согласие должно быть самостоятельным, конкретным и отзывным при жизни; оно не может вытекать из общего согласия на обработку персональных данных, передачи доступа к аккаунту или согласия на публикацию изображения. После смерти человека правопорядок должен обеспечивать уважение к его прижизненной воле, а при ее отсутствии — защищать достоинство, память и цифровую идентичность личности от произвольного технологического конструирования.

Список литературы:

[1] Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. - 2019. - Т. 14. - № 4. - С. 9-46.

[2] Канакова А. Е. Цифровая смерть: наследование цифровой информации //

Правоприменение. - 2024. - Т. 8. - № 2. - С. 130-138. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138.

[3] Романова А. Л. Технологии цифрового реинкарнирования личности в соотношении с правом на «цифровую смерть» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2022. - № 4 (92). - С. 211-217. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.211-217.

[4] Архиереев Н. В. Проблемы правового статуса цифрового двойника (суррогата) физического лица // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2024. - Т. 166. - Кн. 6. - С. 97-108. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108.

[5] Крыльцова Д. А. Право на цифровое воссоздание личности умершего как вид прав человека четвертого поколения // Актуальные проблемы современного права и государства: материалы научной конференции. - Минск, 2023. - С. 451-454.

[6] Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry // Philosophy & Technology. - 2024. - Vol. 37. - Article 63. DOI: 10.1007/s13347-024-00744-w.

[7] Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: https://www.kremlin.ru/acts/constitution/item (дата обращения: 02.05.2026).

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.05.2026).

[9] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 02.05.2026).

[10] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 02.05.2026).

[11] The Framework Convention on Artificial Intelligence // Council of Europe. URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 02.05.2026).

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 02.05.2026).

[13] Post-mortem data: is there a digital life after death? // CNIL. 03.02.2025. URL: https://linc.cnil.fr/en/Post-mortem_data_is_there_a_digital_life_after_death (дата обращения: 02.05.2026).

[14] Call for safeguards to prevent unwanted «hauntings» by AI chatbots of dead loved ones // University of Cambridge. 09.05.2024. URL: https://www.cam.ac.uk/research/news/call-for-safeguards-to-prevent-unwanted-hauntings-by-ai-chatbots-of-dead-loved-ones (дата обращения: 02.05.2026).

[15] Добавление цифрового наследника для Аккаунта Apple // Apple Support. URL: https://support.apple.com/ru-ru/102631 (дата обращения: 02.05.2026).

References:

[1] Varlamova N.V. Digital rights - a new generation of human rights ?//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2019. - T. 14. - № 4. - S. 9-46.

[2] Kanakova A.E. Digital death: inheritance of digital information//Enforcement. - 2024. - VOL. 8. - № 2. - S. 130-138. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).130-138.

[3] Romanova A. L. Technologies of digital reincarnation of personality in relation to the right to “digital death “//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). - 2022. - № 4 (92). - S. 211-217. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.211-217.

[4] Bishop N.V. Problems of the legal status of a digital twin (surrogate) of an individual//Scientific notes of Kazan University. Humanities series. - 2024. - T. 166. - Prince. 6. - S. 97-108. DOI: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108.

[5] Kryltsova D.A. The right to digital reconstruction of the personality of the deceased as a type of fourth-generation human rights//Actual problems of modern law and the state: materials of a scientific conference. - Minsk, 2023. - S. 451-454.

[6] Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry // Philosophy & Technology. - 2024. - Vol. 37. - Article 63. DOI: 10.1007/s13347-024-00744-w.

[7] Constitution of the Russian Federation// Official website of the President of Russia. URL: https://www.kremlin.ru/acts/constitution/item (access date: 02.05.2026).

[8] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 02.05.2026).

[9] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ “On Personal Data “//SPS” ConsultantPlus. “ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_

LAW_61801/ (access date: 02.05.2026).

[10] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation “//Official website of the President of Russia. URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (access date: 02.05.2026).

[11] The Framework Convention on Artificial Intelligence // Council of Europe. URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence (дата обращения: 02.05.2026).

[12] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (access date: 02.05.2026).

[13] Post-mortem data: is there a digital life after death? // CNIL. 03.02.2025. URL: https://linc.cnil.fr/en/Post-mortem_data_is_there_a_digital_life_after_death (дата обращения: 02.05.2026).

[14] Call for safeguards to prevent unwanted «hauntings» by AI chatbots of dead loved ones // University of Cambridge. 09.05.2024. URL: https://www.cam.ac.uk/research/news/call-for-safeguards-to-prevent-unwanted-hauntings-by-ai-chatbots-of-dead-loved-ones (дата обращения: 02.05.2026).

[15] Add a digital successor to Apple Account// Apple Support. URL: https://support.apple.com/ru-ru/102631 (access date: 02.05.2026).

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-110-116

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. *В статье исследуется трансформация конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации общественных отношений, развития технологий больших данных, искусственного интеллекта, биометрической идентификации и платформенной экономики. Обосновывается, что классическое понимание частной жизни как сферы, защищенной преимущественно от физического вторжения государства или иных лиц, в цифровую эпоху дополняется информационным, алгоритмическим и инфраструктурным измерениями. Автор анализирует соотношение права на неприкосновенность частной жизни, тайны переписки, защиты персональных данных, цифровой автономии личности и конституционного принципа достоинства человека. Делается вывод о необходимости перехода от формальной модели согласия на обработку данных к модели конституционно ориентированных гарантий, включающих минимизацию данных, прозрачность алгоритмических решений, эффективный судебный контроль, независимый надзор и специальные механизмы защиты от цифрового профилирования.*

Ключевые слова: *Конституция, частная жизнь, персональные данные, цифровые права, цифровой конституционализм, искусственный интеллект, биометрия, алгоритмическое профилирование, достоинство личности, информационная безопасность.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

THE EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF THE RIGHT TO PRIVACY IN THE DIGITAL AGE

Annotation. *The article examines the transformation of constitutional guarantees of the right to privacy under the conditions of digitalization, big data technologies, artificial intelligence, biometric identification and platform economy. It is argued that the classical understanding of privacy as a sphere protected mainly from physical intrusion by the state or private actors is supplemented in the digital age by informational, algorithmic and infrastructural dimensions. The author analyzes the relationship between the right to privacy, secrecy of correspondence, personal data protection, digital autonomy and the constitutional principle of human dignity. The article concludes that it is necessary to move from a formal consent-based model of data processing to a constitutionally*

oriented system of guarantees, including data minimization, transparency of algorithmic decision-making, effective judicial control, independent supervision and special mechanisms of protection against digital profiling.

Key words: *Constitution, privacy, personal data, digital rights, digital constitutionalism, artificial intelligence, biometrics, algorithmic profiling, human dignity, information security.*

Право на неприкосновенность частной жизни относится к числу фундаментальных конституционных прав, непосредственно связанных с достоинством личности, свободой индивидуального самоопределения и пределами вмешательства публичной власти в сферу личной автономии. В российской конституционной модели данное право выражено прежде всего в положениях статей 23 и 24 Конституции Российской Федерации, закрепляющих право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия.

Однако цифровая эпоха изменила саму природу угроз частной жизни. Если в классической конституционно-правовой парадигме основным риском выступало прямое вторжение – обыск, прослушивание, опубликование сведений личного характера, то в современном обществе угроза часто возникает незаметно: через постоянный сбор метаданных, поведенческую аналитику, биометрическую идентификацию, автоматизированное принятие решений, трансграничную передачу данных, использование предиктивных алгоритмов. Частная жизнь оказывается затронутой даже тогда, когда отдельный пользователь формально согласился с условиями цифрового сервиса, но фактически не способен осознать объем, цели и последствия обработки своих данных.

В научной литературе последних лет эта трансформация описывается через категории цифрового конституционализма, информационного капитализма, алгоритмической власти и «капитализма наблюдения» [6; 8; 15]. В российской доктрине подчеркивается, что цифровизация требует переосмысления традиционных правовых конструкций, поскольку информационная среда становится не внешним объектом регулирования, а условием реализации большинства прав и свобод [2; 3]. В этом смысле право на частную жизнь перестает быть только «негативным» правом, защищающим человека от вмешательства. Оно приобретает позитивное содержание: государство обязано формировать институциональные, процессуальные и технологические гарантии, позволяющие человеку сохранять контроль над цифровым образом собственной личности.

Цель настоящей статьи – выявить основные направления эволюции конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: раскрыть конституционно-правовую природу права на частную жизнь; определить специфику цифровых угроз данному праву; проанализировать развитие зарубежных и российских подходов к защите персональных данных и цифровой автономии; сформулировать предложения по укреплению конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни в условиях алгоритмизации.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, историко-правовой и доктринальный методы. Особое значение имел сравнительно-правовой анализ, поскольку право на частную жизнь в цифровой среде развивается под влиянием международных стандартов, практики конституционных и наднациональных судов, а также европейской модели защиты персональных данных.

Право на неприкосновенность частной жизни в конституционном праве традиционно рассматривается как сложное субъективное право, включающее несколько взаимосвязанных элементов: личную автономию, семейную тайну, тайну коммуникаций, защиту персональных данных, контроль над распространением сведений о себе, а также возможность свободно формировать индивидуальную идентичность. В российской доктрине подчеркивается, что это право имеет комплексный характер и связано не только с запретом произвольного вмешательства, но и с обязанностью государства обеспечивать юридические механизмы охраны частной сферы [1].

В цифровой среде особое значение приобретает информационный аспект частной жизни. Данные о человеке становятся самостоятельным ресурсом, который используется государством, бизнесом, цифровыми платформами, работодателями, банками, страховыми организациями и иными

субъектами. При этом даже отдельные, на первый взгляд нейтральные сведения – геолокация, история поисковых запросов, сведения о покупках, активность в социальных сетях – при объединении позволяют формировать детализированный профиль личности. Именно поэтому современная защита частной жизни не может ограничиваться охраной интимной или семейной тайны. Она должна охватывать весь процесс обращения с данными: сбор, хранение, сопоставление, анализ, передачу, удаление и использование в автоматизированных решениях.

В европейской правовой традиции данная логика получила развитие через автономное признание права на защиту персональных данных. Общий регламент Европейского союза о защите данных 2016 г. сформировал модель, основанную на принципах законности, добросовестности, прозрачности, ограничения целей обработки, минимизации данных, точности, ограничения срока хранения, целостности и конфиденциальности [4]. Хотя нормативные правовые акты не включаются в список литературы настоящей статьи, сам факт влияния европейской модели очевиден: защита данных стала рассматриваться не как техническая отрасль регулирования, а как элемент конституционной архитектуры современного общества.

О. Лински обоснованно отмечает, что защита персональных данных в европейском праве связана не только с приватностью в узком смысле, но и с распределением власти между индивидом, государством и организациями, обладающими информационными ресурсами [5]. Этот вывод имеет универсальное значение: в цифровую эпоху тот, кто контролирует данные, получает возможность воздействовать на поведение человека, оценивать его надежность, прогнозировать предпочтения и ограничивать доступ к социальным благам. Следовательно, конституционная гарантия частной жизни должна пониматься как гарантия против информационной асимметрии и произвольной цифровой власти.

Исторически право на частную жизнь было ориентировано на защиту пространства, коммуникаций и репутации. В цифровую эпоху данная триада дополняется категорией цифровой автономии. Под цифровой автономией следует понимать способность лица самостоятельно определять пределы раскрытия информации о себе, понимать последствия цифрового взаимодействия, возражать против неправомерной обработки данных и требовать объяснения значимых автоматизированных решений.

Формально многие цифровые сервисы основываются на согласии пользователя. Однако современная научная литература убедительно показывает ограниченность модели «информированного согласия» в условиях сложных платформенных экосистем [9; 10]. Пользователь редко обладает реальной возможностью прочитать и оценить многостраничные правила обработки данных, отказаться от навязанных условий или использовать альтернативный сервис без потери доступа к общественно значимым коммуникационным инфраструктурам. В результате согласие часто превращается в юридическую фикцию, прикрывающую дисбаланс власти между субъектом данных и оператором цифровой платформы.

Н. Ричардс подчеркивает, что приватность важна не только для защиты секретов, но и для свободы мысли, интеллектуального развития, политического участия и человеческого достоинства [10]. Данный подход особенно значим для конституционного права: без защищенной частной сферы невозможно свободное формирование убеждений, критика власти, участие в политической жизни и реализация иных основных прав. Таким образом, неприкосновенность частной жизни является не изолированным субъективным правом, а условием функционирования демократического правопорядка.

В цифровую эпоху конституционная гарантия частной жизни должна защищать человека не только от раскрытия интимной информации, но и от скрытого манипулирования. Исследования в области философии и права технологий показывают, что цифровые архитектуры способны подталкивать пользователя к определенному поведению, используя персонализированные стимулы, поведенческие паттерны и уязвимости внимания [12]. Если подобное воздействие осуществляется непрозрачно и на основе глубокого профилирования, оно затрагивает не только приватность, но и свободу воли.

Категория цифрового конституционализма получила широкое распространение в зарубежной литературе последних лет. Г. Де Грегорио рассматривает цифровой конституционализм как процесс переосмысления прав и пределов власти в алгоритмическом обществе, где значительная часть регулятивных функций фактически осуществляется частными цифровыми платформами [6]. Э. Челесте связывает цифровой конституционализм с попытками закрепления фундаментальных прав пользователей интернета, включая право на приватность, доступ к информации, защиту от цензуры и недискриминацию в цифровой среде [7].

Данный подход имеет принципиальное значение для конституционного права.

Традиционная теория основных прав исходит из вертикальной модели: государство как носитель публичной власти обязано воздерживаться от необоснованного вмешательства в права человека. Однако в цифровой среде значительная часть вмешательств осуществляется частными субъектами, которые не всегда обладают формальным статусом публичной власти, но фактически контролируют инфраструктуру коммуникации, доступ к информации, видимость контента, цифровую репутацию и возможности экономического участия.

Ю. Коэн характеризует современный информационный капитализм как систему, в которой правовые конструкции собственности, договора, интеллектуальных прав и защиты данных формируют новые режимы власти над информационными потоками [8]. Это означает, что конституционные гарантии частной жизни должны быть направлены не только против произвола государства, но и против чрезмерной концентрации информационной власти у частных корпораций. Иначе право на частную жизнь будет сохранять формальную значимость, но терять реальную эффективность.

В российском праве данная проблема проявляется в необходимости согласования конституционных гарантий частной жизни с развитием цифровых государственных сервисов, биометрических систем, электронного документооборота, цифровых платформ занятости, финансовых технологий и систем видеонаблюдения. С одной стороны, цифровизация повышает доступность государственных и коммерческих услуг. С другой стороны, она увеличивает объем обрабатываемых данных и создает риски централизации сведений о гражданах. Поэтому конституционно допустимая цифровизация должна отвечать критериям необходимости, соразмерности, правовой определенности и подотчетности.

Персональные данные являются ключевым юридическим инструментом защиты частной жизни в цифровую эпоху. При этом важно подчеркнуть: защита персональных данных не сводится к защите конфиденциальной информации. Многие персональные данные могут быть общедоступными или не иметь очевидно интимного характера, однако их автоматизированная обработка способна привести к существенным последствиям для человека. Например, сведения о поведении пользователя в сети могут использоваться для кредитного скоринга, таргетированной политической рекламы, оценки трудовой дисциплины или страховых рисков.

Современная доктрина защиты данных исходит из того, что вред может возникать не только из-за утечки информации, но и из-за неправомерных выводов, сделанных на ее основе. С. Вахтер и Б. Миттельштадт предложили концепцию «права на разумные выводы», указывая, что регулирование должно охватывать не только исходные данные, но и производные профили, прогнозы и оценки, влияющие на положение человека [13]. Это особенно важно для конституционного права, поскольку алгоритмический вывод может стать основанием для ограничения возможностей лица без открытого обвинения, понятной процедуры и эффективного средства защиты.

В. Харцог и Д. Солов справедливо отмечают, что право информационной безопасности часто реагирует на последствия утечек, но недостаточно эффективно предотвращает системные риски, заложенные в архитектуре сбора и хранения данных [9]. Применительно к конституционным гарантиям это означает необходимость смещения акцента с последующего возмещения вреда на предварительное проектирование безопасных и правомерных цифровых систем. Иными словами, частная жизнь должна защищаться не только судом после нарушения, но и самой архитектурой цифровой среды.

Такой подход близок к идее «privacy by design», предполагающей внедрение гарантий приватности на этапе проектирования технологий. В конституционно-правовом измерении это означает, что государственные информационные системы, системы биометрической идентификации, цифровые платформы публичных услуг и автоматизированные реестры должны создаваться с учетом минимизации данных, разграничения доступа, криптографической защиты, журналирования операций, независимого аудита и возможности оспаривания решений.

Наиболее острые вызовы праву на неприкосновенность частной жизни связаны с использованием искусственного интеллекта и биометрических технологий. Биометрические данные обладают особой чувствительностью, поскольку они непосредственно связаны с телесной и поведенческой идентичностью человека. Пароль можно заменить, но лицо, голос, отпечатки пальцев или рисунок вен заменить практически невозможно. Утечка или неправомерное использование биометрических данных создает долговременный риск для личности.

Алгоритмическое профилирование также меняет характер вмешательства в частную жизнь. Если традиционное вмешательство обычно имело индивидуальный и явный характер, то алгоритмическое воздействие может быть массовым, скрытым и вероятностным. Человек

может не знать, что в отношении него сформирован риск-профиль, что он отнесен к определенной категории потребителей, заемщиков, работников или политически восприимчивых пользователей. При этом такие профили способны влиять на доступ к кредитам, вакансиям, страховым продуктам, информации и социальным возможностям.

К. Юнг в исследовании алгоритмического регулирования показывает, что алгоритмы могут выполнять функции управления поведением, не будучи традиционными правовыми нормами [14]. Именно поэтому конституционное право должно учитывать не только юридические запреты и разрешения, но и технологические механизмы, которые фактически регулируют социальное поведение. Если алгоритм определяет видимость информации, оценивает надежность гражданина или автоматически принимает решение о предоставлении услуги, он становится частью нормативной среды.

Особую опасность представляет сочетание больших данных, искусственного интеллекта и наблюдения. Ш. Зубофф описывает данную модель как экономическую систему извлечения поведенческих данных и прогнозирования поведения пользователей [15]. Независимо от оценки отдельных аспектов этой концепции очевидно, что массовая коммерческая обработка данных способна затрагивать конституционные основы свободы личности. Следовательно, государство не может ограничиваться ролью пассивного наблюдателя за отношениями между пользователем и платформой.

Российская конституционная модель содержит значимый потенциал защиты частной жизни. Статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет общую гарантию неприкосновенности частной жизни, а статья 24 прямо запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Тем самым Конституция изначально включает информационное измерение приватности, что позволяет адаптировать ее положения к цифровой эпохе без формального изменения текста.

Развитие отраслевого законодательства о персональных данных, информации, связи, биометрической идентификации, цифровых финансовых технологиях и государственных информационных системах свидетельствует о постепенном усложнении правового регулирования. Вместе с тем конституционно-правовая проблема состоит не только в наличии законов, но и в качестве гарантий. Для права на частную жизнь принципиальны ясность правового основания обработки данных, определенность целей, ограничение объема собираемой информации, реальная возможность отзыва согласия, независимый контроль и судебная защита.

Российская доктрина цифрового права справедливо указывает, что цифровизация требует межотраслевого подхода, поскольку данные одновременно выступают объектом гражданского оборота, административного управления, информационной безопасности и конституционной защиты [2]. Однако именно конституционное право должно задавать предельные рамки цифровизации. Технологическая эффективность не может рассматриваться как самостоятельное основание для расширения сбора данных. Любое вмешательство в частную жизнь должно быть не только законным, но и необходимым, соразмерным, обоснованным публичной целью и обеспеченным эффективными средствами контроля.

Одной из проблем остается фрагментарность гарантий при использовании автоматизированных решений. Гражданин должен обладать правом знать, что в отношении него применяется автоматизированная обработка, понимать ее логику в объеме, достаточном для защиты своих прав, требовать пересмотра решения человеком и оспаривать неблагоприятные последствия. Без этих элементов защита частной жизни и персональных данных становится неполной, поскольку основное вмешательство происходит не на стадии сбора информации, а на стадии ее интерпретации и применения. Эволюция конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху может быть представлена в нескольких направлениях.

Первое направление: расширение предмета защиты. Конституционная охрана должна распространяться не только на сведения интимного характера, но и на цифровые следы, метаданные, биометрические параметры, поведенческие профили, алгоритмические выводы и иные производные данные, способные повлиять на правовое или социальное положение человека.

Второе направление: переход от индивидуалистической модели согласия к модели структурной защиты. Согласие остается важным юридическим инструментом, но оно не может быть единственной гарантией. В условиях информационной асимметрии необходимы императивные обязанности операторов данных: минимизация, прозрачность, безопасность, ограничение сроков хранения, запрет несовместимого использования, оценка рисков и независимый аудит.

Третье направление: признание значения

алгоритмической прозрачности. Конституционная гарантия частной жизни требует, чтобы значимые автоматизированные решения не были полностью непрозрачными для человека. Речь не обязательно идет о раскрытии исходного программного кода во всех случаях, но лицо должно понимать критерии, источники данных и последствия профилирования в объеме, позволяющем эффективно защищать свои права.

Четвертое направление: усиление судебного и внесудебного контроля. В цифровой сфере вред часто носит массовый и труднообратимый характер. Поэтому необходимы не только индивидуальные иски, но и административный надзор, коллективные механизмы защиты, специальные процедуры проверки информационных систем, а также возможность оперативного прекращения неправомерной обработки данных.

Пятое направление: конституционализация технологического проектирования. Права человека должны учитываться на стадии разработки цифровых систем. Государственные информационные платформы, системы биометрической идентификации и алгоритмического анализа должны проходить оценку воздействия на права и свободы. Такая оценка должна быть не формальной процедурой, а реальным инструментом выявления рисков дискриминации, чрезмерного наблюдения, утечки данных и ограничения автономии личности.

Шестое направление: развитие гарантий против манипулятивного воздействия. Частная жизнь связана с внутренней свободой человека. Поэтому цифровые практики, основанные на скрытом использовании психологических уязвимостей, микротаргетинге и персонализированном манипулировании, должны оцениваться не только с позиции защиты потребителя или конкуренции, но и с позиции конституционных прав.

Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху переживает глубокую трансформацию. Его классическое содержание – защита личной и семейной тайны, тайны коммуникаций, запрет произвольного вмешательства – сохраняет значение, но уже не исчерпывает современных конституционных задач. Цифровая среда создает новые формы уязвимости: постоянное наблюдение, скрытое профилирование, автоматизированные решения, биометрическую идентификацию, трансграничное движение данных и манипулятивное воздействие на поведение.

В этих условиях конституционные гарантии должны развиваться в направлении защиты цифровой автономии личности. Человек должен обладать реальным, а не декларативным контролем над данными о себе; иметь возможность понимать и оспаривать автоматизированные решения; быть защищенным от чрезмерного сбора информации и непрозрачного профилирования. Государство, в свою очередь, обязано не только воздерживаться от необоснованного вмешательства, но и создавать правовую, институциональную и технологическую инфраструктуру защиты частной жизни.

Наиболее перспективной представляется модель, соединяющая конституционные принципы достоинства, свободы и соразмерности с современными механизмами защиты данных: минимизацией, прозрачностью, безопасностью по умолчанию, независимым аудитом, оценкой воздействия на права человека и эффективным судебным контролем. Только такая модель способна обеспечить реальность права на неприкосновенность частной жизни в обществе, где личность все чаще существует одновременно в физическом, информационном и алгоритмическом измерениях.

Список литературы:

[1] Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.

[2] Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020.

[3] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

[4] Kuner C., Bygrave L.A., Docksey C., Drechsler L. The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2020.

[5] Lynskey O. The Foundations of EU Data Protection Law. Oxford: Oxford University Press, 2015.

[6] De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[7] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. Abingdon; New York: Routledge, 2022.

[8] Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2019.

[9] Solove D.J., Hartzog W. Breached! Why Data Security Law Fails and How to Improve It. Oxford: Oxford University Press, 2022.

[10] Richards N. Why Privacy Matters. Oxford: Oxford University Press, 2021.

[11] Citron D.K. The Fight for Privacy:

Protecting Dignity, Identity, and Love in the Digital Age. New York: W.W. Norton & Company, 2022.

[12] Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. Technology, autonomy, and manipulation // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 2.

[13] Wachter S., Mittelstadt B. A Right to Reasonable Inferences: Re-thinking Data Protection Law in the Age of Big Data and AI // Columbia Business Law Review. 2019. № 2. P. 494–620.

[14] Yeung K. Algorithmic regulation: A critical interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. № 4. P. 505–523.

[15] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

References:

[1] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: training course: in 2 vols. 7th ed., Revised. and additional M.: Norm: INFRA-M, 2021.

[2] Digital law: textbook/under the general. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. M.: Prospect, 2020.

[3] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in Digital Reality//Journal of Russian Law. 2018. № 1. S. 85-102.

[4] Kuner C., Bygrave L.A., Docksey C., Drechsler L. The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2020.

[5] Lynskey O. The Foundations of EU Data Protection Law. Oxford: Oxford University Press, 2015.

[6] De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Powers in the Algorithmic Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[7] Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. Abingdon; New York: Routledge, 2022.

[8] Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2019.

[9] Solove D.J., Hartzog W. Breached! Why Data Security Law Fails and How to Improve It. Oxford: Oxford University Press, 2022.

[10] Richards N. Why Privacy Matters. Oxford: Oxford University Press, 2021.

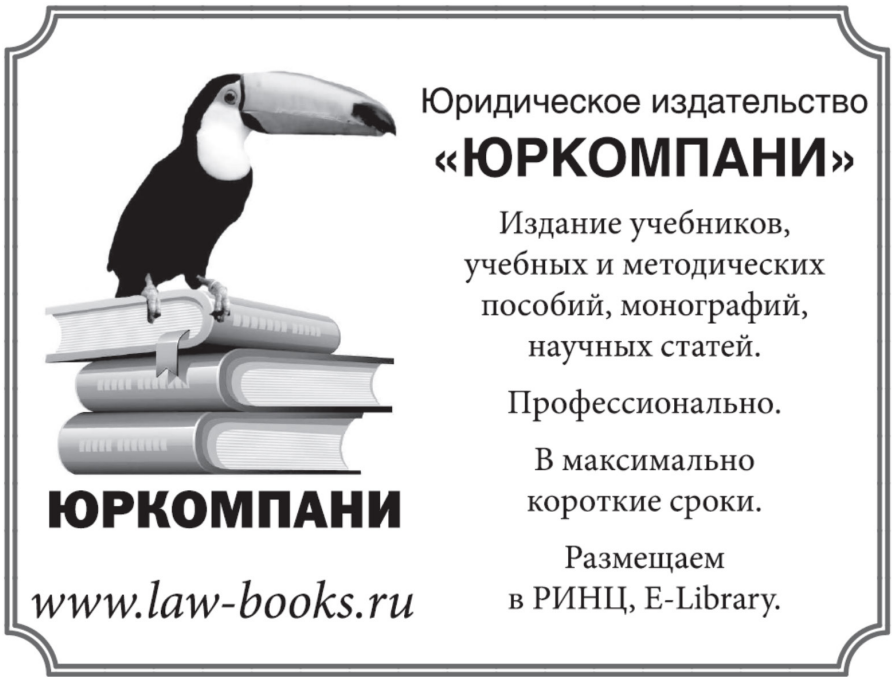
[11] Citron D.K. The Fight for Privacy: Protecting Dignity, Identity, and Love in the Digital Age. New York: W.W. Norton & Company, 2022.

[12] Susser D., Roessler B., Nissenbaum H. Technology, autonomy, and manipulation // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8. № 2.

[13] Wachter S., Mittelstadt B. A Right to Reasonable Inferences: Re-thinking Data Protection Law in the Age of Big Data and AI // Columbia Business Law Review. 2019. № 2. P. 494–620.

[14] Yeung K. Algorithmic regulation: A critical interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. № 4. P. 505–523.

[15] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-117-122

САМИТОВ Даниил Александрович,

Аспирант 3 курс, Новосибирского государственного университета экономики и управления Россия, г. Новосибирск,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ЗА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются принципы публичного контроля (надзора) в сфере предпринимательской деятельности в контексте конституционно-правового регулирования. Цель исследования заключается в установлении конституционных основ и отраслевой специфики нормативного закрепления принципов государственного контроля, а также в выявлении проблем их практической реализации в действующем законодательстве и правоприменительной деятельности. Для достижения поставленной цели проведен анализ положений Конституции Российской Федерации, законодательства о государственном контроле (надзоре), нормативного регулирования обязательных требований, а также подзаконных актов, регламентирующих профилактику их нарушений. Особое внимание уделяется постатейному анализу норм, раскрывающих содержание законности, соразмерности, правовой определенности, открытости контрольной деятельности, стимулирования добросовестного поведения контролируемых лиц, а также гарантий обжалования решений контрольных органов. Наряду с этим в статье исследуются научные подходы отечественных правоведов и статистические данные, отражающие фактическую интенсивность контрольной деятельности и практику применения профилактических мер. По итогам исследования обоснован вывод о том, что современная модель публичного контроля в предпринимательской сфере в целом ориентирована на конституционные стандарты, однако продолжает содержать ряд нормативных и прикладных противоречий, обусловленных неопределенностью обязательных требований, факультативным характером отдельных профилактических механизмов и процессуальными ограничениями при обжаловании предписаний. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения сформулированных выводов и предложений в нормотворческой деятельности, при дальнейшем совершенствовании законодательства о государственном контроле (надзоре), а также в правоприменительной и экспертной практике.*

Ключевые слова: *публично-правовой контроль, государственный контроль и надзор, предпринимательская сфера, конституционно-правовые основы регулирования, обязательные правовые требования, профилактика правонарушений, административное обжалование, защита прав предпринимателей.*

SAMITOV D.A.,

Postgraduate student, 3rd year Novosibirsk State University of Economics and Management Russia, Novosibirsk

PRINCIPLES OF PUBLIC CONTROL AND SUPERVISION OVER ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines the principles of public control and supervision in the sphere of entrepreneurial activity in the context of constitutional and legal regulation. The purpose of the study is to identify the constitutional foundations and sector-specific features of the legal consolidation of the principles of state control, as well as to reveal the problems of their practical implementation in current legislation and law enforcement practice. To achieve this purpose, the study analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, legislation on state control and supervision, the regulatory framework governing mandatory requirements, as well as subordinate legal acts*

regulating the prevention of their violations. Particular attention is paid to an article-by-article analysis of legal provisions defining legality, proportionality, legal certainty, openness of control activities, the encouragement of good-faith conduct by controlled entities, and guarantees for appealing decisions of control authorities. In addition, the article examines the scholarly approaches of Russian legal researchers and statistical data reflecting the actual intensity of control activities and the practice of applying preventive measures. Based on the results of the study, the conclusion is substantiated that the current model of public control in the entrepreneurial sphere is generally oriented toward constitutional standards; however, it still contains a number of normative and practical contradictions caused by the uncertainty of mandatory requirements, the optional nature of certain preventive mechanisms, and procedural limitations in appealing prescriptions. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the formulated conclusions and proposals in lawmaking, in the further improvement of legislation on state control and supervision, as well as in law enforcement and expert practice.

Key words: *public-law control, state control and supervision, entrepreneurial sphere, constitutional and legal foundations of regulation, mandatory legal requirements, prevention of legal violations, administrative appeal, protection of entrepreneurs' rights.*

Принципы публичного контроля (надзора) в области предпринимательской деятельности не следует рассматривать как самостоятельный набор отраслевых положений, изолированный от конституционно-правовой основы. Их содержание во многом определяется конституционной моделью допустимого вмешательства публичной власти в сферу экономической свободы. Так, статья 8 Конституции Российской Федерации закрепляет единство экономического пространства, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности; статья 34 гарантирует право каждого свободно использовать свои способности и имущество для осуществления предпринимательства; статьи 45 и 46 предусматривают государственную и судебную защиту прав; статья 55 устанавливает, что ограничение прав возможно исключительно федеральным законом и только в необходимой мере. Следовательно, публичный контроль в предпринимательской сфере является конституционно оправданным лишь тогда, когда он осуществляется на законных основаниях, соответствует критерию соразмерности и обеспечен эффективными механизмами обжалования. В этой связи представляется обоснованной позиция И.А. Кашаповой, согласно которой именно базовые конституционно-правовые принципы формируют исходную рамку защиты прав предпринимателей, что обусловливает необходимость их дальнейшего анализа на уровне специального законодательства [5].

Развитие указанных конституционных положений находит отражение прежде всего в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ. Уже в главе 2 данного закона закреплены такие принципы, как законность и обоснованность, стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований, соразмерность вмешательства, защита прав и законных интересов контролируемых лиц, недопустимость злоупотребления правом, соблюдение охраняемой законом тайны, открытость и оперативность контрольной деятельности. При этом часть 1 статьи 9 названного закона устанавливает требование соразмерности профилактических и контрольных мероприятий характеру нарушения и потенциальному вреду, а часть 4 статьи 10 запрещает действия, способные унизить достоинство личности либо причинить ущерб деловой репутации организации или индивидуального предпринимателя. Как отмечают Л.А. Мицкевич и А.Ф. Васильева, данные положения образуют основу принципа «хорошей администрации», включающего законность, правовую определенность, добросовестность, запрет злоупотребления правом и соразмерность [6]. В связи с этим принципы контроля в предпринимательской сфере следует понимать не как декларативные положения, а как юридически значимые критерии допустимости каждого властного решения. Это, в свою очередь, обусловливает необходимость обращения к вопросу о том, каким образом законодатель определяет содержание обязательных требований.

Материальной основой настоящего исследования выступают нормативные правовые акты, закрепляющие конституционные и отраслевые начала публичного контроля (надзора) в предпринимательской сфере. К их числу относятся Конституция Российской Федерации, законодательство о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле, нормативное

регулирование обязательных требований, законодательство о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении контрольной деятельности, а также подзаконные акты, определяющие порядок разработки, утверждения и актуализации программ профилактики рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям. Кроме того, в исследовании использованы научные работы отечественных правоведов, опубликованные преимущественно в 2021–2025 гг. и посвященные конституционным основаниям публичного контроля, проблемам правовой определенности обязательных требований, профилактической направленности контрольной деятельности, процессуальным гарантиям защиты прав предпринимателей и статистическим показателям реализации контрольных полномочий.

Методологическую основу исследования составили несколько взаимодополняющих методов. Формально-юридический метод позволил провести постатейный анализ действующего законодательства о государственном контроле (надзоре) и обязательных требованиях. Системный метод был использован для выявления взаимосвязи между конституционными положениями, федеральными законами и подзаконными нормативными актами. Сравнительно-правовой подход применялся при сопоставлении ранее действовавшей и современной моделей обжалования результатов контрольной деятельности. Метод аналитической интерпретации позволил обобщить научные позиции и статистические данные, представленные в работах российских исследователей. Использование данной совокупности методов дало возможность определить степень соответствия законодательного закрепления принципов публичного контроля конституционным требованиям соразмерности, правовой определенности, доступности защиты прав и недопустимости чрезмерного вмешательства в предпринимательскую деятельность.

В рассматриваемом контексте особое значение имеет нормативное регулирование обязательных требований в Российской Федерации. Оно определяет правовые и организационные основы установления требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Законодатель предусматривает общее правило вступления таких требований в силу 1 марта либо 1 сентября, причем не ранее чем через 90 дней после их официального опубликования. Кроме того, официальные разъяснения не могут вводить новые требования или изменять содержание уже действующих. Одновременно законодательство о государственном контроле связывает предмет контрольной деятельности с соблюдением обязательных требований, формированием информационных реестров и применением категорий риска причинения вреда при определении интенсивности контрольного вмешательства. В этой связи заслуживает внимания позиция О.Н. Ермоловой, согласно которой именно качество обязательного требования определяет пределы допустимого государственного принуждения [4]. Отсюда вытекает первая системная проблема: принцип правовой определенности реализован лишь частично, поскольку законодатель закрепляет преимущественно общие рамки, тогда как значительная часть конкретных обязанностей остается распределенной между подзаконными и ведомственными актами. Это, в свою очередь, повышает значение профилактического направления правового регулирования.

Именно в связи с этим профилактическое направление занимает значимое место в конституционно-правовой модели публичного контроля. Законодательство о государственном контроле предусматривает широкий комплекс профилактических инструментов, включая разработку программ профилактики, информирование контролируемых лиц, обобщение правоприменительной практики, меры поощрения добросовестного поведения, вынесение предостережений, консультирование, самообследование и проведение профилактических визитов. Дальнейшая детализация данных механизмов осуществляется на подзаконном уровне, где закрепляются структура профилактических программ и порядок их ежегодной актуализации. Вместе с тем, как отмечают А.С. Евдокимов и П.П. Сергун, система профилактических мероприятий по-прежнему характеризуется недостаточной степенью правовой урегулированности, что проявляется, в частности, в неопределенности их реального влияния на предупреждение нарушений [3]. Данный вывод представляется обоснованным, поскольку меры стимулирования добросовестности фактически не обладают универсальным характером и применяются только в тех случаях, когда они прямо предусмотрены положением о конкретном виде контроля. В результате закрепленный в законодательстве принцип поощрения добросовестного поведения контролируемых лиц не получает полного и обязательного действия, а подзаконное регулирование в большей степени ориентировано на унификацию отчетности контрольных органов, чем на оказание индивидуализированной профилактической поддержки предпринимателям.

Практическая результативность

рассматриваемой модели подтверждается статистическими данными, которые в научной литературе выступают не самостоятельным доказательством, а индикатором степени реализации контрольных принципов. Так, С.А. Федотов, ссылаясь на сводный доклад о государственном контроле (надзоре), указывает, что за период с 1 июля по 31 декабря 2021 г. было проведено 423,3 тыс. проверок, при этом контрольными органами вынесено 91,9 тыс. предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований [9]. Е.В. Ширеева, в свою очередь, отмечает, что в 2020–2023 гг. среднегодовое количество проверок составляло около 341,7 тыс., причем существенных различий между годовыми показателями не наблюдалось [10]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что сама по себе реформа контрольной деятельности не повлекла автоматического снижения интенсивности государственного вмешательства. Напротив, в конституционно-правовом аспекте особое значение приобретает оценка каждой конкретной проверки с точки зрения ее необходимости, правомерности и процессуальной обеспеченности. В связи с этим дальнейший анализ закономерно должен быть обращен к механизмам фиксации результатов контроля и гарантиям их последующего оспаривания.

Процессуальные гарантии, закрепленные в законодательстве о государственном контроле, имеют не менее существенное конституционно-правовое значение, чем материальные принципы контрольной деятельности. Право на обжалование решений, действий и бездействия контрольных органов выступает важнейшим элементом защиты прав предпринимателей. При этом для субъектов предпринимательской деятельности установлен обязательный досудебный порядок обжалования перед обращением в суд. Законодатель также определяет сроки подачи жалобы: общий срок составляет 30 календарных дней, тогда как для обжалования предписания установлен сокращенный срок — 10 рабочих дней. Кроме того, результаты контрольных мероприятий должны сопровождаться документами и иными материалами, подтверждающими наличие нарушения обязательных требований, а грубые нарушения порядка осуществления контроля могут повлечь недействительность решения контрольного органа. В ранее действовавшей модели правового регулирования предприниматель мог использовать административный и (или) судебный порядок защиты. Как отмечает Е.Н. Смирнова, современное регулирование уже позволяет говорить о сформировавшейся судебной практике, однако именно в данной сфере проявляется одно из наиболее уязвимых мест действующей модели: обязательность досудебного порядка и сокращенный срок обжалования предписаний при технически сложных видах контроля способны трансформироваться из гарантии упорядоченного разрешения спора в дополнительное препятствие для реализации права на судебную защиту, закрепленного статьей 46 Конституции Российской Федерации [7].

Дальнейшее рассмотрение показывает, что конституционно-правовая характеристика принципов публичного контроля невозможна без учета отраслевой специфики соответствующих видов контрольной деятельности. Вместе с тем такая специфика не должна приводить к нарушению единства общих правовых стандартов. А.А. Спиридонов указывает, что законодательство о государственном, муниципальном и общественном контроле обладает интегративными свойствами и должно анализироваться с позиции системного подхода [8]. В то же время С.А. Агамагомедова обращает внимание на условность разграничения отдельных видов государственного контроля (надзора) и сложность учета их отраслевых особенностей [1]. К.М. Беликова и М.А. Ахмадова также подчеркивают, что модернизация законодательства о контроле имеет существенное значение для бизнеса, однако действующая модель сохраняет как административно-правовые, так и прикладные недостатки [2]. Следовательно, дифференциация видов контроля допустима лишь в той мере, в какой она не ослабляет общие конституционные требования законности, правовой определенности, открытости, уважения деловой репутации и доступности судебной защиты. Именно поэтому завершающим этапом исследования становится формулирование предложений, направленных не на расширение контрольного воздействия, а на приведение его к конституционно допустимым пределам.

Заключение

С учетом изложенного представляется целесообразным внести ряд взаимосвязанных изменений в законодательство о государственном контроле и связанные с ним подзаконные акты. Во-первых, нормы о мерах стимулирования добросовестности следует скорректировать таким образом, чтобы данные меры являлись обязательным элементом каждого вида контроля и не зависели исключительно от усмотрения разработчика отраслевого положения. Во-вторых, срок обжалования предписания целесообразно увеличить как минимум до 20 рабочих дней, поскольку действующий сокращенный срок не во всех случаях обеспечивает предпринимателю реальную возможность подготовить полноценную

правовую и техническую позицию. В-третьих, необходимо прямо закрепить обязанность каждого контрольного органа формировать исчерпывающий публичный перечень проверяемых требований с отсылкой к соответствующему реестру обязательных требований. Одновременно в подзаконное регулирование профилактической деятельности следует включить требование оценивать не только количество проведенных профилактических мероприятий, но и долю нарушений, предотвращенных без применения санкций. В-четвертых, критерии отнесения объектов контроля к категориям риска должны быть соотнесены с едиными федеральными параметрами прозрачности и сопоставимости. Таким образом, правовое регулирование публичного контроля должно быть ориентировано прежде всего на предупреждение нарушений и снижение административного давления на бизнес. Именно это направление представляется наиболее перспективным при условии последовательного укрепления конституционных гарантий предпринимательской свободы.

Список литературы:

[1] Агамагомедова С. А. Отраслевая специфика государственного контроля (надзора): административно-правовое обоснование // Административное право и процесс. 2024. № 11.

[2] Беликова К. М.; Ахмадова М. А. Значение реформы законодательства о государственном контроле (надзоре) для государства и бизнеса // Хозяйство и право. 2023. № 3. С. 15–26.

[3] Евдокимов А. С.; Сергун П. П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53–59.

[4] Ермолова О. Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы контроля и ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. С. 60–75.

[5] Кашапова И. А. Конституционный контроль в сфере защиты прав и свобод предпринимателя // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 83–87.

[6] Мицкевич Л. А.; Васильева А. Ф. Принципы «хорошей администрации» в сфере государственного контроля (надзора) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2. С. 72–93.

[7] Смирнова Е. Н. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора): дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 246 с.

[8] Спиридонов А. А. О системности законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле и об общественном контроле: конституционно-правовые аспекты в русле развития механизмов государственного управления в России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 21–33.

[9] Федотов С. А. Юридическое значение предостережения // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 12–16.

[10] Ширеева Е. В. Использование результатов контрольной (надзорной) деятельности на стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 68–72.

References:

[1] Agamagomedova S. A. Industry specifics of state control (supervision): administrative and legal justification//Administrative law and process. 2024. № 11.

[2] K. M. Belikova; Akhmadova M. A. Significance of the reform of legislation on state control (supervision) for the state and business// Economy and law. 2023. № 3. S. 15-26.

[3] Evdokimov A.S.; Sergun P. P. System of preventive measures used in the implementation of state control (supervision): assessment of regulatory impact//Administrative law and process. 2023. № 7. S. 53-59.

[4] O. N. Ermolova Mandatory requirements for entrepreneurial activity: issues of control and responsibility//Property relations in the Russian Federation. 2022. № 5. S. 60-75.

[5] Kashapova I. A. Constitutional control in the field of protection of the rights and freedoms of the entrepreneur//Law and the state: theory and practice. 2022. № 7 (211). S. 83-87.

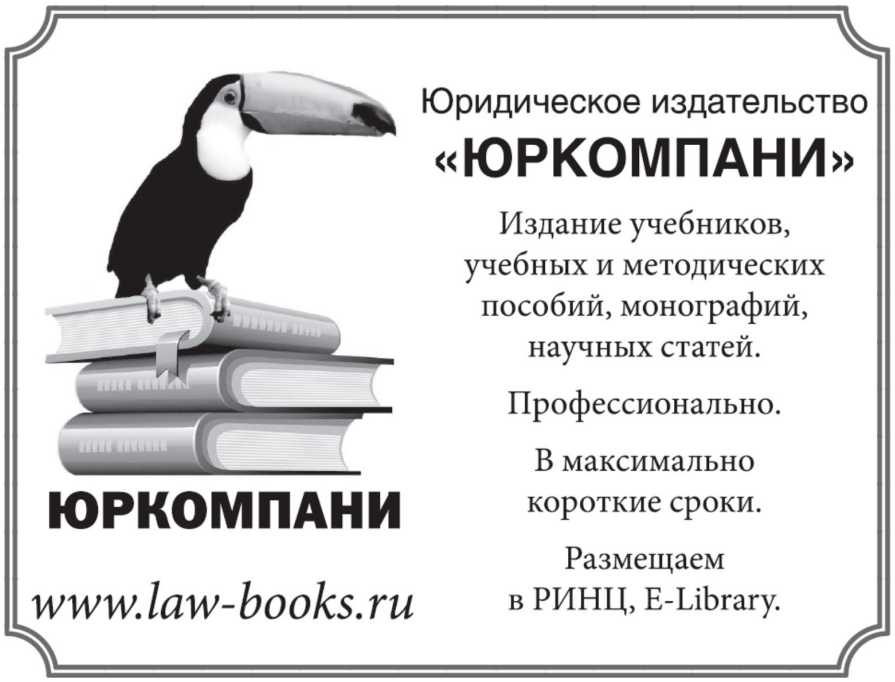
[6] L. A. Miscavige; Vasilyeva A.F. Principles of “good administration” in the field of state control (supervision)//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2022. № 2. S. 72-93.

[7] Smirnova E. N. Administrative and legal regulation of prevention of violations of mandatory requirements in the implementation of state control (supervision): dis. cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 246 pp.

[8] Spiridonov A. A. On the consistency of legislation on state control (supervision), municipal control and public control: constitutional and legal aspects in line with the development of public administration mechanisms in Russia//Current problems of Russian law. 2023. T. 18. № 2 (147). S. 21-33.

[9] Fedotov S. A. Legal significance of the warning//State power and local self-government. 2025. № 2. S. 12-16.

[10] E.V. Shireeva. Use of the results of control (supervisory) activities at the stage of initiating an administrative offense case//Administrative Law and Process. 2025. № 4. S. 68-72.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-123-131

БАРИКАЕВА Айгуль Фаргатовна,
кандидат экономических наук, научный сотрудник
Международного научно-исследовательского центра
судебной экспертизы и исследований,
e-mail: mail@law-books.ru

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭКОСИСТЕМА МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется организация системы малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне как самостоятельный правовой и управленческий фактор укрепления экономических основ местного самоуправления. Обосновывается, что муниципальная политика в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства не должна сводиться к эпизодическим мерам поддержки или к формальному включению мероприятий в муниципальные программы. Ее следует рассматривать как элемент муниципального экономического правопорядка, обеспечивающий занятость населения, развитие локальных рынков, рост имущественной базы, повышение устойчивости налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов, а также вовлечение жителей в решение вопросов местного значения через предпринимательскую активность.*

Ключевые слова: *местное самоуправление; экономическая основа местного самоуправления; малое и среднее предпринимательство; муниципальная экономика; местный бюджет; муниципальная собственность; инфраструктура поддержки МСП; предпринимательская экосистема; муниципальное право.*

BARIKAEVA Aigul Fargatovna,
Candidate of Economic Sciences, Researcher
at the International Research Center
for Forensic Science and Research

MUNICIPAL ENTREPRENEURIAL ECOSYSTEM OF SMALL AND MEDIUM BUSINESSES AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Annotation. *The article examines the organization of small and medium-sized enterprises at the municipal level as an independent legal and managerial factor strengthening the economic foundations of local self-government. The author substantiates that municipal SME policy should not be reduced to episodic support measures or formal inclusion of activities in municipal programs. It should be viewed as an element of the municipal economic legal order that ensures employment, local market development, growth of the municipal property base, stability of tax and non-tax revenues of local budgets, and participation of residents in solving local issues through entrepreneurial activity.*

Key words: *local self-government; economic basis of local self-government; small and medium-sized enterprises; municipal economy; local budget; municipal property; SME support infrastructure; entrepreneurial ecosystem; municipal law.*

Введение

Экономическая самостоятельность местного самоуправления традиционно рассматривается через призму трех базовых элементов: муниципальной собственности, местного бюджета и имущественных прав муниципальных образований. Такой подход закреплен в действующем федеральном законодательстве и воспроизводится в доктрине муниципального права. [1; 2] Однако современная

муниципальная экономика уже не может быть описана только через статическую совокупность имущества и бюджетных средств. Для реальной самостоятельности муниципального образования принципиальное значение имеет способность территории создавать, удерживать и воспроизводить экономическую активность. В этом смысле малое и среднее предпринимательство выступает не внешним по отношению к местному самоуправлению сектором экономики, а одной из ключевых форм социальной и экономической самоорганизации населения.

Актуальность темы усиливается несколькими обстоятельствами. Во-первых, муниципальный уровень наиболее близок к повседневным условиям ведения малого бизнеса: земельно-имущественные отношения, размещение нестационарных торговых объектов, благоустройство, транспортная доступность, местные правила землепользования и застройки, муниципальные закупки, туристическая и потребительская инфраструктура в значительной степени зависят от решений органов местного самоуправления. Во-вторых, в период трансформации законодательства о местном самоуправлении возникает необходимость заново оценить экономические гарантии муниципальной самостоятельности с учетом включения местного самоуправления в единую систему публичной власти. [2] В-третьих, развитие малого и среднего предпринимательства прямо связано с качеством местных бюджетов: речь идет не только о налоговых поступлениях, но и о формировании муниципального имущественного комплекса, повышении спроса на муниципальные услуги, развитии локальной занятости и снижении зависимости территории от внешних трансфертов.

По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в России насчитываются миллионы субъектов МСП и значительный массив занятых в этом секторе лиц. [3] Даже если муниципальное образование не обладает широкими полномочиями по налоговому регулированию, оно способно влиять на деловую среду через качество административных процедур, доступность муниципального имущества, прозрачность правил размещения объектов торговли и услуг, участие предпринимателей в муниципальных закупках, организацию обратной связи с бизнес-сообществом и формирование локальных проектов развития.

Цель настоящей статьи состоит в разработке научно обоснованной модели организации системы малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне как фактора укрепления экономических основ местного самоуправления. Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: определить правовую природу муниципальной политики развития МСП; раскрыть связь предпринимательской активности с экономической основой местного самоуправления; выявить основные элементы муниципальной предпринимательской экосистемы; сформулировать проблемы действующего регулирования и предложить направления его совершенствования.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, институциональный и функциональный методы. Использование системного метода позволяет рассматривать малый и средний бизнес не как совокупность разрозненных хозяйствующих субъектов, а как элемент муниципального развития. Формально-юридический метод применяется при анализе федерального законодательства о местном самоуправлении, бюджетном устройстве и развитии МСП. Институциональный метод позволяет оценить муниципальные программы, инфраструктуру поддержки, консультативные органы и имущественные механизмы как элементы единой предпринимательской системы.

Научная новизна статьи заключается в обосновании категории «муниципальная предпринимательская экосистема» применительно к правовому регулированию местного самоуправления. Под ней предлагается понимать организованную на территории муниципального образования систему правовых, имущественных, бюджетных, инфраструктурных, информационных и коммуникативных условий, обеспечивающих создание, устойчивое функционирование и развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в связи с решением вопросов местного значения и укреплением экономической основы муниципального образования.

1. Правовая природа муниципальной политики развития малого и среднего предпринимательства

Малое и среднее предпринимательство в российском праве определяется через категорию субъектов МСП, к которым относятся хозяйствующие субъекты, отвечающие установленным законом критериям численности, дохода и структуры участия. [4] Федеральный закон № 209-ФЗ исходит из того, что поддержка МСП осуществляется не только на федеральном и региональном, но и на муниципальном уровне. К полномочиям органов местного самоуправления отнесены формирование и осуществление муниципальных программ развития субъектов МСП, анализ показателей их развития на территории муниципального образования,

формирование инфраструктуры поддержки, содействие деятельности организаций, выражающих интересы предпринимателей, а также образование координационных или совещательных органов в данной сфере. [4, ст. 11]

Следовательно, муниципальная политика развития малого и среднего бизнеса имеет публично-правовую природу. Она не является благотворительной деятельностью муниципалитета и не может пониматься как произвольное предоставление льгот отдельным хозяйствующим субъектам. Ее назначение состоит в создании общих и недискриминационных условий для предпринимательской активности на территории муниципального образования. В правовом смысле такая политика должна строиться на принципах равенства доступа, прозрачности процедур, бюджетной обоснованности, запрета необоснованных преимуществ и приоритета публичного интереса.

Особенность муниципального уровня состоит в том, что он непосредственно сталкивается с пространственной конкретикой бизнеса. Для федерального законодателя субъект МСП представляет собой юридическую категорию, включенную в реестр. Для муниципалитета субъект МСП одновременно является арендатором помещения, работодателем для жителей, участником благоустройства, пользователем местной транспортной и коммунальной инфраструктуры, участником закупок, налогоплательщиком, поставщиком товаров и услуг для населения. Поэтому муниципальная политика развития предпринимательства всегда носит комплексный характер и находится на пересечении муниципального, бюджетного, гражданского, земельного, градостроительного, налогового и конкурентного регулирования.

Конституционно-правовой аспект рассматриваемой проблемы определяется тем, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью. [5] Экономическая основа местного самоуправления не может быть сведена к пассивному владению муниципальным имуществом. Она предполагает способность муниципального образования распоряжаться ресурсами таким образом, чтобы они обеспечивали устойчивое развитие территории и удовлетворение потребностей населения. Если муниципальное имущество используется неэффективно, а местный бюджет формируется преимущественно за счет внешней помощи, формальная самостоятельность органов местного самоуправления не трансформируется в реальную.

Новый Федеральный закон № 33-ФЗ сохраняет подход к экономической основе местного самоуправления как к совокупности муниципального имущества, имущественных прав и средств местных бюджетов. [2] Вместе с тем включение местного самоуправления в единую систему публичной власти создает риск дальнейшей управленческой вертикализации муниципального уровня. В этих условиях развитие малого и среднего предпринимательства приобретает значение одного из немногих механизмов, способных поддерживать горизонтальную экономическую самоорганизацию территории. Чем больше в муниципальном образовании экономически активных субъектов, тем выше плотность социальных связей, тем разнообразнее локальная занятость, тем меньше зависимость населения от единственного крупного работодателя или бюджетного сектора.

Таким образом, муниципальная политика развития МСП имеет двойственную природу. С одной стороны, это направление публичного управления, реализуемое в пределах полномочий органов местного самоуправления. С другой стороны, это способ формирования экономической среды, в которой население реализует инициативу, создает рабочие места и участвует в воспроизводстве муниципальной экономики. Именно эта двойственность позволяет рассматривать организацию предпринимательства как фактор укрепления экономических основ местного самоуправления.

2. Предпринимательство как элемент экономической основы местного самоуправления

В юридической доктрине экономическая основа местного самоуправления чаще всего анализируется через категории собственности, бюджета, доходных источников и расходных обязательств. Е.С. Шугрина справедливо подчеркивает, что доходы и расходы местного бюджета имеют значение не сами по себе, а в соотношении с объемом полномочий, возложенных на муниципальный уровень. [6] Этот вывод принципиален для понимания роли предпринимательства: МСП не заменяет бюджетно-правовые гарантии местного самоуправления, но способно расширять экономическое пространство, в котором такие гарантии становятся содержательными.

Местные бюджеты формируются за счет налоговых и неналоговых доходов, а также межбюджетных трансфертов. Бюджетный кодекс РФ закрепляет систему налоговых доходов местных бюджетов в зависимости от вида муниципального образования. [7] Налоговый кодекс РФ относит к местным налогам и сборам земельный налог, налог на имущество физических лиц, торговый

сбор и туристический налог. [8] Значительная часть налоговой нагрузки малого бизнеса формально поступает не непосредственно в местный бюджет, однако развитие предпринимательства влияет на местную доходную базу косвенно: через использование земельных участков и помещений, расширение потребительского оборота, создание рабочих мест, рост спроса на муниципальное имущество, формирование туристического потока, развитие сервисов и повышение инвестиционной привлекательности территории.

Неналоговый эффект не менее важен. Муниципальное имущество может выступать не только источником арендных платежей, но и инструментом экономической политики. Передача свободных помещений субъектам МСП на прозрачных условиях, создание перечней имущества для предоставления предпринимателям, развитие муниципальных индустриальных площадок, организация ярмарочных пространств и мест размещения нестационарной торговли позволяют превратить муниципальную собственность из статичного актива в производительный ресурс. Однако это возможно только при наличии нормативно закрепленных процедур и публично доступной информации.

Предпринимательство также связано с социальной функцией местного самоуправления. Малый бизнес обеспечивает занятость в тех сферах, которые непосредственно влияют на качество жизни населения: бытовые услуги, общественное питание, торговля, ремонт, локальная логистика, детское развитие, уход, туризм, культурные и досуговые сервисы, малое производство. Для муниципального образования наличие таких субъектов означает снижение социальной напряженности, удержание жителей, развитие городской или сельской среды. Поэтому оценка эффективности муниципальной политики МСП должна включать не только число выданных субсидий, но и показатели доступности услуг, сохранения рабочих мест, вовлечения самозанятых и индивидуальных предпринимателей, развития социальной и креативной экономики.

Особое значение имеет связь предпринимательства с муниципальным стратегическим планированием. Если стратегия социально-экономического развития муниципального образования не содержит ясной модели развития малого бизнеса, то муниципальная программа поддержки МСП неизбежно превращается в набор разрозненных мероприятий. Напротив, если предпринимательство встроено в территориальные приоритеты - развитие туризма, локального производства, агропереработки, городской торговли, креативных индустрий, сервисов для пожилых граждан, образовательных услуг, - оно становится механизмом достижения целей местного развития.

В этом смысле малый и средний бизнес следует рассматривать как «динамический слой» экономической основы местного самоуправления. Муниципальная собственность и бюджет образуют институциональный каркас, а предпринимательство обеспечивает движение ресурсов, создание добавленной стоимости и социально-экономическую адаптацию территории к изменениям. Без такого динамического слоя экономическая основа местного самоуправления остается юридически признанной, но экономически слабой.

3. Муниципальная предпринимательская экосистема: структура и функции

Категория предпринимательской экосистемы широко используется в экономической науке и публичном управлении, однако в муниципально-правовом контексте она требует уточнения. Применительно к местному самоуправлению речь идет не просто о наличии предпринимателей на территории, а о совокупности условий, институтов и процедур, которые позволяют субъектам МСП возникать, получать ресурсы, взаимодействовать с публичной властью, развиваться и участвовать в решении местных задач. Муниципальная предпринимательская экосистема включает как минимум семь элементов.

Первый элемент - нормативно-программный. Он включает муниципальную программу развития МСП, положения о предоставлении имущественной и финансовой поддержки, административные регламенты, порядок взаимодействия с предпринимательскими объединениями, муниципальные правовые акты о размещении нестационарных торговых объектов, ярмарках, рекламных конструкциях, благоустройстве, муниципальных закупках и использовании имущества. Нормативная база должна быть не только законной, но и предсказуемой. Частые изменения схем размещения объектов, непрозрачные требования к внешнему виду вывесок, неопределенные сроки согласований и избыточные локальные запреты создают для малого бизнеса более значимые барьеры, чем отсутствие субсидий.

Второй элемент - земельно-имущественный. Для малого бизнеса доступ к помещению, земельному участку, торговому месту или производственной площадке часто является главным условием существования. Муниципалитет должен вести публичную карту свободного имущества, формировать перечни

объектов для МСП, обеспечивать понятный порядок льготной аренды, развивать практику краткосрочного использования пространств для ярмарок, фестивалей, сезонной торговли, мобильных услуг. В отношении сельских территорий особое значение приобретает доступ к объектам переработки, хранения, логистики и сбыта.

Третий элемент - бюджетно-финансовый. Муниципальный уровень редко располагает значительными средствами для прямой финансовой поддержки, однако он может софинансировать отдельные мероприятия, предоставлять гранты на социально значимые проекты, компенсировать часть затрат на участие в ярмарках, обучении, сертификации, цифровизации, а также обеспечивать предпринимателей информацией о федеральных и региональных инструментах поддержки. Федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» в составе национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» ориентирован на развитие финансовых инструментов, инфраструктурной поддержки и доступа МСП к закупкам в 2025-2030 гг. [9] Задача муниципалитета - не дублировать федеральные меры, а обеспечить их территориальную применимость.

Четвертый элемент - инфраструктурный. На муниципальном уровне инфраструктура поддержки может включать центры «Мой бизнес», муниципальные бизнес-инкубаторы, коворкинги, промышленные и агропромышленные площадки, консультационные пункты, проектные офисы, образовательные программы, центры компетенций для самозанятых. В малых городах и сельских муниципалитетах инфраструктура может иметь межмуниципальный характер, поскольку отдельному муниципалитету экономически сложно содержать полноценный институт поддержки. Межмуниципальное сотрудничество в этой сфере представляется недооцененным ресурсом.

Пятый элемент - закупочный. Муниципальные закупки способны выступать инструментом развития локального предпринимательства при условии соблюдения законодательства о контрактной системе и защите конкуренции. Правомерная цель состоит не в создании закрытого муниципального рынка для «своих» поставщиков, а в устранении искусственных барьеров: чрезмерного укрупнения лотов, завышенных требований к опыту, неоправданно сложной документации, несвоевременной оплаты. Для малых предприятий доступ к стабильному муниципальному спросу может стать фактором легализации и роста.

Шестой элемент - коммуникационный. Координационные и совещательные органы при администрации муниципального образования, общественные советы по предпринимательству, регулярные встречи с бизнесом, публичные обсуждения проектов муниципальных актов, цифровые каналы обратной связи позволяют выявлять реальные административные барьеры. При этом консультационные органы должны быть не декоративными, а процедурно значимыми: их заключения и предложения целесообразно включать в материалы оценки регулирующего воздействия муниципальных актов.

Седьмой элемент - аналитико-цифровой. Муниципалитету необходимы данные о количестве субъектов МСП, их отраслевой структуре, территориальном размещении, потребности в помещениях, участии в закупках, налоговой и социальной отдаче, проблемах подключения к инфраструктуре. Без таких данных программа развития МСП не может быть адресной. Цифровой профиль муниципальной предпринимательской среды должен включать инвестиционный паспорт, карту имущества, календарь закупок, реестр мер поддержки, сервис обратной связи, перечень типовых административных процедур и показатели их фактического прохождения.

Предложенная структура показывает, что муниципальная предпринимательская экосистема не сводится к финансовой поддержке. В условиях ограниченности местных бюджетов именно нефинансовые инструменты - предсказуемое регулирование, доступ к имуществу, закупки, информация, коммуникация и инфраструктура - могут иметь решающее значение.

4. Основные проблемы муниципальной организации малого и среднего предпринимательства

Несмотря на наличие федеральной правовой базы, муниципальная организация системы МСП сталкивается с рядом устойчивых проблем. Первая проблема - финансовая слабость муниципального уровня. Муниципальные программы развития предпринимательства нередко имеют минимальное финансирование и выполняют преимущественно информационную функцию. В результате поддержка бизнеса зависит от региональных центров, а органы местного самоуправления оказываются посредниками, не обладающими достаточными ресурсами для самостоятельной политики.

Вторая проблема - фрагментарность регулирования. Вопросы предпринимательства распределены между различными муниципальными актами: правилами благоустройства, положениями об аренде

имущества, схемами размещения нестационарных торговых объектов, муниципальными программами, административными регламентами, правилами землепользования и застройки. При отсутствии единой предпринимательской логики эти акты могут противоречить друг другу. Например, программа развития торговли может декларировать поддержку малых форм бизнеса, а правила благоустройства фактически ограничивать размещение вывесок, сезонных объектов и уличных сервисов.

Третья проблема - недостаточное использование муниципального имущества как инструмента развития. Свободные помещения часто остаются невостребованными из-за отсутствия понятной информации, неудовлетворительного технического состояния, сложных процедур передачи, завышенных требований к арендаторам или неопределенности перспектив долгосрочного использования. В результате муниципалитет одновременно несет расходы на содержание имущества и не получает экономического эффекта от его вовлечения в оборот.

Четвертая проблема - риск административной селективности. Меры поддержки малого бизнеса на местном уровне особенно чувствительны к рискам неформального предпочтения отдельных субъектов. Если порядок предоставления помещений, субсидий, торговых мест или информационной поддержки не является прозрачным, муниципальная поддержка превращается из инструмента развития конкуренции в источник локального патронажа. Поэтому развитие предпринимательства требует не ослабления правовых процедур, а их упрощения при одновременном повышении прозрачности.

Пятая проблема - слабая связь муниципальной политики МСП с бюджетным результатом. В большинстве случаев муниципальные программы оцениваются по количеству мероприятий, консультаций, участников семинаров или субъектов, получивших поддержку. Эти показатели имеют значение, но не раскрывают влияния предпринимательства на экономическую основу местного самоуправления. Необходимо оценивать прирост занятости, вовлечение муниципального имущества, рост неналоговых доходов, увеличение числа поставщиков в муниципальных закупках, развитие социально значимых услуг, снижение пустующих площадей и увеличение предпринимательской плотности территории.

Шестая проблема - недостаточная дифференциация муниципальных моделей. Малый промышленный город, туристическое поселение, сельский район, пригородная территория и крупный городской округ нуждаются в разных инструментах. Унифицированная программа поддержки МСП не учитывает местную специфику. В туристическом муниципалитете важны сервисы гостеприимства, общественное питание, сувенирное производство, навигация и событийная экономика. В сельской территории - кооперация, переработка, хранение, логистика, агротуризм. В промышленном городе - субконтрактация, производственные площадки, кадры и технологические сервисы.

Седьмая проблема - слабое участие предпринимателей в нормотворчестве. Муниципальные акты, влияющие на бизнес, нередко принимаются без реальной оценки их последствий. Между тем именно малые предприятия наиболее уязвимы к изменению локальных правил: перенос остановки, изменение схемы движения, запрет определенного вида вывесок, корректировка правил благоустройства или демонтаж нестационарных объектов могут существенно повлиять на экономику конкретного бизнеса.

5. Модель правовой организации системы МСП на муниципальном уровне

Для преодоления обозначенных проблем необходим переход к модели муниципальной предпринимательской экосистемы. Ее правовое оформление может включать несколько взаимосвязанных блоков.

Первый блок - муниципальная стратегия предпринимательского развития. В каждом муниципальном образовании целесообразно формировать не только программу поддержки МСП, но и раздел стратегии социально-экономического развития, посвященный предпринимательской специализации территории. В нем должны быть определены приоритетные ниши, пространственные зоны предпринимательской активности, потребность в инфраструктуре, кадровые ограничения, имущественные ресурсы, показатели бюджетной и социальной отдачи. Такой раздел должен быть связан с бюджетным прогнозом и муниципальными программами.

Второй блок - муниципальный стандарт предпринимательской среды. Представляется целесообразным разработать типовой стандарт, включающий минимальный набор обязательных элементов: публичный перечень муниципального имущества для МСП; цифровую карту предпринимательских площадок; порядок регулярного диалога с бизнесом; регламент рассмотрения обращений предпринимателей; перечень административных процедур с предельными сроками; механизм оценки регулирующего воздействия муниципальных актов; ежегодный доклад главы муниципального

образования о состоянии предпринимательства.

Третий блок - имущественный акселератор. Муниципалитет должен рассматривать свободное имущество не как остаточный актив, а как основу развития бизнеса. Для этого необходимы инвентаризация объектов, классификация по пригодности для предпринимательского использования, установление прозрачных ставок и условий аренды, возможность предоставления льгот при выполнении социально значимых обязательств, публичная отчетность о вовлечении имущества в оборот. При этом льготная аренда должна предоставляться не по усмотрению администрации, а на основании критериев, связанных с публичной пользой: создание рабочих мест, оказание дефицитных услуг, восстановление пустующих помещений, развитие социального предпринимательства.

Четвертый блок - закупочная открытость. Муниципальные заказчики должны планировать закупки так, чтобы малые предприятия могли реально участвовать в них. Для этого необходимо публиковать понятный календарь закупок, проводить предварительные консультации с рынком без нарушения конкурентных процедур, избегать неоправданного укрупнения лотов, использовать типовые контракты, обеспечивать своевременную оплату. Муниципальная закупочная политика должна быть встроена в развитие локального рынка, но не должна превращаться в протекционизм.

Пятый блок - регуляторная гигиена. Перед принятием муниципальных актов, влияющих на предпринимательство, необходимо оценивать их воздействие на малый бизнес. Особенно это касается правил благоустройства, торговли, размещения объектов, землепользования, наружной информации, транспортных ограничений. Предлагается закрепить на уровне муниципальных правовых актов правило: проект акта, затрагивающий условия предпринимательской деятельности, подлежит публичному обсуждению с предпринимательским сообществом и сопровождается кратким заключением о возможных издержках для субъектов МСП.

Шестой блок - межмуниципальная кооперация. Не каждый муниципалитет способен создать собственный бизнес-инкубатор, центр компетенций или промышленную площадку. Однако несколько муниципальных образований могут совместно формировать инфраструктуру поддержки, развивать межмуниципальные ярмарки, туристические маршруты, логистические центры, образовательные программы. Межмуниципальная предпринимательская инфраструктура особенно значима для сельских и малонаселенных территорий.

Седьмой блок - система показателей. Муниципальная политика МСП должна оцениваться по результатам, связанным с экономической основой местного самоуправления. К таким показателям можно отнести: число субъектов МСП на 1000 жителей; долю муниципального имущества, вовлеченного в предпринимательский оборот; объем арендных поступлений от субъектов МСП; количество рабочих мест в малом бизнесе; долю МСП в муниципальных закупках; число социальных предприятий и предпринимателей, оказывающих услуги населению; количество пустующих коммерческих помещений; динамику обращений бизнеса; средний срок прохождения ключевых муниципальных процедур.

Восьмой блок - правовое закрепление предпринимательского диалога. Координационные советы при органах местного самоуправления должны получить устойчивый процедурный статус. Их деятельность должна включать рассмотрение проектов актов, ежегодного доклада о состоянии МСП, перечня муниципального имущества, программы закупок, проектов правил благоустройства и схем размещения объектов торговли. Это позволит превратить диалог с предпринимателями из факультативной практики в элемент муниципального правотворчества.

6. Предложения по совершенствованию законодательства и муниципальной практики

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений de lege ferenda и организационно-правовых рекомендаций.

Во-первых, в Федеральном законе № 209-ФЗ целесообразно конкретизировать требования к муниципальным программам развития МСП. Закон уже закрепляет соответствующие полномочия органов местного самоуправления, однако не устанавливает минимального содержания таких программ. Представляется возможным предусмотреть, что муниципальная программа должна включать анализ предпринимательской структуры территории, перечень имущественных ресурсов, показатели участия МСП в закупках, меры по снижению административных барьеров, механизм участия предпринимательских объединений и оценку влияния программы на местный бюджет.

Во-вторых, следует развивать федеральные и региональные методические рекомендации по муниципальному стандарту поддержки МСП. Унификация не должна подавлять местную специфику, но минимальные требования к прозрачности имущества, публичности процедур, обратной связи и оценке эффективности должны быть общими.

В-третьих, субъектам Российской

Федерации целесообразно использовать межбюджетные стимулы для муниципалитетов, развивающих предпринимательскую базу. Речь может идти о грантах за прирост субъектов МСП, вовлечение муниципального имущества в оборот, развитие социальных услуг, увеличение числа поставщиков-МСП в закупках. Такой подход позволит связать муниципальную активность в сфере предпринимательства с реальными бюджетными интересами.

В-четвертых, необходимо расширить практику муниципальной оценки регулирующего воздействия. При этом ее следует сделать компактной и адаптированной к возможностям местного уровня. Для малого муниципалитета достаточно короткой формы оценки: какие субъекты затрагиваются, какие издержки возникают, есть ли менее обременительная альтернатива, обсуждался ли проект с предпринимателями.

В-пятых, следует нормативно закреплять цифровую прозрачность муниципальной предпринимательской среды. На официальном сайте муниципального образования или региональном портале должны размещаться: перечень имущества для МСП, схема размещения нестационарных объектов, календарь ярмарок, закупочный план, контакты ответственных лиц, перечень мер поддержки, порядок подачи обращения, статистика рассмотрения заявок.

В-шестых, муниципальная имущественная поддержка должна быть увязана с публичными обязательствами получателя. Льготная аренда или предоставление помещения могут быть обусловлены созданием рабочих мест, сохранением социально значимой услуги, ремонтом помещения, участием в благоустройстве, оказанием услуг льготным категориям граждан. Такая конструкция позволяет совместить поддержку бизнеса с решением вопросов местного значения.

В-седьмых, необходимо развивать правовые формы участия самозанятых граждан в муниципальной экономике. Самозанятые часто являются начальной стадией предпринимательства, особенно в сфере бытовых, образовательных, культурных, ремесленных и туристических услуг. Муниципальные ярмарки, креативные пространства, событийные мероприятия и сервисы местных производителей могут стать механизмом перехода от индивидуальной занятости к устойчивому малому бизнесу.

В-восьмых, в муниципальной практике следует отказаться от оценки поддержки МСП исключительно по числу мероприятий. Методологически более корректно оценивать влияние муниципальных решений на предпринимательскую плотность, занятость, доступность услуг, использование имущества и доходный потенциал местного бюджета. Это позволит сделать поддержку МСП не отчетной, а развивающей функцией муниципального управления.

Заключение

Организация системы малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне является не вспомогательным, а стратегическим направлением укрепления экономических основ местного самоуправления. Экономическая основа муниципального образования не может пониматься только как совокупность имущества и бюджета. В современных условиях она включает способность территории создавать устойчивую предпринимательскую активность, обеспечивать занятость, развивать локальные рынки, вовлекать муниципальные ресурсы в оборот и формировать доходный потенциал местного бюджета.

Малый и средний бизнес выступает динамическим элементом муниципальной экономики. Он связывает население, местные ресурсы, публичные услуги, муниципальное имущество и бюджетные интересы в единую систему. Однако этот эффект возникает не автоматически. Он требует правовой организации: муниципальных программ, прозрачной имущественной политики, доступной инфраструктуры, закупочной открытости, регуляторной предсказуемости, цифровой информации и институционального диалога с предпринимателями.

В условиях реформирования законодательства о местном самоуправлении и перехода к регулированию в рамках единой системы публичной власти развитие муниципальной предпринимательской экосистемы приобретает особое значение. Оно позволяет сохранить местное самоуправление как пространство инициативы населения, а не только как нижний уровень публичной администрации. Именно предпринимательская активность способна наполнить экономическую основу местного самоуправления реальным содержанием.

Наиболее перспективной представляется модель, при которой муниципалитет не просто «поддерживает» отдельных предпринимателей, а организует среду для их устойчивого развития. Такая модель должна включать стратегическую специализацию территории, публичный имущественный контур, закупочные возможности, цифровые сервисы, регуляторную гигиену, межмуниципальную инфраструктуру и показатели бюджетно-социальной отдачи. В результате малое

и среднее предпринимательство становится не только объектом публичной поддержки, но и полноценным фактором муниципальной самостоятельности, экономической устойчивости и повышения качества жизни населения.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

[2] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1455.

[3] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы. // Федеральная налоговая служба. URL: https://rmsp.nalog.ru/ (дата обращения: 03.06.2026).

[4] Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1993. — № 44. — Ст. 12, 130-133.

[6] Шугрина Е.С. Экономическая основа местного самоуправления: правовой анализ // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 3. С. 89-109.

[7] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3823. — Гл. 9.

[8] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — Ст. 15.

[9] Министерство экономического развития Российской Федерации. Федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/ (дата обращения: 03.06.2026).

References:

[1] Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ “On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. No. 40. Article 3822.

[2] Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ “On the General Principles of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 12. Article 1455.

[3] Unified Register of Small and Medium-Sized Business Entities of the Federal Tax Service. // Federal Tax Service. URL: https://rmsp.nalog.ru/ (accessed: 03.06.2026).

[4] Federal Law of July 24, 2007 No. 209-FZ “On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Article 4006.

[5] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1993. - No. 44. - Articles 12, 130-133.

[6] Shugrina E.S. Economic Basis of Local Self-Government: Legal Analysis // Law Enforcement. 2018. Vol. 2. No. 3. Pp. 89-109.

[7] Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on June 2, 2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1998. — No. 31. — Art. 3823. — Chapter 9.

[8] Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — Art. 15.

[9] Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Federal Project “Small and Medium-Sized Entrepreneurship and Support for Individual Entrepreneurial Initiatives” // Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. URL: https://www.economy.gov.ru/ (accessed: June 3, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-132-138

ТРОЯН Василий Иванович,

Студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: vacatroyn@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос государственного регулирования финансового рынка. Приводятся основные точки зрения относительно сущности финансового рынка. Рассматриваются финансово-правовые аспекты и цели государственного регулирования финансового рынка как в России, так и в зарубежных странах. Анализируются основные модели государственного регулирования, применяемые в других странах, приводятся из преимущества и недостатки. Рассматривается роль Банка России как мегарегулятора финансового рынка.*

Ключевые слова: *финансовый рынок, государственное регулирование финансового рынка, цели регулирования финансового рынка, Банк России, финансовое право, государственное регулирование финансового рынка в зарубежных странах, модели регулирования.*

TROYAN Vasily Ivanovich,

student O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

STATE REGULATION OF THE FINANCIAL MARKET: ESSENCE AND KEY MODELS

Annotation. *The article examines the issue of state regulation of the financial market. It presents the main viewpoints regarding the essence of the financial market. The financial and legal aspects and objectives of state regulation of the financial market are discussed, both in Russia and in foreign countries. The article analyzes the primary models of state regulation used in other countries, highlighting their advantages and disadvantages. The role of the Bank of Russia as the mega-regulator of the financial market is also considered*.

Key words: *financial market, state regulation of the financial market, objectives of financial market regulation, Bank of Russia, financial law, state regulation of the financial market in foreign countries, regulatory models.*

Для понимания сущности и особенностей государственного регулирования финансовых рынков необходимо прежде всего разобраться с пониманием финансового рынка. Данный термин часто встречается в СМИ, научных статьях и публикациях, его часто используют различные спикеры при обсуждении экономического положения в стране и т.д. Однако, несмотря на то что термин используется часто, в законе отсутствует дефиниция данного термина, такое положение неслучайно, так при характеристики финансового рынка многое берется из экономической теории. Так, одними из первых, кто использовал термин «финансовый рынок» в современном понимании, были два американских экономиста Джеймса Тобина и Уильяма К. Брейнарда в своей статье «Финансовые посредники и эффективность денежно-кредитной политики» [1]. Тогда этот термин был использован как синоним к термину «рынок капитала», позднее термин стал восприниматься более широко. Поэтому закрепить в законе такое понятие не представляется возможным, да и, пожалуй, в этом нет необходимости. В доктрине также не сложилось единого понимания финансового рынка, поэтому можно привести несколько наиболее часто встречающихся позиций относительно того, что же включает понятие финансового рынка.

Так, с точки зрения функционального подхода финансовый рынок представляет собой место, на котором происходит перераспределение финансового капитала между экономическими агентами с целью удовлетворения их потребности

в нем. Такое понимание финансового рынка взято из экономической теории, вышеупомянутые экономисты Джеймс Тобин и Уильям К. Брейнард во многом понимали финансовый рынок в данном аспекте. Существует другой подход – институциональный, который рассматривает финансовый рынок через совокупность таких организаций, как: банки, инвестиционные фонды, страховые организации и т.д. (финансовых посредников), которые участвуют в процессе купли-продажи финансовых активов. Такой подход характерен для американского экономиста Дугласа Норта [2]. Другие авторы рассматривают финансовый рынок через рынок обращения определенных финансовых продуктов или инструментов (кредита, ценных бумаг и т.д.) – такой подход получил название продуктовый подход. Такой подход встречается в зарубежном законодательстве, так в директиве N 2004/39/ ЕС [14] Европейского парламента и Совета Европейского Союза содержится понятие, как «интегрированный финансовый рынок». В вышеуказанной директиве под интегрированным финансовым рынком понимается такой рынок, где происходит обращение определённых финансовых инструментов и продуктов, таких как: иностранная волюта, паи и переводные ценные бумаги.

Однако на мой взгляд интересной является иная точка зрения, дугой подход, рассматривающий финансовый рынок как систему, как комплексное образование. Такой подход встречается в работах Гурнова Алексея Геннадьевича, таким образом финансовый рынок рассматривается как: «Финансовый рынок — это совокупность экономико-правовых отношений, возникающих между различными субъектами, которые используют денежные средства в качестве средства накопления, платежа, кредита (займа), а также совершают сделки с ценными бумагами, производными и иными финансовыми инструментами, предоставляют (получают) финансовые услуги» [3]. Отдельно отмечается, что элементами финансового рынка являются отношения по предоставлению услуг инфраструктуры финансового рынка, позволяющего обеспечить оборот финансовых инструментов (переводы денежных средств, ценных бумаг и проч.). Такой же позиции придерживаются Кроливецкая В.Э., Солдатенкова И.В., в своей работе они отмечают следующее: «…в то же время полное представление о финансовом рынке может дать только подход, подразумевающий комплексное рассмотрение финансового рынка как единого целого. В связи с этим мы рассматриваем сущность финансового рынка с позиции системного подхода» [4]. Считаю такую позицию наиболее обоснованной.

Таким образом, рассмотрев значение термина «финансовой рынок» необходимо прейти к рассмотрению вопроса о том, что же понимается под термином «государственное регулирование». Гузнов А.Г. отмечает, что и регулирование, и контроль, и надзор являются формами управленческой деятельности [3]. Если переходить к термину управление, то в доктрине, несмотря на различные определения, есть общее понимание в данного термина, так Россинский Б.В. и Старилов Ю.Н. приводят следующие классическое определение данного термина: «управление – целенаправленный и постоянный процесс воздействия субъекта правления на объект управления», «целенаправленное воздействия субъекта управления на объект управления в целях создания эффективно функционирующей системы на основе информационных связей и отношений [5]». Государственному управлению присущи также следующие признаки: - властность; - всеобщность; - системность; - иерархичность организации управления; - осуществление профессионально подготовленными кадрами; - реализация через систему государственных органов; - построение на основе определенных принципов.

Возвращаясь к регулированию необходимо отметить, что регулирование представляет сложный процесс, в котором задействованы многие механизмы, субъекты. Регулирование — это масштабный и комплексный процесс, который предполагает также и упорядочивание процесса управления. Очевидно, что регулирование не может происходить спонтанно, при регулировании субъект управления опирается на определенные принципы, задачи, цели и методы. Именно в задачах и целях наиболее полно видна специфика регулирования определённой сферы.

Говоря о целях и задачах государственного регулирования финансового рынка, необходимо помнить, что финансовый рынок состоит из множества разнообразных правоотношений, разных субъектов и т.д. Рынок состоит из множества сегментов, поэтому необходимо выделять общие характерные для всего финансового рынка и специальные цели, которые присутствуют в отдельных его сегментах.

Так, если приводить общие цели регулирования, то необходимо начать с Конституции Российской Федерации. В п. 2 ст. 75 закреплено, что защита и обеспечение устойчивости рубля - основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти. Можно сказать, что это первая конституционная цель-

принцип регулирования финансового рынка. К общим целям регулирования финансового рынка можно также отнести те цели, которые закреплены в законе как цели деятельности Банка России, однако на мой взгляд, ввиду специфики места Центрального банка в системе органов, наделенных государственной властью, их необходимо рассматривать также как и цели регулирования финансового рынка. Так, в ст. 3 ФЗ от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», закреплены следующие цели: - защита и обеспечение устойчивости рубля; - развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; - обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы; - развитие финансового рынка Российской Федерации; - обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации. Необходимо также отметить те цели, которые Центральный Банк выделяет как основные цели регулирования финансового рынка. Банк России [15] совместно с Правительством Российской Федерации осуществляет разработку и реализацию государственной политики по развитию финансового рынка. На своем официальном сайте периодически публикует обзоры изменений, а также концепции по проведению политики, в том числе основные направления развития финансового рынка Российской Федерации 2026 год и период 2027 и 2028 годов, так в указанном документе Банк России выделяет следующие цели:

Развитие современного финансового рынка для удовлетворения потребностей российской экономики в инвестициях для структурной трансформации и эффективных платежных механизмах.

Укрепление доверия потребителя и инвестора к финансовому рынку через усиление его защищенности, повышение финансовой грамотности и расширение доступности финансовых услуг для граждан и бизнеса, удовлетворение их потребностей в финансовых услугах.

Обеспечение финансовой стабильности – бесперебойного функционирования финансового рынка, в том числе в условиях стресса, без негативных последствий для будущего устойчивого роста экономики.

В зарубежных странах также выделяются схожие цели регулирования. К примеру, в США нет единого документа, который бы фиксировал все цели, однако, если проанализировать цели деятельности органов, которые осуществляют регулирования финансового рынка, можно выделить следующие. На официальном сайте Комиссии по ценным бумагам и биржам США (Securities and Exchange Commission (SEC)) [8] заявлены следующие цели: - Защита инвесторов; - Предотвращение неправомерных действия на финансовом рынке; - Обеспечение раскрытия информации; - Содействие формированию капитала и развитие финансового рынка США. На официальном сайте Комиссии по торговле товарными фьючерсами (Commodity Futures Trading Commission (CFTC)) [9] основной целью указано: содействии целостности, устойчивости и динамичному развитию рынков производных финансовых инструментов США посредством надлежащего регулирования. На официальном сайте Федеральной резервной системы США (Federal Reserve System) [10] указано следующее: - разработка эффективной денежно-кредитной политики; - содействие стабильности финансовой системы США. Таким образом, можно говорить о том, что в зарубежных странах существует схожее понимание целей деятельности государства при регулировании финансового рынка.

Специальные цели регулирования во многом объясняются спецификой того или иного сегмента финансового рынка. При характеристике целей банковского регулирования необходимо обратиться к ст. 56 ФЗ от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [16], в которой отмечается, что главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации и защита интересов вкладчиков и кредиторов.

Государственное регулирование фондового рынка имеет свою специфику, поэтому обладает немного иными целями. Так, Гузнов А.Г. [3] в своей работе выделяет следующие цели деятельности: «- создание благоприятного инвестиционного климата, позволяющего инвесторам смелее принимать решения об инвестициях в рынок ценных бумаг российских эмитентов; - защита прав инвесторов и, особенно, миноритарных акционеров; - создание эффективной инфраструктуры рынка ценных бумаг, включая платежную систему рынка ценных бумаг, институты организованной торговли, иные инфраструктурные институты».

Цели регулирования страховой деятельности были закреплены распоряжением Правительства РФ от 22.07.2013 N 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года». Вышеуказанное распоряжение правительства до сих пор не утратило силу, а цели деятельности не утратили своей актуальности. Отмечается, что основной целью настоящей Стратегии является комплексное содействие

развитию страховой отрасли, в частности превращению ее в стратегически значимый сектор экономики России, обеспечивающий: - повышение экономической стабильности общества; - повышение социальной защищенности граждан и снижение социальной напряженности в обществе путем проведения эффективной страховой защиты имущественных интересов граждан и хозяйствующих субъектов; - привлечение инвестиционных ресурсов в экономику страны.

Таким образом, можно дифференцировать цели государственного регулирования на общие и специальные.

Рассматривая вопрос государственного регулирования финансовых рынков, невозможно не отметить, что в разных странах существуют различные подходы к данной проблеме. Некоторые страны создают один орган, на который возлагаются все полномочия по контролю и надзору за финансовым рынком, другие предпочитают поощрять саморегулирования в отдельных сегментах финансового рынка, устанавливая лишь минимальные требования законодательно. В доктрине также встречаются различные мнения по этому поводу, однако, большинством признается подход к классификации типов регулирования финансового рынка, обозначенный в Докладе Group 30 (G30) за 2008 год [13]. Согласно этому подходу, выделяются следующие виды: - Институциональный подход; - Функциональный подход; - Комплексный подход; - Подход по модели «Twin Peaks». Подробнее рассмотрим каждый из этих подходов.

Институциональный подход

Институциональный подход является одной из классических форм надзора и регулирования финансового рынка. Исторически это первый вид регулирования финансового рынка. При данном подходе создаются множество разных государственных органов, которые регулируют деятельность определённых субъектов финансового рынка, при данном подходе поднадзорность определяется в большей степени юридическим статусом компании (его лицензий, основным видом деятельности). При данном типе регулирования характерны ограничения по совершаемым операциям на финансовом рынке для разных субъектов (например банкам нельзя заниматься страховой деятельностью). В чистом виде институциональный подход почти не встречается, чаще можно встреть смешанный институционально-функциональный подход (часто можно встретить название секторальная модель регулирования), причиной тому развитие финансового рынка, при котором один и тот же субъект неизбежно будет заниматься деятельностью сразу в нескольких сегментах финансового рынка. До недавнего времени примером страны с секторальной моделью регулирования был Китай [12]. Однако, после проведенной реформы в 2017 году и созданием Комитета по финансовой стабильности и развитию при Государственном совете, модель регулирования КНР стала напоминать подход по модели «Twin Peaks».

Функциональный подход

Данный подход встречается относительно часто. Суть функционального подхода заключается в создании множества различных органов, каждый из которых будет фокусироваться на «своем» сегменте финансового рынка. Поднадзорность определяется именно совершаемыми операциями, а не юридическим статусом или лицензией (как в случае с институциональным подходом). Можно выделить следующие плюсы данной модели, такой подход ориентирован на компании, зачастую такой подход подразумевает создание саморегулируемых организаций на рынке. К плюсам также можно отнести, что органы концентрируют свое внимание на определённом сегменте, что позволяет быстро принимать определенные решения. Также сосредоточив свое внимание только на определенном сегменте государственный орган способен решать сложные проблемы наиболее эффективно [6]. Однако такой подход не лишен недостатков, к таковым можно отнести следующие: нередко компании действуют сразу в нескольких сегментах финансового рынка (например, банки могут заключать сделки с ценными бумагами и играть на бирже), а поэтому приходится изучать требования сразу от нескольких регуляторов, нередки случаи, когда два органа пытаются применить к одному и тому же субъекту на рынке свои нормативы (проблема регулятивного арбитража). Также точечный контроль не позволяет объективно посмотреть на финансовый рынок целиком, что играет негативную роль при финансовом кризисе. Примером страны с подобным подход регулирования является США [11], так функции по регулированию финансового рынка в США осуществляют такие органы как Комиссия по ценным бумагам и биржам США (Securities and Exchange Commission (SEC)); Комиссия по торговле товарными фьючерсами (Commodity Futures Trading Commission (CFTC)); Федеральная резервная система США (Federal Reserve System); Департаменты по регулированию страховой деятельности штатов; и т.д.

Подход по модели «Twin Peaks»

Данный подход был предложен экономистом Михаэлем В. Тайлером [7]. Построение государственного регулирования по казанной модели предполагает создание двух сильных органов с возложением на них

соответствующих полномочий. Полномочия разделяются по следующему принципу: на один орган возлагаются полномочия по обеспечению стабильности функционирования финансового рынка, установлению обязательных нормативов и осуществлению пруденцильного надзора, на другой орган возлагаются полномочия по защите прав потребителей на финансовом рынке. Отсюда и название (Twin Peaks — две вершины).

Можно выделить следующие преимущества данного подхода, так при наличии всего двух органов получится максимально эффективно реализовать цели регулирования финансового рынка. В данной модели отсутствует вероятность концентрации всей полноты власти на финансовом рынке в «одних руках». Исключаются также ситуации, когда регулирующий орган будет уделять большее внимание одному сегменту финансового рынка, считая его наиболее перспективным.

Однако у данного подхода существуют и недостатки, так, например, при недостаточной определенности полномочий, может произойти ситуация, когда оба органа будут пытаться переложить ответственность друг на друга. Также есть риск, что определённая часть рынка останется в «серой» зоне и будет лишена надзора. Примером стран с подобным подходом могут служить Австралия и Нидерланды [13]. В пример можно также привести Россию до 2013 года, когда регулирование было распределено между Центральным банком и ФСФР.

Австралийское управление пруденциального регулирования (APRA) регулирует финансовые учреждения, такие как: банки и микрофинансовые организации, страховые компании и крупные пенсионные фонды. Оно является независимо от центрального банка и представляет собой пруденциального регулятора, деятельность которого сосредоточена на обеспечении финансовой безопасности и устойчивости контролируемых им организаций. Другим регулятором выступает центральный банк страны - Резервный банк Австралии (RBA). В цели деятельности банка входят способствовать стабильности финансовой системы в Австралии, устанавливать процентную ставу и т.д.

В Нидерландах полномочия по регулированию финансового рынка распределены между Управлением по финансовым рынкам Нидерландов (AFM) и Центральным банком Нидерландов Нидерландах (DNB)

Комплексный подход (Интегрированная модель)

В рамках этой модели предусматривается создание единого универсального регулирующего органа, который осуществляет как пруденциальный надзор, так и регулирование деятельности во всех секторах финансового рынка. За последнее десятилетие эта модель приобретает все большую популярность. По сути, речь идет о создании мегарегулятора. Это может быть государственный орган (служба, министерство, комиссия) может быть центральный банк необходим смотреть на полномочия и функцию регулятора. У подобной модели есть свои плюсы и минусы. К плюсам подобной модели можно отнести следующие: при наличии мегарегулятора формируется единство в понимании развития экономики государства и финансового рынка в целом. Очевидным является тот факт, что сегментарный раздробленный надзор не всегда бывает эффективным, рассогласованность в действиях различных органов приводит к негативным последствиям. Единая информационная система позволяет спрогнозировать начинающийся кризис, а если финансовый кризис уже наступил, то наличие регулятора позволяет экономике быстрее восстанавливаться за счет решительных действий под единым руководством. Так как зачастую мегарегулятором становится центральный банк, во время кризиса он может реализовать определенные меры поддержки системно значимым субъектам (например, крупным банкам).

Можно выделить также и некоторые недостатки подобного подхода. Финансовый рынок представляет собой сложную структуру поэтому мегарегулятор должен учитывать особенности каждого сегмента и выбирать наилучшие решения для каждого из них, что бывает проблематично сделать одному органу.

При подобной модели также необходимо продумать систему сдержек и противовесов, чтобы не допустить принятия регулирующим органом произвольных решений, необходимо выработать механизм контроля за подобным органом. Также необходимо избегать ситуации «конфликта интересов» (например, центральный банк как мегарегулятор контролирует деятельность остальных субъектов на рынке, хотя и сам может являться активным участником финансового рынка).

Минусом также является огромный бюрократический аппарат мегарегулятора и, как следствие, медлительность в принятии решения.

Примером стран, в которых реализуется указанный подход являются Германия, Великобритания, Российская Федерация

Список литературы:

[1] James Tobin, William C. Brainard. Financial Intermediaries and the Effectiveness of Monetary Policy // Reprinted from The American Economic Review, Vol. LIII, No.2 (May 1963), pp. 383-400

[2] Норт Дуглас: Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Часть III. Функционирование экономики. Глава 12. Институты, экономическая теория и функционирование экономики

[3] Гузнов А.Г.: «Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации»; докторская диссертация, 2016 год

[4] Кроливецкая В.Э., Солдатенкова И.В. Учебное пособие по курсу «Финансовые рынки и институты»; «Регулирование финансового рынка в России» для бакалавров профиля «Финансы и кредит» всех форм обучения, 2020 год.

[5] Россинский Б.В. Старилов Ю.Н. Административное право учебник, 6 – издание, НОРМА, Москва 2020. С.23-24..

[6] Tina Oreški, Anita Pavković. Global trends in financial sector supervisory architectures. Recent Advances in Financial Planning and Product Development. 2014. Pp 58.

[7] Michael W. Taylor. «Twin Peaks»: A regulatory structure for the new century. No. 20. Centre for the Study of Financial Innovation. 1995

[8] Электронный ресурс официальный сайт Комиссии по ценным бумагам и биржам США https://www.sec.gov/about (дата обращения 05.06.2026 год)

[9] Электронный ресурс официальный сайт Комиссии по торговле товарными фьючерсами США https://www.cftc.gov/About/AboutTheCommission (дата обращения 05.06.2026 год)

[10] Электронный ресурс официальный сайт Федеральной резервной системы США https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/fedexplained/who-we-are.htm (дата обращения 05.06.2026 год)

[11] Congressional Research Service (CRS); Who Regulates Whom? An Overview of the U.S. Financial Regulatory Framework; Publication Date: 10/13/2023. https://www.congress.gov/crs-product/R44918

[12] China establishes financial stability and development committee. Xinhua. November 9. 2017. // The state council of The People's Republic of China

[13] G30 Report, 2008. The structure of financial supervision: Approaches and challenges in a Global Marketplace. Group of Thirty, Washington D.C. 6 October 2008.

[14] Директива N 2004/39/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О рынках финансовых инструментов и внесении изменений в Директивы 85/611/ЕЭС Совета ЕС, 93/6/ЕЭС, Директиву 2000/12/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС, а также об отмене Директивы 93/22/ЕЭС Совета ЕС» [рус., англ.] (Вместе со «Списком услуг, деятельности и финансовых инструментов», «Профессиональными клиентами...») (Принята в г. Страсбурге 21.04.2004) (с изм. и доп. от 11.03.2008), https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=51102#1aqw79VDBPoAOxo3 (дата обращения 05.06.2026 год)

[15] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации 2026 год и период 2027 и 2028 годов https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения 05.06.2026 год)

[16] "Парламентская газета", N 131-132, 13.07.2002

References:

[1] James Tobin, William C. Brainard. Financial Intermediaries and the Effectiveness of Monetary Policy // Reprinted from The American Economic Review, Vol. LIII, No.2 (May 1963), pp. 383-400

[2] North Douglas: Institutions, Institutional Change, and the Functioning of the Economy. Part III. Functioning of the economy. Chapter 12. Institutions, economic theory and functioning of the economy

[3] A.G. Guznov: "Financial and legal regulation of the financial market in the Russian Federation"; doctoral dissertation, 2016

[4] Krolivetskaya V.E., Soldatenkova I.V. Tutorial on the course "Financial Markets and Institutions"; "Regulation of the financial market in Russia" for bachelors of the profile "Finance and Credit" of all forms of training, 2020.

[5] Rossinsky B.V. Starilov Yu.N. Administrative law textbook, 6 - edition, NORMA, Moscow 2020. S.23-24..

[6] Tina Oreški, Anita Pavković. Global trends in financial sector supervisory architectures. Recent Advances in Financial Planning and Product Development. 2014. Pp 58.

[7] Michael W. Taylor. «Twin Peaks»: A regulatory structure for the new century. No. 20. Centre for the Study of Financial Innovation. 1995

[8] Electronic resource official website of the US Securities and Exchange Commission https://www.sec.gov/about (circulation date 05.06.2026 year)

[9] Online official website of the U.S. Commodity Futures Trading Commission https://www.cftc.gov/About/AboutTheCommission (accessed 05.06.2026 year)

[10] Electronic resource official website of the US Federal Reserve https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/fedexplained/who-we-are.htm (circulation date 05.06.2026 year)

[11] Congressional Research Service (CRS); Who Regulates Whom? An Overview of the U.S. Financial Regulatory Framework; Publication Date: 10/13/2023. https://www.congress.gov/crs-product/

R44918

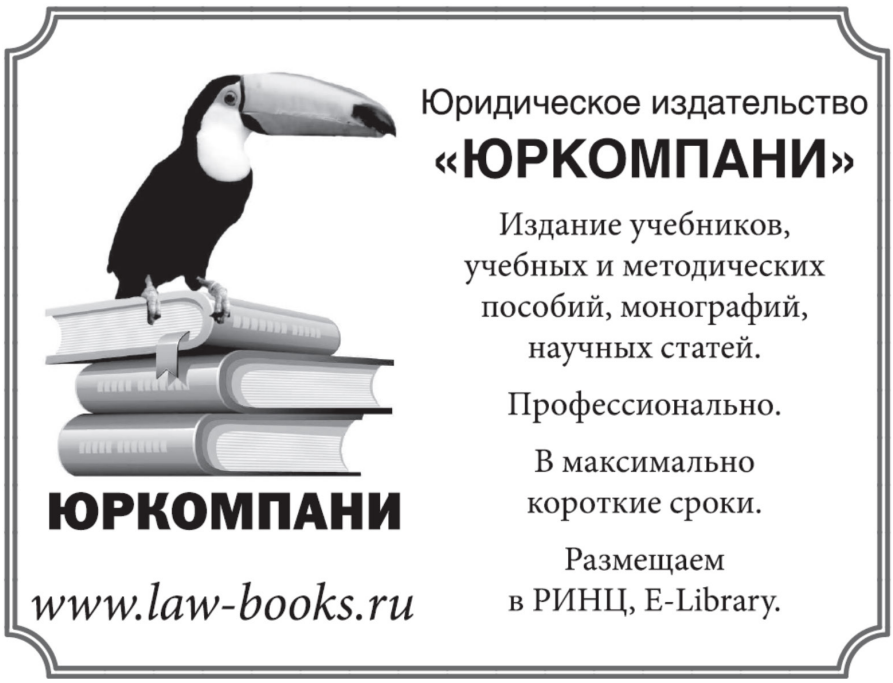
[12] China establishes financial stability and development committee. Xinhua. November 9. 2017. // The state council of The People's Republic of China

[13] G30 Report, 2008. The structure of financial supervision: Approaches and challenges in a Global Marketplace. Group of Thirty, Washington D.C. 6 October 2008.

[14] Directive No. 2004/39/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union "On markets of financial instruments and amendments to Directives 85/611/EEC of the EU Council, 93/6/YeES, Directive 2000/12/EC of the European Parliament and of the EU Council, as well as on the abolition of Directive 93/22/EEC of the EU Council" [Russian, English] (Together with the "List of Services, Activities and Financial Instruments," "Professional Clients...") (Adopted in Strasbourg 21.04.2004) (rev. and additional dated 11.03.2008), (date of circulation 05.06.2026 year)

[15] Main directions of development of the financial market of the Russian Federation 2026 and period 2027 and 2028 https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (circulation date 05.06.2026 year)

[16] «Parlamentskaya Gazeta,» N 131-132, 13.07.2002

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-139-141
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЛИПСКАЯ Екатерина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,

e-mail: e.lipskaya@mail.szfrgup.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье обозначены проблемы интерпретации принципов правового регулирования в деятельности органов публичной власти в условиях цифровой трансформации. Обозначены риски, возникающие при использовании современных технологических решений в процессе администрирования, а также перспективные направления, связанные с внедрением технологий в публично-правовую сферу. Отдельное внимание уделено пробелам в отечественном законодательстве и должному обеспечению прав и свобод граждан при взаимодействии с искусственным интеллектом.*

Ключевые слова: *принципы правового регулирования, искусственный интеллект, органы публичной власти, цифровизация.*

LIPSKAYA Ekaterina Yuryevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines North-West Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES AT THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation. *This article addresses the issue of interpreting the principles of legal regulation in the activities of public authorities in the context of digital transformation. It outlines the risks arising from the use of modern technological solutions in administrative processes, as well as promising areas related to the implementation of technology in the public legal sphere. Special attention is given to gaps in domestic legislation and the proper protection of citizens' rights and freedoms when interacting with artificial intelligence.*

Key words: *principles of legal regulation, artificial intelligence, public authorities, digitalization.*

Современные технологии искусственного интеллекта ускоренно преобразуют сферу государственного управления. Поступательная цифровизация действующей системы правоотношений в области принятия управленческих решений публичной властью требует пристального внимания и анализа, поскольку актуализируются проблемы структурирования происходящих процессов, выработки методов своевременного реагирования на возможную «рассинхронизацию» классических и инновационных механизмов администрирования. В особенности, если идет речь о нарушении прав и свобод человека, или о создании условий, приводящих к таким нарушениям. Поэтому интепретация принципов правового регулирования в деятельности органов публичной власти должна соответствовать новым подходам и правовым моделям.

В статье хотелось бы обозначить те аспекты влияния цифровизации на указанные принципы, которые особенно актуальны сегодня, и предваряют смыслы, с которыми еще предстоит взаимодействовать - как юристам-практикам и научному сообществу, так и представителям

органов публичной власти. Ведь изучение правовой природы и эволюции цифровых алгоритмов будет тем более эффективным, чем больше деталей их проявленности в социуме будет зафиксировано и изучено «алгоритмично».

С точки зрения внедрения технологий в публично-правовое пространство следует выделить несколько областей исследования: во-первых, комплементарность цифрового решения актуальным задачам государственного управления, без «слепого следования тенденциям»; во-вторых, наличие детально проработанного технического задания; в-третьих, фокусирование внимания на комплексных решениях и на прогнозировании последствий их использования; в-четвертых, разработка, в том числе, в случае недостаточности правовой регламентации, инструкций; в-пятых, на этапе внедрения особенно важно проведение социологических опросов, разработка отдельных проектов, посвященных выявлению уровня доверия населения к качеству оказываемых услуг с применением технологий искусственного интеллекта, максимальная вовлеченность всех структур органов публичной власти в разработку проектов нормативных правовых актов, выработка критериев анализа запросов граждан и выработка тактики обоснования принимаемых с помощью искусственного интеллекта решений, постоянная последовательная реализация принципов открытости в деятельности публичной власти..

Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3] Правительству поручено обеспечить интеграцию технологий в совремненные общественные отношения. На сегодняшний день завершено публичное обсуждение проекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [4], поступило достаточно много замечаний и комментариев. Теперь в поле зрения общественности Законопроект № 1271570-8. Субъектом права законодательной инициативы выступило Правительство, плановая дата рассмотрения Государственной Думой назначена на 07.07.2026 г. [5]

Включение в юридический оборот понятия «технологический суверенитет» позволяет по-новому взглянуть на реализацию принципов открытости. Данное понятие тесно связано с понимание термина «суверенная модель», то есть большая фундаментальная модель (далее - БФМ), разработчиком которой является отечественное юридическое лицо, с учетом существенных характеристик, сформулированных Правительством. Все материалы разрабатываются и хранятся в Российской Федерации, при этом система будет оповещать согласно пользовательскому соглашению о принадлежности прав на интеллектуальную собственность, предоставляемую с помощью БФМ, а также об условиях использования таких данных.

В ряду нормативных правовых актов и их проектов в сфере регулирования совремнных технологий также важно упомянуть Федеральный закон от 02.05.2026 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», запрещающий использование созданных с помощью технологий искусственного интеллекта образов реальных, вымышленных, а также умерших людей, а также воспроизведение голоса, созданное с помощью технологии, во время предвыборной агитации.

Также относительно реализации принципа законности, выше упоминалась о необходимости проведения антикоррупционной экспертизы. В целях проведения антикоррупционной экспертизы [1] использование технологий искусственного интеллекта было бы уместно, постепенно база данных по экспертизе будет пополняться, что позволит «отточить» инструмент, сэкономить временные и финансовые ресурсы органам публичной власти. При этом, не исключены ошибки, поэтому вопрос ответственности за некачественно выполненную проверку должен быть урегулирован заранее. Необходимо упомянуть и такие инструменты, как: голосовые помощники, фото/видеоаналитика, распознавание документов на портале государственных услуг, «нейроюрист», большие языковые модели для ответов гражданам и др.

Как отмечают исследователи, среди основных направления использования ИИ в управленческих процессах можно назвать «усиление прозрачности, противодействие мошенничеству и коррупции, а также обеспечение информационной безопасности и технологического суверенитета» [6, с. 119].

Отдельного внимания для соблюдения принципов правового регулирования в деятельности органов государственной власти заслуживает вопрос разработки стандартов применяемой технической терминологии, адаптированной для целей управления и решения государственных задач, и оформленной в виде специальных рекомендаций. Единообразие в понимании терминологии важно для реализации принципов «технологического суверенитета», поскольку будет способствовать защите отечественной парадигмы права от влияния языковых моделей, опирающихся на иной социокультурный контекст.

Таким образом, научно-методическое сопровождение стимулирует развитие коммуникативной и организационной сфер в деятельности органов публичной власти, которые в данном случае выступают в роли «первопроходцев», реализуя принципы законности, обеспечения прав и свобод, единства системы публичной власти, ответственности, открытости и гласности через поступательное внедрение современных технологических решений в общественные правоотношения. Более того, на управленческом уровне создаются механизмы, для которых характерна проверяемость, регламентированность, повторяемость, а, стало быть, формируется «обратная связь» граждан, что, в свою очередь, ложится в основу обучения и усовершенствования «умных» цифровых моделей.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ (в редакции от 30.09.2024 №344-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. №29. Ст.3609.

[2] Федеральный закон от 02.05.2026 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 18. Ст. 2299

[3] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта В Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. №41 Ст.5700.

[4] Проект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 28.06.2026).

[5] Законопроект № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8 (дата обращения: 28.06.2026).

[6] Коноплев В.В. Технология «искусственного интеллекта» в деятельности органов публичной власти: правовые основы и основные направления применения // Вопросы российского и международного права. - 2025. Том 15. №9А. С.114-121.

References:

[1] Federal Law “On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts” dated July 17, 2009 No. 172-FZ (as amended on September 30, 2024 No. 344-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 29. Article 3609.

[2] Federal Law dated May 2, 2026 No. 130-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2026. No. 18. Article 2299

[3] Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41 Art. 5700.

[4] Draft Law “On the Fundamentals of State Regulation of the Spheres of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation”. // Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (accessed on June 28, 2026).

[5] Bill No. 1271570-8 “On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation”. // System for Supporting Legislative Activity. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8 (accessed on June 28, 2026).

[6] Konoplev V.V. “Artificial Intelligence” Technology in the Activities of Public Authorities: Legal Foundations and Main Areas of Application // Issues of Russian and International Law. - 2025. Vol. 15. No. 9A. P.114-121.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-142-149

ФИЛАТОВ Кирилл Сергеевич,

Аспирант 2 года обучения Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,

e-mail: fks17@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Развитие транспорта имеет стратегическое значение для государства. В настоящее время цели, задачи и перспективы развития транспорта закреплены в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Указанные в Стратегии направления развития транспорта взаимосвязаны в том числе с анализом земельного законодательства и направлениями совершенствования регулирования использования земельных ресурсов для расположения объектов транспортной инфраструктуры. Целью исследования является анализ путей совершенствования земельного законодательства для реализации транспортной политики, обозначенных в Транспортной стратегии. Для достижения цели исследования использованы методы анализа, синтеза, сравнительно-правовой метод, формально юридический метод. По результатам исследования выявлено, что правовой режим земель, предоставленных для размещения объектов транспорта, требует совершенствование для эффективного ресурсного обеспечения транспортной отрасли. Для реализации целей, установленных в Транспортной стратегии совершенствование земельного законодательства возможно путем снижения избыточной дифференциации правового режима земель транспорта и совершенствовании перечня видов разрешенного использования земельных участков для целей транспорта с учетом появления новых инфраструктурных логистических объектов. Для реализации целей Стратегии в области железнодорожного транспорта возможно развитие земельного законодательство в области использования земельных ресурсов, предоставленных ОАО «РЖД» с целью развития существующей железнодорожной инфраструктуры и высокоскоростных магистралей, так и уточнения правового режима объектов железнодорожной инфраструктуры необщего пользования с целью установления определенности в обороте земельных участков для данных объектов.*

Ключевые слова: *земли транспорта, единая система транспорта, правовой режим земель транспорта.*

FILATOV Kirill Sergeevich,

2nd year postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF LAND RESOURCES FOR THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Transport development is of strategic importance to the state. The goals, objectives, and prospects for transport development are currently enshrined in the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030, with a forecast for the period until 2035. The transport development directions outlined in the Strategy are interrelated, among other things, with an analysis of land legislation and areas for improving the regulation of land use for the placement of transport infrastructure facilities. The objective of this study is to analyze ways to improve land legislation to implement the transport policy outlined in the Transport Strategy. To achieve this objective, methods of analysis, synthesis, comparative legal methods, and formal legal approaches were used. The study revealed that the legal regime for land allocated for the placement of transport facilities requires improvement to ensure the effective provision of resources for the transport industry. To achieve the goals set forth in the Transport Strategy, land legislation can be improved by reducing excessive*

differentiation in the legal regime of transport land and by improving the list of permitted land uses for transport purposes, taking into account the emergence of new infrastructure logistics facilities. In order to achieve the objectives of the Strategy in the field of railway transport, it is possible to develop land legislation in the area of the use of land resources provided by JSC "Russian Railways" for the purpose of developing the existing railway infrastructure and high-speed highways, as well as to clarify the legal regime of non-public railway infrastructure facilities in order to establish certainty in the circulation of land plots for these facilities.

Key words: *land of transport, unified transport system, legal regime of land of transport.*

Развитие системы транспорта является одной из приоритетных задач государственной социально-экономической политики. С учетом дифференциации транспортного комплекса крайне актуальным является стратегическое планирование для формирования единых подходов к направлениям его развития. В настоящий момент стратегические цели и задачи развития транспорта установлены в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (далее – «Транспортная стратегия») [14]. Согласно общим положениям Транспортной стратегии, ее долгосрочными целями являются повышение пространственной связанности и транспортной доступности территорий; повышение мобильности населения и развитие внутреннего туризма; а также увеличение объема и скорости транзита грузов и развитие мультимодальных логистических технологий. Стратегия является основой развития единой опорной сети, под которой понимается сбалансированная и связанная транспортная сеть, объединяющая в себе важнейшие объекты транспортной инфраструктуры для всех видов транспорта и обеспечивающая функциональное единство транспортной системы. В рамках Стратегии также указываются на накопившиеся в данный момент проблемы в функционировании транспорта. В частности, отмечается общая проблема устаревания инфраструктуры и необходимости ее развития.

Отметим, что формирование и реализация транспортной стратегии является наиважнейшей задачей в условиях разнонаправленного развития транспортного комплекса. С момента социально-экономических реформ 1990-2000-ых годов отдельные сферы транспортной системы развивались без достаточной согласованности между собой. В период 1990-ых годов и начала 2000-ых в рамках проводимых реформ происходила приватизация транспортного комплекса. Согласно, анализу Счетной палаты РФ о приватизации с 1993 по 2003 годы [1, с.86], приватизация затронула все вида транспорта, при этом приватизация в зависимости от вида транспорта осуществлялась дифференцировано как по структуре, так и по времени. С 1990-х годов происходило изменение государственного управления в области транспорта, на данные изменения оказала существенное влияние приватизация транспортного комплекса. Указанная дифференциация управления транспортом обусловила различные подходы к правовому регулированию хозяйственной деятельности в области отдельных видов транспорта, в том числе к управлению земельными ресурсами для обеспечения деятельности транспорта.

Реализация долгосрочных задач при формировании транспортной политики возможна при условии ресурсного обеспечения развития транспорта. Так рамках Транспортной стратегии для реализации поставленных целей определяются в том числе требования к смежным сферам экономики и отраслям законодательства. Отметим, что одним из важнейших элементов для развития транспортной системы выступает земельно-правовой режим земель, предназначенных для размещения объектов транспорта и транспортной инфраструктуры. В связи с этим анализ текущего состояния правового режима данных земель может способствовать ответу насколько земельно-правовой режим как ресурс транспортной системы в полной мере соответствует определенным целям и задачам транспортной политики. В настоящий момент ЗК РФ выделяет отдельную категорию земель для целей обеспечения деятельности транспорта – земли транспорта, которая является подкатегорией земель промышленности и иного специального назначения. Согласно ст.90 ЗК РФ п.1 – земли транспорта используются или предназначены для обеспечения деятельности организаций и (или) эксплуатации объектов транспорта. В указанной статье также определяются цели использования данной категории земель в зависимости от вида транспорта. Также данная статья определяет основания предоставления земельных участков, дифференцируя цели предоставления земельных участков в зависимости от вида транспорта. Несмотря на реорганизацию системы управления транспортом и приватизацией транспортного комплекса, согласно ст.27 ч.5 п.п.7 ЗК РФ часть земель, предназначенных для

размещения объектов транспорта остаются в государственной собственности и ограничены в обороте. Отметим, что сохранение фонда земель транспорта в государственной собственности может способствовать реализации задач Транспортной стратегии. Тем не менее, в силу дифференциации правового регулирования транспортного комплекса правовой режим земель данного вида использования складывается из особенностей правовых режимов отдельных подкатегорий земель транспорта. Правовые режимы дифференцированы в зависимости от управления транспортной системой, полномочия по распоряжению земельными ресурсами и порядка предоставления земель, оборотоспособности земельных участков, ставок арендной платы. Вместе с этим данная дифференциация обуславливает несовершенство отдельных элементов правового режима земель транспорта как ресурса реализации транспортной политики. Вследствие этого при реализации Транспортной стратегии актуальным является в том числе соотношение положений Стратегии с возможностью совершенствования правового режима земель транспорта.

Рассмотрим отдельные пути реализации отдельных положении транспортной политики и реализации Транспортной стратегии с учетом существующего правового режима земель транспорта. В рамках Транспортной стратегии указывается на ряд проблем и вызовов для транспортной инфраструктуры. Так, например, для железнодорожной инфраструктуры указывается, что рамках правового регулирования необходимо совершенствование законодательства в области функционирования высокоскоростных магистралей, также отмечается проблема диспропорции в содержании инфраструктуры. Указанные вызовы могут быть взаимосвязаны с совершенствованием правового регулирования статуса ОАО «РЖД». На данный момент развитие первого проекта строительства высокоскоростной магистрали происходит в рамках концессионных соглашений, с 2024 года реализуется строительство высокоскоростной магистрали между Москвой и Санкт-Петербургом [13]. Согласно Федеральному закону «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ [22] ОАО «РЖД» не является стороной концессионного соглашения, тем не менее, согласно публичной информации, ОАО «РЖД» вовлечено в реализацию концессионного соглашения. Компания является генподрядчиком строительства высокоскоростной магистрали [8], также ОАО «РЖД» внесла вклад в уставный капитал концессионера [16]. В научной литературе подчеркивается, необходимость совершенствования законодательства для цели реализации проектов в области железнодорожного транспорта, в частности расширения полномочий ОАО «РЖД». Например, Секушин предлагает для совершенствования реализации концессионных проектов для существующей инфраструктуры ОАО «РЖД» дополнить положения Федерального закона «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ и Федеральный закон «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта» от 27.02.2003 № 29-ФЗ [20]. Ранее Духно и Корякин предлагали схожие изменения: расширить полномочия Росжелдора по возможности передачи функции концедента ОАО РЖД в рамках совершенствования законодательства для развития высокоскоростных магистралей [5]. Возможно согласиться с данными предложениями. В настоящий момент отмечается острая проблема изношенности существующей железнодорожной инфраструктуры [12], что актуализирует пути ее обновления. Транспортная стратегия для реализации установленных целей предусматривает развитие механизмов привлечения внебюджетных средств, в том числе отмечается возможность использования государственно-частного партнерства. ОАО «РЖД» на данный момент является управляющим не только железнодорожной инфраструктуры общего пользования, но и управляющим существенными земельными ресурсами в качестве арендатора. Согласно Постановлению Правительства РФ от 29.04.2006 № 264 «О порядке пользования земельными участками, являющимися федеральной собственностью и предоставленными открытому акционерному обществу «Российские железные дороги» ОАО «РЖД» на праве аренды предоставлены земельные участки для размещения и эксплуатации объектов железнодорожного транспорта, ограниченных в обороте, а также земельные участки, на которых размещены железнодорожные станции и железнодорожные вокзалы. В земельные правоотношения с ОАО «РЖД» в рамках договоров субаренды вовлечены различные субъекты, которые могут быть заинтересованы в дополнительном расширении и развитии инфраструктуры. В том числе они могут быть заинтересованы в инвестировании в железнодорожные станции в том числе для обеспечения роста товарооборота [4, с.18]. В условиях потребности обновления и развития существующей инфраструктуры является потенциально эффективным механизмом. Отмечается, что модель концессионных соглашений может быть привлекательна в том числе на малоинтенсивных и тупиковых участках железнодорожной инфраструктуры общего

пользования [6, с.19]. Для его реализации возможно дополнить законодательство об возможности предоставления ОАО «РЖД» в аренду и в дальнейшем от ОАО «РЖД» иным субъектами в субаренду земельных участков для реализации концессионных соглашений по аналогии с моделью передачи земельных участков в рамках концессионных соглашений по строительству автомобильных дорог. Так, ГК Автодор – как стороне концессионного соглашения согласно ст.36 ч.1 п.3 Федерального закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предоставляются земельные участки, необходимые для осуществления концессионером деятельности, предусмотренной концессионными соглашениями. Согласно ст.36 Земельные участки, передаются в субаренду концессионеру в порядке и на условиях, которые предусмотрены концессионным соглашением. Согласно ч.8 ст.36 Закона земельные участки передаются в субаренду концессионеру в порядке и на условиях, которые предусмотрены концессионным соглашением.

Еще одним вызовом, отмеченным в Стратегии, является отсутствие в данный момент выделения категорий субъектов железнодорожного транспорта необщего пользования, порядка и критериев разграничения между путями общего и необщего пользования. В настоящий момент под железнодорожным транспортом необщего пользования в соответствии Федеральным законом от 10.01.2003 № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» понимается производственно-технологический комплекс, который используются для обеспечения потребностей физических и юридических лиц в работах или услугах. Согласно статистике аналитического обзора РЖД Инвест (далее –»Обзор РЖД Инвест») [11], на текущий момент около 29,2 % от совокупности всей железнодорожной инфраструктуры составляют железнодорожные пути необщего пользования. При этом, если в 2020 году насчитывалось 13 тысяч владельцев путей необщего пользования [24, с.20], то согласно Обзору РЖД Инвест, к 2025 году насчитывается около 10 тысяч владельцев путей необщего пользования. Пути необщего пользования дифференцированы в зависимости от цели использования. Существуют пути необщего пользования внутри границ предприятий, также осуществляется развитие путей, которые, как отмечается, имеют признаки магистральной железнодорожной инфраструктуры [17, с.176], например, реализованный проект строительства Тихоокеанской железной дороги [19], железная дорога линии Обская – Карская на Ямале длиной 572 км. [18]. Развитие подобных вышеописанных магистралей может разгрузить существующие железнодорожные пути общего пользования с точки зрения перемещения товаров [21]. Вместе этим вопросы разграничения имеют актуальность в том числе при обсуждении возможности строительства таких железных дорог с использованием дифференцированных вариантов финансирования, в том числе государственно-частного партнерства [17, с.177]. Определение критериев разграничения между путями общего и необщего пользования затрагивает интересы владельцев железнодорожной инфраструктуры необщего пользования при установлении прав на земельные участки для размещения инфраструктуры. С учетом наличия существенного количества субъектов, являющихся владельцами путей и инфраструктуры необщего пользования, дифференциации целей использования путей весьма актуальным является более подробное урегулирование складывающихся правоотношений. Статья 27 ЗК РФ п.5 подп.7 устанавливает ограничение оборота земель в государственной и муниципальной собственности, предоставленных для размещения объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования. При этом подп.7 п.5 указанной статьи не устанавливает ограничений для земель, предоставленных для размещения инфраструктуры железнодорожного транспорта необщего пользования. Исключение из данного перечня может быть обусловлено отсутствием публичного интереса, так как железнодорожная инфраструктура необщего пользования исходя из законодательного деления обеспечивает интересы только конкретного субъекта. Однако отметим, что в настоящий момент, одним из актуальных вопросов для уточнения статуса субъектов железнодорожного транспорта необщего пользования связан с перспективой использования таких путей в публичных целях- для перевозки пассажиров. В аналитическом обзоре РЖД Инвест отмечается, что использование железнодорожных путей необщего пользования для пассажирских перевозок является перспективным, с одной стороны, как для предприятий железнодорожного транспорта необщего пользования для привлечения дополнительного источника дохода, так и для граждан для использования данной инфраструктуры в рамках пассажирских перевозок в удаленные населенные пункты, где нет железнодорожных путей общего пользования. Это предложение в 2023 году высказывалось в том числе Росжелдором [15]. Однако в настоящий момент отмечается, что законодательство не предусматривает ситуации, когда пути общего

пользования имеют признаки магистральной железнодорожной инфраструктуры. Например, в состав инфраструктуры необщего пользования не включены станции в отличие от определения инфраструктуры общего пользования. Тем не менее, при создании конструкции, допускающей перевозки граждан по путям железнодорожного транспорта необщего пользования актуальным является вопрос права частной собственности на земельные участки для размещения железнодорожной инфраструктуры необщего пользования, в том числе имеющей признаки магистральной железных дорог при реализации публичной функции в виде перевозки граждан. Накопленные вопросы правового режима земель железнодорожного транспорта возможно было бы разрешить путем совершенствования и расширения регулирования земель железнодорожного транспорта в ст. 9 Федерального закона «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003 № 17-ФЗ и ст. 27 и 90 ЗК РФ, установив особенности оборота земельный участков занятых объектов железнодорожного транспорта необщего пользования с учетом целей использования.

Как ранее отмечалось, стратегия также ставит задачу развития новой инфраструктуры. Например, в области автомобильного транспорта отмечается необходимость развития дорожного сервиса в формате многофункциональных зон дорожного сервиса, с возможностью предоставления услуг по обслуживанию и ремонту автомобилей, питанию, отдыху и др. Также в рамах общего совершенствования предполагается создание логистических центров, сети транспортно-пересадочных узлов, указывается на актуальность создания «грузовых деревень». Грузовые деревни представляют собой инфраструктуру для трансграничных перевозок товаров, включающими в себя транспортную, логистическую инфраструктуру, к которой примыкают несколько видов транспорта [2, с.26]. Таким образом, такая инфраструктура универсальна и, может быть, потенциальная располагается как на землях автомобильного транспорта, так и на земле воздушного транспорта и других землях транспорта. Отметим, что развитие логистической инфраструктуры имеет важное и социально-экономическое значение для развития субъектов, так как в том числе обеспечивает возможность привлечения инвестиций [23, с.1430].

Исходя из данных направлений развития инфраструктуры, актуализируется вопрос о расширении пределы использования земель для расположения объектов транспорта в сторону сопутствующих услуг транспорта. Создание единой системы транспорта, логистических центров и транспортных узлов, которые могут быть связующим звеном между разными видами транспорта, актуализирует вопрос о пределах использования земель транспорта, а также совершенствовании классификации использования земель транспорта. Расширение пределов использования земель транспорта может быть совершенствовано путем внесения изменений в ст. 90 ЗК РФ о объектах, для которых могут предоставляться земли транспорта. Например, Минтранс в 2024 году разрабатывал [7] законопроект о внесении изменения в ЗК РФ и Федеральный закон от 8 ноября 2007 года № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так в подпункт 2 пункта 3 ст. 90 ЗК РФ о возможных объектах, размещаемых на землях автомобильного транспорта, предлагалось добавить возможность формирования многофункциональных зон дорожного сервиса. Закон об автомобильных дорогах предлагалось внести определение многофункциональных зон дорожного сервиса. Отметим, что при реализации Транспортной стратегии, дополнение ст.90 ЗК РФ новыми объектами транспорта для расширения пределов использовании является необходимым направлением регулирования установления гармоничной классификации использования земель транспорта. С учетом того, что ст.90 ЗК РФ предполагает дифференциацию вариантов предоставления земель транспорта в зависимости от вида транспорта, одним из путей совершенствования законодательства может стать переход к более универсальных целей использования земель транспорта через создание классификации общих вариантов использования земель транспорта в целях снижения дифференциации правового режима земель транспорта, в том числе установления в данной классификации возможности использования земель транспорта для иных целей, которые будут учитывать в том числе расположение логистической инфраструктуры. Данные изменения позволят учесть и допустить развитие смежной инфраструктуры, которая может располагаться как в рамках земель воздушного транспорта, так и на землях морского транспорта или железнодорожного и автомобильного транспорта.

Таким образом, при реализации транспортной политики существенное значение имеет соотношение установленных направлений развития с регулированием земельного законодательства, которое

направлено на обеспечение баланса частных и публичных интересов в использовании земли [3, с.18]. Создания условий ее эффективного использования может способствовать достижению целей и задач, определенный в Транспортной стратегии и преодоления вызовов в сфере транспорта. Исходя из проанализированных примеров, правовой режим земель, предоставленных для размещения объектов транспорта, не в полной мере обеспечивает ресурсное обеспечение транспортной отрасли и требует совершенствования. Так на примере земель железнодорожного транспорта совершенствование регулирования может быть направлено как на совершенствование использования земельных ресурсов, предоставленных ОАО «РЖД» с целью обновления и развития существующей железнодорожной инфраструктуры и перспективных направлений развития как высокоскоростных магистралей, так и уточнения правового режима объектов железнодорожной инфраструктуры необщего пользования с целью установления определенности в обороте земельных участков. Создание единой системы транспорта и появление инфраструктуры, которая может связывать транспортную систему и располагаться рядом с инфраструктурой разных видов транспорта, обуславливает необходимость преодоления дифференциации правового режима земель транспорта, в том числе в совершенствовании классификатора видов разрешенного использования земельных участков для целей транспорта [10], а также актуализации объектов, которые могут располагаться на землях транспорта. Правовой режим земель транспорта с учетом минимизации его дифференциации в том числе может выступать институциональным гарантом правовой определённости для реализации отношений для собственников транспортной инфраструктуры, но и также долгосрочных инвестиций в ее развитие.

Список литературы:

[1] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. — М.: Издательство «Олита», 2004.

[2] Вакуленко С. П., Д. Ю. Роменский, К. А. Калинин, М. В. Роменская/. Компоновка железнодорожного хозяйства перспективных грузовых деревень // Наука и техника транспорта. – 2022. – № 4. – С. 24-31.

[3] Галиновская, Е. А. Земельное законодательство: особенности формирования и развития / Е. А. Галиновская // Журнал российского права. – 2009. – № 11(155). – С. 14-25.

[4] Гуров, И. Н. Частные и государственные инвестиции в железнодорожной отрасли России / И. Н. Гуров // Российское предпринимательство. – 2014. – Т. 15, № 12. – С. 12-23.

[5] Духно, Н. А. Корякин В.М Основные направления совершенствования правового обеспечения развития высокоскоростного железнодорожного транспорта в Российской Федерации)»- электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[6] Зябкина А. А., Привлечение частных инвестиций в развитие железнодорожной инфраструктуры// Транспорт Российской Федерации» №6 (73) 2017. С. 18-23.

[7] Минтранс предложил упорядочить размещение объектов дорожного сервиса вдоль автодорог// https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11083?ysclid=moq4glzi8z409718427 (дата обращения 04.05.2026)

[8] Подписан договор генерального подряда на строительство ВСМ Москва – Санкт-Петербург// https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11627?ysclid=mmwgm1wk8e45731074 (дата обращения 04.05.2026)

[9] Постановление Совета Министров - Правительства РФ от 30 августа 1993 г. № 871»Об учреждении акционерной компании по транспорту нефтепродуктов «Транснефтепродукт»)»- электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[10] Приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412 «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков - электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[11] Пути необщего пользования: актуальные вопросы и векторы развития// https://rzd-invest.ru/#b1508 (дата обращения 07.05.2026)

[12] Пути РЖД неисповедимы, но оценены в 6,5 триллиона// URL: https://vgudok.com/lenta/puti-rzhd-neispovedimy-no-oceneny-v-65-trilliona-v-gosdume-pozhalovalis-na-iznos-bolee (дата обращения 07.05.2026)

[13] Распоряжение Правительства РФ от 05.06.2024 № 1397-р «О заключении концессионного соглашения о финансировании, создании, эксплуатации инфраструктуры высокоскоростного железнодорожного транспорта общего пользования от станции Крюково (Алабушево)достанцииСанкт-Петербург-Главный, приобретении и эксплуатации высокоскоростного железнодорожного подвижного состава, предназначенного для перевозки пассажиров и (или) багажа на созданной инфраструктуре по маршруту «Москва - Санкт-Петербург», с обществом с ограниченной ответственностью

«ВСМ Две Столицы»)»- электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[14] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»)»- электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс»

[15] РБК: Росжелдор предложил Минтрансу открыть частные железные пути для пассажиров// https://www.kommersant.ru/doc/6320991?ysclid=mnm1jpalyt227034374 (дата обращения 10.05.2026)

[16] РЖД докапитализируют скоростную колею.. https://www.rbc.ru/newspaper/2024/12/19/676186f49a79475d169b5a28?ysclid=mnk9r260ye780995078 (дата обращения 10.05.2026)

[17] Роменский, Д. Ю. Использование терминов «инфраструктура общего пользования» и «инфраструктура необщего пользования» в условиях строительства негосударственных железных дорог / Д. Ю. Роменский, В. М. Корякин // Кочневские чтения - 2023: современная теория и практика эксплуатационной работы железных дорог : труды II-й Международной научно-практической конференции, Москва, 19–20 апреля 2023 года. – Москва: Российский университет транспорта (МИИТ), 2023. – С. 174-180.

[18] Самая северная железная дорога в мире// https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2024/northernmostrailway/?ysclid=mpbloo1sk0948472355 (дата обращения 10.05.2026)

[19] Свои рельсы тянут Запущена Тихоокеанская железная дорога// https://www.kommersant.ru/doc/8006548?ysclid=mn6esuup6p420802777 (дата обращения 15.05.2026)

[20] Секушин, С. В. Железнодорожные концессии в современной России: пути развития / С. В. Секушин // Транспортное дело России. – 2024. – № 8. – С. 35-38.

[21] Специалисты называли этот проект нереальным: Новая частная железная дорога разгрузит БАМ и Транссиб// URL: https://rg.ru/2025/09/08/reg-dfo/ot-elgi-do-okeana.html?ysclid=mpcycw1a4j493194776 (дата обращения 10.05.2026)

[22] Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»// Собрании законодательства Российской Федерации от 25 июля 2005 г. N 30 (часть II) ст. 3126

[23] Шарова, И. В. Анализ развития транспортно-логистической инфраструктуры в разрезе регионов Российской Федерации / И. В. Шарова, Е. О. Самойлова, Н. А. Бондарев // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, № 3. – С. 1427-1440.

[24] Шкурина, Л. В. Перспективы повышения конкурентоспособности железнодорожного транспорта в условиях инвестиционных ограничений / Л. В. Шкурина, А. Н. Семенчишин, Е. К. Ли // Транспортное дело России. – 2024. – № 2. – С. 19-23

References:

[1] Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993-2003 (expert and analytical event)/Head of the working group - Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin. - M.: Olita Publishing House, 2004.

[2] Vakulenko S.P., D. Yu. Romensky, K. A. Kalinin, M.V. Romenskaya/. Layout of the railway facilities of promising freight villages//Science and technology of transport. – 2022. – № 4. - S. 24-31.

[3] Galinovskaya, E. A. Land legislation: features of formation and development/E. A. Galinovskaya//Journal of Russian Law. – 2009. – № 11(155). - S. 14-25.

[4] Gurov, I. N. Private and public investments in the Russian railway industry/I. N. Gurov//Russian entrepreneurship. – 2014. - T. 15, NO. 12. - S. 12-23.

[5] Dukhno, N. A. Koryakin V. M. Main directions for improving legal support for the development of high-speed railway transport in the Russian Federation) “- electronic resource: SPS “ConsultantPlus”

[6] Zyabkina A. A., Attracting private investment in the development of railway infrastructure//Transport of the Russian Federation” No. 6 (73) 2017. S. 18-23.

[7] The Ministry of Transport proposed to streamline the placement of road service facilities along roads// https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11083?ysclid=moq4glzi8z409718427 (date of appeal 04.05.2026)

[8] The General Contractor Agreement for the construction of the Moscow-St. Petersburg HSR was signed// https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11627?ysclid=mmwgm1wk8e45731074 (date of application 04.05.2026)

[9] Decree of the Council of Ministers - Government of the Russian Federation of August 30, 1993 No. 871” On the establishment of a joint-stock company for the transport of petroleum products “Transnefteprodukt”) “- electronic resource: SPS “ConsultantPlus”

[10] Order of Rosreestr dated 10.11.2020 No. P/0412 “On approval of the classifier of types of permitted use of land plots - electronic resource: SPS “ConsultantPlus”

[11] Non-public ways: current issues and vectors of development// https://rzd-invest.ru/#b1508 (date of contact 07.05.2026)

[12] RZD paths are inscrutable, but estimated

at 6.5 trillion//URL: https://vgudok.com/lenta/puti-rzhd-neispovedimy-no-oceneny-v-65-trilliona-v-gosdume-pozhalovalis-na-iznos-bolee (date of appeal 07.05.2026)

[13] Order of the Government of the Russian Federation dated 05.06.2024 No. 1397-r "On the conclusion of a concession agreement on the financing, creation, operation of the infrastructure of high-speed public railway transport from Kryukovo station (Alabushevo) to the St. Petersburg-Glavny station, the acquisition and operation of high-speed railway rolling stock intended for the transportation of passengers and (or) baggage on the created infrastructure on the route "Moscow - St. Petersburg," with the limited liability company "VSM Two Capitals") "- electronic resource: SPS "ConsultantPlus"

[14] Order of the Government of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 4146-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast until 2036") "- electronic resource: SPS "ConsultantPlus"

[15] RBC: Roszheldor proposed to the Ministry of Transport to open private railways for passengers// https://www.kommersant.ru/doc/6320991?ysclid=mnm1jpalyt227034374 (date of appeal 10.05.2026)

[16] Russian Railways will capitalize on the high-speed track.. https://www.rbc.ru/newspaper/2024/12/19/676186f49a79475d169b5a28?ysclid=mnk9r260ye780995078 (date of application 10.05.2026)

[17] Romensky, D. Yu. Use of the terms "public infrastructure" and "non-public infrastructure" in the construction of non-state railways/D. Yu. Romensky, V. M. Koryakin//Kochnevsky readings - 2023: modern theory and practice of operational work of railways: proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 19-20, 2023. - Moscow: Russian University of Transport (MIIT), 2023. - S. 174-180.

[18] World's northernmost railway// https://www.gazprom.ru/press/news/reports/2024/northernmostrailway/?ysclid=mpbloo1sk0948472355 (circulation date 10.05.2026)

[19] The Pacific Railway is pulling its rails// https://www.kommersant.ru/doc/8006548?ysclid=mn6esuup6p420802777 (date of application 15.05.2026)

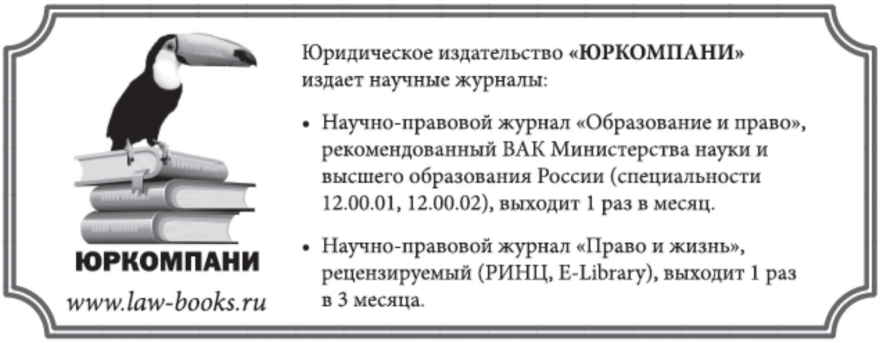
[20] Sekushin, S.V. Railway concessions in modern Russia: development paths/S.V. Sekushin// Transport of Russia. – 2024. – № 8. - S. 35-38.

[21] Experts called this project unrealistic: The new private railway will unload the BAM and Transsib//URL: https://rg.ru/2025/09/08/reg-dfo/otelgi-do-okeana.html?ysclid=mpcycw1a4j493194776 (date of application 10.05.2026)

[22] Federal Law No. 115-FZ "On Concession Agreements" dated July 21, 2005//Collection of Legislation of the Russian Federation No. 30 (Part II) Article 3126 dated July 25, 2005

[23] Sharova, I.V. Analysis of the development of transport and logistics infrastructure in the context of the regions of the Russian Federation/I.V. Sharova, E.O. Samoilova, N.A. Bondarev//Economics, Entrepreneurship and Law. – 2026. - T. 16, NO. 3. - S. 1427-1440.

[24] Shkurina, L. V. Prospects for increasing the competitiveness of railway transport in conditions of investment restrictions/L. V. Shkurina, A. N. Semenchishin, E. K. Lee//Transport of Russia. – 2024. – № 2. - S. 19-23

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-150-155
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ВАЛОВ Кирилл Дмитриевич,

Старший преподаватель кафедры публичного права, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»,

e-mail: kerill97@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. *В статье исследуются обязательные требования как правовая основа публичного контроля (надзора) в предпринимательской сфере. Цель исследования состоит в выявлении места и значения обязательных требований в механизме современного государственного контроля, а также в определении нормативных и правоприменительных проблем, препятствующих обеспечению правовой определенности в отношениях между контрольными органами и субъектами предпринимательской деятельности. Для достижения указанной цели решены задачи по анализу положений Федерального закона № 247-ФЗ, Федерального закона № 248-ФЗ, подзаконных актов, регламентирующих оценку применения обязательных требований и ведение их реестра, а также научных подходов к пониманию содержания, признаков и функций обязательных требований. Особое внимание уделено соотношению обязательных требований с профилактической направленностью контрольной деятельности, судебной проверяемостью нормативных предписаний, а также их связью с административной ответственностью. В результате исследования установлено, что действующая модель правового регулирования содержит ряд несогласованностей, выражающихся в недостаточной определенности критериев допустимости обязательных требований, отсутствии прямых последствий отрицательной оценки их применения, а также в неполной синхронизации контрольного и административно-деликтного законодательства. Практическое значение работы состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений в нормотворческой деятельности, правоприменительной практике контрольных органов, а также при подготовке научных и учебных материалов по проблемам публичного контроля (надзора) в предпринимательской сфере.*

Ключевые слова: *обязательные требования, публичный контроль, предпринимательская деятельность, государственный надзор, правовая определенность, профилактика нарушений, административная ответственность, реестр обязательных требований.*

VALOV Kirill Dmitrievich,

Senior Lecturer at the Department of Public Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

MANDATORY REQUIREMENTS AS A LEGAL BASIS FOR PUBLIC CONTROL (SUPERVISION) IN THE ENTREPRENEURIAL SPHERE

Annotation. *The article examines mandatory requirements as the legal basis of public control (supervision) in the sphere of entrepreneurial activity. The purpose of the study is to determine the role and significance of mandatory requirements within the mechanism of modern state control, as well as to identify the regulatory and enforcement problems that hinder legal certainty in relations between supervisory authorities and business entities. To achieve this purpose, the study analyzes the provisions of Federal Law No. 247-FZ, Federal Law No. 248-FZ, subordinate legal acts governing the assessment of the application of mandatory requirements and the maintenance of their register, as well as doctrinal approaches to the content, features, and functions of mandatory requirements. Particular attention is paid to the correlation between mandatory requirements and the preventive orientation of supervisory activity, the judicial review of regulatory prescriptions, and their connection*

with administrative liability. The study concludes that the current model of legal regulation contains a number of inconsistencies expressed in the insufficient clarity of the criteria for the admissibility of mandatory requirements, the absence of direct legal consequences of a negative assessment of their application, and the incomplete coordination between supervisory legislation and administrative tort law. The practical significance of the article lies in the possibility of using its conclusions and proposals in law-making, in the enforcement practice of supervisory bodies, and in academic and teaching materials devoted to public control (supervision) in the entrepreneurial sphere.

Key words: *mandatory requirements, public control, entrepreneurial activity, state supervision, legal certainty, prevention of violations, administrative liability, register of mandatory requirements.*

Введение

Обязательные требования в современной модели публичного контроля в предпринимательской сфере выступают не вспомогательным, а системообразующим юридическим элементом, поскольку именно через них определяется допустимое содержание поведения хозяйствующего субъекта и пределы вмешательства контрольного органа. В силу ст. 15 Федерального законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 248-ФЗ») предмет государственного контроля связан с оценкой соблюдения обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами. Поэтому правовая состоятельность контроля непосредственно зависит не только от полномочий инспектора, но прежде всего от качества самого нормативного массива, что позволяет согласиться с позицией О.Н. Ермоловой о необходимости рассматривать обязательные требования как самостоятельный институт регулирования предпринимательской деятельности [2; 3], а вывод М.А. Ахмадовой о необходимости баланса публичных и частных интересов переводит вопрос из плоскости общей теории в плоскость конкретных юридических критериев, закрепленных в специальном законе [1].

Такой специальный закон был сформирован Федеральным законом «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 247-ФЗ»), который задал не только общее понятие обязательных требований, но и пределы их установления. В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 247-ФЗ такие требования могут закрепляться не только федеральными законами, но и указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти в пределах установленной компетенции. Одновременно ст. 3 Федерального закона № 247-ФЗ закрепляет правило введения новых обязательных требований, как правило, с 1 марта либо 1 сентября и не ранее чем через 90 дней после официального опубликования акта. Формально эта конструкция направлена на предсказуемость регулирования, однако наличие законодательно допустимых исключений ослабляет стабильность правового режима и позволяет в отдельных случаях отходить от общего срока адаптации бизнеса, вследствие чего сама идея предварительной правовой определенности нуждается в более жесткой защите на уровне закона.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования в качестве основного материала использованы нормативные правовые акты, регулирующие установление, систематизацию и применение обязательных требований в механизме публичного контроля (надзора) в предпринимательской сфере, включая Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ, Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, а также Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В дополнение к ним рассмотрены постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2454 «Об утверждении Правил оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, подготовки, рассмотрения доклада о достижении целей введения обязательных требований и принятия решения о продлении срока действия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, или о проведении оценки фактического воздействия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования» и постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2021 № 128 «Об утверждении Правил формирования, ведения и актуализации реестра обязательных требований».

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ

и систематизация нормативных актов, регламентирующих содержание, пределы действия и порядок оценки обязательных требований; аналитическая интерпретация научных позиций отечественных правоведов, опубликованных в 2021–2025 гг.; а также сопоставление нормативных предписаний с данными правовой статистики, приведенными в современных научных публикациях. Применение комплексного подхода позволило выявить как нормативные достоинства действующей модели обязательных требований, так и сохраняющиеся дефекты их установления, разъяснения, реестрового учета и последующего использования в контрольной и административно-деликтной практике.

Результаты и обсуждения

Дальнейшее развитие указанной модели следует из ст. 4, 6, 7, 8 и 9 Федерального закона № 247-ФЗ, в которых закреплены принципы законности, обоснованности, правовой определенности, системности, открытости и исполнимости обязательных требований, а также указано, что их введение допустимо лишь при наличии риска причинения вреда охраняемым законом ценностям, что содержание требований должно быть ясным, логичным и непротиворечивым, а расходы на их соблюдение должны соотноситься с предотвращаемым вредом. По мнению А.В. Винницкого и И.Н. Харинова, именно здесь закреплены «содержательные критерии их легитимности» [4]. Этот вывод имеет принципиальное значение, поскольку переносит оценку обязательного требования из сферы формального существования акта в сферу его материальной правомерности, а потому дальнейший анализ неизбежно должен затронуть механизмы проверки того, действительно ли такие критерии соблюдаются при нормотворчестве и при последующем контроле.

Именно с этой целью в ст. 11 и 12 Федерального закона № 247-ФЗ предусмотрены оценка регулирующего воздействия проектов актов и оценка применения обязательных требований, а ст. 14 того же закона ограничивает значение официальных разъяснений рамками толкования уже существующего требования, прямо запрещая через разъяснение вводить новые обязанности либо изменять смысл действующего предписания. Эти положения развиваются постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2454 «Об утверждении Правил оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, подготовки, рассмотрения доклада о достижении целей введения обязательных требований и принятия решения о продлении срока действия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, или о проведении оценки фактического воздействия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования» (далее – «Постановление Правительства РФ № 2454»). По мнению С.А. Минича, развитие института обязательных требований требует именно научно обоснованной проверки их исполнимости и исключения избыточных ограничений [5]. Однако действующая конструкция не устанавливает автоматического правового последствия отрицательной оценки, что создает разрыв между выявлением дефекта и его обязательным устранением, а данный разрыв затем переносится в практику контроля.

На уровне подзаконного обеспечения существенную роль играет и постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2021 № 128 «Об утверждении Правил формирования, ведения и актуализации реестра обязательных требований» (далее – «Постановление Правительства РФ № 128»), которое институционализировало цифровой учет обязательных требований и связало их действие с единым реестром. По официальной позиции Министерства экономического развития Российской Федерации данный реестр предназначен как единая платформа сведений о требованиях, соблюдение которых проверяется в ходе контроля, а списки актов, используемые контрольными органами, должны формироваться на базе соответствующей государственной информационной системы. Такая цифровая систематизация имеет не только техническое, но и правовое значение, поскольку без точной идентификации применяемого требования затрудняется проверка его действительности, срока введения, наличия официального разъяснения и результатов оценки применения, вследствие чего далее закономерно возникает вопрос о том, насколько сама процедура контроля приведена в соответствие с указанной нормативной основой.

В Федеральном законе № 248-ФЗ такая связь проводится последовательно. Статья 8 ориентирует контрольные органы на стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований, ст. 22 связывает организацию контроля с системой управления риском причинения вреда, ст. 56 закрепляет исчерпывающий перечень контрольных мероприятий, а ст. 52 и 52.1 развивают профилактический визит как самостоятельный правовой инструмент, в том числе в обязательной форме. По мнению М.В. Глуховой, законодательство о контроле «переломив парадигму соответствующей функции государства

с карательной в сторону предупредительной» усилило позиции предпринимателей в спорных ситуациях [6]. Показательно и высказывание Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина о том, что «бизнес должен быть уверен, что это разумные требования и он в состоянии их выполнить» [11]. Но именно здесь обнаруживается основной критерий оценки всей реформы, поскольку профилактическая форма имеет юридическую ценность лишь тогда, когда адресованное предпринимателю требование само отвечает критериям законности, ясности и исполнимости.

Реальные статистические данные подтверждают, что смещение практики в сторону профилактики уже произошло, однако сами по себе количественные показатели еще не свидетельствуют о нормативной безупречности модели. По мнению Т.О. Брылёвой, в 2022 г. контрольно-надзорными органами было проведено 434 940 профилактических визитов, а в 2024 г. их число возросло до 1 047 668 [7]. По мнению И.И. Василишина, в структуре контрольной практики в отношении бизнеса по 4 % приходилось на надзор в области промышленной безопасности и на контроль в сфере труда, при этом наиболее часто использовалась форма инспекционного визита [8]. Эти данные позволяют констатировать не только изменение организационного акцента, но и перераспределение юридической нагрузки на те процедуры, в рамках которых инспектор фактически разъясняет, предупреждает и фиксирует соблюдение обязательного требования, а потому возрастает значение вопроса о судебной проверяемости самого содержания таких требований.

В этой связи заслуживает поддержки позиция А.В. Винницкого и И.Н. Харинова, согласно которой эффективная судебная ревизия обязательных требований способна обеспечить «качественное изменение механизма правового регулирования» [4]. Данный тезис опирается не на абстрактную доктрину, а на нормативную логику самого Постановления Правительства РФ № 2454, поскольку правила оценки применения обязательных требований предусматривают учет и анализ судебных актов по делам об оспаривании нормативных правовых актов, содержащих такие требования, и актов с нормативными разъяснениями. По мнению М.А. Винокуровой, профилактика нарушений обязательных требований должна рассматриваться функционально, то есть как деятельность, направленная не на замену контроля, а на предупреждение неправомерного поведения до стадии применения санкции [9]. Следовательно, судебный нормоконтроль и профилактика не конкурируют между собой, а образуют единую систему, в которой проверка качества нормы предшествует проверке поведения адресата, что подводит к наиболее уязвимому звену действующего регулирования.

Наиболее уязвимым звеном остается несинхронность между институтом обязательных требований, контрольно-надзорной процедурой и законодательством об административной ответственности. По мнению Е.А. Дмитриковой, реформирование законодательства о государственном контроле уже прямо влияет на практику применения законодательства об административных правонарушениях, что требует согласования правовых режимов [10]. По мнению О.Н. Ермоловой, проблема заключается не только в терминологии, но и в отсутствии целостной концепции регулирования обязательных требований в предпринимательской деятельности [2; 3]. К этому добавляется и то обстоятельство, что, как указывает М.В. Глухова, критерии для определения непосредственной угрозы причинения вреда охраняемым законом ценностям в Федеральном законе № 248-ФЗ прямо не установлены, хотя именно от такой оценки зависит правомерность внепланового вмешательства по ст. 57 [6]. Следовательно, в правоприменении сохраняется пространство для расширительного усмотрения, а при недостаточной увязке с реестром обязательных требований и пределами официальных разъяснений это усмотрение получает риск выхода за рамки закона.

Заключение

В сложившейся ситуации представляется необходимым внести ряд последовательных изменений в законодательство. Прежде всего, ст. 3 Федерального закона № 247-ФЗ целесообразно дополнить закрытым перечнем исключений из правила о введении обязательных требований с 1 марта или 1 сентября и не ранее чем через 90 дней после опубликования, исключив возможность расширительного обхода периода адаптации. Далее, в ст. 12 Федерального закона № 247-ФЗ и в Постановление Правительства РФ № 2454 следует включить обязанность уполномоченного органа в установленный срок принимать решение о приостановлении либо пересмотре акта при подтверждении его несоответствия критериям ст. 6, 7 и 9. Одновременно в Федеральном законе № 248-ФЗ необходимо нормативно конкретизировать признаки непосредственной угрозы причинения вреда для целей ст. 57, а также закрепить правило, по которому любое контрольное действие, предписание и последующее привлечение к ответственности должны содержать указание на идентификатор обязательного требования в реестре, что исключит применение неучтенных либо

фактически модифицированных предписаний. Наконец, требуется синхронизировать положения Федерального закона № 248-ФЗ и КоАП РФ таким образом, чтобы административная ответственность опиралась только на действующее, опубликованное, реестрово идентифицируемое и оцененное по правилам Федерального закона № 247-ФЗ обязательное требование, поскольку именно такая конструкция способна обеспечить предсказуемость публичного контроля и его дальнейшее развитие на основе юридической определенности, а не ведомственного усмотрения.

Список литературы:

[1] Ахмадова, М. А. Реформа контрольной (надзорной) деятельности: ориентация на баланс интересов сторон // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 60–67.

[2] Ермолова, О. Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы дефиниции понятия // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 11 (242). С. 59–69.

[3] Ермолова, О. Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы контроля и ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. С. 60–75.

[4] Винницкий, А. В. Нераскрытый потенциал судебного нормоконтроля в свете Закона об обязательных требованиях // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 82–94.

[5] Минич, С. А. Совершенствование системы обязательных требований, предъявляемых к бизнесу в условиях цифрового преобразования экономики // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 3. С. 775–802.

[6] Глухова, М. В. Актуальные направления развития законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2. С. 167–172.

[7] Брылёва, Т. О. Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: современное состояние и перспективы развития // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. С. 71–74.

[8] Василишин, И. И. Соблюдение прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора): отдельные вопросы прокурорского надзора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 4 (853). С. 92–98.

[9] Винокурова, М. А. Профилактика нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора): функциональный подход // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 72–76.

[10] Дмитрикова, Е. А. Влияние законодательства о государственном контроле (надзоре) на практику применения законодательства об административных правонарушениях // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 3. С. 92–102.

[11] Встреча Михаила Мишустина с директором Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России Талией Хабриевой [Электронный ресурс] // Правительство России. 04.01.2024. URL: government.ru/news/50592/ (дата обращения: 19.04.2026).

References:

[1] Akhmadova, M. A. Reform of control (supervisory) activities: orientation to the balance of interests of the parties//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2024. № 8. S. 60-67.

[2] Ermolova, O. N. Mandatory requirements for entrepreneurial activity: issues of definition of the concept//Property relations in the Russian Federation. 2021. № 11 (242). S. 59-69.

[3] Ermolova, O. N. Mandatory requirements for entrepreneurial activity: issues of control and responsibility//Property relations in the Russian Federation. 2022. № 5. S. 60-75.

[4] Vinnitsky, A. V. Undisclosed potential of judicial regulatory control in the light of the Law on Mandatory Requirements//Russian law: education, practice, science. 2022. № 6. S. 82-94.

[5] Minich, S. A. Improving the system of mandatory requirements for business in the context of the digital transformation of the economy//Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1, NO. 3. S. 775-802.

[6] Glukhova, M.V. Current directions for the development of legislation on state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2025. № 2. S. 167-172.

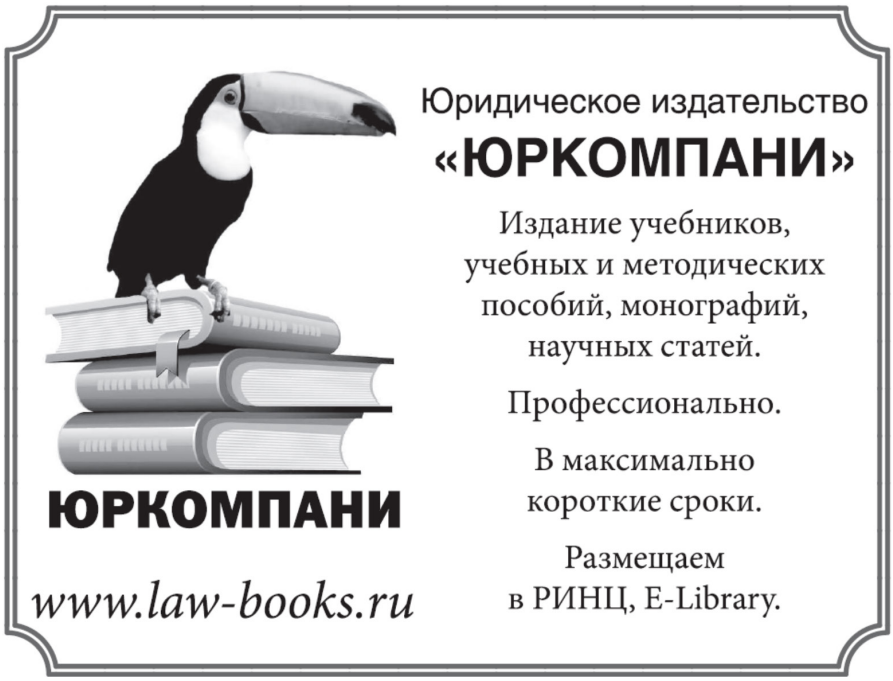
[7] Brylyova, T. O. Risk-oriented approach of control and supervisory activities: current state and development prospects//Public service and personnel. 2025. № 3. S. 71-74.

[8] Vasilishin, I. I. Observance of the rights of entrepreneurs in the implementation of state control (supervision): certain issues of prosecutorial supervision//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and teaching sciences. 2024. № 4 (853). S. 92-98.

[9] Vinokurova, M. A. Prevention of violations of mandatory requirements in the implementation of state control (supervision): a functional approach// Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2023. № 4. S. 72-76.

[10] Dmitrikova, E. A. Influence of legislation on state control (supervision) on the practice of applying legislation on administrative offenses//Law enforcement. 2024. T. 8, NO. 3. S. 92-102.

[11] Meeting of Mikhail Mishustin with the director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russia Taliya Khabrieva [Electronic Resource]//Government of Russia. 04.01.2024 URL: government.ru/news/50592/ (accessed on: 19.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-156-162
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ТЮХАЙ-ЛИПСКИЙ Станислав Валерьевич,

аспирант кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург,

e-mail: tlsvspb@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема экономической самостоятельности органов местного самоуправления в контексте реализации положений Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Анализируются конституционные основания экономической самостоятельности, включающие право на муниципальную собственность, бюджетную компетенцию и налоговую компетенцию, а также механизмы их реализации в условиях нового законодательства. Особое внимание уделяется влиянию института перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ на формирование расходных обязательств и доходной базы муниципальных образований. На основании анализа положений закона 33-ФЗ и научных работ по проблеме финансовой самостоятельности местного самоуправления делается вывод о сохранении формальных атрибутов экономической самостоятельности при трансформации ее реального содержания в условиях единой системы публичной власти. Формулируются направления совершенствования законодательства, направленные на устранение противоречия между декларативным характером экономической самостоятельности и ее фактической ограниченностью.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, экономическая самостоятельность, единая система публичной власти, муниципальные финансы, межбюджетные трансферты, муниципальная собственность, местные налоги и сборы, перераспределение полномочий, бюджетная зависимость.*

TYUKHAY-LIPSKY Stanislav Valerievich,

postgraduate student in the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

THE PROBLEM OF ECONOMIC INDEPENDENCE OF LOCAL GOVERNMENT BODIES AND WAYS TO SOLVE IT

Annotation. *This article examines the economic autonomy of local governments in the context of implementing the provisions of Federal Law No. 33 of March 20, 2025, "On General Principles of Local Self-Government Organization in a Unified System of Public Authority." The article analyzes the constitutional foundations of economic autonomy, including the right to municipal property, budgetary authority, and tax authority, as well as the mechanisms for their implementation under the new legislation. Attention is paid to the impact of the institution of redistribution of powers between local governments and state authorities of the constituent entities of the Russian Federation on the formation of expenditure obligations and the revenue base of municipalities. Based on an analysis of the provisions of Law No. 33 and scientific works on the financial autonomy of local self-government, it is concluded that the formal attributes of economic autonomy are preserved while its actual content is transformed within the context of a unified system of public authority. Directions for improving legislation aimed at eliminating the contradiction between the declarative nature of economic autonomy and its actual limitations are outlined.*

Key words: *local self-government, economic independence, unified system of public authority, municipal finances, interbudget transfers, municipal property, local taxes and fees, redistribution of powers, budget dependence.*

Формирование единой системы публичной власти в Российской Федерации, закрепленное на конституционном уровне и конкретизированное в федеральном законодательстве, породило принципиально новую правовую реальность для институтов местного самоуправления. Принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее по тексту – Закон 33-ФЗ) знаменовало собой завершение длительного периода концептуальных дискуссий относительно правовой природы муниципальных образований и их места в вертикали государственного управления. Законодатель, отказавшись от модели «контролируемой автономии», устоявшейся в российской практике с начала 2000-х годов, фактически осуществил институциональную интеграцию местного самоуправления в единое целое с органами государственной власти, что неизбежно повлекло трансформацию оснований экономической самостоятельности муниципальных образований как одного из фундаментальных принципов местного самоуправления, закрепленного в статье 12 Конституции РФ.

Экономическая самостоятельность органов местного самоуправления вновь выдвинута на первый план в связи с реализацией положений закона 33-ФЗ. Единая система публичной власти предполагает не только координацию деятельности различных ее уровней, но и воздействие на финансово-экономические основания функционирования муниципальных образований, что неизбежно затрагивает их автономию.

Анализ нормативного содержания понятия «экономическая самостоятельность» выявляет его полисемантичность. В одном значении оно обозначает способность муниципального образования располагать собственной финансовой базой, достаточной для осуществления переданных полномочий. В другом – правовую гарантию независимости в решении вопросов местного значения, исключающую произвольное вмешательство иных субъектов публичной власти в сферу муниципальной компетенции. Принятие закона 33-ФЗ ставит вопрос о том, сохранится ли равновесие между этими аспектами, либо один из них будет приоритизирован, – и это определяет направление развития муниципально-правовых отношений.

Выходит, экономическая самостоятельность не сводится к однозначному показателю – она одновременно и ресурсная характеристика, и правовой статус. Если закон 33-ФЗ сместит акцент в сторону интеграции муниципалитетов в единую систему публичной власти, то гарантийный аспект самостоятельности окажется под угрозой: формально бюджет может остаться, но решения по его использованию будут все теснее увязаны с позицией региональных властей. Следовательно, для оценки реальной, а не декларативной автономии местного самоуправления недостаточно измерять долю собственных доходов – необходимо анализировать, сохраняется ли право муниципалитета самостоятельно определять направления их расходования.

В российской правовой доктрине данная проблема изначально рассматривалась через соотношение двух принципов: самостоятельности местного самоуправления и финансовой самостоятельности как ее ресурсного обеспечения. Принципы эти тесно связаны, однако не совпадают. Ю.И. Булатов в своей диссертационной работе, посвященной правовому обеспечению принципа финансовой самостоятельности, точно определил границу между указанными принципами, указав, что «если в государстве не обеспечивается принцип самостоятельности местного самоуправления, значит, в нем вообще нет местного самоуправления, есть только местные органы власти» [1]. Это положение приобретает значение после принятия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Закон фактически изменил определение местного самоуправления: если ранее действующий Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ трактовал его как «форму осуществления народом своей власти», то 33-ФЗ называет местное самоуправление «формой самоорганизации граждан». Терминологическая замена не случайна – она фиксирует концептуальный сдвиг: местное самоуправление перестает восприниматься как самостоятельный уровень публичной власти и начинает рассматриваться как интегрированный элемент единой системы публичной власти, работающий в координации с органами государственной власти.

Вместе с тем статья 1 закона 33-ФЗ содержит оговорку: местное самоуправление остается самостоятельным в пределах своих полномочий, а органы местного самоуправления

формально не входят в систему органов государственной власти. Формально правовой статус местного самоуправления как отдельного института публичной власти сохраняется, однако его реальное содержание претерпевает существенные изменения в связи с введением новых механизмов взаимодействия с органами государственной власти субъектов РФ, в том числе в сфере формирования органов местного самоуправления и распределения полномочий. В этих условиях вопрос о сохранении экономической самостоятельности муниципальных образований выходит на первый план, поскольку именно финансовые ресурсы обеспечивают реальную, а не декларативную автономию местного самоуправления.

Коновалюк О.В., исследуя законодательные источники закрепления принципа финансово-экономической самостоятельности, пришла к выводу, что в российском законодательстве данный принцип «достаточно не проработан и напрямую не закреплен» [2], однако его содержание косвенно вытекает из ч. 1 ст. 132 Конституции РФ. Данное конституционное положение сохраняет свою актуальность и после принятия закона 33-ФЗ, поскольку новый закон не вносит изменений в конституционные нормы, а лишь конкретизирует их применительно к обновленной модели организации местного самоуправления. Отсюда следует, что экономическая самостоятельность продолжает базироваться на трех конституционных гарантиях: праве на муниципальную собственность, бюджетной компетенции и налоговой компетенции. Однако реальное содержание каждой из этих гарантий в условиях единой системы публичной власти требует переосмысления.

Муниципальные финансы, как верно отметили Е.Ф. Николаева и Ф.В. Авдюков составляют «основу экономической самостоятельности муниципальных образований», при этом местный бюджет выступает «централизованным фондом финансовых ресурсов отдельного муниципального образования, формирование, утверждение и исполнение, а также контроль за исполнением которого осуществляются органом местного самоуправления самостоятельно» [3, с. 64]. Данное положение непосредственно вытекает из конституционных норм и подтверждается положениями Бюджетного кодекса РФ. Однако практика формирования местных бюджетов демонстрирует существенное несоответствие между декларативной самостоятельностью и реальной финансовой зависимостью большинства муниципальных образований.

Д.В. Нехайчук и Ю.С. Нехайчук, анализируя бюджетный потенциал органов местного самоуправления, обосновали вывод, что «увеличение доли собственных доходов местных бюджетов является стратегическим вопросом финансовой автономии соответствующих административно-территориальных единиц» [4, с. 107]. При этом авторы подчеркивают, что концептуальные основы финансовой независимости заключаются в «оптимальном учете интересов населения, местного самоуправления, государства и предпринимательских структур». Данный тезис приобретает особую актуальность в контексте закона 33-ФЗ, поскольку новая модель распределения полномочий, предусматривающая три категории полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (не подлежащие перераспределению, подлежащие перераспределению и потенциально передаваемые органам местного самоуправления), создает принципиально новую ситуацию для формирования доходной части местных бюджетов.

Статья 32 закона 33-ФЗ разграничивает полномочия по обеспечению жизнедеятельности населения на три категории: а) полномочия, не подлежащие перераспределению между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ; б) полномочия, которые могут быть перераспределены законом субъекта РФ для осуществления органами государственной власти субъекта РФ; в) полномочия, в отношении которых законом субъекта РФ может быть принято решение об осуществлении органами местного самоуправления. Сама по себе такая градация выглядит как попытка сохранить местное самоуправление, однако категория «б» фактически легализует отъем полномочий без согласования с муниципалитетом – достаточно принятия закона субъекта, а категория «в» создает полномочия, которые формально числятся за местным самоуправлением, но реализуются по правилам, диктуемым регионом, то есть это не самостоятельность, а делегирование от имени субъекта. При этом закон не устанавливает критериев распределения полномочий между категориями «б» и «в»: нет ни требования экономической обоснованности, ни процедуры учета мнения муниципалитетов, и решение принимается односторонне – исходя из политической целесообразности, а не правовой логики. Таким образом, статья 32 демонстрирует характерную для закона 33-ФЗ технику: формальное сохранение института местного самоуправления при фактической утрате им содержания, когда муниципалитет остается ответственным перед населением, но лишается

инструментов выполнения этой ответственности – либо потому, что полномочие забрано, либо потому, что оно превращено в функцию, подконтрольную региону.

Такая градация означает, что объем полномочий, а следовательно, и объем соответствующих расходных обязательств муниципальных образований, становится вариативным и зависит от решений регионального законодателя. В этих условиях принцип соразмерности собственных доходов полномочиям, выведенный из ст. 8 Европейской хартии местного самоуправления и акцентированный в отечественной доктрине Коновалюк О.В., реализуется лишь номинально: муниципальное образование не может заранее спрогнозировать объем своих расходных обязательств, поскольку значительная часть полномочий находится в сфере дискреции субъекта РФ [2].

Вместе с тем закон 33-ФЗ сохраняет положение о том, что органы местного самоуправления самостоятельно формируют и утверждают местные бюджеты (что соответствует ч. 1 ст. 132 Конституции РФ). Однако самостоятельность бюджетного процесса не отменяет проблему зависимости местных бюджетов от межбюджетных трансфертов. Согласно позиции О.И. Булатова, финансовая обеспеченность муниципальных образований является необходимым условием реализации их самостоятельности. В ситуации недостаточности собственных доходных источников органы местного самоуправления вынуждены прибегать к межбюджетным трансфертам, что неизбежно порождает вертикальную зависимость от центральных властей и существенно нивелирует потенциал автономного принятия решений по вопросам территориального развития [5, с. 88]. Данное положение приобретает дополнительное значение в свете новых полномочий высшего должностного лица субъекта РФ по отстранению главы муниципального образования от должности, предусмотренных ст. 38 закона 33-ФЗ, что создает дополнительные рычаги регионального воздействия на муниципальные органы.

Вторая конституционная гарантия экономической самостоятельности – право на муниципальную собственность – также претерпевает трансформацию в условиях единой системы публичной власти. Коновалюк О.В. обосновала, что муниципальная собственность, как имущественный комплекс, позволяет на ее базе размещать администрацию муниципального образования, школы, детские сады и иные муниципальные предприятия и учреждения, а также является источником пополнения муниципальной казны неналоговыми доходами [2]. Данная функция муниципальной собственности сохраняется и после принятия закона 33-ФЗ, однако новые положения о территориальной реформе и укрупнении муниципальных образований создают риски изменения правового режима муниципального имущества в ходе преобразований.

Закон 33-ФЗ предусматривает развитие одноуровневой системы организации местного самоуправления с возможностью сохранения двухуровневой системы для субъектов РФ, имеющих социально-экономические, исторические, национальные и иные особенности. В условиях, когда границы муниципального образования определяются не инициативой местного сообщества, а решением регионального парламента, экономическая самостоятельность приобретает иной характер: она перестает быть результатом самостоятельного выбора граждан и превращается в элемент административно-управленческого регулирования.

Вместе с тем закон 33-ФЗ сохраняет положение о том, что органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью (что соответствует конституционной норме). Однако реальная самостоятельность в этой сфере ограничивается федеральным законодательством о приватизации, а также решениями органов государственной власти о передаче отдельных объектов муниципальной собственности в федеральную или региональную собственность.

Третья конституционная гарантия экономической самостоятельности – право на установление местных налогов и сборов – представляет собой наиболее уязвимый элемент муниципальной финансовой автономии. Коновалюк О.В., опираясь на ст. 8 Европейской хартии местного самоуправления, выделила среди составляющих принципа финансово-экономической самостоятельности «самостоятельное установление ставок местных налогов и сборов, за счет которых пополняется бюджет» [2]. Однако в российской правовой действительности данная гарантия реализуется весьма ограниченно: Налоговый кодекс РФ относит к местным налогам лишь земельный налог, налог на имущество физических лиц и торговый сбор, при этом ставки этих налогов устанавливаются в пределах, определенных федеральным законодательством.

Закон 33-ФЗ допускает, что субъект РФ законодательно закрепляет дополнительные гарантии для главы муниципального образования в связи с замещением государственной должности субъекта РФ, а расходы на эти гарантии

несет бюджет субъекта. Такая норма ведет к переплетению бюджетных средств разных уровней и укрепляет зависимость муниципалитетов от регионального финансирования.

Принцип финансовой самостоятельности, как справедливо указывает О.И. Булатов, следует отличать от принципа самостоятельности бюджетов [1]. Закон 33-ФЗ ставит под угрозу оба принципа: самостоятельность бюджетов сужается из-за необходимости согласования с органами государственной власти, а финансовая самостоятельность – из-за недостаточного объема собственных доходов.

Анализ структуры доходов местных бюджетов показывает, что межбюджетные трансферты играют ведущую роль в финансировании органов местного самоуправления. По мнению Е.Ф. Николаевой и Ф.В. Авдюкова, муниципальные финансовые ресурсы складываются из трех элементов: межбюджетных трансфертов, внутренних доходов территории и привлеченного капитала в форме муниципальных заимствований. При этом авторы отмечают: «структура местных финансов определяет самостоятельность данного муниципального образования, поскольку доминирование первой или третьей группы рождает зависимость от государства или кредитных учреждений» [3, с. 65]. Это утверждение не утратило актуальности после принятия закона 33-ФЗ – новый закон не затронул структуру доходов местных бюджетов и не создал новых собственных источников доходов для муниципалитетов. Указанная классификация, хотя и охватывает все формальные категории, упускает качественное различие между этими источниками. В действительности при централизованной фискальной системе собственных доходов муниципалитетов недостаточно для реальной автономности. Что касается заемных средств, то их декларируемая доступность часто оборачивается жесткими ограничениями, которые диктует региональная долговая политика. Таким образом, формальное наличие трех каналов финансирования не гарантирует их равнозначной реализуемости на практике, что обусловливает необходимость дифференцированного подхода к оценке финансовой устойчивости местного самоуправления.

Проблема зависимости от трансфертов усугубляется тем обстоятельством, что закон 33-ФЗ предусматривает перераспределение части полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ. При этом механизм компенсации расходов, связанных с осуществлением переданных полномочий, остается недостаточно проработанным. В условиях единой системы публичной власти, где акцент делается на согласованности действий различных уровней публичной власти, риск неполной компенсации расходов возрастает, поскольку решения о перераспределении полномочий могут приниматься в рамках «вертикали» без достаточного учета интересов муниципальных бюджетов.

Нехайчук Д.В. и Нехайчук Ю.С. справедливо указали, что «концептуальные основы финансовой независимости местного самоуправления заключаются в оптимальном учете интересов населения, местного самоуправления, государства и предпринимательских структур» [4, с. 107]. Однако в условиях закона 33-ФЗ баланс этих интересов смещается в пользу государственных структур: новые механизмы взаимодействия, включая возможность избрания главы муниципального образования по представлению высшего должностного лица субъекта РФ, а также право высшего должностного лица отстранять главу от должности, создают предпосылки для подчинения муниципальных интересов региональным приоритетам. В этих условиях оптимальное соотношение интересов различных субъектов требует дополнительных правовых гарантий, обеспечивающих защиту муниципальных бюджетных интересов.

Анализ положений закона 33-ФЗ позволяет сделать вывод о том, что законодатель не отказался от принципа экономической самостоятельности органов местного самоуправления, однако трансформировал механизмы его реализации в соответствии с логикой единой системы публичной власти. Сохранение конституционных гарантий (самостоятельное управление муниципальной собственностью, формирование и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов) свидетельствует о том, что экономическая самостоятельность остается элементом правового статуса местного самоуправления. Однако реальное содержание этой самостоятельности определяется не только конституционными нормами, но и федеральным законодательством о налогах, о бюджетной системе, о муниципальной собственности, а теперь и новыми положениями закона 33-ФЗ о взаимодействии с органами государственной власти.

О.И. Булатов в диссертационном исследовании трактовал принцип финансовой самостоятельности местного самоуправления через бюджетное равновесие – соизмеримость либо превосходство доходной части муниципальных бюджетов над расходными обязательствами. Исследователь вывел количественный критерий: собственные

доходы территориального образования должны покрывать не менее трех четвертей совокупных бюджетных ресурсов – только при таком соотношении можно говорить о реальной, а не декларативной финансовой автономии [1]. На практике этот критерий соблюдается лишь у небольшой части муниципалитетов, в основном крупных городов с развитой налоговой базой. Для большинства муниципалитетов характерна ситуация, когда собственные доходы покрывают лишь незначительную часть расходов, а основную нагрузку несут межбюджетные трансферты.

Следует, однако, отметить, что предложенный пороговый показатель, будучи эвристически продуктивным, не учитывает структурную неоднородность муниципальных образований. Для территорий с ограниченным налоговым потенциалом – преимущественно сельских поселений и малых городов –достижение указанного соотношения оказывается практически невыполнимым без масштабной трансформации межбюджетных отношений, что ставит под вопрос универсальную применимость данного критерия в условиях территориальной дифференциации экономического развития.

В условиях закона 33-ФЗ данная проблема не получает прямого решения. Закон не вводит новых источников собственных доходов, не расширяет налоговую компетенцию органов местного самоуправления, не изменяет порядок формирования местных бюджетов. Вместе с тем закон создает новые институциональные условия, которые могут как усилить бюджетную зависимость муниципалитетов (в случае массового перераспределения полномочий в пользу региональных органов), так и, при определенных условиях, способствовать ее снижению (если перераспределение полномочий будет сопровождаться адекватной компенсацией и сохранением собственных доходных источников).

Таким образом, экономическая самостоятельность органов местного самоуправления в условиях действия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ сохраняет свое конституционное основание, однако приобретает модифицированное содержание, адаптированное к логике единой системы публичной власти. Реализация этого принципа требует комплексного подхода, включающего совершенствование налогового законодательства, укрепление собственной доходной базы муниципальных образований, обеспечение полной компенсации расходов при перераспределении полномочий и развитие механизмов судебной защиты муниципальных бюджетных интересов.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно состояния и перспектив экономической самостоятельности органов местного самоуправления в условиях действия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ.

Во-первых, принятие закона 33-ФЗ не отменило конституционные основания экономической самостоятельности муниципальных образований. Сохранение в тексте закона положений о самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий, об отсутствии включения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти, а также прямое воспроизведение конституционных гарантий (самостоятельное управление муниципальной собственностью, формирование и исполнение местного бюджета, установление местных налогов и сборов) свидетельствуют о том, что законодатель рассматривает экономическую самостоятельность как неотъемлемый элемент правового статуса местного самоуправления. Однако констатация формального сохранения принципа не отвечает на вопрос о реальном содержании экономической самостоятельности в новых институциональных условиях.

Во-вторых, главным фактором, определяющим перспективы экономической самостоятельности в условиях закона 33-ФЗ, является механизм перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ. Введение трех категорий полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (не подлежащих перераспределению, подлежащих перераспределению и потенциально передаваемых) создает принципиально новую ситуацию для формирования расходных обязательств муниципальных образований. Объем этих обязательств становится вариативным и зависит от решений регионального законодателя, что ставит под вопрос принцип соразмерности собственных доходов полномочиям. В этих условиях экономическая самостоятельность перестает быть функцией исключительно муниципального самоуправления и превращается в результат бюджетно-полномочного взаимодействия с субъектом РФ.

В-третьих, Закон 33-ФЗ не устранил структурный дефицит собственных доходов местных бюджетов. Сохранение существующей системы местных налогов и сборов, ограниченность налоговой компетенции органов местного самоуправления, доминирующая роль межбюджетных трансфертов в формировании

доходной части бюджетов большинства муниципалитетов – все эти факторы продолжают действовать и после принятия нового закона. При этом дополнительные инструменты влияния, предоставленные высшим должностным лицам субъектов РФ (включая новые способы формирования органов местного самоуправления и право отстранения главы муниципального образования от должности), создают предпосылки для усиления бюджетной зависимости муниципалитетов от региональных органов власти.

В-четвертых, проблема экономической самостоятельности в условиях закона 33-ФЗ требует разграничения формальной и реальной самостоятельности. Формальная самостоятельность сохраняется: органы местного самоуправления по-прежнему утверждают местные бюджеты, управляют муниципальной собственностью, устанавливают ставки местных налогов в пределах, определенных федеральным законодательством. Реальная самостоятельность же определяется способностью муниципального образования обеспечивать решение возложенных на него задач за счет собственных доходов без чрезмерной зависимости от трансфертов. В настоящее время данный критерий выполняется лишь для ограниченного круга муниципалитетов с развитой налоговой базой.

В-пятых, перспективы обеспечения экономической самостоятельности в условиях единой системы публичной власти связаны с необходимостью комплексного совершенствования законодательства. Ключевыми направлениями здесь выступают: расширение перечня местных налогов и сборов с предоставлением органам местного самоуправления большей дискреции в установлении их ставок; обеспечение полной и своевременной компенсации расходов при перераспределении полномочий; развитие механизмов судебной защиты муниципальных бюджетных интересов; укрепление правового режима муниципальной собственности, исключающего ее произвольное изъятие; совершенствование методики межбюджетных трансфертов с учетом реальной потребности муниципальных образований в финансовых ресурсах.

Таким образом, экономическая самостоятельность органов местного самоуправления в условиях действия Федерального закона № 33-ФЗ находится на перекрестке конституционных гарантий и новых институциональных реалий единой системы публичной власти. Сохранение формальных атрибутов самостоятельности сочетается с трансформацией ее реального содержания под влиянием механизмов взаимодействия с органами государственной власти. Преодоление имеющегося противоречия между декларативным характером экономической самостоятельности и ее фактической ограниченностью требует дальнейшего совершенствования как федерального законодательства, так и законодательства субъектов РФ, а также развития правоприменительной практики, обеспечивающей баланс между интересами единой системы публичной власти и автономией местного самоуправления.

Список литературы:

[1] Булатов, Ю. И. Правовое обеспечение принципа финансовой самостоятельности местного самоуправления в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук / Ю.И. Булатов. – Уфа, 2010. – 211 с.

[2] Коновалюк, О. В. Понятие и реализация принципа финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления / О.В. Коновалюк // Политика, государство и право. – 2014. – № 11(35). – С. 66-69.

[3] Николаева, Е. Ф. Финансы муниципального образования / Е. Ф. Николаева, Ф. В. Авдюков // Системные технологии. – 2017. – № 3(24). – С. 64-68.

[4] Нехайчук, Д. В. Укрепление бюджетного потенциала для обеспечения финансовой независимости органов местного самоуправления / Д. В. Нехайчук, Ю. С. Нехайчук // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 99-109.

[5] Булатов, Ю. И. Содержание принципа финансовой самостоятельности местного самоуправления / Ю. И. Булатов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 5(181). – С. 88-92.

References:

[1] Bulatov, Yu. I. Legal support of the principle of financial independence of local self-government in the Russian Federation: dis. cand. jurid. Sciences/Yu.I. Bulatov. - Ufa, 2010. - 211 s.

[2] Konovalyuk, O. V. The concept and implementation of the principle of financial and economic independence of local self-government/O.V. Konovalyuk//Politics, state and law. – 2014. – № 11(35). - S. 66-69.

[3] Nikolaev, E.F. Finance of the municipality/ E.F. Nikolaev, F.V. Avdyukov//System technologies. – 2017. – № 3(24). - S. 64-68.

[4] Nekhaychuk, D.V. Strengthening budgetary capacity to ensure financial independence of local governments/D.V. Nekhaychuk, Yu. S. Nekhaychuk// Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. – 2018. - T. 20, NO. 1. - S. 99-109.

[5] Bulatov, Yu. I. Content of the principle of financial independence of local self-government/Yu. I. Bulatov//Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. – 2010. – № 5(181). - S. 88-92.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-163-168
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАРТУХИН Вячеслав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, директор Владимирского филиала РАНХиГС,

e-mail: kartukhin-vy@ranepa.ru

КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО: ИСТОКИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам правового регулирования освоения космического пространства. В работе дана авторская интерпретация космического права; определено его место в системе международного и национального законодательства. В работе в обзорном порядке приведен ряд научно-практических проблем, необходимость решения которых будет определять вектор правового регулирования отношений в космосе в ближайшее время. Констатировано, что с учетом развития науки и техники в настоящее время назрела необходимость дать правовой ответ на вызовы технологического, экономического развития, решить проблемы, связанные с обеспечением мирного использования космоса и сокращения рисков его милитаризации. Охарактеризован опыт работы Лаборатории космического права Владимирского филиала Президентской академии и описаны направления работы данного экспертно-научного объединения.*

Ключевые слова: *космическое право, освоение космоса, лаборатория космического права, космические ресурсы.*

KARTUKHIN Vyacheslav Yurievich,

Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SPACE LAW: ORIGINS, CURRENT STATE, AND NEW CHALLENGES

Annotation. *The article is devoted to the issues of legal regulation of space exploration. The author provides an interpretation of space law and defines its place in the system of international and national legislation. The article provides an overview of a number of scientific and practical issues that need to be addressed in order to determine the future direction of legal regulation of space relations. It is stated that, given the current development of science and technology, there is a need to provide a legal response to the challenges of technological and economic development, as well as to address the issues related to ensuring the peaceful use of space and reducing the risks of its militarization. The experience of the Space Law Laboratory of the Vladimir branch of the Presidential Academy is described, and the areas of work of this expert and scientific association are outlined.*

Key words: *space law, space exploration, space law laboratory, space resources.*

Освоение космического пространства с середины прошлого века стало реальностью международных отношений. С развитием науки и техники, первыми успехами в космической деятельности в середине XX века возникла необходимость в правовом урегулировании, причем, ввиду глобального характера космоса, именно на международном уровне.

Еще до ключевых событий, ознаменовавших собой открытие космоса: запуска первого искусственного спутника Земли и первого полета человека в космос – не только писатели-фантасты, но и ученые-юристы ставили перед собой вопросы о последствиях освоения космоса, юридических препятствиях и факторах, определяющих успешность этой деятельности. Но именно с момента открытия космической эры и активного освоения космоса в середине прошлого века на международном уровне были приняты соглашения, регламентирующие данную деятельность.

Международными договорами, регламентирующими деятельность по освоению космического пространства, являются:

Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического

пространства (1963 г.);

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1967 г.) (далее также - Договор о космосе);

Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968 г.);

Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972 г.);

Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1974 г.);

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979 г.).

При этом именно Договор о космосе 1967 года признается исследователями наиболее значимым актом, регулирующим данную сферу [3].

Как видно, перечень вопросов, регулируемых данными международными соглашениями не затрагивает многих актуальных аспектов развития космической сферы. В период их принятия, с учетом уровня научно-технологического развития, экономико-политической ситуации их было достаточно, однако, сейчас возникают новые вопросы, связанные с развитием космической деятельности, которые не урегулированы нормами международного права. Некоторые из этих вопросов решаются средствами так называемого «мягкого права» (термин из науки международного права, описывающий не являющиеся обязательными нормы). Примером могут служить резолюции Генеральной ассамблеи ООН. По общему правилу, такие резолюции носят рекомендательный характер, хотя впоследствии и могут выступать основой для нормообразования (к примеру, именно Резолюции 1962 г. (XVIII) Генеральной Ассамблеи ООН стала основой для Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.).

Развитие космической отрасли остается одним из факторов международного лидерства, определяющим конкурентоспособность стран в технологической, военной, экономической сферах. Новый скачок в развитии космоса связан с планируемыми освоением Луны (такую программу реализует Россия и КНР, а также США в рамках проекта «Артемида), практическим использованием ресурсов иных тел, развитием частной туристкой деятельности в космосе. С учетом развития науки и техники в настоящее время назрела необходимость дать правовой ответ на вызовы технологического, экономического развития, решить проблемы, связанные с обеспечением мирного использования космоса и сокращения рисков его милитаризации.

Задача по развитию нормативного регулирования космической деятельности ставится и в стратегических документах Российской Федерации. Так, в качестве одной из задач международного сотрудничества Российской Федерации в области космической деятельности определено «активное участие в рассмотрении и решении вопросов, связанных с развитием международного космического права, включая целесообразность разработки всеобъемлющей Конвенции ООН по космическому праву, в целях обеспечения интересов Российской Федерации» [11].

Современное международное право должно учитывать ряд высокорисковых проблем, над регулированием которых уже следует не только задумываться, но и активно работать. К ним следует отнести правовое регулирование атомной энергетики в космосе, колонизации небесных тел, а также возможных правоотношений по поводу других объектов в космическом пространстве (спутников, станций и пр.). Также нельзя не учитывать нарастающие риски милитаризации космоса, которые возникают несмотря на наличие в международном праве принципа мирного использования космического пространства.

Охарактеризуем некоторые из указанных проблем, требующих международно-правового урегулирования, отдельно.

Первая проблема, на которую стоит обратить внимание, состоит в том, что некоторые страны в попытке обеспечить юридическое «первенство» в освоении ресурсов космоса, принимают внутренние правовые акты, противоречащие принципам и «духу» международного космического права [1]. Внутригосударственное регулирование определяется политическими, экономическими, технологическими факторами.

Например, в некоторых зарубежных странах принимаются нормативные правовые акты, направленные на присвоение первоочередного права добычи ресурсов, что противоречит международным соглашениям. Так, основополагающий международный акт о космосе – Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 года – запрещает национальное присвоение, определяя, что «космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни

путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». При этом ключевую роль в реализации принципа «неприсвоения» космических ресурсов, как отмечается в литературе, сыграли советские ученые-юристы [2].

В 2015 году в Конгрессе США был принят закон «Об исследовании и использовании ресурсов космоса», который по сути разрешил частным компаниям добывать полезные ископаемые на астероидах. Данный факт был определен некоторыми учеными и практиками как нарушение норм международного права, так как «односторонние внутригосударственные инициативы могут привести к созданию множества несовместимых национальных режимов регулирования, что чревато межгосударственными конфликтами и может отрицательно сказаться на устойчивости космической деятельности» [12].

В продолжение политики «либерализации» космической деятельности, Президент США Д. Трамп 6 апреля 2020 г. подписал Указ о поощрении международной поддержки добычи и эксплуатации космических ресурсов.

Аналогичные по содержанию акты были приняты в 2017 году - Герцогством Люксембург, Объединенными Арабскими Эмиратами в 2019, Японией – в 2021 г.

Указанный пример приведен в иллюстративном порядке, но он демонстрирует противоречивость притязаний одних государств на общие ресурсы космоса и общих принципов международного права. Еще в 2018 году второй секретарь отдела международного публичного права Правового департамента МИД России кандидат юридических наук О. А. Волынская отметила, что подобными актами «под угрозу поставлен соблюдавшийся десятилетиями баланс государственных и частных интересов в области космической деятельности в свете устремлений одного государства монополизировать сферу освоения космических ресурсов» [7].

Насколько допустимы такие действия? Ответ должно дать международное сообщество. В любом случае, «международно-правовой режим должен быть установлен до того, как начнут возникать многочисленные международные споры и конфликты» [9]. Требуется международно-правовое регулирование данного вопроса, поскольку его актуальность будет только возрастать: разведка, добыча и переработка полезных ископаемых на астероидах уже признается некоторыми исследователями космоса самостоятельной отраслью промышленности [8]. Научный руководитель Института астрономии РАН Б. М. Шустов в одной из своих публикаций прогнозировал: «Возможно, уже в недалеком будущем человечество по-настоящему выйдет в космос и сможет жить там на постоянной основе - тогда космические ресурсы пригодятся всем» [8]. По мнению ученого-физика, Россия должна стать лидером в этой области.

Один из вызовов связан с развитием механизмовгосударственно-частногопартнерства. Российское законодательство не предусматривает правовой возможности для государственно-частного партнерства в космической сфере (в частности, законодательство о государственно-частном и муниципально-частном партнерстве, о концессионных соглашениях не содержит соответствующих положений). С этой точки зрения интересна судьба проекта закона «О предпринимательской деятельности в области исследования и использования космического пространства». Работа над данным правовым актом велась с 1996 года. Проект был разработан, принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ, позже в установленный срок одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ, однако Президент РФ (в тот период Б. Н. Ельцин) отклонил законопроект [10]. В то же время этот вопрос рано или поздно встанет и в освоении и развитии космического пространства и дальше будут участвовать неправительственные организации, частные инвесторы, что приведет сначала к изменениям во внутреннем законодательстве, а, затем, и в международно-правовом регулировании данных отношений в сфере упорядочения данной деятельности. По некоторым данным, объём глобальной космической экономики уже превысил 500 миллиардов долларов США и, по прогнозам, к 2030 году достигнет 1 триллиона долларов [13].

Полагаем, в дальнейшем на национальном уроне и на уровне международных соглашений будет необходимо определить, какие в каких сферах (отраслях) космической промышленности могут быть вовлечены частные субъекты, в каких – нет. При этом необходимо учитывать, что государства сейчас находятся перед выбором: с одной стороны, необходимо обеспечивать национальную безопасность и контролировать использование космического пространства непубличными субъектами; с другой – необходимо создавать оптимальные условия для осуществления коммерческой деятельности частными субъектами [3].

Одним из перспективных направлений государственно-частного партнерства может стать развитие космического туризма. В российском законодательстве не регламентирован статус космического туриста и космического туризма, в связи с чем в перспективе с учетом потенциальной

востребованности этой сферы в будущем будет целесообразно внести изменения и дополнения в Закон РФ «О космической деятельности», Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [5]. Требуется принятие нормативных актов, посвященных правилам отбора и подготовки туристов для участия в коммерческих космических полетах, а также порядку (стандартам) предполетного и послеполетного медицинского обследования.

Еще одной актуальной проблемой является отсутствие в международном праве норм управления космическими движением, что угрожает безопасности полетов и увеличивает риски образования космического мусора.

Негативные примеры, связанные с образованием космического мусора, уже известны. Например, в октябре 2024 года российская автоматизированная система предупреждения об опасных ситуациях в околоземном космическом пространстве (АСПОС ОКП) зафиксировала разрушение европейского спутника связи Intelsat 33e, более 80 образовавшихся фрагментов угрожали ближайшим аппаратам [14]. Всего же по оценкам ученых, сейчас на орбите Земли находится около 34 тысяч обломков размером более 10 см и порядка 128–130 миллионов частиц размером от 1 мм до 10 см [15]. Одно столкновение спутников с мусором с мусором может причинить не только экологический вред, но и ущерб экономике. Необходима интеграция правовых, технических, экономических решен для обеспечения устойчивости орбитальной деятельности.

Космическое право имеет большие перспективы, которые напрямую связаны с научно-техническим прогрессом; оно содержит в себе неиссякаемый огромный потенциал, поскольку человечество, с одной стороны, не способно знать все, что его ожидает в бесконечных глубинах Вселенной, а с другой – продолжает деятельность по освоению космического пространства.

Обобщая сказанное, следует признать факт отставания от общественной жизни практики как международного регулирования, так и национального регулирования деятельности в космическом пространстве. С учетом современного состояния, тенденций и перспектив развития космической деятельности, а также принимая во внимание основные векторы международно-правового и национально-правового регулирования, на заседании международного клуба «Диалог» в ноябре 2025 года было принято решение о создании на площадке Владимирского филиала РАНХиГС Лаборатории космического права.

Основные задачи Лаборатории лежат в плоскостях исследования проблем (международно-правовых, внутригосударственных), возникающих в процессе урегулирования деятельности, связанной с освоением космоса; популяризации космического права в юридическом сообществе как универсального инструмента поиска компромисса космической сфере и урегулирования наличествующих или потенциальных противоречий; правовом просвещении различных категорий населения по вопросам урегулирования различных аспектов космической деятельности; формирование экспертных позиций.

В феврале – марте 2026 года были проведены «круглые столы» с участием космонавтов, сотрудников Центра подготовки космонавтов имени Юрия Алексеевича Гагарина, представителей общественных организаций, посвященных

В рамках данных научно-представительских мероприятий затрагивались следующие вопросы:

научно-техническое наследие России как фундамент лидерства в космической сфере;

вопросы развития частной космической деятельности, частно-государственное партнерство;

использование потенциала космических технологий в контексте устойчивого развития.

Основные направления работы Лаборатории космического права будут определяться многогранностью сферы правового регулирования космического права, которая весьма обширна: это отношения в области грузовой и военной навигации, космотранспорта и ресурсного промысла, добычи биологических и минеральных ресурсов, а также такие аспекты космической деятельности, как космонавтика и космические исследования, астрономия, небесная механика, аэродинамика и др. [4]. Конфликтность, которая является неизбежным спутником человечества, и нередко выливается в вооруженные конфликты, может привести к формированию космического гуманитарного права. Уже сейчас остро стоит вопрос захламления космического пространства, что стимулирует появление космического экологического права.

Таким образом, космическое право при желании, опирающемся как на существующие реалии, так и на научное прогнозирование, можно по аналогии с международным правом распределить по институтам, отраслям и подотраслям с учетом их взаимосвязи, обуславливающей его целостность (т.е. целостность космического права).

С учетом того, что с точки зрения системы права космическое право можно отнести как к международному публичному праву, рассматривая

его в качестве подотрасли данной правовой системы (Есть две точки зрения о соотношении международного права и внутригосударственного. Согласно первой, международное право образует вместе с внутригосударственным правом единую правовую систему. Вторая точка зрения заключается в том, что международное право и внутригосударственное право представляют собой две различные правовые системы (см.: [6]), так и к сфере регулирования интеграционного права (В рамках интеграционного права больше обращают внимание на «земные» проблемы, что не исключает возможности вкрапления в это смысловое поле и «традиционных» вопросов космического права), национального законодательства, к работе Лаборатории будут привлечены юристы-международники, специалисты в области теории государства и права, частного и публичного права.

В планах у коллектива Лаборатории космического права подготовка научных публикаций, проведение просветительских мероприятий и экспертных площадок в рамках работы международного клуба «Диалог».

Подводя итоги, отметим следующее. Переход освоения космоса на новый этап развития определяет необходимость исследования практических проблем, возникающих в космосе, решения задач межгосударственного сотрудничества. Сотрудничество по вопросам космоса иллюстрирует силу и значение научного диалога в формировании конструктивных международных отношений между государствами. Международное сообщество в настоящий момент предпринимает совместные усилия по формированию и развитию международного космического права. Космическое право становится инструментом для поиска баланса между интересами коммерческих корпораций, государства, межгосударственных организаций, и актуальность научного осмысления данных вопросов будет возрастать.

Список литературы:

[1] Агапова М.Р. Национальное право Соединенных Штатов Америки о коммерциализации космической деятельности и его соотношение с нормами международного космического права // Актуальные проблемы российского права. 2025. №4. С. 167 - 181.

[2] Василевская Э.Г. Правовые проблемы освоения Луны и планет. М., 1974. 129 с.

[3] Волынская О.А. Инновации и космос: международно-правовые аспекты и опыт зарубежных стран // Московский журнал международного права. №1. 2012. С. 184-193.

[4] Годунов И.В. Космическое право: учебно-методическое пособие. М., 2026. 388 с.

[5] Малеина М.Н. Формирование в России правового статуса космического туриста // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 135 - 145.

[6] Международное право: учеб. для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Ашавский Б.М. и др.]; под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. – 3-е изд., испр. – М.: Омега-Л, 2008. 831 с.

[7] Хаванова И. А., Сакаева О. И., Макарова А. Л. Предчувствие космоса: сопряжение международно-правового и национально-правового регулирования // Журнал российского права. 2018. №3 (255). С. 154-161.

[8] Шустов Б. М. Космические ресурсы для развития экономики и науки // ВКС. 2019. №4 (101). С. 48-57.

[9] Юзбашян М. Р. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право // Московский журнал международного права. 2017. №106 (2). С. 71-86.

[10] Якушева Р.Р. О возможности коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации: правовой анализ законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 5. С. 109 - 123.

[11] Основные положения Основ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом РФ от 19.04.2013 N Пр-906.

[12] Комитет по использованию космического пространства в мирных целях, Юридический подкомитет, пятьдесят шестая сессия Вена, 27 марта – 7 апреля 2017 года. XIII. Общий обмен мнениями о возможных моделях правового регулирования деятельности по исследованию, освоению и использованию космических ресурсов. См.: URL: http://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/ documents/2017/aac.105c.2l/aac.105c.2l.30 1add.1_0.html (accessed date: 18.04.2026).

[13] Региональная космическая интеграция: 5-е заседание руководителей космической отрасли в рамках Организации тюркских государств. URL: https://gov.uz/ru/uzspace/news/view/147572 (дата обращения: 20.04.2026).

[14] В Роскосмосе рассказали детали разрушения спутника Intelsat 33e. URL: https://vz.ru/news/2024/10/22/1293801.html (дата обращения: 20.03.2026).

[15] Космический мусор: чем опасно загрязнение околоземного пространства для

спутников и космических исследований. URL: https://ecosphere.press/2026/04/06/kosmicheskij-musor-kak-poyavilas-svalka-na-orbite/ (дата обращения: 20.04.2026).

References:

[1] Agapova M.R. National law of the United States of America on the commercialization of space activities and its relationship with the norms of international space law//Current problems of Russian law. 2025. №4. S. 167-181.

[2] Vasilevskaya E.G. Legal problems of lunar and planetary exploration. M., 1974. 129 pp.

[3] Volynskaya O.A. Innovations and space: international legal aspects and experience of foreign countries//Moscow Journal of International Law. №1. 2012. S. 184-193.

[4] I.V. Godunov. Space law: training manual. M., 2026. 388 pp.

[5] Maleina M.N. Formation of the legal status of a space tourist in Russia//Journal of Russian Law. 2025. № 4. S. 135-145.

[6] International law: students. for students studying in the specialty “Jurisprudence “/[Ashavsky B.M. et al.]; ed. A.A. Kovaleva, S.V. Chernichenko. - 3rd ed., Isp. - M.: Omega-L, 2008. 831 pp.

[7] Khavanova I.A., Sakaeva O.I., Makarova A.L. Premonition of space: conjugation of international legal and national legal regulation//Journal of Russian Law. 2018. №3 (255). S. 154-161.

[8] Shustov B. M. Space resources for the development of economics and science//VKS. 2019. №4 (101). S. 48-57.

[9] Yuzbashyan M.R. US Law on Research and Use of Space Resources 2015 and International Space Law//Moscow Journal of International Law. 2017. №106 (2). S. 71-86.

[10] Yakusheva R.R. On the possibility of commercialization of space activities in the Russian Federation: legal analysis of legislation//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2022. № 5. S. 109-123.

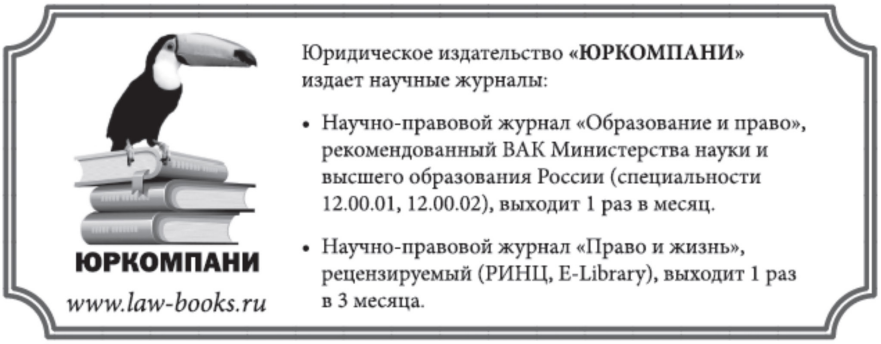
[11] Basic provisions of the Framework of State Policy of the Russian Federation in the Field of Space Activities for the Period up to 2030 and Beyond: approved by President of the Russian Federation dated 19.04.2013 N Pr-906.

[12] Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Legal Subcommittee, fifty-sixth session, Vienna, 27 March-7 April 2017. XIII. General exchange of views on possible models of legal regulation of activities for the exploration, development and use of space resources. См.: URL: http://www.unoosa.org/oosa/oosadoc/data/ documents/2017/aac.105c.2l/aac.105c.2l.30 1add.1_0.html (accessed date: 18.04.2026).

[13] Regional space integration: 5th meeting of space industry leaders within the Organization of Turkic States. URL: https://gov.uz/ru/uzspace/news/view/147572 (access date: 20.04.2026).

[14] Roscosmos told the details of the destruction of the Intelsat 33e satellite. URL: https://vz.ru/news/2024/10/22/1293801.html (access date: 20.03.2026).

[15] Space debris: Why near-Earth space pollution is dangerous for satellites and space exploration. URL: https://ecosphere.press/2026/04/06/kosmicheskij-musor-kak-poyavilas-svalka-na-orbite/ (дата обращения: 20.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-169-174

ВАЛОВ Кирилл Дмитриевич,

Старший преподаватель кафедры публичного права, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»,

e-mail: kerill97@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ЛИЦЕНЗИОННОГО КОНТРОЛЯ В МЕХАНИЗМЕ ПУБЛИЧНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. *В статье исследуются пределы лицензионного контроля в механизме публичного вмешательства в предпринимательскую деятельность. Цель исследования состоит в выявлении нормативных и доктринальных критериев, позволяющих определить допустимый объем контрольного воздействия со стороны лицензирующих органов и отграничить его от избыточного административного вмешательства. Для достижения указанной цели поставлены задачи по анализу положений Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», а также подзаконных актов, регулирующих особенности разрешительной деятельности. Особое внимание уделено соотношению лицензионных требований и обязательных требований, разграничению первичной оценки соответствия, текущего контроля и периодического подтверждения соответствия, а также проблемам приостановления и аннулирования лицензии как наиболее интенсивных форм публичного воздействия на предпринимателя. В статье использованы данные современной отечественной научной литературы и материалы публичных выступлений должностных лиц, что позволило показать системные проблемы лицензионного контроля, связанные с административным усмотрением, недостаточной определенностью процедур и риском расширительного толкования полномочий лицензирующих органов. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений при совершенствовании законодательства о лицензировании, подготовке подзаконных актов, правоприменительной деятельности лицензирующих органов и разработке мер по снижению избыточной административной нагрузки на субъектов предпринимательской деятельности.*

Ключевые слова: *лицензионный контроль, предпринимательская деятельность, публичное вмешательство, лицензионные требования, обязательные требования, административное усмотрение, разрешительная деятельность, государственный контроль.*

VALOV Kirill Dmitrievich,

Senior Lecturer at the Department of Public Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LIMITS OF LICENSING CONTROL IN THE MECHANISM OF PUBLIC INTERVENTION IN ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation *The article examines the limits of licensing control within the mechanism of public interference in entrepreneurial activity. The purpose of the study is to identify regulatory and doctrinal criteria that make it possible to determine the permissible scope of control exercised by licensing authorities and to distinguish it from excessive administrative interference. To achieve this purpose, the study addresses the analysis of the provisions of the Federal Law "On Licensing of Certain Types of Activities," the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation," the Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation," as well as subordinate regulations governing specific features of permitting activities. Particular attention is paid*

to the correlation between licensing requirements and mandatory requirements, the differentiation between initial compliance assessment, ongoing control, and periodic confirmation of compliance, and the issues of suspension and revocation of a license as the most intensive forms of public influence on an entrepreneur. The article relies on modern Russian legal scholarship and public statements of public officials, which makes it possible to demonstrate systemic problems of licensing control associated with administrative discretion, insufficient procedural certainty, and the risk of overly broad interpretation of the powers of licensing authorities. The practical significance of the study lies in the possibility of using the formulated conclusions and proposals in improving licensing legislation, drafting subordinate regulations, enhancing law enforcement practice of licensing authorities, and developing measures aimed at reducing excessive administrative burden on business entities.

Key words: *licensing control, entrepreneurial activity, public interference, licensing requirements, mandatory requirements, administrative discretion, permitting activity, state control.*

Введение

Лицензионный контроль в системе публичного вмешательства в предпринимательскую деятельность представляет собой не самостоятельный изолированный институт, а специальную форму государственно-властного воздействия, которая соединяет допуск хозяйствующего субъекта к отдельному виду деятельности и последующую проверку сохранения условий такого допуска. Именно поэтому пределы лицензионного контроля не могут определяться только интересом администрации к постоянному наблюдению за лицензиатом. Они выводятся из конституционной свободы предпринимательской деятельности, из допустимости ее ограничения исключительно федеральным законом и лишь постольку, поскольку это необходимо для охраны прав и законных интересов других лиц, жизни и здоровья граждан, окружающей среды, безопасности государства. По мнению Н. В. Субановой, «лицензирование – одна из важнейших частей разрешительного порядка» [2]. По мнению С. М. Зырянова и Д. Варговой, разрешительный порядок оправдан лишь там, где «не будут допущены лица, не отвечающие обязательным требованиям» [1]. В этой связи целью исследования является выявление нормативных и доктринальных критериев, ограничивающих допустимые пределы лицензионного контроля в механизме публичного вмешательства в предпринимательскую деятельность.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования в качестве основного материала использованы нормативно-правовые акты, регулирующие лицензионный контроль и смежные формы публичного вмешательства в предпринимательскую деятельность, включая Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ, Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ, а также Постановление Правительства Российской Федерации «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» от 12.03.2022 № 353. В дополнение к ним рассмотрены материалы судебной практики, относящиеся к приостановлению и аннулированию лицензий, научные публикации отечественных правоведов 2021–2025 годов, посвященные разрешительной деятельности, лицензионному контролю и реформе контрольно-надзорной системы, а также публичные выступления должностных лиц, затрагивающие вопросы допустимого объема проверочного воздействия на бизнес.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ нормативных предписаний, определяющих основания, формы и пределы лицензионного контроля; системное толкование норм, регулирующих взаимосвязь лицензионных требований и контрольных процедур; аналитическая интерпретация статистических данных, приведенных в современной научной литературе; а также сопоставление доктринальных позиций по вопросу о допустимом объеме публичного вмешательства в осуществление лицензируемых видов предпринимательской деятельности. Применение комплексного подхода позволило установить, в каких случаях лицензионный контроль сохраняет правовую связь с целями лицензирования, а в каких выходит за пределы допустимого государственного воздействия.

Результаты и обсуждения

Нормативное выражение пределов лицензионного контроля прежде всего закреплено в Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 99-ФЗ»). В части 2 статьи 8 данного закона

установлено, что лицензионные требования определяются положением о лицензировании конкретного вида деятельности, утверждаемым Правительством Российской Федерации, и могут включать требования, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, но лишь в той мере, в какой они служат достижению целей лицензирования. При этом часть 4 статьи 8 прямо запрещает включать в состав лицензионных требований обязанность соблюдения хозяйствующим субъектом требований законодательства Российской Федерации в целом, что имеет принципиальное значение для установления пределов вмешательства. Если законодатель запретил превращать общую обязанность правомерного поведения в лицензионное требование, то лицензирующий орган не вправе использовать лицензионный контроль как универсальный способ проверки любой стороны предпринимательской деятельности. Однако уже на следующем уровне регулирования возникает проблема разграничения между собственно лицензионными требованиями и смежными обязательными предписаниями, что требует обращения к процедуре проверки их соблюдения.

Дальнейшая конкретизация содержится в статье 19 Федерального закона № 99-ФЗ, согласно которой оценка соответствия лицензионным требованиям осуществляется в трех формах, а именно при предоставлении лицензии, в рамках государственного контроля и при периодическом подтверждении соответствия в предусмотренных законом случаях. Уже сама эта конструкция показывает, что закон различает первоначальную проверку, текущий контроль и специальное подтверждение, следовательно, не допускает их фактического слияния в единый непрерывный надзор. В части 1 статьи 19.2 Федерального закона № 99-ФЗ закреплено, что обеспечение соблюдения лицензионных требований осуществляется посредством профилактических, плановых и внеплановых контрольных мероприятий по правилам Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 248-ФЗ»). Отсюда вытекает важный вывод, пределы лицензионного контроля определяются не только содержанием требований, но и законом установленной формой их проверки, а потому повторное выяснение уже подтвержденных обстоятельств вне предусмотренных процедур означает выход за пределы допустимого вмешательства, что подводит к значению общих законов о контроле и об обязательных требованиях.

Эта связь проявляется через Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 247-ФЗ»), поскольку статья 9 данного закона требует исполнимости обязательных требований, их правовой определенности и соразмерности затрат на соблюдение тем рискам вреда, ради предотвращения которых они вводятся. Соответственно, лицензионный контроль не может быть безграничным уже потому, что он производен от подлежащих проверке требований, а сами эти требования должны быть конкретны и выполнимы. В Федеральном законе № 248-ФЗ статья 45 закрепляет профилактические меры, включая информирование, обобщение правоприменительной практики, консультирование, самообследование и профилактический визит, а статья 46 определяет способы доведения обязательных требований до контролируемых лиц. Если лицензионный орган игнорирует профилактический блок и подменяет его исключительно карательными действиями, он действует вопреки общему вектору законодательного регулирования. По мнению Б. Ю. Джамирзе, современное законодательство изменило само содержание лицензионного контроля, превратив его в собирательную категорию, охватывающую проверочные мероприятия как в отношении соискателей, так и в отношении лицензиатов [4]. Именно поэтому пределы вмешательства должны проходить по линии строгого соответствия между целью лицензирования, составом лицензионных требований и процессуальной формой их проверки.

Проблема приобретает прикладное значение, когда сопоставляются научные данные о масштабах контрольной деятельности и о разветвленности разрешительной системы. По мнению Н. Г. Медведевой, в Российской Федерации насчитывались 241 вид контроля, 48 федеральных контрольных органов и около 1,6 млн проверок в год [3]. По мнению той же Н. Г. Медведевой, «лишь в 15 % случаев выявляется реальное правонарушение» [3]. Эти данные характеризуют не исключительно лицензионную сферу, однако они демонстрируют общий дефект контрольного механизма, состоящий в несоразмерности вмешательства фактическому уровню выявляемых нарушений. По мнению Н. В. Субановой, в системе, основанной на Федеральном законе № 99-ФЗ, сохраняются 54 лицензируемых вида деятельности, более 600 тыс. лицензий, при этом 13 видов деятельности лицензируются специальными федеральными законами, а для 14 видов действуют специальные особенности

лицензирования [2]. По мнению Н. В. Субановой, цифровой эксперимент по оптимизации разрешительной деятельности охватывал 39 федеральных органов исполнительной власти и Государственную корпорацию «Роскосмос» [2]. Чем шире разрешительная система и чем больше число органов, вовлеченных в ее реализацию, тем выше требования к точности юридического разграничения допустимого и избыточного контроля.

Научная литература последних лет достаточно определенно фиксирует причины выхода лицензионного контроля за его законные пределы. По мнению Н. В. Субановой, типичными проблемами разрешительной сферы являются «избыточным административным усмотрением, отсутствием надлежащей регламентации разрешительных процедур» [2]. По мнению Н. Г. Медведевой, отсутствие единых подходов к контролю как институту государственной власти остается одной из причин его низкой эффективности [3]. Наконец, по мнению Б. Ю. Джамирзе, переход к новым правилам контрольной деятельности способен в течение значительного времени затрагивать права и законные интересы лицензиатов, пока лицензирующие органы адаптируются к обновленному законодательству [4]. В такой ситуации вопрос о пределах лицензионного контроля уже не сводится к технике применения закона, а превращается в вопрос о законности самой модели вмешательства, что делает необходимым обращение к подзаконному регулированию и правоприменению.

Подзаконные акты способны как снижать административную нагрузку, так и расширять контрольное усмотрение, поэтому их роль в анализируемой теме не является вспомогательной. Постановление Правительства Российской Федерации «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» от 12.03.2022 № 353 (далее – «Постановление Правительства РФ № 353») в пункте 9 установило, что по заявлениям, поданным с 1 января 2024 года по 31 декабря 2029 года, государственная пошлина за предоставление лицензии, внесение изменений в реестр лицензий и продление срока действия лицензии не требуется. Это решение объективно уменьшает входные и транзакционные издержки предпринимателя, но само по себе не устраняет основной вопрос о содержательных пределах последующего контроля. Показательно, что в публичном выступлении 23 марта 2023 года Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин подчеркнул, «Исключить проверки полностью нельзя... Минимизировать такие вещи надо, а совсем исключить нельзя» [7]. В публичном выступлении 19 марта 2026 года Президент Российской Федерации В. В. Путин указал на необходимость «дальше убирать мешающие бизнесу избыточные административные барьеры» [8]. Следовательно, даже на уровне официальной государственной позиции допустимым признается не отказ от контроля как такового, а его нормативное сдерживание, которое должно быть выражено в четких процедурах и проверяемых критериях.

Наиболее чувствительная точка превышения пределов лицензионного контроля связана с приостановлением и аннулированием лицензии, поскольку именно здесь вмешательство непосредственно затрагивает возможность продолжения предпринимательской деятельности. В статье 20 Федерального закона № 99-ФЗ предусмотрены конкретные основания приостановления действия лицензии, в том числе неисполнение предписания лицензирующего органа, административное приостановление деятельности и непрохождение в установленных случаях периодического подтверждения соответствия. Закон при этом устанавливает ускоренный порядок действий лицензирующего органа после вступления в силу соответствующего решения суда или после истечения установленных сроков, что усиливает значимость предшествующих процедурных гарантий. По мнению М. А. Бровкиной, судебная практика исходит из того, что «порядок аннулирования лицензии императивен и должен строго соблюдаться лицензирующим органом» [6]. В подтверждение этого Верховный Суд Российской Федерации в определении от 08.02.2022 № 303-ЭС21-27863 указал на недопустимость аннулирования лицензии при пропуске обязательных предварительных действий лицензирующего органа. Следовательно, пределы лицензионного контроля проходят не только по линии содержания проверяемых требований, но и по линии обязательной последовательности юридически значимых процедур, без соблюдения которых вмешательство утрачивает законный характер.

Заключение

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости корректировки действующего регулирования по нескольким направлениям, каждое из которых связано именно с пределами вмешательства, а не с отказом от лицензионного контроля. Во-первых, в Федеральный закон № 99-ФЗ целесообразно включить норму, прямо определяющую пределы лицензионного контроля как запрет проверять обстоятельства, не входящие в состав лицензионных требований и не связанные непосредственно с целями лицензирования. Во-вторых, статьи 19 и 19.2 Федерального закона №

99-ФЗ нуждаются в уточнении, чтобы разграничить первичную оценку соответствия, текущее наблюдение и периодическое подтверждение соответствия, исключив дублирование одних и тех же проверочных действий. В-третьих, необходимо законодательно закрепить обязанность увязывать каждое лицензионное требование с конкретной охраняемой ценностью, о которой говорит статья 9 Федерального закона № 247-ФЗ, и одновременно запретить подзаконным актам фактически воспроизводить неопределенный массив отраслевых обязанностей под видом лицензионных требований. В-четвертых, статья 20 Федерального закона № 99-ФЗ должна быть дополнена прямым указанием на обязательность цифрового уведомления лицензиата, предоставления разумного срока для представления возражений и специальной оценки соразмерности приостановления лицензии последствиям допущенного нарушения. В-пятых, следует реализовать предложения, сформулированные в современной литературе, о создании единой цифровой платформы учета лицензий и контрольных действий, поскольку именно цифровая прослеживаемость уменьшает административное усмотрение и повышает предсказуемость правоприменения. При сохранении текущего курса на сокращение административных барьеров и одновременное укрепление процедурной дисциплины лицензионный контроль будет развиваться в сторону более узкого, юридически определенного и проверяемого вмешательства, тогда как сохранение нормативной неопределенности неизбежно воспроизведет конфликт между публичной безопасностью и свободой предпринимательской деятельности в новых организационных формах.

Список литературы:

[1] Зырянов С. М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 74–90. DOI: 10.12737/jrl.2022.118.

[2] Субанова Н. В. Лицензирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации: тенденции развития // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 18–23. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-8-18-23.

[3] Медведева Н. Г. Ключевые направления реформирования и совершенствования правового обеспечения контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 71–78. DOI: 10.24158/pep.2021.8.10.

[4] Джамирзе Б. Ю. Лицензионный контроль в условиях реформы контрольно-надзорной деятельности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 67–73. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-67-73.

[5] Джамирзе Б. Ю. Лицензионно-разрешительная деятельность в свете новых конституционных положений о публичной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3. С. 193–200. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3550.

[6] Бровкина М. А. Лицензирование и саморегулирование предпринимательской деятельности // Фемида.Science. 2024. № 2 (15). С. 49–56.

[7] Мишустин М. В. Ежегодный отчёт Правительства в Государственной Думе, 23 марта 2023 года [Электронный ресурс] // Правительство России. 2023. 23 марта. URL: https://government.ru/news/48055/ (дата обращения: 17.04.2026).

[8] Путин В. В. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 19 марта 2026 года [Электронный ресурс] // Президент России. 2026. 19 марта. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/79360 (дата обращения: 17.04.2026).

References:

[1] Zyryanov S. M., Vargova D. Permissive method of regulating entrepreneurial activity//Journal of Russian Law. 2022. VOL. 26, NO. 11. S. 74-90. DOI: 10.12737/jrl.2022.118.

[2] Subanova N.V. Licensing of entrepreneurial activity in the Russian Federation: development trends//Administrative law and process. 2023. № 8. S. 18-23. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-8-18-23.

[3] Medvedeva N. G. Key directions for reforming and improving the legal support of control and supervisory activities in the Russian Federation// Society: politics, economics, law. 2021. № 8. S. 71-78. DOI: 10.24158/pep.2021.8.10.

[4] Jamirze B. Yu. Licensing control in the context of the reform of control and supervisory activities//Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. № 4 (141). S. 67-73. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-67-73.

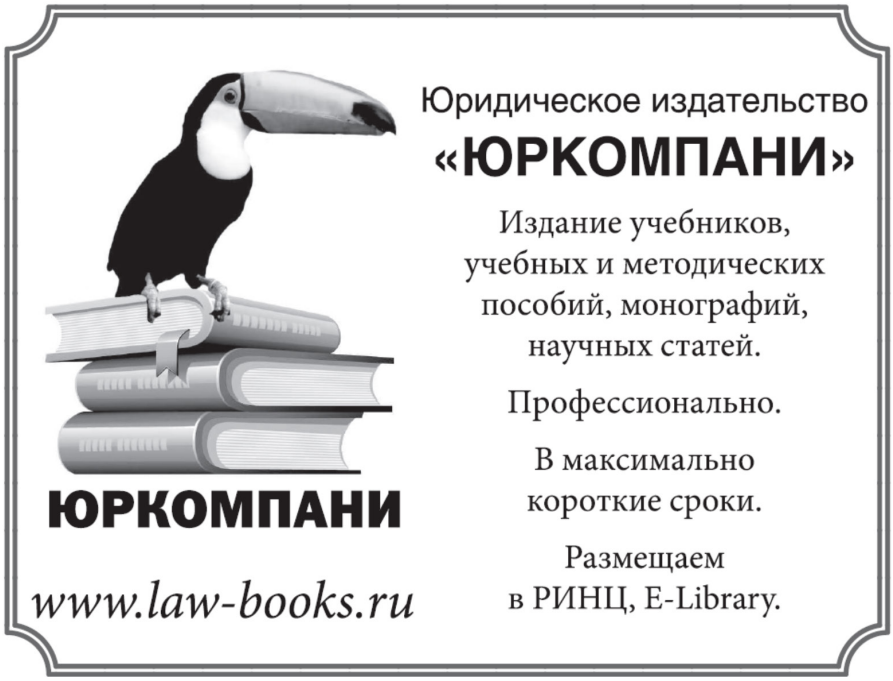
[5] Jamirze B. Yu. Licensing and permitting activities in the light of new constitutional provisions on public authority//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2021. № 3. S. 193-200. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3550.

[6] Brovkina M. A. Licensing and self-regulation of entrepreneurial activity//Themida. Science. 2024. № 2 (15). S. 49-56.

[7] Mishustin M.V. Annual report of the Government to the State Duma, March 23, 2023 [Electronic resource]//Government of Russia. 2023.

March 23. URL: https://government.ru/news/48055/ (access date: 17.04.2026).

[8] Putin V.V. Expanded meeting of the board of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, March 19, 2026 [Electronic resource]// President of Russia. 2026. March 19. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/79360 (access date: 17.04.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-175-180

КУКЛИН Егор Романович,

Аспирант III курса юридического факультета Государственного университета просвещения,

e-mail: rk.q.46@mail.ru

Научный руководитель:

КИЛЬМАШКИНА Татьяна Николаевна,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения,

e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: ОПЫТ КИТАЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется каким образом государственно-частное партнёрство содействует строительству инновационной инфраструктуры – на примере проектов, реализуемых в Китайской Народной Республике. Проанализированы: экономико-правовая теория; законодательство; реализуемые проекты в транспорте; туризме; городском хозяйстве и экологии. Продемонстрировано каким образом китайская модель ГЧП взаимодействует на международном уровне посредством реализации инициативы «Один пояс – один путь». Произведено сравнение транспортных систем РФ и КНР что позволило выявить инфраструктурные диспропорции и недостаток бюджетного финансирования. Предложены меры более активного использования ГЧП в межгосударственных инфраструктурных проектах.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнёрство, концессия, частная концессионная инициатива, подтверждение финансирования, кассовые разрывы, долгосрочные инвестиционные соглашения.*

KUKLIN Egor Romanovich,

Graduate student of the III year of the Law Faculty of the State University of Education

Supervisor:

KILMASHKINA Tatyana Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AS A TOOL FOR DEVELOPING INNOVATIVE INFRASTRUCTURE: CHINA'S EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR RUSSIA

Annotation. *This article examines how public-private partnerships facilitate the construction of innovative infrastructure, using projects implemented in the People's Republic of China as an example. The article analyzes economic and legal theory; legislation; and projects implemented in transport; tourism; urban management and ecology. It demonstrates how the Chinese PPP model interacts internationally through the implementation of the Belt and Road Initiative. A comparison of the Russian and Chinese transport systems reveals infrastructure imbalances and a lack of budget funding. Measures for more active use of PPPs in interstate infrastructure projects are proposed.*

Key words: *public-private partnership, concession, private concession initiative, funding confirmation, cash flow gaps, long-term investment agreements*.

Введение

Современное экономическое развитие не возможно без качественного улучшения инфраструктуры. Перед государством встаёт острая необходимость строительства дорог, мостов, цифровых сетей, очистных сооружений и

т.д. Но стоит отметить что государство не всегда производит данные улучшения в одиночку так как это может приводить к долгосрочным высоким бюджетным расходам и иным административным издержкам. В данном случае в качестве основного механизма выступает государственно-частное партнёрство (ГЧП), модель взаимодействия государства и частного сектора экономики, при которой часть затрат, рисков берёт на себя частный участник ГЧП а государство предоставляет долгосрочные гарантии, системный контроль. Опыт Китайской Народной Республики демонстрирует системный и масштабный характер политики проведения проектов ГЧП и активно взаимодействует при реализации данных проектов в активном взаимодействии с другими государствами.

Характеристики и функциональные особенности ГЧП

Государственно-частное партнёрство представляет собой форму сотрудничества между государством и частным бизнесом, при которой государство выступает регулятором качества и эффективности проектов, а частные предприятия – создателями услуг инфраструктуры [1]. С научной точки зрения, ГЧП – это концепция управления, основанная на теории систем, которая обеспечивает эффективное предоставление общественных продуктов и услуг путём оптимизации механизмов распределения ресурсов и разделения рисков. Данная концепция применима не только к строительству инфраструктуры, но и может широко использоваться в сфере общественных услуг, предоставляя новые идеи и методы для устойчивого развития социальной экономики [8].

В современной теории ГЧП выделяют три основополагающих аспекта, определяющих его сущность:

Синергия взаимодействия (стратегическая координация). Основной принцип – достижение максимального объёма услуг при оптимальном использовании ресурсов. Ключевое отличие от традиционных закупок заключается в том, что ГЧП предполагает стратегическое выравнивание интересов и долгосрочную кооперацию между государством и бизнесом. Синергетический результат («1+1>2») достигается через инновационные подходы к минимизации рисков и совместное использование компетенций [7].

Баланс экономических интересов (социально-ориентированная концепция). Приоритетом является обеспечение общественной пользы при контроле над прибыльностью частных инвестиций. Финансовая устойчивость проектов ГЧП гарантирует стабильную доходность для инвесторов при сохранении социальной направленности. Этот баланс достигается через механизмы тарифного регулирования, государственных гарантий и долгосрочных контрактов.

Оптимизация риск-менеджмента (рациональное распределение обязательств). Принцип соответствия предполагает дифференциацию рисков между участниками согласно их компетенциям: государство принимает на себя политические и нормативные риски, частный сектор – коммерческие и технологические. Управленческий эффект синергии обеспечивается за счёт инновационных подходов к минимизации рисков [9].

Функциональные особенности ГЧП заключаются в сочетании стратегического управления и рыночной эффективности через три ключевые функции: 1) координация действий государства и бизнеса в долгосрочном планировании; 2) внедрение инновационных управленческих практик, включая ротацию кадров и цифровизацию; 3) система мониторинга KPI для минимизации рисков. Эти механизмы обеспечивают синергию публичных и частных ресурсов при реализации инфраструктурных проектов [7].

Специализированные инструменты ГЧП создают конкурентные преимущества: инвестиционные модели (концессии, проектное финансирование) привлекают частный капитал; технологический трансфер ускоряет внедрение Smart-решений; институциональные инновации (гибридные контракты, адаптивное регулирование) балансируют государственный контроль с рыночной гибкостью. Перспективы развития связаны с оптимизацией этих механизмов: стандартизацией KPI, расширением цифровых платформ мониторинга и гармонизацией законодательства. ГЧП демонстрирует эффективность как инструмент решения социально-экономических задач при распределении рисков и ресурсов между секторами.

Следует подчеркнуть, что концепция ГЧП – это не только метод финансирования, но и полноценная концепция управления. Основное отличие от традиционных моделей финансирования заключается в интеграции управленческих подходов, стратегическом партнёрстве и долгосрочном характере взаимодействия [9].

Нормативно-правовая база ГЧП КНР

В Китае модель ГЧП получила мощный импульс после принятия соответствующих законодательных актов и рекомендаций. Китайское руководство стимулирует увеличение инвестиций в новые инфраструктурные программы, причём

приоритет отдаётся стратегически важным областям: строительству автомобильных и железных дорог, инфраструктуре гражданской авиации, транспортно-логистическим узлам. Проекты ГЧП полностью включены в развитие городского хозяйства – водоснабжение, газоснабжение, отопление, сбор и переработка мусора, создание объектов туризма и спорта. Особое внимание уделяется освоению систем искусственного интеллекта в управлении городским и сельским хозяйством: понятия «умный город», «беспилотный транспорт», «умное сельское хозяйство» требуют соответствующей инновационной составляющей при реализации проектов ГЧП [1].

Важным элементом правового регулирования стали Рамочные принципы оценки приемлемости уровня задолженности стран с низким уровнем дохода, принятые для решения вопросов финансирования. В экологической сфере китайскими и международными финансовыми организациями подписаны Принципы «зелёного» инвестирования для зоны деятельности проекта «Один пояс – один путь» [5, 6]. Эти документы создают основу для привлечения частного капитала в инфраструктурные проекты при соблюдении экологических стандартов.

Основные тенденции развития ГЧП в Китае (2010–2023 гг.)

В последние годы механизм ГЧП в Китае сыграл важную роль в сфере инфраструктуры и общественных услуг, особенно в таких отраслях, как туризм, транспорт и муниципальное строительство. На основе данных за 2010–2023 годы можно выделить следующие положительные тенденции в развитии ГЧП:

Постепенный рост масштабов и оптимизация структуры. Совокупный объём инвестиций в ГЧП по стране превысил 20 трлн юаней, из которых 1,2 трлн юаней пришлось на туристические проекты, что стало важным катализатором модернизации индустрии культуры и туризма. Произошёл переход от традиционной инфраструктуры (дороги, аэропорты) к новым форматам – культурно-туристическим комплексам, «умному туризму» и экологической защите, что сделало структуру более диверсифицированной.

Стандартизация политики и повышение зрелости рынка. Совершенствование законодательства привело к тому, что во многих регионах были приняты положения о ГЧП, оптимизированы механизмы распределения рисков и управления контрактами, что повысило устойчивость проектов.

Появление инновационных моделей и повышение операционной эффективности. Углубилось сотрудничество между государством и бизнесом: увеличилось участие частного капитала (например, доля культурно-туристических комплексов составила 30%), что способствовало рыночной эксплуатации и модернизации услуг.

Сбалансированное региональное развитие и содействие возрождению сельских территорий. Благодаря новой политике Министерства культуры и туризма в 2023 году годовой рост ГЧП в сельской местности составил 25%, что способствовало сбалансированному развитию городов и деревень.

Как видно из приведённых тенденций, модель ГЧП была модернизирована с «финансового инструмента» до «комплексного инструмента управления» и будет играть большую роль в предоставлении высококачественных государственных услуг, региональном экономическом балансе и устойчивом развитии в будущем. Пока она придерживается стандартизированных операций, инновационных моделей и контролируемых рисков, ГЧП останется важным двигателем развития инфраструктуры и индустрии культурного туризма в Китае.

Практические проекты и достижения

Китай в настоящее время стал мировым лидером в области строительства скоростных железных дорог, освоив и применив технологии бурения в скальных грунтах и под водоёмами. Это позволяет возводить наземные железные дороги и метро в сложных, ранее труднодоступных местах. Примером может служить запуск нового отрезка скоростной железной дороги Фучжоу – Сямынь протяжённостью 277 км, из которых 20 км проходит над поверхностью моря; на этом участке поезда развивают скорость до 350 км/ч. В октябре 2020 года была открыта скоростная железная дорога Урумчи – Сиань, связавшая железнодорожную сеть Синьцзян-Уйгурского автономного района с национальной сетью и сделавшая этот регион более привлекательным для туристов. К моменту проведения зимних Олимпийских игр в Пекине была создана новая сеть дорог в окрестностях столицы; Пекин стал первым в мире городом, где проводились и летние, и зимние Олимпийские игры [1].

В области охраны окружающей среды проекты ГЧП активно реализуются в сферах переработки мусора, очистки воды и освоения возобновляемых источников энергии. К 2020 году количество построенных и сданных в эксплуатацию мусоросжигательных заводов достигло 500. На борьбу с загрязнением воды в 2019 году было выделено 30 млрд юаней. Реализуются проекты ГЧП по очистке сточных вод в Пекине, провинции Гуандун, а также в промышленно развитых городах провинции Сычуань. Китай прикладывает значительные усилия для развития ветряной

и солнечной энергетики, а также развивает собственное производство электромобилей [3].

Согласно плану на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.), руководство Китая уделяет большое внимание показателям, связанным с инновациями, качественной эффективностью и цифровизацией. До 2025 года должны произойти значительные количественные изменения в этих показателях. Эксперты отмечают качественный скачок в развитии Китая за последнее десятилетие: из догоняющей страны КНР превратилась в мирового лидера, задающего новую планку и темпы развития [1]. Предметом изучения исследователей выступают современная законодательная база КНР по развитию ГЧП, государственное экономическое регулирование в части налогообложения, стоимости и источников финансирования, а также опыт управления проектами ГЧП в сферах городского хозяйства, строительства дорог и объектов инфраструктуры.

Международный аспект: инициатива «Один пояс – один путь»

Инициатива «Один пояс – один путь», десятилетие которой отмечалось в 2023 году, становится важнейшим элементом «мягкой силы» Китая в мире. Китайско-пакистанский экономический коридор, масштабная реконструкция морских портов Мьянмы, Шри-Ланки, Пакистана, Турции, Греции, Италии, строительство современных железных дорог в Иране и Турции – во всех этих проектах наряду с государственными компаниями присутствуют частные компании КНР, получающие государственную поддержку [1].

Российская идея сопряжения проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шёлкового пути полностью поддержана китайской стороной, и определены конкретные действия между Россией и Китаем, что ускорит развитие инновационной инфраструктуры в интересующем Россию регионе. Имеются в виду следующие транзитные коридоры: - Китай – Центральная Азия – Россия – Европа; - Китай – Центральная Азия – Персидский залив – Средиземное море; - Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – Индийский океан.

К наиболее важным проектам развития транспортной инфраструктуры в Центральной Азии с участием Китая относятся: автомобильная дорога Западный Китай – Западная Европа через территорию Казахстана; автомобильная дорога Китай – Киргизия – Узбекистан; автомобильная дорога Бишкек – Нарын – Торугарт в Киргизии; железнодорожный тоннель через перевал Камчик в Узбекистане; железнодорожный тоннель Вахдат – Яван в Таджикистане. Также можно отметить строительство высоковольтных линий электропередач в Таджикистане и Киргизии, запуск международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос» на китайско-казахстанской границе. Все эти проекты с китайской стороны реализуются с применением модели ГЧП при участии частного бизнеса КНР [4].

Сравнительный анализ транспортной инфраструктуры России и Китая

В ходе выполнения исследования авторами был проведён сравнительный анализ текущего состояния транспортного комплекса в России и Китае. Анализ продемонстрировал, что на современном этапе обе страны достигли значительных успехов в области развития транспортного комплекса, в том числе благодаря реализуемым государственным программам и национальным проектам. Тем не менее в обеих странах всё ещё сохраняется проблема инфраструктурного разрыва, что выражается в неравномерном распределении транспортных возможностей между различными регионами [2].

Китай, как отмечалось выше, является мировым лидером по темпам строительства скоростных железных дорог и внедрению инновационных технологий в транспортную отрасль. Россия, в свою очередь, последовательно продвигается в модернизации национальной инфраструктуры, используя модели ГЧП в развитии собственной инновационной инфраструктуры, проводя необходимую законотворческую и финансово-экономическую работу через Министерство экономического развития и Министерство финансов РФ [1]. Однако масштаб и системность китайского подхода превосходят российские показатели, что объясняется более жёсткой государственной политикой, значительным объёмом централизованного финансирования и активным привлечением частного капитала.

Перспективы российско-китайского сотрудничества на основе ГЧП

Проведённый опрос среди старшего и молодого населения Китая выявил, что потенциал сотрудничества с Россией наблюдается в отношении реализации совместных инфраструктурных проектов, в частности развития транспортного комплекса обеих стран. Одним из перспективных инструментов для развития отраслей транспорта России и Китая, а также обеспечения устойчивого роста экономик обеих стран может стать реализация трансграничных проектов. Однако анализ ряда приоритетных трансграничных проектов выявил проблему недостатка бюджетных средств и растущего усиления нагрузки на государственный бюджет при распределении расходов на финансирование инфраструктурных мегапроектов [2].

В целях урегулирования данной проблемы и расширения возможностей по углублению российско-китайского сотрудничества авторами было предложено внедрение механизмов государственно-частного партнёрства. Исследование показало, что на сегодняшний день Россия и Китай уже обладают практикой сотрудничества в области совместных трансграничных проектов, в том числе в формате ГЧП, а их реализация демонстрирует потенциал роста проектных инициатив. Взаимодействие между государствами с привлечением инвестиций частного сектора может способствовать ускорению инноваций, повышению эффективности и снижению рисков в реализации транспортных проектов [2].

Использование китайского опыта в моделировании ГЧП может быть полезно для России, особенно в свете стратегии двойного обращения и взаимодействия с международными финансовыми организациями. Расходы на НИОКР, создание интеллектуальной собственности и внедрение результатов во все сферы производства являются ключевыми показателями, которые Китай последовательно улучшает. Россия также может извлечь уроки из китайского опыта продвижения ИИ в экономическую жизнь, что отражено в государственных программах научно-технических инноваций [1].

Реализация трансграничных проектов позволит: 1. Обеспечить физическую связанность территорий Китая и России. 2. Достигнуть взаимовыгодной экономической эффективности, выраженной в увеличении объёмов торговли товарами и услугами, росте взаимных инвестиций, миграции капитала и рабочей силы – главных показателях усиления процессов экономической интеграции. 3. Открыть доступ к рынкам обеих стран для частных инвесторов.

Кроме того, развитие новых и совершенствование старых транспортных маршрутов благотворно отразится на расширении торгового сотрудничества и масштабах привлечения прямых иностранных инвестиций, а также может способствовать сотрудничеству в гуманитарной сфере – культуре и науке [2].

Заключение

Опыт Китая в области государственно-частного партнёрства представляет собой уникальный пример системного подхода к развитию инновационной инфраструктуры. Сочетание чёткого правового регулирования, государственных гарантий и активного привлечения частного капитала позволило КНР не только решить внутренние инфраструктурные проблемы, но и стать ведущим экспортёром данной модели на международной арене через инициативу «Один пояс – один путь». Теоретический анализ показал, что ГЧП – это не просто механизм финансирования, а полноценная концепция управления, основанная на синергии интересов, балансе общественной пользы и частной прибыли, а также рациональном распределении рисков. Масштабные инвестиции, превысившие 20 трлн юаней, и диверсификация проектов в туризме, транспорте и муниципальном строительстве подтверждают эффективность китайской модели. Как было отмечено, ГЧП трансформировалось из «финансового инструмента» в «комплексный инструмент управления», что открывает новые возможности для предоставления высококачественных государственных услуг и устойчивого развития. Россия, обладая собственными наработками в сфере ГЧП, может существенно усилить их, адаптируя китайские механизмы к своим условиям. Особенно перспективным представляется сотрудничество в рамках трансграничных проектов, где ГЧП способно компенсировать недостаток бюджетного финансирования и ускорить интеграционные процессы между двумя странами. Учитывая, что в 2024 году Россия и Китай отметили 70-летие установления дипломатических отношений, дальнейшее развитие экономического партнёрства на инновационной основе открывает новые возможности для обеих сторон.

Список литературы:

[1] Родионов А.Н., Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Развитие инновационной инфраструктуры Китая с использованием механизма государственно-частного партнёрства // Вестник университета. – 2024. – № 3. – С. 33–39. – DOI 10.26425/1816-4277-2024-3-33-39. – EDN DWXUZT. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=66134177

[2] Шаманина Э.А., Летникова С.Н., Завьялов А.Д. Сравнительный анализ развития транспортной инфраструктуры Китая и России: перспективы сотрудничества // Право и управление. XXI век. – 2024. – Т. 20, № 2(71). – С. 76–90. – DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-76-90. – EDN OKQWDS. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68518825

[3] Черемная Т.С. Государственно-частное партнёрство в странах БРИКС: опыт и перспективы реализации. Вестник МГИМО-Университета. 2015;(5(44)):190-197. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-5-44-190-197

[4] Элькибаева Л.Г., (2018), Сравнительный правовой анализ общих положений о государственно-частном партнёрстве в России и Китае. Экономические проблемы и юридическая

практика;1:106–109. [Электронный ресурс]. URL: https://www.urvak.ru/articles/probl-vypusk-1-sravnitelno-pravovoy-analiz-obshchi/?ysclid=mqf1pl18oo550396962

[5] Ермакова Е.П. Развитие правовых основ «зеленого» финансирования в России, ЕС и Китае: сравнительно-правовой анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. No 2.С.335–352. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352. [Электронный ресурс]. URL: https://journals.rudn.ru/law/article/view/23937/18300

[6] Лю Янь. Инфраструктурное сотрудничество КНР со странами СНГ в условиях реализации инициативы «Один пояс - один путь» / Лю Янь // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 413-422. – EDN KRMGJN. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=krmgjn&ysclid=mqf1vxbwr6783583196

[7] Marshall A. Principles of Economics / A. Marshall; transl. by Z. Zhu [et al.]. – Beijing: Commercial Press, 1983. – Vol. 1. – 25 p. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/principlesecono00marsgoog/page/n18/mode/2up

[8] Robbins S.P. Management / S.P. Robbins. – Beijing: People's University of China Press, 2002. – 476 p.

[9] Savas E.S. Privatization and Public-Private Partnerships / E.S. Savas. – New York: Chatham House, 2000. – 368 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/779502/Privatization_and_public_private_partnerships

References:

[1] Rodionov A.N., Sharipov F.F., Dyakonova M.A. Development of China's innovation infrastructure using the mechanism of public-private partnership// Bulletin of the University. – 2024. – № 3. - S. 33-39. – DOI 10.26425/1816-4277-2024-3-33-39. – EDN DWXUZT. [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=66134177

[2] Shamanina E.A., Letnikova S.N., Zavyalov A.D. Comparative analysis of the development of transport infrastructure in China and Russia: prospects for cooperation//Law and management. XXI century. – 2024. - T. 20, NO. 2 (71). - S. 76-90. – DOI 10.24833/2073-8420-2024-2-71-76-90. – EDN OKQWDS. [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68518825

[3] Cheremnaya T.S. Public-private partnership in the BRICS countries: experience and prospects for implementation. Bulletin of MGIMO-University. 2015;(5(44)):190-197. [Electronic resource]. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-5-44-190-197

[4] Elkibaeva L.G., (2018), Comparative legal analysis of general provisions on public-private partnerships in Russia and China. Economic problems and legal practice; 1: 106-109. [Electronic resource]. URL: https://www.urvak.ru/articles/probl-vypusk-1-sravnitelno-pravovoy-analiz-obshchi/?ysclid=mqf1pl18oo550396962

[5] Ermakova E.P. Development of the legal foundations of "green" financing in Russia, the EU and China: comparative legal analysis//Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Legal Sciences. 2020. VOL. 24. No. 2.C.335-352. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-335-352. [Electronic resource]. URL: https://journals.rudn.ru/law/article/view/23937/18300

[6] Liu Yan. Infrastructure cooperation between the PRC and the CIS countries in the context of the implementation of the Belt and Road Initiative/Liu Yan// Post-Soviet Studies. – 2022. - T. 5, NO. 4. - S. 413-422. – EDN KRMGJN. URL: https://elibrary.ru/item.asp?edn=krmgjn&ysclid=mqf1vxbwr6783583196

[7] Marshall A. Principles of Economics / A. Marshall; transl. by Z. Zhu [et al.]. – Beijing: Commercial Press, 1983. – Vol. 1. – 25 p. [Electronic resource]. URL: https://archive.org/details/principlesecono00marsgoog/page/n18/mode/2up

[8] Robbins S.P. Management / S.P. Robbins. – Beijing: People's University of China Press, 2002. – 476 p.

[9] Savas E.S. Privatization and Public-Private Partnerships / E.S. Savas. – New York: Chatham House, 2000. – 368 p. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/779502/Privatization_and_public_private_partnerships

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-181-188

НАДИН Алексей Николаевич,

Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), SPIN-код: 9413-9378, AuthorID: 1077576,

e-mail: alex.nadin00@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. *Цель данной статьи заключается в проведении анализа нормативного регулирования процедуры оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных правовых актов. В ходе проведенного исследования использованы методы сравнительного анализа, обобщения и правового моделирования.*

В качестве одной из проблем оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных правовых актов выявлена неопределенность правовых норм, определяющих необходимость включения муниципального образования в перечень муниципальных образований, где проведение оценки регулирующего воздействия является обязательным. Для решения обозначенной проблемы предложено нормативно закрепить в законодательстве субъектов Российской Федерации примерный перечень критериев, позволяющих определить необходимость включения муниципального образования в перечень муниципальных образований, где проведение оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных правовых актов является обязательным.

Ключевые слова: *оценка регулирующего воздействия, проекты муниципальных правовых актов, законодательство субъектов Российской Федерации, перечень муниципальных образований, неопределенность правовых норм, критерии применения правовой нормы.*

NADIN Aleksey Nikolaevich,

Postgraduate Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (IZAK)

IMPROVING THE PROCEDURE FOR ASSESSING THE REGULATORY IMPACT OF DRAFT MUNICIPAL LEGAL ACTS

Annotation. *The purpose of this article is to analyze the regulatory framework for the regulatory impact assessment procedure for draft municipal legal acts. The study utilized methods of comparative analysis, generalization, and legal modeling.*

One of the problems identified in this procedure is the uncertainty of the legal norms that determine the need to include a municipality in the list of municipalities where conducting a regulatory impact assessment is mandatory. To address this issue, it is proposed to formalize in the legislation of the constituent entities of the Russian Federation a sample list of criteria for determining the need to include a municipality in the list of municipalities for which regulatory impact assessment is mandatory.

Key words: *regulatory impact assessment, draft municipal legal acts, legislation of the constituent entities of the Russian Federation, list of municipalities, uncertainty of legal norms, criteria for the application of legal norms*.

Введение

К одной из процедур, применяемых на этапе подготовки проекта муниципального правового акта, относится оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ), которая предполагает устранение административных барьеров для предпринимательской и инвестиционной деятельности [1, с. 43–51; 4, с. 148–150].

Данная процедура была внедрена в практику муниципального правотворчества в 2021 году [6] в связи с изменениями федерального законодательства, в том числе выраженными в принятии Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248–ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [7].

Вместе с тем законодательное регулирование на уровне субъектов Российской Федерации характеризуется неопределенностью правовых норм, определяющих необходимость включения муниципального образования в перечень муниципальных образований, где проведение оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных правовых актов является обязательным.

Так, в качестве критериев, обусловливающих включение конкретного муниципального образования в обозначенный перечень, в законодательстве субъектов Российской Федерации приводятся сложные экономические категории, не нашедшие раскрытия в указанных законодательных актах, оценочные показатели, определение которых зависит от усмотрения компетентных органов публичной власти, и др. В совокупности данные обстоятельства не позволяют адресатам правовых норм определить достоверные показатели включения муниципальных образований в анализируемый перечень, что свидетельствует о неконкретности правовых предписаний, нарушении принципа правовой определенности.

Методы исследования

В целях сравнения нормативного регулирования проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных правовых актов на уровне субъектов Российской Федерации использован метод сравнительного анализа. Для определения примерного перечня критериев, позволяющих обеспечить обязательное проведение оценки регулирующего воздействия в отношении проектов муниципальных нормативных правовых актов (далее – НПА), применены методы обобщения и правового моделирования.

Основное исследование

ОРВ на местном уровне власти проводится уполномоченными органами МСУ (представительным и исполнительно-распорядительным органами [8]) в порядке, установленном федеральным и региональным законодательством, а также муниципальными правовыми актами.

Особенность правовой регламентации ОРВ на муниципальном уровне власти заключается в том, что она направлена на защиту интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности посредством проведения экспертизы содержания проектов муниципальных правовых актов на предмет наличия в них правовых предписаний, предполагающих установление избыточных обязанностей, запретов и ограничений («выявление фактически существующих препятствий» [5, с. 13]) для указанных субъектов либо способствующих возникновению необоснованных расходов у бюджетов муниципальных образований и субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности [9].

В законодательстве субъектов Российской Федерации сформирован диспозитивный подход в части регулирования проведения ОРВ на муниципальном уровне.

Указанный порядок основан на определении перечня муниципальных образований, расположенных на территории определенного субъекта Российской Федерации, где проведение ОРВ является обязательным (далее – Перечень муниципальных образований). В качестве критериев, обусловливающих включение конкретного муниципального образования в указанный перечень, в ряде субъектов Российской Федерации определены уровень организационно-технического обеспечения органов МСУ [10], количество индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, учтенных в регистре хозяйствующих субъектов, объем инвестиций в основной капитал, осуществленных на территории конкретного муниципального образования, широкополосной доступ к информационно–телекоммуникационной сети «Интернет» [11], отнесение муниципального образования к закрытому административно–территориальному образованию [12], осуществление органами МСУ отдельных государственных полномочий [13].

В отношении иных муниципальных образований, не указанных в утвержденном перечне, установлен дискреционный порядок проведения ОРВ, инициирование которого зависит от решения органов МСУ соответствующего муниципального образования на основании правовых подходов, заложенных в законодательном акте субъекта Российской Федерации [14].

При этом правовые нормы, регламентирующие установление Перечня муниципальных образований, и социально–экономических характеристик, обусловливающих их включение в указанный перечень, закрепляются как в отдельных законодательных актах, предмет регулирования которых ограничен обозначенным вопросом [15], так и в законах, посвященных правовым основам организации и функционирования института МСУ [16],

реализации нормотворческой деятельности на уровне субъекта Российской Федерации [17].

Отмечая преимущества ОРВ следует указать, что данная процедура не является каким–либо элементом стадии правотворческого процесса на местном уровне власти [18], однако распространенность данной методики и наличие положительных результатов, дают основания утверждать о возможности расширения предмета ОРВ, посредством включения в него всех НПА, принимаемых органами МСУ, за исключением НПА или их отдельных положений, воспроизводящих вновь принятые положения федерального законодательства.

Вместе с тем в качестве проблемы осуществления ОРВ на муниципальном уровне власти следует рассматривать неопределенность правовых норм, определяющих необходимость включения муниципального образования в соответствующий Перечень муниципальных образований.

Так, в статье 1.1 Закона Республики Дагестан от 11 декабря 2014 года № 89 «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и порядке проведения экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» (далее – Закон Республики Дагестан от 11 декабря 2014 года № 89) закреплено, что к критериям включения муниципальных районов и городских округов Республики Дагестан в Перечень муниципальных образований относятся деловая активность субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности на территории муниципальных образований Республики Дагестан; степень концентрации возложенных на органы МСУ муниципальных образований Республики Дагестан переданных государственных полномочий в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности; уровень организационно–технического обеспечения органов МСУ в муниципальных образованиях Республики Дагестан [19].

Однако, ни указанный Закон Республики Дагестан от 11 декабря 2014 года № 89, ни Постановление Правительства Республики Дагестан от 29 мая 2014 года № 246 «Об организации проведения процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Республики Дагестан и экспертизы нормативных правовых актов Республики Дагестан в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности» не раскрывают приведенные характеристики, не содержат качественных либо количественных критериев, позволяющих объективно установить «деловую активность» субъектов экономической деятельность, степень концентрации возложенных на органы МСУ переданных государственных полномочий в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности [20].

В Законе Кемеровской области от 26 декабря 2013 года № 142–ОЗ «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов в Кемеровской области – Кузбассе» вовсе содержится единственный критерий, позволяющий включить муниципальное образование в Перечень муниципальных образований, – осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности [21]. Такое правовое регулирование представляется недостаточным для определения достоверных показателей включения муниципальных образований в анализируемый перечень.

Схожие нормативные положения предусмотрены в законодательстве Новгородской и Амурской областей, Еврейской автономной области [22].

В законодательстве Омской области, напротив, установлены детализированные критерии включения муниципальных образований в исследуемый перечень.

Закон Омской области от 26 декабря 2013 года № 1602–ОЗ «Об отдельных вопросах оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, установления и оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, экспертизы нормативных правовых актов в Омской области» (далее – Закон Омской области от 26 декабря 2013 года № 1602–ОЗ) содержит указание, что Перечень муниципальных образований Омской области формируется на основе анализа следующих показателей (часть 1 статьи 4.1):

количество коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории муниципального района Омской области;

оборот розничной торговли на территории муниципального района Омской области;

объем платных и бытовых услуг, оказанных на территории муниципального района Омской области;

объем инвестиций в основной капитал на территории муниципального района Омской области;

объем возложенных на муниципальный

район Омской области государственных полномочий, касающихся предпринимательской и инвестиционной деятельности [23].

При этом в отношении показателей, предусмотренных подпунктами 1–4 пункта 1 данной статьи, рассчитывается индекс среднего объема, рассчитываемый как отношение разницы среднего значения показателя по муниципальному району Омской области и минимального значения данного показателя среди муниципальных районов Омской области к разнице максимального и минимального значений данного показателя среди муниципальных районов Омской области за отчетный год и два предшествующих года соответственно.

На основании анализа объема возложенных на муниципальный район Омской области государственных полномочий, касающихся предпринимательской и инвестиционной деятельности оценивается степень концентрации возложенных на муниципальный район Омской области государственных полномочий [24].

В результате, муниципальный район Омской области подлежит включению в перечень при условии соблюдения одного из критериев: достижение значения индексов по всем показателям выше среднего значения индекса среди муниципальных районов Омской области; высокая степень концентрации возложенных на муниципальный район Омской области государственных полномочий.

Данное регулирование позволяет детально рассмотреть факторы актуализации Перечня муниципальных образований, избежать двусмысленного толкования категорий, составляющих правовую основу для включения муниципального образования в анализируемый Перечень.

С учетом изложенного, полагаем, что проблема неопределенности правовых норм в рассматриваемой сфере может быть решена посредством установления в региональном законодательстве социально–экономических и иных критериев, обусловливающих включение муниципальных образований в соответствующий перечень муниципальных образований, где проведение ОРВ является обязательным. Данные изменения, на наш взгляд, будут способствовать обеспечению правовой определенности соответствующих юридических предписаний, выработке конкретных правовых механизмов, позволяющих включить то или иное муниципальное образование в данный перечень, либо, напротив, ввиду несоответствия муниципального образования закрепленным в законодательстве обязательным требованиям, исключить его из указанного перечня [2, с. 512].

С целью совершенствования законодательного регулирования в этой части предлагается определить примерный перечень критериев, позволяющих обеспечить обязательное проведение ОРВ в отношении проектов муниципальных НПА:

наделение органов МСУ муниципальных образований не менее чем одним отдельным государственным полномочием соответствующего субъекта Российской Федерации или отдельным государственным полномочием Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»;

количество внесенных в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, место нахождение (место жительство) которых расположено в границах соответствующих муниципальных образований, учтенных территориальным подразделением Федеральной службы государственной статистики, на 1000 жителей составляет не менее 15;

реализация на территории муниципального образования не менее одного инвестиционного проекта с объемом капитальных вложений в соответствии с инвестиционной декларацией не менее 500 миллионов рублей при условии осуществления капитальных вложений в срок не менее четырех лет либо включение инвестиционного проекта в реестр инвестиционных проектов субъекта Российской Федерации;

численность населения муниципального образования составляет не менее 10000 (десяти) тысяч человек;

создание в границах муниципального образования территории опережающего социально–экономического развития либо особой экономической зоны.

При этом для включения муниципального образования в перечень муниципальных образований, в которых проведение ОР В является обязательным, необходимо его соответствие не менее двум из вышеперечисленных критериев.

Результаты исследования

Законодательное регулирование на уровне субъекта Российской Федерации характеризуется неопределенностью правовых норм, определяющих необходимость включения муниципальных образований в перечень муниципальных образований, где проведение ОРВ проектов муниципальных правовых актов является обязательным.

В целях разрешения обозначенной

проблемы предлагается установить в региональном законодательстве конкретные социально–экономические и иные критерии, обусловливающие включение муниципальных образований в соответствующий перечень муниципальных образований, где проведение ОРВ является обязательным. Данные изменения будут способствовать обеспечению правовой определенности соответствующих юридических предписаний, выработке конкретных правовых механизмов, позволяющих включить то или иное муниципальное образование в данный перечень, либо, напротив, ввиду несоответствия муниципального образования закрепленным в законодательстве обязательным требованиям, исключить его из указанного перечня, что в целом будет свидетельствовать об эффективности реализации правовых норм [3, с. 28–30].

С целью совершенствования законодательного регулирования в этой части предлагается определить примерный перечень критериев, позволяющих обеспечить обязательное проведение ОРВ в отношении проектов муниципальных НПА.

Список литературы:

[1] Антонова Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности: соотношение публичных и частных интересов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 2 (62). – С. 43–51.

[2] Кутафин О.Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – 544 с.

[3] Пашенцев Д.А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 6. – С. 22–33.

[4] Степкин С.П. Оценка регулирующего воздействия как инструмент законотворчества // Закон. – 2017. – № 11. – С. 145–153.

[5] Уманская В.П. Технология оценки регулирующего воздействия правовых актов // Административное право и процесс. – 2013. – № 4. – С. 11–14.

[6] Федеральный закон от 11 июня 2021 года № 170–ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»» // Рос. газ. 2021. 18 июня.

[7] Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248–ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Рос. газ. 2020. 5 августа.

[8] Пункты 2.1 и 2.2 решения Совета депутатов города Оленегорска от 7 мая 2024 года № 01-26РС «Об утверждении Порядка проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов» // Заполярная Руда. № 19. 18.05.2024. с. 7 (решение); пункт 1.3 постановления Администрации Великоустюгского муниципального округа от 3 февраля 2023 года № 239 (ред. от 17.10.2025) «Об утверждении порядка проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов Великоустюгского муниципального округа» // Советская мысль. № 5. 10.02.2023 (постановление).

[9] Аналогичные правовые положения закреплены на региональном уровне публичной власти (статья 53 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»).

[10] Статья 7.1 Закона Московской области от 30 декабря 2014 года № 193/2014–ОЗ (ред. от 27.03.2025) «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Московской области и проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, и экспертизы нормативных правовых актов Московской области, муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Ежедневные Новости. Подмосковье. № 7. 20.01.2015.

[11] Статья 3.2 Закона Камчатского края от 23 сентября 2014 года № 503 (ред. от 17.07.2025) «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Камчатском крае» // Официальные Ведомости. № 243–244. 02.10.2014.

[12] Статья 1.1. Закона Владимирской области от 8 декабря 2014 года № 146–ОЗ (ред. от 09.08.2024) «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов, устанавливающих новые или изменяющих ранее предусмотренные муниципальными нормативными правовыми актами обязательные требования для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, обязанности для субъектов инвестиционной деятельности, и порядке проведения экспертизы муниципальных

нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Владимирские ведомости. № 244. 13.12.2014.

[13] Статья 4.1 Закона Костромской области от 16 июля 2014 года № 557–5–ЗКО (ред. от 21.03.2025) «Об экспертизе муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, и оценке регулирующего воздействия проектов таких актов» // СП – нормативные документы. № 30. 25.07.2014.

[14] См., например: постановление Администрации Грайворонского городского округа Белгородской области от 8 февраля 2019 года № 93 «Об утверждении Порядка проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов Грайворонского городского округа, затрагивающих предпринимательскую и инвестиционную деятельность» // Официальный вестник (приложение к газете «Родной край». № 8. 21.02.2019); постановление Администрации города Коврова от 8 ноября 2021 года № 2282 (ред. от 15.04.2025) «Об утверждении Порядка проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов муниципального образования город Ковров Владимирской области и экспертизы нормативных правовых актов муниципального образования город Ковров Владимирской области, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Ковровская неделя (спецвыпуск). № 87. 12.11.2021.

[15] См.: Областной закон Ростовской области от 29 декабря 2016 года № 940–ЗС «О перечне муниципальных образований, в которых проведение оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов является обязательным» // Наше время. № 17–51. 24.01.2017; Закон Республики Чувашия от 27 октября 2016 года № 67 (ред. от 21.03.2025) «О перечне муниципальных и городских округов Чувашской Республики, в которых проведение оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов является обязательным, и о критериях включения их в указанный перечень» // Собрание законодательства ЧР. 2016. № 10. Ст. 1143.

[16] См.: Закон Республики Башкортостан от 18 марта 2005 года № 162–з (ред. от 06.02.2025) «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан»; Закон Республики Саха (Якутия) от 30 ноября 2004 года 171–З № 349–III (ред. от 10.06.2025) «О местном самоуправлении в Республике Саха (Якутия)».

[17] См.: Закон Кабардино–Балкарской Республики от 3 августа 2002 года № 52–РЗ (ред. от 27.06.2025) «О правовых актах в Кабардино–Балкарской Республике» // Кабардино–Балкарская правда. № 155–156. 09.08.2002.

[18] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 октября 2016 года № 2152–О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

[19] Закон Республики Дагестан от 11 декабря 2014 года № 89 (ред. от 03.03.2022) «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и порядке проведения экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Дагестанская правда. № 475–476. 16.12.2014.

[20] Постановление Правительства Республики Дагестан от 29 мая 2014 года № 246 (ред. от 20.09.2023) «Об организации проведения процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Республики Дагестан и экспертизы нормативных правовых актов Республики Дагестан в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Дагестанская правда. № 191–192. 07.06.2014.

[21] Закон Кемеровской области от 26 декабря 2013 года № 142–ОЗ (ред. от 01.10.2024) «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов в Кемеровской области – Кузбассе» // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. № 140. II часть. 09.01.2014.

[22] См.: Областной закон Новгородской области от 28 марта 2016 года № 947–ОЗ (ред. от 28.12.2021) «Об оценке регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизе муниципальных нормативных правовых актов» // Новгородские ведомости (официальный выпуск). № 11. 01.04.2016; Закон Амурской области от 19

декабря 2014 года № 460–ОЗ (ред. от 30.08.2024) «Об оценке регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизе муниципальных нормативных правовых актов» // Амурская правда. № 242. 26.12.2014; Закон Еврейской автономной области от 8 октября 2014 года № 575–ОЗ (ред. от 19.09.2023) «Об отдельных вопросах проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Еврейской автономной области» // Биробиджанская звезда. № 75. 17.10.2014.

[23] См.: Закон Омской области от 26 декабря 2013 года № 1602–ОЗ (ред. от 29.10.2024) «Об отдельных вопросах оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, установления и оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, экспертизы нормативных правовых актов в Омской области» // Омский вестник. № 63. 28.12.2013.

[24] Согласно абзацу 2 части 3 статьи 4.1 Закона Омской области от 26 декабря 2013 года № 1602–ОЗ при осуществлении муниципальным районом Омской области государственных полномочий, касающихся предпринимательской и инвестиционной деятельности, степень концентрации возложенных на него государственных полномочий презюмируется высокой.

References:

[1] Antonova N.A. Law-making of local governments in the field of entrepreneurial and investment activities: the ratio of public and private interests//Bulletin of Tver State University. Series: Right. – 2020. – № 2 (62). - S. 43-51.

[2] Kutafin O.E. Russian constitutionalism. - M.: Norma, 2008. - 544 p.

[3] Pashentsev D.A. Effectiveness of legal norms in postmodern society//Journal of Russian Law. – 2023. - VOL. 27. – № 6. - S. 22-33.

[4] Stepkin S.P. Regulatory impact assessment as a tool of lawmaking//Law. – 2017. – № 11. - S. 145-153.

[5] Umanskaya V.P. Technology for assessing the regulatory impact of legal acts//Administrative law and process. – 2013. – № 4. - S. 11-14.

[6] Federal Law of June 11, 2021 No. 170-FZ (as amended by 28.12.2024) " On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" "//Ros. gas. 2021. June 18.

[7] Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended by 28.12.2024) " On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation "//Ros. gas. 2020. Aug. 5.

[8] Clauses 2.1 and 2.2 of the decision of the Council of Deputies of the city of Olenegorsk dated May 7, 2024 No. 01-26RS "On approval of the Procedure for assessing the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and the examination of municipal regulatory legal acts "//Zapolyarnaya Ruda. № 19. 18.05.2024. p. 7 (decision); clause 1.3 of the Resolution of the Administration of the Veliky Ustyug Municipal District of February 3, 2023 No. 239 (ed. 17.10.2025) " On approval of the procedure for assessing the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and the examination of regulatory legal acts of the Veliky Ustyug Municipal District "// Soviet Thought. № 5. 10.02.2023 (resolution).

[9] Similar legal provisions are enshrined at the regional level of public authority (Article 53 of the Federal Law "On General Principles of the Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation").

[10] Article 7.1 of the Law of the Moscow Region dated December 30, 2014 No. 193/2014-OZ (ed. 27.03.2025) " On the assessment of the regulatory impact of draft regulatory legal acts of the Moscow region and draft municipal regulatory legal acts affecting the implementation of entrepreneurial and other economic activities, and the examination of regulatory legal acts of the Moscow region, municipal regulatory legal acts affecting the implementation of entrepreneurial and investment activities "//Daily News. Moscow region. № 7. 20.01.2015.

[11] Article 3.2 of the Law of the Kamchatka Territory dated September 23, 2014 No. 503 (ed. 17.07.2025) " On the assessment of the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and the examination of municipal regulatory legal acts in the Kamchatka Territory "//Official Vedomosti. № 243–244. 02.10.2014.

[12] Article 1.1 of the Law of the Vladimir Region dated December 8, 2014 No. 146-OZ (as amended by 09.08.2024) " On the Procedure for Assessing the Regulatory Impact of Draft Municipal Regulatory Legal Acts Establishing New or Changing Mandatory Requirements for Business and Other Economic Entities, Obligations for Investment Entities, and the Procedure for Conducting an Examination of Municipal Regulatory Legal Acts Affecting the Implementation of Business and Investment Activities "//Vladimirsky Vedomosti. № 244. 13.12.2014.

[13] Article 4.1 of the Law of the Kostroma Region dated July 16, 2014 No. 557-5-ЗКО (as amended by 21.03.2025) " On the examination of municipal regulatory legal acts affecting the implementation of entrepreneurial and investment activities, and the assessment of the regulatory impact of projects of such acts "//SP - regulatory

documents. № 30. 25.07.2014.

[14] See, for example: Resolution of the Administration of the Grayvoronsky urban district of the Belgorod region dated February 8, 2019 No. 93 “On approval of the Procedure for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts and the examination of regulatory legal acts of the Grayvoronsky urban district affecting entrepreneurial and investment activities “//Official Gazette (appendix to the newspaper” Native Territory. “ № 8. 21.02.2019); Resolution of the Administration of the city of Kovrov dated November 8, 2021 No. 2282 (as amended on 15.04.2025) “ On approval of the Procedure for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts of the municipality of the city of Kovrov, Vladimir Region, and the examination of regulatory legal acts of the municipality of the city of Kovrov, Vladimir Region, affecting the implementation of entrepreneurial and investment activities “// Kovrovskaya week (special issue). № 87. 12.11.2021.

[15] See: Regional Law of the Rostov Region dated December 29, 2016 No. 940-ZS “On the list of municipalities in which an assessment of the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and an examination of municipal regulatory legal acts is mandatory “//Our time. № 17–51. 24.01.2017; The Law of the Republic of Chuvashia dated October 27, 2016 No. 67 (as amended by 21.03.2025) “ On the list of municipal and urban districts of the Chuvash Republic, in which an assessment of the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and an examination of municipal regulatory legal acts is mandatory, and on the criteria for including them in the specified list “//Collection of legislation of the Chuvash Republic. 2016. № 10. Art. 1143.

[16] See: Law of the Republic of Bashkortostan dated March 18, 2005 No. 162-z (as amended by 06.02.2025) “ On Local Self-Government in the Republic of Bashkortostan”; Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of November 30, 2004 171-Z No. 349-III (as amended by 10.06.2025) “ On Local Self-Government in the Republic of Sakha (Yakutia). “

[17] See: Law of the Kabardino-Balkarian Republic of August 3, 2002 No. 52-RZ (as amended by 27.06.2025) “ On legal acts in the Kabardino-Balkarian Republic “//Kabardino-Balkarian truth. № 155–156. 09.08.2002.

[18] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 11, 2016 No. 2152-O “At the request of a group of deputies of the State Duma on checking the constitutionality of the Federal Law “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation” and the Law of the City of Moscow “On Trade Tax” “//Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2017. № 3.

[19] Law of the Republic of Dagestan dated December 11, 2014 No. 89 (ed. 03.03.2022) “ On the procedure for assessing the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and the procedure for conducting an examination of municipal regulatory legal acts affecting the implementation of entrepreneurial and investment activities “//Dagestan truth. № 475–476. 16.12.2014.

[20] Decree of the Government of the Republic of Dagestan dated May 29, 2014 No. 246 (ed. 20.09.2023) “ On the organization of the procedure for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts of the Republic of Dagestan and the examination of regulatory legal acts of the Republic of Dagestan in order to identify provisions in them that unreasonably impede the conduct of business and investment activities “//Dagestan truth. № 191–192. 07.06.2014.

[21] The Law of the Kemerovo Region dated December 26, 2013 No. 142-OZ (as amended on 01.10.2024) “ On the procedure for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts and the examination of regulatory legal acts in the Kemerovo Region - Kuzbass “//Legislative Bulletin of the Council of People’s Deputies of the Kemerovo Region. № 140. Part II. 09.01.2014.

[22] See: Regional Law of the Novgorod Region dated March 28, 2016 No. 947-OZ (ed. 28.12.2021) “ On the Assessment of the Regulatory Impact of Draft Municipal Regulatory Legal Acts and the Examination of Municipal Regulatory Legal Acts “//Novgorod Vedomosti (official issue). № 11. 01.04.2016; Law of the Amur Region dated December 19, 2014 No. 460-OZ (as amended by 30.08.2024) “ On the assessment of the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and the examination of municipal regulatory legal acts “//Amurskaya Pravda. № 242. 26.12.2014; Law of the Jewish Autonomous Region of October 8, 2014 No. 575-OZ (ed. 19.09.2023) “ On certain issues of assessing the regulatory impact of draft municipal regulatory legal acts and the examination of municipal regulatory legal acts in the Jewish Autonomous Region “//Birobidzhan Star. № 75. 17.10.2014.

[23] See: Law of the Omsk Region dated December 26, 2013 No. 1602-OZ (ed. 29.10.2024) “ On certain issues of assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts, establishing and assessing the application of mandatory requirements contained in regulatory legal acts, examining regulatory legal acts in the Omsk region “//Omsk Bulletin. № 63. 28.12.2013.

[24] According to paragraph 2 of Part 3 of Article 4.1 of the Law of the Omsk Region dated December 26, 2013 No. 1602-OZ, when the municipal district of the Omsk Region exercises state powers related to entrepreneurial and investment activities, the degree of concentration of state powers assigned to it is presumed to be high.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-189-196

ШЕГАЙ Юрий Владимирович,

аспирант, Академия труда и социальных отношений (АТИСО), Москва, Россия,

e-mail: asiaexactskilla@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И НЕСООТВЕТСТВИЕ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем реализации проектов комплексного развития территорий в Российской Федерации и оценке институциональных, экономических и нормативно-правовых факторов их применения. Актуальность исследования связана с неравномерностью внедрения КРТ в субъектах РФ и зависимостью результатов проектов от качества правового регулирования и финансовых условий. Материалы и методы. В работе использованы нормы градостроительного и земельного законодательства, официальные данные Росстата и Банка России, государственные программы и материалы правоприменительной практики за последние пять лет, а также публикации из электронной библиотеки «КиберЛенинка». Применены формально-юридический и сравнительный анализ нормативных актов, системный подход и обобщение статистических данных. Результаты и обсуждение. В работе установлено, что управленческие ограничения связаны с распределением полномочий и значительным объёмом согласовательных процедур, а экономические факторы — с высокой капиталоёмкостью, повышением ключевой ставки Банка России до 21 % в 2024 г. и замедлением строительной активности, при котором объём строительных работ в 2025 г. увеличился лишь на 2,5 % и составил 18,82 трлн руб. На этой основе обоснованы направления совершенствования механизма КРТ, включая упрощение процедур, развитие софинансирования инфраструктуры и усиление методической поддержки муниципалитетов. Заключение. Проведённый анализ показал, что реализация проектов комплексного развития территорий связана с совокупностью институциональных, экономических и правовых ограничений, влияющих на сроки и устойчивость их осуществления. Сформулированные выводы и предложения могут быть использованы при корректировке нормативного регулирования и совершенствовании практики реализации КРТ на региональном и муниципальном уровнях.*

Ключевые слова: *Комплексное развитие территорий, институциональные барьеры, инвестиционные риски, нормативные противоречия, финансовая модель проектов, градостроительное регулирование.*

SHEGAI Yuri Vladimirovich,

Postgraduate Student, Academy of Labor and Social Relations (ATISO), Moscow, Russia

THE MAIN PROBLEMS OF IMPLEMENTING INTEGRATED TERRITORIAL DEVELOPMENT PROJECTS IN RUSSIA: INSTITUTIONAL BARRIERS, ECONOMIC FACTORS AND INCONSISTENCIES IN THE REGULATORY FRAMEWORK

Annotation. *The article is devoted to the analysis of challenges in implementing integrated territorial development (ITD) projects in the Russian Federation and to the assessment of institutional, economic, and regulatory factors affecting their application. The relevance of the study is обусловлена uneven implementation of ITD mechanisms across Russian regions and the dependence of project outcomes on the quality of legal regulation and financial conditions. Materials and Methods. The study draws upon the provisions of urban planning and land legislation, official data from Rosstat and the Bank of Russia, state programs and law enforcement practice materials from the past five years, as well as publications from the electronic library "CyberLeninka." The research employs formal legal and comparative analysis of regulatory acts, a systemic approach, and generalization of statistical data. Results and Discussion. The findings indicate that managerial constraints are*

associated with the distribution of powers and a significant number of approval procedures, while economic factors include high capital intensity, the increase of the Bank of Russia's key rate to 21% in 2024, and a slowdown in construction activity, with the volume of construction work in 2025 rising by only 2.5% to reach 18.82 trillion rubles. On this basis, directions for improving the ITD mechanism are substantiated, including simplification of procedures, development of infrastructure co-financing, and strengthening methodological support for municipalities. Conclusion. The analysis demonstrates that the implementation of integrated territorial development projects is influenced by a combination of institutional, economic, and legal constraints affecting their timelines and sustainability. The formulated conclusions and proposals may be used in adjusting regulatory frameworks and improving ITD implementation practices at regional and municipal levels.

Key words: *Integrated territorial development, institutional barriers, investment risks, regulatory inconsistencies, project financial model, urban planning regulation.*

Введение. Институт комплексного развития территорий (КРТ), введённый в Градостроительный кодекс РФ Федеральным законом от 30.12.2020 № 494-ФЗ, был сформирован как правовой инструмент обновления застроенных территорий и комплексного строительства жилья и инфраструктуры на основе утверждённой документации и договорных механизмов. Однако в ходе практической реализации в регионах выявились устойчивые трудности: распределение полномочий между уровнями власти усложняет принятие решений, финансовая модель проектов нередко оказывается перегруженной инфраструктурными обязательствами, а отдельные нормы законодательства применяются неоднозначно. Это снижает предсказуемость реализации КРТ и усиливает конфликтность вокруг включения территорий в соответствующие проекты. Несмотря на расширение практики применения механизма КРТ, его реализация остаётся неравномерной по субъектам РФ и зависит от качества регионального регулирования и финансовых условий.

В связи с этим особое значение приобретают исследования, посвящённые теоретическому осмыслению данного института. Так авторы А.А. Попкова [1], А.Р. Кирсанов [2], М. Гаврилюк [3], Г.А. Волков [4] и И.Н. Шардаков [5] существенно продвинули исследование института КРТ, раскрыв его правовую основу, особенности договорной конструкции и основные риски применения норм. Вместе с тем их работы в основном посвящены отдельным сторонам механизма — либо вопросам градостроительного регулирования, либо организационным аспектам его реализации. При этом связь правовых решений с финансовой устойчивостью проектов и региональной практикой раскрыта недостаточно. Отсутствие комплексного анализа институциональных, экономических и нормативных факторов сохраняет исследовательский пробел и подтверждает актуальность системного изучения проблем реализации КРТ.

Таким образом, цель исследования заключается в выявлении и систематизации институциональных, экономических и нормативно-правовых проблем, возникающих при реализации проектов комплексного развития территорий в Российской Федерации, а также в определении направлений совершенствования механизма КРТ с учётом сложившейся практики его применения.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили нормы Градостроительного кодекса РФ, федеральные законы и подзаконные акты, регулирующие механизм КРТ, официальные данные Росстата и Банка России, государственные программы и инструменты инфраструктурной поддержки, а также материалы правоприменительной и судебной практики. Использованы нормативные и статистические источники преимущественно за последние пять лет, что позволило учесть актуальные изменения регулирования и экономической среды. В анализ включены научные публикации из электронной библиотеки «КиберЛенинка», посвящённые проблемам правового и экономического функционирования КРТ. В работе применены методы формально-юридического и сравнительного анализа нормативных актов, а также системный подход и обобщение статистических данных для оценки влияния правовых, институциональных и экономических факторов на реализацию проектов комплексного развития территорий.

Результаты и обсуждение. Комплексное развитие территорий в России закреплено в Градостроительном кодексе РФ как публично-правовой механизм обновления и освоения территорий, реализуемый через принятие решения о КРТ, подготовку планировочной документации и заключение договора по результатам торгов [6]. При этом практика применения показывает, что сложная система распределения полномочий и процедурных согласований формирует институциональные барьеры, влияющие на сроки и эффективность реализации проектов.

Существенным институциональным фактором реализации проектов КРТ является распределение полномочий между субъектом Российской Федерации и муниципалитетом, при котором обязательные согласования параметров решений о развитии территории увеличивают сроки подготовки и ставят реализацию проекта в зависимость от согласованности действий органов власти. Административная насыщенность градостроительных процедур и требований к документации, даже при предпринимаемых мерах по их упрощению, сохраняет значительный объём формальных действий, что затягивает начало реализации и снижает предсказуемость результатов.

Дополнительную напряжённость создаёт необходимость учитывать интересы правообладателей и населения при принятии решений о КРТ, поскольку вопросы расселения, компенсаций и изменения сложившейся среды нередко становятся предметом публичных споров и требуют проведения общественных обсуждений. Существенным фактором остаётся и ограниченность организационных и финансовых ресурсов муниципалитетов, из-за чего сопровождение крупных проектов и выполнение инфраструктурных обязательств без поддержки регионального или федерального уровня оказывается затруднительным [7]. Систематизация указанных барьеров и причин их возникновения представлена в таблице 1.

Таблица 1. Институциональные барьеры реализации проектов комплексного развития территорий

Институциональный барьер	**Как проявляется в проектах КРТ**	**Почему это возникает (институциональная причина)**
Разграничение полномочий между уровнями публичной власти	Удлинение сроков запуска; «разрывы» между решением о КРТ, планировкой и фактической реализацией; зависимость от согласований с регионом	Многоуровневое принятие решений и согласование ключевых параметров (в т.ч. границ/условий) между субъектом РФ и муниципалитетом, закреплённое в механизме КРТ
Административные процедуры и избыточное регулирование	Большой объём требуемых документов/согласований; рост стоимости администрирования проекта; задержки на предпроектной стадии	Сложность разрешительно-согласовательного контура строительства; необходимость «отсечения» внеперечневых требований через федеральные перечни и регуляторные реформы
Конфликты интересов и социальное сопротивление	Оспаривание решений и параметров проектов; напряжённость вокруг расселения/компенсаций; требования к публичности обсуждений	Высокая социальная чувствительность КРТ (переселение, изменение среды), а также обязательность процедур публичных обсуждений/слушаний по градостроительной документации
Ограниченность институциональной устойчивости муниципалитетов	Недостаток ресурсов для сопровождения КРТ (подготовка документов, коммуникации, контроль); зависимость от трансфертов/кредитов и региональных решений	Ограниченная доходная база местных бюджетов и необходимость выстраивать межбюджетные отношения/ балансировку; сложность обеспечения инфраструктурных обязательств без внешних источников

Наряду с управленческими барьерами не менее значимую роль играют экономические условия реализации проектов. Проекты комплексного развития территорий характеризуются высокой капиталоёмкостью и длительным сроком реализации, поэтому их

финансовая устойчивость напрямую зависит от стоимости заёмных средств и динамики продаж жилья и коммерческих площадей. В условиях повышения ключевой ставки Банка России в 2024 году до 21 % стоимость кредитных ресурсов существенно возросла, что усилило нагрузку на финансовую модель проектов и повысило вероятность расхождения между расчётной окупаемостью и фактическими рыночными условиями.

Дополнительно надзорный орган обращал внимание на риски в сфере проектного финансирования жилищного строительства, включая особенности работы с эскроу-счетами, что объективно влияет на доступность и условия кредитования девелоперских проектов, в том числе в рамках КРТ [8, 9]. При этом данные Росстата свидетельствуют о замедлении темпов роста инвестиций в основной капитал: несмотря на увеличение показателя в I квартале 2025 г. на 8,7 %, динамика остаётся нестабильной и чувствительной к экономической конъюнктуре [10]. В совокупности это подтверждает, что инвестиционные риски остаются значимым экономическим фактором, ограничивающим эффективность реализации проектов КРТ.

Несбалансированность финансовой модели является одной из ключевых проблем реализации проектов КРТ. Механизм комплексного развития предполагает не только возведение объектов недвижимости, но и создание инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, что существенно увеличивает объём внеплощадочных расходов и делает экономику проекта зависимой от участия публичной стороны — в форме земельно-имущественных решений, бюджетного софинансирования и применения специальных инструментов поддержки. Закрепление договорной модели КРТ Федеральным законом № 494-ФЗ от 30.12.2020 придало механизму обязательный комплексный характер, что на практике означает более высокую финансовую нагрузку по сравнению с обычными проектами застройки. В ответ на высокую капиталоёмкость инфраструктурной составляющей государство развивает механизмы льготного долгосрочного финансирования региональных проектов, включая инфраструктурные бюджетные и специальные казначейские кредиты. Однако сама необходимость таких инструментов показывает, что без привлечения более дешёвых источников финансирования обеспечить устойчивое соотношение затрат, обязательств и окупаемости в проектах КРТ затруднительно [11].

Существенным экономическим фактором, осложняющим реализацию проектов КРТ, остаются проблемы в сфере земельно-имущественных отношений. Они связаны с необходимостью изъятия участков и объектов недвижимости, их правового оформления и обеспечения инфраструктурой до начала строительства. Согласно действующей редакции Градостроительного кодекса РФ, земельные участки и объекты в границах КРТ могут изыматься для государственных или муниципальных нужд по правилам земельного законодательства, что требует учёта прав собственников и выплаты компенсаций [12]. Такие процедуры увеличивают финансовую нагрузку на проект и создают риски затягивания сроков, особенно в случаях, когда речь идёт о частной собственности или об объектах индивидуального жилищного строительства, включённых в территорию комплексного развития.

На практике это выражается в необходимости детальной проработки земельно-имущественных вопросов и подготовки полного комплекта градостроительной документации — проекта планировки территории, межевания, установления границ элементов планировочной структуры. Такие процедуры требуют значительных временных и финансовых затрат, поскольку до начала строительства необходимо привести правовой статус участков в соответствие с требованиями законодательства.

Ещё одним существенным экономическим ограничением является ограниченность и несистемность мер государственной поддержки инфраструктурных проектов. Проекты КРТ предполагают значительные расходы на инженерную, социальную и транспортную инфраструктуру, и без участия государства их финансовая модель часто оказывается неустойчивой. В рамках национальных проектов и стратегических программ, включая проект «Инфраструктура для жизни», предусмотрены бюджетные кредиты и иные формы долгосрочного финансирования, однако объём этих инструментов не всегда соответствует потребностям крупных комплексных проектов.

Даже при наличии федеральных программ развития инфраструктуры их реализация требует совместного финансирования разных уровней власти и привлечения частного капитала, что при ограниченных бюджетных возможностях увеличивает стоимость проектов КРТ и повышает риски их окупаемости. Государство применяет инструменты поддержки через институты развития, включая АО «ДОМ.РФ», и инфраструктурные облигации, однако их масштаб остаётся ограниченным, особенно в экономически менее развитых субъектах РФ, что снижает их эффективность для крупных комплексных проектов [11].

Ограниченность таких механизмов на

практике отражается и в общей динамике отрасли, где сохраняется сдержанный характер роста. По данным Росстата, объём строительных работ в России по итогам 2025 г. составил 18,82 трлн руб., увеличившись лишь на 2,5 % по сравнению с 2024 г.; темпы прироста оказались минимальными за последние годы [14]. Такая динамика свидетельствует о сдержанном характере строительной активности, которая имеет ключевое значение для реализации инфраструктурной составляющей проектов комплексного развития территорий (рис. 1). Ограниченный рост отрасли означает, что возможности перераспределения ресурсов в пользу крупных комплексных проектов остаются невысокими, что усиливает финансовую нагрузку на участников КРТ и повышает риски их долгосрочной окупаемости.

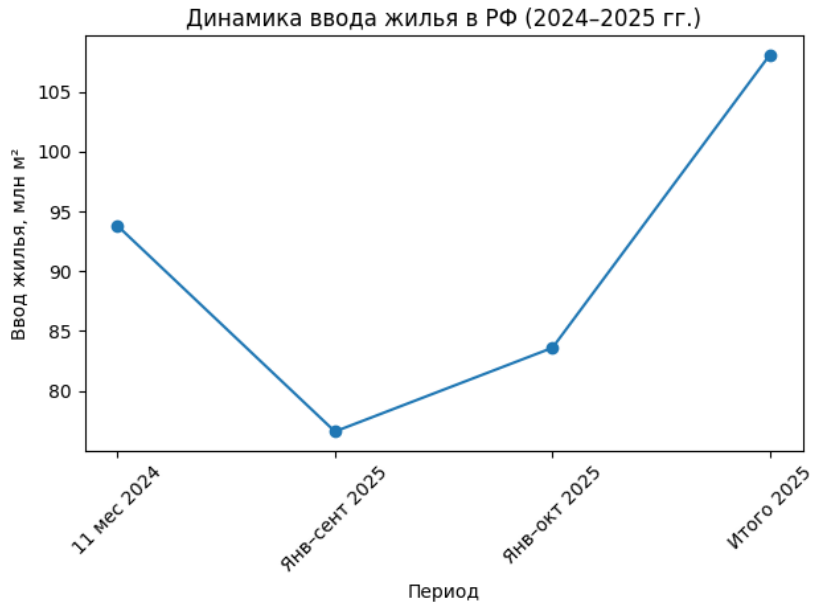

Рис. 1. Динамика объёма и темпов изменения ввода жилья в Российской Федерации в 2024–2025 гг.

Вместе с тем помимо экономических факторов существенное влияние оказывают и особенности правового регулирования. Несогласованность и противоречия действующего законодательства формируют самостоятельный экономико-правовой барьер в реализации проектов комплексного развития территорий в Российской Федерации. Хотя механизм КРТ закреплён в Градостроительном кодексе РФ (гл. 10), его применение на практике выявляет несоответствия между нормами градостроительного и земельного законодательства, а также недостаточную определённость статуса и обязанностей правообладателей. Существенные трудности связаны и с регулированием договорной модели КРТ: положения о порядке заключения и содержании договоров, включая требования к документации по планировке территории, неоднократно корректировались, в том числе Федеральным законом от 25.12.2023 № 627-ФЗ, что осложняет формирование устойчивой правоприменительной практики.

Дополнительную неопределённость создаёт необходимость согласования норм о КРТ с законодательством о государственной регистрации прав на недвижимость (Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ), поскольку процедуры кадастрового учёта и регистрации действуют автономно и не всегда синхронизированы с механизмом комплексного развития. В совокупности это указывает на необходимость дальнейшей системной корректировки нормативной базы с учётом накопленной практики и интересов участников проектов [13]. Основные направления противоречий и правовых пробелов, влияющих на реализацию КРТ, систематизированы в таблице (табл. 2).

Таблица 2. Основные противоречия нормативной базы, ограничивающие реализацию проектов КРТ

Норма / аспект регулирования	Содержание противоречия / пробел	Институциональная причина
Коллизии градостроительного и земельного законодательства	Отдельные правила применения ГрК РФ о КРТ не всегда корреспондируются с правилами земельного, кадастрового и регистрационного права при оформлении прав на землю и объекты	Несовершенное увязание норм о планировке территории, земле и регистрации прав
Проблемы правовой определённости статуса правообладателей	Не унифицированы условия участия и статус правообладателей, включая случаи, когда права на землю действуют менее 5 лет или находятся под разными режимами прав	Правовое регулирование недвижимости по разным федеральным законам вызывает неопределённости на этапах договоров и реализации
Пробелы в регулировании договорных механизмов	Отсутствие исчерпывающих норм по содержанию договоров КРТ, распределению обязанностей и ответственности сторон, что требует применения субсидиарно норм Гражданского кодекса	Комбинация специальных норм ГрК РФ и общих принципов ГК РФ без детального регулирования договорных аспектов
Судебная практика и её влияние на развитие института КРТ	Практика применения норм о правах на землю и разрешении споров о правовых требованиях к правам собственников (в т.ч. в арбитражных судах) выявляет неоднозначности в толковании отдельных положений, что усиливает правовую неопределённость	Отсутствие устоявшейся практики и комплексного судебного комментария к нормам ГрК РФ о КРТ

Представленные в таблице данные показывают, что действующие противоречия и пробелы нормативной базы затрудняют устойчивую и предсказуемую реализацию проектов КРТ. Несогласованность положений градостроительного, земельного и регистрационного законодательства, а также недостаточная проработанность договорных механизмов приводят к различиям в правоприменении и создают неопределённость для участников проектов. Такая ситуация влияет не только на юридическую сторону реализации КРТ, но и на её экономическую устойчивость и организационную эффективность.

С учётом выявленных институциональных, экономических и правовых затруднений совершенствование механизма КРТ требует новых решений, которые пока не получили широкого применения, но способны повысить устойчивость и управляемость проектов. Одним из таких направлений может стать создание единой цифровой системы сопровождения КРТ, объединяющей градостроительные, земельные и регистрационные процедуры, что позволило бы сократить число согласований и упростить взаимодействие между уровнями власти. Важным шагом представляется закрепление принципа софинансирования инфраструктуры со стороны публичной власти на нормативной основе, что обеспечило бы более справедливое распределение затрат и снизило финансовую нагрузку на инвестора. Не менее значимой мерой может стать внедрение типовой модели договора о КРТ с чётким определением ответственности сторон, механизмов перераспределения рисков и условий изменения обязательств при изменении экономической ситуации.

Кроме того, целесообразно предусмотреть обязательную оценку социально-экономических последствий включения территории в КРТ с

открытым представлением финансовых расчётов проекта, что повысит прозрачность решений и снизит вероятность конфликтов. Усилению институциональной устойчивости способствовало бы и создание региональных центров компетенций по вопросам КРТ, обеспечивающих муниципалитетам методическую и правовую поддержку при реализации сложных комплексных проектов.

В заключение следует отметить, что проведённый анализ показал: механизм комплексного развития территорий, несмотря на его закрепление в законодательстве, в практической реализации сопровождается взаимосвязанными институциональными, экономическими и правовыми проблемами. Институциональные ограничения проявляются в сложной системе распределения полномочий, значительном объёме процедурных согласований, конфликтности отдельных решений и ограниченных возможностях муниципалитетов, что влияет на сроки подготовки и реализацию проектов. Экономические проблемы связаны с высокой капиталоёмкостью КРТ, зависимостью от стоимости заёмных средств, нагрузкой по созданию инфраструктуры и недостаточностью устойчивых источников финансирования, что повышает риски окупаемости, особенно в условиях замедления строительной активности. Правовые противоречия между нормами градостроительного, земельного и регистрационного законодательства, а также нестабильность регулирования договорных отношений создают неопределённость для участников проектов. В совокупности это свидетельствует о том, что проблемы реализации КРТ имеют системный характер и требуют согласованных изменений в правовом регулировании и организационно-экономической модели их осуществления.

Список литературы:

[1] Попкова А. А., Конев Ю. М., Канюков М. В. Комплексное развитие территорий: современное состояние и проблемы реализации // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2023. Т. 16, № 2. С. 38-53.

[2] Кирсанов А. Р. Комплексное развитие территорий: итоги, проблемы, перспективы // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 4 (283). С. 9-16.

[3] Гаврилюк М. Н. Правовой механизм комплексного развития территорий // Аграрное и земельное право. 2025. № 6. С. 141-145. doi:10.47643/1815-1329_2025_6_141

[4] Волков Г. А. Комплексное развитие территорий — перспективы правового регулирования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 4 (283). С. 63-73. doi:10.24412/2072-4098-2025-4283-63-73

[5] Шардаков И. Н. Комплексное развитие территории в Российской Федерации: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7 (235). С. 266-269. doi:10.47643/1815-1337_2024_7_266

[6] О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2020 № 494-ФЗ (ред. действующая) // КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677/ (дата обращения: 16.02.2026).

[7] Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления по регулированию межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях // Министерство финансов Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/methodology?id_39=304981 (дата обращения: 16.02.2026).

[8] Банк России. Информация о решении по ключевой ставке // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=24739 (дата обращения: 16.02.2026).

[9] Банк России. Пресс-релиз о ключевой ставке от 25.10.2024 // Центральный банк Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=25102024_133000Key.htm (дата обращения: 16.02.2026).

[10] Инвестиции в основной капитал: статистические данные // Интерфакс. 2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1029604 (дата обращения: 16.02.2026).

[11] Инфраструктурное строительство в России: аналитический обзор // Delprof. 2025. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/infrastrukturnoe-stroitelstvo-v-rossii/ (дата обращения: 16.02.2026).

[12] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. на 30.01.2026): электронный ресурс // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 16.02.2026).

[13] Практика применения главы 10 Градостроительного кодекса РФ о комплексном развитии территорий // Legal Insight. 2025. URL: https://legalinsight.ru/articles/praktika-primeneniya-gl-10-grk-rf-o-kompleksnom-razvitii-territorij/ (дата обращения: 16.02.2026).

[14] Строительство в российских регионах: итоги 2025 года: аналитический обзор / Sherpa

Group. Электронный ресурс. URL: https://sherpagroup.ru/analytics/3p7pdnr (дата обращения: 16.02.2026).

References:

[1] Popkova A. A., Konev Yu. M., Kanyukov M. V. Complex development of territories: current state and problems of implementation // Izvestiya vuzov. Sociology. Economy. Politics. 2023. Vol. 16, No. 2. pp. 38-53.

[2] Kirsanov A. R. Integrated development of territories: results, problems, prospects // Property relations in the Russian Federation. 2025. No. 4 (283). pp. 9-16.

[3] Gavrilyuk M. N. The legal mechanism of integrated territorial development // Agrarian and land law. 2025. No. 6. pp. 141-145. doi:10.47643/1815-1329_2025_6_141

[4] Volkov G. A. Integrated development of territories — prospects of legal regulation // Property relations in the Russian Federation. 2025. No. 4 (283). pp. 63-73. doi:10.24412/2072-4098-2025-4283-63-73

[5] Shardakov I. N. Complex development of the territory in the Russian Federation: concept and content // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 7 (235). pp. 266-269. doi:10.47643/1815-1337_2024_7_266

[6] On amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: feder. The law grew. Of the Russian Federation dated 12/30/2020 No. 494-FZ (as amended) // ConsultantPlus: official. website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677 / (date of access: 02/16/2026).

[7] Methodological recommendations to the state authorities of the subjects of the Russian Federation and local governments on the regulation of inter-budgetary relations at the regional and municipal levels // Ministry of Finance of the Russian Federation: official. website. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/methodology?id_39=304981 (date of issue: 02/16/2026).

[8] Bank of Russia. Information about the key rate decision // Central Bank of the Russian Federation: official website. website. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=24739 (date of request: 02/16/2026).

[9] The Bank of Russia. Press release on the key rate dated 10/25/2024 // Central Bank of the Russian Federation: official website. URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=25102024_133000Key.htm (date of issue: 02/16/2026).

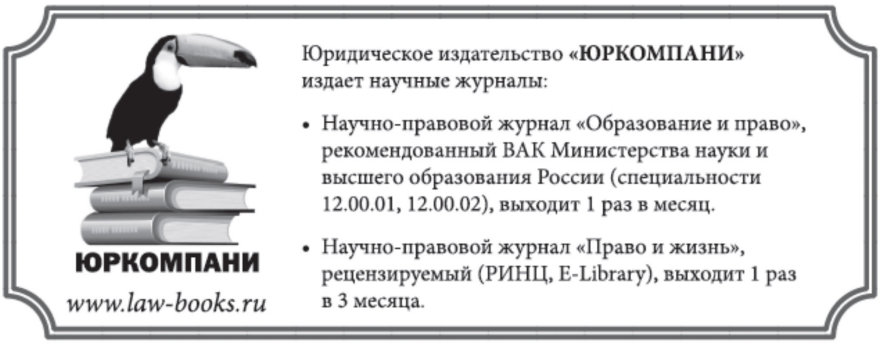
[10] Investments in fixed assets: statistical data // Interfax. 2025. URL: https://www.interfax.ru/business/1029604 (date of reference: 02/16/2026).

[11] Infrastructure construction in Russia: analytical review // Delprof. 2025. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/infrastrukturnoe-stroitelstvo-v-rossii / (date of access: 02/16/2026).

[12] Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated 29.12.2004 (as amended on 30.01.2026): electronic resource // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040 / (date of access: 02/16/2026).

[13] The practice of applying Chapter 10 of the Urban Planning Code of the Russian Federation on the integrated development of territories // Legal Insight. 2025. URL: https://legalinsight.ru/articles/praktika-primeneniya-gl-10-grk-rf-o-kompleksnom-razvitii-territorij / (date of access: 02/16/2026).

[14] Construction in Russian regions: results of 2025: an analytical review / Sherpa Group. Electronic resource. URL: https://sherpagroup.ru/analytics/3p7pdnr (date of request: 02/16/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-197-200
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ХОМИЧ Егор Дмитриевич,

аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

e-mail: khomich-ed@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В РОССИИ: АНАЛИЗ И ПРАКТИКА

Аннотация. *Правовые основы регулирования и применения финансового мониторинга в России вызывают не только социальный, частный и научный интерес, но также являются неотъемлемой частью внутренней государственной политики. Финансовый мониторинг охватывает множество областей предпринимательства, форм экономического взаимодействия между гражданами и иными субъектами антиотмывочного законодательства, а также напрямую противодействует терроризму, экстремизму, коррупции и иным незаконным действиям, связанным с финансами.*

Ключевые слова: *финансовый мониторинг, нормативно-правовые акты, государственная политика, ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ.*

KHOMICH Egor Dmitrievich,

postgraduate student, All-Russian State University of Justice

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF FINANCIAL MONITORING IN RUSSIA: ANALYSIS AND PRACTICE

Annotation. *The legal framework for the regulation and application of financial monitoring in Russia is not only of social, private and scientific interest, but is also an integral part of domestic government policy. Financial monitoring covers many areas of entrepreneurship, forms of economic interaction between citizens and other subjects of anti-money laundering legislation, and also directly counteracts terrorism, extremism, corruption and other illegal actions related to finance.*

Key words: *financial monitoring, regulatory legal acts, state policy, AML/CFT/ED/FRM.*

Финансовый мониторинг за свое многолетнее развитие выстроил последовательную систему анализа, выявления и оценки рисков как по отношению к различным участникам экономики, так и в части операций между ними. Одной из важнейших целей финансового мониторинга является именно противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения (далее – ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ). Обеспечивая защищенность и контроль финансовых потоков, мониторинг приносит значительную пользу частному сектору, людям и странам, позволяя обеспечивать законность в разных сферах.

Структура законодательства, регулирующего финансовый мониторинг, формируется фундаментальными нормами и положениями, затрагивающими социальную и экономическую безопасность. Эти нормы отражены в национальном законодательстве, международном праве и международных стандартах, созданных международными объединениями и организациями.

Основой национального законодательства в России является Конституция Российской Федерации, хотя она и не определяет специальные нормы, которые бы напрямую регулировали политику ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ, именно ей устанавливаются принципы, определяющие основу принятия и применения профильного законодательства. Например, в статье 2 высшего нормативно-правового акта указывается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита, являются основной обязанностью государства. Такая норма обязывает государство защищать не только права отдельного человека, но и безопасность общества и государства в целом от таких угроз, как терроризм, экстремизм и

организованная преступность, для борьбы с которыми и создана система ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ.

Утвержденная первым Президентом Российской Федерации программа по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 гг., организовывала деятельность государственной политики по борьбе с преступностью, обеспечению защищенности жизни, здоровья и иных прав граждан, а также интересов общественных объединений и государства от преступных посягательств в условиях того времени. Помимо этого, программа признавала необходимость реализации мер, противодействующих коррупции, введения ответственности за новые виды и формы преступности и оперативного изъятия средств и имущества, полученных преступным путем, что также способствовало становлению финансового мониторинга в стране.

Современное законодательное регулирование финансового мониторинга в России основывается на множестве правовых актов, в числе которых Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), определяющий основные положения антиотмывочного законодательства, в числе которых: определение перечня организаций и иных лиц, призванных идентифицировать своих клиентов, представителей клиентов и (или) выгодоприобретателей; определение бенефициарных владельцев клиентов; требования о предоставлении информации об операциях с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих обязательному контролю; подозрительных операциях; о принятых мерах по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества в отношении определенных организаций и лиц [7, с. 70]. Основные действия, применяемые в соответствии с этим законом, направлены на организацию и осуществление внутреннего контроля, реализацию обязательного контроля, а также запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ [6, с. 72].

Другую важную часть антиотмывочного законодательства формируют подзаконные акты, часть из которых принимается Правительством Российской Федерации, например Постановление Правительства РФ от 19 марта 2014 г. № 209 «Об утверждении Положения о представлении информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальными предпринимателями и направлении Федеральной службой по финансовому мониторингу запросов в организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, и индивидуальным предпринимателям» [5, с. 270-271].

Указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу») определяет общие положения, полномочия и организацию деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг), являющейся федеральным органом исполнительной власти Российской Федерации, выполняющим функции финансовой разведки и реализующим важнейшие функции в сфере ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ. Указанным органом в соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ разработан Приказ Росфинмониторинга от 3 августа 2010 г. № 203 «Об утверждении положения о требованиях к подготовке и обучению кадров организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Законодательная деятельность иных контрольных (надзорных) органов заслуживает отдельного внимания, значимое место среди таковых занимает Банк России не только по количеству изданных актов, но и по сфере охвата экономического сектора хозяйствующих субъектов. Формируя правовое регулирование в отношении своих подконтрольных (поднадзорных) субъектов, Банк России регулирует организацию внутреннего контроля в кредитных организациях [8, с. 4], обобщает требования к правилам внутреннего контроля для национальных кредитных организаций, зарубежных банковских представительств, некредитных финансовых организаций, а также вводит правила по идентификации кредитными организациями своих клиентов, представителей клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев [2, с. 51].

Предпосылки приведения в соответствие с международными нормами функционирования финансового мониторинга в России в части системы ПОД начинают формироваться еще в период советской власти. Так, в 1990 г. Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик ратифицировал Венскую конвенцию Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о борьбе с незаконным оборотом наркотических

средств и психотропных веществ от 1988 г., заложившую международно-правовые основы борьбы с отмыванием преступных доходов и продолжающую действовать по настоящее время как составная часть российской правовой системы [1, с. 208].

Наиболее значимым примером международных правовых актов ООН, активно применяемых в России, выступает резолюция Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г., принятая с целью противодействия международному терроризму, угрожающему мировым государствам и всеобщей безопасности. В соответствии с резолюцией федеральные органы государственной власти и органы власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий призваны: противодействовать финансированию террористических актов, обеспечивать блокировку денежных средств, активов и иных экономических ресурсов, предполагаемых к использованию или используемых для совершения террористической деятельности, ввести уголовную ответственность за преступления, связанные с терроризмом, а также иные меры, которые, в том числе, сопряжены с применением финансового мониторинга. Не менее значима резолюция Совета Безопасности ООН 1456 от 20 января 2003 г., в соответствии с которой Россия, согласно международному законодательству, обязана привлекать к судебной ответственности тех, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает акты терроризма.

Международное регулирование также включает в себя стандарты и рекомендации, созданные Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее – ФАТФ), которые в совокупном применении позволяют эффективно противодействовать угрозам и вызовам, исходящим от терроризма и преступности как на национальном, так и общемировом уровнях [3, с. 20].

Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ЕАГ) одна из важнейших региональных групп по типу ФАТФ, объединяющая не только одни из самых сильных экономик мира, но и страны с высокими показателями эффективности применения политики ПОД/ФТ/ФРОМУ. Как и у ФАТФ, документы данного объединения не обладают официальной законодательной силой, но тем не менее применение предписаний способствует развитию финансового мониторинга в России. В качестве примера можно привести Методические рекомендации ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ.

Одновременно важно обозначить влияние других международных объединений, тесно связанных с Россией, которые, как и ФАТФ, противодействуют преступлениям в рассматриваемой сфере. Например, Содружество Независимых Государств уделяет значительное внимание политике ПОД/ФТ и формирует совместное нормативно-правовое регулирование [4, с. 2]. Так, в 2022 г. государствами участниками организации подписан Договор государств - участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

В деятельности БРИКС также присутствуют и согласовываются вопросы в части реализации финансового мониторинга в разных направлениях: государства-члены регулярно принимают совместные декларации, в которых страны поддерживают свою приверженность международным стандартам ФАТФ, определяя важность обмена информацией и общего соответствия законодательства. Дополнительно создаются рабочие группы по вопросам ПОД/ФТ/ФРОМУ, где обсуждаются актуальные практики противодействия преступности, подходы к наиболее эффективной оценке рисков и обмен опытом. Часто результатами такой деятельности становится принятие методических материалов и рекомендательных актов, которые оказывают существенное влияние на внутреннюю антиотмывочную политику данных стран.

Анализируя практику применения финансового мониторинга, важно понимать, что его эффективность складывается из множества факторов: качества взаимодействия органов власти между собой, а также с частным сектором и иными субъектами антиотмывочного законодательства; постоянного применения риск-ориентированного подхода и выстраивания системы технического соответствия национального законодательства международному регулированию ФАТФ в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, сохраняя особенности и положительные черты профильного законодательства.

В то же время на практике продолжают сохраняться вызовы и угрозы, связанные с необходимостью постоянного обновления законодательного регулирования системы ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ, повышением квалификации сотрудников и адаптацией к новым видам социальных и финансовых рисков субъектов антиотмывочного законодательства, поддерживая баланс между сохранением и укреплением требований ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ к частному сектору и самим частным сектором в отношении вопросов его развития.

Подводя итог, отметим, что нормативно-правовое регулирование финансового мониторинга на современном этапе представляет собой многоуровневую и изменяющуюся систему правовых актов, позволяющую своевременно противодействовать преступлениям и правонарушениям как на национальном, так и на международном уровнях посредством постоянного взаимодействия государств и их органов власти.

Список литературы:

[1] Долбня А.А. Развитие системы финансового мониторинга Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. 2019. №1. С. 205–222.

[2] Кинсбурская В.А. Кинсбурская Особенности осуществления кредитными организациями деятельности в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в условиях применения санкций и контрсанкций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №9 (121). С. 49–56.

[3] Князева Е.Ю. Правовые аспекты осуществления финансового мониторинга на современном этапе: проблемы теории и практики // Ведомости УИС. 2025. №9. С. 19–24.

[4] Курбанов Р.А. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма: особенности правового регулирования на постсоветском пространстве // Пробелы в российском законодательстве. 2016. С. 1–4. №4.

[5] Макарова Н.В., Макарова Л.М. Финансовый мониторинг: правовое обеспечение информационной безопасности хозяйствующего субъекта // Форум. 2021. №2 (22). С. 264–274.

[6] Писаренко А.П. Актуальные вопросы противодействия легализации преступных доходов, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения // Вестник ТИУиЭ. 2022. №1 (35). С. 71–74.

[7] Сарапкина Е.Н. Основные направления совершенствования правового регулирования системы противодействия финансированию терроризма // Мониторинг правоприменения. 2025. №4 (57). С. 69–85.

[8] Сидоренко Г.Г., Бабаёров Р.А. Комплаенс-функция как элемент системы ПОД/ФТ/ФРОМУ в кредитной организации // Вестник евразийской науки. 2024. №1S. С. 1–8.

References:

[1] Dolbnya A.A. Development of the financial monitoring system of the Russian Federation//Bulletin of NSUEU. 2019. №1. S. 205-222.

[2] Kinsburskaya V.A. Kinsburskaya Features of the implementation of activities by credit institutions in the field of AML/CFT/FROMU in the context of the application of sanctions and counter-sanctions// Bulletin of the Kutafin University. 2024. №9 (121). S. 49-56.

[3] Knyazeva E.Yu. Legal aspects of financial monitoring at the present stage: problems of theory and practice//UIS Vedomosti. 2025. №9. S. 19-24.

[4] R.A. Kurbanov. Countering money laundering and terrorist financing: features of legal regulation in the post-Soviet space//Gaps in Russian legislation. 2016. S. 1-4. №4.

[5] Makarova N.V., Makarova L.M. Financial monitoring: legal support of information security of an economic entity//Forum. 2021. №2 (22). S. 264-274.

[6] Pisarenko A.P. Topical issues of countering the legalization of criminal proceeds, the financing of terrorism and the proliferation of weapons of mass destruction//Bulletin of TIUiE. 2022. №1 (35). S. 71-74.

[7] E.N. Sarapkina. The main directions of improving the legal regulation of the system of combating the financing of terrorism//Monitoring of law enforcement. 2025. №4 (57). S. 69-85.

[8] Sidorenko G.G., Babaerov R.A. Compliance function as an element of the AML/CFT/FROMU system in a credit institution//Bulletin of Eurasian Science. 2024. №1S. S. 1-8.

www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-201-205

ИГНАТОВ Алексей Александрович,

аспирант ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», кафедра гражданского и предпринимательского права,

e-mail: aleksey1998ignatov@gmail.com

Научный руководитель:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович,

д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

e-mail: af.73@mail.ru

ДОКТРИНА ESTOPPEL BY DEED В АНГЛИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию доктрины estoppel by deed в английском праве. Рассматриваются понятие эстоппеля и место estoppel by deed в системе основных видов эстоппеля, применяемых в английской юрисдикции. Анализируется правовая природа документа особой формы (deed), его признаки и значение для возникновения рассматриваемой доктрины. Особое внимание уделяется структуре estoppel by deed, включающей два самостоятельных аспекта: невозможность отрицания содержания документа особой формы и возникновение имущественных прав на основании эстоппеля. Исследуются условия применения первого аспекта доктрины, связанного с запретом стороне deed оспаривать содержащиеся в нем ясные и недвусмысленные утверждения о фактах либо о фактах и праве. Отдельно рассматривается второй аспект доктрины, включающий категории interest by estoppel (имущественное право, основанное на эстоппеле) и «feeding the estoppel» («подпитывание эстоппеля»). На основе анализа доктрины и судебной практики обосновывается, что estoppel by deed обладает самостоятельной правовой природой и отличается от эстоппелей, основанных на доверии (reliance-based estoppels), поскольку его применение не требует доказывания доверия (reliance), ущерба (detriment) и недобросовестности (unconscionability). Делается вывод, что основное назначение estoppel by deed заключается в обеспечении устойчивости и определенности правоотношений, возникающих на основании документов особой формы (deed).*

Ключевые слова: *эстоппель; эстоппель на основании документа особой формы; документ особой формы; имущественное право, основанное на эстоппеле; подпитывание эстоппеля; estoppel; estoppel by deed; deed; interest by estoppel; feeding the estoppel.*

IGNATOV Aleksey Aleksandrovich,

Postgraduate Researcher, Russian State Academy of Intellectual Property, Department of Civil and Business Law

Scientific Supervisor:

AFANASYEV Sergey Fedorovich,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Commercial Litigation, Advocacy, and Notarial Practice at the Saratov State Law Academy

THE DOCTRINE OF ESTOPPEL BY DEED UNDER ENGLISH LAW

Annotation. *The article is devoted to the study of the doctrine of estoppel by deed under English law. It examines the concept of estoppel and the place of estoppel by deed within the system of the principal types of estoppel recognized in English jurisprudence. The legal nature of a deed, its characteristics, and its significance for the emergence of the doctrine are analyzed. Particular attention is paid to the structure of estoppel by deed, which includes two distinct aspects: the prohibition against denying the contents of a deed and the creation of proprietary rights on the basis of estoppel. The article explores the requirements for the application of the first aspect of the doctrine, which prevents a party to a deed from disputing clear and unambiguous statements of fact or statements of mixed fact and law contained therein. Separate consideration is given to the second aspect of the doctrine, including the concepts of interest by estoppel and "feeding the estoppel". Based on an analysis of legal doctrine and judicial practice, it is argued that estoppel by deed possesses an independent legal nature and differs from reliance-based estoppels, since its application does not require proof of reliance, detriment, and unconscionability. The article concludes that the principal purpose of estoppel by deed is to ensure stability and certainty in legal relationships arising from deeds.*

Key words: *estoppel; estoppel by deed; deed; interest by estoppel; feeding the estoppel.*

Понятие эстоппеля

Эстоппель (от англ. estoppel) — один из фундаментальных институтов англо-американского права, возникший на стыке доказательственного, договорного и процессуального права, а впоследствии получивший развитие и в сфере материальных правоотношений. В самом общем виде эстоппель представляет собой правовой инструмент для пресечения непоследовательного недобросовестного поведения.

В современной доктрине отсутствует универсальное, исчерпывающее определение термина «эстоппель», поскольку эстоппель не является единым правовым институтом, а охватывает совокупность самостоятельных правовых конструкций, объединенных общей функциональной направленностью. Шесть основных видов эстоппеля, применяемых в английской юрисдикции в настоящее время:

estoppel by representation (эстоппель на основании заверения);

promissory estoppel (эстоппель на основании обещания);

proprietary estoppel (имущественный эстоппель);

estoppel by convention (эстоппель на основании предполагаемого соглашения);

estoppel by deed (эстоппель на основании документа особой формы);

estoppel by record (эстоппель на основании судебной записи).

Английский правовед М. Барнс в своей фундаментальной работе «Право эстоппеля» («The Law of Estoppel», 2020) пишет, что, вероятно, невозможно сформулировать единую концепцию или положение, которое охватывало бы все аспекты эстоппеля [1, Para 1.5]. Поэтому целесообразно рассматривать каждый из видов эстоппелей раздельно. Данная статья посвящена анализу одной из доктрин, указанных выше ——— estoppel by deed (эстоппель на основании документа особой формы).

Что такое «deed»

В общем праве под термином «deed» понимается «любой письменный документ, который подписан, скреплен печатью и доставлен ("signed, sealed, and delivered"), с помощью которого передаются права на имущество» [2, P. 475]. «Доставлен» (delivered) в этом контексте означает не физический процесс передачи документа, а то, что лицо, оформляющее документ особой формы (deed), посредством содержащихся в нем формулировок подтверждает свое намерение быть связанным его условиями [1, Para 4.9, 4.11]. Далее будем называть deed «документом особой формы».

Как отмечают в английских комментариях, «все документы особой формы (deed) являются документами, скрепленными печатями, но не все документы, скрепленные печатями, являются документами особой формы (deed)» [3, Para 1-113]. Документ особой формы (deed) должен:

осуществлять переход имущественного и иного права;

создавать обязательство, связывающее какое-либо лицо или лиц; или

подтверждать тот или иной акт, в соответствии с которым имущественные и иные права уже перешли [3, Para 1-113].

Структура estoppel by deed

Estoppel by deed (эстоппель на основании документа особой формы) является одним из трех архаичных видов эстоппелей, упоминаемых Эдвардом Коуком в своей известной работе 17-го века «Commentaries on Littleton», наравне с estoppel by matter of record (эстоппель на основании судебной записи) и estoppel by matter in pais (эстоппель на основании поведения) [4, Para 352a]. В литературе отмечается, что доктрина estoppel by deed имеет два самостоятельных и не вполне схожих аспекта:

Первый аспект ——— отрицание содержания документа особой формы (deed).

Второй аспект ——— приобретение имущественного права; второй аспект, в свою очередь, состоит из двух самостоятельных частей:

имущественное право, основанное на эстоппеле (interest by estoppel);

«подпитывание эстоппеля» («feeding the estoppel»).

Estoppel by deed традиционно не относится к эстоппелям, основанным на доверии (reliance-based estoppels). Поэтому для применения estoppel by deed не требуется доказывать наличие доверия (reliance), ущерба (detriment), недобросовестности (unconscionability) [1, Para 4.5].

Первый аспект доктрины (отрицание содержания deed)

Сторона надлежащим образом оформленного документа особой формы (deed) лишается возможности в дальнейшем отрицать истинность содержащегося в нем заявления (statement) [1, Para 4.91]. В противном случае может быть применен первый аспект estoppel by deed.

Ш. Уилкен и К. Гхали в своей работе приводят примеры заявлений (statement), которые могут быть основанием для применения первого аспекта estoppel by deed [5, Para 12.22, 12.23]:

Определенные товары были переданы одной стороной документа особой формы (deed) другой стороне [16; 5, Para 12.22].

Лицо являлось изобретателем различных усовершенствований промышленного оборудования [7; 5, Para 12.22].

За приобретение имущества одна сторона уплатила определенную цену другой стороне [9; 5, Para 12.22].

Арендатор обладал опционом на продление договора аренды [14; 5, Para 12.22].

М. Барнс суммировал основные положения первого аспекта estoppel by deed следующим образом [1, Para 4.93]:

Заявление (statement) должно быть утверждением о факте либо утверждением о факте и праве. Заявление не может быть утверждением исключительно о праве, выражением мнения или обещанием (promise). Заявление может содержаться в любой части документа особой формы (deed) — как в декларативной, так и в основной.

Заявление (statement) должно быть ясным, точным и недвусмысленным (clear, precise, and unequivocal).

Заявление (statement) должно быть согласовано сторонами; стороны не должны заблуждаться относительно существа заявления.

Заявление (statement) может быть основанием для применения estoppel by deed только в отношении той стороны документа особой формы (deed), которая сделала соответствующее заявление, ——— независимо от того, сделано ли заявление исключительно этой стороной, или несколькими сторонами совместно, или всеми сторонами совместно.

Estoppel by deed применяется исключительно в рамках разбирательства, связанного с осуществлением и защитой прав и обязанностей, непосредственно вытекающих из документа особой формы (deed). Доктрина не будет применяться в разбирательствах, касающихся исключительно побочных вопросов.

Второй аспект доктрины (приобретение имущественного права)

Второй аспект estoppel by deed, в свою очередь, состоит из двух самостоятельных частей:

Имущественное право, основанное на эстоппеле (Interest by estoppel). При определенных обстоятельствах предоставление имущественного права на земельный участок лицом, не имеющим достаточных прав для совершения этой сделки («дефектное» имущественное право), тем не менее может породить у приобретателя имущественное право на земельный участок, основанное на эстоппеле (interest by estoppel) [1, Para 4.91]. В этом случае лицо, предоставляющее имущественное право, не может впоследствии оспаривать действительность имущественного права приобретателя [12, Para 596, 599; 5, Para 12.66]. Лицо получает имущественное право, основанное на эстоппеле, которое является эквивалентным «настоящему» имущественному праву и которое может быть противопоставлено любому третьему лицу, за исключением «настоящего» владельца имущественного права (реального собственника и т.д.) [5, Para 12.67].

«Подпитывание эстоппеля» («Feeding the estoppel»). Если лицо, предоставившее «дефектное» имущественное право, впоследствии приобретает достаточный титул на соответствующий земельный участок, считается, что эстоппель «подпитался» (is fed; буквально ——— «накормлен», «откормлен»), и право,

основанное на эстоппеле (estate by estoppel), автоматически превращается в полноценное имущественное право (estate in interest). Проще говоря, приобретатель тем самым автоматически получает действительный титул в тот момент, когда отчуждатель приобретает его сам [8; 10; 13; 15; 5, Para 12.72].

Второй аспект estoppel by deed применяется не только в отношении земельных участков и объектов недвижимости, как было показано выше. В судебной практике встречается позиция, что эта доктрина также применима и к другому имуществу в широком смысле, например, к исключительному праву на изобретение [11, Para 169; 5, Para 12.68], к движимому имуществу [6; 5, Para 12.68].

Выводы

Estoppel by deed (эстоппель на основании документа особой формы) представляет собой один из шести традиционных видов эстоппеля в английском праве. Его действие основывается на наличии документа особой формы (deed). Структура estoppel by deed включает два основных аспекта.

Первый аспект estoppel by deed заключается в невозможности стороны документа особой формы (deed) отрицать содержащиеся в нем утверждения. Если документ содержит ясное и недвусмысленное заявление о факте либо о факте и праве, сторона, сделавшая такое заявление, впоследствии лишается возможности оспаривать его достоверность в рамках спора, вытекающего из данного документа. Тем самым обеспечивается стабильность юридических отношений и соблюдение условий, закрепленных в документе особой формы (deed).

Второй аспект estoppel by deed связан с возможностью возникновения имущественных прав на основании эстоппеля. В определенных ситуациях лицо может передать имущественное право, не обладая достаточным титулом на соответствующее имущество. Несмотря на дефект такого титула, у приобретателя может возникнуть имущественное право, основанное на эстоппеле (interest by estoppel). Если впоследствии отчуждатель приобретает необходимый титул, происходит так называемое «подпитывание эстоппеля» («feeding the estoppel»), вследствие чего право, ранее существовавшее на основании эстоппеля (estate by estoppel), автоматически трансформируется в полноценное имущественное право (estate in interest).

Существенной особенностью estoppel by deed является то, что он не относится к эстоппелям, основанным на доверии (reliance-based estoppels). Для его применения не требуется доказывать наличие доверия (reliance), причиненного ущерба (detriment) или недобросовестности (unconscionability). Его действие обусловлено наличием документа особой формы (deed) и необходимостью обеспечивать устойчивость и определенность правоотношений, возникающих на его основе.

Список литературы:

[1] Barnes M. The Law of Estoppel. Oxford: Hart Publishing, 2020.

[2] Black's Law Dictionary. 9th ed. St. Paul: West Group, 2009.

[3] Chitty on Contracts. 32nd ed. Vol. 1. London: Sweet & Maxwell, 2017.

[4] Sir Edward Coke et al. The First Part of the Institutes of the Laws of England, Or, a Commentary upon Littleton: Not the Name of the Author Only, but of the Law Itself. Vol. II. 1st American, from the 19th London edition. Philadelphia, 1853. URL: https://archive.org/details/firstpartofinsti02coke/page/352/mode/2up (дата обращения: 20.05.2026).

[5] Wilken S., Ghaly K. The Law of Waiver, Variation and Estoppel. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012.

[6] Biddle v. Bond [1865] 6 B & S 225.

[7] Bowman v. Taylor [1834] 2 AD & E 279; 111 ER 108.

[8] Cuthbertson v. Irving [1859] 4 H & N 742.

[9] Davis v. Stone [1992] 2 EGLR 222.

[10] First National Bank Plc v. Thompson [1996] 1 All ER 144 CA.

[11] Greer v. Kettle [1938] AC 156.

[12] Industrial Properties (Barton Hill) Ltd v. Associated Electrical Industries Ltd [1977] 1 QB 580.

[13] Mackley v. Nutting [1949] 2 KB 55.

[14] Taylors Fashions Ltd v. Liverpool Victoria Trustees Co Ltd [1982] 1 QB 133.

[15] Webb v. Austin [1844] 7 Man & G 701.

[16] Wiles v. Woodward [1850] 1 Exch 557; 155 ER 244.

References:

[1] Barnes M. The Law of Estoppel. Oxford: Hart Publishing, 2020.

[2] Black's Law Dictionary. 9th ed. St. Paul: West Group, 2009.

[3] Chitty on Contracts. 32nd ed. Vol. 1. London: Sweet & Maxwell, 2017.

[4] Sir Edward Coke et al. The First Part of the Institutes of the Laws of England, Or, a Commentary upon Littleton: Not the Name of the Author Only, but of the Law Itself. Vol. II. 1st American, from the 19th London edition. Philadelphia, 1853. URL: https://archive.org/details/firstpartofinsti02coke/

page/352/mode/2up (data obrashhenija: 20.05.2026).

[5] Wilken S., Ghaly K. The Law of Waiver, Variation and Estoppel. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012.

[6] Biddle v. Bond [1865] 6 B & S 225.

[7] Bowman v. Taylor [1834] 2 AD & E 279; 111 ER 108.

[8] Cuthbertson v. Irving [1859] 4 H & N 742.

[9] Davis v. Stone [1992] 2 EGLR 222.

[10] First National Bank Plc v. Thompson [1996] 1 All ER 144 CA.

[11] Greer v. Kettle [1938] AC 156.

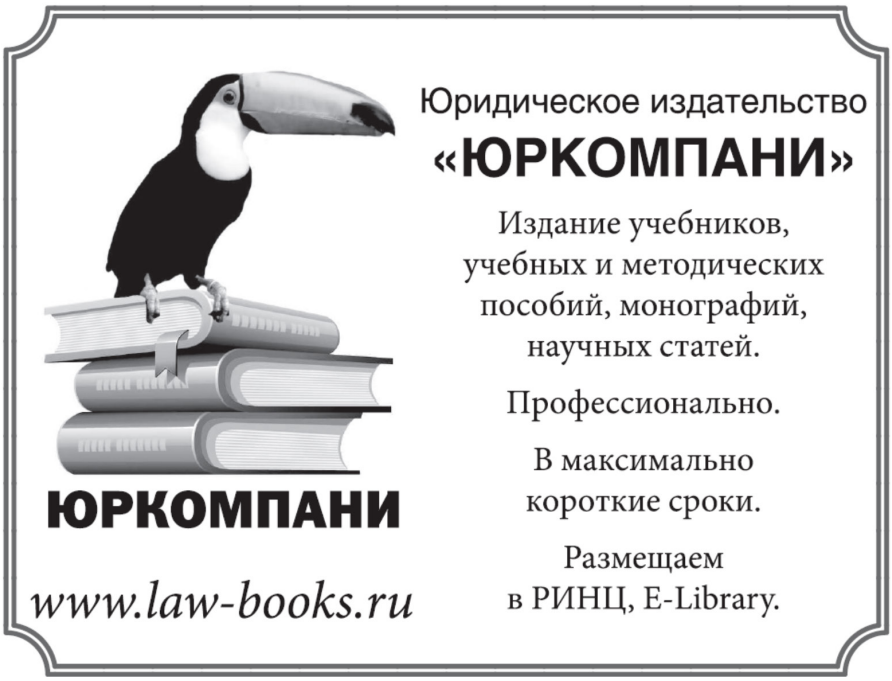
[12] Industrial Properties (Barton Hill) Ltd v. Associated Electrical Industries Ltd [1977] 1 QB 580.

[13] Mackley v. Nutting [1949] 2 KB 55.

[14] Taylors Fashions Ltd v. Liverpool Victoria Trustees Co Ltd [1982] 1 QB 133.

[15] Webb v. Austin [1844] 7 Man & G 701.

[16] Wiles v. Woodward [1850] 1 Exch 557; 155 ER 244.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-206-211

ЧУМАКОВ Руслан Хамзатович,

Аспирант Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ), международно-правовой факультет (МПФ), направление «Юриспруденция»,

e-mail: muxamm12m@gmail.com

ФУНКЦИЯ «МЯГКОГО» ПРАВА КАК ИНСТРУМЕНТА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В настоящей статье представлен анализ концептуального значения рекомендательных международных актов как в российской, так и в зарубежной международно-правовой доктрине. Более того, внимание уделяется исследованию сущности международных финансовых стандартов как составной части «мягкого» права и их влиянию на функционирование международной финансовой системы. В статье подчеркивается, что международное «мягкое» право является гибким и адаптивным механизмом, который позволяет государствам, несмотря на различия в национальных правовых традициях и экономических условиях, находить консенсус по актуальным вопросам финансовой политики.*

Ключевые слова: *глобальное неправовая подсистема, международное «мягкое» право, международная финансовая система, международные финансовые организации, международные финансовые стандарты.*

CHUMAKOV Ruslan Khamzatovich,

Graduate student of the All-Russian Academy of Foreign Trade (VAVT), International Law Faculty (MPF), direction “Jurisprudence”

THE FUNCTION OF SOFT LAW AS A REGULATORY INSTRUMENT IN THE INTERNATIONAL FINANCIAL SYSTEM

Annotation. *This article presents an analysis of the conceptual significance of soft international acts in both Russian and foreign international legal doctrine. Moreover, attention is paid to the study of the essence of international financial standards as an integral part of soft law and their impact on the functioning of the international financial system. The article emphasizes that international soft law is a flexible and adaptive mechanism that allows states, despite differences in national legal traditions and economic conditions, to find consensus on topical issues of financial policy.*

Key words: *global non-legal subsystem, international soft law, international financial system, international financial organizations, international financial standards.*

В рамках глобальной международной системы функционирует всеобъемлющая нормативная система, выполняющая роль регулятивного каркаса для отношений, разворачивающихся на международной арене. Настоящая глобальная нормативная система, в свою очередь, подразделяется на две взаимосвязанные подсистемы: правовую и неправовую, пребывающие в состоянии диалектического единства [7, с. 6]. Международные правовые и неправовые регуляторы охватывают спектр разнородных международных отношений. Исторически массив правовых норм превышал по своему объему и значимости неправовые, однако современная практика демонстрирует стремительный рост роли рекомендательных норм как международных регуляторов, особенно в сфере международных финансовых отношений, являющихся составной частью более широких международных экономических отношений.

Относительно природы международно-правовой системы, представляющей собой совокупность нормативных предписаний, воплощенных в международно-правовых источниках, зафиксированных Статутом Международного Суда ООН [8], в доктрине нет существенных разногласий. Однако

сущность международной неправовой системы, объединяющей нормы неправового характера, или так называемые акты международного «мягкого» права (soft law), продолжает оставаться предметом научных дискуссий, поскольку отсутствует единство в понимании данного феномена в рамках терминологического аппарата международно-правовой доктрины. В этой связи представляется целесообразным прежде всего уточнить, что именно понимается под международным «мягким» правом в отечественной и зарубежной доктринах. Затем необходимо выявить причины существования рекомендательных норм в международной среде. В завершение следует рассмотреть, каким образом международные рекомендательные нормы воздействуют на международную финансовую систему, а также в каких специфических формах они находят свое выражение.

Как было отмечено ранее, единая концепция «мягкого права» пребывает на стадии своего становления [3, с. 73]; тем не менее, труды российских правоведов уже формируют целостное представление о природе международных рекомендательных норм. Так, В.М. Шумилов определяет акты «мягкого» права как особую категорию международных политических норм, которые, будучи зафиксированными в письменной форме в различных документах, включая акты международных и параорганизаций, не обладают юридической силой и не имеют соответствующего международно-правового механизма защиты. По мнению правоведа, акты «мягкого» права не подменяют собой нормы международного права, а выступают в качестве предпосылки для их дальнейшего формирования [9, с. 47]. Сходная точка зрения прослеживается в трудах известного отечественного правоведа И.И. Лукашука, посвященных данной проблематике. Между тем ученый, развивая концепцию «мягкого права», дифференцирует его на два вида: а) особые виды международно-правовых норм, содержащиеся в международных договорах, которые не порождают конкретных прав и обязанностей, но задают общую обязательную установку; б) неправовые международные нормы, фиксируемые в актах неюридического характера, таких как резолюции международных организаций и их органов, и т.п. Правовед также придерживается вышеуказанной точки зрения, согласно которое нормы «мягкого» права нередко выполняют функцию предварительного, доправового регулирования [4, с. 138-139].

В зарубежной международно-правовой доктрине также отсутствует единое мнение относительно содержания категории «международное мягкое право» [11, с. 11; 14, с. 37; 17, с. 21-23]. Данный тезис находит подтверждение в высказывании известного юриста-международника, бывшего председателя Международного Суда ООН Р.Ю. Дженнингса: «Я бы не признал международную норму, даже если бы встретил ее воочию» [11, с. 8]. Тем не менее в современной зарубежной правовой мысли данным термином, как правило, обозначаются такие международные акты, как декларации, руководящие принципы, своды правил и рекомендации, которые, по замыслу их создателей, не обладают юридической силой, однако выражают политическую волю и направлены на продвижение определенных норм. Рекомендательные нормы наиболее часто встречаются в относительно новых и недостаточно разработанных отраслях международного права, в частности в международном экономическом праве [12, с. 32; 15, с. 40-43]. Более широкое определение международного «мягкого» права, предлагаемое зарубежными правоведами, охватывает совокупность документов, принимаемых международными организациями и не обладающих статусом юридически обязательных, а также отдельные положения международных договоров, в которых не детализированы права и обязанности их участников [17, с. 95-110]. Подобно российским специалистам, зарубежные исследователи единодушны в признании значимости рекомендательных актов, которые сосуществуют с международными правовыми нормами, известными как нормы «твердого права» (hard law), органично дополняют их и потенциально способны инкорпорироваться в состав международного обычного права, тем самым упрочивая глобальную нормативную систему [13, с. 336-337; 14, с. 45].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что международные рекомендательные нормы представляют собой инструменты неправового характера, не обладающие прямо выраженной юридической силой. Однако, при всей своей необязательности, они воплощают согласованную политическую волю государств и обладают ярко выраженным нормативным, регулятивным потенциалом. В структуре международной нормативной системы данные нормы существуют в гармоничном единстве с императивными правовыми предписаниями, нередко трансформируясь в них и тем самым обретая полноценное юридическое значение.

В международно-правовой литературе выделяются различные причины существования неправовых международных актов. Однако, по нашему убеждению, можно обозначить четыре наиболее значимые из них. Первая

и основополагающая причина дихотомии глобальной нормативной системы заключается в особенностях согласования государствами целей, направленных на регулирование их действий в сфере международной политики [4, с. 152]. Поскольку цель во многом определяет характер средств, всякая международная норма представляет собой результат согласования воль первичных субъектов международного права, то есть государств. В свою очередь, подход, основанный на «жестком» регулировании межгосударственных отношений, как правило, требует от государств значительных уступок в вопросах суверенитета. В этой связи для государства более предпочтительным является установление «мягкого» регулирования. По этой причине в последние десятилетия в мире возникли трудности, связанные с заключением многосторонних международных соглашений, и сформировался пласт регуляторов, не подпадающих под обязательное исполнение. Данная идея также подтверждается тем, что в доктринальном пространстве бытует мнение, согласно которому распространение «мягкого» права является частью политики «деформализации» источников международного права [14, с. 16]. Иными словами, международные индикативные нормы представляют собой потенциальный инструмент для уклонения от установления договорных обязательств в международном пространстве.

Вторая причина коренится в том, что в ряде сфер международных отношений установление императивного правового регулирования сопряжено с объективными трудностями. Это объясняется ярко выраженным публичным характером определенных межгосударственных отношений и, как следствие, доминирующей ролью государственного суверенитета, который определяет границы допустимого вмешательства и согласования воль. К числу таких областей относится, в частности, международные финансовые отношения, где столкновение национальных интересов с необходимостью унификации международных правовых стандартов порождает сложную систему компромиссов, балансирующую между суверенной волей государств и потребностями глобальной финансовой архитектуры [5, с. 158]. Поэтому в подобных областях было принято множество важных, однако не имеющих обязательной юридической силы документов.

К третьей причине следует отнести усиление правосубъектности международных межправительственных организаций, возведенное до формы, близкой к объективной правосубъектности, а также укрепление позиций международных неправительственных организаций и параорганизаций таких, как Парижский и Лондонский клубы кредиторов, «Большая двадцатка» (G20) и иные аналогичные структуры. Более того, в последнее время трансформации, происходящие в международной сфере, ставят под обоснованное сомнение традиционное представление о государствах как о единственных творцах международного права [14, с. 3]. В современных условиях международные организации все более отчетливо обретают черты «квазисуверенных» субъектов, оказывающих активное влияние на формирование и развитие международной нормативной системы, что находит свое подтверждение в судебной практике [14, с. 72]. Последняя причина коренится в имманентных свойствах «мягкого» права, которые наделяют его рядом неоспоримых преимуществ перед «жестким» правом: гибкостью, адаптивностью и способностью выступать пространством апробации альтернативных политических решений [13, с. 336].

Определив природу международных актов «мягкого» права, обратимся к анализу их воздействия на глобальную финансовую систему. Под международной финансовой системой понимается публичное пространство, в котором осуществляется трансграничное движение финансовых потоков. Вместе с тем международная финансовая система является частью более крупной международной экономической системы, а ее регулятивную основу составляют два взаимосвязанных блока: правовой, включающий нормы национального (внутригосударственного) и международного права, и неправовой, формируемый преимущественно решениями международных финансовых организаций [10, с. 391-398]. Причина двойственности нормативной базы МФС заключается, с одной стороны, в ярко выраженном публичном характере финансовых отношений, что затрудняет установление универсальных императивных норм в международном пространстве [6, с. 43-44]; с другой стороны, в политике либерализации международной торговли финансовыми услугами и принципе субсидиарности регулирования финансовых отношений, благодаря которым в формировании финансовых регуляторов участвуют также неправительственные (межведомственные) институты, не обладающие однозначным правовым статусом. Следовательно, решения, достигнутые в рамках таких структур, носят необязательный, «мягко-правовой» характер [1, с. 32; 18, с. 175]. Хотя международные неправительственные организации не являются субъектами международного права в целом и международного финансового права в частности,

а потому не могут выступать в качестве «творцов» международных правовых норм, они, тем не менее, оказывают немаловажное влияние на различные аспекты международного финансового права. Так, подобные организации зачастую принимают участие – пусть и косвенное, опосредованное – в процессе формирования норм международного финансового права [10, с. 199].

Таким образом, в рамках финансовой нормативной системы условно выделяются две регулятивные подсистемы: «жестко-правовая» и «мягкоправовая». Ко второй подсистеме относятся многообразные кодексы поведения, образцы наилучшей практики, основополагающие принципы, руководства, рекомендации и инструкции, объединяемые единым понятием «международные финансовые стандарты» (МФС). Разработка указанных стандартов осуществляется 11 основными международными финансовыми регуляторами по различным группам финансовых отношений, включая банковские услуги, выпуск ценных бумаг, отдельные вопросы налогообложения и иные сферы. Соблюдение МФС стимулируется и подлежит совместному контролю со стороны Международного валютного фонда и Всемирного банка [3, с. 78]

К примеру, одним из ключевых международных органов финансовой стандартизации выступает Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), признанный наиболее авторитетной инстанцией в сфере банковского надзора, устанавливающей единые стандарты пруденциального регулирования банковской деятельности. В рамках БКБН были разработаны документы, которые условно подразделяются на два основных международных финансовых стандарта. Первый из них определяет основу для повышения устойчивости банков и прошел три последовательные редакции; последняя известна как Базель III [2]. Второй стандарт включает 29 принципов эффективного банковского надзора, обязательных к соблюдению всеми национальными органами банковского надзора в целях надлежащего выполнения их задач по поддержанию финансовой стабильности в соответствующих юрисдикциях. Все упомянутые стандарты БКБН представляют собой глобальные пруденциальные финансовые нормы, не обладающие обязательной юридической силой, однако оказывающие существенное влияние на мировую экономику. Немаловажно отметить, что благодаря присущей им адаптивности такие стандарты, являясь проявлением «мягкого» права, нередко корректируются посредством введения новых уровней и показателей соответствия в ответ на критику и изменения экономической ситуации, что, несомненно, можно отнести к их преимуществу.

К числу важных международных органов финансовой стандартизации также относятся Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международная организация комиссий по ценным бумагам (ИОСКО). В рамках инициатив ОЭСР разрабатываются принципиальные решения в сфере международного налогообложения, в первую очередь направленные на противодействие уклонению от уплаты налогов транснациональными корпорациями. В свою очередь, ИОСКО, выступая в качестве глобального надзорного органа за соблюдением законодательства о ценных бумагах, осуществляет разработку, внедрение и контроль за исполнением стандартов регулирования фондового рынка. Известным стандартом данной организации остается документ «Цели и принципы регулирования рынка ценных бумаг», принятый в 2003 года [1, с. 221].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что глобальная финансовая система обладает уникальными свойствами, среди которых – отчетливо выраженный публичный характер финансовых отношений, признанная либеральная политика международных финансово-торговых отношений и принцип субсидиарности источников финансового регулирования. Совокупность указанных особенностей, на наш взгляд, обусловила возникновение потребности в альтернативных инструментах регулирования международных финансовых отношений. В качестве такой альтернативы выступили решения международных финансовых организаций, или акты «мягкого» права, которые находят выражение в многообразных формальных ипостасях: от резолюций до кодексов поведения, образцов наилучшей практики, основополагающих принципов, руководств, рекомендаций, инструкций и т.п. Все перечисленные акты объединены единым понятием «международные финансовые стандарты» и, по мнению многих авторов, составляют важнейшую часть так называемой глобальной финансовой архитектуры, а также международного экономического правопорядка в целом, практически приобретая статус новых источников международного финансового права [1, с. 205; 16, с. 5].

В ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Международный нормативный инструментарий отличается широким разнообразием: помимо общепризнанных правовых норм существует обширный массив иных инструментов, не налагающих прямых обязательств на всех участников международных

отношений. В доктрине подобные инструменты принято обозначать термином «мягкое право»; они несут в себе морально-политические установки и фактически образуют глобальную неправовую подсистему, находящуюся в тесном взаимодействии с правовой системой.

Отсутствие обязательной юридической силы нисколько не умаляет значимости подобных актов, ибо их предназначение состоит в создании концентрических пространств для выработки и интерпретации нормативных предписаний.

Особая роль актов «мягкого» права проявляется в международных финансовых отношениях, что обусловлено сложностью самой международной финансовой системы. Субъектами, издающими рекомендательные международные финансовые нормы, выступают международные организации различной организационно-правовой формы: межправительственные, неправительственные и параорганизации. Совокупность актов таких организаций образует международные финансовые стандарты, оказывающие влияние на всю глобальную финансовую архитектуру и признаваемые многими правоведами в качестве новых (субсидиарных) источников международного финансового права.

Аллегорически международные мягкие нормы можно представить, как семена, в которых заключена политическая воля государств и которые посеяны в эпистемических пространствах; впоследствии они способны трансформироваться в эффективный правовой инструмент регулирования отдельных сфер международных отношений.

Список литературы:

[1] Актуальные проблемы международного финансового права: учебное пособие / под ред. С.Г. Павликова. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 322 с.

[2] Банк международных расчетов (БМР) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.bis.org/.

[3] Кудряшов В.В. «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права // Московский журнал международного права. – 2013. – С. 70-89.

[4] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для вузов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

[5] Международное экономическое право: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Кнорус, 2021. – 272 с.

[6] Петрова Г.В. Международное финансовое право: учебник для вузов / Г. В. Петрова. – М.: Юрайт, 2025. – 319 с.

[7] Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке: монография / под ред. В.М. Шумилова. – М.: ВАВТ, 2026. – 163 с.

[8] Статут Международного Суда ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice.

[9] Шумилов В.М. Международное право: учебник. – М.: Юстиция, 2026. – 528 с.

[10] Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник / под общ. ред. В.М. Шумилова. ¬¬¬¬¬М.: Юстиция, 2021. – 582 с.

[11] Aust A. Handbook of International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 592 pp.

[12] Choukroune L., Nedumpara J.J. International Economic Law. Text, Cases and Materials. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 846 pp.

[13] Chaisse J., Lin T. International Economic Law and Governance. Essays in Honour of Mitsuo Matsushita. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 624 pp.

[14] Emeziem C. Soft International Economic Law: A New Sovereign? // University of Bologna Law Review. – 2025. – Vol. 10. – №1. – P. 35-92.

[15] Klabbers J. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 412 pp.

[16] Lifshits I., Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law // Russian Law Journal. – 2020. – Vol. 8. – № 1. – P. 4-31.

[17] Shaw M.N. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. –1308 pp.

[18] Zaring D. Legal Obligation in International Law and International Finance // Cornell International Law Journal. – 2015. – Vol. 48. – № 1. – P. 175-217.

References:

[1] Actual problems of international financial law: a textbook/ed. S.G. Pavlikov. - M.: INFRA-M, 2022. - 322 s.

[2] Bank for International Settlements (BIS) [Electronic Resource]. - Access mode: URL: https://www.bis.org/.

[3] Kudryashov V.V. “Soft law” as a method of regulating international financial relations in the foreign doctrine of international financial law//Moscow Journal of International Law. – 2013. - S. 70-89.

[4] Lukashuk I.I. International Law. General part: textbook for universities. - M.: Wolters Kluver, 2005. - 432 s.

[5] International economic law: study guide/ ed. A.N. Vylegzhanina. - M.: Knorus, 2021. - 272 p.

[6] Petrova G.V. International financial law: a textbook for universities/G.V. Petrova. - M.: Yurayt, 2025. - 319 p.

[7] Forecasts of the development of international economic law and international law and order in the 21st century: monograph/ed. V.M. Shumilova. - M.: VAVT, 2026. - 163 s.

[8] Statute of the International Court of Justice [Electronic Resource]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice.

[9] Shumilov V.M. International law: textbook. - M.: Justice, 2026. – 528 c.

[10] Shumilov V.M. International economic law: textbook/under the general. ed. V.M. Shumilova. ¬¬¬¬¬ M.: Justice, 2021. – 582 c.

[11] Aust A. Handbook of International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 592 pp.

[12] Choukroune L., Nedumpara J.J. International Economic Law. Text, Cases and Materials. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 846 pp.

[13] Chaisse J., Lin T. International Economic Law and Governance. Essays in Honour of Mitsuo Matsushita. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 624 pp.

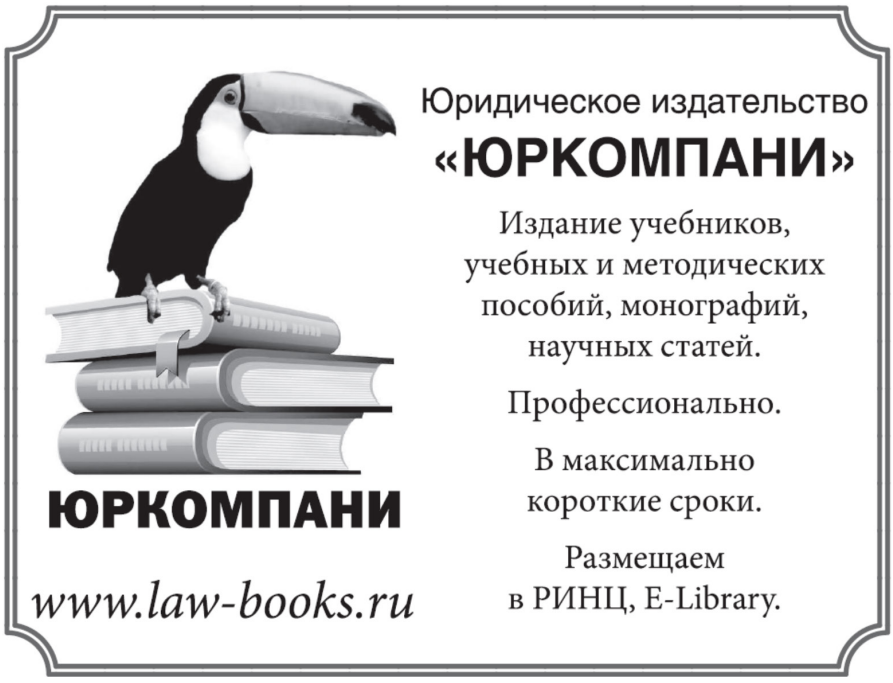
[14] Emeziem C. Soft International Economic Law: A New Sovereign? // University of Bologna Law Review. – 2025. – Vol. 10. – №1. – P. 35-92.

[15] Klabbers J. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 412 pp.

[16] Lifshits I., Ponamorenko V. International Financial Standards in the Global Legal Order and in EU and EAEU Law // Russian Law Journal. – 2020. – Vol. 8. – № 1. – P. 4-31.

[17] Shaw M.N. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. –1308 pp.

[18] Zaring D. Legal Obligation in International Law and International Finance // Cornell International Law Journal. – 2015. – Vol. 48. – № 1. – P. 175-217.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-212-219

МИХАЛЕВ Владимир Евгеньевич,

аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП)», член ассоциации историков права, SPIN-код: 6732-0435, AuthorID: 1249464,

e-mail: vladimirm.mihalev77@yandex.ru

Научный руководитель:

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,

д.ю.н, к.и.н., профессор,

e-mail: theory@izak.ru

ГЕРМАНСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ КАК ФОРМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ЭКСПАНСИИ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье рассматривается германский колониализм конца XIX - начала XX века как форма европейской правовой экспансии. Обосновывается, что колониальная политика Германской империи предполагала не только военно-политическое установление контроля над внеевропейскими территориями, но и создание особого правового режима, основанного на нормах международного, административного, консульского и колониального права. Особое внимание уделяется конструкции Schutzgebiet, роли Берлинской конференции 1884–1885 гг., механизмам протектората, колониальной администрации и дуализму юрисдикции в отношении европейского и коренного населения. Делается вывод, что германский колониализм являлся одним из вариантов европейской правовой экспансии, при котором право выступало инструментом легитимации, институционализации и поддержания колониального господства*

Ключевые слова: *германский колониализм; Германская империя; европейская правовая экспансия; колониальное право; Schutzgebiet; протекторат; Берлинская конференция; колониальная администрация; международное право; историко-правовой анализ.*

MIKHALEV Vladimir Evgenievich,

Postgraduate Researcher at the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Federal State Research Institution Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Member of the Association of Legal Historians

Supervisor:

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,

doctor of law, ph.d., professor

GERMAN COLONIALISM AS A FORM OF EUROPEAN LEGAL EXPANSION IN THE LATE NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article examines German colonialism in the late nineteenth and early twentieth centuries as a form of European legal expansion. It argues that the colonial policy of the German Empire involved not only military and political control over non-European territories, but also the creation of a special legal regime based on international, administrative, consular and colonial law. Particular attention is paid to the concept of Schutzgebiet, the Berlin Conference of 1884–1885, protectorate mechanisms, colonial administration and the dualism of jurisdiction over European and indigenous populations. The author concludes that German colonialism was one of the forms of European legal expansion, in which law served as an instrument for legitimizing, institutionalizing and maintaining colonial domination.*

Key words: *German colonialism; German Empire; European legal expansion; colonial law; Schutzgebiet; protectorate; Berlin Conference; colonial administration; international law; historical and legal analysis*.

Введение

В современной историко-правовой науке изучение германского колониализма конца XIX - начала XX века имеет значение для понимания механизмов европейской правовой экспансии и юридического оформления колониального господства. Германская империя включилась в колониальный раздел мира позднее Великобритании, Франции, Испании, Португалии и Нидерландов, однако за короткий период создала систему заморских владений в Африке, Океании и Восточной Азии. Особенность германского колониального проекта заключалась в том, что он развивался не только как военно-политическая и экономическая экспансия, но и как особый правовой режим, основанный на конструкции «защитных территорий» - Schutzgebiete, административных распоряжениях, международных соглашениях и колониальной юрисдикции.

Исследование германского колониализма опирается на труды отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих различные аспекты данной проблематики. В отечественной историографии «колониальный вопрос» в Германии, становление германского присутствия в Юго-Западной Африке, особенности колониального этоса, германо-намибийские отношения и восточноазиатское направление экспансии анализируются в работах В.В. Ряполова, В.Н. Корякина, А.Ю. Калистратова, С.В. Буталия, Н.В. Ивкиной, А.С. Тихонова, П.С. Травкина, Д.А. Пашенцева и М.Д. Сабелкис [1-8]. Историко-правовой аспект германского колониализма, включая статус «защитных территорий», колониальную юстицию и доктрину колониального права, раскрывается в исследованиях, А. Польша, Х. Хаммена, Я. Цольмана и Л. Нуццо [13-15; 17].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа правовых форм европейского колониализма. В существующей литературе германская колониальная политика часто рассматривается через призму международных отношений, военной истории, экономической экспансии или постколониальной памяти. Вместе с тем историко-правовой подход позволяет выявить, каким образом право участвовало в создании, легитимации и поддержании колониального порядка. В этом отношении германский опыт особенно показателен, поскольку конструкция Schutzgebiet позволяла включать колониальные территории в сферу власти Германской империи без их полного конституционного приравнивания к территории рейха.

Целью настоящей работы является проведение историко-правового анализа германского колониализма конца XIX - начала XX века как одной из форм европейской правовой экспансии. Для достижения данной цели предполагается рассмотреть идеологические и политико-правовые предпосылки германской колониальной политики, значение Берлинской конференции 1884–1885 гг., правовую природу конструкции Schutzgebiet, механизмы колониального управления и место германской модели в системе европейского колониального права.

Гипотеза исследования заключается в том, что германский колониализм не являлся исключительно военно-политическим или экономическим проявлением империализма, а представлял собой юридически оформленную систему внешнего господства, в которой нормы международного, административного, консульского и колониального права использовались для легитимации колониального контроля, дифференциации правового статуса населения и расширения полномочий имперской администрации.

Материалы и методы исследования включают анализ нормативных правовых актов Германской империи, международных соглашений, отечественной и зарубежной историографии, а также научных работ по истории колониального права. В работе используются историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы, позволяющие рассмотреть германский колониализм как часть более широкого процесса европейской правовой экспансии.

Идеологические и политико-правовые предпосылки германской колониальной экспансии

Формирование германской колониальной политики было связано с национальным объединением Германии и становлением Второго рейха как новой великой державы. После провозглашения Германской империи в 1871 г. колониальная идея постепенно стала восприниматься как средство внешнеполитического самоутверждения и включения страны в систему глобального соперничества. В.В. Ряполов отмечает, что «колониальный вопрос» в 1870-е - 1880-е гг. становился одним из значимых направлений внешней политики молодой империи и оказывал влияние на её национально-государственное

развитие [6, с. 78–86].

Общий государственно-правовой контекст становления Германской империи раскрывается в учебнике Д.А. Пашенцева, где подчёркивается, что после объединения Германии Конституция 1871 г. закрепила федеративную по форме, но фактически монархическую и прусско-доминирующую модель власти. Император обладал значительными полномочиями в сфере внешней политики, командования армией и назначения имперского канцлера, тогда как союзные органы отражали сложный баланс между федеративным устройством и ведущей ролью Пруссии [5, с. 207–209].

В 1870-е гг. колониальная экспансия ещё не имела безусловной поддержки германского правительства. О. фон Бисмарк первоначально относился к созданию заморских владений осторожно, считая приоритетом укрепление империи в Европе. Однако на рубеже 1870–1880-х гг. усиление промышленности, рост внешнеторговых интересов, развитие морской торговли и активизация колониальной пропаганды изменили ситуацию. По данным В.В. Ряполова, в начале 1880-х гг. колониальная пропаганда охватила влиятельные социальные группы, политические партии, фракции рейхстага, прессу и публицистику, а в немецкой печати всё активнее обсуждались переселенческие и торговые колонии, сырьевые источники, рынки сбыта и возможности вывоза капитала [3, с. 82–83].

Идеологическая база германского колониализма складывалась из нескольких элементов: мотива национального престижа, экономических аргументов и представления о «цивилизаторской миссии» Европы. Германия, опоздавшая к первоначальному разделу колониального мира, стремилась занять место среди держав, уже обладавших значительными заморскими владениями. Вместе с тем германский колониализм с самого начала имел выраженное политико-правовое измерение. Для закрепления германского присутствия было недостаточно фактического занятия территории или деятельности отдельных купцов, миссионеров и колониальных обществ. Необходимо было юридически оформить приобретения, придать им международное признание и включить их в систему имперского управления. Это видно на примере Юго-Западной Африки, где частная инициатива Адольфа Людерица в районе Ангра-Пекена постепенно превратилась в вопрос государственной защиты и установления германского протектората [4, с. 86–87].

Политико-правовой характер германского колониализма проявился и в конструкции «защитных территорий» - Schutzgebiete. Такая форма позволяла распространить на колонии власть рейха, но не включать их полностью в конституционно-правовое пространство метрополии. В результате возникал режим правовой асимметрии: колонии находились под властью империи, однако их население не обладало тем же объёмом гарантий, который существовал для жителей самой Германии. Поэтому Schutzgebiet выступал не только административным термином, но и юридическим способом неравноправного включения колониальных территорий в сферу германской власти [13, S. 191–209].

Особую роль сыграл общеевропейский контекст. Германия действовала внутри системы колониального соперничества, где уже существовали признанные формы оформления власти: протекторат, договор с местными правителями, концессия, аренда, сфера влияния, консульская юрисдикция. Берлинская конференция 1884–1885 гг. придала этим практикам международно-правовой язык, связанный с оккупацией, уведомлением других держав и разграничением сфер интересов. Поэтому германская экспансия была частью более широкого процесса европейской правовой экспансии, в рамках которого право превращало фактическое господство в признанный юридический порядок [14].

Германская империя, вступившая в колониальную гонку позднее других держав, активно ориентировалась на британские, французские и нидерландские практики управления, но не копировала их механически. Она соединяла заимствованные европейские правовые формы с особенностями немецкого государственного строительства, сильной ролью исполнительной власти и стремлением к быстрому институциональному оформлению колониального режима. А. Польш подчёркивает, что германская правовая наука внесла значительный вклад в легитимацию колониального проекта и расширение пределов колониальной власти [15, S. 120–134].

Таким образом, предпосылки германской колониальной экспансии были обусловлены сочетанием национально-государственных, экономических, внешнеполитических и правовых факторов. Германия стремилась утвердиться в качестве мировой державы, получить доступ к рынкам и ресурсам, а также закрепить своё присутствие в системе европейского колониального соперничества. При этом договоры, протектораты, защитные грамоты, административные распоряжения и конструкция Schutzgebiet выступали не второстепенным сопровождением колониальной политики, а её важнейшими инструментами.

Правовые формы германского колониального господства: от частной инициативы к имперскому протекторату

Одной из характерных особенностей германской колониальной экспансии было то, что она нередко начиналась не с прямого государственного захвата, а с частной торговой, миссионерской или предпринимательской инициативы. На раннем этапе Германская империя использовала деятельность купцов и колониальных обществ как предварительный механизм проникновения на внеевропейские территории. Однако колониальное значение такие инициативы приобретали только после получения государственного покровительства, дипломатического сопровождения и публично-правового оформления.

Наиболее показателен пример Юго-Западной Африки. В 1882 г. бременский купец Адольф Людериц основал факторию в районе Ангра-Пекена, рассчитывая использовать её для торговли с Германией. Уже 16 ноября 1882 г. он обратился в Министерство иностранных дел Германии с просьбой об установлении протектората и защите своей собственности. Позднее его представитель Генрих Фоегльзанг заключил сделки с местным вождём Йозефом Фредериксом фон Бетаниеном, приобретя сначала прибрежную полосу, а затем более обширные территории вглубь страны [4, с. 86–87].

Важным этапом стало дипломатическое взаимодействие с Великобританией. Германское правительство обратилось к британской стороне с вопросом о её притязаниях на соответствующую территорию. Не получив удовлетворительного ответа, О. фон Бисмарк 24 апреля 1884 г. провозгласил германский протекторат над Ангра-Пекена и прилегающим побережьем. В дальнейшем британский парламент признал совершившийся факт, что фактически означало международное признание первой германской колонии - Германской Юго-Западной Африки [4, с. 86–87]. Таким образом, частная инициатива Людерица была преобразована в имперский протекторат через сочетание договорных, дипломатических и военно-политических средств.

Дальнейшее развитие германского колониального господства было связано с оформлением режима Schutzgebiet. Закон о правовых отношениях германских защитных территорий 1886 г. закрепил особую модель колониального управления: «защитные территории» не становились обычными частями территории рейха, но находились под властью германского императора, осуществлявшего Schutzgewalt от имени империи [12, S. 75–76]. Такая конструкция позволяла расширять сферу германской власти, не распространяя на колонии весь комплекс конституционных гарантий, действовавших в метрополии.

Редакция Закона о защитных территориях 1900 г. закрепила более развитую модель германского колониального государственного права. Особенно важно, что она допускала дифференцированное распространение правовых норм на различные категории населения. В отношении коренного населения действие общей колониальной юрисдикции могло определяться специальными императорскими распоряжениями, что усиливало зависимость правового положения местных жителей от административного усмотрения [9, S. 812–817].

Существенную роль играли и защитные грамоты, предоставлявшиеся колониальным обществам. Они позволяли Германской империи делегировать частным организациям отдельные властные полномочия, сохраняя верховный контроль за рейхом. Такая модель была характерна для начального этапа экспансии, когда государство стремилось использовать ресурсы частных предпринимателей и минимизировать прямые административные издержки. В дальнейшем она уступила место более централизованному имперскому управлению [10].

Германский опыт показывает, что право в колониальном контексте выполняло не только регулирующую, но и легитимирующую функцию. Договоры с местными правителями, ссылки на защиту собственности, режим протектората, международное признание и последующее законодательное оформление Schutzgebiet создавали видимость правомерности колониального захвата. В этом отношении германская модель была частью более широкой европейской правовой экспансии. Берлинская конференция 1884–1885 гг. придала колониальному разделу Африки международно-правовой язык, связанный с оккупацией, уведомлением других держав и разграничением сфер влияния [11, S. 215–246]. Для Германии это имело особое значение, поскольку молодая колониальная держава нуждалась в признании своих приобретений мировым сообществом.

Таким образом, правовые формы германского колониального господства развивались поэтапно: от частной инициативы и договоров с местными правителями - к государственной защите, дипломатическому признанию, протекторату и режиму Schutzgebiet.

Германская экспансия в Китае и Цзяочжоу: аренда, военно-морская база и правовое оформление зоны влияния

Если германская экспансия в Африке наиболее ярко проявилась через режим

протектората и конструкцию Schutzgebiet, то восточноазиатское направление демонстрирует иную правовую модель колониального господства. В Китае Германская империя стремилась не столько к созданию обширной поселенческой колонии, сколько к приобретению стратегического порта, военно-морской базы и экономической зоны влияния. Поэтому Цзяочжоу и Циндао представляют особый интерес для историко-правового анализа: германское присутствие здесь оформлялось преимущественно через договор аренды, портовое управление, инфраструктурные права и военно-морское администрирование.

К концу XIX в. Китай оказался в центре соперничества европейских держав, России, Японии и США. После поражения в японо-китайской войне 1894–1895 гг. ослабление Цинской империи усилило процесс раздела китайской территории на сферы влияния. Германия рассматривала Китай как перспективное пространство для торговой, политической и военно-морской экспансии. А. С. Тихонов отмечает, что германская политика в Восточной Азии была направлена на приобретение незамерзающего порта для дальнейшего экономического продвижения, а выбор Цзяочжоу определялся военно-политическими и торговыми интересами Второго рейха [7, с. 1175–1177].

Восточноазиатское направление германской политики было связано с концепцией Weltpolitik, провозглашённой при Вильгельме II. Новая внешнеполитическая линия исходила из необходимости превращения Германии в мировую державу, обладающую флотом, колониями, заморскими базами и прямым доступом к международным рынкам. В этом контексте Цзяочжоу рассматривался как удобный опорный пункт для германского флота и торговли, а также как база для продвижения германского капитала в северном Китае, включая строительство железных дорог, добычу полезных ископаемых и развитие торговых коммуникаций [7, с. 1177–1180].

Поводом для активных действий Германии стал инцидент, связанный с убийством немецких миссионеров в провинции Шаньдун. Он был использован как юридико-политическое обоснование вмешательства, что соответствовало европейской практике защиты миссионеров, торговцев и подданных как предлога для установления контроля над внеевропейскими территориями. После занятия Циндао германская сторона добилась договорного оформления своего присутствия. По договору 1898 г. Китай передавал Германии порт на 99 лет с правом строительства доков, фортификационных сооружений и железной дороги, а также предоставлял германским компаниям возможности для разработки природных ресурсов [7, с. 13–16].

С историко-правовой точки зрения договор об аренде Цзяочжоу имел принципиальное значение. Он позволял Германии установить долговременный контроль над территорией без формального объявления её полной колониальной аннексии. Такая форма сохраняла внешнюю оболочку договорных отношений с китайским государством, но фактически ограничивала его суверенные полномочия в пределах переданной территории. Аренда превращалась в инструмент политико-правового подчинения: номинально территория оставалась связанной с Китаем, однако ключевые функции управления, обороны, инфраструктурного развития и хозяйственного освоения переходили к Германии.

Циндао быстро превратился в главный германский форпост на Дальнем Востоке. Его значение определялось сочетанием военно-морских, торговых и административных функций: порт использовался как база германского флота, центр защиты морских коммуникаций и пространство экономического проникновения. Развитие доков, железнодорожных концессий, торговли, добычи угля, банковской инфраструктуры и предпринимательской активности германских компаний превращало аренду в основу более широкого экономического и административного влияния [8, с. 13–16].

В отличие от Германской Юго-Западной Африки, где особое значение имели поселенческий фактор, земельные изъятия и военно-полицейское подавление местного населения, Цзяочжоу представлял собой преимущественно военно-морскую и торговую колониальную модель. Однако сама конструкция арендованной территории отражала асимметрию между европейской державой и ослабленным неевропейским государством.

Таким образом, германская экспансия в Китае демонстрирует особую форму колониального господства, отличную от африканских протекторатов, но связанную с ними общей логикой европейской правовой экспансии. Если в Африке основным инструментом выступали протекторат и режим Schutzgebiet, то в Китае ключевую роль сыграли аренда, портовое управление, военно-морская база, концессионные права и зона влияния. Эти формы позволяли Германии юридически закрепить стратегическое присутствие, не прибегая к прямому включению территории в состав империи.

Специфика германского колониализма в системе европейской правовой экспансии

Германский колониализм конца XIX - начала XX века являлся частью общеевропейского процесса территориального, экономического и правового распространения власти метрополий

на внеевропейские пространства. Вместе с тем он обладал рядом особенностей, обусловленных поздним вступлением Германии в колониальную гонку, сравнительно кратким периодом существования её колониальной империи, высокой ролью исполнительной власти и стремлением быстро юридически оформить приобретения в условиях межимперского соперничества.

Первая особенность германской модели заключалась в её догоняющем характере. Германская империя приступила к формальному приобретению колоний лишь в 1880-е гг., когда основные направления европейской колониальной экспансии уже были заняты другими державами. А.Ю. Калистратов подчёркивает, что Германия, включившись позже других великих держав в колониальную гонку, к началу XX в. сумела утвердиться на относительно небольших территориях в разных регионах мира, причём наиболее крупные владения располагались в Африке [3, с. 140–141]. Эти факты предопределили форсированный характер германской экспансионной политики.

Вторая особенность состояла в особом юридическом оформлении колониального господства. Германская модель была относительно быстро сведена к конструкции Schutzgebiet. Закон 1886 г. и его редакция 1900 г. закрепили статус «защитных территорий», находившихся под властью Германской империи, но не включавшихся в неё как обычная часть государственной территории [12; 9]. Такая конструкция создавала правовую асимметрию: колонии принадлежали сфере германской власти, однако не получали полного конституционно-правового статуса метрополии.

Третья особенность проявлялась в концентрации власти в руках исполнительных органов и дуализме правового статуса населения. Колониальное управление строилось вокруг кайзеровской Schutzgewalt, полномочий рейхсканцлера, колониального отдела Министерства иностранных дел, а позднее Имперского колониального ведомства. Колониальное право развивалось преимущественно как система императорских ордонансов, административных распоряжений и делегированных полномочий. Так, Я. Цольман показывает, что колониальная юстиция не просто применяла германское право за пределами Европы, а переразмечала судебную систему по статусному и расово-правовому принципу [17].

Четвёртая особенность заключалась в тесной связи германского колониального права с общеевропейскими правовыми практиками. Берлинская конференция 1884–1885 гг. имела принципиальное значение, поскольку задала международно-правовой язык колониального раздела, основанный на оккупации, уведомлении других держав и признании сфер интересов [11, S. 215–246]. В этом смысле специфика Германии состояла не в отрыве от европейской традиции, а в ускоренном усвоении и адаптации уже сложившихся колониально-правовых инструментов.

Пятая особенность связана с противоречием между риторикой «защиты» и фактической практикой господства. Сам термин Schutzgebiet предполагал идею покровительства и правового порядка, однако на практике служил юридической формой подчинения территорий и населения. Л. Нуццо рассматривает колониальное право как самостоятельный европейский дискурс, связанный с международным и консульским правом, но одновременно служивший юридическому оформлению неравенства между метрополией и колонизированными обществами [14]. Поэтому право в германском колониальном контексте выступало не только регулятором, но и инструментом легитимации неравноправного порядка.

Таким образом, специфика германского колониализма заключалась в особом сочетании позднего вступления в колониальную гонку, форсированного юридического оформления захватов, конструкции Schutzgebiet, высокой роли исполнительной власти, дуализма юрисдикции, сравнительно-правовых заимствований и жёсткой административно-полицейской практики.

Выводы

Проведённый историко-правовой анализ позволяет сделать несколько основных выводов.

Во-первых, германский колониализм конца XIX - начала XX века сформировался в условиях уже сложившейся европейской колониальной системы. В отличие от Великобритании и Франции, Германская империя вступила в колониальную гонку сравнительно поздно, что обусловило догоняющий и одновременно форсированный характер её экспансии. Колонии рассматривались не только как источник сырья, рынков сбыта и военно-морских опорных пунктов, но и как средство подтверждения великодержавного статуса Второго рейха.

Во-вторых, германская колониальная политика была тесно связана с общеевропейской практикой юридического оформления господства над внеевропейскими территориями. Договоры с местными правителями, протектораты, защитные грамоты, аренда территорий, военно-морские базы, административные распоряжения и специальные режимы юрисдикции выступали не второстепенным сопровождением экспансии, а её важнейшими инструментами. В этом отношении

германский опыт показывает, что европейский колониализм опирался не только на военную силу и экономическое давление, но и на право как средство легитимации власти.

В-третьих, на примере Германской Юго-Западной Африки видно, как частная торговая инициатива могла трансформироваться в публично-правовую власть империи. Деятельность Адольфа Людерица, первоначально связанная с приобретением земель и организацией торговой фактории, стала основанием для обращения к германскому государству за защитой, а затем - для провозглашения протектората. Тем самым частноправовая сделка была превращена в юридический аргумент колониального господства.

В-четвёртых, опыт Цзяочжоу показывает, что германская экспансия могла принимать не только форму классического протектората или «защитной территории», но и форму договорно оформленной зоны влияния. Аренда территории, создание военно-морской базы, развитие портовой инфраструктуры и закрепление экономических прав позволяли Германии установить стратегическое присутствие в Китае без прямого включения данной территории в состав империи.

В-пятых, германский колониализм демонстрирует, что европейская правовая экспансия не была нейтральным распространением юридических институтов. Напротив, право в колониальном контексте выступало механизмом формирования неравноправного порядка: оно закрепляло особый статус колониальных территорий, различие правового положения европейского и коренного населения, расширенные полномочия администрации и возможность чрезвычайного управления. Следовательно, германский колониализм следует рассматривать как одну из форм европейской правовой экспансии, в которой юридические конструкции служили не только регулированию, но и институционализации колониального господства.

Список литературы:

[1] Буталий С.В. Особенности германского колониального этоса и отношения между немцами и африканцами в Юго-Западной Африке (1884–1914 гг.) / С.В. Буталий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 73-1. — С. 78–84. — EDN JBAJIP.

[2] Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма / Н.В. Ивкина // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. — 2022. — Т. 9, № 1(33). — С. 171–181. — DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181. — EDN AAXSBT.

[3] Калистратов А.Ю. Отечественная историография германского колониализма в Африке / А.Ю. Калистратов // Вестник Брянского государственного университета. — 2022. — № 1(51). — С. 140–167. — DOI 10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167. — EDN HPEGHG.

[4] Корякин В.Н. Германский колониализм на Юго-Западе Африки в начале 1880-х годов / В.Н. Корякин // Студенческая наука и XXI век. — 2019. — Т. 16, № 1-2(18). — С. 86–87. — EDN YGURIP.

[5] Пашенцев Д.А. История государства и права зарубежных стран: учебник / Д.А. Пашенцев. — Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-4365-5994-0. — EDN QRVTAS.

[6] Ряполов В.В. «Колониальный вопрос» в Германии (1870-е — 1880-е годы): в поисках национально-государственной идентичности / В.В. Ряполов // История: факты и символы. — 2016. — № 2(7). — С. 78–86.

[7] Тихонов А.С. Германская колониальная экспансия в Китай в конце XIX в. / А.С. Тихонов // Historia Provinciae — журнал региональной истории. — 2024. — Т. 8, № 4. — С. 1175–1197. — DOI 10.23859/2587-8344-2024-8-4-3. — EDN WXBCYQ.

[8] Травкин П.С. Циндао как главный восточный форпост Германии в Первой четверти XX вв. / П.С. Травкин, М.Д. Сабелкис // Cognitio Rerum. — 2021. — № 1. — С. 13–16. — EDN CMTLM.

[9] Bekanntmachung wegen Redaktion des Schutzgebietsgesetzes. Vom 10. September 1900 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1900. — Bd. 1900. — Nr. 40. — S. 812–817.

[10] Die deutsche Kolonial-Gesetzgebung: Sammlung der auf die deutschen Schutzgebiete bezüglichen Gesetze, Verordnungen, Erlasse und internationalen Vereinbarungen, mit Anmerkungen und Sachregister. — Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1893 ff.

[11] General-Akte der Berliner Konferenz vom 26. Februar 1885 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1885. — Nr. 23. — S. 215–246.

[12] Gesetz, betreffend die Rechtsverhältnisse der deutschen Schutzgebiete. Vom 17. April 1886 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1886. — Bd. 1886. — Nr. 10. — S. 75–76.

[13] Hammen H. Kolonialrecht und Kolonialgerichtsbarkeit in den ehemaligen deutschen Schutzgebieten: Ein Überblick / H. Hammen // Verfassung und Recht in Übersee. — 1999. — Bd. 32. — S. 191–209.

[14] Nuzzo L. Kolonialrecht / Colonial Law / L. Nuzzo // Europäische Geschichte Online. — 2011. — URL: https://ieg-ego.eu/de/threads/europa-und-die-welt/herrschaft/luigi-nuzzo-kolonialrecht (дата обращения: 27.05.2026).

[15] Pohl A. Deutsches Kolonialstaatsrecht und Völkerrecht im 19. Jahrhundert / A. Pohl // Berliner Rechtszeitschrift. — 2024. — № 2. — S. 120–134.

[16] Steinmetz G. The Devil's Handwriting: Precoloniality and the German Colonial State in Qingdao, Samoa, and Southwest Africa / G. Steinmetz. — Chicago: University of Chicago Press, 2007.

[17] Zollmann J. Recht sprechen über «besondere Gebilde» — die koloniale Gerichtsbarkeit und das Reichsgericht / J. Zollmann // Rechtsgeschichte — Legal History. — 2023. — № 31.

References:

[1] Butaliy S.V. Features of the German colonial ethos and relations between Germans and Africans in South-West Africa (1884-1914)/S.V. Butaliy//News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. — 2008. — № 73-1. - S. 78-84. — EDN JBAJIP.

[2] Ivkina N.V. Cultural and humanitarian relations between Germany and Namibia: the experience of overcoming colonialism/N.V. Ivkina// Bulletin of the University of Omsk. Series: Historical Sciences. — 2022. - T. 9, NO. 1 (33). - S. 171-181. — DOI 10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181. — EDN AAXSBT.

[3] Kalistratov A.Yu. Domestic historiography of German colonialism in Africa/A.Yu. Kalistratov// Bulletin of Bryansk State University. — 2022. — № 1(51). - S. 140-167. — DOI 10.22281/2413-9912-2022-06-01-140-167. — EDN HPEGHG.

[4] Koryakin V.N. German colonialism in Southwest Africa in the early 1880s/V.N. Koryakin// Student science and the 21st century. — 2019. - T. 16, NO. 1-2 (18). - S. 86-87. — EDN YGURIP.

[5] D.A. Pashentsev. History of the state and the law of foreign countries: textbook/D.A. Pashentsev. - Moscow: Editorial and Publishing Association "New Justice," 2021. - 360 p. - ISBN 978-5-4365-5994-0. — EDN QRVTAS.

[6] Ryapolov V.V. "Colonial question" in Germany (1870s - 1880s): in search of national-state identity/V.V. Ryapolov//History: facts and symbols. — 2016. — № 2(7). - S. 78-86.

[7] Tikhonov A.S. German colonial expansion into China at the end of the 19th century/A.S. Tikhonov//Historia Provinciae - a journal of regional history. — 2024. - T. 8, NO. 4. - S. 1175-1197. — DOI 10.23859/2587-8344-2024-8-4-3. — EDN WXBCYQ.

[8] Travkin P.S. Qingdao as the main eastern outpost of Germany in the First Quarter of the 20th centuries/P.S. Travkin, M.D. Sabelkis//Cognitio Rerum. — 2021. — № 1. - S. 13-16. — EDN CMTLM.

[9] Bekanntmachung wegen Redaktion des Schutzgebietsgesetzes. Vom 10. September 1900 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1900. — Bd. 1900. — Nr. 40. — S. 812–817.

[10] Die deutsche Kolonial-Gesetzgebung: Sammlung der auf die deutschen Schutzgebiete bezüglichen Gesetze, Verordnungen, Erlasse und internationalen Vereinbarungen, mit Anmerkungen und Sachregister. — Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1893 ff.

[11] General-Akte der Berliner Konferenz vom 26. Februar 1885 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1885. — Nr. 23. — S. 215–246.

[12] Gesetz, betreffend die Rechtsverhältnisse der deutschen Schutzgebiete. Vom 17. April 1886 // Deutsches Reichsgesetzblatt. — 1886. — Bd. 1886. — Nr. 10. — S. 75–76.

[13] Hammen H. Kolonialrecht und Kolonialgerichtsbarkeit in den ehemaligen deutschen Schutzgebieten: Ein Überblick / H. Hammen // Verfassung und Recht in Übersee. — 1999. — Bd. 32. — S. 191–209.

[14] Nuzzo L. Kolonialrecht / Colonial Law / L. Nuzzo // Europäische Geschichte Online. — 2011. — URL: https://ieg-ego.eu/de/threads/europa-und-die-welt/herrschaft/luigi-nuzzo-kolonialrecht (дата обращения: 27.05.2026).

[15] Pohl A. Deutsches Kolonialstaatsrecht und Völkerrecht im 19. Jahrhundert / A. Pohl // Berliner Rechtszeitschrift. — 2024. — № 2. — S. 120–134.

[16] Steinmetz G. The Devil's Handwriting: Precoloniality and the German Colonial State in Qingdao, Samoa, and Southwest Africa / G. Steinmetz. — Chicago: University of Chicago Press, 2007.

[17] Zollmann J. Recht sprechen über «besondere Gebilde» — die koloniale Gerichtsbarkeit und das Reichsgericht / J. Zollmann // Rechtsgeschichte — Legal History. — 2023. — № 31.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-220-225

БОЛОТИНА Елена Валентиновна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГАОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»,

e-mail: boloti-elena@yandex.ru

ОТ «СУПРУЖЕСКОГО ДОЛГА» К СЕКСУАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В БРАКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу генезиса, развития и полного исчезновения из французского правового поля концепции «супружеского долга». Автор прослеживает путь данного явления от его истоков в каноническом праве до закрепления судебного толкования обязанности совместной жизни в Кодексе Наполеона 1804 года. В статье подробно рассматривается эволюция судебной практики XIX–XX веков, признававшей отказ от интимной близости основанием для развода по вине супруга. Особое внимание уделяется нараставшему противоречию между уголовным правом (криминализация супружеского изнасилования с 1990 г.) и гражданским правом (сохранение «супружеского долга» как основания для развода). Кульминацией исследования является анализ революционного решения Европейского Суда по правам человека от 23 января 2025 года по делу H.W. против Франции, которое признало концепцию супружеского долга нарушающей статью 8 Европейской конвенции. Рассматривается законопроект от 28 января 2026 года, дополняющий статью 215 Гражданского кодекса Франции положением о том, что совместная жизнь супругов не создаёт обязанности вступать в сексуальные отношения, и запрещающий использовать отказ от интимных отношений как основание для развода по вине. Делается вывод о переходе к современной модели брака как союза взаимной материальной поддержки, уважения и общих жизненных целей без принудительных элементов физической близости, что, в свою очередь, является полной победой принципа телесной автономии и личного согласия над историческими правовыми обычаями.*

Ключевые слова: *французское семейное право, брак, супружеский долг, супружеские обязанности, совместная жизнь супругов, сексуальная автономия, расторжение брака по вине супруга, Европейский Суд по правам человека.*

BOLOTINA Elena Valentinovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

FROM «CONJUGAL DUTY» TO SEXUAL AUTONOMY IN MARRIAGE: THE EVOLUTION OF FRENCH CASE LAW AND LEGISLATION

Annotation. *This article is devoted to a comprehensive analysis of the genesis, development, and complete disappearance from French law of the concept of «conjugal duty». The author traces the path of this phenomenon from its origins in canon law to the entrenchment of the judicial interpretation of the obligation of shared life in the Napoleonic Code of 1804. The article examines in detail the evolution of 19th–20th century case law, which recognized refusal of intimacy as grounds for fault-based divorce. Particular attention is paid to the growing contradiction between criminal law (criminalization of marital rape since 1990) and civil law (retention of «conjugal duty» as grounds for divorce). The culmination of the research is the analysis of the revolutionary judgment of the European Court of Human Rights of January 23, 2025, in the case of H.W. v. France, which found the concept of conjugal duty to be a violation of Article 8 of the European Convention. The article examines the draft law of January 28, 2026, supplementing Article 215 of the French Civil Code with a provision stating that the shared life of spouses does not create an obligation to have sexual relations, and prohibiting the use of refusal of intimate relations as grounds for fault-based divorce. It concludes by noting the transition to a modern model of marriage as a union of mutual material*

support, respect, and shared life goals without coercive elements of physical intimacy, which, in turn, represents a complete victory for the principle of bodily autonomy and personal consent over historical legal customs.

Key words: *French family law, marriage, conjugal duty, marital obligations, shared life of spouses, sexual autonomy, fault-based divorce, European Court of Human Rights.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена кардинальной трансформацией правового регулирования личных неимущественных отношений супругов в современном французском праве, завершившейся в 2025–2026 гг. полным отказом от концепции «супружеского долга» (devoir conjugal), которая на протяжении двух столетий существовала исключительно в рамках судебного толкования, не имея прямого законодательного закрепления. Решение Европейского Суда по правам человека от 23 января 2025 года по делу H.W. против Франции, признавшее сам факт существования в правовом поле понятия «супружеский долг» нарушающим право на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Европейской конвенции), создало прецедент, который может повлиять на правовые системы других государств.

Для российской цивилистической науки обращение к французскому опыту представляет особый интерес в контексте дискуссий о пределах государственного вмешательства в интимные отношения супругов, о соотношении юридических и моральных обязанностей в браке, а также о перспективах дальнейшей гуманизации семейного законодательства.

Кроме того, актуальность исследования подкрепляется необходимостью осмысления юридического парадокса, возникшего во французском праве: принятие специального закона, формально отменяющего то, что никогда не было прямо закреплено в законе, но существовало в силу устойчивой судебной практики. Это ставит перед правовой доктриной вопросы о пределах судебного толкования, о соотношении писаного права и судебного прецедента, а также о механизмах защиты личной автономии в брачно-семейных отношениях.

Целью настоящего исследования является комплексный историко-правовой и догматический анализ эволюции, юридической природы и окончательного исчезновения концепции «супружеского долга» (devoir conjugal) во французском праве.

Нормативную базу исследования составили: Гражданский кодекс Франции в редакциях разных лет, Уголовный кодекс Франциив редакциях разных лет, законопроект № 4677 от 28 января 2026 года, принятый Национальным собранием Франции. Эмпирическую основу составили постановление Европейского Суда по правам человека от 23 января 2025 года по делу H.W. против Франции, решения Кассационного Суда Франции, а также решения иных французских судов. В работе использованы научные труды таких французских исследователей, Ж. Маттьюсси, О. Фульширон, М.-Л. Ру-Бессьер, Ж. Гарриг, В. Дешам.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и специальных юридических методов. Посредством историко-правового метода показана эволюция концепции «супружеского долга» от канонического права до современного французского законодательства. Формально-юридический метод позволил проанализировать содержание норм Гражданского и Уголовного кодексов Франции, а также решений судов. Сравнительно-правовой метод применён для сопоставления подходов уголовного и гражданского права Франции к одному и тому же явлению (отказу от интимной близости супругов), а также для выявления расхождений в толковании communauté de vie судами разных юрисдикций. Кроме того, в работе применялся системный анализ при рассмотрении «супружеского долга» как элемента системы личных неимущественных обязанностей супругов.

Генезис и теоретические основы концепции «супружеского долга»

Понятие «супружеского долга» (devoir conjugal) представляет собой уникальный феномен французского права. Его ключевая особенность заключается в том, что данный термин никогда прямо не упоминался в Гражданском кодексе Франции (Code civil de la République française). Несмотря на отсутствие законодательного закрепления, на протяжении нескольких столетий он оставался мощным инструментом судебной практики, рассматривавшимся как неотъемлемая часть брачного обязательства.

Истоки концепции «супружеского долга» лежат в христианской догматике. Каноническое право рассматривало copula carnalis (плотское соитие) не просто как право, а как «супружеский долг» (debitum conjugale). Согласно апостолу Павлу («1-е послание к Коринфянам», 7:4): «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена» [1]. В этом контексте отказ от интимной близости

рассматривался как нарушение божественного установления, а сама близость была условием для «совершенного» брака, главной целью которого являлось деторождение.

Секуляризация понятия «супружеского долга» связана с принятием в 1804 году Кодекса Наполеона (Code civil de la République française). Разработчики Гражданского кодекса 1804 года сознательно отошли от прямого упоминания интимной близости в контексте брака, стремясь разорвать связь с церковным таинством.

Вместо этого в статье 215 Гражданского кодекса Франции была закреплена обязанность вести совместную жизнь: «Супруги обоюдно обязуются к совместной жизни (communauté de vie)» [6].

Долгое время эта норма трактовалась французскими судами расширительно. Считалось, что communauté de vie включает в себя не только общность быта (communauté de toit) - совместное проживание и ведение хозяйства, но и общность ложа (communauté de lit), подразумевающее согласие на интимные отношения. Именно вторая часть трактовки и получила название «супружеского долга» (le devoir conjugal).

При этом важно подчеркнуть, что непосредственно в Гражданском кодексе Франции не содержалось и не содержится понятия «супружеский долг», это понятие проистекает исключительно из судебного толкования communauté de vie.

Эволюция судебной практики (XIX–XX вв.)

В течение XIX и большей части XX века французская судебная практика была неумолима в интерпретации communauté de vie. Французские исследователи подчеркивают, что суды на протяжении многих десятилетий трактовали обязанность «общности жизни» как включающую «общий кров и общую постель» (communauté de toit et de lit) [2]. Длительный и немотивированный отказ (например, в течение нескольких лет) без уважительных причин (супружеская измена, неправомерное поведение, насилие, возраст, депрессия одного из супругов или состояние здоровья) от интимных отношений с супругом мог быть признан оскорбительным и умышленным пренебрежением и квалифицирован судом как «грубое и неоднократное нарушение супружеских обязанностей» [3]. Это нарушение могло служить основанием для развода по вине исключительно одного из супругов (чаще всего жены), отказывающегося от близости, что влекло за собой негативные финансовые и правовые последствия для «виновной» стороны по смыслу статьи 242 Гражданского кодекса Франции. По мнению французских исследователей трудности в доказывании, безусловно, часто сводили на нет попытки сторон добиться расторжения брака по такому основанию [4]. Вместе с тем, имели место и положительные судебные решения. Редкость таких процессов не снижало их юридической значимости. Подобную судебную практику и общественное мнение, и доктрина считали весьма устаревшей [3].

Поворотным моментом в трансформации содержания обязанности совместной жизни супругов в контексте супружеского долга стало историческое решение Уголовной Палаты Кассационного Суда Франции №90-83.786 от 5 сентября 1990 года (Décision de la Cour de cassation, Chambre criminelle, 05 septembre 1990, №90-83.786). Рассматриваемое дело касалось исключительно жестоких действий мужа в отношении своей жены. Факты, установленные судом, включали применение насилия, связывания и кляп, использование пыток и актов варварства, унизительные действия. Генеральный прокурор при Апелляционном суде г. Лиона подал жалобу, пытаясь оспорить квалификацию этих действий как изнасилования при отягчающих обстоятельствах. Основным аргументом позиции прокуратуры было то, что брак сам по себе легитимирует сексуальные отношения. Сторона защиты утверждала, что, хотя и существует презумпция согласия супругов на половую жизнь, судья не должен оценивать наличие такого согласия в качестве «эффектов брака, имеющих приоритетное значение по отношению к индивидуальному согласию».

Уголовная Палата Кассационного Суда Франции постановила, что, хотя брак может предполагать согласие на сексуальные отношения, эта презумпция не является неопровержимой (n'a rien d'irréfragable). Суд подчеркнул, что статья 332 Уголовного кодекса Франции (в редакции закона от 23 декабря 1980 года) направлена исключительно на защиту свободы каждого. Суд четко указал, что закон не делает исключения для мужа. Насилие и принуждение в браке превращают половой акт в преступление точно так же, как и вне брака.

Это решение считается историческим, так как оно официально признало возможность уголовного преследования супружеского сексуального насилия, отменив презумпцию автоматического согласия супругов на сексуальные отношения.

В 1992 году Уголовная Палата Кассационного Суда Франции уточнила, что «презумпция согласия супругов на сексуальные акты действует только до тех пор, пока не доказано обратное» (Décision de la Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 11 juin 1992, 91-86.346).

Однако следует констатировать, что данные решения по уголовным делам не повлияли на судебную практику по бракоразводным делам.

Гражданская юрисдикция продолжала считать, что длительное воздержание супруга от интимных отношений является достаточным основанием для развода по вине одной из сторон. Так, Вторая Гражданская Палата Кассационного Суда Франции подтвердила решение Апелляционного суда Амьена от 28 февраля 1996 года о расторжении брака супругов X...-Y... исключительно по причине вины жены вследствие ее воздержания от интимной близости с мужем (Décision de la Cour de Cassation, Chambre civile 2, du 17 décembre 1997, 96-15.704).

Таким образом можно констатировать образование ключевого разрыва между гражданским и уголовным правом в подходах к последствиям отказа от интимной близости между супругами. И этот разрыв продолжал расти.

В 2006 году законодатель официально включил супружеское изнасилование в число уголовно наказуемых деяний - статья 222-22 Уголовного кодекса Франции (Art. 11 de la Loi 2006-399 du 4 avril 2006 renforçant la prévention et la répression des violences au sein du couple ou commises contre les mineurs).

Однако важно отметить, что Уголовный кодекс Франции, признавав супружеское изнасилование, предусмотрел презумпцию согласия на интимную близость между супругами, пока не будет доказано обратное. Эта презумпция согласия была отменена только в 2010 году (Art. 36 de la Loi №2010-769 du 9 juillet 2010 relative aux violences faites spécifiquement aux femmes, aux violences au sein des couples et aux incidences de ces dernières sur les enfants).

Несмотря на эту революцию в уголовном праве, гражданские суды продолжали рассматривать отказ от интимной близости как основание для развода по вине вплоть до 2020-х годов (Cour de cassation, deuxième chambre civile 17 décembre 1997 № 96-15.704; Cour d'appel d'Aix-en-Provence, 1er octobre 2008, RG №07/01817; Cour d'appel de Rouen, 18 décembre 2014, RG №13/06454; Cour d'appel de Toulouse, 20 janvier 2015, RG №13/00856; Cour d'appel de Colmar, 6 décembre 2016, RG №15/02103).

Статистика Министерства юстиции Франции фиксирует 46 подобных решений за период 2006–2022 гг., где «нарушение супружеского долга» стало причиной развода или штрафных санкций. Известен случай, когда Апелляционный суд Экс-ан-Прованса в 2011 году присудил мужа выплатить супруге компенсацию в размере 10 000 евро за отсутствие сексуальных отношений в течение нескольких лет на том основании, что они «являются выражением привязанности, которую супруги испытывают друг к другу, и являются частью непрерывности обязанностей, вытекающих из брака» (Cour d'appel d'Aix-en-Provence, 3 mai 2011, RG №09/05752).

Крушение концепции: революция 2025–2026 гг.

Финальным аккордом стало громкое дело пожилой французской пары, суть которого заключалась в следующем. Женщина (H.W.), 1955 года рождения, состоявшая в браке с 1984 года и родившая 4 детей, подала на развод по вине мужа, ссылаясь на пренебрежение с его стороны их семейной жизнью и на совершенное им насилие. Ее супруг подал встречный иск о разводе по вине жены, утверждая, что его жена не соблюдала супружеский долг в течение нескольких лет (прекратила с ним интимные отношения с 2004 года), и, дополнительно, о разводе вследствие окончательного разрушения супружеских отношений.

В первой инстанции судья по семейным делам отказался расторгнуть брак по вине кого-либо из супругов; в частности, он счел, что, хотя неисполнение женой супружеского долга было доказано (она сама признала это в заявлении, поданном в полицию против мужа), состояние ее здоровья оправдывало длительное отсутствие половых отношений в паре. Установив, что совместная жизнь супругов прекратилась более чем за два года до даты возбуждения дела о разводе, судья расторг брак вследствие окончательного разрушения супружеских отношений.

Однако, в апелляционной инстанции, где все требования были поддержаны, решение было совершенно иным. Апелляционный суд Версаля посчитал, что даже серьезные проблемы со здоровьем (включая болезнь Лайма и последствия несчастного случая) не могут оправдать длительный отказ от интимных отношений (с 2004 по 2012 год), что, в сою очередь, является «серьезным и неоднократным нарушением супружеских обязанностей», и постановлением от 7 ноября 2019 года расторг брак по исключительной вине жены (CA Versailles, 7 nov. 2019. №17/02550). Первая гражданская палата Кассационного Суда Франции отклонила кассационную жалобу жены немотивированным решением от 17 сентября 2020 года, посчитав, что «приведенные доводы явно не могут повлечь за собой отмену решения» (Cass. 1re civ., 17 sept. 2020, №19-25.769).

Женщина обжаловала это решение в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), заявив, что французские суды нарушили её право на уважение частной и семейной жизни (статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

23 января 2025 года ЕСПЧ единогласно

признал, что имело место нарушение статьи 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.). При этом ключевые выводы суда сводились к следующему. Во-первых, супружеский долг противоречит фундаментальным правам. Само существование в правовом поле такого понятия, как «супружеский долг» (обязанность вступать в половую связь), противоречит сексуальной свободе, праву на телесную автономию (праву распоряжаться своим телом, физическую неприкосновенность). Во-вторых, понятие супружеских обязанностей должно учитывать согласие как основу любых сексуальных отношений. Отсутствие согласия делает физический акт неприемлемым, независимо от семейного статуса. В-третьих, государство не может юридически наказывать человека (в данном случае, через механизм «расторжения брака по вине») за отказ подчиниться требованиям партнера о вступлении в половую связь. И, в-четвертых, суд подчеркнул, что муж заявительницы не был лишен права на расторжение брака. Он мог подать на развод на основании окончательного распада брака (не указывая конкретную «вину» жены), что было бы справедливым и законным способом. Однако он выбрал путь возложения вины, что и было признано неправомерным (Arrêt de la Cour européenne des droits de l'homme du 23 janvier 2025 sur l'affaire H.W. c. France).

Говоря о значении этого решения для Франции и других стран-членов Совета Европы, необходимо отметить три главных аспекта.

Во-первых, это отказ от устаревшей концепции, поскольку ЕСПЧ фактически признал, что концепция «супружеского долга», уходящая корнями в Наполеоновский кодекс (включая статью 215 в её историческом контексте), больше не соответствует современным стандартам прав человека.

Во-вторых, это защита от супружеского насилия, поскольку решение укрепляет позицию, что секс в браке без согласия одного из супругов не может считаться «долгом», а принуждение к нему может рассматриваться как форма насилия. Суд прямо указал на противоречие этой концепции обязательствам государств по борьбе с домашним и сексуальным насилием.

И, в-третьих, это прецедент для пересмотра аналогичных дел, поскольку теперь французские суды не могут возлагать на супруга «вину» за развод только на основании отсутствия сексуальных отношений, если на то нет добровольного согласия.

Францию обязали привести законодательство в соответствие. Под давлением ЕСПЧ французский парламент действовал стремительно. 28 января 2026 года Национальным собранием в первом чтении принят законопроект, вносящий в статью 215 Гражданского кодекса Франции дополнение следующего содержания: «Эта совместная жизнь (communauté de vie) не создает для супругов никакой обязанности вступать в сексуальные отношения». Также из статьи 242 Гражданского кодекса Франции исключена возможность ссылаться на отсутствие интимной близости между супругами как на основание для развода по вине.

Для вступления в силу данный законопроект должен быть также одобрен Сенатом (верхней палатой французского парламента). Однако правительство запустило ускоренную процедуру рассмотрения, что повышает шансы на его окончательное принятие в самое ближайшее время.

С момента вступления в силу данного дополнения отсутствие или отказ от сексуальных отношений не сможет считаться нарушением супружеских обязанностей и, соответственно, не сможет служить основанием для расторжения брака по вине супруга, а выражение «супружеский долг» будет относится к истории права, а не к действующей юридической норме.

Таким образом, современное французское законодательство рассматривает communauté de vie прежде всего как союз взаимной материальной поддержки, уважения и общих жизненных целей, исключая из этого понятия какие-либо принудительные элементы физической близости.

Юридические парадоксы и социальные последствия

Отмена devoir conjugal создала любопытный прецедент. Поскольку этой обязанности никогда не существовало в письменном законе, парламенту пришлось принять закон, формально отменяющий то, чего не было в законе, чтобы запретить судам толковать закон так, как они толковали его 200 лет.

Французские эксперты отмечают [5], что отмена devoir conjugal логически продолжает разрушение «традиционных» устоев брака. Если ранее исчезла обязанность жить под одной крышей (communauté de toit), то теперь исчезла и общность ложа (communauté de de lit). Это ставит под вопрос определение «фиктивного брака» (mariage blanc), так как теперь супруги могут законно не иметь общих жилья и постели, сохраняя лишь статус.

Заключение

Эволюция «супружеского долга» во Франции прошла путь от священной обязанности перед Богом до анахронизма, признанного нарушающим права человека.

Таким образом, 2026 год ознаменовал собой окончательную победу принципа свободного распоряжения своим телом над вековыми правовыми обычаями французского института брака.

Список литературы:

[1] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Религиозное издание. М.: Российское библейское общество. 2002. С.1221.

[2] Mattiussi V. J. Devoir conjugal – vers une (r)évolution ? //JCP G. 2025. № 6. P. 69.

[3] Fulchiron V. H. La sexualité et le droit de la famille / Le droit et la sexualité, sous la dir. J. Hauser, Bruylant, 2009, P. 31.

[4] Roux-Bessière M.-L. L'obligation de communauté de vie entre époux : mythe ou réalité ? Defrénois. 2001. P. 569.

[5] Garrigue J., Deschamps V. Le devoir conjugal et le consentement au mariage // DallozActuEtudiant.23 avril 2026.

[6] Примечание автора: подробнее о понятии «совместная жизнь супругов» (communauté de vie) во французском законодательстве см.: Болотина Е.В. Трансформация понятия «совместная жизнь супругов» во французском законодательстве // Образование и право.2026.№5 (май).

References:

[1] The Bible. Old and New Testament scripture books. Religious edition. M.: Russian Bible Society. 2002. S.1221.

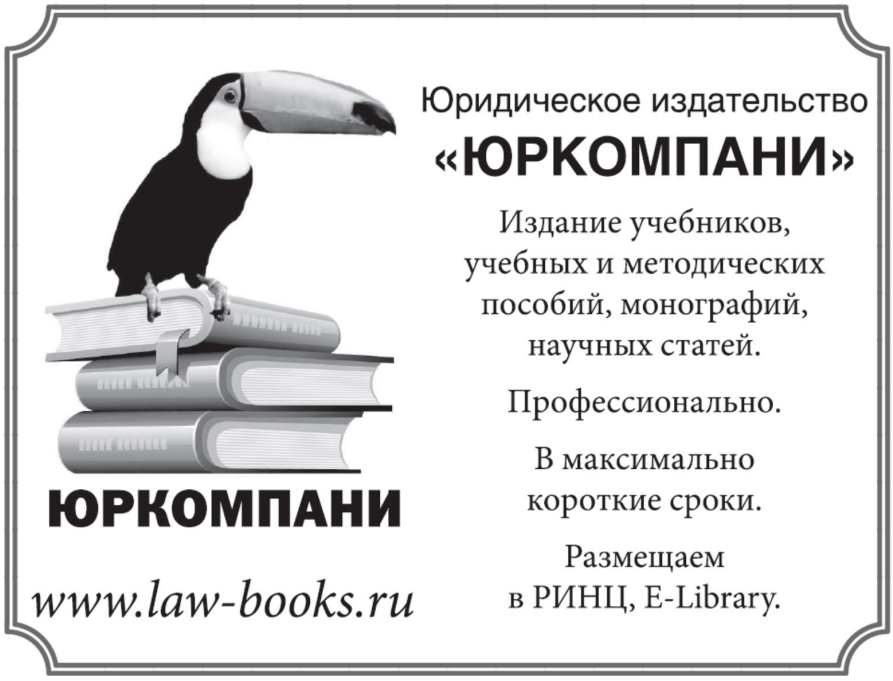
[2] Mattiussi V. J. Devoir conjugal – vers une (r)évolution ? //JCP G. 2025. № 6. R. 69.

[3] Fulchiron V. H. La sexualité et le droit de la famille / Le droit et la sexualité, sous la dir. J. Hauser, Bruylant, 2009, P. 31.

[4] Roux-Bessière M.-L. L'obligation de communauté de vie entre époux : mythe ou réalité ? Defrénois. 2001. R. 569.

[5] Garrigue J., Deschamps V. Le devoir conjugal et le consentement au mariage // DallozActuEtudiant.23 avril 2026.

[6] Author's note: for more details on the concept of "joint life of spouses" (communauté de vie) in French law, see: Bolotina E.V. Transformation of the concept of "joint life of spouses" in French law// Education and law. 2026. No. 5 (May).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-226-229

ЛАВРЕНТЬЕВА Татьяна Николаевна,

Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Россия, г. Москва,

e-mail: lavrentevatn@yandex.ru

ЧАСТНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДИРЕКТОРОВ В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ РФ И КНР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *По состоянию на 2026 год экономические отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой совершили переход от стадии экстенсивного роста товарооборота к глубокой институциональной интеграции. Создание сложных совместных предприятий и реализация мегапроектов в технологической сфере потребовали унификации подходов к управлению рисками. В этом контексте институт частно-правовой ответственности лиц, входящих в органы управления юридического лица, приобретает значение одного из важнейших механизмов, обеспечивающих безопасность инвестиций. В настоящей работе подвергаются анализу новеллы 2023-2024 гг. Закона КНР «О компаниях». Указанные изменения существенно расширяют круг обязанностей и усиливают ответственность директоров, наблюдателей и старших руководителей. Посредством проведения компаративистского исследования с российским правопорядком автором выявляются концептуальные различия в подходах к фидуциарным обязанностям (лояльности и заботливости), регулированию сделок, в которых присутствует заинтересованность, сделкам с заинтересованностью, производным искам, а также к вопросам ответственности перед третьими лицами.*

Ключевые слова: *частно-правовая ответственность директоров, Закон о компаниях КНР, двойной производный иск, обязанности лояльности и заботливости, аффилированные лица, D&O страхование.*

LAVRENTIEVA Tatyana Nikolaevna,

Lecture at the Department of Civil Law Disciplines Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gubkin Russia, Moscow

PRIVATE LAW LIABILITY OF DIRECTORS IN THE CORPORATE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PRC: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Annotation. *As of 2026, economic relations between the Russian Federation and the People's Republic of China have transitioned from a stage of extensive trade growth to deep institutional integration. The creation of complex joint ventures and the implementation of megaprojects in the technological sector have required the unification of approaches to risk management. In this context, the institution of private-law liability of persons included in the governing bodies of a legal entity has become one of the most important mechanisms for ensuring investment security. This paper analyzes the amendments to the 2023-2024 Company Law of the People's Republic of China. These amendments significantly expand the scope of duties and strengthen the liability of directors, supervisors, and senior managers. Through a comparative study with the Russian legal order, the author identifies conceptual differences in approaches to fiduciary duties (loyalty and diligence), the regulation of related-party transactions, related-party transactions, derivative claims, and issues of liability to third parties.*

Key words: *directors' private liability, Chinese Company Law, double derivative action, duties of loyalty and care, affiliates, D&O insurance.*

К 2026 году экономические отношения между РФ и КНР действительно совершили переход от стадии экстенсивного роста товарооборота к глубокой институциональной интеграции. Создание сложных совместных предприятий и реализация мегапроектов в технологической сфере потребовали унификации подходов к управлению рисками. В этом контексте частно-правовая ответственность членов органов управления юридического лица становится ключевым инструментом обеспечения инвестиционной безопасности, требующим детального компаративистского анализа.

29 декабря 2023 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей обнародовал новую редакцию Закона КНР «О компаниях», вступившую в силу 1 июля 2024 года, которая существенно расширяет круг обязанностей и усиливает ответственность членов органов управления. В условиях новой правовой среды ожидается повышение правовых рисков для директоров, что требует концептуального анализа фидуциарных обязанностей руководителей хозяйственных обществ.

Обращаясь к Закону КНР «О компаниях», директора компаний по-прежнему несут обязанности лояльности (duty of loyalty) и заботливости (duty of diligence), которые по своей правовой природе близки к концепции фидуциарных обязанностей (fiduciary duties) в англо-американском праве. Обновленный Закон КНР «О компаниях» (далее — Закон) вносит существенную конкретизацию в содержание данных институтов.

Статья 180 Закона детально раскрывает содержание обязанностей лояльности и заботливости, устанавливая новые специфические требования к деятельности директоров, а также устраняя споры в судебной практике:

Обязанность лояльности (忠实义务)

«Директора, наблюдатели и высшее руководство компании несут обязанность лояльности по отношению к компании. Они обязаны принимать меры для предотвращения конфликта между их собственными интересами и интересами компании и не должны использовать свои полномочия для получения незаконной выгоды» [2].

Обязанность заботливости (勤勉义务)

«Директора, наблюдатели и высшее руководство компании несут обязанность заботливости по отношению к компании. При исполнении своих обязанностей они должны действовать в интересах компании с уровнем осмотрительности, который обычно ожидается от разумного руководителя» [2].

Говоря про правовую природу ответственности членов органов управления юридического лица в России, стоит заметить ее гражданско-правовой характер и рассматривается она как возмещение убытков за нарушение фидуциарных обязанностей, таких как добросовестность и разумность (ст. 53.1 ГК РФ) [1].

Статья 180 Закона о компаниях КНР расширяет круг субъектов, привлекаемых к ответственности. Вышеуказанные положения применяются к контролирующему акционеру или фактическому контролирующему лицу компании, которое не является директором, но фактически управляет делами компании. На них также распространяются требования о соблюдении обязанностей лояльности и заботливости (концепция «фактического директора» / «теневого директора»).

Статья 181 Закона о компаниях КНР содержит расширенный перечень недопустимых действий, включая присвоение активов, размещение средств компании на счете открытом на его/ее имя или на имя другого лица, дача или получение взяток любых других незаконных доходов, злоупотребляя своим положением, незаконное разглашение конфиденциальной информации компании или другие действия, нарушающие обязательство лояльности компании.

Китай, модернизируя свое корпоративное законодательство, расширяет сферу регулирования Закона о компаниях КНР на наблюдателей (членов ревизионной комиссии), усиливая защиту прав миноритарных акционеров и самой компании. Поскольку они играют ключевую роль в корпоративном контроле и их сделки с компанией, наряду с другими членами органов управления несут риски конфликта интересов. Наблюдается расширение круга аффилированных (связанных) лиц, включая «ближайших родственников» и контролируемых ими прямо или косвенно предприятий, иных аффилированных лиц, имеющих другие виды связей с директором, наблюдателем или старшим руководителем (ст. 182 Закона о Компаниях КНР).

Наряду с расширением сферы регулирования, направленного на предотвращение скрытого вывода имущества через «номинальных» или подконтрольных лиц, новая редакция устанавливает двухэтапную процедуру уведомления совета директоров или общего собрания акционеров и получения их одобрения в случаях участия в сделках с заинтересованностью.

Таким образом, контрольная функция

наблюдателей не означает отсутствия конфликта интересов, формальная должность лиц, осуществляющих контрольные функции, не должна выступать щитом от ответственности за совершение сделок с заинтересованностью. Любое лицо, занимающее ключевую должность в компании, будь то управление или контроль, должно нести обязанности лояльности и заботливости перед компанией. Поэтому логично распространить те же требования, что предъявляются к директорам, также на наблюдателей (членов ревизионной комиссии), закрывая пробел старой редакции в целях снижения риска вывода активов и повышая защиту интересов компании и ее акционеров.

Директор, наблюдатель, старший руководитель дочерней компании, либо любое иное лицо, причинившее убытки дочерней компании, несут ответственность при причинении убытков обществу, где последнее вправе инициировать иск о взыскании компенсации. Акционеры также вправе предъявить производный (косвенный) иск в интересах компании.

Представляет интерес механизм «производного иска на двух уровнях» (double derivative action). Значимое нововведение в ст. 189 Закона о компаниях КНР. Возможность предъявления двойного производного иска к руководству дочерней компании, позволяет акционерам материнской компании, при условии если материнская компания владеет на 100% дочерней компанией, при соблюдении обязательной досудебной процедуры обращения к органам самой дочерней компании (исключением является чрезвычайная ситуация), защищать интересы дочерней компании путём предъявления иска к руководству дочерней компании в случаях, когда органы управления дочерней (а часто и материнской) компании бездействуют или отказываются это делать. Это прогрессивная норма, закрывающая пробел корпоративного управления в холдинговых структурах.

В России директор практически всегда «прикрыт» корпоративной вуалью компании перед кредиторами. В Китае же теперь потерпевший может подать иск напрямую к директору, если ущерб третьему лицу причинен вследствие умышленных действий или грубой неосторожности последнего (ст. 191 Закона о компаниях КНР).

Обращаясь к предыдущей редакции Закона о компаниях КНР, у кредитора не было права требовать компенсацию напрямую от директора. Теперь, благодаря статье 191 потерпевший может подать иск и к компании, и к директору (при наличии умысла или грубой неосторожности). Такое нововведение будет стимулировать директоров вести себя добросовестно.

Осипова Л. Е. и Решетникова Е.В. в своей научной работе рассмотрели новеллы законодательства Китая, связанные с принятием и вступлением в силу 1 июля 2024 г. Закона о корпорациях Китайской Народной Республики 2023 года. Новая редакция закона предусматривает более высокие стандарты страхования ответственности директоров, одновременно усиливая защиту прав акционеров [3].

В связи с ведением личной ответственности директоров страхование ответственности становится обязательным элементом риск-менеджмента. В качестве минимизации рисков Закон о компаниях КНР прямо допускает использование института страхования ответственности директоров (D&O страхование).

В России страхование ответственности директоров также используется крупными, публичными и средними организациями, особенно в условиях активности на фондовом рынке и роста числа удовлетворенных исков по делам о субсидиарной ответственности. По итогам 2025 года сборы страховщиков в сегменте страхования ответственности директоров (D&O) снизились на 17%, до 4,5 млрд руб. Это произошло на фоне роста числа договоров более чем на 20%, до 850 штук — максимального показателя с 2020 года [4].

Однако, нельзя отметить, что данный институт страхования ответственности директоров является повсеместным. Не очень активно D&O страхование используется в малом бизнесе, в сравнении со странами Запада, где это уже является неотъемлемой частью корпоративного управления.

В новой редакции китайского корпоративного законодательства закреплено положение, не имеющее аналогов в доктрине частного права: директор несет персональную имущественную ответственность за ненадлежащее осуществление контроля за внесением акционерами уставного капитала в установленный пятилетний период.

Российским законодательством закреплен сходный по экономическому содержанию механизм привлечения руководителя к ответственности личным имуществом. Однако, данный механизм возможен только в рамках банкротства компании. Также нужно доказать прямую причинно-следственную связь пассивного поведения директора с невозможностью полного удовлетворения требования кредиторов.

Таким образом, обновленный Закон о компаниях КНР значительно повышает риски для лиц, которые находятся в «пассивной» позиции на руководящих должностях в компаниях.

Неисполнение обязанностей лояльности и заботливости влечет высокую вероятность привлечения к личной имущественной ответственности. В связи с введением личной ответственности директоров перед третьими лицами за умышленные действия или грубую неосторожность в целях минимизации рисков обновленное корпоративное законодательство Китая прямо допускает использование страхования ответственности директоров (D&O страхование). Модернизируя свое корпоративное законодательство Китай расширяет сферу регулирования Закона о компаниях КНР на наблюдателей (членов ревизионной комиссии), усиливая защиту прав миноритарных акционеров и самой компании. А также наблюдается расширение круга аффилированных (связанных) лиц.

Китайская новелла 2023 года вводит уникальную для частного права норму: директор несет ответственность личным имуществом за отсутствие контроля за оплатой уставного капитала акционерами в течение пяти лет. Российское право, хотя и знает аналогичный, по сути, механизм (ответственность руководителя его активами), ограничивает его применение сферой банкротства компании. Возможность предъявления двойного производного иска к руководству дочерней компании, позволяет акционерам материнской компании, защищать интересы дочерней компании путём предъявления иска к руководству дочерней компании. В российском законодательстве директор практически всегда «прикрыт» корпоративной вуалью компании перед кредиторами. В Китае же теперь потерпевший может подать иск напрямую к директору.

Проведенное исследование не исчерпывает всей полноты рассматриваемой проблематики, а напротив, выявляет необходимость дальнейшего научного осмысления института частно-правовой ответственности органов управления в условиях трансформации корпоративного законодательства КНР и РФ.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[2] Company Law of the People's Republic of China (Revised in 2023, effective from July 1, 2024). / Закон КНР «О компаниях» (в ред. от 29.12.2023 г., вступил в силу 01.07.2024 г.).

[3] Осипова Л. В. Опыт Китая в страховании ответственности директоров: новый подход в Законе о корпорациях Китайской Народной Республики 2023 г. / Л. В. Осипова, Е. В. Решетникова // Вестник. Государство и право. — 2024. — № 3 (42). — С. 45–52. — Режим доступа: https://scinetwork.ru/articles/26729 (дата обращения: 06.06.2026).

[4] Пославская Ю. Полис для главного [Электронный ресурс] / Юлия Пославская // Коммерсантъ. — 2026. — 26 мая. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8690623 (дата обращения: 06.06.2026).

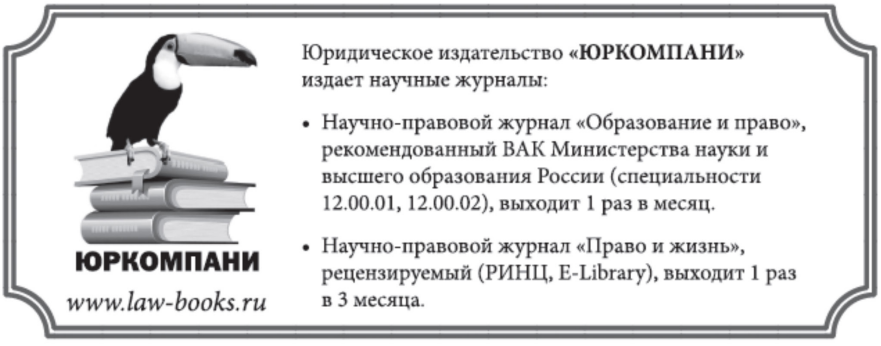
References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 30.11.1994 dated 51-FZ (as amended on 08.08.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — № 32. - Art. 3301.

[2] Company Law of the People's Republic of China (Revised in 2023, effective from July 1, 2024).

[3] Osipova L.V. China's experience in director liability insurance: a new approach in the Corporation Law of the People's Republic of China 2023/L.V. Osipova, E.V. Reshetnikova//Vestnik. State and law. — 2024. — № 3 (42). - S. 45-52. - Access mode: https://scinetwork.ru/articles/26729 (access date: 06.06.2026).

[4] Poslavskaya Yu. Policy for the main [Electronic resource]/Julia Poslavskaya// Kommersant. — 2026. - May 26. - Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/8690623 (access date: 06.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-230-238
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КОСЬМИН Анатолий Данилович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело «Омского государственного технического университета, академик Российской академии естественных наук,

e-mail: Kosmin.39@mail.ru

ГЕРАСИМОВА Наталья Олеговна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело» Омского государственного технического университета,

e-mail: natalia_gera@mail.ru

КУЛЕЕВА Ирина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Государственное, муниципальное управление и таможенное дело» Омского государственного технического университета,

e-mail: erena_10@mail.ru

АРХИТЕКТУРА НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: КАК КИТАЙ СТРОИТ ЦИВИЛИЗАЦИЮ БУДУЩЕГО (ИЛИ О ГЛАВНЫХ ТРИУМФАХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ)

Аннотация. *За последние несколько лет Китай окончательно закрепил за собой статус главного инновационного хаба мира. Успешное завершение 14-й пятилетки в 2025 году показало: страна лидирует в 20% всех мировых медицинских разработок, диктует стандарты связи 6G и удерживает первенство в области термоядерного синтеза. Это не просто экономический рост, а глубокая технологическая мутация всех сфер жизни. В данной статье показано, как китайский прорыв в науке, экономике, экологии и высоких технологиях меняет правила игры для всего человечества и доказывает: центр тяжести мирового прогресса окончательно сместился на Восток. Анализируются возможности масштабирования китайских инноваций в глобальном масштабе и обосновывается необходимость тесного технологического взаимодействия в рамках новой мировой архитектуры.*

Статья ориентирована на повышение уровня общей осведомленности массового читателя, внутренней потребностью которого являются новые знания и понимание алгоритма совершенствования мироустройства, материализованного в феноменальных успехах и достижениях Китая, уверенно закрепляющего за собой роль мудрого и щедрого лидера.

Ключевые слова: *реформы, архитектура новой реальности, цивилизация, достижения, прорыв, технологии, центр силы, лаборатория планеты.*

KOSMIN Anatoly Danilovich,

Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of State, Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

GERASIMOVA Natalia Olegovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of State, Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University

KULEEVA Irina Yurievna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of State, Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University

ARCHITECTURE OF A NEW REALITY: HOW CHINA IS BUILDING THE CIVILIZATION OF THE FUTURE (OR THE MAJOR TRIUMPHS OF MODERN CHINA)

Annotation. *Over the past few years, China has finally secured its status as the world's main innovation hub. The successful completion of the 14th five-year plan in 2025 showed that the country leads in 20% of all world medical developments, dictates 6G communication standards and holds the lead in the field of thermonuclear fusion. This is not just economic growth, but a deep technological mutation of all spheres of life. This article shows how the Chinese breakthrough in science, economics, ecology and high technologies is changing the rules of the game for all mankind and proves that the center of gravity of world progress has finally shifted to the East. The possibilities of scaling Chinese innovations on a global scale are analyzed and the need for close technological interaction within the framework of the new world architecture is justified.*

The article is aimed at raising the level of general awareness of the general reader, whose internal need is new knowledge and understanding of the algorithm for improving the world order, materialized in the phenomenal successes and achievements of China, confidently securing the role of a wise and generous leader.

Key words: *reforms, architecture of the new reality, civilization, achievements, breakthrough, technology, center of power, laboratory of the planet*.

Когда Китай проснется, мир начнет трясти.

Б. Наполеон

Введение

Актуальность исследования сейчас велика как никогда, потому что Китай перестал быть просто «мировой фабрикой» и превратился в глобального технологического законодателя. В условиях глобальной нестабильности изучение китайских механизмов «высококачественного развития» становится критически важным для стран, ищущих альтернативные модели экономической и технологической безопасности. Актуальность исследования обусловлена также объективной необходимостью анализа китайской модели как единственного жизнеспособного противовеса американоцентричному порядку. Китай, опираясь на лидеров в области искусственного интеллекта (далее – «ИИ») и независимые производственные цепочки, формирует новый стандарт суверенного развития, обязательный для изучения всеми участниками глобальной политики.

Основная часть

Современные достижения Китайской Народной Республики стали возможны благодаря уникальной, формировавшейся веками ресурсной базе. Переход Китая к статусу мирового лидера опирается на три главных столпа: колоссальный демографический потенциал, богатые природные ресурсы и специфическую систему государственного управления. Исторический опыт Поднебесной доказывает, что именно эффективная мобилизация этих внутренних ресурсов в периоды реформ всегда предваряла технологические и экономические прорывы страны.

Точкой отсчета современных достижений КНР стал 1978 год, когда страна обратилась к своему главному, но долгое время скованному ресурсу – многомиллионному китайскому крестьянству. «Сельская революция» началась не с крупных государственных вливаний, а с институциональных изменений: перехода от неэффективных народных коммун к системе семейного подряда [8]..

Мощная ресурсная база Китая в этот период заключалась не в капитале, а в колоссальном избытке рабочей силы и накопленном отложенном спросе. Исторический компромисс государства и деревни позволил за несколько лет решить проблему голода и сформировал фундамент для последующей индустриализации городов и развития промышленности.

Это первый ключевой этап в истории реформирования Китая, стартовавший после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 года). На этом Пленуме Дэн Сяопин («медиум, божественный творец») провозгласил курс на модернизацию. К концу этого этапа (1984 г.) был достигнут колоссальный рост продовольствия, а также появление и рост первых свободных денег у населения – крестьянам разрешили оставлять себе излишки урожая после сдачи госзаказа.

Второй этап (экспансия): «Мировая фабрика» (1984-1992 гг.).

Этот этап связан с созданием специальных экономических зон (СЭЗ), таких как Шэньчжэнь. Китай открыл двери для иностранных инвестиций и технологий в обмен на дешевую рабочую силу.

Символическим событием стало знаменитое турне Дэн Сяопина по югу Китая (1992 г.), которое подтвердило лозунг: «Рынок – это не только капитализм».

Третий этап (интеграция): «Глобальный игрок» (1992-2012 гг.). Это период бурного роста и встраивания в мировые производственные цепочки создания добавленной стоимости. Китай становится членом Всемирной торговой организации (ВТО) и главным экспортером планеты. В это время закладывается база для собственных технологий (начинается строительство сети высокоскоростных поездов, развивается телеком (компании Huawei, ZTE).

Четвертый этап (новая эра): Технологический суверенитет (2012 г. – по настоящее время). Переход от количества к качеству под руководством Си Цзиньпина. В 2018 году была «запущена» программа «Сделано в Китае 2025», в которой делался упор на ИИ, зеленую энергетику, космос и квантовые технологии. В 2014-2025 годах Китай стал официальным лидером по экспорту автомобилей (преимущественно электрокаров) и мировым хабом «зеленого» перехода. В Китае было априорное понимание того, что нефтяная эпоха уйдет, и поэтому заняли место главного «энергетика» новой эры.

В Китае все начиналось не с заводов, а с земли, с обеспечения базовой продовольственной безопасности – базы безопасности страны, фундамента выживания любого государства. При сбое в этой системе мгновенно разрушаются все остальные сферы жизни общества. Эта база – есть «кровеносная система» общества. Без еды человек теряет трудоспособность за неделю. Голод всегда приводит к бунтам (Российская империя 1917 г.) Сытый работник производит тучную добавочную стоимость. Вслед за продовольствием отключается здравоохранение (болезни из-за истощения иммунитета), национальная безопасность (армия без снабжения теряет боеспособность), образование и культура (общество деградирует до уровня выживания).

Фундамент любого «китайского чуда» – это прагматичный расчет, выверенная философия реформирования страны (и это главное) и мощная ресурсная база (продукт реализации этой философии), без которой технологические амбиции остались бы просто лозунгами [8].

Хронология реформ в Китае была осознанным выбором в пользу «базиса» (экономики) над «надстройкой» (политикой). Дэн Сяопин четко следовал концепции экономического детерминизма К. Маркса и концепции произвольной исторической смены направлений А. Тойнби – «от экономики к политике»]7].

В этой связи небезынтересно вспомнить короткий диалог М. Горбачева и Дэн Сяопина во время исторического визита М. Горбачева в мае 1989 года (первого за 30 лет советско-китайского саммита). Горбачев сказал, обращаясь к Дэн Сяопину: «Вы начали преобразования с экономики, а мы – с политики, но в итоге придем к одному результату». Дэн Сяопин возразил: «Мы придем к разным результатам» [5].

Проявились две принципиально важные философии реформирования: путь Горбачева – «сверху вниз» через политику, т.е. он начал с политической надстройки. Путь Дэн Сяопина – «снизу вверх» через базис. Его девиз: «Переходить реку, нащупывая камни». Он начал, как уже отмечалось, с экономического базиса (сельское хозяйство, свободные экономические зоны), сохраняя при этом политическую стабильность и контроль партии».

О разных «размерах» философии реформирования: Дэн Сяопин поставил ударение на втором слоге – вторичной концепции экономического детерминизма К. Маркса «на ямбе», а М. Горбачев – на первом слоге – первичной концепции гегелевского сознания - демиурга, «на хорее».

История подтвердила правоту Дэн Сяопина. Китай сохранил целостность и стал второй экономикой мира, а СССР распался в условиях глубокого экономического кризиса. И это потому, что политическая надстройка любого государства должна базироваться на экономической структуре общества. Это закон, и доказательством этому служит вся история развития человечества. М. Горбачев понять (знать?) этого не смог, и страну пустил под откос («не мог он ямба от хорея… отличить» – А. Пушкин), но зато замахнулся «на Гегеля»: «Все что угодно реформировать можно при условии изменения мышления» (с обязательным ударением на первом слоге).

Нельзя не сказать о «советском следе» в японском и китайском опыте реформирования страны, который (опыт) является в определенной мере результатом реализованных в этих странах реформаторских идей бывшего Председателя Совета министров СССР Алексея Николаевича Косыгина (к которому Л. Брежнев испытывал очевидную неприязнь и не поддержал его инициативу). А высокий уровень развития экономики СССР в 1985 году обеспечивал достаточно большой запас прочности, чтобы можно было безболезненно перейти к новым формам организации общественного производства, к рыночным методам хозяйствования [3].

Триумф Китая начинается с экономики, которая дает деньги и спрос: по данным Международного валютного фонда (МВФ), экспорт

товаров в 2025 году в денежном выражении составил 3.77 трлн долларов (26.99 трлн юаней), а импорт - 2.58 трлн долларов (14.48 трлн юаней). В итоге профицит торгового баланса составил 1.2 трлн долларов [13].

Рост за счет экспорта, ставшего ключевым драйвером роста, обеспечил 1.6 процентных пункта к годовому ВВП, но при этом внутренний спрос оставался слабым.

В 2025 году сохранился высокий спрос на китайские электромобили, солнечные панели и литий-ионные батареи.

МВФ отметил высокую устойчивость китайской торговли, но призвал Пекин к переходу от модели, ориентированной на экспорт, к модели внутреннего потребления, чтобы снизить риски торговых трендов.

Среднегодовые темпы роста экономики Китая с 1990 по 2025 год являются беспрецедентными, значительно превышающими средние мировые показатели. В 1990-2010 годы Китай переживал период «взрывного» роста, когда темпы превышали 10-14% в год, что было выше в 2-3 раза среднемировых темпов, обычно составляющих 3-4%. За эти 35 лет ВВП Китая увеличился более чем в 50 раз – с 397-399 млрд долларов до 19.63 трлн долларов [13].

В 2025 году экономика Китая выросла на 5%, что сделало его главным локомотивом мировой экономики (около 30% всего глобального прироста) [9].

Отмеченные выше ресурсы (деньги и спрос) технологии превращают в продукты высокотехнологические. Триумф страны становится результатом этой связи.

Сегодня достижения Пекина – это не только цифры в отчетах, а новая архитектура глобальной реальности. Добро пожаловать в эпоху, где «Сделано в Китае» означает «Сделано в будущем».

Фундамент этого успеха (не обозначенный в тексте): колоссальные ресурсы: а) огромный человеческий капитал и трудолюбие (потрясающее) китайского народа; б) природные богатства и стратегическое положение (геоэкономическая рента); в) жесткая государственная система и планирование [6].

Китай демонстрирует беспрецедентный технологический рывок, закрепляя за собой статус мирового лидера в сфере высоких технологий, космоса, ИИ и «Зеленой» экономики.

Рассмотрим основные моменты и достижения Китая, которые реально потрясают мир прямо сейчас[6; 15; 16].

1. Освоение космоса:

Рекордное число запусков: в 2025 году Китай провел рекордные 92 космических запуска (более четверти от общемирового объема);

Грунт с обратной стороны луны: в рамках миссии «Чанъя-6» Китай стал первой в истории страной, доставивший на Землю образцы грунта с невидимой стороны Луны;

Рекорды на станции «Тяньгун»: экипаж миссии «Шэньчжоу-20» провел на орбите 204 дня – это самая длинная миссия в истории китайской космонавтики, а «Щэньчжоу-21» пристыковался к станции за рекордные 3,5 часа;

Миссия к астероидам: запущена миссия «Тяньвэнь-2» для исследования околоземного астероида и доставки его образцов на Землю.

2. Наука и высокие технологии:

Лидерство в ИИ: китайская компания DeepSeek представила революционные модели ИИ, которые поэффективности и открытости конкурируют с ведущим западными аналогами при значительно меньших затратах на обучение;

Квантовое превосходство: запущен квантовый компьютер нового поколения Zuchongzhi 3.0, превосходящий по мощности классические компьютеры;

Искусственное солнце (EAST): китайская термоядерная установка установила новый мировой рекорд, проработав в устойчивом режиме при экстремальной температуре в 100 млн градусов по Цельсию;

Масштабирование производства суперматериалов: ученые разработали уникальную технологию промышленного производства гибких, ультраплоских алмазных пленок;

Первое место в мире по производству беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), по выпуску литьевых аккумуляторов (Китай контролирует более 80% мировых поставок литий-ионных батарей). В 2025 году глобальные поставки аккумуляторов составили 2280,5 ГВт-ч, из которых на долю Китая пришлось 82,8%. Китайские гиганты CATL и BYD обеспечивают аккумуляторами электромобили и системы накопления энергии (BESS) по всему миру;

Китай производит от 70 до 90% всех гражданских и коммерческих дронов в мире;

Китай является главным поставщиком ключевых комплектующих для мирового производство БПЛА, включая бесколлекторные двигатели, рамы, полетные контролеры и оптику.

3. Медицина и биотехнологии:

Прорыв в регенеративной медицине: китайские ученые впервые в мире успешно преобразовали человеческие эмбриональные стволовые клетки в специализированные клетки костного мозга, способные вырабатывать все типы клеток крови;

Космическая биология: на борту

орбитальной станции «Тяньгун» выращены первые в истории космические ресурсы зародышевой плазмы риса, открывающие путь к созданию сверхустойчивых сельскохозяйственных культур.

4. Экономика и народонаселение [1; 4; 14]:

экономика «Серебряного дракона» – Китай трансформирует демографический кризис в технологический триумф. Экономический рост Китая столкнулся с тяжелым кризисом рождаемости. Население Китая сокращается уже четвертый год подряд (в 2025 году убыль населения составила рекордные 3.39 миллионов человек). На смену огромному пулу дешевой рабочей силы приходит стареющее общество (модель семьи 4-2-1 – забота о родителях, четырех бабушках и дедушках). Старение в Китае стало драйвером экономического роста. В Китае развивается так называемая «серебряная экономика». Пожилые люди активно осваивают технологии, учатся в университетах 3-го возраста (до 75 лет) и занимаются спортом, снижением нагрузки на систему здравоохранения. Поднебесная ставит перед человечеством уникальный и экономический эксперимент: как развивать сверхдержаву, если ее население стремительно стареет, а молодежь отказывается от традиционных ролей? Китай делает неожиданный ход. Он превращает своих пенсионеров в драйверов нового рынка – «Серебряной экономики», а дефицит молодых кадров на заводах компенсирует армией интеллекта и человекоподобных роботов. Это не просто выживание – это новая модель цивилизации, которая прямо сейчас меняет наше представление о возрасте, труде и ценности человеческой жизни. Опыт Китая доказывает, что неудовлетворительная демография – это не приговор, если в стране есть долгосрочная стратегия. Пока молодежь спорит о том, кто умнее, китайский опыт доказывает, что будущее принадлежит тем обществам, где мудрость старшего поколения объединяется с технологиями ИИ. И в этом диалоге человека и машины ценность жизни измеряется не возрастом, а способностью развиваться до самого конца. Если Япония показывает миру, как бережно интегрировать пожилого мастера в высокопроизводительный труд, то Китай сегодня заимствует этот опыт, масштабируя его и добавляет к нему мощь искусственного интеллекта. Две крупные экономики Азии доказывают: старость – это не балласт для бюджета, а колоссальный интеллектуальный и экономический ресурс.

Таблица 1
Китай против Японии: сопоставление азиатских сверхдержав

Критерии	Япония: Мудрость и опыт	Китай: Масштаб и скорость
Главная стратегия	Адаптация рабочих мест под стареющего человека, сохранение цепочки передачи знаний	Цифровой скачок, автоматизация целых отраслей, внедрение ИИ для компенсации нехватки рабочих рук
Роль пожилых	Высокопроизводительный труд, консалтинг, инженерия и сфера услуг	«Серебряное потребление» (активный досуг, туризм) плюс участие в воспитании внуков (модель 4-2-1)
Факторы времени	Процесс старения шел плавно (Япония успела стать богатой страной до того, как постарела)	Стремительное старение (Китай стареет на более ранней стадии экономического развития

Источник: [1; 6].

5. Экономика и промышленность:

Мировое лидерство в электромобилях: в 2025 году годовые продажи и производство электромобилей (NEV) в Китае превысили в 16 млн единиц;

Зеленая энергетика: Китай построил крупнейшую в мире систему возобновляемой энергии (ветровой и солнечной), увеличив долю неископаемых источников в энергобалансе на 2% за год;

Глобальный ВВП: по паритету покупательной способности (ППС) Китай уверенно

занимает 1-е место в мире, а его номинальный ВВП превышает 20 трлн долларов[13].

6. Образование и культура:

Глобальный инновационный индекс: в 2025 году Китай впервые вошел в топ-10 рейтинга Global Innovation Index[2];

Научные превосходства: Китай обошел США по общему числу научных публикаций и количеству патентов;

ИИ для спасения истории: с помощью передовых нейросетей ученым Пекинского университета удалось полностью восстановить поврежденную 1600-летнюю поэму «Рапсодия о богини реки Ло», от которой сохранилось лишь 25% текста.

7. Сверхскоростной железнодорожный транспорт: Китай – мировой лидер по развитию высокоскоростных магистралей (ВСМ):

поезда на магнитной подушке (Maglev): китайские инженеры разработали и успешно тестируют поезда, способные развивать скорость до 600 км/ч;

вакуумные поезда: ведутся активные разработки и испытания технологии «маглев – в вакуумной трубе» (T-Flight), которая позволит поездам разгоняться до 1000 км/ч и более, превосходя скорость пассажирских самолетов.

8. Строительство подземных городов (развитие масштабной подземной инфраструктуры как для гражданских, так и для оборонных нужд):

гражданские подземные комплексы: крупнейшие китайские строительные компании (CSCEC) реализуют проекты по комплексному освоению подземного пространства (подземные многофункциональные городки с торговыми центрами, транспортными узлами и офисными зонами);

военная «Подземная Великая стена»: в Китае построена сеть глубоких тоннелей общей протяженностью более 5000 километров. Этот гигантский подземный объект предназначен для защиты стратегического арсенала страны и обеспечения безопасности в случае ядерного конфликта;

трехгорная ГЭС «Три ущелья» (Three Gorges Dorn) в Китае. Самое массивное гидротехническое сооружение в мире, которое, согласно расчетам ученых NASA, изменило вращение Земли и сместило ее ось (Земля стала выпуклой посередине (у экватора), и более плоской у полюсов).

Местоположение: Река Янцзы, провинция Хубей, Китай. Общая масса – более 65.5 млн. тонн (самое тяжелое сооружение на Земле). Высота плотины – 181 метр. Ширина основания – 115 метров, гребня – 40 метров. Длина – 2335 метров. Мощность станции – 22.5 ГВт (мировой рекорд). Объем воды – около 39 миллиардов кубических метров (это примерно 40 триллионов килограмм).

Последствия роботы ГЭС «Три ущелья» имеют глобальный характер и включают как колоссальные экономические выгоды, так и тяжелые экологические и социальные проблемы.

I. Положительные последствия:

защита от катастрофических наводнений: платина регулирует уровень реки Янцзы. Раньше разливы уносили сотни тысяч жизней;

чистая энергетика: станция вырабатывает около 100 млрд КВт-ч электроэнергии в год. Это позволило Китаю сократить сжигание угля более чем на 30 млн тонн ежегодно, существенно снизив выбросы газов и смога;

развитие судоходства: благодаря глубокому водохранилищу пропускная способность реки Янцзы выросла в 5.6 раз, а стоимость перевозок снизилась на 35%. Крупные океанические суда теперь могут заходить внутрь материкового Китая.

II. Негативные последствия.

1. Социальный кризис и утрата наследия:

массовое переселение: для создания водохранилищ было затоплено более 630 км2 территорий;

принудительно властям пришлось переселить около 1,4 млн человек;

утрата памятников: под водой оказались более тысячи древних археологических и культурных памятников, а также 116 городов и поселков.

2. Разрушение экосистем и угроза исчезновения видов:

вымирание биоты: изменение температуры и течения воды разрушило пути миграции рыб. Под угрозой исчезновения оказались китайский осетр и речной дельфин (байджи), который сейчас считается практически вымершим;

нарушение баланса осадков: платина задерживает миллион тонн речного ила. В результате земли ниже по течению перестали получать естественное удобрение при разливах, а дельта Янцзы начала подвергаться сильной эрозии.

Комплексный анализ эффектов от реализации проекта ГЭС « Три ущелья»

Таблица 2

Сфера анализа	Положительные эффекты	Негативные эффекты
Экономика	Дешевая энергия, развитие торговли	Огромные затраты на переселение
Безопасность	Предотвращение наводнений	Риск катастрофы при прорыве плотины
Природа	Сокращение выбросов углекислого газа	Уничтожение видов и эрозия почв

Источник: [12].

9. Инфраструктурная сеть: проект «Один пояс – один путь» – это создание торговых путей, которые делают полмира зависимыми от китайской логистики.

10. Прогнозирование штормов.

Китайская Академия наук внедрила модели глубокого изучения, которые предсказывают состояние океана и возникновение штормов с беспрецедентной точностью на основе спутниковых данных.

11. Высокие стандарты качества жизни

Основные параметры китайской системы (сочетание рыночных механизмов и жесткого государственного контроля) – уровень зарплат и пенсий, пенсионный возраст, инфляция (налог на инфляцию), минимальный размер оплаты труда (МРОТ), прожиточный минимум (ПМ), налоги и уровень охвата населения услугами здравоохранения– имеют свои уникальные особенности.

Таблица 3. Сравнение Китая с другими крупными экономиками

Параметр		Китай	Россия	США	ЕС (в среднем)
Средняя зарплата в месяц, $		1200-1250, 1800	900-1000	4500-5000	2800-3200
Базовая ставка НДС, %		13	22	0-10	21
Индекс охвата услугами здравоохранения		84.5	79.0	80.0	82.5
МРОТ, $		275-380	295	1250	1800-2900
ПМ, $		400-800	350-500	1800-2800	1500-2500
Средняя пенсия, $		517 (город) 34 (село)	275	2081	1370
Инфляция, %		0,0	5,6	2,7	2,3
Пенсионный возраст	мужчины, лет	60.5	65.0	65-67	64.7
	женщины, лет	50.5 (рабочие) 55.5 (служащие)	60	65-67	63.8

Источник: [10; 11; 12 ;13].

Общая средняя пенсия по стране – $350 в месяц. Чиновники и бюджетники получают $750-900 в месяц (пожилые китайцы традиционно живут за счет финансовой поддержки своих детей).

Приличествующий уровень доходов, комфортный пенсионный возраст, нулевая инфляция , высокая доступность к медицинским

и социальным стандартам – главные признаки успешного социально-экономического развития социально- ориентированной рыночной экономики Китая.

Заключение

Феноменальный успех Китая – это не только внутреннее достижение, но и готовая дорожная карта для глобальных модернизаций. Сегодня китайский опыт в цифровизации «Зеленой» энергетики и инфраструктуры становится эталоном эффективности. Игнорировать эти наработки сегодня – значит добровольно замедлять собственный прогресс. С одной стороны, лидерам других стран пришло время переходить от простого наблюдения к объективному заимствованию практик цивилизованного Китая. С другой стороны, статус мировой сверхдержавы накладывает на Китай особую миссию – стать главным архитектором будущего и быть открытым миру. Открытость Китая в вопросах передачи ее инноваций и технологий способна превратить его успех в успех всего человечества. Делясь своими знаниями сегодня, Китай инвестирует в стабильность и процветание завтрашнего мира, закрепляя за собой роль мудрого и щедрого лидера.

Список литературы:

[1] Бабаев К. В. Демографическая ситуация в КНР и ее потенциальное влияние на экономику Китая // Народонаселение. 2023. №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-situatsiya-v-knr-i-eyo-potentsial noe-vliyanie-na-ekonomiku-kitaya (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Васляева Н., Синичкин И. Всемирный экономический форум в Давосе: цифры и факты // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2026/01/19/vsemirnyj-ekonomicheskij-forum-v-davose-cifry-i-fakty. html (дата обращения: 01.05.2026).

[3] Косьмин А. Д., Молчанов К. В. О степени интенсивности развития двух дружественных цивилизаций – России и КНР // Экономика : вчера, сегодня, завтра. 2023. – Том 12.- № 12 А – С. 123–137. DOI :10.34670/ AR-2023-10/14/014/.

[4] Пехтерева Е. А. Демографические проблемы экономического роста в Китае // ЭСПР. 2021. № 4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-problemy-ekonomicheskogo-rosta-v-kitae (дата обращения: 05.05.2026).

[5] Рахманин О.Б. Страницы пережитого. – М .: 2005. – 287 с.

[6] Рожков Р. Дракон расправил крылья: что сделало Китай технологической сверхдержавой // Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/549105-drakon-raspravil-kryl-a-cto-sdelalo-kitaj-tehnologiceskoj-sverhderzavoj (дата обращения: 03.05.2026).

[7] Тойнби А. Исследовании истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. – М.: 2009. – 670 с.

[8] Чен Эньфу. Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху / Пер. с кит., науч. ред. С.Д. Бодрунов. – М.: ИНИР им. С. Ю. Витте: Центркаталог, 2023. – 464 с.

[9] Официальный сайт Агентства Анадолу. Экономика Китая в 2025 году выросла на 5% [Электронный ресурс]. URL: https://www.aa.com.tr/ru/экономика/экономика-китая-в-2025-году-выросла-на-5-/3803611 (дата обращения: 15.05.2026).

[10] Официальный сайт Всемирного банка. World Integrated Trade Solution (WITS) [Электронный ресурс]. URL: https://wits.worldbank.org (дата обращения: 10.05.2026г.).

[11] Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org (дата обращения: 01.05.2026).

[12] Официальный сайт Китайского национального бюро статистики [Электронный ресурс]. URL: stats.gov.cn (дата обращения: 10.05.2026).

[13] Официальный сайт Международного валютного фонда [Электронный ресурс]. URL: imf.org (дата обращения: 05.05.2026).

[14] Официальный сайт МИА «Казинформ». Население Китая сократилось на 3,39 млн человек [Электронный ресурс]. URL: https://www.inform.kz/ru/ naselenie-kitaya-sokratilos-na339mln-chelovek-6317e7 (дата обращения: 10.05.2026).

[15] Официальный сайт Синьхуа Новости. Китайская космическая станция запустила 265 исследовательских проектов на орбите и добилась множества значимых результатов [Электронный ресурс] // URL: http://russian.xinhuanet.com/20260109/dfefc958b6f449b687cbe5871d227fef/c.html (дата обращения: 10.05.2026).

[16] China Media Group назвала 10 главных научно-технологических событий Китая 2025 года // Orient.tm [Электронный ресурс]. URL: https://orient.tm/ru/china-post/304 (дата обращения: 03.05.2026).

References:

[1] Babaev K.V. Demographic situation in the PRC and its potential impact on the Chinese economy// Population. 2023. №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-situatsiya-v-knr-i-eyo-potentsial noe-vliyanie-na-ekonomiku-kitaya (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Vaslyaeva N., Sinichkin I. World Economic Forum in Davos: figures and facts//Rossiyskaya

Gazeta [Electronic Resource]. URL: https://rg.ru/2026/01/19/vsemirnyj-ekonomicheskij-forum-v-davose-cifry-i-fakty. html (accessed on: 01.05.2026).

[3] Kosmin A.D., Molchanov K.V. On the degree of intensity of development of two friendly civilizations - Russia and China//Economy: yesterday, today, tomorrow. 2023. - Volume 12.- No. 12 A - S. 123-137. DOI :10.34670/ AR-2023-10/14/014/.

[4] Pekhtereva E.A. Demographic problems of economic growth in China//ESPR. 2021. № 4 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-problemy-ekonomicheskogo-rosta-v-kitae (дата обращения: 05.05.2026).

[5] Rachmanin OB Pages of Experience. - M.: 2005. - 287 p.

[6] Rozhkov R. Dragon spread his wings: what made China a technological superpower// Forbes [Electronic Resource]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/549105-drakon-raspravil-kryl-a-cto-sdelalo-kitaj-tehnologiceskoj-sverhderzavoj (дата обращения: 03.05.2026).

[7] Toynbee A. History research. Emergence, growth and disintegration of civilizations. - M.: 2009. - 670 s.

[8] Chen Enfu. The world situation and the Chinese economy in the new era/Per. with whale., Scientific. ed. S.D. Bodrunov. - M.: INIR named after S. Yu. Witte: Central Catalog, 2023. - 464 s.

[9] Official website of Anadolu Agency. China's economy grew by 5% in 2025 [Electronic Resource]. URL: https://www.aa.com.tr/ru/экономика/экономика-китая-в-2025-году-выросла-на-5-/3803611 (access date: 15.05.2026).

[10] World Bank official website. World Integrated Trade Solution (WITS) [Электронный ресурс]. URL: https://wits.worldbank.org (accessed 10.05.2026).

[11] Official website of the World Health Organization (WHO) [Electronic Resource]. URL: https://www.wto.org (access date: 01.05.2026).

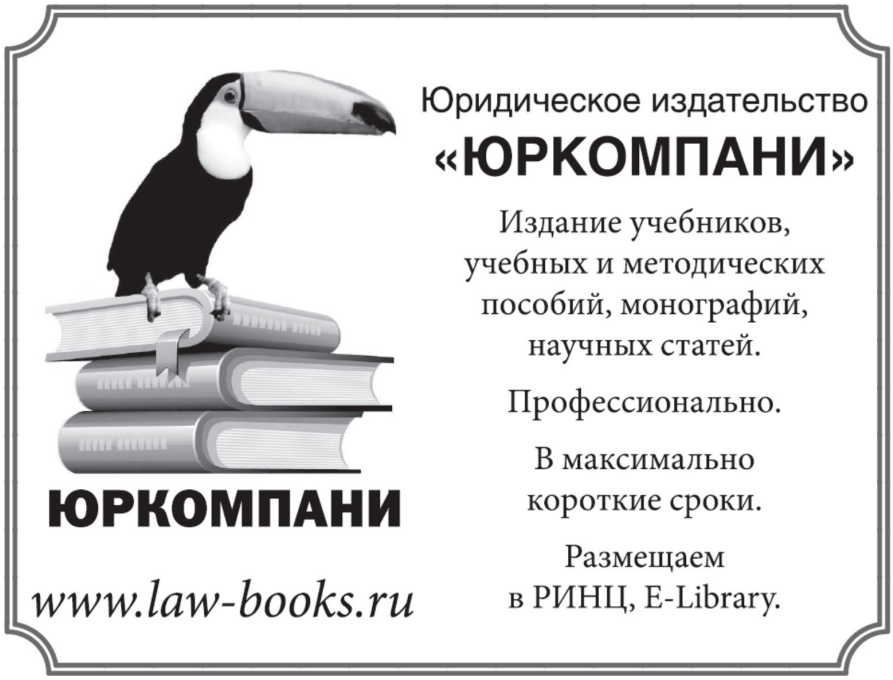
[12] Official website of the China National Bureau of Statistics [Electronic Resource]. URL: stats.gov.cn (access date: 10.05.2026).

[13] Official website of the International Monetary Fund [Electronic Resource]. URL: imf.org (access date: 05.05.2026).

[14] Official website of MIA "Kazinform." The population of China has decreased by 3.39 million people [Electronic resource]. URL: https://www.inform.kz/ru/ naselenie-kitaya-sokratilos-na339mln-chelovek-6317e7 (дата обращения: 10.05.2026).

[15] Xinhua News official website. The Chinese space station launched 265 research projects in orbit and achieved many significant results [Electronic Resource]// URL: http://russian.xinhuanet.com/20260109/dfefc958b6f449b687cbe5871d227fef/c.html (accessed: 10.05.2026).

[16] China Media Group named China's top 10 science and technology events of 2025// Orient. tm [Electronic Resource]. URL: https://orient.tm/ru/china-post/304 (access date: 03.05.2026).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-239-247

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,

доктор юридических наук, профессор, декан факультета профессиональной переподготовки Московского института профессиональногообразования им. К.Д. Ушинского, председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», Почетный адвокат России, эксперт РАН, ORCID 0000-0001-7731-724X,

https://ludmilagru.academia.edu/research,

e-mail: ludmilagr@mail.ru

РАННИЕ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ. ЧАСТЬ 2. ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ М.М. СПЕРАНСКОГО 1809 Г. КОНСТИТУЦИОННАЯ ХАРТИЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО 1815 Г.

Аннотация. *В статье рассматривается «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского 1809 г. как наиболее развитая правительственная программа раннего конституционного реформирования Российской империи начала XIX в. Обосновывается, что данный документ не являлся конституцией в формально-юридическом смысле, поскольку не был принят как основной закон, не получил высшей юридической силы и не создавал парламентскую форму правления. Вместе с тем по своему содержанию он обладал выраженным протоконституционным характером: в нем была предложена системная модель «коренных государственных законов», разграничения законодательной, исполнительной и судебной властей, учреждения Государственной думы, Государственного совета, многоступенчатого представительства, судебной организации и правового статуса подданных. Делается вывод, что проект Сперанского стал не революционной альтернативой самодержавию, а юридической программой его рационального преобразования в правозаконную монархию, предвосхитившую последующие конституционные проекты и акты Российской империи XIX - начала XX вв.*

Ключевые слова: *М. М. Сперанский, Введение к уложению государственных законов, российский конституционализм, протоконституционный акт, коренные государственные законы, Государственная дума, Государственный совет.*

Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,

Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association “Norma Prava”,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

EARLY FORMS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROTO-CONSTITUTIONAL ACTS. PART 2. INTRODUCTION TO THE CODE OF STATE LAWS OF M.M. SPERANSKY 1809 CONSTITUTIONAL CHARTER OF THE KINGDOM OF POLAND 1815

Annotation. *The article examines M. M. Speransky's "Introduction to the Code of State Laws" of 1809 as the most developed governmental programme of early constitutional reform in the Russian Empire at the beginning of the nineteenth century. It is argued that this document was not a constitution in the formal legal sense, since it was not adopted as a basic law, did not acquire supreme legal force and did not establish a parliamentary form of government. At the same time, its content had a pronounced proto-constitutional character: it proposed a systematic model of fundamental state laws, separation of legislative, executive and judicial powers, establishment of the State Duma and the State Council, multi-level representation, judicial organization and the legal status of subjects. The article concludes that Speransky's project was not a revolutionary alternative to autocracy, but a legal programme for transforming it into a law-governed monarchy, anticipating subsequent constitutional projects and acts of the Russian Empire in the nineteenth and early twentieth centuries.*

Key words: *M. M. Speransky, Introduction to the Code of State Laws, Russian constitutionalism, proto-constitutional act, fundamental state laws, State Duma, State Council.*

История российского конституционализма не может быть сведена только к революционным программам, декабристским проектам или Основным государственным законам Российской империи 1906 г. В дореволюционной России существовала иная, менее радикальная, но исключительно значимая линия конституционной мысли - правительственно-реформаторская. Ее сущность заключалась не в отрицании монархии, а в попытке юридически организовать самодержавную власть, подчинить ее устойчивым законам, учреждениям и процедурам.

Наиболее развитым выражением этой линии стало «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского 1809 г. Документ был подготовлен в период реформаторских ожиданий начала царствования Александра I и представлял собой план общего государственного преобразования Российской империи [2, с. 3-12]. В отличие от «Кондиций» 1730 г., ограничивавших монарха в пользу узкой аристократической группы, и в отличие от декабристских проектов 1820-х гг., предполагавших радикальное переустройство государства, проект Сперанского был правительственной программой рационализации имперской власти.

Главная научная проблема в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, заключается в определении юридической природы этого документа. С одной стороны, он не был конституцией в строгом смысле: не был принят как основной закон, не получил высшей юридической силы, не создал ответственного перед народным представительством правительства и не устранил самодержавную верховную власть. С другой стороны, по содержанию он выходил далеко за рамки административной реформы. М. М. Сперанский предложил систему коренных законов, многоступенчатого представительства, разграничения властей, законодательного процесса, судебной организации и правового положения подданных [3, с. 121-148].

Для корректной оценки проекта М. М. Сперанского необходимо различать три категории: конституцию, конституционный проект и протоконституционный акт. Конституция в формально-юридическом смысле - это действующий основной закон государства, обладающий высшей юридической силой и закрепляющий основы государственного строя, систему органов власти, права и свободы личности. Конституционный проект - разработанная, но не вступившая в силу модель основного закона или государственного устройства, прямо направленная на учреждение конституционного порядка.

Протоконституционный акт является более сложной историко-правовой категорией. Он охватывает документы, которые еще не являются конституциями и могут даже не именоваться конституционными проектами, но содержат ключевые элементы конституционализма: ограничение власти законом, структурирование высших органов государства, разграничение властных функций, представительство, права подданных, процедуру законодательства и идею устойчивых «коренных» законов [13, с. 37-46]. Именно к этой категории относится «Введение к уложению государственных законов». Сперанский не предлагал немедленно уничтожить самодержавие. Его задача состояла в том, чтобы придать самодержавной власти юридически организованную форму. Однако сама постановка вопроса о «коренных государственных законах» означала переход от административной реформы к конституционно-правовому мышлению [2, с. 15-21]. В этом смысле протоконституционность документа выражается не в наличии демократического парламентаризма, а в более глубоком, на наш взгляд, признаке: в попытке «встроить» государственную власть

в систему права. Российское самодержавие в проекте Сперанского не ликвидировалось, но переставало быть исключительно персональной волей монарха и должно было действовать через институты, компетенции, процедуры и устойчивые нормы.

Проекту М. М. Сперанского предшествовали несколько важных этапов развития российской правовой мысли. Первым опытом юридического ограничения верховной власти были «Кондиции» 1730 г., в которых занятие престола Анной Иоанновной связывалось с принятием определенных условий. Однако этот документ имел аристократический характер и не создавал общегосударственной системы законности [10, с. 112-118].

Вторым этапом стал «Наказ» Екатерины II 1767 г., который ввел в официальный дискурс язык Просвещения, законности, соразмерности наказания и общего блага. Однако «Наказ» не ограничивал самодержавие политически и прямо исходил из необходимости самодержавной власти [11, с. 41-56]. Он представлял собой образец просветительской законности без политической конституции. М. М. Сперанский сделал следующий шаг. Он попытался соединить просветительскую идею законности с институциональной архитектурой государства. Если Екатерина II говорила о разумных законах, то Сперанский ставил вопрос о системе органов и процедур, посредством которых эти законы должны возникать и действовать. Тем самым его проект был более юридически зрелым, чем предшествующие документы XVIII в. Контекст начала XIX в. был особенно благоприятен для такой постановки вопроса. После Французской революции и наполеоновских войн европейская политико-правовая мысль уже не могла игнорировать проблему конституции. В то же время российское самодержавие стремилось сохранить устойчивость, избежав революционного сценария. Проект М. М. Сперанского был ответом именно на эту дилемму: как модернизировать государство, не разрушая монархическую основу власти [15, с. 63-84].

Главным конституционно-правовым элементом проекта М. М. Сперанского была концепция т.н. «коренных государственных законов». В традиционной самодержавной системе закон мог пониматься как выражение воли монарха. У М. М. Сперанского возникает иная конструкция: государство должно иметь устойчивые основополагающие законы, определяющие само устройство власти. Во «Введении» М. М. Сперанский различал законы государственные и законы гражданские. Государственные законы определяли отношения лиц к государству, гражданские - отношения лиц между собой [1, с. 17]. Внутри государственных законов особое место занимали коренные законы, то есть законы, определяющие состав, форму и пределы действия высших учреждений [3, с. 19-22]. Именно здесь проявляется протоконституционный характер документа (как мы его понимаем в цикле настоящих статей) [1, с. 130-139]. По существу, «коренные государственные законы» у Сперанского выполняли ту функцию, которую в современном праве выполняет конституция: они должны были закрепить основы государственного устройства, систему властей, компетенцию высших органов, порядок законодательства и пределы управления.

Принципиально важно, что М. М. Сперанский не сводил реформу к созданию новых учреждений. Он стремился создать иерархию норм. Текущие законы должны были соотноситься с коренными законами, а государственные учреждения - действовать в пределах установленной компетенции. Это уже не просто административная модернизация, а правовая конструкция государства.

Примером протоконституционного мышления является сама постановка вопроса о том, что высшие органы власти не должны существовать только как производные от личной воли монарха, а должны иметь правовое основание, компетенцию и процедуру деятельности. М. М. Сперанский тем самым предвосхищал более позднюю идею конституционно закрепленной компетенции органов государственной власти.

Вторым фундаментальным элементом проекта М. М. Сперанского было разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей. Во «Введении» он исходил из того, что государственная власть проявляется в трех основных силах: законодательной, исполнительной и судебной [2, с. 31-36]. На первый взгляд, это сближает проект М. М. Сперанского с классической доктриной Ш. Л. Монтескье. Однако российская модель имела свою специфику. Сперанский не предлагал разделить власть так, чтобы монарх был устранен из законодательного или исполнительного процесса. Верховная власть императора сохранялась. Но внутри этой верховной власти должны были быть юридически разграничены функции, учреждения и процедуры [5, с. 157-169]. Это принципиальный момент. М. М. Сперанский понимал *(как нам это представляется, автор настоящей статьи не претендует на истину в последней инстанции)* разделение властей не как революционное разрушение монархии, а как способ предотвращения смешения функций, административного произвола и

неупорядоченности государственного механизма. В его логике законодательство не должно отождествляться с управлением, управление - с судом, а суд - с административной властью.

Такое разграничение имело протоконституционное (в логике настоящего исследования) значение по нескольким причинам. Во-первых, оно предполагало, что каждая ветвь государственной деятельности имеет собственную правовую природу и не может произвольно подменяться другой. Во-вторых, оно требовало создания особых учреждений для законодательной, исполнительной и судебной сфер. В-третьих, оно вводило идею компетенции как юридического предела деятельности органа власти. В-четвертых, оно подготавливало почву для независимости суда и законности управления. Даже если в проекте М. М. Сперанского не было полного разделения властей в современном смысле, там была заложена важнейшая идея: государственная власть должна быть организована не только персонально, но и функционально. Для самодержавной России это был существенный сдвиг от личной власти к юридической архитектуре власти.

Одним из наиболее значимых элементов проекта была идея Государственной думы. Сперанский предлагал создать многоступенчатую систему представительства: волостные, окружные, губернские думы и Государственную думу [2, с. 55-68]. Эта система не была демократической в современном смысле; она сохраняла имущественные и сословные ограничения, не предполагала всеобщего равного избирательного права и не превращала Думу в орган парламентского суверенитета. Однако ее значение для российской государственно-правовой истории чрезвычайно велико. Государственная дума по проекту М. М. Сперанского должна была участвовать в законодательстве. Законы не должны были возникать исключительно как результат административного усмотрения. Они предполагали обсуждение, представительное участие и прохождение через определенную процедуру. Именно поэтому Государственная дума М. М. Сперанского была не парламентом в полном смысле, но протопарламентским учреждением. Она выражала идею, что законодательство должно быть не только волей власти, но и результатом организованного обсуждения с участием представителей общества.

Протоконституционное значение этой идеи проявилось позднее. Когда в 1905-1906 гг. в Российской империи была создана Государственная дума, она возникла уже в иной политической ситуации, но сама идея общеимперского представительного учреждения имела глубокую предысторию. Проект М. М. Сперанского был одним из наиболее ранних и юридически разработанных вариантов такой модели [13, с. 201-219]. Таким образом, связь между проектом 1809 г. и последующим российским парламентаризмом состоит не в прямой институциональной преемственности, а в правовой логике: законодательная власть должна быть организована через представительное обсуждение и установленную процедуру.

Важнейшим институтом проекта М. М. Сперанского был Государственный совет. В отличие от Государственной думы, которая должна была выражать представительный элемент, Государственный совет мыслился как высшее законосовещательное учреждение, обеспечивающее системность, юридическую экспертизу и согласование законодательства [2, с. 70-76]. Государственный совет был учрежден в 1810 г., уже после подготовки проекта. Он стал одним из немногих элементов программы М. М. Сперанского, получивших практическую реализацию [7, с. 247-252]. Однако его создание не означало реализации всего конституционного плана: Государственная дума, многоступенчатое представительство и полноценное разграничение властей не были введены. ем не менее, значение Государственного совета огромно. Он выражал идею, что законодательство должно проходить через особую правовую процедуру и экспертное обсуждение. Закон переставал быть только актом непосредственного административного распоряжения и приобретал черты системного нормативного решения. В этом проявляется еще одна грань протоконституционности проекта Сперанского. Конституционализм предполагает не только права и представительство, но и юридическую процедуру производства закона. Государственный совет был призван обеспечить именно процедурность и рациональность законодательства. В дальнейшем эта линия получила развитие в Основных государственных законах 1906 г., где законодательная власть императора осуществлялась уже в единении с Государственным советом и Государственной думой [18]. Разумеется, модель 1906 г. была иной, но историческая идея двухступенчатой законодательной процедуры имеет очевидную связь с более ранними проектами правительственного конституционализма.

Судебный элемент проекта М. М. Сперанского имеет особое значение. В самодержавной системе суд традиционно был тесно связан с администрацией, а судебная защита подданных не имела устойчивых гарантий независимости. Сперанский же исходил из необходимости разграничить суд и управление,

придать суду самостоятельную организационную форму и связать правосудие с законом [2, с. 82-91]. Конституционное значение суда состоит в том, что именно судебная власть превращает закон из декларации в механизм защиты. Без суда права подданных остаются политическими обещаниями. Поэтому проект судебной организации у М. М. Сперанского был не технической деталью, а частью общей протоконституционной модели.

Разумеется, М. М. Сперанский не создавал независимую судебную власть в современном смысле. Его проект оставался монархическим и бюрократическим. Однако он содержал несколько принципиальных идей: суд должен быть отделен от исполнительного управления; судебная деятельность должна иметь особую процедуру; суд должен действовать на основании закона; судебная система должна быть встроена в общую структуру государственных учреждений; защита прав подданных невозможна без юридической формы правосудия. Эти идеи предвосхищали судебную реформу 1864 г., которая уже значительно позднее закрепила принципы независимости суда, состязательности, гласности и адвокатуры [14, с. 145-167]. Между проектом М. М. Сперанского и реформой Александра II нет прямой юридической преемственности, но есть преемственность правовой проблемы: государство должно перестать быть единой административной машиной и признать суд особой формой власти.

Еще одним аргументом в пользу протоконституционной природы «Введения» является внимание М. М. Сперанского к правовому положению подданных. Он рассматривал государственные законы не только как нормы об учреждениях, но и как нормы, определяющие отношения лиц к государству [2, с. 17-19]. М. М. Сперанский не был сторонником немедленного демократического равенства. Его взгляды сохраняли сословные ограничения, а проект не предполагал немедленной ликвидации крепостного права. Однако он вводил важную юридическую категорию - гражданское состояние. Подданный рассматривался не только как объект управления, но и как лицо, имеющее определенное правовое положение [8, с. 103-114]. Это принципиально отличает проект от чисто административных реформ. В административной логике государство организует учреждения для более эффективного управления населением. В протоконституционной логике государство определяет также правовое положение лиц по отношению к власти. М. М. Сперанский приближался именно ко второй модели. В его проекте права подданных еще не превращались в каталог основных прав и свобод, как в конституциях Нового времени. Но сама постановка вопроса о гражданских и политических правах, о законной свободе, о правовом статусе сословий и лиц имела значение для будущего российского конституционализма. Здесь проявляется постепенный характер правовой модернизации. Российский конституционализм не возник сразу как система универсальных прав человека. Он формировался через переход от сословных привилегий к юридическому статусу, от милости власти - к законным правам, от подданства - к гражданскому состоянию.

Наиболее сложный вопрос связан с отношением проекта М. М. Сперанского к самодержавию. Критики могут утверждать, что документ не был конституционным, поскольку сохранял верховную власть императора. Такой аргумент справедлив лишь частично. Действительно, М. М. Сперанский не предлагал ликвидировать монархию. Император оставался верховным источником власти, а государственная система сохраняла монархический характер. Но конституционализм исторически не всегда начинается с республики или парламентского суверенитета. Во многих странах ранний конституционализм возникал как ограниченная монархия, в которой власть государя постепенно связывалась законом, представительством и процедурой [13, с. 61-78].

Проект М. М. Сперанского был именно таким вариантом. Его смысл состоял не в уничтожении самодержавия, а в преобразовании его из персонально-административной власти в правозаконную монархию. В этом отношении он был не антиимперским, а имперско-реформаторским. Ограничение власти у М. М. Сперанского осуществлялось не через прямое провозглашение народного суверенитета, а через четыре юридических механизма. Первый механизм - коренные законы, определяющие устройство государства. Второй механизм - разграничение властных функций, препятствующее смешению законодательства, управления и суда. Третий механизм - представительное участие в законодательстве через систему дум. Четвертый механизм - процедурность законодательства через Государственный совет и установленный порядок рассмотрения законопроектов. Эти механизмы не устраняли монарха, но существенно меняли природу монархической власти. Она должна была действовать не произвольно, а через закон, учреждение и процедуру. Именно это и является ядром «протоконституционной» модели М. М. Сперанского.

Здесь следует дополнительно пояснить. Для признания документа протоконституционным важно установить, что он содержит не отдельные реформаторские предложения, а систему элементов будущей конституционной

государственности. «Введение к уложению государственных законов» отвечает, на наш взгляд, этому критерию. Во-первых, оно предлагает теорию основного закона в форме концепции коренных государственных законов. Во-вторых, разграничивает основные функции государственной власти. В-третьих, предусматривает представительный элемент в законодательстве. В-четвертых, проектирует высшие государственные учреждения - Государственную думу, Государственный совет, судебные и исполнительные органы. В-пятых, связывает законодательство с процедурой. В-шестых, рассматривает правовое положение подданных как предмет государственных законов. В-седьмых, стремится заменить произвольное управление юридически организованным порядком. Именно совокупность этих признаков отличает проект Сперанского от обычных административных записок и реформаторских меморандумов. Он был направлен не только на улучшение управления, но и на учреждение новой правовой формы государства. Поэтому его можно определить как правительственный протоконституционный акт рационализации самодержавной власти. Это определение позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, неправомерного признания проекта полноценной конституцией; с другой - недооценки его значения как обычной бюрократической реформы.

Хотя проект М. М. Сперанского не был реализован в полном объеме, его влияние на российскую государственно-правовую традицию было значительным.

Во-первых, учреждение Государственного совета в 1810 г. стало частичной реализацией его программы. Государственный совет не был конституционным органом в полном смысле, но стал важным элементом законодательной процедуры Российской империи [7, с. 247-252].

Во-вторых, сама идея коренных государственных законов получила дальнейшее развитие в российской правовой мысли XIX в. Позднее она проявилась в проектах Государственной уставной грамоты Российской империи Н. Н. Новосильцева и в дискуссиях о пределах самодержавной власти [17, с. 276-312].

В-третьих, проект М. М. Сперанского предвосхитил проблематику декабристских конституционных проектов. Конечно, «Русская правда» П. И. Пестеля и «Конституция» Н. М. Муравьева были политически более радикальны. Но вопрос о системе властей, представительстве, гражданском состоянии и правовом устройстве государства уже был поставлен Сперанским в правительственном формате.

В-четвертых, линия Сперанского прослеживается в последующих реформах XIX в., особенно в судебной реформе 1864 г., земской реформе и дискуссиях о народном представительстве [14, с. 145-167].

В-пятых, наиболее отдаленная, но принципиальная связь обнаруживается с Основными государственными законами 1906 г. В них впервые была юридически закреплена общеимперская модель, при которой законодательная власть императора осуществлялась с участием Государственного совета и Государственной думы [18]. Эта модель не была прямым воплощением проекта Сперанского, но она решала тот же ключевой вопрос: как соединить монархическую власть с представительными и законосовещательными институтами. Таким образом, значение проекта М. М. Сперанского состоит не только в его нереализованных положениях. Он создал «архитектуру» правительственного конституционализма, к которым российская государственность возвращалась на протяжении всего XIX в.

Можно сделать вывод о том, что «Введение к уложению государственных законов» М. М. Сперанского 1809 г. занимает особое место в истории российского конституционализма. Оно не было конституцией в формально-юридическом смысле и не создало действующий конституционный строй. Императорская власть сохранялась, народный суверенитет не провозглашался, парламентская ответственность правительства не вводилась, а проект в целом не получил практической реализации. Однако именно этот документ стал наиболее развитой правительственной программой раннего конституционного реформирования Российской империи. Его значение состоит в том, что Сперанский впервые предложил относительно целостную юридическую модель преобразования имперской власти через коренные государственные законы, разграничение властей, представительство, законодательную процедуру, судебную организацию и правовой статус подданных.

Протоконституционный характер «Введения» заключается в том, что оно не уничтожало самодержавие, но стремилось поставить его в определенные правовые рамки. Это была не революционная программа, а план юридической трансформации института монархии. Власть должна была действовать не как произвольная воля, а как система закона, учреждения и компетенции. Именно поэтому проект М. М. Сперанского следует рассматривать как один из важнейших истоков российского

конституционализма. Он предшествовал последующим конституционным проектам XIX в., подготовил язык правительственного конституционализма и обозначил ту проблему, которую Российская империя так и не смогла окончательно решить до 1917 г.: как соединить историческую монархическую государственность с правовым ограничением власти, представительством и юридической свободой личности.

Особое место в дореволюционной истории занимает Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. [4]. Она не была конституцией Российской империи в целом, однако действовала в государственно-правовом пространстве империи и была дарована Александром I как польским королем. В этом состоит важный парадокс: конституционная форма оказалась возможной на присоединенной территории, но не была распространена на общеимперский центр.

Хартия закрепляла автономный статус Царства Польского, особые органы управления, сейм и определенные гарантии правового порядка [4]. Государственно-правовая модель Царства Польского представляла собой конституционную монархию под верховной властью российского императора. Для российской истории это имело большое значение: конституция как юридическая форма перестала быть внешней абстракцией и стала реально действующим институтом в пределах империи. Политически эта конструкция была неоднозначной. С одной стороны, она демонстрировала способность империи к правовой дифференциации и признанию представительных институтов. С другой — усиливала противоречие между конституционными правами периферии и самодержавным устройством центра. Российские подданные в собственно имперской части государства не получили аналогичного статуса, что неизбежно порождало вопрос о возможности общеимперской конституции.

Конституционная хартия Царства Польского была подписана Александром I 15(27) ноября 1815 г. в Варшаве [19]. В соответствии с ней Царство Польское получало автономию в составе Российской империи и конституционно-монархическую форму устройства [20, с. 120]. В отечественной историографии данный акт обоснованно характеризуется как первый конституционный акт, действовавший в государственно-правовом пространстве Российской империи [20, с. 120].

При этом необходимо подчеркнуть: Хартия не была конституцией Российской империи как единого государства. Она не распространялась на губернии собственно России, не изменяла правовой природы общеимперского самодержавия, не создавала общеимперского парламента и не закрепляла прав подданных всей империи. Ее действие было территориально ограничено Царством Польским.

Тем не менее именно это обстоятельство делает Хартию особенно важной. Она показывает, что российская государственность начала XIX в. могла включать в себя различные правовые режимы: самодержавно-бюрократический режим в центре и конституционно-автономный режим на отдельной территории. Такой порядок был типичен для сложных империй, где единая верховная власть сочеталась с неодинаковым правовым статусом земель, народов и институтов.

С формально-юридической точки зрения Хартия была польским основным законом. С историко-правовой точки зрения она была также российским имперским актом, поскольку была дарована российским императором, выступавшим одновременно польским королем, и действовала в пределах политического пространства империи. Именно поэтому ее следует рассматривать как часть дореволюционной истории российского конституционализма, хотя и не как общеимперскую конституцию.

Одной из главных причин, по которым конституционная форма стала возможной именно в Царстве Польском, были международно-правовые обстоятельства 1814–1815 гг. После наполеоновских войн судьба польских земель стала предметом европейского дипломатического урегулирования. Венский конгресс не восстановил независимую Речь Посполитую, но создал Царство Польское, соединенное с Российской империей личной унией.

Важным элементом этого урегулирования стало признание за польскими землями права на особые национальные учреждения. Российская империя, Австрия и Пруссия при разделе территории бывшего Варшавского герцогства приняли обязательство предоставить полякам автономию и право иметь национальные представительные учреждения [20, с. 120]. Это обстоятельство принципиально отличало положение Польши от положения собственно российских губерний.

Следовательно, польская конституция была не только внутренним актом воли Александра I, но и результатом международного контекста. Для России введение Хартии было способом легитимировать присоединение польских земель в глазах Европы. Конституционная форма позволяла представить российское владычество над Польшей не как простую аннексию, а как особую политико-правовую конструкцию, предполагающую автономию, национальные учреждения и сохранение польской идентичности.

Именно поэтому в отношении Польши возникла ситуация, невозможная для российского центра. Международная дипломатия создала внешний стимул к конституционному оформлению польской автономии. В отношении самой России такого внешнего обязательства не существовало. Конституционное преобразование имперского центра зависело исключительно от внутренней политической воли монарха и готовности правящих сословий, а эти предпосылки были недостаточны.

Конституционная хартия Царства Польского позволяет говорить о феномене территориального конституционализма. Его сущность состоит в том, что конституционные институты вводятся не как общий принцип государственной организации, а как особый режим конкретной территории.

Такой подход был характерен для империй. Имперская власть часто управляла различными территориями не одинаково, а дифференцированно. Одни территории получали автономию, другие управлялись напрямую; одни сохраняли местные законы, другие включались в общеимперскую административную систему; одни имели представительные органы, другие — нет. В этом смысле польская Хартия была не случайностью, а проявлением имперской правовой асимметрии. Российская империя могла допустить особый конституционный порядок там, где он помогал удерживать территорию, удовлетворять элиту и соблюдать международные ожидания. Но она не была готова признать этот порядок универсальным принципом для всей империи.

Территориальный конституционализм имел очевидные преимущества. Он позволял гибко управлять сложными территориями, учитывать местные традиции и снижать сопротивление присоединенных обществ. Однако он имел и существенный недостаток: он создавал неравенство правовых режимов и порождал вопрос о том, почему одни подданные империи имеют конституционные гарантии и представительство, а другие — нет. Именно этот вопрос был опасен для самодержавного центра.

Особенно показательным является выступление Александра I при открытии первого Сейма Царства Польского в 1818 г. В нем император говорил о возможности распространения «законно-свободных учреждений» на остальные территории Российской империи [2, с. 120]. Это заявление вызвало значительный резонанс, поскольку впервые столь отчетливо прозвучала мысль о потенциальной общеимперской конституционализации.

Однако практических последствий это заявление не имело. Конституционный опыт остался польским, территориально ограниченным. Российский центр не получил ни общеимперской думы, ни конституционного закона, ни системного закрепления прав подданных. Причины этого уже были обозначены выше: сопротивление дворянско-бюрократической среды, опасение политической дестабилизации, нерешенность крестьянского вопроса, слабость общественных институтов и внутренняя противоречивость политики Александра I. Император мог быть инициатором либеральных проектов, но не был готов довести их до институционального ограничения собственной власти. В этом проявилась важная особенность российской модернизации: реформаторская мысль часто опережала политическую готовность государства. Конституция могла быть произнесена как обещание, разработана как проект, дарована как локальная хартия, но не становилась общеимперским правовым порядком.

Влияние польской хартии проявилось в последующих проектах, прежде всего в Государственной уставной грамоте Российской империи Н. Н. Новосильцева[5]. Самосопоставление этих документов показывает, что дореволюционный российский конституционализм развивался не только через оппозиционную политическую мысль, но и через практику управления многонациональной империей. Таким образом, Конституционная хартия Царства Польского является одним из ключевых доказательств дореволюционного происхождения российского конституционализма. Она подтверждает, что конституционная форма была известна, признана и частично применена российской верховной властью. Проблема заключалась не в отсутствии представления о конституции, а в нежелании перенести ее на всю империю и тем самым ограничить самодержавный центр.

Список литературы:

Грудцына Л.Ю. Ранние формы российского конституционализма: протоконституционные акты. Часть 1. «Кондиции» Анны Иоанновны 1730 г., «Наказ» Екатерины II 1767 Г. // Образование и право. 2026. № 6. С. 130-139.

Сперанский М. М. План государственного преобразования: Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М.: Русская мысль, 1905. 359 с.

Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. С. 121-148.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1845. 174 с.

Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. СПб.: Императорская публичная библиотека, 1861. Т. 1. 394 с.

Семевский В. И. Михаил Михайлович Сперанский. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1906. 312 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 5. М.: Мысль, 1989. 476 с.

Анисимов Е. В. Россия без Петра. 1725-1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.

Омельченко О. А. Законная монархия Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

Томсинов В. А. История русской юриспруденции XVIII века. М.: Зерцало-М, 2011. 256 с.

Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII - первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. М.: Прометей, 2017. 394 с.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1907. 856 с.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 2. 476 с.

Государственная уставная грамота Российской империи // Конституционные проекты в России XVIII - начала XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 276-312.

Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. СПб., 1909. № 27805.

Конституционная хартия Царства Польского 1815 г. // Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского 1814–1881 гг. СПб.: Издание Н. Д. Сергеевского, 1907.

Конституция Царства Польского 1815 // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 120.

References:

[1] Grudtsyna L.Yu. Early forms of Russian constitutionalism: proto-constitutional acts. Part 1. “Conditions” by Anna Ioannovna 1730, “Order” by Catherine II 1767 G.//Education and law. 2026. № 6. S. 130-139.

[2] Speransky M. M. Plan for state transformation: Introduction to the Code of State Laws of 1809 M.: Russian Thought, 1905. 359 pp.

[3] Speransky M. M. Introduction to the Code of State Laws//Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 6: Legislation of the first half of the XIX century. M.: Legal literature, 1988. S. 121-148.

[4] Speransky M. M. Guide to the knowledge of laws. St. Petersburg: Printing House of the II Branch of the E.I.V. Chancellery, 1845. 174 pp.

[5] Montesquieu Sh. L. On the spirit of the laws. M.: Thought, 1999. 672 p.

[6] Karamzin N. M. Note on ancient and new Russia in its political and civil relations. M.: Science, 1991. 127 s.

[7] Korf M.A. The life of Count Speransky: in 2 volumes of St. Petersburg: Imperial Public Library, 1861. VOL. 1. 394 pp.

[8] Semevsky V.I. Mikhail Mikhailovich Speransky. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1906. 312 s.

[9] Klyuchevsky V.O. Course of Russian history: at 5 h. Part 5. M.: Thought, 1989. 476 p.

[10] Anisimov E.V. Russia without Peter. 1725-1740. St. Petersburg: Lenizdat, 1994. 496 pp.

[11] Omelchenko O. A. The legitimate monarchy of Catherine II: enlightened absolutism in Russia. M.: Lawyer, 1993. 428 pp.

[12] Tomsinov V. A. History of Russian jurisprudence of the XVIII century. M.: Zerzalo-M, 2011. 256 s.

[13] Zakharov V. Yu. Russian and foreign constitutionalism of the late XVIII - first quarter of the XIX centuries: the experience of comparative historical analysis. M.: Prometheus, 2017. 394 pp.

[14] Dzhanshiev G. A. The era of great reforms. M.: Printing house A.I. Mamontov, 1907. 856 pp.

[15] Mironenko S.V. Autocracy and reforms: political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. M.: Nauka, 1989. 240 s.

[16] Schilder N.K. Emperor Alexander the First: his life and reign: in 4 tons of St. Petersburg: Ed. A.S. Suvorina, 1897. VOL. 2. 476 p.

[17] State Charter of the Russian Empire// Constitutional projects in Russia of the 18th - early 20th centuries M.: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2000. S. 276-312.

[18] Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906//Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 3rd. T. XXVI. St. Petersburg, 1909. № 27805.

[19] Constitutional Charter of the Kingdom of Poland 1815//Constitutional Charter of 1815 and some other acts of the former Kingdom of Poland 1814-1881. St. Petersburg: Edition of N. D. Sergeevsky, 1907.

[20] Constitution of the Kingdom of Poland 1815//Great Russian Encyclopedia. VOL. 15. M.: Great Russian Encyclopedia, 2010. S. 120.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-248-253
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ТАРАБОРИН Роман Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала РАНХиГС, e-mail: z-nit@yandex.ru

БУРКОВА Ксения Назаровна,

старший инспектор Управления архивами Свердловской области,

e-mail: z-nit@yandex.ru

ФОРМИРОВОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СЕГМЕНТОВ ПАРТИКУЛЯРНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА

Аннотация. *В представленной статье рассматривается государственно-правовая эволюция России в первой четверти XVIII века, когда Российское государство трансформировалось из Московского царства в Российскую империю. Основное внимание уделяется реформам Петра I, которые были направлены на модернизацию государства и создание имперской структуры.*

Авторы анализируют провозглашение Российской империи в 1721 году как результат победы в Северной войне, которая не только изменила геополитическое положение России, но и потребовала создания новой военно-экономической базы и модернизации социально-экономической системы, а также соответствующих новелл в ее правовой системе.

Особое внимание уделяется территориальным приобретениям России, в частности, Лифляндии и Эстляндии, полученным по итогам Северной войны. Эти территории, с их развитой правовой системой и традициями, стали испытанием для российской имперской политики.

В исследовании выявлены особенности правовой системы присоединённых земель, где сосуществовали земское и городское право, основанные на германских и шведских традициях. Также рассматривается подход имперского центра к управлению новыми территориями через сохранение местных элит и адаптацию правовых норм.

В настоящем исследовании подчёркивается, что успешное строительство империи в России было возможно только при условии глубокой модернизации, которая позволила не только расширить территории, но и создать прочную основу для дальнейшего развития государства, в том числе ее правовой системы.

Резюмируется, что, будучи административно включены в общую государственную систему, Рижская и Ревельская губернии сохраняли внутреннее устройство и законодательство, унаследованные от их дороссийского прошлого, кардинально отличаясь в этом отношении от других российских губерний. Такое положение оставалось неизменным вплоть до губернской и городской реформ Екатерины II.

Ключевые слова: *Российская империя, унификация, сословия, жалованная грамота, законодательные акты, Ништадский мир, автономия*.

TARABORIN Roman Sergeevich,

doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Ural Institute of Management – a branch of RANEPA

BURKOVA Ksenia Nazarovna,

senior inspector of the Archives Department of the Sverdlovsk Region

FORMATION AND EVOLUTION OF SEGMENTS OF PARTICULAR LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE OF THE 18TH CENTURY

Annotation. *The legal evolution of Russia in the first quarter of the 18th century, when the Russian state was transformed from the Tsardom of Muscovy into the Russian Empire, focuses on the reforms of Peter the Great, which were aimed at modernizing the state and creating an imperial*

structure.

The authors analyze the proclamation of the Russian Empire in 1721 as a result of victory in the Northern War, which not only changed Russia's geopolitical position but also necessitated the creation of a new military-economic base and the modernization of its socio-economic system, as well as corresponding amendments to its legal system.

Particular attention is paid to Russia's territorial acquisitions, particularly Livonia and Estonia, obtained as a result of the Northern War. These territories, with their developed legal systems and traditions, became a test for Russian imperial policy.

The study identifies the peculiarities of the legal systems of the annexed lands, where zemstvo and city laws, based on German and Swedish traditions, coexisted. The imperial center's approach to governing new territories through the preservation of local elites and the adaptation of legal norms is also examined.

This study emphasizes that the successful construction of an empire in Russia was only possible through profound modernization, which not only allowed for territorial expansion but also created a solid foundation for the further development of the state, including its legal system.

It is concluded that, while administratively integrated into the general state system, the Riga and Revel provinces retained the internal structure and legislation inherited from their pre-Russian past, differing radically in this regard from other Russian provinces. This situation remained unchanged until the provincial and municipal reforms of Catherine II.

Key words: *Russian Empire, unification, estates, charter, legislative acts, Treaty of Nystad, autonomy.*

Государственно-правовая эволюция Российского государства в первой четверти XVIII века затронуло все аспекты его деятельности, в том числе и его правовой системы. Формальное провозглашение нового – имперского – состояния российской государственности состоялось в «Акте поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества» (22 октября 1721 г.) [1, С. 444-446].

В данном акте «императорским» являлось, в сущности, только новое титулование московского царя, возводившее его на уровень европейских правителей: «Это был, собственно говоря, акт переименования, который органически вписывался в общую тенденцию петровских реформ, так или иначе – буквально или метафорически – сводившихся к переодеванию России в европейское платье» [2, С. 459].

Но титулование опиралось на мощное материальное основание, относившееся ко всей Российской державе, – победу, одержанную в Северной войне над Швецией, одной из ведущих держав «европейского концерта» начала XVIII в.

Важнейшим геополитическим следствием этой победы, получившим многочисленные подтверждения на протяжении всего XVIII в., явилось изменение соотношения сил на европейском континенте: Россия «стала одной из великих европейских и мировых держав, и теперь уже ни один сколько-нибудь важный вопрос международной политики не мог решаться без ее участия» [3, С. 48]. Именно поэтому торжественный акт 22 октября 1721 г., в конечном итоге явился не только символической, но и реальной фиксацией появления Российской империи.

В масштабах позднего средневековья и нового времени в процессах империестроительства не было ничего исключительного: Россия двигалась в том же направлении, что Испания, Англия, Франция, Голландия в Европе или Османская империя в Азии. Это был объективный исторический процесс, в значительной мере предопределенный природно-географическими условиями. Страны, расположенные по западным и восточным окраинам европейского континента, отмечают историки, объективно имели больше возможностей для территориальной экспансии и создания империй, чем страны, зажатые в его центре [4, С. 173].

Но в отличие от империй, создававшихся Англией, Францией, Голландией на основе первых успехов, достигнутых на пути модернизации, российское империестроительство не только хронологически совпадало с модернизацией, но в значительной мере, а в определенные моменты и в решающей степени, определяло ее ход.

Территориальные приобретения Московского государства, закладывавшие предпосылки будущей империи, долгое время вполне успешно осуществлялись на социально-экономической базе аграрного общества и не порождали потребности в его модернизации. Но западное направление территориальной экспансии московских царей вело к столкновению с великими европейскими державами, создавшими Вестфальскую систему международных отношений, оставившую Московское царство за

пределами Европы.

Неудачное начало Северной войны наглядно продемонстрировало недостаточность традиционной московской ресурсной базы, прежде всего военно-экономической, как для продвижения на запад, так и для самосохранения существующей государственности в уже достигнутых пределах.

Преобразования, предпринятые Петром I после «Нарвской конфузии» внутри страны, своей главной целью имели обеспечение победы в войне с Швецией, обладавшей передовыми для этого времени сухопутной армией и флотом. Но для победы была необходима новая военно-экономическая база, ключевым элементом которой являлась мануфактурная промышленность (металлургическая и текстильная в первую очередь).

Внедрение же этой промышленности в традиционную социально-экономическую структуру московского аграрного общества запускало весь каузальный «механизм» раннеиндустриальной модернизации: расширение сферы рыночных отношений, использование в государственных интересах потенциала частной инициативы и предприимчивости, реорганизация на рациональных принципах системы государственного управления, внедрение светской культуры европейских образцов и т. д.

Таким образом, империестроительство и модернизация в условиях России оказались в теснейшей взаимосвязи: без модернизации внутри страны невозможно было создать полноценную империю и обеспечить ее дальнейшее развитие в противостоянии с другими великими державами, раньше России вступившими на модернизационный путь развития.

Новые территории (имперская периферия) рассматривались центром главным образом с точки зрения их ресурсной базы (материальной и людской) и военно-стратегического положения. Они должны были являться защитой основной государственной территории от внешних противников и одновременно плацдармом для дальнейшего расширения имперской территории. Для выполнения ими этих функций необходимо было обеспечить политическую лояльность новых подданных российского императора, что, как и прежде, требовало главным образом достижения взаимоприемлемого компромисса и сотрудничества с местными элитами.

В исследованиях империй отмечается, что «сохранение, наряду с собственно имперскими институтами господства, традиционных элит позволяет сконцентрировать процессы унификации в ключевых с политической и военно-стратегической точки зрения зонах, снизить в этих зонах уровень культурной и ментальной гетерогенности до приемлемого уровня (речь идет в первую очередь о культуре политической) и сохранить в неприкосновенности традиционные стереотипы социального действия в тех сегментах, вторжение в которые не обязательно с точки зрения поддержания имперской стабильности, но чревато жестко негативной реакцией» [5, С. 54-55].

Эта общая позиция имперского центра, естественно, не могла не варьироваться в зависимости от конкретной новой территории, приоритетных задач, решаемых центром в данный момент времени, и сочетания различных ситуативных обстоятельств. Все это в той или иной мере оказывало прямое и косвенное воздействие на решение вновь и вновь возникавшей перед российскими правителями правовой дилеммы: унификация или партикуляризм.

Результатом разных решений стало появление разных новых сегментов партикулярного права.

Первыми территориальными приобретениями, четко обозначившими имперскую направленность начатых Петром I государственных преобразований, явились Лифляндия и Эстляндия.

Согласно условиям Ништадтского мира, заключенного по итогам Северной войны (30 августа 1721 г.), Швеция в «совершенное, непрекословное и вечное владение и собственность» уступала России «Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена» [6, С. 423].

Военно-стратегическую важность этого приобретения трудно переоценить. Таким образом решалась острейшая геополитическая проблема, изначально вставшая перед Московским царством, – получение выхода через Балтийское море на мировые морские коммуникации. Поэтому чрезвычайно важно было закрепиться на этой территории, где пришлось столкнуться с несколько иной ситуацией, чем та, в которой оказывались московские самодержцы в своих территориальных приобретениях.

Прибалтийские земли столетиями находились под властью и влиянием различных европейских военно-политических и государственных образований, что предопределило доминирование в них европейских по своим источникам политико-правовых, социальных и религиозно-культурных традиций. Со второй четверти XIII в. и до 1561 г. они обычно назывались Ливонией и были ареной борьбы католических епископств, рыцарских орденов и соседних государств – Швеции и Польши, периодически подчинявших отдельные

их части. К началу Северной войны две основных части Ливонии – Лифляндия и Эстляндия находились под властью Швеции (Лифляндия с 1629 г., Эстляндия с 1561 г.).

В этническом отношении коренное население Лифляндии и Эстляндии составляли латыши и эсты, в социальном отношении преимущественно образовывавшие крестьянское население, находившееся в феодальной зависимости от землевладельцев (рыцарства, эволюционировавшего в дворянско-земское сословие) в подавляющем большинстве немецкого происхождения. Немецким по этническому происхождению в основном было и городское население, особенно его верхний торгово-промышленный слой. В религиозном отношении большинство населения первоначально приняло католицизм, но в ходе европейской реформации в основном перешло в протестантизм евангелической веры.

Право, действовавшее в Лифляндии и Эстляндии, отличалось крайним – в сравнении с территориальными приобретениями московского времени – разнообразием. Дворянство или земство и городское население образовывали два обособленных сословия, каждое из которых пользовалось своими особыми правами и законами. По сути, здесь оформились два вида местного права: земское и городское, причем первое в значительной мере распространялось и на крестьянское сословие (его свободную часть), а городское право различалось по разным частям и городам Лифляндии и Эстляндии. В основном земское и городское право основывались на германском общем праве с элементами римского и канонического права, а в период нахождения Лифляндии под властью Швеции испытали влияние шведского права. Основными источниками местного права являлись сборники законов и обычаев, относившиеся к определенной области или сословию, в том числе и сборники крестьянского права, а также статуты городов и постановления городских магистратов (сборники рижского права в городах Лифляндии и любекского права в городах Эстляндии) [7, С. 23-26].

Как отмечал А. Э. Нольде, «переменчивая политическая судьба провинций отражалась резче всего, конечно, на публичном праве в виду необходимости согласовывать административный строй и привилегии корпораций с правами господствующего государства». Но такие перемены затронули и гражданское право, так как из-за «отсутствия автономного местного законодательства не могли получить последовательной разработки остатки национального права и посторонние законодательные вмешательства не приводились в соответствие с существовавшим уже правом. Вследствие этого балтийское гражданское право должно было совершенствоваться в условиях более неблагоприятных, чем право многих территорий «партикулярного» права» [8, С. 21].

Шведские войска были изгнаны из Лифляндии и Эстляндии к 1710 г., но Северная война продолжалась. Поэтому первыми же актами российская власть показала готовность пойти на компромисс, если «рыцарство и земство» признают себя подданными московского царя и изъявят готовность служить ему. Предварительные условия компромисса были оговорены в «аккордных пунктах» между шляхетством и земством княжества Лифляндского и генерал-фельдмаршалом Шереметевым (4 июля 1710 г.) и «договорных пунктах» между шляхетством и земством герцогства Эстляндского и генерал-поручиком Боуером (29 сентября 1710 г.) [9, С. 567-575].

Законодательное закрепление предварительные договоренности получили в актах Петра I.

16 августа 1710 г. последовал «Универсал, данный Эстляндскому княжеству и в особенности городу Ревелю». В нем, адресуясь к «благородному шляхетству и земству», заявлялось, что «коль скоро, Волею Божией, сия земля совершенно власти Нашей покорена будет, Мы не токмо намерены оставить без всякого нововведения во всей земле и городах поныне исповедуемую евангельскую религию, все их древние привилегии, вольности, права и преимущества … и по точному их смыслу и понятию свято хранить и содержать, но и обещаем при случае умножить оные еще обширнейшими и важнейшими».

1 марта 1712 г. Универсал был дополнен Жалованной грамотой шляхетству и земству Эстляндского княжества, содержавшей подтверждение и укрепление «древних их привилегий, прав, суда, правости, рецессов, Статутов и хвальных земских обыкностей, которые они от своих начальств получали».

В Жалованной грамоте дворянству Княжества Лифляндского (30 сентября 1710 г.) содержалось подтверждение московским царем прежних законов, «особливо данной от польского короля Сигизмунда Августа в Вильне 1561 года привилегии касательно шляхетных их прав, статутов, вольностей, достоинств и законных их маетностей, как во владении у них находящихся, так и тех, кои быв наследственными, не по праву у них отняты». Но при этом указывалось, что «рыцарство и земство» княжества и их потомки должны «присяжную подданническую верность усердными добрыми услугами и по требованию времени и кровию и животом своим утвердить».

Этим же числом была датирована и Жалованная грамота, данная городу Риге «в подтверждение прежних всех его городских прав, статутов, судов, чинов, вольностей, древних обычаев, преимуществ и владения наследственными маетностями на том же основании, как оные издревле от разных государей содержаны были».

Завершающим «аккордом» явилось включение в Ништадтский мирный договор п. 9, подтверждавшего, что «все жители провинций Лифляндской и Эстляндской … под свейским правлением имевших привилегиях, обыкновениях, правах и справедливостях постоянно и непоколебимо содержаны, и защищены будут».

Таким образом, решения, принятые Петром I, обнаружили очевидную преемственность с его предшественниками на московском престоле: сохранение за местным населением, в особенности за правящим сословием (шляхетством и земством), прежних прав и привилегий обеспечивалось признанием подданства новому правителю, а со стороны местного дворянства – и принятием обязательства государственной службы (прежде всего военной). Иначе говоря, воспроизводился принцип служебной зависимости от государства, действовавший в отношении русского дворянства.

Данными законодательными актами верховной российской власти были установлены первоначальные границы компромисса, предназначенного обеспечить политическую лояльность жителей новой российской территории. Де-факто Лифляндии и Эстляндии был предоставлен автономный статус, предусматривавший, в том числе сохранение прежде действовавшего права. В результате в пределах общероссийского правового пространства возник новый сегмент партикулярного права, охватывавший – в силу сохранения на новой российской территории прежних административных и судебных порядков – не только гражданское, но в значительное мере и публичное право.

Правда, следует отметить, что, хотя в последующем законодательстве при подтверждении прав и привилегий местного населения употреблялись наименования «княжество Лифляндское» и «княжество Эстляндское», но с 1713 г. в составе России официально находились Рижская и Ревельская губернии, возглавляемые назначаемыми императором губернаторами (генерал-губернаторами) [10, С. 62]. Новые территории в этом отношении оказались включены в губернскую реформу Петра I 1708 года, местная администрация подчинялась назначаемым сверху губернаторам, но функционировала на основании своего старого законодательства. На основе прежнего городского права функционировало и городское самоуправление (Рига, Ревель, Нарва, Пернов, Дерпт).

Следовательно, будучи административно включены в общую государственную систему, Рижская и Ревельская губернии сохраняли внутреннее устройство и законодательство, унаследованные от их дороссийского прошлого, кардинально отличаясь в этом отношении от других российских губерний. Такое положение оставалось неизменным вплоть до губернской и городской реформ Екатерины II.

Список литературы:

[1] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. VI. № 3840. СПб., 1830. 818 с.

[2] История Европы: в 8 т. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. 509 с.

[3] Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 140 с.

[4] Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. 456 с.

[5] Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. 253 с.

[6] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. VI. № 3819. СПб., 1830. 818 с.

[7] Федоров А. Ф. Введение в курс гражданского права Прибалтийских губерний. Одесса, 1898. 80 с.

[8] Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. II. С. 21.

[9] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. IV. № 2299. СПб., 1830. 818 с.

[10] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. V. № 2723. СПб., 1830. 781 с.

References:

[1] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. VOL. VI. NO. 3840. St. Petersburg, 1830. 818 pp.

[2] History of Europe: in 8, vol. 4. Europe of modern times (XVII-XVIII centuries). M.: Science, 1994. 509 pp.

[3] Assumption B.A. King and Emperor: Anointing the Kingdom and the Semantics of Royal Titles. M.: Languages of Russian culture, 2000. 140

s.

[4] MacNeil W. Chasing power. Technology, armed forces and society in the 11th-20th centuries. M.: Ed. House “Territory of the Future,” 2008. 456 pp.

[5] Caspe S.I. Empire and modernization: General model and Russian specifics. M., 2001. 253 pp.

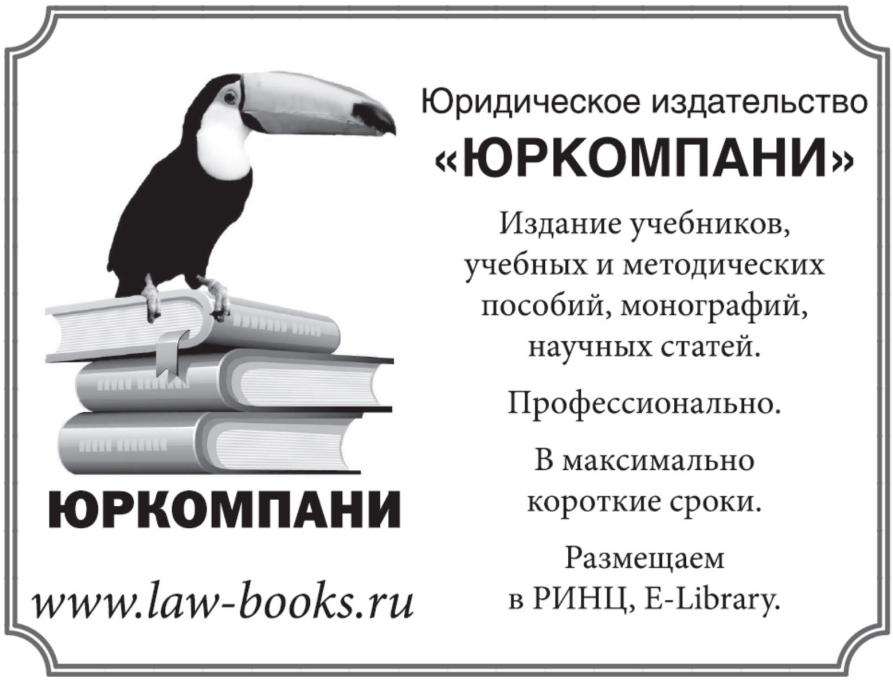
[6] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. VOL. VI. NO. 3819. St. Petersburg, 1830. 818 pp.

[7] Fedorov A.F. Introduction to the course of civil law of the Baltic provinces. Odessa, 1898. 80 s.

[8] Nolde A.E. Essays on the history of the codification of local civil laws under Count Speransky. No. II. P. 21.

[9] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. IV. NO. 2299. St. Petersburg, 1830. 818 pp.

[10] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. V. NO. 2723. St. Petersburg, 1830. 781 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-254-258
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ГУСЕВА Галина Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Байкальский государственный университет Россия, Иркутск,

e-mail: galiguseva@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВИНА» ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА

Аннотация. *В настоящем исследовании проводится историко-правовой анализ эволюции понятия «вина» в российском уголовном законодательстве на протяжении длительного хронологического отрезка – от Русской Правды (XI–XII вв.) до Соборного уложения 1649 г. Автор обосновывает тезис о том, что в указанный период произошел переход от архаичного объективного вменения, при котором внутреннее психическое отношение лица к содеянному не имело правового значения, к зарождению категорий умысла, неосторожности и случая. Особое внимание уделяется ключевым памятникам права: Русской правде, Судебникам 1497 и 1550 гг., а также Соборному уложению 1649 г. В работе выявляются основные этапы становления категории «вина» на раннем этапе развития отечественного права, раскрываются особенности правового регулирования умышленных и неосторожных деяний, анализируется феномен «голого умысла» как специфической уголовно-правовой фикции, впервые нормативно закрепленной в Соборном уложении. Делается вывод о том, что к середине XVII в. в российском праве были заложены основы дифференциации форм вины, что создало предпосылки для последующей систематизации в петровский период и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.*

Ключевые слова: *вина, злой умысел, субъективная сторона преступления, Русская Правда, Судебник, Соборное уложение, объективное вменение, голый умысел, неосторожность, формы вины.*

GUSEVA Galina Viktorovna,

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the department of theory and history of state and law, Baikal State University, Russia, Irkutsk

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «GUILT» FROM THE RUSSIAN PRAVDA TO THE CATHEDRAL CODE OF 1649

Annotation. *This study provides a historical and legal analysis of the evolution of the concept of «guilt» in Russian criminal law over a long chronological period – from the Russian Pravda (11th–12th centuries) to the Cathedral Code of 1649. The author substantiates the thesis that this period saw a transition from archaic objective imputation, in which a person's internal psychological attitude toward their actions had no legal significance, to the emergence of the categories of intent, negligence, and chance. Particular attention is given to key legal monuments: the Russian Pravda, the Sudebniks of 1497 and 1550, and the Cathedral Code of 1649. The paper identifies the key stages in the development of the category of «guilt» in the early stages of Russian law, reveals the specifics of the legal regulation of intentional and negligent acts, and analyzes the phenomenon of «naked intent» as a specific criminal-legal fiction, first normatively enshrined in the Cathedral Code. It is concluded that by the mid-17th century, the foundations for differentiating between forms of guilt had been laid in Russian law, paving the way for subsequent systematization during the Peter the Great period and in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845.*

Key words: *guilt, malicious intent, subjective aspect of crime, Russian Pravda, Sudebnik, Cathedral Code, objective imputation, naked intent, negligence, forms of guilt.*

Проблемы вины как психического отношения лица к совершаемому им преступному деянию и его последствиям – один из центральных и дискуссионных вопросов уголовно-правовой науки. На протяжении многих веков отечественные правоведы пытались найти ответ на вопрос: каким образом должно учитываться внутреннее намерение человека при решении вопроса о его ответственности перед законом? Как справедливо отмечают А. Н. Андриевская и Д. А. Кострон, «в древности не имело уголовно-правового значения внутреннее отношение лица к совершаемому им деянию, ответственность наступала по принципу Талиона» [2. с. 332]. Однако в процессе становления централизованного государства правовая мысль постепенно приходила к осознанию необходимости дифференциации наказания в зависимости от степени виновности. В статье вина рассматривается как родовое понятие, охватывающее умысел, неосторожность и случай, что позволяет проследить эволюцию субъективной стороны преступления на начальном этапе – от древнейших правовых источников до крупнейшего законодательного акта Московского государства – Соборного уложения 1649 г.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правового регулирования в связи с определением субъективной стороны преступления и форм вины в период с XI по XVII в. Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства, действовавшие от Русской Правды до Соборного Уложения 1649 г., закреплявшие как само понятие «вина», так и ее разновидности, а также доктринальные источники, отражающие эволюцию правопонимания в данной сфере в заданный исторический период.

Для достижения цели исследования автором применялись следующие методы: историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также методы анализа, синтеза и систематизации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления истоков формирования одного из фундаментальных институтов уголовного права – субъективной стороны преступления. Понимание того, как российское законодательство впервые отошло от объективного вменения и начало различать умысел, неосторожность и случай, позволяет оценить глубину правовых преобразований последующих эпох. Актуальность выбранной темы подтверждают многочисленные работы ученых, посвященные данной тематике, как в контексте изучения современных реалий, так и с целью проведения историко-правовых исследований [3-6].

Так как эволюцию исследуемой правовой категории нельзя назвать однородной, предлагается разделить анализ истории становления «вины» в период от Русской Правды до Соборного уложения 1649 г. на три этапа (см. рис. 1).

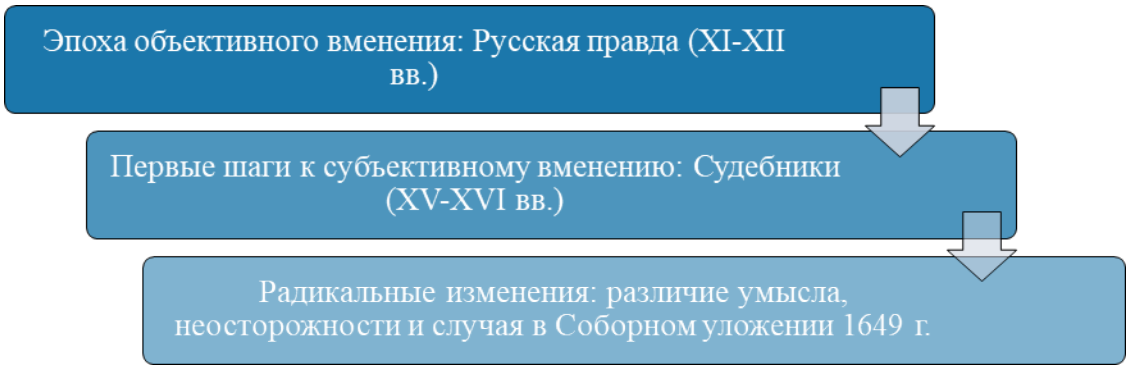

Рис.1. Этапы развития категории «вина» в правовых актах в отечественной истории в период с XI по XVII вв.

Этап I. Эпоха объективного вменения: Русская правда (XI-XII вв.)

Древнейший памятник русского права – Русская Правда в Краткой и Пространной редакциях – не знала четкого разграничения между умышленными и неумышленными деяниями. Как пишут Н. В. Сычева и В. Е. Ежов, «в «Русской Правде» господствовал принцип объективного вменения, при котором преступление («обида») отождествлялось с причинением материального вреда, а внутреннее психическое отношение виновного не учитывалось» [7]. Преступные деяния в этом источнике определялись не системно, а казуально, через конкретные примеры.

Тем не менее, некоторые исследователи усматривают в Русской Правде зачатки дифференцированного подхода. Так, ей известно убийство в состоянии сильного возбуждения

вследствие нанесенного личного оскорбления со стороны потерпевшего: «Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть» (ст. 26 Пространной Правды). Кроме того, в ряде статей упоминается «злоумышленное» убийство, однако четкого определения данному понятию не дается.

Важно подчеркнуть, что в Краткой редакции Русской Правды сохранялись элементы родовой мести, хотя они уже ограничивались определенными рамками. Ст. 1 Краткой Правды закрепляла право мести брату за брату или сыну за отца. Ответственность носила, по сути, материальный, а не субъективный характер: основное значение имел сам факт причинения вреда, а не то, с каким намерением действовал преступник. Таким образом, на данном этапе категория вины еще не оформилась в самостоятельный правовой институт, а умысел как форма психического отношения к деянию практически не выделялся.

Этап II. Первые шаги к субъективному вменению: Судебники (XV-XVI вв.)

Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. – важнейшие вехи в развитии централизованного российского законодательства. В отличие от Русской Правды, эти нормативные акты уже фиксируют попытки разграничения умышленных и неумышленных деяний. В них впервые прослеживается стремление законодателя учитывать не только факт преступления, но и обстоятельства его совершения, в том числе намерения преступника.

В историко-правовой литературе отмечается, что уже в Судебниках начинает формироваться представление о том, что при определении ответственности необходимо принимать во внимание субъективный момент. Однако терминология остается недостаточно разработанной: единое понятие «умысел» еще не сложилось, а система оставалась преимущественно объективной, не требующей установления вины.

К концу XVI в., по мнению ряда исследователей, законодатель уже подходит к необходимости более четкого разграничения форм вины, однако детального нормативного закрепления это различие еще не получает.

Этап III. Радикальные изменения: различие умысла, неосторожности и случая в Соборном уложении 1649 г.

Соборное уложение 1649 г. – крупнейший законодательный акт Московского государства – по праву считается переломным моментом в эволюции понятия вины на рассматриваемом этапе. Как утверждают Н. В. Сычева и В. Е. Ежов, «к середине XVII века, как свидетельствует Соборное Уложение, произошёл качественный скачок: в законодательстве впервые выделяются и нормативно закрепляются формы вины – умысел, неосторожность и случай, а также вводятся смягчающие и отягчающие обстоятельства» [7].

Так, Уложение впервые использует термины «вина» и «умысел» в их относительно современном значении. Субъективная сторона преступления стала обуславливаться степенью вины: закон выделил отдельные стадии преступного деяния – умысел, покушение и совершение преступления.

Именно нормативная конструкция ответственности за так называемый «голый умысел» – преступные мысли, выраженные вовне, но не подкрепленные приготовительными действиями, – представляла особый интерес.

Абдулханнянов И.А. в исследовании уголовно-правовых фикций Соборного уложения отмечает, что «установление уголовной ответственности за «голый умысел» является наиболее ярким историческим примером использования юридической фикции при конструировании уголовно-правовых предписаний в Соборном уложении 1649 г.» [1, с. 175]. Это было обусловлено политико-правовыми и социально-экономическими факторами – прежде всего стремлением укрепить самодержавную власть и обеспечить неотвратимость наказания за государственные преступления.

Уложение содержало жесткие нормы об ответственности за умысел против государя. Одна из статей гласила: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государево здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету умышление сыщется допряма, такого по сыску казнить смертью».

В Соборном уложении различался прямой умысел, наказывавшийся смертной казнью, и косвенный умысел (совершенный «в драке, пьяном деле»), влекший менее строгое наказание – битье плетьми.

Впервые в истории русского права Соборное уложение 1649 г. начинает различать неосторожные и случайные деяния. Неосторожность рассматривалась как форма вины, влекущая ответственность, в то время как случай (casus) исключал наказание. Хотя детальной регламентации эти категории ещё не получили, сам факт их выделения был несомненным шагом вперед на пути к субъективному вменению. В литературе подчеркивается, что «субъективная сторона преступления обуславливалась степенью вины». Это ознаменовало становление субъективного подхода, при котором оценка деяния стала включать анализ волевого и интеллектуального

отношения преступника к содеянному.

Таким образом, на завершающем этапе рассматриваемого периода (середина XVII в.) российское право вплотную подошло к необходимости дальнейшей детализации форм вины, что и было реализовано в последующих законодательных актах петровской эпохи.

В целях систематизации полученных результатов и наглядной демонстрации динамики развития понятия вины на начальном этапе представляется целесообразным включить в статью следующую таблицу, построенную по хронологическому принципу.

Таблица 1. Эволюция понятия вины в российском уголовном праве (XI – XVII вв.)

Памятник права	**Хронология**	**Формы вины**	**Особенности правового урегулирования**
Русская правда	XI – XII вв.	Объективное вменение на принципе талиона	Внутреннее отношение лица не имело значения (ст. 102 Кр. Правды); ответственность за результат (ст. 3-4 Пр. Правды); намеки на «злое умышление» (ст. 4) и неумышленные деяния (ст. 26 Пр. Правды)
Судебники (1497 и 1550 гг.)	XV – XVI вв.	Рождение разграничений	Различие «лихого дела» (умысел) от деяния «по описи» и «по небрежению» (ст. 8-9 Судебника 1497 г.)
Соборное уложение 1649 г.	XVII в.	Зарождение категорий	Выделение умысла, неосторожности и случая (гл. XXI-XXII); умножение наказания за прямой умысел; установление фикции «голого умысла» (гл. II, ст. 1-2)

Проведенный историко-правовой анализ эволюции понятия «вина» от Русской Правды до Соборного уложения позволяет сформулировать следующие обобщения:

Путь от объективного к зарождению субъективного вменения. На начальном этапе с XI в. господствовало объективное вменение, при котором ответственность строилась по принципу талиона и наступала вне зависимости от наличия вины. В Судебниках XV–XVI вв. делаются первые шаги к разграничению умышленных и неумышленных деяний, но терминологически это различие еще не было закреплено.

Начальный этап формирования умысла. Качественный скачок произошел в Соборном уложении 1649 г., когда впервые были нормативно закреплены умысел, неосторожность и случай. Специфической чертой российского права на протяжении нескольких веков являлось наказание за «голый умысел» – преступные мысли, не подкрепленные приготовительными действиями. Это правовое явление, являвшееся фикцией, было вызвано необходимостью защиты государственного строя и личности монарха.

Предпосылки для дальнейшего развития. К середине XVII в. российское законодательство заложило основы дифференциации форм вины, однако детальной систематизации еще не произошло. Следующий этап – петровские реформы и Артикул воинский 1715 г. – развил и дополнил эти начинания, что является предметом отдельного исследования.

Список литературы:

[1] Абдулханнянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года / И. А. Абдулханнянов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2(58). – С. 172–176. – DOI 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176. – EDN JLAEYG.

[2] Андриевская А. Н. Развитие понятия вины в уголовном праве России и его современная характеристика / А. Н. Андриевская, Д. А. Косторнов // Право и управление. – 2024. – № 12. – С. 332–335. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-12-332-335. – EDN IJEDCW.

[3] Корецкий Д.А. Проблема оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни / Д.А. Корецкий, Е.С. Стешич // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 677–687. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).677-687.

[4] Маслова Е. В. Преемственность субъективного вменения в российском уголовном законодательстве / Е. В. Маслова // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 308–318. – EDN RCGJWX.

[5] Плаксина Т. А. Проблемы конструкции субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, в теории уголовного права и судебной практике / Т. А. Плаксина, Л. С. Ярцева // Криминологический журнал Байкальского государственного

университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 49–55. – EDN PJNXFJ.

[6] Порайко В.В. Реализация принципа вины в преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений и в состоянии опьянения / В.В. Порайко. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. – EDN CKVKNG // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 3. – С. 492–500.

[7] Сычева Н. В. Эволюция понятия вины в российском уголовном праве XI-XVII веков / Н. В. Сычева, В. Е. Ежов // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2025. – № 4(10). – С. 260–266. – EDN PCOESF.

References:

[1] Abdulkhannyanov I. A. Retrospective study of criminal law fiction in the norms of the Cathedral Code of 1649/I. A. Abdulkhannyanov//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2(58). - S. 172-176. – DOI 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176. – EDN JLAEYG.

[2] Andrievskaya A. N. Development of the concept of guilt in the criminal law of Russia and its modern characteristics/A. N. Andrievskaya, D. A. Kostornov//Law and management. – 2024. – № 12. - S. 332-335. – DOI 10.24412/2224-9133-2024-12-332-335. – EDN IJEDCW.

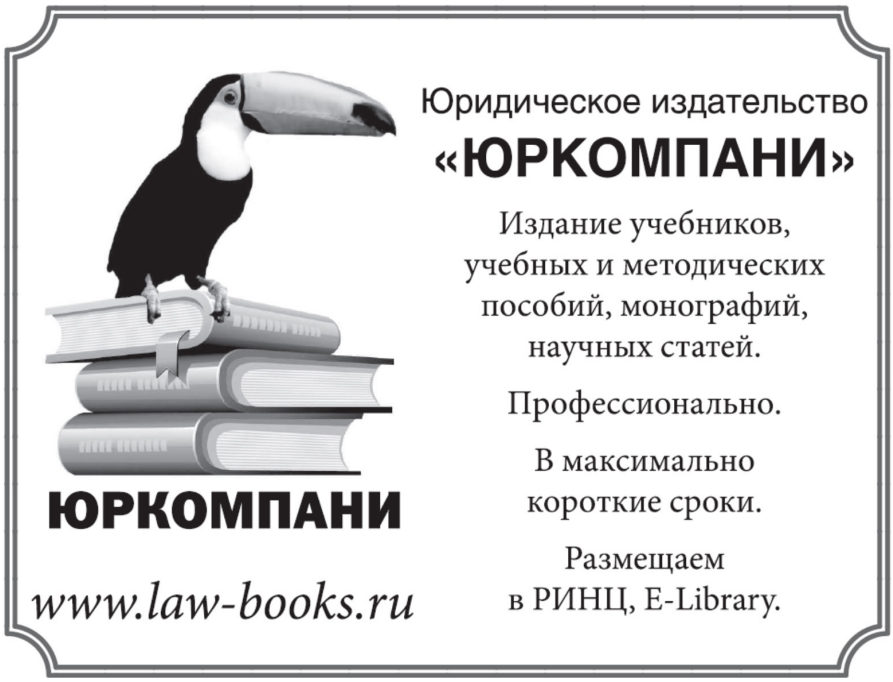
[3] Koretsky D.A. The problem of assessing the severity of careless crimes related to the deprivation of life/D.A. Koretsky, E.S. Steshich// All-Russian Criminological Journal. — 2017. - T. 11, NO. 4. - S. 677-687. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).677-687.

[4] Maslova E.V. Continuity of subjective imputation in Russian criminal law/E.V. Maslova// Legal technique. – 2011. – № 5. - S. 308-318. – EDN RCGJWX.

[5] Plaksina T. A. Problems of constructing the subjective side of a crime under Part 4 of Art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, in the theory of criminal law and judicial practice/T. A. Plaksina, L. S. Yartseva//Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. – 2012. – № 4. - S. 49-55. – EDN PJNXFJ.

[6] Poraiko V.V. Implementation of the principle of guilt in crimes committed out of hooligan motives and in a state of intoxication/V.V. Poraiko. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).492-500. - EDN CKVKNG//Academic Law Journal. – 2025. - T. 26, NO. 3. - S. 492-500.

[7] Sycheva N.V. Evolution of the concept of guilt in Russian criminal law of the 11th-17th centuries/ N.V. Sycheva, V.E. Yezhov//Scientific notes of the Shadrinsk State Pedagogical University. – 2025. – № 4(10). - S. 260-266. – EDN PCOESF.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-259-265

ГУСЕЛЬНИКОВ Иван Ильич,

студент аспирантуры Института экономики, управления и права ГАОУ ВО МГПУ,

e-mail: guselnikov@mgpu.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕНЗА СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РОДУ ЗАНЯТИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ С 1905 ПО 1918 ГОДЫ

Аннотация. *В статье проводится исследование трансформации ценза социального происхождения и принадлежности к определенным социальным группам, в зависимости от рода занятий в избирательном праве Российской империи и его соотношение с существовавшими на тот момент философскими представлениями о равенстве в обществе. Автор на основе анализа законодательства о выборах в Российской империи и начального периода существования РСФСР отражает процесс трансформации ограничений избирательной правосубъектности отдельных категорий подданных и граждан в зависимости от социального происхождения, которые во многом были детерминированы доминировавшим типом правовой идеологии.*

Автор рассматривает факторы, влиявшие на оформление избирательного права: исторические предпосылки, правосознание законодателей, доминирующие идеологические установки и социально-экономические условия. Особое внимание уделено характеру и динамике цензов: от жёстких сословных ограничений до новых барьеров, продиктованных политико-идеологическими приоритетами после 1905 года и в советский период.

Целью данного исследования является проведение историко-юридического ретроспективного анализа изменений ценза социального происхождения и принадлежности к определенным социальным группам в избирательном праве исследуемых периодов с выявлением взаимосвязей между их трансформацией и изменениями в контексте понимания равенства как философской категории и принципа права. Актуальность исследования проявляется в ретроспективном исследовании трансформации цензов в избирательном праве, обосновании взаимосвязи влияния философии права и политической системы общества на изменение норм избирательного права.

В исследовании использованы такие методы как: исторический метод, который позволил изучить юридическое закрепление ценза в нормативных актах и сравнительный метод, благодаря которому представилось возможным сопоставить объем действовавших ограничений в зависимости от социального происхождения.

Ключевые слова: *избирательное право, социальное происхождение, избирательная правосубъектность, избирательные цензы, ценз социального происхождения, принципы права.*

GUSELNIKOV Ivan Ilyich,

Postgraduate student of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow State Pedagogical University

THEORETICAL AND LEGAL STUDY OF THE TRANSFORMATION OF THE CENSUS OF SOCIAL ORIGIN AND EMPLOYMENT IN DOMESTIC VOTING RIGHTS FROM 1905 TO 1918

Annotation. *The article examines the transformation of social origin qualifications and membership in certain social groups, depending on occupation, in the electoral law of the Russian Empire and its relationship to the philosophical notions of equality in society that existed at the time. Based on an analysis of electoral legislation in the Russian Empire and the early period of the RSFSR, the author reflects on the transformation of restrictions on the electoral legal capacity of certain categories of subjects and citizens based on social origin, which were largely determined by the dominant type of legal ideology.*

The author examines factors that influenced the formulation of electoral law: historical

background, the legal consciousness of legislators, dominant ideological attitudes, and socioeconomic conditions. Particular attention is paid to the nature and dynamics of qualifications: from strict class restrictions to new barriers dictated by political and ideological priorities after 1905 and during the Soviet period.

The purpose of this study is to conduct a historical and legal retrospective analysis of changes in social origin qualifications and membership in certain social groups in electoral law during the periods under study, identifying the relationships between their transformations and changes in the context of understanding equality as a philosophical category and legal principle. The relevance of the study lies in the retrospective study of the transformation of qualifications in electoral law and the substantiation of the relationship between the influence of legal philosophy and the political system of society on changes in electoral law.

The study utilized the following methods: a historical method, which allowed for the study of the legal codification of qualifications in regulatory acts, and a comparative method, which made it possible to compare the scope of existing restrictions depending on social origin.

Key words: *electoral law, social origin, electoral legal personality, electoral qualifications, social origin qualification, principles of law*.

Оформление избирательного права в России обусловливалось комплексом фактором. С одной стороны, оно детерминировалось историческими предпосылками, а с другой стороны – всегда находилось в тесной взаимосвязи с правосознанием субъектов законодательной инициативы и доминировавшими в обществе идеологическими установками. Существенное влияние на эволюцию формы государства оказывали социально-экономические факторы, что, в свою очередь, влияло на развитие избирательной системы и появление демократических институтов.

Формирование законодательства, регламентировавшего избирательный, получило существенный импульс к развитию в начале XX века и во многом было предопределено чередой исторических событий. Именно они в значительной степени повлияли на решение монарха о фактическом ограничении собственных полномочий.

Среди значимых исторических факторов следует выделить: Русско-японскую войну 1904-1905 годов, Первую русскую революцию и экономический кризис 1900-1903 годов. Под воздействием этих событий Правительство было вынуждено согласиться на учреждение Государственной Думы, полномочия которой изначально сводились лишь к законосовещательной функции, однако в дальнейшем – были значительно расширены. В конечном счете новый орган получил право одобрять законы, которые поступали на рассмотрение от группы депутатов, от Правительства или монарха.

Особенностью избирательного права периода существования Российской империи до 1905 года являлось отсутствие единого кодифицированного акта, в котором содержались бы основные положения, очерчивающие круг субъектов, обладающих пассивным и активным избирательным правом, а также были бы сформулированы принципы, на которых основывается избирательный процесс.

Как справедливо отмечает О.И. Чистяков: «Наиболее общие принципы избирательного права были, конечно, едиными. Это вытекало из самой природы общественного и государственного строя Российской империи. Так, при создании Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. были использованы основные начала организации выборов в земские органы самоуправления.» [8]. Между тем, стоит отметить, что земства, появившиеся после «Великих реформ» Александра II подобно первой Государственной Думе, формировались на основе куриальной системы, но при этом не были наделены законодательными полномочиями.

Несмотря на зависимость нормативно-правовой базы избирательного права от трансформации системы государственных органов, базовые начала его регулирования сохраняли преемственность, в том числе, некоторые имели происхождение от момента зарождения русской государственности и оформления вечевых традиций периода существования Древнерусского государства в Новгородской республике и Псковском княжестве, происходивших в IX в.

Одной из отличительных черт избирательного права Российской империи после 1905 года стало обилие так называемых «цензов», препятствующих реализации политических прав поданных, которые находились на территории государства. В частности, существенное значение имел ценз, устанавливающий ограничение на право избираться и быть избранным в

зависимости от социального происхождения и рода занятий. Данное ограничение присутствует в законодательстве одновременно всех исследуемых периодов, начиная с 1905 по 1918 год, как имперского, так и переходного (эпохи Временного Правительства), а позже – советского.

В рамках настоящего исследования осуществляется историко-правовой анализ трансформации ценза, связанного с социальным происхождением и принадлежностью к определенным социальным группам. Хронологические рамки исследования охватывают: период становления российского парламентаризма с 1905 года; время существования и функционирования Временного Правительства (март – октябрь 1917 года); начальный этап становления законодательства РСФСР (октябрь 1918 – июль 1918).

Нормативно-правовые акты каждого из указанных периодов содержали упоминание указанного ценза. За счет его наличия устанавливалась избирательная правосубъектность лиц и определялся круг тех, кто имел и не имел права принимать участие в выборах. Объем и содержание ценза кардинально отличались в зависимости от исторического периода, что во многом обусловливалось политическими приоритетами действующей власти – стремлением расширить, либо же сузить электоральную базу. Одной из причин данных различий, является влияние доминирующей правовой идеологии и уровня развития правосознания отдельных личностей, непосредственно причастных к разработке и принятию законов.

Целью данного исследования является проведение историко-юридического ретроспективного анализа изменений ценза социального происхождения и принадлежности к определенным социальным группам в избирательном праве исследуемых периодов с выявлением взаимосвязей между их трансформацией и изменениями в контексте понимания равенства как философской категории и принципа права. Актуальность исследования проявляется в ретроспективном исследовании трансформации цензов в избирательном праве, обосновании взаимосвязи влияния философии права и политической системы общества на изменение норм избирательного права.

В исследовании использованы такие методы как: исторический метод, который позволил изучить юридическое закрепление ценза в нормативных актах и сравнительный метод, благодаря которому представилось возможным сопоставить объем действовавших ограничений в зависимости от социального происхождения.

В контексте исследования избирательных цензов необходимо отметить взаимосвязь их наличия с признанными фундаментальными принципами права, на которых строится действующее в определенный период законодательство.

В рамках общетеоретического анализа категории «принципы права» полагаем целесообразным обратиться к определению, предложенному М.Н. Марченко. Согласно его трактовке, принципы права представляют собой «основные идеи, исходные положения или ведущие начала процесса его формирования, развития и функционирования права» [7].

Следует отметить, что среди ученых в научной доктрине отсутствует унифицированная трактовка указанного понятия. Вместе с тем в исследованиях прослеживается единая линия, подчеркивающая взаимообусловленность правовых принципов и реальных общественных отношений, складывающихся исторически в экономической, политической и иных сферах общественной жизни. Такой позиции придерживается, в частности, профессор Т.В. Кашанина, которая отмечает, что принципы права, в том числе избирательного, являются не результатом произвольного субъективного моделирования, а появляются под воздействием общественного развития и институционализации органов государственной власти [4].

В целях исследования характера ценза социального происхождения необходимо подвергнуть анализу социальную структуру российского общества в конце XIX – начале XX века, чтобы сделать вывод о принадлежности указанных ограничений к одному из видов цензов.

В целом наличие комплекса избирательных цензов в законодательстве само по себе не является основанием для признания процедуры организации выборов демократической или антидемократической.

Цензы сами по себе – объективный, в зависимости от причин их происхождения, элемент избирательного законодательства. Однако их содержание и объем, определяющие требования, которым должно соответствовать лицо для приобретения статуса избирателя или кандидата, могут служить основанием для последующего их разграничения по предназначению и отнесению к одной из видовых групп: охранные, технические или дискриминационные [5].

Изучение социальной структуры общества исследуемого исторического периода необходимо для последующего вывода о количестве лиц, подвергающихся ограничению в правах, на основании чего в последующем можно сделать вывод о причинах появления цензов.

Любое общество, кроме существовавшего в эпоху первобытности, имеет определенное внутреннее устройство, которое выражается в структурировании социальных отношений в пространстве и времени [1].

Исторически со времен монголо-татарского нашествия и преобразований Петра Великого практическое изучение социальной структуры было сопряжено с организацией проведения всеобщей переписи населения, преследовавшей, в первую очередь, утилитарные задачи, направленные на выявление количества налогоплательщиков в государстве.

Одной из самых масштабных и фактически первой полноценной переписью населения является перепись населения Российской империи 1897 года, результаты которой были опубликованы к 1905 году. Согласно полученным данным, 1,47% населения составляли чиновники и дворяне, 0,47% священнослужители (лица духовного звания), 77,13% - относились к крестьянству [9].

При этом в условиях начавшегося перехода от аграрного общества к индустриальному в переписи не содержится достоверных сведений о численности рабочего класса, который будет принимать непосредственное участие в выборах в Государственную Думу, начиная с 1905 года, ввиду введения изменений в Положение о выборах в Государственную Думу, выразившихся в появлении съездов избирателей от рабочих.

Эмпирические данные социологических наблюдений подтверждают доминирование крестьянства как основной социальной группы в обществе обозначенного периода. Будучи самым массовым сословием, крестьянство было неравномерно по имущественному состоянию, что также имело важное значение при осуществлении процедуры выборов уполномоченных от волостей при осуществлении выборов в Государственную Думу, которые избирались сходами из числа крестьян-домохозяев.

Зачастую исследователи, затрагивавшие вопрос эволюции и революционных преобразований принципов избирательного права, отмечают взаимосвязь идеологических концепций и законодательства периода существования советской государственности, однако, стоит также отметить непосредственное влияние консервативных взглядов на общественное развитие, в том числе, влияние теории официальной народности, сформулированной С.С. Уваровым в 1830-ых годах, на политическое и духовное развитие государства, на процесс выборов и отношение к нему элиты общества.

В Манифесте об учреждении Государственной Думы 1905 года, изданного 6 августа 1905 года, находит отражение развитие одного из компонентов данной доктрины, а именно «народность», проявляющаяся в единстве царя и народа, что непосредственно отражено в тесте документа. Также отдельно подчеркивается самодержавный характер власти, который не должен пострадать в результате создания Государственной Думы.

Первоначальный вариант созыва «Булыгинской Думы», выборы в которую регламентировались «Высочайше утвержденным положением о выборах в Государственную Думу» (далее Положение) был сорван в результате активных протестных действий, выразившихся в ходе всеобщей политической стачки в октябре 1905 года. Текст первоначального варианта Положения примечателен значительным количеством цензов, находившихся в зависимости от социального происхождения подданого. Так, помимо определенных половозрастных и национальных групп, согласно статье 6 и 7 Положения, в выборах в принципе не принимали участие представители наемных рабочих, обучающиеся учебных заведений, военнослужащие и полицейские, лишенные духовного сана священнослужители и лица, исключенные из дворянских собраний, а также военнослужащие, которые непосредственно состоят на службе.

Таким образом, Положение о выборах четко следовало принципу конкретизации объема предоставленных и не дозволенных политических прав для лиц, в зависимости от рода занятий, фактической сословной принадлежности, что подтверждается исключением права голоса у тех, кто утратил статус дворянина или статус священнослужителя.

Указанные ограничения были концептуально обоснованы принятыми среди элиты общества воззрениями о равенстве. Один из выразителей консервативной философской мысли И.А. Ильин последовательно отстаивал позицию, согласно которой равенство экономическое и социальное отожествляется с равенством природным биологическим, из чего делается вывод о его неестественности, чуждости человеческой природе. При этом из объективного физиологического, национального и религиозного «неравенства» формулируется вывод о естественности неодинакового отношения к людям, что подразумевает наличие иерархии между ними. Подтверждая высказанную мысль цитатами, стоит упомянуть изречение из одной из работ И.А. Ильина: «Мы говорим: надо примириться с естественным неравенством людей; надо свободно и добровольно признавать чужой ранг…» [3].

Ввиду нарастающих общественных

противоречий, выразившихся в Первой русской революции, недовольстве населения результатами русско-японской войны, а также проявлений экономического кризиса власть и монарх были вынуждены пойти на некоторые изменения в системе организации государственной власти, нашедшие отражение в «Манифесте об усовершенствовании государственного порядка», изданного 17 октября 1905 года. В нем от лица Николая Второго было закреплено обещание привлечь к выборам в Государственную Думу «ранее лишенных права голоса классы населения». Помимо прочего, также расширялись полномочия Думы, которая из законосовещательного становилась полноценным законодательным органом с надзорными функциями.

Данные изменения во многом были обусловлены внутренней ситуацией в стране и резким ростом популярности требований об ограничении самодержавной власти. В связи с этим 11 декабря 1905 года согласно закону «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений» помимо изменений имущественного ценза, дозволялось избирать выборщиков из числа рабочих на предприятиях фабрично-заводской и горнозаводской промышленности. Однако данное право было ограничено минимальной численностью рабочих в 50 человек, трудящихся на предприятии. В случае же, если численность рабочих была менее указанного размера, то выборщиков данные лица не избирали. Данная новелла распространялась далеко не на все губернии Российской империи, а только на те, в которых численность промышленных рабочих превышала 10 000 человек.

В связи с значительным количеством ограничений и фактическим запретом принимать участие в выборах отдельным категориям подданых некоторыми исследователями, например, Н.И. Лазаревским, высказываются мнения относительно достаточно низкого суммарного количества лиц, обладающих активным избирательным правом в Российской империи, не превышающем 15% населения [6]. В реальности ценз социального происхождения на момент 1905 года был направлен на расширение количества избирателей среди консервативной части крестьянства (в первую очередь собственников) и сокращение представительства наиболее радикальной части избирателей среди промышленных рабочих.

Дальнейшая трансформация исследуемого ценза произошла в результате событий, названных позже историками «третьеиюньским переворотом». После роспуска II Государственной Думы 3 июня 1907 года император Николай II, воспользовавшись положениями Основных государственных законов, внес изменения в законодательство о выборах. По результатам вступления в действие нового Положения о выборах в Государственную думу от 3(16) июня 1907 года было существенно увеличено количество избирателей из числа казачьих станиц Уральского казачьего войска и еще больше усилена имущественная сегрегация.

В последующем, в результате Февральской революции, избирательное право и его основополагающие принципы, как и система избирательных цензов, была коренным образом трансформирована. Изменения во многом произошли ввиду диаметрального подхода членов всех трех созывов нового Правительства к наличию избирательных цензов, а также намерению увеличить количество избирателей, в значительной степени среди тех социальных групп, которые одобряли деятельность новой власти. Лидеры в большинстве входили в конституционно-демократическую партию, либо трудовую группу, либо как, например, А.Ф. Керенский, являлись членами партии социалистов-революционеров.

Постановление Временного правительства от 20 июля 1917 года «Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание» в наименьшей степени содержало избирательные цензы, ограничивающие граждан участвовать в выборах в зависимости от происхождения. Единственным подобным запретом являлось исключения из числа избирателей представителей «царствовавшего в России дома». Они были лишены как активного, так и пассивного избирательного права, что было повторно отмечено и в тексте Конституции РСФСР 1918 года.

Впоследствии список дискриминационных ограничений был расширен, но уже на принципиально иных основаниях. События Гражданской войны, глубокая поляризация общества и консолидация власти большевиков обусловили потребность в защите революционных достижений от воздействия лиц, не разделявших ценности нового политического режима.

Согласно мнению марксистов, борьба за равенство состоит не в установлении формального равенства, обличенного в правовые нормы, а, наоборот, в достижении равного положения людей в общественном производстве, что неминуемо влечет проведение ряда экономических реформ.

В статье 64 Конституции РСФСР 1918 года появились ограничения права на голосование для лиц, прибегающих к использованию наемного труда, частных торговцев, белого духовенства и

монахов, бывших служащих корпуса жандармов.

На заре советского периода декларировались весьма прогрессивные принципы избирательного права, которые должны были найти отражение в законодательстве и гарантироваться на практике. Однако на деле всё еще продолжали действовать дискриминационные цензы, сужавшие круг лиц, наделённых избирательными правами. Такие ограничения вводились с целью лишения возможности участвовать в выборах представителей прежних привилегированных слоёв общества, по соображениям политико-идеологического характера.

Анализируя двойственность советского законодательства, ряд исследователей подчёркивают, что возникновение правовых ограничений для некоторых групп граждан РСФСР не было случайным. Оно стало результатом сочетания двух ключевых обстоятельств: особенностей исторического периода, когда шло формирование нового законодательства в условиях гражданской войны, и мощного влияния господствующей идеологии на взгляды тех, кто принимал законы.

Таким образом, за период с 1905 по 1918 год в избирательном законодательстве России произошли революционные изменения, выразившиеся прежде всего в отмене сословных цензов и ограничений, обусловленных родом занятий граждан. Вместе с тем на смену прежним ограничениям пришли новые правовые барьеры, нацеленные на сужение электоральной базы определенных социальных групп – в первую очередь те, чья роль в экономических отношениях трактовалась новой властью как противоречащая интересам формирующегося общественного строя. Были нивелированы ограничения для лиц из числа рабочих, студентов, военнослужащих, но появились цензы ранее привилегированных групп избирателей, бывших жандармов, дворянства, духовенства и тех, кто прибегает к использованию наемного труда.

Указанные изменения во многом были продиктованы идеологическими предпосылками и политической необходимостью, которая была вызвана необходимостью лишить избирательных прав тех, кто ранее был на вершине социальной иерархии.

Многие выдающиеся ученые-юристы, например, Ф.М. Рудинский, ссылались на идеи из философских трудов Гегеля в части того, что человек обладает значением, потому что он человек, а не потому, что он иудей, католик, протестант, немец, итальянец и т.д. Эта фундаментальная идея о безусловной ценности личности вне зависимости от ее принадлежности служила теоретическим обоснованием необходимости устранения избирательных ограничений, основанных на социальных, конфессиональных или иных критериях.

В заключение следует отметить, что благодаря распространению признания естественных прав человека и всеобщей гуманизации, а также нормативному закреплению принципа равенства прав человека и формального равенства голосов в избирательном праве, начался процесс постепенного искоренения цензов социального происхождения, что отмечают многие ученые философы и правоведы, которые в своих трудах доказывали необходимость закрепления понятия равноправия в законодательных актах.

Список литературы:

[1] Гиденс, Э. Социология / Э. Гиденс. – Москва : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

[2] Гулиев, В. Е. Демократия и достоинство личности / В. Е. Гулиев, Ф. М. Рудинский. – М., 1993.

[3] Ильин, И. А. За национальную Россию: Манифест русского движения / И. А. Ильин // Слово. – 1991. – № 7. – С. 83–85.

[4] Кашанина, Т. В. Основы российского права : учебник для вузов / Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА, 2003. – 784 с.

[5] Кондрашев, А. А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права / А. А. Кондрашев, Н. А. Сидорова // Правоприменение. — 2022. – № 4. – С. 59–74.

[6] Лазаревский, Н. И. Русское государственное право : в 2 т. Т. 1 / Н. И. Лазаревский. – Санкт-Петербург, 1913. — С. 480.

[7] Марченко, М. Н. Правоведение / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – 2008. – С. 18–19.

[8] Чистяков, О. И. Конституция РСФСР 1918 года / О. И. Чистяков. – 2-е изд., перераб. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2003. –Гл. V : Избирательное право.

[9] Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года: I-II. [Т.] 1 СПб., 1905.

References:

[1] Gidens, E. Sociology/E. Gidens. - Moscow: Editorial URSS, 1999. - 704 s.

[2] Guliyev, V.E. Democracy and the dignity of the individual/V.E. Guliyev, F.M. Rudinsky. - M., 1993.

[3] Ilyin, I. A. For national Russia: Manifesto of the Russian movement/I. A. Ilyin//Word. – 1991. – № 7. - S. 83-85.

[4] Kashanina, T.V. Fundamentals of Russian law: a textbook for universities/T.V. Kashanina, A.V.

Kashanin. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: NORMA, 2003. - 784 s.

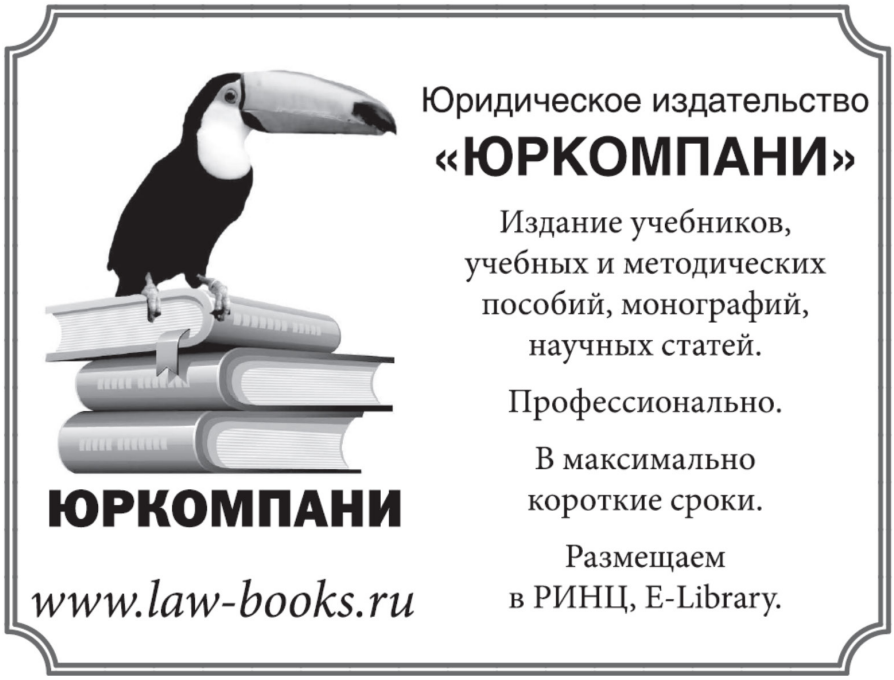
[5] Kondrashev, A. A. Electoral qualifications and restrictions on passive suffrage/A. A. Kondrashev, N. A. Sidorova//Enforcement. — 2022. – № 4. - S. 59-74.

[6] Lazarevsky, N.I. Russian state law: in 2 vols. T. 1/N.I. Lazarevsky. - St. Petersburg, 1913. - S. 480.

[7] Marchenko, M.N. Jurisprudence/M.N. Marchenko, E.M. Deryabina. – 2008. - S. 18-19.

[8] Chistyakov, O. I. Constitution of the RSFSR of 1918/O. I. Chistyakov. - 2nd ed., Revised - M.: ICD “Zertsalo-M,” 2003. -Ch. V: Suffrage.

[9] A general summary of the Empire’s development results, data from the first general population census, carried out on January 28, 1897: I-II. [T.] 1 St. Petersburg, 1905.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-266-271

ТАРАБОРИН Роман Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала РАНХиГС,

e-mail: z-nit@yandex.ru

КОНСТАНТИНОВА Анастасия Александровна,

директор ГКУСО «Государственный архив Свердловской области»,

e-mail: z-nit@yandex.ru

ПАРТИКУЛЯРНОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ АВТОНОМИИ: ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ

Аннотация. *Представленная публикация посвящена анализу правового положения Великого княжества Финляндского в составе Российской империи и этапам его присоединения к России.*

Авторами установлено, что интеграция финских земель шла поэтапно на протяжении почти века:

в 1721 г. по Ништадтскому миру к России отошла Карелия с дистриктом Выборгского лена;

в 1743 г. по Абоскому миру была присоединена Кюменегорская провинция;

окончательное присоединение произошло в 1808–1809 гг., закреплено Фридрихсгамским мирным договором (5 сентября 1809 г.).

На ранних этапах российская власть частично сохраняла шведское законодательство и местные правовые порядки. Ключевым этапом стало правление Александра I: император принял титул Великого князя Финляндского и подчинил управление княжеством лично себе. В 1809 г. был созван сейм в Борго, а манифест от 15 марта 1809 г. подтвердил сохранение религии, «коренных законов», прав и преимуществ населения.

В результате сформировалось автономное положение Великого княжества Финляндского со следующими характеристиками:

непосредственное подчинение императору;

сохранение прежней административно управленческой и судебной системы на основе шведского законодательства (Всеобщее уложение Швеции 1807 г.);

создание местных органов власти (Правительствующий совет, Комиссия финляндских дел) из финских граждан;

особый порядок взаимодействия с имперскими институтами — через Комиссию финляндских дел.

Таким образом, автономия княжества была дарована императорской властью при сохранении верховенства российского монарха над территорией как частью единого государства.

В исследовании резюмируется, что особое правовое положение Великого княжества Финляндского было закреплено в Своде законов Российской империи 1832 г. – в ст. 4 Основных государственных законов. Это означало, что нахождение Великого княжества в составе империи обусловливается соединением в лице императора верховной власти в Финляндии с всероссийской верховной властью. Данная статья оставалась в силе вплоть до издания новых Основных государственных законов 1906 г., изменивших формулировку, но не юридическое основание нахождения княжества в составе Российской империи.

Ключевые слова: *Российская империя, интеграция, Великое княжество Финляндское, манифест, законодательные акты, сейм, автономия.*

TARABORIN Roman Sergeevich,

doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Ural Institute of Management – a branch of RANEPA

KONSTANTINOVA Anastasia Alexandrovna,

director of the State Archive of the Sverdlovsk Region

PARTICULAR LAW OF THE RUSSIAN EMPIRE UNDER AUTONOMY: THE GRAND DUCHY OF FINLAND

Annotation. *This publication analyzes the legal status of the Grand Duchy of Finland within the Russian Empire and the stages of its annexation by Russia.*

The authors found that the integration of the Finnish lands occurred in stages over nearly a century:

in 1721, Karelia and the Vyborg County district were ceded to Russia by the Treaty of Nystad;

in 1743, the Kymenegorsk Province was annexed by the Treaty of Åbo;

the final annexation occurred in 1808–1809, sealed by the Treaty of Fredrikshamn (September 5, 1809).

In the early stages, Russian authorities partially retained Swedish legislation and local legal systems. A key milestone occurred during the reign of Alexander I: the emperor assumed the title of Grand Duke of Finland and subordinated the administration of the principality to himself. In 1809, the Diet convened in Borgo, and the manifesto of March 15, 1809, confirmed the preservation of religion, "fundamental laws," and the rights and privileges of the population.

As a result, the autonomous status of the Grand Duchy of Finland was established with the following characteristics:

direct subordination to the Emperor;

preservation of the previous administrative, managerial, and judicial system based on Swedish legislation (the General Code of Sweden of 1807);

the creation of local authorities (the Governing Council, the Finnish Affairs Commission) composed of Finnish citizens;

a special procedure for interaction with imperial institutions—through the Finnish Affairs Commission.

Thus, the autonomy of the principality was granted by imperial power while maintaining the supremacy of the Russian monarch over the territory as part of a single state. The study summarizes that the special legal status of the Grand Duchy of Finland was enshrined in the Code of Laws of the Russian Empire of 1832—in Article 4 of the Fundamental State Laws. This meant that the Grand Duchy's inclusion within the empire was conditioned by the unification of the supreme authority in Finland, in the person of the Emperor, with the supreme authority of all Russia. This article remained in effect until the issuance of the new Fundamental State Laws of 1906, which changed the wording, but not the legal basis, for the principality's inclusion within the Russian Empire.

Key words: *Russian Empire, integration, Grand Duchy of Finland, manifesto, legislative acts, Seimas, autonomy.*

Анализируя правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, прежде всего, следует отметить, что Финская территория, ранее входившая в состав Королевства Швеция, была присоединена к России в три этапа, растянувшиеся почти на целый век.

Первой по условиям Ништадтского мира 1721 г. к России отошла «Карелия с дистриктом Выборгского лена», образовавшие Выборгскую провинцию.

Новая война со Швецией 1741-1743 гг., вызванная попыткой реванша Королевства за предыдущие поражения, вновь принесла России военный успех и приращение территории за счет финских земель. По условиям заключенного в г. Або «трактата о вечном мире» (17 августа 1743 г.) Швеция подтвердила территориальные изменения 1721 г. и уступила Российской империи еще одну часть Финляндского княжества – тянувшуюся полосой вдоль Выборгской провинции Кюменегорскую провинцию [1, С. 844-845].

В 1721 г. российской властью официально не было оговорено сохранение жителям Карелии с дистриктом Выборгского лена прежних прав и привилегий (как это было сделано в Эстляндии и Лифляндии), хотя де-факто продолжило применяться шведское законодательство.

Но в «Манифесте Герцогству Финляндскому» Елизаветы Петровны (18 марта 1842 г.) уже содержалось конкретное обещание, что всякий житель Финляндии «вполне будет продолжать покойно владеть движимым и

недвижимым имуществом, не будет терпеть каких бы то ни было притеснений» [2, С. 131-132]. При ратификации Абоского мира было подтверждено, что имевшиеся при шведском правлении «привилегии, обыкновения, права и справедливости» «постоянно и непоколебимо содержаны, и защищены будут».

В результате в правовом пространстве Российской империи в территориальных пределах новосозданной 14 января 1744 г. из всех финляндских завоеваний Выборгской губернии оформился новый сегмент партикулярного – шведского по своим источникам – права.

Политика власти в Выборгской губернии до 1783 г. была аналогична политике в Эстляндии и Лифляндии: сохранялись прежние правовые порядки, но назначался русский губернатор как орган высшего контроля, а установленные при шведах налоги взимались в имперскую казну. За этим исключением центральная власть ограничивалась изданием отдельных сенатских указов не принципиального характера, то есть «во всем остальном Финляндия продолжала жить собственной жизнью и подчиняться своим прежним, созданным еще Швецией порядкам» [3, С. 414-415].

Окончательно судьба всех финляндских земель была решена в ходе этой последней в истории войны двух стран 1808-1809 гг. Весной 1808 г. русские войска заняли практически всю южную и среднюю части Финляндского княжества в составе Швеции, и двумя актами Александр I определил его новое положение.

В Декларации о разрыве мира с Швецией 16 марта заявлялось, что «отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась Шведскою, … признается областью, российским оружием покоренной, и навсегда присоединяется к Российской империи». В Манифесте 20 марта «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России» повторялась та же формулировка: «Страну сию, оружием Нашим таким образом покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской империи, и вследствие того повелели Мы принять от обывателей ее присягу на верное Престолу Нашему подданство».

В следующем Манифесте 5 июня 1808 г., обращенном к «верноподданным обывателям новоприсоединенной Финляндии всякого чина и состояния», акцент был сделан на подчеркивание «необратимости, незыблемости и вечности единения» Финляндии с Россией и приобретении жителями Финляндии равных прав с многочисленными народами империи при сохранении «древних установлений» их страны [2, С.133-134].

По мнению Б. Э. Нольде, программа завоевания Финляндии предусматривала «присоединение страны, не дожидаясь мирного договора с Швецией, переговоры с этой целью с депутатами и дарование Финляндии привилегий, прав, вольностей и преимуществ по образцу других автономных русских губерний».

5 сентября 1809 г. был заключен Фридрихсгамский мирный договор. В Манифесте 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» содержалось, на наш взгляд, ключевое положение, ясно объяснявшее военно-стратегическую значимость завоевания Финляндии: «постановлением Империи Нашей непреложных и безопасных границ измеряем Мы наипаче выгоды сего мира. Новые владения Наши, с одной стороны, огражденные Свеаборгом и другими крепостями, обеспеченные весьма важным для морской силы положением Аландских островов, с другой окруженные Ботническим заливом и отделенные от соседей большими реками Торнео и Муонио, всегда будут составлять твердую и незыблемую ограду Империи Нашей» [4, С. 1187].

Военно-стратегическая значимость Финляндии для империи была впоследствие подтверждена в ходе Крымской и первой мировой войн. Это объясняет и последовательность правительственной политики в отношении уникального среди остальных национальных регионов империи правового положения Великого княжества Финляндского.

В конце 1811 г. в составе Российской империи окончательно оформился новый национальный регион, прежде являвшийся частью Шведского королевства, – Великое княжество Финляндское с иным, чем в других регионах, этноконфессиональным составом населения, собственными социокультурными и правовыми традициями. Российская власть вновь оказалась перед дилеммой: унификация правового положения новой территории или сохранение в ней партикулярности.

Позиция российских властей и лично императора определялась, по всей видимости, конкретно-исторической ситуацией, в которой Россия находилась в 1808-1811 гг.: продолжалась изнурительная война с Турцией и велика была вероятность скорой новой войны с Наполеоном. Поэтому существовала настоятельная потребность в скорейшей стабилизации положения в таком стратегически важном регионе, как Финляндия, а это в первую очередь требовало достижения лояльности его коренного населения в лице элиты, занимавшей основные административные посты в предыдущий шведский период.

В такой ситуации было возможно только

одно решение, но принципиально важным оказался способ его реализации, избранный Александром I: приняв титул Великого князя Финляндского, он подчинил управление новой территорией лично себе. Еще при рассмотрении в 1808 г. проекта главного управления в Новой Финляндии император установил, что создаваемая местная финляндская администрация будет подчиняться ему лично и, значит, выведена из-под контроля российских министерств [5, С. 18-19]. Тем самым, было заложено важнейшее основание будущего автономного положения Великого княжества Финляндского – личная воля императора.

Это основание получило закрепление в согласии, данном Александром I 20 января 1809 г. на созыв в г. Борго финляндского сейма «для суждений по тем предметам, кои Мы признаем за благо доверить их обсуждению» [2, С. 135-136].

Сейм открылся 16 марта, а 15 марта 1809 г. Александр I подписал Манифест, гласивший «Произволением Всевышнего вступив в обладание Великого Княжества Финляндии, признали Мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие от мала до велика, по Конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в нерушимости и непреложной их силе и действие; во удостоверение сего и сию Грамоту собственноручным подписанием Нашим утвердить благоволили» [6, С. 335].

В этом документе имелось немаловажное отличие от традиционных обещаний российских монархов XVIII века: упоминались «коренные законы» и «конституции», как юридические основания прав и преимуществ местного населения.

В российской юридической и историко-правовой литературе не раз обсуждался подлинный правовой смысл использованной Александром I формулировки.

В свете его последующей политики убедительной представляется точка зрения, что «коренные законы» означали правовые традиции финнов, а «конституции» – установленные в шведских законах (уставах и учреждениях) права и привилегии сословий и частных лиц в Финляндии. Можно согласиться с Б.Э. Нольде, что в акте 15 марта 1809 г. Финляндия рассматривалась как присоединенная к России территория, получившая общее подтверждение действовавшего в ней до присоединения публичного и частного права [3, С. 493].

Иная точка зрения, утверждавшая, что имелась в виду собственно шведская конституция, то есть конституционные акты 1772 и 1789 гг., не выглядит юридически убедительной, поскольку в данных актах устанавливалась государственная форма Шведского королевства, после присоединения Финляндии к Российской империи, естественно, утратившая для нее свою силу.

Сейму в Борго было предложено обсудить вносимые от имени императора вопросы и представить ему соответствующие мнения. В число таких вопросов вошли военное устройство, взимание податей, монетная система и избрание членов в Правительственный совет (де-факто предназначенный выполнять функции местного правительства), учрежденный еще 19 ноября 1808 г. [7, С. 239-241]. Следовательно, само создание этого Совета как органа центральной местной власти обсуждению не подлежало.

23 марта 1809 г. в Борго был издан еще один Манифест, обращенный к жителям Финляндии по случаю принесения ими присяги новой российской власти. В нем вновь торжественно подтверждалось «сохранение религии, коренных законов, прав и преимуществ, коими каждое сословие в частности и все жители Финляндии вообще доселе пользовались», но упоминание «конституций» отсутствовало.

Наконец, 7 июля 1809 г., вновь посетив Борго по случаю закрытия сейма, Александр I произнес пространную заключительную речь, основной смысл которой обнаруживался в обращении к депутатам, что «мнения, которые вы сейчас изложили, носят характер мудрости и любви к отечеству. Я приму их в соображение в важном деле, мною обдумываемом в видах вашего преуспеяния» [6, С. 409]. Тем самым император ясно дал понять, что верховная власть в княжестве принадлежит лично ему, значит, ему и решать, какие и в какой мере мнения участников сейма будут приняты во внимание.

Об истинном отношении к этим мнениям и к самому институту финляндского сейма, по нашему мнению, свидетельствует тот факт, что в правления Александра I и Николая I сейм больше не созывался, несмотря на просьбы об этом, поступавшие из Финляндии.

Таким образом, совокупностью решений императорской власти 1808-1811 гг. оформилось юридическое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи как автономного регионального образования, находившегося в непосредственном подчинении императору, осуществлявшему свое управление через специально созданные органы. Губернское и местное управление, оставшиеся от Швеции, российской властью не изменялись, но создание центрального органа в самой Финляндии было необходимо, хотя бы потому, что его в шведский

период просто не существовало.

Суммируя правовой смысл всех рассмотренных мер по организации управления новой территорией, следует, по нашему мнению, заключить, что в Великом княжестве Финляндском устанавливалось единоличное правление императора, осуществлявшееся с использованием промежуточных административных механизмов между ним и населением (вернее элитой): Правительствующего совета и Комиссии финляндских дел, состоявших только из финнов, и российского генерал-губернатора, назначавшегося императором.

Но при этом на территории княжества устанавливалась административно-правовая автономия, отличавшая его правовое положение внутри империи. На наш взгляд, доказательством могут служить следующие его системные характеристики.

Во-первых, за исключением создания Правительствующего совета, остальная административно-управленческая (на уровне губерний, провинций и городов) и судебная система княжества сохранилась в прежнем виде и функционировала на основании прежних шведских законов и постановлений.

Во-вторых, Правительствующий совет и Комиссия финляндских дел состояли только из финских граждан и были защищены от вмешательства в их деятельность других высших органов российской власти, включая сенат и министерства. Все отношения различных российских институций с Финляндией должны были осуществляться через Комиссию финляндских дел.

Так, после соединения Старой и Новой Финляндии в конце 1811 г. последовал сенатский указ от 12 февраля 1812 г. «О сношениях по финляндским делам чрез Председателя Финляндской комиссии». Такой порядок не раз подтверждался и впоследствие, например, в двух сенатских указах 1819 г.: «О сношении присутственных мест по делам, относящимся до Финляндии, чрез Министра Юстиции» (3 февраля) и «О порядке сношений с Княжеством Финляндским» (11 августа).

В-третьих, источником всех правоотношений внутри Финляндии, как между административными органами и жителями, так и между самими жителями, осталось шведское законодательство, кодифицированное во Всеобщем уложении Швеции (Sveriges Rikes Allmänna Lag), изданном в 1807 г. В нем воспроизводился текст Шведского Уложения 1734 г. с изменениями и дополнениями, внесенными последующими королевскими постановлениями и решениями риксдагов [2, С. 77]. Всеобщее уложение структурно состояло из тех же девяти Отделений, что и Уложение 1734 г., и включало правовые нормы, в основном систематизированные по отраслям: соответственно о браке, наследстве, недвижимостях, строении, торговле, преступлениях, наказаниях, взысканиях, судопроизводстве. Но систематизация не всегда четко выдерживалась, например, в Отд. IV. «О строении» содержались главы, касавшиеся сельскохозяйственного, лесного, врачебного, строительного, почтового и др. уставов, а также гражданского и уголовного права; гражданские законы и законы о состояниях имелись и в Отд. V. «О торговле» и т. п. [9, С. 24].

Однако единственным юридическим основанием для обладания Великим княжеством Финляндским статусом автономного образования в составе империи являлась совокупность правовых актов, исходивших от российского императора и совершенных по его самодержавной воле. Поэтому правильно будет сказать, что административно-правовая автономия была дарована княжеству императорской властью, установившей условием дарения сохранение за собой правового верховенства над Финляндией как частью единого Российского государства.

Особое правовое положение Великого княжества Финляндского было закреплено в Своде законов Российской империи 1832 г. – в ст. 4 Основных государственных законов: «С Императорским Всероссийским Престолом нераздельны суть Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского». Это означало, что нахождение Великого княжества в составе империи обусловливается соединением в лице императора верховной власти в Финляндии с всероссийской верховной властью. Данная статья оставалась в силе вплоть до издания новых Основных государственных законов 1906 г., изменивших формулировку, но не юридическое основание нахождения княжества в составе империи.

Следовательно, Великое княжество Финляндское, перейдя от управления одним монархом (Густавом IV) к управлению другим монархом (Александром I) сохранилось как целостное административно-правовое образование, обладавшее прежним публичным (частично ограниченным в пользу верховной российской власти) и частным правом, то есть в его пределах возник самый значительный сегмент партикулярного права в империи. Однако стабильность последнего в силу своеобразия оснований финляндской автономности не могла быть неизменной.

Список литературы:

[1] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XI. № 8748. СПб, 1830. 990 с.

[2] Шиловский П. М. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 145 с.

[3] Нольде А.Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Тип. «Правда», 1911. 554 с.

[4] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXX. № 23883. СПб, 1913. 1408 с.

[5] Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск, 2013. 137 с.

[6] Ордин К. Ф. Покорение Финляндии. Т. II. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 713 с.

[7] Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. 635 с.

[8] Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Попытка кодификации Литовско-польского права. СПб., 1914. 668 с.

[9] Корево Н. Н. Издания местных законов Российской империи. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. 57 с.

References:

[1] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. XI. NO. 8748. St. Petersburg, 1830. 990 s.

[2] Shilovsky P.M. Acts related to the political situation of Finland. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1903. 145 s.

[3] Nolde A.E. Essays on Russian state law. St. Petersburg: Type. “Truth,” 1911. 554 p.

[4] Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. T. XXX. № 23883. St. Petersburg, 1913. 1408 pp.

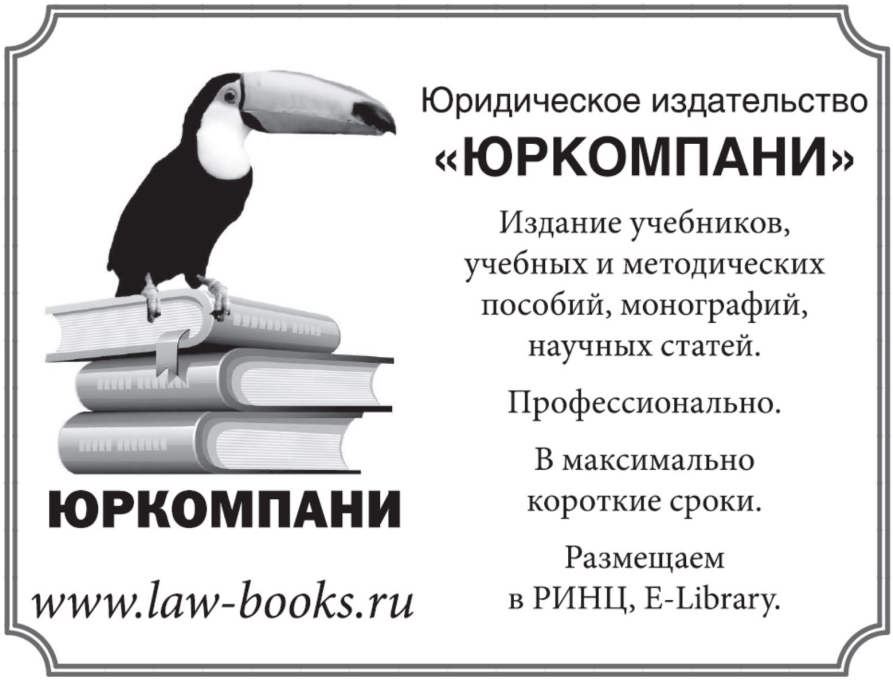
[5] Suni L.V. Grand Duchy of Finland (first half of the 19th century). Establishment of autonomy. Petrozavodsk, 2013. 137 pp.

[6] Ordin K. F. Conquest of Finland. T. II. SPb.: Type. I.N. Skorokhodova, 1889. 713 p.

[7] Borodkin M. M. History of Finland. Time of Emperor Alexander I. St. Petersburg, 1909. 635 p.

[8] Nolde A.E. Essays on the history of the codification of local civil laws under Count Speransky. Attempted codification of Lithuanian-Polish law. St. Petersburg, 1914. 668 p.

[9] Korevo N. N. Editions of local laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Type. A.S. Suvorina, 1907. 57 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-272-276

ИВАНОВ Александр Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Математики, информатики и общегуманитарные науки», Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

e-mail: aleks-I-82@yandex.ru

ИВАНОВА Елена Александровна,

кандидат исторических наук, доцент факультета дополнительного образования ФГБОУ ВО Смоленского государственного университета,

e-mail: Elena-I-82@yandex.ru

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1980-Х ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в Советском Союзе в 1980-е годы, рассматриваемой на примере Смоленской области. В работе изучаются основные направления и методы профилактической работы с несовершеннолетними, применяемые в различные социальные слои населения, а также факторы, влиявшие на уровень преступности в регионе в указанный период. Исследование опирается на архивные материалы из фондов Смоленского обкома партии, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Авторы показывают методы борьбы и профилактики преступности среди несовершеннолетних по материалам Смоленского региона. Результаты работы могут представлять интерес для исследователей в области криминологии, социологии и истории советского государства.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, правопорядок, правонарушения, профилактика, хищение социалистической собственности.*

IVANOV Alexander Mikhailovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics, Informatics and General Humanities, Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

IVANOVA Elena Alexandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of Continuing Education of Smolensk State University

PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE SOVIET UNION OF THE 1980S BASED ON MATERIALS FROM THE SMOLENSK REGION

Annotation. *This article is devoted to the analysis of the system of prevention of juvenile delinquency in the Soviet Union in the 1980s, considered on the example of the Smolensk region. The work studies the main directions and methods of preventive work with minors used in various social strata of the population, as well as the factors that influenced the level of crime in the region during this period. The study is based on archival materials from the funds of the Smolensk Regional Party Committee, stored in the State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter referred to as GANISO). The authors show the methods of combating and preventing juvenile delinquency based on the materials of the Smolensk region. The results of the work may be of interest to researchers in the field of criminology, sociology and history of the Soviet state.*

||| **Key words:** *minors, law and order, offenses, prevention, theft of socialist property.*

Выполняя решения XXVI съезда партии, июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, указанное постановление ЦК, Смоленский обком партии принял меры по улучшению воспитательной работы и предупреждению правонарушении несовершеннолетних. На бюро и секретариате обкома партии были заслушаны отчеты Вяземского горкома партии, управления профтехобразования, руководителей правоохранительных органов по данным вопросам.

В феврале 1984 г. Смоленский обком КПСС и облисполком совместно с правоохранительными органами и общественными организациями провели областную научно-практическую конференцию по теме «Актуальные проблемы воспитания и предупреждения правонарушений несовершеннолетних в свете требований XXVI съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС» [8, с. 34]. Состоялись областные совещания-семинары с председателями и секретарями комиссии горрайисполкомов, секретарями горкомов и райкомов ВЛКСМ, работниками инспекций по делам несовершеннолетних, профтехучилищ и школ. Областной комитет народного контроля проверил условия содержания, обучения и воспитания детей в интернатах при общеобразовательных школах Смоленской области. Итоги этого были обсуждены на заседаниях комитета. Проводилась работа по устранению вскрытых недостатков [4, с. 71].

На 1984 г. деятельность партийных и советских органов, общественных организаций, осуществлялась на основе единых перспективных комплексных планов, которые были утверждены на бюро горкомов, райкомов КПСС. Особое внимание уделялось организации согласованности деятельности, взаимодействию, своевременному выявлению и устранению причин, способствующих совершению преступлений, индивидуальной работе по исправлению правонарушений [1, л. 123].

Например, в г. Вязьме эти вопросы обсуждались на Пленуме горкома КПСС, осуществлялись конкретные меры по активизации деятельности партийных организаций в закрепленных за ними микрорайонах города. Состоялись объединенные собрания коммунистов по месту жительства. Райкомы партии города Смоленска утвердили составы пропагандистско-информационных групп по работе с учащейся и студенческой молодежью. В них входили ответственные работники райкомов КПСС, райкома ВЛКСМ, прокуратура, инспекции по делам несовершеннолетних, лекторы общества «Знание» [10, с. 258]. Они ежемесячно бывали в учебных заведениях, на месте разбирая положение дел, отвечая на многочисленные вопросы.

Следует отметить, что в начале 1980-х годов существенно улучшилось взаимодействие правоохранительных органов и общественных организаций. На заседания региональных координационных Советов при участии Облоно и управлений профтехобразования выносились на рассмотрение причины рецидива правонарушений среди несовершеннолетних. Под повседневный контроль было взято выполнение требований закона о предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, установлении преступных групп, а также лиц, вовлекавших подростков в преступную деятельность. Прокурорам районов, начальникам горрайорганов внутренних дел и председателям народных судов направлялись соответствующие информационные письма.

Советские, профсоюзные и хозяйственные органы стали более целенаправленно решать вопросы организации досуга подростков, создавая условия для их активного вовлечения в техническое и художественное творчество. Например, в Смоленской области летом 1983 г. 927 ребят, состоявших на учете в районных отделах внутренних дел, были направлены в различные специализированные лагеря. Во внеурочное время к занятиям в кружках, секциях, ансамблях, студиях привлекалось свыше 60 тысяч несовершеннолетних. В 1984 г. в г. Смоленске была открыта детская юношеская спортивно-техническая школа обкома ДОСААФ и облсовпрофа, в которой по направлениям комсомольских организаций и педагогических коллективов начали заниматься 120 «трудных» учащихся [9, с. 72].

В период с 1982 по 1984 гг., в соответствии с установками XXVI съезда КПСС, принимались меры по улучшению деятельности правоохранительных органов, укреплению их подготовленными кадрами. Но приходилось констатировать, что в работе прокуратуры Смоленской области (прокурор т. Шаденков), УВД облисполкома (начальник т. Горкин), судебных органов (тт. Иванов, Астафьев) коренного перелома к лучшему не произошло. Оперативная обстановка продолжала оставаться сложной. Значительное количество преступлений, совершенных в 1983 г., осталось не раскрытым. Большой материальный ущерб был причинен государству в результате хищений, растрат, приписок и других злоупотреблений. Вызывал тревогу тот факт, что росла преступность среди

несовершеннолетних, особенно среди учащихся профессионально-технических училищ.

Правоохранительные органы, отдел административных органов Смоленского обкома КПСС (заведующий т. Нестеровский), горкомы и райкомы партии, исполкомы Советов народных депутатов обязаны более энергично и квалифицированно вести работу по укреплению правопорядка, повышению эффективности профилактических мероприятий, улучшению правового воспитания трудящихся. Речь шла о том, чтобы решительно искоренять преступления, пьянство, хулиганство и другие антиобщественные проявления. Надо в полной мере использовать для этого силу общественного воздействия, так и строгую силу закона [2, л. 21].

Коммунистическое воспитание трудящихся не могло быть эффективным без строжайшего соблюдения законов, охранявших интересы общества и права граждан. Однако Смоленский обком КПСС пока не добился должного улучшения в деятельности правоохранительных органов. В Смоленской области продолжало увеличиваться количество преступлений, связанных с хищениями социалистической собственности, личного имущества граждан, нарушениями хозяйственного законодательства. Росло количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В то же время слабо велась профилактическая работа, низкой оставалась эффективность расследования и раскрываемость преступлений. Не были изжиты факты, когда работники прокуратур, отделов внутренних дел, народных судов допускали безответственный подход к использованию служебных обязанностей. Так, некоторые должностные лица прокуратуры и народных судов Рославльского, Щумячского, Велижского, Краснинского, Ельнинского районов допустили грубые нарушения социалистической законности. Все это оказалось возможным из-за беспринципности прокурора Смоленской области т. Шаденкова и начальника отдела юстиции облисполкома т. Астафьева. Отделу административных органов Смоленского обкома (заведующий т. Нестеровский), горкомам и райкомам партии, руководителям областных правоохранительных органов (тт. Шаденкову, Горкину, Астафьеву, Иванову), Советам народных депутатов настойчиво и более квалифицированного вести работу по укреплению социалистической законности и правопорядка, улучшению правового воспитания трудящихся. Речь шла о том, чтобы решительно искоренять преступления, факты хищения социалистической собственности и обмана государства, смелее разоблачать и вводить на чистую воду, тех, кто живет не на трудовые доходы [3, л. 21].

Новой формой воспитательной работы среди населения, зародившейся на одном из заседаний идеологической комиссии Демидовского райкома КПСС, можно назвать дни работника милиции в трудовом коллективе. Суть его в следующем – в один из запланированных дней группа работников отдела внутренних дел, возглавляемая заместителем начальника Н.В. Обуховым, в составе которой входили начальники служб: уголовного розыска, БХСС, инспекции по делам несовершеннолетних, инспекции госпожнадзора, ГАИ и других, выезжает в один из коллективов района, где разворачивает свою работу. Обычно такие выезды начинались с представления собравшимся работников РОВД, разъясняя задачи и цели, предложения откровенно высказывается о наболевшем, о проблемах и трудностях, вносить предложения по оздоровлению обстановки, просьбы оказать всемерную помощь в работе группы.

Затем участники рейда расходились по участкам и подразделениям, бригадам и фермам, по населенным пунктам, беседуя с людьми, в индивидуальном общении добиваясь максимальной откровенности, проверяя технику и состояние противопожарной безопасности, выступали с лекциями и докладами, учувствовали в заседаниях товарищеских судов и комиссиях по борьбе с пьянством и алкоголизмом и т.д. В каждом выезде группы учувствовал работник редакции районной газеты, который в ближайшем выпуске печатного органа доводил до сведения читателей результаты очередного рейда. Вот слова одного из репортажей о рейде в колхозе «Советская Россия»: «Знакомство с колхозом началось с неприятности. В кабинете председателя шла планерка. В бухгалтерии было пусто. Сейф главного бухгалтера открыт. В нем документы, штамп, а также пачки талонов стоимостью 37, 65 и 78 копеек на сумму около 300 рублей». Один из колхозников сообщил о злоупотреблениях в магазине д. Старина, проверка тут же установила припрятанные товары, испорченные продукты и другие факты нарушения правил советской торговли. Затем были обнаружены неполадки в системе сигнализации отделения связи, неработающий медпункт, нетрезвый шофер за рулем закрепленного за ним автомобиля, неисправный, но находящийся в поле, трактор. По этому поводу корреспондент писал: «С техникой в колхозе – полная вольница. Журнал учета выездов из гаража и возвращения не ведется. Председатель колхоза разрешил ставит автомашины и тракторы около дома. Механик объяснил, что для охраны двора не могут подыскать сторожа. Словом, созданы все условия для использования техники кому не заблагорассудится». В ходе данного

рейда также было установлены и другие факты отсутствия порядка, недисциплинированности, забвения служебного долга. Например, идущий по автодороге Смоленск – Велиж гусеничный трактор, ломающий асфальт, и отсутствие брезента для укрытия зерна на току в случае дождя. Инспектор госпожнадзора выяснил, что на КЗС нет искрогасителей, тепло генераторы установлены с нарушениями пожарной безопасности. Печальными оказались результаты проверки деятельности общественных формирований: ДНД, товарищеского суда, комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, которые еще год два назад работали активно, а сейчас все тихо.

Итоги рейда были оглашены на собраниях коллективов, давался детальный анализ правовой, хозяйственной обстановки, оценка морально-психологической атмосферы, названы болевые точки, проблемы, конкретные нарушители. К некоторым из них были приняты меры воздействия, так, например, прямо на собрании шофер Н.П. Федоров, управлявший машиной в нетрезвом состоянии, был лишен водительских прав на три года. Руководству, специалистам, общественным организациям были предложены рекомендации по наведению порядка в коллективе [7, с. 11].

Результаты проделанной работы не оставили безучастными и районные организации. В ликвидацию негативных явлений, в оказание помощи активно включался исполком районного Совета народных депутатов, РАПО, райпо, центральная районная библиотека и другие. Но главное отдел пропаганды и агитации Демидовского райкома КПСС взял затронутые вопросы на контроль. По представленным материалам были проведены заседания идеологических комиссий, при необходимости наиболее актуальные выносились на обсуждение бюро горкома партии. Новая форма воспитания давала положительные результаты в укреплении трудовой и общественной дисциплине, борьбе с пьянством и алкоголизмом, бесхозяйственностью и другими вредными для общества явлениями [7, с. 11-12].

На областной партийной конференции в декабре 1988 г. поднимались вопросы всестороннего и постоянного нравственного воспитания населения. Демократизация и гласность по-новому высветили проблему. С одной стороны, большинство людей проявляли неподдельный интерес к вопросам внутренней и внешней политики партии и государства, историческим и общественным проблемам. С другой у части населения жизненная позиция не сообразовывалась с принципами коммунистической морали. В области имелось немало людей, которые игнорировали законы, тунеядствовали, жили не по средствам. Практически не сокращалась преступность, особенно среди молодёжи, только в 1987 г. подростками было совершенно свыше 600 преступлений [5, л. 19].

В июле 1989 г. на расширенных заседании бюро Вяземского горкома КПСС рассматривался очень важный вопрос – о состоянии и мерах по укреплению правопорядка в городе и районе. В адрес работников городского отдела милиции было высказано немало претензий, но там же на заседании бюро горкома выяснилось, что у работников РОВД много своих проблем. По этому поводу состоялась очередная встреча в городском отделе внутренних дел информационно-пропагандисткой группы горкома КПСС, в составе которой были секретари горкома партии, председатель горисполкома, руководители районных служб, представители УВД. Были заданы вопросы заместителю начальника УВД облисполкома по политической части Н.И. Михлик, предложившего ответить на вопрос «Почему падает авторитет работников милиции?» [1, с. 32].

Вопросы повышения правовой культуры молодежи, их правосознания стали предметом обсуждения на XXV Смоленской областной партийной конференции 1990 года. Во многом это было вызвано ростом преступности в стране в целом, в том числе среди несовершеннолетних. Только в декабре 1990 г. по сравнению с предыдущим годом рост преступности среди несовершеннолетних составил 37,6% [6, л. 23-24].

В ходе дискуссии второй секретарь Смоленского обкома КПСС М.М. Захаров отметил необходимость уделять «особое внимание воспитательной работе по уважению к нашим законам… это считаю одним из основных направлений в работе» [8, с. 144]. В свою очередь первый секретарь Смоленского обкома КПСС В.И. Самородский при обсуждении путей борьбы с растущей преступностью в регионе особо подчеркнул: «Нам надо общими усилиями вопросы борьбы с преступностью смотреть… это глубочайшая социальная проблема. На сегодня мириться с существенным положением дел нельзя, надо бороться и прежде всего многое должны сделать правоохранительные органы [6, л. 38].

В 1990 г. в Смоленской области было совершенно 10195 преступлений, что на 7,1 % больше соответствующего периода 1989 г. на 29 % возросла количество умышленных убийств, на 10,9 % число преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Особую тревогу вызывало увеличение правонарушений, совершенных несовершеннолетними. Их рост составил 37, 6 %. Необходимо было поднимать партийные

организации, трудовые коллективы, все население городов, сел, улиц, микрорайонов на борьбу с захлестнувшим нас насилием, наглеющей преступностью [6, л. 23-24].

С распадом Советского Союза организации профилактики преступности среди несовершеннолетних при сохранении ее высокой актуальности внимание практически перестало уделяться.

Список литературы:

[1] Будни Смоленщины // Политическая информация. – 1989. – № 19. – С. 32.

[2] Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 62. Д. 1. Л. 21.

[3] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 68. Д. 1. Л. 21.

[4] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 62. Д. 69. 1984 г. Т. 1. Л. 122-126.

[5] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 76. Д. 1. Л. 19.

[6] ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 81. Д. 3. Л. 18, 23-24, 38.

[7] День работника милиции в трудовом коллективе // Политическая информация. – 1988. – № 22. – С. 11-12.

[8] Иванов А.М. Смоленщина на пороге перемен: общественно-политические процессы в период перестройки. Смоленск: ФГБОУ ВО Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 2025. 220 с.

[9] Иванов А.М., Кудрявцев С.В. Улучшение воспитательной работы и предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних в начале 1980-х годов по материалам Смоленского региона // Modern Science. – 2021. – № 9-2. – С. 71-73.

[10] Силина К.В. Идеологическая и политико-воспитательная работа общества «Знание» в конце 1970-х - начале 1980-х гг. (по материалам Смоленской области) // Лебедевские чтения : Сборник статей по материалам XXV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию Педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, Пенза, 18 апреля 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. – С. 257-263.

References:

[1] Everyday Life of the Smolensk Region // Political Information. – 1989. – No 19. – P. 32.

[2] State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter GANISO). F. 6. 62. D. 1. L. 21.

[3] GANISO. F. 6. 68. D. 1. L. 21.

[4] GANISO. F. 6. Op. 62. D. 69. 1984, Vol. 1. L. 122-126.

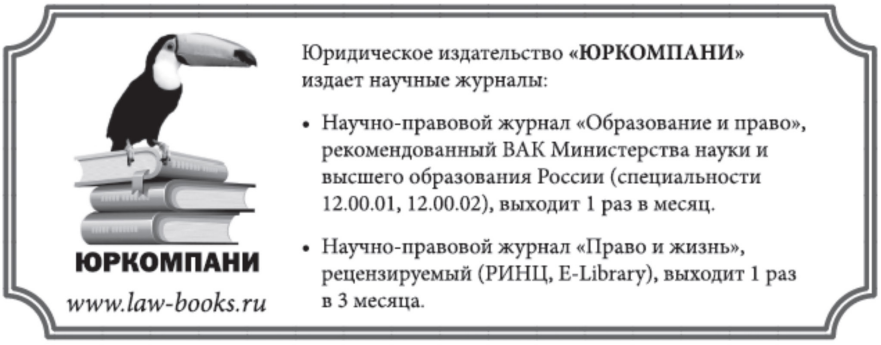
[5] GANISO. F. 6. 76. D. 1. L. 19.

[6] GANISO. F. 6. 81. D. 3. L. 18, 23-24, 38.

[7] Police Officer's Day in the Labor Collective // Political Information. – 1988. – No 22. – P. 11-12.

[8] Ivanov A.M., Kudryavtsev S.V. Improvement of Educational Work and Prevention of Juvenile Delinquency in the Early 1980s Based on the Materials of the Smolensk Region // Modern Science. – 2021. – No 9-2. – P. 71-73.

[9] Silina K.V. Ideological and political-educational work of the society "Znanie" in the late 1970s - early 1980s (based on the materials of the Smolensk region) // Lebedev readings: Collection of articles based on the materials of the XXV All-Russian Scientific and Practical Conference, dedicated to the 85th anniversary of the V.G. Belinsky Pedagogical Institute of Penza State University, Penza, April 18, 2024. – Penza: Penza State University, 2024. – P. 257-263.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-277-283

ЧЕПЕЛЬ Александр Иванович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и культурологии, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,

e-mail: achepel@mail.ru

ЗАМЯТИНА Наталия Александровна,

студентка факультета цифровых промышленных технологий, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,

e-mail: history@smtu.ru

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВУЗЕ В ДЕЛЕ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МОРСКОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. *Статья посвящена роли исторической информации о Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете в воспитательной деятельности. Университет берёт начало с Кораблестроительного отделения Санкт-Петербургского политехнического института. Кораблестроительное отделение начало свою деятельность в 1902 году, позже оно получило статус факультета. В 1930 году Кораблестроительный факультет Политехнического института был выделен в отдельное учебное заведение и стал называться Ленинградским кораблестроительным институтом. В 1990 году вуз получил статус университета и стал называться Ленинградским (с 1992 года – Санкт-Петербургским) государственным морским техническим университетом. Авторы рассматривают механизмы, с помощью которых исторические сведения о вузе используются в воспитательном процессе, в деле развития личности студента. Рассматривается роль культурно-исторического центра «Музей истории кораблестроения и кораблестроительного образования» Санкт-Петербургского государственного морского технического университета в деле воспитания студенческой молодёжи. Анализируются музейные коллекции, отражающие различные периоды истории вуза. Рассказывается об экскурсионной деятельности, направленной на воспитание студенческой молодёжи. Рассматривается специфика взаимодействия культурно-исторического центра и кафедры истории и культурологии в воспитательном процессе. Авторы уделяют внимание научно-исследовательской деятельности студентов Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Посетив музей, студенты выбирают тему для доклада на конференции. Тематика доклада часто связана с историей Санкт-Петербургского государственного технического университета. На основе подготовленных докладов студенты под научным руководством и в соавторстве с преподавателями вуза и музейными работниками, пишут научные статьи. Среди этих статей есть научные работы, в которых исследуются различные аспекты истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Часто студенты выбирают в качестве тем для докладов и статей биографии выпускников и преподавателей вуза. В итоге авторы делают вывод, что историческая память играет важную роль в деле воспитания студентов Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.*

Ключевые слова*: воспитание, патриотическое воспитание, историческая память, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, культурно-исторический центр «Музей истории кораблестроения и кораблестроительного образования», тематические экскурсии, идентичность студента, научно-практические конференции.*

CHEPEL Aleksandr Ivanovich,

PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies, St. Petersburg

State Maritime Technical University

ZAMYATINA Nataliya Aleksandrovna,

student of the Faculty of Digital Industrial Technologies, St. Petersburg State Maritime Technical University

THE ROLE OF HISTORICAL MEMORY OF THE UNIVERSITY IN THE EDUCATION OF STUDENTS: THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG STATE MARITIME TECHNICAL UNIVERSITY

Annotation. *The article is devoted to the role of historical information about St. Petersburg State Maritime Technical University in educational activities. The University originates from the Shipbuilding Department of the St. Petersburg Polytechnic Institute. The shipbuilding department began its activity in 1902, later it received the status of a faculty. In 1930, the Shipbuilding Faculty of the Polytechnic Institute was separated into a separate educational institution and became known as the Leningrad Shipbuilding Institute. In 1990, the university received the status of a university and became known as Leningrad (since 1992 – St. Petersburg) State Maritime Technical University. The authors consider the mechanisms by which historical information about the university is used in the educational process, in the development of the student's personality. The role of the cultural and historical center «Museum of the History of Shipbuilding and Shipbuilding Education» of St. Petersburg State Maritime Technical University in the education of students is considered. The museum's collections reflecting various periods of the university's history are analyzed. The article describes the excursion activities aimed at educating students. The article considers the specifics of the interaction between the cultural and historical center and the Department of History and Cultural Studies in the educational process. The authors pay attention to the research activities of students of St. Petersburg State Maritime Technical University. After visiting the museum, students choose a topic for a conference presentation. The topic of the report is often related to the history of St. Petersburg State Technical University. Based on the prepared reports, students write scientific articles under the scientific guidance and in collaboration with university teachers and museum staff. Among these articles, there are scientific papers that explore various aspects of the history of St. Petersburg State Maritime Technical University. Students often choose biographies of graduates and university teachers as topics for reports and articles. As a result, the authors conclude that historical memory plays an important role in the education of students of St. Petersburg State Maritime Technical University.*

Key words: *upbringing, patriotic education, historical memory, St. Petersburg State Maritime Technical University, cultural and historical center «Museum of the History of Shipbuilding and Shipbuilding Education», thematic excursions, student identity, scientific and practical conferences.*

В настоящее время в полной мере признаётся важная роль общественных наук для успешной воспитательной деятельности, для личностного роста студенческой молодёжи [1, с. 86–87]. Так, помимо дисциплины «История России», в российских вузах введена новая дисциплина гуманитарного цикла – «Основы российской государственности», целью которой является всестороннее знакомство студентов с различными аспектами современной России. Новая дисциплина призвана дать студентам необходимый фактический материал, демонстрирующий величие страны на различных этапах её развития, что способствует воспитанию чувство искреннего и глубокого уважения к своей стране [2, с. 661].

Образовательный процесс в целом всё больше ориентируется на личность студента, в образовательных траекториях учитываются личные интересы молодёжи, закладываются перспективы личностного роста будущих специалистов [3, с. 17]. Большое значение в развитии личности, в деле определения студентом своей идентичности, формировании гражданского самосознания играет конструктивный диалог между студентами и преподавателями, причём не только в аудиториях, но и во внеучебной деятельности [4, с. 138].

Повышенное значение общественные науки приобретают в технических вузах. Подчас можно услышать рассуждения о том, что грамотный технический специалист и без общественных дисциплин, без гуманитарной составляющей будет успешен. Однако в нынешнем техногенном мире невозможно сформировать личность без общекультурной составляющей, невозможно воспитать человека,

способного успешно решать глобальные проблемы современности, адекватно реагировать на актуальные проблемы социума. С учётом этого обстоятельства, современный технический вуз является не только местом подготовки технических специалистов, но и культурно-образовательным, культурно-нравственным пространством, где уделяется повышенное внимание общественным дисциплинам, воспитывающим гуманистические ценности [5, с. 12–14]. Воспитание признаётся одним из важнейших способов распространения гуманистических идей [6, с. 127–136]. Ключевой составляющей гуманизма является сохранение исторической памяти [7, с. 298], способствующее духовно-нравственному, гражданско-патриотическому воспитанию студенческой молодёжи [8, с. 13–14], которая не обладает достаточным жизненным опытом, а потому не всегда имеет объективное обоснованное представление об ответственной гражданской позиции [9, с. 103–106].

Рассмотрим роль исторической памяти в деле воспитания студенческой молодёжи на примере Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Широкие перспективы в этой связи перед студентами нашего вуза, помимо освоения дисциплин гуманитарного профиля в соответствии с учебными планами, открывает возможность познавать исторические аспекты своей будущей профессии, в том числе – историю вуза, в культурно-историческом центре «Музей истории кораблестроения и кораблестроительного образования» [10, с. 277–280]. Миссия культурно-исторического центра – просвещать, знакомить студентов с историческим аспектами кораблестроения, а также с современным этапом развития судостроительной отрасли, со спецификой и содержанием подготовки кораблестроителей в различные периоды истории нашей страны. Названным целям в полной мере отвечают коллекции культурно-исторического центра. Здесь собраны документы и материалы, рассказывающие о героическом морском прошлом России, о достижениях современных специалистов в области судостроения. Информация, полученная студентами при посещении культурно-исторического центра, помогает молодёжи в формировании собственной идентичности, духовно-нравственных ориентиров, становлению гражданско-патриотической позиции.

Уже пространственное решение культурно-исторического центра само по себе настраивает посетителя на морскую тематику. Длинная с изломом лестница ведёт вниз, в помещение с приглушённым освещением. Создаётся впечатление, что мы спустились в трюм корабля, а может быть, в машинное отделение.

Встречает посетителя панно, изображающее Санкт-Петербургское адмиралтейство, а секундой позже панорама этой верфи появляется на большом экране. Адмиралтейство напрямую связано с будущей профессией студентов. Ведь это судостроительное предприятие продолжает работать и в наше время, и будущие корабелы вполне могут рассчитывать на то, что смогут работать в его стенах [11, с. 104–105].

Здесь же, у истоков экспозиции, находится имитация корабельного юта со скамьями в несколько ярусов – наподобие театральных сидений. Здесь посетители могут уютно расположиться и узнать из рассказа экскурсовода, что российский флот эпохи Петра I и его преемников неуклонно развивался, а со второй половины XVIII столетия отечественный корабли строились по большей части уже не иностранцами, а русскими мастерами. При этом предметом гордости является тот факт, что сами русские корабли по тактико-техническим данным, парусному оснащению и артиллерийскому вооружению нисколько не уступали зарубежным аналогам [12, с. 217–218]. Важное место в экспозиции уделено кораблестроительному образованию эпохи Петра I и его наследников. Здесь посетители осознают, что без развития в России системы технического образования было бы невозможно поступательное развитие отечественного флота.

Дальше экспозиция, рассказав о дальнейшем развитии деревянного парусного флота, переносит посетителя в эпоху броненосных флотов, передвигавшихся уже не силой ветра, а паровыми машинами. Этот перелом окончательно совершился в середине XIX века, и с тех пор судостроительные технологии неуклонно усложнялись. Вскоре посетитель погружается в историю нашего вуза, который берёт начало в 1902 году, когда в рамках Санкт-Петербургского политехнического института было сформировано Кораблестроительное отделение. Здесь будущие корабелы в полной мере ощущают специфику выбранной профессии, начинают погружаться в историю учебного заведения. В экспозиции представлена информация о личностях, стоявших у истоков современного кораблестроительного образования. Это первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института инженер князь Андрей Петрович Гагарин и руководитель Кораблестроительного отделения Константин Петрович Боклевский [13, с. 58–71].

Составители экспозиции не замолчали тяжёлые для кораблестроения и кораблестроительного образования исторические периоды. Посетитель узнаёт,

что революционные события 1917 года, экономические проблемы привели к упадку как кораблестроительной отрасли в целом, так и связанного с ней кораблестроительного образования. Далее рассказ идёт о выделении в 1930 году Кораблестроительного факультета из состава Ленинградского политехнического института, об образовании Ленинградского кораблестроительного института (ЛКИ). Посетитель получает здесь знания об организации учебного процесса и научной деятельности ЛКИ, о его преподавателях того времени и о выпускниках [14, с. 166–171].

Значимым направлением научных разработок в нашем вузе являлось и является проектирование подводных лодок. В экспозиции можно увидет как макеты субмарин разных периодов, так и технические схемы этих сложных подводных аппаратов. Следует отметить, что, помимо собственно просветительской функции, культурно-исторический центр служит площадкой для проведения практических занятий, чему способствуют торпеды, представленные в разрезе, а также торпедные аппараты. Такая наглядность позволяет студентам детально изучать конструкции этого типа подводного оружия. Здесь представлено и гражданское подводное судно – «подводный велосипед», разработанный сотрудником нашего вуза В.С. Тарадоновым. Этот аппарат был задуман для того, чтобы дать возможность экономично передвигаться в толще воды.

Достаточно полно представлены в культурно-историческом центре материалы, освещающие историю нашего вуза в период Великой Отечественной войны. Яркая, одновременно героическая и трагическая страница военного времени – история 264 отдельного пулемётно-артиллерийского батальона (ОПАБ), костяк которого составляли студенты, преподаватели, сотрудники Ленинградского кораблестроительного института. Большинство из них отдали свои жизни, но не пропустили гитлеровцев в Ленинград [15, с. 78–115].

Достаточно полно представлена в культурно-историческом центре блокадная тема. Здесь рассказывается не только о тяжёлых буднях нашего вуза в блокадном кольце, но и о технических разработках научных сотрудников, преподавателей, студентов, оставшихся в осаждённом городе. Они разрабатывали специальные плашкоуты, на которых по Ладожскому озеру в период судоходства переправлялись на Большую землю истощённые голодом ленинградцы, а в город привозилось продовольствие. В нашем вузе в годы блокады усердно работали над способами обеспечить быстрый и качественный ремонт повреждённых врагом кораблей и судов, с учётом нехватки обычных материалов, с учётом недоступности многих довоенных технологий [16, с. 129–140].

Представлена в экспозиции и послевоенная тематика. Тогда было остро необходимо одновременно решить две задачи: и воссоздать учебный процесс, и заложить основы современного кораблестроительного образования, с чем команда вуза во главе с ректором Е.В. Товстых успешно справилась. Собранная им плеяда преподавателей сочетала в себе и таланты учёных, и мастерство педагогов [14, с. 281–283].

В экспозиции достойное место уделено внеучебной деятельности. Студенты во время экскурсий узнают о шлюпочных походах, которые проводятся на базе нашего вуза с 1935 года, о яхте «Хортица», которая была спроектирована и построена усилиями самих студентов-корабелов, о других внеучебных мероприятиях. Есть в экспозиции «Чертёжная мастерская», демонстрирующая инструменты и приспособления, которыми пользовались студенты при создании дипломных работ в советское время. Заметное место уделено в экспозиции сегодняшнему вузу, его достижениям, его руководителям, преподавателям и студентам.

Знакомство студентов с музейными экспозициями культурно-исторического центра не завершается в его стенах. Студенты выбирают темы для докладов на научно-практических конференциях, часто тематика докладов связана с историей нашего вуза или отечественного кораблестроения в целом [17, с. 264–266]. Также темы для выступлений на конференциях студенты могут выбрать в ходе освоения дисциплин гуманитарного профиля, таких как «История России» и «Основы российской государственности» [18]. В процессе подготовки докладов студенты взаимодействуют как друг с другом, так и с преподавателями, сотрудниками культурно-исторического центра, Управления воспитательной деятельности, другими подразделениями вуза. Эта работа способствует личностному росту студентов, осознанию ими собственной идентичности, повышению самоуважения, веры в свои силы.

На основе докладов студенты в соавторстве с преподавателями и другими сотрудниками вуза пишут научные статьи. Тематика студенческих докладов и статей охватывает широкий спектр вопросов, связанных как с морской тематикой в целом, так и с историей нашего вуза. Это и история Санкт-Петербургского адмиралтейства [19], и история кораблестроения петровского времени [20, 21], и исторические аспекты кораблестроения

периода металла и пара [22, 23], и рассмотрение технических разработок сотрудников нашего вуза [24], и вопросы, связанные с деятельностью музея [25].

Таким образом, сохранение исторической памяти о вузе играет существенную роль в деле воспитания студенческой молодёжи в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете. Знакомство и историей нашего университета способствует формированию личностных качеств студентов, формированию чувства патриотизма, чувства сопричастности к вузу, к морской отрасли, убеждает студентов в правильности выбранного пути, осознанию студентами собственной идентичности. Важно, что студенты получают информацию о своём вузе из рассказов старших товарищей, преподавателей и других сотрудников вуза, а самостоятельно находят материалы, относящиеся к истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Это способствует формированию практических навыков научно-исследовательской работы, воспитанию ответственности за результаты исследовательской деятельности, и в целом – воспитанию человека и гражданина, патриота своей страны, профессионала, готового вносить посильный вклад в развитие Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Петрусевич П.Ю. Гуманитаризация как одно из ведущих направлений развития современного образования // Наука и школа. 2023. № 1. С. 83–91.

[2] Бугашев С.И. «Основы российской государственности» – новый вузовский курс (к вопросу об актуальности дисциплины) // Образование и право. 2026. № 2. С. 660–664.

[3] Сираева М.Н. О соотношении понятий «гуманизация образования» и «гуманитаризация образования» // Вопросы методики преподавания в вузе. 2022. Т. 11. № 3. С. 8–21.

[4] Никонова Э.И. Факторы формирования гражданского самосознания российской молодежи в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 1. С. 138–141.

[5] Григорьева-Голубева В.А., Евграфова И.В. Гуманитарные технологии в контекстном обучении в морском техническом вузе // The Scientific Heritage. 2021. № 72-4. С. 12–14.

[6] Григорьева-Голубева В.А., Евграфова И.В. Универсальные гуманистические ценности в контексте педагогической деятельности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 127–136.

[7] Антонова А.Д., Сафронова Е.С., Лучникова М.Д. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Молодой ученый. 2017. № 48. С. 296–299.

[8] Морозов А.В. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание студентов средствами учебных дисциплин гуманитарного цикла // Среднее профессиональное образование. 2007. № 9. С. 13–14.

[9] Слоневская Е.Р. Гражданско-патриотическое воспитание студентов в образовательном воспитании студентов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. № 7. С. 103–106.

[10] Кутепова Е.В., Массов А.Я. Роль музеев в вузах морского профиля в деле изучения истории и гуманитарного образования студенческой молодёжи (из опыта работы музея Санкт-Петербургского государственного морского технического университета) // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: материалы XXV юбилейной ежегодной международной научной конференции. Санкт-Петербург, 22.03.2019 / под ред. В.М. Доброштана, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. В 4 т. Т. 2. СПб., 2019. С. 277–280.

[11] Цыганков Г.А. ОАО «Адмиралтейские верфи» // Стандарт и качество. 2010. № 6. С. 104–105.

[12] Евграфова И.В. Особенности деятельности корабельных мастеров-математиков при преемниках Петра Великого // Современная научная мысль. 2024. № 5. С. 216–224.

[13] Евграфова И.В. «Кораблестроительный факультет и русский регистр – навеки запечатлевают память о нём». Кораблестроитель, учёный и педагог К.П. Боклевский // Военно-исторический журнал. 2024. № 3. С. 58–71.

[14] Гребенщикова Г.А. Ленинградский кораблестроительный институт–Санкт-Петербургский государственный морской технический университет: уникальный по науке и значению флагман кораблестроительного образования. СПб.: Остров, 2020. 368 с.

[15] Образцов В.Б. Не уходит из памяти (очерки жизни Ленинградского кораблестроительного института в годы Великой Отечественной войны) / под ред. Р.В. Борисова, С.С. Савина. СПб., 2009. 242 с.

[16] Холодилин А.Н. Ленинградский кораблестроительный: факультет–институт–университет. СПб.: Судостроение, 1992. 400 с.

[17] Чепель А.И. Конференции по истории флота и кораблестроения как фактор взаимодействия студентов-корабелов // Гуманитарные науки в современном вузе как основа межкультурного взаимодействия:

материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 10 декабря 2018 г. / под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. СПб., 2018. С. 264–266.

[18] Бугашев С.И. К вопросу о методике преподавания нового вузовского курса «Основы российской государственности» на примере Санкт-Петербургского государственного морского технического университета «Корабелка» (СПбГМТУ) // Право и управление. 2026. № 4. С. 163–167.

[19] Бабанова А.В. Здание Главного адмиралтейства в Санкт-Петербурге – символ морской столицы России // Двенадцатая научно-практическая конференция по программе «Море и флот»: «Морская столица России. К 320-летию Санкт-Петербурга». Доклады и материалы. СПб., 2023. С. 164–169.

[20] Крохмальный Н. Верфи царя Петра I на реке Воронеж // Седьмая научно-практическая конференция студентов и преподавателей «Человек. Корабль. Океан», 28 ноября 2018 г. СПб., 2018. С. 20–21.

[21] Чепель А.И., Малявко Е.А. Линейный корабль «Полтава» – «первая ласточка» Санкт-Петербургского адмиралтейства // Неделя науки СПбГМТУ-2022. Сборник докладов Всероссийского фестиваля науки «Nauka 0+», 21-25 ноября. В 2-х т. Т. 2. СПб., 2022. С. 562–566.

[22] Алтухова М. Линейный корабль «Императрица Мария» // Седьмая научно-практическая конференция студентов и преподавателей «Человек. Корабль. Океан», 28 ноября 2018 г. СПб., 2018. С. 4–5.

[23] Меркушева М.С. Сокрушители брони. Линкоры проекта 23 типа «Советский Союз» // Двенадцатая научно-практическая конференция по программе «Море и флот»: «Морская столица России. К 320-летию Санкт-Петербурга». Доклады и материалы. СПб., 2023. С. 170–173.

[24] Zamyatina N.A., Naimushin A.I. Vladimir Taradonov´s underwater bicycle (Замятина Н.А., Наймушин А.И. Подводный велосипед Владимира Тарадонова) // Диалог культур: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием на английском языке. В 3-х частях / под общей редакцией В.В. Кирилловой. Ч. 1. СПб., 2024. С. 215–220.

[25] Чепель А.И., Замятина Н.А. К истории музея Санкт-Петербургского государственного морского технического университета // Современная научная мысль. 2025. № 1. С. 104–111.

References:

[1] Petrusevich P.Y. Humanitarization as one of the leading directions in the development of modern education // Science and school. 2023. No. 1. Pp. 83–91.

[2] Bugashev S.I. «Fundamentals of Russian statehood» – a new university course (on the relevance of the discipline) // Education and Law. 2026. No. 2. Pp. 660–664.

[3] Siraeva M.N. On the relationship between the concepts of «humanization of education» and «humanitarization of education» // Questions of teaching methods at the university. 2022. Vol. 11. No. 3. Pp. 8–21.

[4] Nikonova E.I. Factors of the formation of civic consciousness of Russian youth in modern conditions // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. No. 1. Pp. 138–141.

[5] Grigorieva-Golubeva V.A., Evgrafova I.V. Humanitarian technologies in contextual learning at a marine technical university // The Scientific Heritage. 2021. No. 72-4. Pp. 12–14.

[6] Grigorieva-Golubeva V.A., Evgrafova I.V. Universal humanistic values in the context of pedagogical activity // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2018. No. 4. Pp. 127–136.

[7] Antonova A.D., Safronova E.S., Luchnikova M.D. Patriotism in modern Russia: issues and problems // Young Scientist. 2017. No. 48. Pp. 296–299.

[8] Morozov A.V. Spiritual, moral and patriotic education of students by means of academic disciplines of the humanities cycle // Secondary vocational education. 2007. No. 9. Pp. 13–14.

[9] Slonevskaya E.R. Civil and patriotic education of students in the educational upbringing of students // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2008. No. 7. Pp. 103–106.

[10] Kutepova E.V., Massov A.Ya. The role of museums in maritime universities in the study of the history and humanitarian education of students (from the experience of the museum of St. Petersburg State Maritime Technical University) // Russia and the world in modern and modern times – from the past to the future: proceedings of the XXV anniversary annual international scientific conference. Saint Petersburg, 22.03.2019 / edited by V.M. Dobroshtan, S.I. Bugashev, A.S. Minin, T.V. Rabush. In 4 volumes. Vol. 2. St. Petersburg, 2019. Pp. 277–280.

[11] Tsygankov G.A. Admiralty Shipyards OJSC // Standard and quality. 2010. No. 6. Pp. 104–105.

[12] Evgrafova I.V. Features of the activities of shipwrights-mathematicians under the successors of Peter the Great // Modern scientific thought. 2024. No. 5. Pp. 216–224.

[13] Evgrafova I.V. «The Shipbuilding faculty and the Russian Register forever imprint the memory of him». K.P. Boklevsky, a shipbuilder, scientist and

teacher // Military Historical Journal. 2024. No. 3. Pp. 58–71.

[14] Grebenshchikova G.A. Leningrad Shipbuilding Institute–Saint Petersburg State Maritime Technical University: a unique flagship of shipbuilding education in science and importance. St. Petersburg: Ostrov Publ., 2020. 368 p.

[15] Obraztsov V.B. Does not leave memory (essays on the life of the Leningrad Shipbuilding Institute during the Great Patriotic War) / edited by R.V. Borisov, S.S. Savin. St. Petersburg, 2009. 242 p.

[16] Kholodilin A.N. Leningrad Shipbuilding: faculty–institute–university. St. Petersburg: Sudostroenie Publ., 1992. 400 p.

[17] Chepel A.I. Conferences on the history of the navy and shipbuilding as a factor of interaction between shipbuilders // Humanities in a modern university as a basis for intercultural interaction: proceedings of an international scientific conference. St. Petersburg, December 10, 2018 / edited by S.I. Bugashev, A.S. Minin. St. Petersburg, 2018. Pp. 264–266.

[18] Bugashev S.I. On the issue of teaching methods of the new university course «Fundamentals of Russian Statehood» on the example of St. Petersburg State Maritime Technical University «Korabelka» (SPbGMTU) // Law and management. 2026. No. 4. Pp. 163–167.

[19] Babanova A.V. The building of the Main Admiralty in St. Petersburg is a symbol of the maritime capital of Russia. // The twelfth scientific and practical conference on the «Sea and Fleet» program: «The Maritime Capital of Russia. On the 320th anniversary of St. Petersburg». Reports and materials. St. Petersburg, 2023. Pp. 164–169.

[20] Krokhmalny N. Shipyards of Tsar Peter I on the Voronezh River // Seventh scientific and practical conference of students and teachers «Man. Ship. Ocean», November 28, 2018, St. Petersburg, 2018. Pp. 20–21.

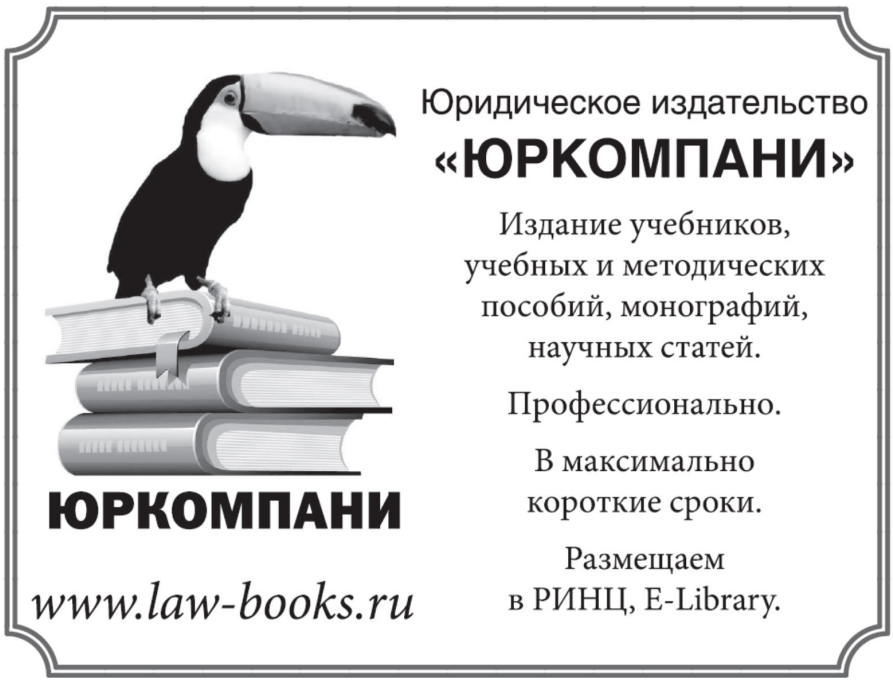
[21] Chepel A.I., Malyavko E.A. Battleship «Poltava» – «the first swallow» of the St. Petersburg Admiralty // SPbGMTU Science Week-2022. Collection of reports of the All-Russian Science Festival «Nauka 0+», November 21-25. In 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg, 2022. Pp. 562–566.

[22] Altukhova M. Battleship «Empress Maria» // Seventh scientific and practical conference of students and teachers «Man. Ship. Ocean», November 28, 2018, St. Petersburg, 2018. Pp. 4–5.

[23] Merkusheva M.S. Armor crushers. Battleships of the Soviet Union type 23 project // The twelfth Scientific and practical Conference on the Sea and Fleet program: «The Maritime Capital of Russia. On the 320th anniversary of St. Petersburg». Reports and materials. St. Petersburg, 2023. Pp. 170–173.

[24] Zamyatina N.A., Naimushin A.I. Vladimir Taradonov's underwater bicycle // Dialogue of cultures: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical conference with international participation in English. In 3 parts / edited by V.V. Kirillova. Part 1. St. Petersburg, 2024. Pp. 215–220.

[25] Chepel A.I., Zamyatina N.A. On the history of the Museum of the St. Petersburg State Maritime Technical University // Modern scientific thought. 2025. No. 1. Pp. 104–111.

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-284-289

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

УСАНОВ Владимир Евгеньевич,

академик Российской академии образования, доктор юридических наук, профессор, профессор Университета «Синергия», e-mail: vusanov@mail.ru

МОТОРИНА Ирина Станиславовна,

доцент Университета «Синергия», e-mail: motorinavuz@mail.ru

ДОГОВОРНАЯ НОРМА КАК ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВИЛО ПОВЕДЕНИЯ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье рассматривается договорная норма как индивидуальное частноправовое правило поведения, возникающее из признанной и согласованной воли сторон. Обосновывается различие между условием договора и договорной нормой: условие выступает формой выражения воли, тогда как договорная норма определяет модель должного поведения внутри обязательственного отношения. Показано, что договорная норма формируется из текста договора, системы условий, цели обязательства, диспозитивных норм, обычаев, требований добросовестности и поведения сторон. Делается вывод, что толкование договора должно быть направлено не только на объяснение словесной формулировки, но и на установление индивидуального правила поведения сторон.*

Ключевые слова: *договор, договорная норма, условие договора, обязательство, частное право, автономия воли, толкование договора, добросовестность.*

USANOV Vladimir Evgenievich,

Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Professor, Professor at Synergy University

MOTORINA Irina Stanislavovna,

Associate Professor at Synergy University

CONTRACTUAL NORM AS AN INDIVIDUAL RULE OF CONDUCT IN PRIVATE LAW

Annotation. *The article examines the contractual norm as an individual private-law rule of conduct arising from the recognized and agreed will of the parties. It substantiates the distinction between a contractual term and a contractual norm: a contractual term serves as a form of expressing will, whereas a contractual norm determines the model of due conduct within an obligation. The article shows that a contractual norm is formed through the text of the contract, the system of its terms, the purpose of the obligation, dispositive rules, customs, good faith requirements, and the conduct of the parties. It concludes that contract interpretation should aim not only at explaining the wording of the contract, but also at establishing the individual rule of conduct created by the parties.*

Key words: *contract, contractual norm, contractual term, obligation, private law, autonomy of will, contract interpretation, good faith.*

Существует необходимость точнее раскрыть внутренний регулятивный механизм договора в частном праве. Договор традиционно рассматривается как соглашение, юридический факт, основание обязательства и форма автономии воли, однако такой подход не всегда показывает, в каком виде созданная сторонами обязательность действует внутри конкретного отношения. В судебной и договорной практике содержание

договора устанавливается через текст, систему условий, цель договора, существо обязательства, диспозитивные нормы, добросовестность и поведение сторон. Это позволяет рассматривать реальным предметом анализа не отдельную формулировку, а индивидуальное правило поведения, возникающее из всей договорной конструкции.

Цель данной статьи состоит в обосновании договорной нормы как индивидуального частноправового правила поведения, возникающего из признанной и согласованной воли сторон, выражаемого в условиях договора и действующего в структуре обязательственного отношения. Для достижения этой цели необходимо разграничить условие договора и договорную ному, определить ее структуру, выявить источники ее формирования, установить место договорной нормы между общей нормой закона и конкретным актом исполнения, показать ее значение для раскрытия содержания обязательства и обосновать, что толкование договора направлено не только на объяснение текста, но и на установление индивидуального правила поведения сторон.

От договора как формы признанной воли к договорной норме. В ранее проведенном исследовании было показано, что договор реализует гегелевскую логику перехода от собственности как внешней определенности воли к отношению взаимного признания сторон; поэтому следующий шаг состоит в установлении того, в каком виде эта признанная нормативность действует внутри обязательственного отношения и превращается в индивидуальное правило поведения сторон [1]. У Гегеля договор появляется там, где собственность перестает быть простым отношением единичной воли к подвластной субъекту вещи и включает в себя момент другой воли; именно поэтому собственность осуществляется посредством договора как процесса опосредования двух воль [2]. В позитивном праве это получает юридическую форму через определение договора как соглашения об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, через понятие обязательства как связи, в которой одно лицо должно совершить определенное действие или воздержаться от него, и через правило о том, что договор становится обязательным для сторон с момента его заключения [3]. Отсюда следует, что нормативная сила договора не исчерпывается фактом заключения и не растворяется в тексте документа: она должна быть понята и обоснована как особое индивидуальное правило должного поведения. та категория может быть названа договорной нормой. Под ней следует понимать индивидуальное частноправовое правило поведения, возникающее из признанной и согласованной воли сторон, выражаемое в договорных условиях, включаемое в содержание обязательства, дополняемое диспозитивными нормами и обычаями, ограничиваемое императивными предписаниями и устанавливаемое в спорной ситуации через толкование. Такая формулировка позволяет связать философско-правовой тезис о договоре как форме признанной воли с цивилистическим анализом обязательства. Она фиксирует различие между формой, в которой воля получает признание, и тем правилом, посредством которого это признание превращается в конкретную меру должного поведения для определенных лиц.

Условие договора и договорная норма: необходимое разграничение. Для выработки этой категории прежде всего требуется развести условие договора и договорную норму. Это различие уже намечено в отечественной цивилистике. О.С. Иоффе прямо связывал смешение условий договора с правами и обязанностями сторон со смешением договора как юридического факта и обязательства как его правового результата [4]. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, развивая ту же линию, отмечали, что договорные условия фиксируют взаимные права и обязанности, но не совпадают с ними: условия принадлежат содержанию соглашения, тогда как права и обязанности образуют содержание договорного правоотношения [5, с. 295]. Отсюда следует методологически решающий вывод: условие есть форма выражения согласованной воли, договорная норма — правило поведения, которое из этой формы выводится.

Это различие имеет и практический смысл. Цена, срок, место исполнения, способ уведомления, порядок приемки, условие о неустойке или о праве на односторонний отказ существуют в тексте как отдельные формулировки, но в обязательстве они работают как элементы правила поведения. Одно условие способно содержать несколько правил: например, формула об оплате товара двумя платежами по счету и в определенный срок одновременно определяет размер исполнения, его временную структуру и способ совершения платежа. Обратно, одна договорная норма часто складывается из нескольких условий: обязанность поставить товар надлежащего качества к определенной дате на согласованный склад, с предварительным уведомлением покупателя и приложением документов, существует как единое правило, хотя текстуально распадается на ряд пунктов. Именно поэтому статья 431 ГК РФ и разъяснения Верховного Суда [6, п. 43] требуют сопоставлять

условие с другими условиями и смыслом договора в целом: предметом такого сопоставления служит не отдельное слово, а возникающее из системы договора правило поведения.

В этой перспективе цена или срок сами по себе далеко не всегда образуют самостоятельную договорную норму. Цена часто выступает параметром другой нормы — прежде всего нормы об оплате. Срок может быть центральным элементом нормы о передаче вещи, выполнении работы, направлении уведомления или реализации права на отказ. Условие о неустойке обычно формирует вторичную, охранительную норму, начинающую действовать при нарушении основной модели поведения. Следовательно, перевод текста договора в язык договорных норм требует аналитической операции: необходимо установить, в каком месте текст действительно задает модель должного поведения, а в каком лишь предоставляет материал для ее построения.

Структура договорной нормы выглядит как классическая трёхэлементная конструкция и обнаруживается в структуре самого обязательства. Поскольку в силу статьи 307 ГК РФ обязательство связывает должника обязанностью совершить определенное действие или воздержаться от него, а кредитора — правом требовать соответствующего поведения, договорная норма всегда имеет как минимум три ядра: адресата, модель поведения и корреспондирующее ей правомочие другой стороны. К ним присоединяются конкретизирующие элементы: предмет исполнения, способ, место, срок, очередность действий, порядок взаимодействия сторон и условия, при наступлении которых правило начинает действовать или изменяет свой режим. В развитых договорах к этой структуре добавляются нормы о содействии, предоставлении информации, проверке исполнения, приемке результата, координации встречных действий. Тем самым договорная норма охватывает не только единичное действие, но и организует практику поведения сторон во времени. Модель нормы — гипотеза, диспозиция, санкция — в договорном праве сохраняет объяснительную силу, но действует в распределенном виде. Гипотеза часто формулируется самим договором: после получения счета, по наступлении календарной даты, после подписания акта, при достижении определенного объема поставки, при просрочке свыше согласованного периода. Диспозиция закрепляет должное поведение: оплатить, поставить, уведомить, принять, воздержаться от конкурирующих действий, предоставить доступ, вернуть документы. Санкция может быть частично закреплена в договоре, частично — в законе: неустойка, право на удержание, отказ от договора, возмещение убытков, начисление процентов, приостановление встречного исполнения. Это распределение показывает, почему договорная норма не совпадает с отдельным пунктом текста: ее элементы нередко находятся в разных условиях договора и в разных нормах закона.

Важно и то, что договорная норма не исчерпывается обязанностью в узком смысле. Частное право знает нормы, которые предоставляют стороне правомочие: потребовать досрочное исполнение, отказаться от договора при соблюдении согласованной процедуры, изменить способ взаимодействия, удержать платеж до устранения недостатков, назначить дополнительный срок исполнения. Статья 310 ГК РФ прямо допускает в предусмотренных законом или договором случаях одностороннее изменение условий обязательства и отказ от исполнения, особенно в предпринимательских отношениях. Следовательно, договорная норма может быть как обязывающей, так и управомочивающей; ее нормативная функция состоит в том, что она заранее определяет допустимую форму поведения одной стороны и юридическое положение другой.

Источники формирования договорной нормы. Договорная норма формируется из нескольких слоев социально-правового материала, и буквальный текст — лишь первый из них. Статья 421 ГК РФ закрепляет, что условия договора определяются по усмотрению сторон, а при наличии диспозитивной нормы стороны могут исключить ее применение или согласовать иное решение; если же специального соглашения нет, условие определяется диспозитивной нормой. Эта конструкция прямо показывает, что правило поведения внутри договора вырастает не только из формулировки соглашения, но и из дополняющего ее диспозитивного массива. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский в том же ключе различали условия, вытекающие из диспозитивных норм и обычаев, которые могут вовсе не получить текстуального выражения в договоре и все же применяться к порождаемым им отношениям [5, с. 296–299]. Поэтому договорная норма есть результат нормативного синтеза: согласованная воля задает ядро, а диспозитивное право и обычай достраивают ее до пригодного к применению правила.

Наряду с источниками формирования существуют пределы допустимости. Статья 422 ГК РФ требует соответствия договора императивным нормам; статья 10 блокирует злоупотребление правом; пункт 3 статьи 307 предписывает сторонам действовать добросовестно, учитывать права и законные интересы друг друга, оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства и предоставлять необходимую

информацию. Пленум Верховного Суда развивает эту логику и требует толковать условия договора в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, с иными нормами ГК РФ, с целью договора и существом регулирования соответствующего вида обязательства [6, п. 43]. Следовательно, право не подменяет договорную норму, но очерчивает пространство, в котором она может возникнуть и действовать. Это особенно важно для случаев, когда текст допускает несколько вариантов понимания: допустимой считается та индивидуальная норма, которая сохраняет связь с добросовестностью, целями обязательства и императивными пределами правопорядка.

Статья 160 ГК РФ приравнивает к письменной форме использование электронных и иных технических средств, позволяющих воспроизвести содержание сделки и достоверно определить лицо, выразившее волю; статья 434 допускает заключение договора в письменной форме путем составления одного электронного документа или обмена электронными документами и иными данными; статья 309 предусматривает возможность автоматизированного исполнения обязательств с помощью информационных технологий без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления при наступлении согласованных обстоятельств. Из этого следует, что договорная норма способна существовать и в машиночитаемой среде, однако и здесь она остается правилом поведения, а не набором технических операций: алгоритм лишь исполняет ту норму, которая предварительно создана и признана сторонами в пределах правовой рамки.

Договорная норма в системе частноправового регулирования. В системе частноправового регулирования договорная норма занимает промежуточное место между общей нормой закона и конкретным актом исполнения. Закон регулирует свободу договора, пределы допустимого усмотрения, минимальные стандарты добросовестности, способы защиты и общие правила ответственности. Договорная норма индивидуализирует эту рамку применительно к определенным сторонам, определенному предмету, определенному хозяйственному риску и определенной цели взаимодействия. Исполнение, в свою очередь, переводит индивидуальное правило в фактическое поведение. Такая триада позволяет избежать редукции договора к юридическому факту. Заключение договора действительно является фактом, с которым закон связывает возникновение обязательства, однако это лишь момент запуска отношения; дальнейшее движение отношения определяется уже не фактом заключения как таковым, а теми индивидуальными правилами, которые стороны создали в договоре.

В литературе последовательно воспроизводится по меньшей мере три позиции: договор рассматривают либо как чисто индивидуальный акт, не являющийся источником права; либо как конструкцию, близкую к источнику права, поскольку он служит источником прав и обязанностей для данных субъектов; либо как носитель индивидуальных правовых норм. Характерно, что в обзоре этой дискуссии специально сведены вместе позиция В.С. Нерсесянца, отрицающего за обычным договором качество источника права, и позиция С.С. Алексеева, подчеркивающего его близость к источникам права как основанию прав и обязанностей для конкретных субъектов [7].

Категория договорной нормы продуктивна именно потому, что удерживает верное в каждой из этих позиций и устраняет их крайности. Она не превращает частный договор в нормативный правовой акт и не приписывает ему общеобязательность. Вместе с тем, она признает за договором реальную нормативную функцию: внутри конкретного обязательства он создает индивидуальную меру должного и возможного поведения, юридически обязательную для сторон и обеспеченную судебной защитой. Тем самым договорная норма выступает не источником объективного права в публично-правовом смысле, а формой индивидуального правового регулирования в сфере частного права. Именно на этом уровне становится понятным, почему договор может быть обязательным, не будучи законом, и нормативным, не будучи нормативным актом.

Договорная норма и содержание обязательства. Содержание обязательства раскрывается через совокупность договорных норм. Это положение требует акцентировать: содержание договора-соглашения образуют условия, содержание договорного правоотношения — взаимные права и обязанности сторон. Если принять это различие, становится ясно, что содержание обязательства нельзя представить как механическую сумму текстовых пунктов. Оно представляет собой строй взаимосвязанных индивидуальных правил: одни определяют основное исполнение, другие — встречное исполнение, третьи — порядок координации действий, четвертые — режим контроля, пятые — последствия отклонения от согласованной модели поведения. Обязательство оказывается не «оболочкой» для условий, а структурой, внутри которой договорные нормы распределяют роли, риски и средства защиты. Эта структура

особенно наглядна в свете статьи 309 ГК РФ, предписывающей надлежащее исполнение в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, а при их отсутствии — в соответствии с обычаями и обычно предъявляемыми требованиями. Надлежащее исполнение всегда соотнесено не с абстрактным фактом существования договора, а с конкретной договорной нормой: что именно, когда, где, каким способом и в какой последовательности должно быть сделано. Статья 425 добавляет временное измерение: договор обязателен с момента заключения, может распространяться на ранее возникшие отношения, действует до определенного в нем момента окончания исполнения и не утрачивает значения для ответственности после истечения срока. Это означает, что договорная норма сохраняет себя во времени и служит непосредственным критерием оценки и текущего исполнения, и уже допущенного нарушения.

Особое значение имеют вспомогательные и кооперационные нормы. Пункт 3 статьи 307 требует от сторон добросовестного поведения, взаимного содействия и предоставления необходимой информации для достижения цели обязательства. В конкретном договоре эти общие требования получают индивидуальную форму: обязанность заблаговременно согласовать окно поставки, сообщить технические параметры приемки, предоставить доступ к площадке, передать исходные данные, не препятствовать исполнению встречного обязательства. В таких случаях договорная норма возникает на стыке текста, цели обязательства и общего стандарта добросовестности. Ее нельзя свести ни к одной буквальной фразе договора, ни к отвлеченной норме закона; она существует как конкретизированная мера поведения, без выявления которой невозможно ни надлежащее исполнение, ни справедливое распределение ответственности.

Договорная норма и толкование договора. Если договорная норма есть подлинная единица договорного регулирования, то и толкование договора должно быть направлено прежде всего на ее установление. Статья 431 ГК РФ именно так и выстроена. Она начинает с буквального значения слов и выражений, затем требует сопоставлять условие с другими условиями и смыслом договора в целом, а при недостаточности этих приемов — выяснять действительную общую волю сторон с учетом цели договора, переговоров, переписки, практики взаимоотношений, обычаев и последующего поведения. Следовательно, толкование движется от текста к правилу поведения, а от правила поведения — к внутренней структуре обязательства. Пленум Верховного Суда усиливает именно этот вектор [6, п. 43–45]. Суд предписывает учитывать основные начала гражданского законодательства, разумность и добросовестность участников оборота, смысл договора в целом, цель договора и существо законодательного регулирования соответствующего обязательства; допускается применение и иных приемов толкования, а при неясности и невозможности установить общую волю — толкование против стороны, подготовившей формулировку. Такая методика плохо объяснима в логике чисто текстуального подхода, для которого договор сводится к словам. Напротив, она естественна, если считать конечным результатом толкования установление индивидуальной нормы: суду нужно не только понять, что написано, но и определить, какое именно правило поведения стороны создали, в каком объеме оно действует и как соотносится с законодательной рамкой.

Отсюда вытекает и следующий исследовательский шаг. Пока объектом толкования считается «условие договора», спор остается на уровне текста и языковой техники. Как только объектом становится договорная норма, толкование приобретает герменевтический характер: речь идет о восстановлении индивидуального нормативного смысла, возникающего из текста, контекста, цели и структуры обязательства. Именно здесь открывается перспектива дальнейшего анализа — уже не договора как формы признанной воли и не договорной нормы как ее регулятивного результата, а способов понимания этой нормы в ситуации спора.

Пределы категории договорной нормы. Категория договорной нормы сохраняет свой аналитический статус лишь при четко очерченных границах. Договорная норма существует там, где из договора и всей системы нормативно-правового регулирования можно вывести юридически значимое правило должного поведения или правомочия, имеющее значение для исполнения, защиты, ответственности либо распределения рисков. Поэтому к договорным нормам не относятся всякий абзац преамбулы, экономический прогноз, деловой мотив, техническое описание товара, справочное указание на историю переговоров или декларация намерений, если они не встроены в модель поведения сторон. Они могут служить материалом для интерпретации, но получают нормативное качество лишь тогда, когда участвуют в определении того, что именно сторона обязана сделать, терпеть, сообщить, принять или вправе потребовать.

То же касается ожиданий сторон. Частная автономия не превращает каждое субъективное представление в юридическое правило. Правовое значение приобретают только те ожидания, которые нашли выражение в условиях договора либо могут быть реконструированы в порядке статьи 431 ГК РФ как действительная общая воля сторон. Кроме того, договорная норма действует внутри императивных и ценностных пределов частного права: она должна соответствовать обязательным правилам закона, не может легитимировать злоупотребление правом и не может толковаться так, чтобы позволить одной стороне извлечь преимущество из собственного незаконного или недобросовестного поведения. В этом проявляется ее относительная автономия: договорная норма создается сторонами, но сохраняет юридическую силу только в границах правопорядка.

Список литературы:

[1] Усанов В. Е., Кравцов С. С., Жеребченко А. В. Собственность как форма // Образование и право. 2025. № 10. С. 235-241.

[2] Гегель Г. В. Ф. Философия права // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. С. 96-97.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 420, п. 1; ст. 307, п. 1; ст. 425, п. 1.

[4] Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 26–27.

[5] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2001. С. 295.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». П. 43.

[7] Асеев А.Ю. Место договора в системе источников гражданского права России // Вопросы российской юстиции. 2021. №15. С.153-165.

References:

[1] Usanov V. E., Kravtsov S. S., Zherebchenko A. V. Ownership as a Form // Education and Law. 2025. No. 10. Pp. 235-241.

[2] Hegel G. V. F. Philosophy of Law // Hegel G. V. F. Works. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz, 1934. Vol. VII. Pp. 96-97.

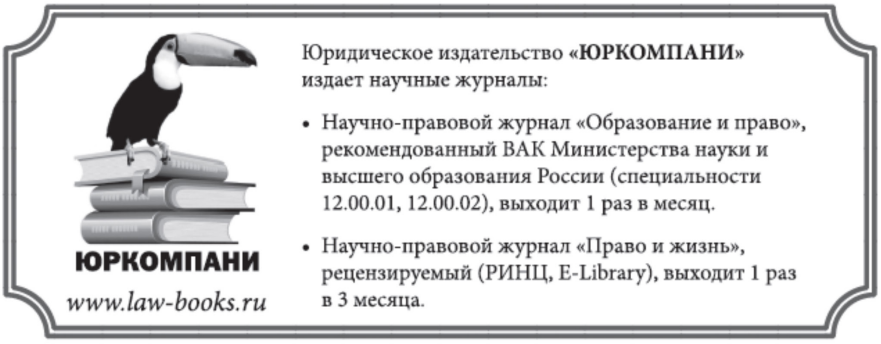
[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ: [adopted by the State Duma on October 21, 1994] // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 420, paragraph 1; Art. 307, paragraph 1; Art. 425, p. 1.

[4] Ioffe O. S. Law of Obligations. Moscow: Legal Literature, 1975. pp. 26–27.

[5] Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed., reprinted. Moscow: Statut, 2001. p. 295.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018, No. 49 “On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of a Contract.” P. 43.

[7] Aseev A. Yu. The Place of a Contract in the System of Sources of Civil Law in Russia // Questions of Russian Justice. 2021. No. 15. pp. 153–165.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-290-293

ФАТЕЕВ Андрей Сергеевич,

аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Юридический факультет, АНО ВО «Московский университет «Синергия»,

e-mail: fatia200086@gmail.com

ОБЪЕКТИВНАЯ (ПРЕДЕЛЬНАЯ) ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье анализируется институт объективной (предельной) исковой давности, предусмотренный пунктом 2 статьи 196 Гражданского кодекса Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена истечением первых десятилетних сроков в 2023–2025 гг., что повлекло формирование новой судебной практики. Автором рассматриваются теоретические и правоприменительные проблемы, связанные с исчислением объективного срока, его соотношением с субъективным сроком, а также анализируются актуальные позиции Верховного и Конституционного Судов РФ. Особое внимание уделяется правовой позиции Верховного Суда РФ по вопросу о неприменении объективного срока к требованиям о взыскании убытков за нарушения, совершённые до введения данной нормы, а также новейшей судебной практике по искам прокуратуры. На основе проведённого исследования формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.*

Ключевые слова: *исковая давность, объективный срок, субъективный срок, десятилетний срок, пункт 2 статьи 196 ГК РФ, предельный срок, судебная практика, Верховный Суд РФ.*

FATEEV Andrey Sergeevich,

Postgraduate Student, Department of Business Regulation and Civil Procedure, Law Faculty, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education “Moscow University ‘Synergy’”

OBJECTIVE (ULTIMATE) LIMITATION PERIOD IN RUSSIAN CIVIL LAW: ISSUES OF CALCULATION AND TRENDS IN JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article analyzes the institution of the objective (ultimate) limitation period provided for by paragraph 2 of Article 196 of the Civil Code of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the expiration of the first ten-year periods in 2023–2025, which led to the formation of new judicial practice. The author examines theoretical and law-enforcement problems related to the calculation of the objective period, its correlation with the subjective period, and also analyzes the current positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation. Special attention is paid to the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation on the non-application of the objective period to claims for damages for violations committed before the introduction of this norm, as well as to the latest judicial practice in claims brought by the prosecutor’s office. Based on the conducted research, proposals for improving legal regulation are formulated.*

Key words: *limitation period, objective period, subjective period, ten-year period, paragraph 2 of Article 196 of the Civil Code of the Russian Federation, ultimate period, judicial practice, Supreme Court of the Russian Federation.*

Институт исковой давности занимает центральное место в механизме защиты гражданских прав, обеспечивая стабильность гражданского оборота и правовую определённость. Принятие в 2013 году Федерального закона № 100-ФЗ внесло существенные изменения в правовое регулирование сроков исковой давности [1]. Одним из наиболее значимых нововведений стала норма, содержащаяся в пункте 2 статьи 196 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), согласно которой срок исковой давности не может превышать

десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом «О противодействии терроризму» [2].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что с 1 сентября 2013 г., когда пункт 2 статьи 196 ГК РФ вступил в силу, в 2023–2025 гг. начали истекать первые десятилетние сроки, что обусловило формирование новой, ещё не в полной мере осмысленной в доктрине судебной практики. Как отмечает А.А. Махлушева, несмотря на длительное существование правил нормативного регулирования, закреплённых в главе 12 ГК РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43, системные проблемы и противоречия в толковании и применении норм об исковой давности сохраняются [8, с. 149].

Правовая конструкция объективной исковой давности, закреплённая в пункте 2 статьи 196 ГК РФ, представляет собой новацию отечественного гражданского законодательства, воспринятую из правовых систем стран континентальной Европы. Как указывает П.С. Вавинова, главное отличие объективного срока от общего (субъективного) сводится к разнице в исчислении их начала: течение объективного срока не зависит от осведомлённости истца о нарушенном праве [7, с. 72]. В отличие от субъективного срока, установленного пунктом 1 статьи 196 ГК РФ и составляющего три года, начало течения объективного срока определяется моментом совершения правонарушения [2].

Важнейшим разъяснительным актом по вопросам применения норм об исковой давности является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» [3]. Пункт 8 данного Постановления содержит принципиально важное разъяснение: к объективному десятилетнему сроку не подлежат применению правила о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности, поскольку он является пресекательным (предельным) [3, п. 8]. При этом в том же пункте содержится исключение: в пределах этого срока истцу не может быть отказано в защите права, если до его истечения имело место обращение в суд в установленном порядке или обязанным лицом совершены действия, свидетельствующие о признании долга [3, п. 8].

В теоретическом аспекте наиболее дискуссионным остаётся вопрос о толковании «дня нарушения права» как точки отсчёта десятилетнего срока. Формальная простота данной конструкции скрывает серьёзные правоприменительные сложности, особенно в ситуациях длящихся правонарушений. Как обоснованно указывает П.С. Вавинова, существование объективного давностного срока целесообразно только при условии, что течение субъективного срока исковой давности не выходит за его пределы [7, с. 76]. Судебная практика выработала устойчивый подход: течение объективного срока начинается с момента фактического совершения действий, нарушающих право, независимо от того, когда эти действия были обнаружены или осознаны как правонарушение.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2025 г. № 305-ЭС24-21469 по делу № А40-25790/2022 Суд указал, что установленный п. 2 ст. 196 ГК десятилетний срок исковой давности носит объективный характер и, в отличие от срока, установленного п. 1 этой же статьи, начало его течения не зависит от осведомлённости истца (реальной или потенциальной) о нарушенном праве и надлежащем ответчике [6, л. 5–12]. В названном определении Верховный Суд РФ, оставляя в силе определение суда первой инстанции, которым отказано в удовлетворении требования о взыскании убытков, признал, что вменяемые ответчику нарушения совершены до введения в законодательство объективного срока исковой давности, в связи с чем п. 2 ст. 196 ГК РФ к этим правоотношениям не применим. Трёхлетний субъективный срок исковой давности был исчислен судом с момента, когда о нарушениях стало известно конкурсному управляющему (апрель 2023 г.), и ко дню обращения в суд (октябрь 2023 г.) этот срок не истёк [6, л. 5–12].

Из данного подхода вытекают две проблемы. Во-первых, вопрос об обратной силе пункта 2 статьи 196 ГК РФ: Верховный Суд РФ указал, что десятилетний срок исковой давности не подлежит применению к требованиям о взыскании убытков за нарушения, совершённые до 1 сентября 2013 г. [6, л. 5–12]. Во-вторых, специфика начала течения срока исковой давности по требованиям, заявляемым конкурсным управляющим в процедуре банкротства: момент осведомлённости управляющего о нарушении может наступать значительно позже самого нарушения, что требует учёта при исчислении субъективного срока.

Согласно пункту 8 Постановления Пленума ВС РФ № 43, к объективному десятилетнему сроку не применяются правила о приостановлении и перерыве (статьи 202–204 ГК РФ) [3, п. 8]. Данный подход вызвал дискуссию в науке. Ряд авторов обоснованно указывают, что строгое следование данному разъяснению в ряде случаев приводит к явной несправедливости, когда истец объективно

не мог обратиться за судебной защитой в пределах десятилетнего срока [8, с. 150]. Вместе с тем в пункте 8 Постановления № 43 содержится важное исключение: в пределах этого срока истцу не может быть отказано в защите права, если до его истечения имело место обращение в суд в установленном порядке или обязанным лицом совершены действия, свидетельствующие о признании долга [3, п. 8]. Данное разъяснение фактически создаёт механизм, аналогичный перерыву течения срока, что порождает доктринальные дискуссии о его правовой природе. В научной литературе высказываются предложения по уточнению правил применения объективной давности с учётом действия закона во времени, а также по дальнейшему совершенствованию института исковой давности в целом [8, с. 151].

Особую остроту в 2024–2025 гг. приобрела проблема применения сроков исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход государства имущества, приобретённого с нарушением антикоррупционных запретов. Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П взаимосвязанные положения ст. 195, 196, 197, 200, 208 ГК РФ признаны не соответствующими Конституции РФ в части, допускающей применение исковой давности к требованиям об обращении в доход государства имущества, приобретённого вследствие нарушения лицом, замещающим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, без учёта публично-правовой природы таких требований [4, л. 5–11]. Суд указал, что недобросовестное поведение лица, замещающего публично значимую должность, не может служить основанием для использования института исковой давности как средства легализации имущества, полученного в нарушение основ правопорядка [4, л. 5–11].

В 2025 году Конституционный Суд РФ также вынес два определения об отказе в принятии к рассмотрению жалоб компаний «Мираж» и «Геатон» (№ 913-О и № 914-О от 14 апреля 2025 г.), которые оспаривали применение судами норм ГК о сроках исковой давности [5]. Обе фирмы стали ответчиками по искам прокуратуры, посчитавшей незаконной приватизацию, проведённую ещё в 1994 году, при этом иски были поданы только в 2023 году. Конституционный Суд отказался рассматривать жалобы, указав, что положения статьи 200 ГК РФ наделяют суд правом самостоятельно определять момент начала течения срока исковой давности исходя из обстоятельств конкретного дела, и отметив недопустимость применения института исковой давности в качестве способа легализации имущества, незаконно приобретённого в ущерб интересам публичного собственника [5]. Суд также указал, что дата перехода имущества из публичной собственности в частную при приватизации не может рассматриваться как критерий, определяющий течение срока исковой давности; исковая давность по требованиям прокурора, заявленным по результатам проведения проверки, исчисляется с даты её окончания.

Данная позиция вызвала дискуссию в доктрине: с одной стороны, она направлена на защиту публичных интересов и борьбу с коррупцией, с другой — порождает риск нарушения принципа правовой определённости и прав добросовестных приобретателей, поскольку речь идёт о возможности изъятия имущества спустя значительный (теоретически неограниченный) период времени.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и практические рекомендации.

Во-первых, институт объективной исковой давности, введённый в российское гражданское законодательство в 2013 году и начавший активно применяться судами с 2023 года, является востребованным правовым механизмом, обеспечивающим стабильность гражданского оборота. Однако его применение сопряжено с рядом теоретических и правоприменительных проблем, требующих разрешения.

Во-вторых, Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 3 апреля 2025 г. № 305-ЭС24-21469 дал важное разъяснение о неприменении объективного десятилетнего срока к требованиям о взыскании убытков за нарушения, совершённые до введения данной нормы (до 1 сентября 2013 г.) [6, л. 5–12]. Представляется целесообразным закрепление данной позиции в акте Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия судебной практики.

В-третьих, нуждается в пересмотре вопрос о применимости приостановления и перерыва к объективному сроку. Целесообразно допустить возможность приостановления течения объективного срока на период соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора, а также в иных объективно препятствующих обращению в суд обстоятельствах [8, с. 150].

В-четвертых, постановления Конституционного Суда РФ по «антикоррупционным» искам прокуратуры, хотя и обоснованны с точки зрения защиты публичных интересов, требуют взвешенного подхода, исключающего произвольное и неограниченное

применение исковой давности, что может привести к нарушению принципа правовой определённости и прав добросовестных приобретателей.

Таким образом, дальнейшее развитие института исковой давности в российской правовой системе должно осуществляться по пути поиска оптимального баланса между необходимостью защиты нарушенных прав, с одной стороны, и обеспечением стабильности и предсказуемости гражданского оборота — с другой.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 19. — Ст. 2327.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[3] О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 12.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (дата обращения: 09.05.2026).

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 14.04.2025 № 913-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853942 (дата обращения: 09.05.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.04.2025 № 305-ЭС24-21469 по делу № А40-25790/2022 // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411710830/ (дата обращения: 09.05.2026).

[7] Вавинова П.С. Объективный срок исковой давности в гражданском законодательстве Российской Федерации: проблемы применения / П.С. Вавинова // StudArctic forum. — 2022. — Т. 7, № 1. — С. 72–79.

[8] Махлушева А.А. Институт исковой давности в гражданском праве / А.А. Махлушева // Молодой ученый. — 2025. — № 41 (592). — С. 149–151.

References:

[1] Federal Law of 07.05.2013 No. 100-FZ “On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2013. — No. 19. — Article 2327.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Article 3301.

[3] On Certain Issues Related to the Application of the Norms of the Civil Code of the Russian Federation on the Limitation Period: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2015 No. 43 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2015. — No. 12.

[4] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P in the case concerning the verification of the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and the second paragraph of paragraph 2 of Article 200, the second paragraph of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (date of access: 09.05.2026).

[5] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 14, 2025 No. 913-O // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853942 (accessed: 09.05.2026).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.04.2025 No. 305-ES24-21469 in case No. A40-25790/2022 // SPS “Garant”. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411710830/ (accessed: 09.05.2026).

[7] Vavinova P.S. Objective limitation period in the civil legislation of the Russian Federation: problems of application / P.S. Vavinova // StudArctic forum. — 2022. — Vol. 7, No. 1. — P. 72–79.

[8] Makhlusheva A.A. Institute of statute of limitations in civil law / A.A. Makhlusheva // Young scientist. — 2025. — No. 41 (592). — P. 149–151.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-294-298

ШУГУЛБАЕВ Жанат Ансабаевич,
преподаватель ОмГУ им Ф.М. Достоевского,
e-mail: zh.shugulbaev@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Один из инструментов, посредством которых государство реализует идеологическую функцию, – его основной закон: в нем помимо основ правопорядка закреплены базовые ценности и ориентиры развития. Однако Конституции Российской Федерации и иных стран демонстрируют отказ от государственной идеологии, за некоторым исключением (например, конституции Республики Беларусь, Ирака, Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Кубы и Пакистана). Цель исследования – показать, что запрет обязательной идеологии не означает отказ государства от осуществления идеологической функции. При использовании сравнительно правового (рассмотрены конституции разных стран мира) и формально юридического методов было выявлено, что непосредственное указание в основном законе на идеологию является необязательным, так как конституция является идеологичной по своей природе, выполняет идеологическую функцию. Таким образом, конституционный запрет адресован принудительному навязыванию единой партийно-политической доктрины, но не упраздняет совокупность ценностей, которые основной закон закрепляет и транслирует.*

SHUGULBAEV Zhanat Ansabaevich,
lecturer of Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

THE IDEOLOGICAL FUNCTION IN THE BASIC LAW OF THE STATE

Annotation. *One of the tools through which the state implements its ideological function is its basic law: in addition to the foundations of law and order, it enshrines basic values and development guidelines. However, the Constitutions of the Russian Federation and other countries demonstrate a rejection of state ideology, with some exceptions (for example, the constitutions of the Republic of Belarus, Iraq, the People's Republic of China, the Democratic People's Republic of Korea, Cuba and Pakistan). The purpose of the study is to show that the prohibition of compulsory ideology does not mean that the state refuses to carry out its ideological function. When using comparative legal (constitutions of different countries of the world were considered) and formal legal methods, it was revealed that a direct reference to ideology in the basic law is optional, since the constitution is ideological in nature and performs an ideological function. Thus, the constitutional ban is aimed at the forced imposition of a single party-political doctrine, but it does not abolish the set of values that the basic law enshrines and translates.*

Введение

Идеологическая функция государства – постоянная деятельность государства в лице органов власти и должностных лиц по формированию, продвижению и закреплению ценностей и установок, определяемых в конкретный период его развития. Эта функция – одна из немногих присущих государству, содержание которой не претерпевает существенных изменений с течением времени. Напротив, со стремительным развитием постиндустриального общества идеологическая функция приобретает особую ценность и значимость для обеспечения безопасности и целостности государства. Одним из ключевых источников идеологической функции государства выступает конституция как основной закон. Это вытекает из учредительного и декларативного характера основного закона: именно в нем закреплены фундаментальные положения, определяющие государственный строй. Вместе с тем, в части «идеологии» ст. 13 Конституции РФ указывает на идеологическое многообразие и запрет на установление государственной или обязательной идеологии. Значит ли это, что государство не осуществляет идеологическую функцию посредством основного закона?

Идеология в конституциях стран мира

В Основном законе Российской Федерации содержится запрет на установление государственной или обязательной идеологии (ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции РФ). Аналогичные положения, связанные с провозглашением идеологического многообразия, и/или запретом на государственную идеологию, и/или недопустимостью дискриминации по идеологическим взглядам, закреплены во многих конституциях других государств. Помимо ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции РФ аналогичные положения закрепляют ст. 11 Конституции Республики Болгария 1991 г., согласно которой ни одна политическая партия или идеология не может провозглашаться или утверждаться в качестве государственной [4], ч. 2 ст. 5 Конституции Республики Молдова 1994 г., которой запрещено установление какой-либо идеологии в качестве официальной [8], ст. 12 Конституции Республики Узбекистан 1992 г. [11] и т.д. Исключительными в этой части выступают правопорядки Бангладеша, Республики Беларусь, Ирака, Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Кубы и Пакистана.

В ряде правопорядков конституционная идеология носит светский партийно-доктринальный характер. Так, преамбула Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. закрепляет развитие страны под руководством Коммунистической партии Китая и на основе марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, а также идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи [6]. Ст. 3 Социалистической конституции Корейской Народно-Демократической Республики провозглашает, что государство руководствуется в своей деятельности исключительно «великим кимирсенизмом-кимчениризмом» [10]. Ст. 5 Конституции Республики Куба 2019 г. закрепляет руководящую роль Коммунистической партии Кубы, определяемой как мартианская и марксистско-ленинская, а сам социалистический строй объявляется необратимым [7].

В некоторых странах конституционная идеология имеет религиозную или национально-ценностную природу. Резолюция о целях, инкорпорированная в Конституцию Исламской Республики Пакистан в качестве статьи 2-А, провозглашает суверенитет Аллаха над всей вселенной и осуществление государственной власти в пределах, установленных исламом [9]. Ст. 2 Конституции Республики Ирак 2005 г. закрепляет ислам в качестве официальной религии государства и основного источника законодательства [5]. Преамбула и ст. 8 Конституции Народной Республики Бангладеш в качестве основополагающих принципов государственной политики провозглашают национализм, социализм, демократию и секуляризм [2].

Особый интерес представляет Республика Беларусь, конституционная динамика которой наглядно иллюстрирует переход от деидеологизации к прямому закреплению идеологии. В первоначальной редакции 1994 г. ст. 4 Конституции устанавливала осуществление демократии на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений и запрещала установление идеологии политических партий и иных объединений в качестве обязательной для граждан. После конституционной реформы 2022 г. та же ст. 4 закрепила, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений [3]. Тем самым государство перешло от формулы, близкой к запрету, к прямому конституционному закреплению собственной идеологии.

Объяснение запрета идеологии

Основная предпосылка к тенденции по идеологическому запрету коренится в исторической линии развития института идеологии и в стремлении не допустить повторения негативного опыта тотальной идеологизации. Положения ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции РФ, провозглашающие идеологическое многообразие и запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, закрепили недопустимость воспроизведения советской модели единой обязательной доктрины [19]. Вследствие этого правопорядки и доктрина предпочитают избегать самого термина «идеология», заменяя его более нейтральными конструкциями. Конституция каждого государства несет в себе определенную идеологию как совокупность закрепленных в ней ценностей, однако в литературе эту составляющую нередко именуют «конституционным мировоззрением», сознательно исключая термин «идеология» [17].

Дополнительная причина состоит в смешении понятий «идеология» и «идеологическая функция». А. Л. Бредихин обоснованно разграничивает их: идеологическая функция государства означает процесс реализации определенных идеологем и установок, тогда как идеология представляет собой их сущностное содержание [14]. Отказ от идеологии как обязательного содержания не влечет отказа от идеологической функции как постоянного направления деятельности государства. Наконец, на уровне юридической техники проявление идеологической функции сдерживается требованием нейтральности конституционного текста. Как подчеркивает А. В.

Безруков, юридический текст конституции должен быть изложен настолько четко, чтобы в своей идеологической составляющей не выражать интересов отдельных личностей или сообществ; конституция призвана включать положения, которые разделяются или по меньшей мере не отвергаются основными общественными группами [13]. Именно этим объясняется предпочтение нейтральных формулировок прямому провозглашению идеологии.

Таким образом, отказ конституций от прямого закрепления идеологии обусловлен не отсутствием у государства системы ценностей, а исторически сложившимся и пока не преодоленным исторически сложившимся отрицательным отношением к самому институту идеологии, терминологической осторожностью и стремлением сохранить нейтральность основного закона. Эти причины объясняют форму, но не отменяют существа: идеологическая функция продолжает осуществляться независимо от того, назван ли ее результат идеологией.

Идеологическая функция как неотъемлемый элемент государства

Отсутствие идеологии губительно: любой правопорядок имеет идеологию, но не каждый закрепляет ее документально. Без относительно общих ориентиров развития общество, как основа и причина существования государства, разобщено и легко поддается манипуляциям иных идейных порядков, что ставит в уязвимое положение. Государственная идеология обеспечивает стабильность и национальную безопасность, подтверждением этому выступает далеко не один региональный кризис, вызванный или, наоборот, не начавшийся благодаря «формулированию национальных идеологических доктрин» [20]. Наличие государственной идеологии влияет и на трансформацию правопорядка, людей. Так, О. Е. Кутафин пишет, что «общество и государство не могут существовать без идеологии. Чтобы развиваться, они должны иметь концепцию развития, которая и является выбором определенных идеологических установок» [21]. Справедливо считать, что выполнение идеологической функции присуще любому государству с момента его появления, а сама идеология может выступать неотъемлемым признаком государства [16].

Доктрина в целом единодушна в признании идеологической функции имманентным свойством конституции. Н. А. Трусов указывает, что конституция либо отражает доминирующую в общественном сознании идеологическую конструкцию, либо устанавливает принятую органами публичной власти общественно-политическую доктрину; даже без четко обозначенной идеологии конституции реализуют идеологическую функцию, провозглашая ценности и идеалы, положенные в основу проводимой государством политики [23]. К. М. Исаева, опираясь на понимание идеологии как системы идей, взглядов и убеждений, заключает, что любая конституционная модель содержит идеологический компонент, а идеологическая насыщенность конституционного материала постоянно возрастает [18].

Потому отсутствие прямого указания в основном законе на идеологию не означает, что правопорядок не осуществляет идеологическую функцию. Следует признать презумпцию наличия государственной идеологии.

Как отмечалось выше, идеологическая функция представляет собой процесс реализации идеологем, тогда как идеология есть их сущностное содержание. Следовательно, запрет ч. 2 ст. 13 Конституции РФ адресован содержанию – обязательной партийной доктрине, – но не процессу, то есть не самой функции. В подтверждение этому можно привести позицию профессора В. С. Нерсесянца, который рассматривал конституционализм как общегосударственную надпартийную идеологию, которая не противоречит положению ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: установленный запрет относится ко всем партийным идеологиям, но не к конституционализму – в силу общегосударственной природы и общеобязательного характера самой Конституции [19]. Тем самым конституционная идеология не отрицается ст. 13 Конституции РФ, а предполагается ею: запрет обязательной идеологии сам является идеологическим выбором в пользу плюрализма и потому подтверждает, а не опровергает идеологичность основного закона. Действительно, как пишет, С. В. Нарутто, «Конституция имеет определенную идейную значимость, выступая средством духовного воздействия, обеспечения ценностных духовно-мировоззренческих ориентиров» [22]. Дополнительным подтверждением выступает и то, что С. А. Авакьян, выделяя наряду с учредительной организаторскую, внешнеполитическую, юридическую и идеологическую функции конституции, также относит идеологическую функцию к числу ее сущностных свойств [12].

Идеологическое содержание конституции проявляется через конституционные идеалы. Правовое регулирование осуществляется на основе определенного конституционного идеала, переводящего образ должного из сферы идеального в сферу нормативного. Так, упоминание о вере в Бога в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ представляет собой юридически закрепленный «идеологический код государства»

[15]. Подобные нормы не превращают Россию в религиозное государство, но фиксируют ценностные ориентиры, обращенные в будущее, и тем самым раскрывают идеологическую функцию основного закона. Так, основной закон государства сам по себе является идеологичным, на постоянной основе выполняет инструмент осуществления идеологической функции: он демонстрирует верховенство определенных целей в силу особенностей правовой природы, собирает воедино основные положения существования и направления развития общества, обеспечивая целостность и системность идеологии.

Заключение

Закрепление идеологии должно находить свое отражение в основном законе государства, поскольку идеологическая функция играет первоочередное значение в сохранении целостности и устойчивости общества. Вместе с тем, как показал анализ основных законов стран, прямое грамматическое закрепление идеологии в конституции является скорее исключением, чем правилом. При этом такое положение не означает, что подавляющее большинство стран существует без принятой системы ценностей и не осуществляет идеологическую функцию. Непосредственное указание на идеологию является необязательным, так как основной закон содержит в себе идеологию, то есть является идеологичным по своей природе. Таким образом, допустимо говорить о презумпции наличия идеологии в конституции.

Изложенное позволяет снять мнимое противоречие между запретом государственной или обязательной идеологии (ч. 1, 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации) и идеологичностью основного закона. Конституционный запрет адресован принудительному навязыванию единой партийно-политической доктрины, но не упраздняет совокупность ценностей, которые основной закон закрепляет и транслирует. Эволюция конституционной идеологии – от либеральной парадигмы 1993 года к усилению социального и традиционно-ценностного начала после конституционной реформы 2020 года, – подтверждает вывод о том, что идеологическая функция реализуется независимо от текстуального наименования. Это укрепляет обоснование презумпции идеологичности основного закона.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

[2] Конституция Народной Республики Бангладеш 1972 г.

[3] Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 (с изм. 2022 г.).

[4] Конституция Республики Болгария 1991 г.

[5] Конституция Республики Ирак 2005 г.

[6] Конституция Китайской Народной Республики 1982 г. (с изм. 2018 г.).

[7] Конституция Республики Куба 2019 г.

[8] Конституция Республики Молдова от 29.07.1994.

[9] Конституция Исламской Республики Пакистан 1973 г.

[10] Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики 1972 г. (с изм. 2019 г.).

[11] Конституция Республики Узбекистан 1992 г.

[12] Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.

[13] Безруков А. В. Федеральная Конституция и конституционные законы в системе конституционного законодательства и обеспечении правопорядка в России // Российская юстиция. 2015. № 10. С. 2–5.

[14] Бредихин А. Л. Правовая основа осуществления идеологической функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 6. С. 22–25.

[15] Будагова А. Ш. К вопросу о функциях конституционного идеала // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 6. С. 74.

[16] Буховец А. Н. Идеологическая функция государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 200 с.

[17] Иванов И. В. Правопреемство Россией Союза ССР: конституционно-правовые основы и принцип функционирования публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 19–22.

[18] Исаева К. М. Идеологическая функция Конституции Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4. С. 59–62.

[19] Кардашова И. Б. Роль национальной идеи в обеспечении национальной безопасности // Современное право. 2025. № 1. С. 5–11.

[20] Краснова Е. А. Приоритетные национальные проекты и идеологическая функция государства // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 14. С. 71–77.

[21] Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М., 2008. 543 с.

[22] Нарутто С. В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания //

Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 64–70.

[23] Трусов Н. А. Проявление функций Конституции в конституционной реформе России 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 3–6.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 4398.

[2] Constitution of the People's Republic of Bangladesh 1972

[3] Constitution of the Republic of Belarus of 15.03.1994 (as amended in 2022).

[4] Constitution of the Republic of Bulgaria 1991

[5] Constitution of the Republic of Iraq 2005

[6] Constitution of the People's Republic of China 1982 (as amended 2018).

[7] Constitution of the Republic of Cuba 2019

[8] Constitution of the Republic of Moldova of 29.07.1994.

[9] Constitution of the Islamic Republic of Pakistan 1973

[10] Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea 1972 (as amended 2019).

[11] Constitution of the Republic of Uzbekistan, 1992

[12] Avakyan S. A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M., 2000.

[13] A. Bezrukov Federal Constitution and constitutional laws in the system of constitutional legislation and law enforcement in Russia//Russian Justice. 2015. № 10. S. 2-5.

[14] Bredikhin A. L. The legal basis for the implementation of the ideological function of the state//State power and local self-government. 2020. № 6. S. 22-25.

[15] Budagova A. Sh. On the question of the functions of the constitutional ideal//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). 2022. № 6. S. 74.

[16] Bukhovets A.N. Ideological function of the state: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2002. 200 s.

[17] Ivanov I.V. Succession by Russia of the USSR: constitutional and legal foundations and principle of functioning of public authority// Constitutional and municipal law. 2024. № 3. S. 19-22.

[18] Isaeva K. M. Ideological function of the Constitution of the Russian Federation//Legal Bulletin of DSU. 2013. № 4. S. 59-62.

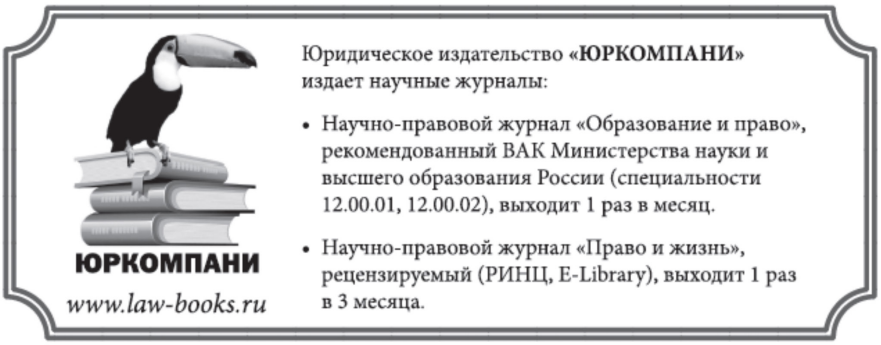
[19] Kardashova I. B. The role of the national idea in ensuring national security//Modern law. 2025. № 1. S. 5-11.

[20] Krasnova E. A. Priority national projects and the ideological function of the state//Bulletin of Chelyabinsk State University. 2008. № 14. S. 71-77.

[21] Kutafin O. E. Russian constitutionalism. M., 2008. 543 p.

[22] Narutto S.V. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation in determining the paradigm of modern legal understanding// Constitutional and municipal law. 2016. № 11. S. 64-70.

[23] Trusov N. A. Manifestation of the functions of the Constitution in the constitutional reform of Russia in 2020//Constitutional and municipal law. 2022. № 4. S. 3-6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-299-305

КУКЛИН Егор Романович,

Аспирант III курса юридического факультета Государственного университета просвещения,

e-mail: rk.q.46@mail.ru

Научный руководитель:

КИЛЬМАШКИНА Татьяна Николаевна,

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения,

e-mail: mail@law-books.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ РЫНКА, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. *Эмпирической основой статьи выступает статистика Минэкономразвития, а также аналитические материалы Ассоциации инфраструктурных инвесторов и кредиторов (АИИК) и Национальной ассоциации инфраструктурных компаний (НАИК). В статье продемонстрировано текущее положение рынка государственно-частного партнёрства и концессий в РФ: какие отрасли лидируют, как распределяются проекты по регионам и какие институциональные механизмы заработали после подключения ВЭБ. РФ к оценке крупных инициатив. Особое место уделено недавним поправкам, внесённым Федеральным законом № 699828-8 в сферу ГЧП в здравоохранении: разбираются новые ограничения на реконструкцию единственных медучреждений, введение платёжного механизма на основе обоснованного объёма валовой выручки (ОВВ), а также полномочия Правительства устанавливать пределы финансового участия концедента и возможность привлекать государственные бюджетные учреждения в качестве третьих лиц. В статье также затронуты острые финансовые вопросы — подтверждение финансирования по частным концессионным инициативам, кассовые разрывы у подрядчиков по госконтрактам и механизм долгосрочных инвестиционных соглашений (ДИС), который использует ГК «Автодор» при строительстве федеральных трасс. В завершение предлагаются конкретные меры: двухэтапная модель подтверждения финансирования, процентный доход на авансы и целевые казначейские депозиты, дифференциация лимитов участия концедента, а также доработка методик расчёта ОВВ и оценки проектов с учётом отраслевой специфики.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнёрство, концессия, здравоохранение, платёжный механизм, частная концессионная инициатива, подтверждение финансирования, кассовые разрывы, долгосрочные инвестиционные соглашения.*

KUKLIN Egor Romanovich,

Graduate student of the III year of the Law Faculty of the State University of Education

Supervisor:

KILMASHKINA Tatyana Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN RUSSIA: STATE OF THE MARKET, LEGISLATIVE INNOVATIONS AND PROBLEMS OF FINANCING INFRASTRUCTURE PROJECTS

Annotation. *The article draws empirical data from the Ministry of Economic Development and Trade, as well as analytical materials from the Association of Infrastructure Investors and Lenders (AIIC) and the National Association of Infrastructure Companies (NAIC). It presents the current state*

of the public-private partnership and concession market in Russia: which sectors are leading, how projects are distributed across regions, and which institutional mechanisms have been activated since VEB.RF joined the evaluation of major initiatives. Special attention is given to the recent amendments introduced by Federal Law No. 699828-8 to PPPs in healthcare: new restrictions on the reconstruction of single medical facilities, the introduction of a payment mechanism based on the justified volume of gross revenue (SVR), as well as the government's authority to set limits on the financial participation of the concession grantor and the possibility of involving state-funded institutions as third parties are discussed. The article also addresses pressing financial issues, such as funding confirmation for private concession initiatives, cash flow gaps for contractors under government contracts, and the long-term investment agreement (LTIA) mechanism used by Avtodor State Company for the construction of federal highways. Finally, it proposes specific measures: a two-stage funding confirmation model, interest income on advances and targeted treasury deposits, differentiated participation limits for concession grantors, and refined methods for calculating the LTIA and project evaluation, taking into account industry specifics.

Key words: *public-private partnership, concession, healthcare, payment mechanism, private concession initiative, funding confirmation, cash flow gaps, long-term investment agreements.*

Введение

Государственно-частное партнёрство (ГЧП) является на текущий момент одним из ключевых экономических инструментов государства и частного бизнеса при реализации которого в привлекают внебюджетные (частные инвестиции), финансы в развитие общественной инфраструктуры и социально значимых проектов. Стоит отметить что основную правовую базу Российской Федерации в процессах регулирования ГЧП формируют законы: № 115-ФЗ от 21.07.2005 «о концессиях № 224-ФЗ 13.07.2015 о «ГЧП и МЧП». За последние несколько лет общее количество проектов ГЧП в значительной мере выросло: сейчас действует больше 4,4 тыс. соглашений, а общий объём законтрактованных инвестиций превысил 7,4 трлн рублей, причём 72% из них — частные средства [1].

Знаковым шагом в развитии отраслевого законодательства стало принятие в 2025 году Федерального закона № 699828-8, внёсшего изменения в регулирование ГЧП в сфере здравоохранения [2]. При этом стоит отметить, что сохраняется ряд финансово-экономических и правовых проблем которые касаются как ГЧП-проектов, так и обычных госзакупок: не в полной мере ясны механизмы подтверждения финансирования по частным инициативам и проектам, возникают кассовые разрывы при исполнении контрактов, а платёжные механизмы не всегда учитывают отраслевую специфику. Кроме того, активно набирает обороты относительно новый инструмент — долгосрочные инвестиционные соглашения (ДИС), которые ГК «Автодор» использует при строительстве федеральных трасс.

Цель статьи — опираясь на свежие статистические данные и аналитику ведущих отраслевых объединений (АИИК и НАИК), разобраться, в каком состоянии находится рынок ГЧП, оценить, как повлияло новое законодательство, и предложить возможные пути решения наиболее острых проблем. Методологически работа строится на формально-юридическом анализе нормативных актов, обзоре экономической статистики и сравнении механизмов финансирования.

Роль отраслевых объединений

На развитии рынка заметно сказывается работа двух структур — Ассоциации инфраструктурных инвесторов и кредиторов (АИИК) и Национальной ассоциации инфраструктурных компаний (НАИК). АИИК была создана при поддержке Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Сегодня она объединяет крупнейшие банки, инфраструктурные холдинги и госкомпании. По оценкам самой ассоциации, участники реализуют свыше 1 750 проектов общей стоимостью более 4,2 трлн рублей, а ежегодные налоговые отчисления компаний-членов превышают 377 млрд рублей [3].

Чем именно занимается АИИК? Прежде всего — участвует в подготовке законопроектов: даёт экспертные заключения, разрабатывает поправки. Кроме того, ассоциация координирует усилия участников рынка в части взаимодействия с органами власти (Минэкономразвития, Минфин, Минпромторг), продвигает инициативы по привлечению частных инвестиций, готовит аналитику и создаёт площадку, где бизнес, банки и чиновники могут обсуждать проблемы напрямую [3].

Если говорить о конкретных результатах — АИИК удалось добиться нескольких важных изменений. Во-первых, смягчены ограничения Бюджетного кодекса, касающиеся ГЧП: вступление поправок перенесли на начало 2025 года, ввели разовую проверку бюджетной

достаточности, а послабления распространили на регионы, получающие дотации. Во-вторых, принят пакет антикризисных мер — 250 млрд рублей казначейских кредитов регионам, 100 млрд рублей на облигации для строительства обходов городов, субсидия в размере 2/3 ключевой ставки, увеличение лимита по инфраструктурным облигациям до 300 млрд рублей, а также выделение 5,3 млрд рублей из федерального бюджета на купонные выплаты в 2025–2027 годах. В-третьих, внесены поправки, касающиеся федеральных проектов ГЧП в промышленности и космической инфраструктуре. И наконец, подготовлен комплекс предложений по доработке законов (39 ФЗ, 259 ФЗ, Налогового кодекса и других) [3].

Состояние рынка ГЧП в России

За три квартала 2025 года заключено 142 новых соглашения на общую сумму 246 млрд рублей. Всего же сейчас действует больше 4,4 тыс. соглашений с совокупным объёмом инвестиций 7,4 трлн рублей, причём 72% — это частные средства. Бюджетные и внебюджетные источники соотносятся примерно, как 1:3–1:4 [1].

Отраслевая картина выглядит следующим образом: транспорт стабильно лидирует — почти 66%, следом идёт ЖКХ с 16% и социальная сфера с 15%. По объёму законтрактованных инвестиций впереди Московская область (391 млрд рублей), Санкт-Петербург (353 млрд), Нижегородская область (323 млрд) и Москва (320 млрд) [1].

В 2024–2025 годах Минэкономразвития вместе с ВЭБ.РФ запустили несколько институциональных нововведений. Во-первых, ВЭБ.РФ теперь привлекается как эксперт для оценки крупных проектов (от 3 млрд рублей). Во-вторых, доработана методика оценки эффективности — теперь она включает проверку обоснованности создания объекта. В-третьих, с 2026 года планируется распространить эту оценку и на концессионные соглашения.

Первый замминистра экономического развития М. Колесников связывает позитивную динамику в том числе с тем, что законодательство о ГЧП регулярно совершенствуется, а это, по его словам, «повышает прозрачность механизма и расширяет возможности для участников рынка» [1]. Стоит ожидать, что принятые меры посодействуют более равномерному распределению рисков между государством и частным партнёром.

Анализ Федерального закона № 699828 8

Данный закон дополнил статью 4 Федерального закона № 115 ФЗ и соответствующие нормы закона № 224 ФЗ прямым запретом: концессионное соглашение нельзя заключить, если объект здравоохранения находится в оперативном управлении медицинской организации, которая является единственной в муниципалитете, оказывающей помощь хотя бы по одному из профилей — онкология, анестезиология и реаниматология, эндокринология и другие [2].

Формально норма направлена на то, чтобы сохранить доступность медицинской помощи, но на деле она исключает возможность реконструкции таких объектов, а значит, создаёт барьер для привлечения инвестиций в их модернизацию. Выход из данной ситуации видится в том, чтобы на уровне подзаконных актов предусмотреть следующее - реконструкция единственного объекта допускается, если не менее 70% объёма услуг будет оказываться по ОМС.

Стоит отметить, закон так же ввёл в качестве существенного условия концессионного соглашения обоснованный объём валовой выручки (ОВВ). В сфере ЖКХ ОВВ корреспондирует с необходимой валовой выручкой (НВВ), рассчитываемой органом тарифного регулирования. В здравоохранении тарифы ОМС утверждаются на один год, не имеют долгосрочного горизонта и не предназначены для компенсации капитальных затрат [3, 4].

Проблема заключается в том, что концессионер, принявший обязательство достичь ОВВ, не контролирует ни объёмы медицинской помощи (госзадание), ни тарифы. Инвестиционные расходы окупаются за 10–20 лет, а единственным гарантированным источником возврата капитала остаётся плата концедента, часто ограниченная бюджетными возможностями. Рекомендуется Правительству утвердить Методику расчёта ОВВ для концессий в здравоохранении, выделив инвестиционную составляющую отдельно и компенсируя её через плату концедента с ежегодной индексацией, а также обеспечить долгосрочное планирование тарифов ОМС (не менее 3 лет).

Закон закрепил за Правительством РФ полномочие устанавливать предельный размер финансового участия концедента. Соответствующее постановление пока не принято [2]. Предлагается установить дифференцированные лимиты в зависимости от типа объекта: для амбулаторий – не более 50%, для стационаров – не более 70%, для высокотехнологичных центров – не более 90% с возможностью превышения по решению межведомственной комиссии при Минэкономразвитии с участием Минздрава и ВЭБ.РФ. Закон уполномочил Правительство установить условия привлечения ГБУЗ в качестве третьего лица на стороне частного партнёра. Привлечение бюджетных учреждений требует минимизации рисков нецелевого использования

средств ОМС. Предлагается дополнить ч. 5 ст. 7 224 ФЗ указанием, что ГБУЗ сохраняет все права и обязанности по уставу, включая ответственность за качество, а финансирование его деятельности осуществляется напрямую из бюджета (субсидии на выполнение госзадания), минуя счета концессионера [3, 5].

Проблемы финансирования.

Так же постановление Правительства РФ от 15.03.2018 № 300 устанавливает порядок подтверждения участником конкурса или инициатором концессионного проекта наличия необходимых средств. Однако на практике этот порядок создаёт риски. С момента направления предложения до заключения соглашения проходит неопределённое время, условия могут меняться, банки выдают условные письма, которые не являются твёрдым обязательством [6, 7].

Если после подписания соглашения банк отказывает в финансировании, инвестор оказывается в ситуации правовой неопределённости: судебное разбирательство длится 6–12 месяцев, в течение которых он несёт убытки, а риск расторжения соглашения сохраняется.

В качестве предложения следует внести изменения в ПП № 300, предусмотрев двухэтапную модель: 1) предварительное подтверждение– на стадии подачи заявки; 2) твёрдое обязательство– в течение 30 дней после подписания соглашения. При отказе банка концессионер вправе расторгнуть соглашение без штрафов, а публичный партнёр – заключить соглашение с другим инвестором без повторных конкурсных процедур (механизм субституции).

Как указывает генеральный директор НАИК М. Ярмальчук, подрядчик получает аванс, запускает работы, но между освоением аванса и поступлением следующего транша неизбежно возникает кассовый разрыв. Закрывать его приходится за счёт банковских кредитов по рыночным ставкам, которые не предусмотрены в сметной документации. В условиях высокой ключевой ставки Банка России стоимость такого финансирования резко возросла, создавая риски срыва сроков [3].

НАИК предлагает два взаимосвязанных решения:

Процентный доход на авансы. Подрядчикам предлагается предоставить право размещать часть полученных авансовых платежей по контрактам (44 ФЗ, 223 ФЗ) на отдельных банковских счетах с начислением процентного дохода. Временно свободные средства должны работать, хотя бы частично компенсируя стоимость привлекаемых кредитов.

Целевые казначейские депозиты. Федеральное казначейство размещает часть временно свободных средств Единого казначейского счёта на банковских депозитах с жёстким условием: не менее 70–80% привлечённых ресурсов банки обязаны направить на льготное кредитование утверждённых инфраструктурных проектов (дороги, мосты, железнодорожные объекты). Отчётность перед Федеральным казначейством и Министерством транспорта обеспечивает прозрачность [3].

Для реализации необходимы корректировки Постановления Правительства РФ № 1020 от 11.07.2020 и Приказа Казначейства № 8н от 18.09.2025 (введение нового вида депозитов), а также принятие нового постановления, закрепляющего порядок отбора банков-участников и механизм контроля. Дополнительно требуется согласование с Банком России в части пруденциальных нормативов [3].

Данные предложения могут быть распространены и на проекты ГЧП, где концессионеры также сталкиваются с кассовыми разрывами. Системная увязка механизмов финансирования госконтрактов и ГЧП-проектов позволит создать единую архитектуру поддержки инфраструктурных инвестиций.

Стоит отметить что в транспортной инфраструктуре активно применяется специальный механизм – долгосрочные инвестиционные соглашения (ДИС), используемые Государственной компанией «Автодор» для строительства федеральных автомобильных дорог.

Сторонами ДИС являются: - Частная сторона – Исполнитель, определяемый по итогам конкурсного отбора (как правило, строительные организации с опытом эксплуатации автомобильных дорог либо создаваемые ими под проект специальные компании) или дочерняя структура ГК «Автодор», участие в капитале которой затем отчуждается в частный сектор; - Заказчик – Государственная компания «Автодор» [3, с. 22].

Предмет и содержание. В предмет ДИС входят обязательства исполнителя осуществить строительство, реконструкцию, комплексное обустройство автомобильной дороги (её участка), вложив собственные и привлечённые средства, а затем обеспечить долгосрочную эксплуатацию (содержание, ремонт, капитальный ремонт) объекта в соответствии с условиями соглашения [3].

Платёжный механизм. На эксплуатационной стадии исполнитель получает от заказчика два вида платежей: 1) целевые эксплуатационные платежи – покрывают текущие эксплуатационные расходы; 2) инвестиционные

платежи – обеспечивают поэтапную возвратность вложенных средств с соответствующей доходностью.

Инвестиционные платежи, в свою очередь, делятся на: - неуменьшаемую часть – подлежит безусловному возврату и коррелирует с размером планируемого старшего долга; - уменьшаемую часть – отражает предпринимательские риски инвесторов и зависит от эффективности достижения целевых транспортно-эксплуатационных и пользовательских характеристик объекта (качества инфраструктурной услуги).

В ДИС обычно закладывается механика «инвестиционного залога»: тело собственных инвестиций возвращается поэтапными платежами исполнителю только в последние годы срока соглашения, после подтверждения качества проведённого капитального ремонта объекта [3].

Правовая природа. ДИС является смешанным гражданско-правовым договором, в основе которого лежат конструкции строительного подряда, оказания услуг и инвестиционных соглашений заёмной природы. В отличие от концессионных соглашений, ДИС не регулируется отдельным специальным федеральным законом. Процедуры заключения и изменения ДИС подчиняются требованиям Федерального закона от 18.07.2011 № 223 ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и Положению о закупке Государственной компании (утверждено решением наблюдательного совета ГК «Автодор», протокол от 24.09.2025 № 259) [3].

Предпосылки возникновения. Механизм ДИС возник из необходимости сокращения сроков подготовительной и тендерной стадий запуска проектов (запуск федеральной концессии с согласованием и выпуском решения Правительства РФ и конкурсными процедурами занимал не менее года) и расширения целевой аудитории проектов. В отличие от концессий, где стороной выступает государство, в ДИС стороной является сама ГК «Автодор» как самостоятельное юридическое лицо, что субъективно воспринималось участниками рынка как менее «защищённый» договор [8]. Поэтому первоначально по ДИС привлекался меньший объём внебюджетных инвестиций: если для концессий в практике ГК «Автодор» объём внебюджетных инвестиций составлял от 25% стоимости строительства, то по ДИС он составлял 10–15% [3].

Таким образом, ДИС представляет собой конструкцию, объединяющую философию проектного финансирования, государственно-частного партнёрства и контракта жизненного цикла.

Перспективы развития. ДИС доказали свою эффективность при реализации крупных проектов (трасса М 12 «Восток», обходы городов, участки М 4 «Дон»). Механизм требует совершенствования в части сокращения сроков конкурсных процедур, унификации типовых форм и расширения возможностей рефинансирования задолженности через инфраструктурные облигации. Масштабирование на региональные дорожные проекты возможно при создании аналогичных региональных операторов (по типу «Автодора» в субъектах РФ) [3].

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие рекомендации:

Для концессий в здравоохранении – разработать типовую финансовую модель с раздельным учётом инвестиционных и операционных затрат, внедрить долгосрочное планирование тарифов ОМС (не менее 3 лет).

Для единственных объектов здравоохранения – заменить абсолютный запрет на реконструкцию условием о минимальной доле услуг по ОМС (70%).

Для финансирования частных концессионных инициатив – внедрить двухэтапную модель подтверждения финансирования с механизмом субституции.

Для подрядчиков по государственным контрактам – реализовать право на процентный доход по авансам и создать систему целевых казначейских депозитов.

Для транспортной инфраструктуры – унифицировать типовые формы ДИС и распространить механизм на региональный уровень.

Для оценки эффективности проектов – дополнить методику отраслевыми модулями (демографический прогноз, альтернативный анализ, доступность услуг) и распространить на концессии с 2026 года.

Заключение

Рынок ГЧП в России демонстрирует устойчивый рост: по итогам трёх кварталов 2025 года совокупные инвестиции по действующим соглашениям превысили 7,4 трлн рублей. Принятие Федерального закона № 699828 8 создало правовую основу для ГЧП в здравоохранении, однако эффективность новых норм будет зависеть от качества подзаконных актов. Параллельно необходимо совершенствовать механизмы финансирования: от подтверждения частных инициатив до ликвидации кассовых разрывов у подрядчиков. Механизм долгосрочных инвестиционных соглашений (ДИС) показал свою результативность в дорожной отрасли и может быть масштабирован на другие сегменты транспортной инфраструктуры.

Системная работа в этих направлениях, а

также активная позиция отраслевых объединений (АИИК, НАИК) позволяют сбалансировать интересы государства, бизнеса и граждан, обеспечив устойчивое развитие инфраструктуры в условиях бюджетных ограничений и высокой ключевой ставки.

Список литературы:

[1] В Минэкономразвития назвали главные результаты работы механизма ГЧП за три квартала 2025 года // Официальный сайт Минэкономразвития России. – 17.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_nazvali_glavnye_rezultaty_raboty_mehanizma_gchp_za_tri_kvartala_2025_goda.html 12.05.2026).

[2] Федеральный закон от … 2025 г. № 699828 8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования государственно-частного партнёрства в сфере здравоохранения» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/699828-8?ysclid=mq3tu78ejj209354999 24.05.2026).

[3] Аналитический дайджест АИИК. Выпуск № 2 2026 «Время инфраструктуры». – Специально для ПМЭФ 2026. – М.: Ассоциация инфраструктурных инвесторов и кредиторов, 2026. – 48 с. [Электронный ресурс]. URL: https://asiic.ru/wp-content/uploads/2026/06/aiik-02-2026.pdf 22.05.2026).

[4] Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 N 326-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/?ysclid=mq3tw46x7f608801581 20.05.2026).

[5] Постановление Правительства РФ от 15.03.2018 № 300 «Об утверждении Правил подтверждения участником конкурса или лицом, выступающим с инициативой заключения концессионного соглашения, наличия у него необходимых средств для финансирования или обеспечения исполнения обязательств по концессионному соглашению» // ГАРАНТ [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/70941052/?ysclid=mq3u0eod8u634676532 21.05.2026).

[6] Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 N 224-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/?ysclid=mq3u1jim9x74848716 (дата обращения: 27.04.2026).

[7] Аналитический дайджест АИИК. Выпуск № 2 2025. – М.: Ассоциация инфраструктурных инвесторов и кредиторов, 2025. – 36 с. [Электронный ресурс]. URL: https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf?ysclid=mq3qciqhnz147350667 (дата обращения: 25.05.2026).

[8] Козлов, А. В. Опыт ООО «Автодор-Инжиниринг» по контролю качества

проведения инженерных изысканий на объектах государственной компании «Автодор» / А. В. Козлов // Полевые и лабораторные методы исследования грунтов - проблемы и решения : Материалы Общероссийской научно-практической конференции и выставки, Москва, 21 мая 2021 года. – Москва: Геомаркетинг, 2021. – С. 105-116. – EDN LUYRUQ. [Электронный ресурс]. https://www.elibrary.ru/item.asp?ysclid=mq40k6y5p8924936&id=46378556 (дата обращения: 23.05.2026).

References:

[1] The Ministry of Economic Development named the main results of the PPP mechanism for three quarters of 2025//Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. - 17.10.2025. [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_nazvali_glavnye_rezultaty_raboty_mehanizma_gchp_za_tri_kvartala_2025_goda.html 12.05.2026).

[2] Federal law dated... 2025 No. 699828 8 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of Public-Private Partnerships in the Healthcare Sector “//Official Internet Portal of Legal Information [Electronic Resource]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/699828-8?ysclid=mq3tu78ejj209354999 24.05.2026).

[3] Analytical digest of AIIC. Issue # 2 2026 “Infrastructure Time.” - Special for SPIEF 2026. - M.: Association of Infrastructure Investors and Lenders, 2026. - 48 p. [Electronic resource]. URL: https://asiic.ru/wp-content/uploads/2026/06/aiik-02-2026.pdf 22.05.2026).

[4] Federal Law “On Compulsory Health Insurance in the Russian Federation” dated 29.11.2010 N 326-FZ (latest edition)//ConsultantPlus. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/?ysclid=mq3tw46x7f608801581 20.05.2026).

[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 15.03.2018 No. 300 “On approval of the Rules for confirmation by a tenderer or a person initiating the conclusion of a concession agreement that he has the necessary funds to finance or ensure

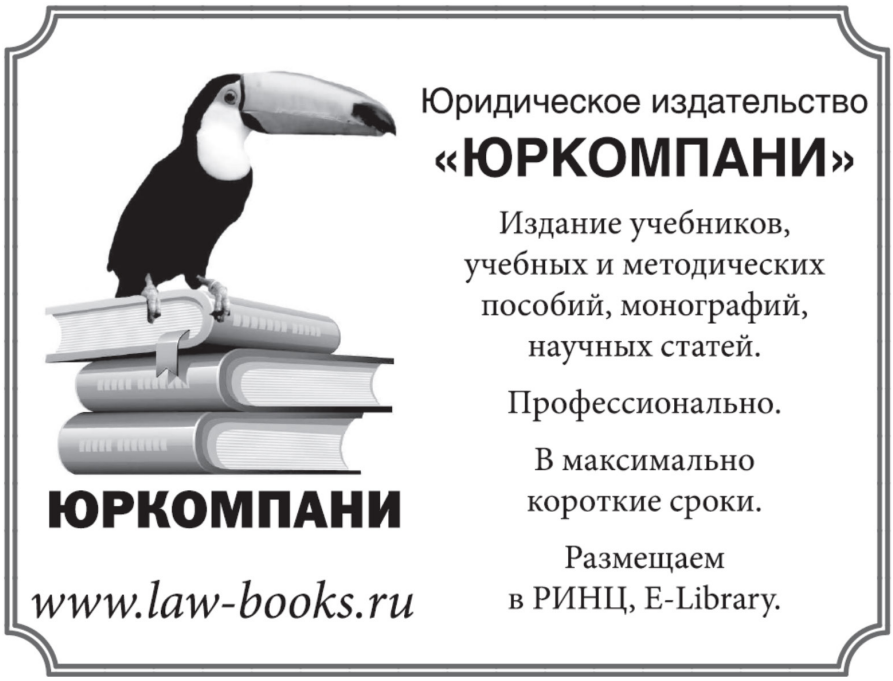
the fulfillment of obligations under the concession agreement "//GARANT [Electronic resource]. https://base.garant.ru/70941052/?ysclid=mq3u0eod8u634676532 21.05.2026).

[6] Federal Law "On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 13.07.2015 N 224-FZ (latest edition)//ConsultantPlus [Electronic Resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/?ysclid=mq3u1jim9x74848716 (access date: 27.04.2026).

[7] Analytical digest of AIIC. Issue # 2 2025. - M.: Association of Infrastructure Investors and Lenders, 2025. - 36 p. [Electronic resource]. URL: https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf?ysclid=mq3qciqhnz147350667 (access date: 25.05.2026).

[8] Kozlov, A. V. Avtodor-Engineering LLC Experience in Quality Control

engineering surveys at the facilities of the state company Avtodor/A. V. Kozlov//Field and laboratory methods for soil research - problems and solutions: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference and Exhibition, Moscow, May 21, 2021. - Moscow: Geomarketing, 2021. - S. 105-116. – EDN LUYRUQ. [Electronic resource]. https://www.elibrary.ru/item.asp?ysclid=mq40k6y5p8924936&id=46378556 (accessed on: 23.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-306-308

ГИНДУЛИНА Александра Денисовна,

ассистент кафедры гражданского права и процесса, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,

e-mail: alexandra.gindulina@yandex.ru

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЗРАСТА В СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *В статье анализируется юридическое значение возраста как характеристики участников семейно-правовых отношений. Сформулировано общеправовое понятие возраста. Проведен анализ норм семейного права, на основе этого определены факторы, влияющие на установление возраста для совершения тех или иных действий в сфере семейного права.*

Ключевые слова: *семейное право, семья, юридический факт, возраст, возраст в праве.*

GINDULINA Alexandra Denisovna,

Assistant Professor, Department of Civil Law and Procedure, Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

THE LEGAL SIGNIFICANCE OF AGE IN FAMILY LAW RELATIONS

Annotation. *This article analyzes the legal significance of age as a characteristic of participants in family law relationships. A general legal concept of age is formulated. An analysis of family law norms is conducted, based on which factors influencing the establishment of the age for performing certain actions in the sphere of family law are identified.*

Key words: *family law, family, legal fact, age, age in law.*

Возраст – объект изучения представителей различных отраслевых юридических наук (уголовного, гражданского, административного, трудового права и проч.). Возраст как социальная характеристика имеет весомое значение для реализации прав и обязанностей физического лица как в публично-правовых (в уголовном, административном праве – возраст уголовной ответственности, в праве социального обеспечения – возраст выхода на пенсию, в конституционном праве – возраст реализации активного и пассивного избирательного права) и, так и в частно-правовых отношениях (возраст наступления полной дееспособности, возраст приобретения её элементов).

Возраст – важная характеристика физического лица, отражающая его сформированность с физиологической, психологической, социальной точек зрения. В то же время нельзя сказать, что сложилась общеправовая концепция возраста, хотя необходимость ее формирования назрела, так как именно системный межотраслевой подход позволит выявить существенные признаки и значение данной характеристики личности.

Так, еще в 2009 году Е. Н. Рябов справедливо констатировал: «разобщенность российского законодательства, регулирующего правовой статус несовершеннолетних, оказывает негативное влияние на уровень и степень их правовой защищенности, ответственности» [3]. Н. Н. Тарусина предлагает выйти за горизонты семейно-правовой науки и юриспруденции вообще и отмечает, что определение возрастной градации правовых возможностей ребенка должны лежать на пересечении «юриспруденции, психологии и педагогики» [4].

Возраст в праве является многогранным явлением объективной реальности. В самом общем виде возраст как юридическое явление можно охарактеризовать как количество лет, прошедшее с момента рождения физического лица, объективированное в нормах права и имеющее юридическое значение (в виде возможности совершать определенные действия, нести ответственность, иметь права). В некотором смысле указание возраста в праве обладает

чертами презумпции: законодатель путем установления возрастных границ предполагает, что с этого момента лицо обладает определенными личностными качествами и свойствами.

В настоящей статье фокус будет сделан на анализе характеристики возраста в семейно-правовой сфере. В Семейном кодексе РФ возрастная характеристика имеет значение:

как условие вступления в брак (статья 12, 13);

как характеристика ребенка (статья 54);

возможность ребенка реализовывать права (статья 57, 59 и проч.);

характеристика в отношениях усыновитель-усыновленный (статья 128) и др.

В семейном праве возраст имеет различное значение. Во-первых, достижение определенного возраста – это юридический факт-событие. Чаще всего с ним связываются такие юридически значимые последствия, как возможность приобрести какой-либо семейно-правовой статус или осуществлять некоторые права (например, по достижении ребенком возраста 10 лет учет его мнения обязателен, без этого невозможно решить некоторые юридические вопросы. Отметим, что при установлении тех или иных возрастных границ законодатель принимает во внимание как юридические, так и биологические начала, которые будут рассмотрены нами далее [5].

Во-вторых, возраст может выступать элементом сложного юридического состава. В качестве примера можно привести пенсионный возраст, являющийся звеном такого юридико-фактического состава, как алиментные правоотношения.

В-третьих, возраст выступает фактором персонификации субъекта семейно-правовых отношений, причем, по справедливому замечанию И. А. Минникеса, данная персонификация выражается в следующих формах: конкретный возраст как юридически значимое условие в тех или иных правоотношениях (например, возраст вступления в брак); возраст определяется определенным законом термином (например, совершеннолетие); возраст также может и не быть определенным законом, но иметь значение для правоприменителя (например, в ст. 65 Семейного кодекса РФ определено, что при выборе места жительства ребенка суд должен учитывать в том числе возраст ребенка) [6].

Нельзя не отметить, что установление возрастных границ в семейном праве в некотором смысле может играть роль сохранения ценностей, иными словами, выполнять аксиологическую функцию. Например, такую роль играет установленный минимальный возраст вступления в брак; необходимая разница в возрасте между усыновителем и усыновленным и проч.

Возраст как социально-демографическая характеристика в семейном праве может носить императивный характер и диспозитивный (в некоторых случаях возрастная граница может меняться по решению суда, органов публичной власти). Иллюстрируя последнюю группу, приведем в качестве примера возраст вступления брак, который, в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов РФ может быть снижен относительно «общего правила» - 18 лет. Отметим, что механизм снижения брачного возраста известен и многим другим правопорядкам. Проведенный автором настоящей статьи компаративистский анализ законодательства стран СНГ показал: в большинстве стран данного объединения имеется возможность снизить брачный возраст при наличии экстраординарных обстоятельств, исключение в данном отношении представляет Семейный кодекс Республики Армения, который такого института не знает.

Показателен и следующий пример из практики зарубежного регулирования. В семейном законодательстве Италии (в отличие от российского права) установлена максимально возможная разница между усыновителем и усыновленным (40 лет). По решению суда она может не учитываться ввиду обеспечения интересов несовершеннолетнего, что стало возможным после рассмотрения данного вопроса в Конституционном Суде Италии, который постановил, что «в интересах ребенка судья может разрешить усыновление, даже когда один из усыновителей старше его более чем на 40 лет» [1].

Анализ доктринальных и нормативных источников, проведенный автором настоящей статьи, позволил выявить факторы, влияющие на установление возраста в семейно-правовых отношениях. С некоторой долей условности их можно объединить в следующие группы. Далее мы приведем характеристику каждой из групп.

Биологические (сюда можно отнести факторы, называемые некоторыми авторами медицинскими, физиологическими и проч.). Например, с 10 лет, согласно семейному законодательству, по ряду вопросов обязательно учитывается мнение ребенка, что отражает, что законодатель предполагает достаточный уровень развития когнитивных, речевых способностей.

Национально-культурные, религиозные, аксиологические. Например, в имперском законодательстве была объективирована традиция «отдавать замуж дочерей в строгой очередности в зависимости от их возраста», что

отражало общественные устои того времени [2]. В некоторых странах ценность многодетной семьи определяла установление достаточно раннего возраста вступления в брак.

Собственно-юридические. Возрастные границы, устанавливаемые для целей семейно-правового регулирования, коррелируют с возрастными характеристиками, значимыми для других отраслей (например, совершеннолетие совпадает с возрастом наступления дееспособности).

Общесоциальные.

Данные факторы действуют в совокупности. Так, например, со временем увеличивался минимальный возраст вступления в брак (в дохристианский период - для мужчин 11 лет, для женщин - 10 лет, позднее – 15 и 12 лет соответственно и так по пути увеличения вплоть до сегодняшних возрастных гендерно нейтральных границ [7]). На это повлияли как биологические факторы (увеличение продолжительности жизни), так и социальные.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возраст выступает важным средством индивидуализации и дифференциации физических лиц, в том числе в семейно-правовой сфере. Возрастные пороги, устанавливаемые в законодательстве, позволяют обеспечить баланс между интересами субъекта (на разных этапах развития личности) и общества.

Список литературы:

[1] Варламова Н. В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. С. 146–171.

[2] Жиляева А. А. К вопросу о правовом положении женщины в браке в дореволюционной России // История государства и права. 2014. № 11. С. 55 - 58.

[3] Рябов Е. Н. Правовой статус несовершеннолетних в российском законодательстве // Юридический мир. 2009. №2.

[4] Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica. 2022. №10 (191).

[5] Филиппова Т.А., Маньковский И.Ю., Титаренко Е.П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

[6] Минникес И. А. Элементы индивидуального правового регулирования в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2007. №5.

[7] Якушев П. А. Минимальный возраст вступления в брак: традиционное и правовое регулирование // Семейное и жилищное право. №4. 2017.

References:

[1] Varlamova N.V. Human Rights as Principles of Law//Comparative Constitutional Review. 2023. № 6. S. 146-171.

[2] Zhilyaeva A. A. On the legal status of women in marriage in pre-revolutionary Russia// History of the state and law. 2014. № 11. S. 55-58.

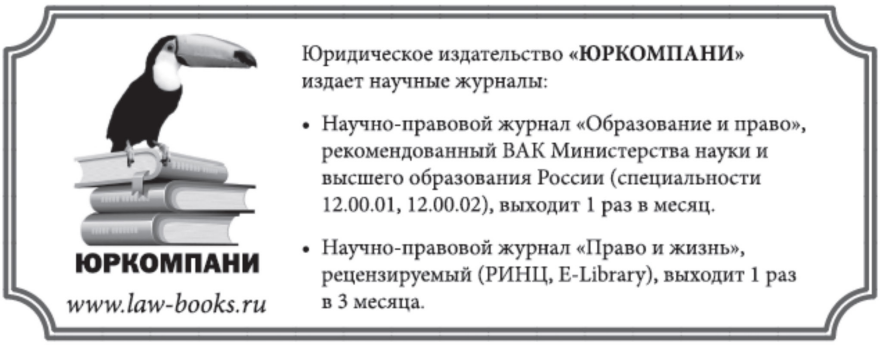
[3] Ryabov E. N. Legal status of minors in Russian legislation//Legal world. 2009. №2.

[4] Tarusina N. N. Age as a legal fact in the family sphere: temptations and conventions of numbers//Lex Russica. 2022. №10 (191).

[5] Filippova T.A., Mankovsky I.Yu., Titarenko E.P. The practical importance of determining the sectoral independence of family law//Family and housing law. 2019. № 5. S. 19-22.

[6] Minnikes I. A. Elements of individual legal regulation in family law//Family and housing law. 2007. №5.

[7] Yakushev P. A. Minimum age of marriage: traditional and legal regulation//Family and housing law. №4. 2017.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-309-315

БАГЫЛЛЫ Сафура Теймуразовна,

Доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,

e-mail: ayramsa@yandex.ru

БАРКАЛОВА Полина Андреевна,

студентка 4 курса очной формы обучения юридического факультета ФГБОУ ВО Российский Государственный Университет Правосудия имени В.М. Лебедева,

e-mail: barkalova.polinka@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ О СТРАХОВОМ ВОЗМЕЩЕНИИ ПРИ СТРАХОВАНИИ РИСКОВ В ПРОГРАММАХ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Аннотация. *В представленной статье раскрывается и исследуется процесс доказывания по гражданским делам, возникающим из договоров суррогатного материнства содержащих условия о страховании рисков, в части взыскания страхового возмещения. На основе анализа доктринальных источников, действующего российского законодательства и судебной практики выявлены особенности субъектного состава, содержание и объем доказываемых обстоятельств, распределение бремени доказывания и роль медицинской экспертизы, как основного средства доказывания по таким делам. В заключении делается вывод о необходимости совершенствования гражданского процессуального законодательства и предлагается алгоритм действий суда при рассмотрении данной категории споров.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, страховое возмещение, доказывание, страховой случай, судебно-медицинская экспертиза, вспомогательная репродуктивная технология.*

BAGYLLY Safura Teymurazovna,

Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor V.M. Lebedev Russian State University of Justice

BARKALOVA Polina Andreewna,

4th year fulltime student Faculty of Law V.M. Lebedev Russian State University of Justice

FEATURES OF THE PROCESS OF PROOF IN DISPUTES ON INSURANCE INDEMNIFICATION WHEN INSURING RISKS IN SURROGATE MOTHERHOOD PROGRAMS

Annotation. *The presented article reveals and examines the process of proof in civil cases arising from surrogacy contracts containing conditions on risk insurance, in terms of recovering insurance compensation. Based on the analysis of doctrinal sources, current Russian legislation, and judicial practice, the article identifies the specific features of the subject composition, the content and scope of the circumstances to be proved, the distribution of the burden of proof, and the role of medical expertise as the main means of proof in such cases. In conclusion, the article concludes that there is a need to improve civil procedural legislation and proposes an algorithm for the court's actions in handling this category of disputes.*

Key words: *Surrogacy, surrogacy agreement, insurance compensation, proof, insurance claim, forensic medical examination, assisted reproductive technology*.

Введение

Суррогатное материнство является методом вспомогательных репродуктивных технологий, который связан как с повышенными

физическими нагрузками на здоровье женщины, так и серьезными финансовыми рисками для родителей. Данные факторы обусловлены возможными осложнениями во время течения беременности и родов, а также неисполнением или потенциальным нарушением условий договора о предоставлении услуг суррогатного материнства или отказ от программы в целом. Таким образом, эти правоотношения включают в себя элементы разных отраслей права и обращение к институту страхования становится не просто дополнительной опцией для участников программы, а де-факто механизмом перераспределения рисков и защиты интересов всех участников страхования (ребенка, суррогатной матери и других лиц).

На сегодняшний день институт суррогатного материнства относительно новый в российском праве и слабо разработанный [1, с. 84]. Российское законодательство до сих пор не содержит конкретных положений, непосредственно регулирующих страхование рисков суррогатного материнства. Включение условий страхования в договоры остаётся на усмотрение сторон. В результате, данная ситуация приводит к проблемам в правоприменении и возникновению правовых коллизий, так как судьи, как правило, обращаются к общим нормам личного страхования, применяя их по аналогии закона. Отсутствие единообразных процессуальных подходов к доказыванию по спорам, возникающим из договоров суррогатного материнства, содержащих условия о страхования рисков, подчеркивает важность исследования данной проблемы и ее актуальность на современном этапе.

Цель статьи — проанализировать процесс доказывания по спорам, возникающим из договоров суррогатного материнства, содержащих условие о страховании рисков, и на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования этого института. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи: раскрыть особенности субъектного состава по делам о взыскании страхового возмещения при страховании рисков в программах суррогатного материнства; определить содержание предмета доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами по данной категории споров. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системный методы.

Основная часть

Правовое регулирование института «суррогатного материнства» в России осуществляется ст. 55 Федерального закона № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» [15], ст. 51-52 Семейного кодекса Российской Федерации [16] и Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [17] № 803н от 31.07.2020. С 2022 года вступил в силу Федеральный закон № 538-ФЗ от 19.12.2022 [18], который установил ограничения для участия в программах суррогатного материнства. В настоящее время воспользоваться услугами суррогатных матерей могут только семейные пары, в которых хотя бы один из супругов является гражданином России либо незамужние российские женщины, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Кроме того, суррогатной матерью может быть только гражданка Российской Федерации. Иностранные граждане полностью лишены права участвовать в программах суррогатного материнства на территории Российской Федерации. Таким образом, введенные ограничения влияют на процесс доказывания по спорам о взыскании страхового возмещения, поскольку суд в таких случаях должен проверять наличие права у сторон на участие в программе суррогатного материнства, что влечет за собой рассмотрение дополнительного набора доказательств (документов, подтверждающих гражданство).

В научной литературе договор о суррогатном материнстве, регулируется общими положениями об обязательствах. При этом, каждый отдельный случай достижения соглашения в рамках договора о суррогатном материнстве представляет собой уникальную структуру, поскольку текст соответствующего договора учитывает индивидуальные особенности сторон, медицинские показания, социальные условия и другие обстоятельства, которые не могут быть обобщены [2].

Страхование рисков, связанных с жизнью и здоровьем суррогатной матери, осуществляется в рамках добровольного личного страхования, которое регулируется положениями главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [19] и Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015I «Об организации страховой деятельности в Российской Федерации» [20]. Однако ни один из вышеупомянутых нормативных актов конкретно не определяет страхование рисков суррогатного материнства как отдельную категорию.

На практике в программу страхования суррогатных матерей входит: страхование жизни (смерть по любой причине), страхование от потери женских репродуктивных органов (матка, яичники, трубы и т.д.), замирание плода (до 10 недель) [3]. Такое страхование могут предлагать различные страховые организации,

имеющие лицензию на личное страхование, например «Ингосстрах», «АльфаСтрахование», «СОГАЗ». Однако у большинства страховщиков нет специализированных страховых продуктов, учитывающих специфику суррогатного материнства, например: страхование рисков осложнений при беременности, страхование мертворождения, страхование рисков преждевременных родов с последствием для здоровья суррогатной матери. Отсутствие таких продуктов создает значительные трудности в определении страхового случая и обосновании размера страхового возмещения. Правовое регулирование страхования рисков в программах суррогатного материнства характеризуется определенными пробелами в законодательстве. Эти проблемы наиболее остро проявляются при разрешении споров в суде, где на первый план выходят процессуальные аспекты доказывания. Анализ доктрины и судебной практики позволяет выделить три ключевые области: субъектный состав, предмет доказывания и распределение бремени доказывания между сторонами.

По общему правилу, согласно ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, каждая сторона должна доказать обстоятельства, которые она приводит в качестве оснований для своих требований и возражений [21]. Данное правило в полной мере распространяется на споры о взыскании возмещения при страховании рисков суррогатного материнства.

Ключевая процессуальная особенность споров о взыскании страхового возмещения при страховании рисков в программах суррогатного материнства во многом определяется сложным субъектным составом. При этом в рамках настоящего исследования обращено внимание на проблемы, возникающие в договорах суррогатного материнства, которые содержат условия о страховании рисков. Так, соглашение может быть заключено, во-первых, между суррогатной матерью и будущими родителями, чьи яйцеклетки были использованы для оплодотворения и для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Во-вторых, такое соглашение может быть заключено между суррогатной матерью и незамужней женщиной, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям [4 с. 28]. Как справедливо указывает Д. Н. Давтян-Давыдова, действующее правовое регулирование суррогатного материнства, недостаточно из-за сложного состава участников этих отношений, а в числе нерешенных проблем автор называет «установление субъектов и требования к таковым» [5 с. 49].

Отсутствие устоявшейся судебной практики по спорам о взыскании страхового возмещения, возникающих из договоров о суррогатном материнстве, содержащих положения о страховании рисков, делает необходимым обращаться к смежным категориям дел для выявления общих подходов к определению субъектного состава. Так, в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 15.05.2012 г. № 880-О участвовали генетические родители, суррогатная мать, её бывший супруг и органы ЗАГС [6]. В спорах, связанных с суррогатным материнством, потенциально могут участвовать суррогатная мать, генетические родители (заказчики), медицинская организация. В ситуациях, предусматривающих наличие страхового покрытия, к ним присоединяются и страховые компании. Данная множественность участников объясняет особенности процесса доказывания по данной категории дел.

К предмету доказывания по спорам о взыскании страхового возмещения, возникающим из договоров суррогатного материнства, которые содержат условия о страховании рисков, относятся следующие юридические факты, подлежащие установлению вне зависимости от того, кто именно обращается в суд: суррогатная мать, генетические родители или выгодоприобретатель. Это наличие договора страхования на дату возникновения спорного события; факт наступление события, которое имеет характеристики страхового случая; наличие или отсутствие причинно-следственной связи между событием и страховым риском; соответствие страхового случая условиям, установленным в договоре страхования; отсутствие оснований для освобождения страховщика от выплат; размер страховой премии [7]. Помимо этого, в абзаце 5 п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 отмечается, что для правильного рассмотрения дела, суду следует проверять: заключался ли договор суррогатного материнства, условия этого договора, действительно ли истцы являются генетическими родителями ребенка, причины по которым суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и уже, с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений статьи 3 Конвенции о правах ребенка [22] разрешить спор в интересах ребенка. Таким образом, представленный перечень юридических фактов, подлежащих доказыванию, гарантирует его применимость к спорам, возникающим из договоров о суррогатном материнстве, содержащих положения о страховании рисков [8].

Для подтверждения перечисленных фактов необходимы соответствующие доказательства.

Основными средствами доказывания по спорам о взыскании страхового возмещения, возникающим из договоров суррогатного материнства, которые содержат условия о страховании рисков, являются медицинские документы, содержащие информацию о всех обращениях за медицинской помощью [8]; телефонные переговоры, чеки о проведенных операциях, сведения о переводах по банковским картам сторон, а также иные документы, подтверждающие фактическое исполнение договора [9]. Наряду с этим, активно используются: медицинское свидетельство о рождении, справки об участии в программе переноса замороженных эмбрионов, письменное согласие матери на передачу ребенка генетическим родителям [10]. Для установления обстоятельств заключения договора о суррогатном материнстве, включая часть, касающуюся страховых рисков, крайне важны показания свидетелей, прежде всего врачей и специалистов, которые руководили программой и участвовали в ведении беременности и родов.

Ключевым средством доказывания по делам о взыскании страхового возмещения, возникающим из договоров суррогатного материнства, которые содержат условия о страховании рисков, является судебная медицинская экспертиза. Она назначается судом, когда без специальных медицинских знаний невозможно установить причину ухудшения состояния здоровья суррогатной матери, правильность оказания ей медицинской помощи, а также наличие или отсутствие причинно-следственной связи между допущенными дефектами оказания медицинской помощи и наступившими неблагоприятными последствиями. Хотя приведенный ниже случай напрямую не связан со спорами со страховой компанией, он демонстрирует общий подход судов к назначению экспертизы в случаях причинения вреда здоровью суррогатной матери, который также применим к спорам о страховых выплатах. Так, в деле №22/2018 от 03.05.2018 г. Карталинский городской суд указал что суд не может самостоятельно, без привлечения экспертов, оценить качество оказанной медицинской услуги, поскольку не обладает специальными познаниями в области медицины и акушерства, в связи с чем была назначена судебная экспертиза [11]. Таким образом, судебно-медицинская экспертиза позволяет объективно установить обстоятельства, имеющие отношение к разрешению спора: причины ухудшения здоровья суррогатной матери, наличие недостатков в оказании медицинской помощи и причинно-следственную связь между этими недостатками и вытекающими из них неблагоприятными последствиями. В спорах о взыскании страховой компенсации по договорам суррогатного материнства, содержащим положения о страховании от рисков, заключение экспертизы, по существу, становится решающим доказательством, поскольку именно оно подтверждает или опровергает наступление страхового случая.

Однако одного лишь наличия доказательств недостаточно для разрешения спора: необходимо также определить, на ком лежит обязанность предоставления и доказывания тех или иных обстоятельств. В спорах о взыскании страхового возмещения, возникающих из договоров суррогатного материнства, содержащих условия о страховании рисков, бремя доказывания распределяется следующим образом. Истец (застрахованное лицо) обязан доказать существование договора страхования с ответчиком, а также наступление страхового случая, предусмотренного этим договором. Страховщик, возражающий против выплаты страхового возмещения, должен доказать обстоятельства, при которых закон или договор предусматривают освобождение от выплаты возмещения, или оспорить доводы застрахованного лица относительно наступления страхового случая [7].

Бремя доказывания наличия препятствий для выплаты возмещения также лежит на страховщике. Как указано в п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 №19, отказ в рассмотрении заявления о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения на основании формального несоблюдения застрахованным лицом (бенефициаром) требований договора страхования, когда такое несоблюдение фактически не препятствует исполнению обязательств по договору страхования, не допускается [12]. Соответственно, бремя доказывания существования таких препятствий лежит на страховщике [13].

Практическое применение данных правил сопряжено препятствиями, которые создают правовую неопределенность. В частности, страховщики часто отказываются выплачивать страховое возмещение, ссылаясь на скрытые заболевания суррогатной матери, о которых не было сообщено при подписании договора. В таких случаях, в соответствии со статьей 945 ГК РФ и разъяснениями Верховного Суда РФ, именно на страховщика возлагается бремя доказывания того, что застрахованное лицо умышленно предоставило ложную информацию или скрыло обстоятельства, имеющие существенное значение для определения страхового риска. Аналогичный подход был применён судебной коллегией по

гражданским делам Верховного Суда РФ по делу № от 29.04.2025 №89-КГ24-15-К7, где суд указал что для отказа в выплате по этому основанию страховщик должен доказать, что он предлагал страхователю предоставить соответствующие сведения, однако тот умолчал о них или сообщил ложные данные. Сам по себе факт наличия заболевания на момент заключения договора, о котором страховщик не запрашивал, не является абсолютным основанием для освобождения застрахованного лица от выплаты [14].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что поставленные в рамках исследования цели были достигнуты, что привело к получению следующих выводов. Анализ субъектного состава выявил, что споры о взыскании страховой компенсации, возникающие из договоров о суррогатном материнстве, содержащих условия о страховании рисков, отличаются множественностью участвующих лиц, что требует учета при определении процессуальных прав и обязанностей. Определение предмета доказывания позволило установить перечень правовых фактов, подлежащих доказыванию, независимо от того, кто является истцом. Распределение бремени доказывания осуществляется следующим образом: истец (застрахованное лицо) обязан доказать наличие договора страхования и наступление страхового случая, в то время как страховщик, возражающий против выплаты, должен обосновать наличие оснований для освобождения от выплаты. Установлено, что ключевым средством доказывания в этой категории дел является судебно-медицинская экспертиза, позволяющая объективно установить медицинские обстоятельства, связанные с наступлением страхового случая.

На основе проведённого исследования предлагается следующий алгоритм действий суда. Если суд сомневается в наличии договора суррогатного материнства, который содержит условия о страховании рисков, то ему необходимо проверить заключён ли данный договор в действительности, наступил ли страховой случай и после этого назначить судебно-медицинскую экспертизу. Если договор не содержит таких условий, следует сосредоточиться на установлении факта надлежащего исполнения договора суррогатного материнства.

Список литературы:

[1] Жигалина Е.С. Проблемные аспекты суррогатного материнства // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 8486.

[2] Артюшина, О.Н., Прохорова М.В. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 234-238.

[3] Страхование суррогатных матерей // polisre.kz. URL: https://polisre.kz/284-strahovanie-surrogatnyh-materey.html (дата обращения: 27.05.2026).

[4] Хазова О.А. Стороны договора суррогатного материнства: анализ некоторых проблем. Проблемы репродукции. 2021. Т. 27. № 2. С. 26-32.

[5] Давтян-Давыдова Д.Н. Договор суррогатного материнства: правовая природа и проблемы правового регулирования // Legal Concept. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-surrogatnogo-materinstva-pravovaya-priroda-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 27.05.2026).

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (дата обращения: 27.05.2026).

[7] Спор о взыскании страхового возмещения по договорам личного страхования (по риску «жизнь и здоровье») (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката: электрон. журн. 2026.

[8] Решение по делу № 213128/2024 Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга // URL: https://sudact.ru/regular/doc/8nnSxtc8pHY/ (дата обращения: 23.05.2026).

[9] Судебные практики России за 2015 г. в суррогатном материнстве // URL: https://surmoms.com/judge-practice/ (дата обращения: 26.05.2026).

[10] Решение № 22305/2021 Ленинского районного суда г. Владивостока от 22 июня 2021 г. по делу № 22305/2021 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/AqyUyY1hi2VP/ (дата обращения: 30.05.2026).

[11] Решение № 22/2018 Карталинского городского суда Челябинской области от 2 мая 2018 г. по делу № 22/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/7k0pX8vDLXYn/ (дата обращения: 26.05.2026).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479581/ (дата обращения: 26.05.2026).

[13] Кожевников Р. Правовая оценка и

судебная практика // Современные страховые технологии. 2025. № 3. С. 94 - 96.

[14] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2025 № 89-КГ24-15-К7// URL:https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/0/obzor_sudebnoy_praktiki_verkhovnogo_suda_rossiyskoy/0/opredelenie_sudebnoy_kollegii_po_grazhdanskim_delam_89315.html (дата обращения: 28.05.2026).

[15] Ст. 55. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // КонсультантПлюс. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 26.05.2026).

[16] Ст. 51-52. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 223-ФЗ (ред. от 28.12.2024). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 26.05.2026).

[17] Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (документ не вступил в силу) // СПС «Гарант». - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/ (дата обращения: 26.05.2026).

[18] Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.04.2023). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434588/ (дата обращения: 26.05.2026).

[19] Глава 48. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025): гл. 48. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 26.05.2026).

[20] Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 20.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 26.05.2026).

[21] Ст. 56. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 26.05.2026).

[22] Ст. 3 «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/.

References:

[1] Zhigalina E.S. Problematic aspects of surrogacy//Young scientist. 2024. № 11 (510). S. 8486.

[2] Artyushina, ON, Prokhorova M.V. The legal nature of the surrogacy contract//Bulletin of Kostroma State University. – 2018. - T. 24, NO. 1. - S. 234-238.

[3] Surrogate insurance// polisre.kz. URL: https://polisre.kz/284-strahovanie-surrogatnyh-materey.html (дата обращения: 27.05.2026).

[4] O.A. Khazova. Parties to the surrogacy contract: analysis of some problems. Reproduction problems. 2021. VOL. 27. № 2. S. 26-32.

[5] Davtyan-Davydova D.N. Surrogacy contract: legal nature and problems of legal regulation// Legal Concept. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-surrogatnogo-materinstva-pravovaya-priroda-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 27.05.2026).

[6] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.05.2012 No. 880-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Ch. P. and Ch. Yu. On violation of their constitutional rights by the provisions of paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law “On Acts of Civil Status “//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (date of appeal: 27.05.2026).

[7] Dispute on the recovery of insurance compensation under personal insurance contracts (for the risk of “life and health”) (based on the judicial practice of the Moscow City Court)//Assistant lawyer: electron. journal. 2026.

[8] Decision in case No. 213128/2024 of the Primorsky District Court of St. Petersburg//URL: https://sudact.ru/regular/doc/8nnSxtc8pHY/ (date of appeal: 23.05.2026).

[9] Judicial practices of Russia for 2015 in surrogacy//URL: https://surmoms.com/judge-practice/ (date of reference: 26.05.2026).

[10] Decision No. 22305/2021 of the Leninsky District Court of Vladivostok dated June 22, 2021 in case No. 22305/2021//URL: https://sudact.ru/regular/doc/AqyUyY1hi2VP/ (date of appeal: 30.05.2026).

[11] Decision No. 22/2018 of the Kartaly City Court of the Chelyabinsk Region dated May 2, 2018 in case No. 22/2018//URL: https://sudact.ru/regular/doc/7k0pX8vDLXYn/ (date of appeal: 26.05.2026).

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.06.2024 No. 19 “On the application by the courts of the legislation on voluntary property insurance//URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479581/ (date of appeal: 26.05.2026).

[13] Kozhevnikov R. Legal assessment and judicial practice//Modern insurance technologies. 2025. № 3. S. 94-96.

[14] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.04.2025 No. 89-KG24-15-K7// URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/0/obzor_sudebnoy_praktiki_verkhovnogo_suda_rossiyskoy/0/opredelenie_sudebnoy_kollegii_po_grazhdanskim_delam_89315.html (date of appeal: 28.05.2026).

[15] Art. 55. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended by 23.07.2025) //ConsultantPlus. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (access date: 26.05.2026).

[16] Art. 51-52. Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ (ed. 28.12.2024). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (access date: 26.05.2026).

[17] Order of the Ministry of Health of Russia dated 31.07.2020 No. 803n "On the Procedure for Using Assisted Reproductive Technologies, Contraindications and Restrictions on Their Use" (the document has not entered into force)//SPS "Garant." - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/ (access date: 26.05.2026).

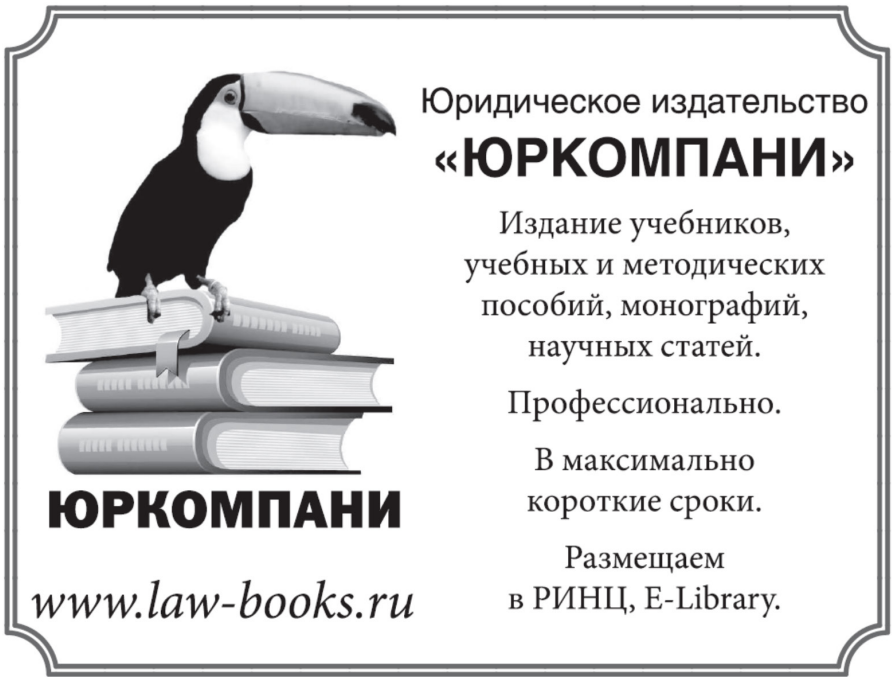
[18] Federal Law No. 19.12.2022 dated 538-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on 28.04.2023). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434588/ (access date: 26.05.2026).

[19] Chapter 48. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ (as amended on 24.06.2025): Ch. 48. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (access date: 26.05.2026).

[20] Law of the Russian Federation dated 27.11.1992 No. 4015-I "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation" (as amended by 20.02.2026) //SPS "ConsultantPlus." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (access date: 26.05.2026).

[21] Art. 56. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (ed. 23.03.2026). - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (access date: 26.05.2026).

[22] Art. 3 "Convention on the Rights of the Child" (approved by the UN General Assembly 20.11.1989) (entered into force for the USSR 15.09.1990) - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-316-321

ЗАЖИВИХИНА Арина Юрьевна,

Аспирант 2 года обучения Севастопольский государственный университет,

e-mail: zajivixina@mail.ru

Научный руководитель:

ГОЛИКОВА Светлана Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент ВАК, доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Севастопольского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *Имея социальное содержание, проблема справедливости всегда остается дискуссионной и актуальной. Цель статьи - проследить трансформацию представлений о справедливости от античных философских концепций до отражения справедливости как принципа права в современном отечественном законодательстве. Основное внимание уделяется анализу взглядов на справедливость в контексте права. В гражданском законодательстве категория справедливости неоднократно упоминается, однако единого подхода к определению места и значения принципа справедливости не сложилось, четкого определения его в качестве руководящего начала гражданско-правовых отношений нет. Автор приходит к выводу о целесообразности закрепления принципа справедливости в исчерпывающей и однозначной формулировке, рассматривается возможность внесения некоторых изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации.*

Ключевые слова: *право, справедливость, правовая категория, принцип справедливости.*

ZAZHIKHINA Arina Yuryevna,

Second-year postgraduate student Sevastopol State University

Supervisor:

GOLIKOVA Svetlana Vitalievna,

PhD in Law, Associate Professor (Higher Attestation Commission), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure Sevastopol State University

HISTORICAL EVOLUTION OF CONCEPTS OF JUSTICE IN A LEGAL CONTEXT: FROM CONCEPT TO LEGISLATION

Annotation. *As a concept with social implications, the issue of justice remains a subject of ongoing debate and remains highly relevant. The aim of this article is to trace the evolution of ideas about justice, from ancient philosophical concepts to its reflection as a legal principle in contemporary Russian legislation. The main focus is on analysing perspectives on justice within the context of law. In civil law, the concept of justice is mentioned repeatedly; however, no unified approach to defining the place and significance of the principle of justice has emerged, and there is no clear definition of it as a guiding principle of civil legal relations. The author concludes that it would be appropriate to enshrine the principle of justice in an exhaustive and unambiguous formulation, and considers the possibility of introducing certain amendments to the Civil Code of the Russian Federation*.

Key words: *law, justice, legal category, principle of justice*.

Введение. Справедливость – одна из важнейших ценностей и потребностей

человека, фундаментальный принцип и нормативный ориентир права. Пройдя долгий эволюционный путь, категория справедливости стала необходимым элементом сознания, неотъемлемой ценностью общества и права.

Исторически идеи справедливости выступают краеугольным камнем легитимности государственно-правовых систем и служат нравственным обоснованием их существования. Мыслители и ученые всех времен задавались вопросами соответствия права требованиям справедливости. Данная тема остается дискуссионной и сейчас, категория справедливости довольно часто становится предметом исследований в цивилистической науке.

Нельзя не согласиться с мнением М.Ю. Пахалова о том, что справедливость является одним из сложнейших, многозначных и «неудобных» понятий для науки. Справедливость претерпевает изменения, приобретает новые качества, получает новую сущность и оценку [9].

Опора на исторический опыт позволит наиболее полно увидеть эволюцию представлений о справедливости как категории права и сформировать единое понимание, а также выявить существующие проблемы, что является необходимым для современной правовой науки.

Основная часть. Цитаделью воззрений о справедливости следует считать времена Античности. Великие философы Сократ, Платон и Аристотель внесли большой вклад в понимание соотношения справедливости и права. Справедливость в Древней Греции почиталась как величайшая добродетель. Будучи противопоставленной злу, она была основой законов для решения социальных проблем.

Сократ считал, что «справедливость состоит в том, чтобы каждый имел свое и исполнял тоже свое». Справедливым государство делает, по его мнению, преданность каждого сословия своему делу, а вред, преступление и несправедливость – это вмешательство в чужие дела и переход из одного сословия в другое [14]. Справедливое и законное Сократ отождествлял.

Развивая идеи Сократа, Платон дискутировал о справедливости в плоскости политики и права, подчеркивая проблему власти и правотворчества. У него справедливость – средство сильного для подчинения интересов большинства. В концепции идеального государства Платона справедливость лежит в основе, где каждый занимает свое место и выполняет определенную функцию на благо государства и общества. В справедливом государстве личность реализует весь потенциал своих природных дарований [13].

По мнению Аристотеля справедливость занимает центральное место в философском обосновании существующего правопорядка и в формировании государственно-правовых механизмов правотворческой деятельности. В учении о праве Аристотеля справедливое и законное совпадают. Для него право — это воплощение политической справедливости, выполняющее функцию регулятора в политических взаимоотношениях людей. Аристотель подчеркивает: «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее критерием справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [5]. Справедливость выступает важнейшей человеческой добродетелью. В концепции Аристотеля в силу справедливости каждому представляется то, чего он заслуживает, каждый владеет тем, что ему принадлежит, а несправедливость – это поступки людей вопреки закона и посягательство на то, что им не принадлежит. [1]

Свое развитие категория справедливости получила у юристов Древнего Рима, по мнению которых справедливость и право были понятиями родственными и взаимозависимыми. Справедливость понималась в качестве основы права, идеи о справедливости воплощались в процессе правотворчества. «Право есть искусство доброго и справедливого» - отмечал Ульпиан [4].

Несмотря на противоречивость во взглядах античных философов касательно природы справедливости, можно выделить несколько положений, характеризующих данный период в целом.

Справедливость выступала основой гармоничного существования государства и общества, а также была благом для каждого человека. В центре внимания была проблема соотношения справедливого по своей природе естественного права с обоснованностью и справедливостью норм позитивного права. Прослеживается тесная связь справедливости, равенства и пропорциональности, а также справедливости и познания.

В философской традиции древнегреческих ученых справедливость выступала преимущественно категорией политической и этической. Ее осмысление было связано с устройством государства и воспитанием граждан с высокими моральными качествами, а закон был инструментом реализации философских идей. В рамках древнеримской традиции морально-философская концепция справедливости преобразовалась в юридическую категорию и получила нормативную форму, формализовавшись в правоприменительных

принципах.

В Средние века идеи о справедливости подверглись значительным изменениям. Под влиянием церкви справедливость в праве была глубоко переплетена с религиозным мировоззрением и теологией.

Одним из принципов средневековой эпохи был принцип всеобщего господства справедливости. Справедливость – основа мира, она же – космическое и нравственное начало одновременно. Деятельность человека должна быть подчинена справедливости, а несоблюдение этого принципа противоречит божественному порядку и естественному праву. Считалось, что право имело божественное происхождение и по своей сути выступало благом, поэтому категории справедливость и право были тождественными.

Несмотря на то, что в массовом сознании справедливость и право воспринимались как исключительно божественного происхождения явления, недоступные постижению, можно выделить и позитивное влияние христианства на формирование идей о справедливости. Те фундаментальные нравственные ценности и моральные императивы, которые были закреплены в праве Средневековой Европы, актуальны и используются в правовых системах многих государств и сейчас. Аксиомой права и вечным элементом воззрений о справедливости являются некоторые нравственные императивы, получившие признание во многих мировых религиях: «не убей» (человеческая жизнь – высшая ценность), «не укради» (запрет на противоправное обращение чужого имущества в свою пользу), «не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте» (равенство всех), «сын за отца не отвечает» (индивидуализация наказания), запрет лжесвидетельствования и взяточничества.

В эпоху Просвещения, пришедшую на смену Средневековья, роль человека в мире и воззрения о справедливости в праве были переосмыслены. Теория естественного права, которая известна еще со времен Античности, легла в основу новой концепции справедливости. Доминирование религии в общественном сознании, и, как следствие, ее слияние с правом, - ушло. Новую эпоху ознаменовала секуляризация права и преобладание светских форм общественного сознания.

Т. Гоббс считал, что справедливость и законность являются понятиями неразрывно связанными. Согласно его теории, для справедливости необходимо наличие нескольких атрибутов: власть, которой обладает суверен и закон, который является волей суверена. Закон и власть устанавливают справедливость и несправедливость. Также он считал, что справедливость имеет договорную основу (возникает из соглашения), а несправедливость есть невыполнение соглашения [3].

Точку зрения, противоположную идеям Т. Гоббса, высказывал Ш. Л. Монтескье. Справедливость, по его мнению, лежала в основе права, однако право является не произвольной волей законодателя, а выражением объективных справедливых отношений. Задача законодателя выявлять справедливое право и закреплять его в законах. Позитивное право – результат человеческого разума и воплощение справедливости.

Так, по определению Т. Гоббса, справедливость возникает при создании государства и закона, а у Ш.Л. Монтескье – справедливость является объективной категорией, которая предшествует созданию закона. У Т. Гоббса – справедливость подчиняется закону, и он имеет приоритет, а у Ш. Л. Монтескье справедливость, наоборот, определяет закон.

Категорию справедливости исследовал и Ж.-Ж. Руссо. Его теория общественного договора повлияла на формирование современного понимания справедливости. Ж.-Ж. Руссо считал, что единственный источник справедливости – Бог, однако человеческому познанию данный источник недоступен. Поэтому он указывает также и на рациональный фундамент: «Несомненно, существует всеобщая справедливость, исходящая лишь от разума, но эта справедливость, чтобы быть принятой нами, должна быть взаимной…для этого необходимы соглашения и закон» [12].

В целом, понимание справедливости как правовой категории в эпоху Просвещения складывалось под воздействием концепций естественного права, теории общественного договора и принципов рационализма. Справедливость имела тесную связь с принципами равенства и свободы, с разумно выстроенной системой устройства государства и стремлением ограничения произвола власти.

Несмотря на многообразие взглядов философов-просветителей, можно обозначить общие черты, характеризующие эпоху. Основу справедливости составляли признание и защита неотчуждаемых прав человека (на жизнь, безопасность, свободу). На смену религиозным догмам и традициям пришла идея о том, что справедливое право – это рациональное и логичное право, соответствующее интересам общего блага. В справедливом праве и государстве законы применяются ко всем одинаково, вне зависимости от статуса и происхождения. Для мыслителей эпохи Просвещения право воплощало справедливость.

Неоценимый вклад в разработку

проблемы справедливости сделали И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, являющиеся представителями немецкой философии.

И. Кант выстраивал концепцию справедливости в праве на основе априорных принципов. Он утверждал, что источник справедливости – это «чистый разум» и априорные моральные постулаты. Никакой правовед, изучающий реальные отношения, не сможет установить справедливость закона, если она не будет опираться на универсальные моральные принципы. «Строжайшее право – это величайшая несправедливость» - писал И. Кант, подтверждая, что без учета моральных аспектов следование правовым нормам приведет к несправедливости [6].

По мнению Г.В.Ф. Гегеля категории справедливости и свободы тесно связаны. Однако философ, в отличие от И. Канта, придерживался юридического понимания справедливости, считая, что реальное воплощение справедливость обретает только в рамках права, а право есть сфера реализованной свободы [13].

Изучением категории справедливости занимались также К. Маркс и Ф. Энгельс. Философия марксизма предполагала, что справедливость категория не вечная, а исторически изменчивая; социально-классовое содержание ее определяется уровнем производственных сил, господствующим классом, отношениями собственности и структурой экономического строя общества. К.Маркс и Ф.Энгельс изучали социально-экономические причины несправедливости, не соглашаясь с абсолютной и естественной справедливостью [2].

Стало быть, представления о справедливости формируют экономические отношения, лежащие в основе классового положения людей, и по мере того, как исторически меняются условия жизни, изменению подвержены и взгляды на справедливость.

Научное осмысление справедливости в праве получило мощный импульс в XX веке — исследователи предложили ряд концепций, обогативших правовую теорию.

Например, представители теории «возрождённого» естественного права хотя и определяли справедливость главнейшей чертой права, однако отмечали ее «трансцендентальность» и невозможность окончательного постижения смысла. Отметим, что и в нашей стране данная теория имела популярность, а положения естественного права стали фундаментом Конституции.

В концепции справедливости Д. Ллойда справедливость является фундаментальной основой права, без которого оно не имеет смысла. Помимо формальной справедливости (наличие норм и правил, их общий характер и объективность в применении), правовая система должна стремиться к реальной справедливости. Для этого право должно иметь гибкие нормы, что позволило бы судьям развивать право и адаптировать его к актуальным потребностям общества [7].

Новые идеи и концепции формировались как реакция на социальные, политические и философские вызовы XX века, а условия кризиса утилитаристских и позитивистских подходов способствовали расширению понимания справедливости как правовой категории.

Таким образом, анализ исторического развития категории справедливости демонстрирует нам ее развитие параллельно с человеческим обществом. Общество формирует представления о справедливости, а справедливость, в свою очередь, формирует общество. На каждом этапе своего исторического развития общество вырабатывает собственную систему представлений о справедливости, охватывающую все сферы жизни и служащую фундаментом правовых норм и законодательства в целом.

Справедливость – понятие многогранное, охватывающее этические, социальные и правовые категории. Поскольку справедливость имеет и социальную природу, то в качестве правовой категории она подвержена изменениям наряду с морально-нравственными и социально-политическими изменениями общества.

А.В. Поляков подчеркивает, что установленный законом порядок будет являться справедливым, если он построен на социально признаваемых нормах должного поведения [10].

На сегодняшний день также некоторые авторы (М. Н. Марченко, В. А. Четвертин) считают, что справедливость и право – категории, не имеющие связь, справедливость применима только для оценки явлений с точки зрения морали, а не права. Однако более убедительной представляется позиция ученых, поддерживающая тесную связь этих категорий [11].

Т.Н. Радько также отмечает, что наряду с понятиями социальной и человеческой справедливости должна выражаться и закрепляться справедливость юридическая. Существование общества немыслимо без права, а само право не может существовать без своего основополагающего идеала – справедливости [11].

По мнению В.С. Нерсесянца, справедливость является сущностным началом права наряду с равенством и свободой. Право по определению справедливо, «справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует

праву» [8].

Несмотря на то, что законодатель не дает легального определения справедливости, в положениях действующего законодательства данная категория встречается неоднократно.

Упоминание справедливости есть в преамбуле Конституции Российской Федерации: «…чтя память предков, передавших нам…веру в добро и справедливость».

Требование справедливости предъявляется в гражданских правоотношениях. Законодатель неоднократно ссылается на справедливость в ряде норм Гражданского кодекса Российской Федерации. При невозможности применения аналогии закона, права и обязанности сторон определяются исходя из аналогии права, включая требования справедливости (ст. 6 ГК РФ). Требования справедливости применяются при определении размера компенсации морального вреда (ст. 1101 ГК РФ), при выплате компенсации участнику коммерческой корпорации, утратившему помимо своей воли право участия в ней (ст. 65.2 ГК РФ), при распределении судом расходов между сторонами в случае расторжения договора вследствие существенно изменившихся обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Также стоит отметить, что в статьях 308.3 и 398 ГК РФ справедливость прямо именуется законодателем как принцип.

Для обеспечения субъективной реализации принципа справедливости законодательство предъявляет требования к этическим и профессиональным характеристикам специалистов в области права. Так, в тексте присяги прокурора требуется соблюдать справедливость при решении судеб людей, а в кодексе этики прокурорского работника содержится указание на руководство принципом справедливости. К судье закон предъявляет требование быть справедливым не только при исполнении служебных обязанностей, но и во внеслужебных отношениях. Сотрудники органов внутренних дел и следственного комитета также должны быть справедливыми, о чем прямо указано законодателем.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что понимание справедливости на протяжении столетий существенно трансформировалось, отражая изменения в социально-политическом устройстве общества и развитии философский воззрений.

Основы осмысления справедливости заложили античные философы, а римское право закрепило справедливость в качестве практического принципа. В период Средневековья эта категория приобрела теологический характер. В Эпоху Просвещения концепции имели рациональную строгость, а XX век сфокусировался на дистрибутивной справедливости.

В целом, мы можем увидеть, как изначально моральная категория интегрировалась в правовые нормы. Из абстрактного идеала категория справедливости трансформировалась в нормативный ориентир.

Можно с уверенностью утверждать, что категория справедливости всегда была интересна и актуальна для мыслителей и правоведов. Каждая историческая эпоха переосмысливала справедливость в контексте актуальных проблем и на сегодняшний день в современном законодательстве идея справедливости занимает центральное место, являясь фундаментальным принципом права. Справедливость сейчас выступает не только регулятивной идеей, но и внутренним качеством правовой системы, ее имманентным критерием.

Справедливость является основой всего права, в этой связи следует признать важность и значимость формулирования и включения ее в качестве основного начала гражданского законодательства наравне с категорией добросовестность в ст. 1 ГК РФ. На наш взгляд, закрепление принципа стало бы нормативным ориентиром для судебных органов и участников правоотношений при применении общих норм к конкретным ситуациям, а также могло бы упорядочить применение других принципов гражданского права, способствовало бы единообразию судебной практики.

Список литературы:

[1] Алексеева Д.А., Бегиев В.Г., Бегиев О.В. Взгляды Аристотеля на справедливость // Сборники конференций НИЦ Социосфера. - 2021. - №28 - С. 5-8.

[2] Андреев С.П. Эволюция правовых воззрений на категорию «справедливость» // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 1А. С. 271-283.

[3] Гоббс, Томас Избранные произведения: в 2 т. пер. с лат. и англ. / Томас Гоббс Т. 1. - ред. и вступ. ст. В. В. Соколова ; пер. А. Гутермана и В. Погосского. – М.: Мысль, 1964. 582 с.

[4] Дигесты Юстиниана. Перевод с латинского: испр. Т. 1. Кн. I—IV. / Перевод с лат. Л. Л. Кофанова, И. С. Перетерского. 2-е изд. – М.: Статут, 2008. - (тит. 1—9).

[5] История политических и правовых учений: Учебник для вузов. /Под общ. ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В. С. Нерсесянца. 2-е изд. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М, 1998. 736 с

[6] Кант, И. Критика практического разума [Электронный ресурс] /переводчик Н. М. Соколов. М.: Изд. Юрайт, 2025. 177 с. URL: https://urait.ru/bcode/567876 (дата обращения: 12.05.2026).

[7] Ллойд Д. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? / Деннис Ллойд; пер. с англ.: М. А. Юмашева, проф. д. ю. н. Ю. М. Юмашев, науч. ред. Ю. М. Юмашев. 5-е изд.. М. : Книгодел, 2009. 376 с.

[8] Нерсесянц В.С. Философия права. М., Норма - Инфра-М, 1998. 652 с.

[9] Пахалов М.Ю. Справедливость: от объективной ценности в политико-правовой мысли западноевропейского Средневековья к современной абстракции // История государства и права. - М.: Юрист, 2013, № 17. С. 39-43

[10] Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. СПб., 2001. 642 с.

[11] Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.

[12] Руссо, Ж. Об общественном договоре или принципы политического права [Электронный ресурс] /Ж. Руссо. М.: Издательство Юрайт, 2025. 146 с. URL: https://urait.ru/bcode/590684 (дата обращения: 24.02.2026).

[13] Чечельницкий, И. В. Справедливость и правотворчество [Электронный ресурс] : монография / И. В. Чечельницкий. М.: Проспект, 2017. URL: https://e.lanbook.com/book/150474 (дата обращения: 20.01.2026).

[14] Шершеневич, Габриэль Феликсович Краткий курс истории философии права / / Сост. по курсу проф. Шершеневича с доб., применит. к прогр. М. Лякин. Киев, 1912. 128 с.

References:

[1] Alekseeva, D.A., Begiev, V.G., & Begiev, O.V. Aristotle's Views on Justice // Proceedings of the Sociosphere Research Centre. – 2021. – No. 28. – pp. 5–8.

[2] Andreev S.P. The evolution of legal views on the category of 'justice' // Issues of Russian and International Law. 2020. Vol. 10. No. 1A. pp. 271–283.

[3] Hobbes, Thomas Selected Works: in 2 vols. Translated from Latin and English / Thomas Hobbes Vol. 1. - Edited and with an introductory article by V.V. Sokolov; translated by A. Guterman and V. Pogossky. – Moscow: Mysl, 1964. 582 pp.

[4] The Digests of Justinian. Translated from the Latin: rev. Vol. 1. Books I–IV. / Translated from the Latin by L. L. Kofanova and I. S. Peretsky. 2nd ed. – Moscow: Statut, 2008. – (titles 1–9).

[5] History of Political and Legal Doctrines: A Textbook for Higher Education Institutions. / Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor V. S. Nersesyants. 2nd ed. – Moscow: NORMA–INFRA Publishing Group • M, 1998. 736 pp.

[6] Kant, I. Critique of Practical Reason [Electronic resource] /Translated by N. M. Sokolov. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 177 pp. URL: https://urait.ru/bcode/567876 (accessed: 12 May 2026).

[7] Lloyd, D. The Idea of Law: Repressive Evil or Social Necessity? / Dennis Lloyd; translated from English by M. A. Yumasheva, Prof. Yu. M. Yumashev, Doctor of Law; scientific editor Yu. M. Yumashev. 5th ed. Moscow: Knigodel, 2009. 376 pp.

[8] Nersesyants V.S. Philosophy of Law. Moscow: Norma – Infra-M, 1998. 652 pp.

[9] Pakhalov, M.Y. Justice: from an objective value in the political and legal thought of the Western European Middle Ages to a modern abstraction // History of State and Law. - Moscow: Yurist, 2013, No. 17. pp. 39–43

[10] Polyakov, A.V. General Theory of Law: A Course of Lectures. St Petersburg, 2001. 642 pp.

[11] Radko, T.N. Theory of State and Law: A Textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2010. 752 pp.

[12] Rousseau, J. The Social Contract, or Principles of Political Right [Electronic resource] / J. Rousseau. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 146 pp. URL: https://urait.ru/bcode/590684 (accessed 24 February 2026).

[13] Chechelnytskyi, I. V. Justice and Law-Making [Electronic resource]: monograph / I. V. Chechelnytskyi. Moscow: Prospekt, 2017. URL: https://e.lanbook.com/book/150474 (accessed: 20 January 2026).

[14] Shershenevich, Gabriel Feliksovich A Brief Course in the History of the Philosophy of Law / / Compiled from Prof. Shershenevich's course with additions, adapted to the programme by M. Lyakin. Kyiv, 1912. 128 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-322-328
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ПЛОТНИКОВ Григорий Александрович,

старший преподаватель кафедры бизнес-информатики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: Dim111077@mail.ru

СОВИНА Анна Рудольфовна,

ассистент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: rudolfovna15@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ КАК ЗАДАЧА КЛАССИФИКАЦИИ: ПРЕДЕЛЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА)

Аннотация. *Стремительная интеграция искусственного интеллекта в правовой сектор, прежде всего в налоговое и административное право, актуализирует проблему того, насколько глубоко можно автоматизировать главное действие при применении права: юридическую квалификацию. В работе показано, что по своему устройству квалификация близка к тому, что в машинном обучении называют классификацией: и там и там объект, описанный набором признаков, относят к одной из заранее заданных категорий. Это сходство объясняет, почему программы успешно берут на себя целые участки правоприменения. Вместе с тем авторы показывают, что сходство не означает совпадения: между статистической классификацией и юридической квалификацией есть несколько различий, которые и очерчивают пределы формализации. Эти различия разобраны на материале налогового и административного права через оценочные понятия, требование обоснованности правового решения, открытость перечня правовых категорий, усмотрение и отсутствие заранее данных «правильных ответов» для обучения программ. Сделан вывод, что выявленные пределы коренятся в природе права, а не в несовершенстве техники, и потому не устраняются ростом вычислительной мощности. На этом основании предлагается рассматривать формализуемость не как выбор между «можно» и «нельзя», а как степень, и использовать устройство правоприменительной задачи в качестве содержательного признака для регулирования систем искусственного интеллекта в праве по уровню риска.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; машинное обучение; задача классификации; юридическая квалификация; формализация права; оценочные понятия; административное право; налоговое право; необоснованная налоговая выгода; объяснимость алгоритмов; предиктивное правосудие.*

PLOTNIKOV Grigory Alexandrovich,

Senior Lecturer at the Department of Business Informatics and Management at St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOVINA Anna Rudolfovna,

Assistant Professor of the Department of Civil Law at St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL QUALIFICATION AS A CLASSIFICATION TASK: THE LIMITS OF FORMALIZATION (THE CASE OF ADMINISTRATIVE AND TAX LAW)

Annotation. *The rapid integration of artificial intelligence into the legal sector, particularly in tax and administrative law, has raised the question of how much of the core legal process can be automated, particularly the legal qualification of cases. This paper argues that legal qualification is similar to what is known in machine learning as classification, where an object described by a set*

of features is assigned to one of a predefined category. This similarity explains why software can successfully handle certain aspects of legal application. At the same time, the authors show that similarity does not mean coincidence: there are several differences between statistical classification and legal qualification, which outline the limits of formalization. These differences are analyzed on the material of tax and administrative law through the evaluative concepts, the requirement of the validity of the legal decision, the openness of the list of legal categories, discretion and the absence of pre-given "correct answers" for training programs. It is concluded that the identified limits are rooted in the nature of law, and not in the imperfection of technology, and therefore are not eliminated by the growth of computing power. Based on this, it is proposed to consider formalizability not as a choice between "can" and "cannot", but as a degree, and to use the device of a law enforcement task as a meaningful feature for regulating artificial intelligence systems in law based on the level of risk.

Key words: *artificial intelligence; machine learning; classification task; legal qualification; formalization of law; evaluative concepts; administrative law; tax law; unjustified tax benefit; explainability of algorithms; predictive justice.*

Введение

Развитие искусственного интеллекта (далее – ИИ) дошло до такого этапа, что право перестает быть только предметом регулирования этой технологии, а само становится областью его применения. Особенно это заметно там, где решения принимаются массово и по схожим правилам – в налоговом и административном праве:

налоговая служба использует программы, которые в реальном времени сопоставляют данные налогоплательщиков и отмечают расхождения;

таможенное дело построено вокруг номенклатуры товаров, по сути представляющей собой готовый перечень категорий;

нарушения правил дорожного движения все чаще фиксируются автоматически камерами, а постановления по ним выносятся без участия инспектора на месте.

Складывается и правовая рамка для таких систем: ее основу задает Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года [1], а подготовленный профильным ведомством законопроект вводит подход, при котором требования к системе зависят от того, насколько сильно она влияет на человека и общество.

На этом фоне возникает вопрос: можно ли поручить программе не вспомогательную обработку данных, а саму юридическую квалификацию – отнесение установленных фактов к той или иной правовой категории? В технической литературе часто отмечают, что это вполне реализуемо, но явным препятствием этому служит недостаточный уровень развития программного и аппаратного обеспечения, а также нехватка данных для обучения. В перспективе это говорит о том, что со временем данная проблема должна исчезнуть. Квалификация действительно похожа по своему устройству на задачу, которую в машинном обучении называют классификацией, и именно этим объясняются успехи автоматизации. Однако сходство не означает тождества: существуют принципиальные различия, не позволяющие редуцировать одно к другому, и коренятся они в сущностной природе права, а не в технических ограничениях

Чем квалификация похожа на классификацию

Юридическая квалификация в теории права понимается как подведение установленных фактов под норму: мы устанавливаем, что конкретный случай относится к тому кругу случаев, которые описаны в норме [2]. В рассуждении правоприменителя это звено выглядит так: есть общее правило, есть вывод о том, что наш случай подпадает под условия этого правила, – и отсюда следует правовое последствие. Иначе говоря, суть квалификации в том, чтобы отнести единичный случай к одной из заранее данных правовых категорий.

Задача классификации в машинном обучении устроена так же:

программу учат на множестве примеров, к каждому из которых уже приложен правильный ответ – указано, к какой категории он относится;

разобрав эти примеры, программа выводит правило, по которому относит к той или иной категории новые, еще не встречавшиеся случаи, и настраивается так, чтобы как можно реже ошибаться [3].

Если убрать вычислительную сторону, перед нами то же самое действие: отнести объект к категории – это аналог подведения факта под норму, примеры с готовыми решениями играют роль накопленной практики, а описание случая – роль юридически значимых обстоятельств дела.

Такое сходство не случайно, оно объясняет, почему учебная задача классификации, по существу, моделирует автоматическую квалификацию и почему

программы так естественно встраиваются в работу там, где квалификация однообразна. Но здесь же видно и первое расхождение. Программу учат на примерах, где правильный ответ известен заранее и считается верным. В праве «правильность» квалификации не дана заранее как факт: она появляется в результате самой процедуры – решения, которое можно обжаловать, пересмотреть и признать ошибочным. Прежде чем разобрать такие расхождения, стоит изучить, где сходство работает в полную силу.

Области успешной автоматизации

На данный момент существует значительный спектр задач, где квалификация и классификация равносильны, а автоматизация уже состоялась. Самый наглядный пример – определение кода товара по единой товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности. Здесь правовые категории заранее выстроены в строгий перечень, отнесение товара к тому или иному коду прямо определяет размер платежей, а сама процедура подчинена формальным правилам [4]. К такому же типу относится автоматическая фиксация нарушений правил дорожного движения: камера сама регистрирует превышение скорости или проезд на запрещающий сигнал. [11]. Сюда же включить выявление формальных нарушений в налоговом и административном праве: пропуск срока, превышение установленного предела, отсутствие нужного документа определяются по наблюдаемым признакам и, по сути, уже устанавливаются автоматически. Наконец, это массовая разборка однотипных документов и обращений и тот самый налоговый контроль, который сопоставляет сведения контрагентов и отмечает расхождения.

Все эти задачи роднит несколько критериев:

обстоятельства, которые здесь важны, можно наблюдать и измерить;

перечень категорий устойчив и обозрим;

решения принимаются часто и по повторяющимся образцам;

накоплено много однородных прежних решений, на которых можно обучить ИИ.

При таких условиях программа способна с высокой точностью повторить сложившееся правило, и ее применение оправдано – оно снимает рутину и делает практику единообразнее.

Важно отметить, что даже в этих задачах ИИ берет на себя в основном легко формализуемый слой (заметить, сопоставить, предварительно отнести к категории), а собственно оценку оставляет человеку. Это хорошо видно и в налоговом контроле, и в дорожной фиксации: программа отмечает расхождение или регистрирует превышение, но вывод о том, есть ли здесь искажение сведений и умысел или, напротив, основания освободить водителя от ответственности, делает человек. Иначе говоря, даже там, где автоматизация удается лучше всего, она доходит до черты, за которой начинается то, что плохо ей поддается.

Пределы формализации

Оценочные понятия и нечеткость правовых границ

Первая и самая глубокая граница связана со свойством, которое можно назвать открытостью или подвижностью правовых понятий [5]. У понятия есть устойчивое ядро, где все ясно, и размытый край, где применить его к конкретному случаю заранее не предрешено – нужно содержательное решение того, кто применяет норму. Особенно это заметно в так называемых оценочных понятиях, которые закон намеренно не определяет до конца: их содержание наполняется только в момент применения, с учетом обстоятельств дела и стоящих за нормой ценностей [6].

Налоговое и административное право полны таких понятий. В налоговом праве расходами признаются обоснованные, то есть экономически оправданные, и документально подтвержденные затраты [7]. При этом Конституционный Суд указал, что обоснованность определяется направленностью затрат на получение дохода, а оценивать их целесообразность и эффективность ни налоговый орган, ни суд не вправе – это дело самого предпринимателя [8]. Норма о пределах прав при исчислении налога говорит об искажении сведений, об основной цели сделки и о том, что обязательство должно быть исполнено надлежащим лицом [9], продолжая выработанное практикой понятие необоснованной налоговой выгоды [10]. В административном праве не менее показательны понятие малозначительности, позволяющее освободить от ответственности, оценка нарушения как грубого и разграничение близких составов, когда одни и те же по виду действия квалифицируются по-разному, в зависимости от обстоятельств и степени их вредности [11].

Особенность оценочного понятия в том, что у него нет заранее очерченного объема, который можно было бы «выучить» по прошлым делам. Программа способна по накопленным решениям определить некоторую границу между тем, что раньше относили к одной категории, а что – к другой, и предсказать наиболее вероятный ответ для нового случая. Но содержание оценочного понятия не лежит готовым где-то в прошлой практике – оно создается в самом акте применения, с оглядкой на конкретные обстоятельства и ценности. Программа может довольно точно угадать, как

при сложившейся практике, скорее всего, оценили бы деловую цель сделки или оправданность расходов, но она не совершает того решения, в котором как раз и определяется, чего эти понятия требуют здесь и сейчас. Предсказать поведение правоприменителя и провести квалификацию – это разные вещи.

Предсказание и обоснование – не одно и то же

Вторая граница связана с тем, что именно выдают, с одной стороны, программа, а с другой – правоприменитель. Программу настраивают так, чтобы она как можно точнее угадывала ответ на примерах, по которым ее учили [3]. Признаки, на которые она опирается, – это статистические совпадения, а на выходе она дает категорию и, в лучшем случае, оценку вероятности. Юридическая же квалификация по требованию закона должна быть не угадана, а обоснована: нужно выстроить цепочку доводов со ссылками на источники права, которую можно проверить, в том числе при обжаловании. Разрыв между угадыванием и обоснованием сохраняется и в новых работах, где обсуждают предсказательные возможности обработки больших данных в праве [12].

Признаки, на которых держится статистический вывод – это не правовые основания. Сообщение, что случай отнесен к нарушениям с такой-то вероятностью никакого правового обоснования не содержит. Отчасти эту проблему пытаются смягчить методы, делающие работу программы более понятной (их называют объяснимым ИИ), но и они ее не снимают [13]: они показывают, какие признаки и насколько повлияли на ответ программы, но не объясняют, почему этот ответ соответствует закону. Между «почему так решила программа» и «почему это законно» остается качественная разница. Отсюда важный для всей темы вывод: даже безошибочное предсказание исхода – еще не квалификация, потому что квалификация по своему смыслу есть обоснованное, а не угаданное отнесение факта к норме.

Заранее заданный перечень категорий и новые случаи

Третья граница в том, что программа-классификатор работает с заранее заданным и закрытым перечнем категорий, а право постоянно сталкивается с новым. Хозяйственная жизнь все время порождает невиданные прежде схемы. Возникают пробелы, которые надо восполнять, появляются случаи, где нужно толкование, а в допустимых пределах – и аналогия [2]. Программа, обученная на закрытом списке вариантов, столкнувшись с действительно новым случаем, вынуждена втиснуть его в одну из старых категорий. Распознать ситуацию, где надо не подобрать готовую категорию, а изменить сам их набор путем толкования или правотворчества, она не в состоянии. У права такие средства есть, у обученной на прошлом программы – нет.

Показательна история с дроблением бизнеса. Оценка искусственного разделения деятельности как способа получить необоснованную выгоду складывалась в практике постепенно, а принятый в 2024 году закон об условиях амнистии за такие схемы [14] показал, что правовая оценка одних и тех же по форме действий может меняться под влиянием политики государства. Ответ, который вчера дала бы обученная на прежней практике программа, сегодня оказывается другим – и не потому, что изменились факты, а потому что изменилось правовое решение.

Сюда же примыкает еще одна тонкость. Любое предсказание исхода зависит от того, с какой группой схожих дел мы сравниваем рассматриваемый случай. Но какие обстоятельства считать важными и, значит, по какому признаку собирать группу для сравнения – это и есть вопрос юридической квалификации, а не что-то, что предшествует ей. То, что программа вынуждена принимать как заданное, на деле само является результатом толкования. Похожим образом устроена и налоговая реконструкция, когда действительный размер налога восстанавливают исходя из подлинного смысла операций: это не подбор категории по набору признаков, а содержательное восстановление того, что произошло на самом деле.

Усмотрение: право выбора в рамках закона

Четвертая граница – усмотрение, которого в административном и налоговом праве очень много. Назначение наказания в пределах санкции с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств [11], снижение штрафа при наличии смягчающих обстоятельств [7], признание нарушения малозначительным – все это предполагает выбор между несколькими допустимыми по закону вариантами. Усмотрение по своей природе – это не спрятанный единственно верный ответ, который надо угадать, а право выбора, специально переданное законом тому, кто принимает решение. Программа способна повторить самый частый вариант прежнего выбора и тем самым воспроизвести сложившиеся привычки практики, в том числе ее перекосы, а нередко и усилить их. Но повторить типичный выбор – не значит осуществить усмотрение: у программы нет права выбирать [15, 16].

За этим стоит вопрос законности, который не решается повышением точности. Силу квалификации придает не ее совпадение

со статистикой, а то, что ее совершил тот, кому это поручено, и в установленном порядке. Сколь угодно точное предсказание лишено той власти, которая делает квалификацию обязательной. Вопрос о том, кто вправе провести квалификацию и отвечать за нее, имеет в том числе конституционное значение, и передать его вычислительной процедуре нельзя без потери самого качества правового решения.

Откуда берутся «правильные ответы» и риск застывания практики

Пятая граница возвращает к расхождению, отмеченному в начале, и обнажает его корень. Обучение программы на примерах требует, чтобы у этих примеров были заведомо правильные ответы, по которым ее настраивают [3]. В праве роль таких ответов играют прошлые решения, а они сами – итог процедуры, которую можно оспорить: их обжалуют, пересматривают и порой признают ошибочными. Объективной истины, какая есть, скажем, при различении изображений двух животных, для юридической квалификации не существует: «правильный» ответ здесь не предшествует процедуре, а рождается в ней.

Отсюда два следствия. Во-первых, программа, обученная на массиве решений, на деле учится повторять работу учреждения, а не находить независимо существующий факт. Высокая точность относительно прошлых ответов еще не гарантирует юридической правильности, если сами эти ответы небезупречны. Во-вторых, опора на прошлое грозит застыванием практики: ее ошибки и перекосы закрепляются как образец для подражания. Это противоречит способности права исправлять себя – менять устоявшиеся подходы и отступать от прежней позиции, когда того требуют законность или справедливость. Получается, что обучение на готовых ответах ограничено не на уровне исполнения, а в самой основе: для сложных случаев оно опирается на допущение о существовании заранее верных ответов, которого право не дает.

Степень формализуемости вместо деления надвое

Из сказанного не следует, что ИИ в правоприменении нет места, и дело не сводится к простому делению задач на пригодные и непригодные. Точнее говорить о степени: насколько задача поддается формализации, зависит от перечисленных черт. Чем сильнее важные обстоятельства можно наблюдать и измерить, чем устойчивее и замкнутее перечень категорий, чем чаще повторяются однотипные решения и чем согласованнее накопленные ответы, чем меньше в задаче оценочного, выбора по усмотрению и ценностных решений – тем ближе она к полюсу, где автоматизация уместна и широка. И наоборот: чем больше всего этого, тем скромнее должна быть роль программы.

Следует подчеркнуть, что ограничения применимости ИИ обусловлены не уровнем технологического развития, а самой природой правовых задач. Там, где требуется интерпретация оценочных понятий, аргументация правового вывода, разрешение коллизий в нетипичных ситуациях или осуществление правового усмотрения, простое наращивание вычислительных ресурсов не приводит к качественному решению. Технологический прогресс в данном случае устраняет лишь внешние, формальные сложности, не преодолевая содержательных ограничений, заложенных в правовой материи. Следовательно, вектор внедрения ИИ должен носить строго субсидиарный характер. Алгоритмы целесообразно применять для первичной сортировки информационных массивов, формирования прогнозов и выдачи рекомендаций, но не для вынесения юридической квалификации. Чем значительнее доля оценочных суждений в задаче, тем строже должен соблюдаться принцип вспомогательности программных средств

Значение для регулирования и доктрины

У этой картины есть прямой выход на регулирование. Подход, при котором требования к системе зависят от уровня риска [1], нуждается в содержательном признаке, по которому риск определяют – и устройство правоприменительной задачи такой признак дает. Системы, которые применяют к слабо формализуемой квалификации, насыщенной оценками и усмотрением, разумно сразу считать высокорисковыми: за человеком должно оставаться само решение и его мотивировка, его участие должно быть содержательным, а не формальным, и должна сохраняться возможность обжалования. Там же, где задача легко формализуема, допустима и более глубокая автоматизация при должном контроле качества. Такой признак привязывает строгость требований к устройству задачи, а не к расплывчатой ссылке на «влияние на человека», и потому понятнее в применении и устойчивее к произволу.

Для теории отсюда следует правило, которое можно сформулировать как принцип атрибуции квалификации: окончательное отнесение факта к норме и его правовое обоснование должны оставаться действием субъекта, наделенного соответствующим полномочием и несущего ответственность, тогда как результат работы программы способен такое действие информационно обеспечивать, но не замещать. Этот принцип согласует внедрение технологий с требованиями законности и

мотивированности и удерживает ответ программы в роли вспомогательного средства, а не источника правоприменительного акта.

Заключение

Юридическая квалификация по своему устройству близка к тому, что в машинном обучении называют классификацией, и это объясняет успехи автоматизации там, где задача легко формализуема – при определении кода товара, автоматической фиксации дорожных нарушений, выявлении формальных нарушений и сопоставлении налоговых данных. Но близость – не тождество. Там, где квалификация требует наполнить содержанием оценочное понятие, обосновать решение со ссылкой на право, справиться с принципиально новым случаем, сделать выбор по усмотрению или опереться на ответы, заведомая правильность которых праву не дана, сходство нарушается. Эти границы коренятся в самой природе права, нормативного, ценностного и властного явления, и потому не исчезают от совершенствования программ и роста объема данных.

Рациональное место ИИ в правоприменении – это место помощника, а не того, кто выносит квалификацию. Регулирование и теория должны ориентироваться на устройство задачи, считая высокорисковыми системы для слабо формализуемых задач и оставляя окончательную квалификацию и ее обоснование за человеком. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется перевод предложенной «степени формализуемости» в рабочие признаки и распределение по ней конкретных видов административных и налоговых дел, что позволило бы перевести изложенные теоретические положения в практически применимые критерии допустимости автоматизации.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс

[2] Черданцев А. Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 381 с.

[3] Воронцов К. В. Машинное обучение : курс лекций. URL: http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Машинное_обучение_(курс_лекций,_К.В.Воронцов) (дата обращения: 01.06.2026)

[4] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 9 января 2018 г.

[5] Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.

[6] Кашанина, Т.В. Оценочные понятия в советском праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Свердловск, 1974. – 185 с.

[7] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 17.04.2026) // СПС КонсультантПлюс

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2007 г. № 320-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс

[9] Федеральный закон от 18 июля 2017 г. N 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 июля 2017 г. N 30 ст. 4443

[10] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС КонсультантПлюс

[11] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

[12] Аргунов В. В. Теория «персонализированного права» и гражданское судопроизводство: утопия или ближайшее будущее? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2. С. 32–42.

[13] Талапина Э. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №3. С. 4-27.

[14] Федеральный закон от 12 июля 2024 г. N 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)

[15] Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109.

[16] Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-

правовые проблемы: дис. … доктора юридических наук: 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович; [Место защиты: Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности]. – Москва, 2018. – 420 с.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N 490 (as amended by 15.02.2024) " On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030")//SPS ConsultantPlus

[2] Cherdantsev A.F. Interpretation of law and contract: study. manual. M.: UNITY-DANA, 2003. 381 pp.

[3] Vorontsov K.V. Machine learning: a course of lectures. URL: http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=Машинное_обучение_ (course _ of lectures, _ K.V. Vorontsov) (date of contact: 01.06.2026)

[4] Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union of April 11, 2017)//" Official Internet Portal of Legal Information "(www.pravo.gov.ru) January 9, 2018

[5] Hart G.L.A. Concept of Law/Trans. from English; under the general. ed. E.V. Afonasina and S.V. Moiseeva. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2007. - 302 s.

[6] Kashanina, T.V. Evaluative concepts in Soviet law: dissertation... Candidate of Law: 12.00.01. - Sverdlovsk, 1974. - 185 s.

[7] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (rev. dated 17.04.2026) //SPS ConsultantPlus

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 4, 2007 No. 320-O-P "On refusal to accept for consideration the request of a group of deputies of the State Duma to verify the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of paragraph 1 of Article 252 of the Tax Code of the Russian Federation "//SPS ConsultantPlus

[9] Federal Law No. 163-FZ dated July 18, 2017 "On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation No. 30 Art. 4443 dated July 24, 2017

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 "On the Assessment by Arbitration Courts of the Reasonableness of a Taxpayer Receiving a Tax Benefit "//SPS ConsultantPlus

[11] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ//SPS ConsultantPlus dated December 30, 2001

[12] Argunov V.V. Theory of "personalized law" and civil proceedings: utopia or the near future ?//Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2025. № 2. S. 32-42.

[13] Talapina E. Transparency of artificial intelligence algorithms//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. №3. S. 4-27.

[14] Federal Law No. 176-FZ dated July 12, 2024 "On Amending Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended)

[15] Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. VOL. 22. № 1. S. 91-109.

[16] Morhat, P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dis.... Doctors of Law: 12.00.03/Morhat Petr Mechislavovich; [Place of defense: Ros. state. acad. intellectual. property]. - Moscow, 2018. - 420 s.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ИННОВАЦИИ

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-329-337

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

СОВИНА Анна Рудольфовна,

ассистент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: rudolfovna15@mail.ru

LEGAL DESIGN КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается концепция Legal Design – направления на стыке права, дизайна и когнитивной психологии, направленного на повышение доступности правовой информации для граждан. На основе анализа реальных информационных материалов, размещенных в российских транспортных объектах, выявляются ключевые недостатки традиционного подхода и формулируются принципы эффективного информирования. Приводятся дополнительные примеры российских кампаний.*

Ключевые слова: *Legal Design, юридический дизайн, правовой дизайн, правовая коммуникация, визуализация права, информационный дизайн*.

SOVINA Anna Rudolfovna,

Assistant of the Department of Civil Law of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL DESIGN AS A LEGAL COMMUNICATION TOOL

Annotation. *The article examines the concept of Legal Design, a field at the intersection of law, design and cognitive psychology aimed at increasing the accessibility of legal information for citizens. Based on the analysis of real information materials posted in Russian transport facilities, the key disadvantages of the traditional approach are identified and the principles of effective information are formulated. Additional examples of Russian campaigns are provided.*

Key words: *Legal Design, legal communication, visualization of law, information design*.

Введение

Правовая система государства может функционировать эффективно лишь тогда, когда ее нормы понятны тем, на кого они распространяются. Между тем на протяжении столетий правовая культура тяготела к герметичности: юридический язык, насыщенный специальными терминами, громоздкие конструкции нормативных актов, санкционная риторика – все это формировало значительный барьер между законом и рядовым гражданином. В XXI веке на стыке юриспруденции, когнитивной психологии, UX-дизайна и теории коммуникации сложилось самостоятельное направление – Legal Design (правовой или юридический дизайн), – ставящее целью преодоление этого барьера.

Legal Design – это методология создания юридических документов, знаков, инструкций и иных правовых материалов с опорой на принципы понятности, визуальной ясности и ориентированности на конкретного пользователя [4]. Термин активно используется в академической литературе с начала 2010-х годов; Stanford Law School открыла специализированную лабораторию Legal Design Lab в 2013 году [6]. В России интерес к данной проблематике заметно вырос после 2020 года в контексте дискуссий о доступности правосудия и правовой грамотности населения.

Настоящая статья анализирует практику информирования граждан о правовых нормах на примере материалов, размещенных в российской транспортной инфраструктуре. На основе контрастного сопоставления традиционного плаката и современных примеров выявляются критерии эффективного Legal Design.

Теоретические основания Legal Design

В основе Legal Design лежит ряд теоретических концепций.

Во-первых, теория ограниченной

рациональности Г. Саймона [5]: люди принимают решения в условиях когнитивных ограничений, поэтому перегруженная текстом правовая информация не усваивается даже при наличии мотивации.

Во-вторых, «эффект обработки беглости» (processing fluency): чем проще воспринимается информация, тем выше доверие к ней и вероятность её запоминания [1].

В-третьих, принцип «пользователецентричного проектирования»: правовой продукт должен создаваться исходя из потребностей и возможностей конечного получателя [4].

Исследователи выделяют следующие ключевые принципы Legal Design [2, 4]:

ясность – использование простого языка (Plain Language) [3];

визуализация – пиктограммы, схемы, инфографика;

иерархичность – структурирование информации по степени важности;

контекстуальность – учет среды и обстоятельств восприятия;

проверяемость – тестирование материала на реальной аудитории.

Анализ примеров

Анализ неэффективного примера

Первый из анализируемых материалов – информационный плакат, размещенный на стенах Петербургского метрополитена в информационном блоке (рис. 1). Плакат посвящен теме терроризма и диверсий на железнодорожном транспорте и апеллирует к статье 281 УК РФ.

Рис. 1. Информационный плакат «Диверсия» в вестибюле Петербургского метрополитена. Источник: фото автора

С точки зрения Legal Design данный материал демонстрирует целый ряд системных недостатков:

Избыточная текстовая нагрузка

Плакат содержит несколько смысловых блоков одновременно: запрет вскрытия/поджога, определение диверсии по УК, санкции, ответственность за экстремизм и терроризм. Объем информации многократно превышает возможности кратковременного восприятия пассажира в состоянии транзита.

Юридизированный язык

Формулировки типа «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры» воспроизводят букву закона, но недоступны массовой аудитории.

Доминирование риторики устрашения

Главный посыл – угроза лишения свободы сроком до 20 лет или пожизненного заключения. Исследования показывают [4], что устрашающая риторика без четкого поведенческого предписания снижает комплаентность граждан.

Визуальная перегруженность

Агрессивный желто-красный фон, несколько разнородных символов, фотография горящих цистерн – совокупность не формирует понятной модели правомерного поведения.

Отсутствие целевого действия

Нет телефона горячей линии, QR-кода, иного инструмента для совершения полезного действия.

Таким образом, данный плакат является наглядным примером «права для права» – материала, формально выполняющего

требование информирования, но фактически не решающего задачу правовой коммуникации. Подобный подход укоренился в советской традиции предупредительного плакатостроения и воспроизводится по инерции.

Анализ эффективных примеров

В противовес описанному выше примеру рассмотрим материалы, отражающие современный подход к правовой и регулятивной коммуникации в транспортной среде (рис. 2 и 3).

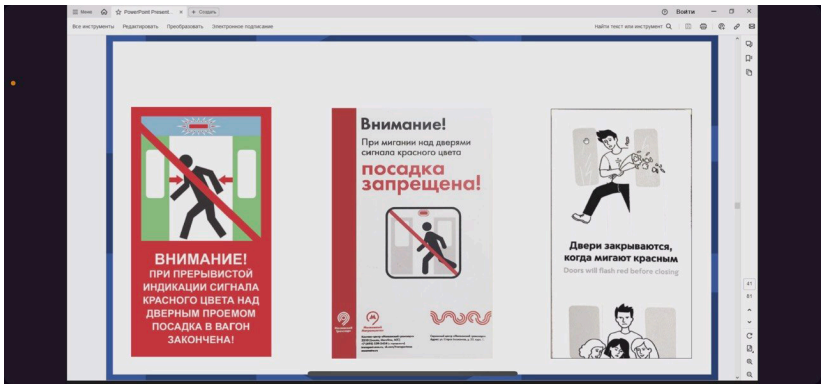

Рис. 2. Эволюция плаката о закрытии дверей: от советского формата (слева) к минималистичному (в центре) и иллюстративному (справа) – Московский метрополитен. Источник: [18]

Серия плакатов о правиле посадки в вагон при мигающем красном сигнале над дверями, которая существует в трех вариантах, демонстрирующих эволюцию подхода:

традиционный бюрократический («При прерывистой индикации сигнала красного цвета над дверным проёмом посадка в вагон закончена!»);

современный московский («При мигании над дверями сигнала красного цвета посадка запрещена!»);

иллюстративный – с образным персонажем и двуязычной подписью. Последний использует неформальный тон («когда мигают красным»), снижая психологический барьер восприятия нормы [3].

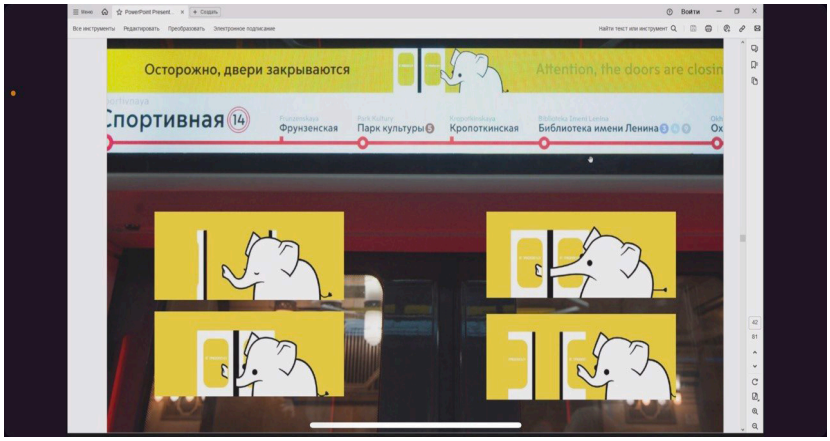

Рис. 3. Анимированный маскот-слон на информационном экране вагона московского метрополитена. Источник: [18]

На экране транслируется анимированная история со слоном-маскотом, который не успевает войти в закрывающиеся двери. Верхняя строка показывает название текущей станции и маршрут, бегущая строка дублирует норму на двух языках.

Данный формат реализует несколько принципов Legal Design одновременно:

контекстуальность – сообщение появляется именно в момент, когда поведенческое предписание актуально;

нарратив – история с персонажем активирует эмоциональную память эффективнее абстрактного запрета [1];

двуязычность – информация доступна для иностранных пассажиров;

«мягкое» регулирование – норма транслируется через идентификацию с героем, а не через угрозу санкции.

Таблица 1. Сравнительный анализ информационных материалов по критериям Legal Design

Критерий	Плакат «Диверсия»	Плакат «Посадка»	Анимация «Слон»
Один посыл	✗ Несколько норм	✓ Одна норма	✓ Одна норма
Визуальный приоритет	✗ Текст доминирует	✓ Пиктограмма	✓ Анимация/маскот
Живой язык	✗ Юридическая лексика	✓ Простые слова	✓ Разговорный тон
Поведение	✗ Только угроза	✓ Чёткий запрет	✓ Наглядная модель
Контекстуальность	~ Частично	✓ У дверей вагона	✓ В момент закрытия
Нарратив/эмоция	✗ Только страх	~ Нейтрально	✓ Персонаж-маскот
Итог	1 / 6	5 / 6	6 / 6

Источник: составлено автором по методологии H. Haapio & S. Passera (2013) [2].

Дополнительные примеры Legal Design в российской практике

Рассмотренные выше плакаты представляют собой лишь часть более широкого явления – постепенной трансформации системы публичного информирования граждан в России. Приведем ряд дополнительных примеров.

Наклейки для наземного транспорта Москвы (Студия Лебедева / Мосгортранс, 2018) [9] (рис. 4)

В январе 2018 года Студия Артемия Лебедева по просьбе Мосгортранса разработала новую систему информационных наклеек для автобусов и трамваев. Концептуальная формулировка проекта состояла в следующем: «перевести московский транспорт на человеческий язык». Все пиктограммы стали дружелюбными: трамваи улыбаются, родители с детьми изображены реалистично, на забытом чемодане нарисован грустный смайлик. Принципиально важно, что наклейки не только запрещали, но и предлагали позитивные предписания с объяснением, почему правило важно. Данный проект стал первым системным переходом к friendly-дизайну в московском транспорте.

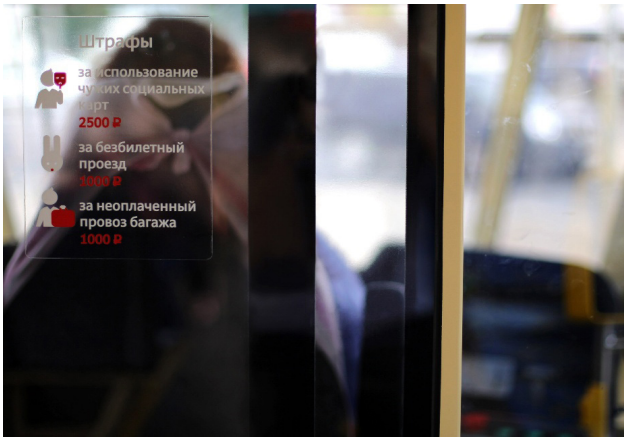

Рис. 4. Пример наклейки в наземном транспорте Москвы. Источник: [9]

Редполитика визуальных коммуникаций московского транспорта (2021) [10] (рис. 5)

В декабре 2021 года Студия Артемия Лебедева разработала единый стиль визуальных коммуникаций для метро, наземного транспорта и МЦД. Новый вид указателей, шаблоны сообщений и редполитика постепенно внедрились на всех станциях. Согласно опросу, 68% пассажиров предпочли сообщения в новом дизайне [10].

Рис. 5. Обновленное объявление в транспорте Москвы. Источник: [10]

Плакаты Роспотребнадзора в период пандемии COVID-19 (2020) (рис. 6)

В 2020 году Роспотребнадзор массово размещал плакаты с правилами санитарного поведения. Материалы содержали пиктограммы (маски, дистанция, мытье рук) и короткие подписи. По сравнению с дореформенными плакатами прогресс в части визуализации очевиден. Однако язык ряда материалов оставался частично канцелярским («соблюдение социальной дистанции не менее 1,5 м»), что снижало эффект. Данный пример демонстрирует переходный этап: визуализация внедрена, но языковой барьер ещё не преодолен.

Рис. 6. Плакат Роспотребнадзора в период пандемии COVID-19. Источник: [11]

Сервис «Налоговый калькулятор» ФНС России (рис. 7)

Федеральная налоговая служба реализовала один из наиболее удачных примеров Legal Design в российском государственном управлении: онлайн-сервис с пошаговыми объяснениями расчета налогов, визуализированными схемами и человекочитаемыми формулировками. Сервис позволяет гражданину понять свои обязательства без обращения к специалисту, что соответствует базовому принципу Legal Design – «правовая информация должна быть самодостаточной».

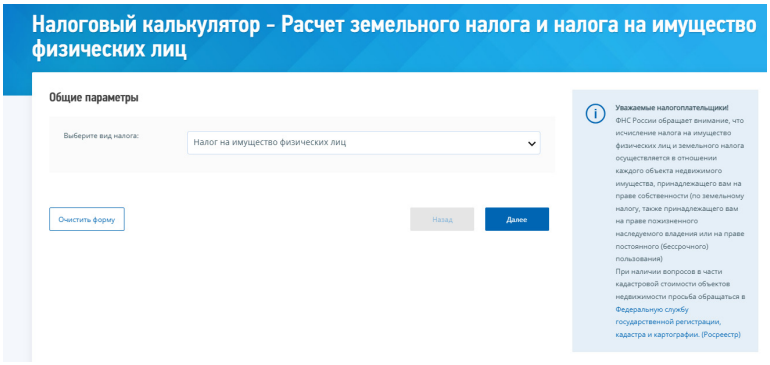

Рис. 7. Налоговый калькулятор на сайте ФНС. Источник: [12]

Правила поведения РЖД и памятки МЧС (рис. 8-11)

В купейных вагонах РЖД до сих пор можно встретить старые образцы информационных материалов – например, мелко напечатанный список запретов, полностью лишенный визуальных элементов (рис. 8). Такие плакаты выглядят как наследие бюрократического подхода. Вместе с тем в компании наблюдается переход к новым способам донесения информации, о чем свидетельствуют достаточно эффективные и адаптированные для детского восприятия правила поведения (рис. 9).

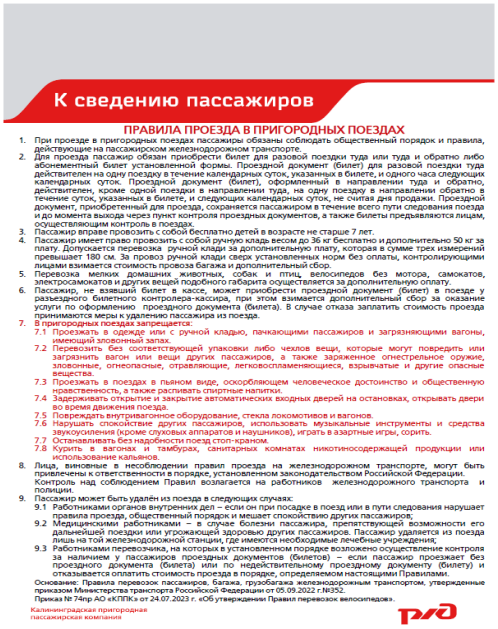

Рис. 8. Правила проезда в пригородных поездах. Источник: [13]

Рис. 9. Информационный материал РЖД для детей. Источник: [14]

Иной формат демонстрируют традиционные памятки МЧС, выполненные в виде бюрократических листовок с государственными штампами, что снижает их адаптацию к реальному восприятию (рис. 10). Однако и в деятельности МЧС фиксируется внедрение новых подходов (рис. 11): выпущен федеральный пакет социальной рекламы (около 400 единиц: плакаты, инфографика, видеоролики, аудиоконтент), разработано мобильное приложение с голосовым сопровождением памяток и интерактивными тестами. С сентября 2026 года планируется введение единого стандарта навигационных знаков у воды с использованием пиктограмм и светоотражающих элементов [15].

Рис. 10. Информационный материал «Действия населения при чрезвычайных ситуациях». Источник: [16]

Рис. 11. Информационный материал «Гражданская оборона. Эвакуация населения». Источник: [17]

Принципы эффективного Legal Design в публичной коммуникации

На основе проведенного анализа можно сформулировать рекомендации для разработчиков информационных материалов правовой тематики:

Один материал – одно сообщение [4]. Концентрация нескольких правовых норм на одном носителе снижает усвоение каждой из них.

Поведенческая ориентированность [1]. Материал должен отвечать на вопрос «Что мне делать?», а не только «Что запрещено?».

Визуальный приоритет. Пиктограмма или иллюстрация должна передавать смысл нормы самостоятельно; текст лишь уточняет и дублирует.

Живой язык [3]. Следует избегать канцеляризмов, причастных и деепричастных оборотов, пассивного залога.

Позитивное предписание. Психологические исследования показывают, что позитивные формулировки нередко эффективнее запретительных.

Тестирование на аудитории [1]. Московский метрополитен и Студия Лебедева продемонстрировали эффективность этого подхода: 68% пассажиров одобрили обновленные форматы [10].

Системность. Legal Design должен применяться не как единичная акция, а как системная политика государственного информирования.

Заключение

Legal Design – это не просто вопрос эстетики или «удобства». Это вопрос конституционного принципа правовой определенности: норма, которая не понята адресатом, фактически не действует [7, 8]. Анализ информационных материалов в российском транспорте показывает, что переход от советской традиции устрашающего плаката к современной парадигме пользователецентричной коммуникации уже начался, однако остается непоследовательным.

Показательно, что наиболее последовательный переход к принципам Legal Design осуществлен в московской транспортной инфраструктуре – при участии частных дизайн-студий и при институциональной поддержке Департамента транспорта Москвы [9, 10]. Этот опыт должен быть тиражирован на федеральный уровень: в коммуникации МЧС, Роспотребнадзора, РЖД, Министерства юстиции.

Задача юридического сообщества – признать Legal Design самостоятельной компетенцией, необходимой для правотворчества и правоприменения, и интегрировать ее методы в практику государственного информирования

граждан. Право, которое говорит с людьми на их языке, – это не уступка простоте, а высшее проявление правовой культуры.

Список литературы:

[1] Dumas J., Redish J. A Practical Guide to Usability Testing. – Portland: Intellect Books, 1999. – 404 p.

[2] Haapio H., Passera S. Visual Law: What Lawyers Need to Learn from Information Designers // Proceedings of the 17th International Legal Informatics Symposium. – Innsbruck: Austrian Computer Society, 2013. – P. 177–186.

[3] Kimble J. Writing for Dollars, Writing to Please: The Case for Plain Language in Business, Government, and Law. – Durham: Carolina Academic Press, 2012. – 224 p.

[4] Plesko M. Legal Design: From Theory to Practice // European Journal of Law and Technology. – 2021. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1–18.

[5] Simon H. A. Models of Bounded Rationality. – Cambridge: MIT Press, 1982. – Vol. 2. – 463 p.

[6] Stanford Legal Design Lab [Электронный ресурс]. – URL: https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/ (дата обращения: 10.04.2025).

[7] Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.

[8] Кашанина Т.В. Юридическая техника. – М.: Норма, 2011. – 496 с.

[9] Студия Артемия Лебедева. Визуальная коммуникация для наземного транспорта Москвы [Электронный ресурс]. – URL: https://www.artlebedev.ru/mosgortrans/visual-communication/ (дата обращения: 15.04.2025).

[10] Студия Артемия Лебедева разработала стиль визуальных коммуникаций московского транспорта // Sostav.ru. – 2021. – 17 декабря [Электронный ресурс]. – URL: https://www.sostav.ru/publication/studiya-artemiya-lebedeva-razrabotala-stil-vizualnykh-kommunikatsij-moskovskogo-transporta-51856.html (дата обращения: 18.04.2025).

[11] Ковид плакаты и памятки. URL: https://41.rospotrebnadzor.ru/content/kovid-plakaty-i-pamyatki (дата обращения: 18.04.2026).

[12] Налоговый калькулятор на сайте ФНС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/nalog_calc/ (дата обращения: 18.04.2026).

[13] Правила перевозок пассажиров, багажа и грузобагажа железнодорожным транспортом. URL: https://kppk39.ru/passengers/pravila-passazhirskikh-perevozok/pravila-perevozok-passazhirov-bagazha-i-gruzobagazha-zheleznodorozhnym-transportom/ (дата обращения: 18.04.2026).

[14] Правила безопасного поведения граждан на железнодорожном транспорте. URL: https://vostochniy.mos.ru/presscenter/inform/detail/7078692.html (дата обращения: 18.04.2026).

[15] МЧС вводит единый стандарт навигации у воды. https://novatika.ru/news/novost-6-mchs-vvodit-edinyy-standart-navigatsii-u-vody/ (дата обращения: 18.04.2026).

[16] Действия населения при чрезвычайных ситуациях. URL: https://modubrovka.ru/go-i-chs/news_post/dejstviya-naseleniya-pri-chrezvychajnyh-situaciyah (дата обращения: 18.04.2026).

[17] Памятка. Гражданская защита. Эвакуация населения. URL: https://mchs.gov.ru/dokumenty/4342 (дата обращения: 18.04.2026).

[18] Янковский Р. Legal Design: как исследовать и улучшать юридические продукты: открытая лекция // Всероссийский конгресс по цифровому праву. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации – 2024. – 5 декабря.

References:

[1] Dumas J., Redish J. A Practical Guide to Usability Testing. – Portland: Intellect Books, 1999. – 404 p.

[2] Haapio H., Passera S. Visual Law: What Lawyers Need to Learn from Information Designers // Proceedings of the 17th International Legal Informatics Symposium. – Innsbruck: Austrian Computer Society, 2013. – P. 177–186.

[3] Kimble J. Writing for Dollars, Writing to Please: The Case for Plain Language in Business, Government, and Law. – Durham: Carolina Academic Press, 2012. – 224 p.

[4] Plesko M. Legal Design: From Theory to Practice // European Journal of Law and Technology. – 2021. – Vol. 12. – No. 1. – P. 1–18.

[5] Simon H. A. Models of Bounded Rationality. – Cambridge: MIT Press, 1982. – Vol. 2. – 463 p.

[6] Stanford Legal Design Lab. – URL: https://law.stanford.edu/organizations/pages/legal-design-lab/ (дата обращения: 10.04.2025).

[7] Alekseev S.S. Theory of law. - M.: BECK, 1995. - 320 s.

[8] T.V. Kashanina. Legal technique. - M.: Norma, 2011. - 496 p.

[9] Artemy Lebedev Studio. Visual communication for ground transport in Moscow [Electronic resource]. – URL: https://www.artlebedev.ru/mosgortrans/visual-communication/ (дата обращения: 15.04.2025).

[10] Artemy Lebedev Studio has developed a style of visual communications of Moscow transport// Sostav.ru. – 2021. - December 17 [Electronic resource]. – URL: https://www.sostav.ru/publication/studiya-artemiya-lebedeva-razrabotala-stil-vizualnykh-kommunikatsij-moskovskogo-transporta-51856.html

(дата обращения: 18.04.2025).

[11] Covid posters and memos. URL: https://41.rospotrebnadzor.ru/content/kovid-plakaty-i-pamyatki (дата обращения: 18.04.2026).

[12] Tax calculator on the FTS website. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/nalog_calc/ (access date: 18.04.2026).

[13] Rules for transportation of passengers, baggage and cargo luggage by rail. URL: https://kppk39.ru/passengers/pravila-passazhirskikh-perevozok/pravila-perevozok-passazhirov-bagazha-i-gruzobagazha-zheleznodorozhnym-transportom/ (дата обращения: 18.04.2026).

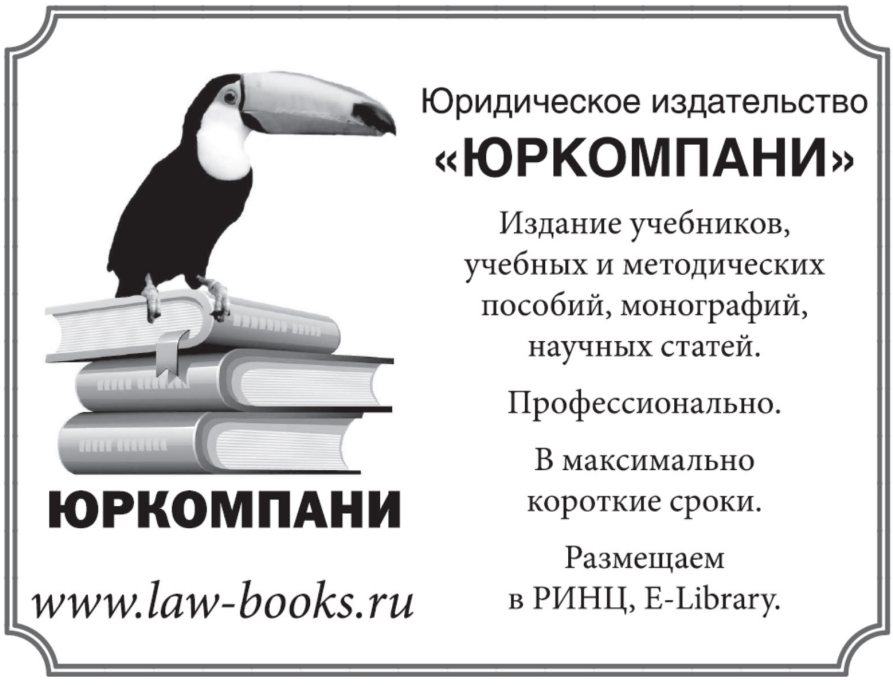
[14] Rules for the safe behavior of citizens in railway transport. URL: https://vostochniy.mos.ru/presscenter/inform/detail/7078692.html (access date: 18.04.2026).

[15] The Ministry of Emergency Situations introduces a single standard for navigation near water. https://novatika.ru/news/novost-6-mchs-vvodit-edinyy-standart-navigatsii-u-vody/ (дата обращения: 18.04.2026).

[16] Public emergency actions. URL: https://modubrovka.ru/go-i-chs/news_post/dejstviya-naseleniya-pri-chrezvychajnyh-situaciyah (дата обращения: 18.04.2026).

[17] Memo. Civil protection. Evacuation of the population. URL: https://mchs.gov.ru/dokumenty/4342 (access date: 18.04.2026).

[18] Yankovsky R. Legal Design: how to research and improve legal products: open lecture// All-Russian Congress on Digital Law. Financial University under the Government of the Russian Federation - 2024. - Dec. 5.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-338-342
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАРНАУХОВ Сергей Сергеевич,

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

e-mail: k2s@bk.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИЙ

Аннотация. *В статье анализируются гражданско-правовые проблемы распределения прав на результаты инновационной деятельности в условиях кооперации множества участников (заказчика, исполнителя, инвестора, авторов, соисполнителей, государства). Особое внимание уделяется разграничению предшествующих, создаваемых и последующих (улучшенных) результатов, определению их правового режима в договорах НИОКР и комплексных инновационных соглашениях, а также вопросам служебных произведений, участия соисполнителей и смешанного финансирования проектов. Рассматриваются сложности совместного правообладания, выбора формы правовой охраны (патент или секрет производства), регулирования прав на программные продукты, данные и цифровые решения, а также правовой статус последующих модификаций и обновлений. На основе проведенного анализа формулируются предложения по договорной детализации ключевых условий, направленных на снижение правовых рисков, предотвращение блокирования использования инновационного результата и обеспечение баланса интересов всех участников инновационного процесса.*

Ключевые слова: *гражданское право, инновации, интеллектуальная собственность, Сколково, научно-техническое развитие, право и наука, технологическая сфера, частные инвестиции, правовой режим, Европейский союз.*

KARNAUKHOV Sergey Sergeevich,

postgraduate student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CIVIL LAW ISSUES OF INNOVATION

Annotation. *The article analyzes civil-law problems of allocating rights to the results of innovation activities under conditions of cooperation between multiple participants (customer, contractor, investor, authors, co-contractors, the state). Special attention is paid to distinguishing between background, foreground and subsequent (improved) results, to defining their legal regime in R&D contracts and complex innovation agreements, as well as to issues of employee-created works, involvement of co-contractors and mixed project financing. The paper examines the difficulties of joint ownership, the choice of legal protection (patent or trade secret), regulation of rights to software, data and digital solutions, and the legal status of subsequent modifications and updates. Based on the analysis, the author proposes a set of contractual clauses aimed at reducing legal risks, preventing blocking of innovation results and ensuring a balance of interests between all participants in the innovation process*

Key words: *civil law, innovation, intellectual property, Skolkovo, scientific and technological development, law and science, technology, private investment, legal regime, European union.*

Введение

Распределение прав на результаты инновационной деятельности является одной из центральных проблем договорного регулирования в данной сфере. Инновационный результат, как правило, создается не одним лицом, а в условиях сложной кооперации заказчика, исполнителя, инвестора, авторов, работодателей, соисполнителей, правообладателей предшествующих результатов и лиц, осуществляющих внедрение. Многообразие участников и их интересов порождает комплекс правовых вопросов, связанных с разграничением правомочий, определением правового режима

различных категорий результатов и выбором оптимальных моделей их использования.

Особую сложность создает то обстоятельство, что в инновационных проектах одновременно затрагиваются предшествующие, создаваемые и последующие результаты. Если договор не закрепляет четкий правовой режим для каждой из этих групп, существенно возрастает риск споров о принадлежности исключительных прав и допустимых способах использования разработанного продукта. В этой связи вопрос договорного распределения прав на результаты инновационной деятельности приобретает ключевое значение для обеспечения устойчивости правового титула и экономической эффективности инновационных проектов.

Предшествующие результаты и их договорный режим

Первый блок проблем связан с определением правового статуса предшествующих результатов, которые стороны вносят в проект до начала его реализации. К таким результатам могут относиться патенты, программы для ЭВМ, базы данных, техническая и конструкторская документация, методики, результаты испытаний, секреты производства, оборудование, прототипы и иные объекты, без которых невозможно выполнение проекта. На практике нередко предполагается, что сам факт передачи этих материалов исполнителю или заказчику означает переход исключительных прав либо предоставление лицензии на самостоятельное использование. Однако подобное предположение не всегда соответствует правовой природе таких отношений и может становиться источником споров.

По этой причине в договоре необходимо специально выделить раздел, посвященный предшествующим результатам. В нем следует указать, какие объекты предоставляются исключительно для целей исполнения проекта, какие допускается использовать в составе конечного продукта, возможно ли их изменение, вправе ли получатель передавать их соисполнителям, а также сохраняется ли право использования после прекращения договора. При отсутствии таких условий может сложиться ситуация, при которой инновационный продукт технически готов, но его коммерческое использование оказывается невозможным из-за ограничений, связанных с исходной технологией или правами третьих лиц.

Создаваемые результаты и распределение исключительных прав

Еще более детального регулирования требуют результаты, возникающие непосредственно в ходе исполнения договора. В договорах НИОКР и комплексных инновационных соглашениях стороны должны заранее определить, кому будет принадлежать исключительное право на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, ноу-хау и иные результаты, появляющиеся в процессе исполнения обязательств. При этом недостаточно лишь назвать будущего правообладателя. Необходимо конкретизировать объем прав, способы использования результата, территорию и срок действия предоставляемых правомочий, возможность передачи прав третьим лицам, порядок выдачи сублицензий, условия отчуждения права и пределы использования результата исполнителем в дальнейшей деятельности.

Отдельную группу вопросов образуют отношения с авторами и работниками. Во многих случаях инновационный результат создается сотрудниками научной организации, технологической компании или иного исполнителя. Если служебный характер результата, порядок перехода прав к работодателю и условия выплаты вознаграждения авторам не оформлены надлежащим образом, заказчик не получает устойчивого правового титула даже в том случае, если в договоре с исполнителем прямо предусмотрена передача исключительных прав. Поэтому договор между заказчиком и исполнителем должен сопровождаться проверкой внутренних документов исполнителя, трудовых договоров, заданий работникам и актов приема служебных результатов.

Соисполнители и распределение ответственности

Сложность правовой конструкции возрастает при привлечении соисполнителей. Исполнитель может передать часть работ лаборатории, проектной организации, разработчику программного обеспечения либо производителю опытного образца. В таких обстоятельствах основной договор должен прямо предусматривать право на привлечение соисполнителей, устанавливать обязанность исполнителя распространить на них режим конфиденциальности, определять порядок передачи заказчику результатов, созданных с их участием, а также закреплять ответственность исполнителя за получение всех необходимых прав.

Отсутствие таких положений способно привести к ситуации, когда заказчик получает результат, созданный с участием третьих лиц, однако не располагает достаточным объемом прав для его полноценного использования. В результате повышаются трансакционные

издержки, затрудняется коммерциализация разработки и возрастает вероятность судебных споров.

Смешанное финансирование и участие публичного субъекта

Особую группу проблем составляют проекты со смешанным финансированием. Когда в проект одновременно вкладываются заказчик, инвестор, грантодатель и сам исполнитель, каждая из сторон рассчитывает на получение определенного объема прав. Инвестор обычно стремится обеспечить коммерческую монополию или преимущественное положение на рынке, заказчик заинтересован в гарантированном использовании создаваемого продукта, исполнитель — в возможности применять разработанные решения в других проектах, а публичный субъект — в достижении государственных или общественно значимых целей.

В таких условиях договор должен заранее определять, будет ли право на результат исключительным, совместным, предоставляться по лицензии либо ограничиваться определенной сферой применения. Если в проекте участвует государство или муниципальное образование, распределение прав дополнительно осложняется действием специальных нормативных требований. Результаты, созданные с привлечением бюджетных средств, нередко подпадают под особый правовой режим, особенно когда они связаны с обороной, безопасностью, выполнением государственных функций или задачами технологического суверенитета. Следовательно, договор в подобных случаях должен учитывать не только общие нормы гражданского законодательства, но и специальные правила, регулирующие государственные контракты, грантовые соглашения и порядок закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет публичного финансирования.

Совместное правообладание и управление результатом

Не менее значимой проблемой является режим совместного правообладания. Формальное закрепление исключительного права за несколькими лицами само по себе не гарантирует эффективного использования результата. На практике управление совместными правами требует предварительного согласования целого ряда вопросов: порядка лицензирования и отчуждения, регистрации и поддержания патентной охраны, распределения доходов, защиты от неправомерного использования, а также порядка принятия решений о прекращении правовой охраны.

Если такой механизм не определен заранее, между соправообладателями могут возникнуть разногласия, фактически блокирующие использование инновационного продукта. Во избежание подобных ситуаций договор должен содержать положения, формирующие систему корпоративного или квазикорпоративного управления результатом интеллектуальной деятельности. В частности, целесообразно определить лицо, ответственное за подачу заявок на регистрацию, порядок оплаты государственных пошлин, механизм принятия решений о международном патентовании, полномочия по заключению лицензионных договоров, принципы распределения вознаграждения, а также алгоритм действий на случай отказа одного из участников от дальнейшего поддержания правовой охраны.

Выбор формы правовой охраны

Самостоятельную проблему представляет выбор формы правовой охраны результата: патентование или сохранение в режиме секрета производства. Патентная защита предоставляет правообладателю юридическую монополию, однако предполагает раскрытие сущности технического решения. Режим ноу-хау, напротив, позволяет сохранять конфиденциальность, но требует строгого соблюдения мер по защите информации и не исключает возможности независимой разработки аналогичного решения третьими лицами.

Поэтому в договоре необходимо определить, кто принимает решение о выборе формы правовой охраны, кто несет расходы по регистрации или поддержанию режима коммерческой тайны, а также какие последствия наступают при нарушении согласованного режима. Без такой регламентации неизбежно возникает неопределенность как в вопросах защиты результата, так и в стратегии его последующей коммерциализации.

Программные продукты, данные и цифровые решения

Применительно к программным продуктам и цифровым решениям особое значение приобретают вопросы, связанные с исходным кодом, технической документацией, используемыми библиотеками, открытым программным обеспечением, а также данными и обучающими выборками. Передача материального экземпляра программы или размещение решения в информационной системе не означает автоматического предоставления заказчику всех прав, необходимых для модификации, интеграции и дальнейшего развития продукта.

Следовательно, договор должен подробно регулировать порядок передачи исходного кода, допустимость декомпиляции и модификации, а также четко разграничивать компоненты,

созданные исполнителем, и компоненты, используемые на основании открытых или коммерческих лицензий. Отдельного внимания требует правовой режим данных и обучающих выборок, поскольку именно они во многих случаях определяют ценность цифрового решения и возможности его дальнейшего использования.

Последующие усовершенствования

После внедрения инновационного продукта стороны нередко продолжают его совершенствовать: обновляют программные алгоритмы, модернизируют аппаратную часть, устраняют недостатки, выпускают новые версии и расширяют функциональные возможности. Если правовой статус таких улучшений заранее не урегулирован, возникают споры о том, следует ли считать их частью первоначального результата, самостоятельным объектом интеллектуальных прав или производным результатом, права на который принадлежат стороне, выполнившей доработку.

Грамотно составленный договор должен содержать положения о правовом режиме будущих модификаций. В частности, следует определить, вправе ли заказчик получать обновленные версии без дополнительной оплаты, за кем закрепляются исключительные права на доработанный результат, может ли разработчик повторно использовать типовые модули в иных проектах, а также в каком порядке передается техническая документация. Для длительных проектов особенно важно проводить четкое разграничение между решениями, создаваемыми под индивидуальные потребности конкретного заказчика, и тиражируемыми продуктами, которые исполнитель разрабатывает как самостоятельный участник рынка.

Вывод

Таким образом, распределение прав на результаты инновационной деятельности представляет собой сложную и многоуровневую задачу, от решения которой напрямую зависят устойчивость правового титула, инвестиционная привлекательность проекта и возможность его долгосрочного развития. Эффективное договорное регулирование предполагает четкое разграничение предшествующих, создаваемых и последующих результатов, надлежащее оформление отношений с авторами и работниками, продуманную модель участия соисполнителей и учет особенностей смешанного финансирования.

Не менее важно заранее определить режим совместного правообладания, порядок управления правами, форму правовой охраны результата, а также специальные условия, связанные с программными продуктами, данными и последующими усовершенствованиями. Только комплексный подход к договорному оформлению инновационных отношений позволяет минимизировать риск споров, предотвратить блокирование использования результата и обеспечить баланс интересов всех участников инновационного процесса.

Список литературы:

[1] Антюшина В. В., Бажан А. И., Ходов Л. Г., Циренщиков В. С. Инновационное развитие в ЕС: некоторые аспекты / Институт Европы РАН. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2016. – 126 с..

[2] Бутрюмова Н. Н., Назаров М. Г., Фияксель Э. А. Законодательные барьеры ведения инновационной деятельности в России // Инновации. 2016. №4 (210). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnye-bariery-vedeniya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-rossii (дата обращения: 01.10.2025).

[3] Ваарден Ф. Институты и инновации: правовая среда для инновационных фирм // Организационные исследования. 2001. Т. 22, № 5.

[4] Габрусева К. О. Экономика современной Швеции: особенности и перспективы развития. Дис. … канд. экон. наук. М., 2009. С. 95.

[5] Герасимова А. А., Корчагина И. В. Проблемы гражданско-правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации // Вестник науки. 2025. №6 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 29.09.2025).

[6] Сегеда Е. А., Кирова И. В. Современные проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zaschity-prav-intellektualnoy-sobstvennosti-v-rossii (дата обращения: 30.09.2025).

[7] Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

[8] Федеральный закон от 28.09.2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. Ст. 4970.

[9] Хадфилд Д. Правовые барьеры для инноваций. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/228133199_Legal_Barriers_to_Innovation (дата обращения: 28.09.2025).

[10] Янкевич С. В. Проблемы правового

регулирования инновационной деятельности // Актуальные проблемы права: сборник научных трудов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде. — Нижний Новгород, 2023. — С. X–XX.

References:

[1] Antyushina V.V., Bazhan A.I., Khodov L.G., Tsirenshchikov V.S. Innovative development in the EU: some aspects/Institute of Europe, RAS. - Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2016. - 126 s..

[2] Butryumova N. N., Nazarov M. G., Fiyaksel E. A. Legislative barriers to innovation in Russia//Innovations. 2016. №4 (210). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnye-bariery-vedeniya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-rossii (дата обращения: 01.10.2025).

[3] Vaarden F. Institutes and Innovation: Legal Environment for Innovative Firms//Organizational Research. 2001. VOL. 22, NO. 5.

[4] K. Gabruseva. The economy of modern Sweden: features and development prospects. Dis.... cand. econ. sciences. M., 2009. S. 95.

[5] Gerasimova A. A., Korchagina I. V. Problems of civil law regulation of innovative activities in the Russian Federation//Bulletin of Science. 2025. №6 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-innovatsionnoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 29.09.2025).

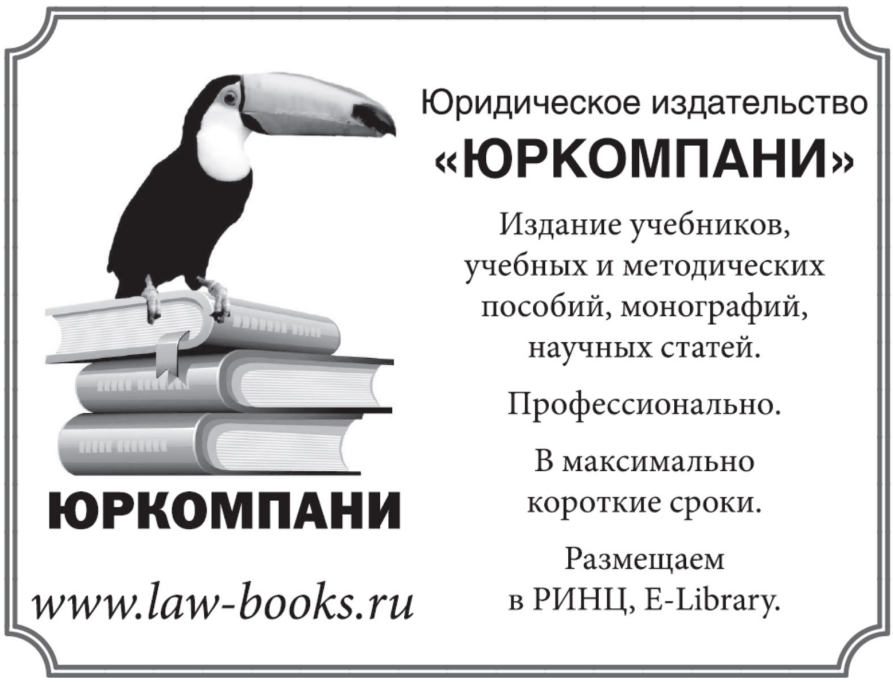
[6] Szegeda E.A., Kirova I.V. Modern problems of intellectual property rights protection in Russia//Economics and business: theory and practice. 2021. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zaschity-prav-intellektualnoy-sobstvennosti-v-rossii (дата обращения: 30.09.2025).

[7] Federal Law of 23.08.1996 No. 127-FZ (as amended by 24.04.2024) “ On Science and State Scientific and Technical Policy “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 35. Art. 4137.

[8] Federal Law of 28.09.2010 No. 244-FZ “On the Skolkovo Innovation Center “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 40. Art. 4970.

[9] Hadfield D. Legal barriers to innovation. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/228133199_Legal_Barriers_to_Innovation (дата обращения: 28.09.2025).

[10] Yankevich S.V. Problems of legal regulation of innovative activities//Actual problems of law: collection of scientific works/National Research University “Higher School of Economics” in Nizhny Novgorod. - Nizhny Novgorod, 2023. - S. X-XX.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-343-347
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,

Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук,

e-mail: mr.kazberov@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПСИХОЛОГОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МЕТОДИКИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Аннотация. *В материалах публикации раскрывается тезис о том, что современные условия стрессогенного риска в повседневной профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России определяют необходимым разработку системных мер по минимизации рассматриваемого стрессового воздействия. Эта система должна также способствовать поддержанию высокого уровня работоспособности, выносливости и физиологического здоровья.*

Реалии функционирования пенитенциарных сотрудников определяет, что, к сожалению, не все направления функционирования пенитенциарных психологов находят свое полное разрешение. В ряде подразделений наблюдается неустойчивый социально-психологический климат среди сотрудников, наблюдаются отдельные проявления аддиктивных форм поведения, а также аутоагрессивное и деструктивное поведение сотрудников. Все эти негативные проявления требуют использования инновационных методик и методов, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации.

Целью статьи, таким образом, выступает выявление возможностей обучения пенитенциарных психологов использованию методики биологической обратной связи.

Задачи исследования: определить актуальность разработки системных психодиагностических и психокоррекционных мер по минимизации рассматриваемого стрессового воздействия исходя из проявляющихся условий стрессогенного риска в повседневной профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России; установить необходимость использования инновационных методик и методов, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе их переподготовки и повышения квалификации, исходя из ряд негативных аутоагрессивных и деструктивных проявлений в практике служебной деятельности; определить является ли актуальным использование инновационной методики биологической обратной связи, которой пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации, служащей для контроля над физиологическими реакциями сотрудника УИС через получение информации об этих реакциях по мере их появления; установить, способен ли программно-аппаратный комплекс биологической обратной связи регистрировать ежесекундную информацию о биоэлектрической активности головного мозга человека и после обработки отображать полученную информацию в доступной для него форме, в виде понятных сенсорных сигналов, таких как свет, звук, вибрация или их сочетание.

Рабочие гипотезы исследования: проявляющиеся условия стрессогенного риска в повседневной профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России определяют актуальность разработки системных психодиагностических и психокоррекционных мер по минимизации рассматриваемого стрессового воздействия; ряд негативных аутоагрессивных и деструктивных проявлений в практике служебной деятельности определяют необходимым использование инновационных методик и методов, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе их переподготовки и повышения квалификации; одной из инновационных методик, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации, является методика биологической обратной связи, – служащая для контроля над физиологическими реакциями сотрудника УИС через получение информации об этих реакциях по мере их появления; программно-аппаратный комплекс биологической обратной связи способен регистрировать ежесекундную информацию о биоэлектрической активности головного мозга человека и после обработки отображать полученную информацию в доступной для

него форме, в виде понятных сенсорных сигналов, таких как свет, звук, вибрация или их сочетание.

Результаты исследования. Определен вывод о том, что для повышения эффективности функционирования ведомственной психологической службы необходима подготовка психологов к использованию инновационных комплексных программ, которые сочетают в себе методы психофизиологического тестирования путем применения актуальных компьютерных технологий, которые определяют возможность контроля за текущим психоэмоциональным состоянием, а также за уровнем физической активности сотрудника. Эти комплексные программы также позволяют сотрудникам формировать, развивать и программно-контролировать специальные навыки, возникающие на основе использования биологической обратной связи.

Матрицы биологической обратной связи, включенные в программы подготовки пенитенциарных сотрудников, являются не только эффективным методом воздействия на функциональное состояние, но и методом обретения навыков саморегуляции, которые являются ресурсом в экстремальных профессиональных и личных ситуациях.

Ключевые слова: *обучение пенитенциарных психологов, использование методики, биологическая обратная связь, пенитенциарные сотрудники, условия стрессогенного риска.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Leading researcher FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

OPPORTUNITIES FOR TRAINING PENITENTIARY PSYCHOLOGISTS IN THE USE OF BIOFEEDBACK TECHNIQUES

Annotation. *The publication's materials advance the thesis that the current stress-related risks associated with the daily professional activities of Federal Penitentiary Service (FSIN) employees necessitate the development of systemic measures to minimize these stressful effects. This system should also promote high levels of performance, endurance, and physiological health.*

The reality of penitentiary staff work means that, unfortunately, not all aspects of penitentiary psychologists' work are fully addressed. In some departments, an unstable socio-psychological climate is observed among staff, with isolated manifestations of addictive behavior, as well as auto-aggressive and destructive behavior. All of these negative manifestations require the use of innovative methods and techniques that penitentiary specialists can learn through retraining and advanced training.

The purpose of this article, therefore, is to identify opportunities for training penitentiary psychologists in the use of biofeedback techniques.

The objectives of the study were to determine the relevance of developing systemic psychodiagnostic and psychocorrectional measures to minimize the impact of stress in question, based on the stress-producing risk conditions that arise in the daily professional activities of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia; to establish the need for innovative methods and techniques that penitentiary specialists can learn during their retraining and advanced training, based on a number of negative autoaggressive and destructive manifestations in the practice of official activities; to determine the relevance of using an innovative biofeedback technique, which penitentiary specialists can learn during retraining and advanced training, used to monitor the physiological reactions of penitentiary specialists by obtaining information about these reactions as they occur; to establish whether the biofeedback hardware and software complex is capable of recording second-by-second information about the bioelectrical activity of the human brain and, after processing, displaying the received information in an accessible form, in the form of understandable sensory signals such as light, sound, vibration, or a combination thereof. The working hypotheses of the study are as follows: the stress-producing risk factors that emerge in the daily professional activities of Federal Penitentiary Service (FSIN) employees necessitate the development of systemic psychodiagnostic and psychocorrective measures to minimize the impact of stress. A number of negative autoaggressive and destructive behaviors in the practice of work necessitate the use of innovative methods and techniques that penitentiary specialists can learn during their retraining and advanced training. One of the innovative methods that penitentiary specialists can learn during

retraining and advanced training is biofeedback, which is used to monitor the physiological reactions of penitentiary service employees by obtaining information about these reactions as they occur. The biofeedback hardware and software system is capable of recording second-by-second information about the bioelectrical activity of the human brain and, after processing, displaying the received information in an accessible form, in the form of understandable sensory signals such as light, sound, vibration, or a combination of these.

Research Results It has been concluded that to improve the effectiveness of departmental psychological services, it is necessary to train psychologists in the use of innovative, comprehensive programs that combine psychophysiological testing methods with the use of modern computer technologies to determine the ability to monitor an employee's current psychoemotional state and physical activity level. These comprehensive programs also enable employees to develop, enhance, and programmatically control specialized skills developed through the use of biofeedback.

Biofeedback matrices included in prison staff training programs are not only an effective method for influencing functional status but also a means of acquiring self-regulation skills, which are a resource in extreme professional and personal situations.

Key words*: training of penitentiary psychologists, use of methodology, biofeedback, penitentiary staff, stress-risk conditions*.

Введение.

Актуальные условия стрессогенного риска в повседневной профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России определяют необходимым разработку системных мер по минимизации рассматриваемого стрессового воздействия. Эта система должна также способствовать поддержанию высокого уровня работоспособности, выносливости и физиологического здоровья.

Практика функционирования пенитенциарных сотрудников определяет, что, к сожалению, не все направления функционирования пенитенциарных психологов находят свое полное разрешение. В ряде подразделений наблюдается неустойчивый социально-психологический климат среди сотрудников, наблюдаются отдельные проявления аддиктивных форм поведения, а также аутоагрессивное и деструктивное поведение сотрудников [4, с. 437]. Все эти негативные проявления требуют использования инновационных методик и методов, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации.

Гипотезы исследования:

проявляющиеся условия стрессогенного риска в повседневной профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России определяют актуальность разработки системных психодиагностических и психокоррекционных мер по минимизации рассматриваемого стрессового воздействия;

ряд негативных аутоагрессивных и деструктивных проявлений в практике служебной деятельности определяют необходимым использование инновационных методик и методов, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе их переподготовки и повышения квалификации;

одной из инновационных методик, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации, является методика биологической обратной связи, – служащая для контроля над физиологическими реакциями сотрудника УИС через получение информации об этих реакциях по мере их появления;

программно-аппаратный комплекс биологической обратной связи способен регистрировать ежесекундную информацию о биоэлектрической активности головного мозга человека и после обработки отображать полученную информацию в доступной для него форме, в виде понятных сенсорных сигналов, таких как свет, звук, вибрация или их сочетание.

Цель статьи выступает выявление возможностей обучения пенитенциарных психологов использованию методики биологической обратной связи.

Задачами, реализующими цель исследования, выступают:

определить актуальность разработки системных психодиагностических и психокоррекционных мер по минимизации рассматриваемого стрессового воздействия исходя из проявляющихся условий стрессогенного риска в повседневной профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России;

установить необходимость использования инновационных методик и методов, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе их переподготовки и повышения квалификации, исходя из ряд негативных аутоагрессивных и деструктивных проявлений в

практике служебной деятельности;

определить является ли актуальным использование инновационной методики биологической обратной связи, которой пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации, служащей для контроля над физиологическими реакциями сотрудника УИС через получение информации об этих реакциях по мере их появления;

установить, способен ли программно-аппаратный комплекс биологической обратной связи регистрировать ежесекундную информацию о биоэлектрической активности головного мозга человека и после обработки отображать полученную информацию в доступной для него форме, в виде понятных сенсорных сигналов, таких как свет, звук, вибрация или их сочетание.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтеза, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Одной из таких, вышеуказанных инновационных методик, которым пенитенциарные специалисты могут обучиться в процессе переподготовки и повышения квалификации является методика биологической обратной связи, – служащая для контроля над физиологическими реакциями сотрудника УИС через получение информации об этих реакциях по мере их появления. Использование биологической обратной связи рассматривается исследователями как один из эффективных способов воздействия на функциональное состояние, позволяющим наблюдать и контролировать функции организма сотрудника с помощью систем объективной регистрации этих функций. Результаты исследований тренировок на повышение альфа-активности с целью достижения релаксации, велись первоначально в медицинских организациях Ассоциации Прикладной Психофизиологии и Биологической Обратной Связи для оказания помощи при неконтролируемой эпилепсии [1, с. 9; 6, с. 139].

Современные системы биологической обратной связи позволяют сформировать навыки в реальном времени влиять на определенный физиологический процесс. При биологической обратной связи активация мозга осуществляется волевым актом и улавливается посредством обучения. Современный программно-аппаратный комплекс биологической обратной связи может выступать в роли помощника, который регистрирует ежесекундную информацию о биоэлектрической активности головного мозга человека и после обработки отображает полученную информацию в доступной для него форме, в виде понятных сенсорных сигналов, таких как свет, звук, вибрация или их сочетания [1, с. 10; 2, с. 97].

В настоящее время имеется значительное количество программных комплексов, позволяющих создавать модули с целью преодоления состояний соматического и физического дискомфорта, утомления и переутомления, а также формирования навыков релаксации и саморегуляции психоэмоционального состояния. Проведенное изучение наиболее известных и распространенных в отечественных организациях программных комплексов и средств, использующих биологическую обратную связь, позволило представить данные разработки по принципу релаксации-активации и смешанные. На наш взгляд использование модулей обучения биологической обратной связи в рамках программ подготовки позволит сотрудникам не только улучшить общее состояние, но и при помощи активации преодолевать усталость и эффективнее действовать в случае необходимости.

Представим три базовых модуля биологической обратной связи: альфа-ритм (релаксация), бета-ритм (активация) и смешанная форма. Отметим, что технически альфа-ритм (релаксация) представлен на практике такими програмными комплекспми, как: Майнд-машины «Касина»; «Inner Pulse»; массажные кресла «Irest» (SL-A31); «Релакс»; аппарат биоритмостимуляции «Ритм-полет»; аппаратно-программныt комплексы «Волна», «Комфорт». Бета-ритм (активация): стимулятором портативным «Nova Pro 100» с очками «Standart»; аппаратно-программными комплексами «БОС-ПУЛЬС», «БОСЛАБ»; «Реакор». Смешанная форма: программно-аппаратным комплексным модуль «Сигвет» (версия ПАКПФ-02).

Отметим, что биологическая обратная связь по альфа-ритму (релаксация) предназначен для достижения состояния релаксации после воздействия дистресса, ощущения растерянности и тревоги. Биологическая обратная связь по бета-ритму формирует активизацию коры головного мозга с целью оптимизации функционирования внимания и когнитивного потенциала в экстремальных ситуациях. Биологическая обратная связь по смешанной форме предназначена для изначального формирования, либо дальнейшего развития комплексного использования всех, указанных выше способностей [7, с. 28; 5, с. 73].

Выводы, заключение.

Результаты проведенного нами исследования способствовали определению

вывода о том, что для повышения эффективности функционирования ведомственной психологической службы необходима подготовка психологов к использованию инновационных комплексных программ, которые сочетают в себе методы психофизиологического тестирования путем применения актуальных компьютерных технологий, которые определяют возможность контроля за текущим психоэмоциональным состоянием, а также за уровнем физической активности сотрудника. Эти комплексные программы также позволяют сотрудникам формировать, развивать и программно-контролировать специальные навыки, возникающие на основе использования биологической обратной связи.

Матрицы биологической обратной связи, включенные в программы подготовки пенитенциарных сотрудников, являются не только эффективным методом воздействия на функциональное состояние, но и методом обретения навыков саморегуляции, которые являются ресурсом в экстремальных профессиональных и личных ситуациях.

Список литературы:

[1] Вартанова Т.С., Сметанкин А.А. Очерк истории развития биологической обратной связи как метода медицинской реабилитации // Общие вопросы применения метода БОС: сб. статей. СПб: ЗАО «Биосвязь», 2008. С. 3–19.

[2] Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. – 2021. – № 12(147). – С. 95-97.

[4] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.

[4] Караваев О.В., Субботина О.М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440.

[5] Федорова Е.М. Профессиональные кризисы как фактор развития профессионального отчуждения начальников отрядов // Вестник института: преступление и наказание. – 2015. – № 2. – С. 72-75.

[6] Худоян А.А. Тип межличностных отношений у сотрудников с разной степенью выраженности стресса // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3. – С. 138-142.

References:

[1] Vartanova T.S., Smetankin A.A. Essay on the history of the development of biofeedback as a method of medical rehabilitation//General issues of the application of the BPS method: Sat. articles. St. Petersburg: CJSC Biosvyaz, 2008. S. 3-19.

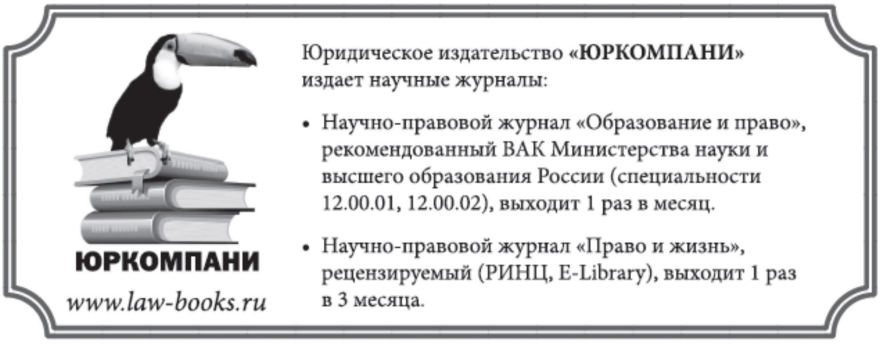
[2] Vilkova A.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. – 2021. – № 12(147). - S. 95-97.

[4] Dmitrieva TB, Shostakovich BV Aggression and Mental Health. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 464 p.

[4] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on the social adaptation of convicts//Penal policy and issues of the execution of criminal sentences: Sat. materials International. scientific-practical. conf. (Ryazan, November 24-25. 2016): in 2 vols. Ryazan, 2016. VOL. 2. S. 437-440.

[5] Fedorova E.M. Professional crises as a factor in the development of professional alienation of squad leaders//Bulletin of the Institute: crime and punishment. – 2015. – № 2. - S. 72-75.

[6] Khudoyan A.A. Type of interpersonal relationships among employees with varying degrees of stress//Modern trends in the development of science and technology. – 2016. – № 3. - S. 138-142.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-348-354

АЛЕКСЕЕВА Полина Михайловна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: polina.m.alekseeva@mail.ru

МЕТАКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕТАПОЗНАНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу понятия «метакогнитивные стратегии» как центрального элемента регулятивного компонента метапознания. Представлена эволюция взглядов от классических работ Дж. Флейвелла и Э. Браун до современных отечественных и зарубежных моделей. Проведен сравнительный анализ концептуальных подходов, выделены общие и специфические черты различных классификаций стратегий. Систематизированы основные виды метакогнитивных стратегий – планирование, мониторинг, оценка, регуляция – и показана их роль в управлении когнитивной деятельностью. Особое внимание уделено применению метакогнитивных стратегий в профессиональной педагогической деятельности. Сформулировано интегративное определение метакогнитивных стратегий как когниций второго порядка, ответственных за произвольный контроль и оптимизацию познавательных процессов. Статья вносит вклад в концептуализацию метакогнитивной сферы и задает теоретическую рамку для эмпирических исследований регуляции профессионального мышления.*

Ключевые слова: *метапознание, метакогнитивные стратегии, метакогнитивная регуляция, планирование, мониторинг, оценка, произвольный интеллектуальный контроль, педагогическая деятельность.*

ALEKSEEVA Polina,

The Head of the Department of Public Law of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Candidate of Pedagogical Sciences

METACOGNITIVE STRATEGIES AS A REGULATORY COMPONENT OF METACOGNITION: EVOLUTION OF CONCEPTS AND SYSTEMATIZATION OF APPROACHES

Annotation. *The article provides a theoretical analysis of “metacognitive strategies” as a central element of the regulatory component of metacognition. The evolution of ideas is traced from the classical works of J. Flavell and A. Brown to contemporary Russian and international models. A comparative analysis of conceptual approaches is conducted, highlighting common and specific features of various classifications of strategies. The main types of metacognitive strategies – planning, monitoring, evaluation, and regulation – are systematized, and their role in managing cognitive activity is demonstrated. Special attention is paid to the application of metacognitive strategies in professional teaching. An integrative definition of metacognitive strategies as second-order cognitions responsible for deliberate control and optimization of cognitive processes is formulated. The article contributes to the conceptualization of the metacognitive domain and provides a theoretical framework for empirical research on the regulation of professional thinking.*

Key words: *metacognition, metacognitive strategies, metacognitive regulation, planning, monitoring, evaluation, deliberate intellectual control, teaching activity.*

Введение. Усложнение профессиональной деятельности в современном обществе предъявляет повышенные требования к способности человека управлять собственными познавательными процессами. В этом контексте метапознание и его операциональное звено – метакогнитивные стратегии – приобретают статус фундаментальных механизмов,

обеспечивающих эффективность обучения, решение задач и адаптацию к изменениям. Начало систематическим исследованиям метапознания положил Дж. Флейвелл, определив его как «знание о собственных когнитивных процессах и продуктах» [1]. С тех пор концепция получила развитие в многочисленных моделях, однако до сих пор отсутствует общепринятое определение метакогнитивных стратегий, а их виды и количество варьирует в зависимости от теоретической позиции авторов.

Цель настоящей статьи – на основе анализа зарубежных и отечественных подходов систематизировать представления о сущности, видах и функциях метакогнитивных стратегий, выделить их инвариантные характеристики и предложить интегративное понимание конструкта. Особый акцент делается на значимости метакогнитивных стратегий для профессиональной деятельности преподавателей высшей школы, что задает прикладной вектор теоретического обзора.

Материалы и методы. Эволюция понятия «метакогнитивные стратегии» в зарубежной психологии Дж. Флейвелл рассматривал метапознание как единство метакогнитивного знания и метакогнитивной регуляции, относя стратегии именно ко второй составляющей – произвольному управлению познавательной деятельностью. Согласно его модели, способность индивида управлять когнитивными инициативами реализуется через взаимодействие четырёх классов явлений: метакогнитивное знание, метакогнитивный опыт, цели/задачи и действия/стратегии [1]. Метакогнитивные стратегии в этой системе представляют собой сознательные действия, направленные на планирование, мониторинг и оценку собственного обучения.

Э. Браун [2] расширила концепцию, дифференцировав знание о когниции (декларативное) и регуляцию когниции (процедурное знание). В регулятивный компонент она включила активности, предшествующие решению проблемы (предвидение, планирование стратегий), сопровождающие его (мониторинг, тестирование, пересмотр стратегий) и завершающие (проверка результатов по критерию эффективности). Таким образом, метакогнитивные стратегии стали пониматься как средство не только контроля, но и коррекции когнитивных и аффективных процессов в ходе построения собственного знания.

Иерархическую модель предложили З. Тобиас и Г. Эверсон [3], выделив знание когнитивных процессов, мониторинг этих процессов и контроль за ними. Ведущим компонентом был признан мониторинг знаний (knowledge monitoring), определяемый как способность человека знать, что он знает и чего не знает. Эта линия впоследствии получила развитие в работах Дж. Сегеди с соавторами [4], где метакогнитивные стратегии включили постановку целей и планирование, проверку знаний, мониторинг понимания и поиск помощи в случае затруднений.

П. Тарриконе [5] предложил интегративную карту метакогнитивных знаний и навыков, охватывающую метакогнитивную осведомлённость, рефлексию, саморегуляцию, а также декларативное и процедурное знание. В новейших публикациях Р.М. Абдельрахман [6] уточняет состав «метакогнитивной осведомлённости», разделяя её на метакогнитивное знание (декларативное, процедурное, условное) и метакогнитивную регуляцию, куда входят планирование, информационный менеджмент и др.

Особый вклад в понимание роли метакогнитивных стратегий в профессиональной сфере внес А. Шенфельд [7], работавший в области математического образования. Он выделил четыре категории метакогниций, влияющих на успешность решения задач: знание о собственных ресурсах и стратегиях, убеждения о себе как о решателе, контроль (планирование, мониторинг, принятие решений в процессе решения) и регуляцию (корректировку стратегий на основе мониторинга). Эта модель демонстрирует, что эффективное выполнение профессиональных задач требует не только предметных знаний, но и развитого метакогнитивного управления.

В отечественной психологии метакогнитивные стратегии традиционно рассматриваются в контексте произвольной регуляции деятельности и ментального опыта. М.А. Холодная [8; 9] включает метакогнитивные структуры в состав ментального опыта как механизмы непроизвольного (когнитивные стили) и произвольного интеллектуального контроля. К произвольному контролю, непосредственно связанному с метакогнитивными стратегиями, относятся: способность планировать цели и подцели, определять средства и последовательность действий; предвосхищать последствия решений и изменения ситуации; оценивать качество отдельных шагов и собственных знаний; прекращать или притормаживать интеллектуальную активность при необходимости; выбирать и модифицировать стратегии обучения.

А.А. Плигин [10] описывает метакогнитивные стратегии как целостные динамические структуры ментального опыта, необходимые для управления психическими

процессами. Т.Е. Чернокова [11] выделяет целеполагание, моделирование значимых условий, программирование познавательных действий и самоконтроль процесса и результатов. При этом подчёркивается, что моделирование условий включает анализ внешних и внутренних факторов, определяющих возможность достижения цели, а самоконтроль осуществляется через сопоставление достигнутых результатов с гностическими целями и принятие решения о коррекции.

В работах М.М. Кашапова [12] метакогнитивная сфера эмпирически операционализируется через характеристики концентрации, приобретения информации, выбора главных целей и управления временем. А.А. Карпов [13] указывает, что метакогнитивно одарённый субъект способен определять, когда необходимо использовать метакогнитивные стратегии, соотносить арсенал стратегий с условиями задачи, оценивать альтернативы решений и определять приоритетные жизненные задачи.

В более поздних публикациях метакогнитивные стратегии определяются как сознательные и планируемые действия, направленные на управление собственным познавательным процессом и познавательной деятельностью других, на умение ставить цели мыслительной деятельности и оценивать эффективность реализованных моделей поведения [14; 15; 16]. Эти определения подчёркивают двойную направленность стратегий – не только на собственное познание, но и на организацию учебного процесса других людей, что особенно важно в педагогической деятельности.

Несмотря на терминологическое разнообразие, можно выделить устойчивое ядро метакогнитивных стратегий, признаваемое большинством авторов. В таблице 1 представлены ключевые концепции, от классических до современных.

Таблица 1. Сравнительный анализ концептуальных подходов

Автор(ы)	Год публикации	Суть концепций и идей
Джон Флейвелл (John Flavell)	1979	Ввел термин «метапознание» и определил его как знания и контроль над собственными когнитивными процессами. Далее исследователь разделил метапознание на метакогнитивные знания (знания о собственных когнитивных возможностях, задачах и стратегиях) и метакогнитивную регуляцию (планирование, мониторинг и оценка когнитивных процессов).
Энн Браун (Ann Brown)	1987	Браун расширила концепцию метапознания, подчеркивая важность осознанного использования стратегий обучения и регуляции. Она выделила ключевые компоненты эффективного метапознания, например, предвидение, планирование, мониторинг, оценка и пересмотр стратегий.
Артур Коста (Arthur Costa)	1991	Коста акцентировал внимание на развитии «привычек ума» – наборе метакогнитивных стратегий, способствующих эффективному решению проблем и критическому мышлению. Он подчеркивал необходимость обучения студентов саморефлексии и контролю над своими мыслительными процессами
Майкл Прессли (Michael Pressley)	1995	Прессли изучал роль метакогнитивных стратегий в обучении чтению и письму. Он подчеркивал значимость обучения студентов стратегиям планирования, мониторинга понимания и коррекции ошибок при работе с текстом.
Клэр Вайнштейн (Claire Weinstein)	1987	Вайнштейн занималась изучением стратегий обучения и их связи с мотивацией и саморегуляцией. Она разработала модель «успешного учащегося», в которой метакогнитивные навыки играют центральную роль в достижении учебных целей.

Барбара Уайт (Barbara White)	1998	Уайт исследовала использование метакогнитивных стратегий в контексте научных исследований и обучения. Она разработала модель Reflective Assessment, которая стимулирует учащихся к саморефлексии и оценке собственных знаний и навыков.
Филипп Уинн (Philip Winne)	1995	Уинн изучал саморегулируемое обучение (self-regulated learning, SRL) и роль метапознания в этом процессе. Он предложил модель SRL, которая включает в себя этапы планирования, мониторинга, контроля и реакции, и подчеркивал важность метакогнитивных знаний и навыков для успешного обучения.
Рут Батлер (Ruth Butler)	1998	Батлер занималась изучением влияния обратной связи на метапознание и саморегулируемое обучение. Она показала, что эффективная обратная связь, ориентированная на процесс обучения, а не только на результат, способствует развитию метакогнитивных навыков и повышает учебную мотивацию.
Дейл Шунком (Dale Schunk)	2001	Шунком внес вклад в понимание взаимосвязи между самоэффективностью, метапознанием и академической успеваемостью. Автор утверждал, что учащиеся с высокой самоэффективностью более склонны к использованию метакогнитивных стратегий и саморегуляции, что приводит к улучшению результатов обучения
Анастасия Сисанау	2012	Сисанау изучала влияние использования социальных сетей на метапознание в образовании. Она подчеркивает расширение знаний и стратегий учащихся, планирование, мониторинг и оценку своей учебной деятельности в условиях использования различных социальных коммуникаций во время обучения, а также изменения структуры когнитивных стратегий, используемых молодыми людьми при использовании социальных платформ в образовательных целях.

Сравнение перечней стратегий, (таблица 2), обнаруживает как общие черты, так и выделяемых различными исследователями специфические акценты.

Таблица 2. Общие и специфические черты метакогнитивных стратегий

Автор	Общие черты	Специфические черты
К. Диркс	Мониторинг, оценка, сопоставление с существующими знаниями	Акцент на реляционировании новой информации с уже имеющейся когнитивной структурой.
А.Л. Браун	Планирование, мониторинг, проверка результатов	Подчеркивание важности верификации полученных результатов.
Дж. Сегеди	Целеполагание, планирование, мониторинг	Особое внимание к поиску внешней помощи при возникновении трудностей.
М.А. Холодная	Целеполагание, определение средств, планирование действий, контроль результатов	Детализация процесса достижения целей через определение конкретных средств и последовательности действий.

Автор	Общие черты	Специфические черты
Т.Е. Чернокова	Целеполагание, программирование, самоконтроль процесса и результатов	Фокус на программировании познавательных действий и моделировании когнитивных процессов
П.М. Алексеева	Планирование (целевое когнитивное, процедурное, ресурсное), мониторинг и контроль (перцептивный, интерактивный, самоконтроль), оценка и рефлексия [17; 18]	Предложена трехуровневая модель, описывающая метакогнитивные стратегии преподавателя в динамике педагогического процесса

Результаты. Анализ показывает, что инвариантное ядро метакогнитивных стратегий образуют три блока: планирование (включая целеполагание и выбор методов), мониторинг (отслеживание прогресса, выявление ошибок, проверка понимания) и регуляция (корректировка действий, смена стратегий, поиск помощи).

В некоторых классификациях отдельно выделяется оценка результатов. Многие авторы подчёркивают необходимость осознанности и рефлексивности при применении стратегий.

Особый интерес представляет блок стратегий, связанных с управлением познавательной деятельностью других людей. В педагогическом контексте преподаватель не только регулирует собственное познание при подготовке и проведении занятий, но и организует метакогнитивное развитие студентов – помогает им ставить учебные цели, отслеживать понимание материала, оценивать свои результаты. Именно поэтому метакогнитивные стратегии педагога выступают одновременно средством его профессиональной саморегуляции и инструментом формирования метапознания учащихся.

Обсуждение. Проведённый анализ демонстрирует, что метакогнитивные стратегии являются не набором разрозненных приемов, а целостной системой когниций второго порядка, обеспечивающей произвольный контроль над познавательными процессами. Эволюция концепций шла от фиксации отдельных актов самоконтроля к построению многокомпонентных иерархических и циклических моделей, включающих мотивационные и аффективные аспекты. В современных работах метакогнитивные стратегии всё чаще рассматриваются в единстве с метакогнитивной осведомлённостью и рефлексией.

Одной из нерешенных проблем остается операционализация конструкта для разных профессиональных групп. Преподаватели высшей школы образуют специфическую популяцию, в деятельности которой когнитивная сложность сочетается с необходимостью постоянной передачи знаний и управления обучением. Метакогнитивные стратегии педагога могут проявляться, с одной стороны, в планировании содержания лекций, мониторинге собственного объяснения и оценке его понятности, с другой – в создании условий для активизации метакогнитивных стратегий студентов. Эта двойная направленность требует разработки специализированного диагностического инструментария и дифференцированных программ развития.

Предложенное в работе обобщение позволяет сформулировать интегративное определение: метакогнитивные стратегии – это осознанные, целенаправленные действия по планированию, мониторингу, оценке и регуляции собственной познавательной деятельности (а в педагогической профессии – и познавательной деятельности обучающихся), основанные на метакогнитивном знании и опыте, направленные на оптимизацию когнитивных процессов и достижение поставленных целей.

Заключение. Систематизация подходов к изучению метакогнитивных стратегий показывает, что данный конструкт занимает центральное место в регулятивном компоненте метапознания. Ключевыми видами стратегий, признаваемыми большинством исследователей, являются планирование, мониторинг, оценка и регуляция. Специфика их содержания и операционального состава варьирует в зависимости от сферы деятельности. Применительно к профессиональной деятельности преподавателей высшей школы метакогнитивные стратегии приобретают двойную функцию – саморегуляции и педагогического воздействия. Дальнейшие эмпирические исследования должны быть направлены на выявление особенностей метакогнитивных профилей педагогов с разным стажем, что позволит разработать научно обоснованные программы профессионального развития.

Список литературы:

[1] Flavell, J. H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmen Garner R., P. A. Alexander. Metacognition: answered and unanswered questions. – Educational Psychology, 1989. – V. 24. – P. 143–158.

[2] Brown A. L. Metacognition, Executive control, Self-regulation, and Other more mysterious mechanisms. Hillsdale. - NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. – 424 p.

[3] Tobias, S., & Everson, H. T. (2009). Metacognition and Children'S Writing. In D. J. Hacker, J. Dunlosky, & A. C. Graesser (Eds.), Metacognition in Educational Theory and Practice (pp. 107-126). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

[4] Segedy J., Kinnebrew J., Gautam B. Modeling Learner's Cognitive and Meta cognitive Strategies in an Open-Ended Learning Environment // AAAI Fall Symposium Series. - 2011. - P. 297–304.

[5] Tarricone P. The taxonomy of metacognition. 2011. - N.Y.: Psychology press; Hove: Taylor and Francis Group. - 267 p.

[6] Abdelrahman R. M. Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students // Heliyon. - Sep. 2020. - Vol. 6. Issue 9. Art. - e04192.

[7] Shannon S. V. Using metacognitive strategies and learning styles to create self directed learners // Institute for Learning Styles Journal. - 2008. - Vol. 1 (1). - P. 14–28.

[8] Холодная, М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: монография / М. А. Холодная. – Москва : ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.

[9] Холодная М.А. Психология понятийного мышления. От концептуальных структур к понятийным способностям. – Москва : Издательство Когито Центр, 2012. - 288 с.

[10] Плигин А. А. Познавательные стратегии школьников. – Москва : Профит Стайл, 2007. – 527 с.

[11] Чернокова Т. Е. Метапознание: проблемы структуры, типологии развития. – Архангельск : Изд-во САФУ, 2014. - 168 с.

[12] Кашапов М.М. Психология педагогического мышления: Монография. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – 463 с.

[13] Карпов, А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности: монография / А. А. Карпов; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 208 с.

[14] Денисова Е.Г. Разработка анкеты самооценки метакогнитивного поведения «Метакогнитивные навыки в структуре учебно-профессиональной деятельности» // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. - 2022. - Т. 5, № 2. - С. 6-24.

[15] Проворова А.Н. Метакогнитивные стратегии, убеждения и тип рефлексии у лиц с разным типом жизненных ориентаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. - 2024. - Т. 14. Вып. 2. - С. 349-364.

[16] Смирнова П. В. Метакогнитивные компетенции в профессиональном становлении будущего педагога: понятие, диагностика, развитие // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2021. – № 4 (58). – С. 117–131.

[17] Алексеева, П. М. Метакогнитивные стратегии начинающих преподавателей высшей школы / П. М. Алексеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-3. – С. 16-18.

[18] Алексеева, П. М. Метакогнитивные стратегии преподавателей высшей школы как фактор эффективности профессиональной деятельности / П. М. Алексеева // Вестник педагогических наук. – 2026. – № 1. – С. 11-16.

References:

[1] Flavell, J. H. Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmen Garner R., P. A. Alexander. Metacognition: answered and unanswered questions. – Educational Psychology, 1989. – V. 24. – P. 143–158.

[2] Brown A. L. Metacognition, Executive control, Self-regulation, and Other more mysterious mechanisms. Hillsdale. - NJ: Lawrence Erlbaum, 1987. - 424 p.

[3] Tobias, S., & Everson, H. T. (2009). Metacognition and Children'S Writing. In D. J. Hacker, J. Dunlosky, & A. C. Graesser (Eds.), Metacognition in Educational Theory and Practice (pp. 107-126). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

[4] Segedy J., Kinnebrew J., Gautam B. Modeling Learner's Cognitive and Meta cognitive Strategies in an Open-Ended Learning Environment // AAAI Fall Symposium Series. - 2011. - P. 297–304.

[5] Tarricone P. The taxonomy of metacognition. 2011. - N.Y. : Psychology press; Hove: Taylor and Francis Group. - 267 p.

[6] Abdelrahman R. M. Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students // Heliyon. - Sep. 2020. - Vol. 6. Issue 9. Art. - e04192.

[7] Shannon S. V. Using metacognitive strategies and learning styles to create self directed learners // Institute for Learning Styles Journal. - 2008. - Vol. 1 (1). - P. 14–28.

[8] Cold, M. A. Cognitive styles: On the nature of the individual mind: monograph/M. A. Cold. –

Moscow: PER SE, 2002. - 304 s.

[9] Cold M.A. Psychology of conceptual thinking. From conceptual structures to conceptual abilities. - Moscow: Kogito Center Publishing House, 2012. - 288 c.

[10] Pligin A. A. Cognitive strategies of schoolchildren. - Moscow: Profit Style, 2007. - 527 s.

[11] Chernokova TE Metacognition: problems of structure, typologies of development. - Arkhangelsk: Publishing House SAFU, 2014. - 168 s.

[12] Kashapov M.M. Psychology of pedagogical thinking: Monograph. - St. Petersburg: Aleteya, 2000. - 463 s.

[13] Karpov, A. A. Phenomenology and diagnosis of the metacognitive sphere of personality: monograph/A. A. Karpov; Tikhanovskaya. state university named after P.G. Demidov. – Yaroslavl: Yargu, 2016. – 208 p.

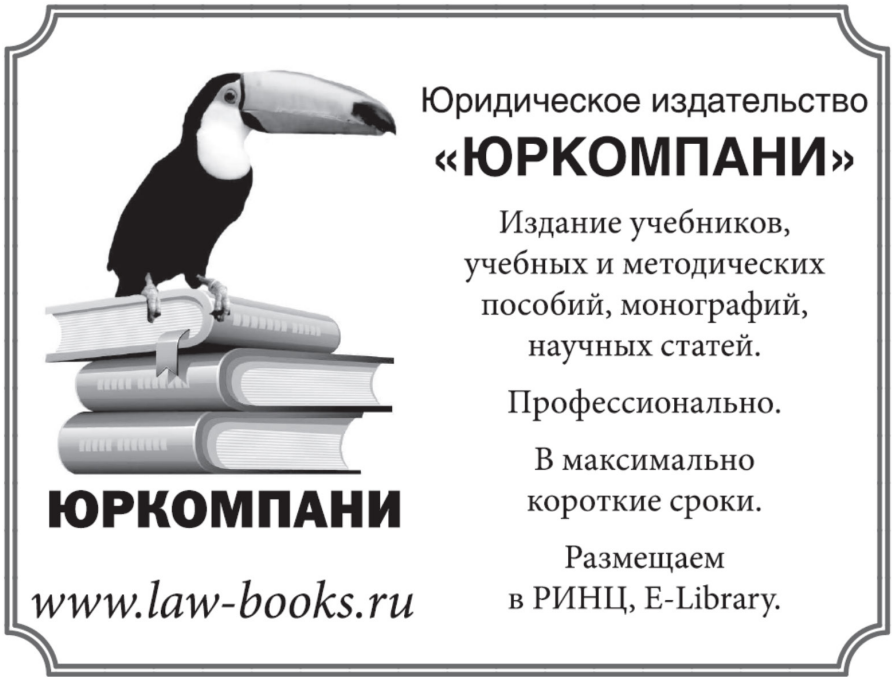
[14] E.G. Denisova. Development of a self-assessment questionnaire for metacognitive behavior "Metacognitive skills in the structure of educational and professional activities "//Innovative science: psychology, pedagogy, defectology. - 2022. - T. 5, NO. 2. - S. 6-24.

[15] Provorova A.N. Metacognitive strategies, beliefs and type of reflection in people with different types of life orientations//Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. - 2024. - T. 14. No. 2. - S. 349-364.

[16] Smirnova P.V. Metacognitive competencies in the professional formation of the future teacher: concept, diagnosis, development// Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology." – 2021. – № 4 (58). - S. 117-131.

[17] Alekseeva, P. M. Metacognitive strategies of novice teachers of higher education/P. M. Alekseeva//Problems of modern pedagogical education. – 2025. – № 86-3. - S. 16-18.

[18] Alekseeva, P. M. Metacognitive strategies of higher education teachers as a factor in the effectiveness of professional activity/P. M. Alekseeva//Bulletin of Pedagogical Sciences. – 2026. – № 1. - S. 11-16.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-355-361

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: rustale@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,

доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: e.s.kulikova@mail.ru

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,

доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

КОТ Екатерина Михайловна,

доктор экономических наук, доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: kaf.buhuchet@urgau.ru

БАТРАКОВА Светлана Игоревна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского государственного аграрного университета,

e-mail: s-batrakowa@mail.ru

АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПРОДВИЖЕНИЯ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИИ АПК УРАЛА

Аннотация. *Обеспечение продовольственной безопасности России в современной сложной международной обстановке является важнейшей стратегической задачей государства. Сельское хозяйство становится ключевой отраслью страны. Использование различного рода инноваций в сфере сельского хозяйства позволяет повысить эффективность деятельности предприятий АПК, минимизировать риски, сократить количество затрат, повысить качественные характеристики производимой продукции. С целью дальнейшего развития АПК необходимо более широко использовать современные методы продвижения продовольственных товаров. Целью данной статьи является анализ методов продвижения молочной продукции на примере одного из ведущих предприятий Урала.*

Проблема методов продвижения инновационной продукции нашла отражение в трудах отечественных и зарубежных авторов. В частности, Й.Шумпетер, Багиев Г.Л., Каленская Н.В., Акулич М.В. и другие.

В качестве источников для анализа были использованы правовые, нормативные акты, информация с официального сайта предприятия и новостных источников. В процессе работы были использованы следующие методы: сравнительный, аналитический, прогностический.

Ключевые слова: *инновационная продукция, методы продвижения, целевая аудитория, Ирбитский молочный завод, искусственный интелект (ИИ).*

KRUZHKOVA Tatiana Ivanovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory of the Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,

Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory of the Ural State Agrarian University

RUSHCHITSKAIA Olga Aleksandrovna,

Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory of the Ural State Agrarian University

KOT Ekaterina Mikhailovna,

Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of of Economics, Accounting and Financial Control of the Ural State Agrarian University

BATRAKOVA Svetlana Igorevna,

Senior lecturer of the Department of Foreign Languages of the Ural State Agrarian University

ANALYSIS OF METHODS OF PROMOTING DAIRY PRODUCTS AT THE URAL AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX ENTERPRISE

Annotation. *Ensuring Russia's food security in the current complex international situationt is the most impotant strategic task for the state. Agriculture is becoming a key sector of the country. The use of various innovations in the agricultural sector allows to increase the efficiency of agro-industrial complex (AIC) enterprises, minimize risks, reduce costs, and improve the quality characteristics of manufactured products. For the further development of the AIC, it is necessary to more widely use modern methods of promoting food products. The aim of this article is to analyze the methods of promoting dairy products using the example of one of the leading enterprises in the Urals.*

The problem of promotion methods for innovative products has been reflected in the works of domestic and foreign authors. In particular, J. Schumpeter, Bagiev G.L., Kalenskaya N.V., Akulich M.V. and others.

Legal and regulatory acts, information from the official website of the enterprise, and news sources were used as sources for the analysis. The following methods were used in the process of work: comparative, analytical, and prognostic.

Key words: *innovative products, promotion methods, target audience, Irbit dairy plant, artificial intelligence (AI).*

В современной кризисной ситуации важное значение имеет обеспечение продовольствием население страны. Развитие предприятий АПК поддерживается на федеральном и региональном уровнях. Одним из крупных предприятий АПК Урала является АО «Ирбитский молочный завод», продукция которого пользуется большим спросом на местных рынках. Потребители с высоким уровнем дохода ориентируются на качество и пользу молочных продуктов, а также их массовую долю жира. В то время как покупатели среднего уровня доходности и низкого, руководствуются при принятии решения о покупке продуктов данного предприятия еще и ценой.

В таблице 1 представлены данные по потребителям продукции предприятия.

Таблица 1. Целевая аудитория потребителей молочной продукции

Признак сегментирования	Сегмент ЦА	Описание
Уровень дохода	1. Высокий	Употребляют молочную продукцию, потому что это вкусно и полезно, употребляют ее каждый день, выбирают кефир, творог, йогурты, молоко, при покупке товара для них являются важными факторами – производитель, проверенное качество, массовая доля жирности, вид упаковки.
	2. Средний	Приобретают продукцию исходя из потребностей в ней, употребляют продукцию раз в 1-2 дня, отдают предпочтение творогу и сметане, при покупке товара для них являются важными факторами – цена, массовая доля жирности и проверенное качество
	3. Низкий	Приобретают молочную продукцию раз в неделю или реже, отдают предпочтение молоку, при покупке товара обращают внимание на цену
Возраст	1. До 17 лет	Данный сегмент почти не употребляет молоко и молочные продукты, т.к. часто вкусовые предпочтения в силу возраста не располагают к молочному вкусу
	2. От 18 лет до 50 лет	Часто употребляют молоко и молочную продукцию, т.к. продукт полезен в данной возрастной группе
	3. От 51 года	Редко или совсем не употребляют молоко и молочную продукцию, т.к. могут быть противопоказания по здоровью и из-за цены
Образ жизни	Придерживаются правильного питания	Люди в данном сегменте часто употребляют молоко и молочную продукцию, заменяя ею различные вредные напитки (сладкая газированная вода, сладкие соки, энергетики) или перекусы (шоколадки, снеки, батончики)
	Склонны к неправильному питанию	Люди в данном сегменте редко употребляют молочные изделия, так как предпочитают сладкие газированные напитки, сладкие соки, энергетики, в виде перекусов шоколадки, батончики, снеки, в виде добавок и заправок – майонез.

Анализ данных таблицы 1 позволил сделать следующие выводы:

Самым платежеспособным и активным сегментом потребителей молочной продукции является население в возрасте от 18 до 50 лет. Их вкусовые предпочтения часто склоняются в сторону выбора молочной продукции, акцент делается в ее пользу для организма и удобство употребления вне дома.

По данным исследования Марии Старк (Brand Director Ingate Performance) - 28% от всей аудитории - это специалисты, менеджеры, руководители, самозанятые.

Первое место в топе потребляемых молочных продуктов занимают ложковые йогурты. Такой полезный и удобный перекус часто становится актуальным для людей, работающих в офисах.

Образ жизни целевой аудитории, использующей продукцию «Ирбитского молочного завода», в большей степени можно охарактеризовать как правильный и здоровый. Так как покупатели, часто выбирают молочные продукты в качестве альтернативы к вредным для здоровья газированным напиткам, шоколаду, сладким сокам. 86% потребителей хотят потреблять полезные для здоровья продукты. В ответ на этот запрос уже начали появляться функциональные продукты, обогащенные различными питательными веществами. Причем такие продукты потребитель ожидает увидеть уже не в специализированных отделах и магазинах правильного питания по высокой стоимости, а среди продуктов масс-маркета.

Традиционность – фактор, который стал важным при выборе продукта в магазине, с момента ухода многих иностранных брендов из России. Позитивно влияющим трендом является использование традиционных рецептов, уникальных методов производства и акцент на местные традиции и культуру. Кроме того, следует отметить, что 20% активного и платежеспособного сегмента потребителей молочной продукции предприятия занимают зумеры (представители поколения Z).

Подводя итоги исследования целевой аудитории, делающей выбор в пользу продукции Ирбитского молочного завода можно составить «потрет потребителя».

Таблица 2. Примерный портрет потребителя продукции йогуртов

Параметр	Описание
1. Возраст	22 – 50 лет
2. Пол	Чаще – женщины, реже - мужчины
Параметр	Описание
3. Род занятий	Специалисты (менеджеры, руководители, самозанятые)
4. Доход	Высокий и средний (выбирают продукцию чаще по показателям массовой доли жирности, вкусу, дизайну упаковки)
5. Интересы	«Сопричастность/интерес к сфере искусства, моды и красоты» и здоровый образ жизни

В таблице представлена целевая аудитория на примере потребления йогурта. Однако отмечаем, что у потребителей других видов продукции (молока, кефира, сметаны, творога и т.д.) показатели возраста, пола и дохода идентичны, с небольшой вероятностью отклонения.

Исходя из полученных данных, относительно целевой аудитории можно сделать выводы о том, какие из методов рекламы и продвижения продукции имеют наибольшую актуальность.

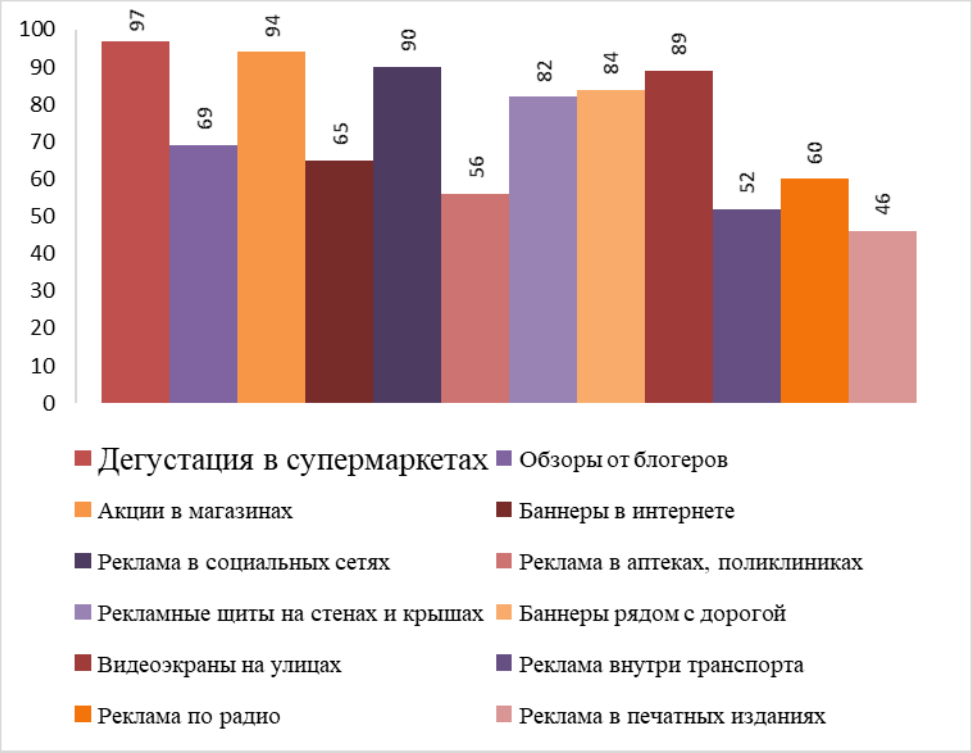

Рисунок 1 – Рейтинг видов рекламы

Таблица 3. Лидеры рейтинга по видам рекламы

Место рейтинга	Процент голосов	Описание
1	97%	Дегустация новой продукции в супермаркетах
2	94%	Акции и распродажи в магазинах
3	90%	Реклама в социальных сетях
4	89%	Видеоэкраны
5	84%	Баннеры рядом с дорогой

По данным опроса потребителей молочной продукции за 2024 год, можно сделать следующие выводы.

Самым действенным методом продвижения оказалась дегустация новой продукции в супермаркетах (57%).

На втором месте оказались акции и распродажи в магазинах. 34% голосов респондентов ответили положительно относительно этого способа продвижения продукции.

Третье место с результатом занимает реклама в социальных сетях, баннеры и т.д.

Четвертое место по популярности заняли видеоэкраны на улицах города. Видеоформат гораздо более запоминающийся и приковывающий внимание современного человека, который склонен к клиповому мышлению.

Пятое место в рейтинге заняли баннеры рядом с дорогой.

Необходимо более подробно проанализировать данные методы продвижения продукции Ирбитского молочного завода. Анализировать начнем с четвертого и пятого мест рейтинга «Баннеры и видеоэкраны». Этот способ продвижения является одним из давно используемых, компаниями (в традиционном понимании рекламного статичного баннера) назвать инновационным его мы не можем. Однако зимой 2024-2025 года реклама Ирбитского мороженого, появившаяся на баннерах и видеоэкранах была создана при помощи Искусственного Интеллекта (ИИ). Данный способ создания рекламных вывесок и баннеров стал активно использоваться компаниями в последнее время. Нейросеть провела точное сегментирование потребителей, выявила раннее неизвестные факты о потенциальных покупателях

и создала визуальную часть зимней рекламной кампании для мороженого, производимого на заводе.

Реклама в социальных сетях, которую отметили респонденты, рассматривается отделом маркетинга Ирбитского молочного завода как дополнительный источник продвижения продукции. В тоже время этот способ рекламы в условиях современного рынка можно рассмотреть, как основной метод продвижения продукции. Основной сегмент потребителей продукта мужчины и женщины (от 18-50 лет), в том числе поколение Z, которое составляет (20%) от общего числа. Представители данной возрастной категории активно пользуются социальными сетями. В том числе, для профессиональных целей. Акции и распродажи своей продукции, которые проводит Ирбитский молочный завод, также стимулируют рост продаж и узнаваемости продукции. В 2024 году, предприятие провело акцию в честь недели Масленицы и на всю молочную продукцию действовали скидки. По подсчетам экспертов рост объемов продаж вырос за эту неделю на 25,4%. Так периодически предприятие стимулирует рост объема продаж и привлечение новых потребителей.

Самый популярный в рейтинге метод продвижения продукции – «Дегустации новой продукции». При появлении нового вкуса продукции задача предприятия обратить внимание потребителей на этот вид продукта. В недавнем времени Ирбитский молочный завод выпустил сразу два новых вкуса творожных сырков: «Малиновый пирог» с натуральной малиной и «Фруктовый микс» с яркими цукатами [8]. В продуктовых магазинах сети «Верный» по Екатеринбургу была организована дегустация данного вида продукции. По результатам проведенной дегустации каждые 6 человек из 10 приобретали один/несколько сырков.

Также на пользу продажам приходят дегустации, которые проводятся в рамках ярмарок и выставок. Так, В Кушве на площадке ООО «Молочная Благодать» прошел областной смотр-конкурс качества молочной продукции. Экспертная комиссия признала Ирбитский молочный завод безусловным победителем среди предприятий Свердловской области. После проведения данного мероприятия были опубликованы статьи, выпущены сводки новостей, что также положительно сказалось на имидже, репутации и продажах молочной продукции Ирбитского завода.

Таким образом, анализ методов продвижения продукции на предприятии АПК показал, что инновационными методами можно назвать только использование Искусственного Интеллекта (ИИ) в создании рекламных баннеров.

Список литературы:

[1] Иванченко О.В. Интеллектуальный анализ данных и бизнес-аналитика в управлении бизнесом и маркетинге // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2022. № 4 (80). С. 125-130.

[2] Махинова Н.В. Совершенствование маркетинговой стратегии компании пищевой промышленности // Агропродовольственная экономика. 2024. № 2. С. 18-24.

[3] Пыркина С.С. Этапы разработки маркетинговой стратегии организации в условиях конкурентной борьбы // Вестник науки. 2022. Т.1 №10 (55) С. 27-30.

[4] Разорвин И. В., Усова Н. В., Бардасова Н. В. Совершенствование товародвижения агропродукции Свердловской области // АВУ. 2019. №6 (185). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-tovarodvizheniya-agroproduktsii-sverdlovskoy-oblasti (дата обращения: 18.05.2026).

[5] Ракова П.А., Воронина Е.А. Характеристика бизнес-процессов маркетинговой деятельности и методы их оптимизации // Экономика и эффективность организации производства. 2021. № 34. С. 16-18.

[6] Терских М.В., Кораблева А.В. Специфика инструментов рекламы и связей с общественностью при продвижении молочной продукции // Социально-экономические явления и процессы. 2020. №2 (109). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-instrumentov-reklamy-i-svyazey-s-obschestvennostyu-pri-prodvizhenii-molochnoy-produktsii (дата обращения: 18.05.2026)

[7] Чернавских Е.Н. Совершенствование маркетинговой стратегии компании молочной промышленности // Агропродовольственная экономика 2025. №2.

[8] Молочные недра Урала: как модернизируется Ирбитский молочный завод траектории адаптации персонала промышленного предприятия // Областная газета. 2025. №11 (10118).

References:

[1] O.V. Ivanchenko. Data mining and business analytics in business management and marketing//Bulletin of Rostov State University of Economics (RINH). 2022. № 4 (80). S. 125-130.

[2] N.V. Makhinova. Improving the marketing strategy of the food industry company//Agri-food economy. 2024. № 2. S. 18-24.

[3] Pyrkina S.S. Stages of developing a marketing strategy for an organization in a competitive environment//Bulletin of Science. 2022. T.1 No. 10 (55) P. 27-30.

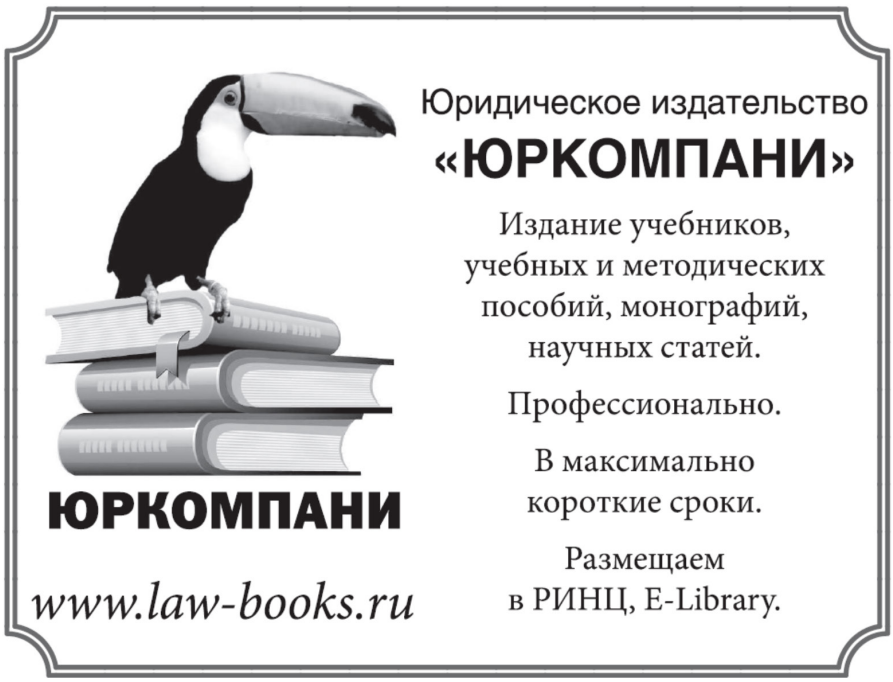
[4] Razvin I.V., Usova N.V., Bardasova N.V. Improvement of commodity movement of agricultural products of the Sverdlovsk region// AVU. 2019. №6 (185). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-tovarodvizheniya-agroproduktsii-sverdlovskoy-oblasti (дата обращения: 18.05.2026).

[5] Rakova P.A., Voronina E.A. Characteristics of business processes of marketing activities and methods of their optimization//Economics and efficiency of production organization. 2021. № 34. S. 16-18.

[6] Terskikh M.V., Korableva A.V. Specifics of advertising tools and public relations in the promotion of dairy products//Socio-economic phenomena and processes. 2020. №2 (109). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-instrumentov-reklamy-i-svyazey-s-obschestvennostyu-pri-prodvizhenii-molochnoy-produktsii (дата обращения: 18.05.2026)

[7] Chernavskikh E.N. Improving the marketing strategy of the dairy industry//Agri-food economy 2025. №2.

[8] The dairy subsoil of the Urals: how the Irbit dairy plant is modernizing the trajectory of adaptation of the personnel of an industrial enterprise//Regional newspaper. 2025. №11 (10118).

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-362-367

РЗАЕВА Вера Анваровна,

адвокат Коллегии адвокатов «Партнёр», член Адвокатской палаты Новосибирской области, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),

e-mail: vefaaleskerova@mail.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье исследуется феномен правосознания как ключевого фактора обеспечения законности и правопорядка в современной России. Проводится теоретико-структурный анализ правосознания, рассматриваются его основные компоненты — правовая идеология и правовая психология, их взаимодействие и функциональное назначение. Анализируются различные подходы к соотношению права и правосознания, а также причины деформации массового правосознания в периоды общественных кризисов. Особое внимание уделяется влиянию геополитических факторов на трансформацию правосознания в современных условиях. Делается вывод о необходимости формирования автономного правопонимания как основы устойчивого правопорядка.*

Ключевые слова: *правосознание, законность, правопорядок, правовая идеология, правовая психология, правовая культура, правовое государство, правовой нигилизм, Россия.*

RZAEVA Vera Anvarovna,

lawyer at the Bar Association «Partner», member of the Novosibirsk Regional Bar Association, postgraduate student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR IN ENSURING LEGALITY AND PUBLIC ORDER IN MODERN RUSSIA: A THEORETICAL AND STRUCTURAL ANALYSIS

Annotation. *The article examines the phenomenon of legal consciousness as a key factor in ensuring legality and public order in modern Russia. A theoretical and structural analysis of legal consciousness is conducted, with a focus on its main components — legal ideology and legal psychology, their interaction, and functional purpose. Various approaches to the relationship between law and legal consciousness are analysed, along with the causes of mass legal consciousness deformation during periods of social crises. Particular attention is paid to the influence of geopolitical factors on the transformation of legal consciousness in contemporary conditions. The conclusion emphasises the need to foster autonomous legal understanding as the foundation for a stable public order.*

Key words: *legal consciousness, legality, public order, legal ideology, legal psychology, legal culture, rule of law state, legal nihilism, Russia.*

В рамках современной юридической науки феномен правосознания выступает объектом интенсивного научного исследования, что обусловлено его существенной значимостью как для развития теоретической юриспруденции, так и для понимания актуальных процессов в современной социально-правовой реальности. Состояние массового правосознания непосредственно детерминирует уровень законности и правопорядка в государстве: кризисные явления в правовой сфере (рост правонарушений, недоверие к правовым институтам, правовая неопределённость) свидетельствуют о глубоких деформациях правосознания.

В условиях современных геополитических и социально-экономических вызовов возрастает потребность в формировании демократического,

социально-ответственного типа правосознания, способного обеспечить устойчивое развитие правовой системы.

Несомненно, огромная роль правосознания в жизни каждого государства обусловлена, прежде всего, тем, что правосознание отражает отношение индивида, отдельных групп, общества к политике самого государства, к законам, принимаемым им. Ибо правосознание есть, прежде всего, внутреннее отношение субъекта к окружающей реальности, определяемая условиями их жизнедеятельности, и воплощающаяся в нормах права, отвечающих интересам общества в определенный период времени. В государстве, в котором индивид или отдельная группа не будут чувствовать внутреннюю уверенность в правильности, справедливости, принимаемых законов, будет царит «хаос» правового порядка, выражающейся в несоблюдении чужих прав, в отсутствии необходимости следованию законам и устойчивости в правовых предписаниях, наличием легкости перехода от одного порядка к другому.

Выдающийся русский философ и юрист И.А. Ильин так охарактеризовал роль правосознания в жизни человека: «Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением. Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством; мало того, жить – значит, для человека, жить правосознанием, в его функции и в его терминах: ибо оно остается всегда одно из великих и необходимых форм человеческой жизни» [5].

Поэтому можно утверждать, что уровень развития правосознания выступает значимым условием правового поведения индивидов и определяет степень реализации конституционно закрепленной цели формирования правового государства в Российской Федерации.

По мнению автора, в рамках данной статьи под правом стоит понимать систему общеобязательных правил поведения (норм), под правосознанием - разновидность сознания, отразившая и осмыслившая в себе само право.

Различают три подхода к соотношению понятий право и правосознание. Согласно первому подходу, о котором пишет в своей работе Р.С. Байниязов, «идея правосознания - более широкий духовный феномен, чем идея права. Безусловно, без права идея правосознания теряет свой исходный, подлинный смысл, но тем не менее, не сливаясь с правом, правосознание занимает первичное место в их взаимодействии» [2]. С данным подходом нельзя согласиться, так как содержанием правосознания являются взгляды и идеи, которые относятся к праву [7]. Хотя сознание в общефилософском смысле первично по отношению к праву.

Сторонники второго подхода включают правосознание в понятие права. К числу таких ученых относятся Н.М. Юрашевич [20], А.В. Поляков [12], С.Л. Франк [15] и ряд других.

С этим подходом также нельзя согласиться, так как право и правосознание это разные, хотя и тесно взаимосвязанные явления. Право – это система общеобязательных правил поведения (норм). Правосознание - это разновидность сознания, отразившая и осмыслившая в себе само право. Сторонники третьего подхода (В.В. Сорокин [14], Е.А. Лукашева [9], Н.А. Гущина [4]) рассматривают правосознание как необходимое средство функционирования права. Согласно их подходу, право способно оказывать регулирующее воздействие на поведение личности лишь тогда, когда содержание права прошло через сознание личности и отразилась в мотиве ее поведения. С данным подходом к соотношению права и правосознания следует согласиться, он выражает обобщенную характеристику функционального назначения правосознания, его роли в системе права. С этого же ракурса вытекают все его традиционные определения.

Как известно, на наши поступки влияют два типа факторов: внутренние, коими выступают чувства и убеждения, и внешние - мотивы правового поведения.

Так, когда мы отстаиваем свои права, мы защищаем не только какой-то конкретный интерес, но и себя как личность. Мотивом, побуждающим каждого сопоставлять свое поведение с предписаниями права, является осознание собственного интереса. Тем самым мы помогаем обществу жить по правилам и укрепляем законность в целом. В юридически развитом обществе человек лучше понимает, что порядок в обществе напрямую влияет на его собственную жизнь. Поэтому он охотнее следует закону.

Таким образом, право и правосознание тесно связаны между собой: право нуждается в правосознании, чтобы стать творческой силой, а правосознание нуждается в праве, чтобы приобрести предметную основу. Ценность права безгранична. Право «оковывает» поведение человека в рамки должного и обязательного. Незнание закона или несогласие с ним не означает отсутствие внутреннего смысла права и обязательности исполнения его императивов.

Если же рассматривать структуру правосознания, традиционно выделяются два крупных и исключительных компонентов правовой психологии и правовой идеологии. Данное понимание структуры правосознания является традиционной, хотя есть исключения.

Так, например, В.А. Мальцев считает, что правосознание наряду с правом как таковым и правовой общественной психологией составляют три структурных уровня правовой идеологии [10].

А.В. Поляков в качестве структурных компонентов правосознания называет правовую онтологию, правовую аксиологию и правовую праксиологию. При этом правовую аксиологию он разделяет на правовую идеологию и правовую психологию [11].

Логически первым общим элементом структуры правосознания является правовая идеология.

Правовая идеология (теоретический уровень): представляет собой рационально осмысленную систему правовых идей, принципов, доктринальных положений; отличается системностью, концептуальной целостностью, способностью к абстрактному моделированию; реализует прогностическую и конструктивную функции в развитии права. В правовой идеологии происходит отражение правовой действительности, отражение знаний о ней. Ни одна норма права не сможет стать общественно-правовым регулятором без отражения в правовой идеологии конкретного человека или группы людей. До момента восприятия нормы сознанием человека она существовала по отношению к нему как чисто объективный феномен. После восприятия нормы человеком она субъективизируется в его сознании, обретая идеальную форму.

Другим крупным компонентом правосознания является правовая психология, показывающая его психологическую сторону. Правовая психология (эмпирический уровень) включает эмоциональные реакции, стихийно складывающиеся представления, непосредственные оценки; характеризуется ситуативностью, образностью, высокой динамичностью; выполняет адаптивную функцию, обеспечивая быструю реакцию на правовые стимулы. То есть можно сказать, что чертами правовой психологии являются переживания, чувства, эмоции настроения, в которых отражается отношение людей к праву.

Так, Л.И. Петражицкий развивал идею о том, что право имеет эмоциональную и психологическую природу. Он считал, что право — это не внешнее материальное явление, а внутреннее духовное образование, которое коренится в психике людей и складывается из их представлений о праве [12].

С одной стороны, с данной теорией можно согласиться, ведь право исходит от индивида, который проводит его через себя, свои эмоции, чувства и переживания, посредством чего и формируется правосознание. Правовая психология как раз изучает этот «человеческий» аспект права. С другой стороны, данная теория слишком субъективна, право отрывается от государства, что ставит под вопрос природу законов. Кроме того, при таком подходе отсутствуют чёткие критерии правомерного и неправомерного, законного и незаконного [18]. В реальности право — это баланс между: субъективным личные переживания, интуитивное право) и объективным (законы, институты, санкции государства).

Таким образом, можно утверждать, что правосознание индивида складывается из двух элементов: правовая идеология и правовая психология. Правовая идеология и правовая психология представляют собой взаимосвязанные компоненты правосознания. Они совместно участвуют в процессе познания и оценки правовых норм, а также в регулировании юридически значимого поведения.

Общей чертой этих феноменов выступает их способность отражать общественное бытие и объективную правовую реальность посредством социальных инструментов — идей, теорий, чувств, эмоций и переживаний.

Состояние правосознания напрямую детерминирует состояние правопорядка. Особую опасность представляет формальное подчинение праву без внутреннего уважения к нему («правосознание озлобленного раба», по И. А. Ильину), что ведет к накоплению скрытой агрессии. Истинное значение права заключается не в автоматическом следовании нормам из страха, а в осмысленном поведении, согласующемся с правовыми принципами [6].

Россия в начале XX века является ярким примером того, когда позитивное право воспринималось человеком без его первостепенного осмысления, оценки, сопоставления с принципом справедливости и нравственности, а как должное. В этот период Россия переживала кризис правосознания [17]. Государственная власть была неприкосновенной, святой и занимала первостепенное место в жизни как индивида, так и всего общества. Авторитет законов, принятых государством, считался неприкасаемым. В системе таких отношений естественному правопониманию не оставалось места.

А.И. Герцен специфическую природу правосознания того периода описывал следующим образом: «Правовая необеспеченность тяготела над народом. Несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую: он подчиняется им как силе. Полнейшее неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, либо обходит, либо нарушает законы всюду,

где это можно сделать безнаказанно. Причем совершенно так же поступает правительство» [3].

Снижение уровня массового правосознания в периоды общественных кризисов разрушает поведенческие стереотипы, провоцирует рост правонарушений и формирует запрос на чрезвычайные меры обеспечения порядка. Для стран с недостаточно развитой традицией уважения к праву распространение таких настроений несет существенные риски для правовой стабильности.

В своей последней работе «Сущность права. Проблемы теории и философии права» видный советский и российский правовед О.Э. Лейст к таким странам относил Россию [8]. Согласно его подходу, многовековая практика внеправового урегулирования общественных отношений, опирающаяся на этические нормы и целесообразность, на фоне непоследовательности законодательного регулирования и его применения воспроизводит в общественном сознании концептуальное смешение правовых и моральных категорий. Массовое правосознание демонстрирует слабое понимание роли правовой формы как гаранта определённости и исполнимости норм, а также устойчивое неприятие формальной регламентации [16].

Согласно концепции Г.Ф. Шершеневича, в обществах, где институциональная структура государства систематически обеспечивает императивное соблюдение правовых предписаний, формируется устойчивая аксиологическая ориентация на уважение к законности. В таких условиях индивиды усваивают нормативные установки, что проявляется в выработке устойчивой поведенческой диспозиции, направленной на добровольное следование правовым нормам [19].

Но при этом нужно понимать, что необходимо избегать смешения представлений о праве и политике в общественном сознании, поскольку это приводит к снижению значимости законодательства, правовой науки и права в целом. Граждане с недостаточной правовой грамотностью склонны воспринимать право как инструмент, полностью подчинённый политическим интересам. Ключевой фактор преодоления этой проблемы – повышение правовой грамотности, демонстрация автономности права от политической конъюнктуры.

Устойчивое развитие российского общества невозможно без целенаправленной государственной политики, обеспечивающей надёжное правовое сопровождение. Оно предполагает: эффективное регулирование общественных отношений, совершенствование действующего законодательства и практики его применения, а также последовательное укрепление законности и правопорядка [13].

В целях реализации государственной политики, направленной на обеспечение развития правосознания граждан, 4 мая 2011 года Президент утвердил Основы государственной политики в Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [1]. Основной субъект воздействия включает как многонациональный народ в целом, так и каждого отдельного гражданина, что подчёркивает приоритет учёта их интересов. Законодатель выделил ключевые факторы, влияющие на правосознание граждан. Законодателем были указаны основные факторы, влияющие на состояние правосознания граждан: качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания; доступность правосудия, судебной защиты нарушенных прав, безупречность и эффективность деятельности судов и органов, исполняющих судебные решения и другие. В соответствии с этими факторами установлены основные меры по созданию наиболее благоприятных условий для повышения правосознания человека и правовой культуры в целом.

Однако, несмотря на активную нормативную роль государства, направленную на преодоление традиционного восприятия права как регулятора общественных отношений в интересах определенного слоя (группы) общества, в современных условиях наблюдается существенная трансформация общественного и индивидуального правосознания, обусловленная геополитической эскалацией, проявляющейся в военной экспансии развитых государств в регионы с развивающейся экономикой, использованием силового потенциала как инструмента давления, игнорирование принципов международного права.

Данные процессы приводят к фундаментальной трансформации парадигмы правосознания, смешению ценностных ориентиров от модели «личность-общество-государство» к новой конфигурации «государство-общество-личность». Изменяется восприятие правовых норм, что приводит к ослаблению социальных связей, противоречиям общественного сознания, снижению уровня общественного порядка, росту преступности и других правонарушений.

В рамках данной статьи не рассматриваются вопросы формирования международно-правового правосознания индивида, но при этом отмечается существенное воздействие геополитических факторов на формирование индивидуального правосознания.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что устойчивое развитие правовой системы и укрепление национального согласия возможны лишь при системном сочетании эффективной нормативной базы, институционного доверия к судам и правоприменительным органам, а также целенаправленной культурно-образовательной работы, направленной на превращение формального соблюдения норм в осознанную внутреннюю потребность личности.

Таким образом, преодоление кризиса правосознания требует не столько расширения регулятивного потенциала государства столько формирования автономного правопонимания, в котором право воспринимается не как инструмент принуждения, а как самостоятельная ценность, обеспечивающая баланс между публичными интересами и правами человека, благодаря чему и будет обеспечиваться законность и правопорядок в современной России.

Список литературы:

[1] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Байниязов Р.С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. 2001. №5. С. 12-23.

[3] Власть и право : Из истории рус. правовой мысли : [Сборник / Сост. А. В. Поляков, И. Ю. Козлихин]. Ленинград : Лениздат, 1990. 317 с.

[4] Гущина Н. А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика / ассоц. Юрид. Центр. СПб. : юрид. Центр Пресс, 2003. 64 с.

[5] Ильин И.А. О сущности правосознания: [сборник] / И.А. Ильин. М.: Из-во АСТ. 2025. 223 с.

[6] Ильин И.А. Теория права и государства/ под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М. 2003. 550 с.

[7] Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д. А. Керимов; Ин-т государства и права РАН. М.: Аванта+. 2000. 559 с.

[8] Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. М.: Зерцало-М, 2002. 279 с.

[9] Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева М.: Юридическая литература. 1973. 344 с.

[10] Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельная система // Журнал российского права. 2002. №4. С. 94-103.

[11] Поляков А.В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. СПб.; 2003. 843 с.

[12] Поляков А. В. Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 650 с.

[13] Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов и законность: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 156 с.

[14] Сорокин В.В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2015. (дата обращения 10 мая 2026).

[15] Франк С.Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк; Сост. и авт. вступ. ст. П. В. Алексеев. М.: Республика, 1992. 510 с.

[16] Фролова Е.А. Олег Эрнестович Лейст — теоретик и философ права (к 100 летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. №3. (дата обращения: 17.05.2026).

[17] Черненко А.К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества ——— Новосибирск: Наука, 2004. 289 с.

[18] Шаногин К. Д. Возможности использовании психологической теории Л. И. Петражицкого в современном правопонимании / К. Д. Шаногин. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 294-296.

[19] Шершеневич Г.Ф. История философии права / Г.Ф. Шершеневич; МВД России. С.-Петерб. ун-т, Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. Санкт-Петербург: Лань [и др.], 2001. 525 с.

[20] Юрашевич Н.М. Правосознание и право // Государство и право. 2005. №7. С.73-77.

References:

[1] Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Sphere of Developing Legal Literacy and Legal Consciousness of Citizens (approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011, No. Pr 1168). Retrieved from the legal reference system ConsultantPlus.

[2] Bayniyazov, R. S. Philosophy of Legal Consciousness: Formulating the Problem. Pravovedenie. 2001. № 5. S. 12–23.

[3] Polyakov, A. V., Kozlikhin, I. Yu. (Eds.). Power and Law: From the History of Russian Legal Thought [Collection]. Leningrad: Lenizdat. 1990. 317 pp.

[4] Gushchina, N. A. Incentive Norms in Russian Law: Theory and Legislative Practice. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press. 2003. 64 pp.

[5] Ilyin, I. A. On the Essence of Legal

Consciousness [Collection]. Moscow: AST Publishing. 2025. 223 pp.

[6] Ilyin, I. A. Theory of Law and State. V. A. Tomsinov (Ed., Foreword). Moscow. 2003. 550 pp.

[7] Kerimov, D. A. Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law). Moscow: Avanta+. 2000. 559 pp.

[8] Leist, O. E. The Essence of Law. Problems of Theory and Philosophy of Law. Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Faculty of Law. Moscow: Zertsalo M. 2002. 279 pp.

[9] Lukasheva, E. A. Socialist Legal Consciousness and Legality. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. 1973. 344 pp.

[10] Maltsev, V. A. Law as a Normative Activity System. Journal of Russian Law, 2002. №4. 94–103.

[11] Polyakov, A. V. General Theory of Law. A Phenomenological Communicative Approach: A Course of Lectures. St. Petersburg. 2003. 843 pp.

[12] Polyakov, A. V., Timoshina, E. V. (Eds.). The St. Petersburg School of Philosophy of Law: On the 150th Anniversary of the Birth of Lev Petrazhitsky. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 2018. 650 pp.

[13] Sokolov, N. Ya. Professional Culture of Lawyers and Legality: A Textbook. Moscow: Prospekt. 2015. 156 pp.

[14] Sorokin, V. V. Legal Consciousness in the Transitional Period of Social Development. Journal of Russian Law. 2015. Retrieved May 10, 2026.

[15] Frank, S. L.Spiritual Foundations of Society. P. V. Alekseev (Comp., Introductory Article). Moscow: Respublika. 1992. 510 pp.

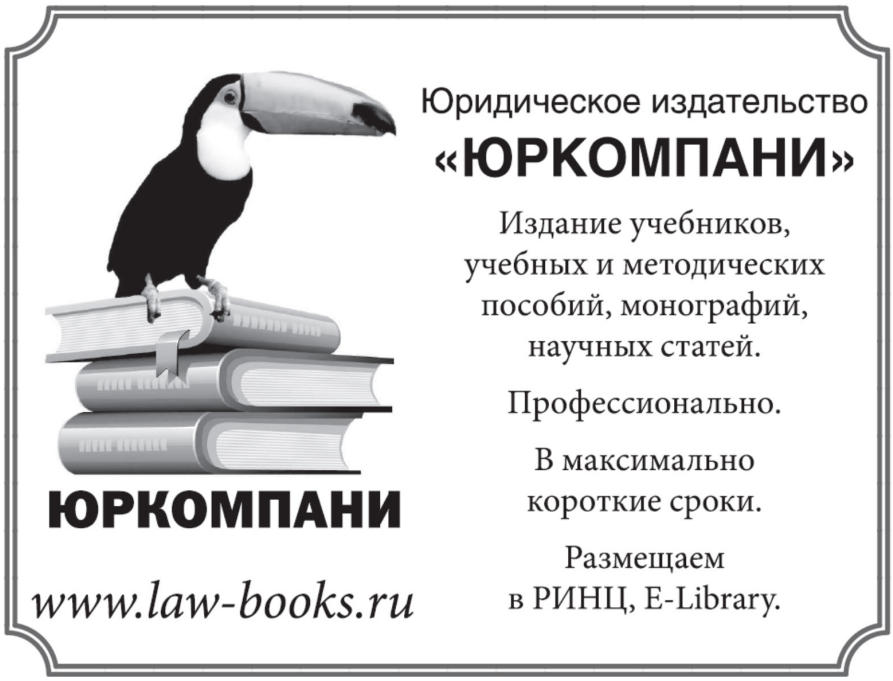
[16] Frolova, E. A. Oleg Ernestovich Leist — Theorist and Philosopher of Law (On the 100th Anniversary of His Birth). Bulletin of Moscow University. Series 11: Law, 2025.№3. Retrieved May 17, 2026.

[17] Chernenko, A. K. Theoretical and Methodological Problems of the Formation of the Legal System of Society. Novosibirsk: Nauka. 2004. 289 pp.

[18] Shanogin, K. D. Possibilities of Using L. I. Petrazhitsky's Psychological Theory in Modern Legal Understanding. Young Scientist, 2018. №50 (236). S. 294–296.

[19] Shershenevich, G. F. History of the Philosophy of Law. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg: Lan, et al. 2001. 525 pp.

[20] Yurashevich, N. M. Legal Consciousness and Law. State and Law. 2005. №7. S. 73–77.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-368-374

ГЕНДЕЕВ Эрдни Николаевич,

адъюнкт Академии управления МВД России,

e-mail: erdni.gendeev.81@mail.ru

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОСТУПКОВ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 342-ФЗ) И ОБЯЗАННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 3-ФЗ): ОЦЕНКА ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ ПО ПРИНЦИПУ ЗАКОННОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ нормативного закрепления обязанностей сотрудников полиции (Федеральный закон № 3-ФЗ) и оснований дисциплинарной ответственности за служебные проступки (Федеральный закон № 342-ФЗ). Особое внимание уделяется принципу законности как системообразующему критерию, обеспечивающему корректную реализацию полномочий в сфере производства по делам об административных правонарушениях. На основе доктринальных позиций и правоприменительной практики выявлены коллизии между функциональными обязанностями и дисциплинарными составами, исследованы риски формализации ведомственного контроля и подмены административно-юрисдикционных процедур внутрикорпоративными санкциями. Сформулированы предложения по оптимизации нормативного регулирования и совершенствованию алгоритмов служебных проверок, направленные на укрепление гарантий законности и профилактику служебных деликтов.*

Ключевые слова: *служебное право, дисциплинарный проступок, сотрудник полиции, принцип законности, административное законодательство, производство по делам об административных правонарушениях, ведомственный контроль, служебная проверка, ФЗ № 3-ФЗ, ФЗ № 342-ФЗ.*

GENDEEV Erdni Nikolaevich,

post graduate student Academy of Management of the MIA of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF DISCIPLINARY MISDEMEANORS (FEDERAL LAW No. 342-FZ) AND POLICE OFFICERS' OBLIGATIONS (FEDERAL LAW No. 3-FZ): ASSESSMENT OF THEIR INTERRELATIONSHIP BASED ON THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE IMPLEMENTATION OF THE ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the regulatory consolidation of the duties of police officers (Federal Law No. 3-FZ) and the grounds for disciplinary liability for official misconduct (Federal Law No. 342-FZ). Special attention is paid to the principle of legality as a system-forming criterion that ensures the correct implementation of powers in the field of administrative proceedings. Based on doctrinal positions and law enforcement practice, the article identifies conflicts between functional responsibilities and disciplinary compositions, and examines the risks of formalizing departmental control and substituting administrative and jurisdictional procedures with internal corporate sanctions. The article formulates proposals for optimizing regulatory regulation and improving the algorithms of internal audits, aimed at strengthening legal guarantees and preventing official misconduct.*

Key words*: service law, disciplinary offense, police officer, principle of legality, administrative legislation, proceedings on administrative offenses, departmental control, internal audit, Federal Law No. 3-FZ, Federal Law No. 342-FZ.*

Институт ответственности сотрудников органов внутренних дел представляет собой сложный многоуровневый конструкт, находящийся на стыке административного, служебного и процессуального права. В условиях постоянной трансформации правоохранительной системы, ориентированной на повышение прозрачности, подконтрольности и соблюдения прав граждан, особое значение приобретает корректное соотношение функциональных обязанностей сотрудников полиции, закрепленных в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», и дисциплинарных составов, регламентированных Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Актуальность исследования обусловлена тем, что реализация полномочий в сфере административного законодательства (в первую очередь, в рамках производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ) напрямую детерминирует возникновение дисциплинарной ответственности при допущении процессуальных нарушений, превышении должностных полномочий или бездействии. Принцип законности, выступающий конституционной основой деятельности полиции (ст. 5 ФЗ № 3-ФЗ), на практике часто трансформируется в формальный критерий ведомственного контроля, что порождает риски двойного вменения, неравномерного применения санкций и снижения эффективности административно-юрисдикционной деятельности.

Научная разработанность проблемы носит фрагментарный характер. Несмотря на наличие фундаментальных трудов в области служебного права и административной деликтологии, системный сравнительный анализ корреляции между конкретными обязанностями, установленными ФЗ № 3-ФЗ, и дисциплинарными составами по ФЗ № 342-ФЗ в контексте административного правоприменения требует углубленного осмысления. Цель данной статьи заключается в выявлении системных взаимосвязей между нормативными массивами обязанностей и дисциплинарных проступков, оценке роли принципа законности в профилактике служебных деликтов при реализации административных полномочий, а также в формулировании научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы, а также метод анализа правоприменительной практики и ведомственной статистики.

1. Нормативно-правовая природа обязанностей и дисциплинарных проступков: теоретико-правовой аспект

Законодательное регулирование служебной деятельности сотрудников полиции базируется на дуалистической модели: с одной стороны, ФЗ № 3-ФЗ определяет статус, права и обязанности полиции как органа исполнительной власти, с другой – ФЗ № 342-ФЗ регламентирует прохождение службы, гарантии, ограничения и механизмы дисциплинарной ответственности. Такой подход обусловлен спецификой правоохранительной службы, сочетающей элементы государственного управления и внутрикорпоративного регулирования.

Обязанности сотрудника полиции, закрепленные в ст. 10–12 ФЗ № 3-ФЗ, носят императивный характер и охватывают широкий спектр функциональных направлений: от защиты прав и свобод граждан до применения мер административного пресечения и принуждения. В частности, ч. 1 ст. 12 ФЗ № 3-ФЗ обязывает сотрудников принимать меры по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, выявлять причины и условия, им способствующие, а также обеспечивать правопорядок на общественных объектах. Данные нормы носят рамочный характер и требуют конкретизации в ведомственных инструкциях, регламентах и процессуальных кодексах.

Дисциплинарный проступок, согласно ч. 1 ст. 49 ФЗ № 342-ФЗ, определяется как неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником возложенных на него служебных обязанностей, превышение должностных полномочий, нарушение запретов и требований, установленных федеральными законами, а также поступок, порочащий честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел. В отличие от административного правонарушения, дисциплинарный проступок не требует установления общественной опасности в классическом понимании; его деликтогенный характер вытекает из нарушения служебной субординации, корпоративной этики и функциональной дисциплины.

Как справедливо отмечает А.Г. Николаев, дисциплинарная ответственность в системе МВД России выполняет не только карательную, но и превентивную, регулятивную функции, обеспечивая внутреннюю целостность ведомства и соответствие деятельности сотрудников конституционным принципам законности и пропорциональности [1]. Однако нормативное

расхождение между общими обязанностями (ФЗ № 3-ФЗ) и составами проступков (ФЗ № 342-ФЗ) создает почву для произвольной квалификации деяний. Например, ненадлежащее исполнение обязанностей по ведению административного производства (ст. 28.1–28.7 КоАП РФ) может быть расценено как дисциплинарный проступок по ст. 49 ФЗ № 342-ФЗ, однако отсутствие четких критериев «ненадлежащего исполнения» ведет к субъективизму в принятии решений руководителями подразделений.

А.В. Шевцов подчеркивает, что в условиях реформирования административного процесса необходимо обеспечить прямую нормативную связку между процессуальными нарушениями в рамках КоАП РФ и конкретными дисциплинарными составами, исключив оценочные категории вроде «существенное нарушение» без процессуальной расшифровки [2]. На сегодняшний день такая связка осуществляется преимущественно через ведомственные приказы (в частности, приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации), что снижает уровень правовой определенности и создает риски ведомственной солидарности или, напротив, избыточного формализма.

2. Принцип законности как системообразующий элемент реализации административных полномочий.

Принцип законности, закрепленный в ст. 5 ФЗ № 3-ФЗ и ст. 1.6 КоАП РФ, выступает базовым ориентиром для любой административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции. В контексте производства по делам об административных правонарушениях законность проявляется в строгом соблюдении подведомственности, подсудности, процессуальных сроков, правил оформления протоколов, обеспечения прав участников производства (ст. 25.1–25.10 КоАП РФ), а также в обоснованности применения мер обеспечения производства (ст. 27.1 КоАП РФ).

Нарушение этих процедурных норм автоматически генерирует деликтогенную ситуацию, которая может квалифицироваться как дисциплинарный проступок. При этом ключевая проблема заключается в отсутствии единого алгоритма трансформации процессуального нарушения в служебный деликт. Например, составление протокола об административном правонарушении с существенными нарушениями (отсутствие пояснений лица, неверная квалификация, нарушение порядка разъяснения прав) может привести к признанию постановления незаконным судом (ст. 29.12, 30.4 КоАП РФ). Возникает ли в таком случае обязанность руководителя возбуждать служебную проверку по факту нарушения ст. 10, 12 ФЗ № 3-ФЗ и привлекать сотрудника к ответственности по ст. 49 ФЗ № 342-ФЗ? Правоприменительная практика демонстрирует нестабильность подходов: в одних территориальных органах такие случаи рассматриваются как рабочие ошибки, в других – как основание для строгого выговора или даже увольнения.

И.Н. Астафьев указывает, что принцип законности в административном процессе должен рассматриваться не только как формальное соответствие нормам КоАП РФ, но и как материальное требование соразмерности, обоснованности и уважения прав личности [3]. Когда сотрудник полиции допускает процедурный изъян, нарушающий баланс между публичным интересом и правами гражданина, это выходит за рамки технической ошибки и становится деликтом, затрагивающим основы служебной этики и законности. Однако в действующей редакции ФЗ № 342-ФЗ отсутствует прямая отсылка к последствиям отмены судебных постановлений по делам об административных правонарушениях как автоматическому основанию для дисциплинарного производства. Это создает правовой вакуум, в котором руководитель подразделения обладает неограниченной дискрецией в квалификации деяния.

Кроме того, принцип законности требует соблюдения сотрудником запрета на использование полномочий в целях, не предусмотренных законом (ч. 2 ст. 5 ФЗ № 3-ФЗ). На практике это проявляется в случаях неправомерного применения мер административного пресечения, фальсификации материалов дела, давления на участников производства ради достижения статистических показателей. Подобные действия напрямую коррелируют с дисциплинарными составами, предусмотренными ст. 49, 50 ФЗ № 342-ФЗ, однако их доказывание осложняется отсутствием независимого процессуального контроля на стадии доследственной проверки. А.И. Смоляков обоснованно отмечает, что ведомственный контроль, будучи необходимым элементом служебной дисциплины, не может заменять судебную оценку законности административных действий, поскольку внутрикорпоративные процедуры лишены состязательности и независимости [4].

Таким образом, принцип законности выступает связующим звеном между функциональными обязанностями и дисциплинарной ответственностью, однако его реализация требует нормативной конкретизации

в виде четких критериев трансформации процессуальных нарушений в служебные проступки, а также введения обязательных процедур правовой экспертизы материалов административного производства до принятия дисциплинарных решений.

3. Сравнительно-правовой анализ: корреляция норм Федеральных законов № 3-ФЗ и № 342-ФЗ в административном контексте

Сравнительный анализ нормативных массивов выявляет несколько уровней корреляции между обязанностями сотрудников полиции и дисциплинарными составами, которые можно систематизировать по следующим направлениям:

Прямая корреляция. Обязанность соблюдать Конституцию РФ, федеральные законы, права и свободы граждан (ч. 1 ст. 10 ФЗ № 3-ФЗ) напрямую соотносится с общим составом дисциплинарного проступка (ч. 1 ст. 49 ФЗ № 342-ФЗ). Любое нарушение административного законодательства, ведущее к ограничению прав граждан, автоматически подпадает под эту связку. Однако на практике такая прямая отсылка работает лишь в случаях грубых нарушений (применение физической силы без оснований, незаконное задержание), тогда как процессуальные ошибки часто игнорируются.

Функциональная корреляция. Обязанность принимать меры по предупреждению и пресечению административных правонарушений (п. 1 ч. 1 ст. 12 ФЗ № 3-ФЗ) коррелирует с составом проступка в форме бездействия или ненадлежащего исполнения служебных обязанностей. В административном контексте это проявляется в случаях, когда сотрудник не составляет протокол при наличии признаков правонарушения, не применяет меры обеспечения, игнорирует обращения граждан. Е.В. Елфимова отмечает, что деликтологическая природа таких деяний заключается в нарушении публично-правового долга, а не только в корпоративной дисциплине [5]. Отсутствие в ФЗ № 342-ФЗ дифференциации между умышленным уклонением от исполнения обязанностей и объективной невозможностью их реализации (например, из-за перегруженности, отсутствия материально-технического обеспечения) ведет к несправедливому привлечению к ответственности.

Процессуальная корреляция. Обязанность обеспечивать законность и обоснованность принимаемых решений (ч. 2 ст. 11 ФЗ № 3-ФЗ) соотносится с требованиями КоАП РФ к оформлению процессуальных документов. Нарушение правил составления протокола, постановления, определения возбуждения дела рассматривается ведомственным контролем как дисциплинарный проступок. При этом в ФЗ № 342-ФЗ отсутствует отсылочная норма к процессуальным кодексам, что создает ситуацию, когда одно и то же деяние квалифицируется по разным основаниям в зависимости от субъективного восприятия руководителя.

Этико-правовая корреляция. Запрет на действия, порочащие честь и достоинство (п. 9 ч. 1 ст. 10 ФЗ № 3-ФЗ), пересекается с составом проступка по п. 10 ч. 1 ст. 82 ФЗ № 342-ФЗ. В административном контексте это проявляется в случаях неправомерного поведения сотрудника при общении с гражданами, применения оскорбительных формулировок в протоколах, дискриминационного подхода. Однако критерии «порочащего» характера остаются оценочными, что порождает судебные споры и противоречивую практику увольнений.

Системный анализ показывает, что действующее законодательство не обеспечивает сквозной нормативной матрицы, связывающей конкретную обязанность из ФЗ № 3-ФЗ с конкретным дисциплинарным составом из ФЗ № 342-ФЗ в контексте административного производства. Это приводит к фрагментарности правоприменения, когда аналогичные процессуальные нарушения в разных регионах квалифицируются по-разному. Кроме того, отсутствует механизм автоматической приостановки дисциплинарного производства в случае обжалования административного постановления в суде, что нарушает принцип презумпции невиновности и создает риски двойного вменения.

А.Г. Николаев предлагает внедрить в ведомственное регулирование «карту корреляции обязанностей и проступков», где каждое функциональное требование будет сопоставлено с конкретным составом дисциплинарного правонарушения и алгоритмом оценки тяжести последствий [6]. Подобный подход позволил бы унифицировать практику служебных проверок, исключить субъективизм и обеспечить предсказуемость правовых последствий для сотрудников. Однако реализация данной инициативы требует внесения изменений в ФЗ № 342-ФЗ и издания соответствующего приказа МВД России с методическими рекомендациями.

4. Правоприменительная проблематика и судебная практика

Анализ правоприменительной практики, включая обзоры судебных решений и материалы служебных проверок, демонстрирует устойчивые тенденции в квалификации дисциплинарных проступков, связанных с реализацией административных полномочий. Во-первых, суды общей юрисдикции и арбитражные суды при рассмотрении жалоб на дисциплинарные взыскания часто руководствуются формальными

признаками нарушения, не углубляясь в анализ процессуальных последствий административных действий. Во-вторых, внутрикорпоративные проверки (согласно приказу МВД № 50) часто проводятся без участия независимых правовых экспертов, что снижает объективность выводов.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ по делам об обжаловании дисциплинарных взысканий (2022–2023 гг.) отмечается, что отмена судебных постановлений по делам об административных правонарушениях не является автоматическим основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности, если не доказана вина в форме умысла или грубой неосторожности [7]. Тем не менее, на практике руководители подразделений нередко используют отмену постановления как формальный повод для применения взысканий, что противоречит позиции ВС РФ и принципу индивидуализации ответственности.

Особую проблему представляет квалификация действий сотрудников по ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению) в контексте защиты прав граждан. Если сотрудник отказывается исполнять приказ начальника, который требует нарушения административного законодательства (например, составления фиктивного протокола), он формально может быть привлечен к дисциплинарной ответственности по ст. 49 ФЗ № 342-ФЗ. В то же время ст. 42 ФЗ № 342-ФЗ гарантирует право на отказ от исполнения явно незаконного распоряжения. Коллизия между этими нормами создает правовую неопределенность, требующую четкого процедурного алгоритма фиксации отказа и независимой проверки законности приказа.

А.И. Смоляков подчеркивает, что в условиях цифровизации административного процесса (внедрение автоматизированных систем учета, электронных протоколов, видеофиксации) требования к законности действий сотрудников возрастают, однако дисциплинарные нормы не адаптированы к новым технологическим реалиям [8]. Например, ошибка в электронном документообороте, приведшая к пропуску срока рассмотрения дела, квалифицируется как дисциплинарный проступок, хотя ее причина может быть технической. Это требует введения дифференциации ответственности в зависимости от характера нарушения (процессуальное, техническое, умышленное, системное).

Судебная практика также демонстрирует необходимость усиления гарантий состязательности в служебных проверках. В делах, где сотрудник полиции обжаловал увольнение в связи с совершением проступка, порочащего честь, суды все чаще требуют от руководства ОВД предоставления не только акта проверки, но и материалов административного производства, заключений правовых отделов, объяснений с привлеченными экспертами. Это свидетельствует о постепенном признании того, что дисциплинарная ответственность в правоохранительной системе не может рассматриваться изолированно от процессуальных последствий административных действий.

Проведенный сравнительно-правовой анализ нормативного закрепления обязанностей сотрудников полиции (ФЗ № 3-ФЗ) и дисциплинарных проступков (ФЗ № 342-ФЗ) в контексте реализации полномочий по административному законодательству позволяет сделать следующие выводы:

Действующее регулирование не обеспечивает сквозной нормативной корреляции между функциональными обязанностями и дисциплинарными составами, что порождает фрагментарность правоприменения, субъективизм в квалификации деяний и риски двойного вменения.

Принцип законности, выступающий базовым ориентиром административного производства, на практике часто трансформируется в формальный критерий ведомственного контроля, не учитывающий процессуальные последствия и степень вины сотрудника.

Отсутствие четких алгоритмов трансформации процессуальных нарушений в служебные проступки, а также недостаточная адаптация дисциплинарных норм к цифровым реалиям административного процесса создают правовые вакуумы, эксплуатируемые в интересах статистической отчетности или ведомственной солидарности.

На основе выявленных проблем предлагается:

Внести в ФЗ № 342-ФЗ изменения, предусматривающие отсылочную норму к процессуальным кодексам (КоАП РФ, УПК РФ), с установлением четких критериев квалификации процессуальных нарушений как дисциплинарных проступков.

Разработать и утвердить приказом МВД России «Матрицу корреляции обязанностей и дисциплинарных составов», обеспечивающую прозрачность и предсказуемость правовых последствий.

Ввести обязательную приостановку дисциплинарного производства до вступления в законную силу судебного решения по соответствующему делу об административном правонарушении, за исключением случаев умышленных действий.

Закрепить в ведомственных регламентах процедуру независимой правовой экспертизы материалов административного производства перед применением дисциплинарных санкций, обеспечивая реализацию принципа состязательности.

Уточнить формулировки ст. 49 и ст. 82 ФЗ № 342-ФЗ, исключив оценочные категории без процессуальной расшифровки, и ввести дифференциацию ответственности в зависимости от характера нарушения (техническое, процессуальное, умышленное, системное).

Реализация данных предложений позволит гармонизировать служебное право и административное законодательство, укрепить принцип законности в деятельности сотрудников полиции, минимизировать риски произвольного применения дисциплинарных санкций и повысить доверие общества к правоохранительной системе.

Список литературы:

[1] Николаев А.Г. Служебное право в системе российского законодательства: теоретические и прикладные аспекты // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 14–21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnoe-pravo-v-sisteme-rossiyskogo-zakonodatelstva (дата обращения: 18.05.2024).

[2] Шевцов А.В. Административное производство в органах внутренних дел: процедурные гарантии и деликтологические риски // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4. С. 33–41. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 20.05.2024).

[3] Астафьев И.Н. Принцип законности в административно-юрисдикционной деятельности полиции: доктрина и правоприменение // Вестник Академии управления МВД России. 2023. № 2. С. 55–63. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 15.05.2024).

[4] Смоляков А.И. Дисциплинарная ответственность сотрудников полиции: пределы ведомственного контроля и судебная проверка // Государство и право. 2023. № 7. С. 89–97. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 12.05.2024).

[5] Елфимова Е.В. Деликтология служебных правонарушений в органах внутренних дел: соотношение функциональных обязанностей и корпоративных санкций // Право и государство. 2022. № 9. С. 44–52. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 10.05.2024).

[6] Николаев А.Г., Петров С.А. Оптимизация ведомственного контроля в системе МВД России: концептуальные подходы // Административное право и процесс. 2024. № 1. С. 22–30. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 22.05.2024).

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам об обжаловании дисциплинарных взысканий за 2022–2023 годы. Утв. Президиумом ВС РФ 14.12.2023. URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 25.05.2024).

[8] Смоляков А.И. Цифровизация административного процесса и ее влияние на дисциплинарную практику в ОВД // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 3. С. 67–75. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 19.05.2024).

[9] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[10] Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

[11] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[12] Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (ред. от 12.11.2018) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 38.

[13] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Раздел «Нормативные акты и приказы». URL: https://мвд.рф (дата обращения: 28.05.2024).

[14] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. Статистика по делам об административных правонарушениях и служебным проверкам в ОВД за 2022–2023 гг. URL: https://crimestat.ru (дата обращения: 30.05.2024).

[15] Справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант». Раздел «Судебная практика и ведомственные акты МВД России». URL: https://www.consultant.ru; https://www.garant.ru (дата обращения: 01.06.2024).

References:

[1] Nikolaev A.G. Service law in the system of Russian legislation: theoretical and applied aspects// Administrative law and process. 2023. № 5. S. 14-21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnoe-pravo-v-sisteme-rossiyskogo-zakonodatelstva (дата обращения: 18.05.2024).

[2] Shevtsov A.V. Administrative proceedings

in the internal affairs bodies: procedural guarantees and tort risks//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. S. 33-41. URL: https://elibrary.ru (access date: 20.05.2024).

[3] Astafyev I.N. The principle of legality in the administrative and jurisdictional activities of the police: doctrine and law enforcement//Bulletin of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2. S. 55-63. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 15.05.2024).

[4] A.I. Smolyakov. Disciplinary liability of police officers: limits of departmental control and judicial review//State and law. 2023. № 7. S. 89-97. URL: https://elibrary.ru (access date: 12.05.2024).

[5] Elfimova E.V. Delictology of official offenses in the internal affairs bodies: the ratio of functional duties and corporate sanctions//Law and the state. 2022. № 9. S. 44-52. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 10.05.2024).

[6] Nikolaev A.G., Petrov S.A. Optimization of departmental control in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: conceptual approaches// Administrative law and process. 2024. № 1. S. 22-30. URL: https://elibrary.ru (access date: 22.05.2024).

[7] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of appealing disciplinary sanctions for 2022-2023. Approved by Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation 14.12.2023. URL: https://www.vsrf.ru (date of appeal: 25.05.2024).

[8] A.I. Smolyakov. Digitalization of the administrative process and its impact on disciplinary practice in the Department of Internal Affairs// Legal Bulletin of Samara University. 2023. № 3. S. 67-75. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 19.05.2024).

[9] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police” (as amended on 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

[10] Federal Law of 30.11.2011 No. 342-FZ “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended on 25.12.2023) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 49 (part 1). Art. 7020.

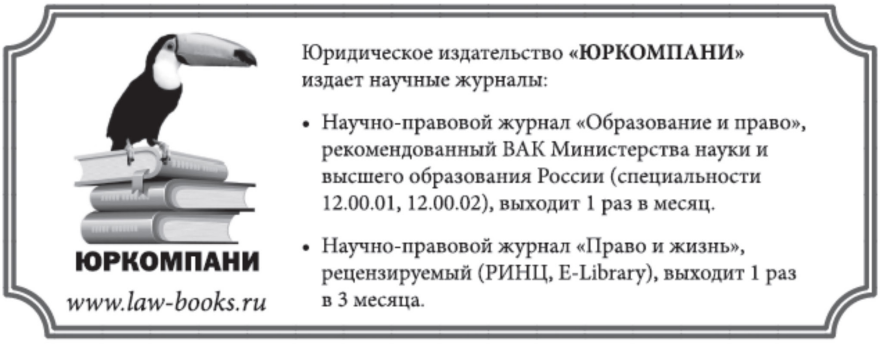
[11] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (rev. of 14.11.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[12] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 26.03.2013 No. 161 “On approval of the Procedure for conducting official inspections in bodies, organizations and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (as amended on 12.11.2018) //Bulletin of regulatory acts of federal executive bodies. 2013. № 38.

[13] Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section “Regulations and orders.” URL: https://мвд.рф (access date: 28.05.2024).

[14] Portal of legal statistics of the Prosecutor General’s Office of the Russian Federation. Statistics on cases of administrative offenses and official checks in the Department of Internal Affairs for 2022-2023. URL: https://crimestat.ru (date of appeal: 30.05.2024).

[15] ConsultantPlus, Guarantor Reference Legal Systems. Section “Judicial practice and departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia.” URL: https://www.consultant.ru; https://www.garant.ru (accessed on: 01.06.2024).

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-375-378

СЕРЕБРЕННИКОВ Иван Николаевич,

адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров), Академия управления МВД России, Кафедра управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Академии управления МВД России,

e-mail: vania.serebrennikoff@yandex.ru

Научный руководитель:

КАЛЮЖНЫЙ Юрий Николаевич,

доктор юридических наук, доцент,

e-mail: mail@law-books.ru

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ПОЛУЧЕННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, И ПРЕЮДИЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу роли технических средств в деятельности сотрудников, непосредственно осуществляющих надзор за безопасностью дорожного движения, и правовому механизму использования доказательств, полученных с помощью технических средств, в рамках производства по делам об административных правонарушениях и предварительного расследования по уголовным делам. Внимание уделяются преюдиции, которая позволяет рассматривать материалы, полученные в рамках дела об административном правонарушении, в качестве допустимых доказательств по уголовному делу. В статье также систематизированы категории технических средств, которые используются подразделениями Государственной инспекции безопасности дорожного движения.*

Ключевые слова: *доказательства, административное правонарушение, преюдиция, преступление, технические средства, ГИБДД*.

SEREBRENNIKOV Ivan Nikolaevich,

Adjunct Professor, Faculty 3 (Research and Teaching Staff Training), Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Department of Public Order Management Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Academic Supervisor:

KALYUZHNY Yuri Nikolaevich,

Doctor of Law, Associate Professor

EVIDENCE OBTAINED BY TECHNICAL MEANS AND PREJUDICE IN THE ACTIVITIES OF THE EMPLOYEES OF THE STATE ROAD SAFETY INSPECTION

Annotation. *This article analyzes the role of technical means in the activities of employees directly responsible for road safety supervision and the legal mechanism for using evidence obtained through technical means in administrative proceedings and preliminary criminal investigations. Attention is paid to the principle of prejudice, which allows materials obtained in an administrative case to be considered admissible evidence in a criminal case. The article also systematizes the categories of technical means used by units of the State Road Safety Inspectorate*.

Key words: *evidence, administrative offense, preclusion, crime, technical means, traffic police.*

Введение.

Актуальность темы обусловлена тем, что уровень автомобилизации в Российской Федерации неуклонно стремится вверх, следовательно, увеличивается нагрузка на улично-дорожную сеть и, соответственно, усложняются для заинтересованных субъектов права задачи по обеспечению безопасности дорожного движения. В условиях ограниченной штатной численности именно технических средства и правовые механизмы становятся ключевыми инструментами для оптимизации деятельности личного состава на всей территории.

Цель и задачи. Проанализировать функциональное назначение технических средств и изучить правовые основы использования доказательств в рамках межотраслевого взаимодействия через преюдицию. Задачи – классифицировать технические средства, определить правовой статус доказательств, раскрыть процесс применения преюдиции.

Основная часть.

Перед сотрудниками полиции стоит большое количество задач, которые ежедневно необходимо решать в сложных современных условиях, поскольку именно от их выполнения зависит состояние общественного порядка и общественной безопасности.

Немаловажное значение в профессиональной деятельности сотрудников полиции приобретают технические средства, которые используются для выполнения определённых профессиональных задач. Необходимо отметить, что важным компонентом является не только наличие технических средств в подразделении и возможность их использования, но и знания, умения и навыки сотрудников по использованию (эксплуатации) технических средств, а также тактические действия по их использованию. Отметим, что технические средства, которые используются сотрудниками дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД), представляют собой различные по характеристикам, назначению, устройству, порядку применения и целям.

На современном этапе развития общества, при высоком уровне автомобилизации населения (увеличение нагрузки на улично-дорожную сеть, увеличение количества транспортных средств), именно на сотрудников ГИБДД в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации возложены сложнейшие задачи по обеспечению безопасности дорожного движения (далее – БДД) [1, с. 141]. Несомненно, необходимо отметить, что консолидированные силы всего общества, заинтересованных ведомств направлены на повышение уровня БДД, однако в рамках данной статьи рассматриваются именно подразделения ГИБДД.

Поскольку возникают новые опасности в сфере БДД (детский дорожно-транспортный травматизм, дорожно-транспортные происшествия, причинившие вред здоровью или смерть), то особое значение в данных условиях приобретает непосредственно деятельность сотрудников полиции. При этом, очевидно, штатная численность сотрудников ГИБДД не позволяет охватить всю улично-дорожную сеть, тем самым, не позволяет осуществлять надзор за каждым участником дорожного движения. Вследствие этого помощь в осуществлении надзора оказывают технические средства, которые применяются сотрудниками ГИБДД.

Условно технические средства можно разделить на 4 категории:

Технические средства для обеспечения контроля и надзора за дорожным движением;

Технические средства для организации дорожного движения;

Технические средства для контроля за техническим состоянием дорог и транспортных средств;

Технические средства для обеспечения деятельности подразделений ГИБДД.

В настоящее время с помощью технических средств, которые используются в деятельности ГИБДД, решаются следующие задачи:

Выявление и фиксация фактов нарушений пунктов Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД РФ);

Принудительная остановка транспортных средств в случаях невыполнения лицом, управляющим транспортным средством, требований об остановке (на основании Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»);

Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения;

Выявление транспортных средств, находящихся в розыске;

Регулирование дорожного движения;

Осуществление контроля за техническим состоянием дорог и транспортных средств участников дорожного движения;

Обеспечение деятельности подразделений ГИБДД.

Технические средства, которые фиксируют нарушения пунктов ПДД РФ обеспечивают возможность для разрешения споров, которые теоретически могут возникнуть между участниками дорожного движения и представителем власти. Также технические средства позволяют оптимизировать деятельность посредством

автоматизации действий.

На обеспечении подразделений ГИБДД находятся технические средства освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Данная категория технических средств имеет существенное значение для деятельности полиции в сфере безопасности дорожного движения, поскольку управление транспортным средством в состоянии опьянения – опасное для окружающих административное правонарушение. Отметим, что наряды должны быть оснащены современными средствами диагностики. Так, применяются алкотестеры для оперативной диагностики состояния алкогольного опьянения у лиц, управляющих транспортными средствами. Использование данных технических средств позволяет достоверно установить факт нахождения водителя в состоянии алкогольного опьянения, отстранить его от управления транспортным средством, а также осуществить меры профилактики по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, совершёнными лицами, управляющими транспортными средствами в состоянии опьянения [2, с. 212].

Соответственно, доказательства, которые получены с помощью технических средств, можно назвать объективно полученными, поскольку минимизируется воздействие человека на получение результатов в процессе обработки техническим средством. Данные доказательства используются в процессе производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1, ч. 3 ст. 12.8, ст. 12.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Процессуальные действия проводятся в соответствии с требованиями КоАП РФ, соответственно, заполняются процессуальные материалы, которые, казалось, также являются доказательствами исключительно в рамках дела об административном правонарушении [5, с. 442]. Однако это не так, ведь доказательства по делу об административном правонарушении могут (при определённых условиях) становиться доказательствами по уголовному делу и принимаются в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [4, с. 57].

В ст. 90 УПК РФ закрепляется административная преюдиция. В данной статье закреплены определённые правила, условия для применения административной преюдиции. В рамках КоАП РФ такой нормы не существует, однако это не означает, что запрещается передавать доказательства, полученные с помощью технических средств в рамках производства по делу об административном правонарушении, в разряд доказательств по уголовному делу [3, с. 50]. Это ключевая особенность доказательств, полученные в рамках производства по делу об административном правонарушении.

Таким образом, использование технических средств имеет большое значение для эффективного выполнения задач, возложенных на подразделения ГИБДД, поскольку позволяет достоверно установить факты и использовать их в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях. Соответственно, в данном случае мы можем говорить о преюдиции, поскольку результаты правоприменительной деятельности (при применении технических средств) уполномоченных субъектов административного права в процессе производства по делу об административном правонарушении становятся доказательствами по уголовному делу.

Результаты исследования.

Технические средства – это системообразующий элемент современной деятельности (применение напрямую влияет на эффективность выполнения основных и дополнительных задач);

Доказательства, полученные с помощью технических средств, обладают повышенной доказательственной силой;

Преюдиция создаёт условия для процессуальной экономии и укрепления принципа правовой определённости;

Трансформация доказательств из дела об административном правонарушении в уголовное дело является допустимым, но строго обусловленным;

Практика применения преюдиции в контексте правонарушений в области дорожного движения часто проявляется в случаях повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения или повторного отказа от медицинского освидетельствования (ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Список литературы:

[1] Занина, Т.М. О некоторых аспектах организации деятельности ГИБДД МВД России / Т.М. Занина // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2018. – № 3. – С. 140-146.

[2] Исаев, М.М. Отдельные элементы профилактики нарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, с учетом условий их совершения / М.М. Исаев, П.В. Ляхов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 210-217. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-5-210-217.

[3] Калюжный, Ю.Н. Некоторые

аспекты судебной практики привлечения лиц к административной ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения / Ю.Н. Калюжный // Администратор суда. – 2026. – № 2. – С. 48-52. – DOI 10.18572/2072-3636-2026-2-48-52.

[4] Калюжный, Ю.Н. Повторность, как квалифицирующий признак административных деликтов в области дорожного движения / Ю.Н. Калюжный // Полицейская и следственная деятельность. – 2019. – № 2. – С. 55-62. – DOI 10.25136/2409-7810.2019.2.29092.

[5] Трофимов, В.Е. Проблемные вопросы выявления преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, сотрудниками ГИБДД МВД России / В.Е. Трофимов // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2019. – № 1 (2). – С. 440-446.

References:

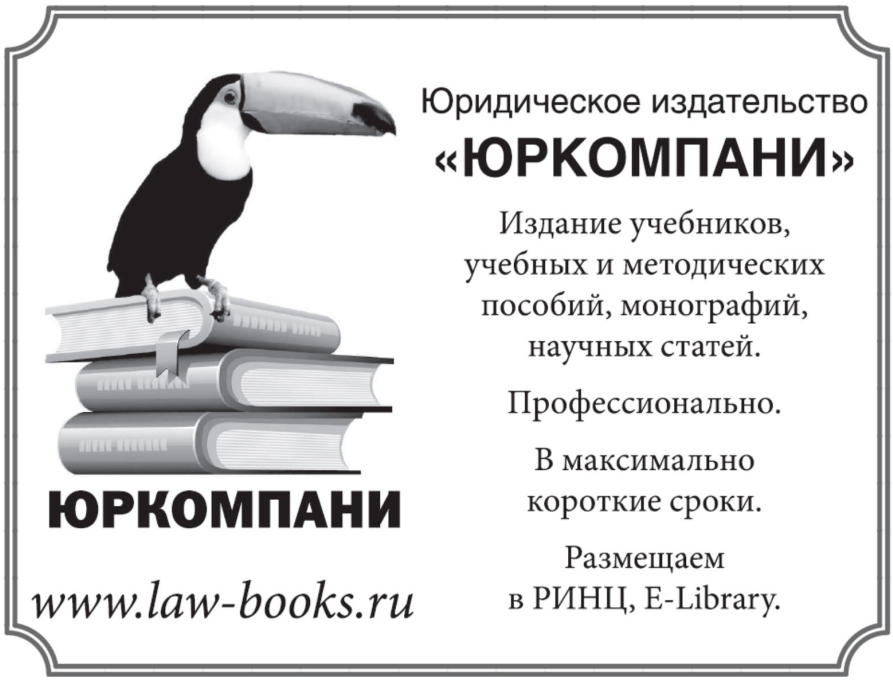
[1] Zanina, T.M. On some aspects of organizing the activities of the traffic police of the Ministry of Internal Affairs of Russia/T.M. Zanina// Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2018. – № 3. - S. 140-146.

[2] Isaev, M.M. Individual elements of prevention of violations related to driving while intoxicated, taking into account the conditions for their commission/M.M. Isaev, P.V. Lyakhov//Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 5. - S. 210-217. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-5-210-217.

[3] Kalyuzhny, Yu.N. Some aspects of the judicial practice of bringing persons to administrative responsibility for driving while intoxicated/Yu.N. Kalyuzhny//Court administrator. – 2026. – № 2. - S. 48-52. – DOI 10.18572/2072-3636-2026-2-48-52.

[4] Kalyuzhny, Yu.N. Repetition as a qualifying feature of administrative torts in the field of road traffic/ Yu.N. Kalyuzhny//Police and investigative activities. – 2019. – № 2. - S. 55-62. – DOI 10.25136/2409-7810.2019.2.29092.

[5] Trofimov, V.E. Problematic issues of detecting a crime under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, traffic police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia/V.E. Trofimov//Management of road safety activities: condition, problems, ways to improve. – 2019. – № 1 (2). - S. 440-446.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-379-385

ЛАХИН Даниил Николаевич,

доцент кафедры «Гражданское право и процесс» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (г. Севастополь, Россия),

e-mail: dnlakhin@mail.sevsu.ru

ШЕВЧЕНКО Виктория Игоревна,

кандидат технических наук, доцент кафедры «Прикладная математика и информатика» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (г. Севастополь, Россия),

e-mail: vishevchenko@sevsu.ru

ЩЕРБАНЮК Татьяна Игоревна,

ассистент кафедры «Конституционное и административное право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (г. Севастополь, Россия),

e-mail: shcherbanyuk@mail.sevsu.ru

БАШТОВОЙ Сергей Вячеславович,

ассистент кафедры «Гражданское право и процесс» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (г. Севастополь, Россия),

e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

КРИТЕРИЙ ТВОРЧЕСКОГО ВКЛАДА КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ АВТОРСТВА НА КОНТЕНТ, СОЗДАННЫЙ НЕЙРОСЕТЬЮ

Аннотация. *В последние годы все чаще возникают споры о том, можно ли считать человека автором произведения, если оно создано с помощью нейросети. В статье анализируется, какие именно действия пользователя дают основание для признания за ним авторских прав. Рассматриваются нормы Гражданского кодекса РФ, позиции судов и точки зрения исследователей, работающих в этой области. Основное внимание уделяется разграничению ситуаций, когда человек лишь нажимает кнопку «сгенерировать», и случаев, когда он действительно вкладывает творческий труд в создание конечного результата. Предлагаются практические ориентиры для оценки такого вклада, включая характер запросов, степень переработки материала и уникальность полученного продукта. В заключении делается вывод о том, что действующее законодательство в целом позволяет решить проблему, но нуждается в уточнении критериев для правоприменителей.*

Ключевые слова: *авторское право, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, творческий вклад, критерий оригинальности, нейросети.*

LAKHIN Daniil,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Sevastopol State University

SHEVCHENKO Victoria,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Mathematics and Computer Science Sevastopol State University

SHCHERBANYUK Tatiana,

assistant of the Department of Constitutional and Administrative Law, Sevastopol State University, (Sevastopol, Russia)

BASHTOVOY Sergey,

assistant of the Department of Civil Law and Process, Sevastopol State University, (Sevastopol, Russia)

THE CRITERION OF CREATIVE CONTRIBUTION AS A BASIS FOR RECOGNIZING AUTHORSHIP OF CONTENT CREATED BY A NEURAL NETWORK

Annotation. *In recent years, there has been an increasing debate about whether a person can be considered the author of a work if it is created using a neural network. The article analyzes exactly which user actions provide the basis for recognizing copyright. The norms of the Civil Code of the Russian Federation, the positions of the courts and the points of view of researchers working in this field are considered. The main focus is on distinguishing between situations where a person only clicks the "generate" button and cases where they really put creative work into creating the final result. Practical guidelines are offered for evaluating such contributions, including the nature of requests, the degree of processing of the material, and the uniqueness of the resulting product. In conclusion, it is concluded that the current legislation as a whole makes it possible to solve the problem, but it needs to clarify the criteria for law enforcement officers.*

Key words: *copyright, intellectual property, artificial intelligence, creative contribution, criterion of originality, neural networks.*

Цифровая трансформация творческих индустрий и академической среды поставила перед юридической наукой принципиально новые вопросы, связанные с определением субъекта авторского права на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта. Современные генеративные нейронные сети, такие как языковые модели семейства GPT и системы синтеза изображений, демонстрируют способность продуцировать контент, практически неотличимый от созданного человеком [5, 8]. Данное обстоятельство порождает сложную правовую проблему: может ли результат работы алгоритма признаваться объектом авторского права и, если да, при каких условиях и за кем следует признавать авторство.

В Российской Федерации формирование правовой политики в сфере искусственного интеллекта осуществляется на основе стратегических документов, среди которых ключевое значение имеет Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [2]. Данный документ определяет основные направления и принципы развития технологий искусственного интеллекта, однако вопросы авторско-правовой охраны результатов, создаваемых с использованием таких технологий, требуют самостоятельного осмысления в рамках гражданского законодательства [13]. Традиционное авторское право исходит из презумпции, что объектом охраны являются произведения науки, литературы и искусства, представляющие собой результат творческой деятельности человека. Данный подход закреплен как в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, так и в национальных законодательствах, включая Гражданский кодекс Российской Федерации [1]. Ключевым критерием охраноспособности выступает именно творческий характер деятельности, понимаемый как создание нового, оригинального результата интеллектуальным трудом физического лица [10, 11]. Однако в условиях, когда значительная часть творческого процесса может быть делегирована алгоритму, а роль человека сводится к формулированию запроса и последующей обработке результатов, возникает необходимость переосмысления традиционных подходов. Цель настоящего исследования состоит в выявлении и обосновании критериев, позволяющих квалифицировать вклад пользователя нейронной сети как творческий, достаточный для признания его автором созданного произведения.

Доктрина авторского права традиционно исходит из того, что творческая деятельность человека является необходимым условием для возникновения правовой охраны произведения. Как справедливо отмечается в литературе, именно творческий вклад отличает объекты авторского права от результатов чисто технической или механической работы [9]. При этом законодательство не раскрывает понятия творчества, оставляя его интерпретацию доктрине и судебной практике. Нормативную основу регулирования авторских прав в Российской Федерации составляет часть четвертая Гражданского кодекса РФ. Согласно статье 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной

деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. При этом лица, оказавшие автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие либо способствовавшие оформлению прав, не признаются соавторами [1]. Данное положение имеет принципиальное значение для рассматриваемой проблематики, поскольку нейронная сеть, будучи программой для ЭВМ, не может рассматриваться как субъект, способный к творческому труду в юридическом смысле [11].

Статья 1257 ГК РФ конкретизирует данный подход применительно к произведениям науки, литературы и искусства: автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, считается его автором, если не доказано иное [1]. Таким образом, действующее законодательство устанавливает неопровержимую презумпцию: субъектом авторского права может выступать только человек. Перечень охраняемых объектов авторских прав закреплен в статье 1259 ГК РФ, которая относит к ним литературные, драматические, музыкальные, аудиовизуальные произведения, произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна и другие объекты. Важным критерием выступает их выражение в объективной форме [1]. При этом, как отмечается в научной литературе, отсутствие указания на творческий характер непосредственно в статье 1259 не отменяет общего требования, вытекающего из системного толкования статей 1228 и 1257 ГК РФ. В российской цивилистике сложилось понимание творческой деятельности как интеллектуальной работы, в результате которой создается нечто качественно новое, отличающееся оригинальностью, уникальностью и неповторимостью [10]. Европейская судебная практика выработала критерий «собственного интеллектуального творения», который предполагает, что произведение должно отражать личность автора и его свободный творческий выбор.

Принципиальное значение для рассматриваемой проблематики имеет вопрос о том, может ли искусственный интеллект рассматриваться как творец в юридическом смысле. Анализ современных исследований показывает, что, несмотря на способность нейронных сетей генерировать сложные и эстетически привлекательные объекты, имманентным свойством алгоритмов остается отсутствие творческого намерения, субъективного замысла и личностного начала. Нейронная сеть функционирует на основе статистической обработки массивов данных, не обладая способностью к целеполаганию и рефлексии. В связи с этим в юридической науке доминирует позиция, согласно которой субъектом авторского права может выступать только человек, а искусственный интеллект следует рассматривать исключительно как инструмент, средство достижения творческой цели [11, 12]. Важным источником толкования выступает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», которое разъясняет, что результаты, созданные техническими средствами без творческого вклада человека, не охраняются авторским правом [3]. Однако, как справедливо отмечают эксперты, данный документ не предлагает конкретных критериев оценки творческого вклада, оставляя этот вопрос на усмотрение судов. Признание за пользователем статуса автора произведения, созданного с помощью нейронной сети, должно быть обусловлено характером и степенью его вовлеченности в творческий процесс. В современной литературе предпринимаются попытки систематизации действий пользователя, которые могут быть квалифицированы как творческий вклад [7, 9].

Представляется возможным выделить несколько уровней взаимодействия человека с генеративной нейронной сетью. Первый, минимальный уровень предполагает использование простых, шаблонных запросов, не требующих от пользователя специальных знаний, творческого воображения или предварительной проработки концепции. В таких случаях роль человека сводится к инициированию процесса генерации, а полученный результат является преимущественно следствием работы алгоритма, а не интеллектуальной деятельности пользователя. С позиций действующего законодательства такой результат не может быть признан объектом авторского права, поскольку отсутствует творческий вклад человека [3, 13].

Второй уровень характеризуется более сложным взаимодействием: пользователь формулирует детализированные запросы, включающие описание желаемой стилистики, композиции, настроения, использует уточняющие вопросы и итеративно корректирует получаемые результаты. В данной ситуации можно говорить о наличии у пользователя определенного творческого замысла, который он стремится реализовать с помощью алгоритма. При этом, как отмечается в литературе, возникает необходимость оценки того, насколько действия пользователя соответствуют критерию творческой деятельности, закрепленному в статьях 1228 и

1257 ГК РФ [9].

Третий, наиболее высокий уровень вовлеченности предполагает не только сложную многоступенчатую работу по формулированию запросов, но и последующую творческую переработку сгенерированного материала: отбор наиболее удачных фрагментов, их комбинирование, редактирование, доработку и придание окончательной формы, соответствующей авторскому замыслу. Именно такой комплекс действий может свидетельствовать о наличии у пользователя творческого вклада, достаточного для признания его автором [7].

В контексте служебных произведений статья 1295 ГК РФ устанавливает, что авторские права на произведение, созданное в пределах установленных для работника трудовых обязанностей, принадлежат автору, однако исключительное право переходит к работодателю, если договором не предусмотрено иное [1]. Применительно к использованию нейронных сетей в рамках трудовых отношений возникает дополнительный вопрос: если работник создает произведение с помощью искусственного интеллекта, должен ли его вклад оцениваться как творческий, и распространяется ли на такой результат режим служебного произведения? Однозначного ответа ни законодательство, ни судебная практика пока не дают. Для целей правоприменения необходима выработка объективных критериев, позволяющих отграничить случаи, когда пользователь выступает подлинным автором, от ситуаций, где его роль является технической и не порождает авторско-правовой охраны. Анализ доктринальных источников и формирующейся экспертной практики позволяет предложить следующие критерии с учетом положений действующего законодательства [6, 9].

Первым и наиболее значимым критерием выступает оригинальность исходного замысла и его концептуальная проработка. Творческий характер деятельности предполагает наличие у лица определенной идеи, художественного или научного образа, который оно стремится воплотить. Если пользователь обращается к нейронной сети с задачей, сформулированной в общих чертах («напиши стихотворение», «создай изображение кота»), не имея предварительного представления о желаемом результате, его вклад вряд ли может быть признан творческим в смысле статьи 1228 ГК РФ. Напротив, детальная проработка концепции, включающая выбор жанра, стиля, настроения, композиционных решений, свидетельствует о наличии интеллектуальной деятельности.

Второй критерий связан со сложностью и содержательностью формулируемых запросов. При оценке вклада пользователя целесообразно проводить аналогию с деятельностью фотографа. Подобно тому, как фотограф не просто нажимает кнопку спуска, но выбирает ракурс, освещение, момент съемки, творческий пользователь нейронной сети разрабатывает систему запросов, экспериментирует с параметрами, добиваясь соответствия результатов своему замыслу. Сложный, многосоставной запрос, отражающий индивидуальное видение автора, может рассматриваться как элемент творческого вклада. Однако важно учитывать, что сам по себе запрос, как правило, не признается объектом авторского права, поскольку является скорее техническим указанием, чем самостоятельным произведением.

Третий критерий предполагает анализ характера последующей обработки полученных результатов. Само по себе получение сгенерированного нейронной сетью материала не создает основания для признания авторства. Однако если пользователь осуществляет отбор, редактирование, комбинирование, доработку контента, внося в него свои творческие решения, такая деятельность может быть квалифицирована как создание производного или составного произведения [6, 8]. В соответствии со статьей 1260 ГК РФ, составитель сборника или автор производного произведения осуществляет авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания таких объектов [1].

Ещё один важный момент - насколько вообще уникальным получается результат. Если несколько человек введут примерно одинаковые запросы и нейросеть выдаст им похожие или даже практически идентичные картинки или тексты, это прямо указывает на то, что авторского вклада здесь почти не было. Совсем другое дело, когда произведение получается настолько уникальным, что повторить его без тех же самых действий просто невозможно. Вот это как раз и говорит о том, что человек действительно приложил руку к созданию результата. Для практики этот критерий важен ещё и потому, что от него напрямую зависит возможность защитить свои права в суде. Статья 1301 ГК РФ даёт право требовать компенсацию за нарушение исключительных прав — сумма может доходить до пяти миллионов рублей. Но чтобы этим правом воспользоваться, нужно сначала доказать, что у тебя вообще есть исключительные права на этот объект. А для этого, в свою очередь, надо подтвердить, что твой творческий вклад был реальным, а не формальным. Получается замкнутый круг: без доказательств творчества нет правовой охраны, а без охраны нечего защищать. В связи с этим в научной литературе активно обсуждается

вопрос о возможности признания искусственного интеллекта соавтором создаваемых произведений с учетом гибридной природы многих современных творческих проектов, где вклад алгоритма является существенным и не сводится к простому инструментальному использованию, что порождает концепции расширенного, сетевого или распределенного авторства [5, 8].

Однако анализ действующего законодательства свидетельствует о невозможности реализации такого подхода в рамках существующей правовой системы. Статья 1228 ГК РФ прямо указывает, что автором может быть только гражданин [1]. Нейронная сеть не обладает гражданской правосубъектностью, не может иметь права и нести обязанности, следовательно, не может признаваться субъектом авторского права ни самостоятельно, ни в соавторстве с человеком [12]. С юридической точки зрения, основным препятствием для признания соавторства является отсутствие у искусственного интеллекта правосубъектности. Авторское право неразрывно связано с личностью творца, его способностью иметь права и нести обязанности. Признание алгоритма соавтором потребовало бы коренной ломки основополагающих принципов гражданского права либо создания фикции, наделяющей искусственный интеллект элементами правосубъектности, что представляется преждевременным и теоретически необоснованным [11, 13].

Более перспективным видится подход, при котором результат взаимодействия человека и нейронной сети рассматривается как произведение, созданное человеком с использованием технического средства. При этом степень творческого вклада человека подлежит оценке по вышеуказанным критериям, а отсутствие такового влечет отказ в предоставлении авторско-правовой охраны.

Формирование единообразной судебной практики по вопросам авторства на контент, созданный нейронными сетями, находится на начальном этапе. В 2024 году Арбитражный суд города Москвы рассмотрел дело № А40-200471/2023 о синтезированном изображении с лицом знаменитого актера, постановив, что видеоролик, созданный с помощью нейронных сетей, является объектом авторского права [14]. Судебные инстанции особо отметили, что сценарий, видеосъемка и аудиосопровождение ролика были созданы группой авторов (сценаристов, операторов, режиссеров), а из исходного видеоряда был использован только визуальный образ актера. Данный прецедент важен, поскольку суд признал охраноспособность контента, созданного искусственным интеллектом, однако вопрос о конкретном критерии творческого вклада в этом деле детально не анализировался. В последнее время много говорят о том, что в Госдуме собираются обсуждать поправки в статью 1259 Гражданского кодекса. Если их примут, авторские права на произведения, созданные с помощью нейросетей, впервые будут закреплены законодательно. Понятно, почему возникла такая инициатива: сфера искусственного интеллекта развивается стремительно, и людей, которые используют эти технологии в своей работе, становится всё больше. Их права тоже нужно как-то защищать. Проблема определения авторства на контент, созданный с использованием нейронных сетей, не имеет простого решения, однако анализ действующего законодательства и формирующихся доктринальных подходов позволяет сделать ряд выводов.

Основополагающим критерием охраноспособности остается творческий вклад человека, понимаемый как интеллектуальная деятельность, результатом которой является оригинальное произведение, отражающее личность автора. Данный подход закреплен в статьях 1228, 1257, 1259 Гражданского кодекса РФ и разъяснениях высших судебных инстанций [1, 3]. Искусственный интеллект, сколь бы сложными ни были его алгоритмы, не обладает качествами, необходимыми для признания его субъектом авторского права [11, 12].

Для оценки наличия творческого вклада пользователя нейронной сети необходимо учитывать совокупность факторов: оригинальность исходного замысла, сложность и детализацию запросов, характер последующей обработки результатов, уникальность и воспроизводимость произведения [6, 9]. Выработка единообразных критериев такой оценки является важной задачей правовой науки и практики. Готовящиеся изменения гражданского законодательства, направленные на закрепление авторских прав на произведения, созданные с участием нейронных сетей, следует оценивать положительно. Однако при их реализации важно сохранить баланс между защитой интересов авторов, использующих новые технологии, и недопущением размывания фундаментальных принципов авторского права, основанных на признании приоритета творческого вклада человека.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в

Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

[4] Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Semiotic Studies. 2025. Т. 5. № 2. С. 122-133.

[5] Худайбердина Г.А., Нурахметова Г.Г. Критерии определения авторства на объекты, созданные искусственным интеллектом // Eurasian Scientific Journal of Law. 2025. № 4(13). С. 154-165.

[6] Курова Н.Н., Филимошина Е.А. Анализ теорий определения авторства результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 101-103.

[7] Маринина Е.И. Правовой режим произведения, сгенерированного нейросетью // Law Afterknown: право за гранью обыденного: материалы II Международного молодежного юридического форума. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 237-243.

[8] Марданов Н.Р. Вклад пользователя как потенциального автора произведений, созданных нейросетью // Копирайт. 2023. № 4. С. 136-145.

[9] Сесицкий Е.П. Кому принадлежат права на результаты, генерируемые системами искусственного интеллекта? // Копирайт. 2018. № 4. С. 38-47.

[10] Мохат П.М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: научная монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 121 с.

[11] Гурко А.В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7-18.

[12] Борисова Л.В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 100-113.

[13] Плешаков Е.А., Просвирнин М.И. Проблема авторства произведения, созданного нейросетью // Образование и право. 2023. № 7. С. 408-411.

[14] Материалы судебной практики

[15] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.05.2024 по делу № А40-200471/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (part 1). Art. 5496.

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030”)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.

[4] Maslenkova N.A., Nikitina A.S. Artificial intelligence as a co-author? Rethinking authorship in the context of human interaction with AI//Semiotic Studies. 2025. VOL. 5. № 2. S. 122-133.

[5] Khudaiberdina GA, Nurakhmetova GG. Criteria for determining authorship of objects created by artificial intelligence//Eurasian Scientific Journal of Law. 2025. № 4(13). S. 154-165.

[6] Kurova N.N., Filimoshina E.A. Analysis of theories of determining the authorship of the results of intellectual activity created using artificial intelligence// Law in the era of artificial intelligence: promising challenges and modern tasks: a collection of scientific articles. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. S. 101-103.

[7] Marinina E.I. The legal regime of the work generated by the neural network//Law Afterknown: the right beyond the ordinary: materials of the II International Youth Legal Forum. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2023. S. 237-243.

[8] Mardanov N.R. Contribution of the user as a potential author of works created by the neural network//Copyright. 2023. № 4. S. 136-145.

[9] Sesitsky E.P. Who owns the rights to the results generated by artificial intelligence systems ?// Copyright. 2018. № 4. S. 38-47.

[10] Morhat PM Intellectual Property Law and Artificial Intelligence: A Scientific Monograph. M.: UNITY-DANA, 2018. 121 pp.

[11] A.V. Gurko. Artificial Intelligence and Copyright: A Look into the Future//Intellectual Property. Copyright and related rights. 2017. № 12. S. 7-18.

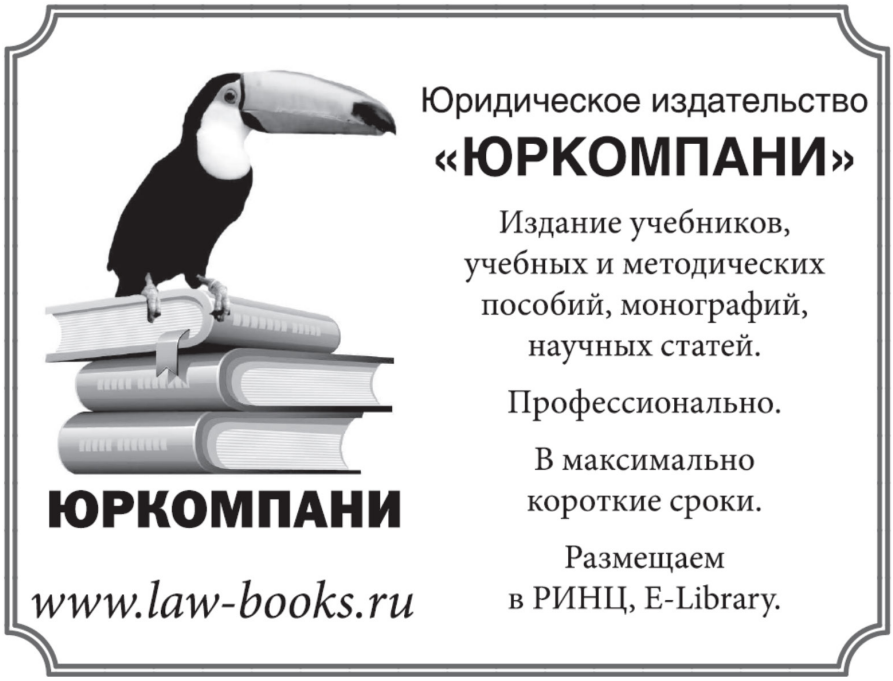
[12] Borisova L.V. On the concept of artificial intelligence and the legal regime of works created by him without creative human participation//Actual problems of Russian law. 2024. VOL. 19. № 8. S.

100-113.

[13] Pleshakov E.A., Prosvirnin M.I. The problem of authorship of a work created by a neural network//Education and law. 2023. № 7. S. 408-411.

[14] Jurisprudence

[15] Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 15.05.2024 in case No. A40-200471/2023//Access from SPS «ConsultantPlus.»

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-386-391

ЭМЕРОВ Максим Юрьевич,

аспирант кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

БАЛАШОВА Татьяна Николаевна,

доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста), Институт магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации, Москва, Россия,

e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА КАК ОСНОВАНИЯ ОТМЕНЫ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Аннотация. *В настоящей статье на основе сравнительного анализа подходов Германии, Франции и Индии исследуются рестриктивная и экспансионистская модели толкования публичного порядка как основания для отмены решений третейских судов. Немецкий подход признаётся классическим примером рестриктивной модели с узким толкованием нарушений и запретом на пересмотр по существу. Французская модель демонстрирует дифференциацию между внутренним (широким) и международным (узким) публичным порядком, что повышает привлекательность юрисдикции. Индийский подход — гибридный, сочетающий законодательно закреплённый рестрикционизм с элементами экспансионизма через судебное толкование. На основе изученного опыта предложены нововведения для российского законодательства: легальное определение публичного порядка с открытым перечнем нарушений и утверждение специализированного обзора судебной практики.*

Ключевые слова: *публичный порядок, третейский суд, отмена решения, Нью-Йоркская конвенция, рестриктивная модель, экспансионистская модель, внутренний/международный публичный порядок, Франция, Германия, Индия.*

EMEROV Maxim Yuryevich,

graduate student of the Department of Civil Procedure, Public Law Activities and Organization of the Bailiff Service
Academic Supervisor:

BALASHOVA Tatyana Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor, All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice), Institute of Magistracy and Training highly qualified, Moscow, Russia

THE CONCEPT OF PUBLIC ORDER AS A GROUND FOR ANNULMENT OF AN ARBITRATION COURT DECISION IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *Based on a comparative analysis of the approaches of Germany, France, and India, this article explores restrictive and expansionist models of interpreting public policy as grounds for revoking arbitral awards. The German approach is recognized as a classic example of a restrictive*

model with a narrow interpretation of violations and a prohibition on substantive revision. The French model demonstrates the differentiation between domestic (broad) and international (narrow) public order, which increases the attractiveness of jurisdiction. The Indian approach is a hybrid one that combines legally enforced restrictionism with elements of expansionism through judicial interpretation. Based on the experience studied, innovations for Russian legislation are proposed.: the legal definition of public order with an open list of violations and the approval of a specialized review of judicial practice.

Key words: *public order, arbitration court, annulment of a decision, New York Convention, restrictive model, expansionist model, domestic/international public order, France, Germany, India.*

Институт публичного порядка является наиболее дискуссионным и сложным в коммерческом арбитраже. Согласно статье V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, публичный порядок является самостоятельным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (а также, в национальных правопорядках, для их отмены) [1]. Как отмечает Келли Весселова, несмотря на длительное существование данной категории и практику ее применения в целях отмены или изменения решения третейских судов, «публичный порядок остается субъективным и неединообразным в таких аспектах, как порог применения и сфера охвата [2]». Отсутствие единообразия, в частности, выражается в том, что существуют две модели толкования публичного порядка:

1) рестриктивный (ограничительный) подход, согласно которому сужается понятие публичного порядка для обеспечения предсказуемости и который применяется в наиболее развитых арбитражных юрисдикциях;

2) экспансионистский (расширительный) подход, согласно которому используется широкое понимание публичного порядка, что зачастую приводит к необоснованному отказу в исполнении решений третейских судов [3].

Рассмотрение подходов к публичному порядку стоит начать с Германии, которая является классическим примером рестриктивной модели. Согласно § 1059 (2) № 2b Кодекса гражданского судопроизводства Германии, государственный суд может отменить решение третейского суда, если признание или приведение в исполнение такого решения приводит к результатам, противоречащим публичному порядку [4]. Как отмечается в руководстве по арбитражному разбирательству Германии, суды ФРГ склонны толковать основания для отмены в ограничительном порядке [5]. В частности, не каждое нарушение обязательных норм считается нарушением публичного (государственного) порядка. Порядок нарушается в том случае, если исполнение решения третейского суда приведет к результату, который очевидно несовместим с основополагающими принципами германского правопорядка. Суды также уточняют, что понимается под «явной несовместимостью»:

1) Нарушение должно затрагивать правила, имеющие основополагающее значение для публичной или экономической жизни Германии;

2) Нарушение должно противоречить самым фундаментальным представлениям о правосудии в Германии;

3) Простое неправильное применение или толкование закона, приведшее к ошибочному решению по существу дела, не является нарушением публичного порядка. Например, суды в Германии постановили, что нормы о сроках исковой давности и обоюдной вине не затрагивают вопросы публичного порядка [6].

Указанный рестриктивный подход находит отражение и в судебной практике. Так, Высший окружной суд Баварии в решении от 7 мая 2025 г. по делу 101 Sch 25/23e подтвердил ограничительный подход немецких судов к нарушениям публичного порядка и указал, что отказ третейского суда в проведении устного слушания не является безусловным нарушением публичного порядка, если стороны имели адекватную возможность представить свою позицию по существу дела. В то же время стоит отметить, что публичный порядок Европейского Союза признается составной частью публичного порядка ФРГ. Следовательно, суд будет также проверять, не нарушаются ли фундаментальные принципы ЕС. Так, Высший окружной суд Франкфурта постановил, что решение российского арбитража, касающееся основного договора и обязательства по возврату средств, запрещенного санкциями ЕС, не подлежит исполнению на основании того, что его исполнение нарушило бы международную публичную политику Германии, которая неразрывно связана с политикой Европейского Союза и его ценностями (фундаментальными принципами). Суд указал, что в соответствии с некоторыми санкциями ЕС даже возврат авансовых платежей по контракту, подпадающему под санкции,

является запрещенным действием, поскольку это равносильно косвенному финансовому переводу в пользу российской организации [7].

Особенностью ограничительного подхода является и то, что он следует принципу «révision au fond» – запрету на пересмотр арбитражного решения по существу. Для выявления противоречий публичному порядку суды в Германии могут осуществлять полную проверку решения третейского суда, но это не отменяет рестриктивного характера самого понятия публичного порядка. Полная проверка применяется для того, чтобы убедиться в наличии или отсутствии факта противоречия порядку, но сам факт нарушения должен быть исключительным и фундаментальным. Таким образом, немецкий подход к публичному порядку представляет собой классический пример рестриктивной модели, которая реализуется как на уровне закона, так и в судебной практике. Примером экспансионистского подхода (однако, лишь в части внутреннего публичного порядка) является Франция. Как указывают Паскаль Де Варей-Соммье и И.В. Гетьман-Павлова, в Республике публичный порядок разделяется на два вида: внутренний (применяемый к решениям внутренних третейских судов) и международный (применяемый к международным арбитражным решениям) [8]. Это сознательный выбор французского законодателя и судов, направленный на увеличение привлекательности Франции как места проведения международного третейского разбирательства.

В статье 1492 Гражданского процессуального Кодекса Франции указывается, что решение третейского суда может быть отменено по мотиву противоречия публичному порядку (внутреннему). Внутренний публичный порядок охватывает все императивные предписания французского права и включает в себя конституционные принципы, нормы гражданского, торгового, трудового права, а также основы нравственности и т.д. Противоречие публичному порядку может выражаться в следующем:

1) Противоречие процессуальному публичному порядку, которое подразумевает под собой нарушение ключевых принципов судебного разбирательства: равенство сторон, соблюдение состязательности, право каждой стороны быть выслушанной, справедливое разбирательство беспристрастным судом.

В одном из недавних дел кассационный суд Франции признал нарушением публичного порядка немотивированный отказ третейского суда в удовлетворении ходатайств о запросе документов одной из сторон спора. Как указал государственный суд, отказ лишает сторону возможности представить доказательства в обоснование своей позиции, что нарушает принцип равенства сторон и право на справедливое разбирательство, следовательно, противоречит публичному порядку [9].

2) Противоречие материальному публичному порядку может заключаться в нарушении норм корпоративного права (правила создания и деятельности компаний), кредитного права (защита прав заемщиков и кредиторов), процедуры банкротства, договорного права (запрет на злоупотребление правом, защита слабой стороны).

Так, например, если арбитр выносит решение, которое основано на несправедливом договорном условии, создающем существенный дисбаланс в правах и обязанностях сторон, то такое решение может быть отменено, поскольку защита от несправедливых условий — это неотъемлемая часть внутреннего публичного порядка [10]. Однако, стоит отметить, что, если такой же спор будет рассматриваться в международном арбитраже, то указанное нарушение не будет считаться нарушением публичного порядка (международного). Для международных отношений французские суды применяют более узкие критерии. Стоит также отметить, что по общему правилу решение внутреннего третейского суда во Франции можно обжаловать в апелляционном порядке (если стороны в арбитражном соглашении прямо не исключили такую возможность), что уже подрывает независимость арбитража в плане вынесения окончательных решений и расширяет возможность судебного контроля над третейскими судами. Если государственный суд отменяет решение, то он обязан разрешить спор по существу (вынести собственное постановление по вопросам, которые стояли перед арбитрами). В этом также заключается экспансионистский подход, предполагающий, что публичный порядок имеет выражение и в деятельности самих судов, их широкой юрисдикции. Международный публичный порядок представляет собой совокупность принципов и ценностей, которые французский правопорядок не может не признавать даже в международных делах. Как отмечает Бруцкий А.В., решение третейского суда может быть отменено при признании его противоречащим публичному порядку ввиду наличия материальных или процессуальных нарушений, если:

1) существенным образом нарушены фундаментальные процессуальные права одной из сторон;

2) такое нарушение существенно повлияло или могло повлиять на исход разбирательства

[11].

Как и нарушения внутреннего публичного правопорядка, нарушения международного порядка также подразделяются на два вида:

1) процессуальные, которые являются гарантиями, обеспечивающими справедливость разбирательства (указанные ранее равенство сторон, состязательность и т.д.)

2) материальные – фундаментальные ценности, защищаемые французским правопорядком и включающие в себя: борьбу с коррупцией и отмыванием денежных средств, защиту конкуренции (в соответствии со ст. 101 Договора о функционировании ЕС), защиту основных прав и свобод.

Одним из ярких примеров нарушения международного публичного порядка является дело Sorelec, в рамках которого французская компания Sorelec выиграла спор против Ливии. Представители Ливии утверждали, что мировое соглашение, на котором основано решение, было результатом подкупа ливийских чиновников. Французские государственные суды проверили факты и обстоятельства дела и отменили решение арбитража, признав его нарушающим международный публичный порядок из-за факта коррупции. Данное дело также закрепило максималистский подход в проверке решений третейских судов, согласно которому государственный суд может проводить полноценную проверку фактов, чтобы установить, имело ли место нарушение публичного порядка. Однако даже при таком контроле государственные суды не имеют полномочий на пересмотр решения арбитража по существу. Они могут исследовать факты, но не могут подменять оценку доказательств третейским судом.

Французский подход к публичному порядку в арбитраже представляет пример экспансионистской модели, но с важным уточнением: экспансионизм проявляется только в отношении внутреннего публичного порядка, тогда как для международного публичного порядка французские суды применяют узкое, либеральное толкование.

Третьей страной, которая является интересной для рассмотрения, является Индия, поскольку сочетает в себе два подхода. Эта особенность происходит из эволюции подхода к толкованию публичного порядка: изначально подход был рестриктивный, который через судебное толкование стал эскпансионистским, но впоследствии стал гибридным.

Так, согласно поправкам 2015 года к Закону 1996 года об арбитраже был установлен прямой запрет на пересмотр решения третейских судов по существу, а также сужено понятие публичного порядка. Сужение его понятия привело к тому, что нарушением публичного порядка стали считаться следующие факты (статья 34(2)(b)(ii)):

1) совершение мошенничества или коррупции при вынесении решения или влияние на решение посредством нарушения статьи 75 (конфиденциальность) или статьи 81 (допустимость доказательств);

2) противоречие с основополагающими принципами индийского законодательства (нарушение базовых процессуальных гарантий, неразрешение вопроса, имеющего основополагающее значение для дела, нерациональность решения, то есть такое решение, которое не может быть принято ни одним разумным лицом);

3) противоречие самым элементарным понятиям морали или справедливости [12].

Также еще одним основанием является «патентная незаконность», которая применяется только для отмены решений внутреннего арбитража. Его сущность заключается в следующем: решение третейского суда противоречит существенным положениям закона либо противоречит условиям договора, либо противоречит положениям Закона об арбитраже. Именно понятие о справедливости является, как отмечается в научной литературе, возможностью применять экспансионистский подход в толковании публичного порядка. Так, Верховный суд Индии в деле Lancor Holdings Ltd. v. Prem Kumar Menon указал следующее: решение третейского суда, вынесенное после необоснованной и чрезмерной задержки, может быть признано противоречащим публичному порядку. В указанном деле арбитр зарезервировал решение в июле 2012 года, а вынес его лишь в марте 2016 года (почти через четыре года) без каких-либо объяснений. Верховный Суд указал, что хотя сама по себе задержка не является самостоятельным основанием для отмены, она может свидетельствовать о нарушении фундаментальных принципов справедливости, поскольку неисполнимое решение третейского суда, которое не разрешает спор между сторонами, не оставляет им иного выбора, кроме как инициировать новый раунд арбитража или судебного разбирательства [13].

При этом Верховный суд в деле Sri Lakshmi Hotel Pvt. Ltd. v. Sriram City Union Finance Ltd. (2025) установил следующее:

1) Высокая процентная ставка (24 % годовых) не является нарушением публичного порядка;

2) Нарушение публичного порядка требует нарушения фундаментального принципа права, а не просто нарушения статутных положений или

несправедливость;

3) Суды не могут переоценивать доказательства.

Стоит также отметить, что стороны могут подать в государственный суд заявление об оспаривании решения третейского суда. По сути Закона об арбитраже государственный суд не выступает в роли апелляционной инстанции и не пересматривает дело по существу. Однако, Конституционная коллегия Верховного Суда Индии в 2025 году постановила, что суды юридически уполномочены в соответствии со статьей 34 Закона об арбитраже 1996 года изменять арбитражные решения по ограниченным основаниям. Так, изменения, вносимые судом, были разрешены для отделения недействительной части арбитражного решения от его действительной части или для устранения очевидных типографских, вычислительных, канцелярских ошибок в арбитражном решении, или если необходимо было изменить процентную ставку после присуждения решения [14]. Таким образом, индийский подход к публичному порядку представляет собой гибридную модель, которая сочетает законодательно закрепленный рестриктивный подход с элементами экспансионизма, реализуемыми через судебное толкование. На основании краткого исследования зарубежных подходов к понимаю публичного порядка можно заключить, что в Арбитражном процессуальном кодексе РФ допустимо закрепление понятия публичного порядка с открытым перечнем конкретных его нарушений. Например, таковыми могут быть признаны 1) нарушение фундаментальных конституционных прав и свобод; 2) посягательство на суверенитет и безопасность государства; 3) мошенничество или коррупция при вынесении решения; 4) нарушение принципов состязательности и равенства сторон, повлекшее существенное ущемление прав стороны. Указанный гибкий подход позволит судам более точно определять конкретные факты нарушения публичного порядка, не выходя за пределы своих полномочий. Также представляется эффективным дать судам четкое понимание того, какие нарушения публичного порядка могут быть. Например, посредством утверждения отдельного обзора практики применения арбитражными судами положений о публичном порядке при оспаривании решений третейских судов и выдаче исполнительных листов. Такой обзор должен содержать четкие критерии отнесения нарушений к публичному порядку, примеры из практики с разбором конкретных случаев и разъяснения о недопустимости переоценки доказательств.

Список литературы:

[1] «Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (дата обращения: 28.06.2026).

[2] Vesselova K. Public Policy Issues in International Commercial Arbitration. A Comparative Analysis Between Ireland, Singapore, India and the United States of America // Griffith College. 2020. // URL: https://go.griffith.ie/items/16bda245-cf05-4928-8eaa-3cd3b45f475a/full (дата обращения: 28.06.2026).

[3] Nam Phan Hoai Public Policy and the Refusal to Enforce Foreign Arbitral Awards: A Comparative Analysis of France, Singapore, and Vietnam // *Indonesian Journal of International Law (2025)*: Vol. 22: № 4, Article 2

[4] Zivilprozessordnung, Германия // WIPO. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23180 (дата обращения: 29.06.2026).

[5] Arbitration Guide Germany (updated December 2023) // Ibanet. URL: https://www.ibanet.org/document?id=Germany-country-guide-arbitration#6#5 (дата обращения: 29.06.2026).

[6] Germany: The level of scrutiny of awards applied by German courts - a reality check // Lexology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=417cc0df-14b4-4ca7-b6af-bc2115cc58f8 (дата обращения: 29.06.2026).

[7] OLG Frankfurt, 12.06.2025 – 26 Sch 12/24 // Nachrichten aus Hessen. URL: https://www.rv.hessenrecht.hessen.de/bshe/document/LARE250000862 (дата обращения: 29.06.2026).

[8] Паскаль Де Варей-Соммье, Гетьман-Павлова И. В. Международный и внутренний публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений (правоприменительный опыт Франции и России) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. №1. // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-i-vnutrenniy-publichnyy-poryadok-pri-priznanii-i-ispolnenii-inostrannyh-arbitrazhnyh-resheniy-pravoprimenitelnyy-opyt (дата обращения: 30.06.2026).

[9] Corte de Casación de Francia, Primera Sala Civil, sentencia del 9 de octubre de 2024 (n°23-13.599), Swiss Re Direct Investments Company LTD c. Jean Kacou Diagou, Manzima Holding SA and Others // Kluwer Law Online. URL: https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Iurgium+[previously+Spain+Arbitration+Review] (дата обращения: 30.06.2026).

[10] Jérémy Jourdan-Marques Chronique d'arbitrage : l'éviction du déséquilibre significatif de l'ordre public international // Arbitrage - Médiation -

Conciliation. 2026 // Dalloz Actualité. URL: https://www.dalloz-actualite.fr/comment/reply/225087 (дата обращения: 30.06.2026).

[11] Бруцкий А.В. Публичный порядок как защитный механизм основополагающих ценностей правопорядка: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук: специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки / Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – Москва, 2026. – 257 с.

[12] Arbitration Act of India 1996 // Aceris Law. International Arbitration Law Firm. URL: https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2024/01/India-Arbitration-Act-1996-26.pdf (дата обращения: 30.06.2026).

[13] Unexplained Delay In Delivering Arbitral Award Can Render It Patently Illegal And Contrary To Public Policy: Supreme Court // The Bar Bulletin | Latest Legal News & Court Updates. URL: https://thebarbulletin.com/supreme-court-arbitral-award-delay-public-policy/ (дата обращения: 30.06.2026).

[14] SC upholds courts' power to modify arbitral awards under limited circumstances // The Hindu Newspaper. URL: https://www.thehindu.com/news/national/sc-upholds-courts-power-to-modify-arbitral-awards-under-limited-circumstances/article69510881.ece (дата обращения: 01.07.2026).

References:

[1] "United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards" (concluded in New York in 1958) // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2692/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfaae5045/ (date of access: 28.06.2026).

[2] Vesselova K. Public Policy Issues in International Commercial Arbitration. A Comparative Analysis Between Ireland, Singapore, India and the United States of America // Griffith College. 2020. // URL: https://go.griffith.ie/items/16bda245-cf05-4928-8eaa-3cd3b45f475a/full (date of access: 28.06.2026).

[3] Nam Phan Hoai, Public Policy and the Refusal to Enforce Foreign Arbitral Awards: A Comparative Analysis of France, Singapore, and Vietnam // Indonesian Journal of International Law (2025): Vol. 22: No. 4, Article 2

[4] Zivilprozessordnung, Germany // WIPO. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23180 (date of access: 29.06.2026).

[5] Arbitration Guide Germany (updated December 2023) // Ibanet. URL: https://www.ibanet.org/document?id=Germany-country-guide-arbitration#6#5 (accessed: 29.06.2026).

[6] Germany: The level of scrutiny of awards applied by German courts - a reality check // Lexology. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=417cc0df-14b4-4ca7-b6af-bc2115cc58f8 (accessed: 29.06.2026).

[7] OLG Frankfurt, 12.06.2025 – 26 Sch 12/24 // Nachrichten aus Hessen. URL: https://www.rv.hessenrecht.hessen.de/bshe/document/LARE250000862 (accessed on 29.06.2026).

[8] Pascal De Varey-Sommier, Getman-Pavlova I.V. International and Domestic Public Policy in the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Law Enforcement Experience of France and Russia) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2014. No. 1. // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-i-vnutrenniy-publichnyy-poryadok-pri-priznanii-i-ispolnenii-inostrannyh-arbitrazhnyh-resheniy-pravoprimenitelnyy-opyt (accessed on 30.06.2026).

[9] Corte de Casación de Francia, Primera Sala Civil, sentencia del 9 de octubre de 2024 (n°23-13.599), Swiss Re Direct Investments Company LTD c. Jean Kacou Diagou, Manzima Holding SA and Others // Kluwer Law Online. URL: https://kluwerlawonline.com/journalarticle/Iurgium+[previously+Spain+Arbitration+Review]/2025.53/IURG2025032 (access date: 06/30/2026).

[10] Jérémy Jourdan-Marques Chronique d'arbitrage : l'éviction du déséquilibre significatif de l'ordre public international // Arbitrage - Médiation - Conciliation. 2026 // Dalloz Actualité. URL: https://www.dalloz-actualite.fr/comment/reply/225087 (accessed: 30.06.2026).

[11] Brutskiy A.V. Public order as a protective mechanism for the fundamental values of the legal order: dissertation for the degree of candidate of legal sciences: specialty 5.1.3. Private law (civilistic) sciences / Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation". - Moscow, 2026. - 257 p.

[12] Arbitration Act of India 1996 // Aceris Law. International Arbitration Law Firm. URL: https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2024/01/India-Arbitration-Act-1996-26.pdf (accessed 06/30/2026).

[13] Unexplained Delay In Delivering Arbitral Award Can Render It Patently Illegal And Contrary To Public Policy: Supreme Court // The Bar Bulletin | Latest Legal News & Court Updates. URL: https://thebarbulletin.com/supreme-court-arbitral-award-delay-public-policy/ (accessed 06/30/2026).

[14] SC upholds courts' power to modify arbitral awards under limited circumstances // The Hindu Newspaper. URL: https://www.thehindu.com/news/national/sc-upholds-courts-power-to-modify-arbitral-awards-under-limited-circumstances/article69510881.ece (accessed: 01.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-392-399

РУЩИЦКАЯ Ольга Александровна,

доктор экономических наук, профессор, директор института экономики, финансов и менеджмента, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Татьяна Владимировна,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: tatyana.vlad.zyr@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,

доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и экономической теории, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: e.s.kulikova@inbox.ru

САБУРОВА Лада Викторовна,

преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: saburovalad@gmail.com

ФЕТИСОВА Анастасия Викторовна,

Старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ АПК В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретико-методологические основы устойчивого развития агропромышленного комплекса (АПК) с позиций системного подхода. Обосновывается, что традиционные отраслевые методы управления не позволяют учесть многообразие связей между подсистемами АПК, что приводит к несбалансированности экономических, социальных и экологических целей. Предложена авторская системная модель АПК, включающая производственное, ресурсное, институциональное и природное ядра. Выявлены основные системные эффекты (синергия, эмерджентность, мультипликация), влияющие на траекторию устойчивого развития. Разработана система индикаторов для оценки устойчивости АПК на мезоуровне. Показано, что применение системного подхода позволяет выявить критические точки управления и повысить адаптивность АПК к внешним шокам. Результаты могут быть использованы при формировании региональных программ устойчивого развития сельских территорий.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, агропромышленный комплекс (АПК), системный подход, эмерджентность, обратные связи, агроэкосистемы, продовольственная безопасность, социально-экономические индикаторы*.

RUSHCHITSKAYA Olga Alexandrovna,

Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Finance and Management, Ural State Agrarian University

ZYRYANOVA Tatyana Vladimirovna,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics, Accounting and Financial Control, Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,

Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University

SABUROVA Lada Viktorovna,

Lecturer at the Department of Economics, Accounting and Financial Control, Ural State Agrarian University

FETISOVA Anastasia Viktorovna,

Senior Lecturer, Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX IN THE CONTEXT OF A SYSTEMIC APPROACH

Annotation. *This article examines the theoretical and methodological foundations of sustainable development in the agro-industrial complex (AIC) from a systems-based approach. It is argued that traditional sectoral management methods fail to account for the diversity of connections between AIC subsystems, leading to an imbalance between economic, social, and environmental goals. A proprietary systems-based model of the AIC is proposed, encompassing production, resource, institutional, and natural cores. Key systemic effects (synergy, emergence, and multiplication) influencing the trajectory of sustainable development are identified. A system of indicators for assessing the sustainability of the AIC at the meso-level is developed. It is demonstrated that the application of a systems-based approach allows for the identification of critical management points and enhances the AIC's adaptability to external shocks. The results can be used in the development of regional programs for the sustainable development of rural areas.*

Key words: *sustainable development, agro-industrial complex (AIC), systems approach, emergence, feedbacks, agroecosystems, food security, socio-economic indicators.*

Агропромышленный комплекс (АПК) занимает особое место в национальной экономике любой страны, поскольку обеспечивает базовую потребность общества в продовольствии, влияет на занятость населения, особенно в сельской местности, и формирует значительную часть экологической нагрузки на природные ландшафты. В условиях глобальных климатических изменений, санкционного давления, технологической фрагментации и постпандемийных экономических нарушений вопрос об устойчивом развитии АПК приобретает не только отраслевое, но и цивилизационное значение [1, 3].

Традиционные подходы к управлению АПК, сложившиеся в XX веке, ориентировались преимущественно на максимизацию объёмов производства при минимизации текущих издержек. Такой технократический взгляд привёл к существенным диспропорциям: истощению почвенных ресурсов, снижению биоразнообразия, росту социального неравенства между городом и деревней, а также к хронической задолженности части сельхозпроизводителей [5, 7]. Стало очевидно, что отраслевой принцип управления (растениеводство → животноводство → переработка → реализация) не способен охватить сложные обратные связи между экономическими, экологическими и социальными процессами.

Системный подход, активно развивавшийся в биологии, кибернетике и теории организации с середины XX века (Л. фон Берталанфи, У.Р. Эшби, С. Бир), предлагает иную оптику: АПК рассматривается не как сумма технологических цепочек, а как целостная система с множеством прямых и обратных связей, запаздываниями, нелинейностями и эмерджентными свойствами [2, 6]. Применение системного подхода к устойчивому развитию АПК позволяет синтезировать цели трёх измерений – экономической эффективности, социальной справедливости и экологической безопасности – и найти управленческие решения, минимизирующие конфликт между ними.

Цель настоящей статьи – разработать теоретическую конструкцию и практическую модель устойчивого развития АПК на основе системного подхода, а также предложить систему индикаторов для диагностики состояния АПК как сложной социо-эколого-экономической системы.

Системный подход базируется на нескольких фундаментальных принципах, которые трансформируют понимание АПК. Во-первых, это принцип целостности: свойства АПК не сводимы к свойствам его отдельных подсистем (например, к урожайности зерновых). Эмерджентное свойство АПК – способность

гарантировать продовольственную независимость при колебаниях внешней среды – возникает только благодаря взаимодействию полей, ферм, складов, дорог, банков и социальной инфраструктуры [9].

Во-вторых, принцип иерархичности: АПК сам является подсистемой экономики региона и страны, а его компоненты (например, зернопродуктовый подкомплекс) состоят из ещё более мелких элементов (семеноводческие хозяйства, элеваторы, комбикормовые заводы). Любое управленческое воздействие должно учитывать, на каком уровне иерархии оно приложено, и какие отклики возникнут на соседних уровнях.

В-третьих, принцип обратной связи. В АПК действуют как положительные (усиливающие), так и отрицательные (стабилизирующие) обратные связи. Пример положительной обратной связи: рост доходов сельхозпроизводителей → инвестиции в технику → повышение производительности → дальнейший рост доходов. Однако при отсутствии регуляторов такая петля может привести к перепроизводству, падению цен и банкротствам. Отрицательная обратная связь: истощение почвы → снижение урожайности → внесение удобрений → частичное восстановление плодородия, но с ростом затрат.

В-четвёртых, принцип открытости: АПК обменивается с внешней средой веществом (удобрения, топливо, вода), энергией (солнечная радиация, электроэнергия) и информацией (цены, нормативы, технологии). Без учёта этих потоков устойчивое развитие невозможно – закрытая система неизбежно приходит к деградации в соответствии со вторым началом термодинамики (энтропийный аспект) [8].

На основе обобщения отечественных и зарубежных работ (И.Н. Меренкова, В.А. Коптюга, Д. Медоуза) предлагается четырёхкомпонентная модель АПК, где каждый компонент является подсистемой с собственными целями и ресурсами, но все они связаны потоками и регуляторами.

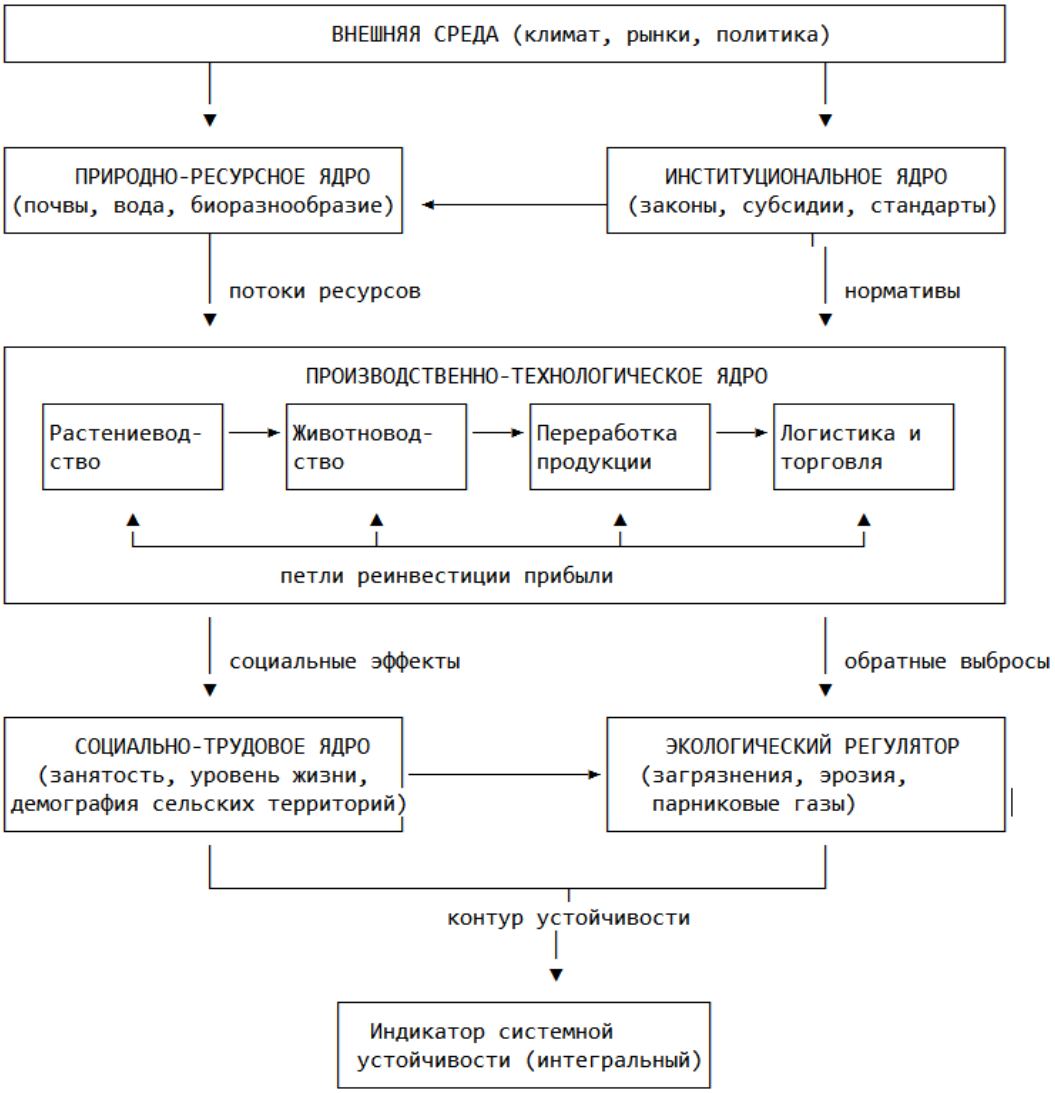

Рисунок 1 – Системная модель АПК с контурами обратных связей

Источник: Составлено автором

Внешняя среда оказывает давление на все ядра. Природно-ресурсное ядро обеспечивает производство биомассой, водой, но также получает экологический ущерб от производственного ядра (сбросы, пестициды, тяжёлые металлы). Институциональное ядро задаёт правила игры (налоги, дотации, квоты на выбросы) и может как способствовать, так и тормозить устойчивое развитие. Социально-трудовое ядро через рынок труда и потребительский спрос влияет на объёмы и структуру производства. Замыкание контура через экологический регулятор и социальную обратную связь формирует интегральную устойчивость системы. При слабой связи между ядрами возникают «разрывы устойчивости», например, производство растёт, но экологический ущерб не компенсируется, или растут доходы, но сокращается сельское население.

Анализ функционирования АПК как системы позволяет выделить три эффекта, имеющих решающее значение для устойчивого развития:

Синергетический эффект – возникает при согласованном взаимодействии подсистем. Например, одновременное внедрение точного земледелия (снижение затрат удобрений), строительство биогазовых установок (переработка отходов животноводства) и организация кооператива по сбыту органических продуктов даёт выигрыш, превышающий сумму эффектов от каждого мероприятия в отдельности [10]. Синергия возможна только при наличии институциональных «сшивающих» механизмов (региональные агропромышленные кластеры, цифровые платформы).

Эффект запаздывания – многие реакции в АПК протекают не мгновенно. Внесение мелиорантов улучшает почву через 2–3 года; инвестиции в сельскую инфраструктуру дают отдачу через 5–7 лет; изменение потребительских привычек – через поколение. Запаздывания часто становятся причиной ошибочных управленческих решений: когда видим проблему (деградацию почв) и начинаем действовать, истинные причины могут лежать в действиях 10-летней давности. Системный подход требует использования прогнозных моделей с учётом запаздываний [11].

Эффект мультипликатора – первоначальный импульс (рост господдержки, внедрение новой технологии) распространяется по связям и многократно усиливается или затухает. Например, увеличение закупочных цен на молоко на 10% может через 2 года привести к росту поголовья коров на 15% (из-за уверенности фермеров), что вызовет дополнительный спрос на комбикорма, ветеринарные услуги и, в итоге, увеличит занятость в смежных отраслях на 8–12% [12]. Однако мультипликатор работает и в обратную сторону: при сокращении субсидий эффект спада может быть нелинейно большим.

Устойчивое развитие АПК, согласно наиболее признанному определению (FAO, 2014), означает способность системы удовлетворять текущие потребности в продовольствии и сырье, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности, сохраняя экономическую жизнеспособность, социальную справедливость и экологическое качество [4].

Системный подход обнаруживает три фундаментальных противоречия, которые отраслевые методы не могут разрешить:

Торговля между экологией и экономикой. Интенсификация сельского хозяйства (больше удобрений, пестицидов, монокультур) даёт быстрый экономический рост, но истощает почву и снижает биоразнообразие. Экстенсивное земледелие сохраняет природу, но не кормит растущее население. Системное решение – не выбор между крайностями, а редизайн потоков: замкнутые агроэкосистемы, где отходы одного производства служат сырьём для другого (принципы циркулярной экономики).

Конфликт краткосрочных и долгосрочных выгод. Фермер, арендующий землю на 3 года, не будет вкладываться в почвозащитные мероприятия, окупаемость которых 7 лет. Аналогично, коммерческий банк кредитует быстрые оборотные средства, а не многолетние агролесомелиорации. Системное решение – создание долгосрочных институтов (земельная собственность с обязательствами по экологическому менеджменту, «зелёные» облигации со сроком 10–15 лет).

Синдром «переложенной ответственности». В цепочке «поле – магазин» каждый участник стремится минимизировать свои издержки за счёт других. Переработчик требует от производителя низкой цены → производитель экономит на удобрениях и страховке → снижается урожайность и качество → растут потери при хранении → конечный продукт дорожает при падении реального качества. Системный разрыв замкнуть может только контрактная система с разделением рисков и общей системой мониторинга [13].

Для практической диагностики АПК необходимо перейти от качественных описаний к количественным индикаторам. Предлагается трехуровневая система показателей, охватывающая все четыре ядра системы (см. схему 1). В отличие от существующих систем (например, индикаторы Целей устойчивого

развития ООН № 2 и 15), предложенная система агрегирует показатели в интегральный индекс с учётом весов, отражающих системную значимость каждой подсистемы. Веса могут определяться экспертным методом (анализ иерархий Т. Саати) для конкретного региона.

Таблица 1 – Системные индикаторы устойчивого развития АПК (региональный уровень)

Подсистема (ядро)	Ключевые индикаторы	Направление устойчивости	Единица измерения	Периодичность оценки
Природно-ресурсное	1. Содержание органического вещества в пахотном слое 2. Коэффициент экологической стабильности агроландшафта 3. Индекс биоразнообразия (Шеннона) для севооборотов	Экологическая	% безразм. безразм.	Ежегодно 5 лет 3 года
Производственно-технологическое	4. Энергетическая эффективность (выход калорий на 1 ГДж затрат) 5. Коэффициент обновления основных фондов 6. Доля перерабатываемых отходов (солома, навоз)	Экономическая + экологическая	отн. ед. % %	Ежегодно Ежегодно Ежегодно
Социально-трудовое	7. Соотношение доходов сельского и городского населения 8. Индекс привлекательности сельской территории (по доступности школ, ФАПов, дорог) 9. Миграционный баланс трудоспособного населения	Социальная	% 0–100 баллов т ыс. чел. / год	Ежегодно 3 года Ежегодно
Институциональное	10. Индекс качества регионального агропродовольственного регулирования (прозрачность субсидий, скорость принятия решений) 11. Доля расходов на НИОКР в АПК от валовой добавленной стоимости 12. Наличие долгосрочных стратегий устойчивости (до 15 лет)	Интегральная (управление)	баллы % бинарный (да/нет)	2 года Ежегодно 5 лет

Интегральный индекс устойчивости (ИУ) рассчитывается по формуле взвешенной суммы нормализованных значений (метод линейного масштабирования). Нормализация осуществляется относительно эталонных значений (лучшие показатели за последние 10 лет либо нормативные пороги, установленные ВОЗ, ФАО). Пороговые уровни: ИУ < 0,4 – зона критической неустойчивости; 0,4–0,7 – зона переходной устойчивости; >0,7 – зона системной устойчивости.

Эмпирическая проверка на данных Ставропольского края (2021–2024 гг.) показала, что ИУ варьирует от 0,52 до 0,58, что соответствует переходной устойчивости с тенденцией к росту за счёт улучшения институционального индекса (создание агротехнопарка) и снижения из-за летних засух 2024 года [14].

Переход от деклараций к действиям требует конкретных механизмов, учитывающих системную природу АПК. На основе проведённого анализа сформулируем несколько рекомендаций.

Создание межотраслевых центров компетенций по системному моделированию. Такие центры (на базе аграрных университетов или цифровых платформ) должны объединять агрономов, экономистов, экологов, социологов и ИТ-специалистов. Их задача – построение цифровых двойников регионального АПК, позволяющих тестировать последствия решений (например, повышение пошлин на удобрения или запуск мелиоративной программы) до их реального применения [2, 15].

Реформа субсидирования с системными коэффициентами. Вместо плоских дотаций на гектар или голову скота следует внедрить бонусные коэффициенты за создание положительных обратных связей. Например, дополнительные 20% субсидии фермеру, который заключает долгосрочный (10 лет) договор на рекультивацию земель с исследовательским институтом и страхует свой урожай через локальный кооператив. Такая система стимулирует не разрозненные действия, а пучок взаимосвязанных улучшений.

Развитие агроэкологического мониторинга с обратным информированием. Данные дистанционного зондирования (спутники, дроны) о состоянии почв и посевов должны в реальном времени поступать не только чиновникам, но и самим производителям в виде рекомендательных карт. Это замыкает петлю обратной связи: фермер видит последствия своей практики и может оперативно корректировать внесение удобрений или полив, снижая негативное воздействие.

Институт контрактов на системную устойчивость. Крупные переработчики и ритейлеры заключают с сельхозпроизводителями долгосрочные контракты (от 5 лет), в которых цена и объём закупки увязаны с соблюдением индикаторов из таблицы 1. Например, premium-надбавка 15% за поддержание гумуса не ниже 3% и использование сидератов. Такие контракты уже тестируются в некоторых странах ЕС (Франция, Нидерланды) и показывают снижение эрозии на 30–40% за 3 года [4].

Образовательные программы по системному мышлению для управленцев АПК. Большинство инвестиционных решений принимается на основе линейных прогнозов. Необходимо включать в программы повышения квалификации глав районов, руководителей сельхозпредприятий курсы по системной динамике, работе с запаздываниями и нелинейностями. Это позволит избежать классических ошибок – например, борьбы с сорняками только гербицидами без изменения севооборота, что ведёт к резистентности.

Устойчивое развитие агропромышленного комплекса не может быть достигнуто простой оптимизацией отдельных показателей урожайности или рентабельности. АПК представляет собой сложную социо-эколого-экономическую систему с интенсивными прямыми и обратными связями, запаздываниями и эмерджентными свойствами. Системный подход позволяет не только диагностировать причины хронических диспропорций (истощение почв, отток населения, неэффективность субсидий), но и проектировать целенаправленные воздействия, учитывающие многоуровневую реакцию системы.

В статье предложена оригинальная четырёхъядерная модель АПК, разработана система количественных индикаторов для оценки устойчивости на региональном уровне, а также представлены практические рекомендации по трансформации управления. Дальнейшие исследования должны быть направлены на создание динамических имитационных моделей, способных прогнозировать поведение АПК при различных климатических и экономических сценариях, а также на разработку методик вовлечения всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в процессы принятия решений.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенный инструментарий может быть непосредственно использован региональными органами управления АПК, агрохолдингами и отраслевыми союзами при разработке стратегий устойчивого развития на период до 2035 года. Только переводя управление АПК на системные рельсы, можно одновременно достичь продовольственной безопасности, сохранения природного капитала и повышения качества жизни сельского населения.

Список литературы:

[1] Алиев, Э.Т., Сидоренко, В.П. Системный анализ агропромышленных формирований//Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 7. – С. 23–29.

[2] Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.

[3] Бобылёв, С.Н., Соловьёва, С.В. Устойчивое развитие сельских территорий: индикаторы и методы оценки // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2021. – № 3. – С. 45–63.

[4] FAO. Устойчивое продовольственное сельское хозяйство: концептуальные основы. – Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, 2018. – 112 с.

[5] Иванченко, А.Г., Заиченко, Н.Ю. Агропромышленный комплекс России: системные проблемы и пути их решения // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 11. – С. 14–22.

[6] Квейд, Э., Робертсон, Г. Системный анализ: методы и приложения. – М.: Советское радио, 1977. – 352 с.

[7] Лойко, В.И. Землепользование как системный фактор устойчивости АПК // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2022. – № 5. – С. 8–16.

[8] Медоуз, Д., Рандерс, Й., Медоуз, Д. Пределы роста: 30 лет спустя. – М.: Академия, 2007. – 342 с.

[9] Меренков, И.Н. Системный подход в управлении агропромышленным комплексом региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 211–228.

[10] Моргунов, Б.А., Кашеваров, Н.И. Синергетические эффекты в агропромышленной интеграции // Аграрная наука. – 2021. – № 4. – С. 18–21.

[11] Стерман, Дж. Д. Управление в условиях запаздываний: системная динамика для практиков. – М.: Дело, 2019. – 560 с.

[12] Тихомиров, В.А., Семёнова, А.А. Мультипликативные эффекты государственной поддержки АПК на мезоуровне // Вопросы экономики. – 2022. – № 8. – С. 102–118.

[13] Ушачев, И.Г., Маслова, В.В. Системные риски в агропродовольственном комплексе России: идентификация и механизмы снижения // Аграрный вестник Урала. – 2020. – № 12 (203). – С. 65–74.

[14] Холодова, М.А., Денисова, Н.Е. Оценка устойчивости АПК Ставропольского края с использованием интегральных индексов // Региональные агросистемы. – 2024. – № 1 (49). – С. 33–42.

[15] Chen, Y., Li, Y. Systems approach to agricultural sustainability: a review of feedback models // Agricultural Systems. – 2023. – Vol. 206. – P. 103607. — URL: https://www.tandfonline.com/toc/tags20/current?cookieSet=1 (дата обращения: 21.05.2026)

[16] Pretty, J., Benton, T. G., Bharucha, Z. P. Sustainable intensification in agricultural systems // Annals of Botany. – 2021. – Vol. 128 (6). – P. 691–707. — URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25351192/ (дата обращения: 25.05.2026)

References:

[1] Aliyev, E.T., Sidorenko, V.P. System analysis of agro-industrial formations//Economics of agricultural and processing enterprises. – 2020. – № 7. - S. 23-29.

[2] Bertalanfi, L. von. General Systems Theory: A Critical Review//General Systems Theory Studies. - M.: Progress, 1969. - S. 23-82.

[3] Bobylev, S.N., Solovyova, S.V. Sustainable development of rural areas: indicators and assessment methods//Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics. – 2021. – № 3. - S. 45-63.

[4] FAO. Sustainable food agriculture: conceptual framework. - Rome: UN Food and Agriculture Organization, 2018. - 112 s.

[5] Ivanchenko, A.G., Zaichenko, N.Yu. Agro-industrial complex of Russia: systemic problems and ways to solve them//agro-industrial complex: economy, management. – 2019. – № 11. - S. 14-22.

[6] Quade, E., Robertson, G. Systems analysis: methods and applications. - M.: Soviet Radio, 1977. - 352 s.

[7] Loiko, V.I. Land use as a systemic factor in the sustainability of the agro-industrial complex//Land management, cadastre and land monitoring. – 2022. – № 5. - S. 8-16.

[8] Meadows, D., Randers, Y., Meadows, D. Growth limits: 30 years later. - M.: Academy, 2007. - 342 s.

[9] Merenkov, I.N. A systematic approach to the management of the agro-industrial complex of the region//Regional economy: theory and practice. – 2020. - T. 18, NO. 2. - S. 211-228.

[10] Morgunov, B.A., Kashevarov, N.I. Synergistic effects in agro-industrial integration// Agrarian science. – 2021. – № 4. - S. 18-21.

[11] Sterman, J.D. Managing under lags: systemic dynamics for practitioners. - M.: Case, 2019. - 560 s.

[12] Tikhomirov, V.A., Semenova, A.A. Multiplicative effects of state support for the agro-industrial complex at the meso-level//Economic

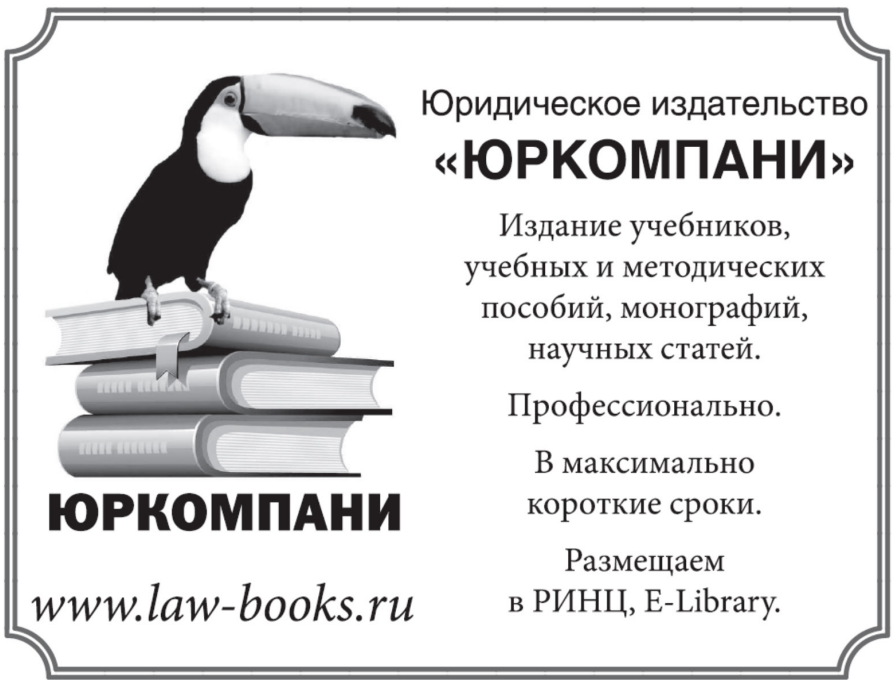
issues. – 2022. – № 8. - S. 102-118.

[13] Ushachev, I.G., Maslova, V.V. Systemic risks in the agri-food complex of Russia: identification and mitigation mechanisms//Agrarian Bulletin of the Urals. – 2020. – № 12 (203). - S. 65-74.

[14] Kholodova, M.A., Denisova, N.E. Assessment of the sustainability of the agro-industrial complex of the Stavropol Territory using integral indices//Regional agricultural systems. – 2024. – № 1 (49). - S. 33-42.

[15] Chen, Y., Li, Y. Systems approach to agricultural sustainability: a review of feedback models // Agricultural Systems. – 2023. – Vol. 206. – P. 103607. — URL: https://www.tandfonline.com/toc/tags20/current?cookieSet=1 (дата обращения: 21.05.2026)

[16] Pretty, J., Benton, T. G., Bharucha, Z. P. Sustainable intensification in agricultural systems // Annals of Botany. – 2021. – Vol. 128 (6). – P. 691–707. - URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25351192/ (accessed on: 25.05.2026)

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-400-406

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,

SPIN-код: 6424-5505, AuthorID: 776756

e-mail jenn08@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ ДЕЛ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Аннотация. *Актуальность вопроса об определении подведомственности и подсудности дел о привлечении организации к административной ответственности за продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции обусловлена тем, что на практике такие дела часто вызывают споры, какой именно суд должен их рассматривать, а ошибка в этом вопросе может вызвать отмену судебного акта и затягивание защиты прав заинтересованных лиц. Именно в подобных делах особенно остро встает вопрос о разграничении компетенции между судами общей юрисдикции, мировыми судьями и арбитражными судами. Кроме того, дела о продаже алкоголя несовершеннолетним также сопровождаются вопросами о вине организации и действиях продавцов. В научном плане рассматриваемая тематика интересна тем, что на стыке регулирования норм материального права на запрет продажи алкоголя несовершеннолетним, а также нормативных положений о компетенции правоохранительных органов, норм процессуального права о подведомственности и подсудности дел и практики Верховного Суда РФ по указанным направлениям, формируются важные подходы к разграничению дел по субъекту и характеру правонарушения. Таким образом, вопрос об определении подсудности в рассматриваемой сфере позволяет выявить пробелы и противоречия в правовом регулировании, а также дать оценку последовательному применению действующего законодательства.*

Ключевые слова: *подсудность, подведомственность, компетенция, административная ответственность, несовершеннолетние, розничная продажа алкогольной продукции, КоАП, суды общей юрисдикции, правоохранительные органы.*

ALEKSEEVA Evgenia Vladimirovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedural Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice n.a. V.M. Lebedev

SPECIFICS OF DETERMINING JURISDICTION IN CASES INVOLVING ADMINISTRATIVE LIABILITY OF ORGANIZATIONS FOR THE RETAIL SALE OF ALCOHOL TO MINORS

Annotation. *The issue of determining the proper jurisdiction and venue for cases involving the administrative liability of an organization for selling alcohol to a minor is particularly relevant because, in practice, such cases often give rise to disputes regarding which court should hear them; an error in this regard can lead to the overturning of a judicial decision and delay the protection of the rights of interested parties. It is precisely in such cases that the question of delineating competence among courts of general jurisdiction, justices of the peace, and commercial (arbitrazh) courts becomes especially critical. Furthermore, cases involving the sale of alcohol to minors raise questions regarding the liability of the business entity and the actions of the sales staff. From a scholarly perspective, this subject is of interest because important approaches to distinguishing between cases based on the subject and nature of the offense are emerging at the intersection of several areas: substantive legal norms prohibiting the sale of alcohol to minors; regulations governing the jurisdiction of law enforcement agencies; procedural rules regarding case competence and venue; and the case law of the Supreme Court of the Russian Federation in these areas. Thus, the issue of determining*

jurisdiction in the area under consideration makes it possible to identify gaps and contradictions in legal regulation, as well as to assess the consistent application of current legislation.

Key words: *jurisdiction, subject-matter jurisdiction, competence, administrative liability, minors, retail sale of alcohol, Code of Administrative Offenses, courts of general jurisdiction, law enforcement agencies.*

Актуальность рассматриваемой тематики предопределяется прежде всего тем, что в ней очень тесно переплетаются базовые категории современного процессуального права: подведомственность, подсудность, критерии разграничения компетенции различных судов, которые рассматривают дела об административных правонарушениях.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) подведомственность определяется в виде порядка распределения дел об административных правонарушениях – для их рассмотрения по первой инстанции – между судьями, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, федеральным органом исполнительной власти, региональными органами исполнительной власти, административными комиссиями и иными коллегиальными органами, создаваемыми в соответствии с региональными законами, а также иными уполномоченными органами и должностными лицами в соответствии с их компетенцией. Такое положение дел опирается на положения гл. 23 КоАП, имеющей название «Судьи, органы, должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях».

На первый взгляд, определение подведомственности при привлечении к административной ответственности организаций за рассматриваемый вид правонарушения не кажется здесь чем-то экстраординарным, однако сложность в данном вопросе начинает проглядываться при попытке осмысления того, исходя из каких критериев сам законодатель осуществляет разделение дел по подведомственности в рассматриваемой сфере. Согласимся с В.М. Нестеровым, который полагает, что в современном российском правопорядке наблюдается отсутствие четко выстроенной и аргументированной системы распределения подведомственности между органами административной власти и судебными инстанциями [7, с. 41].Это проявляется в том, что не сформированы ясные критерии и логика перераспределения полномочий, определяющие, какие категории административных правонарушений и споров подлежат разрешению в административном порядке, а какие – в судебном. Аналогичным образом отсутствует обоснованное разграничение подсудности внутри самой судебной системы: не выработаны надежные правила, позволяющие однозначно определить, в какие звенья судопроизводства (например, мировые судьи, районные суды или специализированные коллегии) должны направляться те или иные дела. В результате на практике возникают неопределённость и разнонаправленная судебная практика, что приводит к перераспределению дел и создает риск правовой неопределённости для участников правоотношений.

Кроме того, нельзя не отметить дефицит дифференцированных процессуальных процедур, которые должны применяться судами при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Отсутствие таких специализированных процедур означает, что суды часто руководствуются общими гражданско-процессуальными или административно-процессуальными нормами без учета специфики административных дел, что снижает эффективность, оперативность и предсказуемость рассмотрения подобных споров. Это затрудняет обеспечение принципов справедливости и процессуальной экономии, а также создает предпосылки для повышения уровня апелляционного и кассационного обжалования.

Отдельными экспертами было сформулировано важное правило, которое определяет двойную подведомственность дел об административных правонарушениях: «При одновременном предоставлении полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях двум или более субъектам (двойная и альтернативная подведомственность) правоприменителю надлежит руководствоваться принципом приоритета полномочий» [4, с. 154].

Как подчёркивают Д.В. Осинцев и О.В. Соболев, «не исключено, что произошла подмена предмета обсуждения: если дела подведомственны судам общей юрисдикции, административный орган в любом случае обязан передать дело на рассмотрение в суд и только в суд общей юрисдикции безальтернативно; однако, если требуется применение норм АПК РФ, до рассмотрения дела КоАП РФ позволяет выбрать, каким образом будет организована юрисдикционная деятельность, т.е. речь идет о дискреции и двойной подведомственности, или об

административной альтернативе» [10, с. 114].

В силу особой социальной значимости розничная продажа алкогольной продукции подвержена многочисленным ограничениям и жесткому регулированию. В соответствии с ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП в качестве субъектов административной ответственности фигурирует широкий и разнородный круг лиц. Во-первых, это физические лица – продавцы, непосредственно совершившие реализацию алкогольной продукции несовершеннолетним. Во-вторых, это индивидуальные предприниматели, которые на момент продажи выполняли функции продавца либо допустили ненадлежащее осуществление контроля за действиями своих работников, что повлекло допущение нарушения. Наконец, под административную ответственность подпадают и юридические лица, осуществляющие розничную торговлю или обслуживание (включая магазины, кафе, бары, рестораны и иные аналогичные организации), - как субъекты, в чьей деятельности допущены нарушения, подпадающие под диспозицию указанной нормы. Таким образом, закон предусматривает привлечение к ответственности не только исполнителей нарушения, но и лиц и организаций, ответственных за организацию торговли и контроль над ней.

Поскольку вопросы определения подведомственности и подсудности тесно связаны не только с субъектом правонарушения, но и органом, возбудившим дело об административном правонарушении или составившем соответствующий протокол, а также еще и местом правонарушения, возникает ряд вопросов по их определению.

Известно, что ч. 1 ст. 47 Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Стоит выработать универсальный алгоритм определения подсудности дел об административных правонарушениях по рассматриваемой категории дел, а далее на его основе продемонстрировать, на что следует обращать внимание при определении подсудности дел о привлечении к административной ответственности организаций за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции.

На первом этапе следует разграничить судебную и административную подведомственность. Более того, как верно отмечают специалисты, для того чтобы эффективно и в установленные процессуальные сроки вести производство по делу об административном правонарушении, необходимо правильно установить видовую подведомственность – по категории дел об административных правонарушениях. На стадии рассмотрения дела видовая подведомственность закреплена в гл. 23 КоАП [1, с. 268].

Обращаясь к положениям указанной главы, которая регламентирует, какой орган или должностное лицо вправе рассматривать дело о конкретном правонарушении, можно констатировать следующее. Так, для некоторых составов правонарушений установлена административная подведомственность с указанием органов и должностных лиц, уполномоченных на их рассмотрение. Например, ч. 1 ст. 23.1 получившая название «Судьи», определяет, что судьи, в частности, рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 14.16 КоАП. Подчеркнем, что ст. 14.16 КоАП является общей нормой, определяющей особенности нарушения правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. В свою очередь правила части 1 указанной нормы посвящены розничной продаже этилового спирта, а часть вторая определяет ответственность за оборот этилового спирта (за исключением розничной продажи), алкогольной и спиртосодержащей продукции без сопроводительных документов, удостоверяющих легальность их производства и оборота, определенных федеральным законодательством.

Однако интересующая нас норма ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП выпадает из предложенного общего списка, поскольку, следуя логике нормы ч. 2 ст. 23.1 КоАП дела о соответствующих административных правонарушениях, т.е. продаже алкоголя несовершеннолетнему, дела об административных правонарушениях предусмотренные ч. 2.1 ст. 14.16 рассматривают судьи только тогда, когда речь идет об административных правонарушениях, совершенных на территориях городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя, в случае составления протоколов о таких административных правонарушениях должностными лицами органов внутренних дел (полиции), и если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение судье.

Таким образом, мы сталкиваемся с таким интересным видом подведомственности, как «условно альтернативная», когда дело может быть одним уполномоченным органом на рассмотрении в другой [1, с. 269].

Что характерно, выбор судебной подведомственности принадлежит в таких случаях правоохранительному органу (органу исполнительной власти).

Интересно, что на страницах юридической периодики можно столкнуться о особым подходом, который определяет, что приоритет выбора подведомственности остается за административным органом [6, с. 54].

Вопрос о том, какие правила должны управлять административным органом при разрешении дилемм подведомственности дел с целью его следования указаниям, однозначно требует четкого правового регулирования. Прежде всего отметим, что соответствующее решение с опорой на субъективное пожелание недопустимо согласно ст. 1.6. КоАП. Такая проблема должна решаться в соответствии с установленными нормативными требованиями о подведомственности и подсудности, а также в рамках компетенции самого или должностного лица, поскольку принцип законности ограничивает возможность принятия решений «по личному требованию» без опор на правовую норму. Кроме того, представляется законным и справедливым, что в силу указанной «широты» собственной компетенции вытекает обязанность рассматриваемого правоохранительного органа проверять наличие оснований для передачи дел и руководить процедурами регламента, определяющими порядок такой передачи, включая необходимость соблюдение сроков рассмотрения. Наконец, важно помнить, что решения, затрагивающие права и законные интересы лиц, должны приниматься в пределах предусмотренных законом полномочий и с учетом требований о недопущении произвола и обеспечения судебного рассмотрения дела в разумный срок. Поэтому при разрешении вопроса о подведомственности, должностное лицо правоохранительного органа обязано основываться на правовых критериях, а не на собственных личных предпочтениях. В силу сказанного спорным выглядит утверждение о том, что «передача дела на рассмотрение судье может быть как связана с тем, что уполномоченный орган, должностное лицо считают возможным применение к виновному санкции, назначить которую вправе только судья, так и обусловлена отводами, сложностью дела и иными обстоятельствами, например нежеланием принимать решение по делу об административном правонарушении в отношении конкретного лица» [2, с.106].

Считаем заслуживающей внимания точку зрения Д.А. Кошелева, полагающего, что «усмотрение любого типа, тем более административное, выступает в качестве коррупциогенного фактора», поэтому с целью исключения «возможных фактов проявления коррупции, определяя надлежащий юрисдикционный орган, следует руководствоваться правилом (помимо законодательного исключения такой альтернативы), что первоначальной инстанцией преимущественно может являться административный орган» [6, с. 55-56]. Более того, указанный автор отмечает, что в рассматриваемом вопросе не попираются положения ст. 47 Конституции РФ, которая устанавливает правила подсудности, поскольку рассматриваемая гл. 23 нацелена на определение правил подведомственности дел об административных правонарушениях [6, с. 56]. Рассматриваемые категории – подведомственность и подсудность – не являются эквивалентными юридическими конструкциями различных процессуальных форм, они имеют собственные правила и подходы. Однако стоит помнить, что определение подведомственности предшествует определению подсудности дела.

Важные правила также были сформулированы Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ). Так, как отмечается в п. 3 Постановления Пленума № 5 [11] при подготовке дела к рассмотрению судье следует установить, относится ли к его компетенции рассмотрение данного дела. При решении вопроса о подведомственности и подсудности судьям судов общей юрисдикции дел об административных правонарушениях необходимо исходить учитывать, что судьи районных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, указанных в частях 1 и 2 ст. 23.1 КоАП, в том случае, когда по делу, в частности проводилось административное расследование. По смыслу ст. 28.7 КоАП административным расследованием являются процессуальные мероприятия, совершенные с соблюдением формы и в порядке, предусмотренном законодательством об административных правонарушениях [8]. При этом абз. 7 п. 3 указанного постановления Пленума ВС РФ разъяснено, что в случае, если административное расследование фактически не проводилось, судье районного/городского суда при подготовке дела к рассмотрению следует решить вопрос об его передаче мировому судье. Таким образом, вынесение определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования не влечет обязательность рассмотрения данного дела судьей районного суда. Это правило определения подсудности применяется лишь в том случае, если административное расследование было фактически проведено.

Далее мы опять выходим на тонкую грань разграничения подсудности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Так, согласно абз. 4 ч. 3 ст. 23.1 КоАП дела об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1 и

2 ст. 14.16, совершенных юридическими лицами и их должностными лицами или иными работниками, а также индивидуальными предпринимателями, рассматривают судьи арбитражных судов. В чем здесь логика законодателя?

По нашему мнению, ответ видится в следующем – в конкретизации диспозиции нормы в частях 2 и 2.1. ст. 14.16 КоАП. Так, в законе разные части одной и той же статьи могут сохранять правовую квалификацию с различной предметной подсудностью: часть, которая характеризует деяния, совершаемые исключительно субъектами предпринимательской деятельности (юридические лица и индивидуальные предприниматели), как правило, относится к подсудности арбитражных судов. Другая часть, т.е. 2.1 рассматриваемой статьи, когда предмет правонарушения тесно соотносится с поведением физических лиц вне предпринимательской деятельности, остается в подсудности судов общей юрисдикции. Стоит подчеркнуть, что в настоящее время сформировалась устойчивая судебная практика относительно определения предметной подсудности. Так, суды, рассматривая жалобы субъектов предпринимательской деятельности на действия органов МВД России, отмечают, что в силу ч. 2.1. ст. 14.6 КоАП розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей. При этом учитывая положения ст. 202 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 2, 2.1 и 3 ст. 23.1 КоАП судьи арбитражных судов, а также мировые судьи не рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП [12; 13; 14].

Что касается территориальной подведомственности, то на стадии рассмотрения дела она регулируется ст. 29.5 КоАП. Общая территориальная подведомственность предполагает, что дело рассматривается по месту его совершения. Следовательно, если сотрудник юридического лица осуществил продажу алкоголя в розницу несовершеннолетнему лицу, то дело будет рассматривать районный суд по месту нахождения такого юридического лица согласно ст. 54 Гражданского кодекса РФ. Таким образом, несмотря на кажущуюся урегулированность рассматриваемого вопроса, многие аспекты не всегда разрешаются рациональным образом, и далеко не все ответы нежат на поверхности. Очевидно, что при определении подсудности рассматриваемой категории дел возникают несколько типичных проблем. Они связаны и с разграничением компетенции между судами, и с квалификацией самого правонарушения, и с тем, кого именно следует считать надлежащим субъектом ответственности. Например, формально нарушение совершает продавец, но в ряде случаев к ответственности привлекают организацию как работодателя, поскольку работник действует в рамках трудовых обязанностей и от имени юридического лица. При этом если продажу совершил конкретный продавец, это не всегда означает автоматическую вину организации; суд должен установить, предпринимались ли работодателем все необходимые меры для соблюдения закона. Именно эта оценка влияет и на квалификацию, и на выбор суда, который будет рассматривать дело. По делам о розничной продаже алкоголя несовершеннолетнему важно учитывать, какая именно часть ст. 14.16 КоАП применяется. В зависимости от конструкции состава и субъекта правонарушения дело может попасть в разные судебные инстанции, что создаёт риск ошибочного направления материалов. Если дело рассмотрено не тем судом, которому оно подсудно, это свидетельствует о совершении грубейшей процессуальной ошибки. Это особенно значимо, потому что ошибка в подсудности затрагивает не только процессуальную форму, но и законность итогового решения.

Список литературы:

[1] Аникеенко Ю.Б., Новоселова Н.В. Административно-деликтное право: учебное пособие / под общ. ред. С.Д. Хазанова. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2025. 335 с.

[2] Бойчук А.И. О субъектах, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 5 (30).

[3] Денисенко В.В. Административное и судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: общее и особенное // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 229 - 234.

[4] Денисенко В.В., Моняк С.Г. На заметку законодателю, или Возвращаясь к вопросу о разграничении судебного и административно-юрисдикционного порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по мат. ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3 томах / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. 2016. С. 152 - 160.

[5] Коробейник Ю.А. Анализ применения судами общей юрисдикции части 2.1 статьи 14.16 КОАП РФ (Розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции) //

Вопросы российской юстиции. 2021. №16. С. 459-471.

[6] Кошелев Д.А. К вопросу о двойной подведомственности дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 54 - 57.

[7] Нестеров В.М. Направления совершенствования подсудности и дифференциации процессуальной формы при рассмотрении судами дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 39 - 42.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017). Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.12.2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 12, декабрь.

[9] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2007 г. № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 6.

[10] Осинцев Д.В., Соболев О.В. Источники административного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 109-115.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 г. № 5 (в ред. от 09.12.2025 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 6.

[12] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2021 г. № 13АП-35616/2021 по делу № А56-70330/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=348342 (дата обращения 20.05.2026).

[13] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2022 г. № 17АП-17598/2021-АК по делу № А50П-566/2021 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=296419 (дата обращения 20.05.2026).

[14] Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2026 г. № 16-1741/2026 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/online/lastdocs/KSOJ004/ (дата обращения 20.05.2026).

References:

[1] Anikeenko Yu.B., Novoselova N.V. Administrative-tort law: a textbook / edited by S.D. Khazanov. 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow: INFRA-M, 2025. 335 p.

[2] Boychuk A.I. On the entities authorized to consider cases of administrative offenses committed by military personnel and citizens called up for military training // Jurist-Pravoved. 2008. No. 5 (30).

[3] Denisenko V.V. Administrative and judicial discretion in proceedings on cases of administrative offenses: general and specific // Society and Law. 2013. No. 1 (43). P. 229-234.

[4] Denisenko V.V., Monyak S.G. Note to the legislator, or Returning to the issue of distinguishing between judicial and administrative-jurisdictional procedures for considering cases of administrative offenses // Current issues of administrative and administrative-procedural law: Coll. articles on the materials of the annual All-Russian scientific and practical conference (Sorokin Readings): in 3 volumes / edited by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. 2016. Pp. 152-160.

[5] Korobaynik Yu.A. Analysis of the application by courts of general jurisdiction of Part 2.1 of Article 14.16 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (Retail sale of alcoholic beverages to minors) // Issues of Russian Justice. 2021. No. 16. Pp. 459-471.

[6] Koshelev D.A. On the Issue of Dual Jurisdiction in Administrative Offense Cases // Administrative Law and Process. 2023. No. 5. pp. 54-57.

[7] Nesterov V.M. Directions for Improving Jurisdiction and Differentiating the Procedural Form in the Consideration of Administrative Offense Cases by Courts // Administrative Law and Process. 2022. No. 6. pp. 39-42.

[8] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 (2017). Approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 27.12.2017 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 12, December.

[9] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 3, 2007, No. 623-O-P “At the request of the Novooskolsky District Court of the Belgorod Region on the review of the constitutionality of paragraph four of Article 328 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2007. No. 6.

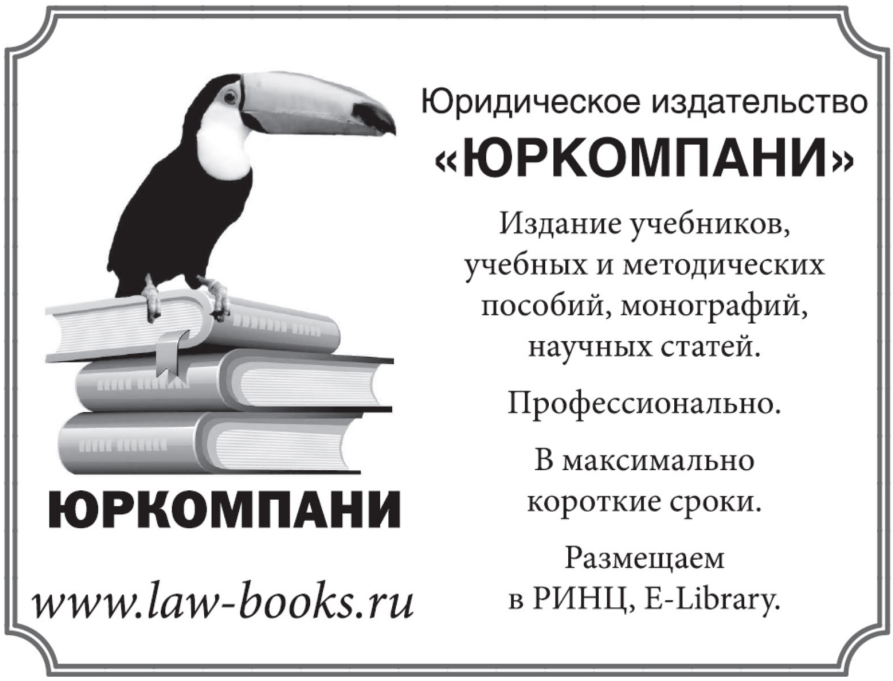
[10] Osintsev D.V., Sobolev O.V. Sources of administrative law // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2016. Vol. 16. No. 4. pp. 109-115.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2005, No. 5 (as amended on December 9, 2025) “On Certain Issues Arising in the Courts When Applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No. 6.

[12] Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of October 28, 2021, No. 13AP-35616/2021 in Case No. A56-70330/2021 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=348342 (accessed May 20, 2026).

[13] Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated March 15, 2022 No. 17AP-17598/2021-AK in case No. A50P-566/2021 // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=296419 (accessed May 20, 2026).

[14] Resolution of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated April 28, 2026 No. 16-1741/2026 // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/online/lastdocs/KSOJ004/ (date of access May 20, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-407-410

ФАТЕЕВ Андрей Сергеевич,

аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Юридический факультет, АНО ВО «Московский университет «Синергия», e-mail: fatia200086@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ: ОТ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА К СТАБИЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Аннотация. *В статье исследуется эволюция правовой природы исковой давности в российской цивилистике. Проанализированы теоретические воззрения классиков отечественной цивилистики (И.Б. Новицкий, О.С. Иоффе, Г.Ф. Шершеневич) и современных учёных (Е.А. Суханов, А.М. Ширвиндт, А.Г. Карапетов) на сущность исковой давности. Выявлена трансформация института. Показано, что принятие Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ ознаменовало качественное изменение правовой природы исковой давности, выразившееся в усилении публично-правового элемента. Обоснована авторская концепция «баланса интересов» как новой сущностной характеристики данного института.*

Ключевые слова: *исковая давность, правовая природа, частный интерес, публичный интерес, стабильность гражданского оборота, объективный срок, субъективный срок, баланс интересов.*

FATEEV Andrey Sergeevich,

Postgraduate Student, Department of Business Regulation and Civil Procedure Law Faculty, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education "Moscow University 'Synergy"

THE EVOLUTION OF THE LEGAL NATURE OF LIMITATION OF ACTIONS IN RUSSIAN CIVIL LAW DOCTRINE: FROM PRIVATE INTEREST TO STABILITY OF CIVIL COMMERCE

Annotation. *The article studies the evolution of the legal nature of limitation of actions in Russian civil law doctrine. The theoretical views of classical Russian civil law scholars (I.B. Novitsky, O.S. Ioffe, G.F. Shershenevich) and contemporary academics (E.A. Sukhanov, A.M. Shirvindt, A.G. Karapetov) on the essence of limitation of actions are analyzed. The transformation of the institution is revealed. The article demonstrates that the adoption of Federal Law No. 100-FZ of 07.05.2013 has led to a qualitative change in the legal nature of limitation of actions, expressed in the strengthening of the public-law element. The author puts forward and substantiates the author's concept of «balance of interests» as a new essential characteristic of this institution.*

Key words: *limitation of actions, legal nature, private interest, public interest, stability of civil commerce, objective period, subjective period, balance of interests.*

Исковая давность - фундаментальный институт гражданского права, исторически восходящий к римскому частному праву. На протяжении столетий в российской цивилистической традиции не утихала доктринальная дискуссия о правовой природе данного института: выполняет ли он исключительно функцию защиты интересов частных лиц либо преследует более широкие телеологические цели, связанные с упорядочением всего гражданского оборота. В начале XXI века дискуссия активизировалась вследствие кардинального реформирования отечественного гражданского законодательства.

Цель настоящей работы — посредством догматического анализа эволюции нормативного регулирования исковой давности в российском праве и сопоставления теоретических позиций ведущих цивилистов выявить вектор развития правовой природы данного института, а также предложить его авторскую интерпретацию в контексте новейших законодательных новелл.

1. Классический подход: исковая давность как институт частного права

В дореволюционной цивилистике утвердилось воззрение на исковую давность как на преимущественно частно-правовой институт. Г.Ф. Шершеневич определял исковую давность как «потерю права обращаться к судебной защите посредством иска по неосуществлению права в течение установленного законом времени», акцентируя её предназначение в защите интересов должника от требований, предъявленных со значительным пропуском установленного срока [5, с. 305–307].

И.Е. Энгельман в фундаментальном труде «О давности по русскому гражданскому праву» (1901) трактовал давность в качестве способа погашения иска вследствие бездействия управомоченного лица: «Для погашения иска по давности нужно только, чтобы он не был предъявлен и чтобы истек определенный срок его существования. Понятие о непредъявлении иска предполагает, что конкретный иск уже существует и только не приводится в действие в течение известного времени» [4, с. 112–115]. В данной логике институт исковой давности рассматривался одновременно как санкция за пассивность кредитора и как средство правовой защиты должника.

О.С. Иоффе, один из ведущих советских цивилистов, определял исковую давность как «срок, с истечением которого погашается возможность принудительного осуществления нарушенного гражданского права при помощи гражданского иска» [1, с. 215]. И.Б. Новицкий, в свою очередь, подчёркивал, что перерыв исковой давности посредством признания долга «поднимает значение обещания, утверждения; оно обретает юридическую силу акта, подтверждающего право одной стороны и обязанность другой» [2, с. 158]. Подобный подход полностью корреспондировал доктрине частного права, ставившей во главу угла автономию воли участников оборота.

2. Советский период: зарождение публично-правового элемента

В советский период, несмотря на сохранение цивилистической преемственности, произошла существенная трансформация понимания сущности исковой давности. Плановая экономика и доминирование государственной собственности объективно обусловливали переосмысление многих гражданско-правовых институтов, включая исковую давность. В юридической литературе того времени обосновывалось, что применение исковой давности в отношениях между социалистическими организациями нередко увязывалось с необходимостью укрепления хозяйственной дисциплины и обеспечения стабильности планового оборота, что сообщало данному институту несвойственные классическому частному праву публично-правовые черты.

Академик Е.А. Суханов впоследствии констатировал, что институт исковой давности объективно направлен на обеспечение стабильности гражданского оборота и устранение правовой неопределённости в отношениях его участников [3, с. 342]. Именно данная идея приобрела определяющее значение при последующей модернизации гражданского законодательства.

Таким образом, уже в советской цивилистике сформировался дуалистический подход к пониманию исковой давности: с одной стороны, она сохраняла традиционную функцию защиты частного интереса должника, с другой — приобретала качество инструмента, обеспечивающего стабильность хозяйственного оборота в целом.

3. Современный этап: реформа 2013 года и её последствия

Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внёс принципиальные изменения в институт исковой давности. Пункт 2 статьи 196 ГК РФ в новой редакции императивно закрепил, что «срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ „О противодействии терроризму»». В пояснительных материалах к законопроекту акцентировалось, что введение предельного (объективного) срока направлено на повышение степени определённости гражданского оборота и исключение ситуаций, при которых иск может быть предъявлен по истечении неопределённо длительного периода после нарушения.

Названная новелла ознаменовала изменение правовой природы исковой давности. В отличие от традиционного трёхлетнего «субъективного» срока, исчисляемого с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ), десятилетний «объективный» срок течёт независимо от осведомлённости истца. Как разъяснил Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», установленный п. 2 ст. 196 ГК РФ десятилетний срок исковой давности носит объективный характер, а начало его течения не обусловлено осведомлённостью истца о факте

нарушения права и о личности надлежащего ответчика.

В цивилистической доктрине указанная новелла вызвала широкую дискуссию. Ряд авторов подвергли критическому анализу конструкцию объективного срока, указывая на её избыточную жёсткость и потенциальную несправедливость в ситуациях, когда истец объективно не имел возможности узнать о нарушении принадлежащего ему права в пределах десяти лет. В то же время другие исследователи оценили данное нововведение как необходимое условие стабильности гражданского оборота. Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом Постановлении № 43 осуществил системное толкование обновлённых норм, воспроизведя императивное правило о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня нарушения права, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ. При этом необходимо подчеркнуть, что в отношении пропущенного срока для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по требованиям, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, не допускается восстановление срока (п. 12 Постановления № 43); для граждан, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, сохраняется законодательно предусмотренная возможность восстановления срока при наличии уважительных причин (ст. 205 ГК РФ). Подобный дифференцированный подход также отражает усиление публично-правового элемента в регулировании исковой давности применительно к профессиональным участникам оборота.

Анализ эволюции правовой природы исковой давности в российской цивилистике позволяет заключить, что исследуемый институт претерпел движение от сугубо частно-правового инструмента к комплексному правовому образованию, в котором сочетаются частные и публичные элементы. Автор предлагает концепцию «баланса интересов», в соответствии с которой исковая давность на современном этапе выполняет двойственную функцию:

во-первых, она продолжает обеспечивать защиту частного интереса должника (ответчика), освобождая его от бремени доказывания в условиях объективной утраты доказательств и гарантируя определённость его правового положения;

во-вторых, она служит публичному интересу, заключающемуся в поддержании стабильности гражданского оборота в целом, устанавливая объективные темпоральные пределы судебной защиты и препятствуя неограниченному во времени пересмотру сложившихся имущественных отношений. Именно в указанном дуализме состоит сущностная характеристика современной исковой давности по российскому праву. Данный тезис находит подтверждение в правовой позиции Конституционного Суда РФ, который в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П признал взаимосвязанные положения ст. 195, 196, 197, 200, 208 ГК РФ не соответствующими Конституции РФ в части, допускающей применение исковой давности к требованиям об обращении в доход государства имущества, приобретённого с нарушением антикоррупционных запретов, без учёта публично-правовой природы таких требований. Суд указал на недопустимость использования института исковой давности как средства легализации имущества, полученного в нарушение основ правопорядка. Таким образом, действующее правовое регулирование и правоприменительная практика высших судебных инстанций Российской Федерации подтверждают обоснованность концепции «баланса интересов», которая позволяет дать непротиворечивое описание современного состояния института исковой давности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Эволюция правовой природы исковой давности в российской цивилистике представляет собой последовательное движение от частно-правового института, ориентированного на защиту должника от пассивности кредитора, к комплексному правовому образованию, в равной мере направленному на обеспечение как частных, так и публичных интересов.

Законодательное закрепление десятилетнего объективного срока исковой давности (п. 2 ст. 196 ГК РФ) и дифференциация возможности его восстановления стали ключевым этапом данной эволюции, ознаменовавшим усиление публично-правового элемента в исследуемом институте. В цивилистической литературе справедливо отмечается, что исковая давность призвана служить интересам сторон спорного гражданско-правового отношения, а установление срока на обращение в суд корреспондирует публичному интересу, который заключается в скорейшем пресечении правонарушения. Предложенная концепция «баланса интересов» позволяет дать непротиворечивую интерпретацию современного состояния института исковой давности и определить вектор его дальнейшего развития. С учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ возможно прогнозировать, что тенденция к усилению

публично-правового элемента сохранится и в будущем, что потребует дальнейшего теоретического осмысления данного феномена в российской цивилистической науке.

Список литературы:

[1] Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». — М.: Статут, 2003. — 782 с.

[2] Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. — М.: Госюриздат, 1954. — 248 с.

[3] Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. — 576 с.

[4] Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: историко-догматическое исследование. — СПб.: Сенатская типография, 1901. — 425 с.

[5] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М.: Спарк, 1995. — 556 с.

[6] Ширвиндт А.М. Комментарий к «Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» // Вестник гражданского права. — 2014. — № 5. — С. 109–148.

References:

[1] Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law: From the History of Civilistic Thought. Civil Legal Relationships. Critique of the Theory of “Economic Law”. Moscow: Statut, 2003. — 782 p.

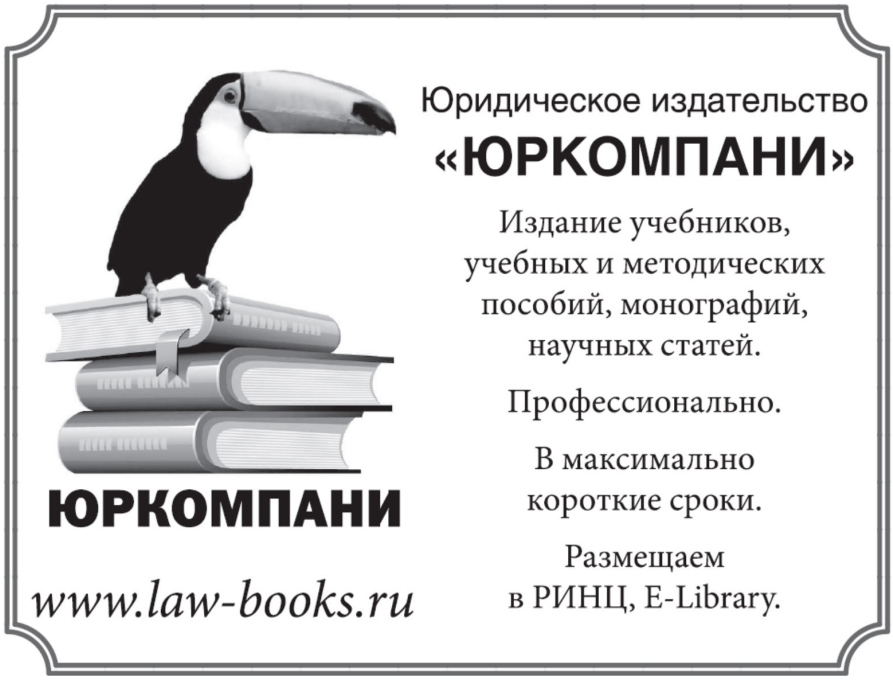
[2] Novitsky I.B. Transactions. Statute of Limitations. Moscow: Gosyurizdat, 1954. — 248 p.

[3] Sukhanov E.A. Civil Law: Textbook: in 4 volumes. Vol. 1. General Part / ed. E.A. Sukhanov. — 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2019. — 576 p.

[4] Engelman I.E. On the Statute of Limitations in Russian Civil Law: a Historical and Dogmatic Study. — St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. — 425 p.

[5] Shershenevich G. F. Textbook of Russian Civil Law (based on the 1907 edition). — Moscow: Spark, 1995. — 556 p.

[6] Shirvindt A. M. Commentary on the “Review of Judicial Practice on Certain Issues Related to the Recovery of Property from Someone Else’s Illegal Possession” // Herald of Civil Law. — 2014. — No. 5. — P. 109–148.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-411-417

ФЕДОСЕЕВА Светлана Викторовна,

старший преподаватель, Краснодарский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Краснодар, Россия,

e-mail: reptymrf1993@yandex.ru

СУДЕБНОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные проблемы и перспективы развития судебного делопроизводства в Российской Федерации. Обосновывается, что судебное делопроизводство не является исключительно технической сферой деятельности аппарата суда, поскольку от качества его организации зависят доступность правосудия, соблюдение процессуальных сроков, реализация принципа открытости судебной власти, сохранность материалов дела и доверие граждан к судебной системе. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на судебное делопроизводство, включая электронную подачу документов, использование государственной автоматизированной системы «Правосудие», размещение информации о движении дел на официальных сайтах судов, электронное извещение участников процесса и формирование предпосылок для перехода к электронному судебному делу.*

Выявлены основные проблемные зоны судебного делопроизводства: сохраняющаяся зависимость от бумажного документооборота, неодинаковый уровень цифровой зрелости судов, высокая нагрузка на работников аппарата суда, сложность унификации процедур в судах различных юрисдикций, риски информационной безопасности, а также недостаточная процессуальная адаптация электронных форм взаимодействия. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие судебного делопроизводства должно быть связано не только с внедрением новых информационных сервисов, но и с изменением организационной модели работы аппарата суда, совершенствованием нормативного регулирования, повышением качества кадровой подготовки и обеспечением баланса между цифровизацией, процессуальными гарантиями и правовой определённостью.

Ключевые слова: *судебное делопроизводство, судебная система, электронное правосудие, аппарат суда, ГАС «Правосудие», электронный документооборот, доступность правосудия, судебная информация, процессуальные сроки.*

FEDOSEEVA Svetlana Viktorovna,

Senior Lecturer, Krasnodar Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Krasnodar, Russia

JUDICIAL RECORDS MANAGEMENT: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The article examines current problems and prospects for the development of judicial records management in the Russian Federation. It is substantiated that judicial records management is not merely a technical activity of court staff, since the accessibility of justice, compliance with procedural deadlines, implementation of the principle of openness of the judiciary, preservation of case materials and public trust in the judicial system depend on its quality. Particular attention is paid to the impact of digitalization on judicial records management, including electronic filing of documents, the use of the State Automated System "Justice", publication of information on case progress on official court websites, electronic notification of participants in proceedings and the formation of prerequisites for the transition to an electronic court case.*

The main problem areas of judicial records management are identified: continued dependence on paper document flow, uneven level of digital maturity of courts, high workload of court staff, complexity of unifying procedures in courts of different jurisdictions, information security risks and

insufficient procedural adaptation of electronic forms of interaction. The article concludes that further development of judicial records management should be associated not only with the introduction of new information services, but also with changes in the organizational model of court staff work, improvement of regulatory framework, professional training and ensuring a balance between digitalization, procedural guarantees and legal certainty.

Key words: *judicial records management, judicial system, electronic justice, court staff, State Automated System "Justice", electronic document flow, access to justice, judicial information, procedural deadlines.*

Введение

Судебное делопроизводство занимает особое место в организации правосудия. Формально оно относится к деятельности аппарата суда и включает приём, регистрацию, движение, оформление, хранение и выдачу судебных документов. Однако по своему значению судебное делопроизводство выходит за пределы технического документооборота. Оно обеспечивает процессуальную форму судебной деятельности, фиксирует движение дела, подтверждает совершение юридически значимых действий, обеспечивает информирование участников процесса и создаёт условия для проверки законности судебных актов.

В российской правовой системе судебное делопроизводство связано с реализацией конституционного права на судебную защиту. Судебное решение приобретает юридическое значение не только в силу содержания, но и благодаря соблюдению процессуальной формы, в которой существенную роль играет документационное обеспечение. Несвоевременная регистрация материалов, ошибка в извещении, нарушение порядка направления судебного акта, утрата документа или некорректное размещение информации о деле способны повлиять на реализацию прав участников процесса. Поэтому качество судебного делопроизводства является одним из показателей эффективности судебной власти.

Современный этап развития судебного делопроизводства связан с цифровизацией судебной системы. В судах используются информационные системы, электронная подача документов, автоматизированное распределение дел, электронные уведомления, размещение судебных актов и информации о движении дел в сети Интернет. Федеральный закон № 262-ФЗ закрепил правовые основы доступа к информации о деятельности судов, а Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы обозначила необходимость повышения открытости, доступности и технологической устойчивости судебной власти [3; 12].

В то же время цифровизация не устранила традиционные проблемы судебного делопроизводства. Во многих судах сохраняется параллельное ведение бумажных и электронных документов, что увеличивает нагрузку на аппарат суда. Электронные сервисы не всегда работают единообразно, а участники процесса не всегда обладают достаточными цифровыми навыками. Дополнительные сложности возникают из-за различий в регулировании делопроизводства в судах общей юрисдикции, арбитражных судах и на участках мировых судей.

Актуальность темы обусловлена тем, что судебное делопроизводство сегодня находится в переходном состоянии. С одной стороны, оно сохраняет традиционную бумажную модель, основанную на физическом судебном деле. С другой стороны, судебная система постепенно переходит к электронным формам взаимодействия. Этот переход требует не только технического оснащения, но и пересмотра организационных, кадровых и правовых подходов.

Цель статьи заключается в выявлении основных проблем судебного делопроизводства и определении перспектив его развития в условиях цифровой трансформации судебной системы Российской Федерации.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие организацию судебной системы, доступ к судебной информации, порядок судебного делопроизводства и электронного взаимодействия с судами. Особое значение имеют Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», процессуальные кодексы, Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде, Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации, а также акты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [1–12].

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и институциональный

методы. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормативные требования к судебному делопроизводству. Системный метод использовался для рассмотрения делопроизводства как элемента судебной деятельности, связанного с процессуальными сроками, доступом к информации, кадровой организацией и цифровыми технологиями. Сравнительно-правовой подход применялся при сопоставлении особенностей делопроизводства в судах различных юрисдикций. Институциональный метод позволил рассмотреть судебное делопроизводство как часть организационного механизма судебной власти.

Исследование не предполагает эмпирического анализа деятельности конкретного суда. Основное внимание уделяется теоретико-правовому и организационному осмыслению проблем судебного делопроизводства в условиях цифровизации. Такой подход позволяет выявить не частные недостатки отдельных судебных учреждений, а устойчивые проблемы, характерные для судебной системы в целом.

Результаты и обсуждения

Судебное делопроизводство представляет собой организационно-правовой механизм сопровождения судебного процесса. Его содержание включает приём и регистрацию поступающих документов, формирование судебных дел, передачу материалов судье, оформление судебных извещений, фиксацию движения дела, изготовление и направление судебных актов, ведение журналов и информационных систем, передачу дел в архив. Каждая из этих операций имеет юридическое значение, поскольку связана с процессуальными правами и обязанностями участников судопроизводства.

Особенность судебного делопроизводства состоит в том, что оно находится на границе процессуальной и административной деятельности. С одной стороны, работники аппарата суда не осуществляют правосудие и не разрешают дело по существу. С другой стороны, именно через аппарат суда обеспечивается практическая реализация процессуальных действий. Невозможно представить эффективное правосудие без надлежащего учёта документов, своевременного извещения сторон, точной фиксации судебных заседаний и надлежащего хранения материалов дела.

Традиционная модель судебного делопроизводства формировалась вокруг бумажного судебного дела. Такая модель обладает определёнными преимуществами: материальный носитель воспринимается как устойчивый и привычный, порядок работы с ним подробно регламентирован, а бумажные документы сохраняют высокую степень доверия со стороны участников процесса. Вместе с тем бумажная модель становится всё менее соответствующей современному объёму судебной нагрузки. Рост числа обращений, увеличение объёма процессуальной переписки, необходимость оперативного доступа к информации и развитие дистанционного взаимодействия выявили ограниченность исключительно бумажного документооборота.

Цифровизация судебного делопроизводства стала ответом на эту проблему. Государственная автоматизированная система «Правосудие», электронная подача документов, размещение сведений о движении дел на сайтах судов, использование электронных судебных извещений и дистанционных способов участия в процессе существенно изменили организацию работы судов. Для участников процесса это означает возможность получать информацию быстрее, направлять документы без личного обращения в суд, отслеживать движение дела и снижать расходы, связанные с физическим посещением судебных учреждений.

Однако развитие электронного делопроизводства не является линейным и беспроблемным. Главная трудность заключается в том, что цифровые инструменты часто не заменяют бумажные процедуры, а дополняют их. В результате возникает двойной документооборот: документ поступает в электронном виде, затем распечатывается, приобщается к бумажному делу, отражается в информационной системе, направляется участникам процесса и архивируется. Такая ситуация не снижает, а иногда увеличивает нагрузку на работников аппарата суда.

Проблема параллельного бумажного и электронного делопроизводства связана не только с техническими ограничениями. Она имеет правовую природу. До тех пор, пока электронное судебное дело не получит полноценного процессуального статуса, бумажный носитель будет сохранять доминирующее значение. Это создаёт противоречие между технологическими возможностями и процессуальной формой. Судебная система может внедрять новые сервисы, но без изменения правового режима судебного дела цифровизация останется частичной.

Существенной проблемой является неодинаковый уровень цифровой готовности судов. Арбитражные суды традиционно имеют более развитую практику электронного взаимодействия, что связано с особенностями экономических споров и составом участников процесса. В судах общей юрисдикции ситуация

сложнее: здесь рассматриваются гражданские, административные и уголовные дела, участвуют граждане с разным уровнем правовой и цифровой грамотности, значительная часть обращений поступает от лиц, не имеющих профессионального представителя. Поэтому цифровизация судов общей юрисдикции требует более осторожного подхода, чтобы технологические решения не стали препятствием для доступа к правосудию.

Особое значение имеет проблема судебных извещений. Надлежащее извещение участников процесса является одной из гарантий справедливого судебного разбирательства. Электронные способы извещения могут ускорить процесс и снизить расходы, но они требуют достоверной идентификации адресата, подтверждения получения сообщения и ясного понимания правовых последствий. Если участник процесса фактически не получил информацию, формальное наличие электронного уведомления не должно подменять реальную гарантию участия в деле.

Проблемы судебного делопроизводства проявляются и в кадровой сфере. Работники аппарата суда выполняют значительный объём юридически значимой работы, требующей внимательности, знания процессуального законодательства, владения информационными системами и навыков общения с гражданами. При этом нагрузка на аппарат суда остаётся высокой. Цифровизация требует от сотрудников новых компетенций, но не всегда сопровождается достаточным обучением и организационным перераспределением обязанностей. В результате новые технологии могут восприниматься не как облегчение работы, а как дополнительная административная нагрузка.

Ещё одним направлением проблем является открытость судебной информации. Федеральный закон № 262-ФЗ закрепляет принцип доступности информации о деятельности судов [3]. На практике это выражается в размещении сведений о судебных делах, текстов судебных актов, графиков заседаний, информации о работе суда. Такая открытость повышает доверие к судебной системе и позволяет обществу контролировать деятельность судов. Вместе с тем она требует соблюдения баланса между публичностью и защитой персональных данных, тайны частной жизни, сведений ограниченного доступа и интересов несовершеннолетних.

В условиях цифрового делопроизводства возрастает значение информационной безопасности. Судебные документы содержат персональные данные, коммерческую тайну, сведения о частной жизни, материалы уголовных дел, медицинскую и иную чувствительную информацию. Поэтому развитие электронных сервисов невозможно без защищённой инфраструктуры, устойчивых каналов связи, контроля доступа, резервного копирования и ответственности за нарушение режима хранения данных. Информационная безопасность становится не техническим приложением к делопроизводству, а одним из условий законности судебной деятельности.

Перспективы развития судебного делопроизводства связаны с постепенным переходом от электронного документооборота к полноценному электронному судебному делу. Это означает, что цифровая форма должна стать не копией бумажного дела, а самостоятельной правовой и организационной основой судебного производства. Такой переход требует единых требований к электронным документам, порядку их удостоверения, хранению, доступу, передаче между инстанциями и архивному обеспечению.

Развитие судебного делопроизводства также предполагает более тесную интеграцию судебных информационных систем с государственными цифровыми сервисами. Использование Единого портала государственных услуг, межведомственного электронного взаимодействия, электронных доверенностей, цифровых подписей и реестров может снизить количество документов, которые участники процесса вынуждены представлять самостоятельно. Судебное делопроизводство в этом случае перестаёт быть изолированной внутренней процедурой суда и становится частью общей цифровой инфраструктуры государства.

При этом цифровизация не должна вытеснять традиционные способы обращения в суд. Российская судебная система обслуживает разные группы населения, включая пожилых граждан, жителей сельских территорий, лиц с ограниченным доступом к сети Интернет, граждан без устойчивых цифровых навыков. Поэтому перспективная модель судебного делопроизводства должна быть смешанной: цифровые каналы должны расширять доступ к правосудию, но не отменять возможность личного обращения и получения документов на бумажном носителе.

Значимым направлением развития является унификация делопроизводственных процедур. Различия между судами общей юрисдикции, арбитражными судами и мировыми судьями имеют объективные основания, поскольку они рассматривают разные категории дел. Однако базовые принципы работы с документами, электронными обращениями, судебными извещениями, хранением материалов и доступом к информации должны быть максимально

согласованы. Это особенно важно для граждан и представителей, которые взаимодействуют с разными судами и сталкиваются с различиями в технических требованиях и организационных правилах.

Судебное делопроизводство в перспективе должно развиваться как самостоятельная управленческая и правовая подсистема судебной власти. Его качество зависит не только от программного обеспечения, но и от ясности процедур, профессионализма аппарата суда, достаточности кадров, устойчивости информационной инфраструктуры и процессуальной определённости. Нельзя сводить модернизацию делопроизводства к закупке техники или запуску электронных сервисов. Без изменения организационной культуры суда такие меры будут иметь ограниченный эффект.

Важным условием дальнейшего развития является повышение статуса работников аппарата суда. Их деятельность напрямую влияет на сроки рассмотрения дел, качество коммуникации с гражданами и фактическую доступность правосудия. Поэтому профессиональная подготовка, повышение квалификации, снижение избыточной нагрузки и закрепление ясных стандартов работы являются необходимыми элементами реформирования судебного делопроизводства.

Таким образом, основные перспективы развития судебного делопроизводства связаны с формированием электронного судебного дела, преодолением двойного документооборота, унификацией процедур, укреплением информационной безопасности, развитием электронных извещений, интеграцией с государственными цифровыми сервисами и повышением профессионального уровня аппарата суда. При этом технологические решения должны служить процессуальным гарантиям, а не заменять их.

Выводы

Судебное делопроизводство является не вспомогательной технической процедурой, а важным элементом судебной деятельности. Оно обеспечивает движение дела, фиксацию процессуальных действий, информирование участников процесса, сохранность документов и практическую реализацию права на судебную защиту.

Современное состояние судебного делопроизводства характеризуется переходом от бумажной модели к смешанной, бумажно-электронной форме. Этот переход уже изменил работу судов, однако одновременно выявил новые проблемы: дублирование документов, увеличение нагрузки на аппарат суда, неодинаковый уровень цифровой готовности, сложности электронного извещения, риски информационной безопасности и недостаточную нормативную определённость электронного судебного дела.

Развитие судебного делопроизводства должно быть связано не только с технической модернизацией, но и с совершенствованием процессуального регулирования. Электронные документы, электронные извещения, цифровое хранение материалов и дистанционный доступ к делу должны иметь ясный правовой режим, исключающий неопределённость для суда и участников процесса.

Перспективной основой дальнейшего развития является переход к полноценному электронному судебному делу. Однако такой переход должен быть постепенным и учитывать различия между категориями дел, юрисдикциями, уровнем цифровой грамотности граждан и техническими возможностями судов. Цифровизация должна расширять доступ к правосудию, а не создавать новые барьеры.

Особое значение имеет кадровая составляющая. Работники аппарата суда становятся ключевыми участниками цифровой трансформации судебного делопроизводства. Без повышения квалификации, разумного распределения нагрузки и укрепления организационного статуса аппарата суда технологические изменения не смогут обеспечить ожидаемый результат.

Судебное делопроизводство в перспективе должно развиваться как система, сочетающая процессуальную точность, организационную эффективность, информационную безопасность и открытость судебной власти. Только при таком подходе модернизация делопроизводства будет способствовать реальному повышению доступности и качества правосудия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 1 (6 января). — Ст. 1.

[3] Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. — 2008. — 29 декабря (№ 52, ч. I). — Ст. 6217.

[4] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №

138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

[5] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[6] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ.// // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

[8] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700/ (дата обращения: 07.06.2026).

[9] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/ (дата обращения: 07.06.2026).

[10] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/97ec508e3fab9ee602b836d97366e2887d7cc947/ (дата обращения: 07.06.2026).

[11] Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утверждённая постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1406. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/federalnaya_celevaya_programma_razvitie_sudebnoj_sistemy_rossii_na_2013-2020_gody/ (дата обращения: 07.06.2026).

[12] Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы: одобрена Советом судей Российской Федерации 05.12.2019. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (дата обращения: 07.06.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2014. — No. 31. — Art. 4398.

[2] Federal Constitutional Law of December 31, 1996 No. 1-FKZ “On the Judicial System of the Russian Federation”. Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1997. — No. 1 (January 6). — Art. 1.

[3] Federal Law of December 22, 2008 No. 262-FZ “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation”. // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2008. — December 29 (No. 52, Part I). — Art. 6217.

[4] Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 46. — Art. 4532.

[5] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ. // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

[6] Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 No. 21-FZ.// // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2015. — No. 10. — Art. 1391.

[7] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ. // // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 52 (Part I). — Art. 4921.

[8] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of 29.04.2003 No. 36 “On Approval of the Instructions for Court Proceedings in the District Court”. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42700/ (date of access: 07.06.2026).

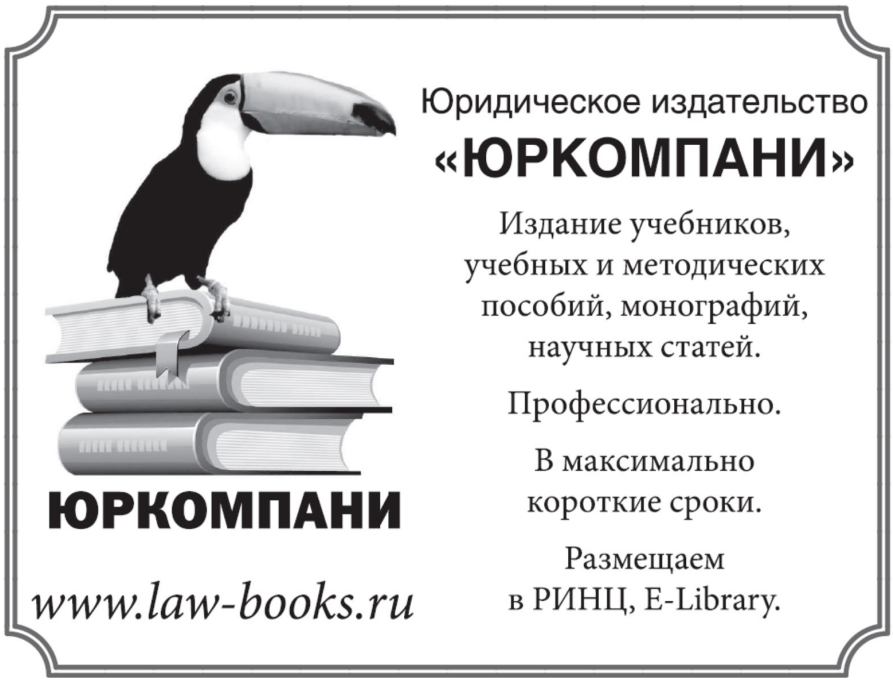
[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 25.12.2013 No. 100 “On Approval of the Instructions for Office Work in Arbitration Courts of the Russian Federation”. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/ (date of access: 07.06.2026).

[10] Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2016 No. 251 “On Approval of the Procedure for Submitting Documents to Federal Courts of General Jurisdiction in Electronic Form, Including in the Form of an Electronic Document”. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/97ec508e3fab9ee602b836d97366e2887d7cc947/ (accessed: 07.06.2026).

[11] Federal Target Program “Development of the Judicial System of Russia for 2013-2020”, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 27.12.2012 No. 1406. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/

law/podborki/federalnaya_celevaya_programma_razvitie_sudebnoj_sistemy_rossii_na_2013-2020_gody/ (accessed: 07.06.2026).

[12] Concept of the information policy of the judicial system for 2020–2030: approved by the Council of Judges of the Russian Federation on 05.12.2019. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339776/ (date of access: 07.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-418-424

ЗАРУБИНА Мария Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,

e-mail: 17mz84@mail.ru

УСЛОВИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ СУДОВ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Аннотация. *В настоящей статье спор о кадастровой стоимости земельного участка рассматривается как административный спор с органом публичной власти. Процессуальное законодательство устанавливает исключительную подсудность таких дел судам общей юрисдикции независимо от правового статуса административного истца, однако условия обращения в суд в последнее время менялись неоднократно, что стало причиной анализа данной проблемы. Автор полагает целесообразным выявить основные проблемы досудебного порядка урегулирования такого спора и сделать вывод о сложившейся системе защиты права на достоверную информацию о земельном участке. В работе предлагается закрепить за существующими механизмами оспаривания кадастровой стоимости в бюджетных учреждениях или в специальных комиссиях функции досудебной административной процедуры, что позволит судам рассматривать такие дела в упрощенном порядке и в минимальные сроки.*

Ключевые слова: *земельный спор, кадастровая стоимость, административный процесс, административный иск, досудебная процедура.*

ZARUBINA Maria Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Civil Procedural Law
North Western branch of the Federal State Budget-Funded
Educational Institution of Higher Education
«The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

CONDITIONS FOR DETERMINING THE JURISDICTION OF COURTS IN CASES CHALLENGING THE CADASTRAL VALUE OF LAND PLOTS

Annotation. *This article examines a dispute over the cadastral value of a land plot as a land dispute with a public authority. Procedural legislation establishes the exclusive jurisdiction of general jurisdiction courts for such cases, regardless of the legal status of the administrative plaintiff. However, the conditions for filing a claim in court have changed repeatedly recently, prompting this discussion. The author believes it is appropriate to identify the main problems with pre-trial resolution of such disputes and draw conclusions about the existing system for protecting the right to reliable information about a land plot. The article proposes consolidating pre-trial procedures within existing mechanisms for challenging cadastral values in budgetary institutions or special commissions, which will allow courts to consider such cases in a simplified manner and within the shortest possible time.*

Key words: *land dispute, cadastral value, administrative process, administrative claim, pre-trial procedure.*

Постановка проблемы

Оценка кадастровой стоимости объекта недвижимости – многоэтапная и сложная процедура, требующая знаний, умений и навыков сразу в нескольких отраслях хозяйства. Компетенцией по организации и совершению мероприятий по подготовке и принятию решения в этой области наделено бюджетное учреждение, создаваемое субъектом РФ. В специальном законе и иных разъясняющих

нормативных правовых актах обращается внимание на последовательность проведения государственной кадастровой оценки: принятие решения, подготовка к проведению оценки, выбор метода расчета, осуществление оценки и контроль за качеством результатов [9]. Завершающий этап представляет особый интерес, так как наделяет орган публичной власти объемом полномочий, достаточным для разрешения спора в случае несогласия правообладателя недвижимости с результатами.

Системный подход к защите права на правильную и корректную кадастровую оценку заложен в главе 25 КАС РФ, предусматривающую 3 самостоятельных способа судебной защиты:

1 – оспаривание результатов определения кадастровой стоимости,

2 – оспаривание решений **комиссии** по рассмотрению таких споров (далее – Комиссия),

3 – оспаривание решений и действий (бездействия) **бюджетного учреждения** в отношении требований по установлению кадастровой стоимости, а также об исправлении ошибок.

Возникает вопрос: почему именно для этой категории административных дел законодатель ввел сразу несколько форм защиты нарушенного права – административную и судебную? И как такой подход может повлиять на дальнейшее развитие административной процессуальной формы, значительно отличающейся от смежных ей форм (имеется ввиду гражданская и арбитражная процессуальная форма)?

На примере кадастровой оценки земельного участка, являющейся основной и определяющей по отношению к другим объектам недвижимости, важно подчеркнуть специальный характер учетной деятельности органов публичной власти, ведь как верно отмечается в научных работах, производится оценка не природного ресурса как такового, а конкретного объекта недвижимости, вовлеченного в гражданский оборот [1, с. 115 – 116]. Действительно, в целях гражданского оборота его участники должны иметь правдивую информацию в отношении предмета сделки, и здесь крайне важное имеет значение соотношение кадастровой и рыночной стоимости земельного участка. Для государственных и муниципальных органов такие данные также имеют большое практическое значение для целей обращения недвижимости, находящейся в государственной или муниципальной собственности, и они наряду с гражданами и юридическими лицами становятся субъектами права оспаривания результатов кадастровой оценки.

Эффективность предусмотренных в главе 25 КАС РФ процессуальных механизмов нами ставится под сомнение, поскольку административные процедуры лишь усложняют, но не устраняют возникший спор. Согласно данным Росреестра по состоянию на 2025 год количество заявлений, поданных в Комиссию, составляет 8 единиц в отношении 12 объектов недвижимости, а в судах только за период с 01.01.2025 по 30.09.2025 в судах инициировано 2909 споров о величине внесенной в Единый государственный реестр недвижимости кадастровой стоимости в отношении 4386 объектов недвижимости, в том числе по спорам с Комиссиями и бюджетными учреждениями [10].

С 8 января 2026 г. вступили в силу изменения в ст. 22.1 Закона о кадастровой оценке [11], в соответствии с которыми изменился порядок установления кадастровой стоимости в размере рыночной стоимости. Теперь действует внесудебный порядок обращения с таким требованием в бюджетное учреждение (личное обращение, почтовое отправление, многофункциональный центр, портал государственных и муниципальных услуг). Процедура рассмотрения такого заявления, судя по положению ст. 10.1 упомянутой нормы, может быть не унифицированной, но строго регламентированной уполномоченным органом субъекта РФ. Целесообразно разработать типовой регламент рассмотрения заявлений для бюджетных учреждений всех регионов с тем, чтобы соблюсти принцип равенства всех перед законом и судом, независимо от места нахождения земельного участка. Соблюдение сроков и этапов прохождения административной процедуры впоследствии проверяются судом, в котором обжалуется принятое решение бюджетного учреждения. Перечень документов, прикладываемых к заявлению, минимален – отчет об оценке рыночной стоимости с выпиской из ЕГРН и заявление обращающегося лица. Причем в случае, если заявление подает лицо, не являющееся собственником недвижимости (за исключением государственных / муниципальных органов), то требуется приложить согласие собственника, составленное в простой письменной форме. Также для этой процедуры предусмотрены правила, определяющие начала этой процедуры, сроки обращения и основания для возвращения заявления. Приказом Росреестра от 06.08.2020 № П/0287 утверждены формы заявления, требования, предъявляемые к документам в электронной форме. Ход процедуры ограничен во времени и относится к обязательным составляющим соблюдения законности рассмотрения требования. Решение бюджетного учреждения может быть оспорено в административном судопроизводстве.

По аналогии с обращениями в Комиссию, рассмотрение заявления бюджетным учреждением необходимо считать досудебным порядком урегулирования спора (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28) [12], то есть условием реализации права на предъявление административного иска.

Зададимся такими вопросами: правомерно ли смешивать правовую природу досудебного порядка урегулирования гражданско-правового спора и административного спора; одинаковые ли у них цели, принципы и правила? В теории гражданского процессуального права Д.С. Илюшников заслуженно обращает внимание на самодостаточность досудебного порядка, если он обязателен для обеих сторон, в противном случае его применение – это пустая трата времени; предлагается строить отношения сторон при выборе любого из способов досудебного порядка на принципах взаимного уважения и доверия, совместной ответственности, добросовестности, разумности и т.д. [2, с. 11].

Досудебный порядок урегулирования административного (публичного) спора сильно отличается по таким признакам как: обязательность в силу закона, неравноправное положение субъектов спора, строгий и неукоснительный регламент, зависящий исключительно от нормативных установок. Следовательно, для некоторых категорий административных дел досудебный порядок может приобретать специфические черты: квази-процессуальная процедура рассмотрения требования, формирование предмета доказывания, получение от заинтересованных участников публичных правоотношений необходимых документов (отзывов, возражений, экспертиз и прочее), соблюдение формы процедуры. Данный подход создаст качественно новое представление о порядке обращения в суд с административным иском и позволит судам более точно разграничивать судебную и административную юрисдикции.

Теория административного иска, компетенция суда и досудебная административная процедура: правила соотношения

В теории гражданского процесса вопросы соотношения права на судебную защиту, права на предъявление иска и права на обращение в суд обсуждались неоднократно. Представляется, что три указанные категории взаимосвязаны, самостоятельны, а их содержание часто является предметом обсуждений в теории и судебной практике. Конституционное правосудие часто указывает на фундаментальность и неограниченность права на судебную защиту, включающее в себя право на обращение в суд, доступ к правосудию, получение судебное защиты через реализацию принципов правосудия [13]. Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту, которая охватывает все виды судопроизводств и формы обращения в суд, всех субъектов общественных отношений. *Государство, обеспечивая осуществление прав, закрепленных в российском законодательстве, должно гарантировать не только доступ к суду, но и процессуальные механизмы, достаточные для восстановления нарушенных прав.* В литературе отмечаются некоторые признаки их эффективности: адекватность, проявляющуюся в установлении процессуального порядка, и способность привести к желаемой цели, то есть набор средств и способов, позволяющих беспрепятственно получать судебную защиту [3, с. 313].

Исковая форма защиты характерна для всего цивилистического процесса, основывается на незыблемости состязательности и равноправия сторон, равенстве всех лиц, обращающихся в суд. Эти начала абсолютны, и суд, осуществляя руководство процессом, обязан восстановить нарушенное право, пресечь злоупотребления, принять законное и обоснованное решение. Однако *объединение цивилистических процессуальных правил в различные кодифицированные нормативные акты (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ) предполагают неодинаковые подходы к судебной защите при использовании одного и того же средства – иска.* Так, принципиально неверным приравнивать правовую природу иска и административного иска, поскольку в последнем сочетается как субъективная составляющая, так и публично-правовая цель. Этим объясняется, во-первых, то, что истец ограничен в выборе способа судебной защиты, в каждой категории дел по КАС РФ обозначен конкретный перечень возможных исковых требований, которые практически никогда не могут быть изменены или объединены с другими требованиями. Во-вторых, как верно отмечается в отдельных исследованиях, категория административного иска предназначена еще и для осуществления судебного контроля с целью повышения уровня законности и объективности исполнения административными органами публично-властных полномочий [4, 4 –5].

Институциональность административного иска, его самостоятельность и уникальность отражается непосредственным образом и на конструкции «права на иск», определяемую как совокупность предпосылок и условий права на предъявления иска и права удовлетворение иска. И если ранее до принятия КАС РФ исковое заявление по делам искового производства и заявление по делам, возникающим из публичных

правоотношениям, были конструктивно одинаковыми, так как обеспечивались единой процессуальной формой, то правовая природа административного иска имеет несколько другие, хотя и смежные черты. Безусловно, это большая и очень важная тема для дальнейших исследований, хотя уже сегодня на основании комплексного изучения норм административного судопроизводства можно говорить о некоторых особенностях.

В частности, в настоящей статье речь идет об одном из условий предъявления административного иска – досудебном порядке урегулировании спора в административном порядке или обязательной административной процедуре, предшествующей обращению в суд. Думается, что концепция защиты публичного интереса пронизывает все категории дел, рассматриваемых в порядке КАС РФ. Не углубляясь в содержание данной категории, следует всё-таки признать дуальную природу административного иска благодаря особой значимости публичного интереса в конструкции спорного публичного правоотношения. То есть право на судебную защиту через призму правовой природы универсальности применения в отраслевом законодательстве имеет не только материальный компонент, но и процессуальную составляющую. И, как верно отмечается в литературе, порядок обращения в суд за судебной защитой (процессуальный компонент) устанавливается усмотрением федерального законодателя [5, с. 128].

Концепция развития правосудия нацелена на совершенствование и гибкость процессуальной формы. До сих пор эта задача достигалась за счет ее специализации, в частности, путем объединения отдельных категорий административных дел в один законодательный акт – КАС РФ. Место судебных процедур в системе процессуальных правоотношений только набирает обороты. Законодатель как будто осторожничает предать этому правовому явлению нормативное содержание и обеспечить его дальнейшее развитие и укрепление в практике правоприменения. Между тем, теория судебных процедур в гражданском процессе только начала развиваться в России, но имеет большее значение, на наш взгляд, именно для административного судопроизводства, объединяющего в себе процессуальные и непроцессуальные механизмы разрешения споров. В частности, Т.В. Сахнова в целях развития цивилистической процессуальной формы выделяет судебные непроцессуальные процедуры, то есть материально-правовые по своей сути процедуры, назначаемые до возбуждения судебного процесса, а также судебные делегированные процедуры, применяемые до судебного разбирательства [6, с. 27 – 28]. Исследования данного ученого дают надежду на то, что оптимизация и эффективность механизма судебного правоприменения повысятся благодаря качественно новому подходу к модернизации процессуальной формы.

Как было пояснено ранее, такие задатки уже есть в современном КАС РФ. Рассмотрение спора о кадастровой стоимости недвижимости бюджетным учреждением не что иное как досудебная административная процедура, которая по своим признакам отличается от досудебного порядка урегулирования гражданского спора. Однако квалификация этой процедуры как судебной непроцессуальной или судебной делегированной в российском административном судопроизводстве, на наш взгляд, зависит от следующих моментов:

1 – будет ли предусмотрено в КАС РФ право суда возбудить производство по оспариванию кадастровой стоимости и в определении о принятии административного искового заявления назначить административную процедуру. В этом случае последняя станет предметом судебного процесса в случае необходимости, то есть если административный истец не согласится с принятым решением бюджетного учреждения;

2 – если для процессуального оспаривания решения компетентного органа будет предусмотрен упрощенный порядок, поскольку все материалы дела с возражениями сторон и экспертными заключениями, полученными в ходе проведения административной процедуры, собраны и получены. Их осталось оценить суду и сделать соответствующие выводы относительно судьбы принятого решения.

Таким образом, процессуальная деятельность при соблюдении перечисленных условий не станет автономной от административной процедуры, но выступит необходимой гарантией соблюдения законности и справедливости принятого решения. По некоторым делам об оспаривании кадастровой стоимости административная процедура сама по себе будет недостаточной, требуется судебная оценка имеющихся доказательств. Так, по одному из таких дел стороны заняли совершенно противоположную позицию относительно оснований для расчета кадастровой стоимости – исходя из результатов последней государственной кадастровой оценки или на основе результатов кадастровой стоимости в размере рыночной, установленной вступившим в законную силу решением суда [14]. Однако при оценке правильности выбора методов, применяемых для оценки, например, земельных участков, исследование характеристик объекта,

достаточность методов, их согласованность и корректность применения на конкретную дату проведения кадастровой оценки на непроцессуальном этапе просто необходима. В одной из работ делается вывод о противоречивой практике внедрения в расчеты только одного метода [7, с. 25].

Досудебная административная процедура как составная часть административной процессуальной формы (на примере главы 25 КАС РФ)

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным разграничить досудебный порядок урегулирования спора и досудебную административную процедуру по следующим критериям:

1. *По объекту досудебного регулирования*. В обычном досудебном порядке урегулированию подлежит частноправовой спор между равноправными субъектами. В досудебной административной процедуре – публично-правовой спор, в котором участвует компетентный административный орган, автономный по отношению к другому публичному органу власти – участнику спора.

2. *По порядку проведения процедуры.* Досудебный порядок урегулирования спора проводится по согласованию самими участниками спорного правоотношения. Ими могут быть выбраны переговоры, направление претензии, проведение примирительной процедуры. При проведении административной процедуры действует утвержденный регламент, в котором прописываются стандартные правила и этапы проведения слушаний по спору и (или) представления пакета документов.

3. *По срокам совершения непроцессуальных действий*. Срок досудебного порядка может быть урегулирован самими сторонами в договоре либо самостоятельном соглашении, а также законом. Срок административной процедуры обозначен в административном регламенте.

4. *По оформлению решения по спору*. В досудебном порядке решение как таковое не принимается, ответ на претензию с удовлетворенным или неудовлетворенным требованием одной и сторон оформляется в одностороннем порядке. Если стороны пришли к мирному урегулированию спора, то результаты могут быть оформлены мировым соглашением, дополнительным соглашением к договору или фактическим исполнением обязательства.

По итогам административной процедуры принимается решение с выводами относительно мотивов его принятия.

5. *По осуществлению судебного контроля за ходом проведения процедуры.*

Досудебный порядок не контролируется судом. Если в силу соглашения или закона он является необходимой предпосылкой права на предъявления иска, то для суда достаточно формально ознакомиться с прохождением этого досудебного этапа на стадии принятия искового заявления к производству.

Представляется, что досудебная административная процедура должна рассматриваться как часть административной процессуальной формы. В теории не сложилось единого понятия данной категории и впереди нас ждет много осмыслений относительно признаков ее устройства и содержания. А пока, находясь на стадии научного поиска, поддержим позицию Л.Ю. Зуевой, расценивающей административно-процессуальную форму как один из видов процессуальной формы, главное предназначение которой заключается в обеспечении строгого соблюдения законности во всех сферах деятельности по применению норм материального права [8, с. 64 – 66].

Выводы

Проведение анализа изменений законодательства относительно порядка установления кадастровой оценки объекта недвижимости в размере рыночной стоимости на примере земельных участков привело автора настоящей статьи к следующим выводам:

1. Судебная компетенция по рассмотрению административного спора может быть связана с реализацией полномочий компетентного органа власти по осуществлению досудебной административной процедуры.

2. Предлагается рассматривать досудебную административную процедуру как непроцессуальную часть административной процессуальной формы. Это создаст дополнительные гарантии для восстановления прав административного истца путем всестороннего, полного и справедливого установления оснований нарушенного права в оптимальные сроки.

3. Современный административно-процессуальный механизм защиты частных и публичных интересов основывается на последовательном осуществлении непроцессуальных и процессуальных действий участников спорного публичного правоотношения. Суд как гарант соблюдения конституционных гарантий прав, свобод и законных интересов осуществляет контроль за соблюдением предусмотренных правил проведения досудебной административной процедуры, оценивает все материалы административного дела, при необходимости реализует принцип активной роли

суда, и соответственно делает вывод о законности принятого решения.

Список литературы:

[1] Орлова А.Н., Мичурина Е.Д. Значение и проблемы кадастровой оценки земли для гражданских правоотношений // Цивилист. 2026. – № 1. – С. 112 – 119.

[2] Илюшников Д.С. Досудебное урегулирование как условие реализации права на обращение в суд по отдельным категориям гражданских дел: автореф. дисс. …к.ю.н. / Д.С. Илюшников. Саратов, - 2023. – 25 с.

[3] Султанов А.Р. Должная правовая процедура - гарантия всех остальных прав: К 30-летнему юбилею Конституции Российской Федерации. Москва: Статут, - 2024. – 324 с.

[4] Рогачева О.С. Административный иск - универсальное средство защиты в сфере административных и иных публичных правоотношений: гипотеза или аксиома процессуальной формы административного судопроизводства? // Административное право и процесс. 2025. – № 12. – С. 3 – 11.

[5] Пожарская Т.Р. Органы публичной власти в механизме реализации конституционного права на судебную защиту в целях защиты прав и законных интересов других лиц : Дисс. …к.ю.н. / Т.Р. Пожарская. Екатеринбург, - 2022. – 224 с.

[6] Сахнова Т.В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 4. – С. 27 – 49.

[7] Сегаль Л.А., Бригидина С.Ю. Реализация доходного подхода при оценке земельных участков для целей оспаривания кадастровой стоимости: теория и практика // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 1. – С. 24 – 36.

[8] Зуева Л.Ю. Об общих и некоторых специфических признаках административно-процессуальной формы // Административное право и процесс. – 2025. – № 11. – С. 63 - 68.

[9] Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной кадастровой оценке» // СЗ РФ. – 2016. – №27. – Ст. 4170; Приказ Росреестра от 04.08.2021 № П/0336 (ред. от 15.09.2025) «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» // Документ опубликован не был. // Справочная информационная система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (дата обращения 15.06.2026).

[10] Статистические данные Росреестра // [Официальный сайт] URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-obektov-/ (дата обращения 15.06.2026).

[11] Федеральный закон от 28.12.2025 № 513-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8300.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // БВС РФ. – 2015. – №9.

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2020 № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.М. Четыза» // СЗ РФ. – 2020. – №29. – Ст. 4736.

[14] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.03.2025 по делу № 88а-6200/2025 // Справочная информационная система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/online/lastdocs/KSOJ002/ (дата обращения 15.06.2026).

References:

[1] Orlova A.N., Michurina E.D. The Importance and Problems of Cadastral Valuation of Land for Civil Legal Relations // Tsivilist. 2026. – No. 1. – pp. 112 – 119.

[2] Ilyushnikov D.S. Pre-trial Settlement as a Condition for Realizing the Right to Appeal to Court in Certain Categories of Civil Cases: Abstract of a PhD Dissertation / D.S. Ilyushnikov. Saratov, - 2023. – 25 p.

[3] Sultanov A.R. Due Process – a Guarantee of All Other Rights: On the 30th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation. Moscow: Statut, - 2024. – 324 p.

[4] Rogacheva O.S. Administrative Claim - a Universal Remedy in Administrative and Other Public Legal Relations: Hypothesis or Axiom of the Procedural Form of Administrative Court Proceedings? // Administrative Law and Process. 2025. - No. 12. - pp. 3 - 11.

[5] Pozharskaya T.R. Public Authorities in the Mechanism for Implementing the Constitutional Right to Judicial Protection in Order to Protect the Rights and Legitimate Interests of Other Persons: Diss. ... Cand. Sci. (Law) / T.R. Pozharskaya. Yekaterinburg, - 2022. - 224 p.

[6] Sakhnova T.V. “Incomplete” Judicial Procedures in Modern Civil Procedure // Bulletin of Civil Procedure. - 2021. - No. 4. - pp. 27 - 49.

[7] Segal L.A., Brigidina S.Yu. Implementation

of the income approach in the valuation of land plots for the purposes of challenging the cadastral value: theory and practice // Property relations in the Russian Federation. - 2025. - No. 1. - pp. 24 - 36.

[8] Zueva L. Yu. On general and some specific features of the administrative-procedural form // Administrative law and process. - 2025. - No. 11. - pp. 63 - 68.

[9] Federal Law of 03.07.2016 No. 237-FZ (as amended on 28.12.2025) “On state cadastral valuation” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2016. - No. 27. - Art. 4170; Order of Rosreestr dated August 4, 2021 No. P/0336 (as amended on September 15, 2025) “On approval of the Methodological Guidelines for State Cadastral Valuation” // The document was not published. // ConsultantPlus Reference Information System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200504/ (accessed June 15, 2026).

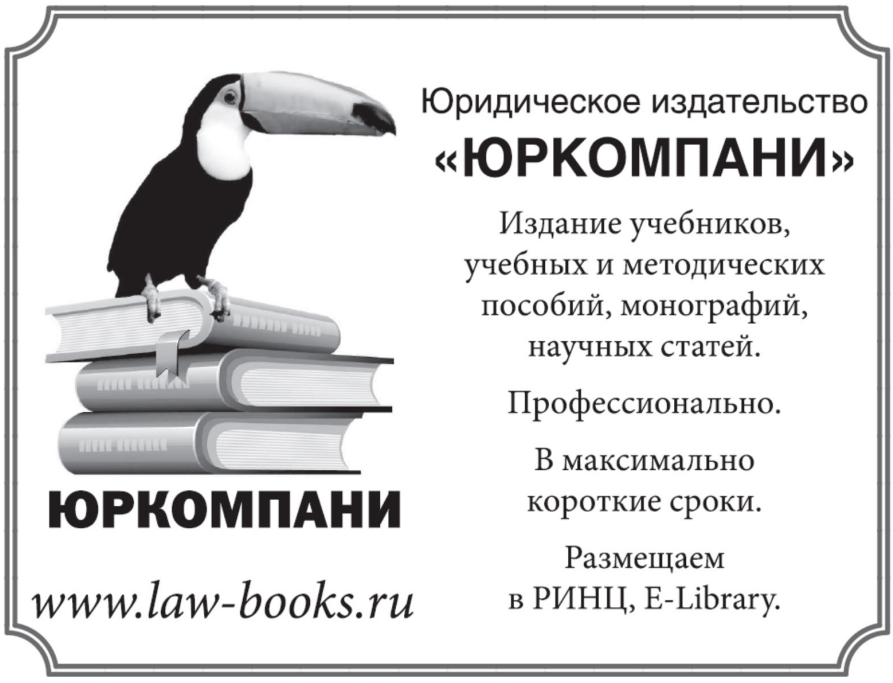
[10] Statistical data of Rosreestr // [Official website] URL: https://rosreestr.gov.ru/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-obektov-/ (date of access 15.06.2026).

[11] Federal Law of 28.12.2025 No. 513-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 52 (Part I). Art. 8300.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 28 “On Certain Issues Arising During the Consideration by Courts of Cases Contesting the Results of Determining the Cadastral Value of Real Estate Objects” // BVS RF. - 2015. - No. 9.

[13] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2020 No. 35-P “On the Case of Verifying the Constitutional Validity of Part One of Article 392 of the Labor Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen R.M. Chetyz” // SZ RF. - 2020. - No. 29. - Art. 4736.

[14] Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated March 5, 2025, in case No. 88a-6200/2025 // ConsultantPlus Reference Information System. URL: https://www.consultant.ru/online/lastdocs/KSOJ002/ (accessed June 15, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-425-428

МИХАЙЛОВ Виктор Валентинович,

АНО ВО «РОСНОУ»– Российский новый университет, Москва, Россия,

e-mail: viktor.mixajlov2017@yandex.ru

КОРНИЛОВ Алексей Радионович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Юридического института, Российский новый университет, Москва; доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, SPIN-код: 1868-6707, AuthorID: 710380,

e-mail: magelan7@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу фактического положения судебного прецедента в правовой системе Российской Федерации. Автор рассматривает противоречие между формальной принадлежностью России к романо-германской правовой семье и реальной ролью решений высших судебных органов в правоприменительной практике. Особое внимание уделяется постановлениям Пленума Верховного Суда РФ и обзорам судебной практики, которые де-факто выполняют прецедентные функции, обеспечивая единообразие и предсказуемость правосудия. В статье анализируются различные теоретические позиции современных исследователей по вопросу признания судебного прецедента источником права, а также преимущества и риски, связанные с его легализацией. На основе анализа актуальных нормативных и правоприменительных материалов делается вывод о формировании в России гибридного правового режима, эволюционирующего в сторону фактического признания прецедентного характера актов высшей судебной инстанции.*

Ключевые слова: *прецедент, судебный, источник, право, постановление, пленум, практика, Верховный суд.*

MIKHAYLOV V.V.,

Russian New University – RosNOU, Moscow, Russia

KORNILOV A.R.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, Law Institute, Russian New niversity, Moscow; Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan.

PRECEDENT IN THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the actual situation of the judicial precedent in the legal system of the Russian Federation. The author examines the contradiction between Russia's formal membership in the Romano-German legal family and the real role of the decisions of the highest judicial authorities in law enforcement practice. Special attention is paid to the rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and reviews of judicial practice, which de facto perform precedent functions, ensuring uniformity and predictability of justice. The article analyzes various theoretical positions of modern researchers on the issue of recognizing judicial precedent as a source of law, as well as the advantages and risks associated with its legalization. Based on the analysis of current regulatory and law enforcement materials, a conclusion is drawn about the formation of a hybrid legal regime in Russia, evolving towards the de facto recognition of the precedent nature of acts of the highest judicial instance.*

Key words: *precedent, judicial process, source, law, resolution, plenum, practice, Supreme Court.*

Введение

Вопрос о существовании судебного прецедента в российской правовой системе традиционно относится к числу дискуссионных. Формально Россия принадлежит к романо-германской правовой семье, где основным источником права признается нормативный правовой акт. Однако любой практикующий юрист подтвердит: решения вышестоящих судов, особенно Верховного Суда РФ, оказывают определяющее влияние на то, как нижестоящие суды будут разрешать аналогичные дела. Это противоречие между теорией и практикой требует внимательного анализа, тем более что в последние годы тенденция к признанию за судебными актами прецедентного характера только усилилась. Целью статьи является анализ фактического положения судебного прецедента в судебной системе Российской Федерации через призму постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Постановления Пленума ВС РФ как квази-прецеденты

Начнем с самого очевидного и в известном смысле легального проявления прецедентности в российской системе. Речь идет о постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Строго говоря, согласно статье 126 Конституции РФ и Федеральному конституционному закону о Верховном Суде РФ, Пленум дает разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства [5]. Формально это не создание новой нормы, а толкование уже существующей. Но по факту такие разъяснения обладают обязательной силой для всех нижестоящих судов.

Возьмем, к примеру, Постановление Пленума ВС РФ от 30 июня 2020 года № 12, посвященное применению Арбитражного процессуального кодекса в суде апелляционной инстанции. В этом документе содержатся детальнейшие процессуальные правила, которых нет в самом АПК. Например, разъясняется, что ходатайство о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы рассматривается судьей единолично без извещения участвующих в деле лиц одновременно с решением вопроса о принятии жалобы к производству [5]. Это не просто толкование — это конкретное процессуальное предписание, адресованное судам. Без учета позиции Пленума правильно выстроить апелляционное обжалование попросту невозможно.

Схожая ситуация с Постановлением Пленума № 20 от 28 июня 2022 года по уголовным делам о преступлениях против правосудия. Там Верховный Суд фактически формирует линию обвинения, разъясняя, когда показания заведомо ложные, а когда — нет, что считать воспрепятствованием осуществлению правосудия, а что — добросовестным заблуждением участника процесса. Эти разъяснения немедленно подхватываются следствием и нижестоящими судами и становятся руководством к действию [6]. Получается, что постановления Пленума выполняют ту же функцию, что и прецеденты в англо-саксонской системе, — обеспечивают единообразие и предсказуемость правоприменения.

Обзоры судебной практики

Другой механизм, придающий отдельным судебным решениям прецедентное значение, — это обзоры судебной практики, которые регулярно утверждает Президиум Верховного Суда РФ. Один из последних примеров — Обзор судебной практики ВС РФ № 1, утвержденный 25 марта 2026 года. В нем аккумулированы правовые позиции по самым разным категориям дел: от споров о праве собственности до защиты избирательных прав [4].

Особенно показателен в этом смысле тематический обзор, посвященный административным делам о защите избирательных прав, который был утвержден тем же актом. Верховный Суд РФ сформулировал в нем четкую позицию: направление в избирательную комиссию извещения о проведении мероприятия по выдвижению кандидатов до дня официального опубликования решения о назначении выборов не является основанием для признания регистрации кандидата незаконной [2]. С этого момента любой нижестоящий суд, который попытается принять иное решение, будет рисковать тем, что его акт отменят. С точки зрения теории права, это чистой воды прецедент: один раз сформулированное Верховным Судом РФ правило применяется ко всем аналогичным случаям.

Или еще пример из того же обзора, касающийся налоговых споров. ВС РФ разъяснил, что минимальный предельный срок владения жилым помещением, приобретенным с использованием средств материнского капитала, исчисляется с даты использования этих средств, а не с момента регистрации права в ЕГРН [2]. Это разъяснение немедленно становится критерием для оценки законности действий налоговых органов и прав граждан. Никакой федеральный закон не дает столь конкретного ответа на этот вопрос — его дает судебная практика, и этот ответ обязателен для всех.

Почему ученые спорят о прецеденте

Обратимся к теоретикам. В юридической науке последних лет все чаще звучат голоса о том, что прецедентная система постепенно укореняется в российском правопорядке. Данилов И.А., Петров

Д.Ю. и Гусаим И.В. в своем исследовании 2025 года отмечают, что развитие этого института в России вызывает определенные вопросы, но введение прецедентной системы в судопроизводство имеет существенные преимущества [3]. Среди таких преимуществ авторы называют унификацию правоприменительной практики и повышение уровня профессионализма юристов [8].

Схожей позиции придерживается и Савинкин М.С., который в 2024 году опубликовал статью, посвященную правовому прецеденту как источнику права. Он исходит из того, что в современной России прецедент фактически уже работает, вопрос лишь в его официальном признании [7]. А в статье 2025 года Скачкова М.А. прямо говорит о судебном прецеденте в Российской Федерации как о свершившемся факте, хотя и оговаривается, что его природа и пределы действия остаются дискуссионными [8].

Впрочем, есть и иная точка зрения. Некоторые исследователи, например Грудцына Л.Ю., акцентирует внимание на историческом развитии судебного прецедента в России и приходят к выводу, что наша правовая система в силу своей романо-германской природы так и не стала по-настоящему прецедентной, несмотря на отдельные заимствования [1]. С этим трудно спорить: в отличие от Англии, где судья связан решениями вышестоящих судов жестко, наш судья может в исключительном случае отступить от позиции Верховного Суда РФ, если сочтет, что дело имеет особенности. Другое дело, что на практике это случается редко.

Преимущества и риски прецедентной системы

Так нужно ли нам официально признавать судебный прецедент источником права? У этого шага есть и плюсы, и минусы. Среди преимуществ Данилов И.А., Петров Д.Ю. и Гусаим И.В. выделяют, во-первых, унификацию правоприменительной практики, когда схожие дела получают схожие решения независимо от региона и конкретного судьи [2]. Во-вторых, это повышает предсказуемость правосудия для граждан и бизнеса, что в конечном счете улучшает деловой климат. В-третьих, прецедентная система делает юридическую науку и образование более практико-ориентированными, поскольку основной массив правовых знаний формируется не из абстрактных законов, а из реальных судебных решений [6].

Однако есть и серьезные риски. Главный из них — возможное ослабление роли законодателя. Если суды начнут активно создавать правовые нормы, парламент рискует утратить свою монополию на законотворчество. Кроме того, судебная система должна быть очень высокого качества, чтобы прецеденты не превратились в источник произвола. В России, где качество правосудия в разных судах варьируется, этот риск нельзя сбрасывать со счетов.

Заключение

В современной российской судебной системе сложился своеобразный гибридный правовой режим. Формально, в силу догматической принадлежности к романо-германской правовой семье, единственным легитимным источником права в Российской Федерации продолжает признаваться нормативный правовой акт. Вместе с тем фактическое положение дел свидетельствует об обратном: постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, де-факто выполняют все функции судебного прецедента. Они обеспечивают единообразие, стабильность и предсказуемость правоприменения, восполняют пробелы и устраняют неоднозначности в толковании законодательства, а для нижестоящих судов носят практически обязательный характер.

Отсутствие официального признания судебного прецедента источником права не отменяет его реального существования, но порождает серьёзные теоретико-правовые противоречия. Легализация этого института потребовала бы фундаментальной реформы всей системы источников права, пересмотра традиционных доктринальных установок и, что не менее важно, глубокой трансформации профессионального правосознания юристов. Вместе с тем, российская правовая система последовательно эволюционирует в сторону возрастания роли судебных актов как фактических регуляторов общественных отношений. Данная тенденция, по всей видимости, сохранится и в обозримом будущем, что делает вопрос о формальном признании судебного прецедента не только теоретическим, но и вполне практическим вызовом для отечественной юриспруденции.

Список литературы:

[1] Грудцына Л.Ю. Историческое развитие судебного прецедента в России // Образование и право. 2026. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-sudebnogo-pretsedenta-v-rossii (дата обращения: 30.05.2026).

[2] Данилов И. А., Петров Д. Ю., Гусаим И. В. Прецедентная система как источник права в РФ: теоретико-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnaya-sistema-kak-istochnik-prava-v-rf-teoretiko-pravovoy-analiz (дата обращения: 30.05.2026).

[3] Зубкова А.Е., Крючкова Г.А., Ткаченко

А.В. Роль и значение судебного прецедента в судебной системе России // Вестник магистратуры. 2023. №5-1 (140). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-sudebnogo-pretsedenta-v-sudebnoy-sisteme-rossii (дата обращения: 30.05.2026).

[4] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2026) (утв. постановлением Президиума ВС РФ от 25.03.2026 № 5А/2026). – URL: https://vsrf.ru/documents/all/35663/ (дата обращения: 30.05.2026)

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 N 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/ (дата обращения: 30.05.2026)

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (дата обращения: 30.05.2026)

[7] Савинкин М. С. Правовой прецедент как источник права // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №11-3 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-pretsedent-kak-istochnik-prava (дата обращения: 30.05.2026).

[8] Скачкова М.А. Судебный прецедент в Российской Федерации // Право и управление. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretsedent-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 30.05.2026).

References:

[1] Grudtsyna L.Yu. Historical development of judicial precedent in Russia//Education and law. 2026. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-razvitie-sudebnogo-pretsedenta-v-rossii (дата обращения: 30.05.2026).

[2] Danilov I.A., Petrov D.Yu., Gusaim I.V. Precedent system as a source of law in the Russian Federation: theoretical and legal analysis//Gaps in Russian legislation. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnaya-sistema-kak-istochnik-prava-v-rf-teoretiko-pravovoy-analiz (дата обращения: 30.05.2026).

[3] Zubkova A.E., Kryuchkova G.A., Tkachenko A.V. Role and significance of judicial precedent in the judicial system of Russia//Bulletin of magistracy. 2023. №5-1 (140). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-sudebnogo-pretsedenta-v-sudebnoy-sisteme-rossii (дата обращения: 30.05.2026).

[4] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2026) (approved by Decree of the Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation of 25.03.2026 No. 5A/2026). - URL: https://vsrf.ru/documents/all/35663/ (accessed on: 30.05.2026)

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2020 No. 12 “On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when Considering Cases in the Arbitration Court of Appeal” - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356423/ (date of appeal: 30.05.2026)

[6] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 20 “On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice” - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (date of appeal: 30.05.2026)

[7] Savinkin M.S. Legal precedent as a source of law//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. №11-3 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-pretsedent-kak-istochnik-prava (дата обращения: 30.05.2026).

[8] Skachkova M.A. Judicial precedent in the Russian Federation//Law and management. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-pretsedent-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 30.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-429-432

АБРАМОВА М.В.,

аспирант 2 курса Университета «Синергия», г. Москва, РФ,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

РЯЗАНЦЕВА Е.А.,

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Университет «Синергия», г. Москва, РФ,

e-mail: mail@law-books.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В СТ. 446 ГПК РФ: ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *Статья анализирует поправки в ст. 446 ГПК РФ (Федеральный закон от 23.03.2026 № 67-ФЗ), усиливающие социальную ориентированность процедуры банкротства. Изменения закрепляют исполнительский иммунитет для земельных участков, предоставленных многодетным семьям в рамках социальной поддержки, и их единственного транспортного средства, обеспечивая сохранение условий жизни семьи при урегулировании долгов и баланс интересов должников и кредиторов.*

Ключевые слова: *банкротство физических лиц, социальная ориентированность законодательства, исполнительский иммунитет, многодетные семьи, защита имущества должников, гуманизация банкротства, баланс интересов.*

ABRAMOVA, M.V.,

2st year postgraduate student, Synergy University Moscow, Russian Federation

Scientific supervisor:

RYAZANTSEVA, E.A.,

PhD in Law, Head of the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings, Synergy University Moscow, Russian Federation

AMENDMENTS TO ARTICLE 446 OF THE RF CPC: PROPERTY PROTECTION GUARANTEES FOR LARGE FAMILIES IN BANKRUPTCY

Annotation. *The article analyses amendments to Article 446 of the Russian Civil Procedure Code (Federal Law No. 67-FZ of 23 March 2026) that enhance the social orientation of bankruptcy procedures. The amendments establish enforcement immunity for land plots provided to large families as part of social support measures and for their sole vehicle, ensuring the preservation of family living conditions during debt settlement and maintaining a fair balance of interests between debtors and creditors.*

Key words: *bankruptcy of individuals, socially oriented legislation, enforcement immunity, large families, protection of debtors' assets, humanisation of bankruptcy, balance of interests.*

В общественном сознании банкротство физических лиц нередко ассоциируется с механизмом жёсткого принуждения к исполнению обязательств, что способствует формированию настороженного отношения к данной процедуре из-за возможных негативных последствий. При этом нормативно закреплённая функция банкротства заключается в первую очередь в урегулировании долговых обязательств перед кредиторами. В последние годы в законодательстве происходят изменения, направленные на усиление социальной составляющей института банкротства [1], в том числе через расширение гарантий защиты

социально уязвимых категорий должников.

Актуальность исследования обусловлена недавними поправками в ст. 446 ГПК РФ (Федеральный закон от 23.03.2026 № 67-ФЗ). Новые положения закона призваны усилить защиту имущественных прав должников — членов многодетных семей при сохранении разумного баланса интересов сторон. Законодатель расширил перечень имущества, не подлежащего взысканию в рамках исполнительного производства и процедур банкротства для многодетных семей. Изменения направлены на снижение жилищных и материальных рисков для данной категории должников, что позволит им проходить процедуру реализации имущества без резкого ухудшения условий жизни.

Цель статьи — провести юридический анализ изменений в ст. 446 ГПК РФ с акцентом на межотраслевое значение данных нововведений для защиты социально уязвимых должников. Поскольку поправки внесены недавно и устоявшаяся судебная практика после них ещё не сформировалась, анализируется судебная практика по вопросу включения единственного транспортного средства в конкурсную массу должника — члена многодетной семьи, сложившаяся до изменений. Это позволяет выявить правовые коллизии, послужившие основанием для корректировки положений ст. 446 ГПК РФ.

3 апреля 2026 года вступили в силу изменения в статью 446 ГПК РФ, внесённые Федеральным законом от 23 марта 2026 года № 67-ФЗ. Эти поправки расширили перечень видов имущества, обладающего исполнительским иммунитетом, для многодетных семей.

Во-первых, исполнительский иммунитет распространяется на земельные участки, которые были предоставлены гражданину-должнику бесплатно по решению исполнительного органа государственной власти или органов местного самоуправления в рамках мер социальной поддержки многодетных семей (в соответствии с п. 6 ст. 39.5 Земельного кодекса РФ). Иммунитет действует как на полный земельный участок, так и долю в нём за исключением случаев, когда участок обременён ипотекой. Закрепление такого иммунитета не случайно: оно вытекает из потребности в особом подходе к защите имущественных прав многодетных семей, что обосновывается как важная социальная гарантия [2].

Во-вторых, транспортное средство, подлежащее государственной регистрации, обладает исполнительским иммунитетом, если оно является единственным у семьи, имеющей трёх и более несовершеннолетних детей, членом которой является гражданин-должник. При этом транспортное средство может принадлежать должнику единолично либо на праве совместной или долевой собственности с остальными членами семьи.

Указанные положения наглядно демонстрируют, что изменения в статью 446 ГПК РФ тесно связаны с другими отраслями права, включая семейное право и право социального обеспечения. Таким образом, поправки формируют комплексную систему защиты прав и интересов многодетных семей, сочетая процессуальные гарантии с материальными нормами.

Так, ст. 80 СК РФ закрепляет обязанность родителей содержать несовершеннолетних детей. Поправки в ст. 446 ГПК РФ, например, запрет на обращение взыскания на единственное транспортное средство многодетной семьи, обеспечивают возможность исполнения обязанности по содержанию детей. Если у многодетной семьи есть единственный автомобиль, который используется для перевозки детей в образовательные учреждения, на дополнительные занятия, в медицинские организации, а также для обеспечения доступа к иным социально значимым объектам, то его изъятие может затруднить выполнение родительских обязанностей. Таким образом, расширение перечня имущества, обладающего исполнительским иммунитетом, способствует сохранению условий, необходимых для выполнения родителями обязанностей по воспитанию, образованию и содержанию несовершеннолетних детей.

Указ Президента РФ от 23 января 2024 года № 63 определяет многодетную семью как семью с тремя и более детьми и устанавливает комплекс мер социальной поддержки. Поправки в ст. 446 ГПК РФ дополняют эти меры, обеспечивая дополнительную защиту имущества, полученного в рамках социальной поддержки. В частности, новые нормы запрещают обращать взыскание на земельные участки, предоставленные многодетным семьям бесплатно в качестве меры социальной поддержки. Это важно, поскольку такие участки часто используются для улучшения жилищных условий семьи, например, строительства дома или ведения хозяйства. Их изъятие могло бы лишить меры государственной поддержки практической эффективности.

Закрепление этих гарантий на законодательном уровне стало ответом на сложившуюся ранее правовую неопределённость в судебной практике. Наглядным примером служит дело № А06-4099/2020, рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ (Определение от 25 декабря 2023 года № 306-ЭС23-17596). В рамках данного

дела рассматривался вопрос о включении в конкурсную массу автомобиля Ford Transit, принадлежащего многодетной семье с четырьмя несовершеннолетними детьми.

Должница ходатайствовала об исключении машины из конкурсной массы, обосновывая это необходимостью перевозки детей в школу, детские сады, учреждения дополнительного образования и поликлинику, а также указывая на удалённость жилья от остановок общественного транспорта и проблемы со здоровьем должника. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство, учитывая, что реализация автомобиля нарушит права несовершеннолетних детей и баланс интересов семьи. Однако апелляционный и кассационный суды отменили решение, сославшись на то, что автомобиль не входит в перечень имущества, защищённого исполнительским иммунитетом по ст. 446 ГПК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления вышестоящих инстанций и оставила в силе решение первой инстанции. Судебная коллегия указала, что даже если имущество не входит в перечень ст. 446 ГПК РФ, суд вправе исключить его из конкурсной массы в исключительных случаях — если это необходимо для обеспечения базовых жизненных потребностей должника и его иждивенцев. Суд подчеркнул, что вопрос о нуждаемости должника в спорном имуществе должен решаться индивидуально [3], с учётом статуса многодетной семьи, удалённости жилья от транспортной инфраструктуры, состояния здоровья и иных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела. Таким образом, позиция суда наглядно демонстрирует социальную ориентированность процедур банкротства, ставя защиту жизненно важных интересов социально уязвимых категорий граждан выше формального следования перечням имущества.

Именно прецеденты, демонстрирующие необходимость защиты имущества, критически важного для жизнеобеспечения многодетных семей, подтолкнули законодателя к конкретизации норм и прямому закреплению исполнительского иммунитета в отношении ряда объектов: единственного транспортного средства и земельного участка. Новая редакция закона существенно ограничивает сферу судебного усмотрения применительно к указанным видам имущества и обеспечивает чёткую правовую защиту имущества, имеющего существенное значение для жизнеобеспечения многодетных семей. Таким образом, поправки в ст. 446 ГПК РФ знаменуют собой важный этап в эволюции института банкротства физических лиц — переход от защиты через отдельные судебные решения [4] к системному закреплению гарантий для социально уязвимых категорий граждан, прежде всего для многодетных семей.

Однако внедрение новых норм сопряжено с рядом потенциальных рисков. Расширение исполнительского иммунитета сокращает объём имущества, подлежащего реализации для погашения долгов, что может снизить долю удовлетворённых требований кредиторов [5]. В целях компенсации возросших рисков финансовые организации потенциально могут быть вынуждены повысить процентные ставки по кредитам — причём не только для многодетных семей, но и для всех категорий заёмщиков.

Список литературы:

[1] Гладилин Е.Э. Баланс интересов должника и кредитора в российском конкурсном праве // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 136-142

[2] Беляева К.А., Цадкина А.Д. К вопросу об исключении земельного участка многодетной семьи из конкурсной массы должника // Аграрное и земельное право. 2024. №10 (238). С.232-233

[3] Гладышева Е.В. Исключение из конкурсной массы имущества гражданина-должника как гарантия защиты его имущественных и личных неимущественных прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. №9 (166). С. 54-60

[4] Швайцер А.А., Сарганова К.В. Критерии исключения транспортных средств из конкурсной массы гражданина: социальная необходимость, низкая стоимость и высокий износ имущества как предел экономической целесообразности реализации и баланс интересов кредиторов // Universum: экономика и юриспруденция. 2026. №4 (138). С. 42-46

[5] Акбашева Д. М., Байрамкулова М. А., Татаркулова А. А. Банкротство и его влияние на кредиторов // Журнал прикладных исследований. 2025. №3. С. 50-53

References:

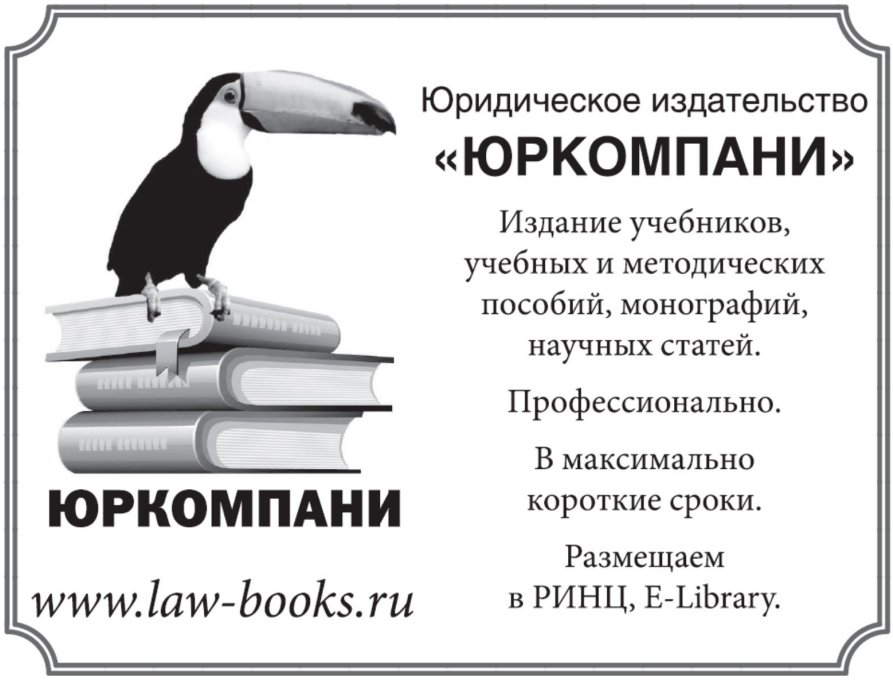
[1] E.E. Gladilin. Balance of interests of the debtor and creditor in the Russian bankruptcy law// Legal science. 2025. № 11. S. 136-142

[2] Belyaeva K.A., Tsadkina A.D. On the issue of excluding the land plot of a large family from the debtor’s bankruptcy estate//Agrarian and land law. 2024. №10 (238). C.232-233

[3] E.V. Gladysheva. Exclusion from the bankruptcy estate of a debtor citizen as a guarantee of the protection of his property and personal non-property rights//Actual problems of Russian law. 2024. №9 (166). S. 54-60

[4] Schweitzer A.A., Sarganova K.V. Criteria for excluding vehicles from the bankruptcy estate of a citizen: social necessity, low cost and high depreciation of property as the limit of economic feasibility of implementation and the balance of interests of creditors//Universum: economics and jurisprudence. 2026. №4 (138). С. 42-46

[5] Akbasheva D.M., Bayramkulova M.A., Tatarkulova A.A. Bankruptcy and its influence on creditors//Journal of Applied Research. 2025. №3. С. 50-53

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-433-441

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И КАТЕГОРИИ СПОРОВ ПО САНИТАРНО-ЗАЩИТНЫМ ЗОНАМ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые основания установления санитарно-защитных зон применительно к учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы России. Обосновывается вывод о том, что принадлежность объекта к системе ФСИН России сама по себе не образует обязанности по установлению санитарно-защитной зоны: юридически значимым является наличие конкретного источника химического, физического или биологического воздействия на среду обитания и здоровье человека. На основе анализа санитарного, земельного, градостроительного законодательства и судебной практики выделяются основные категории споров: отсутствие проекта санитарно-защитной зоны, неисполнение предписаний санитарного органа, оспаривание штрафов, прокурорские иски, споры о градостроительном отображении зон, переходные споры по ранее возникшим зонам, а также требования лиц, содержащихся в учреждениях УИС, о компенсации вреда в связи с ненадлежащими санитарными условиями. Особое внимание уделяется разграничению внешней санитарно-защитной зоны и внутренней режимной территории учреждения УИС. Сделан вывод о необходимости индивидуальной санитарно-эпидемиологической оценки каждого объекта УИС, включающей анализ состава производственных и хозяйственных элементов, расчетов рассеивания, физических факторов, производственного контроля и сведений о границах зоны.*

Ключевые слова: *санитарно-защитная зона, уголовно-исполнительная система, ФСИН России, санитарно-эпидемиологический надзор, зоны с особыми условиями использования территории, судебная практика, производственный контроль, учреждения УИС.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

JUDICIAL PRACTICE AND CATEGORIES OF DISPUTES CONCERNING SANITARY PROTECTION ZONES IN THE RUSSIAN PENAL SYSTEM

Annotation. *The article examines the legal grounds for establishing sanitary protection zones in relation to institutions and enterprises of the Russian penal system. It substantiates the conclusion that affiliation with the Federal Penitentiary Service does not in itself create an obligation to establish a sanitary protection zone; the legally relevant factor is the existence of a specific source of chemical, physical or biological impact on the human environment and health. Based on sanitary, land and urban planning legislation and judicial practice, the article identifies the main categories of disputes: absence of a sanitary protection zone project, failure to comply with sanitary authority orders, challenges to administrative fines, prosecutor's claims, disputes concerning the reflection of zones in urban planning documents, transitional disputes regarding previously established zones, and claims by persons held in penal institutions concerning harmful sanitary conditions. Particular attention is paid to distinguishing an external sanitary protection zone from the internal secure territory of a penal institution. The author concludes that each penal facility requires an individual sanitary*

and epidemiological assessment, including analysis of production and utility facilities, dispersion calculations, physical impact factors, industrial control data and information on zone boundaries.

Key words: *sanitary protection zone, penal system, Federal Penitentiary Service of Russia, sanitary and epidemiological supervision, zones with special conditions of land use, judicial practice, industrial control, penal institutions.*

Актуальность исследования санитарно-защитных зон применительно к уголовно-исполнительной системе обусловлена тем, что учреждения УИС совмещают несколько различных по правовой природе функций. С одной стороны, исправительные колонии, следственные изоляторы, лечебно-исправительные учреждения и исправительные центры являются режимными объектами, предназначенными для исполнения наказаний, содержания подозреваемых и обвиняемых, обеспечения изоляции, охраны и внутреннего порядка. С другой стороны, на их территориях могут функционировать производственные участки, котельные, прачечные, автотранспортные подразделения, склады горюче-смазочных материалов, очистные сооружения, животноводческие фермы, объекты обращения с отходами и иные хозяйственные элементы, способные формировать воздействие на атмосферный воздух, почву, водные объекты и условия проживания населения. Поэтому вопрос о санитарно-защитной зоне не может решаться формально, только исходя из ведомственной принадлежности учреждения к ФСИН России. Он требует установления того, имеется ли на конкретном объекте источник воздействия, выходящий за контур соответствующей площадки и требующий санитарно-эпидемиологического обоснования.

Санитарно-защитная зона по своей юридической природе является не режимной территорией учреждения УИС, а публично-правовым ограничением использования земельных участков, направленным на защиту населения от вредного воздействия объекта. В этом смысле она относится к числу зон с особыми условиями использования территории, поскольку в ее границах устанавливаются специальные запреты и ограничения, влияющие на возможность размещения жилой застройки, социальных объектов, рекреационных территорий и иных видов использования земель. В отличие от внутреннего периметра исправительного учреждения, санитарно-защитная зона обращена не внутрь системы исполнения наказаний, а вовне: она регулирует взаимодействие производственного или хозяйственного объекта с окружающей территорией. Такое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку охраняемый периметр, запретные полосы, инженерно-технические средства охраны и требования изоляции осужденных не доказывают наличие вредного воздействия и не заменяют процедуры установления СЗЗ.

Правовая основа рассматриваемых отношений включает нормы санитарного, земельного, градостроительного и уголовно-исполнительного законодательства. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ связывает планировку, застройку, проектирование, строительство, реконструкцию, техническое перевооружение и эксплуатацию объектов с обязанностью соблюдать санитарные правила. Этот же закон закрепляет, что санитарно-защитные зоны устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, а положение о таких зонах утверждается Правительством Российской Федерации [1]. Постановление Правительства РФ от 3 марта 2018 г. № 222 определяет порядок установления, изменения и прекращения существования санитарно-защитных зон, а также режим использования земельных участков, расположенных в их границах [2]. СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 сохраняет значение при определении санитарной классификации предприятий, сооружений и иных объектов, однако должен применяться с учетом более высокой юридической силы Правил № 222 и только в непротиворечащей им части [3].

Для уголовно-исполнительной системы дополнительно значимы ведомственные и строительные нормы. Приказ ФСИН России от 11 января 2022 г. № 7 утвердил порядок организации и осуществления федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на объектах уголовно-исполнительной системы [4]. Он подтверждает наличие внутри системы специализированного санитарно-эпидемиологического контроля, но не отменяет общих требований законодательства о санитарно-защитных зонах. СП 308.1325800.2017 устанавливает правила проектирования исправительных учреждений и центров УИС, а СП 247.1325800.2016 применяется к следственным изоляторам [5]. Эти своды правил важны для внутренней планировки, функционального зонирования, размещения режимной, жилой,

производственной и хозяйственно-складской зон, но они не подменяют проект СЗЗ и не являются самостоятельным основанием для установления внешней санитарно-защитной зоны.

Из этого следует основной методологический вывод: санитарно-защитная зона для учреждения УИС должна устанавливаться не вокруг «колонии» или «следственного изолятора» как таковых, а вокруг конкретного объекта либо комплекса объектов, являющихся источниками воздействия. Такими источниками могут быть производственные участки деревообработки, металлообработки, швейного, пищевого или иного производства; котельные; очистные сооружения; прачечные; автопарки; склады топлива; участки временного накопления отходов; сельскохозяйственные или животноводческие площадки. Если соответствующие элементы не формируют воздействия за пределами контура объекта либо такое воздействие не превышает санитарно-эпидемиологические нормативы, сама принадлежность учреждения к УИС не должна влечь автоматического установления СЗЗ. Напротив, если на территории учреждения имеется производство или хозяйственный объект, создающий выбросы, запахи, шум, вибрацию, биологические факторы или иные виды воздействия, вопрос о СЗЗ должен решаться так же, как и в отношении иных объектов соответствующего класса опасности.

Санитарная классификация сохраняет практическое значение как ориентир первичной оценки. Традиционно выделяются пять классов опасности объектов: для I класса ориентировочный размер СЗЗ составляет 1000 м, для II класса — 500 м, для III класса — 300 м, для IV класса — 100 м, для V класса — 50 м [3]. Однако эти величины не должны восприниматься как механически применяемые расстояния. Они являются исходными ориентирами, которые подлежат проверке через проект санитарно-защитной зоны, расчеты ожидаемого загрязнения атмосферного воздуха, оценку физических факторов, результаты натурных исследований, производственный контроль, а при необходимости — оценку риска для здоровья населения. Именно поэтому недопустимо использовать устаревший подход, при котором для любого учреждения УИС заранее предполагается фиксированная санитарная зона только потому, что объект имеет режимный статус или исторически располагался на определенном расстоянии от жилой застройки.

На практике наиболее сложным является вопрос о том, что именно считать «контуром объекта». Для учреждения УИС контур охраняемой территории и контур источника воздействия не всегда совпадают. Например, исправительная колония может занимать значительную территорию, внутри которой отдельно расположены жилые помещения осужденных, административные здания, производственная зона, складские участки, котельная, очистные сооружения и подсобное хозяйство. Если воздействие формирует только производственная площадка, юридически корректнее оценивать именно ее как источник воздействия. Если же несколько источников расположены компактно и образуют единый комплекс, допустимо рассмотрение вопроса о единой СЗЗ для группы объектов. В любом случае границы должны определяться не по периметру всего учреждения, а по результатам санитарно-эпидемиологического обоснования.

Судебная практика по объектам УИС показывает, что суды, как правило, не выделяют споры о СЗЗ учреждений ФСИН в самостоятельную особую категорию. Они рассматриваются в рамках общих споров о санитарно-эпидемиологических требованиях, отходах, выбросах, производственном контроле, исполнении предписаний и правомерности градостроительных ограничений. Особенность таких дел состоит в субъектном составе и в наличии ведомственного санитарного контроля: участниками могут быть учреждения УИС, территориальные органы ФСИН, прокуроры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, подразделения медико-санитарного обеспечения ФСИН, Роспотребнадзор, Россельхознадзор, органы местного самоуправления, собственники земельных участков и лица, содержащиеся в учреждениях. При этом сами юридические критерии остаются общими: наличие источника воздействия, обязательность санитарных правил, доказанность превышений, наличие или отсутствие проекта СЗЗ, исполнение предписаний, полномочия органа, установившего ограничения.

Первая и наиболее типичная категория дел связана с отсутствием проекта санитарно-защитной зоны и непроведением производственного контроля. Для надзорного органа или прокурора ключевыми доказательствами выступают наличие на территории учреждения производственного или хозяйственного объекта, его класс опасности, отсутствие проекта СЗЗ, отсутствие лабораторных исследований на границе зоны и отсутствие расчетов рассеивания. Показательным является дело ФКУ ИК-2 УФСИН России по Курганской области. На территории учреждения находился свинокомплекс на 500 голов, который был отнесен к III классу опасности. Суд установил, что проект санитарно-защитной зоны для свинокомплекса, включая навозохранилище, отсутствовал; единая СЗЗ для всей колонии с учетом свинокомплекса как

источника загрязнения также не была разработана; производственный контроль на границе СЗЗ не проводился. Важным в этом деле является не сам факт существования исправительной колонии, а наличие животноводческого объекта, который по санитарной классификации и фактическим характеристикам требовал специальной оценки.

Вторая категория дел связана с оспариванием постановлений о привлечении учреждений УИС к административной ответственности. Типичный довод учреждений состоит в том, что объект построен давно, а санитарные правила якобы подлежат применению только к новым, проектируемым или реконструируемым объектам. Такой довод в судебной практике не является убедительным. Эксплуатация действующего объекта, оказывающего воздействие на среду обитания, сама по себе предполагает обязанность соблюдать санитарные правила, проводить необходимые мероприятия, обеспечивать безопасность работ и не допускать вредного воздействия. Если объект функционирует, производит отходы, выбросы, шум или биологические факторы, его «старый» характер не освобождает учреждение от обязанности привести деятельность в соответствие с санитарно-эпидемиологическими требованиями.

Третья категория дел касается неисполнения предписаний санитарных органов. Здесь предмет доказывания обычно уже сужен: суд проверяет, было ли предписание законным, конкретным, исполнимым, было ли оно обжаловано, исполнило ли учреждение его в срок либо обращалось ли за продлением срока. В деле ФКУ ИК-5 ГУФСИН России по Кемеровской области учреждение было привлечено к ответственности по ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ за неисполнение предписания, которым требовалось установить расчетную санитарно-защитную зону производственной площадки на основании проекта с расчетами рассеивания загрязнения атмосферного воздуха и физического воздействия. Суд оставил штраф в силе, указав, что учреждение не представило сведений об обжаловании предписания, о невозможности его исполнения либо о ходатайстве о продлении срока. Практическое значение этой позиции заключается в том, что отсутствие финансирования, организационные трудности или длительность проектных процедур сами по себе не исключают ответственности, если учреждение не предпринимало процессуально значимых действий для изменения срока или оспаривания предписания.

Четвертая категория представлена прокурорскими исками к учреждениям УИС об устранении нарушений санитарного и экологического характера. Такие дела могут быть связаны не только с проектами СЗЗ в узком смысле, но и с отходами, захламлением территории, нарушением санитарного состояния производственных и хозяйственных площадок. В деле ИК-9 УФСИН России по Воронежской области прокурор требовал обязать учреждение ликвидировать свалку отходов на территории исправительной колонии. Суд установил захламление участка площадью около 100 кв. м отходами производства и потребления, включая строительный мусор, бытовые отходы и производственный смет IV класса опасности. Учреждение было обязано ликвидировать свалку в шестимесячный срок, а при отсутствии или недостаточности денежных средств обязанность профинансировать исполнение решения была возложена на территориальное УФСИН. Этот подход показывает, что в делах УИС суды учитывают бюджетную и организационную зависимость конкретного учреждения, но не освобождают систему от обязанности устранить нарушение.

Пятая категория споров возникает при отображении санитарно-защитных зон в генеральных планах, правилах землепользования и застройки, градостроительных планах земельных участков и сведениях ЕГРН. Для УИС эта категория особенно важна в тех случаях, когда учреждения расположены в черте населенных пунктов, рядом с жилой, общественной или перспективной застройкой. Органы местного самоуправления нередко стремятся отразить санитарные ограничения в градостроительных документах, но судебная практика исходит из того, что муниципалитет не вправе самостоятельно устанавливать размеры и границы СЗЗ вместо уполномоченного санитарного органа. В Определении Верховного Суда РФ от 13 февраля 2019 г. № 59-АПГ18-15 была сформулирована значимая позиция: если санитарно-защитная зона не установлена решением компетентного органа, отсутствует проект и санитарно-эпидемиологическое заключение, ее самостоятельное закрепление в градостроительной документации нарушает пределы полномочий муниципального образования [6]. Для учреждений УИС это означает, что режимная значимость объекта не дает органу местного самоуправления права «нарисовать» СЗЗ без надлежащего санитарно-эпидемиологического основания.

Шестая категория связана с так называемыми старыми и переходными санитарно-защитными зонами. После реформы регулирования зон с особыми условиями использования территории возник вопрос о судьбе

зон, которые были определены или отображены до введения новых процедур, но не всегда были внесены в ЕГРН или подтверждены современными документами. Здесь нельзя ограничиваться формулой «нет сведений в ЕГРН — значит, зоны не существует». Верховный Суд РФ в ряде дел обращал внимание на необходимость проверки переходных норм, момента возникновения зоны, наличия прежних решений, карт, схем, согласований, санитарно-эпидемиологических заключений и иных документов, подтверждающих ее границы [7]. Для объектов УИС этот подход особенно важен, поскольку многие учреждения создавались и развивались в иной градостроительной и санитарной реальности, а их производственные зоны могли формироваться задолго до современной реформы ЗОУИТ.

Седьмая категория споров касается оспаривания решений Роспотребнадзора об установлении, изменении или прекращении СЗЗ. В таких делах заявители могут ссылаться на то, что включение земельных участков в СЗЗ ограничивает их использование, снижает инвестиционную привлекательность или препятствует строительству. Однако само по себе попадание ранее сформированных участков или объектов в границы санитарно-защитной зоны не всегда делает решение незаконным. Важно установить, были ли соблюдены полномочия органа, разработан ли проект, проведены ли необходимые расчеты, подтвержден ли уровень воздействия и предусмотрен ли механизм приведения использования территории в соответствие с режимом зоны. Для УИС возможна обратная ситуация: учреждение или территориальный орган ФСИН может оспаривать отказ в установлении, изменении или прекращении СЗЗ, если считает, что объект больше не формирует вредного воздействия, производство перепрофилировано, котельная модернизирована либо источник воздействия ликвидирован.

Отдельного рассмотрения требует категория исков лиц, содержащихся в учреждениях УИС, о компенсации вреда или ненадлежащих условиях содержания в связи с расположением учреждения в санитарно-защитной зоне стороннего промышленного объекта либо рядом с источником вредного воздействия. В таких делах суды исходят из необходимости объективного доказывания. Недостаточно сослаться на неприятный запах, промышленное окружение, близость предприятия или субъективное ухудшение самочувствия. Необходимы документы, подтверждающие наличие СЗЗ, результаты лабораторных исследований, сведения о превышении предельно допустимых концентраций, акты санитарного обследования, медицинские документы и причинная связь между условиями содержания и вредными факторами. Следовательно, в этой категории дел правовая позиция осужденного или содержащегося лица будет перспективной только при наличии доказательной базы, а не при общей ссылке на неблагоприятное соседство учреждения.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько устойчивых критериев, которыми руководствуются суды. Во-первых, суды проверяют наличие реального источника воздействия, а не формальный статус объекта. Если спор связан с учреждением УИС, решающим является не название «исправительная колония» или «следственный изолятор», а фактический состав объекта: имеется ли производство, ферма, котельная, очистные сооружения, склад ГСМ, отходы или иной источник. Во-вторых, суды оценивают наличие проекта СЗЗ, расчетов, санитарно-эпидемиологического заключения и производственного контроля. В-третьих, по делам о предписаниях значение имеет поведение самого учреждения: обжаловало ли оно предписание, просило ли о продлении срока, предпринимало ли действия для разработки проекта или проведения измерений. В-четвертых, в градостроительных спорах суды разграничивают отображение уже установленной зоны и неправомерное самостоятельное установление зоны муниципальным актом.

Наиболее уязвимой позицией учреждения УИС является ссылка на отсутствие специального финансирования. Суды могут учитывать бюджетный характер учреждения при определении способа исполнения решения, срока устранения нарушения или распределении обязанности между учреждением и территориальным органом ФСИН, но не рассматривают недостаток средств как самостоятельное основание для сохранения санитарного нарушения. Это логично, поскольку санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и лиц, находящихся в учреждении, относится к публичным интересам, которые не могут быть поставлены в зависимость исключительно от внутреннего бюджетного планирования. Вместе с тем для правовой защиты учреждения важно документально подтверждать, что оно предпринимало действия: направляло заявки на финансирование, заключало договоры на проектирование, проводило инвентаризацию источников воздействия, запрашивало продление срока исполнения предписания, инициировало лабораторные исследования.

С точки зрения надзорного органа или прокурора наиболее сильной является позиция, основанная на совокупности доказательств.

Наличие одного лишь производственного объекта не всегда достаточно для успешного иска или привлечения к ответственности. Надзор должен показать, что объект является источником воздействия, что он относится к определенному классу опасности либо по фактическим характеристикам требует санитарного обоснования, что проект СЗЗ или контроль отсутствуют, что имеются нарушения обращения с отходами, выбросами, стоками или биологическими факторами, а учреждение не приняло необходимых мер. Чем более конкретно сформулировано предписание, тем выше вероятность его судебной устойчивости. Предписание должно содержать понятные действия, сроки, объект исполнения и нормативное основание; неопределенность или техническая неисполнимость предписания может стать аргументом для защиты учреждения.

С точки зрения учреждения УИС наиболее перспективная линия защиты состоит не в отрицании санитарного законодательства как такового, а в уточнении юридически значимых обстоятельств. Учреждение может доказывать, что конкретный объект не формирует превышения за контуром площадки; что спорная площадка не является самостоятельным источником воздействия; что производство прекращено или перепрофилировано; что проект СЗЗ уже разработан и находится на согласовании; что предписание сформулировано неконкретно; что срок исполнения был объективно невозможен, а учреждение своевременно заявляло о его продлении. В градостроительных спорах сильным аргументом является отсутствие решения уполномоченного органа и санитарно-эпидемиологического заключения, если муниципалитет включил зону в ПЗЗ или генеральный план самостоятельно.

Практическая специфика УИС состоит в том, что внутри одного учреждения могут сочетаться объекты разной санитарной значимости. Например, жилая зона осужденных сама по себе не является источником промышленного воздействия, тогда как производственный цех, котельная или животноводческая площадка могут создавать выбросы, шум, запахи или биологические риски. Поэтому при подготовке правовой позиции необходимо начинать не с вопроса о размере СЗЗ, а с инвентаризации источников воздействия. Следует определить вид производства, технологические процессы, наличие организованных и неорганизованных выбросов, источники шума, отходы, стоки, биологические факторы, расстояние до жилой застройки, наличие ранее установленных зон, сведения ЕГРН, содержание градостроительной документации и результаты производственного контроля. Только после этого возможно корректно решать вопрос о классе опасности, проекте СЗЗ и правовом режиме прилегающих земель.

Особое значение имеет соотношение санитарно-защитной зоны и производственного контроля. Проект СЗЗ является юридико-техническим документом, обосновывающим размер и границы зоны, но его наличие не освобождает учреждение от последующего контроля. Для действующих объектов значение имеют натурные измерения, подтверждение соблюдения нормативов на границе зоны, мониторинг выбросов и физических факторов. В делах УИС суды обращают внимание не только на отсутствие проекта, но и на непредоставление результатов лабораторных исследований. Следовательно, надлежащая модель поведения учреждения включает не разовую подготовку документа, а постоянное поддержание системы санитарно-эпидемиологической безопасности.

Реформа ЗОУИТ усилила значение государственной регистрации и публичности сведений о санитарно-защитных зонах. Для правообладателей земельных участков, застройщиков и органов местного самоуправления принципиально важно понимать, где проходит граница зоны, с какого момента она действует и какие ограничения влечет. В научной литературе справедливо отмечается, что правовое закрепление информации о СЗЗ должно обеспечивать открытость, достоверность и доступность сведений для заинтересованных лиц [11]. Для УИС это означает необходимость более аккуратного оформления границ зон, поскольку исправительные учреждения часто расположены вблизи населенных пунктов, промышленных площадок или территорий перспективного развития. Неопределенность границ порождает конфликты не только между учреждением и надзором, но и между публичными интересами безопасности, санитарного благополучия и градостроительного развития.

Вместе с тем чрезмерное или формальное установление СЗЗ также способно нарушать баланс интересов. Если зона устанавливается без реального источника воздействия, без расчетов или по устаревшей классификации, она ограничивает права собственников и муниципальное развитие без достаточного санитарного основания. Если же зона не устанавливается при наличии фактического вредного воздействия, нарушаются права населения и лиц, находящихся в учреждении, на благоприятную среду обитания и безопасные условия. Поэтому правовой режим СЗЗ должен быть не карательным и не декларативным, а доказательственным. Он

должен опираться на фактическое воздействие, санитарные нормативы, технические расчеты и компетентное административное решение.

В научном плане санитарно-защитная зона применительно к УИС может рассматриваться как институт пересечения нескольких публичных интересов. Первый интерес связан с охраной здоровья населения и санитарно-эпидемиологическим благополучием. Второй — с обеспечением исполнения наказаний, изоляции и безопасности режимных объектов. Третий — с охраной прав собственников земельных участков, попадающих в границы зоны. Четвертый — с рациональным развитием территорий и недопустимостью необоснованных градостроительных ограничений. СЗЗ в этой системе не должна служить инструментом расширения режимной территории учреждения УИС. Ее функция состоит в ином: обеспечить снижение воздействия источника до допустимых значений на границе зоны и предотвратить размещение чувствительных объектов в условиях риска.

Представляется, что для повышения правовой определенности в рассматриваемой сфере целесообразно закрепить в ведомственной практике ФСИН единый алгоритм оценки необходимости СЗЗ для учреждений УИС. Такой алгоритм должен включать инвентаризацию источников воздействия, определение их санитарной классификации, анализ фактических выбросов и физических факторов, проверку действующих градостроительных и реестровых сведений, разработку проекта СЗЗ при наличии оснований, проведение санитарно-эпидемиологической экспертизы и регулярный производственный контроль. При этом отдельно следует фиксировать, что внутреннее функциональное зонирование исправительного учреждения не тождественно внешней санитарно-защитной зоне. Это позволит избежать как необоснованного отказа от СЗЗ при наличии источников воздействия, так и формального установления зоны вокруг всего учреждения без анализа конкретных объектов.

В правоприменительной работе по делам УИС необходимо уделять внимание качеству доказательств. Для учреждения такими доказательствами могут быть технические паспорта объектов, сведения о прекращении или изменении производства, договоры на разработку проекта СЗЗ, результаты измерений, переписка о финансировании, документы производственного контроля, санитарно-эпидемиологические заключения, карты и схемы границ. Для прокурора и санитарного органа — акты проверок, экспертные заключения, лабораторные протоколы, фотографии нарушений, сведения о классе опасности, расчеты воздействия, доказательства неисполнения предписаний. Для собственников земельных участков — документы о правовом режиме участка, сведения ЕГРН, градостроительный план, ПЗЗ, доказательства отсутствия решения уполномоченного органа либо нарушения процедуры установления зоны.

Таким образом, судебная практика по санитарно-защитным зонам в уголовно-исполнительной системе демонстрирует переход от формального подхода к доказательственной модели. Суды не признают достаточной саму ведомственную принадлежность объекта к ФСИН России, но и не освобождают учреждения УИС от соблюдения санитарных требований при наличии производственных и хозяйственных источников воздействия. Основной вопрос каждого дела состоит в установлении фактической и юридической связи между объектом, воздействием, границами зоны и обязанностью конкретного субъекта принять меры. Именно эта связь определяет исход спора о проекте СЗЗ, штрафе, предписании, прокурорском иске или градостроительном ограничении.

В заключение следует отметить, что санитарно-защитная зона применительно к учреждениям и предприятиям УИС должна рассматриваться как специальный правовой механизм защиты здоровья человека и среды обитания, а не как производное от режима исполнения наказаний. Ее установление возможно только при наличии источника химического, физического или биологического воздействия, подтвержденного расчетами, измерениями и санитарно-эпидемиологической оценкой. Учреждение УИС не нуждается в СЗЗ только потому, что оно является исправительной колонией, следственным изолятором или исправительным центром; однако оно обязано инициировать установление зоны, если на его территории функционирует объект, создающий воздействие за пределами контура площадки. Судебная практика подтверждает, что отсутствие проекта СЗЗ, непроведение производственного контроля и неисполнение предписаний влекут неблагоприятные последствия для учреждений, включая административную ответственность и судебное возложение обязанностей по устранению нарушений. Одновременно суды защищают правообладателей земельных участков от произвольного включения их территории в санитарно-защитные зоны, если такие зоны не установлены компетентным органом и не подтверждены надлежащими документами. Перспективным направлением совершенствования правоприменения является

внедрение единого алгоритма санитарно-эпидемиологической оценки объектов УИС, позволяющего разграничивать режимную территорию учреждения, внутреннее функциональное зонирование и внешнюю санитарно-защитную зону. Такой подход обеспечивает баланс публичных интересов безопасности, санитарного благополучия, исполнения наказаний и защиты прав участников земельных и градостроительных отношений.

Список литературы:

[1] О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ : ред. от 26 дек. 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

[2] Об утверждении Правил установления санитарно-защитных зон и использования земельных участков, расположенных в границах санитарно-защитных зон : постановление Правительства РФ от 3 марта 2018 г. № 222 : ред. от 3 марта 2022 г. // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 11. – Ст. 1636.

[3] О введении в действие новой редакции санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 : постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 25 сент. 2007 г. № 74 : ред. от 29 дек. 2025 г. // Российская газета. – 2008. – № 28.

[4] б утверждении Порядка организации и осуществления федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на объектах уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 11 янв. 2022 г. № 7 : зарегистрирован в Минюсте России 28 янв. 2022 г. № 67039. – Текст : электронный.

[5] СП 308.1325800.2017. Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования : утв. приказом Минстроя России от 20 окт. 2017 г. № 1454/пр : введ. 1 апр. 2018 г. – Москва : Минстрой России, 2017.

[6] Определение Верховного Суда РФ от 13 февр. 2019 г. № 59-АПГ18-15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – Текст : электронный.

[7] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2024 г. № 44-КАД23-14-К7. – Текст : электронный.

[8] Решение Кетовского районного суда Курганской области от 6 июня 2018 г. по делу № 12-98/2018. – Текст : электронный.

[9] Решение Заводского районного суда г. Кемерово от 8 мая 2018 г. по делу № 12-223/2018. – Текст : электронный.

[10] Решение Борисоглебского городского суда Воронежской области от 26 марта 2025 г. по делу № 2-229/2025. – Текст : электронный.

[11] Белокрылова, Е. А. Особенности правового закрепления информации о санитарно-защитных зонах в Российской Федерации: вопросы правоприменения / Е. А. Белокрылова, П. В. Мунтяну // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28, № 5. – С. 703–716.

[12] Мунтяну, П. В. Правовое регулирование санитарно-защитных зон в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / П. В. Мунтяну // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – С. 437–445.

[13] Мунтяну, П. В. Понятие санитарно-защитной зоны: подходы и определения / П. В. Мунтяну // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31, № 5. – С. 861–873. – DOI 10.35634/2412-9593-2021-31-5-861-873.

[14] Андреева, А. М. Роль принципов земельного права при определении правового статуса санитарно-защитных зон / А. М. Андреева // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 6. – С. 96–98. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_6_96.

[15] Андреева, А. М. К вопросу об отдельных юридических коллизиях, возникающих при установлении санитарно-защитных зон / А. М. Андреева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 161–163.

[16] Мунтяну, П. В. Возмещение убытков или выкуп недвижимости как последствия установления санитарно-защитной зоны / П. В. Мунтяну // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 3. – С. 527–533.

References:

[1] On the sanitary and epidemiological well-being of the population: Federal Law of March 30, 1999 No. 52-FZ: ed. December 26, 2024//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – № 14. - Art. 1650.

[2] On approval of the Rules for the establishment of sanitary protection zones and the use of land plots located within the boundaries of sanitary protection zones: Decree of the Government of the Russian Federation of March 3, 2018 No. 222: ed. March 3, 2022//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – № 11. - Art. 1636.

[3] On the introduction of a new edition of sanitary and epidemiological rules and standards SanPiN 2.2.1/2.1.1.1200-03: Decree of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of September 25, 2007 No. 74: ed. December 29, 2025// Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – № 28.

[4] Approval of the Procedure for the organization and implementation of federal state sanitary and epidemiological control (supervision) at the facilities of the penitentiary system: order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated January 11, 2022 No. 7: registered with the Ministry of Justice of Russia on January 28, 2022 No. 67039. - Text: electronic.

[5] SP 308.1325800.2017. Correctional institutions and centers of the penitentiary system. Design rules: approved by Order of the Ministry of Construction of Russia dated October 20, 2017 No. 1454/pr: 111111111 April 1, 2018 - Moscow: Ministry of Construction of Russia, 2017.

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of February 13 2019 No. 59-APG18-15//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. - Text: electronic.

[7] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 20, 2024 No. 44-KAD23-14-K7. - Text: electronic.

[8] Decision of the Ketovsky District Court of the Kurgan Region dated June 6, 2018 in case No. 12-98/2018. - Text: electronic.

[9] Decision of the Zavodskoy District Court of Kemerovo dated May 8, 2018 in case No. 12-223/2018. - Text: electronic.

[10] Decision of the Borisoglebsk City Court of the Voronezh Region of March 26, 2025 in case No. 2-229/2025. - Text: electronic.

[11] Belokrylova, E. A. Features of legal consolidation of information on sanitary protection zones in the Russian Federation: law enforcement issues/E. A. Belokrylova, P. V. Munteanu//Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. – 2018. - T. 28, NO. 5. - S. 703-716.

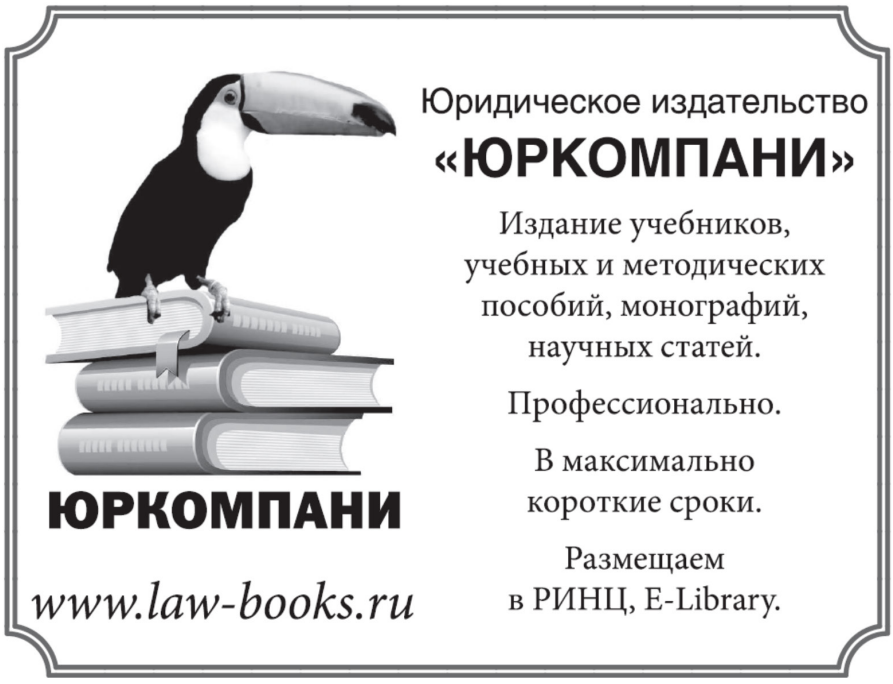
[12] Munteanu, P.V. Legal regulation of sanitary protection zones in the Russian Federation: problems and development prospects/P.V. Munteanu// Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. – 2018. - S. 437-445.

[13] Munteanu, P.V. The concept of a sanitary protection zone: approaches and definitions/P.V. Munteanu//Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. – 2021. - VOL. 31, NO. 5. - S. 861-873. – DOI 10.35634/2412-9593-2021-31-5-861-873.

[14] Andreeva, A. M. The role of land law principles in determining the legal status of sanitary protection zones/A. M. Andreeva//Agrarian and land law. – 2023. – № 6. - S. 96-98. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_6_96.

[15] Andreeva, A.M. On the issue of individual legal conflicts arising in the establishment of sanitary protection zones/A.M. Andreeva//Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 7 (223). - S. 161-163.

[16] Munteanu, P.V. Compensation for losses or redemption of real estate as a consequence of the establishment of a sanitary protection zone/P.V. Munteanu//Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. – 2023. - T. 33, NO. 3. - S. 527-533.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-442-446

ЛЕСНИКОВ Александр Андреевич,

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6125-40.04.01цю «Цифровая юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,

e-mail.ru: lesnikov.aa@dvfu.ru

МАХОНИН Данила Дмитриевич,

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6125-40.04.01цю «Цифровая юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,

e-mail.ru: makhonin.dd@dvfu.ru

ВРОДЛИВЕЦ Адам Александрович,

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6125-40.04.01цю «Цифровая юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,

e-mail.ru: vrodlivetc.aa@dvfu.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ И ДОГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ современной российской судебной практики применения смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении уголовного наказания. На основе статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год выявлены ключевые диспропорции в правоприменении, в частности, значительное преобладание учета смягчающих обстоятельств (88,01%) над отягчающими (19,80%). Авторы исследуют проблемы двойного учета обстоятельств, формализма судебных решений, а также специфику назначения наказания различным демографическим группам, включая женщин, несовершеннолетних и рецидивистов. В работе обосновывается необходимость совершенствования норм Уголовного кодекса РФ, разработки методических рекомендаций для судей и модернизации программ ресоциализации для обеспечения принципов справедливости, соразмерности и гуманизации уголовного правосудия.*

Ключевые слова: *уголовное право, назначение наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, судебная практика, рецидив преступлений, индивидуализация наказания, принципы справедливости.*

LESNIKOV Aleksandr Andreevich,

First-year Master's student in the program M6125-40.04.01tsyu "Digital Jurisprudence", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAKHONIN Danila Dmitrievich,

First-year Master's student in the program M6125-40.04.01tsyu "Digital Jurisprudence", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

VRODLIVETS Adam Aleksandrovich,

First-year Master's student in the program M6125-40.04.01tsyu "Digital Jurisprudence," School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok

PROBLEMS OF APPLYING MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN MODERN RUSSIAN JUDICIAL PRACTICE: A STATISTICAL AND DOGMATIC ANALYSIS

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of modern Russian judicial practice regarding the application of mitigating and aggravating circumstances in the imposition of criminal punishment. Based on statistical data from the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2024, key disparities in law enforcement are identified, in particular, a significant predominance of the consideration of mitigating circumstances (88.01%) over aggravating ones (19.80%). The author examines the problems of double counting of circumstances, formalism of judicial decisions, as well as the specifics of sentencing for various demographic groups, including women, minors, and recidivists. The paper substantiates the need to improve the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, develop methodological guidelines for judges, and modernize resocialization programs to ensure the principles of justice, proportionality, and humanization of criminal justice.*

Key words: *criminal law, sentencing, mitigating circumstances, aggravating circumstances, judicial practice, criminal recidivism, individualization of punishment, principles of justice.*

Современная российская судебная система декларирует стремление к обеспечению справедливости при вынесении приговоров, что объективно невозможно без тщательного и всестороннего учета всех обстоятельств совершенного преступления. Ключевым элементом индивидуализации уголовного наказания выступает применение смягчающих и отягчающих обстоятельств, предусмотренных статьями 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данные правовые механизмы позволяют суду назначить наказание, в полной мере соответствующее как тяжести содеянного, так и личности преступника, обеспечивая реализацию конституционных принципов равенства перед законом и соразмерности наказания. Однако анализ судебной практики за последние годы, включая детализированные данные за 2024 год, отражает наличие системных проблем, связанных с неправильным применением существующих норм, что требует глубокого догматического и статистического осмысления.

Одной из наиболее острых проблем правоприменения является неправильный учет отягчающих обстоятельств, проявляющийся в их двойной оценке. Судебная практика изобилует случаями, когда обстоятельство, уже предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве квалифицирующего признака состава преступления, ошибочно учитывается судом при назначении наказания как дополнительное отягчающее обстоятельство. Согласно устоявшейся правовой позиции, если отягчающее наказание обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при индивидуализации наказания, поскольку это нарушает принцип «non bis in idem» (не дважды за одно и то же) и приводит к необоснованному ужесточению ответственности. Тем не менее, в правоприменительной практике встречаются прецеденты, когда ошибочно определенное обстоятельство получает двойную оценку: первый раз при квалификации преступного деяния, а второй раз при назначении уголовного наказания [3]. Подобный формализм и невнимательность правоприменителей подрывают доверие к судебной системе и свидетельствуют о недостаточной квалификации или чрезмерной загруженности судебных органов, не позволяющей проводить глубокий анализ каждого конкретного дела.

Кроме того, специфические проблемы применения новых пунктов статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, таких как совершение преступления в состоянии опьянения, в доступной судебной практике пока не отражены в полной мере, что может быть связано с их относительно недавним введением и отсутствием устоявшихся подходов. Отсутствие четких и однозначных правил для применения данных обстоятельств часто приводит к произвольному толкованию норм закона, когда решения судов базируются не на объективных фактах, а зависят от субъективных убеждений и личных мнений судей [4]. Это подчеркивает насущную необходимость корректировки и улучшения нормативной базы, регулирующей данные аспекты, для исключения юридической неопределенности и различных трактовок, которые ставят суды перед сложным выбором и ведут к непоследовательным решениям.

Важной частью понимания текущей судебной практики является анализ разъяснений высших судебных инстанций. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации акцентируют внимание на необходимости строгого следования части 2 статьи 63 Уголовного кодекса, исключающей двойной учет, а также на важности индивидуального подхода к каждому делу с учетом всех обстоятельств, влияющих на оценку поведения правонарушителя. Суд подчеркивает

необходимость учета личных обстоятельств осужденного, таких как его биография, состояние здоровья или профессиональная деятельность, что подчеркивает важность гуманистического подхода в уголовном праве [2]. Однако на практике такая рекомендация часто сталкивается с трудностями, а множество нижестоящих судов, к сожалению, пренебрегают этими указаниями, рассматривая отягчающие обстоятельства изолированно, без учета контекста всей ситуации и наличия смягчающих факторов, что приводит к чрезмерным наказаниям и нарушению принципов справедливости.

Представленные данные ведомственного статистического наблюдения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год демонстрируют комплексную и весьма противоречивую картину уголовного правосудия. В течение отчетного периода к уголовной ответственности было привлечено 512 845 человек, что отражает полный спектр уголовных преступлений, охватываемых всеми статьями Особенной части Уголовного кодекса. При рассмотрении характера судебных решений важно отметить, что смягчающие обстоятельства были учтены в отношении 451 370 осужденных, что составляет 88,01% от общего числа. В то же время отягчающие обстоятельства были применены только в отношении 101 550 человек, или 19,80% от всех осужденных. Такая колоссальная диспропорция, при которой смягчающие факторы учитываются почти в 4,4 раза чаще, чем отягчающие, указывает на значительное преобладание лояльности судов при признании обстоятельств смягчающими. Сумма данных процентов превышает 100%, что свидетельствует о том, что в некоторых случаях в отношении одного и того же лица могли быть учтены как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства, отражая неоднозначный подход судебной системы.

Эта закономерность прослеживается по всем главам Уголовного кодекса, хотя и с определенными вариациями в зависимости от конкретной категории преступлений. Особенно высокий процент учета смягчающих обстоятельств наблюдается в преступлениях против семьи и несовершеннолетних, где он достигает 89,3%, в преступлениях против собственности – 88,6%, и в сфере компьютерной информации – 92,4%. В связи с этим возникает справедливый и тревожный вопрос: почему самый большой процент учета смягчающих обстоятельств находит отражение в преступлениях против семьи, если семья является высшей ценностью государства и, соответственно, суд обязан более строго подходить к назначению наказания по делам данной категории? Аналогичная ситуация наблюдается в преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях, где смягчающие обстоятельства учтены в 90,8% случаев, а отягчающие – только в 2,5%, а также в преступлениях в сфере экономической деятельности, где соотношение составляет 83,3% к 7,7%.

В противоположность этому, при рассмотрении преступлений против жизни и здоровья процент учета отягчающих обстоятельств достигает 33,4%, что является одним из самых высоких показателей среди всех категорий. В данном случае находит отражение более строгий подход судебной системы к преступлениям насильственной направленности и деяниям, связанным с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти человека. Наибольшая доля учета отягчающих обстоятельств также отмечается в преступлениях против собственности (27,9%) и против конституционных прав и свобод человека и гражданина (27,3%), при этом сами преступления против собственности составляют наибольшую долю всех осуждений в целом (36,5%) [1].

Немаловажного внимания заслуживает статистика по демографическим категориям лиц. В 2024 году среди всех осужденных лица женского пола составили 85 799 человек, или 16,7% от общего числа. В отношении женщин смягчающие обстоятельства были учтены в 87,9% случаев, что примерно соответствует общей тенденции. Однако отягчающие обстоятельства в отношении женщин применялись существенно реже – в 12,6% случаев против 19,8% в среднем по всем осужденным. Данная проблема может указывать на более мягкий, порой излишне снисходительный подход судебной системы к женщинам-преступницам и свидетельствовать о скрытом половом неравенстве в правоприменении, что требует скорейшего решения и более взвешенной оценки тяжести содеянного вне зависимости от гендерной принадлежности.

Характерной особенностью судебной практики в отношении несовершеннолетних правонарушителей является очень высокий процент учета смягчающих обстоятельств – 93,8%, что превышает среднее значение по всем категориям. При этом отягчающие обстоятельства учитывались только в 4,2% случаев, что более чем в 4,7 раза ниже среднего показателя. Такая диспропорция отражает особый подход государства к несовершеннолетним, ориентированный на их исправление и ресоциализацию, а не на строгое наказание, что соответствует международным стандартам ювенальной юстиции. Однако, по мнению авторов, подобная тотальная мягкость может порождать еще большее количество

совершенных преступлений данной категорией лиц, так как они осознают снисхождение суда и фактическую безнаказанность, что нивелирует превентивную функцию уголовного наказания.

Лица с неснятыми и непогашенными судимостями составляют значительную долю всех осужденных – 177 022 человека, или 34,5%, что указывает на высокий уровень рецидивной преступности в России. Особенностью данной категории является то, что при достаточно высоком проценте учета смягчающих обстоятельств (89,5%), они значительно чаще подвергаются учету отягчающих обстоятельств – в 46,1% случаев, что в 2,3 раза превышает средний показатель. Наличие непогашенной судимости часто рассматривается как отягчающий фактор, особенно при рецидиве однородных преступлений. Высокая доля рецидивистов поднимает острые вопросы неэффективности системы ресоциализации и социальной адаптации бывших осужденных. В настоящее время проводится недостаточное количество мероприятий, связанных с восстановлением бывших заключенных и их социализацией, что является одной из ключевых проблем, сопутствующих рецидивной преступности и требующих особого внимания государства [5].

На основании проведенного исследования можно констатировать, что основные проблемы в учете смягчающих и отягчающих обстоятельств требуют комплексного подхода и системного решения. Во-первых, необходимо пересмотреть и уточнить нормы Уголовного кодекса, касающиеся данных обстоятельств. Важно закрепить в статье 63 Уголовного кодекса четкие критерии оценки состояния опьянения как отягчающего фактора, а также усилить императивные нормы о категорическом запрете двойного учета обстоятельств, уже послуживших основанием для квалификации преступления. Это поможет избежать произвольного применения норм и повысит предсказуемость судебных решений, укрепив доверие граждан к правосудию.

Во-вторых, выявленные случаи неправильного применения отягчающих обстоятельств подтверждают, что многие суды действуют либо с излишней строгостью, беря во внимание нерелевантные обстоятельства, либо демонстрируют необоснованную лояльность, игнорируя обязательные отягчающие факторы. На практике это приводит к наложению несоразмерных наказаний, вызывающих справедливое недовольство как со стороны осужденных, так и со стороны потерпевших и широкой общественности. Таким образом, необходимо создание детальных методических рекомендаций для судей, в которых будет изложен алгоритм учета смягчающих и отягчающих обстоятельств. Целесообразно разработать типовые сценарии оценки обстоятельств для всех категорий преступлений в соответствии с разделами Особенной части Уголовного кодекса, а также создать единую электронную базу прецедентов Верховного Суда Российской Федерации для унификации подходов. Эти документы, сформированные на основе анализа реальных судебных дел, позволят судьям более уверенно принимать решения и снизят вероятность ошибок.

В-третьих, обратив внимание на количество преступлений-рецидивов, следует выделить в качестве приоритетной рекомендации расширение и модернизацию программ ресоциализации для рецидивистов с целью снижения процента совершения повторных преступлений. Кроме того, для повышения качества учета смягчающих обстоятельств и обеспечения истинной индивидуализации наказания, авторами предлагается внедрение практики обязательного назначения психолого-психиатрической экспертизы в ходе судебного разбирательства с целью выявления возможных скрытых смягчающих обстоятельств, таких как тяжелое психологическое состояние, сильный стресс или психосоматические заболевания, которые могли повлиять на способность лица осознавать свои действия [6].

Таким образом, институт смягчающих и отягчающих обстоятельств требует глубокой модернизации в соответствии с принципами персонализации и гуманизации правосудия. Реализация предложенных мер позволит сократить выявленный дисбаланс в практике применения данных обстоятельств, преодолеть формализм и произвол, а также укрепить доверие граждан к судебной системе. Ключевым направлением развития должно стать гармоничное сочетание четких законодательных рамок с необходимой гибкостью судебного усмотрения, основанного на комплексной, объективной и всесторонней оценке личности виновного и всех обстоятельств совершенного им деяния. Только такой подход способен обеспечить подлинную справедливость и целесообразность уголовного наказания в современной России.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018)

«О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

[3] Данилов, В. В. Проблемы применения судом обстоятельств, отягчающих уголовное наказание / В. В. Данилов, И. П. Асанова // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 11А. – С. 215–220.

[4] Захарова, Е. М. Поэтика эссе Михаила Эпштейна (философский аспект жанровой формы) / Е. М. Захарова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. – DOI 10.26163/gief.99.50.011.

[5] Судебная статистика: ведомственное статистическое наблюдение Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru (дата обращения: 20.05.2025).

[6] Вестник Санкт-Петербургского университета. Право: научный журнал. – 2023. – Вып. 2. – (Материалы по проблемам индивидуализации уголовной ответственности).

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 21.04.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 02.05.2025) //Collection of legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 No. 58 (ed. 18.12.2018) “ On the practice of imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – № 2.

[3] Danilov, V.V. Problems of the application by the court of circumstances aggravating criminal punishment/V.V. Danilov, I.P. Asanova//Questions of Russian and international law. – 2019. - Volume 9. - No. 11A. - S. 215-220.

[4] Zakharova, E. M. Poetics of essays by Mikhail Epstein (philosophical aspect of genre form)/E. M. Zakharova//Journal of Legal and Economic Research. – 2023. – DOI 10.26163/gief.99.50.011.

[5] Judicial statistics: departmental statistical observation of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2024 [Electronic resource]. - Access mode: http://www.cdep.ru (access date: 20.05.2025).

[6] Bulletin of St. Petersburg University. Law: scientific journal. – 2023. - Issue 2. - (Materials on problems of individualization of criminal liability).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-447-456

ИСКАНДАРОВА Камилла Ураловна,

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: kami.iskandarova@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ СВОБОДНОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: РАЗНИЦА ПОДХОДОВ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация. *В статье исследуется проблема соотношения свободной и формальной оценки доказательств в арбитражном и гражданском процессе России. На основе анализа исторического развития доказательственного права, действующего процессуального законодательства и судебной практики выявляются различия в подходах к оценке доказательств в двух процессуальных формах. Рассматриваются формальные элементы современного цивилистического процесса: правила допустимости, институт преюдиции, требования к форме сделок. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на оценку электронных доказательств, а также роли стандартов доказывания (баланс вероятностей, разумная степень достоверности) как связующего звена между свободой усмотрения и формальными требованиями. Обосновывается вывод о необходимости нормативного закрепления стандартов доказывания в процессуальном законодательстве для обеспечения единообразия судебной практики и баланса между формальной определенностью и судейским усмотрением.*

Ключевые слова: *свободная оценка доказательств, формальная оценка доказательств, арбитражный процесс, гражданский процесс, допустимость доказательств, преюдиция, стандарты доказывания, баланс вероятностей, электронные доказательства, судебная практика.*

ISKANDAROVA Kamilla Uralovna,

Postgraduate student of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE RATIO OF FREE AND FORMAL EVALUATION OF EVIDENCE IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS: THE DIFFERENCE IN APPROACHES (BASED ON THE ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE)

Annotation. *The article examines the problem of the ratio of free and formal assessment of evidence in the arbitration and civil proceedings of Russia. Based on an analysis of the historical development of evidence law, current procedural legislation and judicial practice, differences in approaches to assessing evidence in two procedural forms are revealed. The formal elements of the modern civil process are considered: the rules of admissibility, the institution of prejudice, requirements for the form of transactions. Particular attention is paid to the impact of digitalization on the evaluation of electronic evidence, as well as the role of evidentiary standards (balance of probabilities, reasonable degree of certainty) as a link between discretion and formal requirements. The conclusion is justified on the need for normative consolidation of standards of evidence in procedural legislation to ensure uniformity of judicial practice and a balance between formal certainty and judicial discretion*.

Key words: *free evaluation of evidence, formal evaluation of evidence, arbitration process, civil process, admissibility of evidence, prejudice, standards of proof, balance of probabilities, electronic evidence, jurisprudence.*

В юридической науке до сих пор отсутствует единая концепция оптимального баланса между свободной и формальной оценкой доказательств. Вся история развития доказательственного права демонстрирует непрерывную борьбу между формализмом и свободой. Как справедливо отмечает И.В. Решетникова, «доказательственное право представляет собой наиболее чуткий барометр, отражающий тип процесса (следственный или состязательный) и господствующую в обществе идеологию» [23]. В эпоху абсолютизма доминировала строго формализованная иерархия доказательств, что ограничивало судейский произвол, но одновременно затрудняло поиск истины. В XIX–XX вв. под влиянием либеральных идей возобладала свободная оценка. Однако в современном праве вновь усиливаются отдельные формальные элементы, прежде всего правила о допустимости доказательств, что с особой отчетливостью проявляется при сравнительном анализе арбитражного и гражданского процессов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на объединение высших судебных инстанций, в арбитражном и гражданском процессе сохраняются различные подходы к регламентации доказывания. Во-вторых, цифровизация судопроизводства ставит новые вопросы о форме доказательств и их оценке. В-третьих, судебная практика демонстрирует устойчивые коллизии между свободой судейского усмотрения и императивными правилами допустимости.

Свободная оценка доказательств представляет собой фундаментальный принцип современного судопроизводства, закрепленный как в арбитражном, так и в гражданском процессе. Согласно статье 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1], арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств; при этом никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Аналогичное положение содержит статья 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2], предписывающая суду оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению и также устанавливающая, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Свободная оценка доказательств предполагает отсутствие заранее установленной силы доказательств и возможность суда определять их достоверность и достаточность на основе внутреннего убеждения, которое не является произвольным усмотрением, а должно быть мотивировано и основано на совокупной оценке всех материалов дела.

Однако принцип свободной оценки не существовал в правовом поле изначально. В средневековой Европе и в России (вплоть до судебной реформы 1864 года) безраздельно господствовала теория формальных доказательств. Согласно ей, все доказательства выстраивались в жёсткую иерархическую последовательность. Вершину этой иерархии занимало собственное признание обвиняемого — оно считалось наилучшим доказательством. Следующую ступень отводили письменным актам и документам. Что же касается свидетельских показаний, то их сила определялась не содержанием, а социальным положением свидетеля: чем выше был статус, тем большую ценность придавали его словам [18]. Принятые в 1864 году Судебные уставы [26] ознаменовали переход к свободной оценке доказательств, где главным становилось внутреннее убеждение судьи. Это был действительно революционный шаг. В советское время принцип свободной оценки не отменили, но добавили к нему существенную черту: активную роль суда в собирании доказательств, что делало процесс похожим на инквизиционную модель. На современном этапе провозглашён возврат к состязательности. Однако парадокс в том, что именно состязательность породила новый формализм — теперь судам приходится жёстко ограничивать стороны и не допускать злоупотреблений.

Само же обращение судов к формальным критериям в условиях состязательного процесса объясняется объективной необходимостью: так обеспечивается достоверность устанавливаемых фактов. Состязательная модель, предполагающая активность сторон в доказывании, неизбежно порождает риск представления суду субъективно окрашенной, неполной или искаженной информации, поскольку процессуальные оппоненты преследуют собственные материально-правовые интересы. В этой ситуации перед судом возникает задача минимизации субъективного фактора при исследовании доказательственного материала. Формальные правила — допустимость средств доказывания, требования к письменной форме, преюдициальная сила судебных актов — выступают инструментом такой минимизации. Они не подменяют внутреннее убеждение судьи как конечный результат оценки, но создают объективированные предпосылки для его формирования, задавая нормативные границы, в которых доказательства могут быть признаны достоверными и проверяемыми.

Формальная оценка доказательств в ее классическом понимании предполагает наличие заранее установленной законом иерархии доказательств, при которой сила каждого доказательства определена нормативно, а не зависит от усмотрения судьи. В современном российском процессе полная формальная оценка отсутствует, однако отдельные ее элементы сохраняются и даже усиливаются. В.В. Молчанов, исследуя исторические аспекты данной проблемы, обращается к понятию «предустановленных доказательств», введенному английским философом И. Бентамом, который видел в них «одно из великих преимуществ цивилизации над варварством», поскольку у народа цивилизованного «все может сохраняться, поскольку все может быть записано» [22]. И. Бентам обосновывал полезность предустановленных доказательств тем, что они обладают «противотяжебной» силой, поддерживая права без расходов и процессов, а для суда дают «полную гарантию решений и быстрое и верное ведение дела вместо неуверенности и деятельности на ощупь» [16]. Русские процессуалисты качеством предустановленных наделяли прежде всего акты органов публичной власти и акты, совершаемые под ее контролем, поскольку они принимаются для удостоверения наиболее важных событий. Это является проявлением верховенства власти и гарантией защиты интересов граждан.

В современном цивилистическом процессе формальные элементы проявляются в нескольких аспектах: во-первых, это правила допустимости, устанавливающие императивные требования к форме доказательств; во-вторых, институт преюдиции, который обязывает суд принимать без проверки факты, установленные вступившим в законную силу судебным актом; в-третьих, правила о распределении бремени доказывания, которые в ряде случаев носят императивный характер; в-четвертых, формальные требования к отдельным видам доказательств (нотариальное удостоверение, простая письменная форма). Рассмотрим каждый из этих элементов подробнее.

К числу формальных элементов современного процесса относят прежде всего правила допустимости доказательств. Согласно статье 68 АПК РФ, обстоятельства дела, которые, согласно закону, должны быть подтверждены определенными доказательствами, не могут подтверждаться в арбитражном суде иными доказательствами. Статья 60 ГПК РФ содержит аналогичное предписание. Допустимость доказательств представляет собой наиболее яркое проявление формальных начал в современном доказывании, поскольку закон в ряде случаев императивно предписывает, какими средствами доказывания могут устанавливаться те или иные обстоятельства, и суд не вправе отступить от этого предписания, даже если, по внутреннему убеждению, считает иные доказательства достоверными [14].

Примером правил допустимости доказательств служит положение, закрепленное в ст. 162 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с данной нормой, если простая письменная форма сделки не была соблюдена, участники правоотношения при возникновении спора утрачивают возможность подтверждать факт совершения сделки и ее условия посредством свидетельских показаний. Вместе с тем законодатель не ограничивает их право апеллировать к письменным либо иным видам доказательств. Целесообразность такого подхода обусловлена необходимостью минимизировать риски злоупотреблений и исключить возможность фальсификации доказательственной базы, поскольку подлинность документов и иных материальных носителей информации верифицируется значительно проще по сравнению с устными свидетельствами очевидцев.

При детальном рассмотрении правоприменительной практики по указанной статье также обнаруживается существенный аспект: понятие свидетеля в процессуальном смысле не тождественно данному термину в его гносеологическом (познавательном) значении. В первом случае речь идет о лице, официально приглашенном в суд для дачи показаний, предупрежденном об уголовной ответственности за сообщение заведомо недостоверных сведений. Во втором — подразумевается непосредственный наблюдатель события (действия), обладающий информацией о нем вне зависимости от его процессуального статуса. Представляется, что ст. 162 ГК РФ вводит безусловный запрет на использование показаний именно такого очевидца, вне зависимости от того, какое процессуальное положение ему отведено в рамках конкретного судебного разбирательства.

В качестве следующего примера формально-юридических требований, регламентирующих процесс доказывания, целесообразно рассмотреть правила преюдиции. Как предписывают положения ч. 2 ст. 69 АПК РФ и ч. 2 ст. 61 ГПК РФ, факты и обстоятельства, которые уже были установлены вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда (суда общей юрисдикции) в рамках ранее разрешенного дела, не подлежат повторному доказыванию при рассмотрении арбитражным судом (судом) иного спора, при условии, что состав участвующих в деле лиц идентичен.

По своей правовой природе преюдиция

является воплощением формальной истины, имеющей приоритетное значение для правоприменителя вне зависимости от его субъективных убеждений. Иными словами, суд, рассматривающий дело, не волен пересматривать или подвергать сомнению выводы, уже сделанные другим судом, даже при возникновении обоснованных сомнений в их истинности [25]. Подобное ограничение представляет собой очередной образец формального подхода, который намеренно сужает границы судейского усмотрения и сферы свободной оценки доказательств, подчиняя их авторитету ранее состоявшегося судебного решения.

Ещё одним примером императивных предписаний, регламентирующих допустимость доказательств, выступает норма, зафиксированная в п. 11 ст. 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [3]. Данное положение устанавливает, что итоги независимой технической экспертизы, проведённой по инициативе потерпевшего в индивидуальном порядке, не могут служить основанием для определения объёма страховой выплаты в ситуации, когда транспортное средство не было предоставлено для осмотра страховщику.

Пределы дискреционных полномочий суда в ходе оценки доказательственной базы очерчены нормами процессуального законодательства. Возьмём, к примеру, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 11-КГ23-15-К6. В нём подчёркивается: суд оценивает доказательства — причём в их совокупности — исходя из собственного внутреннего убеждения. Однако это вовсе не означает, что такая оценка может быть произвольной или идти вразрез с законом [11]. Примерно так же рассуждает и Н.А. Абрамова, и её позиция вполне обоснованна. Она говорит: да, судья не связан чьими-то указаниями или чужим мнением, но законодатель с помощью правовых норм всё равно очерчивает вполне конкретные рамки. Именно внутри этих рамок и действует механизм свободной оценки, основанный на внутреннем убеждении. Наглядная иллюстрация — часть 4 статьи 170 АПК РФ. Там предписано: в мотивировочной части судебного акта нужно перечислить все доказательства, которые подтверждают выводы суда по существу спора, и подробно объяснить, почему принято именно такое решение [15]. Кроме того, суд обязан указать, по каким мотивам он отклонил другие доказательства, и сослаться на нормативные акты, ставшие правовым основанием для разрешения дела.

Важно подчеркнуть, что оценка доказательств включает четыре последовательных этапа: оценку относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства и оценку достаточности их совокупности. Оценка относимости и допустимости осуществляется на всем протяжении процесса, начиная с момента принятия искового заявления, когда судья проверяет, относятся ли представленные документы к делу и допустимы ли они. Оценка достоверности и достаточности осуществляется в процессе исследования и завершается в совещательной комнате при вынесении решения.

Анализ арбитражной практики показывает, что при проверке судебных актов нижестоящих судов особое внимание уделяется соблюдению правил оценки доказательств. Так, в определении Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 300-КГ17-6310 по делу № СИП-591/2016 суд указал, что доказательства были оценены судом в соответствии с требованиями статей 65, 67, 68, 71 АПК РФ [8]. В определении от 10.04.2017 № 304-ЭС17-2410 по делу № А45-2203/2016 суд отметил, что, исследовав и оценив представленные доказательства в соответствии с правилами статей 67, 68, 71 АПК РФ, судебные инстанции пришли к обоснованному выводу о соответствии оспариваемого постановления действующему законодательству [7].

Сравнительный анализ АПК РФ и ГПК РФ позволяет выявить ряд существенных различий в регламентации оценки доказательств. Более детальные правила оценки доказательств закреплены в Арбитражном процессуальном кодексе. Статья 71 АПК РФ разбита на семь частей, и каждая из них регулирует отдельные вопросы. Примечательно специальное указание: факт, подтверждаемый исключительно копией документа, не может считаться доказанным, если имеют место определённые условия. В Гражданском процессуальном кодексе также присутствуют подробные нормы, однако их структура выглядит иначе. В статье 67 ГПК РФ часть 5 обязывает суд при оценке документов удостовериться, что документ исходит от надлежащего органа и что все реквизиты на месте. Часть 6 предписывает применительно к копиям оценивать способ копирования и сохранность самой копии. Часть 7, в свою очередь, содержит правило, аналогичное арбитражному: только на основании копии документа нельзя признать обстоятельства доказанными.

Разница между двумя процессами прослеживается и в том, как исследуются доказательства. В арбитражном процессе допускается аудиозапись при ведении протокола — это позволяет зафиксировать процедуру исследования и служит дополнительной гарантией

того, что оценка доказательств будет проведена в полном объёме. В гражданском процессе аудиопротоколирование стало обязательным лишь с 2019 года, и практика его применения до сих пор не единообразна. Кроме того, АПК РФ допускает возможность представления письменных показаний свидетелей (часть 3 статьи 88 АПК РФ), если это не противоречит закону или договору. ГПК РФ такой возможности не предусматривает — свидетельские показания в гражданском процессе могут быть получены только путем устного допроса в судебном заседании.

Письменные показания свидетеля, представленные в арбитражный процесс, по сути, являются свидетельскими показаниями, облеченными в письменную форму, и должны подчиняться тем же ограничениям, что и устные показания.

В настоящее время особую значимость в судопроизводстве обретает вопрос оценки доказательств, представленных в электронной форме. Арбитражный процесс в этом отношении демонстрирует восприимчивость к современным технологиям: ст. 75 АПК РФ, регламентируя порядок обращения с письменными доказательствами, допускает приобщение к материалам дела документов, полученных с использованием факсимильной связи, электронных каналов коммуникации, а также посредством сети «Интернет». Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6], в качестве допустимых доказательств могут фигурировать изготовленные участниками процесса распечатки интернет-страниц (скриншоты). Для признания их таковыми необходимо соблюдение ряда условий: распечатка должна быть заверена подписью соответствующего лица, участвующего в деле, содержать точное указание адреса веб-страницы, с которой производилось копирование, а также фиксацию даты и времени получения данных материалов. Приведённые разъяснения высшей судебной инстанции детализируют порядок легитимации электронных доказательств, подчёркивая значимость их надлежащего заверения для придания им юридической силы.

При этом отсутствие нотариального заверения скриншота само по себе не является основанием для признания его недопустимым доказательством, если он представлен в порядке части 2 статьи 71 ГПК РФ или статьи 75 АПК РФ. В гражданском процессе с 1 января 2017 года в часть 1 статьи 71 ГПК РФ внесены изменения, допустившие в качестве письменного доказательства информацию, полученную с использованием сети Интернет. Однако, кроме этого, общего дозволения на уровне процессуального закона, никаких иных правил, касающихся допустимых в суде форм соответствующих сведений, не содержится. На практике это приводит к тому, что суды общей юрисдикции зачастую требуют нотариального удостоверения скриншотов, в то время как арбитражные суды (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.07.2023 № Ф04-1804/2023 [13]) более последовательны в этом вопросе [19].

Например, в одном из дел Коптевский районный суд г. Москвы и Московский городской суд отказали в иске, мотивируя это тем, что представленные скриншоты переписки не заверены нотариально и потому являются недостоверными доказательствами. Лишь Верховный Суд РФ в определении от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 суд указал, что «отсутствие нотариального заверения скриншота страницы сайта не является безусловным основанием для признания его недопустимым доказательством, если достоверность содержащейся на нем информации может быть проверена иными способами, например, путем допроса свидетеля или назначения экспертизы» [10].

Обнаруженные различия в подходе к оценке электронных доказательств имеют под собой более глубокую теоретическую основу, нежели просто разница в процессуальной регламентации. Наряду с классическими формальными институтами (допустимость, преюдиция), в современной судебной практике все большее значение приобретают стандарты доказывания. Как отмечает А.О. Машовец, их появление знаменует «своеобразное возрождение (теперь уже на строго научной основе) теории формальных доказательств», но в ином качестве. Речь идет не о заранее установленной силе доказательств, а о дифференциации степеней убежденности судьи, необходимых для принятия различных процессуальных решений» [21].

Стоит отметить, что отечественное законодательство не содержит понятия стандарта доказывания ни в материальном, ни в процессуальном праве. В юридической доктрине понятие стандартов доказывания раскрывается через призму пороговых значений убежденности правоприменителя. Так, С.Л. Будылин характеризует указанный феномен как мерило, посредством которого в рамках судебного разбирательства разрешается вопрос о подтвержденности или неподтвержденности существования того или иного обстоятельства [17]. В свою очередь, председатель Арбитражного Суда Уральского округа И.В. Решетникова,

выступая на Общероссийском Совещании судей, акцентировала внимание на том, что под стандартом доказывания следует понимать необходимый уровень уверенности судьи в установленности всех значимых для дела обстоятельств, при достижении которого становится возможным постановление законного и обоснованного судебного акта [20].

В отличие от уголовного процесса, где действует наиболее жесткий стандарт «вне разумных сомнений», цивилистический процесс тяготеет к стандарту «баланс вероятностей» [27]. Данный стандарт подразумевает, что суд признает факт установленным, если его существование представляется более вероятным, чем несуществование. Суд по интеллектуальным правам, например, прямо указывал на недопустимость применения в исковом производстве уголовно-правового стандарта «вне разумных сомнений», подчеркивая необходимость руководствоваться именно «балансом вероятностей» [12].

Данное обстоятельство имеет фундаментальное значение для уяснения сущностных отличий между арбитражным и гражданским судопроизводством. Арбитражный процесс, будучи изначально сориентированным на разрешение конфликтов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, за исключением дел, связанных с несостоятельностью (банкротством), в полной мере руководствуется стандартом доказывания, известным как «баланс вероятностей». Именно этим обусловлена присущая ему адаптивность и сравнительно большая гибкость подхода, в том числе в части допустимости доказательств, полученных в электронном виде. Для их приобщения к делу зачастую достаточно установления относимости к предмету спора и достоверности, без излишней бюрократизации процедуры.

В противоположность этому гражданский процесс, объектом производства в котором нередко выступают личные неимущественные права и законные интересы граждан, в ряде категорий дел (например, при рассмотрении исков о компенсации морального вреда, об усыновлении (удочерении), о лишении родительских прав) имплицитно тяготеет к применению повышенного стандарта доказывания. Иными словами, от суда требуется достижение более высокой степени внутренней убежденности в достоверности тех или иных обстоятельств. Подобная необходимость, в свою очередь, влечет за собой усложнение процедурных аспектов собирания, представления и последующей оценки доказательственного материала, усиливая формализованность процесса.

В правоприменительной практике арбитражных судов РФ также используется критерий «разумной степени достоверности». Данный стандарт доказанности преимущественно задействуется при разрешении споров о взыскании убытков, проистекающих из обязательственных отношений. В частности, в постановлении Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 2929/11 по делу № А56-44387/2006 (по которому первоначальному истцу был предъявлен встречный иск о взыскании убытков с группы акционеров ЗАО «СМАРТС», причиненных наложением ареста) высшая судебная инстанция указала следующее. Отказ в удовлетворении требования о компенсации вреда, наступившего вследствие применения обеспечительных мер по необоснованному иску (в порядке ст. 98 АПК РФ), не может быть мотивирован исключительно невозможностью установления точного размера потерь с разумной степенью достоверности. При подобных обстоятельствах сумма убытков, подлежащая взысканию, исчисляется судом самостоятельно, исходя из комплексного анализа обстоятельств дела, а также руководствуясь принципами справедливости и соразмерности применяемой ответственности [9].

Таким образом, стандарты доказывания становятся тем связующим звеном, которое объясняет, почему при формально схожих принципах оценки, подходы судов в арбитражном и гражданском процессах могут различаться.

Современные исследователи фиксируют тенденцию к усилению формальных элементов в оценке доказательств. Так, И.В. Решетникова вводит понятие «состязательного формализма», под которым понимает ужесточение правил допустимости доказательств как инструмента дисциплинирования сторон в условиях высокой состязательности процесса [23].

Действительно, в условиях высокой конфликтности сторон строгий формализм может обеспечить стабильность правосудия. Например, четкое правило о том, что несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания, позволяет избежать злоупотреблений и фальсификаций.

Однако, излишний формализм может привести к тому, что правосудие превратится в «игру в бисер», где победа будет зависеть не от действительных обстоятельств дела, а от процессуальной ловкости сторон и их представителей.

Вопрос об унификации подходов к оценке доказательств в арбитражном и гражданском процессах остается дискуссионным. С одной стороны, объединение Верховного Суда РФ

и Высшего Арбитражного Суда РФ создало предпосылки для выработки единых подходов. С другой стороны, сохраняются различия в процессуальных кодексах, которые не позволяют говорить о полной унификации. В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, разработанной еще в 2014 году [28], предлагалось унифицировать многие институты, включая доказательственное право, однако работа над единым кодексом до сих пор не завершена.

Полная унификация вряд ли возможна и целесообразна, поскольку специфика экономических споров требует более гибких и оперативных процедур, в то время как гражданское судопроизводство ориентировано на защиту прав граждан, что предполагает большие гарантии и, соответственно, большую формализацию.

Анализ судебной практики последних лет позволяет выявить еще одну важную тенденцию: усиление роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ в формировании единообразных подходов к оценке доказательств. В этих постановлениях по отдельным категориям дел содержатся разъяснения о том, какие доказательства являются допустимыми, как они должны оцениваться и какие обстоятельства подлежат доказыванию.

Так, например, в постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6] содержатся важные разъяснения о применении статьи 162 ГК РФ.

В постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [5] разъяснены вопросы доказывания убытков. Эти разъяснения, по сути, создают дополнительные формальные правила, которыми обязаны руководствоваться суды.

Проведенное исследование позволяет заключить, что баланс между свободной и формальной оценкой доказательств в российском цивилистическом процессе представляет собой динамическую величину, эволюционирующую под влиянием исторических, социальных и технологических факторов. Современный этап характеризуется синтезом фундаментального принципа свободной оценки, по внутреннему убеждению, (ст. 71 АПК РФ, ст. 67 ГПК РФ) с усиливающимися формальными элементами — правилами допустимости, институтом преюдиции и дифференцированными стандартами доказывания.

Выявленные различия между арбитражным и гражданским процессами носят сущностный характер. Арбитражный процесс, ориентированный на экономические споры, тяготеет к гибкости и стандарту «баланса вероятностей», что проявляется в более гибком подходе к электронным доказательствам. Гражданский процесс, защищающий личные права граждан, объективно требует большей формализации и повышенных стандартов доказывания по отдельным категориям дел.

Цифровизация правосудия обнажила эти различия: арбитражные суды демонстрируют адаптивность в оценке скриншотов, тогда как суды общей юрисдикции зачастую сохраняют консервативный подход. В этих условиях ключевую унифицирующую роль выполняют постановления Пленума Верховного Суда РФ, формирующие единые стандарты оценки.

Дальнейшее развитие института оценки доказательств видится в нормативном закреплении понятия стандартов доказывания. Представляется целесообразным дополнить процессуальное законодательство положениями, устанавливающими дифференцированные стандарты доказывания в зависимости от категории спора и характера защищаемых прав, что позволит легитимировать сложившиеся правоприменительные подходы и обеспечить предсказуемость судебных актов. Именно стандарты доказывания, будучи нормативно закрепленными, способны наполнить принцип свободной оценки конкретным содержанием, гарантируя баланс между формальной определенностью и судейским усмотрением, необходимый для справедливого правосудия.

С учетом изложенного представляется обоснованным дополнить ст. 71 АПК РФ частями 8 и 9 в следующей редакции:

«8. Факт, входящий в предмет доказывания, признается установленным, если совокупность доказательств, оцененная в соответствии с настоящей статьей, позволяет суду достичь степени внутреннего убеждения, соответствующей установленному для данной категории дел стандарту доказывания.

9. Применение обычного стандарта доказывания означает, что суд признаёт факт доказанным, если его существование представляется более вероятным, чем несуществование. Применение повышенного стандарта доказывания означает, что суд признаёт факт доказанным, если его существование характеризуется высокой степенью вероятности. Если иное не предусмотрено федеральным законом, применяется обычный стандарт доказывания».

Аналогичные изменения необходимо

внести и в ст. 67 ГПК РФ.

Законодательная фиксация стандартов доказывания создаст легальный механизм балансирования между формальной определенностью и свободой усмотрения, при котором степень убежденности судьи становится проверяемой и дифференцированной в зависимости от категории спора.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. ст. 3012; 2025. № 51. ст. 8004.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2025, № 51. ст. 8004.

[3] Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. ст. 1720; 2025. № 6 ст. 410.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2019.

[7] Определение Верховного Суда РФ от 10 апреля 2017 г. № 304-ЭС17-2410 по делу № А45-2203/2016 Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 300-КГ17-6310 по делу N СИП-591/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Верховного Арбитражного Суда от 6 сентября 2011 г. № 2929/11 по делу № А56-44387/2006// СПС «Консультант Плюс».

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 N 11-КГ23-15-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2019 № С01-897/2019 по делу № СИП-250/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.07.2023 № Ф04-1804/2023 по делу № А03-18712/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Абрамова А.Е. Некоторые вопросы оценки судом результатов исследований, полученных во внесудебном порядке / А. Е. Абрамова // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 16 ноября 2023 года – Москва: РГ-Пресс. 2024. С. 3-10.

[15] Абрамова Н.А. Судейское усмотрение и оценка доказательств, по внутреннему убеждению, в гражданском судопроизводстве / Н. А. Абрамова // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Саратов, 12 декабря 2020 года / Под редакцией В.В. Бехер, Н.Н. Лайченковой. Том Выпуск 9. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 112-115.

[16] Бентам И. О судебных доказательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. №5 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sudebnyh-dokazatelstvah (дата обращения: 21.02.2026).

[17] Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2014. № 4. С. 34–67.

[18] Журавлева Е.А. Характеристика судебных доказательств по русскому законодательству X - XV вв / Е. А. Журавлева // Право и общество. 2024. № 3(16). С. 35-40.

[19] Китаева В.Д. Процессуальные особенности исследования электронных доказательств в суде // Реформы в России и проблемы управления: Материалы 40-й Всероссийской научной конференции молодых ученых, Москва: Государственный университет управления. 2025. С. 339-342.

[20] Коробка Е. Должны ли стандарты

доказывания быть закреплены в законе? // Адвокатская газета. 2021. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/dolzhny-li-standarty-dokazyvaniya-bytzakrepleny-v-zakone/ (дата обращения: 20.02.2026).

[21] Машовец А.О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? / А. О. Машовец // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С. 104-109.

[22] Молчанов В.В. Стандарты доказывания в гражданском судопроизводстве – гости нежелательные / В. В. Молчанов // Закон. 2025. № 2. С. 8-19.

[23] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт. 2025. – 221 с.

[24] Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. Москва: Статут. 2019. – 510 с.

[25] Юдин А.В. Доказательственное значение материалов, полученных из другого гражданского дела или экономического спора, в цивилистическом процессе / А. В. Юдин // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 2. С. 51-64.

[26] Ульянова Л.Т. Эволюция института оценки доказательств, по внутреннему убеждению, в уголовном процессе России / Л.Т. Ульянова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 38-43.

[27] Грязева М.А. Некоторые аспекты доказывания и доказательств в спорах о защите интеллектуальных прав// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Март. № 1 (47). С. 148-158.

[28] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (rev. dated 15.12.2025) (amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012; 2025. № 51. Art. 8004.

[2] Code of Civil Procedure of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended 15.12.2025, with amendments dated 22.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532; 2025, № 51. Art. 8004.

[3] Federal Law of 25.04.2002 No. 40-FZ (as amended by 31.07.2025) " On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 18. Art. 1720; 2025. No. 6 Art. 410.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 8. 2015.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (ed. 22.06.2021) " On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 5. 2016.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation "//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 7. 2019.

[7] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 10, 2017 No. 304-ES17-2410 in case No. A45-2203/2016 On refusal to transfer the complaint to the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation//SPS "ConsultantPlus."

[8] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.06.2017 No. 300-KG17-6310 in case No. SIP-591/2016//SPS "ConsultantPlus."

[9] Decision of the Supreme Arbitration Court of September 6, 2011 No. 2929/11 in case No. A56-44387/2006//SPS "Consultant Plus."

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.02.2023 No. 5-KG22-144-K2//SPS "ConsultantPlus."

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.10.2023 No. 11-KG23-15-K6//SPS ConsultantPlus.

[12] Decision of the Presidium of the Intellectual Property Court of 21.10.2019 No. S01-897/2019 in case No. SIP-250/2017//SPS "ConsultantPlus."

[13] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 10.07.2023 No. F04-1804/2023 in case No. A03-18712/2021//SPS "ConsultantPlus."

[14] Abramova A.E. Some questions of the court's assessment of research results obtained out of court/A.E. Abramova//Application of the Constitution of the Russian Federation in judicial activities: problems of theory and practice: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference,

Kemerovo, November 16, 2023 - Moscow: RG-Press. 2024. S. 3-10.

[15] Abramova N.A. Judicial discretion and assessment of evidence, according to internal conviction, in civil proceedings/N.A. Abramova// Law and society in the context of globalization: development prospects: Collection of scientific works based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, December 12, 2020/Edited by V.V. Becher, N.N. Laichenkova. Volume Issue 9. - Saratov: Saratov Source Publishing House, 2021. S. 112-115.

[16] Bentham I. On judicial evidence//Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2017. №5 (33). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sudebnyh-dokazatelstvah (дата обращения: 21.02.2026).

[17] Budylin S.L. Internal belief or probability balance? Standards of Evidence in Russia and Abroad//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. № 4. S. 34-67.

[18] Zhuravleva E.A. Characterization of judicial evidence under Russian law X - XV centuries/ E.A. Zhuravleva//Law and society. 2024. № 3(16). S. 35-40.

[19] Kitaeva V.D. Procedural features of the study of electronic evidence in court//Reforms in Russia and management problems: Materials of the 40th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists, Moscow: State University of Management. 2025. S. 339-342.

[20] Box E. Should standards of proof be enshrined in law ?//Advocacy newspaper. 2021. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/dolzhny-li-standarty-dokazyvaniya-bytzakrepleny-v-zakone/ (дата обращения: 20.02.2026).

[21] Mashovets A.O. Internal conviction or standard of proof ?/A.O. Mashovets//Rule of law: theory and practice. 2025. № 1(79). S. 104-109.

[22] Molchanov V.V. Standards of proof in civil proceedings are undesirable guests/V.V. Molchanov// Law. 2025. № 2. S. 8-19.

[23] Reshetnikova I.V. Proving in a civil process: an educational and practical manual for universities. - 8th ed., Revised and add. - M.: Yurayt. 2025. - 221 s.

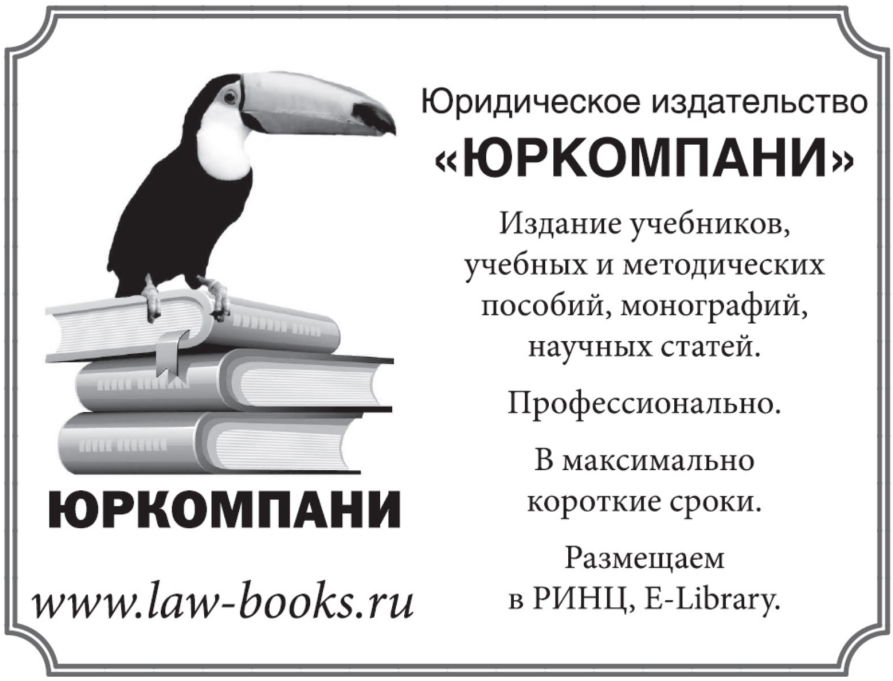
[24] Reshetnikova I.V. Reflecting on legal proceedings: Favorites. Moscow: Statute. 2019. - 510 s.

[25] Yudin A.V. Evidentiary significance of materials obtained from another civil case or economic dispute in the civil process/A.V. Yudin//Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2022. № 2. S. 51-64.

[26] Ulyanova L.T. Evolution of the Institute of Evidence Assessment, according to internal conviction, in the criminal process of Russia/L.T. Ulyanova//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2015. № 1. S. 38-43.

[27] Gryazeva M.A. Some aspects of evidence and evidence in disputes over the protection of intellectual rights//Journal of the Intellectual Property Court. 2025. March. № 1 (47). S. 148-158.

[28] The concept of the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 08.12.2014 No. 124 (1))//SPS ConsultantPlus.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-457-460

ФАТЕЕВ Андрей Сергеевич,

аспирант,
кафедра правового регулирования бизнеса
и гражданского судопроизводства
Юридический факультет
АНО ВО «Московский университет «Синергия»,

e-mail: fatia200086@gmail.com

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ВОЗРАЖЕНИЕ ОБ ИСТЕЧЕНИИ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ: ДОКТРИНА «ОТКАЗА В ЗАЩИТЕ» И ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН

Аннотация. *Статья посвящена проблеме злоупотребления должником правом на возражение об истечении исковой давности. На основе анализа доктринальных подходов (В.П. Грибанов, В.А. Тархов, Р.С. Бевзенко, А.Г. Карапетов, Л.В. Щенникова) и судебной практики Верховного Суда РФ (2015–2023) обосновывается возможность отказа в защите права на возражение на основании ст. 10 ГК РФ. Систематизированы признаки недобросовестного поведения должника: предшествующие заверения о признании долга, частичная оплата, процессуальные манипуляции. Предложен трёхступенчатый тест для судов (формальный пропуск срока – поведение должника, создавшее ожидания – отсутствие вины кредитора). Сравнительный анализ включает опыт Германии, Франции, Англии и США. Делается вывод о целесообразности законодательного закрепления эстоппеля в ст. 199 ГК РФ.*

Ключевые слова: *исковая давность, злоупотребление правом, отказ в защите, эстоппель, добросовестность, баланс интересов, судебная практика.*

FATEEV Andrey Sergeevich,

Postgraduate Student
Department of Business Regulation and Civil Procedure,
Law Faculty, Autonomous Non-Commercial
Organization of Higher Education “Moscow University ‘Synergy’”

ABUSE OF THE RIGHT TO OBJECT TO THE EXPIRY OF THE LIMITATION PERIOD: THE “DENIAL OF PROTECTION” DOCTRINE AND THE SEARCH FOR A BALANCE OF INTERESTS BETWEEN THE PARTIES

Annotation. *The article addresses the problem of a debtor’s abuse of the right to object to the expiry of the limitation period. Based on an analysis of doctrinal approaches (V.P. Gribanov, V.A. Tarkhov, R.S. Bevzenko, A.G. Karapetov, L.V. Shchennikova) and the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation (2015–2023), the possibility of denying protection of the right to object on the basis of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation is substantiated. The signs of the debtor’s bad faith conduct are systematized: prior assurances acknowledging the debt, partial payment, and procedural manipulations. A three-stage test for courts is proposed (formal lapse of the period – the debtor’s conduct that created expectations – absence of the creditor’s fault). The comparative analysis includes the experience of Germany, France, England, and the USA. A conclusion is drawn on the advisability of legislatively enshrining estoppel in Article 199 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Key words: *limitation of actions, abuse of right, denial of protection, estoppel, good faith, balance of interests, judicial practice.*

Институт исковой давности (ст. 196, 199 Гражданского кодекса РФ) выполняет функцию стабилизации гражданского оборота, стимулируя кредитора к своевременной судебной защите нарушенного права. Вместе с тем формальное применение правил об истечении срока в отдельных случаях может вступать в противоречие с принципом добросовестности (ст.

10 ГК РФ). Ситуация, при которой должник своими предшествующими действиями (заверения о признании долга, частичная оплата, просьбы об отсрочке) формирует у кредитора добросовестные ожидания внесудебного урегулирования, а затем в судебном процессе заявляет о пропуске срока, квалифицируется как потенциальное злоупотребление правом. В связи с этим возникает вопрос: должен ли суд в таком случае защищать право должника на возражение, либо применить механизм отказа в защите (абз. 2 п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Степень научной разработанности темы представлена работами В.П. Грибанова о пределах осуществления гражданских прав [1, с. 112–115], В.А. Тархова об исковой давности [2, с. 56–60], а также современными исследованиями Р.С. Бевзенко [3, с. 45–50], А.Г. Карапетова [4, с. 22–28], Л.В. Щенниковой [5, с. 75–79], Д.О. Тузова [6, с. 84–88], М.Ф. Лукьяненко [7, с. 134–140]. В дореволюционный период Г.Ф. Шершеневич указывал на недопустимость использования давности в противоречии с нравственными началами. В советской цивилистике О.С. Иоффе также признавал возможность ограничения формального подхода [8, с. 315]. Дискуссия ведётся по двум ключевым вопросам: может ли ст. 10 ГК РФ ограничивать возражение об истечении давности и какие критерии недобросовестности следует применять. При этом в судебной практике отсутствуют унифицированные подходы, что порождает правовую неопределённость.

В российской цивилистике традиционно господствует материально-правовой подход: исковая давность – срок принудительной защиты нарушенного права (ст. 195 ГК РФ). Возражение об истечении давности является материальным правом должника, реализуемым в процессе (п. 2 ст. 199 ГК РФ). Как отмечал В.А. Тархов, применение давности не должно превращаться в инструмент злоупотребления [2, с. 112]. Процессуальная концепция (А.А. Добровольский) рассматривает возражение как процессуальное средство. Российский законодатель избрал третий путь: суд не вправе применять давность без заявления стороны, но при наличии заявления обязан отказать в иске. Такая конструкция усиливает диспозитивность, однако создаёт предпосылки для злоупотреблений: должник может бездействовать до последнего момента, а затем заявить о пропуске срока, даже если ранее признавал долг.

Верховный Суд РФ последовательно развивает позицию, допускающую отказ в защите права на возражение. Первым шагом стало Постановление Президиума ВАС РФ от 06.04.2010 № 15729/09, где указывалось, что действия должника по признанию долга прерывают течение давности (ст. 203 ГК РФ), а противоречивое возражение недопустимо. В Постановлении Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43 (п. 10–12) разъяснено, что признание долга прерывает давность лишь при совершении таких действий до истечения срока. Однако главный шаг сделан в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25: заявление о пропуске исковой давности может быть признано злоупотреблением правом, если поведение должника (в том числе после истечения срока) заведомо противоречило добросовестности. В таком случае суд отказывает в защите права на возражение (абз. 2 п. 2 ст. 10 ГК РФ) и удовлетворяет иск.

Судебная практика последних лет содержит показательные примеры. В Определении ВС РФ от 18.08.2017 № 309-ЭС16-19357 (дело А60-60532/2015) должник подписал акт сверки и дал гарантийное письмо об оплате после истечения срока давности. Суд первой инстанции применил давность, но ВС РФ отменил решение, указав, что заявление ответчика о пропуске срока является злоупотреблением, поскольку его поведение после истечения срока вводило кредитора в заблуждение [3, с. 45]. В Определении ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС19-15137 (дело А40-110873/2018) должник неоднократно просил отсрочку, обещал оплатить, но затем в суде сослался на пропуск срока; ВС РФ подтвердил правомерность отказа в защите возражения. В Определении ВС РФ от 17.12.2018 № 304-ЭС17-18480 (дело А75-12459/2016) частичная оплата после истечения срока квалифицирована как действие, прерывающее течение срока, а альтернативно – как злоупотребление. Арбитражные суды округов также применяют ст. 10 ГК РФ: Постановление АС Московского округа от 12.03.2020 № Ф05-2245/2020, Постановление АС Уральского округа от 25.06.2021 № Ф09-3456/21, Постановление АС Северо-Западного округа от 14.02.2023 № Ф07-19876/2022 (в последнем деле суд фактически применил трёхступенчатый тест). Однако единообразие отсутствует: в некоторых делах (например, Постановление АС Поволжского округа от 18.11.2019 № Ф06-54321/2019) суды отказывают в применении ст. 10 ГК РФ, ссылаясь на императивность п. 2 ст. 199 ГК РФ. Это подчёркивает актуальность выработки чётких критериев.

На основе обобщения судебной практики и доктрины [3; 4; 7] можно выделить три формы злоупотребления правом на возражение. Материально-правовая форма включает действия должника вне процесса, создающие у кредитора разумные ожидания: подписание акта сверки после истечения срока, частичная оплата, письменные заверения о признании

долга, просьбы об отсрочке. Процессуальная форма – это манипуляции в суде: первоначальное признание иска, затем неожиданное заявление о давности; неоднократное изменение позиции; заявление о давности только после того, как кредитор представил все доказательства. Смешанная форма сочетает оба вида поведения. В Обзоре судебной практики ВС РФ № 1 (2015) прямо указано: действия ответчика, который после истечения срока исковой давности признавал долг, просил отсрочку, но впоследствии заявил о пропуске срока, квалифицируются как злоупотребление правом.

В литературе высказываются контраргументы против применения ст. 10 ГК РФ к возражению о давности. Так, Е.В. Вавилин утверждает, что п. 2 ст. 199 ГК РФ носит императивный характер: при наличии заявления ответчика суд обязан отказать в иске, и ст. 10 ГК РФ не может преодолевать специальную норму [9, с. 87]. Однако данная позиция, на наш взгляд, не учитывает системное толкование: согласно п. 2 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ принцип добросовестности является общеотраслевым и применяется к любым правомочиям, включая право на возражение, что подтвердил Пленум ВС РФ в п. 1 Постановления от 23.06.2015 № 25. М.Я. Шиминова полагает, что отказ в защите на основе оценочных понятий ведёт к судейскому произволу [10, с. 134]. Этот аргумент не опровергает необходимости ограничения злоупотреблений, но указывает на потребность в формализованных критериях. А.П. Сергеев отмечает, что сроки давности – это «законная возможность» должника, и её ограничение противоречит смыслу давности как объективного срока [11, с. 205]. Однако, как представляется, в гражданском праве не существует абсолютных прав, и должник не лишается права на возражение вообще, а лишь не может им воспользоваться, если сам создал у кредитора ложные ожидания.

Для преодоления риска субъективизма предлагается авторский трёхступенчатый тест. **Шаг первый:** установить формальный пропуск срока исковой давности (ст. 196 ГК РФ с учётом перерывов и приостановления). Если срок не пропущен – вопрос о злоупотреблении не возникает. **Шаг второй:** оценить поведение должника, создавшее разумные ожидания кредитора. Суд должен выяснить, совершал ли должник действия, которые обычный участник оборота расценил бы как признание долга (платежи, письма, сверка, просьбы об отсрочке), повлекли ли эти действия субъективную уверенность кредитора в отсутствии необходимости судебной защиты, имеется ли причинная связь между поведением должника и пропуском срока. **Шаг третий:** проверить отсутствие вины кредитора. Если кредитор разумно полагался на обещания должника (например, ждал реструктуризации) – вины нет; если же он бездействовал без каких-либо заверений – его вина. При наличии всех трёх элементов суд отказывает в защите права на возражение и удовлетворяет иск. При отсутствии любого элемента – применяются общие правила о давности.

Сравнительно-правовой анализ подтверждает обоснованность такого подхода. В Германии § 242 ГГУ (добросовестность) служит основой для отказа в применении исковой давности – доктрина Verwirkung (потеря права вследствие противоречивого поведения). Германская доктрина выработала два условия: истечение значительного времени и наличие обстоятельств, на которые должник мог полагаться [12, S. 345]. Во Франции ст. 2237 ФГК содержит специальное правило: нельзя ссылаться на давность, если должник ранее признал обязательство; институт forclusion не применяется при злоупотреблении [13, p. 212]. В Англии и США доктрина promissory estoppel не позволяет стороне отступить от обещания, если другая сторона разумно полагалась на него. В контексте исковой давности американские суды используют equitable estoppel, когда должник своими действиями удерживал кредитора от своевременного обращения в суд [14, p. 88]. Российское право могло бы воспринять эти подходы.

Целесообразно дополнить ст. 199 ГК РФ следующим положением: «Возражение об истечении срока исковой давности не подлежит удовлетворению, если поведение должника после истечения срока или до его истечения заведомо противоречило принципу добросовестности и повлекло для кредитора невозможность своевременного обращения в суд. При этом суд оценивает, создал ли должник у кредитора разумные ожидания исполнения обязательства без судебной защиты». Такое изменение устранит правовую неопределённость, снизит количество судебных споров и обеспечит баланс интересов сторон – добросовестный кредитор будет защищён от недобросовестного должника, а добросовестный должник сохранит возможность использовать давность.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Возражение об истечении исковой давности не является абсолютным правом должника; оно может быть ограничено на основании ст. 10 ГК РФ при наличии злоупотребления, что подтверждается устойчивой судебной практикой ВС РФ. Выявлены три формы злоупотребления: материально-правовая, процессуальная и смешанная. Предложенный трёхступенчатый тест призван

обеспечить единообразие судебной практики и минимизировать риск субъективного усмотрения. Сравнительный анализ свидетельствует об универсальности механизмов противодействия злоупотребительным возражениям. Рекомендуется законодательно закрепить в ст. 199 ГК РФ правило об эстоппеле, что обеспечит баланс интересов сторон и стабильность гражданского оборота.

Список литературы:

[1] Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2000. – С. 112–156.

[2] Тархов В.А. Исковая давность. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. – 168 с.

[3] Бевзенко Р.С. Злоупотребление правом на возражение об истечении исковой давности // Вестник гражданского права. – 2018. – № 3. – С. 42–67.

[4] Карапетов А.Г. Эстоппель в российском гражданском праве // Вестник экономического правосудия. – 2016. – № 12. – С. 20–51.

[5] Щенникова Л.В. Злоупотребление правом: дискуссионные вопросы // Закон. – 2015. – № 1. – С. 73–82.

[6] Тузов Д.О. Исковая давность и добросовестность: проблемы соотношения // Цивилистика. – 2020. – № 2. – С. 80–94.

[7] Лукьяненко М.Ф. Злоупотребление правом в гражданском праве России. – М.: Норма, 2017. – 256 с.

[8] Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.

[9] Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 415 с.

[10] Шиминова М.Я. Принципы гражданского права России. – М.: Юстицинформ, 2022. – 298 с.

[11] Сергеев А.П. (ред.) Гражданское право: учебник. Т. 1. – М.: Проспект, 2022. – 640 с.

[12] Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. – Berlin: Springer, 1992. – 470 S.

[13] Terré F., Simler P., Lequette Y. Droit civil: Les obligations. – Paris: Dalloz, 2019. – 1560 p.

[14] Farnsworth E.A. Contracts. – New York: Aspen, 2022. – 950 p.

References:

[1] Gribanov V.P. Limits of the Exercise and Protection of Civil Rights // Exercise and Protection of Civil Rights. - Moscow: Statut, 2000. - pp. 112-156.

[2] Tarkhov V.A. Statute of Limitations. - Saratov: Saratov University Publishing House, 1973. - 168 p.

[3] Bevzenko R.S. Abuse of the Right to Object to the Expiration of the Limitation Period // Bulletin of Civil Law. - 2018. - No. 3. - pp. 42-67.

[4] Karapetyan A.G. Estoppel in Russian Civil Law // Bulletin of Economic Justice. - 2016. - No. 12. - pp. 20-51.

[5] Shchennikova L.V. Abuse of Rights: Controversial Issues // Law. – 2015. – No. 1. – P. 73–82.

[6] Tuzov D.O. Statute of Limitations and Good Faith: Problems of Correlation // Civilistics. – 2020. – No. 2. – P. 80–94.

[7] Lukyanenko M.F. Abuse of Rights in the Civil Law of Russia. – Moscow: Norma, 2017. – 256 p.

[8] Ioffe O.S. Law of Obligations. – Moscow: Legal Literature, 1975. – 880 p.

[9] Vavilin E.V. Implementation and Protection of Civil Rights. – Moscow: Yurlitinform, 2020. – 415 p.

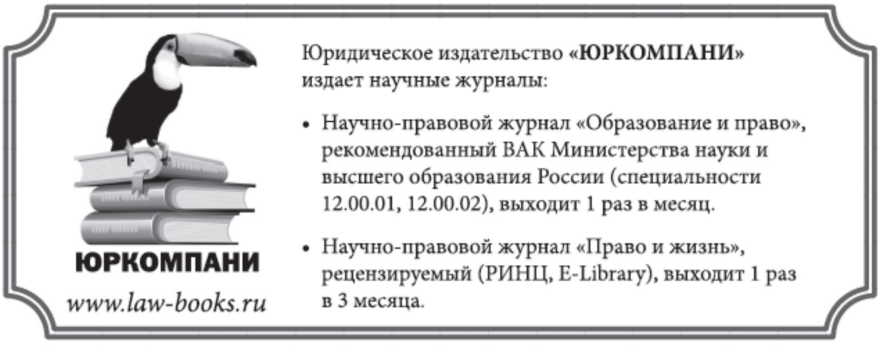
[10] Shiminova M.Ya. Principles of Civil Law of Russia. – M.: Yustitsinform, 2022. – 298 p.

[11] Sergeev A.P. (ed.) Civil Law: Textbook. Vol. 1. – M.: Prospect, 2022. – 640 p.

[12] Larenz K. Methodology of Legal Practice. – Berlin: Springer, 1992. – 470 p.

[13] Terré F., Simler P., Lequette Y. Civil Law: Obligations. – Paris: Dalloz, 2019. – 1560 p.

[14] Farnsworth E.A. Contracts. – New York: Aspen, 2022. – 950 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-461-471

ТОЛСТОЛУЦКИЙ Владимир Юрьевич,

доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры публичного и частного права,
Волжский государственный университет водного транспорта
(ФГБУ ВО «ВГУВТ»),

e-mail: tolvlad@yandex.ru

БАРИЦЕНТРИЧЕСКИЙ МЕТОД КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ, МЕТОДИЧЕСКОЙ И ФАКТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. *В статье обосновывается необходимость интегративного подхода к оценке судебных экспертиз, учитывающего одновременно процессуальную, методическую и фактическую стороны. На основе обзора литературы выявлен дефицит междисциплинарных исследований, объединяющих правовые, методологические и гносеологические аспекты. В качестве инструмента анализа предложен метод барицентрических координат, позволяющий визуализировать и количественно измерить соотношение трёх указанных сторон. На примере рецензии специалиста на судебно-психиатрическую экспертизу продемонстрирована эффективность метода: вычислены координаты (λ_1=0,833; λ_2=0,109; λ_3=0,058), выявлен крайний дисбаланс в пользу процессуальной стороны и отсутствие использования специальных знаний рецензентом. Показано, что барицентрический метод дополняет качественный анализ, обеспечивая воспроизводимость и наглядность. Метод позволяет дополнить содержательный анализ заключения эксперта или специалиста численными методами, а также может быть использован при автоматизированной обработке результатов использования специальных знаний на с помощью искусственного интеллекта этапе предварительного ознакомления с ними.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, процессуальная регламентация экспертизы, методическое обеспечение экспертизы сторона, барицентрический метод, рецензия специалиста, судебно-психиатрическая экспертиза, визуализация.*

TOLSTOLUTSKY Vladimir Yurievich,

Doctor of Medical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Public and Private Law,
Volga State University of Water Transport

BARYCENTRIC METHOD OF COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE PROCEDURAL, METHODICAL AND FACTUAL ASPECT OF A FORENSIC EXAMINATION CONCLUSION

Annotation. *The article substantiates the need for an integrative approach to the evaluation of forensic examinations, taking into account simultaneously the procedural, methodological, and factual aspects. Based on a literature review, a deficit of interdisciplinary research combining legal, methodological, and epistemological aspects is identified. The method of barycentric coordinates is proposed as an analytical tool, allowing visualization and quantitative measurement of the relationship among these three aspects. Using the example of an expert's review of a forensic psychiatric examination, the effectiveness of the method is demonstrated: the coordinates (λ_1=0.833; λ_2=0.109; λ_3=0.058) are calculated, revealing an extreme imbalance in favor of the procedural side and a lack of use of special knowledge by the reviewer. It is shown that the barycentric method complements qualitative analysis, ensuring reproducibility and clarity. The method allows supplementing the substantive analysis of an expert's or specialist's conclusion with numerical methods, and can also be used in the automated processing of the results of using special knowledge with the help of artificial intelligence at the stage of preliminary familiarization with them.*

Key words: *forensic examination, procedural regulation of examination, methodological support of examination side, barycentric method, expert review, forensic psychiatric examination, visualization.*

Введение

В современной науке о судебной экспертизе всё более востребован интегративный подход, учитывающий одновременно правовые, методологические и гносеологические аспекты экспертной деятельности. К сожалению, традиционно научные исследования фокусируются либо на процессуальных нормах (допустимость экспертного заключения как доказательства или процедуре назначения и оценки заключения), либо на методическом инструментарии (используемые методики исследования, приборы и аппаратные средства, технологии, заимствованные из технических и естественных наук), либо на фактической стороне (установление признаков объекта и достоверность выводов). Однако реальная практика показывает, что эти стороны не изолированы: процессуальное требование проверяемости реализуется через методики, а достоверность фактических данных зависит как от валидности методов, так и от соблюдения правовых процедур.

Следует отметить ещё один аспект, подтверждающий актуальность темы исследования, который заключается в устойчивой тенденции к междисциплинарности в уголовно-правовых науках. Междисциплинарность научных исследований официально закреплена на уровне ВАК созданием укрупнённой специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки», объединившей криминалистику, уголовный процесс и уголовное право. Укрупнение научных специальностей было проведено с целью стимулирования исследований, которые ранее рассматривались как междисциплинарные. Однако, как показывает анализ научной литературы, комплексных междисциплинарных исследований, посвящённых одновременно правовым, методологическим и гносеологическим (фактическим) аспектам экспертной деятельности, в настоящее время явно недостаточно. Именно этот пробел приводит к тому, что потенциал судебно-экспертной трансформации достижений неюридических наук остаётся полностью нереализованным, а потребность в разработке целостной концепции регулирования использования специальных знаний в форме судебной экспертизы — неудовлетворённой.

Степень научной разработанности темы

Проведён обзор научных публикаций с целью выявить и систематизировать основные подходы к пониманию процессуальной, методической и фактической сторон судебной экспертизы, представленные в современной литературе, а также установить, каким образом авторы видят связи между этими сторонами. Задачей обзора выступает выявление имплицитно присутствующей в них триединой модели регулирования судебной экспертизы и обоснование целесообразности использования трёхсторонних барицентрических координат (в виде сторон «процессуальная – методическая – фактическая») для её анализа. Обзор структурирован следующим образом: последовательно рассматриваются процессуальная сторона и её связь с методической, затем методическая сторона как необходимое условие достоверности, далее фактическая сторона (её определение, этапы и связь с методической), и наконец, синтез, обобщающий высказывания о взаимосвязях между всеми тремя сторонами.

1. Процессуальная сторона и её связь с методической

Традиционно в литературе доминирует «процессуальный подход», рассматривающий судебную экспертизу как правовой институт. Ключевым требованием, предъявляемым к заключению эксперта, выступает критерий «проверяемости» – возможность поэтапного контроля хода и результатов исследования. Наиболее развёрнуто это положение обосновывают О.А. Максимов и А.А. Орлов [6, с. 39], которые, анализируя ст. 4 и 8 Федерального закона № 73-ФЗ, приходят к выводу: «основным содержательным элементом допустимости заключения эксперта является его «проверяемость», т.е. возможность повторения (поэтапной проверки) хода проведенного исследования». При этом авторы напрямую связывают процессуальное требование с методической стороной производства экспертного исследования, отмечая, что законодатель требует указания в доказательстве содержания и результатов исследований, ставших следствием применённых экспертных методик. Выделяя место экспертной методики как «научно обоснованной последовательности действий для решения конкретной экспертной задачи» [6, с. 39], авторы подчёркивают, что без неё невозможна реализация принципа проверяемости. Таким образом, рассматривая уровень процессуального регулирования производства экспертизы, авторы одновременно демонстрируют неразрывную связь между правовой формой использования специальных знаний и методической основой экспертного исследования.

Позиция, которую занимают О. Кравченко и Р. Заверико [4, p. 120], сводится к утверждению: «условием допустимости заключения эксперта является соблюдение процессуальной формы проведения экспертизы и составления заключения, а именно: соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства». При этом в данной публикации, в отличие от предыдущей, не раскрывается механизм связи

формы с методическим или фактическим содержанием. Такой же подход использует А.А. Барыгина [1, с. 44], концентрируясь на проблемах законодательного регулирования допустимости и достоверности, также оставляя в стороне методический инструментарий.

Важный вклад в осмысление процессуальной стороны вносит В.Ю. Стельмах [11, с. 78–80], который на примере сравнения заключения эксперта и специалиста показывает, что «процессуальная форма», в виде критерия – наличие или отсутствие предупреждения об уголовной ответственности – разводит два вида доказательств при почти полном совпадении остальных элементов использования специальных знаний. Автор полагает, что «в принципе недопустима ситуация, когда в уголовном судопроизводстве параллельно существует несколько видов доказательств, совпадающих и по содержанию, и по доказательственному значению, однако различающихся по процедуре получения», имея в виду заключения эксперта и специалиста [11, с. 82]. Здесь прослеживается мысль о том, что процессуальная оболочка способна влиять не на фактическую достоверность результата, а на его юридическую оценку.

Ещё более радикальную процессуальную позицию по отношению силы связи между процессуальной и фактической стороной занимает С.Б. Россинский [10, с. 136–137], возвращаясь к идее наделения эксперта полномочиями «научного судьи». При этом он существенно разводит процессуальную и фактическую стороны экспертного заключения, что позволяет ему утверждать, что эксперт «в определённой степени сам является своеобразным установителем (доказывателем) отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [10, с. 136]. В качестве обоснования своей мысли автор указывает, что на практике «следователи, прокуроры, адвокаты, судьи и т. д. вообще подробно не вникают в содержание проведённых экспертных исследований, поскольку ввиду отсутствия у них необходимых специальных знаний подобное процессуальное «штудирование» всё равно не имеет особого смысла» [10, с. 137]. Тем самым автор фиксирует непреодолимый разрыв между процессуальной оценкой экспертного заключения и фактической стороной последнего. Полагаем, такая постановка вопроса наиболее ярко выражает необходимость углублённого анализа взаимосвязи двух указанных сторон и актуальности поиска решения проблемы.

2. Методическая сторона как необходимое условие достоверности заключения эксперта как доказательства и обеспечения фактического соответствия результатов экспертизы объективной реальности

Проблематика методического обеспечения судебной экспертизы наиболее полно представлена в работах, акцентирующих, так же как С.Б. Россинский, невозможность её полноценной оценки неспециалистами. С.Е. Лебеденко [5, с. 98] формулирует это наиболее рельефно: «Представляется маловероятным, что орган предварительного расследования, прокурор или суд, не являясь носителями специальных знаний в сфере конкретного рода или вида судебных экспертиз, смогут самостоятельно оценить правильность выбора экспертом методики и методов исследования, соответствия им действий, выполненных экспертом при производстве экспертиз, соответствие сформулированных выводов полученным в ходе исследования результатам». Данное высказывание подчёркивает противоречивость связи между процессуальной и методической сторонами: правовая норма требует от заключения эксперта проверяемости, но реализовать эту проверку субъект доказывания не в состоянии без специальных знаний. Мы предлагаем рассматривать указанное противоречие не в качестве непреодолимого барьера, а как подтверждение независимости трёх рассматриваемых сторон (процессуальной, методической и фактической) использования специальных знаний, которые только в совокупности позволяют раскрыть природу судебной экспертизы.

Лебеденко также обращается к содержанию ст. 8 ФЗ № 73, где закреплено требование проводить исследование «объективно, на строго научной и практической основе». Это положение, будучи процессуальным по форме, по сути является мостом к методической стороне, поскольку «строго научная основа» невозможна без валидных, апробированных методик. Таким образом, методическая сторона выступает не просто техническим дополнением, а необходимым условием достижения процессульного критерия достоверности.

3. Фактическая сторона: определение, этапы и связь с методической

Мы полагаем, что фактическая сторона заключения судебного эксперта представляет собой соответствующее объективной действительности и вытекающее из исследовательской части экспертного заключения суждение эксперта (вывод). Исследовательская часть экспертизы при этом выступает в качестве фиксации получаемой в ходе исследования объективной информации, а сам процесс познания направлен на установление существенных признаков объекта исследования. В этом процессе выделяются как минимум два этапа: чувственный

(непосредственное и опосредованное через приборы и аппаратные средства восприятие свойств объектов) и рациональный (логическая обработка данных). Использование специальных знаний невозможно без опоры на экспертные методики и аппаратные средства, поэтому фактическая сторона непосредственно связана с методической: именно методика и методы инструментального исследования обеспечивают адекватное отображение экспертно значимых признаков, а их отсутствие или несовершенство ведёт к искажению фактической стороны.

Последний аспект выражается в виде экспертных ошибок. В анализируемой литературе эта проблематика представлена фрагментарно. И.В. Безлепкин [2, с. 74], ссылаясь на классификацию Е.Р. Россинской и Е.И. Галяшиной [9, с. 213–215], приводит типологию экспертных ошибок. В контексте темы нашего исследования классификация экспертных ошибок интересна тем, что охватывает все три стороны, включая процессуальные ошибки, методические и фактические. Тем самым демонстрируется, что неполнота или недостоверность экспертного знания может проистекать не только из нарушений процессуальных процедур или методических просчётов, но и из объективной сложности познания объекта – того, что напрямую связано с фактической стороной.

Особого внимания заслуживает феномен «добросовестного заблуждения», введённый в научный оборот Р.С. Белкиным [3, с. 157]: «экспертные ошибки – это не соответствующие объективной действительности суждение эксперта или его действия, не приводящие к цели экспертного исследования, являющиеся результатом добросовестного заблуждения». Данное определение является негативным оттиском фактической стороны: если фактическая сторона есть суждение, соответствующее действительности и приводящее к цели, то ошибка – это суждение, не соответствующее действительности. Отметим, что с точки зрения единства процессуальной стороны и фактической, использованное в приведённой цитате Р.С. Белкиным понятие «цель экспертного исследования» отражает только фактическую сторону экспертизы.

Лебеденко [5, с. 98] упоминает возможность «ложноположительных или ложноотрицательных результатов экспертного исследования, которые могут быть следствием экспертной ошибки, добросовестного заблуждения эксперта и т. д.», тем самым связывая фактическую сторону (достоверность установленных признаков) с процессуальной оценкой заключения.

4. Синтез, обеспечивающий триединство сторон в анализе экспертного заключения

Несмотря на то что ни одна из проанализированных работ не ставит своей целью представить судебную экспертизу в трёх координатах, в совокупности они формируют необходимую теоретическую базу для такого подхода. Процессуальная сторона в публикациях доминирует, но исследователи постоянно переходят в методический аспект и необходимость анализа фактической стороны. Предложенное выше определение фактической стороны как соответствующего объективной действительности суждения, фиксирующего существенные признаки объекта, позволяет установить её прямую связь с методической стороной: именно методики и аппаратные средства обеспечивают переход от чувственного восприятия к рациональному осмыслению. Таким образом, современный обзор литературы позволяет утверждать, что имеется необходимость предложить инструмент, позволяющий визуально представить все три стороны (процессуальная – методическая – фактическая). Основным свойством, которым должен обладать требуемый инструмент, является представление неразрывного единства всех трёх сторон между собой, при независимости каждой стороны как самостоятельного измерения.

Гипотеза исследования

В качестве инструмента, позволяющего представить неразрывное единство процессуальной, методической и фактической сторон экспертного заключения между собой, при сохранении независимости каждой стороны как самостоятельного измерения изучаемого явления, предлагается метод барицентрических координат. Метод позволяет дополнить содержательный анализ заключения эксперта или специалиста численными методами, а также может быть использован при автоматизированной обработке результатов использования специальных знаний на с помощью искусственного интеллекта этапе предварительного ознакомления с ними.

Методы исследования

Применён метод барицентрических координат, который визуализирует в виде геометрической фигуры оценку экспертного заключения как точки внутри треугольника. Барицентрическое исчисление представляет собой ветвь аналитической геометрии, разработанную Мёбиусом в 1827 году. Барицентрические координаты стали первым примером однородных координат, систематически используемых в геометрии. В работах по судебной экспертизе мы не нашли применения барицентрических координат для оценки экспертного заключения. В то время как метод используется в качестве инструмента анализа для различных научных

задач. Так, Шабанов Т.Ю. применил его для создания геоэкономической модели движущей силы популяции России. Параллельно проводятся исследования в области мультифрактального анализа физических и геофизических систем. Кроме того, метод барицентрических координат находит применение в математической физике: например, в работе И.С. Полянского «Внешние барицентрические координаты для произвольных многоугольников и приближённый метод их вычисления» (2024) предложено обобщение барицентрического метода для решения внешних краевых и начально-краевых задач. К.С. Малинникова указывает, что барицентрические координаты — это способ представления точки в плоскости или пространстве через массы (коэффициенты), ассоциированные с вершинами треугольника или тетраэдра [7, с. 115–116].

Для нашего исследования важно, что выдвинутая Архимедом концепция «барицентра» («барос» — в переводе с греческого — вес, тяжесть) использовалась для нахождения равновесия тел. Поскольку задачей нашего исследования выступает единство трёх аспектов судебной экспертизы, барицентрические координаты позволяют визуализировать точку, в которой достигается единство процессуальной, методической и фактической сторон экспертного заключения. Подчеркнём, что метод обрёл «второе дыхание» с развитием вычислительной техники. Он оказался исключительно удобным для компьютерной графики, геометрического моделирования и метода конечных элементов. В связи с чем, предлагаемый метод может быть включён в системы предварительной автоматической оценки экспертных заключений и рецензий.

Материал исследования

Материалом исследования послужило заключение специалиста, представленное в рамках гражданского дела по установлению дееспособности завещателя. В тексте нашей работы показано, что предлагаемый подход позволяет провести оценку результатов использования специальных знаний в форме экспертизы или привлечения специалиста различных областей знаний. В качестве примера практического использования метода демонстрируется его место в анализе негативного по отношению к результатам первичной экспертизы заключения специалиста, проведённого с целью рецензирования содержания психиатрической экспертизы. Кратко охарактеризуем содержание заключения специалиста. Исследовательская часть начинается с описания использованной специалистом методики своего исследования. Методика изложена в следующем виде: «При проведении анализа объекта исследования использовалась методика поэтапного исследования, заключающаяся в последовательном выполнении: исследования и анализа заключения комиссии экспертов с анализом представленных материалов; сопоставления требований нормативных документов, регламентирующих порядок проведения подобных исследований и методик, использованных в заключении комиссии экспертов; формирование выводов о полноте проведённого исследования и соответствии заключения комиссии экспертов критериям достоверности и объективности».

Исходя из изложенной методики, специалистом решались следующие задачи: 1) анализ заключения комиссии экспертов; 2) сопоставление требований нормативных документов, регламентирующих порядок проведения подобных исследований и методик, использованных в заключении комиссии экспертов. Дадим некоторое пояснение. С нашей точки зрения, специалист изначально ставит перед собой задачи с ограниченным фокусом внимания, а именно: предстоящий анализ сводится только к методикам, использованным в заключении комиссии экспертов, при полном отсутствии в плане анализа содержания исследовательской части заключения первичной экспертизы. С точки зрения темы нашего исследования, специалист обращает усиленное внимание на процессуальную и методическую стороны первичного экспертного заключения. Объединение их в единый формальный критерий демонстрирует, что специалист не планирует использовать свои специальные знания в области судебной психологии и судебной психиатрии. Далее специалист пишет: «3. оценка полноты первичной экспертизы и соответствии заключения комиссии экспертов критериям достоверности и объективности».

Анализируя задачи, которые ставит перед собой специалист, можно провести предварительный, до использования барицентрического метода, содержательный анализ, результаты которого можно будет сопоставить с предлагаемым нами методом оценки качества заключения специалиста. Полагаем, что принципиальным недостатком изложенной методики исследования, которой планирует следовать специалист, является то, что она не позволяет получить специалистом обоснованный и логически вытекающий из собственной исследовательской части итоговый вывод. Логически не обосновано, что, выделяя пункт 2 в качестве перечня логических посылок (промежуточных фактов), эксперт планирует

из них получить выводы. Логический изъян рассуждений специалиста в том, что на основе решения задачи «сопоставления требований нормативных документов, регламентирующих порядок проведения подобных исследований и методик, использованных в заключении комиссии экспертов», невозможно сделать логически обоснованные выводы об объективной полноте первичной экспертизы и соответствии заключения комиссии экспертов критериям достоверности и объективности. Из пунктов 2 и 3 можно сделать лишь формальный вывод: «методики, указанные экспертами, соответствуют (или не соответствуют) рекомендованному перечню». Такой вывод не имеет отношения к качеству самой первичной экспертизы и не позволяет оценить использование комиссией экспертов специальных знаний в области судебной психиатрии. Нельзя оценить объективность ответов комиссии экспертов без анализа содержания исследовательской части заключения, в том числе оценки того, как именно применённые методики позволили получить экспертные факты, с помощью которых обоснованы итоговые выводы экспертов.

Результаты исследования

Общая характеристика объекта анализа

В качестве объекта исследования выступило заключение специалиста (рецензия), подготовленное по запросу об оценке достоверности и объективности первичной судебно-психиатрической экспертизы. Общий объём текста рецензии (без учёта приложений-сканографий) составил около 630 условных строк. С целью объективизации оценки сбалансированности рецензии применён барицентрический метод, позволяющий представить качество экспертного документа в виде точки внутри треугольника, вершины которого соответствуют трём независимым сторонам экспертного исследования: процессуальной (λ_1), методической (λ_2) и фактической (λ_3). При этом мы учитывали, что простой подсчёт строк без содержательного анализа текста не может лежать в основе объективной оценки анализируемой рецензии.

Объёмно-содержательный анализ и распределение текста

Первичное распределение текста рецензии по трём категориям проводилось методом прямого строкового подсчёта. Результаты распределения представлены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение текста рецензии по категориям (абсолютные значения, строки)

Категория	**Содержательный объём (строк)**	**Доля от общего объёма (%)**
Процессуальная (λ_1)	420	66,7
Методическая (λ_2)	55	8,7
Фактическая (λ_3) – общий	155	24,6
Итого	**630**	**100**

При детальном анализе «фактической» части (λ_3) установлено, что подавляющий объём (125,5 строки, или 81 % от λ_3) занимают «констатации отсутствия» в первичном заключении необходимых, с точки зрения специалиста, элементов: полноценного описания психического статуса, дифференциальной диагностики, систематизации клинических феноменов, объективных данных, подтверждающих диагноз «органическое астеническое расстройство тяжёлой степени», а также неврологического и соматического статуса. Лишь 29,5 строки (19 % от λ_3, или 4,7 % от общего объёма) содержат то, что можно назвать «позитивный медицинский анализ» – сравнение диагноза с МКБ-10, ссылки на научные работы, указание на несоответствие кода F06.6 понятию «тяжёлая степень». Таким образом, реальная доказательная ценность фактической части рецензии крайне низка.

Далее нами было осуществлено построение барицентрических координат с учётом рассчитанного ранее объёма. В итоге значимый объём каждой стороны составил:

Процессуальная часть: 420 строк (сохраняется полностью, так как формальные реквизиты, нормативные ссылки и процедурные замечания являются неотъемлемой частью рецензии).

Методическая часть: 55 строк (описание собственной методики специалиста – поэтапный анализ, визуальный и механический методы).

Фактическая часть (только позитивный медицинский анализ): 29,5 строк.

Суммарный значимый объём составил **504,5 строки**.

Нормированные барицентрические

координаты вычисляли по формуле:

$$\lambda_i = V_i / \Sigma_{j=1}^{3} V_j$$

где V_i – объём i-й категории. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Барицентрические координаты, отражающие доли объёма текста для следующих сторон рецензии: процессуальной, методической, фактической

Координата	Обозначение	Значение
Процессуальная	λ_1	0,833
Методическая	λ_2	0,109
Фактическая	λ_3	0,058
Сумма		**1,000**

В качестве «идеального» баланса были избраны равновесные доли всех трёх сторон экспертного суждения, характеризуемые координатами (0,333; 0,333; 0,333). Предлагаемый метод эффективен тем, что позволяет визуализировать объём каждой стороны рецензируемого заключения специалиста.

Визуализация результатов

На рис. 1 представлена барицентрическая диаграмма (треугольник Мёбиуса), построенная на основе полученных координат. Вершины треугольника соответствуют: A_1 – процессуальная сторона, A_2 – методическая сторона, A_3 – фактическая сторона. Точкой отмечен центр треугольника – зона идеального баланса. Чёрной точкой (X) обозначено положение рецензии.

Рисунок 1 – Барицентрическая диаграмма анализируемой рецензии

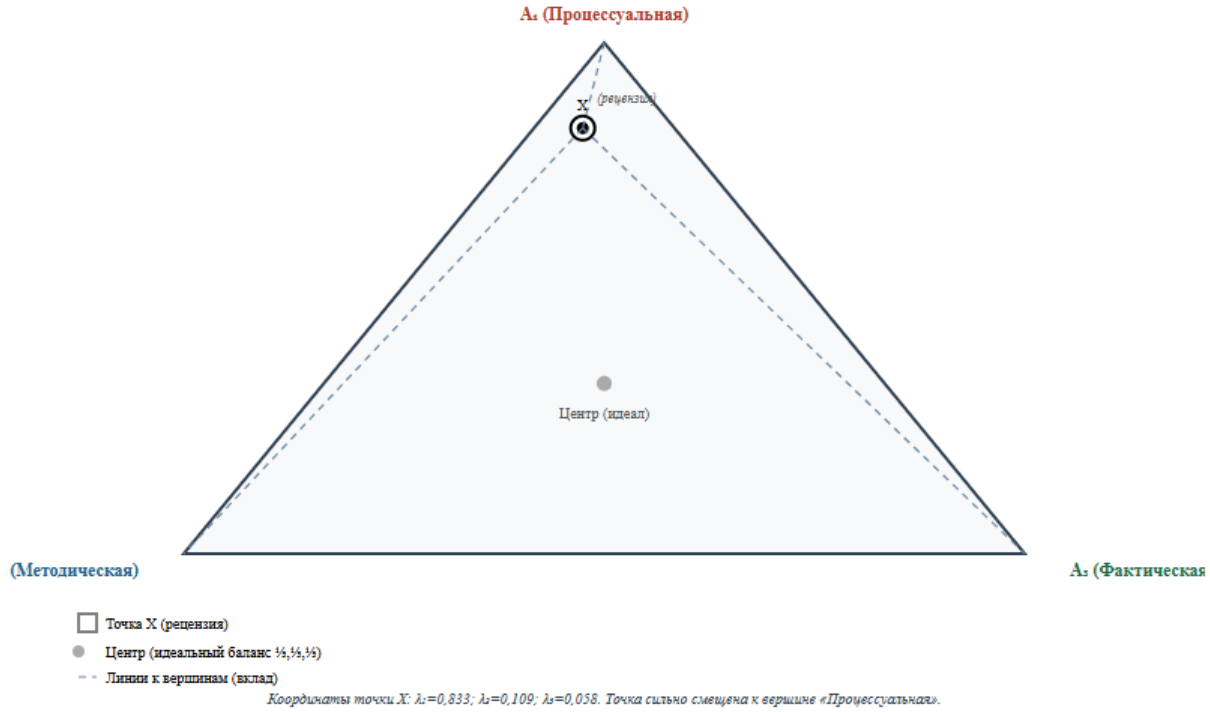

Рисунок 1. Барицентрическая диаграмма анализируемой рецензии Координаты точки X: (λ_1=0,833; λ_2=0,109; λ_3=0,058). Пунктирные линии показывают относительный вклад каждой стороны. Точка сильно смещена к вершине «Процессуальная».

Как видно из рисунка, точка смыслового содержания рецензии сильно смещена от центра в сторону вершины «Процессуальная». Вклад методической и фактической сторон визуально пренебрежимо мал. Такое расположение означает, что документ почти полностью (на 83 %) построен на формальных и процедурных аргументах, тогда как научно-медицинская проверка первичного заключения практически отсутствует.

Дополнительно на рис. 2 приведена столбчатая диаграмма, сравнивающая распределение значимого содержания в рецензии

с идеальным равномерным распределением.

Рисунок 2 – Сравнительная диаграмма вкладов (λ_1, λ_2, λ_3) рецензии и идеального баланса

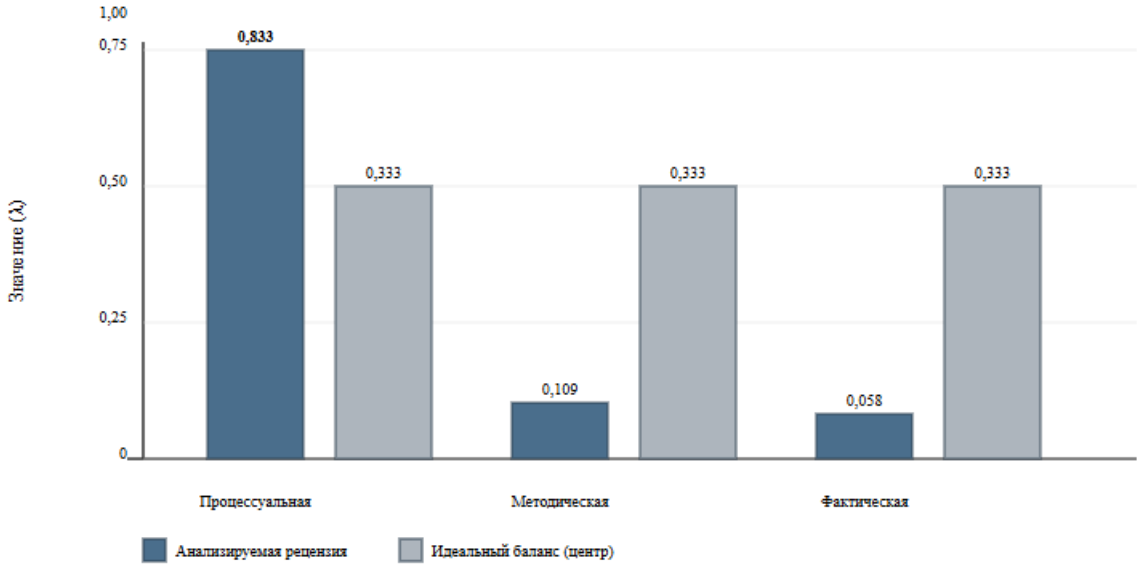

Рисунок 2. Сравнительная диаграмма вкладов (λ_1, λ_2, λ_3) рецензии и идеального баланса. Процессуальная составляющая рецензии (0,833) многократно превышает идеальное значение (0,333), тогда как методическая (0,109) и фактическая (0,058) части значительно уступают эталонному уровню.

Интерпретация полученных результатов, направленных на оценку качества заключения специалиста

Полученные на основе объективных данных барицентрические координаты позволяют сформулировать следующие научно обоснованные выводы о качестве рецензии специалиста.

Существенный дисбаланс в пользу процессуальной стороны (λ_1=0,833) указывает на то, что основное содержание рецензии составляют сформулированные специалистом недостатки в виде следующих формальных нарушений, допущенных в первичной экспертизе: отсутствие письменного поручения руководителя ГСЭУ, ненадлежащая подписка об уголовной ответственности, отсутствие сведений о сертификатах экспертов, нарушение формы № 100/у-03 и другие процедурные замечания. Несмотря на то, что эти замечания имеют значение для оценки соблюдения регламентов, они не опровергают медицинскую суть экспертных выводов.

Минимальная методическая составляющая (λ_2=0,109) свидетельствует о том, что заявленная специалистом «методика поэтапного исследования» фактически не содержит алгоритма проверки достоверности психиатрического диагноза и объективной оценки выводов первичной экспертизы. Рецензент не предлагает ни одной валидированной клинической шкалы, не проводит повторного патопсихологического анализа материалов дела, а его критика ограничивается утверждением, что «эксперты не использовали надёжные методики» – без указания, какие именно методики следовало применить.

Фактическая доказательная база, использованная специалистом, крайне скудна (λ_3=0,058). Из 24,6 % текста, формально отнесённого к фактическому анализу, лишь 19 % (менее 5 % от общего объёма) содержат элементы самостоятельного медицинского рассуждения. Остальные 81 % фактической части – это повторяющиеся констатации «отсутствует то-то», не подкреплённые позитивной аргументацией. Такой подход не соответствует принципам доказательной медицины и судебной экспертизы, поскольку отсутствие доказательств не является доказательством.

Сравнительный анализ с «идеальным» центром показывает, что рецензия находится в зоне «процессуального смещения», характерного для документов, где автор подменяет содержательную экспертизу перечислением процедурных недостатков. Такая рецензия может быть полезна для указания на нарушения порядка назначения и оформления экспертизы, но не может служить надёжным опровержением медицинских выводов первичной судебно-

психиатрической экспертизы. Другими словами, специалист не демонстрирует использование своих специальных знаний в области судебной психиатрии.

Практическая значимость численного значения координат, позволяющих формализовать качественную оценку каждой из сторон заключения специалиста

Предложенный барицентрический подход позволяет судам, сторонам процесса и вышестоящим экспертным учреждениям количественно оценить степень сбалансированности любого заключения специалиста (рецензии) или экспертного документа. Координаты (0,833; 0,109; 0,058) являются наглядным индикатором того, что данная рецензия не может быть признана полноценным научно-обоснованным опровержением первичной экспертизы и должна оцениваться судом с учётом её одностороннего характера. Для повышения доказательной ценности рецензии необходимо перераспределить объём в сторону методической (до ≥0,25) и фактической (до ≥0,25) составляющих, что приблизит её к «золотому стандарту» сбалансированного экспертного суждения. Таким образом, результаты исследования демонстрируют применимость барицентрического метода для формализованной оценки качества рецензий, а также заключений экспертов, в судебно-экспертной практике и выступают примером выявления и визуализации системного дефекта конкретного анализируемого документа в виде гипертрофированного внимания к процессуальной форме в ущерб содержательной медицинской проверке, ради которой, собственно, и привлекался в данном случае специалист-психиатр.

Обсуждение

Проведённое исследование имело своей целью разработку барицентрического метода для формализованной оценки сбалансированности трёх сторон судебной экспертизы. После его создания метод апробирован путем оценки рецензии специалиста на первичную судебно-психиатрическую экспертизу. Для этого на первом этапе был выполнен традиционный качественный анализ заявленной специалистом методики, выявивший её принципиальные недостатки. На втором этапе, на основе объективного объёмно-содержательного подсчёта, были вычислены барицентрические координаты рецензии, количественно отражающие вклад процессуальной (λ_1), методической (λ_2) и фактической (λ_3) сторон. Сопоставление этих двух типов анализа позволяет не только верифицировать выводы, но и продемонстрировать дополнительные эвристические возможности барицентрического подхода.

Подтверждение качественных выводов количественными показателями. Качественный анализ выявил, что логический изъян методики специалиста заключается в невозможности сделать обоснованные выводы о полноте и объективности первичной экспертизы из результатов решения поставленных задач. Автор рецензии подменяет содержательную проверку формальным сопоставлением перечней методов. Барицентрический анализ полностью подтверждает это: координата λ_2 = 0,109 (отклоняющаяся от идеального значения 0,333) объективно свидетельствует, что методическая составляющая рецензии практически отсутствует. Предлагаемый метод позволяет конкретизировать характер проблемы: обнаруженный недостаток не просто указана как фактически присутствующий, а количественно выражен (менее 11 % от значимого содержания), что говорит о системном характере дефекта, обусловленном психологической установкой специалиста.

Выявление скрытых дисбалансов. Качественный анализ фиксирует формальный характер выводов, но не даёт числовой оценки смещения. Барицентрический метод выявляет λ_1=0,833 – 83,3 % значимого содержания рецензии занимают процессуально-формальные аргументы. Это делает дисбаланс наглядным и обеспечивает визуализацию выводов. Кроме того, анализ вскрывает внутреннюю неоднородность фактической части (λ_3=0,058 после содержательного анализа этой части текста): из 24,6 % текста, формально отнесённого к фактическому анализу, реально значимы лишь 19 % (менее 5 % от общего объёма), остальное – пустые констатации в виде терминов «отсутствует».

Преодоление субъективизма. Качественный анализ апеллирует к логике и опыту, что может оспариваться как мнение. Барицентрический метод даёт воспроизводимый результат, основанный на формальном подсчёте строк и категоризации. Любой независимый исследователь, следуя описанной процедуре, получит те же координаты. Это переводит анализ в плоскость верифицируемых измерений. Визуализация (рис. 1 и 2) делает выводы убедительными для лиц, не имеющих специальных познаний.

Сопоставление выводов о доказательной ценности рецензии. Качественный анализ позволил установить, что формальный вывод специалиста не имеет отношения к качеству первичной экспертизы. Барицентрический анализ даёт идентичный, но более строгий вывод: рецензия не

может служить надёжным опровержением, специалист не демонстрирует использование специальных знаний, поскольку фактическая часть в нем практически отсутствует. Более того, метод количественно определяет порог сбалансированности: для приближения к «золотому стандарту» содержание методической и фактической частей необходимо довести λ_2 и λ_3 до ≥0,25.

Ограничения и перспективы метода. Барицентрический метод не заменяет качественный логический анализ, а дополняет его. Без предварительного содержательного вывода о том, что рецензия формальна и не опровергает экспертизу по существу, простой подсчёт строк мог бы быть неверно интерпретирован. Именно качественный анализ позволил отфильтровать пустые констатации отсутствующих положений и скорректировать численные оценки. Метод вносит объективность и воспроизводимость, что важно для судебной практики. Предложенный подход может быть распространён не только на рецензии, но и на первичные экспертные заключения, а также на иные документы, требующие оценки баланса между формой и содержанием.

Итоговое резюме обсуждения. Сопоставление качественного содержательно-логического анализа и барицентрического количественного метода демонстрирует их взаимодополняющий характер. Качественный анализ выявляет сущность дефекта – подмену содержательной проверки формальными сопоставлениями с нормативными документами, без оценки влияния нарушений на экспертный результат. Барицентрический анализ измеряет степень этого дефекта, визуализирует его и даёт числовые критерии для принятия решения о низком доказательством значении данного заключения специалиста. Вместе они образуют верифицируемую методику оценки качества рецензий м экспертных заключений, которая может быть рекомендована для использования в судебно-экспертной практике.

Список литературы:

[1] Барыгина А.А. Проблемы законодательного регулирования допустимости и достоверности заключения эксперта // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 44–47.

[2] Безлепкин И.В. Классификация экспертных ошибок в современной судебной экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18. № 1. С. 71–78.

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.

[4] Kravchenko O., Zaveryko R. Admissibility of expert opinion in criminal proceedings: comparative analysis // Cuestiones Políticas. 2020. Vol. 37. No. 64. P. 118–132.

[5] Лебеденко С.Е. Проблема оценки достоверности экспертного заключения участниками уголовного судопроизводства // Вестник криминалистики. 2026. № 2. С. 95–103.

[6] Максимов О.А., Орлов А.А. Проверяемость как критерий допустимости заключения эксперта // Судебная экспертиза. 2018. № 3. С. 38–44.

[7] Малинникова К.С. Барицентрические координаты и их приложения в геометрии и вычислительной математике // Современные проблемы математики и информатики. 2020. С. 115–120.

[8] Полянский И.С. Внешние барицентрические координаты для произвольных многоугольников и приближённый метод их вычисления // Вычислительные методы и программирование. 2024. Т. 25. № 1. С. 45–58.

[9] Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2012. 464 с.

[10] Россинский С.Б. Эксперт как «научный судья» в уголовном процессе // Закон. 2020. № 8. С. 130–141.

[11] Стельмах В.Ю. Заключение эксперта и заключение специалиста: проблемы разграничения // Российский судья. 2017. № 4. С. 77–82.

[12] Шабанов Т.Ю. Геоэкономическая модель движущей силы популяции России с использованием барицентрических координат // Экономические стратегии. 2019. № 6. С. 90–98.

References:

[1] Barygina A.A. Problems of Legislative Regulation of the Admissibility and Reliability of Expert Opinions // Forensic Expert. 2017. No. 2. pp. 44–47.

[2] Bezlepkin I.V. Classification of Expert Errors in Modern Forensic Science // Theory and Practice of Forensic Science. 2023. Vol. 18. No. 1. pp. 71–78.

[3] Belkin R.S. Course in Forensic Science: in 3 volumes. Vol. 2. Moscow: Yurist, 1997. 464 p.

[4] Kravchenko O., Zaveryko R. Admissibility of Expert Opinion in Criminal Proceedings: Comparative Analysis // Politician's Journal. 2020. Vol. 37. No. 64. pp. 118–132.

[5] Lebedenko S.E. The Problem of Assessing the Reliability of Expert Opinions by Participants in Criminal Proceedings // Bulletin of Criminalistics. 2026. No. 2. pp. 95–103.

[6] Maksimov O. A., Orlov A. A. Verifiability as a Criterion for the Admissibility of an Expert Opinion // Forensic Expertise. 2018. No. 3. pp. 38–44.

[7] Malinnikova K. S. Barycentric Coordinates and Their Applications in Geometry and Computational Mathematics // Modern Problems of Mathematics and Computer Science. 2020. pp. 115–120.

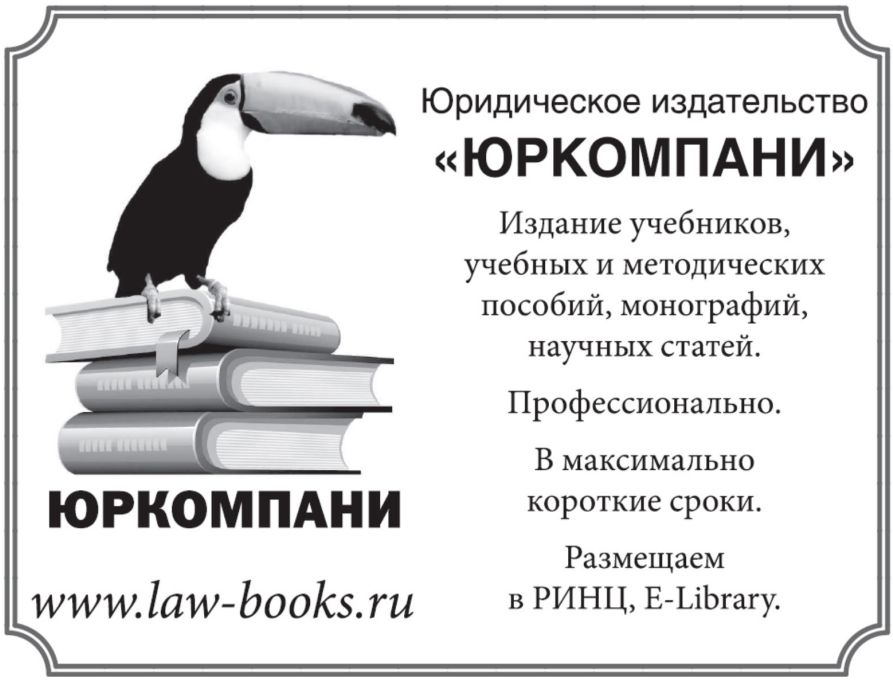
[8] Polyansky I. S. External Barycentric Coordinates for Arbitrary Polygons and an Approximate Method for Their Calculation // Computational Methods and Programming. 2024. Vol. 25. No. 1. pp. 45–58.

[9] Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Judge's Handbook: Forensic Expertise. Moscow: Prospect, 2012. 464 p.

[10] Rossinsky S.B. Expert as a "Scientific Judge" in Criminal Proceedings // Law. 2020. No. 8. pp. 130–141.

[11] Stelmakh V.Yu. Expert's Conclusion and Specialist's Conclusion: Problems of Distinction // Russian Judge. 2017. No. 4. pp. 77–82.

[12] Shabanov T.Yu. Geoeconomic Model of the Driving Force of the Russian Population Using Barycentric Coordinates // Economic Strategies. 2019. No. 6. pp. 90–98.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-472-476

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
SPIN-код: 6424-5505, AuthorID: 776756

e-mail jenn08@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ CONTRA LEGEM В КОМПЕТЕНЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется особый механизм толкования, заложенный в компетенционные возможности российской высшей судебной инстанции, и которые, по мнению автора, подчеркивают уникальность дискреции Верховного Суда Российской Федерации. Автор последовательно обосновывает реализацию важнейшей задачи, которая стоит перед российским правопорядком – всемерное обеспечение принципа справедливости, который наполняет особым духом правовое регулирование, основанное на позитивном праве, и обеспечивает доверие граждан к судебной системе. В работе поднимаются некоторые проблемы, возникающие из неверного понимания механизма толкования contra legem в российской правовой доктрине и отсутствия доктринального консенсуса относительно ее допустимости. При этом делается вывод, что подобные сложности нивелируются именно благодаря реализации компетенции Верховного Суда Российской Федерации.*

Ключевые слова: *компетенция, Верховный Суд Российской Федерации, толкование contra legem, судебное толкование, защита прав, справедливость, судопроизводство, цивилистический процесс.*

ALEKSEEVA Evgenia Vladimirovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Procedural Law of the North-Western Branch
of the Russian State University of Justice n.a. V.M. Lebedev

ON THE ISSUE OF «CONTRA LEGEM» INTERPRETATION WITHIN THE COMPETENCE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines a specific mechanism of interpretation inherent in the powers of Russia's highest judicial authority – a mechanism that, in the author's view, underscores the unique nature of the Supreme Court of the Russian Federation's discretion. The author consistently substantiates the implementation of a crucial task facing the Russian legal order: ensuring the fullest possible observance of the principle of justice – a principle that imbues legal regulation based on positive law with a distinctive spirit and fosters public trust in the judicial system. The paper addresses certain issues arising from a misunderstanding of the «contra legem» interpretation mechanism within Russian legal doctrine and the lack of doctrinal consensus regarding its admissibility. It concludes that such difficulties are mitigated precisely through the exercise of the Supreme Court of the Russian Federation's authority.*

Key words: *competence, Supreme Court of the Russian Federation, «contra legem» interpretation, judicial interpretation, protection of rights, fairness, judicial proceedings, civil procedure.*

Толкование права – уникальный, сложнейший интеллектуальный процесс уяснения действительного смысла и содержания правовых норм на основе текстов, целей, характера нормативных правовых актов, доктринальных источников, позиций правоприменителя и пр., осуществляемый в связи с необходимостью правильного понимания

тех правил поведения, которые закреплены в исследуемых источниках права. Как отмечается в юридической литературе, толкование права не представляет собой организованной системы идей, его невозможно выразить в виде логически взаимосвязанных тенденций и суждений. Оно зависит от множества факторов: правовой системы, национальных и этнических особенностей, исторического периода, взглядов конкретного субъекта толкования и пр. Одно является неоспоримым – толкование играло и продолжает играть ключевую роль в формировании и развитии права [6, с. 30]. Толкование права помогает праву сохранять определенность.

Судебное толкование выражается через интеллектуальную деятельность суда (судьи) по установлению действительного смысла положений нормативного правового акта, их совокупности и во взаимосвязи, а также содержания договоров, иных сделок и пр. в связи с необходимостью вынесения правоприменительного акта по конкретному рассматриваемому им делу в предусмотренном процессуальным законом порядке, результатом которой будет является судебное решение или самостоятельный акт, разъясняющий положения действующего законодательства. В процессе указанной деятельности также происходит и то, что в результате логического анализа правовой нормы, осуществляемого при толковании, судебный орган получает возможность оценить качество действующих нормативных актов, а в ряде случаев, например, указанных в ст. 104 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), - инициировать реформирование законодательства[1].

В свою очередь, contra legem – это толкование такого рода, в случае которого применяемой норме придается такой смысл, который противоречит ее буквальному тексту. Подход, заложенный в сути указанного механизма, может вызывать недоумение, поскольку, на первый взгляд, суд, используя указанный инструмент, выносит неправосудное решение, вступающее в противоречие с действующим законодательством. Однако не стоит забывать, что важнейшим параметром качественного судебного решения является справедливость [1].

Поэтому суд, и далеко не каждый, может воспользоваться заложенными в механизме contra legem возможностями, если использование правила позитивного права в его буквальном, текстовом толковании к фактам и процессуальным обстоятельствам рассматриваемых дел приводит к выводу, который по своей сути кажется несоразмерным, несправедливым или явно нерациональным. Поскольку соблюдение дословных толкований может привести к результату, противоречащему базовым принципам права: законности, справедливости, гуманизма, равенства участников правоотношений и пр., - суду уместно использовать более широкий контекст соответствующей нормы, вложив в ее содержание адекватную целям демократического и правового государства смысл при итоговом решении. Согласимся с рассуждениями И.Г. Аллахвердиева о том, что решение, принимаемое в результате применения подобного толкования, не будет равнозначным простому незаконному, ошибочному решению, поскольку «цель толкования contra legem состоит в приведении буквального смысла нормы в соответствие с общими и отраслевыми принципами права» [2, с. 41].

Contra legem – это не самостоятельный метод, а итоговый результат комплексного применения более фундаментальных способов толкования – системного, телеологического, грамматического и иных подходов. Следовательно, вывод о том, что содержание нормы должно пониматься вопреки ее буквальному тексту, возникает в результате рассмотрения положений общей области с системой прав, целей и определений норм, которые оправдываются логикой и сопровождаются юридическими институтами, а также при необходимости обращения к юридическим аналогиям [2, с. 43].

Достижение такого результата требует использования в качестве элементов абстрактной теории толкования (учёт намерений законодателя, исторического контекста принятия акта), а также средств объективной теории (анализ языковой формы, системное и целевое применение соотношений норм с другими правовыми условиями), причём выбор конкретных инструментов зависит от характера противоречия между текстом и правовыми основаниями.

По мнению отдельных экспертов, contra legem – «вполне ординарный инструмент толкования, потому что право не может развиваться только посредством деятельности законодателя... Дожидаться реакции законодателя нет времени, но, собственно, ради этого и существуют такие акты, как постановления Пленума высшего суда» [12, с. 17-18].

В данном моменте стоит задаться вопросом о том, все ли российские суды могут обращаться к толкованию *contra legem*?

Ответ видится положительным. Во-

1 Согласно указанной норме Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения принадлежит право законодательной инициативы.

первых, такая возможность толкования напрямую вытекает из положений ст. 18 Конституции РФ, согласно которым права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. При возникновении противоречий буквального текста закона с гарантиями, заложенными в Конституции РФ, приоритетом будет тот вариант толкования, который обеспечивает соблюдение и защиту прав человека.

Таким образом, суду надлежит выбирать интерпретацию и применять нормы, соблюдающие ущемление конституционных прав, даже если для этого требуется отойти от дословного значения применимой нормы. При важности этого изменения, речь идет не об изменении «переписываний» воли законодателя, а о конституционно-ориентированной формулировке, направленной на гармонизацию нормативного текста с высшими правовыми принципами и гарантиями прав человека, закрепленными в Основном законе.

Такой подход будет обеспечивать законность и справедливость судебного решения. В частности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее –ВС РФ) в п. 1 Постановления от 19.12.2003 г. № № 23 «О судебном решении» [11] отметил, что учитывая конституционное положение ст. 18, а также ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел.

Во-вторых, необходимо учитывать возможности признания отечественным правопорядком пробелов в праве. Такое признание провоцирует как применение норм по аналогии закона и права, так и формирование практики высших судов, прямо признающих наличие пробелов и необходимость их восполнения. При этом подчеркнем, что Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) была сформулирована позиция [8; 9], согласно которой аналогия сама направлена на исключение пробелов в правовом регулировании и в конечном итоге на осуществление надлежащего правосудия и защиту интересов участников соответствующих правоотношений. Закрепление права суда на применение аналогии вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является одним из проявлений дискреционных полномочий суда [7].

В свете применения рассматриваемого механизма согласимся с тем, что «правосудие требует от судов применять закон в его истинном, правовом смысле, сопрягающемся с целью закона и предназначением права, что служит основой для толкования закона contra legem» [5, с. 43].

Третий и, пожалуй, наиболее убедительный довод состоит в том, что возможность применять contra legem вытекает из признания независимости и правотворческого потенциала высшей судебной инстанции. В современной России существует судебное правотворчество, которое реально влияет на эволюцию права. Это не означает альтернативных подмен законодательной власти, а указывает на то, чьл некоторын решения и практические приеры адаптируют право к новым, видоизмененным общественным отношениям. Как образно и точно заметил судья К.В. Арановский в особом мнении к постановлению КС РФ: «Правосудие, разумеется, создает право» [10], - что отражает конституционную интерпретативную роль судей в процессе развития системы.

Гуманистическая направленность российского государства предопределяет такое понимание положений позитивного права, нормативные требования которого являются инструментом для обеспечения справедливой и эффективной реализации прав и свобод личности. Следовательно, если буквальное применение норм ведет к явно несправедливому результату, это оправдывает применение contra legem с точки зрения основополагающих ценностей правового государства. Учитывая неизбежное несовершенство правового регулирования – обусловленное самой социальной реальностью, а также наличием человеческого фактора – такие ситуации заранее предсказуемы. В данных обстоятельствах правоприменитель должен оценить и, при необходимости, прибегнуть к указанному толкованию как к средству обеспечения реальной (а не формальной) защиты прав и свобод [3, с. 219].

Здесь мы подошли к вопросу о том, который требует получить определенный ответ без лукавства: насколько реализуемо описанное выше правомочие отечественных судов по применению рассматриваемого механизма толкования. Пожалуй, с полной уверенностью говорить о его реализации можно только в фарватере деятельности высших судебных инстанций, прежде всего, в рамках компетенции ВС РФ.

Именно ВС РФ в силу ст. 126 Конституции РФ и норм ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» является высшим судебным органом, который дает разъяснения по вопросам судебной практики. К полномочиям ВС РФ отнесена дача судам разъяснений по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения в целях обеспечения единообразного применения

законодательства Российской Федерации. Пленум ВС РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения отечественного законодательства.

Следовательно, официальное толкование вопросов судебной практики по применению нормативных правовых актов, включая механизм contra legem, дается исключительно ВС РФ. Думается, что такое положение дел вполне соответствует триггерному характеру рассматриваемого механизма, поскольку, как верно отмечают отдельные исследователи, прибегать к такому толкованию «суд может лишь в исключительных случаях (в трудных/сложных/нетипичных делах), когда применение позитивной нормы строго в ее текстуальном выражении в конкретных обстоятельствах приводит к несправедливому или неразумному решению дела. [4, с. 111].

На наш взгляд, толкование contra legem, встречающееся именно в практике высшей судебной инстанции, дает основание говорить о непротиворечии принципу разделения властей, вопреки которому судебная власть предпринимает попытки подменить законодательную. Поэтому ВС РФ в собственных актах применяет указанный инструмент крайне избирательно и только тогда, когда «иные средства устранения несправедливости при разрешении конкретных споров отсутствуют» [13, с. 38]. В свою очередь, правовые подходы, заложенные в позициях ВС РФ и сформированные вышеуказанным образом, которые он, реализуя собственную компетенцию, формирует в рамках деятельности судебных коллегий, или постановлений Пленума, должны браться в расчет нижестоящими судами при разрешении аналогичных дел, равно и как Судом по интеллектуальным правам.

Список литературы:

[1] Алексеева Е.В. Критерии справедливости судебного решения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 19-23.

[2] Аллахвердиев И.Г. оглы. Толкование contra legem: место в системе видов толкования // Теория государства и права. 2022. № 4 (29). С. 40-48.

[3] Аллахвердиев И.Г. оглы. О допустимости толкования contra legem: философско-правовые и формально юридические аспекты // Цивилистика. 2024. № 1 (январь-февраль). С. 204-223.

[4] Аллахвердиев И.Г. оглы. О толковании contra legem и судейском произволе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4. С. 108 - 126.

[5] Ильин А.В. Пересмотр судебных актов на основании постановлений Конституционного Суда России // Закон. 2020. № 12. С. 40 - 60.

[6] Недилько Ю.В. Толкование правовых норм и его значение // История государства и права. 2011. № 1. С. 30 - 32.

[7] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2006 г. № 76-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миронова Юрия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60482/ (дата обращения: 15.06.2026).

[8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 г. № 815-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Митрофановой Натальи Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 1 статьи 7 и частью 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=46560 (дата обращения: 15.06.2026).

[9] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.11.2014 г. № 2718-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Егорова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 2, статьями 6, 10 и 14 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414944 (дата обращения: 15.06.2026).

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2013 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 21. Ст. 2692.

[11] Постановление Пленума Верховного

Суда Российской Федерации от 19.12.2003 г. № 23 (в ред. от 09.12.2025 г.) «О судебном решении» // Российская газета. 2003. № 260.

[12] Толкование contra legem, данное в Постановлении Пленума ВС РФ N 54, заслуживает поддержки [Интервью с А.А. Павловым] // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 2. С. 11 - 30.

[13] Фиошин А.В. О contra legem толковании норм наследственного и семейного законодательства // Нотариус. 2023. № 2. С. 32 - 38.

References:

[1] Alekseeva E.V. Criteria for the Fairness of a Court Decision in Civil Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 7. pp. 19-23.

[2] Allahverdiyev I.G. ogly. Interpretation of Contra Legem: Its Place in the System of Types of Interpretation // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). pp. 40-48.

[3] Allahverdiyev I.G. ogly. On the Admissibility of Interpretation Contra Legem: Philosophical, Legal, and Formal Legal Aspects // Civilistics. 2024. No. 1 (January-February). pp. 204-223.

[4] Allahverdiyev I.G. ogly. On the Interpretation of Contra Legem and Judicial Arbitrariness // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. No. 4. Pp. 108-126.

[5] Ilyin A.V. Review of judicial acts based on rulings of the Constitutional Court of Russia // Law. 2020. No. 12. Pp. 40-60.

[6] Nedilko Yu.V. Interpretation of legal norms and its meaning // History of the state and law. 2011. No. 1. Pp. 30-32.

[7] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2006 No. 76-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yuri Nikolaevich Mironov regarding the violation of his constitutional rights by part four of Article 1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60482/ (accessed: 15.06.2026).

[8] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.11.2007 No. 815-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Natalya Anatolyevna Mitrofanova regarding the violation of her constitutional rights by paragraph 2 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation, part 1 of Article 7 and part 4 of Article 31 of the Housing Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=46560 (accessed: 15.06.2026).

[9] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.11.2014 No. 2718-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrei Mikhailovich Egorov regarding the violation of his constitutional rights by paragraphs 1 and 2 of Article 2, Articles 6, 10 and 14 of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414944 (date of access: 15.06.2026).

[10] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.05.2013 No. 9-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 4 of Article 26 of the Federal Law of August 22, 2004 No. 122-FZ "On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing as Invalid of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of Federal Laws "On Amendments and Supplements to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation" and "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 21. Art. 2692.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2003 No. 23 (as amended on 09.12.2025) "On the Court Decision" // Rossiyskaya Gazeta. 2003. No. 260.

[12] The interpretation of contra legem given in Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 deserves support [Interview with A.A. Pavlov] // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2018. No. 2. pp. 11-30.

[13] Fioshin A.V. On the contra legem interpretation of the norms of inheritance and family legislation // Notary. 2023. No. 2. pp. 32-38.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-477-482

БОЧАРНИКОВ Дмитрий Александрович,

Заместитель руководителя юридического департамента СРО АС «Строй-Альянс»,

e-mail: D_boch@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ НА СООТВЕТСТВИЕ ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу содержания понятия «аттестация научного работника на соответствие занимаемой должности» и отдельных особенностей процедуры ее проведения, предусмотренной Порядком проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников, утвержденным приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05 августа 2021 г. № 714. Обоснована целесообразность проведения обязательной периодической аттестации научных работников, позволяющей на основе всесторонней оценки достигнутых научных результатов подтверждать необходимый профессионально-квалификационный уровень научного работника, его способность к выполнению научно-исследовательской работы. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию процедуры проведения периодической аттестации научных работников на соответствие занимаемой должности.*

Ключевые слова: *научный работник, научная организация, научно-исследовательская работа, аттестация, аттестационная комиссия, профессионально-квалификационный уровень, результативность труда, увольнение в связи с несоответствием работника занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации.*

BOCHARNIKOV Dmitry Aleksandrovich,

Deputy Head of the Legal Department, SRO AS Stroy-Alliance

ON THE ISSUE OF MANDATORY PERIODIC CERTIFICATION OF SCIENTIFIC WORKERS FOR THEIR SUITABILITY FOR THEIR POSITIONS

Annotation. *This article analyzes the concept of «certification of a researcher's suitability for the position they hold» and specific aspects of its implementation, as stipulated by the Procedure for Certification of Employees Holding Research Positions, approved by Order No. 714 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 5, 2021. The article substantiates the feasibility of mandatory periodic certification of research workers, which allows for confirmation of the required professional qualifications of a research worker and their ability to perform research work based on a comprehensive assessment of their achieved scientific results. A number of proposals are formulated for improving the procedure for conducting periodic certification of research workers for their suitability for the position they hold.*

Key words: *research worker, scientific organization, research work, certification, certification committee, professional qualification level, work performance, dismissal due to an employee's inadequacy for the position they hold due to insufficient qualifications confirmed by the certification results.*

Одной из особенностей правового регулирования трудовых отношений научных работников (за исключением работников, заключивших срочные трудовые договоры) является обязательность аттестации, которая проводится в соответствии

со ст. 336.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – Трудовой кодекс РФ) [7] не чаще одного раза в два года и не реже одного раза в пять лет в целях подтверждения соответствия занимаемой должности на основе всесторонней оценки достигнутых научных результатов. Аттестация позволяет периодически подтверждать необходимый профессионально-квалификационный уровень научного работника, а в случае неудовлетворительного результата является самостоятельным основанием для прекращения трудового договора.

Прежде чем рассмотреть проблемы, возникающие при проведении аттестации научных работников, представляется целесообразным проанализировать содержание указанного понятия и выявить специфические черты данной процедуры.

Следует обратить внимание на то, что в законодательстве Российской Федерации, посвященном правовому регулированию трудовых отношений научных работников, наблюдается некоторая терминологическая неопределенность понятия «аттестация» в отношении научных работников, поскольку указанный термин упоминается не только в Трудовом кодексе РФ, но и ст. 4 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [8], в которой предусмотрено, что «оценка научной квалификации научных работников и иных лиц, осуществляющих научную (научно-техническую) деятельность, обеспечивается государственной системой научной аттестации». В ст. 6.1. указанного федерального закона установлено, что «в целях обеспечения государственной научной аттестации Правительством Российской Федерации создается Высшая аттестационная комиссия». Деятельность Высшей аттестационной комиссии связана с присвоением ученых степеней кандидата наук и доктора наук, присвоением ученых званий доцента и профессора и не затрагивает аттестацию научных работников на соответствие занимаемой должности.

Данное смешение схожих по названию, но абсолютно разных по своей правовой природе процедур, может привести к негативным последствиям и ошибкам в процессе их проведения. Представляется необходимым уточнить дефиниции указанных понятий и разграничить такие понятия как «аттестация работников на соответствие занимаемой должности» и «аттестация работников при присвоении им ученых степеней и ученых званий».

В Трудовом кодексе РФ речь идет об обязательной периодической аттестации научных работников на соответствие занимаемой должности, что и будет служить предметом рассмотрения в данной статье.

Необходимо отметить, что современное трудовое законодательства не содержит определения, раскрывающего содержание понятия «аттестация на соответствие занимаемой должности». Термин «аттестация» использован в п. 3 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ, согласно которому несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации, является одним из оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя. В ч. 2 указанной статьи предусмотрено, что порядок проведения аттестации устанавливается трудовым законодательством и иными нормативными актами, содержащими нормы трудового права, локальными нормативными актами, принимаемыми с учетом мнения представительного органа работников.

Ю.Н. Полетаев отмечал, что «отсутствие единого легального понятия в федеральном трудовом законодательстве, отрицательно влияет на правоприменительную практику предприятий, организаций и учреждений, в которых на основании соответствующих положений проводится аттестация» [5, с. 12]. Данная точка зрения представляется абсолютно правильной, поскольку легальное определение термина «аттестация», включающее указание на предмет, цели и задачи этой процедуры, могло бы во многом способствовать снижению числа неправомерных увольнений по указанному основанию, а также служить одним из факторов, обеспечивающих учет и баланс интересов сторон трудового отношения. Кроме того, в Трудовом кодексе РФ, а также в соответствующих подзаконных нормативных правовых актах отсутствуют правовые нормы, которые устанавливают разновидности аттестации отдельных категорий работников (периодическая, внеочередная, разовая) и предусматривают особые правила ее проведения. Подобные базовые нормативные положения могли бы служить ориентиром для работодателей при разработке локальных нормативных актов, посвященных аттестации.

В юридической литературе неоднократно предпринимались попытки дать определение понятия «аттестация». Так, Л.В. Труханович и Д.Л. Щур рассматривали аттестацию работников как «определение квалификации работника, уровня его знаний и соответствия занимаемой должности. Аттестация призвана содействовать выявлению общего кадрового потенциала, созданию резерва руководящих работников и специалистов» [6, с. 3].

В.М. Анисимов, предлагая термин «аттестация кадров», трактует его как проверку,

определение соответствия деловой квалификации, уровня знаний и навыков работника, иных общественно значимых качеств занимаемой должности. По его мнению, «аттестация – одна из важнейших форм публичного контроля (проверки) качества профессиональной деятельности работника» [2, с. 405].

В.И. Курилов и Т.А. Заваруева рассматривают понятие аттестация работника в широком и узком смысле, указывая, что «определение квалификации, уровня знаний работника, учащегося, гражданина, соответствия его деловых и политических качеств определенной профессии, специальности, квалификации или должности можно назвать аттестацией в широком смысле» [3]. Аттестация работников в узком смысле, по мнению авторов, представляет собой проводимую предприятием, учреждением, организацией с помощью аттестационной комиссии, в целях постоянного повышения деловой квалификации и идейно-политического уровня работников, улучшения их подбора и расстановки, периодическую проверку деловых, политических, организаторских, моральных и личных качеств работников определенной категории в специальной организационной форме [3]. Соглашаясь с данным мнением, следует особо подчеркнуть, что аттестация способствует улучшению качества работы в конкретной организации, повышению эффективности трудовой деятельности персонала, а результаты аттестации могут быть использованы в качестве основы для составления плана повышения квалификации сотрудников.

Абсолютно правильной представляется позиция Ю.П. Орловского, который рассматривал аттестацию как «правовую оценку деловых качеств работника» [4, с. 71]. Вместе с тем отдельные авторы, анализируя содержание понятия «аттестация», включают в него оценку не только профессиональных, но и личностных качеств работника. Например, Л.В. Азямова считает, что «основой для аттестации работников служит комплексная оценка их деятельности, включая профессиональные, деловые, духовно-нравственные и личные качества работника, а также результаты его труда, на основе системы соответствующих показателей, характеризующих степень достижения работником конкретных целей, его соответствия (несоответствия) занимаемой должности» [1, с. 20]. Действительно, оценивая соответствие научного работника занимаемой должности и его способность к осуществлению научной деятельности, следует учитывать определенные личностные особенности, выявлять наличие соответствующих морально-волевых качеств и, в частности, способность к решению разнообразных сложных задач и к принятию нестандартных решений.

Ю.Н. Полетаев в работе, посвященной проблемам аттестации работников, предпринял попытку сформулировать признаки, присущие понятию «аттестация», с целью выявления сущности указанного понятия [5, с. 18]. К их числу он отнес следующие признаки:

«аттестация всегда вытекает из трудового правоотношения;

субъектами аттестации являются работники определенной категории;

периодичность ее проведения;

аттестация осуществляется в специальной организационно-правовой форме;

результаты аттестации всегда имеют под собой определенные правовые последствия;

она является одним из средств подбора и расстановки кадров руководителей и специалистов» [5, с. 18].

Представляется спорным отнесение обязательности наступления определенных правовых последствий к признакам, характеризующим аттестацию работников в трудовом праве. К примеру, вполне вероятна ситуация, когда в случае признания работника несоответствующим занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации, работодатель примет решение не прекращать трудовые отношения в соответствии с п.3 ч.1 ст.81 Трудового кодекса РФ и не предлагать перевод на другую имеющуюся у работодателя работу. Вместе с тем следует признать, что в случае отсутствия соответствующих правовых последствий, связанных с изменением или прекращением трудовой функции аттестуемого работника, теряется смысл проведения аттестации.

Проанализировав отдельные высказанные в юридической литературе точки зрения можно попытаться дать определение понятия «аттестация научных работников». Представляется, что под периодической аттестацией научных работников следует понимать обязательную периодическую процедуру, осуществляемую уполномоченным органом (аттестационной комиссией) на основании соответствующего нормативного правового акта или локального нормативного акта, направленную на всестороннюю объективную оценку профессионально-квалификационного уровня научного работника в целях определения его соответствия занимаемой должности или выполняемой работе путем подтверждения наличия необходимого комплекса теоретических знаний, практических навыков, а также определенных личностных качеств, позволяющих

вести самостоятельную, эффективную научно-исследовательскую работу и достигать запланированных научных результатов.

Процедура проведения аттестации научных работников регламентирована в Порядке проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников, утвержденном приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05 августа 2021 г. № 714 «Об утверждении Порядка проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников» [10].

Аттестация научных работников проводится путем оценки в динамике результатов научной деятельности работников и (или) возглавляемых ими подразделений (научных групп), в том числе количественных и качественных показателей результативности труда. При этом в п. 7 Порядка проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников, указывается, что значения соответствующих количественных показателей результативности труда устанавливаются научной организацией не позднее чем за два года до проведения очередной аттестации, с учетом значений, достигнутых референтной группой, в которую входит организация в соответствии с Правилами оценки и мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 [9]. Научная организация в целях проведения аттестации в соответствующем локальном нормативном акте определяет для каждого работника основные задачи, а также устанавливает индивидуальный перечень количественных показателей результативности труда на основании примерного перечня указанных показателей, перечисленных в приложении к Порядку аттестации научных работников. В число этих показателей включены: общее количество опубликованных научных произведений, в том числе число публикаций, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования, количество проведенных экспертиз с выдачей соответствующих экспертных заключений, количество созданных результатов интеллектуальной деятельности, учтенных в государственных информационных системах, число научных конференций с международным участием, в организации которых принял участие работник, количество научно-популярных публикаций, подготовленных работником, в том числе материалов, комментариев по актуальным вопросам науки и техники в средствах массовой информации федерального уровня и некоторые другие. При этом научной организации предоставлено право определить критерии качества результатов для каждого из видов количественных показателей результативности труда, что представляется крайне важным для определения уровня квалификации работника и его соответствия занимаемой должности, поскольку достижение определенных количественных показателей не всегда может свидетельствовать об истинной научной ценности и адекватности научного вклада. Представляется, что об оптимальном сочетании количественных и качественных показателей результативности труда научного работника могли бы свидетельствовать положительные рецензии и отзывы на опубликованные научные произведения, положительные рекомендации и оценки Ученого Совета научной организации в отношении результатов интеллектуальной деятельности, экспертных заключений, докладов и научных сообщений на различных научных конференциях, симпозиумах, форумах и др., наличие грамот, благодарностей за достижение высоких научных результатов, удостоверения и свидетельства о повышении квалификации и т.д.

Количественные показатели результативности труда каждого научного работника отражаются в информационной базе, которая создается в каждой научной организации не только в целях проведения аттестации, но в первую очередь, в целях определения индивидуального размера оплаты труда конкретного научного работника. Порядок ведения указанной информационной базы и состав содержащихся в ней сведений определяются научной организацией самостоятельно в соответствующем локальном нормативном акте.

В ходе проведения аттестации уполномоченный работник проводит сопоставление «достигнутых количественных показателей результативности труда количественным показателям результативности труда, установленным для работника в индивидуальном перечне» (п. 11 Порядка проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников), а аттестационная комиссия рассматривает не только количественные, но и качественные показатели его научной деятельности, поскольку именно сочетание указанных показателей результативности труда научного работника в комплексе свидетельствуют о наличии уровня квалификации, необходимого и достаточного для осуществления научно-исследовательской деятельности в определенной должности.

Ведение постоянного мониторинга результативности труда всех научных работников научной организации, который стал возможным и необходимым в условиях повсеместного использования цифровых технологий, вызывает вопрос о целесообразности проведения обязательной периодической аттестации каждого из указанных работников, поскольку работодатель ежедневно обладает актуальной информацией о достигнутых ими количественных и качественных показателях. Проведение весьма громоздкой и трудоемкой процедуры аттестации в отношении работников, которые достигают (либо превышают) установленные для них показатели результативности труда, представляется не вполне обоснованным, поскольку такие работники могли бы автоматически признаваться прошедшими обязательную периодическую аттестацию и соответствующими занимаемой должности на основе сведений, размещенных в информационной базе научной организации, при условии, что порядок оформления результатов такой аттестации регламентирован в соответствующем локальном нормативном акте.

Представляется, что специальная процедура аттестации, предполагающая создание представительной аттестационной комиссии, возглавляемой руководителем научной организации, должна проводиться только в отношении тех работников, показатели результативности труда которых при сопоставлении оказались ниже запланированных для них индивидуальных нормативных значений. В ходе проведения заседания аттестационная комиссия обязана выяснить причины невыполнения научного плана, объективно и всесторонне оценить уровень профессиональной квалификации научного работника, его потенциальную способность к дальнейшему осуществлению научной деятельности в определенной сфере и принять решение о его соответствии (или несоответствии) занимаемой должности и о возможности и целесообразности сохранения с ним трудовых отношений либо об увольнении по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса РФ в связи с несоответствием работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации.

Необходимо отметить, что ни в Трудовом кодексе РФ, ни в соответствующем подзаконном нормативном правовом акте не предусмотрена возможность проведения внеочередной аттестации научных работников. Представляется, что обстоятельства, обусловливающие необходимость проведения указанного вида аттестации, а также порядок и условия ее проведения могут быть установлены на локальном уровне и отражать специфику деятельности конкретной научной организации.

Обобщая сказанное, следует отметить, что в настоящее время предусмотрена обязательность прохождения периодической аттестации научных работников с целью установления наличия необходимого профессионально-квалификационного уровня и определения соответствия занимаемой должности, что представляется вполне оправданным в связи с необходимостью решения глобальной задачи формирования научного потенциала и кадрового обеспечения инновационной экономики России для достижения устойчивого экономического роста. Аттестация научных работников проводится путем количественной и качественной оценки результативности их труда, отражающихся в информационной базе, которая ведется в научной организации в порядке, определяемом соответствующим локальным нормативным актом.

Процедура проведения аттестации должна обеспечивать возможность всесторонней оценки деятельности аттестуемого работника и принятия аттестационной комиссией объективного решения, что обусловливает необходимость выработки четких критериев оценки способности работника выполнять порученную ему работу, и установление адекватных количественных и качественных показателей результативности его деятельности. При этом постоянный мониторинг результативности труда научных работников позволяет не проводить достаточно громоздкую процедуру аттестации в отношении тех работников, которые выполняют и перевыполняют свои индивидуальные показатели, и автоматически признавать их прошедшими периодическую аттестацию в порядке, предусмотренном соответствующим локальным нормативным актом. В то же время в отношении работников, не достигающих установленных для них нормативных показателей результативности труда, должна быть предусмотрена специальная процедура аттестации, в ходе проведения которой аттестационной комиссией будут выясняться причины невыполнения и решаться вопрос об уровне профессиональной квалификации научного работника и его соответствии занимаемой должности.

Список литературы:

[1] Азямова, Л.В. Организация и проведение аттестации персонала по решению работодателя / Л.В. Азямова // Справочник кадровика: журнал руководителя кадровой службы. – 2001. – № 1. –

С. 20-28. – ISSN 1609-3437.

[2] Анисимов, В. М. Кадровая служба и управление персоналом организации: Практ. пособие кадровика / В. М. Анисимов ; В.М. Анисимов. – Москва: Экономика, 2003. – (Кадровая антология России / Центр кадрологии и эффектив. персонал-менеджмента). – ISBN 5-282-02272-9. – EDN QQBWVX.

[3] Заваруева, Т. А. В. И. Курилов. Аттестация и личность работника в советском трудовом праве. Владивосток, Изд-во Дальневосточного ун-та, 1983. 200 с / Т. А. Заваруева, В. С. Полякова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 1. – С. 99-100. – EDN TXJPFN.

[4] Орловский Ю.П. Правовое регулирование подготовки и расстановки кадров. – М.: Юрид. лит., 1983. – 112 с. (Хоз. руководителю о законодательстве).

[5] Полетаев Ю.Н. Аттестация работников: Правовое регулирование. Орг. вопр. / Ю. Н. Полетаев. - Москва: Проспект, 2000. – 110 с. – ISBN 5-8369-0109-0.

[6] Юридический словарь-справочник кадровика / Л. В. Труханович, Д. Л. Щур. – Москва: Дело и Сервис, 2003 (ГУП Смол. полигр. комб.). – 479 с. – ISBN 5-8018-0174-X.

[7] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026).

[8] Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения» // СЗ РФ. 2009. № 15. Ст. 1841.

[10] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 05 августа 2021 г. № 714 «Об утверждении Порядка проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 21.09.2021.

References:

[1] Azyamova, L.V. Organization and conduct of personnel certification by decision of the employer/ L.V. Azyamova//Personnel Directory: Journal of the Head of Personnel Service. – 2001. – № 1. – C. 20-28. – ISSN 1609-3437.

[2] Anisimov, V. M. Personnel Service and Personnel Management of the Organization: Prakt. personnel officer/V. M. Anisimov; V.M. Anisimov. - Moscow: Economics, 2003. - (Personnel Anthology of Russia/Center for Cadrology and Efficiency. management personnel). – ISBN 5-282-02272-9. – EDN QQBWVX.

[3] Zavarueva, T. A. V. I. Kurilov. Certification and identity of the employee in Soviet labor law. Vladivostok, Publishing House of the Far Eastern University, 1983. 200 s/T. A. Zavarueva, V. S. Polyakova//News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 1985. – № 1. - S. 99-100. – EDN TXJPFN.

[4] Orlovsky Yu.P. Legal regulation of training and placement of personnel. - M.: Jurid. lit., 1983. - 112 p. (Khoz. Head of Legislation).

[5] Poletaev Yu.N. Certification of employees: Legal regulation. Org. Vop ./Yu. N. Poletaev. - Moscow: Prospect, 2000. - 110 p. - ISBN 5-8369-0109-0.

[6] Legal dictionary-directory of personnel/L. V. Trukhanovich, D. L. Schur. - Moscow: Case and Service, 2003 (GUP Resin. polygr. combs.). - 479 p. - ISBN 5-8018-0174-X.

[7] Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated December 30, 2001 (as amended on 29.12.2025, as amended on 15.05.2026).

[8] Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ “On Science and State Scientific and Technical Policy “//SZ RF. 1996. № 35. Art. 4137.

[9] Decree of the Government of the Russian Federation of April 8, 2009 No. 312 “On the assessment and monitoring of the effectiveness of the activities of scientific organizations performing research, development and technological work for civil purposes “//NW RF. 2009. № 15. Art. 1841.

[10] Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of August 5, 2021 No. 714 “On Approval of the Procedure for Certification of Workers Holding Scientific Positions “//Official Internet Portal of Legal Information, http://pravo.gov.ru, 21.09.2021.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-483-486
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

БОНДАРЕНКО Алина Игоревна,

аспирант,
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,

e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Исследуется дискуссионный вопрос о понятии и сущности юридической ответственности. Анализируются различные точки зрения ученых о данном правовом явлении. Обосновывается собственная позиция о понятии юридической ответственности. При этом особое внимание уделяется основаниям юридической ответственности. Кроме того, исследуется проблема позитивной юридической ответственности и ее взаимосвязи с ответственностью негативной.*

Ключевые слова: *юридическая ответственность, социальная ответственность, позитивная ответственность, негативная ответственность, правонарушение.*

BONDARENKO Alina Igorevna,

Postgraduate Student,
Murmansk Arctic University

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation. *The article examines the issue of the category of law as legal responsibility through interpretative cognition. The issue is actualized that in modern legislation and legal literature, in the presence of multiple interpretations of legal responsibility, there is no unity of its understanding. The opinions of scientists are analyzed, and the most relevant definitions of legal responsibility are identified. Based on these definitions, the author provides his own concept of defining legal liability. It is concluded that legal liability arises only when committing an unlawful act or other significant civil law fact determined within the framework of law.*

Key words: *legal responsibility, social responsibility, positive and negative responsibility.*

В существующем государственно-организованном обществе функционируют не только позитивные социальные связи, но и конфликтные общественные отношения, многие из которых выступают в виде правонарушений. Мы исходим здесь из того, что правонарушение – это разновидность социального конфликта, а следовательно оно предстаёт виде общественного отношения, не являющегося желательным для общества. Одним из средств противодействия правонарушениям является юридическая ответственность, которая занимает важное место в правовой системе общества, выполняя различные функции от регулятивной до карательной. Общество и государство видят прежде всего в юридической ответственности одно из средств регулирования и удержания субъектов от правонарушений и только в случае неисполнения требований правовых норм инструмент кары и восстановления общественных отношений.

Государство и гражданин находятся в постоянных правовых связях, наличие которых обусловлено существованием юридической ответственности, в своей статике, в будущем в виде позитивной составляющей, не связанной с правонарушением. Позитивная ответственность, как и негативная ограничивает действия субъектов общественных отношений, направляет их в необходимое русло, обеспечивая тем самым правомерность их действий и одновременно удерживая от совершения правонарушений. И только в случае совершения правонарушения включается ее карательный механизм, связанный с возникновением дополнительной юридической обязанности и новыми ограничениями для субъекта.

Вместе с тем, юридическая ответственность является гарантией соблюдения

прав и свобод человека и гражданина, поскольку с ее помощью решаются задачи обеспечения социальной стабильности, охраны общества от преступных посягательств, что, в конечном счете, обеспечивает защиту и упрочение государства в целом [1, с. 90].

Проблематика юридической ответственности в правовой литературе является наиболее дискуссионной. Следует указать, что до настоящего времени не выработано общепринятого определения понятия «юридическая ответственность». Причем споры о данном понятии носят не терминологический, а сущностный характер, так как ученые могут вкладывать в понятие юридической ответственности диаметрально противоположное содержание. Если обратиться к энциклопедической литературе, то в ней юридическая ответственность трактуется как «особый вид социальной ответственности, обязанность, которая обеспечивается государством в целях соблюдения и исполнения норм права, при правомерном или неправомерном поведении участника правоотношения». Из названного определения понятия «юридическая ответственность» логично вытекают такие ее признаки как обеспечение государством; наличие формального основания в виде правовой нормы. Указание на социальный характер юридической ответственности предполагает наличие у нее позитивного и негативного аспекта реализации (ответственности за будущее и за прошлое противоправное поведение [2, с. 540].

В **«Большом юридическом словаре» под редакцией А.Н. Борисова**, юридическая ответственность определяется как «предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия, предусмотренное законом и применяемое органами государства принудительное ограничение или лишение правонарушителя определенных благ» [3, с. 831]. Краткое, но очень емкое определение юридической ответственности предлагают А.В. Малько в доктринальном словаре. Так, по его мнению, она представляет собой «сложное правовое явление, включающее как негативные, так и позитивные аспекты реализации» [4, с. 200].

Как уже указывалось выше понятие юридической ответственности является дискуссионным. При этом ученые придерживаются двух диаметрально противоположных направлений в ее понимании. С одной стороны, юридическая ответственность рассматривается в единстве ее позитивного и негативного аспекта, то есть как ответственность за настоящие и будущие действия, а также деяния, являющиеся противоправными. С другой стороны, ее понимают исключительно как следствие правонарушения.

Ученые, выделяющие позитивный и негативный аспекты юридической ответственности, исходят прежде всего из того, что она является разновидностью ответственности социальной, а следовательно, «впитывает» в себя основные ее признаки. Позитивная юридическая ответственность предопределена правовым статусом субъекта, его местом в системе социальных отношений. Именно этим обусловлены его субъективные права и обязанности, выступающие мерами позитивной юридической ответственности. Представители первого направления рассматривают юридическую ответственность за правонарушение как явление временное, направленное на обеспечение позитивной юридической ответственности.

Ярким представителем позитивного понимания юридической ответственности является Н.И. Матузов, рассматривающий ее как добровольное и осознанное исполнение субъектом своих обязанностей, выражающееся в правомерном поведении. Одновременно он определял ее как постоянную ответственность личности за свое поведение в настоящем и будущем, за надлежащее исполнение юридических обязанностей и гражданского долга. Вместе с тем им же отмечалось, что она (юридическая ответственность) неразрывно связана с государством и противоправным поведением граждан и их объединений. Государство, издавая нормы права, определяет юридическую ответственность субъектов независимо от их воли и желания, она носит государственно-принудительный характер [5, с. 415]. Таким образом, ученым выделялся позитивный и негативный аспект юридической ответственности, но вместе с тем, она представляет собой единое целое.

С.Н. Братусь и другие ученые исходят из того, что правовая ответственность является исключительно следствием правонарушения, а явление позитивной ответственности относится к сфере морали, а права. [6, с.4]. При этом ими отмечается, что негативная ответственности также является разновидностью социальной ответственности и она направлена обеспечение справедливости.

Однако понимание юридической ответственности исключительно как следствие правонарушения, является только общим направлением, отличающим от двухаспетной трактовки юридической ответственности. На этом можно сказать единство мнений ученых расходится. В целях объективности исследования необходимо обратиться к воззрениям дореволюционных

ученых. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, «Юридическая ответственность – это реакция государства против гражданина, поведение которого не согласуется с тем, что государственная власть считает для себя полезным» [7, с. 584]. При определении понятия «юридическая ответственность» большое внимание ученым уделяется значению правовой нормы и ее роли в конструкции, исследуемого правового явления. В правовой норме он видит прежде всего основание юридической ответственности и правило поведения, сопровождаемого угрозой наказания, а также реальным наказанием в случае ее нарушения, реализуемым государственными органами. Ученым отмечается, что в основе же наказания лежит государственная власть и целесообразность, связанная с самосохранением государства и защитой охраняемых интересов [8, с. 31].

Нельзя отрицать значения научных дореволюционных воззрений для формирования современного понимания юридической ответственности. Так, О.Э. Лейст отмечал наличие процессуальной формы осуществления ответственности, определяя при этом юридическую ответственность как применение мер принуждения, реализацию санкции правовой нормы [9, с. 70]. Представители понимания юридической ответственности как следствия правонарушения не отрицают факта взаимосвязи негативной юридической ответственности с социальной ответственностью, но считают ее особым видом последним. На столько особым, что ей не свойственен позитивный аспект. При этом главным свойством юридической ответственности ими считается государственное принуждение, заключающееся в различных ограничениях личного имущественного или иного характера, а вид государственного принуждения (его сила), в свою очередь зависит от тяжести совершенного правонарушения [10, с. 139]. Следует отметить, что несмотря на признание государственного принуждения сущностью юридической ответственности ее предназначение видят прежде всего предупреждение правонарушений и восстановление общественных отношений, что выступает их основной целью [11, с. 154]. Цели наказания и кары вторичны.

Юридическая ответственность за правонарушение характеризуется не только признаком государственного принуждения. Ей свойственны такие характеристики как: дополнительная обязанность [12, с. 238]; наличие формального и фактического основания [13, с. 20].; наступление только в случае наличия вины [14, с. 23].; процессуальная форма осуществления [15, с. 129].

Мы поддерживаем позицию ученых, рассматривающих юридическую ответственность с широких позиций, как вид социальной ответственности, включающий позитивный и негативный аспекты. Не претендуя на истину в последней инстанции, считаем, что юридическая ответственность – это основанная на правовом статусе система обязанностей субъекта, реализующиеся в его правомерной деятельности, а также дополнительная обязанность, возникающая в случае совершения правонарушения. При этом и позитивная и негативная юридическая ответственность основаны на правовом статусе субъекта, с тем отличием, что первый правовой статус является постоянным, а правовой статус правонарушителя – это явление временное.

Список литературы:

[1] Левкович Р.В., Шведчикова Е.В. Юридическая ответственность: понятие и виды // Вестник науки. № 9(9). 2018. С. 90-93.

[2] Абросимова Е. Б. и др.. Большая Российская энциклопедия] : [в 30 т.] / научно-редакционный совет: председатель Ю. С. Осипов и др. [Т. 30] – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2004. 800 с.

[3] Борисов А.Б. Большой юридический словарь / авт. и сост. А. Б. Борисов. Москва : Книжный мир, 2010. 847 с.

[4] Малько А. В., Липинский Д. А. Юридическая ответственность. Доктринальный словарь. Москва : Проспект, 2020. 206 с.

[5] Матузов Н.И., Малько А. В. Теория государства и права: курс лекций М.: Юристъ, 2001. 776 с.

[6] Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 2009. 360 с.

[7] Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т.4 включая Общую теорию права / Вступ. слов, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. 752 с.

[8] Касаткин С. Н. Учение Г. Ф. Шершеневича о наказании // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5 (31). С. 27-32.

[9] Лейст О.Э. Сущность права. М.: Зерцало, 2008. 240 с.

[10] Маркина А.А., Афонина О.С. К вопросу о понятии «Юридическая ответственность» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 138-140

[11] Погодина Н.А., Пашкевич Я.Г. К вопросу о понятии «Юридическая ответственность» // Вектор науки Тольяттинского университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. С. 153-155

[12] Адвокатская деятельность и адвокатура в России: Учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. – 1-е

изд.. – Москва : Издательство Юрайт, 2011. – 527 с.

[13] Шайхуллин М. С. Правовая природа конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. – 2023. – № 1(1). – С. 18-23.

[14] Колесников Е. В. Законность как конституционная категория / Е. В. Колесников // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 22-25.

[15] Игнатова К. Э. Рецензия на коллективную монографию «Истоки и источники права: генезис и эволюция» под редакцией Р.А. Ромашова / К. Э. Игнатова // Право и государственность. – 2024. – № 1(2). – С. 127-130.

References:

[1] Levkovich R.V., Shvedchikova E.V. Legal responsibility: concept and types // Bulletin of Science. No 9(9). 2018. P. 90-93.

[2] Abrosimova E. B. and others.. Great Russian Encyclopedia] : [in 30 volumes] / scientific and editorial board: chairman Yu. S. Osipov et al. [T. 30] - Moscow : Great Russian Encyclopedia, 2004. 800 p.

[3] Borisov A.B. The Great Legal Dictionary / author. and comp. A. B. Borisov. Moscow : Book World, 2010. 847 p.

[4] Malko A. V., Lipinsky D. A. Legal liability. Doctrinal Dictionary. Moscow : Prospekt, 2020. 206 p.

[5] Matuzov N.I., Malko A. V. Theory of the state and law: a course of lectures M.: Yurist, 2001. 776 p.

[6] Bratus S.N. Legal liability and legality. M., 2009. 360 p.

[7] Shershenevich G. F. Favorites: In 6 volumes. Vol.4 including General Theory of Law / Introduction. words, comp.: P.V. Krasheninnikov. M.: Statut, 2016. 752 s.

[8] Kasatkin S. N. Doctrine G. F. Shershenevich on punishment // Bulletin of the Samara Law Institute. 2018. No 5 (31). S. 27-32.

[9] Leist O.E. The essence of law. M.: Zertsalo, 2008. 240 s.

[10] Markina AA, Afonina OS. On the concept of “Legal responsibility” // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 11-1 (86). S. 138–140

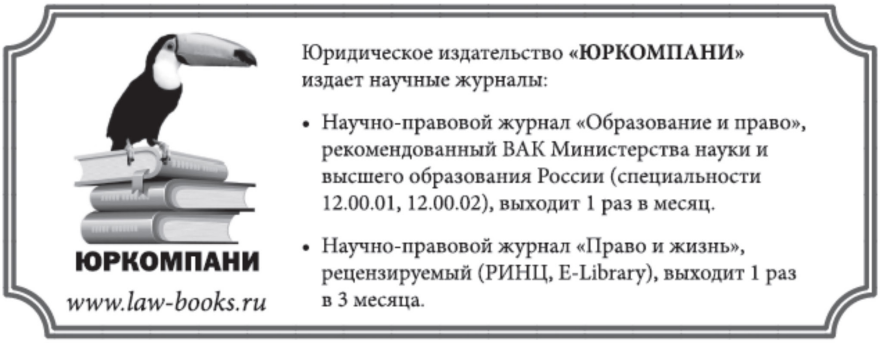
[11] Pogodina N.A., Pashkevich Ya.G. On the concept of “Legal responsibility” // Vector of science of the Togliatti University. Series: Legal Sciences. 2010. No 3. S. 153–155

[12] Legal activity and advocacy in Russia: Textbook for masters / I. L. Trunov, L. K. Ayvar, V. F. Anisimov [et al.]. - 1st ed.. - Moscow : Yurayt Publishing House, 2011. - 527 p.

[13] Shaikhullin M. S. The legal nature of constitutional guarantees of rights and freedoms of man and citizen / M. S. Shaikhullin // Law and Statehood. - 2023. - No 1(1). – S. 18-23.

[14] Kolesnikov E. V. Legality as a constitutional category / E. V. Kolesnikov // Law and Statehood. - 2025. - No 4(9). – S. 22-25.

[15] Ignatova K. E. Review of the collective monograph “Origins and Sources of Law: Genesis and Evolution” edited by R.A. Romashova / K. E. Ignatova // Law and Statehood. - 2024. - No 1(2). – S. 127-130.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-487-490

ГЕОРГИЕВ Илья Валерьевич,

старший преподаватель Высшей школы права,
Балтийский федеральный университет им. И.Канта,
Калининград, Россия,

e-mail: geor-ilya@yandex.ru

Научный руководитель:
ПРИМАК Татьяна Клавдиевна,

доктор юридических наук, доцент,
профессор Высшей школы права,
Балтийский федеральный университет им. И.Канта,

e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Аннотация. *Автор исследует средства индивидуализации физических лиц. Потребность в исследовании вызвана растущим применением цифровых технологий в общественной жизни. Цель исследования - выявить современные способы индивидуализации. Автор описывает такие средства, как: цифровой профиль, цифровой образ, цифровой след. Кроме того, исследованы смежные вопросы идентификации и аутентификации лиц. Сделан вывод о необходимости законодателя развивать данную сферу, с учетом уже имеющихся российских и международных актов.*

Ключевые слова: *физическое лицо, изображение, цифровая экономика, цифровой профиль, цифровой образ, цифровой след, идентификация, аутентификация.*

GEORGIEV Ilya Valerievich,

Senior Lecturer, Higher School of Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia

Academic Supervisor:
PRIMAK Tatyana Klavdievna,

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Higher School of Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University

MODERN MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF INDIVIDUALS

Annotation. *The author explores the means of individualization of individuals. The need for research is caused by the growing use of digital technologies in public life. The purpose of the study is to identify modern methods of individualization. The author describes such means as a digital profile, a digital image, and a digital footprint. In addition, related issues of identification and authentication of individuals are examined. The author concludes that it is necessary for the legislator to develop this area, taking into account existing Russian and international acts.*

Key words: *individual, image, digital economy, digital profile, digital image, digital footprint, identification, authentication.*

Цифровые технологии обширно проникают в нашу жизнь. Помимо очевидного распространения глобальной сети Интернет по миру, создания различных информационных сервисов, облачных технологий и так далее, изменения претерпели и институты гражданского права. Появляются современные способы заключения договоров, новые категории субъектов права и объекты, а также меняются подходы к идентификации этих самых субъектов.

Важным вопросом при возникновении договорных правоотношений в сети Интернет является идентификация противоположной стороны. Если в реальном мире абсолютно точно можно определить субъект, находящийся перед вами, то в Интернете сделать это далеко не всегда возможно. Поэтому для всемирной сети (так и для настоящего исследования) актуальны такие два взаимосвязанных процесса как идентификация и аутентификация. Как справедливо указывает А.А. Трофимов, цель идентификации – это установление конкретных субъектов частного права в цифровой среде, определение их правового статуса, а целью аутентификации является подтверждение подлинности действий участников гражданско-правовых отношений, осуществляемых в цифровой среде или процесс проверки личности человека в удаленном формате [5, с.15].

Классически, в гражданском праве принято рассматривать средства индивидуализации юридических лиц - субъектов предпринимательского права. К таковым Гражданский кодекс РФ относит: фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), географическое указание наименование места происхождения товаров, коммерческое обозначение. Однако, практика не исчерпывается только этими понятиями: так, некоторые исследователи указывают на существование, например, таких средств индивидуализации коммерческих организаций и предпринимателей, как фирменный стиль [6, с.202-203].

В гражданском праве применительно к гражданам термин “индивидуализация” напрямую в законодательстве не используется. Впрочем, подходя к вопросу средств индивидуализации физических лиц, гражданское законодательство главным образом указывает на имя человека, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая. Также сюда можно отнести место жительства гражданина, а также такие показатели как гражданство, возраст, семейное положение и пол [4, с.83].

Относительно популярной является точка зрения о том, что к вышеперечисленным средства индивидуализации необходимо однозначно добавить такой правовой феномен, как изображение гражданина. В зарубежных правовых системах существуют примеры достаточно широкого использования биометрических показателей личности в целях идентификации в различных сферах жизни [2, с.68]. Соглашаясь с такой позицией, нужно отметить, что изображение гражданина будет связано с понятием биометрических персональных данных, то есть, это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека и на основании которых можно установить его личность. Изображение лица человека станет биометрией, только если информационная система использует его для автоматической идентификации, иными словами происходит определенный механизм сопоставления конкретной фотографии с имеющейся базой данных.

Помимо категории изображения гражданина, под воздействием цифровых технологий, меняются и другие традиционные индивидуализирующие признаки. В совокупности, современными средствами индивидуализации физического лица, которые также можно отнести к способам идентификации являются цифровой профиль, цифровой образ и цифровой след. Ни в законодательстве, ни в цивилистике, ни в других юридических науках отметим, что в юридической науке не выработано единого мнения в отношении их определений и законодательного регулирования.

Цифровой профиль, часто использующийся в публичном праве, включает персональные данные, которые необходимы для оказания государственных и муниципальных услуг. Таким понятием оперирует, например, Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. N 467 “О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина». Такой профиль содержит сведения об иностранных гражданах и лицах без гражданства, въезжающих и выезжающих из России, в целях формирования полной, достоверной и актуальной информации для оценки миграционной ситуации. К цифровому профилю также можно отнести личные кабинеты граждан на государственных и муниципальных интернет-порталах, таких как “Госуслуги”.

Цифровой образ связан с содержанием профиля субъекта в соцсетях, мессенджерах, компьютерных играх и других веб-сервисах. Так, цифровой образ (цифровая копия личности) регламентируется Модельный закон «О цифровых правах» (принят на пятьдесят пятом пленарном

заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление от 14 апреля 2023 г. N 55-12)). В статье 2 этого акта дается его определение — закодированная с помощью средств цифрового шифрования совокупность объемного изображения физического лица в информационной системе и информации о таком физическом лице, включая биометрические, психоэмоциональные, физиогномические и другие данные о нем, позволяющая с помощью технологии искусственного интеллекта имитировать поведение субъекта в виртуальной среде. Право на цифровой образ должно появляться у гражданина, информацию о котором он непосредственно содержит.

А.А. Богустов считает, что право на цифровой образ можно рассматривать в качестве одного из проявлений права гражданина на изображение, содержание права на цифровой образ (цифровую копию личности) не имеет каких-либо серьезных отличий от содержания права гражданина на изображение [1, с.27] с чем можно согласиться. Однако, современные биометрические способы идентификации личности могут быть потенциально шире чем только изображение гражданина, поэтому в теории понятие цифрового образа личности объединяет в совокупности: биометрические, психоэмоциональные, физиогномические и другие данные.

Также, к важным средствам индивидуализации в цифровой век можно отнести такой феномен как цифровой след. Последний представляет собой информацию, которая может выступать в качестве самостоятельного объекта, обладающего действительной или потенциальной коммерческой ценностью. Цифровой след - это вся совокупность о потребностях человека, образе жизни, желаниях, поведенческих установках. Сбор такой информации обычно происходит под эгидой формирования для того или иного физического лица комфортного пребывания в сети, предлагая последнему интересные веб-сервисы или желанные товары и услуги. Чаще всего сбор данных происходит при помощи продвинутых систем искусственного интеллекта, а сами субъекты зачастую оставляют информацию о себе неосознанно, то есть без явного выражения воли. Как отмечает А.Н. Мочалов, крупные интернет-агрегаторы обладают технической возможностью контролировать действия своих пользователей, сопоставимой с возможностями государств [3, с.182].

В понятие цифрового следа могут также включаться очевидные идентификаторы такие как мобильный телефон, электронная почта, ссылка на страницу в социальной сети. Так, кроме единоличного исполнительного органа юридического лица, физическое лицо может быть идентифицировано по адресу электронной почты. В п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 указано, что если иное не установлено законом или договором и не следует из обычая или практики, установившейся во взаимоотношениях сторон, юридически значимое сообщение может быть направлено, в том числе посредством электронной почты, факсимильной и другой связи, осуществляться в иной форме, соответствующей характеру сообщения и отношений, информация о которых содержится в таком сообщении, когда можно достоверно установить, от кого исходило сообщение и кому оно адресовано. Ключевым, конечно, является момент достоверности лица, отправившего сообщение. Не нужно забывать и о том, что у одного лица может быть несколько адресов электронной почты. По этой причине, например, в Определении Верховного суда №305-ЭС23-12160 от 21 июля 2023 года содержится вывод о том, что только на основе адреса электронной почты невозможно идентифицировать конкретное лицо.

Таким образом, развитие цифровых технологий влияет на гражданское законодательство, требуя его адаптации к новым реалиям. Применительно к настоящему небольшому речь шла о цифровом профиле, цифровом образе и цифровом следе. Права на них, конечно, можно защитить с помощью гражданского законодательства об интеллектуальной собственности и законодательства о персональных данных. Законодатель должен своевременно реагировать на новые вызовы и сделать попытки нормативного регулирования в этой сфере. При этом, уже существуют некоторые письменные акты (например, Модельный закон «О цифровых правах»), которые можно взять за основу дальнейшего регулирования перечисленных средств индивидуализации.

Список литературы:

[1] Богустов А. А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. - 2023. - Т. 9, № 4. - С. 25-31.

[2] Королёва Е.В. О средствах индивидуализации физических лиц в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. - 2019. - №7. - С.65-69.

[3] Мочалов А.Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. // Антиномии. - 2024. - Т. 24, вып. 4. - С. 164-189.

[4] Гражданское право. В 4 тт. Т.1: Общая

часть: учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. /отв. Ред. Е.А. Суханов. - М.,: Волтерс Клувер, - 2006. - 624 с.

[5] Трофимов А.А. Способы индивидуализации субъектов частного права в цифровой среде : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.3. / Трофимов Антон Александрович - Псков, 2023. - 223 с.

[6] Филиппова С.Ю., Харитонова, Ю.С. Имидж коммерсанта: правовое регулирование и способы охраны. – М.: Статут, 2018. - 288 с.

References:

[1] Bogustov A. A. Digital image (digital copy of personality) in the system of civil rights objects: experience of model legislation // Legal Bulletin of Samara University. - 2023. - Vol. 9, No. 4. - Pp. 25-31.

[2] Koroleva E. V. On the means of individualization of individuals in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 7. - Pp. 65-69.

[3] Mochalov A. N. Digital traces of a person and the inviolability of privacy. // Antinomies. - 2024. - Vol. 24, issue. 4. - Pp. 164-189.

[4] Civil law. In 4 vols. Vol. 1: General part: textbook for university students. 3rd ed., revised and enlarged. / Ed. E.A. Sukhanov. - M.: Wolters Kluwer, - 2006. - 624 p.

[5] Trofimov A.A. Methods of Individualization of Private Law Entities in the Digital Environment: Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 5.1.3. / Trofimov Anton Aleksandrovich - Pskov, 2023. - 223 p.

[6] Filippova S.Yu., Kharitonova, Yu.S. Image of a Businessman: Legal Regulation and Methods of Protection. - M.: Statut, 2018. - 288 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-491-500

РЫБЧЕНКО Ваге Каренович,

аспирант кафедры судебного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,

доктор юридических наук, профессор,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В ТОВАРИЩЕСТВАХ СОБСТВЕННИКОВ НЕДВИЖИМОСТИ, СОЗДАННЫХ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ САДОВОДСТВА

Аннотация. *В статье исследуется правовой режим имущества общего пользования в товариществах собственников недвижимости, создаваемых гражданами для ведения садоводства. Обосновывается, что действующее регулирование сформировало не классическую модель собственности юридического лица, а специальную смешанную конструкцию, сочетающую общую долевую собственность владельцев садовых земельных участков, собственность товарищества как некоммерческой корпоративной организации и публично-правовые ограничения использования земель общего назначения. Особое внимание уделяется разграничению понятий «имущество товарищества», «имущество общего пользования» и «земельные участки общего назначения», порядку государственной регистрации прав, полномочиям общего собрания, пределам распоряжения общим имуществом, а также обязанностям лиц, ведущих садоводство без участия в товариществе.*

Ключевые слова: *товарищество собственников недвижимости; садоводческое некоммерческое товарищество; имущество общего пользования; земельный участок общего назначения; общая долевая собственность; 217-ФЗ.*

RYBCHENKO Vage Karenovich,

Postgraduate Student, Department of Judicial Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Academic Supervisor:

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,

Doctor of Law, Professor,

LEGAL REGIME OF COMMON-USE PROPERTY IN PROPERTY OWNERS' ASSOCIATIONS CREATED FOR GARDENING

Annotation. *This article examines the legal regime of common-use property in property owners' associations created by citizens for gardening. It is argued that current regulations have not created a classic legal entity ownership model, but a special mixed structure combining common shared ownership of garden plot owners, the ownership of the partnership as a non-profit corporate organization, and public-law restrictions on the use of common-purpose land. Particular attention is paid to the distinction between the concepts of "partnership property," "common-use property," and "common-purpose land plots," the procedure for state registration of rights, the powers of the general meeting, the limits of disposal of common property, and the responsibilities of individuals engaged in gardening without participation in the partnership.*

Key words: *real estate partnership; horticultural non-profit partnership; common-use property; common-purpose land plot; common shared ownership; Federal Law 217-FZ.*

Правовой режим имущества общего пользования в садоводческих товариществах относится к числу наиболее конфликтных сфер современного российского гражданского и земельного права. На первый взгляд речь идет о достаточно узкой (и даже прикладной) проблематике: дороги, проезды, линии электропередачи, водопроводные сети, трансформаторные подстанции, ворота, ограждения, площадки для сбора твердых коммунальных отходов, водоотводные сооружения и иные объекты, без которых невозможно нормальное функционирование территории садоводства. Однако юридическая природа этих объектов выходит далеко за пределы «бытовой» организации дачного поселения. Имущество общего пользования одновременно является объектом вещных прав, материальной основой деятельности некоммерческой корпоративной организации, элементом территориальной инфраструктуры и условием реализации собственниками садовых земельных участков своих правомочий владения, пользования и распоряжения недвижимостью [1; 2; 5].

Актуальность темы усиливается тем, что Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ отказался от прежней логики Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ (утратил силу), при которой садоводческие, огороднические и дачные объединения граждан существовали в нескольких организационно-правовых формах, а имущественный режим часто зависел от исторически сложившихся документов о предоставлении земель.

С 1 января 2019 г. законодатель закрепил две основные формы товариществ - садоводческое и огородническое некоммерческие товарищества, а гражданско-правовой «зонтичной» конструкцией для них стало товарищество собственников недвижимости [2; 5; 9]. В результате возникла новая правовая модель, в которой юридическое лицо не всегда является собственником ключевой инфраструктуры, но именно оно организует управление этой инфраструктурой, собирает платежи, заключает договоры и выступает процессуальным центром защиты интересов садоводов. Проблема состоит в том, что в действующем законодательстве совмещены три разных подхода.

Первый подход - корпоративный: товарищество признается добровольным объединением собственников недвижимости, имеет органы управления, устав, членство, смету, взносы и самостоятельную имущественную ответственность [2].

Второй подход - вещно-правовой: недвижимое имущество общего пользования, созданное или приобретенное после вступления в силу Закона № 217-ФЗ, по общему правилу принадлежит собственникам земельных участков на праве общей долевой собственности пропорционально площади этих участков [5].

Третий подход - земельно-публичный: земельные участки общего назначения используются для прохода, проезда, инженерного обеспечения, благоустройства, водоотведения, сбора отходов, отдыха и иных публично значимых целей, а доступ к ним не может произвольно ограничиваться [3; 5]. Наложение этих подходов порождает вопросы о субъекте права, порядке регистрации, пределах распоряжения, налоговом бремени и защите прав лиц, не являющихся членами товарищества.

Итак, товарищество собственников недвижимости (*далее – ТСН*) в гражданско-правовом смысле представляет собой не просто разновидность некоммерческой организации, а специальную корпоративную форму, предназначенную для коллективного управления объектами, связанными с недвижимостью. В соответствии со ст. 123.12 Гражданского кодекса РФ ТСН создается собственниками недвижимого имущества для совместного владения, пользования и в установленных законом пределах распоряжения имуществом, которое находится в их общей собственности или общем пользовании [2]. Эта формула имеет принципиальное значение для садоводства: товарищество не подменяет собой собственников земельных участков, а выступает организационной «оболочкой» их коллективного интереса.

Закон № 217-ФЗ определяет особенности гражданско-правового положения садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ, порядок создания органов, компетенцию общего собрания, правила внесения членских и целевых взносов, а также режим имущества общего пользования [5]. Следовательно, применительно к садоводству ТСН следует рассматривать как родовую конструкцию гражданского права, а садоводческое некоммерческое товарищество (*далее – СНТ*) - как специальный вид ТСН, функционирующий на территории ведения гражданами садоводства для собственных нужд.

В литературе справедливо отмечается, что общая собственность является юридической формой согласования нескольких индивидуальных интересов в отношении одного объекта [15; 16]. В садоводческом товариществе эта идея получает свое инфраструктурное измерение. Дороги, сеть электроснабжения или земельный участок общего назначения не обслуживают абстрактную деятельность юридического лица, а обеспечивают полезность каждого садового

участка. Поэтому право на общее имущество не может быть сведено к членству в товариществе: оно связано, прежде всего, с принадлежностью индивидуального земельного участка в границах территории садоводства.

Именно этим объясняется отход от модели «имущество СНТ принадлежит СНТ». Законодатель исходит из того, что собственники садовых участков являются экономическими и функциональными бенефициарами инфраструктуры. Товарищество же выполняет роль управляющего центра: принимает через общее собрание решения о создании, содержании, реконструкции, передаче и использовании имущества, ведет расчеты, заключает договоры с ресурсоснабжающими, подрядными и обслуживающими организациями, организует бухгалтерский учет и представляет коллективный интерес во внешних отношениях [2; 5]. Такой подход, на наш взгляд, нельзя признать полностью последовательным. С одной стороны, он защищает садоводов от ситуации, когда имущество, созданное за их счет, отчуждается юридическим лицом или включается в конкурсную массу при его банкротстве. С другой стороны, множественность собственников и сложность регистрации долей затрудняют оперативное распоряжение объектами, передачу сетей специализированным организациям, проведение реконструкции и распределение расходов. Отсюда вытекает главный методологический вывод: имущество общего пользования в садоводческом ТСН следует анализировать не как обычный актив юридического лица, а как инфраструктурный имущественный комплекс с особым вещно-корпоративным режимом.

Понятие имущества общего пользования в Законе № 217-ФЗ является функциональным. Ключевой критерий состоит не в виде вещи как таковой, а в ее назначении - удовлетворении общих потребностей граждан, ведущих садоводство на соответствующей территории. В состав такого имущества могут входить земельные участки общего назначения, дороги, проезды, инженерные сети, сооружения водоснабжения, водоотведения, электроснабжения, газоснабжения, теплоснабжения, объекты благоустройства, охраны, накопления и сбора твердых коммунальных отходов, а также иное имущество, используемое в общих интересах [5].

Особое место занимают земельные участки общего назначения. Они формируются в соответствии с утвержденным проектом межевания территории, причем для образования таких участков подготовка и утверждение проекта планировки не требуются [5]. Закон прямо закрепляет, что правообладатели земельных участков, расположенных в границах территории садоводства, вправе свободно использовать земельные участки общего назначения для прохода и проезда к своим участкам, а ограничение такого доступа не допускается [5]. Это правило придает земельным участкам общего назначения характер инфраструктурной основы территории, а не обычного оборотоспособного объекта. Нельзя смешивать земельный участок общего назначения и отдельные объекты общего пользования, расположенные на нем. Земельный участок является самостоятельным объектом недвижимости, подлежащим кадастровому учету и государственной регистрации прав [6; 7]. Инженерная сеть, здание насосной станции, сооружение для очистки сточных вод, трансформаторная подстанция или контрольно-пропускной пункт могут быть самостоятельными объектами недвижимости либо движимым имуществом в зависимости от их технических характеристик, прочной связи с землей и признаков капитальности [4; 6]. От правильной квалификации зависит порядок регистрации права, налоговый режим, возможность передачи специализированной организации и способ судебной защиты.

Содержание ст. 24 Закона № 217-ФЗ свидетельствует о постепенном расширении публично-значимых функций земель общего назначения. Законодатель уже прямо указывает на использование таких участков для газоснабжения, теплоснабжения, электроснабжения, водоснабжения, водоотведения, накопления и сбора твердых коммунальных отходов, благоустройства, охраны территории, занятий физической культурой и спортом, отдыха и укрепления здоровья граждан, а также на размещение объектов, предотвращающих загрязнение окружающей среды [5]. Тем самым земельные участки общего назначения сближаются по своей социальной функции с элементами локальной коммунальной инфраструктуры.

В практическом плане объектный состав имущества общего пользования должен фиксироваться не только в уставе или смете товарищества, но и в системе технической и правоустанавливающей документации. Минимально необходимыми документами являются: проект межевания территории; выписки ЕГРН на земельные участки общего назначения и объекты недвижимости; документы о создании или приобретении имущества; решения общего собрания; акты приема-передачи; договоры технологического присоединения; технические паспорта и схемы инженерных сетей. Отсутствие такой документации делает режим имущества «невидимым» для реестра, суда и контрагентов, что повышает риск

самовольного занятия общих земель, споров о границах и невозможности взыскания расходов с собственников участков. Представляется, что в Законе № 217-ФЗ целесообразно дополнительно закрепить обязанность товарищества вести реестр имущества общего пользования. Такой реестр должен содержать сведения об объекте, правовом основании его возникновения, правообладателях, кадастровом номере, балансовой или восстановительной стоимости, техническом состоянии, обременениях, источниках финансирования и решениях общего собрания. Это не заменит ЕГРН, но обеспечит внутреннюю прозрачность управления и станет доказательственной базой при судебных спорах.

Субъектный состав прав на имущество общего пользования неоднороден. По общему правилу недвижимое имущество общего пользования, расположенное в границах территории садоводства и созданное либо приобретенное после вступления в силу Закона № 217-ФЗ, принадлежит на праве общей долевой собственности лицам, являющимся собственниками земельных участков в этих границах, пропорционально площади принадлежащих им участков [5]. Доля следует судьбе садового участка: при отчуждении индивидуального участка к приобретателю переходит соответствующая доля в общем имуществе; выдел доли в натуре и ее самостоятельное отчуждение не допускаются; договорное условие о переходе участка без доли является ничтожным [2; 5]. Эта модель, на наш взгляд, достаточно близка к правовому режиму общего имущества в многоквартирном доме, но не тождественна ему. В многоквартирном доме общее имущество конструктивно и функционально связано с помещениями, а состав такого имущества определяется жилищным законодательством. В садоводстве связь менее плотная: общий объект может быть расположен на отдельном земельном участке, использоваться неравномерно, создаваться поэтапно, обслуживать разные группы участков, а иногда иметь значение для внешних пользователей. Поэтому механическое перенесение жилищно-правовых подходов на СНТ ошибочно. Здесь требуется специальная модель, учитывающая земельную, инфраструктурную и корпоративную специфику.

Наряду с общей долевой собственностью садоводов Закон № 217-ФЗ допускает сохранение права собственности товарищества на имущество общего пользования. Это особенно важно для объектов, приобретенных или созданных до 1 января 2019 г., а также для имущества, которое по решению общего собрания не передано в общую долевую собственность собственников участков [5; 9]. Кроме того, ч. 10 ст. 25 Закона № 217-ФЗ прямо предусматривает, что имущество общего пользования может принадлежать товариществу на праве собственности и ином праве, предусмотренном гражданским законодательством [5].

Сохранение имущества за товариществом не должно пониматься как отказ от общей природы интереса. Товарищество является собственником своего имущества, но его правомочия обусловлены целями деятельности, решениями общего собрания и назначением имущества [2; 5]. Иначе говоря, собственность товарищества имеет целевой корпоративно-инфраструктурный характер. Она не может использоваться вопреки интересам собственников земельных участков, для обслуживания которых имущество создано или приобретено.

Следующим видом субъектов являются публично-правовые образования и специализированные организации. Закон № 217-ФЗ допускает безвозмездную передачу определенного имущества общего пользования в государственную или муниципальную собственность при соблюдении установленных условий, включая решение общего собрания и согласие сособственников, если имущество принадлежит им на праве общей долевой собственности [5]. Аналогично имущество может передаваться организациям, осуществляющим газоснабжение, теплоснабжение, электроснабжение, водоснабжение и водоотведение, при условии дальнейшего использования для нужд товарищества и правообладателей участков [5]. Это рациональное направление: сложные инженерные сети должны обслуживаться профессиональными субъектами, а не фактически любительской корпоративной структурой. Однако передача инфраструктурного объекта внешнему субъекту должна сопровождаться гарантиями сохранения доступа садоводов к соответствующей услуге. В решении общего собрания и договоре передачи необходимо указывать назначение объекта, запрет изменения способа использования без согласия товарищества или сособственников, порядок эксплуатационного обслуживания, распределение расходов и последствия прекращения деятельности принимающей организации. Без таких условий передача может привести не к профессионализации управления, а к утрате контроля над жизненно важной инфраструктурой.

Государственная регистрация является центральным юридическим фактом для недвижимого имущества общего пользования.

В силу Закона № 217-ФЗ право собственности на недвижимое имущество, входящее в состав имущества общего пользования, возникает с момента государственной регистрации такого права по правилам Федерального закона № 218-ФЗ [5; 6]. Однако именно в регистрационном механизме проявляется главная техническая трудность: количество сособственников может исчисляться сотнями или тысячами, состав собственников участков постоянно меняется, а размер доли зависит от площади индивидуального земельного участка.

Традиционная модель ЕГРН, рассчитанная на указание конкретного правообладателя и размера его доли, плохо приспособлена к массовой инфраструктурной долевой собственности. Поэтому в практике Росреестра возник подход к внесению в ЕГРН так называемой «обезличенной» записи о праве общей долевой собственности собственников земельных участков, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, на имущество общего пользования [14]. Такой подход отражает сущность права: доля принадлежит не произвольному кругу лиц, а собственникам индивидуальных участков как переменному составу правообладателей.

Преимущество указанной конструкции состоит в снижении транзакционных издержек. При каждой продаже садового участка не требуется заново регистрировать переход микродоли в каждом объекте общего пользования как самостоятельную сделку: доля следует судьбе основного участка в силу закона [2; 5]. Это соответствует акцессорной природе доли и предотвращает отделение общего имущества от индивидуального участка. В то же время «обезличенная» запись не решает всех проблем. Во-первых, она требует точного определения границ территории садоводства и состава участков, собственники которых являются участниками общей долевой собственности. Во-вторых, остается вопрос о расчете долей при изменении площади индивидуального участка, объединении или разделе участков. В-третьих, не всегда очевидно, как отражать в реестре ограничения и обременения, возникшие по решению общего собрания, например аренду части земельного участка общего назначения, сервитут или передачу инженерного объекта специализированной организации.

Судебная практика показывает, что исторические документы о предоставлении земель общего пользования продолжают иметь существенное значение. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2022 г. № 305-ЭС22-8237 по делу № А41-25969/2021 Суд указал, что земельный участок, ранее предоставленный в коллективную совместную собственность членов садоводческого товарищества, не может без надлежащих правовых оснований быть зарегистрирован как индивидуальная собственность товарищества [10]. Эта позиция важна не только для конкретного спора с Росреестром, но и для всей концепции: коллективный характер прежнего права трансформируется в общую долевую собственность садоводов, а не в собственность юридического лица.

Дальнейшее развитие этой линии видно в Определении Верховного Суда РФ от 13 ноября 2025 г. № 305-ЭС25-11028 по делу № А41-99502/2024, где суды исходили из признания права коллективной совместной собственности на земельные участки общего назначения правом общей долевой собственности собственников участков пропорционально их площади, но при этом оценивали налоговое бремя с учетом сведений о правообладателе и роли товарищества в содержании имущества [11]. Практический вывод состоит в том, что реестровое оформление и экономическое бремя содержания общего имущества должны быть синхронизированы, иначе возникает разрыв между субъектом, указанным в ЕГРН, фактическими пользователями и лицом, собирающим платежи.

Представляется необходимым законодательно закрепить специальную регистрационную модель для имущества общего пользования в садоводстве. Она должна включать: указание на объект как имущество общего пользования; связь с границами территории садоводства; автоматическое следование доли судьбе индивидуального участка; возможность реестрового отражения решений общего собрания о распоряжении; обязанность органа регистрации учитывать проект межевания и перечень земельных участков в границах территории. Такая модель позволит избежать искусственного выбора между полной индивидуализацией сотен долей и юридически неопределенной «коллективностью».

Управление имуществом общего пользования строится на сочетании корпоративного решения и вещно-правового ограничения. Закон № 217-ФЗ устанавливает, что управление имуществом общего пользования в границах территории садоводства или огородничества может осуществлять только одно товарищество [5]. Это правило направлено против конкуренции нескольких юридических лиц на одной территории и против «расщепления» управления дорогами, сетями и общими земельными участками. В территориально-организованном садоводстве наличие единого управляющего центра является

объективной необходимостью.

К исключительной компетенции общего собрания членов товарищества относится принятие решений о приобретении, создании, строительстве, реконструкции, ремонте и передаче имущества общего пользования, утверждение приходно-расходной сметы, финансово-экономического обоснования размера взносов и платы, а также принятие решений о передаче имущества в общую долевую собственность, аренду, безвозмездное пользование или об установлении сервитута [5]. При этом ряд решений затрагивает не только членов товарищества, но и собственников участков, ведущих садоводство без участия в товариществе, поскольку они также используют общее имущество и несут расходы на его содержание [5; 12; 13].

Право пользования общим имуществом не является производным только от членства. Лица, ведущие садоводство без участия в товариществе, вправе пользоваться имуществом общего пользования на равных условиях и в объеме, установленном для членов товарищества [5]. Соответственно, товарищество не вправе блокировать проезд, отключать доступ к инфраструктуре, препятствовать проходу к участку или устанавливать дискриминационные условия пользования только потому, что собственник не является членом товарищества. Иной подход противоречил бы как Закону № 217-ФЗ, так и вещной природе права собственника садового участка. В то же время равное пользование предполагает равное участие в расходах. Часть 3 ст. 5 Закона № 217-ФЗ возлагает на лиц, ведущих садоводство без участия в товариществе, обязанность вносить плату за приобретение, создание, содержание имущества общего пользования, текущий и капитальный ремонт объектов капитального строительства, относящихся к такому имуществу, а также за услуги и работы товарищества по управлению этим имуществом [5]. Конституционный Суд РФ, оценивая нормы о доступе к документам товарищества, подчеркнул, что такие лица не лишены права получать информацию, необходимую для проверки обоснованности платежей, включая сметы, отчеты и финансово-экономические обоснования [12; 13].

Наиболее сложной является проблема распоряжения. Если имущество принадлежит товариществу, решение о его передаче в общую долевую собственность собственников участков принимается общим собранием в порядке, предусмотренном Законом № 217-ФЗ; такая передача прямо не признается дарением [5]. Если имущество уже принадлежит собственникам участков на праве общей долевой собственности, распоряжение им затрагивает права множества сособственников, поэтому требуется соблюдение специальных условий, включая согласие таких лиц в случаях, прямо названных законом [5].

Следует различать распоряжение имуществом как изменение его юридической судьбы и эксплуатационное управление. Заключение договора на уборку дорог, ремонт электросетей, вывоз отходов или охрану территории является актом текущего управления и финансируется по смете. Передача земельного участка общего назначения в аренду, установление сервитута, отчуждение инженерного объекта специализированной организации или передача имущества муниципалитету меняют правовой режим объекта и должны рассматриваться как распоряжение. Для таких решений необходимы повышенные процедурные гарантии: заблаговременное раскрытие проекта договора, финансово-экономическое обоснование, указание срока, размера платы, ограничений использования, последствий для доступа собственников и порядка контроля исполнения.

Содержание имущества общего пользования требует устойчивого финансового механизма. Закон № 217-ФЗ различает членские и целевые взносы, а также плату лиц, ведущих садоводство без участия в товариществе [5]. Членские взносы обычно направляются на регулярные расходы: содержание имущества, оплату коммунальных ресурсов, охрану, вывоз отходов, налоги, оплату труда работников и иные текущие нужды. Целевые взносы предназначены для приобретения, создания или реконструкции конкретного имущества общего пользования, проведения капитального ремонта, подготовки документации и реализации утвержденных проектов.

Экономическая справедливость распределения расходов не всегда совпадает с формальным равенством. Закон допускает дифференциацию размера взносов, если она обусловлена различным объемом использования имущества общего пользования в зависимости от размера земельного участка, площади расположенных на нем объектов недвижимости, размера доли в праве общей долевой собственности или иных предусмотренных законом параметров [5]. Это особенно важно для товариществ, где наряду с небольшими садовыми участками существуют крупные участки с жилыми домами, коммерчески используемыми объектами или повышенным потреблением ресурсов.

Однако дифференциация платежей должна быть обоснованной, прозрачной и проверяемой. Нельзя произвольно устанавливать повышенный платеж для «нечленов», новых

собственников, конфликтующих садоводов или лиц, не участвующих в собраниях. Размер платы должен следовать из сметы, финансово-экономического обоснования и объективных критериев. В противном случае платеж превращается из формы участия в содержании общего имущества в санкцию или способ корпоративного давления, что противоречит смыслу закона.

Налоговое бремя также вызывает споры. Если право на земельный участок общего назначения или иной объект зарегистрировано за товариществом, налоговые органы могут рассматривать товарищество как плательщика соответствующего налога, даже если экономически имущество обслуживает собственников участков. Верховный Суд в деле 2025 г. фактически подтвердил значение реестрового статуса правообладателя и возможность покрытия налогового бремени через взносы, связанные с деятельностью товарищества и содержанием имущества [11]. Этот подход прагматичен, но он одновременно демонстрирует необходимость своевременного приведения реестровых сведений в соответствие с фактической и законной моделью собственности.

Отдельная проблема - неплатежи. Товарищество вправе взыскивать задолженность по взносам и плате в судебном порядке, но успешность таких требований зависит от качества документов: устава, решений общего собрания, сметы, финансово-экономического обоснования, расчета задолженности, доказательств уведомления, сведений о праве собственности ответчика на участок и доказательств пользования инфраструктурой. Чем сложнее правовой режим имущества, тем выше требования к доказательственной дисциплине товарищества.

На практике целесообразно применять модель «сметной привязки» каждого платежа к конкретной функции имущества общего пользования: содержание дорог; электроснабжение; водоснабжение; водоотведение; охрана; вывоз отходов; налоги; кадастровые и регистрационные работы; судебно-претензионные расходы; фонд капитального ремонта. Такая детализация не только повышает доверие собственников, но и облегчает судебную защиту, поскольку позволяет показать, за какую именно услугу, объект или обязанность взыскивается сумма.

Действующее законодательство сделало важный шаг от неопределенной коллективной собственности к более определенной общей долевой модели. Тем не менее, правовой режим имущества общего пользования в садоводческих ТСН остается фрагментарным. В практике по-прежнему смешиваются «ТСН», «СНТ», «имущество товарищества», «имущество общего пользования», «земли общего пользования» и «земельные участки общего назначения». Такое смешение приводит к ошибкам в уставах, протоколах, исках и регистрационных заявлениях. Закон должен яснее разграничивать родовую корпоративную форму, специальный вид товарищества и объектный состав общего имущества.

Отдельно следует отметить недостаточную урегулированность реестрового механизма. Акцессорное следование доли судьбе садового участка закреплено законом, но техническая регистрационная модель остается сложной. Необходимо прямо предусмотреть в Законе № 218-ФЗ и Законе № 217-ФЗ специальный тип записи ЕГРН об имуществе общего пользования в садоводстве: с указанием территории, управляющего товарищества, объекта, правовой модели собственности, порядка определения долей и связи с индивидуальными земельными участками. Такая запись должна обновляться при изменении границ территории, образовании новых участков, разделе или объединении участков.

Также следует отметить слабую защиту инфраструктуры от утраты назначения. Закон допускает передачу имущества муниципалитету или ресурсоснабжающей организации, но недостаточно подробно регулирует сохранение целевого использования. Предлагается установить обязательные условия договора передачи: сохранение доступа правообладателей участков; запрет демонтажа или изменения назначения без согласия товарищества и сособственников; эксплуатационные стандарты; порядок подключения новых участков; ответственность за прекращение обслуживания; возможность обратной передачи или установления публичного сервитута при нарушении условий.

Закон № 217-ФЗ содержит нормы о доступе к документам, но не формирует полноценный стандарт раскрытия информации об общем имуществе. Следует закрепить обязанность товарищества вести электронный и бумажный реестр имущества общего пользования, ежегодно утверждать отчет о его состоянии и размещать для ознакомления документы, подтверждающие расходы. Для крупных товариществ рационально предусмотреть обязательный технический аудит инженерной инфраструктуры не реже одного раза в определенный период.

Отметим и неопределенность в распределении расходов при неодинаковом использовании инфраструктуры. Закон допускает дифференциацию, но критерии остаются общими. Представляется целесообразным

установить презумпцию распределения расходов пропорционально площади земельных участков, если общее собрание на основании финансово-экономического обоснования не установило иной объективный критерий: количество точек подключения, мощность, интенсивность проезда, площадь объектов капитального строительства, сезонность или круглогодичность использования. При этом любое отклонение от базовой модели должно быть мотивировано.

Итак, можно сделать вывод о том, что правовой режим имущества общего пользования в товариществах собственников недвижимости, созданных для ведения садоводства, является самостоятельной комплексной конструкцией российского права. Его нельзя свести ни к собственности юридического лица, ни к обычной общей долевой собственности, ни к режиму публичной инфраструктуры. Он соединяет вещно-правовую принадлежность, корпоративное управление, земельно-планировочные ограничения и коммунально-инфраструктурную функцию. Основной вектор современного регулирования состоит в признании за собственниками садовых земельных участков права общей долевой собственности на недвижимое имущество общего пользования, расположенное в границах территории садоводства, при сохранении за товариществом роли единого управляющего субъекта. Такая модель в целом соответствует природе садоводческого поселения, поскольку имущество создается и содержится в интересах собственников участков, а не в интересах юридического лица.

Вместе с тем, эффективность этой модели зависит от трех условий. Во-первых, должен быть обеспечен достоверный учет объектов общего пользования и прав на них в ЕГРН и внутреннем реестре товарищества. Во-вторых, решения о создании, содержании и распоряжении имуществом должны приниматься по прозрачной процедуре с раскрытием смет, проектов договоров и технических документов. В-третьих, расходы должны распределяться на основе объективных критериев, исключающих как безбилетное пользование инфраструктурой, так и дискриминационное финансовое давление на отдельных собственников.

В качестве итоговой законодательной инициативы автор статьи предлагает введение в Закон № 217-ФЗ отдельной главы «Реестр, управление и сохранение имущества общего пользования», в которой следует закрепить: понятие имущественного комплекса общего пользования; обязательный перечень документов; специальный порядок принятия решений о распоряжении; требования к финансово-экономическому обоснованию; правила раскрытия информации; порядок взаимодействия с Росреестром, ресурсоснабжающими организациями и муниципалитетами; гарантии прав лиц, не являющихся членами товарищества. Без такой систематизации регулирование будет и дальше развиваться точечными поправками, не устраняющими базовую неопределенность.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[3] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

[4] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

[5] Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4766.

[6] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

[7] Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.

[8] Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.

[9] Федеральный закон от 15.04.1998 № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1801 (утратил силу).

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.09.2022 № 305-ЭС22-8237 по делу № А41-25969/2021. // СПС КонсультантПлюс.

URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=730261 (дата обращения: 18.05.2026).

[11] Определение Верховного Суда РФ от 13.11.2025 № 305-ЭС25-11028 по делу № А41-99502/2024. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526062/(дата обращения: 18.05.2026).

[12] Определение Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 № 621-О. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=756474 (дата обращения: 18.05.2026).

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2232-О. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=481239 (дата обращения: 18.05.2026).

[14] Письмо Росреестра от 10.01.2024 № 14-0041-ТГ/24 «О государственной регистрации права общей долевой собственности на имущество общего пользования, расположенное в границах территории садоводства или огородничества». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467352/ (дата обращения: 18.05.2026).

[15] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. 1216 с.

[16] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. 896 с.

[17] Краснова Т.С. Доступ к садовым земельным участкам со ссылкой на Модельный закон СНГ // Правоведение. 2024. Т. 68. № 1. С. 113–127.

[18] Краснова Т.С. Судьба сервитута при преобразовании господствующего земельного участка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 2. С. 371–389.

[19] Анисимов А.П. Животноводство на садовых и иных земельных участках граждан: правовые проблемы и пути их решения // Аграрное и земельное право. 2025. С. 51-61.

[20] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. О.Н. Садикова. М.: Норма, 2022. 911 с.

[21] Земельное право: учебник / под ред. С.А. Боголюбова. М.: Проспект, 2023. 448 с.

[22] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2023.

[23] Вещное право: научно-практический комментарий / под ред. А.Г. Карапетова. М.: М-Логос, 2024.

[24] Крашенинников П.В. Жилищное право. М.: Статут, 2021. 432 с.

[25] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. 351 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[3] Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147.

[4] Urban Development Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.

[5] Federal Law of 29.07.2017 No. 217-FZ “On the Conduct of Gardening and Vegetable Gardening by Citizens for Their Own Needs and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4766.

[6] Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ “On State Registration of Real Estate” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (Part I). Art. 4344.

[7] Federal Law of 24.07.2007 No. 221-FZ “On Cadastral Activity” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 4017.

[8] Federal Law of 25.10.2001 No. 137-FZ “On the Introduction of the Land Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4148.

[9] Federal Law of April 15, 1998 No. 66-FZ “On Horticultural, Vegetable Gardening, and Dacha Non-Commercial Associations of Citizens” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 16. Article 1801 (no longer in effect).

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2022 No. 305-ES22-8237 in case No. A41-25969/2021. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=730261 (accessed: May 18, 2026).

[11] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 13, 2025 No. 305-ES25-11028 in case No. A41-99502/2024. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ (date of access: May 18, 2026).

[12] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 30, 2023 No. 621-O. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=756474 (accessed: 18.05.2026).

[13] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.10.2021 No. 2232-O. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=481239 (accessed: 18.05.2026).

[14] Letter of Rosreestr dated 10.01.2024 No. 14-0041-TG/24 “On state registration of the right of common shared ownership of common property located within the boundaries of a gardening or vegetable gardening territory.” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467352/ (date accessed: 18.05.2026).

[15] Russian civil law: textbook: in 2 volumes / ed. E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2020. 1216 p.

[16] Sklovsky K.I. Property in civil law. Moscow: Statut, 2010. 896 p.

[17] Krasnova T.S. Access to garden plots with reference to the CIS Model Law // Jurisprudence. 2024. Vol. 68. No. 1. pp. 113–127.

[18] Krasnova T.S. The Fate of an Easement during the Transformation of a Dominant Land Plot // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15. No. 2. pp. 371–389.

[19] Anisimov A.P. Livestock Farming on Garden and Other Land Plots of Citizens: Legal Problems and Ways to Solve Them // Agrarian and Land Law. 2025. pp. 51–61.

[20] Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One / edited by O.N. Sadikov. Moscow: Norma, 2022. 911 p.

[21] Land Law: Textbook / edited by S.A. Bogolyubov. Moscow: Prospect, 2023. 448 p.

[22] Civil Law: Textbook: in 4 volumes / edited by E.A. Sukhanov. M.: Statute, 2023.

[23] Property law: scientific and practical commentary / ed. A.G. Karapetova. M.: M-Logos, 2024.

[24] Krasheninnikov P.V. Housing law. M.: Statute, 2021. 432 p.

[25] Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. M.: Statute, 2020. 351 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-501-510
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЖИГАЛОВА Ирина Валерьевна,

патентный поверенный Российской Федерации,
партнёр, региональный директор,
Юридическая фирма «Городисский и Партнёры», г. Москва,

e-mail: zhigalova-ira@mail.ru

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию системы правовой охраны традиционных знаний (далее — ТЗ) в Российской Федерации, включая анализ действующего законодательства, международных договорных обязательств страны и пробелов нормативного регулирования. Автором обосновывается тезис о том, что сложившаяся правовая конструкция носит фрагментарный характер и не обеспечивает ни позитивной, ни защитной охраны ТЗ как самостоятельного правового объекта. Особое внимание уделяется анализу субъектного состава правоотношений в сфере ТЗ, коллективным моделям правообладания, специфике народных художественных промыслов (далее — НХП) как разновидности традиционных выражений культуры (далее — ТВК). На основе критического анализа международного опыта и доктринальных концепций — в том числе Договора ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, принятого 24 мая 2024 года, и проекта документа WIPO/GRTKF/IC/49/4 — предлагается пятиуровневая модель системного совершенствования российского законодательства. В статье сформулированы конкретные законодательные предложения: поправки в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации, Федеральный закон № 82-ФЗ и Федеральный закон № 402-ФЗ, а также разработана концепция специального федерального закона об охране ТЗ и ТВК. Предлагаемые меры направлены на устранение выявленных правовых пробелов и формирование гибридной модели охраны, сочетающей коллективные права общин с государственной защитной охраной ex officio.*

Ключевые слова: *традиционные знания, традиционные выражения культуры, коренные малочисленные народы, народные художественные промыслы, биопиратство, FPIC, Гражданский кодекс Российской Федерации, sui generis, интеллектуальная собственность, ВОИС.*

ZHIGALOVA Irina Valeryevna

Patent Attorney of the Russian Federation,
Partner, Regional Director, Law Firm
“Gorodissky & Partners”, Moscow

LEGAL PROTECTION OF TRADITIONAL KNOWLEDGE IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE LEGAL REGULATION SYSTEM AND DIRECTIONS FOR LEGISLATIVE IMPROVEMENT

Annotation. *This article examines the legal protection system for traditional knowledge (hereinafter — TK) in the Russian Federation, including an analysis of existing legislation, international treaty obligations, and gaps in normative regulation. The author substantiates the thesis that the existing legal framework is fragmentary in nature and provides neither positive nor defensive protection for TK as an independent legal object. Special attention is given to the analysis of the subject composition of legal relations in the TK sphere, collective models of rights-holding, and the specifics of folk arts and crafts (FAC) as a variety of traditional cultural expressions (TCE). Based on a critical analysis of international experience and doctrinal concepts — including the WIPO Treaty on Intellectual Property, Genetic Resources, and Associated Traditional Knowledge (adopted May 24, 2024) and the draft document WIPO/GRTKF/IC/49/4 — a five-level model of systemic improvement*

of Russian legislation is proposed. The article formulates specific legislative proposals: amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, Federal Laws No. 82-FZ and No. 402-FZ, and develops the concept of a special federal law on the protection of TK and TCE.

Key words: *traditional knowledge, traditional cultural expressions, indigenous peoples, folk arts and crafts, biopiracy, FPIC, Civil Code of the Russian Federation, sui generis, intellectual property, WIPO.*

Введение

Проблема правовой охраны традиционных знаний в современном мире приобретает всё более острый и многоплановый характер. Активное освоение биотехнологий, фармацевтики, пищевой промышленности и сферы косметологии сопровождается интенсивным использованием знаний, накопленных коренными и местными общинами на протяжении многих поколений. При этом коммерческая эксплуатация таких знаний нередко происходит без согласия сообществ, которым они принадлежат, и без какого-либо вознаграждения в их пользу. Это явление, получившее в международной литературе устойчивое наименование «биопиратство», представляет серьёзную угрозу как биоразнообразию планеты, так и самобытным культурам коренных народов.

Особую актуальность обозначенная проблематика приобретает для Российской Федерации — государства с уникально богатым культурным и биологическим разнообразием, на территории которого проживают более 40 коренных малочисленных народов (далее — КМНС), перечень которых закреплён Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [24] Традиционный уклад жизни этих народов, их знания в области природопользования, народного врачевания, ремёсел, а также традиционные выражения культуры — фольклор, орнаменты, народные художественные промыслы — не получают надлежащей правовой защиты ни в рамках классического авторского права, ни в системе патентного законодательства. Это обусловлено принципиальным несоответствием между природой ТЗ и конструктивными признаками классических объектов интеллектуальной собственности: индивидуальный автор, определённый момент создания, критерий новизны.

Международный контекст придаёт данной теме дополнительную значимость. В мае 2024 года под эгидой ВОИС был принят долгожданный договор об интеллектуальной собственности [20], генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами. Этот документ, разрабатывавшийся более двух десятилетий, создаёт международно-правовые обязательства в сфере раскрытия источника происхождения генетических ресурсов и ТЗ при патентовании изобретений.

Немаловажно и то, что 2026 год в Российской Федерации объявлен Годом единства народов России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. № 962 [25]. Этот государственный приоритет создаёт особый политический и общественный запрос на законодательное решение вопроса об охране культурного и интеллектуального наследия КМНС как неотъемлемой части единства многонационального народа России.

Целью настоящей работы является разработка системных предложений по совершенствованию российского законодательства в области охраны ТЗ. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: определяется круг субъектов — носителей права на ТЗ; исследуются коллективные модели правообладания; выявляются конкретные правовые пробелы действующего регулирования; анализируется специфика народных художественных промыслов как ТВК; формулируются конкретные законодательные предложения по пяти уровням системного воздействия на правовую среду.

Методология

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Диалектический метод применялся для выявления внутренних противоречий действующего правового регулирования, обусловленных разрывом между нормативной формой и содержательными потребностями охраны ТЗ. Формально-юридический метод использовался при анализе текстов нормативных правовых актов: части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации [26], Федерального закона № 82-ФЗ, Федерального закона от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [27], Федерального закона от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» [28] в редакции Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 585-ФЗ [29].

Результаты исследования

Субъекты права на ТЗ: многоаспектная характеристика

Определение круга субъектов, обладающих правом на ТЗ, представляет собой одну из центральных теоретических и практических проблем. В отличие от объектов классической интеллектуальной собственности, где правообладатель идентифицируется через акт создания или регистрации, ТЗ характеризуются коллективным, надиндивидуальным происхождением, существованием в рамках живой традиции и аккумулированием опыта многих поколений. Именно поэтому традиционные правовые конструкции — авторство, изобретательство, регистрация исключительного права — принципиально неприменимы к ТЗ без глубокой адаптации.

Действующее российское законодательство закрепляет понятие «коренные малочисленные народы Российской Федерации» в Федеральном законе № 82-ФЗ, который содержит перечень более 40 этнических групп, проживающих преимущественно в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Согласно Федеральному закону № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», объектом государственной охраны признаётся нематериальное этнокультурное достояние, в состав которого входят традиции, обряды, практики, исполнительские искусства и знания о природе.

В международно-правовом измерении субъектами права на ТЗ признаются прежде всего коренные народы и местные общины. Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года в статье 31 прямо провозглашает право коренных народов сохранять, контролировать, защищать и развивать своё культурное наследие, традиционные знания и традиционные выражения культуры [30]. Нагойский протокол 2010 года к Конвенции о биологическом разнообразии устанавливает обязательство государств-участников обеспечить распределение выгод от использования ТЗ, связанных с генетическими ресурсами, с общинами, являющимися их хранителями [31]. Данные международные стандарты Российская Федерация до настоящего времени не имплементировала в должной мере.

Исследователи выделяют несколько категорий субъектов в сфере ТЗ. Во-первых, это непосредственные хранители — общины КМНС, в пределах которых ТЗ создавались, передавались и совершенствовались. Во-вторых — специализированные лица, являющиеся внутри общины признанными носителями специфических знаний: лекари, мастера художественных промыслов, хранители обрядов. В-третьих — производные субъекты, получающие доступ к ТЗ через механизмы согласия: исследовательские организации, предприятия биотехнологической и фармацевтической промышленности, учреждения культуры. В-четвёртых — государство, выступающее в двоякой роли: как доверительный управляющий ТЗ в интересах общества и как суверен, осуществляющий защитную охрану ТЗ в публичных интересах.

По мнению К. С. Красильщикова, интеллектуальная собственность как правовой институт недостаточно адаптирована к объектам, не имеющим индивидуального автора-создателя [5]. О. А. Куликов обращает внимание на то, что традиционные правовые механизмы применимы к ТЗ лишь частично — главным образом в части негативной охраны, но не позитивных правомочий общины [6]. В. В. Авдеева полагает, что механизм правовой защиты интеллектуальных прав КМНС требует принципиально нового нормативного подхода, основанного на признании коллективной природы прав [1]. Принципиально важен при этом вопрос о правовом статусе общин КМНС как юридических лиц: согласно Федеральному закону № 82-ФЗ, общины могут создаваться в форме общественных объединений или некоммерческих организаций, однако их представительские полномочия при реализации прав на ТЗ нормативно не закреплены, что порождает очевидные правоприменительные затруднения.

Коллективный характер правообладания и модели его реализации

Концептуальная дискуссия о природе права на ТЗ разворачивается прежде всего вокруг проблемы коллективного правообладания. Традиционные механизмы интеллектуальной собственности строятся на презумпции индивидуального или корпоративного правообладателя, чётко идентифицируемого в правовом пространстве. ТЗ, напротив, являются принадлежностью общины как социально-правовой общности, не имеющей единственного правового лица в традиционном смысле слова.

В международной правовой доктрине принято выделять три базовые модели коллективного правообладания применительно к ТЗ. Первая — модель общинной собственности — предполагает признание правообладателем самой общины как коллективного субъекта с соответствующим набором правомочий по использованию, распоряжению и защите ТЗ через традиционные институты (советы старейшин, родовые собрания). Вторая — модель государственного попечительства (trusteeship) — возлагает на государство обязанность управлять ТЗ в доверительных интересах общины, выступая как «хранитель» национального

культурного достояния; данная модель наиболее близка к существующим российским правовым конструкциям. Третья — модель традиционных интеллектуальных прав, разработанная Т. Коттье, — предусматривает формирование особого режима коллективных прав на ТЗ, аналогичного правовому режиму intellectual commons, однако признающего первичный суверенитет общины [8].

В научной литературе принято также различать два вида охраны ТЗ — позитивную и негативную. Позитивная (наступательная) охрана предполагает наделение хранителей ТЗ субъективными правами, дающими возможность контролировать использование ТЗ третьими лицами и получать вознаграждение от коммерческой эксплуатации. Негативная (защитная) охрана сводится к механизмам предотвращения неправомерного присвоения ТЗ — прежде всего посредством включения ТЗ в базы данных «уровня техники», что блокирует возможность патентования известных общинных знаний под видом новых изобретений [4].

Пробелы действующего российского законодательства

Системный анализ российского законодательства позволяет выделить пять ключевых правовых пробелов, препятствующих эффективной охране ТЗ.

Первый — отсутствие ТЗ в закрытом перечне охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Статья 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности, в котором традиционные знания не упоминаются. В результате ТЗ де-юре существуют вне системы охраняемых объектов, что создаёт предпосылки для их квалификации как «ничейной вещи» (res nullius).

Второй — прямое следствие первого: поскольку ТЗ не отвечают критерию новизны в патентном праве и не связываются с конкретным автором в авторском праве, они фактически находятся в правовом вакууме. При этом пункт 6 статьи 1259 ГК РФ прямо исключает произведения народного творчества (фольклор) из числа охраняемых объектов авторского права. Это означает, что любое лицо вправе использовать ТЗ без ограничений, в том числе в коммерческих целях [16].

Третий — отсутствие механизма предварительного осознанного согласия (FPIC — Free, Prior and Informed Consent [22]). Нагойский протокол и Декларация ООН о правах коренных народов предусматривают обязательность получения свободного, предварительного и осознанного согласия общины перед любым коммерческим или научным использованием ТЗ, связанных с генетическими ресурсами. Действующее российское законодательство не устанавливает ни порядка получения такого согласия, ни правовых последствий его несоблюдения [1; 6].

Четвёртый — отсутствие реестра традиционных знаний как уровня техники. Одним из наиболее действенных инструментов защитной охраны ТЗ является создание специализированных реестров. Такие реестры действуют в Индии (Traditional Knowledge Digital Library — TKDL), Перу, Эквадоре и Панаме [13]. Российское патентное законодательство не предусматривает включения реестров ТЗ в перечень источников, учитываемых при определении уровня техники, что создаёт возможность для выдачи патентов на уже известные традиционные знания.

Пятый — отсутствие специальной ответственности за биопиратство. Действующие КоАП РФ и УК РФ не содержат специальных составов, предусматривающих ответственность за незаконное присвоение ТЗ или незаконное получение патента на основе ТЗ без раскрытия их источника [1; 3]. Указанные проблемы систематизированы в таблице 1.

Таблица 1. Правовые пробелы в охране традиционных знаний и направления их устранения

Проблема	Направление устранения	Конкретная мера
Отсутствие ТЗ в ст. 1225 ГК РФ	Дополнение перечня объектов ИС	ТЗ и ТВК в ст. 1225 ГК РФ (п. 17)
Квалификация ТЗ как res nullius	Коллективные права на ТЗ	Новая гл. 70.1 ГК РФ
Отсутствие механизма FPIC	Закрепление порядка согласия	Ст. 14.2 в ФЗ № 82-ФЗ
Отсутствие реестра ТЗ как уровня техники	Создание реестровой системы	Ст. 14.3 в ФЗ № 82-ФЗ; поправки в ст. 1374 ГК РФ
Отсутствие ответственности за биопиратство	Специальный состав правонарушения	Ст. 7.12.1 КоАП РФ; ст. 147.1 УК РФ

Народные художественные промыслы как традиционные выражения культуры

Народные художественные промыслы занимают особое место в системе ТВК, обладая выраженной экономической составляющей и играя значимую роль в социально-экономическом развитии регионов. Федеральный закон № 7-ФЗ в редакции Федерального закона № 585-ФЗ от 12 декабря 2023 года впервые законодательно закрепил, что НХП «являются неотъемлемой частью культурного наследия народов Российской Федерации и нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации», а также ввёл понятие образцов изделий НХП (ст. 7.1). Это существенный шаг вперёд, однако данный закон по-прежнему не содержит специального правового режима охраны художественно-стилевых особенностей.

Применительно к проблематике настоящей работы ключевым является вопрос о правовой охране художественно-стилевых особенностей конкретного вида НХП — орнаментальных решений, техник, традиционных образов и колористики, определяющих его узнаваемость и самобытность. Именно художественно-стилевые особенности образуют [19] ту коллективную интеллектуальную ценность, которая не принадлежит ни одному конкретному мастеру, но составляет общее достояние всех хранителей данной промысловой традиции [2; 3]. При этом механизм охраны в качестве НМПТ (ст. 1516 ГК РФ) позволяет защитить лишь само географическое наименование, но не художественно-стилевые особенности изделий, которые могут воспроизводиться без использования охраняемого обозначения.

М. А. Нагайцева и Д. Ш. Тахирова фиксируют, что цифровая среда создаёт новые площадки для незаконного воспроизведения стилистики НХП: производители контрафактных изделий размещают их на маркетплейсах под иными наименованиями, успешно избегая привлечения к ответственности [10]. Е. В. Голубев полагает, что сложившаяся система государственной поддержки НХП нуждается в переосмыслении с позиций коллективных прав традиционных общин [16]. Для решения этой проблемы предлагается создание Государственной корпорации развития народных художественных промыслов и ремёсел (ГКРНХПиР), наделённой полномочиями коллективного правообладателя художественно-стилевых особенностей видов НХП [2; 3].

Предло*жения по совершенствованию законодательства*

Выявленные правовые пробелы не могут быть устранены точечными поправками в отдельные нормы — они требуют системного изменения законодательства на пяти взаимосвязанных уровнях: (1) гражданско-правовом; (2) специально-законодательном; (3) охранном; (4) санкционном; (5) международно-правовом. Только одновременное и согласованное преобразование этих уровней способно сформировать целостный и эффективный механизм охраны ТЗ.

Поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть IV)

Первый уровень — гражданско-правовой. Необходимо включить ТЗ и ТВК в закрытый перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, дополнив статью 1225 ГК РФ пунктом 17: «традиционные знания и традиционные выражения культуры». Включение данной нормы устранит фундаментальный пробел, влекущий квалификацию ТЗ как res nullius, и создаст правовую основу для их системного регулирования.

Вторым элементом гражданско-правовых изменений является введение новой главы 70.1 «Традиционные знания и традиционные выражения культуры» в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации. Данная глава должна включать: статью 1226.1 (понятие ТЗ — знания, ноу-хау, практики, создаваемые и передаваемые коренными народами и местными общинами в традиционном контексте на протяжении не менее 50 лет или пяти поколений в соответствии с проектом WIPO/GRTKF/IC/49/4) [32]; статью 1226.2 (субъекты права — коренные малочисленные народы, их общины и этнические группы, осуществляющие коллективные права в порядке обычного права или устава общины); статью 1226.3 (содержание прав: разрешение на использование, требование вознаграждения, запрет искажения, судебная защита) [6; 7].

Третьим направлением является поправка в статью 1374 ГК РФ, регулирующую порядок подачи патентных заявок: её необходимо дополнить обязательством заявителя раскрывать источник происхождения ТЗ и генетических ресурсов в соответствии с Договором ВОИС 2024 года [33]. Нераскрытие информации влечёт аннулирование патента — предлагаемое дополнение статьи 1398 ГК РФ. Четвёртое направление — поправки в статью 1516 ГК РФ, предусматривающие возможность регистрации НМПТ для традиционных изделий КМНС с льготным размером государственной пошлины.

Поправки в ФЗ № 82-ФЗ, ФЗ № 402-ФЗ и ФЗ № 7-ФЗ

Второй уровень — специально-законодательный. В Федеральный закон № 82-ФЗ предлагается ввести две новые статьи. Статья 14.2 «Свободное, предварительное и осознанное согласие» должна закрепить: право общины

КМНС на получение информации о планируемом использовании ТЗ; порядок получения FPIC через уполномоченный представительный орган общины; требование письменной формы с указанием условий использования, срока, территории и размера вознаграждения; запрет использования ТЗ без оформленного FPIC и порядок оспаривания согласия. Данные положения имплементируют требования Нагойского протокола и статьи 31 Декларации ООН о правах коренных народов [1; 7].

Статья 14.3 «Реестр традиционных знаний» должна урегулировать создание государственного реестра ТЗ при Роспатенте по аналогии с TKDL в Индии [23], перуанской и панамской реестровыми системами [13]; его статус как источника «уровня техники» для патентной экспертизы; режим доступа с разграничением открытой части (для целей экспертизы) и закрытой части (для конфиденциальных и сакральных элементов ТЗ). В Федеральный закон № 402-ФЗ предлагается внести положения о взаимодействии реестра нематериального этнокультурного достояния с реестром ТЗ.

В Федеральный закон № 7-ФЗ предлагается введение новой статьи 7.2 «Охрана художественно-стилевых особенностей народных художественных промыслов», закрепляющей: понятие художественно-стилевых особенностей вида НХП как совокупности характерных визуальных, пластических и колористических признаков; механизм их фиксации в специальных цифровых реестрах; правовую защиту от недобросовестного воспроизведения; порядок применения мер защиты уполномоченными организациями НХП [2; 3].

Специальный федеральный закон об охране традиционных знаний

Третий уровень — принятие специального федерального закона «Об охране традиционных знаний и традиционных выражений культуры». Концепция специального закона предполагает восемь глав: (1) общие положения; (2) объекты охраны; (3) субъекты права; (4) содержание прав; (5) цифровой реестр ТЗ; (6) использование ТЗ; (7) защита прав; (8) заключительные положения. Ключевой инновацией специального закона должна стать норма о минимальном вознаграждении — 5% от выручки при коммерческом использовании ТЗ, что соответствует концепции «справедливого распределения выгод» Нагойского протокола [12; 14]. Специальный закон призван интегрировать положения всех упомянутых актов в единую систему.

Немаловажным институциональным элементом является предложение о создании Государственной корпорации развития народных художественных промыслов и ремёсел (ГКРНХПиР) как специализированного института государственного попечительства, уполномоченного на: ведение реестра организаций НХП; осуществление полномочий коллективного правообладателя художественно-стилевых особенностей видов НХП; предъявление исков в защиту прав организаций НХП; содействие регистрации НМПТ; продвижение изделий НХП на международных рынках [2; 3]. Специальный закон также должен закрепить гибридную модель охраны: коллективные права общин как первичных правообладателей сочетаются с государственной защитной охраной ex officio[1]

Административная и уголовная ответственность. Международно-правовой уровень

Четвёртый уровень — санкционный. В части административной ответственности предлагается дополнить КоАП РФ новой статьёй 7.12.1 «Незаконное использование традиционных знаний и традиционных выражений культуры». Диспозиция данной статьи должна охватывать коммерческое использование ТЗ без FPIC, нарушение условий лицензии, введение потребителей в заблуждение относительно традиционного происхождения товара. Санкция: штраф для должностных лиц от 500 000 до 1 000 000 рублей, для юридических лиц — от 2 000 000 до 5 000 000 рублей с конфискацией незаконно полученного дохода [1; 6]. В части уголовной ответственности предлагается введение в УК РФ статьи 147.1 «Биопиратство» для квалифицированных форм незаконного присвоения ТЗ, совершённых организованной группой или в крупном размере.

Пятый уровень — международно-правовой. Системное изменение национального законодательства невозможно без его гармонизации с международными стандартами. Приоритетом является ратификация Договора ВОИС 2024 года, влекущая обязанность имплементировать требования об обязательном раскрытии источника происхождения ТЗ. Не менее важна полноценная ратификация Нагойского протокола в части распределения выгод. Системный характер преобразований означает, что все пять уровней должны задействоваться одновременно: изменения на каждом из них усиливают и закрепляют меры, принятые на остальных [4; 9].

Обсуждение

Предложенная система законодательных реформ нуждается в соотнесении с основными позициями отечественной и зарубежной доктрины. В научном сообществе отсутствует единая позиция относительно оптимальной модели

охраны ТЗ. К. С. Красильщиков [5] и О. А. Куликов [6] склоняются к адаптированному применению действующих механизмов интеллектуальной собственности, полагая, что создание системы sui generis может породить дополнительные правовые коллизии. А. Гурко [4] и Е. В. Голубев [16] полагают, что специфика коллективного характера ТЗ принципиально несовместима с логикой традиционной интеллектуальной собственности и требует разработки самостоятельного правового механизма. Предлагаемая гибридная модель представляет собой компромиссный подход: поправки в ГК РФ опираются на существующую инфраструктуру ИС, тогда как специальный закон формирует новый режим sui generis с учётом коллективной природы прав.

Зарубежный опыт подтверждает реалистичность предложений. В Перу действует система, сочетающая специальный реестр ТЗ (с закрытой и полузакрытой секциями) с механизмом FPIC-лицензирования; Панама приняла специальный закон [17; 18] о коллективных правах коренных народов; в Эквадоре положения о правах коренных народов закреплены в Конституции 2008 года. Индийский TKDL признан [21] международно лучшей практикой защитной охраны ТЗ [8; 13]. Введение в ГК РФ главы 70.1 имеет реальный законодательный прецедент: аналогичным образом была введена глава 77 о правах на результаты интеллектуальной деятельности в сфере единой технологии.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Правовая охрана ТЗ в Российской Федерации находится в состоянии нормативного дефицита: при наличии более 40 КМНС — хранителей уникальных ТЗ — отечественное право не обеспечивает ни позитивной охраны прав общин, ни эффективной защиты от биопиратства. Действующие инструменты — прежде всего НМПТ и охрана секрета производства — применимы лишь к ограниченному кругу ситуаций и не отвечают масштабу проблемы [6; 14]. Совокупность выявленных пробелов — отсутствие ТЗ в ст. 1225 ГК РФ, отсутствие механизма FPIC, отсутствие реестра ТЗ как уровня техники, отсутствие специальной ответственности за биопиратство — образует системный правовой дефицит, преодоление которого требует скоординированных мер на пяти уровнях регулирования.

Центральным элементом системы является гибридная модель охраны: коллективные права общин как первичных правообладателей сочетаются с государственной защитной охраной ex officio. Специальный федеральный закон об охране ТЗ и ТВК призван стать системообразующим актом, объединяющим все пять уровней реформы и формирующим в Российской Федерации целостный и внутренне согласованный правовой режим охраны традиционных знаний, соответствующий международным стандартам [4; 8; 9; 14]. Объявление 2026 года Годом единства народов России придаёт созданию такого режима государственно-политическое измерение: традиционные знания народов России суть не только объекты интеллектуальной собственности, но и живые носители национальной идентичности, культурного суверенитета и исторической памяти.

Список литературы:

[1] Авдеева В. В. Механизм защиты интеллектуальных прав коренных малочисленных народов // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2. С. 34–42.

[2] Жигалова И. В. Роль и место интеллектуальной собственности в правовом регулировании предпринимательской деятельности в сфере народных художественных промыслов // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 38–45.

[3] Жигалова И. В. Правовые меры защиты и поддержки предпринимательской деятельности в народных художественных промыслах: иностранный опыт // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5. С. 231–235.

[4] Гурко А. Традиционные знания, выражения культуры и генетические ресурсы: перспективы установления правовой охраны // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 7–16.

[5] Красильщиков К. С. Интеллектуальная собственность: концептуальный подход к пониманию сущности и управления // Прикладные экономические исследования. 2023. № 3. С. 8–15.

[6] Куликов О. А. Правовая охрана традиционного знания посредством институтов интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 126–140.

[7] Мамаджанов Х. А. Проблемные вопросы оценки интеллектуальной собственности и нематериальных активов в свете новых федеральных стандартов оценки и бухгалтерского учёта // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 5. С. 21–34.

[8] ВОИС. Интеллектуальная собственность, традиционные знания и традиционные выражения культуры : пособие. Женева : ВОИС, 2014. 102 с.

[9] ВОИС. Традиционные знания и интеллектуальная собственность : информационная справка. Женева : ВОИС, 2024. 48 с.

[10] Нагайцева М. А., Тахирова Д. Ш. Интеллектуальная собственность как инструмент цифровизации культуры: к вопросу сохранения традиционных знаний и традиционных выражений культуры // Вестник НГПУ. 2022. № 6. С. 24–38.

[11] Нагайцева М. А. Защита самобытной культуры и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в контексте права интеллектуальной собственности // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 55–62.

[12] Пономарева Н. Г. Особенности правовой охраны традиционных знаний и генетических ресурсов : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.

[13] Специализированные реестры как инструмент правовой охраны генетических ресурсов и традиционных знаний // IP: Теория и практика. 2023. № 2. С. 44–52.

[14] Отрашевская А. М. Правовое регулирование доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод от их применения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.10. М. : РУДН, 2021. 218 с.

[15] Власова В. Б., Данилина Е. А., Попова П. А. Некоторые проблемы сохранения и правовой охраны традиционных знаний. М. : ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2009. 160 с.

[16] Голубев Е. В. Правовая охрана генетических ресурсов, традиционных знаний и выражений фольклора на международном и региональном уровне // Копирайт. 2023. № 3. С. 18–29.

[17] Vasconcelos R. Sui generis protection of traditional knowledge of indigenous peoples of the Amazon : PhD thesis. Queensland : University of Queensland, 2009. 312 p.

[18] Espinosa Coloma S. Legal protection of Ecuadorian biodiversity and traditional knowledge: the existing intellectual property rights system vs. a sui generis system : LLM thesis. St. Louis : Washington University in St. Louis, 2011. 124 p.

[19] Asmah J. Stepping outside the box: traditional knowledge, folklore, indigenous textiles and cultural appropriation — is there room for folklore protection under intellectual property law? : PhD thesis. Ottawa : University of Ottawa, 2013. 287 p.

[20] Lai J. C., Wright E., Goodman J. Intellectual property at a crossroads: the knowledge and resources of indigenous peoples and local communities // Journal of World Intellectual Property. 2025. Vol. 28, № 3. P. 1–22.

[21] Oguamanam C. A critical examination of the African legal framework for indigenous knowledge // Journal of African Law. 2023. Vol. 67, № 1. P. 1–28.

[22] Tereshkova V. V. The principle of prior informed consent for the use of traditional knowledge // Zakon. 2024. Vol. 21, № 3. P. 76–91.

[23] Kaur R., Chakrabarty Sh. P. A primer to traditional knowledge protection in India: the road ahead // Journal of Intellectual Property Rights. 2021. Vol. 26, № 3. P. 155–167.

[24] Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[25] Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». // СПС КонсультантПлюс. URL; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522737/ (дата обращения: 08.06.2026).

[26] Гражданский кодекс РФ. Часть четвёртая: ФЗ от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

[27] Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии РФ» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7307

[28] Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах» // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 234

[29] Федеральный закон от 12.12.2023 № 585-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О народных художественных промыслах»» // СЗ РФ. 2023. № 51

[30] Декларация ООН о правах коренных народов: принята Резолюцией ГА ООН 61/295 от 13.09.2007. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 08.06.2026).

[31] Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и совместном использовании выгод: принят 29.10.2010. // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

[32] WIPO/GRTKF/IC/49/4: Охрана традиционных знаний: проект статей. Женева: ВОИС, 2024 // ВОИС. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/ru/wipo_grtkf_ic_49/wipo_grtkf_ic_49_4.pdf (дата обращения: 08.06.2026).

[33] Договор ВОИС об ИС, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами: принят 24.05.2024. // ВОИС. URL: https://www.wipo.int/ru/web/traditional-knowledge/wipo-treaty-on-ip-gr-and-associated-tk (дата обращения: 08.06.2026).

References:

[1] Avdeeva V. V. Mechanism for Protecting Intellectual Rights of Indigenous Peoples // Bulletin of Surgut State University. 2020. No. 2. pp. 34–42.

[2] Zhigalova I. V. The Role and Place of Intellectual Property in the Legal Regulation of

Entrepreneurial Activity in the Sphere of Folk Art Crafts // Legal Science. 2021. No. 4. pp. 38–45.

[3] Zhigalova I. V. Legal Measures to Protect and Support Entrepreneurial Activity in Folk Art Crafts: Foreign Experience // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. No. 5. pp. 231–235.

[4] Gurko A. Traditional Knowledge, Cultural Expressions, and Genetic Resources: Prospects for Establishing Legal Protection // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2017. No. 8. Pp. 7–16.

[5] Krasilshchikov K. S. Intellectual Property: A Conceptual Approach to Understanding its Essence and Management // Applied Economic Research. 2023. No. 3. Pp. 8–15.

[6] Kulikov O. A. Legal Protection of Traditional Knowledge through Intellectual Property Institutions // Journal of the Intellectual Property Court. 2022. No. 2 (36). Pp. 126–140.

[7] Mamadzhanov H. A. Problematic Issues of Valuing Intellectual Property and Intangible Assets in Light of New Federal Valuation and Accounting Standards // Property Relations in the Russian Federation. 2025. No. 5. Pp. 21–34.

[8] WIPO. Intellectual Property, Traditional Knowledge and Traditional Cultural Expressions: A Handbook. Geneva: WIPO, 2014. 102 p.

[9] WIPO. Traditional Knowledge and Intellectual Property: Fact Sheet. Geneva: WIPO, 2024. 48 p.

[10] Nagaytseva M. A., Takhirova D. Sh. Intellectual Property as a Tool for the Digitalization of Culture: On the Issue of Preserving Traditional Knowledge and Traditional Expressions of Culture // Bulletin of NSPU. 2022. No. 6. pp. 24–38.

[11] Nagaytseva M. A. Protection of the Original Culture and Traditional Knowledge of Indigenous Peoples of the North in the Context of Intellectual Property Law // Bulletin of Surgut State University. 2021. No. 4. pp. 55–62.

[12] Ponomareva N. G. Features of the Legal Protection of Traditional Knowledge and Genetic Resources: Abstract of Cand. jurid. sciences. Moscow, 2004. 23 p.

[13] Specialized registries as a tool for the legal protection of genetic resources and traditional knowledge // IP: Theory and Practice. 2023. No. 2. pp. 44–52.

[14] Otrashevskaya A. M. Legal regulation of access to genetic resources and benefit-sharing from their use: diss. … Cand. sciences (Law): 12.00.10. Moscow: RUDN University, 2021. 218 p.

[15] Vlasova V. B., Danilina E. A., Popova P. A. Some problems of the preservation and legal protection of traditional knowledge. Moscow: INITs “PATENT”, 2009. 160 p.

[16] Golubev E. V. Legal Protection of Genetic Resources, Traditional Knowledge, and Expressions of Folklore at the International and Regional Level // Copyright. 2023. No. 3. pp. 18–29.

[17] Vasconcelos R. Sui generis protection of traditional knowledge of indigenous peoples of the Amazon: PhD thesis. Queensland: University of Queensland, 2009. 312 p.

[18] Espinosa Coloma S. Legal protection of Ecuadorian biodiversity and traditional knowledge: the existing intellectual property rights system vs. a sui generis system: LLM thesis. St. Louis: Washington University in St. Louis, 2011. 124 p.

[19] Asmah J. Stepping outside the box: traditional knowledge, folklore, indigenous textiles, and cultural appropriation—is there room for folklore protection under intellectual property law?: PhD thesis. Ottawa: University of Ottawa, 2013. 287 p.

[20] Lai J. C., Wright E., Goodman J. Intellectual property at a crossroads: the knowledge and resources of indigenous peoples and local communities // Journal of World Intellectual Property. 2025. Vol. 28, No. 3. P. 1–22.

[21] Oguamanam C. A critical examination of the African legal framework for indigenous knowledge // Journal of African Law. 2023. Vol. 67, No. 1. P. 1–28.

[22] Tereshkova V. V. The principle of prior informed consent for the use of traditional knowledge // Zakon. 2024. Vol. 21, No. 3. P. 76–91.

[23] Kaur R., Chakrabarty Sh. P. “A primer to traditional knowledge protection in India: the road ahead” // Journal of Intellectual Property Rights. 2021. Vol. 26, No. 3. P. 155–167.

[24] Federal Law of April 30, 1999 No. 82-FZ “On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 18. Art. 2208.

[25] Decree of the President of the Russian Federation of December 25, 2025 No. 962 “On holding the Year of Unity of the Peoples of Russia in the Russian Federation”. // SPS ConsultantPlus. URL; https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522737/ (accessed: June 8, 2026).

[26] Civil Code of the Russian Federation. Part Four: Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Part I). Art. 5496.

[27] Federal Law of 20.10.2022 No. 402-FZ “On the Intangible Ethnocultural Heritage of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 43. Art. 7307

[28] Federal Law of 06.01.1999 No. 7-FZ “On Folk Artistic Crafts” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 2. Art. 234

[29] Federal Law of 12.12.2023 No. 585-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Folk Art and Crafts”” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 51

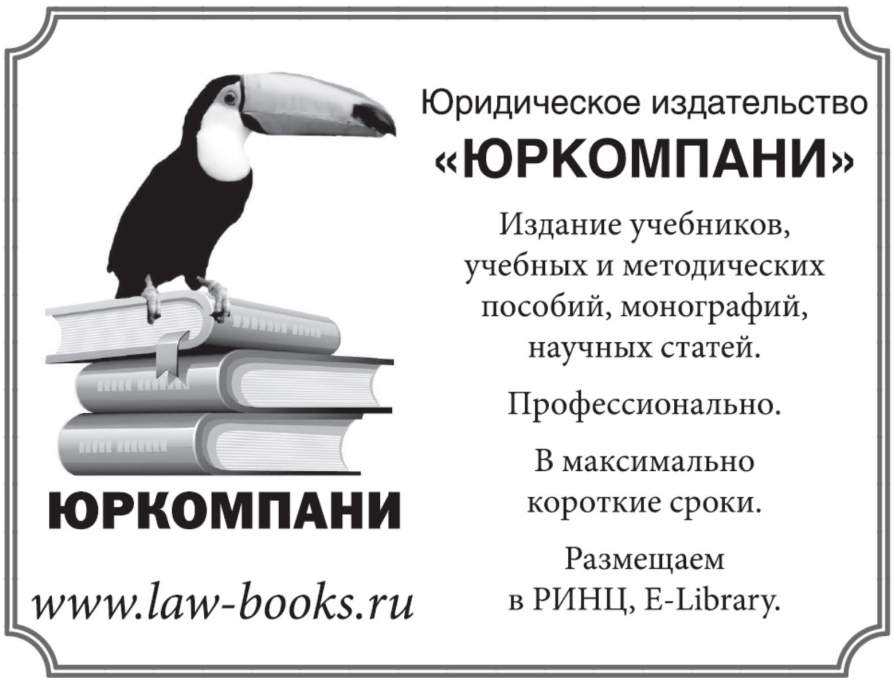
[30] UN Declaration on the Rights of

Indigenous Peoples: adopted by UN General Assembly Resolution 61/295 of 13.09.2007. // UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (date accessed: 08.06.2026).

[31] Nagoya Protocol on Access to Genetic Resources and Benefit-Sharing: adopted on 29.10.2010. // UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf (date accessed: 08.06.2026).

[32] WIPO/GRTKF/IC/49/4: The Protection of Traditional Knowledge: Draft Articles. Geneva: WIPO, 2024 // WIPO. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/tk/ru/wipo_grtkf_ic_49/wipo_grtkf_ic_49_4.pdf (date accessed: 08.06.2026).

[33] WIPO Treaty on IP and Genetic Resources and Traditional Knowledge Associated with Genetic Resources: adopted on 24.05.2024. // WIPO. URL: https://www.wipo.int/ru/web/traditional-knowledge/wipo-treaty-on-ip-gr-and-associated-tk (accessed: 08.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-511-515
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

БЕЛЫХ Ксения Сергеевна,

студентка 4 курса Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева г. Москва,

e-mail: belyh.ksyusha@yandex.ru

ХОЛДИНГИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования холдинговых объединений в российской юрисдикции. Исследуются теоретические и практические аспекты определения холдинга как субъекта права, выявляются пробелы в законодательстве, регулирующем отношения материнских и дочерних обществ. Особое внимание уделяется проблемам защиты прав миноритарных участников, корпоративным конфликтам внутри холдинговых структур, а также вопросам применения антисанкционного законодательства к холдингам с иностранным участием. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства, включая внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью. Обосновывается необходимость принятия специального федерального закона о холдингах, закрепляющего их правовой статус, механизмы управления и ответственности.*

Ключевые слова: *холдинг, корпоративное управление, материнская компания, дочернее общество, миноритарные акционеры, корпоративный конфликт, экономически значимые организации, иностранная холдинговая компания, внешнее управление, правовое регулирование.*

BELYKH Ksenia Sergeyevna,

fourth-year student at the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev Moscow

HOLDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. *The article analyzes the current problems of legal regulation of holding companies in the Russian jurisdiction. The article examines the theoretical and practical aspects of defining a holding company as a legal entity, and identifies gaps in the legislation governing the relations of parent and subsidiary companies. Special attention is paid to the problems of protecting the rights of minority shareholders, corporate conflicts within holding structures, as well as the application of anti-sanctions legislation to holdings with foreign participation. Based on the analysis, specific ways to improve legislation are proposed, including amendments to the Civil Code of the Russian Federation, federal laws on joint stock companies and on limited liability companies. The necessity of adopting a special federal law on holdings, which establishes their legal status, management mechanisms and responsibilities, is substantiated.*

Key words: *holding company, corporate governance, parent company, subsidiary, minority shareholders, corporate conflict, economically significant organizations, foreign holding company, external management, legal regulation*.

Введение

Современный этап развития экономики Российской Федерации характеризуется высокой степенью концентрации капитала и интеграции хозяйствующих субъектов в крупные корпоративные объединения. Холдинги как форма организации бизнеса позволяют обеспечивать централизованное управление, оптимизировать налоговые и финансовые потоки, реализовывать единую инвестиционную и производственную политику. Однако парадокс российского права заключается в том, что при широком распространении холдинговых структур в реальном экономическом обороте их правовое регулирование остается фрагментарным и противоречивым. Действующее законодательство

не содержит легального определения холдинга, не устанавливает специальных требований к организации управления в холдинговых объединениях и не предусматривает адекватных механизмов ответственности материнских компаний по обязательствам дочерних обществ. Отсутствие системного правового регулирования порождает многочисленные проблемы, среди которых: злоупотребления со стороны контролирующих лиц, нарушения прав миноритарных участников, корпоративные конфликты, неопределенность правового статуса холдинга как единого субъекта правоотношений [1; 2].

Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем правового регулирования холдингов в Российской Федерации и разработка предложений по их решению, включая возможные направления совершенствования законодательства. Научная ценность работы обусловлена комплексным подходом к анализу проблем правового регулирования холдингов, сочетающим теоретико-правовой анализ с исследованием практических аспектов применения действующего законодательства и новейших тенденций в правотворческой деятельности. В статье систематизированы существующие пробелы законодательства, предложены конкретные пути их устранения, что может служить основой для дальнейших научных изысканий и законодательных инициатив. Использование актуальных примеров из судебной практики и анализ проектов нормативных правовых актов придают исследованию практическую значимость и актуальность.

Основная часть

Как верно отмечает Зайченко А. М., одной из фундаментальных проблем правового регулирования холдингов является отсутствие их легального определения. Гражданский кодекс Российской Федерации и федеральные законы «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью» оперируют понятиями «основное общество», «дочернее общество», «зависимое общество», однако эти категории не охватывают всего многообразия холдинговых структур. Холдинг представляет собой совокупность юридических лиц, связанных отношениями экономической зависимости и контроля, при которой материнская компания имеет возможность определять решения дочерних обществ. Долгое время существовал прямой запрет на создание «матрёшечных» структур, при которых одно общество с единственным участником выступало единственным участником другого общества. Этот запрет был введён в 1990-х годах для предотвращения ухода от ответственности. Однако Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 178-ФЗ в Гражданский кодекс внесены изменения, разрешающие создание подобных структур. Соответствующие поправки также вносятся в законы об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью [3].

Данное изменение демонстрирует эволюцию подхода законодателя к регулированию корпоративных структур, однако оно не решает проблему в целом. Холдинг продолжает оставаться фактическим, а не юридическим объединением, что порождает сложности в привлечении материнской компании к ответственности по долгам дочерних обществ, в налогообложении внутригрупповых операций, в защите прав миноритарных участников [4; 5]. Многоуровневая структура холдингов создает благоприятную почву для злоупотреблений со стороны контролирующих лиц. Миноритарные участники дочерних обществ часто не имеют доступа к информации о деятельности холдинга в целом, не могут оценить реальное финансовое положение и эффективность управления. Практика показывает многочисленные случаи вывода активов из дочерних обществ по заниженной стоимости, совершения сделок с заинтересованностью без надлежащего одобрения, размывания долей миноритариев через дополнительные эмиссии. Примером может служить корпоративный конфликт в автомобильном холдинге «Аксель», где мажоритарный участник предпринимал действия, направленные на вывод ключевых активов по заниженной стоимости в пользу аффилированных структур. Миноритарным участникам удалось отстоять свои права только после длительного судебного разбирательства с привлечением квалифицированных юристов. Этот случай показывает, что защита прав миноритариев в холдингах возможна, но требует значительных ресурсов и активной процессуальной позиции. Другой показательный пример – корпоративный конфликт в промышленном холдинге ПАО «Кокс». Судебные инстанции демонстрировали формальный подход к оценке корпоративных процедур, что позволило миноритарным участникам оспаривать решения, принятые в рамках холдинга. Эксперты опасаются, что подобная практика создает риски злоупотреблений уже со стороны миноритариев, которые могут использовать формальные нарушения для взыскания убытков с органов управления.

Проблема заключается в отсутствии четких критериев оценки добросовестности действий контролирующих лиц по отношению к миноритариям дочерних обществ. Кодекс корпоративного

управления, утвержденный Банком России в 2014 году, носит рекомендательный характер и не имеет обязательной силы. Необходимо законодательно закрепить принцип «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil) применительно к отношениям внутри холдинга, позволяющий привлекать материнскую компанию к ответственности по обязательствам дочерних обществ в случае недобросовестного поведения [6]. Принятие Федерального закона № 470-ФЗ об экономически значимых организациях стало важным шагом в регулировании холдинговых структур с иностранным участием. Закон предусматривает механизм приостановления корпоративных прав иностранной холдинговой компании и предоставления российским бенефициарам возможности получить прямое владение акциями или долями экономически значимой организации. Однако, как справедливо отмечают эксперты, закон принимался в спешке и потребовал последующих корректировок. Уже в декабре 2023 года были внесены изменения, уточняющие процедуру. Закон освобождает передачу акций от необходимости получения ряда разрешений, но не предоставляет исключений из специального порядка совершения сделок, установленного указами Президента. Это создает правовую неопределенность для участников оборота. Разрабатываемый законопроект о внешнем управлении организациями с иностранным участием предусматривает возможность временной передачи управления компанией уполномоченному государством лицу. Законопроект неоднократно корректировался, и в текущей редакции его действие распространяется на организации, соответствующие двум критериям: наличие контроля со стороны лиц, связанных с недружественными государствами (не менее 25 процентов), и значимость деятельности для экономической стабильности. Срок внешнего управления может составлять до 18 месяцев с возможностью продления [7].

Введение внешнего управления – это экстраординарная мера, которая должна применяться только в исключительных случаях. Законопроект предусматривает механизмы предотвращения введения внешнего управления: мажоритарные участники, владеющие 50 и более процентами, могут обратиться в суд с ходатайством об отказе во введении внешнего управления, приняв на себя обязательства по возобновлению или продолжению деятельности организации. Тем не менее, сам факт существования такой возможности создает риски для иностранных инвесторов, осуществляющих профессиональную деятельность на территории Российской Федерации. Эффективное управление холдингом предполагает четкое распределение компетенции между органами управления материнской и дочерних компаний. Однако российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих эту сферу. Возникают вопросы: может ли совет директоров материнской компании давать обязательные указания совету директоров дочернего общества? Как соотносятся полномочия единоличного исполнительного органа дочернего общества и материнской компании? [8; 9].

Судебная практика демонстрирует неоднозначный подход к этим вопросам. В одном из дел суды первой и апелляционной инстанций признали недействительным положение о премировании генерального директора дочернего общества только потому, что оно не было удостоверено материнской компанией, хотя генеральный директор материнской компании, утверждавший это положение, действовал без доверенности от имени материнского общества. Такой формализм создает правовую неопределенность и риски признания недействительными решений, принимаемых в рамках обычной управленческой деятельности холдинга. Кодекс корпоративного управления, рекомендованный к применению публичными акционерными обществами, содержит полезные положения о роли советов директоров, управлении рисками, раскрытии информации. Однако его рекомендательный характер не позволяет обеспечить единообразие правоприменительной практики. Кроме того, Кодекс ориентирован прежде всего на публичные акционерные общества, в то время как многие холдинги созданы в форме обществ с ограниченной ответственностью, где уровень корпоративной дисциплины зачастую ниже.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие пути решения выявленных проблем.

Прежде всего, назрела настоятельная необходимость принятия специального федерального закона «О холдингах», который определил бы правовое положение холдинговых объединений, порядок их создания и регистрации, особенности управления и ответственность участников, поскольку отсутствие комплексного законодательного акта не позволяет восполнить существующие пробелы. Важнейшим направлением совершенствования законодательства является закрепление принципа ответственности материнской компании по обязательствам дочерних обществ в случаях, когда она давала обязательные указания либо иным образом определяла их действия, заведомо зная, что это приведет к убыткам. Соответствующие изменения необходимо внести

в статью 67.3 Гражданского кодекса Российской Федерации. Целесообразно также установить особый порядок совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью в холдингах, предусматривающий их одобрение на уровне материнской компании с обязательным информированием миноритарных участников дочерних обществ, что повысит прозрачность внутригрупповых операций и снизит риски вывода активов [10].

Требуется усовершенствовать механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам дочерних обществ. В законодательство о банкротстве следует внести изменения, устанавливающие презумпцию контроля со стороны материнской компании, что облегчит доказывание оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. В отношении холдингов с иностранным участием необходимо разработать четкие критерии применения мер государственного воздействия, включая внешнее управление. Законопроект о внешнем управлении нуждается в доработке для исключения злоупотреблений и защиты прав добросовестных инвесторов, а механизм приостановления корпоративных прав иностранной холдинговой компании следует сделать более гибким и менее затратным [11; 12]. Наконец, представляется обоснованным придать обязательный характер положениям Кодекса корпоративного управления Банка России, касающимся раскрытия информации, деятельности советов директоров и защиты прав акционеров, для всех холдингов, включая непубличные. Это может быть достигнуто путем включения соответствующих требований в федеральные законы об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью.

Заключение

Таким образом, российское законодательство в части регулирования холдингов характеризуется фрагментарностью и наличием системных пробелов, что порождает правовую неопределенность, корпоративные конфликты и риски нарушения прав участников оборота. Решение выявленных проблем требует не точечных корректировок, а принятия комплексного федерального закона о холдингах, закрепляющего четкие механизмы ответственности материнских компаний, защиты прав миноритариев и критерии применения государственных мер в отношении структур с иностранным участием. Реализация предложенных изменений позволит создать сбалансированное правовое регулирование, отвечающее потребностям современной экономики и интересам всех участников корпоративных отношений.

Список литературы:

[1] Серов В.Н., Тараканов А.В. современные проблемы правового регулирования дистанционной продажи товаров и пути их решения // Право и государство: теория и практика. 2021. №10 (202). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-distantsionnoy-prodazhi-tovarov-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 04.06.2026).

[2] Шиткина И.С. Холдинги: правовой и управленческий аспекты. Законодательные и другие нормативные акты. Профессиональный комментарий кандидата юридических наук. М., 2020. - 284 с.

[3] Петров, В. А. Проблемы правового регулирования холдинговых структур в Российской Федерации / В. А. Петров. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2026. — № 20 (623). — С. 593-594.

[4] Зайченко А. М. Теоретические и практические проблемы участия холдингов в гражданском обороте // Уральский журнал правовых исследований. — 2024. — № 4. — С. 8–12.

[5] Рахмилович В. А. Перевод федерального государственного унитарного предприятия на холдинговую форму отношений с его дочерними предприятиями // Право и экономика. - 2022. - № 11. - С. 95-97.

[6] Боярищева К. В. Некоторые аспекты правового регулирования деятельности холдингов в отечественной и зарубежной практике // Актуальные исследования. 2023. №45 (175). Ч.I. С. 48-52.

[7] Недвежаева А.Г. Правовое регулирование деятельности холдингов // Вестник науки. – 2019. – Т. 2, № 12 (21). – С. 97-101.

[8] Кушхаканова, Б. В. Проблема недостатка правового регулирования холдинговых компаний / Б. В. Кушхаканова. — Текст : непосредственный // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). — Пермь : Меркурий, 2012. — С. 67-68.

[9] Лазарева О.А. Холдинг: особенности правового регулирования. Актуальные проблемы экономики и права. 2014;(1):195-199.

[10] Лазарева, О. А. Холдинговые объединения: запреты и ограничения в российском законодательстве / О. А. Лазарева // Российское предпринимательство. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 4-10.

[11] Деревянченко, Елена Валерьевна. Правовое регулирование деятельности холдингов в Российской Федерации : выпускная квалификационная работа (магистерская

диссертация) студентки 3 курса заочной формы обучения по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Корпоративный юрист» / Е. В. Деревянченко ; научный руководитель А. А. Чукреев ; автор рецензии М. В. Горетый ; Тюменский государственный университет, Институт государства и права, Кафедра гражданско-правовых дисциплин. – Тюмень, 2021.

[12] Зайченко А.М. проблемы правового регулирования деятельности холдингов в действующем законодательстве рф // Вопросы российской юстиции. 2024. №33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-holdingov-v-deystvuyuschem-zakonodatelstve-rf (дата обращения: 04.06.2026).

References:

[1] Serov V.N., Tarakanov A.V. modern problems of legal regulation of distance sales of goods and ways to solve them // Law and State: Theory and Practice. 2021. №10 (202). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-distantsionnoy-prodazhi-tovarov-i-puti-ih-resheniya (accessed: 04.06.2026).

[2] Shitkina I.S. Holdings: Legal and Managerial Aspects. Legislative and other normative acts. Professional commentary of the Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2020. - 284 p.

[3] Petrov V. A. Problems of legal regulation of holding structures in the Russian Federation / V. A. Petrov — Text : immediate // Young scientist. — 2026. — № 20 (623). — P. 593-594.

[4] Zaichenko A. M. Theoretical and practical problems of participation of holdings in civil circulation // Ural Journal of Legal Research. — 2024. — № 4. — P. 8–12.

[5] Rakhmilovich V. A. Transfer of the Federal State Unitary Enterprise to the Holding Form of Relations with Its Subsidiaries // Law and Economics. - 2022. - № 11. - P. 95-97.

[6] Boyarischeva K. V. Some aspects of legal regulation of holdings' activities in domestic and foreign practice // Current research. 2023. №45 (175). PART I, P. 48-52.

[7] Nedvezhaeva A.G. Legal Regulation of the Activities of Holdings // Bulletin of Science. – 2019. – T. 2, № 12 (21). – P. 97-101.

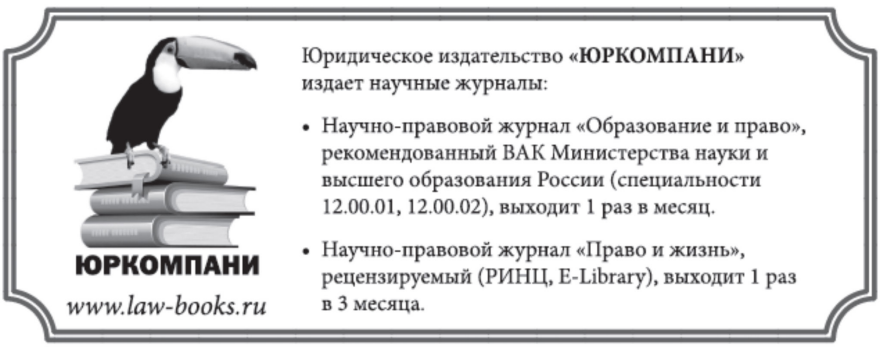
[8] Kushkhakanova B. V. Problem of Lack of Legal Regulation of Holding Companies / B. V. Kushkhakanova. — Text : immediate // Legal Sciences: Problems and Prospects : Materials of the I Mezhdunar. nauch. conf. (Perm, March 2012). — Perm : Mercury, 2012. — P. 67-68.

[9] Lazareva O.A. Holding: Features of Legal Regulation. Actual problems of economics and law. 2014; (1):195-199.

[10] Lazareva O. A. Holding Associations: Prohibitions and Restrictions in Russian Legislation / O. A. Lazareva // Russian Entrepreneurship. – 2014. – T. 15, № 3. – P. 4-10.

[11] Derevyanchenko, Elena Valerievna. Legal regulation of holdings in the Russian Federation: graduation qualification work (master's thesis) of 3rd year part-time students in the direction of training 40.04.01 Jurisprudence, master's program "Corporate lawyer" / E. V. Derevyanchenko; scientific supervisor A. A. Chukreev; the author of the review is M. V. Gorety; Tyumen State University, Institute of State and Law, Department of Civil Law Disciplines. – Tyumen, 2021.

[12] Zaichenko A.M. problems of legal regulation of holdings' activities in the current legislation of the russian federation // Issues of Russian justice. 2024. №33. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-holdingov-v-deystvuyuschem-zakonodatelstve-rf (accessed: 04.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-516-523

КОСАРЕВА Владислава Владимировна,

доцент кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург,

e-mail: mail@law-books.ru

АФАНАСЬЕВ Григорий Станиславович,

Аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург,

e-mail: mail@law-books.ru

ВИДЫ СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В настоящем исследовании проводится сравнительный анализ степени вовлечённости лиц в деятельность организации при их привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве на примере судебных актов за период с 2020 по 2026 годы. Необходимость исследования обусловлена частыми злоупотреблениями институтом банкротства юридического лица, при котором недобросовестными участниками используются способы сокрытия фактических бенефициаров его деятельности от третьих лиц. С целью выявления таких злоупотреблений, а также предложения путей их предотвращения автором анализируются устоявшиеся подходы к выявлению таких лиц посредством установления степени вовлеченности в финансово-хозяйственную деятельность организации, приведшую к её банкротству в судебных актах Верховного Суда Российской Федерации. По результатам проведенного исследования предлагается сформировать критерии степени вовлеченности, объединенные в единую классификацию.*

Ключевые слова: *субсидиарная ответственность, степень вовлеченности, вывод имущества, теневое управление, фактические бенефициары, банкротство юридического лица.*

KOSAREVA Vladislava Vladimirovna,

Associate Professor, Department of Civil Law and Process, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Candidate of Law, St. Petersburg

AFANASYEV Grigory Stanislavovich,

Graduate student of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg

TYPES OF INVOLVEMENT IN BRINGING CONTROLLING PERSONS TO SUBSIDIARY LIABILITY

Annotation. *This study provides a comparative analysis of the degree of involvement of individuals in the activities of an organization when they are held liable for subsidiary liability in a bankruptcy case, based on court decisions from 2020 to 2026. The need for research is due to the frequent abuse of the institution of legal entity bankruptcy, in which unscrupulous participants use methods to conceal the actual beneficiaries of their activities from third parties. In order to identify such abuses and suggest ways to prevent them, the author analyzes established approaches to identifying such individuals by establishing the degree of involvement in the financial and economic activities of the organization that led to its bankruptcy in the judicial acts of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the results of the study, it is proposed to form criteria for the degree of involvement, which are combined into a single classification.*

Key words: *subsidiary liability, degree of involvement, withdrawal of property, shadow management, actual beneficiaries, bankruptcy of a legal entity.*

В современных экономических условиях вопросы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц по обязательствам юридических лиц приобретают особую значимость, что обусловлено ростом числа «неэффективных» процедур банкротств юридических лиц и, как следствие, необходимостью защиты прав кредиторов.

Согласно статистическому бюллетеню Федресурса, составленному по итогам 2025 года, и опубликованному на ЕФРСБ, показатели «эффективности» процедур, под которой в настоящем исследовании понимается процент удовлетворенных требований кредиторов, непрерывно снижаются с 2015 года. За последние 3 года показатель удовлетворенных требований уменьшился с 55% до 50%, при этом длительность процедур банкротств юридических лиц увеличилась с 37 до 42 месяцев за аналогичный временной период.

Из приведённых статистических данных следует сделать два вывода, а) достижение целей процедур банкротства осуществляется в относительно стабильных статистических показателях и остается в пределах погрешности; б) длительность процедур банкротства существенно увеличилась относительно общей длительности процедуры банкротства, предусмотренной требованиям Закона о банкротстве (не более 6 месяцев).

Стагнация достигаемых результатов, коррелирующаяся с увеличением времени достижения результата, свидетельствует о наличии пробелов, затрудняющих осуществления всех мероприятий, предусмотренных Законом о банкротстве. Данный вывод автор считает необходимым обосновать с позиции правоприменения законодательства о банкротстве.

Схожую позицию о снижении эффективности процедур банкротства описывали ряд авторов: Б.С. Бруско, А.Ф. Маликов, Н.А. Амирханян, О.А. Калицкая.

Само по себе законодательство о банкротстве предполагает под собой особый гражданско-правовой механизм восстановления нарушенных прав. При этом, большая часть мер, применяемых для достижения целей процедур банкротства (соразмерного удовлетворения требований кредиторов) носит презумпционный характер, обусловленный системным, поэтапным и однотипным процессуальным поведением сторон как в рамках введённых процедур, так в предбанкротные периоды. Такой характер правоприменения направлен на ускорение разрешения вопросов, ранее получивших устоявшийся процедурный порядок, в том числе в виде судебной практики.

Один из таких механизмов, наиболее явно отражающий презумпционный характер правоприменения - выявление и привлечение к субсидиарный ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ) в делах о банкротстве юридических лиц. В настоящее время Закон о банкротстве содержит пять опровержимый презумпций позволяющих установить основания для привлечения КДЛ к субсидиарный ответственности. При этом, дополнительным к указанным презумпциям основаниям является общее основание привлечения к ответственности в виде причинения вреда юридическому лицу, повлёкшее за собой его несостоятельность.

Выявление и привлечение такого лица осуществляется в несколько этапов, сводящихся к закреплению за ним статуса КДЛ посредством установления действий / бездействия повлёкших неплатежеспособность юридического лица.

Несмотря на достаточно широкое раскрытие понятия КДЛ в статье 61.10 Закона о банкротстве, неоднозначным и требующим сбора значительного количества подтверждающих доказательств остаётся критерий «вовлечённость». Под вовлечённостью с позиции Закона о банкротстве и разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», понимается степень фактической возможности в участии потенциального КДЛ в финансово-хозяйственной деятельности юридического лица. Однако, сами признаки такого вовлечения их раскрытие, порядок их выявления и иное, что способствовало бы ускоренному и эффективному выявлению таких лиц, ни закон, ни разъяснения не содержат.

Исходя из чего следует сделать вывод об установлении степени вовлечённости только из обстоятельств, выявленных арбитражным управляющим, что несомненно является затруднённым и зачастую невозможным процессом, обусловленным распространённым как в российском, так и зарубежном праве способе ведения предпринимательской деятельности при наличии «корпоративной вуали», скрывающей реальных бенефициаров деятельности (фактических держателей активов) от третьих лиц, осуществляя её при помощи многоуровневой управленческой структуры.

Данное обстоятельство затрудняет установление фактических КДЛ, а, следовательно, уменьшает эффективность проводимых процедур банкротства в отношении юридических лиц, так как зачастую «видимые» КДЛ не обладают

ни собственной имущественной массой, ни намерением удовлетворить требования кредиторов, которым был причинен вред, в том числе в результате их опосредованных действий (действуя как инструмент фактического КДЛ).

Одним из решений, с целью повышения эффективности процедур банкротства посредством сокращения времени их проведения (при наличии инфляции, а также иных социально-экономических процессов затягивание удовлетворений требований кредиторов может привести к их личным банкротствам или иным негативным последствиям) и увеличения числа удовлетворённых требований за счёт выявления фактических КДЛ и выгодоприобретателей видится раскрытие признаков вовлеченности.

Способом же достижения поставленной автором цели может служить классификация и систематизация устоявшихся в судебной практике признаков степени вовлечённости, а также порядка и способов её выявления.

С целью выявления вышеуказанной классификации автором был проанализирован 51 судебный акт (а также принятые в рамках анализируемых дел судебные акты нижестоящих инстанций), принятых Верховным судом Российской Федерации в период с 2020 по 2026 годы, в которых в том или ином виде была установлена «вовлеченность».

Для удобства выявления и последующего описания критериев вовлеченности, используемых судами для установления оснований привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, предлагается следующее обобщение:

А) Не доказано наличие статуса КДЛ, а также вовлеченности в процесс управления должником со стороны привлекаемых лиц: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2023 № 304-ЭС21-26157; от 30.04.2020 № 302-ЭС18-6594; от 12.02.2024 № 308-ЭС20-8471; от 04.02.2025 № 301-ЭС23-26178; от 12.07.2024 № 305-ЭС24-10310; от 14.06.2022 № 305-ЭС18-145; от 11.04.2023 № 305-ЭС19-11467; от 05.12.2022 № 307-ЭС22-10117; от 09.06.2023 № 304-ЭС21-26157; от 05.07.2021 № 309-ЭС15-16061; от 15.02.2024 № 307-ЭС16-17292; от 05.02.2024 № 306-ЭС23-25248; от 05.12.2022 № 309-ЭС22-22869; от 16.06.2025 № 305-ЭС20-8755; от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439; от 25.07.2024 № 305-ЭС24-13466; от 17.11.2021 № 305-ЭС17-7124; от 09.10.2023 № 305-ЭС23-21201; от 19.04.2023 № 307-ЭС19-13180; от 17.05.2022 № 307-ЭС19-18723; от 17.02.2022 № 308-ЭС18-14;

Б) Вовлеченность выражена в участии в схеме по выводу активов должника (фактический выгодоприобретатель): Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2026 № 309-ЭС17-17874; от 25.01.2022 № 306-ЭС21-27130; от 15.03.2021 № 307-ЭС21-1086; от 25.07.2023 № 305-ЭС21-2457; от 28.02.2023 № 305-ЭС19-187; от 26.05.2023 № 302-ЭС23-7090; от 25.04.2023 № 304-ЭС21-29243; от 18.01.2023 № 307-ЭС22-26086;

В) Вовлеченность выражена в построении бизнес-модели «центр прибыли – центр убытков»: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760;

Г) Вовлеченность выражена в искажении бухгалтерской документации: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2023 № 302-ЭС23-7090; от 24.07.2023 № 308-ЭС19-19651; от 10.04.2023 № 306-ЭС19-18389

Д) Вовлеченность выражена в вовлечении должника в участии в заведомо убыточных сделках: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2020 № 302-ЭС19-26683; от 24.07.2023 № 308-ЭС19-19651; от 28.07.2023 № 305-ЭС22-8480; от 30.07.2021 № 305-ЭС18-15073; от 19.05.2025 № 305-ЭС21-8899; от 08.12.2023 № 305-ЭС20-9150; от 20.02.2024 № 305-ЭС19-9199; от 24.12.2020 № 305-ЭС19-20702; от 25.02.2021 № 305-ЭС17-18561; от 10.11.2020 № 305-ЭС19-9199; от 28.09.2023 № 305-ЭС18-5703; от 10.04.2023 № 306-ЭС19-18389; от 09.03.2022 № 309-ЭС16-18505;

Е) Вовлеченность выражена в принятии управленческих решений, повлёкших невозможность исполнения обязательств: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2023 № 307-ЭС20-1992; от 27.10.2021 № 305-ЭС21-17798; от 14.11.2023 № 305-ЭС22-188; от 20.01.2020 № 306-ЭС19-25024; от 25.07.2022 № 307-ЭС19-19757; от 18.02.2022 № 307-ЭС19-27263; от 29.10.2020 № 309-ЭС20-17216;

Ж) Вовлеченность выражена в бездействии, повлёкшем невозможность исполнения обязательств: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2020 № 305-ЭС17-7124; от 27.11.2023 № 305-ЭС18-6680;

З) Не определен критерий вовлеченности, дело направлено на новое рассмотрение: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2022 № 305-ЭС18-5672; от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723;

Таким образом, по результатам исследования судебных актов был выявлен ряд устоявшихся в судебной практике признаков вовлечённости в участии хозяйственной деятельности должника, позволяющих констатировать наличие за привлекаемым лицом

статуса КДЛ и возможность его привлечения к субсидиарной ответственности.

При этом, необходимо отметить, что в 20 из 51 случаев (39%) закрепление статуса КДЛ и установление степени вовлеченности являлось невозможным ввиду отсутствия прямых признаков участия в доведении организации до банкротства. Данный практический вывод подтверждает довод автора о затрудненности выявления критерия степени вовлеченности ввиду сокрытия реального органа управления (зачастую бенефициара деятельности общества) от третьих лиц. Дополнительной проблемой выявления также следует выделить отсутствие единообразного подхода к определению критериев вовлеченности контролирующих лиц в управление компанией и оценке степени их влияния на принятие ключевых решений, что может быть решено в том числе при помощи создания классификации таких критериев.

Обобщая выводы судов, послужившие основанием к привлечению КДЛ к субсидиарной ответственности ввиду наличия их вовлеченности в доведение организации до банкротства, автор считает необходимым представить следующую классификацию признаков вовлечённости в участии в хозяйственной деятельности должника (с указанием возможных средств доказывания) с целью её правоприменения в презумпционном порядке:

Финансовая вовлеченность: выражается в получении денежных средств в отсутствие встречного исполнения со стороны КДЛ, повлекшее за собой банкротство организации (может подтверждаться установлением денежных потоков / переводов в пользу КДЛ / аффилированных с ним лиц);

Управленческая вовлеченность: выражается в выдаче обязательных указаний для номинальных руководителей, повлекших за собой банкротство организации (может подтверждаться свидетельскими показаниями, скриншотами деловых переписок, указами / распоряжениями, наличием печати и основной документации должника, и т.д.);

Распорядительная вовлеченность: выражается в совершении от имени организации-банкрота сделок, повлекших за собой банкротство организации (может подтверждаться свидетельскими показаниями, наличием подписей на документах, сбережением имущества организации и т.д.);

Коммерческая вовлеченность: выражается в участии КДЛ в поиске контрагентов, посещении встреч, определении направления деятельности компании во внешней структуре (может подтверждаться свидетельскими показаниями, скриншотами деловых переписок, протоколами встреч и т.д.);

Родственная вовлеченность: выражается в любом участии КДЛ в деятельности организации при наличии родственной / свойственной связи с её исполнительным / участниками (может подтверждаться сведениями из соответствующих регистрирующих органов, свидетельскими показаниями и т.д.);

Предложенная классификация и стандарт доказывания могут быть использованы в судебной практике в виде опровержимых презумпций, способствующих уменьшению злоупотреблений в виде вовлечения третьих лиц в неправомерные действия, приводящие к несостоятельности организаций.

Более того, приведенная классификация способствует формированию единого подхода к определению контролирующих должника лиц, что исключит как неправомерное привлечение к ответственности невиновных лиц, так и увеличит эффективность выявления фактических бенефициаров деятельности организаций.

Настоящее исследование является первой работой, основанной на множестве судебных актов, вынесенных в период особой экономической ситуации в стране, предлагающей совершенствование способов восстановления прав добросовестных лиц, пострадавших в результате ведения предпринимательской деятельности. Предложенная классификация может быть положена в основу последующих работ, направленных на внедрение выработанных положений в правоприменительную практику с целью совершенствования института банкротства в целом, и института субсидиарной ответственности в частности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. 29 дек.

[3] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.01.2020 № 306-ЭС19-25024.

[4] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2020 № 302-ЭС19-26683.

[5] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.04.2020 № 302-

ЭС18-6594(8).

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2020 № 307-ЭС19-18723(2,3).

[7] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2020 № 305-ЭС17-7124(3-5).

[8] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760.

[9] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2020 № 309-ЭС20-17216.

[10] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2020 № 305-ЭС19-9199(3,4,5).

[11] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 305-ЭС19-20702(2-5).

[12] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2021 № 307-ЭС21-1086.

[13] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.07.2021 № 309-ЭС15-16061(4,5).

[14] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2021 № 305-ЭС18-15073(7).

[15] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2021 № 305-ЭС21-17798(1-3).

[16] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 № 305-ЭС19-14439(3-8).

[17] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2021 № 305-ЭС17-7124(6).

[18] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2022 № 306-ЭС21-27130.

[19] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.02.2022 № 308-ЭС18-14(12,13,14,15).

[20] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2022 № 307-ЭС19-27263(4).

[21] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2022 № 309-ЭС16-18505(13,14).

[22] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2022 № 307-ЭС19-18723(2).

[23] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2022 № 305-ЭС18-145(13).

[24] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2022 № 305-ЭС18-5672(16).

[25] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2022 № 307-ЭС19-19757(17,18).

[26] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2022 № 307-ЭС22-10117(2).

[27] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2022 № 309-ЭС22-22869.

[28] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2023 № 307-ЭС22-26086(1,2).

[29] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2023 № 306-ЭС19-18389(6-11).

[30] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 305-ЭС19-11467(8).

[31] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 № 307-ЭС19-13180(6).

[32] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.04.2023 № 304-ЭС21-29243(4,5).

[33] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2023 № 302-ЭС23-7090.

[34] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.06.2023 № 304-ЭС21-26157(2,5).

[35] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2023 № 308-ЭС19-19651(35-37).

[36] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2023 № 305-ЭС21-2457(5).

[37] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2023 № 305-ЭС22-8480(3,4).

[38] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2023 № 307-ЭС20-1992(2,3).

[39] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № 305-ЭС18-5703(47-57).

[40] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.10.2023 № 305-ЭС23-21201.

[41] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 № 305-ЭС22-188(17,18).

[42] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2023 № 305-ЭС18-6680(28-30).

[43] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.12.2023 № 305-

ЭС20-9150(19).

[44] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.02.2024 № 306-ЭС23-25248(2).

[45] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.02.2024 № 308-ЭС20-8471(49).

[46] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2024 № 307-ЭС16-17292(5).

[47] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2024 № 305-ЭС19-9199(9).

[48] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2024 № 305-ЭС24-10310.

[49] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2024 № 305-ЭС24-13466.

[50] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.02.2025 № 301-ЭС23-26178(3).

[51] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.05.2025 № 305-ЭС21-8899(12-14).

[52] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2025 № 305-ЭС20-8755(6).

[53] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2026 № 309-ЭС17-17874(17).

[54] Амирханян Н.А., Роль судебной системы в процедуре банкротства: анализ эффективности и результативности в России и за рубежом, Арбитражный и гражданский процесс № 04/2026.

[55] Бруско, Б. С. Как сделать банкротное право эффективным: ретроспективный анализ и взгляд в будущее / Б. С. Бруско // URL: https://pravo.ru/opinion/256585/ Право.ru. – 2024.

[56] Калицкая О.А., процедуры банкротства юридических лиц: проблемы правового регулирования // Universum: экономика и юриспруденция. 2026. №1 (135). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsedury-bankrotstva-yuridicheskih-lits-problemy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 24.05.2026).

[57] Маликов А.Ф. Банкротство: применение реабилитационных процедур в России // Финансы: теория и практика. 2015. №5 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-primenenie-reabilitatsionnyh-protsedur-v-rossii (дата обращения: 24.05.2026).

References:

[1] Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated 26.10.2002 No. 127-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to justice in bankruptcy” dated 21.12.2017 No. 53// Rossiyskaya Gazeta. 2017. Dec. 29

[3] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.01.2020 No. 306-ES19-25024.

[4] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.02.2020 No. 302-ES19-26683.

[5] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.04.2020 No. 302-ЭС18-6594 (8).

[6] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.06.2020 No. 307-ES19-18723 (2,3).

[7] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.06.2020 No. 305-ЭС17-7124 (3-5).

[8] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.09.2020 No. 310-ES20-6760.

[9] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.10.2020 No. 309-ES20-17216.

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.11.2020 No. 305-ES19-9199 (3,4,5).

[11] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.12.2020 No. 305-ES19-20702 (2-5).

[12] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.03.2021 No. 307-ES21-1086.

[13] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.07.2021 No. 309-ЭС15-16061 (4,5).

[14] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.07.2021 No. 305-ЭС18-15073 (7).

[15] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.10.2021 No. 305-ЭС21-17798 (1-3).

[16] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.11.2021 No. 305-ES19-14439 (3-8).

[17] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.11.2021 No. 305-ЭС17-7124 (6).

[18] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.01.2022 No. 306-ЭС21-27130.

[19] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.02.2022 No. 308-ES18-

14 (12,13,14,15).

[20] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.02.2022 No. 307-ЭС19-27263 (4).

[21] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.03.2022 No. 309-ЭС16-18505 (13,14).

[22] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.05.2022 No. 307-ES19-18723 (2).

[23] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.06.2022 No. 305-ES18-145 (13).

[24] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.07.2022 No. 305-ЭС18-5672 (16).

[25] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.07.2022 No. 307-ES19-19757 (17,18).

[26] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.12.2022 No. 307-ЭС22-10117 (2).

[27] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.12.2022 No. 309-ЭС22-22869.

[28] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.01.2023 No. 307-ЭС22-26086 (1,2).

[29] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.04.2023 No. 306-ES19-18389 (6-11).

[30] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.04.2023 No. 305-ES19-11467 (8).

[31] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.04.2023 No. 307-ЭС19-13180 (6).

[32] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.04.2023 No. 304-ЭС21-29243 (4,5).

[33] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.05.2023 No. 302-ЭС23-7090.

[34] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.06.2023 No. 304-ЭС21-26157 (2,5).

[35] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.07.2023 No. 308-ES19-19651 (35-37).

[36] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.07.2023 No. 305-ES21-2457 (5).

[37] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.07.2023 No. 305-ЭС22-8480 (3,4).

[38] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.08.2023 No. 307-ES20-1992 (2,3).

[39] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.09.2023 No. 305-ЭС18-5703 (47-57).

[40] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.10.2023 No. 305-ЭС23-21201.

[41] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.11.2023 No. 305-ES22-188 (17,18).

[42] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.11.2023 No. 305-ЭС18-6680 (28-30).

[43] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.12.2023 No. 305-ES20-9150 (19).

[44] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.02.2024 No. 306-ЭС23-25248 (2).

[45] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.02.2024 No. 308-ES20-8471 (49).

[46] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.02.2024 No. 307-ЭС16-17292 (5).

[47] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.02.2024 No. 305-ES19-9199 (9).

[48] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.07.2024 No. 305-EC24-10310.

[49] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.07.2024 No. 305-EC24-13466.

[50] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.02.2025 No. 301-ЭС23-26178 (3).

[51] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.05.2025 No. 305-ES21-8899 (12-14).

[52] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.06.2025 No. 305-ES20-8755 (6).

[53] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.04.2026 No. 309-ЭС17-17874 (17).

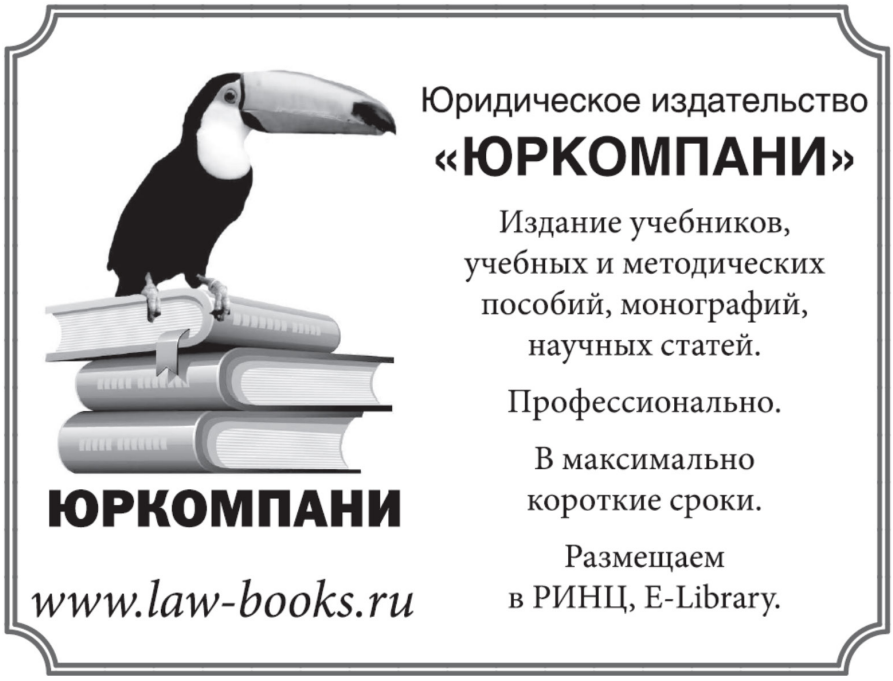
[54] N.A. Amirkhanyan, Role of the Judicial System in Bankruptcy Proceedings: Analysis of Efficiency and Effectiveness in Russia and Abroad, Arbitration and Civil Proceedings No. 04/2026.

[55] Brusco, B. S. How to make bankruptcy law effective: retrospective analysis and a look into the future/B. S. Brusco//URL: https://pravo.ru/opinion/256585/ Право.ru. – 2024.

[56] O.A. Kalitskaya, bankruptcy procedures of legal entities: problems of legal regulation// Universum: economics and jurisprudence. 2026.

№1 (135). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsedury-bankrotstva-yuridicheskih-lits-problemy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 24.05.2026).

[57] Malikov A.F. Bankruptcy: the use of rehabilitation procedures in Russia//Finance: theory and practice. 2015. №5 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bankrotstvo-primenenie-reabilitatsionnyh-protsedur-v-rossii (дата обращения: 24.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-524-528

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,

Преподаватель кафедры публичного права Государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: shkunova.ksenia@mail.ru

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и правовые аспекты биометрических данных как особого объекта правовой защиты в условиях цифровизации государственного управления и повседневных коммуникаций. Показано, что биометрические персональные данные обладают повышенной чувствительностью, поскольку связаны с неотделимыми биологическими и физиологическими характеристиками личности, а их использование позволяет не только подтверждать личность, но и существенно расширять возможности наблюдения, профилирования и межведомственного обмена сведениями.*

Особое внимание уделяется соотношению биометрических данных с конституционным правом на неприкосновенность частной жизни, режимом персональных данных, правилами идентификации и аутентификации, а также механизмами функционирования Единой биометрической системы. Анализируются законодательно закреплённые требования к согласию субъекта данных, целевому ограничению обработки, обеспечению информационной безопасности и контролю за доступом к биометрической информации.

На основе анализа действующего законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики выявляются ключевые правовые риски: расширение целей обработки, вторичное использование данных, ошибки распознавания, утечка информации и снижение фактической возможности лица распоряжаться сведениями о себе. Делается вывод о том, что биометрические данные должны рассматриваться как объект специальной правовой охраны, для которого необходимы повышенные гарантии законности, пропорциональности и прозрачности.

Ключевые слова: *биометрические данные, биометрические персональные данные, правовая защита, неприкосновенность частной жизни, персональные данные, цифровизация, Единая биометрическая система.*

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeevna,

Lecturer, Department of Public Law State University of Aerospace Instrumentation

BIOMETRIC DATA AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

Annotation. *The article examines the theoretical and legal aspects of biometric data as a special object of legal protection in the context of digitalization of public administration and everyday communication. It is shown that biometric personal data are highly sensitive because they are linked to inseparable biological and physiological characteristics of an individual, and their use makes it possible not only to verify identity but also to expand opportunities for surveillance, profiling, and interagency data exchange.*

Particular attention is paid to the relationship between biometric data and the constitutional right to privacy, the personal data regime, identification and authentication rules, and the functioning of the Unified Biometric System. The paper analyzes the legally established requirements for data subject consent, purpose limitation, information security, and access control over biometric information.

Based on current legislation, doctrinal sources, and law enforcement practice, the study identifies key legal risks: expansion of processing purposes, secondary data use, recognition errors, data leakage, and a reduction in the person's actual ability to control information about oneself. It is concluded that biometric data should be treated as an object of special legal protection requiring enhanced guarantees of legality, proportionality, and transparency.

Key words: *biometric data, biometric personal data, legal protection, privacy, personal data, digitalization, Unified Biometric System*.

В современном цифровом обществе биометрические технологии перестали быть узкоспециализированным инструментом криминалистики и постепенно превратились в повседневный механизм подтверждения личности при получении государственных и муниципальных услуг, доступе к финансовым операциям, пересечении границы и взаимодействии с цифровыми сервисами. Именно поэтому биометрические данные приобретают самостоятельное правовое значение, поскольку затрагивают не только удобство идентификации, но и границы допустимого вмешательства в частную жизнь человека [2].

В отличие от обычных идентификаторов, биометрические характеристики тесно связаны с телесной и психофизиологической уникальностью личности. Отпечатки пальцев, изображение лица, голос, рисунок вен и иные подобные признаки не могут быть произвольно заменены человеком, а их компрометация способна повлечь долгосрочные последствия, которые трудно устранить традиционными средствами защиты, применяемыми к паролям или номерным идентификаторам. Именно эта особенность объясняет необходимость специального правового режима и повышенных гарантий безопасности [3].

Российское законодательство закрепляет общий режим защиты персональных данных, однако биометрическая информация выделяется в самостоятельную категорию повышенной чувствительности. Конституция Российской Федерации гарантирует неприкосновенность частной жизни, а федеральные законы об информации, персональных данных, государственных услугах и идентификации с использованием биометрии формируют правовую основу для допуска, хранения и использования таких сведений [5]. При этом баланс между публичными интересами государства и автономией личности остаётся сложным и требует постоянной корректировки.

Актуальность исследования определяется тем, что расширение биометрической инфраструктуры порождает одновременно и административные преимущества, и новые правовые риски. С одной стороны, сокращаются бюрократические процедуры и повышается доступность услуг. С другой стороны, растут угрозы утраты контроля над данными, технических ошибок распознавания, несанкционированного доступа и последующего использования сведений в целях, не согласованных с исходной задачей их сбора [8].

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аналитический методы, позволившие рассмотреть биометрические данные как правовой феномен на пересечении конституционного, информационного и административного регулирования.

Исходная гипотеза состоит в том, что биометрические данные представляют собой не просто одну из разновидностей персональной информации, а особый объект правовой защиты, поскольку их использование неизбежно связано с вмешательством в частную сферу личности и потенциально влияет на реализацию целого комплекса конституционных прав [5].

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 149-ФЗ, Федеральный закон № 152-ФЗ, Федеральный закон № 210-ФЗ и Федеральный закон № 572-ФЗ, а также положения, регулирующие построение и использование Единой биометрической системы [1-5].

Доктринальная база включает публикации, посвящённые правовой природе биометрических персональных данных, особенностям их оборота и вопросам соотношения биометрии с правами человека и цифровой безопасностью [6].

Междисциплинарный подход позволил сопоставить нормативные конструкции с реальной архитектурой цифровых сервисов, где одна и та же информация одновременно используется для идентификации, аутентификации, предоставления услуг, формирования доступа и построения рисковых профилей.

Рассмотрение указанных категорий осуществлялось с учётом принципов уважения человеческого достоинства, минимизации собираемых сведений, законности обработки, соразмерности вмешательства и технической защищённости данных.

Биометрические данные в правовом смысле следует понимать как сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, которые используются или могут использоваться для установления его личности. Такое определение отражает не только техническое назначение данных, но и их особый правовой статус, поскольку они непосредственно связаны с телом и идентичностью носителя [3].

Эта особенность отличает биометрию от обычных персональных данных. Если фамилию, номер телефона или даже логин можно изменить,

то лицо, голос или отпечаток пальца принадлежат человеку не временно, а в течение всей жизни. Поэтому утрата контроля над биометрическими данными не устраняется их “сменой”, а создает для субъекта длительный и во многом необратимый риск.

Конституционно-правовая основа защиты биометрических данных вытекает из положений о достоинстве личности, неприкосновенности частной жизни, тайне переписки и недопустимости произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь [1]. Следовательно, обработка биометрии допустима лишь в той мере, в какой она основана на законе, служит легитимной цели и не выходит за пределы необходимого вмешательства.

Законодательный режим биометрических персональных данных в России строится на сочетании общего и специального регулирования. Федеральный закон № 152-ФЗ закрепляет общий принцип защиты персональных данных и устанавливает особые условия обработки биометрических сведений, а Федеральный закон № 572-ФЗ выстраивает специальную модель идентификации и аутентификации с использованием биометрии, в том числе в связи с функционированием Единой биометрической системы [5].

В доктрине справедливо указывается, что биометрические данные обладают повышенной уязвимостью и должны собираться и использоваться только при наличии ясной правовой цели, достаточного уровня безопасности и прозрачного механизма контроля со стороны субъекта данных. В юридической литературе подчёркивается необходимость отличать саму технологию биометрической идентификации от правового режима обращения с данными, на которых она основана [6].

Отдельное значение имеет согласие субъекта данных. В общей модели персональных данных согласие выступает важнейшим основанием обработки, однако в сфере биометрии само наличие согласия не снимает с оператора обязанности соблюдать принципы необходимости, пропорциональности и ограниченности целей. Нельзя превращать согласие в формальный документ, лишённый реального волеизъявления, особенно когда лицо фактически не имеет альтернативы в получении жизненно значимой услуги [8].

Существенным правовым риском является расширение целей обработки. Данные, собранные для идентификации при доступе к банковской услуге или государственному сервису, не должны автоматически использоваться для иных задач, если такие задачи не были заранее и ясно определены законом или соглашением. Иначе биометрическая информация превращается в инструмент скрытого профилирования, что противоречит самой идее охраны частной жизни [10].

Не менее опасны ошибки распознавания. Ложноположительные и ложноотрицательные результаты могут повлечь отказ в обслуживании, задержку выплаты, ограничение доступа или ошибочное связывание лица с действиями другого человека. В таких ситуациях биометрическая система становится не просто техническим средством, а фактором, влияющим на реализацию субъективного права, и потому требует наличия процедуры проверки, исправления и обжалования результата [11].

Особую остроту проблема приобретает при централизованном хранении и межведомственном обмене сведениями. Чем больше точек доступа к биометрическим массивам, тем выше вероятность утечки и несанкционированного копирования. В отличие от привычных идентификаторов, биометрический шаблон практически невозможно заменить без потери функции, поэтому даже единичный инцидент безопасности может иметь долгосрочные последствия для частной жизни человека.

С учётом этого биометрические данные следует рассматривать не только как объект оборота, но и как объект усиленной охраны. Такая охрана включает организационные меры, криптографическую защиту, ограничение круга лиц, имеющих доступ к информации, обязательное журналирование операций, разделение массивов данных и периодическую оценку рисков. Юридические механизмы должны дополняться техническими, иначе формальная норма не обеспечит реальной защищённости [5].

Показательно, что в научных работах подчеркивается двойственная природа биометрической идентификации: с одной стороны, она повышает качество публичного управления и удобство пользователей, с другой - создаёт предпосылки для чрезмерного наблюдения и деформации баланса между государством и личностью [7]. Именно поэтому при внедрении биометрии необходимо сохранять альтернативные способы идентификации, особенно если речь идёт о социальных, финансовых и иных значимых услугах.

Правовой статус биометрических данных можно охарактеризовать как статус особого охраняемого объекта, имеющего информационную природу, но тесно связанного с телесной и личностной сферой человека. Они не являются объектом собственности в традиционном смысле и не могут быть отчуждены от лица как обычная

вещь. Вместе с тем они выступают объектом правомочий субъекта на контроль, доступ, уточнение, ограничение обработки и защиту от неправомерного использования [6, 11].

В этой связи биометрия требует не только запрета на незаконный сбор, но и позитивных гарантий: права знать, какие именно сведения собираются, права понимать цель обработки, права получать информацию о передаче данных третьим лицам, права оспаривать ошибочные сведения, права требовать прекращения обработки в случаях, предусмотренных законом. Без этих гарантий правовая защита остаётся декларативной.

Итог обсуждения состоит в том, что биометрические данные нельзя сводить к техническому ресурсу цифровой инфраструктуры. Это данные о самом человеке, а значит - объект конституционно значимой охраны, где любая правовая конструкция должна исходить из приоритета человеческого достоинства, частной жизни и автономии личности.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что биометрические данные являются особым объектом правовой защиты, поскольку они непосредственно связаны с телесной и личностной идентичностью человека и используются для установления его личности в цифровой среде.

Правовой режим биометрии должен строиться на сочетании законности, целевого ограничения, минимизации данных, прозрачности обработки и реальной возможности субъекта контролировать сведения о себе. Формальное согласие не может подменять собой полноценную правовую защиту, если лицо лишено альтернативы или не понимает последствий передачи биометрических данных.

Для дальнейшего совершенствования законодательства представляется необходимым более чётко разграничить случаи обязательной и добровольной биометрической идентификации, усилить гарантии против вторичного использования данных, обеспечить независимую проверку ошибок распознавания и установить действенные механизмы ответственности операторов за нарушения режима биометрической информации.

Таким образом, биометрические данные должны восприниматься не как нейтральный цифровой ресурс, а как чувствительный объект правовой охраны, для которого допустимы только такие способы обработки, которые одновременно служат общественным интересам и сохраняют реальное уважение к частной жизни личности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237; Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

[4] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

[5] Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1. Ст. 19.

[6] Платонова Н.И., Соловьева-Опошнянская А.Ю. Биометрические персональные данные: возможности и проблемы // Юрист. 2019. № 6. С. 63-67.

[7] Степенко В.Е., Богдановская А.Д. Биометрические персональные данные // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4-10 (73). С. 15-19.

[8] Макарова Д.В., Докучаев В.А. Основные методы сбора и защиты биометрических персональных данных // REDS: Телекоммуникационные устройства и системы. 2019. Т. 9. № 1. С. 7-12.

[9] Колосов А.В. Правовое регулирование оборота биометрических данных граждан в Европейском союзе // Сибирский юридический вестник. 2021. № 3 (94). С. 89-96. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.3.89.

[10] Афанасьев С.Д., Терещенко И.А., Яцкевич Д.А. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. 2022. № 3. С. 33-46.

[11] Данелян Р.Н., Яковлев-Чернышев В.А. Особенности правового регулирования биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 3. С. 26-33. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-3.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. № 237; Russian newspaper. 2020. July 4th. № 144.

[2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3448.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ “On Personal Data “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3451.

[4] Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ “On the Organization of the Provision of State and Municipal Services “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4179.

[5] Federal Law of 29.12.2022 No. 572-FZ “On the Identification and (or) Authentication of Individuals Using Biometric Personal Data, on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 1. Art. 19.

[6] Platonova N.I., Solovyova-Oposhnyanskaya A.Yu. Biometric personal data: opportunities and problems//Lawyer. 2019. № 6. S. 63-67.

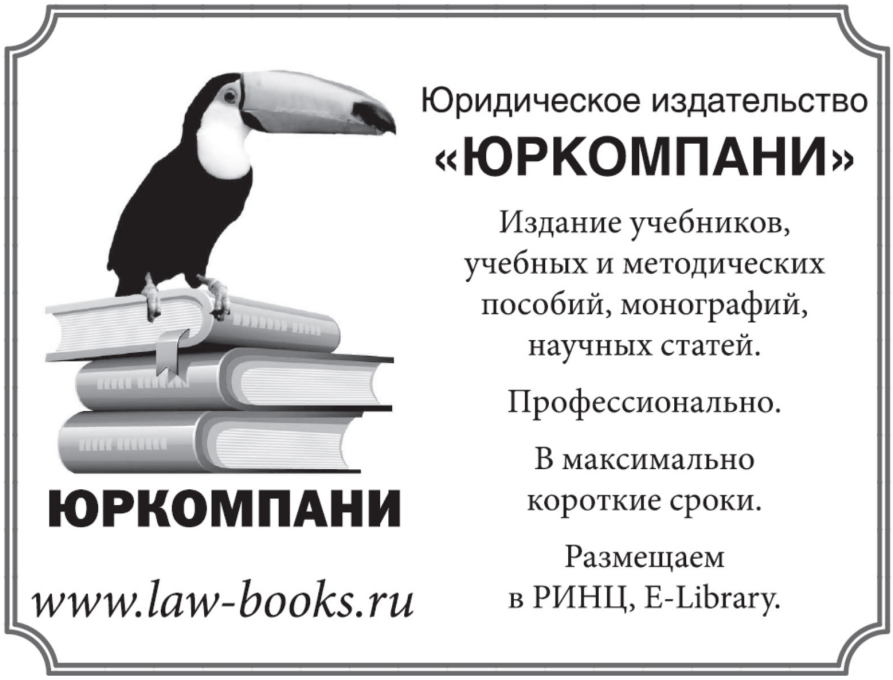
[7] Stepenko V.E., Bogdanovskaya A.D. Biometric personal data//Eurasian Union of Scientists. 2020. № 4-10 (73). S. 15-19.

[8] Makarova D.V., Dokuchaev V.A. Basic methods for collecting and protecting biometric personal data//REDS: Telecommunication devices and systems. 2019. VOL. 9. № 1. S. 7-12.

[9] Kolosov A.V. Legal regulation of the circulation of biometric data of citizens in the European Union//Siberian Legal Bulletin. 2021. № 3 (94). S. 89-96. DOI: 10.26516/2071-8136.2021.3.89.

[10] Afanasyev S.D., Tereshchenko I.A., Yatskevich D.A. Biometric identification and human rights: demarcation line//Law. 2022. № 3. S. 33-46.

[11] Danelyan R.N., Yakovlev-Chernyshev V.A. Features of the legal regulation of biometric personal data in the Russian Federation//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3. S. 26-33. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-3.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-529-533

КОРСАКОВА Алена Алексеевна,

Студент, Московский государственный университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: algltsn@yandex.ru

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Аннотация. *В статье рассматривается проблема наследственного правопреемства в обязательствах из причинения вреда. Автор анализирует существующие в доктрине классификации деликтных обязательств и обосновывает, что традиционное разграничение по объекту посягательства (имущественный или моральный вред) не имеет решающего значения для наследования. Ключевым критерием оборотоспособности предлагается считать денежный характер обязанности: любое обязательство, которое может быть исполнено путём уплаты денег, утрачивает неразрывную связь с личностью должника и способно переходить к правопреемникам. На основе анализа эволюции правовых подходов в статье показан постепенный переход от модели «личного долженствования» к модели «имущественного обременения, следующего за наследственной массой». Особое внимание уделяется так называемым «пограничным» ситуациям, когда факт причинения вреда очевиден, однако к моменту смерти причинителя отсутствует судебная конкретизация размера компенсации. Автор доказывает, что сохранение различного режима правопреемства в зависимости от наличия или отсутствия судебного акта лишено логического основания и создаёт избирательную защиту прав потерпевших.*

Ключевые слова: *наследственное правопреемство, деликтные обязательства, моральный вред, личные обязанности, деперсонифицированные обязанности, добросовестность наследника, статья 1112 ГК РФ, статья 1175 ГК РФ.*

KORSAKOVA Alena Alekseevna,

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

HEREDITARY SUCCESSION IN OBLIGATIONS ARISING FROM TORT

Annotation. T*he article examines the problem of hereditary succession in obligations arising from tort. The author analyses existing doctrinal classifications of tort obligations and argues that the traditional distinction based on the object of the infringement (pecuniary or moral harm) is not decisive for inheritance purposes. The key criterion of transferability is proposed to be the monetary nature of the obligation: any obligation that can be performed by payment of money loses its inextricable link with the debtor's person and is capable of passing to successors. Based on an analysis of the evolution of legal approaches, the article demonstrates a gradual transition from a model of "personal obligation" to a model of "property encumbrance following the hereditary estate". Particular attention is paid to so-called "borderline" situations where the fact of harm is obvious, yet by the time of the tortfeasor's death there is no judicial specification of the amount of compensation. The author argues that maintaining different regimes of succession depending on the presence or absence of a judicial act is devoid of logical foundation and creates selective protection of victims' rights.*

Key words: *hereditary succession, tort obligations, moral harm, personal obligations, depersonalised obligations, good faith of the heir, Article 1112 of the Russian Civil Code, Article 1175 of the Russian Civil Code.*

Наследственное правопреемство в обязательствах из причинения вреда относится к числу проблем, в которых универсальность наследственного перехода вступает в противоречие с личной природой деликтной обязанности, причём это противоречие не является мнимым: оно заключается в двойственности самого деликтного обязательства, соединяющего личный вред причинителю и имущественное последствие его деяния. Статья

1112 ГК РФ, исключающая из состава наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, не содержит исчерпывающего перечня таких обязанностей. Н.Ф. Щербаченко замечает, что «законодатель умалчивает, что это за обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается Гражданским кодексом РФ и другими законами», и фиксирует «правовую неопределённость в данном вопросе» [1, с. 264]. Эта неопределённость, сохраняющаяся на протяжении десятилетий, порождает системную избирательную защиту прав потерпевших, при которой правопреемство то признаётся, то отвергается в зависимости от вида деликта, процессуальной стадии и субъектного состава спора.

В мае 2025 года Конституционный Суд РФ в Постановлении № 24-П поставил точку в затянувшемся споре: обязанность компенсировать моральный вред возникает из самого факта его причинения, а не из судебного акта, и, следовательно, переходит к наследникам как обычный денежный долг. Это решение – прямое подтверждение теоретической модели, обоснованной в настоящей статье, – знаменует смену парадигмы: от «личного обязательства» к «имущественному обременению, следующему за наследственной массой». Иной подход, при котором правовая защита потерпевшего ставилась в зависимость от быстроты работы судебной системы, Конституционный Суд признал не отвечающим требованиям справедливости [8].

Отправным пунктом анализа должна стать классификация деликтных обязанностей. А.В. Даниленков предлагает деление на личностные и деперсонифицированные применительно к корреспондирующей парадигме деликтов, которые, в свою очередь, «подразделяются на материальные и моральные по своим наследственно-правовым последствиям» [2]. Полагаем, что признак, по которому обязанность перестаёт быть личностной и приобретает свойство оборотоспособности, лежит не в плоскости объекта посягательства, а в характере самой обязанности: личностной является обязанность, исполнение которой требует уникальных действий именно данного должника; деперсонифицированной – обязанность, которая может быть исполнена любым третьим лицом без изменения существа правоотношения.

Имущественный вред практически всегда воплощается в денежном эквиваленте, поэтому обязанность его возместить по общему правилу оборотоспособна. Однако и обязанность компенсировать моральный вред, будучи денежной по своей природе, также может быть отчуждена от личности должника – иное означало бы неоправданную привилегию причинителя, освобождающегося от ответственности самим фактом смерти. Этот тезис находит подтверждение и в позиции Д.А. Матанцева, который, анализируя динамику деликтного обязательства, пишет, что «динамика субъектного состава деликтного обязательства связана с определёнными ограничениями ввиду его строго личного характера», однако с позиции кредитора обязательство остаётся прежним, будучи реализуемым действиями иного лица [3, с. 2].

Структура любого обязательства, по сути, расщепляется на два слоя – «долженствование» (личная связанность должника) и «имущественное содержание» (подлежащее передаче благо) [4]. В деликтах из причинения вреда смерть должника не уничтожает само обязательство – она уничтожает только способность должника к личному исполнению. Но если обязательство уже редуцировано к денежной сумме, то личность должника становится избыточной: любой правопреемник может совершить то же действие – передать деньги. Это положение можно назвать принципом абсолютной оборотоспособности денежного эквивалента: как только обязательство обретает денежную форму, оно отрывается от личности должника и начинает подчиняться законам имущественного оборота.

Сам факт денежного выражения обязанности (неважно – материальный это вред или моральный) осуществляет «транссубстанциализацию» обязательства – переход его из сферы личного долженствования в сферу имущественного бремени. Поэтому законодательное исключение для морального вреда, не получившего судебной конкретизации, является неточным: оно пытается удержать в личной сфере то, что по своей экономической сути уже является деньгами. Смерть причинителя в таком случае не погашает обязательство, а лишь заменяет должника – с сохранением того же содержания. Это явление можно обозначить как расщеплённую идентичность должника в деликтном обязательстве: при жизни лицо отвечает и лично, и имуществом; после смерти остаётся только имущественная составляющая, которая беспрепятственно переходит к наследникам. Именно поэтому универсальное правопреемство, закреплённое в статье 1110 ГК РФ, должно действовать в деликтных обязательствах с единственным ограничением – невозможность исполнить обязанность лично (например, принести извинения, совершить действие, не имеющее денежного эквивалента).

Немаловажное значение для исследуемой проблемы имеет разграничение вещно-правовых и обязательственно-правовых механизмов защиты,

поскольку в наследственных спорах нередко происходит их смешение. А.С. Старовойтова, исследуя иск о признании права, подчёркивает, что «следует отличать частные способы признания права собственности, рассматриваемые в доктрине как признание права, от признания права как способа защиты вещных прав» [4, с. 123]. В наследственных деликтных спорах это разграничение приобретает особую остроту: наследник потерпевшего, заявляя иск о признании права на имущество, может пытаться обойти механизм ответственности по деликтным долгам, а наследник причинителя – использовать вещный иск для освобождения имущества от взыскания. В.П. Нехорошева, критикуя расширительное толкование негаторного иска, справедливо указывает, что «нельзя относиться к нему в качестве требования, противоположному виндикации», и что «существуют и другие, самостоятельные способы защиты вещных прав» [5, с. 4]. Отсюда следует важный для наследственно-деликтных споров вывод: суд при рассмотрении требования к наследникам должен строго квалифицировать его природу и не допускать подмены деликтного иска вещным.

Эволюцию правовых подходов можно отследить на примере судебной практики.

Так, в Обзоре кассационной и надзорной практики Красноярского краевого суда за первое полугодие 2009 года описан случай, когда М. обратился к С. о возмещении вреда здоровью, причинённого в ДТП 26 апреля 2003 года. Определением Железногорского городского суда от 11 декабря 2008 года производство по делу было прекращено в связи со смертью ответчика; суд первой инстанции счёл, что «спорное правоотношение не допускает правопреемство, так как заявленные истцом требования неразрывно связаны с личностью наследодателя». Определением судебной коллегии Красноярского краевого суда от 18 марта 2009 года это определение отменено, поскольку вред причинён не здоровью наследодателя С., а здоровью истца М., и указанная обязанность может быть возложена на его наследников, принявших наследство, в пределах стоимости перешедшего к ним имущества [9]. Этот кейс примечателен тем, что конфликт возник не на уровне толкования конкретной нормы, а на уровне правосознания: судья первой инстанции интуитивно воспринял деликтное обязательство как сугубо личное, тогда как суд второй инстанции применил формальный критерий универсальности наследственного преемства, разграничив вред, причинённый здоровью самого наследодателя (ст. 1112), и вред, причинённый истцу.

В решении Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 5 сентября 2018 г. по делу № 2-1623/2018 наследник ФИО2 просил включить в наследственную массу право требования возмещения ущерба, причинённого транспортному средству наследодателя умышленными действиями ответчика. Приговором мирового судьи ответчик был признан виновным по ч. 1 ст. 167 УК РФ; апелляционным определением уголовное дело прекращено за истечением срока давности. Суд удовлетворил иск, включив право требования 83 118,65 руб. в состав наследства и признав за наследником право на его взыскание [10]. Это решение демонстрирует, что нереализованное при жизни наследодателя деликтное требование имущественного характера беспрепятственно переходит к наследникам.

Наиболее сложным является вопрос о наследовании обязанности компенсировать моральный вред. Долгое время доктрина и практика исходили из её сугубо личного характера. Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П подтверждено, что компенсация морального вреда возможна и при преступлениях против собственности, если они одновременно посягают на личные неимущественные права [11]. Однако в отношении перехода самой обязанности компенсировать моральный вред к наследникам долгое время господствовал отрицательный подход. Перелом наметился лишь в последние годы. В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 прямо разъяснено, что «право на получение денежной суммы, взысканной судом в счёт компенсации морального вреда, переходит к наследникам в составе наследственной массы» [12]. Тем самым обязанность, превращённая судебным актом в конкретную денежную сумму, была признана оборотоспособной. Более того, в судебной практике встречаются решения, где с наследников взыскивается компенсация морального вреда, присуждённая при жизни наследодателя, но не выплаченная им.

Категория добросовестности, обычно обсуждаемая в вещных спорах, приобретает неожиданное звучание в наследственно-деликтной сфере. М.И. Рожкова и Г.Р. Хасянова подчёркивают, что «чем более многогранным будет критерий добросовестности, тем объективнее можно будет оценить столь сложное неоднозначное субъективное поведение приобретателя» [6, с. 5]. Применительно к наследникам причинителя вреда этот тезис заставляет поставить вопрос: должен ли наследник, субъективно не осведомлённый о деликте наследодателя, отвечать в том же объёме, что и наследник, знавший о нём? Действующее право отвечает утвердительно, однако такое

решение не выглядит безупречным. Наследник, не знавший о преступлении, вынужден нести бремя чужого деликта, не имея возможности предотвратить или застраховать это бремя. Представляется, что данная ситуация требует дифференцированного регулирования, при котором добросовестное незнание наследника могло бы выступать основанием для снижения размера ответственности либо предоставления ему права на регресс к государству в случаях, когда деликт сопряжён с преступлением, не раскрытым при жизни наследодателя.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что наследственное правопреемство в деликтных обязательствах эволюционирует от модели «личного обязательства» к модели «имущественного обременения, следующего за наследственной массой». Однако эта эволюция не должна быть абсолютной: наследники, не осведомлённые о деликте, заслуживают правовых гарантий, сопоставимых с гарантиями добросовестных приобретателей. Действующее законодательство ограничивает ответственность наследника стоимостью перешедшего имущества, однако никак не защищает его от нарастания денежного бремени. В связи с этим предлагается дополнить статью 1175 ГК РФ частью 4 следующего содержания: «Наследник, признанный добросовестным, не несет ответственности за убытки, вызванные несвоевременным исполнением деликтного обязательства наследодателя, за период с момента открытия наследства до момента, когда наследник узнал или должен был узнать о наличии соответствующего обязательства. Обязанность по доказыванию осведомленности наследника возлагается на кредитора».

Данная новелла позволила бы сохранить принцип универсальности наследственного преемства и одновременно ввести справедливый баланс интересов кредиторов и добросовестных наследников, устранив порок неопределённости.

Предложенный в настоящей статье дифференцированный подход к ответственности добросовестных наследников уже нашёл частичное воплощение в законодательстве. С 1 сентября 2025 года вступил в силу Федеральный закон № 246-ФЗ, который запрещает кредиторам начислять штрафы и пени по потребительским кредитам после смерти заёмщика до момента вступления наследников в наследство [13]. Хотя этот закон касается договорных, а не деликтных обязательств, он демонстрирует признание законодателем того же принципа, который мы обосновываем: добросовестный наследник, не осведомлённый о долге (или, в нашем случае, – о деликте), не должен нести бремя негативных последствий за период, когда он объективно не мог повлиять на ситуацию.

Список литературы

[1] Щербаченко Н.Ф. К вопросу о правопреемстве в обязательствах из причинения вреда в результате смерти кормильца // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 262–265.

[2] Даниленков А.В. Деликтные обязательства и обязанности в наследственном праве // Наследственное право. 2022. № 2. С. 6–14.

[3] Матанцев Д.А. Динамика деликтного обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 39–43.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права7 8-е изд. М.: Статут, 2020. 351 с.

[5] Старовойтова А.С. Признание права как способ защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 120–127.

[6] Нехорошева В.П. Негаторный иск: проблемы теории и правоприменительной практики // Сборник научных работ юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ. 2021. С. 1–6.

[7] Рожкова М.И., Хасянова Г.Р. Критерий добросовестности в вещном праве России // Сборник научных работ юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ. 2021. С. 1–7.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 2025 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (дата обращения: 29.05.2026).

[9] Обзор кассационной и надзорной практики Красноярского краевого суда за первое полугодие 2009 года // ГАРАНТ : справочно-правовая система. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18515295/ (дата обращения: 24.05.2026).

[10] Решение Верхнепышминского городского суда Свердловской области от 5 сентября 2018 г. по делу № 2-1623/2018 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : (сайт). URL: https://sudact.ru/regular/doc/1wuVa1SGjaVK/ (дата обращения: 24.05.2026).

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П //

КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения: 24.05.2026).

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 24.05.2026).

[13] Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 246-ФЗ «О внесении изменений в статью 14 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)»» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510541/ (дата обращения: 29.05.2026).

References:

[1] Shcherbachenko N.F. On the Issue of Succession in Obligations Arising from Harm Caused by the Death of a Breadwinner // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 3 (231). P. 262–265. (In Russ.)

[3] Matantsev D.A. Dynamics of a Tort Obligation Arising from Harm to Life and Health // Legal Science. 2021. No. 12. P. 39–43. (In Russ.)

[5] Danilenkov A.V. Tort Obligations and Duties in Inheritance Law // Inheritance Law. 2022. No. 2. P. 6–14. (In Russ.)

[5] Pokrovsky, I.A. (2020) The Main Problems of Civil Law. 8th edn. Moscow: Statut. 351 p. (In Russ.)

[5] Starovoytova A.S. Recognition of a Right as a Method of Protecting Property Rights // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 3 (88). P. 120–127. (In Russ.)

[6] Nekhorosheva V.P. The Negatory Claim: Problems of Theory and Law Enforcement Practice // Collection of Scientific Works of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. 2021. P. 1–6. (In Russ.)

[7] Rozhkova M.I., Khasyanova G.R. The Criterion of Good Faith in Russian Property Law // Collection of Scientific Works of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. 2021. P. 1–7. (In Russ.)

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2025 No. 24-P “In the case of checking the constitutionality of part one of Article 151 and Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.G. Baiguskarova and M.G. Mukhametchina “//ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (access date: 29.05.2026).

[9] Review of the cassation and supervisory practice of the Krasnoyarsk Regional Court for the first half of 2009//GARANT: reference and legal system. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/18515295/ (access date: 24.05.2026).

[10] Decision of the Verkhnepyshminsky City Court of the Sverdlovsk Region dated September 5, 2018 in case No. 2-1623/2018//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (Court Act): (website). URL: https://sudact.ru/regular/doc/1wuVa1SGjaVK/ (access date: 24.05.2026).

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 26, 2021 No. 45-P//ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (access date: 24.05.2026).

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2022 No. 33 “On the practice of the application by the courts of norms on compensation for moral damage “//ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (access date: 24.05.2026).

[13] Federal Law of July 23, 2025 No. 246-FZ “On Amendments to Article 14 of the Federal Law “On Consumer Credit (Loan) “”//ConsultantPlus: Reference and Legal System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510541/ (access date: 29.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-534-540

ИОНОВ Артемий Сергеевич,

аспирант 1 курса Юридического факультета Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия»,

e-mail: tem.ionoff@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАЧЕТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ВЫГОД И ПОТЕРЬ ПРИ ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ В РАМКАХ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СТАТЬИ 53.1. ГК РФ

Аннотация. *Статья посвящена анализу применения принципа зачета имущественных выгод и потерь (compensatio lucri cum damno, лат.) при взыскании убытков в рамках корпоративных споров, связанных с применением статьи 53.1. ГК РФ. Отправной точкой исследования выступают разъяснения, содержащиеся в утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 30 июля 2025 года Обзоре практики по корпоративным спорам, которые конкретизировали позицию, ранее заложенную в абзаце 8 пункта 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 62. На основе анализа новейших судебных актов арбитражных судов автор раскрывает ключевые условия применения зачета имущественных выгод к потерям: наличие прямой причинно-следственной связи между вменяемыми директору нарушениями и полученной обществом выгодой, единство хозяйственной цели взаимосвязанных сделок. Посредством сравнительно-правового обращения к немецкой доктрине Vorteilsausgleichung демонстрируется принципиальная сопоставимость российского подхода с германским опытом применения аналогичного принципа. В результате проведенного исследования обосновывается, что последовательное внедрение принципа compensatio lucri cum damno в судебную практику знаменует переход к полной оценке совокупного экономического эффекта действий руководителя, исключая неосновательное обогащение юридического лица.*

Ключевые слова: *юридическое лицо, единоличный исполнительный орган, ответственность, убытки, зачет имущественных выгод и потерь, ответственность директора.*

IONOV Artemii Sergeevich,

first-year postgraduate student, Faculty of Law, Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education “Moscow University “Synergy”

SPECIFIC FEATURES OF APPLYING THE PRINCIPLE OF COMPENSATIO LUCRI CUM DAMNO IN THE RECOVERY OF DAMAGES IN CORPORATE DISPUTES RELATED TO THE APPLICATION OF ARTICLE 53.1 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article analyzes the application of the principle compensatio lucri cum damno in the recovery of damages in corporate disputes related to the application of Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation. The starting point of the study is the clarifications contained in the Review of Practice in Corporate Disputes approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30 July 2025, which specified the position previously set out in paragraph 8 of clause 2 of Resolution No. 62 of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. Based on an analysis of the most recent judicial acts of commercial courts, the author identifies the key conditions for applying the set-off of benefits against losses: the existence of a direct causal link between the breaches imputed to the director and the benefit received by the company, as well as the unity of the commercial purpose of interrelated transactions. By means of a comparative legal reference to the German doctrine of Vorteilsausgleichung, the article demonstrates the fundamental comparability of the Russian approach with the German experience in applying an analogous principle. The study substantiates that the consistent implementation of the principle of compensatio lucri cum damno in judicial practice marks a transition towards a comprehensive*

assessment of the aggregate economic effect of a manager's actions, thereby preventing unjust enrichment of the legal entity.

Key words: *legal entity, sole executive body, liability, damages, compensatio lucri cum damno, director's liability.*

30 июля 2025 года Президиум Верховного Суда утвердил Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1. ГК РФ (далее – Обзор). Ещё до появления статьи 53.1. ГК РФ основным разъяснением в рассматриваемой категории споров выступало Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – ПП ВАС № 62).

Так, абз. 8 п. 2 ПП ВАС № 62 в качестве условия освобождения лица, входящее в состав органов юридического лица (единоличный исполнительный орган) (далее – Директор) закрепил, что Директор освобождается от ответственности, если докажет, что заключенная им сделка хотя и была сама по себе невыгодной, но являлась частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых предполагалось получение выгоды юридическим лицом.

В пункте 11 Обзора конкретизируется позиция, ранее изложенная в абз. 8 п. 2 ПП ВАС № 62, в соответствии с которой при определении наличия оснований для взыскания убытков с Директора и установления их размера должны учитываться не только имущественные потери юридического лица, но и встречная выгода, обусловленная вменяемыми Директору действиями (нарушениями). Данный подход в полной мере отражает одно из проявлений принципа «зачета имущественных выгод и потерь» (compensatio lucri cum damno, лат.) при возмещении убытков.

Соответствующий институт известен со времен римского права [1, с. 410-411], однако не получил прямого нормативного закрепления в действующем российском гражданском законодательстве и долгое время оставался предметом преимущественно доктринальных дискуссий. Его сущность сводится к тому, что при определении размера подлежащих возмещению убытков должны учитываться не только имущественные потери потерпевшей стороны, но и те имущественные выгоды, которые возникли у него вследствие того же самого обстоятельства, которое послужило основанием для возникновения убытков. Иными словами, потерпевшая сторона не должна получать за счет правонарушителя больше, чем она фактически утратила или должна будет утратить, поскольку возмещение убытков преследует исключительно компенсационную, а не штрафную функцию.

Несмотря на отсутствие прямого закрепления принципа compensatio lucri cum damno в тексте ГК РФ, его нормативным основанием в отечественном правопорядке традиционно признается совокупность положений статей 15, 393 и 1064 ГК РФ, определяющих компенсационную природу гражданско-правовой ответственности. Ключевой идеей названных норм выступает принцип полного, но не сверхкомпенсаторного возмещения: потерпевшая сторона (в корпоративных отношениях – юридическое лицо) должна быть приведена в то имущественное положение, в котором она находилась бы при надлежащем исполнении обязанным лицом возложенных на него обязанностей, но не получить приращение имущественной массы за счет причинителя вреда.

Компенсационная функция института возмещения убытков предполагает, что при исчислении размера убытков во внимание должны приниматься все имущественные последствия нарушения – как негативные, так и позитивные, если последние находятся в причинной связи с тем же юридически значимым обстоятельством, которое послужило основанием ответственности. Упоминание такого подхода при исчислении размера убытков можно встретить как в современных научных трудах [2], так и в классике отечественной цивилистики [3].

Применительно к корпоративным отношениям данный принцип приобретает особое значение: недобросовестные или неразумные действия Директора нередко порождают для общества не только прямые потери, но и сопутствующие выгоды — например, в виде налоговой экономии, приобретения активов по заниженной стоимости, получения встречного предоставления по сопряженной сделке либо иных положительных имущественных последствий, причинно связанных с действиями и/или бездействиями Директора, послужившими основанием для предъявления к нему требований о возмещении убытков в порядке ст. 53.1. ГК РФ. Игнорирование таких выгод при расчете убытков приводило бы к неосновательному обогащению юридического лица за счет Директора и искажало бы компенсационную природу гражданско-правовой ответственности.

Именно поэтому в последний год в отечественной судебной практике наметилась отчетливая тенденция к восприятию идеи compensatio lucri cum damno — пусть и без прямого использования соответствующей латинской терминологии — через толкование статей 15 и 393 ГК РФ, а также разъяснений, содержащихся в ПП ВАС № 62 и Обзоре.

Обзор поспособствовал появлению новой судебной практики в части толкования принципа зачета имущественных выгод и потерь. С одной стороны, объем этой практики находится на начальном этапе своего формирования, с другой стороны, уже на текущем этапе можно наблюдать выявление определенных особенностей применения рассматриваемого принципа, которые, тем не менее, лишь доказывают затруднительность выработки универсального правила для зачета имущественных выгод и потерь:

Применение принципа зачета имущественных выгод и потерь существенно влияет на распределение бремени доказывания в рамках корпоративных споров, связанных с применением статьи 53.1. ГК РФ.

В рамках корпоративного спора акционер, действуя от имени и в интересах акционерного общества, предъявил к бывшему генеральному директору иск о взыскании 14 411 580 руб. убытков. Эта сумма равнялась ущербу, который ранее был взыскан с самого общества в пользу публичного органа за причинение ущерба недрам.

Директор ссылался на то, что сам по себе факт негативных последствий для общества не доказывает его недобросовестность или неразумность. Кроме того, из материалов дела следовало, что добытый из недр материал (песок), хотя и был получен незаконным путем, тем не менее, не был утрачен для общества, а использовался в производстве и пошел на изготовление и реализацию продукции, то есть общество получило имущественную выгоду.

Истец, напротив, утверждал, что расходы на исполнение судебного акта о возмещении ущерба, причиненного недрам в результате добычи обществом песка за пределами горного отвода, являются для него убытками, возникшими исключительно вследствие неразумных и недобросовестных действий ответчика, в том числе ввиду отсутствия должного контроля за деятельностью общества.

Суд первой инстанции в иске отказал, в том числе, исходя из того, что спорный материал использовался в хозяйственной деятельности общества и принес положительный экономический результат, поэтому нельзя считать всю взысканную с общества сумму его чистыми убытками [4]. Суды апелляционной и кассационной инстанций поддержали решение по тем же основаниям [5][6].

В постановлении суда кассационный инстанции, помимо отсылки на Обзор, прямо указывается, что при определении наличия и размера убытков нужно учитывать не только имущественные потери общества, но и выгоду, полученную им в результате действий руководителя.

Удовлетворение требований истца без применения принципа зачета имущественных выгод и потерь, с учетом факта производства истцом продукции из спорного материала и её последующей реализации, привело бы к неосновательному обогащению последнего за счет директора.

Такой подход позволяет рассматривать принцип зачета имущественных выгод и потерь не только как способ предотвращения необоснованного обогащения потерпевшей стороны за счет причинителя вреда, но и как критерий распределения бремени доказывания. Потерпевшая сторона в этом случае должна подтвердить наличие отрицательной разницы между понесенными убытками и выгодами, находящимися в причинной связи с тем же юридически значимым обстоятельством.

Получение обществом субсидии не признается для последнего выгодой в контексте оценки действий руководителя при применении принципа зачета имущественных выгод и потерь

В рамках корпоративного спора общество предъявило к бывшему генеральному директору требование о возмещении убытков, причиненных обществу и выражающихся в гибели насаждений и саженцев яблони стоимостью 27 288 048,87 рублей.

Одним из юридических фактов, исследованных судом первой и апелляционной инстанций, стало получение обществом субсидии на возмещение затрат на закладку многолетних насаждений в размере 25 000 000 руб. от Министерства сельского хозяйства во время действия полномочий ответчика.

При выстраивании позиции защиты генеральный директор ссылался на факт выделения субсидии как на обстоятельно получения встречной выгоды, обусловленный вменяемыми руководителю действиями.

Несмотря на позицию ответчика, удовлетворяя требования истца, судом было установлено, что субсидирование производилось по нескольким направлениям деятельности общества, в том числе не связанным с приобретением и посадкой насаждений и саженцев яблони, следовательно, ссылка генерального директора на принцип зачета имущественных

выгод и потерь является необоснованной [7].

Арбитражным судом апелляционной инстанции также уточнено, что субсидии носят компенсационный порядок, а сам факт выдачи субсидии из-за гибели насаждений и саженцев не является выгодой для общества [8].

В последующем, Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.04.2026 № Ф08-1015/2026 рассматриваемое постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело передано на новое рассмотрение в Арбитражный суд Республики Адыгея.

Несмотря на вышеизложенное, постановление суда кассационной инстанции не затронуло позицию суда апелляционной инстанции в части применения принципа зачета имущественных выгод и потерь.

Указанное дело, хоть и точечно, подтверждает развитие института зачета имущественных потерь и выгод и демонстрирует положительную тенденцию в готовности судов анализировать указанный принцип после утверждения Обзора.

Перечисление денежных средств подконтрольным директору юридическим лицам в рамках мнимых сделок по выводу активов не соотносится с принципом зачета имущественных выгод и потерь, если не доказана причинная и хозяйственная связь таких операций с полученной обществом встречной выгодой.

Истец, в интересах общества с ограниченной ответственностью, единственным участником которого он является, обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к бывшему генеральному директору с требованием о взыскании убытков, причиненных обществу в период его руководства обществом. В обоснование исковых требований истцом указано, что генеральный директор причинил обществу убытки, которые были связаны с выводом денежных средств, принадлежащих обществу, через аффилированную с собой компанию ООО «Ивент» путем заключения договоров оказания услуг, расходы по исполнению которых несло не ООО «Ивент», а само общество, либо иные контрагенты. В последствии требования истца к ответчику были удовлетворены.

Судом было установлено, что спорные транзакции с аффилированным контрагентом (ООО «Ивент») обладали признаками мнимости и совершались генеральным директором с заинтересованностью. В подобной правовой конструкции имущественная масса юридического лица уменьшалась не вследствие ошибочного управленческого решения, сопряженного с риском, а в результате целенаправленных виновных действий по выводу активов, что исключает саму возможность квалификации подобных потерь в качестве убытков, подлежащих уменьшению на сумму общей прибыли общества за отчетный период [9].

Значение данного дела состоит в том, что при исследовании доказательств суд не ограничился формальным воспроизведением принципа compensatio lucri cum damno, а показал условия его неприменимости: сам по себе благоприятный финансовый результат деятельности общества не образует «встречной выгоды», которая может уменьшать размер взыскиваемых убытков по конкретному эпизоду недобросовестного поведения директора. Для зачета требуется доказать наличие причинной и хозяйственной связанности между спорными действиями руководителя и тем имущественным преимуществом, на которое он ссылается.

Исходя из текста решения, зачету подлежит не любая выгода, возникшая в период осуществления полномочий руководителем, а лишь та, которая является встречным имущественным эффектом именно от вменяемых ему действий либо от комплекса взаимосвязанных сделок, составляющих единую хозяйственную операцию. Если же спорные сделки носили характер вывода денежных средств через аффилированное лицо, не сопровождались реальным встречным предоставлением и не были встроены в экономически оправданную совокупность хозяйственных операций, оснований для уменьшения размера убытков не возникает.

Зачет имущественных выгод и потерь при оценке ответственности директора требует учета совокупного хозяйственного результата взаимосвязанных договоров, если полученные обществом сопутствующие выгоды перекрывают предполагаемую упущенную выгоду.

В рамках корпоративного спора администрация г. Нижневартовска предъявила к бывшим генеральным директорам требование о взыскании убытков в виде упущенной выгоды по статье 53.1. ГК РФ ссылаясь на заключение и исполнение договора аренды нежилого здания на условиях, которые, по мнению истца, привели к уменьшению имущественной массы общества.

Правовая позиция истца строилась на утверждении о том, что соответчики, действуя недобросовестно либо неразумно, допустили заключение и исполнение долгосрочного договора аренды нежилого здания на нерыночных условиях. При этом спор был сосредоточен не только на факте совершения и исполнения указанной сделки, но и на вопросе о том, подлежат ли учету сопутствующие имущественные выгоды, полученные обществом в результате взаимосвязанных управленческих решений.

Суд, исследовав экономическое содержание спорных действий директоров, пришел к выводу, что оценка предполагаемых убытков не может производиться без учета совокупного хозяйственного результата для общества от указанной сделки, что напрямую коррелируется с пунктом 10 Обзора [10].

В ходе рассмотрения дела было установлено, что решение о заключении договора аренды нежилого здания повлекло для общества не только потенциальные имущественные потери или дополнительные расходы в случае установления нерыночного характера ставки аренды, но и сопряженные с ними выгоды, находящиеся с данными потенциальными потерями в единой причинной связи.

Так, соответчики, помимо факта исполнения договора аренды, обеспечили заключение взаимосвязанных договоров поставки и возмездного оказания услуг с арендатором по спорному договору аренды. Совокупный объем денежных средств, получаемых от арендатора по взаимосвязанным хозяйственным договорам, значительно превышал любую потенциальную упущенную выгоду, вытекающую из договора аренды нежилого здания.

В рассматриваемой логике принцип зачета имущественных выгод и потерь не выступает самостоятельным механизмом снижения размера ответственности, напротив, он включается в конструкцию элементов доказывания требования о возмещении убытков. Следовательно, при наличии экономически взаимосвязанных выгод и потерь и заявлении об этом ответчиком, истец обязан будет доказать не абстрактную невыгодность отдельных условий сделки, а наличие итогового отрицательного имущественного эффекта, не перекрытого сопутствующими преимуществами.

Несмотря на формирующуюся судебную практику, для более глубокого понимания сущности и особенностей применения принципа зачета имущественных выгод и потерь целесообразно обратиться к анализу применения указанного принципа в зарубежном правопорядке.

Так, например, наиболее концептуально разработанная модель compensatio lucri cum damno существует в немецком праве, где принцип получил доктринальное наименование Vorteilsausgleichung.

В немецком праве, как и в праве российском, отсутствует прямое закрепление соответствующего института, теория Vorteilsausgleichung проистекает из концепции компенсации ущерба (§ 249 Гражданского уложения Германии).

Условия применения Vorteilsausgleichung детально разработаны в литературе. Классический комментарий Münchener Kommentar zum Aktiengesetz [11] выделяет три кумулятивных критерия: (1) каузальная связь между нарушением и выгодой; (2) соответствие зачета цели нормы об ответственности – т.е. зачет не должен необоснованно освобождать нарушителя от ответственности; (3) разумность и справедливость зачета с точки зрения защищаемого интереса. Аналогичные позиции содержатся и в Hüffer/Koch, Aktiengesetz [12].

В немецкой доктрине и судебной практике устойчиво признается, что при исчислении размера ущерба, подлежащего взысканию с директора, применяется так называемая Differenzhypothese (гипотеза разности), сформулированная Фридрихом Моммзеном ещё в XIX веке: размер ущерба определяется как разность между фактическим имущественным положением потерпевшего и гипотетическим состоянием, в котором он находился бы при отсутствии нарушения. Несмотря на существующую критику проистекания Vorteilsausgleichung из гипотезы разности [13], нельзя не согласиться с той точкой зрения, что применение Vorteilsausgleichung полностью согласуется с принципом недопустимости неосновательного обогащения.

Соответственно, все имущественные выгоды, причинно связанные с нарушением, должны подлежать учету. Принципиальное значение в этом отношении имеет решения Федерального Верховного Суда Германии (Bundesgerichtshof, BGH) BGH, Urt. v. 15.01.2013 – II ZR 90/11, где суд подчеркнул необходимость оценки действий директора в совокупности с их экономическими последствиями для общества. Существенным шагом в развитии рассматриваемого института явилось то, что суд распространил действие принципа зачета на ситуации, в которых прибыли и убытки проистекают из различных, хотя и однотипных, актов противоправного поведения, а не из одного и того же события, лежащего в основании ответственности. Преодоление требования непосредственной причинно-следственной связи между конкретным убытком и конкретной выгодой было мотивировано ссылкой на лежащий в фундаменте Vorteilsausgleichung запрет неосновательного обогащения.

Российский подход, отраженный в пунктах 10 и 11 Обзора, а также в рассмотренной правоприменительной практике, в целом соответствует немецкому подходу. Тем не менее, отечественное регулирование остается менее формализованным по сравнению с немецким подходом, где критерии Vorteilsausgleichung доктринально разработаны и рассмотрены судебной практикой высших судов более детально. Представляется, что дальнейшее развитие

российской практики может быть связано с более четким нормативным или разъяснительным закреплением условий применения принципа.

Проведенный анализ показывает, что принцип compensatio lucri cum damno последовательно утверждается в российской судебной практике как неотъемлемый элемент института ответственности единоличного исполнительного органа по статье 53.1 ГК РФ. Утверждение Обзора от 30 июля 2025 года ознаменовало качественно новый этап развития отечественного корпоративного права, связанный с переходом от формального подхода к оценке убытков к их оценке с учетом всего спектра имущественных последствий действий директора.

Вместе с тем применение принципа требует от судов внимательного анализа фактических обстоятельств дела: не всякая выгода, возникшая в период осуществления полномочий директором, подлежит зачету при исчислении убытков. Необходимыми условиями являются каузальная связь между действиями директора и полученной выгодой, единство хозяйственной цели соответствующих операций, а также отсутствие умышленного недобросовестного поведения руководителя, направленного на причинение вреда обществу. Дальнейшее развитие практики применения принципа compensatio lucri cum damno в российском корпоративном праве представляется перспективным направлением совершенствования института ответственности единоличного исполнительного органа и повышения эффективности защиты имущественных интересов юридического лица и его участников.

Список литературы:

[1] Римское частное право: учебник для бакалавров и магистров / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2019. С. 410-411.

[2] Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. С. 1234 (автор комментария к ст. 15 ГК РФ – ВЮ.В. Байбак, А.Г. Карапетов).

[3] Кривцов А. С. Общее учение об убытках // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 5. С. 183.

[4] Решение Арбитражного суда Вологодской области от 28.05.2025 по делу № А13-10776/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[5] Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2025

№ 14АП-4195/2025 по делу № А13-10776/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[6] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.02.2026 № Ф07-14113/2025 по делу № А13-10776/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[7] Решение Арбитражного суда Республики Адыгея от 11.08.2025 по делу № А01-5693/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[8] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда № 15АП-12342/2025 от 30.12.2025 по делу № № А01-5693/2023 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[9] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2026 № 07АП-680/2026 по делу № А45-5324/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[10] Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 10.12.2025 по делу № А75-23580/2024 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.05.2026).

[11] Münchener Kommentar zum Aktiengesetz / Goette W., Habersack M. (Hrsg.). – 5. Aufl. – München : C.H. Beck, 2019. – § 93.

[12] Hüffer U., Koch J. Aktiengesetz. – 16. Aufl. – München : C.H. Beck, 2022. – § 93.

[13] Wendehorst C. Anspruch und Ausgleich. Theorie einer Vorteils- und Nachteilsausgleichung im Schuldrecht. – Tübingen, 1999. – S. 133.

References:

[1] Roman private law: textbook for bachelors and masters/ed. I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. M., 2019. S. 410-411.

[2] Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0]. S. 1234 (author of the commentary to Article 15 of the Civil Code of the Russian Federation - Vyu.V. Baybak, A.G. Karapetov).

[3] Krivtsov A. S. General doctrine of losses// Bulletin of Civil Law. 2015. VOL. 15, NO. 5. S. 183.

[4] Decision of the Arbitration Court of the Vologda Oblast dated 28.05.2025 in case No. A13-10776/2024//SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 19.05.2026).

[5] Order of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal dated 03.10.2025

No. 14AP-4195/2025 in case No. A13-10776/2024//SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 19.05.2026).

[6] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 27.02.2026 No. F07-14113/2025

in case No. A13-10776/2024//SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 19.05.2026).

[7] Decision of the Arbitration Court of the Republic of Adygea dated 11.08.2025 in case No. A01-5693/2023//SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 19.05.2026).

[8] Decision of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal No. 15AP-12342/2025 of 30.12.2025 in case No. A01-5693/2023//SPS ConsultantPlus. (accessed on: 19.05.2026).

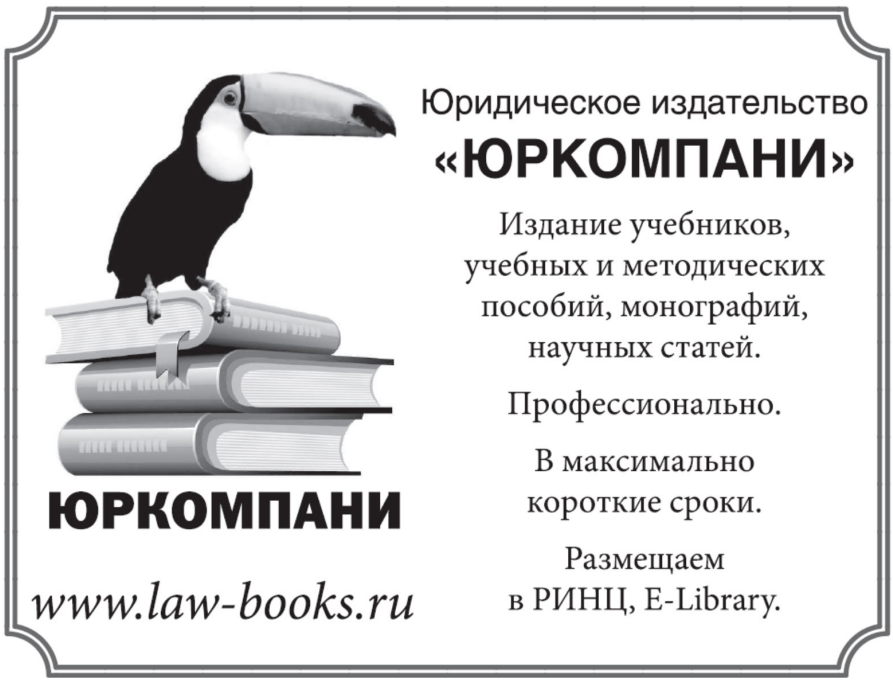
[9] Decision of the Seventh Arbitration Court of Appeal of 03.04.2026 No. 07AP-680/2026 in case No. A45-5324/2024//SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 19.05.2026).

[10] Decision of the Arbitration Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra dated 10.12.2025 in case No. A75-23580/2024//SPS “ConsultantPlus.” (accessed on: 19.05.2026).

[11] Münchener Kommentar zum Aktiengesetz / Goette W., Habersack M. (Hrsg.). – 5. Aufl. – München : C.H. Beck, 2019. – § 93.

[12] Hüffer U., Koch J. Aktiengesetz. – 16. Aufl. – München : C.H. Beck, 2022. – § 93.

[13] Wendehorst C. Anspruch und Ausgleich. Theorie einer Vorteils- und Nachteilsausgleichung im Schuldrecht. – Tübingen, 1999. – S. 133.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-541-545
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ГАБДРАХМАНОВ Ренат Альбертович,

ассистент кафедры гражданского права, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»,

e-mail: gabdraxmanov.01@bk.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ВИДЫ И МЕСТО АДЪЮДИКАЦИИ В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа адъюдикации как самостоятельного института альтернативного разрешения споров, сочетающего элементы экспертной оценки, досудебного урегулирования и обязательного решения независимого лица. Особое внимание уделяется видам адъюдикации, критериям ее классификации и перспективам применения данной процедуры в российской правовой системе.*

Ключевые слова: *адъюдикация, альтернативное разрешение споров, советы по спорам, договорная адъюдикация, законная адъюдикация, досудебное урегулирование.*

GABDRAKHMANOV Renat Albertovich,

Assistant at the Department of Civil Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL NATURE, TYPES AND PLACE OF ADJUDICATION IN THE SYSTEM OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION

Annotation. *The article examines the legal nature of adjudication as an independent institution of alternative dispute resolution combining elements of expert assessment, pre-trial settlement and a binding decision by an independent person. Special attention is paid to the types of adjudication, the criteria for its classification and the prospects for applying this procedure in the Russian legal system.*

Key words: *adjudication, alternative dispute resolution, dispute boards, contractual adjudication, statutory adjudication, pre-trial settlement.*

Введение

Адъюдикация занимает особое место в системе альтернативных способов разрешения споров, поскольку соединяет внесудебный порядок рассмотрения спора, участие независимого специалиста и обязательность результата для сторон. Для российской правовой системы данная процедура пока остается новым инструментом, хотя в международной практике она давно применяется в строительстве, инфраструктурных проектах, государственно-частном партнерстве и технически сложных договорах.

Актуальность темы связана с тем, что традиционное судебное разбирательство не всегда отвечает потребностям участников длительных проектов. В строительстве, информационных технологиях и проектах государственно-частного партнерства сторонам часто требуется не окончательное разрешение всех правовых вопросов, а быстрое решение, позволяющее продолжить исполнение договора. Г.А. Пакерман справедливо указывает, что «адъюдикация – процесс, при котором независимый эксперт выносит обязательное решение в сжатые сроки (обычно 28-40 дней)» [5, с. 145]. Данный подход показывает назначение адъюдикации как средства сохранения договорной динамики.

Степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной для российского права. Отдельные аспекты адъюдикации исследовали Р.Н. Бутенко, Г.А. Александров, М.А. Розе, С.Ю. Морозов, А.Д. Ялилов, В.Е. Варавенко, Г.А. Пакерман. В зарубежной литературе вопросы распределения проектных рисков рассматривал Э.Р. Йескомб. Несмотря на наличие научных работ, остается нерешенным главный вопрос: адъюдикация является самостоятельным институтом или разновидностью уже известных способов урегулирования споров.

Цель данной статьи состоит в комплексном теоретико-правовом анализе адъюдикации как нового инструмента для разрешения сложных

правовых споров. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

раскрыть правовую природу адъюдикации;

рассмотреть основные подходы к классификации ее видов;

определить место адъюдикации в системе альтернативных способов разрешения споров.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод анализа научных позиций, а также системный подход к оценке адъюдикации как элемента внесудебного разрешения споров.

Правовая природа адъюдикации

В Правилах адъюдикации Российского арбитражного центра, действующих с 27 февраля 2025 года, закреплено следующее понятие: «Адъюдикация» – «все процедуры, осуществляемые Советами по спорам, а именно предотвращение разногласий, предотвращение споров и урегулирование споров». Данное определение важно тем, что не сводит адъюдикацию только к разрешению уже возникшего спора. В него включены также превентивные функции, связанные с недопущением развития разногласий.

М.А. Розе определяет адъюдикацию как процедуру, которая «предполагает разрешение споров лицом (органом), уполномоченным в силу закона или соглашения, сопровождающееся вынесением обязательного для сторон решения, подлежащего немедленному исполнению» [6, с. 94-95]. В данной позиции верно отражены три признака: наличие уполномоченного лица, обязательность решения и возможность немедленного исполнения.

Р.Н. Бутенко проводит отличие адъюдикации от медиации и арбитража. По его мнению, соглашение о проведении адъюдикации является самоисполнимым, поскольку для получения решения адъюдикатора достаточно действительного соглашения, даже если одна из сторон позднее не желает участвовать в процедуре [2, с. 54-55]. С.Ю. Морозов, опираясь на данную позицию, отмечает, что адъюдикация стоит рядом с медиацией, но не совпадает с ней, поскольку завершается не соглашением сторон, а актом независимого лица [4, с. 64-65].

От третейского разбирательства адъюдикация отличается временным характером результата. Р.Н. Бутенко указывает, что «в отличие от арбитражного разбирательства, адъюдикация была разработана как инструмент для создания некоего промежуточного результата, которым стороны должны руководствоваться до момента окончательного разрешения спора» [2, с. 47-48]. Следовательно, адъюдикация не заменяет суд или арбитраж во всех случаях, но создает обязательный порядок поведения сторон на период до окончательного рассмотрения спора.

Российское законодательство пока не содержит специального закона об адъюдикации. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» не закрепляют адъюдикацию как отдельную процедуру. Но статья 421 Гражданского кодекса Российской Федерации о свободе договора позволяет сторонам предусматривать договорные способы урегулирования споров, если они не противоречат закону.

Теоретические подходы к классификации видов адъюдикации

Наиболее распространенной является классификация по источнику обязательности. Г.А. Александров формулирует данный подход следующим образом: «Глобально адъюдикация делится на два вида: договорную и законную» [1, с. 240]. Данную позицию поддерживает Р.Н. Бутенко, который также выделяет законную и договорную адъюдикацию [2, с. 12].

Договорная адъюдикация возникает на основании соглашения сторон. Стороны сами определяют порядок назначения адъюдикатора, сроки, процедуру представления материалов, силу решения и последствия его неисполнения. Р.Н. Бутенко характеризует договорную адъюдикацию как «процедуру урегулирования споров, в рамках которой стороны на основании соглашения передают свой спор для разрешения лицу или нескольким лицам (адъюдикаторам), избираемым или назначаемым в соответствии с соглашением между ними, и обязуются исполнить вынесенное таким лицом или лицами решение, которое в силу соглашения сторон носит обязательный характер, но не препятствует суду или арбитражу рассмотреть по существу разрешенный адъюдикатором спор при наличии соответствующего заявления стороны спора» [2, с. 12].

Д.А. Ялилов обращает внимание на диспозитивную природу договорной адъюдикации. Он пишет: «Наибольший объем диспозитивных правовых средств характерен для договорной адъюдикации» [7, с. 253]. Данная позиция обоснована, поскольку стороны могут согласовать разные модели результата: решение, рекомендацию, заключение, экспертную оценку.

Законная, или статутная, адъюдикация основана на специальном нормативном акте.

Такой подход сложился в странах общего права, прежде всего в строительных спорах. В Великобритании правовую основу составляет Housing Grants, Construction and Regeneration Act 1996. В Австралии применяются Security of Payment Acts, принятые на уровне отдельных юрисдикций. В Сингапуре действует Building and Construction Industry Security of Payment Act 2004.

Главное отличие законной адъюдикации состоит в том, что исполнение решения поддерживается публично-правовым механизмом, включая обращение в суд за принудительным исполнением. Для России данный вариант возможен только после внесения изменений в процессуальное законодательство, поскольку действующие нормы не предусматривают самостоятельного принудительного исполнения решений адъюдикаторов.

Правила адъюдикации Российского арбитражного центра предлагают прикладную классификацию по видам советов по спорам. Такой критерий важен для российской практики, поскольку показывает, как адъюдикация может работать в договорной среде уже сейчас.

Первый вид – Совет по рассмотрению споров. Он направлен на предотвращение и урегулирование разногласий на ранних стадиях. Если спор возник, совет выносит рекомендации. Такая рекомендация становится обязательной и окончательной через 30 дней после вынесения, если ни одна из сторон не заявила возражение. Если возражение заявлено в установленный срок, сторона может не исполнять рекомендацию.

Второй вид – Совет по адъюдикации споров. Его решение становится обязательным сразу после вынесения. Стороны должны исполнить его немедленно, даже если одна из них не согласна с выводами совета. Такая модель ближе к классической адъюдикации по правилу pay now, argue later, то есть сначала исполни, потом спорь.

Третий вид – Совет ad hoc. Он создается для рассмотрения конкретного спора и, как правило, прекращает работу после его разрешения. Такой совет не сопровождает проект постоянно и не выполняет функцию раннего предупреждения разногласий. Его решение также является обязательным немедленно.

В.Е. Варавенко, анализируя типовые договоры FIDIC, отмечает, что Комиссия по предотвращению споров и адъюдикации может быть частью управления проектом, «способной оказывать влияние на исполнение обязанностей сторонами договора в течение срока его действия» [3, с. 155-156]. Данное наблюдение показывает преимущество постоянно действующего совета перед советом ad hoc, где первый способен предотвращать спор, а второй реагирует только на уже возникшее разногласие.

Следующий критерий связан с характером решения адъюдикатора. В рамках данного подхода можно выделить рекомендательную, временно обязательную и немедленно обязательную адъюдикацию.

Рекомендательная модель характерна для процедур, где акт совета приобретает обязательность только при отсутствии возражений сторон. Такая модель снижает риск навязывания результата, но ослабляет оперативную ценность процедуры.

Временно обязательная модель означает, что решение должно исполняться до пересмотра в суде или арбитраже. В.Е. Варавенко подчеркивает, что «обязательность (binding) как свойство решения не означает его окончательность (final)» [3, с. 154]. Он также цитирует подход, согласно которому доминирующим началом адъюдикации является приоритет скорости над точностью: быстрое решение не всегда должно быть безошибочным [3, с. 162]. Данный тезис нельзя принимать без оговорок для России, поскольку российская правовая система традиционно связывает исполнимость решения с процессуальными гарантиями.

Немедленно обязательная модель предполагает исполнение решения сразу после его вынесения. Она наиболее полезна в строительных и технических спорах, когда остановка работ способна привести к убыткам и нарушению сроков проекта. Но для ее полноценного внедрения в России необходимо определить основания судебного контроля, порядок исполнения и пределы последующего пересмотра.

Адъюдикацию можно классифицировать по функции, которую она выполняет в развитии договорного отношения. В данном плане выделяются три вида: предотвращение разногласий, предотвращение споров и урегулирование споров. Такая классификация следует из определения, закрепленного в Правилах адъюдикации Российского арбитражного центра.

Предотвращение разногласий предполагает участие совета на ранней стадии, когда стороны еще не заявили формальные требования. Совет может разъяснять спорные технические вопросы, оценивать риски исполнения, давать рекомендации по порядку взаимодействия.

Предотвращение споров применяется, когда разногласие уже возникло, но еще не перешло в юридический спор. Здесь адъюдикатор помогает сторонам сохранить исполнение договора и избежать обращения в суд.

Урегулирование споров означает

рассмотрение уже сформированного требования и вынесение решения. М.А. Розе справедливо указывает, что сильной стороной адъюдикации является «отсутствие строгой процессуальной формы, оперативность разрешения спора, а также широкая диспозитивность полномочий сторон» [6, с. 95]. Но такая гибкость должна сопровождаться минимальными гарантиями равенства сторон, независимости адъюдикатора и права представить доказательства.

Адъюдикация может классифицироваться и по предмету спора. Г.А. Пакерман, анализируя проекты государственно-частного партнерства, выделяет финансовые, технические, операционные, политические и цифровые споры [5, с. 146-147]. Наиболее пригодной адъюдикация выглядит для технических и операционных споров, где требуется специальное знание и быстрый вывод эксперта.

Э.Р. Йескомб в работах о государственно-частном партнерстве связывает устойчивость проекта с распределением финансовых, операционных и внешних рисков [8, с. 145]. Через данную логику адъюдикация может рассматриваться как средство оперативного распределения рисков между участниками договора. Она не устраняет сам риск, но позволяет быстро определить, какая сторона должна нести последствия на текущем этапе исполнения.

Для России предметный критерий имеет практическое значение. Министерство экономического развития Российской Федерации уже обозначало интерес к внедрению адъюдикации для строительной и IT-отраслей. В таких сферах спор часто связан не только с правом, но и с технической оценкой: качеством работ, соответствием проектной документации, сроками, данными информационных систем, этапами разработки программного продукта.

Отдельного внимания заслуживает статья 360.1 Трудового кодекса Российской Федерации, которая предусматривает решение государственного инспектора труда о принудительном взыскании начисленной, но не выплаченной работнику заработной платы и иных выплат. М.А. Розе рассматривает данный порядок как наиболее близкий к модели законной адъюдикации в российском праве [6, с. 95]. Полного совпадения здесь нет, но сходство проявляется в быстром внесудебном решении и наличии исполнительного значения.

Адъюдикация в системе альтернативных способов разрешения споров

Адъюдикация не совпадает с медиацией, поскольку медиатор не выносит обязательного решения. Она не совпадает и с третейским разбирательством, поскольку решение адъюдикатора не является окончательным разрешением спора по существу в полном процессуальном смысле. Она также отличается от экспертизы, поскольку эксперт обычно дает заключение, а адъюдикатор принимает обязательный для сторон акт.

Поэтому адъюдикацию следует рассматривать как самостоятельный институт альтернативного разрешения споров, но с гибридной природой. Ее самостоятельность проявляется в особой цели, составе участников, сроках, временной обязательности решения и связи с последующим судебным или арбитражным контролем. Гибридность выражается в том, что она использует элементы экспертизы, досудебного порядка, договорного регулирования и квазирешения по спору.

Российское процессуальное право допускает существование разных досудебных процедур. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает соблюдение претензионного или иного досудебного порядка в случаях, установленных законом или договором. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации признают письменные и электронные доказательства, что важно для цифровых форм адъюдикации. В то же время отсутствие специального регулирования не позволяет пока придать решению адъюдикатора полноценный исполнительный режим.

Проведенный анализ позволяет выделить пять основных критериев классификации адъюдикации: по источнику обязательности, по типам советов по спорам, по юридической силе результата, по функциональному назначению и по предметной сфере спора.

Наиболее теоретически развитым является деление на договорную и законную адъюдикацию. Данный критерий показывает источник полномочий адъюдикатора и способ обеспечения исполнения решения. Но для России он пока имеет ограниченную практическую ценность, поскольку законная адъюдикация не закреплена.

Наиболее применимым для России в ближайшей перспективе является критерий по типам советов по спорам, закрепленный в Правилах адъюдикации Российского арбитражного центра. Его преимущество состоит в том, что он уже встроен в договорную практику, не требует немедленного принятия специального федерального закона и позволяет сторонам выбирать между мягкой рекомендательной моделью, немедленно обязательной моделью и советом ad hoc.

Перспективным является и функциональный критерий, поскольку он раскрывает современное понимание адъюдикации не только как разрешения спора, но и как предупреждения разногласий. Для крупных проектов данная функция имеет особую ценность.

Заключение

Адъюдикация не должна рассматриваться только как разновидность медиации, экспертизы или третейского разбирательства. Она имеет собственное назначение, собственный результат и особый порядок действия решения. Поэтому адъюдикация является самостоятельным институтом альтернативного разрешения споров, хотя по своей природе она использует элементы других внесудебных процедур.

Для российского права наиболее обоснованным на текущем этапе является договорное внедрение адъюдикации через советы по спорам. Законная адъюдикация возможна в дальнейшем, но для нее потребуется определить требования к адъюдикаторам, порядок судебного контроля, основания отказа в исполнении решения и процессуальный режим такого решения.

В качестве основного критерия классификации для России следует признать деление по типам советов по спорам. Такой критерий уже отражен в Правилах адъюдикации Российского арбитражного центра, учитывает разные уровни обязательности результата и позволяет применять адъюдикацию без ожидания полной законодательной реформы. Деление на договорную и законную адъюдикацию сохраняет высокую научную ценность, но в российской практике пока выступает скорее ориентиром для будущего регулирования.

Список литературы:

[1] Александров Г.А. Возможности применения адъюдикации как правового инструмента разрешения споров // Юридическая наука. 2024. №1. С. 240-245.

[2] Бутенко Р.Н. Адъюдикация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2017. 224 с.

[3] Варавенко В.Е. Адаптация типовых договоров Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) к российскому праву: сравнительно-правовое исследование / В.Е. Варавенко. – Москва: Проспект, 2022. 184 с.

[4] Гражданско-правовые механизмы в цивилистических исследованиях: монография / под. ред. С.Ю. Морозова. – Москва: Проспект, 2023. 600 с.

[5] Пакерман Г.А. Трансформация механизмов разрешения споров в государственно-частном партнерстве: от традиционной к цифровой адъюдикации // Правоприменение. 2026. №1. С. 144-154.

[6] Розе М.А. Внедрение публично-правовых механизмов альтернативного разрешения споров в контексте обеспечения доступности правосудия // Сибирский юридический вестник. 2024. №3 (106). С. 93-99.

[7] Ялилов Д.А. Альтернативное урегулирование споров в строительстве: постановка проблемы // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 246-274.

[8] Yescombe E.R. Risk Analysis – Theory and Methodologies / E.R. Yescombe, E. Farquharson // Yescombe E.R. Public-Private Partnerships for Infrastructure: Principles of Policy and Finance / E.R. Yescombe, E. Farquharson. – 2nd ed. – Oxford: Butterworth-Heinemann., 2018. P. 139-149.

References:

[1] Aleksandrov G.A. Possibilities of Applying Adjudication as a Legal Instrument for Dispute Resolution // Legal Science. 2024. No. 1. Pp. 240-245.

[2] Butenko R.N. Adjudication as an Alternative Method of Resolving International Commercial Disputes: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. Moscow, 2017. 224 p.

[3] Varavenko V.E. Adaptation of Standard Contracts of the International Federation of Consulting Engineers (FIDIC) to Russian Law: A Comparative Legal Study / V.E. Varavenko. Moscow: Prospekt, 2022. 184 p.

[4] Civil-Law Mechanisms in Civil-Law Research: Monograph / Edited by S.Yu. Morozov. Moscow: Prospekt, 2023. 600 p.

[5] Pakerman G.A. Transformation of Dispute Resolution Mechanisms in Public-Private Partnership: From Traditional to Digital Adjudication // Law Enforcement Review. 2026. No. 1. Pp. 144-154.

[6] Roze M.A. Introduction of Public-Law Mechanisms of Alternative Dispute Resolution in the Context of Ensuring Access to Justice // Siberian Legal Bulletin. 2024. No. 3 (106). Pp. 93-99.

[7] Yalilov D.A. Alternative Dispute Resolution in Construction: Problem Statement // Herald of Civil Procedure. 2022. No. 5. Pp. 246-274.

[8] Yescombe E.R. Risk Analysis - Theory and Methodologies / E.R. Yescombe, E. Farquharson // Yescombe E.R. Public-Private Partnerships for Infrastructure: Principles of Policy and Finance / E.R. Yescombe, E. Farquharson. 2nd ed. Oxford: Butterworth-Heinemann., 2018. P. 139-149.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-546-551
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ХАСАНОВА Светлана Кузьминична,

старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России,

e-mail: xsk2008@yandex.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПРОБАЦИИ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ, СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация. *В статье на основе анализа положений Федерального закона от 06.02.2023 № 10 ФЗ «О пробации в Российской Федерации» рассматриваются правовые и организационные механизмы межведомственного взаимодействия при реализации индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация. Делается акцент на ключевой роли уголовно-исполнительных инспекций как главных координаторов процесса – от оценки индивидуальной нуждаемости и разработки программ до контроля за их исполнением и взаимодействия с региональными структурами.*

Особое внимание в работе отведено анализу инструментов взаимодействия: заключению соглашений с органами власти, учреждениями социальной сферы, образования, здравоохранения и занятости, созданию межведомственных рабочих групп в субъектах Российской Федерации, включению мероприятий пробации в региональные государственные программы, а также внедрению Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, как цифровой платформы, обеспечивающей оперативный обмен данными и снижение административных барьеров.

На основе эмпирических данных и примеров из регионов (Архангельская, Калужская, Московская, Омская области) показаны основные виды индивидуальной нуждаемости, динамика обращений и некоторые результаты реализации пробации. В статье обосновывается, что выстроенная система межведомственного взаимодействия позволяет значительно повысить эффективность социальной реабилитации и снизить уровень рецидивной преступности.

Ключевые слова: *пробация, индивидуальная программа ресоциализации, межведомственное взаимодействие, уголовно-исполнительная инспекция.*

KHASANOVA Svetlana K.,

Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service

ON CERTAIN ISSUES OF INTERACTION BETWEEN PROBATION SUBJECTS DURING THE IMPLEMENTATION OF INDIVIDUAL PROGRAMS OF RE-SOCIALIZATION AND SOCIAL ADAPTATION AND SOCIAL REHABILITATION

Annotation. *Based on an analysis of the provisions of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation," this article examines the legal and organizational mechanisms of interagency cooperation in the implementation of individual programs for resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of persons subject to probation. The author emphasizes the pivotal role of penal enforcement inspectorates as the primary coordinators of the process – from assessing individual needs and developing programs to monitoring their implementation and coordinating with regional structures.*

Special attention is paid to the analysis of cooperation instruments, including: the conclusion of agreements with government authorities and institutions in the social, educational, healthcare, and employment sectors; the establishment of interagency working groups in the constituent entities of the Russian Federation; the integration of probation measures into regional state programs; and the

introduction of the Unified Register of Persons Subject to Probation as a digital platform that ensures rapid data exchange and reduces administrative barriers.

Drawing on empirical data and regional case studies (Arkhangelsk, Kaluga, Moscow, and Omsk Oblasts), the article illustrates the primary types of individual needs, trends in service applications, and some early outcomes of probation implementation. The paper argues that a well-structured system of interagency cooperation significantly enhances the effectiveness of social rehabilitation and contributes to a reduction in recidivism rates.

Key words: *probation, individual program of re-socialization, interdepartmental cooperation, penal enforcement inspection.*

С 2023 года в России последовательно реализуются положения Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации). По оценке экспертов, данный правовой институт уже доказал не только свою юридическую состоятельность, но и подлинную востребованность в обществе. Как отмечает заместитель Министра юстиции Вадим Баланин, эффективное возвращение осужденных к полноценной жизни и снижение риска повторных преступлений вышли за рамки компетенции исключительно уголовно-исполнительной системы и рассматриваются в числе приоритетов национальной безопасности [1].

Главным инструментом реализации пробации являются индивидуальные программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, представляющие собой документ, включающий меры правового и иного характера, применяемые в отношении конкретного лица в зависимости от обстоятельств, характеристики его личности и индивидуальной нуждаемости. То есть этот документ становится своеобразной дорожной картой, по которой человек движется от состояния социальной изоляции к полноценной жизни в обществе.

Отметим, что система пробации предстает не просто как набор социальных услуг, а как целенаправленный воспитательный процесс, цель которого – коррекция социального поведения, ресоциализация и социальная адаптация личности. Как справедливо отмечают Я.Н. Полякова и Е.В. Кашкина, «главный акцент в реализации пробации сделан на меры социального и воспитательного характера» [2].

Рассмотрим некоторые сложившиеся механизмы межведомственного взаимодействия субъектов пробации при подготовке и реализации индивидуальных программ.

Ключевая роль в реализации этих механизмов на практике отведена уголовно-исполнительным инспекциям (далее – УИИ, инспекции) территориальных органов ФСИН России. Именно на них возложено обеспечение исполнительной и постпенитенциарной пробации, которое включает целый комплекс полномочий, напрямую связанных с подготовкой и выполнением индивидуальной программы.

Во-первых, УИИ проводят оценку индивидуальной нуждаемости лица в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, что является первым и определяющим этапом, без которого невозможно составление программы. Для доступа к видам соответствующих сведений органов исполнительной власти, необходимых для оценки индивидуальной нуждаемости, используется сервис ФСИН России в системе межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ).

Во-вторых, именно инспекции осуществляют подготовку самих индивидуальных программ для лиц, в отношении которых принято положительное решение о применении пробации. В этом процессе УИИ не действуют в вакууме, Закон о пробации предоставляет инспекциям специальные полномочия – запрашивать и получать в тридцатидневный срок от субъектов пробации, других органов, учреждений, организаций, участвующих в процедурах пробации, информацию, необходимую для реализации полномочий в сфере исполнительной или постпенитенциарной пробации; а также, в целях защиты этих прав, – обжаловать действия органов, учреждений и организаций в случае непредоставления такой информации (пп. 1, 2 ч. 3 ст. 24 Закона о пробации).

Кроме того, УИИ обеспечивают направление нуждающихся граждан в организации социального обслуживания субъектов Российской Федерации, а также в иные государственные и негосударственные организации, участвующие в социальном обслуживании. И, что принципиально важно, осуществляют контроль за выполнением мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой.

Таким образом, УИИ выступает не просто административным органом, а ключевым координатором всего процесса: от разработки

индивидуальной программы до направления нуждающихся лиц к профильным специалистам и последующего мониторинга исполнения программы.

Развитие института пробации требует тесного сотрудничества всех участников процесса ресоциализации. Как справедливо отмечает Ермасов Е.В., Закон о пробации затрагивает сферы деятельности самых разных органов государственной власти, а также наделяет их дополнительными полномочиями в сфере пробации (ст. 7 Закона о пробации). Реализация этих полномочий, в свою очередь, объективно требует налаженного межведомственного взаимодействия [3].

ФСИН России проведена значительная работа по заключению соглашений о взаимодействии с правительствами всех субъектов Российской Федерации. Важно, что ключевая роль в работе по ресоциализации и социальной адаптации осужденных и лиц, отбывших наказание, на региональном уровне отводится руководителям регионов, которые способны обеспечить взаимодействие всех вовлеченных структур.

В большинстве регионов России ответственными за исполнение мероприятий пробации определены заместители высшего исполнительного органа исполнительной власти, кроме того, для координации этой работы на региональном уровне создаются межведомственные комиссии и рабочие группы.

Так, основной целью деятельности Межведомственной рабочей группы, созданной в Московской области, является взаимодействие ее членов по вопросам реализации мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация.

В Калужской области распоряжением губернатора создана Межведомственная рабочая группа для координации мероприятий по реализации в регионе Закона о пробации. Работу группы возглавила заместитель губернатора, в ее состав вошли представители министерств труда и социальной защиты, финансов, образования и науки, здравоохранения, внутренней политики, УФСИН и УМВД России по Калужской области [4].

Именно активное участие руководства регионов, включая создание координационных органов на высоком уровне и личный контроль со стороны губернаторов может являться залогом эффективной реализации Закона о пробации на территории каждого субъекта страны.

Уже на начальном этапе реализации Закона о пробации для создания четких механизмов взаимодействия между субъектами пробации были приняты следующие ведомственные приказы:

приказ Минтруда России, утвердивший типовое соглашение о взаимодействии учреждений УИС с органами службы занятости населения [11];

приказ Минпросвещения России, установивший форму и порядок заключения соглашения о взаимодействии образовательных организаций с учреждениями УИС [12];

приказ Минздрава России, регламентирующий взаимодействие органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере охраны здоровья с учреждениями УИС [13].

В целях эффективного и всестороннего оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, во всех субъектах Российской Федерации заключены соглашения – с органами государственной власти, местного самоуправления, образовательными организациями, общественными и религиозными организациями, иными предприятиями, учреждениями и организациями, участвующими в процедурах пробации.

Как отмечают Павленко А.А., Чуприн М.Г., соглашения данной категории усиливают взаимодействие звеньев в системе исполнительной власти путем уточнения, конкретизации или дополнительного гарантирования выполнения полномочий для обеспечения публичных интересов [5].

В настоящее время в субъектах Российской Федерации действует более 10 тысяч заключенных соглашений о взаимодействии, предметом которых являются вопросы оказания содействия лицам, в отношении которых применяется пробация.

К примеру, в Омской области подписано многостороннее соглашение о сотрудничестве по вопросам оказания бесплатной юридической помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в соответствии с индивидуальными программами. Сторонами выступили Адвокатская палата, Управление Минюста, УФСИН, Нотариальная палата и Госюрбюро региона. Документ предусматривает создание условий для оказания квалифицированной юридической помощи, правовое информирование и правовое просвещение, а также организацию адвокатами приема, выездных мероприятий и учета обращений [6].

Возвращаясь к роли УИИ как организатора взаимодействия всех субъектов пробации и иных органов и организаций, участвующих в процедурах пробации, отметим, что согласно п. 7 Порядка подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и

социальной реабилитации, УИИ направляет запросы субъектам пробации о предоставлении перечня мероприятий и сроков их выполнения для включения в программу, кроме того, в процессе оказания помощи лицам, которые оказались в трудной жизненной ситуации, запрашивает информацию, необходимую для реализации полномочий в сфере пробации.

Изучение практики реализации Закона о пробации свидетельствует об активном и системном участии всех задействованных органов и учреждений в процессах ресоциализации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы либо отбывших принудительные работы. Действуя в рамках законодательства и предоставленных полномочий, субъекты пробации, коммерческие и некоммерческие организации, в том числе религиозные, общественные объединения и организации, оказывают адресную поддержку подучетным лицам в ходе выполнения индивидуальных программ.

Обеспечению оперативного информационного взаимодействия органов и учреждений, вовлеченных в процесс пробации, и оптимизации межведомственного взаимодействия в рамках пробации в целом способствует внедрение Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация (далее – Единый реестр, реестр) [7]. Единый реестр создан на единой цифровой платформе Российской Федерации ГосТех, функционирует с 1 января 2025 года и является ключевым элементом цифровизации института пробации.

Согласно ст. 34 Федерального закона № 10-ФЗ, эта государственная информационная система аккумулирует сведения о видах, сроках и результатах реализации мероприятий пробации, индивидуальных программах ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации поднадзорных лиц, а также об оказанной им помощи. Основная задача реестра — обеспечить оперативный обмен данными между всеми субъектами пробации: уголовно-исполнительными инспекциями, органами службы занятости, социальной защиты, образования, здравоохранения, некоммерческими организациями и другими участниками процесса. С этой целью Правительство Российской Федерации утвердило перечни органов, имеющих доступ к системе, уполномоченных на внесение информации, перечень видов информации, подлежащей включению в Единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, а также правила ведения и использования реестра [8]. Для пользователей подготовлены руководство по работе в личном кабинете субъекта пробации, видеоинструкция по подключению субъектов к Единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация. Оператором системы выступает ФСИН России. Во всех филиалах УИИ территориальных органов ФСИН России в системе созданы личные кабинеты, обеспечено ее ведение и наполнение.

К примеру, в Архангельской области с момента внедрения Единого реестра с помощью данной цифровой платформы адресную помощь получили более 500 осужденных и освободившихся из мест лишения свободы. Практические работники отмечают ключевые преимущества системы: исключение длительного документооборота и административных барьеров, оперативный обмен информацией между всеми субъектами пробации, а также возможность своевременной оценки индивидуальной нуждаемости и оказания необходимой помощи. К реестру подключен широкий круг участников: органы социальной защиты и кадровые центры, администрации муниципальных округов и профильные министерства регионального правительства, общественные организации, учреждения здравоохранения и образования. Такое межведомственное взаимодействие способствует комплексному решению имеющихся проблем [9].

Проводимые исследования сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России в сфере пробации показывают, что среди видов индивидуальной нуждаемости лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (на основании которых составляется индивидуальная программа), преобладают следующие: консультирование по социальным и правовым вопросам, содействие в получении необходимых документов, психологическая помощь и трудоустройство. В рамках постпенитенциарной пробации наиболее частыми обращениями нуждающихся лиц являются запросы на содействие в трудоустройстве, консультирование по социально-правовым вопросам, получение пособия по безработице, а также социальной помощи, в том числе ветеранам боевых действий.

Для более эффективной реализации индивидуальных программ и оказания помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, Закон о пробации предоставляет органам государственной власти субъектов Российской Федерации право включать мероприятия по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, а также лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, в принимаемые региональные государственные программы. Такие

мероприятия предусмотрены в государственных программах 79 субъектов Российской Федерации. Среди мер поддержки – материальная помощь малоимущим, единовременные денежные выплаты, квотирование рабочих мест, социальная помощь в форме социального контракта и другие.

В заключение можно констатировать, что в целом в России сформирована нормативная и организационная основа для межведомственного взаимодействия в сфере пробации: приняты ведомственные приказы, заключены региональные соглашения, созданы координационные органы. Правительства субъектов Российской Федерации, реализуя предоставленные Законом о пробации полномочия, осуществляют организацию предоставления социальных услуг лицам, в отношении которых применяется пробация, обеспечивают вовлечение региональных структур в процессы ресоциализации, закрепляют необходимые мероприятия в государственных целевых программах субъектов.

Ключевым координатором процесса ресоциализации выступают уголовно-исполнительные инспекции, обеспечивающие разработку и мониторинг исполнения индивидуальных программ.

Полноценное использование Единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация, всеми субъектами пробации позволяет оптимизировать учет и обмен данными и выводит межведомственное взаимодействие на качественно новый уровень.

Равное количество лиц, обратившихся за необходимой помощью и получивших данную помощь в полном объеме, может выступать показателем эффективности осуществления пробации и отлаженного механизма взаимодействия между субъектами пробации. По словам представителя Генеральной прокуратуры Российской Федерации Д. Суханова, своевременное адресное применение пробации имеет значительный профилактический эффект, а после составления индивидуальных программ реабилитации повторные преступления совершались лишь в единичных случаях [10].

Участники межведомственных совещаний и конференций по вопросам развития пробации в России подчеркивают необходимость обмена успешными практиками, выявления проблемных вопросов и выработки комплексных решений, в целях достижения главной цели – снижения уровня рецидивной преступности и эффективного содействия социальной адаптации граждан, освободившихся из мест лишения свободы.

Список литературы:

[1] В Минюсте России обсудили вопросы совершенствования деятельности центров пробации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. // URL : https://minjust.gov.ru/ru/events/51272/.

[2] Полякова Я.Н., Кашкина Е.В. Воспитательный аспект ресоциализации лиц, в отношении которых применяется пробация // Психолого-педагогический поиск. 2024. № 3. С. 98–107.

[3] Ермасов Е.В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 2. С. 200–210. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).2.200-210.

[4] В Калужской области создана рабочая группа по пробации // Калужские новости. URL: https://kaluganews.ru/fn_1748525.html.

[5] Павленко А.А., Чуприн М.Г. Правовая природа соглашений в сфере пробации // Административное право и процесс», 2024. № 7.

[6] Организовать взаимодействие в сфере применения пробации // URL: https://fparf.ru/news/law-chambers/organizovat-vzaimodeystvie-v-sfere-primeneniya- probatsii/.

[7] Геращенко О.М., Капралова Н.Н. Институт пробации в Российской Федерации в контексте межведомственного взаимодействия // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025 № 2. С. 22–29.

[8] Об утверждении перечня органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация, перечня органов и организаций, уполномоченных на внесение информации, подлежащей включению в единый реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, перечня видов такой информации и Правил ведения и использования единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация: Постановление Правительства РФ от 21.12.2024 № 1858. Доступ из СПС КонсультантПлюс».

[9] С помощью Единого реестра в рамках пробации поддержку получили уже более 500 граждан // URL: https://fsin.gov. ru/news/index.php?ELEMENT_ID=876925&sphrase_id=7005.

[10] Мы готовы приехать туда, где есть проблемы с развитием института пробации, и помочь // Общественная палата РФ. URL: https://forum.oprf.ru/news/my-gotovy-priehat-tuda-gde-est-problemy-s-razvitiem-instituta-probacii-i-pomoch-aleksandr-voroncov/.

[11] Об утверждении типового соглашения о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости

населения при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации : приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27.10.2023 № 779н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[12] Об утверждении формы и порядка заключения типового соглашения о порядке взаимодействия образовательных организаций с учреждениями уголовно - исполнительной системы в целях содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения лицами, в отношении которых применяется пробация : приказ Минпросвещения России от 09.11.2023 № 839. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[13] Об утверждении формы и порядка заключения типового соглашения о взаимодействии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья с учреждениями уголовно - исполнительной системы по вопросам применения пробации : приказ Минздрава РФ от 07.12.2023 № 663н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] The Ministry of Justice of Russia discussed issues of improving the activities of probation centers//Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation .//URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/51272/.

[2] Y. N. Polyakova, E. V. Kashkina. Educational aspect of resocialization of persons against whom probation is applied//Psychological and pedagogical search. 2024. № 3. S. 98-107.

[3] Ermasov E.V. Improving the legal regulation in the field of execution of criminal punishments during the introduction of probation// Penal law. 2023. T. 18 (1-4), NO. 2. S. 200-210. DOI: 10.33463/2687- 122X.2023.18(1-4).2.200-210.

[4] A working group on probation has been created in the Kaluga region//Kaluga News. URL: https://kaluganews.ru/fn_1748525.html.

[5] Pavlenko A.A., Chuprin M.G. The legal nature of agreements in the field of probation// Administrative law and process," 2024. № 7.

[6] Organize interaction in the field of probation//URL: https://fparf.ru/news/law-chambers/organizovat-vzaimodeystvie-v-sfere-primeneniya-probatsii/.

[7] Gerashchenko O.M., Kapralova N.N. Probation Institute in the Russian Federation in the context of interdepartmental interaction//Vedomosti of the penal system. 2025 № 2. S. 22-29.

[8] On approval of the list of bodies and organizations having access to the unified register of persons, in respect of which the probation is applied, the list of bodies and organizations authorized to enter information, subject to inclusion in the unified register of persons in respect of whom probation is applied, list of types of such information and Rules for maintaining and using the unified register of persons, in respect of which probation is applied: Decree of the Government of the Russian Federation of 21.12.2024 No. 1858. Access from SPS ConsultantPlus."

[9] More than 500 citizens have already received support through the Unified Register of Probation//URL: https://fsin.gov. ru/news/index.php?ELEMENT_ID=876925&sphrase_id=7005.

[10] We are ready to come where there are problems with the development of the institution of probation, and help//Public Chamber of the Russian Federation. URL: https://forum.oprf.ru/news/my-gotovy-priehat-tuda-gde-est-problemy-s-razvitiem-instituta-probacii-i-pomoch-aleksandr-voroncov/.

[11] On the approval of a model agreement on the interaction of institutions executing punishments in the form of forced labor or imprisonment, and criminal executive inspections with the employment service bodies in the implementation of activities in the field of post-penitentiary probation: Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of 27.10.2023 No. 779n. Access from SPS "ConsultantPlus."

[12] On approval of the form and procedure for concluding a model agreement on the procedure for interaction between educational organizations and institutions of the penal system in order to assist in obtaining general education, secondary vocational education, and vocational training by persons in respect of whom probation is applied: Order of the Ministry of Education of Russia dated 09.11.2023 No. 839. Access from SPS "ConsultantPlus."

[13] On approval of the form and procedure for concluding a model agreement on the interaction of executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the field of health protection with institutions of the penal system on the use of probation: order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 07.12.2023 No. 663n. Access from SPS «ConsultantPlus.»

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-552-558

ЕРЕМЕЕВ Терентий Михайлович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), адвокат Коллегии адвокатов «Московский юридический центр»,

e-mail: Terentiyeremeev8@yandex.ru

Научный руководитель:

ТАРАСЕНКО Ольга Александровна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГУЛЯТОРНЫХ ПЕСОЧНИЦ В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СТРАНАХ ЕАЭС

Аннотация. *Настоящая статья представляет собой системный анализ правовых конструкций, используемых в рамках регуляторных песочниц в финансовой сфере стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Целью исследования является идентификация специфических черт национальных подходов и разработка предложений по унификации правового регулирования для обеспечения трансграничного тестирования финансовых продуктов. Объектом исследования выступает правовая архитектура регуляторных песочниц. Методологическая база включает анализ нормативных актов и научной литературы в таких областях, как финансовые маркетплейсы и цифровые финансовые активы. Результаты исследования демонстрируют существенные различия в моделях регулирования, применяемых в странах-участницах: Россия использует единую песочницу, Казахстан – двухконтурную систему, Кыргызстан – монолитную модель, Беларусь – субъективо-ориентированный подход (Парк высоких технологий), а Армения – точечный. Новизна работы заключается в предложении об отмене исключения финансового сектора из общих специальных режимов ЕАЭС и создании трансграничных песочниц под эгидой союза.*

Ключевые слова: *регуляторная песочница, Россия, Банк России, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, Парк высоких технологий, Армения, ЕАЭС.*

EREMEEV Terenty Mikhailovich,

postgraduate student of the Department of Business and Corporate Law Kutafin Moscow State Law University (MSAL), attorney of the Moscow Law Center Bar Association

Supervisor:

TARASENKO Olga Alexandrovna,

Doctor of Law, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, O.E. Kutafina Moscow State Law University (MSLA)

THE LEGAL BASIS FOR THE FUNCTIONING OF REGULATORY SANDBOXES IN THE FIELD OF FINANCIAL TECHNOLOGIES IN THE EAEU COUNTRIES

Annotation. *This article is a systematic analysis of the legal structures used within the framework of regulatory sandboxes in the financial sector of the member countries of the Eurasian Economic Union (EAEU). The purpose of the study is to identify the specific features of national approaches and develop proposals for the unification of legal regulation to ensure cross-border testing of financial products. The object of the study is the legal architecture of regulatory sandboxes. The methodological framework includes an analysis of regulations and scientific literature in areas*

such as financial marketplaces and digital financial assets. The results of the study demonstrate significant differences in the regulatory models used in the participating countries: Russia uses a single sandbox, Kazakhstan uses a two-circuit system, Kyrgyzstan uses a monolithic model, Belarus uses a subjectively oriented approach (Hi–Tech Park), and Armenia uses a point-based approach. The novelty of the work lies in the proposal to abolish the exclusion of the financial sector from the general special regimes of the EAEU and create cross-border sandboxes under the auspices of the union.

Key words*: regulatory sandbox, Russia, Bank of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Belarus, Hi-Tech Park, Armenia, EAEU.*

В условиях ускоренной цифровизации финансовых рынков регуляторные песочницы окончательно перестали восприниматься как временный эксперимент, превратившись в институциональный стандарт, позволяющий государствам балансировать между стимулированием технологических инноваций и обеспечением финансовой стабильности. Для стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) данный вопрос приобретает особое значение: несмотря на заявленные цели глубокой экономической и финансовой интеграции, финансовый рынок был исключен из сфер применения специальных режимов на уровне союза [9]. Отсутствие унифицированного наднационального регулирования создает правовые барьеры для трансграничного тестирования финансовых технологий (финтех) и асимметрию конкурентных условий для резидентов разных юрисдикций. В то же время национальные модели России, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Армении демонстрируют различные подходы к легализации регуляторных песочниц: от принятия специальных федеральных законов и президентских декретов до ведомственных актов центральных банков и создания особых правовых юрисдикций с автономным правопорядком. Системный анализ этих правовых конструкций представляется необходимым шагом не только для понимания текущей архитектуры регуляторного эксперимента, но и для выработки перспективных ориентиров гармонизации финтех-регулирования в рамках ЕАЭС.

Анализируя сегодня правовую архитектуру российских регуляторных песочниц в сфере финансовых технологий, мы обнаруживаем систему, в которой общий законодательный каркас и специализированный финансовый инструментарий существуют в одном пространстве, но живут по разной логике. Фундаментом служит Федеральный закон № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [10] (далее - Закон об ЭПР), принятый в июле 2020 года (вступивший в силу в 2023 году) и закрепивший саму конструкцию временного отступления от действующих норм ради тестирования цифрового продукта в реальной среде [4; с. 186]. Однако финансовый сектор получил собственный инструмент намного раньше: регуляторная песочница Банка России была запущена в 2018 году на основании внутренних нормативных актов регулятора (Положения Банка России № 5634-У [11] и сопутствующих указаний), а уже после принятия Закона об ЭПР была методологически встроена в его логику, сохранив при этом операционную самостоятельность. Это разделение, общий закон как рамка и специализированный механизм Банка России как содержание, задает всю дальнейшую архитектуру.

Механика песочницы Банка России устроена следующим образом: финансовая организация или технологическая компания подает заявку на тестирование инновационного сервиса, регулятор оценивает риски для потребителей и финансовой стабильности, и при положительном решении стороны заключают соглашение, в котором зафиксирован конкретный перечень норм, временно неприменимых к участнику. Правовая природа этого соглашения – один из наиболее дискуссионных вопросов в российской финансово-правовой доктрине: формально оно не является нормативным актом, однако фактически создает для участника индивидуальный правовой режим, отличный от общего. Срок тестирования, как правило, составляет от трех месяцев до года, а круг допустимых к тестированию направлений регулятор очерчивает через периодически обновляемый перечень приоритетных технологий: в разные годы туда входили биометрическая идентификация, дистанционное открытие счетов, роботизированное инвестиционное консультирование и операции с цифровыми финансовыми активами. Именно последнее направление обнаруживает любопытную закономерность: тестирование операций с ЦФА в песочнице предшествовало принятию Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12] в 2020 г., то

есть сам закон «вырос» из экспериментального режима, а не наоборот.

Через песочницу Банка России прошли проекты, ставшие впоследствии частью стандартной финансовой инфраструктуры страны. Хорошо известно, что именно в режиме регуляторного тестирования отрабатывалась модель финансового маркетплейса – платформы, позволяющей физическому лицу открывать вклады и приобретать финансовые продукты разных организаций через единый интерфейс без личного визита в офис. Проект, впоследствии реализованный через платформу «Маркетплейс» Банка России и получивший законодательное оформление в Федеральном законе № 211-ФЗ 2020 года [13], прошел именно через стадию песочницы, где отрабатывались вопросы идентификации клиента, распределения ответственности между платформой и поставщиком продукта, а также порядка передачи данных [1; с. 30]. Этот случай показывает, что песочница в финансовом секторе функционирует не только как защитный буфер для компании, но и как инструмент законодательного проектирования для самого регулятора – пространство, где будущая норма проходит практическую проверку до того, как стать обязательной.

Сегодняшний взгляд на правовую структуру финансового регулирования ЭПР Казахстана раскрывает механизм, который по своей сути больше похож на прецизионный научный опыт, чем на обычный наглядный аппарат. Регуляторная песочница – это режим временного освобождения от части обязательных норм, предоставляемый участнику финансового рынка для тестирования инновационного продукта или услуги в реальной среде, то есть среди клиентов, с физическими деньгами, но под плотным наблюдением регулятора. Правовым фундаментом этого режима в Казахстане служит Закон «О Национальном Банке Республики Казахстан» [14] с поправками 2018-2020 годов, закрепившими за регулятором полномочие устанавливать специальный регуляторный режим, а также Указ Президента «О дальнейшем совершенствовании системы государственного управления Республики Казахстан» 2019 года [15], передавший эти полномочия Агентству по регулированию и развитию финансового рынка (АРРФР) – структуре, выделенной из Национального банка и принявшей на себя функцию пруденциального надзора [2; с. 202]. Именно это разделение (Национальный банк как эмиссионный центр и АРРФР как надзорный орган) создало двухполюсную систему, внутри которой песочницы получили институциональную прописку.

Любопытным поворотом здесь становится то, что сами песочницы в Казахстане существуют в двух географически и юридически разных пространствах, и логика каждого из них устроена по-своему:

Первое – Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА), действующий с 2018 года на основе конституционного закона и располагающий собственной правовой системой, основанной на принципах английского права, собственным судом и арбитражем. Регуляторная песочница МФЦА, запущенная Комитетом МФЦА по регулированию финансовых услуг (AFSA), позволяет финтех-компаниям тестировать продукты (от роботизированного инвестиционного консультирования до платформ исламского краудфандинга) в режиме временной лицензии сроком до двенадцати месяцев с возможностью продления [5; с. 147].

Второе пространство – песочница самого Национального банка, распространяющаяся на участников «материкового» финансового рынка Казахстана и регулируемая постановлениями Правления АРРФР. Здесь тестируются преимущественно платежные сервисы, инструменты дистанционной идентификации и продукты страхового сектора. Два периметра существуют параллельно, и компания, получившая статус участника в одном, автоматически не приобретает статус в другом.

Если смотреть на эту конструкцию не изнутри одного периметра, а с высоты всей системы, проступает механика, которую сложно заметить вблизи. Участник песочницы получает так называемое «регуляторное облегчение» – перечень конкретных норм, от соблюдения которых он временно освобожден, фиксируется в индивидуальном соглашении с регулятором. Это означает, что правовой режим каждого участника буквально уникален: два финтеха внутри одной песочницы могут работать по разным наборам исключений. В свою очередь, такая гибкость имеет свою цену – регулятор вправе в любой момент в одностороннем порядке прекратить статус участника, если сочтет, что риски для потребителей превысили допустимый порог, причем основания для такого решения прописаны достаточно широко, чтобы оставлять регулятору значительно широкие дискреции.

Исследование текущей правовой базы для регуляторных песочниц в сфере финтеха Кыргызстана выявляет, что ее фундаментом служит закон «О Национальном банке, банках и банковской деятельности Кыргызской Республики», а также специализированное положение «О специальном режиме регулирования», принятое Национальным банком

Кыргызской Республики (НБРК) [8; с. 74]. Правовой механизм, закрепленный указанными актами, строится вокруг индивидуального разрешения – документа, который НБКР выдает каждому участнику песочницы отдельно и в котором фиксируются конкретные виды допустимых операций, максимальные суммы транзакций, предельное число клиентов и срок тестирования, составляющий по общему правилу двенадцать месяцев с возможностью однократного продления. Участником может стать как уже лицензированная финансовая организация, тестирующая новый продукт за пределами своей текущей лицензии, так и компания, вовсе не имеющая финансовой лицензии, и именно второй случай представляет наибольший интерес, поскольку открывает вход в регулируемое пространство для технологических стартапов, которые при стандартном лицензировании столкнулись бы с требованиями, заведомо несоразмерными масштабу их деятельности. Однако, вход в саму песочницу устроен таким образом, что «случайные» участники отсеиваются высоким входным порогом требований: заявка должна содержать детальное описание бизнес-модели, анализ регуляторных барьеров, которые делают тестирование в обычном режиме невозможным, и план защиты потребителей на случай досрочного прекращения эксперимента. Последнее требование – план выхода – говорит о том, что регулятор изначально закладывает в конструкцию возможность неудачи как штатного прогнозируемого исхода.

Среди направлений, которые НБКР определил приоритетными для тестирования в рамках песочницы: платежные сервисы на основе мобильных технологий, системы дистанционной идентификации клиентов, платформы для денежных переводов и инструменты исламского финансирования. Последнее направление заслуживает отдельного внимания: Кыргызстан последовательно развивает нормативную базу исламских финансов с 2006 года, и песочница стала логичным продолжением этой линии – пространством, где новые инструменты, основанные на принципах шариата, могут проходить практическую проверку до того, как получат постоянное регуляторное оформление. Хорошо известно, что именно через режим тестирования в Кыргызстане отрабатывались модели агентского банкинга – проекты, при которых небанковские агенты осуществляют базовые финансовые операции от имени лицензированного банка в труднодоступных районах страны, где открытие полноценного отделения экономически нецелесообразно. Эта деталь обнажает географическое измерение кыргызской песочницы: значительная часть тестируемых моделей направлена на охват финансово недообслуживаемого населения, и регулятор встраивает задачу финансовой инклюзии прямо в критерии отбора участников.

Если смотреть на кыргызскую песочницу в сравнении с казахстанской или российской моделями, проступает принципиальное структурное отличие. В Казахстане действуют два параллельных периметра (МФЦА и АРРФР), каждый со своей правовой системой и своим кругом участников, что создает многоуровневую систему с четким разделением зон ответственности. В России песочницы интегрированы в единую федеральную структуру под эгидой Центрального Банка, с унифицированными правилами и централизованным надзором, ориентированным на масштабируемость. Кыргызстан же выбрал компактную монолитную модель в рамках Национального банка, без параллельных юрисдикций, что упрощает регуляторный процесс, но по-нашему мнению, ограничивает гибкость и международную привлекательность для крупных игроков.

Правовым фундаментом белорусской регуляторной песочницы в сфере финтеха служит Декрет Президента № 8 «О развитии цифровой экономики», подписанный в декабре 2017 года и вступивший в силу в марте 2018-го [16]. Именно этот документ, создавший Парк высоких технологий как особую юрисдикцию, заложил механизм, при котором резиденты ПВТ получили право работать с криптовалютами, токенами и смарт-контрактами в условиях, выведенных за рамки общего гражданского и финансового законодательства страны: то есть экспериментальный режим здесь конструировался через изъятие из общего правового поля, а не через надстройку над ним [6; с. 297]. Национальный банк Республики Беларусь при этом сохранил надзорные полномочия, однако их объем в отношении резидентов ПВТ был существенно сужен: оборот цифровых активов внутри периметра песочницы выводился из-под действия законодательства о ценных бумагах и банковского надзора в традиционном понимании. Стоит отметить, что правовая база режима ПВТ претерпела изменения с 2018 г., включая введение Указом Президента республики Беларусь № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» от января 2026 г. института «криптобанков» с двойным наблюдением [17].

Любопытным поворотом здесь становится и то, что белорусская модель изначально строилась вокруг субъекта – резидента ПВТ, а не вокруг конкретной технологии или продукта. Компания, получившая статус резидента, автоматически попадала в льготный правовой режим вне

зависимости от того, какой именно финтех-инструмент она разрабатывала, что создавало широкую, но слабо дифференцированную зону эксперимента [3; с. 286]. Надзор за соблюдением условий работы в этой зоне был распределен между администрацией ПВТ и Национальным банком, однако механизмы их координации в Декрете № 8 прописаны рамочно, без детальных процедур разрешения компетенционных коллизий, и этот пробел со временем стал точкой напряжения между скоростью технологического развития резидентов и темпом адаптации надзорных инструментов.

Армянская регуляторная песочница в сфере финансовых технологий формировалась иначе: через институциональную инициативу Центрального банка Республики Армения, а не через президентский декрет с широким охватом. В 2019-2020 годах ЦБ Армении разработал и внедрил собственную концепцию инновационного хаба и экспериментального режима, опираясь на полномочия, предоставленные ему Законом «О Центральном банке Республики Армения» [18] в части регулирования платежных систем и надзора за финансовыми организациями. Источниками дополнительного регулирования служат: Закон РА «О платежно-расчетных системах и платежно-расчетных организациях» [19], и нормативные акты центрального банка РА, которые регламентируют обращение электронных денег и деятельность платежных организаций.

Если смотреть на масштаб армянской песочницы в общем, то мы можем обнаружить характерную асимметрию: инструмент создавался точечным, что позволило ЦБ Армении выстроить плотный надзорный контакт с каждым участником эксперимента, в отличие от белорусской модели, где широта охвата оборачивалась разреженностью надзора. Участники армянской песочницы работали на основании рамочных соглашений с регулятором, фиксирующих допустимые параметры деятельности, ее сроки и условия выхода из экспериментального режима в стандартное лицензирование [7; с. 72]. Стоит отметить, что такая конструкция воспроизводила логику британской «FCA Sandbox», адаптированной под армянский рынок с его значительно меньшей емкостью и иным профилем рисков.

Более глубокое изучение правопорядков стран участниц ЕАЭС в части ЭПР и непосредственно регуляторных песочниц позволяет нам выявить ряд интересных институциональных решений по устройству данных механизмов, их функционирования и мониторинга процесса апробирования пилотных проектов на финансовом рынке. Также ввиду активного внедрения цифровых инноваций в финансовый сектор по всему миру, консолидирование усилий стран участниц ЕАЭС в этом направлении, активный обмен опыта на уровне центральных банков, кредитных организаций и профессиональных участников рынка является как некогда актуальным, в связи с чем создание наднациональной настройки в рамках ЕАЭС, позволяющей обмениваться опытом, полученным в рамках реализации ЭПР, а также создавать трансграничные эксперименты в финтехе имеет под собой основание.

Таким образом, исследование национальных подходов к регулированию финтеха в странах ЕАЭС позволило выработать два взаимосвязанных предложения для совершенствования наднационального регулирования:

Пересмотр позиции по применению специальных режимов в финансовом секторе: требуется отменить п. 2 Распоряжения Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. № 17, который рекомендовал исключить финансовый рынок из сферы применения специальных режимов. Данная рекомендация, сформулированная в 2018 г. устарела и противоречит текущей практике. Так, на данный момент все страны ЕАЭС уже активно используют национальные регуляторные песочницы именно в финансовой сфере. Сохранение этого пункта создает искусственные препятствия для гармонизации финтех-регулирования и формирования единого финансового рынка ЕАЭС. Опыт национальных юрисдикций показывает, что финансовые песочницы служат эффективным инструментом для законодательного прототипирования, позволяя тестировать новые нормы и модели до их официального принятия. Кроме того, сохранение данного пункта приводит к неравным конкурентным условиям для резидентов разных стран ЕАЭС, снижая инвестиционную привлекательность всего интеграционного пространства.

Создание наднациональной основы для трансграничных финтех-песочниц. Необходимо дополнить Приложение 16 к Договору о ЕАЭС нормой, которая официально разрешит применение специальных режимов для цифровых финансовых технологий на трансграничном уровне. Конкретная норма должна предусматривать: «Государства-члены обеспечивают возможность проведения трансграничного тестирования инновационных финансовых услуг в рамках наднационального регуляторного эксперимента. Участник такого эксперимента, получивший статус в юрисдикции одного Государства-челна, вправе оказывать услуги в юрисдикциях иных

Государств-членов в объеме, согласованном в индивидуальном соглашении с регулятором, при условии соблюдения базовых стандартов защиты потребителей, финансовой стабильности и информированной безопасности, утверждаемых Коллегией Евразийской экономической комиссии».

В совокупности эти изменения создадут необходимую правовую базу для трансграничного финтех-тестирования, позволят использовать регуляторные песочницы для гармонизации финансового регулирования и ускорят цифровую трансформацию ЕАЭС, обеспечивая при этом финансовую стабильность и защиту прав потребителей, а также повысит инвестиционную привлекательность союза.

Список литературы:

[1] Гаврин Д.А. Особенности совершения сделок с использованием финансовой платформы // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 5. – С. 29-35.

[2] Дячук М.И. Регуляторная песочница в Республике Казахстан: пути совершенствования // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2022. – № 3 (70). – С. 196-204.

[3] Киреева Е.Ф. Налогообложение цифрового бизнеса в Беларуси: новые подходы и стимулирующие механизмы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 46. – С. 279-290.

[4] Кравченко Л.А., Троян И.А., Лю С. Экспериментальный правовой режим: содержание и основные задачи в сфере финансовых технологий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2024. – № 3 (68). – С. 184-195.

[5] Рахатов Э.Р. Роль МФЦА в регулировании цифровых активов в Казахстане: проблемы и ограничения // Трибуна молодого ученого / Научные труды «ӘДІЛЕТ». – 2025. – № 2. – С. 144-153.

[6] Усоский В.Н. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» и опыт функционирования криптовалютного финтеха в Беларуси // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-1. – С. 295-300.

[7] Karyan A., Karyan, V. The Necessity to Introduce a Transitional Experimental Platform for Digital Technology Financial Services and Products in RA. Bulletin of Yerevan University G: Economics. – 2023. – Т. 14. – № 2(41). – С. 67-81.

[8] Makarov V. Experimental legal regimes (regulatory sandboxes). // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío. – 2022. – № 34. – С. 71-79.

[9] Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. № 17 «О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза – [Электронный ресурс] – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/324/4011/ (дата обращения 15.04.2026).

[10] Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-Ф (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 173.

[11] Указание Банка России от 25.11.2020 № 5634-У «О перечне технологий, с применением которых вводятся в употребление, создаются или используются цифровые инновации на финансовом рынке в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2020 № 62006) // Вестник Банка России. – 2021. – №3.

[12] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, 2020. № 173.

[13] Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Российская газета. – 2020. – № 162.

[14] Закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 «О Национальном Банке Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.03.2026 г.) // Казахстанская правда. – 1995. – № 73.

[15] Указ Президента Республики Казахстан от 11 ноября 2019 года № 203 «О дальнейшем совершенствовании системы государственного управления Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.01.2026 г.) // САПП Республики Казахстан. – 2019. – № 51-52. – ст. 399.

[16] Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 «О развитии цифровой экономики» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2018. – № 1.

[17] Указ Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. №19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2026. – № 3-1/22319.

[18] Закон Республики Армения от 30 июня 1996 года №ЗР-69 «О Центральном банке

Республики Армения» // Официальные ведомости Республики Армения. – 1996. – №154.

[19] Закон Республики Армения от 21 декабря 2004 года №ЗР-150 «О платежно-расчетных системах и платежно-расчетных организациях» // Официальные ведомости Республики Армения. – 2004. – №72 (371). – Ст. 1471.

References:

[1] Gavrin D.A. Features of transactions using a financial platform//Russian law: education, practice, science. – 2021. – № 5. - S. 29-35.

[2] Dyachuk M.I. Regulatory sandbox in the Republic of Kazakhstan: ways to improve//Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2022. – № 3 (70). - S. 196-204.

[3] Kireeva E.F. Taxation of digital business in Belarus: new approaches and incentive mechanisms// Bulletin of Tomsk State University. Economics. – 2019. – № 46. - S. 279-290.

[4] Kravchenko L.A., Troyan I.A., Liu S. Experimental legal regime: content and main tasks in the field of financial technologies//Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – 2024. – № 3 (68). - S. 184-195.

[5] Rakhatov E.R. The role of the AIFC in the regulation of digital assets in Kazakhstan: problems and restrictions//Tribune of a young scientist/Scientific works "Ə DILET." – 2025. – № 2. - S. 144-153.

[6] Ususky V.N. Decree of the President of the Republic of Belarus No. 8 "On the Development of the Digital Economy" and the experience of cryptocurrency fintech in Belarus//Russia: trends and development prospects. – 2022. – № 17-1. - S. 295-300.

[7] Karyan A., Karyan, V. The Necessity to Introduce a Transitional Experimental Platform for Digital Technology Financial Services and Products in RA. Bulletin of Yerevan University G: Economics. – 2023. - T. 14. – № 2(41). - S. 67-81.

[8] Makarov V. Experimental legal regimes (regulatory sandboxes). // Revista de Investigaciones Universidad del Quindío. – 2022. – № 34. - S. 71-79.

[9] Order of the Eurasian Intergovernmental Council of November 27, 2018 No. 17 "On the development of the concept of using special regimes ("regulatory sandboxes") as part of the implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union "//Official website of the Eurasian Economic Union - [Electronic resource] - URL: https://docs.eaeunion.org/documents/324/4011/ (date of appeal 15.04.2026).

[10] Federal Law of 31.07.2020 No. 258-F (ed. 31.07.2025) " On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation "//Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – № 173.

[11] Bank of Russia Ordinance No. 25.11.2020 , dated 5634-U, "On the List of Technologies Used to Introduce, Create or Use Digital Innovations in the Financial Market within the Framework of Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 31.12.2020 No. 62006)//Bank of Russia Bulletin. – 2021. – №3.

[12] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ (as amended on 15.12.2025, as amended on 20.01.2026) " On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation "//Rossiyskaya Gazeta, 2020. № 173.

[13] Federal Law of 20.07.2020 No. 211-FZ (as amended by 27.10.2025) " On Financial Transactions Using a Financial Platform "//Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – № 162.

[14] Law of the Republic of Kazakhstan dated March 30, 1995 No. 2155 "On the National Bank of the Republic of Kazakhstan" (as amended as of 19.03.2026)//Kazakhstanskaya Pravda. – 1995. – № 73.

[15] Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated November 11, 2019 No. 203 "On further improvement of the public administration system of the Republic of Kazakhstan" (as amended and supplemented as of 28.01.2026)//SAPP of the Republic of Kazakhstan. – 2019. – № 51-52. - Art. 399.

[16] Decree of the President of the Republic of Belarus dated December 21, 2017 No. 8 "On the Development of the Digital Economy "//National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. – 2018. – № 1.

[17] Decree of the President of the Republic of Belarus dated January 16, 2026 No. 19 "On crypto banks and certain issues of control in the field of digital signs (tokens) "//National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – 2026. – № 3-1/22319.

[18] Law of the Republic of Armenia of June 30, 1996 No. 3P-69 "On the Central Bank of the Republic of Armenia "//Official Gazette of the Republic of Armenia. – 1996. – №154.

[19] Law of the Republic of Armenia dated December 21, 2004 No. 3P-150 "On Payment and Settlement Systems and Payment and Settlement Organizations "//Official Gazette of the Republic of Armenia. – 2004. – №72 (371). - Art. 1471.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-559-562

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВСЕЛЕНИЯ И ВЫСЕЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ФССП РОССИИ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию принудительного выселения должников из занимаемых жилых помещений, а также вселению взыскателя в жилое помещение. В статье раскрывается механизм принудительного исполнения исполнительных документов, касающихся выселения должников и вселения взыскателей в жилые помещения. Основное внимание уделяется анализу нормативной базы, регулирующей действия сотрудников Федеральной службы судебных приставов России (ФССП) в данной области. Автором раскрываются исторические аспекты создания Федеральной службы судебных приставов России. Приводится понятие и значение исполнительных действий, проводимых судебными приставами-исполнителями. Настоящая статья раскрывает ключевые предпосылки, а также юридические факты, предшествующие принудительному выселению граждан из жилого помещения. Автором приводится подробный алгоритм действий должностных лиц Федеральной службы судебных приставов России по принудительному выселению должников из занимаемых жилых помещений, а также вселению взыскателей в жилые помещения по решению суда. В статье анализируется механизм принудительного исполнения исполнительных документов, связанных с выселением должников и вселением взыскателей в жилые помещения. Рассматривается нормативная база, регулирующая действия сотрудников Федеральной службы судебных приставов России (ФССП), а также основные этапы исполнительного производства. Описаны процедуры, которые осуществляются судебными приставами, включая уведомление должника, организацию принудительного выселения и составление актов о совершении исполнительных действий. Особое внимание уделено вопросам хранения и реализации имущества должников, а также обеспечению прав взыскателей на вселение. В статье подчеркивается значимость ФССП России в восстановлении нарушенных прав граждан в сфере жилищных правоотношений и необходимость эффективного механизма принудительного исполнения судебных решений.*

Ключевые слова: *ФССП России, принудительное исполнение, конституционное право, выселение, жилищное право.*

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,

Professor, Doctor of Law, Professor in the Department of Civil Law at the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

FORCED EVICTION AND SETTLEMENT IN RESIDENTIAL PREMISES BY THE FEDERAL BAILIFF SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *This article examines the forced eviction of debtors from occupied residential premises, as well as the settlement of creditors in residential premises. The article discusses the mechanism for the forced execution of writs of execution related to the eviction of debtors and the settlement of creditors in residential premises. The focus is on analyzing the regulatory framework governing the actions of Federal Bailiff Service (FSSP) officers in this area. The author examines the historical aspects of the establishment of the Federal Bailiff Service of Russia and explains the concept and significance of enforcement actions carried out by bailiffs. This article explores the key prerequisites and legal facts preceding the forced eviction of citizens from residential premises. The author provides a detailed algorithm of actions taken by Federal Bailiff Service officials to forcibly evict debtors from occupied residential premises, as well as to settle creditors in residential premises*

by court order. This article analyzes the mechanism for the forced enforcement of writs of execution related to the eviction of debtors and the occupancy of creditors. It examines the regulatory framework governing the actions of employees of the Federal Bailiff Service of Russia (FSSP), as well as the main stages of enforcement proceedings. It describes the procedures carried out by bailiffs, including notifying the debtor, organizing the forced eviction, and drafting the acts of execution. Particular attention is paid to the storage and sale of debtors' property, as well as ensuring the creditors' right to occupancy. The article emphasizes the importance of the FSSP in restoring violated rights of citizens in housing legal relations and the need for an effective mechanism for the enforcement of court decisions.

Key words: *FSSP of Russia, enforcement, constitutional law, eviction, housing law.*

Целями настоящей статьи являются раскрытие механизма принудительного исполнения исполнительных документов о принудительном выселении должников, а также вселении взыскателей в жилые помещения.

Анализируется нормативная база, регулирующая вселение и выселение сотрудниками ФССП России.

Основные задачи настоящей статьи заключаются в рассмотрении вопроса освобождения жилых помещений от личных вещей должника, обеспечению беспрепятственного вхождения и проживания взыскателя в жилом помещении.

Методологическую основу составляют общенаучные методы познания: диалектический метод, исторический, логический; и частно-научные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие.

Современная служба судебных приставов начала формироваться после распада СССР. В 1997 году был принят Федеральный закон «О судебных приставах», который определил статус, права и обязанности судебных приставов. В этом же году был принят федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», который на законодательном уровне сформировал и определил полномочия, а также порядок принудительного исполнения судебным приставом исполнительных документов. [1, с. 279-283].

Федеральная служба судебных приставов России является многозадачным институтом принудительного исполнения в современной России, своей деятельностью ФССП России восстанавливает справедливость и нарушенные права.

В силу пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» в процессе принудительного исполнения судебных актов и актов других органов, предусмотренных законом об исполнительном производстве, судебный пристав-исполнитель принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов. [2, с. 73-77.].

Прообраз современной службы судебных приставов зародился в период существования Киевской Руси. Именно в этот исторический период происходит формирование отдельных принудительных функций по исполнению решений высших должностных лиц, а именно, князей. [3, с. 734-737]. Принудительное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц возлагается на Федеральную службу судебных приставов, а также ее территориальные органы. [4, с. 392-396].

Статья 40 Конституции РФ закрепляет право каждого на жилище и неприкосновенность такого жилья, при этом выселение человека из жилого помещения допускается исключительно на основании решения суда. Часть 1 статьи 11 Жилищного кодекса Российской Федерации гарантирует приоритет защиты прав и свобод человека в защите нарушенных жилищных прав. При этом выселение человека из занимаемого жилого помещения относится к компетенции судов общей юрисдикции по правилам территориальной подсудности.

Человека из жилого помещения могут выселить по ряду установленных юридических фактов, так, например, в случае, если гражданин использует жилое помещение не по назначению или своей деятельностью нарушает права и свободы соседей, то по решению суда он может быть выселен из жилого помещения. Такая форма выселения является крайней мерой защиты прав и свобод лиц, проживающих в доме, подобная форма довольно редко применяется к злостному нарушителю прав и свобод соседей.

Более частым поводом к выселению гражданина является факт признания дома аварийным. Если в установленный срок собственники не выполнят предъявленное требование, земельный участок, на котором расположен дом, и, соответственно, каждое помещение в этом доме подлежат изъятию (ч. 10 ст. 32 ЖК РФ). Также жилое помещение в порядке ч. 1 ст. 32 ЖК РФ может быть изъято у собственника

для государственных или муниципальных нужд.

Статья 29 ЖК РФ предусматривает, что, если собственник жилого помещения отказывается устранить самовольные перепланировки или изменить произведённые им в жилом помещении изменения в установленные разумные сроки, то по решению суда он может быть выселен из жилого помещения.

Пункт 2 статьи 292 ГК РФ также определяет, что в случаях перехода прав собственности от одного субъекта жилищных правоотношений к другому, возможно выселение бывшего собственника жилого помещения в принудительном порядке.

Перечисленный перечень юридических фактов, при которых возможно выселение гражданина из занимаемого жилого помещения не является исчерпывающим и содержит в себе более коллизионные и узконаправленные предпосылки к выселению граждан из жилого помещения. Так, например, если гражданин занимал жилое помещение в период трудоустройства в том или ином учреждении, то после его ухода из такого учреждения он может быть выселен из служебной квартиры в принудительном порядке. В случаях, когда гражданин вводит в заблуждение жилищную комиссию по выдаче служебных квартир, он также может быть выселен в принудительном порядке.

Следует отметить, что любой факт и случай выселения в принудительном порядке допускается исключительно по решению суда. В случаях, если гражданин отказывается от выселения из занимаемого жилого помещения в добровольном порядке, то он может быть подвергнут выселению в принудительном порядке. Принудительное выселение гражданина из жилого помещения относится к ведению и компетенции ФССП России. Именно служба судебных приставов обеспечивает выселение должника из квартиры или иного жилого помещения, а также вселение взыскателя в случае поступления исполнительного документа к принудительному исполнению.

Исполнительный документ о принудительном выселении должника или вселении взыскателя, предъявляется по месту совершения исполнительных действий, необходимых для принудительного исполнения требований исполнительного документа, то есть по месту нахождения квартиры, из которой нужно выселить должника или вселить взыскателя.

Исполнительное действие - это комплекс мер, направленных на побуждение должника к исполнению требований исполнительного документа. К исполнительным действиям судебного пристава-исполнителя можно отнести следующие действия: вызов сторон исполнительного производства для дачи объяснений в рамках возбужденного исполнительного производства; запрашивание необходимых сведений в рамках исполнительного производства; производить розыск должника и т. д. [4, с. 392-396].

Судебный пристав-исполнитель при возбуждении исполнительного производства направляет исполнительный документ в адрес должника и дает ему срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа. По общему правилу срок для добровольного исполнения составляет пять рабочих дней с даты уведомления должника о возбуждении исполнительного производства.

В случае, если должник самостоятельно не выселился из жилого помещения или не перестал чинить препятствий взыскателю по проживанию в жилом помещении, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании с должника исполнительского сбора по исполнительному документу неимущественного характера. Для физических лиц размер исполнительского сбора составляет 10 000 рублей. После вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора, судебный пристав-исполнитель устанавливает новый срок для должника, в течение которого он должен освободить жилое помещение или перестать чинить препятствия взыскателю по проживанию в жилом помещении. Новый срок устанавливается судебным приставом-исполнителем самостоятельно, исходя из принципов разумности.

В тех случаях, когда должник после истечения нового срока для исполнения требований исполнительного документа не исполняет установленные судебным приставом-исполнителем требования, он может быть выселен принудительно из жилого помещения.

Когда должник отказывается в добровольном порядке выселяться из жилого помещения, судебный пристав-исполнитель готовит уведомление о дате и времени принудительного выселения, надлежащим образом уведомляет должника о том, что в отношении него будет осуществлено принудительное выселение и дает повторный новый срок на этот раз для вывоза личных вещей должника из квартиры.

По истечении установленного срока судебный пристав-исполнитель в присутствии двух понятых, а также сотрудника полиции осуществляет вскрытие квартиры. При обнаружении в жилом помещении личных вещей судебный пристав-исполнитель в присутствии понятых составляет акт-опись имущества должника, в который включаются все личные вещи должника, находящиеся в жилом помещении.

По результатам принудительного

выселения должника из жилого помещения судебный пристав-исполнитель составляет акт о совершении исполнительных действий, в котором отражается, что требования исполнительного документа исполнены в полном объеме.

Пункт 6 статьи 107 ФЗ №229 «Об исполнительном производстве» предусматривает, что судебный пристав-исполнитель обеспечивает хранение описанного имущества по результатам принудительного выселения с возложением на должника понесенных расходов. Если в течение двух месяцев со дня передачи имущества под охрану или на хранение должник не забрал указанное имущество, то судебный пристав-исполнитель после предупреждения должника в письменной форме передает указанное имущество на реализацию.

Вселение включает в себя обеспечение судебным приставом-исполнителем беспрепятственного входа взыскателя в указанное в исполнительном документе помещение и его проживания (пребывания) в нем.

Вселение также как и выселение происходит в присутствии понятых с составлением соответствующего акта.

Федеральная служба судебных приставов России играет важную роль в восстановлении нарушенных прав и свобод, связанных с жилищными правами и жилищными правоотношениями. ФССП России в своем арсенале имеет полномочия по осуществлению принудительного выселения и вселения, в отличие от остальных органов государственной власти.

Таким образом, можно сделать вывод о важности ФССП России при принудительном выселении должников из занимаемых жилых помещений, а также вселении взыскателей в жилые помещения. Таковы особенности правовых и организационных аспектов принудительного исполнения исполнительных документов о порядке выселения и вселения в жилые помещения ФССП России.

Список литературы:

[1] Историческое развитие и становление службы судебных приставов России / Т. К. Кириллова, И. А. Беланов, Н. Н. Великая [и др.] // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2025 года. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2025. – С. 279-283. – EDN IJVOKB.

[2] Кириллова, Т. К. Неуплата алиментов на содержание несовершеннолетних детей как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Т. К. Кириллова // Образование и право. – 2025. – № 12. – С. 73-77. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-73-77. – EDN KMTVOB.

[3] Кириллова, Т. К. История создания Федеральной службы судебных приставов России / Т. К. Кириллова // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 734-737. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-1-734-737. – EDN GPSIXE.

[4] Кириллова, Т. К. Институт Федеральной службы судебных приставов России при исполнении требований исполнительного документа / Т. К. Кириллова // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 392-396. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-1-392-396. – EDN HOTPJY.

References:

[1] The historical development and formation of the service of bailiffs of Russia/T. K. Kirillova, I. A. Belanov, N. N. Velikaya [et al.]//Human rights activities in modern Russia: problems and their solutions: Collection of scientific works of the XI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 24, 2025. - Samara: Volga Scientific Corporation LLC, 2025. - S. 279-283. – EDN IJVOKB.

[2] Kirillova, T. K. Non-payment of alimony for the maintenance of minor children as a threat to the national security of the Russian Federation/T. K. Kirillova//Education and law. – 2025. – № 12. - S. 73-77. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-73-77. – EDN KMTVOB.

[3] Kirillova, T. K. History of the creation of the Federal Bailiff Service of Russia/T. K. Kirillova// Education and Law. – 2026. – № 1. - S. 734-737. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-1-734-737. – EDN GPSIXE.

[4] Kirillova, T.K. Institute of the Federal Bailiff Service of Russia in fulfilling the requirements of the executive document/T.K. Kirillova//Education and Law. – 2026. – № 1. - S. 392-396. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-1-392-396. – EDN HOTPJY.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-563-570
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ДЕМИЧЕВ Александр Дмитриевич,

бакалавр юриспруденции Выпускник Московского государственного юридического университета,

e-mail: Derrou66@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ИНСТИТУТА АСТРЕНТА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Не так давно в российском праве появился институт астрента или по-другому – судебной неустойки. Данный институт является важным дополнением российского законодательства, поскольку призван повысить исполнимость судебных решений через стимулирование должников путем косвенного принуждения к исполнению судебных актов. В статье рассматриваются некоторые имеющиеся у астрента проблемы в российском праве, связанные с размером астрента, данной ему ролью в доктрине, правоприменением и особенностями правового регулирования. Вместе с тем автором в статье предлагается несколько иной взгляд на этот институт, который может помочь в повышении его эффективности и реализации на практике соответственно со смыслом его появления в российском праве. В результате исследования можно сделать вывод, что у астрента сохраняются проблемы, не позволяющие этому институту действовать наиболее эффективно.*

Ключевые слова: *судебная неустойка, астрент, исполнение обязательства в натуре, стимулирование к исполнению судебного акта, неисполнение судебного акта, недопустимость извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.*

DEMICHEV Alexander Dmitrievich,

Bachelor of Laws Kutafin Moscow State Law University Graduate

PROBLEMS OF THE ASTREINTE INSTITUTION IN RUSSIAN LAW

Annotation. *The institution of astreinte, also known as a judicial penalty payment, was introduced into Russian law relatively recently. This institution constitutes an important addition to Russian legislation, as it is intended to improve the enforcement of court decisions by encouraging debtors to comply with judicial acts through indirect coercion. The article examines several existing problems associated with astreinte in Russian law, including issues related to the amount of the penalty, its doctrinal role, law enforcement practice, and specific features of its legal regulation. At the same time, the author proposes an alternative perspective on this institution, which may contribute to enhancing its effectiveness and practical implementation in accordance with the rationale behind its introduction into Russian law. The study concludes that astreinte continues to face a number of problems that prevent this institution from functioning as effectively as possible.*

Key words: *judicial penalty payment; astreinte; specific performance of obligations; incentives for compliance with judicial acts; non-compliance with judicial acts; prohibition of deriving benefits from unlawful or bad-faith conduct*.

1. Проблематика астрента, связанная с сферой его применения.

В соответствии со ст. 308.3 ГК РФ в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

Таким образом, законодательство устанавливает для астрента (судебной неустойки) его применимость только по обязательствам, исполнение которых осуществляется в натуре. Это подтверждается п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24.03.2016

г. «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – ППВС № 7), где указано: на основании пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ в целях побуждения должника к своевременному исполнению обязательства в натуре, судом могут быть присуждены денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-взыскателя (далее - судебная неустойка).

Таким образом, из сферы его применения исключаются денежные обязательства, имеющие большой удельный вес среди других гражданско-правовых обязательств.

Авторы трудов по астренту в целом сходятся на том, что это верно и применять судебную неустойку к денежным обязательствам не требуется. Это вполне объяснимо, поскольку у денежных обязательств имеется большее количество санкционных мер или мер, направленных на обеспечение их исполнения. Так, например, в соответствии со ст. 396 ГК РФ в случае нарушений обязательств, исполняемых в натуре, существуют только два вида санкций: возмещение убытков и взыскание неустойки. В указанном случае добавлять астрент дополнительно в качестве меры, стимулирующей исполнение денежного обязательства, было бы излишним.

Интереснее рассмотреть сферу применения астрента по отраслевому классификационному основанию. Так, исходя из ст. 308.3 ГК РФ и п. 30 ППВС № 7, где сказано: поскольку по смыслу пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ судебная неустойка может быть присуждена только на случай неисполнения гражданско-правовых обязанностей, она не может быть установлена по спорам административного характера, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства и главы 24 АПК РФ, при разрешении трудовых, пенсионных и семейных споров, вытекающих из личных неимущественных отношений между членами семьи, а также споров, связанных с социальной поддержкой, применение астрента по отраслевому классификационному основанию возможно по общему правилу только в гражданских правоотношениях.

В соответствии с п. 28 ППВС № 7 астрент – это денежные средства, присуждаемые судом на случай неисполнения соответствующего судебного акта в пользу кредитора-взыскателя, его декларируемой целью является побуждение (стимулирование) должника к своевременному исполнению обязательства в натуре. Исходя из этого же пункта, судебная неустойка, также в соответствии с французской моделью, взыскивается в пользу истца, а не государства.

Таким образом, астрент призван а) для стимулирования должника к исполнению судебного акта (декларируемо) б) для компенсации потерь истца вследствие задержки исполнения обязательства, присужденного истцу вступившим в законную силу решением. Исходя из этих положений становится неясным, почему из отраслевой сферы применения астрента исключены административные отношения, семейные, трудовые, ведь во всех них есть частные интересы лица (истца) и во всех них с ровно такой же степенью значимости и важности необходимо исполнение судебных актов, которые имеют точно такую же обязательную к исполнению юридическую силу. К сожалению, ни Верховный суд, ни рассмотренные автором доктринальные источники не поясняют такой выбор закрепленных положений. В некоторых случаях допускается применение астрента в смежных областях, где, например, имеют место административные отношения, но связанные с исполнением гражданских обязанностей, однако это является явно недостаточным. Вместе с тем в судебной практике подчеркивается публично-правовая составляющая роли судебной неустойки, [9, 10], что особенно не связывается с логикой исключения административных и иных правоотношений из сферы действия астрента.

Нам представляется несправедливым и нелогичным сложившееся положение дел, поскольку, как было указано выше, сущности, смыслу и логике астрента это не противоречит. По крайней мере астрент можно было бы применять в указанных отраслях права в случаях неисполнения обязательств в натуре. Законодательство Франции, откуда и был реципирован астрент, не устанавливает ограничений сфер его применения [1]. Так, например, во Франции астрент может быть применен в семейных правоотношениях в случае неисполнения обязательства в натуре, а именно передачи детей на попечение супруга, в пользу которого вынесено решение, а также в других случаях [2]. Лобышева Е.А. также приводит мнение, что для целей стимулирования и повышения процента исполнимости судебных актов рецепция астрента должна проводиться без ограничения сферы его применения [1]. Уточняя данное мнение, мы считаем, что ограничения сферы применения судебной неустойки должны быть сняты в отраслевой сфере, а именно астрент необходимо также применять и в публичных, и в иных частных отраслях права, где имеет место исполнение обязательств в натуре.

Таким образом, автором предлагается расширить применение института астрента на другие отрасли права в частях исполнения

обязательств в натуре, что позволит повысить исполнимость вынесенных судебных актов и компенсировать истцу потери от неисполнения присужденных в его пользу обязательств.

2. Проблематика астрента, связанная с его правовым закреплением.

Несмотря на то, что из доктрины и частично из законодательства с некоторой степенью ясности следует, что астрент применяется только при неисполнении обязательств в натуре, существует правовая неопределенность в этом вопросе при системном подходе к действующему правовому регулированию. Так, в соответствии со ст. 12 ГК РФ среди имеющихся законодательных способов защиты прав, имеется присуждение к обязательству в натуре, но нет никаких иных способов защиты прав, позволяющих исполнить денежное обязательство. Т.е. получается, что для исполнения денежных обязательств в соответствии с указанной статьей имеется только способ защиты, поименованный как «присуждение к исполнению обязательства в натуре».

Данное положение создает правовую неопределенность, позволяющую предположить, что астрент может быть применим и к денежным обязательствам. Такая неопределенность была замечена в статье Резиной Н.А., Ивановой Л.В. [3], а также в комментарии к ст. 308.3 ГК РФ [4], где сказано: «В ст. 12 ГК РФ, где перечисляются признаваемые правом способы защиты гражданских прав, не упоминается такой способ защиты, как взыскание основного денежного долга, но при этом упоминается иск о присуждении к исполнению обязанности в натуре. Именно к последней категории исков и следует относить иск о взыскании основного долга, поскольку посредством такого иска кредитор принуждает ответчика к исполнению своей основной обязанности, к осуществлению того предоставления, которое он обязался осуществить.»

В ст. 206 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК) и ст. 332 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК), где также закреплены нормы о взыскании судебной неустойки, упоминаний о принадлежности астрента к денежным или неденежным обязательствам не содержится. О том, что судебная неустойка не взыскивается по денежным обязательствам, прямо закреплено в п. 30 ППВС № 7, однако поскольку постановления Пленума нормативно-правовыми актами не являются, то можно констатировать правовую неопределенность в нормативном регулировании института астрента. Вместе с тем, поскольку ППВС № 7 является фактически основным регулятором института судебной неустойки, необходимо рассмотреть его подробнее, в том числе указав на имеющуюся в его положениях проблематику.

Так, в соответствии с п. 28 ППВС № 7 указывается на право суда присудить денежные средства на случай неисполнения соответствующего судебного акта. Этому пункту противоречит п. 31 ППВС № 7, в котором сказано, что суд обязан присудить судебную неустойку в случае удовлетворения иска о понуждении к исполнению обязательства в натуре. Эти положения содержат противоречие, не позволяющее точно определить вопрос, является ли установление судом астрента правом или обязанностью суда? Возможно, Верховный суд в этих положениях имел в виду, что установление астрента возможно при соответствующем заявлении истца и удовлетворении его требований по исполнению обязательства в натуре, но суд по умолчанию астрент не устанавливает. Но это лишь предположение, которое не устраняет имеющееся противоречие.

В гипотезе ст. 308.3 ГК РФ имеется ссылка на ст. 330 ГК РФ, что может ошибочно сформировать мнение, что судебная неустойка может быть уменьшена по аналогии с договорной или законной в порядке ст. 333 ГК РФ, создавая иллюзию пересмотра ранее установленного размера астрента. Однако, как указано в определении Четвертого КСОЮ со ссылкой на определение Верховного суда от 5 июня 2018 года № 305-ЭС15-9591, [11] законом не предусмотрена возможность повторной оценки судебной неустойки. В этом смысле ссылка на статью 333 ГК РФ в гипотезе статьи 308.3 ГК РФ не является оправданной.

В указанном определении Четвертого КСОЮ также приведена позиция, что ответчик по делу с заявлениями об отсрочке или рассрочке исполнения, изменении способа и порядка исполнения решения суда не обращался, а потому неисполнение обязательства ответчиком не является обоснованным. При нашем согласии с данным выводом суда необходимо отметить, что в ППВС № 7 необходимо предусмотреть положение, позволяющее пересмотр размера судебной неустойки в случае, когда по объективным причинам должник не мог представить суду доказательства затруднительности или невозможности исполнения судебного акта своевременно. В ином случае пересмотр надлежит оставить невозможным. Данное положение, на наш взгляд, более полноценно могло бы позволить реализовывать принципы справедливости и соразмерности присуждаемого астрента.

Ключевым вопросом при рассмотрении данного раздела статьи, на наш взгляд, является

момент начала взыскания присужденного астрента. Так, в соответствии со ст. 206 ГПК РФ указано, что для исполнения судебного акта, обязывающего исполнить обязательство в натуре, суд устанавливает срок для его исполнения. В п. 27 ППВС № 7 также указано: удовлетворяя требование кредитора о понуждении к исполнению обязательства в натуре, суд обязан установить срок, в течение которого вынесенное решение должно быть исполнено. В п. 33 ППВС № 7 конкретизируется, что судебный акт в части взыскания судебной неустойки подлежит принудительному исполнению только по истечении определенного судом срока исполнения обязательства в натуре.

Таким образом, момент начала взыскания астрента устанавливается только после истечения срока, установленного судом для исполнения судебного акта. Данное положение, на наш взгляд, является очень спорным. Общеизвестно, что исполнение судебного акта начинает осуществляться, по общему правилу, после его вступления в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения. Конечно, определенная логика данного регулирования для обязательств, исполняемых в натуре, имеется: необходим срок, чтобы произвести какие-то действия, мгновенно их выполнить не всегда можно. Но насколько справедливо делать это обособление? Ведь исполнить денежное обязательство сразу после вступления судебного акта в силу тоже не всегда возможно: у должника не может быть денег или могут быть иные обстоятельства, препятствующие такому исполнению, но во внимание проблемы должника при этом не принимаются, тогда как для должника по обязательству, исполняемому в натуре, устанавливается возможность исполнить судебный акт не сразу после вступления судебного акта в законную силу.

Автор считает сложившееся регулирование не вполне справедливым. Таким образом, одни должники ставятся в неравное положение с другими должниками, исполнение решения суда осуществляется дольше, чем при исполнении решения суда, не связанного с исполнением в натуре, а кредитор несет потери, поскольку мог бы получать астрент при неисполнении судебного акта с момента его вступления в законную силу. Стоит также учесть, что по общему правилу на вступление решения суда в законную силу отводится месяц, а иногда и больше, за это время должник мог бы если не исполнить решение суда (избегая издержек в случае обжалования судебного акта), то хотя бы осуществить приготовления к такому исполнению в случае, если вступление в законную силу состоится без обжалования судебного акта.

До ППВС № 7 присуждение судебной неустойки регулировалось Постановлением Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» (далее – ПВАС № 22) (ныне утратил силу). В абз. 5 п. 3 ПВАС № 22 указано: «суд определяет момент, с которого соответствующие денежные средства подлежат начислению. Так, возможно начисление денежных средств с момента вступления решения в законную силу.»

Таким образом, суд определял возможность начала взыскания астрента с момента вступления решения суда в законную силу, что дополнительно подтверждает идею автора о возможности правового регулирования момента начала начисления судебной неустойки по этому пути. Также стоит отметить, что ст. 174 АПК РФ указывает, что суд в отношении организации лишь может указать срок исполнения обязательства в натуре, без указания на такую обязанность. Обращая внимание на французское законодательство, необходимо отметить, что судебная неустойка может быть назначена не ранее официального вступления решения суда в силу [2]. Т.е. теоретически допускается назначение астрента с момента вступления в законную силу и предоставление дополнительного срока на исполнение не предполагается обязательным. В судебной практике также встречаются случаи, когда требование о взыскании судебной неустойки было удовлетворено со дня вступления решения суда в законную силу [12].

Что касается риска, связанного с начислением астрента при невозможности исполнения, то ППВС № 7 предусматривает, что объективная невозможность исполнения обязательства не дает права присуждения судебной неустойки с момента возникновения такой невозможности. В предлагаемом автором правовом регулировании момента начала взыскания астрента этому принципу должно быть уделено еще большее внимание ввиду сокращения возможного срока исполнения без начисления астрента.

В связи с предлагаемым нами правовым регулированием, положения ст. 206 ГПК, ст. 174 АПК, ППВС № 7, связанные с установлением судом срока на исполнение решения суда надлежит пересмотреть.

Но из предложенного положения о моменте присуждения судебной неустойки дополнительно возникает внимание к проблеме, связанной с основанием начисления астрента. Действующее правовое регулирование судебной неустойки не

уточняет особенностей возникновения такого основания. Можно ли считать нарушением исполнения обязательства, если в надлежащий срок исполнение обязательства в натуре уже началось, протекает добросовестно, но до конца срока исполнено быть не может? В случае допущения неполного исполнения обязательства к определенному моменту в какой доле это обязательство должно быть исполнено к истечению надлежащего срока, чтобы к должнику не была применена судебная неустойка? Эта проблема также встречается в судебной практике.

Так, в одном из дел суд не допустил частичное неисполнение обязательства [13]. В другом деле Верховный суд установил, что начатое вовремя, но незаконченное к концу установленного в решении суда срока исполнение обязательства не является основанием для взыскания судебной неустойки [14], что подтверждает изложенную в настоящей статье автором позицию.

Однозначного ответа, как разрешить эту проблему, на данный момент нет. Мы полагаем, что если исполнение обязательства в натуре началось в надлежащий срок, должник предпринимает все необходимые действия, требующиеся от него в силу принципа добросовестности, то неисполнение обязательства до конца в срок не будет являться основанием для начисления астрента. Однако для исключения злоупотреблений со стороны должника, такая ситуация должна иметь контроль судебным приставом-исполнителем. В случае искусственного затягивания сроков или иного возникновения недобросовестности должника при исполнении обязательства в натуре, это будет являться основанием для начисления астрента до момента фактического и полного исполнения обязательства.

3. Роль астрента в российском праве

В законодательном регулировании астрента указания на его роль не содержится. В позиции Верховного суда, изложенной в ППВС № 7, судебная неустойка представляется как мера, побуждающая к своевременному исполнению обязательства в натуре [15]. В доктринальных источниках взгляды на роль и правовую природу астрента разнятся. Так, например, высказываются мнения, что астрент – это наказание частноправового характера за неисполнение обязательства; наказание публично-правового характера за неисполнение обязательства; убытки; обеспечительная мера и прочее [5].

Некоторыми также отмечается, что судебная неустойка является дополнительной мерой воздействия на должника, мерой стимулирования и косвенного принуждения, а также является по своей природе мерой имущественной ответственности и направлена в первую очередь на стимулирование должника к совершению определенных действий или воздержанию от них [6]. В судебной практике встречается позиция, что судебная неустойка несет в себе публично-правовую составляющую, поскольку является мерой ответственности на случай неисполнения судебного акта, устанавливаемой судом, в целях дополнительного воздействия на должника [16].

На наш взгляд, текущая роль астрента в российском праве не является способствующей эффективности его действия. Роль стимулирующей меры, способствующей дополнительному воздействию на должника, не способствует в полной мере выполнению той функции, для которой астрент был введен в российское право. Судебная неустойка должна быть основным методом воздействия на должника в случае неисполнения им судебного акта, которым присуждается исполнение обязательства в натуре. Мы предлагаем прокредиторский подход к применению астрента. Выбор такого подхода обусловлен тем, что существующая низкая эффективность применения астрента ведет к тому, что кредитор несет потери вследствие неисполнения обязательства в натуре в связи с виновным поведением должника. Безусловно, соблюдение баланса интересов при применении судебной неустойки является обязательным, в связи с чем суду, назначающему астрент, или судебному приставу-исполнителю при контроле исполнения необходимо проверять объективную возможность исполнения обязательства должником, а также его ход в случае неполного исполнения обязательства к назначенному сроку. Это и будет являться реализацией принципов справедливости и соразмерности, а также оценки возможности исполнения обязательств, установленных в п. 33 и п. 35 ППВС №7.

На наш взгляд, основными функциями судебной неустойки должны являться компенсационная и карательная. Компенсационная состояла бы не во взыскании убытков, поскольку такое право имеется у кредитора при неисполнении обязательства в натуре в силу закона, а, скорее, в компенсации «ожидания», поскольку при неисполнении присужденного к исполнению обязательства кредитор несет как минимум моральные издержки, не получая того, на что он рассчитывал при вынесении решения в свою пользу, тогда как должник продолжает уклоняться от исполнения. Карательная функция в таком случае состояла бы в том, что должник нес бы тем большие материальные потери, чем дольше он уклоняется от исполнения присужденного обязательства, получая наказание за неправомерное поведение, что способствовало бы сразу двум целям: получению кредитором

причитающегося и исполнению судебного акта. Важнейшую роль в прокредиторском подходе играют такие принципы астрента: исполнение судебного акта должно быть для должника явно более выгодным, чем его неисполнение, а также принцип недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

В ранее действовавшем регулировании астрента, установленном ПВАС № 22, на наш взгляд, была указана верная его роль. Так, в качестве целей установления судебной неустойки суд определял своевременное исполнение судебного акта и компенсацию за ожидание соответствующего исполнения [17]. На компенсационный характер астрента также указывалось в некоторых других работах [5,7,8].

4. Проблематика размера астрента

Одной из важнейших составляющих в институте судебной неустойки является ее размер. При рассмотрении действующей судебной практики выяснилось, что в большинстве случаев размер присуждаемого астрента не позволяет эффективно его применять.

Согласно действующему правовому регулированию, четкой и конкретной системы установления размера астрента нет, в связи с чем некоторые авторы относят это к проблематике. На наш взгляд, установить четкую систему с определенными критериями, по которой бы можно было бы устанавливать конкретные размеры астрента, на данный момент не представляется возможным, более того, необходимость такой системы остается под вопросом.

Однако исходя из анализа судебной практики, размеры присуждаемых судебных неустоек в большинстве случаев остаются крайне незначительными, особенно по спорам, рассматриваемым в судах общей юрисдикции. Так, например, в рассмотренных автором случаях размер судебной неустойки не превышал 1 000 руб. [18, 19, 20, 21, 22, 23] за каждый день неисполненного обязательства. Такие суммы не способны стимулировать должника к исполнению обязательства эффективно.

Касаясь темы размеров астрента, хотелось бы высказаться о некоторых идеях других авторов. Так, в своей работе Резина Н.А., Иванова Л.В. высказываются за ограничение размеров взыскиваемой судебной неустойки, чтобы не допустить неосновательного обогащения кредитора [3]. Это противоречит нашей идее о судебной неустойке как в первую очередь о мере компенсационного характера, а также противоречит декларируемой сущности астрента – побуждению должника к исполнению. Прекратить дальнейшее начисление астрента должник может, осуществив исполнение присужденного ему обязательства. Затягивание должником процесса исполнения наносит ущерб кредитору, причем сроки такого затягивания могут быть очень разными. Ограничение размеров присужденной судебной неустойки позволило бы должнику затягивать процесс исполнения бесконечно долго при преодолении ограничительной отметки.

Таким образом, мы выступаем против идеи ограничения размера присужденного астрента. Текущая модель начисления судебной неустойки – начислять выплаты по ней так долго, как долго длится срок неисполнения обязательства – является наиболее справедливой, соответствующей духу и сущности института судебной неустойки, а также позволяет компенсировать кредитору все потери, в том числе моральные, выступая средством «компенсации за задержку» исполнения.

Средний размер присуждаемой судами судебной неустойки в России необходимо пересмотреть, начиная с практики Верховного суда, который своим примером показал бы нижестоящим судам наиболее справедливый подход к оценке размера астрента. Отказ от пересмотра сложившегося положения не позволит сделать институт судебной неустойки по-настоящему действенным правовым средством.

Список литературы:

[1] Лобышева, Е.А., Астрент в российском и зарубежном праве / Лобышева Е.А. // Юридический вестник молодых ученых, 3 – Москва, 2016. – 88 стр.

[2] Варчук, А. А., Пашкова, Д. А., L'astreinte & Астрент: сравнительно-правовой аспект // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 2. С. 22–30.

[3] Резина, Н.А., Иванова, Л.В., Астрент: проблемы применения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). С. 20-23.

[4] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2022. – 1496 с. – (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.).

[5] Буланова, Д.С., Кравцов, Р.В., Правовая природа астрента // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 2 (20). С. 28–32.

[6] Михайлов, А., Расчет и начисление астрента в случае окончания исполнительного производства с последующим его возобновлением. - СПС «Гарант»: [сайт]. – 2024. – URL: https://www.garant.ru/consult/practice/1760947/ (дата

обращения: 05.05.2026).

[7] Зобнина, А.А., Судебная неустойка (астрент): вопросы теории и практики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5, № 3 (19).

[8] Милов, П.О., Астрент как мера гражданско-правовой ответственности // Вестник академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 35–39.

[9] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 306-ЭС23-17742 от 12.12.2023 г.

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 305-ЭС15-9591 от 05.06.2018 г.

[11] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 88-3309/2026 от 10.02.2026 г.

[12] Решение Кировского районного суда г. Самары № 2-5122/2023 от 28.09.2023 г.

[13] Решение Кировского районного суда г. Саратова. № 2-62/2025 от 22.04.2025 г.

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС21-17002 от 24.01.2022 г.

[15] П. 28 ППВС № 7

[16] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 306-ЭС23-17742 от 12.12.2023 г.

[17] П.3 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта»

[18] Постановление 18-го Арбитражного апелляционного суда № 18АП-14480/2017 от 22.12.2017 г.

[19] Решение Подольского городского суда Московской области № 2-9587/2025 от 25.09.2025 г.

[20] Решение Ленинского районного суда г. Барнаула № 2-623/2025 от 28.09.2025 г.

[21] Решение Киевского районного суда г. Симферополя № 2-3462/2025 от 12.10.2025 г.

[22] Решение Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода № 2-5384/2025 от 30.09.2025 г.

[23] Решение Железнодорожного районного суда г. Красноярска № 2-3425/2025 от 28.09.2025 г.

References:

[1] Lobysheva, E.A., Astrent in Russian and Foreign Law/Lobysheva E.A.//Legal Bulletin of Young Scientists, 3 - Moscow, 2016. - 88 pp.

[2] Varchuk, A. A., Pashkova, D. A., L'astreinte & Astrent: comparative legal aspect//Ural Journal of Legal Research. 2021. № 2. S. 22-30.

[3] Rezina, N.A., Ivanova, L.V., Astrent: problems of application//Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. № 1 (30). S. 20-23.

[4] Performance and Termination: Commentary to Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition. Revision 2.0]/Rev. ed. A. G. Karapetov. - Moscow: M-Logos, 2022. - 1496 p. - (Comments on civil law #Glossa.).

[5] Bulanova, D.S., Kravtsov, R.V., The legal nature of the astrent//Innovative economy: prospects for development and improvement. 2017. № 2 (20). S. 28-32.

[6] Mikhailov, A., Calculation and accrual of the astrent in case of termination of enforcement proceedings with its subsequent resumption. - SPS "Garant": [website]. – 2024. - URL: https://www.garant.ru/consult/practice/1760947/ (access date: 05.05.2026).

[7] Zobnina, A.A., Judicial penalty (astrent): questions of theory and practice//Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2017. T. 5, NO. 3 (19).

[8] Milov, P.O., Astrent as a measure of civil liability//Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). S. 35-39.

[9] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES23-17742 of 12.12.2023

[10] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES15-9591 of 05.06.2018

[11] Determination of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction No. 88-3309/2026 of 10.02.2026

[12] Decision of the Kirovsky District Court of Samara No. 2-5122/2023 of 28.09.2023

[13] Decision of the Kirovsky District Court of Saratov. No. 2-62/2025 dated 22.04.2025

[14] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 307-ES21-17002 dated 24.01.2022

[15] CLAUSE 28 OF PPVS NO. 7

[16] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 306-ES23-17742 of 12.12.2023

[17] P.3 Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 04.04.2014 No. 22 "On Certain Issues of Awarding Funds to the Claimant for Non-Execution of a Judicial Act"

[18] Decision of the 18th Arbitration Court of Appeal No. 18AP-14480/2017 dated 22.12.2017

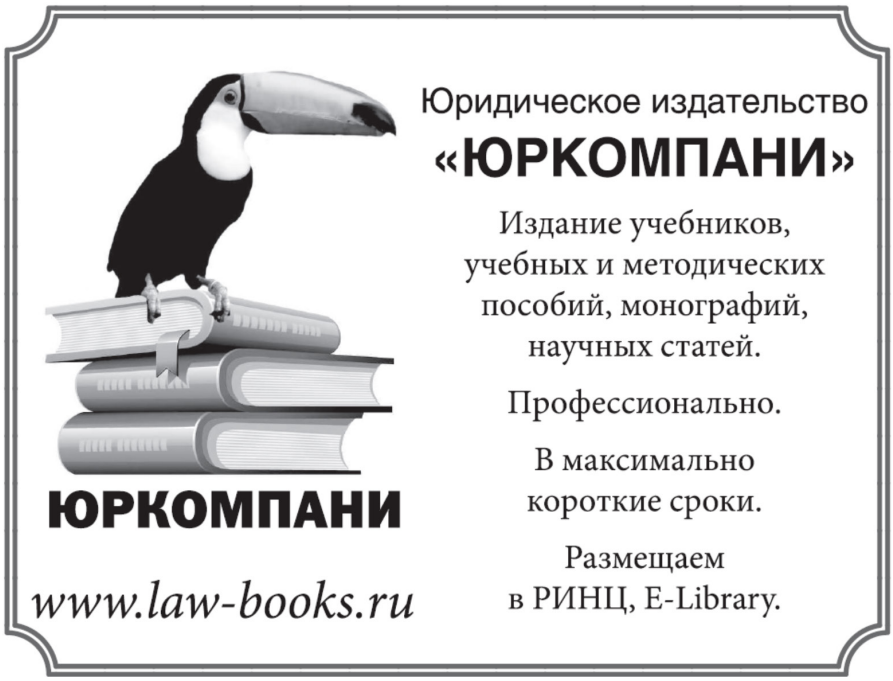
[19] Decision of the Podolsk City Court of the Moscow Region No. 2-9587/2025 of 25.09.2025

[20] Decision of the Leninsky District Court of Barnaul No. 2-623/2025 of 28.09.2025

[21] Decision of the Kyiv District Court of Simferopol No. 2-3462/2025 of 12.10.2025

[22] Decision of the Avtozavodsky District Court of Nizhny Novgorod No. 2-5384/2025 of 30.09.2025

[23] Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk No. 2-3425/2025 of 28.09.2025

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-571-578

ИБРАГИМОВ Ильдар Фаисович,

доцент кафедры физического воспитания, ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет» Казань, Россия, доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин, ФГБОУ ВО «Казанский институт (филиал) «Всероссийский государственный университет юстиции» РПА Минюста России», Казань, Россия,

e-mail: ibraildar@yandex.ru

КОЛЯСОВА Валерия Николаевна,

Кандидат педагогических наук, доцент, Казанский государственный медицинский университет,

e-mail: ruslan.kolyasov@kazangmu.ru

ВЛАСОВА Татьяна Станиславовна,

старший преподаватель общеуниверситетской кафедры физического воспитания и спорта, Казанский (приволжский) федеральный университет,

e-mail: fitnesledi-sk78@mail.ru

ЖУРАВЛЕВА Марина Станиславовна,

старший преподаватель общеуниверситетской кафедры физического воспитания и спорта, Казанский (приволжский) федеральный университет,

e-mail: marina_zhuravl73@mail.ru

СТУДЕНЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ НОВЫХ ОЛИМПИЙСКИХ ВИДОВ СПОРТА: СКИ-АЛЬПИНИЗМ НА ОЛИМПИАДЕ-2026

Аннотация. *Работа посвящена актуальной проблеме изучения восприятия новых олимпийских видов спорта студенческой молодёжью в контексте их интеграции в олимпийскую программу. В фокусе внимания – ски-альпинизм, впервые включённый в зимние Олимпийские игры. Авторы обосновывают необходимость анализа отношения студенческой аудитории к данному виду спорта, учитывая, что молодёжь выступает значимой референтной группой, определяющей успешность популяризации новых дисциплин. Целью работы является изучение восприятия ски-альпинизма студенческой молодёжью в контексте его олимпийского дебюта, включая анализ уровня осведомлённости, отношения, факторов привлекательности и готовности к занятиям, и на этой основе определение направления популяризации дисциплины в студенческой среде.*

В ходе исследования проведён анализ научно-методической литературы и эмпирическое исследование методом анкетирования 134 студентов Казанского государственного энергетического университета. Результаты показали позитивное отношение студентов к включению новых видов спорта в олимпийскую программу (65,7%), умеренно высокий уровень осведомленности о ски-альпинизме (84,3%) и исключительно высокий интерес к его олимпийскому дебюту (85,8%). Ключевыми факторами популяризации названы успехи российских спортсменов (29,9%) и доступность занятий (23,1%). Потенциал вовлечения студентов в занятия при создании необходимых условий достигает 70,2%.

Делается вывод, что ски-альпинизм обладает высоким потенциалом для интеграции в молодёжную среду. Выделяются три направления системной работы, обеспечивающие превращение потенциального интереса в реальную активность: информационное сопровождение, развитие доступной инфраструктуры и создание гибких форматов занятий, адаптированных к студенческому образу жизни.

Ключевые слова: *ски-альпинизм, спорт, физическая культура, студенческая молодежь, зимние Олимпийские игры, популяризация спорта, мотивация, здоровый образ жизни.*

IBRAGIMOV Ildar Faisovich,

Associate Professor of the Department of Physical Education, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia, Associate Professor of the Department of Humanities and Special Disciplines, Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Kazan, Russia

KOLYASOVA Valeria Nikolaevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazan State Medical University, Kazan, Russia

VLASOVA Tatyana Stanislavovna,

Senior Lecturer of the General University Department of Physical Education and Sports, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

ZHURAVLEVA Marina Stanislavovna,

Senior Lecturer of the General University Department of Physical Education and Sports, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

STUDENT PERCEPTION OF NEW OLYMPIC SPORTS: SKI- MOUNTAINEERING AT THE 2026 OLYMPICS

Annotation. *The work is devoted to the urgent problem of studying the perception of new Olympic sports by students in the context of their integration into the Olympic program. The focus is on ski mountaineering, which was included in the Winter Olympic Games for the first time. The authors substantiate the need to analyze the attitude of the student audience to this sport, given that young people are a significant reference group that determines the success of popularization of new disciplines. The aim of the work is to study the perception of ski mountaineering by students in the context of its Olympic debut, including an analysis of the level of awareness, attitudes, attractiveness factors and readiness for classes, and on this basis to determine the direction of popularization of the discipline among students.*

The research conducted an analysis of scientific and methodological literature and an empirical survey of 134 students of Kazan State Power Engineering University. The results showed a positive attitude of students towards the inclusion of new sports in the Olympic program (65.7%), a moderately high level of awareness about ski mountaineering (84.3%) and an exceptionally high interest in its Olympic debut (85.8%). The success of Russian athletes (29.9%) and the availability of classes (23.1%) were identified as key factors of popularization. The potential to involve students in classes while creating the necessary conditions reaches 70.2%.

It is concluded that ski mountaineering has a high potential for integration into the youth environment. There are three areas of systematic work that ensure the transformation of potential interest into real activity: information support, the development of accessible infrastructure and the creation of flexible lesson formats adapted to the student lifestyle.

Key words: *ski mountaineering, sports, physical education, student youth, winter Olympic Games, popularization of sports, motivation, healthy lifestyle.*

Введение

Как одно из самых престижных международных событий, Зимние Олимпийские игры оказывают многоаспектное влияние на эволюцию видов спорта и способствуют продвижению здорового образа жизни на глобальном уровне.

Ски-альпинизм (скимо) является относительно молодым видом спорта, формирование которого пришлось на 1990-е годы. Его развитие во многом определялось деятельностью стран-основателей Международного комитета соревнований по ски-альпинизму (CISAC) - Италии, Словакии, Франции, Андорры и Швейцарии. Создание в 2007 году Международной федерации ски-альпинизма (ISMF), которому предшествовало проведение первых чемпионатов Европы и мира, а также последующее признание дисциплины Международным олимпийским комитетом и успешная презентация на юношеских Олимпийских играх 2020 года способствовали включению ски-альпинизма в программу зимних Олимпийских игр 2026 года. Элементы горнолыжного спорта, альпинизма и трейлраннинга, а также постоянная смена режимов движения складываются в уникальный профиль двигательной активности, характеризующийся интеграцией скоростно-

силовых нагрузок, технической сложности и выносливости.

В рамках XXV зимних Олимпийских игр российская сборная продемонстрировала результаты, подтвердившие потенциал развития данного вида спорта в стране. Ярким событием для российских болельщиков стало выступление ски-альпиниста Никиты Филиппова в Бормио: 23-летний спортсмен завоевал серебряную медаль в дисциплине «мужской спринт». Спустя несколько недель после Олимпиады, в марте 2026 года, он подтвердил статус лидера, одержав победу на чемпионате Европы по ски-альпинизму в Шахдаге (Азербайджан).

Благодаря спортивным мероприятиям, особенно мирового уровня, появляется интерес и желание посетить страну или регион, где проходят соревнования [2, с. 480]. Таким образом, олимпийский дебют ски-альпинизма создаёт не только спортивный, но и социально-экономический эффект, актуализируя необходимость изучения его восприятия студенческой молодежью, которая, обладая повышенной восприимчивостью к инновациям, выступает значимой референтной группой в формировании отношения к новым дисциплинам, что позволяет оценить потенциал их интеграции в молодёжную среду. Индивидуализация обучения, создание позитивной атмосферы, целеполагание, внедрение игровых технологий и вовлечение наставников – все эти элементы способны значительно улучшить мотивацию студентов [6, с. 141].

Цели и задачи исследования. В ходе исследования была поставлена следующая цель - изучить восприятие ски-альпинизма студенческой молодёжью в контексте его олимпийского дебюта, включая анализ уровня осведомлённости, отношения, факторов привлекательности и готовности к занятиям, и на этой основе определить направления популяризации дисциплины в студенческой среде.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи:

Оценить общее отношение учащихся к включению новых видов спорта в олимпийскую программу.

Определить уровень осведомлённости студентов о ски-альпинизме и его олимпийском дебюте.

Выявить степень субъективной привлекательности олимпийского дебюта ски-альпинизма для студенческой аудитории.

Выделить ключевые факторы, способные, по мнению студентов, повысить популярность ски-альпинизма среди молодёжи.

Узнать готовность студентов к занятиям ски-альпинизмом при создании необходимых условий, а также выявить барьеры, сдерживающие их вовлечение.

Методы и материалы исследования. Методами исследования послужили анализ и синтез научно-методической литературы, анкетирование, методы количественной обработки данных, визуализация результатов, а также обобщение и сравнительный анализ.

Материалами для исследования послужили результаты анкетирования 134 студентов 1-4 курсов Казанского государственного энергетического университета различных направлений подготовки.

Результаты исследования и их обсуждение. Для изучения отношения, обучающихся к ски-альпинизму как новому олимпийскому виду спорта было проведено анкетирование. Анкета включала 5 ключевых вопросов смешанного типа, что позволило получить структурированные данные для качественного анализа.

Важным этапом исследования стало измерение отношения студенческой молодёжи к включению новых видов спорта в олимпийскую программу, распределение ответов на который представлено на рисунке 1.

Рис.1. Диаграмма «Как Вы относитесь к включению новых видов спорта в олимпийскую программу?».

Из диаграммы следует, что студенческой молодёжи свойственна преимущественно позитивная оценка расширения олимпийской программы. Для большинства респондентов (65,7%) включение инновационных дисциплин воспринимается как инструмент актуализации олимпийского движения и повышения его привлекательности для молодёжной аудитории. Это позволяет говорить о том, что новизна воспринимается референтной группой не как угроза традициям, а как инструмент поддержания интереса к Олимпийским играм.

Четверть опрошенных (23,1%) заняли нейтральную позицию, что может свидетельствовать как о недостаточной вовлечённости в олимпийскую повестку, так и о том, что сам по себе факт включения новых дисциплин не является для них значимым.

Практически равное количество опрошенных высказались против подобных изменений, предпочитая традиционные виды спорта (6%) и выбрали вариант «затрудняюсь ответить» (5,2%). Это может объясняться либо недостаточной сформированностью собственной позиции по данному вопросу, либо отсутствием интереса к олимпийской тематике в целом.

Ответы на вопрос об осведомлённости о ски-альпинизме и его олимпийском дебюте представлены на рисунке 2.

Как видно из диаграммы, уровень осведомлённости студенческой молодёжи о ски-альпинизме можно охарактеризовать как умеренно высокий. Суммарная доля респондентов, обладающая минимальным представлением о данной дисциплине, составляет 84,3%, что свидетельствует о значительном уровне узнаваемости ски-альпинизма среди молодёжной аудитории.

Рис.2. Диаграмма «Знаете ли Вы о ски-альпинизме как о виде спорта, который впервые был включен в программу зимних Олимпийских игр-2026?».

Около трети студентов (32,1%) владеют информацией не только о содержании дисциплины, но и о её олимпийском дебюте, что указывает на достаточно высокий уровень информированности данной группы. Фрагментарная осведомлённость характерна для 52,2% опрошенных, которые либо знают о виде спорта, но не осведомлены о его включении в программу Игр 2026 года (26,1%), либо имеют поверхностное представление, не углубляясь в подробности (26,1%). Полное отсутствие знаний о ски-альпинизме зафиксировано у 15,7% опрошенных, что необходимо учитывать при разработке мер по популяризации дисциплины.

Выявленный уровень осведомлённости позволяет перейти к анализу субъективной привлекательности олимпийского дебюта. Результаты ответов на вопрос об интересе к включению данной дисциплины представлены на рисунке 3.

Согласно данной диаграмме, полученные данные свидетельствуют о высоком уровне интереса студенческой молодёжи к олимпийскому дебюту ски-альпинизма. Суммарная доля респондентов, оценивших свою заинтересованность на 4 и 5 баллов, составляет 85,8%. При этом более половины опрошенных

Рис.3. Диаграмма «Насколько интересным для Вас выглядит включение ски-альпинизма в программу Олимпийских игр? (оцените по шкале от 1 – совсем неинтересно до 5 – очень интересно)».

(55,2%) выбрали максимальную оценку 5, что указывает на исключительно высокую привлекательность дисциплины в олимпийском контексте. 30,6% студентов оценили свой интерес на 4 балла, что также свидетельствует о позитивном восприятии включения нового вида спорта в олимпийскую программу. Средний уровень интереса (оценка 3) продемонстрировали 9% опрошенных.

Низкий уровень интереса (оценка 2) зафиксирован у 5,2% респондентов. Оценка 1 не была выбрана никем, что подтверждает отсутствие полностью равнодушного или отрицательного отношения к данному событию.

Сопоставление с данными об осведомлённости позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень интереса не ограничивается наиболее информированной группой (32,1%), а распространяется на значительно более широкую аудиторию. Следовательно, независимо от степени предварительной информированности о дисциплине большинство студентов проявляет интерес к его появлению в олимпийской программе.

Для выявления условий, способных усилить интерес студенческой молодёжи к ски-альпинизму, учащимся был предложен вопрос о главном факторе, который, по их мнению, может повысить популярность данной дисциплины. Результаты распределения ответов представлены на рисунке 4.

Рис.4. Диаграмма «Выберите главный фактор, который может повысить популярность ски-альпинизма среди молодежи».

Из диаграммы следует, что студенты выделяют успехи российских спортсменов как наиболее значимый фактор, способный повысить популярность ски-альпинизма. Данный вариант выбрали 29,9% респондентов, что свидетельствует о том, что для молодёжи достижения соотечественников на международной арене выступают наиболее убедительным аргументом в пользу внимания к новому виду спорта, формируя эффект идентификации и гордости. Каждая медаль, завоеванная на Олимпийских играх, воспринимается не только как личное достижение спортсмена, но и как победа всей нации [4, с. 117].

Вторым по значимости фактором стала доступность занятий (23,1%): для молодёжи ключевым барьером является не столько интерес к дисциплине, сколько наличие реальной возможности для занятий. Прагматический аспект (близость секций, наличие инфраструктуры) оказывается более весомым, чем медийные или имиджевые составляющие. Развитие секций, проката снаряжения и доступность мест для занятий выступают важными условиями для реального вовлечения.

Популяризацию через социальные сети и блогеров в качестве главного фактора отметили 14,2% респондентов. Цифровые платформы позволяют спортсменам делиться своими достижениями, привлекая внимание новых поклонников и создавая сообщества вокруг этих видов спорта [1, с. 365]. Тем не менее, невзирая на высокую вовлечённость молодёжи в онлайн-среду, медийное освещение (ТВ, новости) и государственная поддержка, набрали равное количество голосов (12,7%). Возможно, это связано с тем, что обучающиеся воспринимают их как вспомогательные инструменты, которые не способны самостоятельно сформировать устойчивый интерес.

Минимальная доля респондентов, выбравших зрелищность (7,5%), позволяет предположить, что для студенческой молодёжи ски-альпинизм интересен не столько как формат зрелищных соревнований, сколько как практико-ориентированная активность, либо же не оценивает его визуальную составляющую как достаточно привлекательную по сравнению с другими видами спорта.

Учитывая, что студенты отдают приоритет успехам российских спортсменов и практической доступности занятий, высокая доля респондентов, отметивших значимость инфраструктурных и информационных условий, указывает на то, что реальное вовлечение в дисциплину возможно лишь при создании соответствующей среды.

Для проверки данного предположения был задан вопрос о готовности попробовать заняться ски-альпинизмом при условии наличия необходимых секций, снаряжения и инфраструктуры. Полученные данные представлены на рисунке 5.

Рис.5. Диаграмма «Хотели бы Вы попробовать заняться ски-альпинизмом, если для этого будут созданы условия (секции, снаряжение, инфраструктура?)».

Проведенный опрос выявил, что суммарная доля респондентов, выбравших варианты «определённо да» и «скорее да», а также отнесённых к категории условно заинтересованных, составляет 70,2%. Из них 14,2% выбрали вариант «определённо да», что подтверждает наличие сформированного интереса и намерения воспользоваться возможностью.

Наибольшая доля респондентов (29,1%) выразила скорее положительное отношение, но с оговоркой о необходимости дополнительной

информации о сложности, стоимости и доступности. Многие студенты не знают о возможностях участия в спортивных секциях и мероприятиях, что препятствует вовлечению большего числа молодежи [3, с. 290]. Данный информационный дефицит предполагает необходимость разработки просветительских материалов, ознакомительных мероприятий и пробных занятий.

Значительная доля опрошенных (26,9%) затруднилась с ответом, отметив, что их решение будет зависеть от конкретных условий – удобства расположения секций, гибкости графика и умеренной нагрузки. Эту группу можно определить как условно заинтересованную: решение её представителей о занятиях напрямую обусловлено устранением ситуационных барьеров. Аналогичные препятствия фиксируются в других исследованиях: основной трудностью для студентов является отсутствие лыж и умения кататься на них, а так же отсутствие возможности для хранения инвентаря, нехватка мест для катания [5, с. 57]. Полученные нами данные о значимости доступности занятий и стоимости снаряжения согласуются с этим выводом. Таким образом, можно предположить, что учет академического расписания, создание студенческих клубов по месту учебы и подобные инициативы смогут существенно увеличить вовлеченность рассматриваемой аудитории в данный вид спорта.

Противоположной точки зрения придерживаются 29,8% опрошенных. Из них 19,4% ответили «скорее нет», аргументируя несоответствием вида спорта их интересам или физическим возможностям. При этом доля категорически не заинтересованных (10,4%) относительно невелика, что оставляет возможность для привлечения части аудитории через альтернативные форматы, ориентированные на туризм, оздоровление и не требующие высокой спортивной квалификации.

Полученные данные коррелируют с результатами вопроса о главном факторе популярности: высокая доля условно заинтересованных и ситуативно ориентированных респондентов подтверждает, что практические условия для занятий являются критическими для привлечения интереса в эту дисциплину.

Заключение. Студенческая молодежь проявляет открытость к новым олимпийским видам спорта, показывает большой интерес к их дебюту и готова к занятиям при наличии соответствующих условий. Ключевыми факторами популяризации выступают успехи отечественных спортсменов и доступность инфраструктуры. Ски-альпинизм обладает высоким потенциалом для вовлечения учащихся при условии информирования, развития инфраструктуры и гибких форматов занятий, адаптированных к студенческому образу жизни, что обосновывает развитие студенческих инициатив в этом направлении.

Список литературы:

[1] Галиуллина, Д. Т. Развитие и популяризация неолимпийских видов спорта / Д. Т. Галиуллина // Образование и право. – 2025. – № 2. – С. 364-367. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-2-364-367. – EDN TFNMBQ.

[2] Ибрагимов, И. Ф. Физическая культура и спорт как факторы экономического развития Российской Федерации / И. Ф. Ибрагимов, З. Н. Тазиева, Л. Э. Аляшева, Б. И. Ибрагимов // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 477-483. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-1-477-483. – EDN DRBQZU.

[3] Лазарева, А. Л. Развитие студенческого спорта в России / А. Л. Лазарева, Н. В. Васенков, Р. М. Валиев // Физическая культура, спорт, туризм: наука, образование, информационные технологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 19–20 марта 2025 года. – Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2025. – С. 288-291. – EDN KXDCAY.

[4] Мифтахова, А. Р. Влияние Олимпийского движения на развитие национальной идентичности и патриотизма / А. Р. Мифтахова, Н. В. Васенков // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма : Материалы симпозиума в рамках XX (LII) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей», Кемерово, 24 апреля 2025 года. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2025. – С. 117-120. – EDN BNKURS.

[5] Мусина, З. Р. Лыжный спорт в студенческой среде и его польза / З. Р. Мусина, С. В. Севодин, Д. М. Баширова // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92-2. – С. 56-58. – DOI 10.18411/trnio-12-2022-69. – EDN HNULLS.

[6] Хамидуллина, Г. Ф. Методы мотивации учащихся к занятиям физической культурой / Г. Ф. Хамидуллина, Л. А. Кушьялов, В. Д. Григорьев, И. Н. Хамидуллин // Актуальные теоретические исследования : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 февраля 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 140-142. – EDN LFSTJC.

References:

[1] Galiullina, D. T. Development and popularization of non–Olympic sports / D. T. Galiullina // Education and Law. – 2025. – No. 2. – pp. 364-367. - DOI 10.24412/2076-1503-2025-2-364-367. – EDN TFNMBQ.

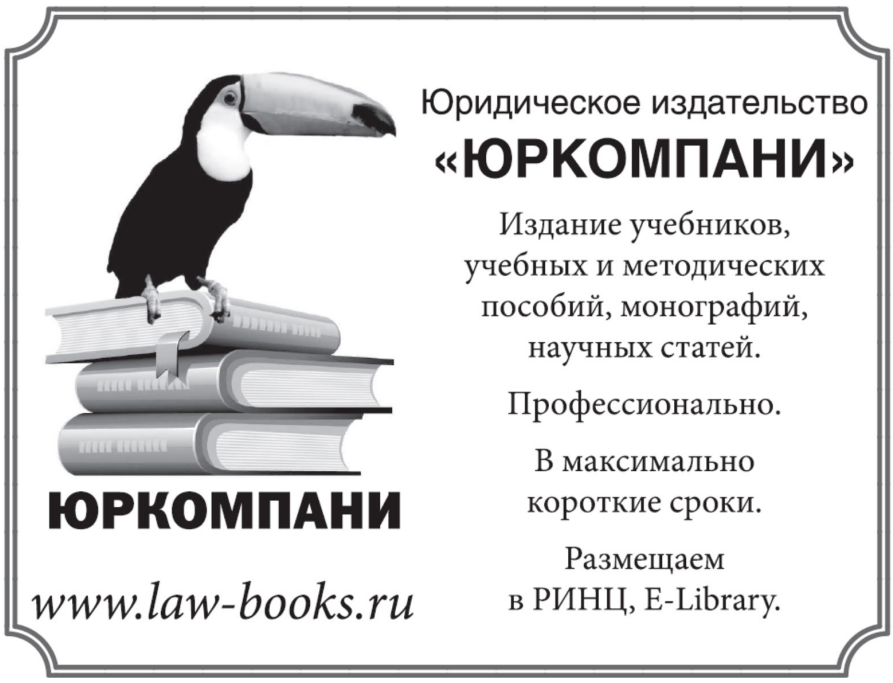
[2] Ibragimov, I. F. Physical culture and sport as factors of economic development of the Russian Federation / I. F. Ibragimov, Z. N. Tazieva, L. E. Alyasheva, B. I. Ibragimov // Education and Law. – 2026. – No. 1. – pp. 477-483. – DOI 10.24412/2076-1503-2026-1-477-483. – EDN DRBQZU.

[3] Lazareva, A. L. Development of student sports in Russia / A. L. Lazareva, N. V. Vasenkov, R. M. Valiev // Physical culture, sport, tourism: science, education, information technologies : proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kazan, March 19-20, 2025. – Kazan: Kazan State Power Engineering University, 2025. – pp. 288-291. – EDN KXDCAY.

[4] Miftakhova, A. R. The influence of the Olympic movement on the development of national identity and patriotism / A. R. Miftakhova, N. V. Vasenkov // Promising areas in the field of physical culture, sports and tourism : Proceedings of the symposium within the XX (LII) International Scientific Conference of students, postgraduates and young scientists “Education, science, Innovations: the contribution of young researchers”, Kemerovo, April 24, 2025. Kemerovo: Kemerovo State University, 2025. pp. 117-120. EDN BNKURS.

[5] Musina, Z. R. Skiing among students and its benefits / Z. R. Musina, S. V. Sevodin, D. M. Bashirova // Trends in the development of science and education. – 2022. – No. 92-2. – pp. 56-58. – DOI 10.18411/trnio-12-2022-69 . – EDN HNULLS.

[6] Khamidullina, G. F. Methods of motivating students to engage in physical education / G. F. Khamidullina, L. A. Kushyalov, V. D. Grigoriev, I. N. Khamidullin // Actual theoretical research : collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference, Penza, February 20, 2025. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. pp. 140-142. - EDN LFSTJC.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-579-584

АЛЕКСАНДРОВИЧ Ольга Юрьевна,

Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Иркутского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

ТАРАСЕНКО Василий Анатольевич,

Доцент кафедры физического воспитания и спорта Иркутского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

СЕРЕБРЕННИКОВ Денис Александрович,

Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Иркутского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

КАРЕЛИН Александр Геннадьевич,

Старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта Иркутского государственного университета,

e-mail: mail@law-books.ru

ЮЛДАШЕВА Нара Викторовна,

Иркутский государственный университет,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ЮНЫХ СПОРТСМЕНОВ В УСЛОВИЯХ ОРИЕНТАЦИИ НА ВЫСОКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме эмоционального выгорания юных спортсменов в условиях ориентации на высокие спортивные достижения. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию феномена, анализируются факторы риска: ранняя специализация, чрезмерные нагрузки, авторитарный стиль тренера и дезадаптивный перфекционизм. Проанализированы последствия для физического и психического здоровья. Обосновывается необходимость системного мониторинга психоэмоционального состояния.*

Ключевые слова: *эмоциональное выгорание, юные спортсмены, жизненные ориентиры, факторы риска, перфекционизм.*

ALEKSANDROVICH Olga Yuryevna,

Senior Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Irkutsk State University

TARASENKO Vasily Anatolyevich,

Associate Professor of the Department of Physical Education and Sports of Irkutsk State University

SEREBRENNIKOV Denis Aleksandrovich,

Senior Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Irkutsk State University

KARELIN Alexander Gennadievich,

Senior Lecturer, Department of Physical Education and Sports, Irkutsk State University

YULDASHEVA Nara Viktorovna,

Irkutsk State University

THE PROBLEM OF EMOTIONAL BURNOUT OF YOUNG ATHLETES IN CONDITIONS OF ORIENTATION TO HIGH ACHIEVEMENTS

Annotation. *This article examines the problem of emotional burnout in young athletes focused on achieving high athletic performance. Theoretical approaches to understanding this phenomenon are explored, and risk factors such as early specialization, excessive workloads, an authoritarian coaching style, and maladaptive perfectionism are analyzed. The consequences for physical and mental health are analyzed. The need for systematic monitoring of psychoemotional state is substantiated.*

Key words: *emotional burnout, young athletes, life goals, risk factors, perfectionism.*

Современный спорт высших достижений предъявляет все более высокие требования к подготовке юных спортсменов. Омоложение соревновательной практики, интенсификация тренировочных нагрузок и ранняя специализация становятся неотъемлемыми характеристиками системы подготовки юных спортсменов. Однако стремление к раннему достижению высоких результатов нередко скрывает серьезные психоэмоциональные риски, среди которых особую роль играет феномен эмоционального выгорания. Нередко в погоне за секундами, баллами и наградами из поля зрения пропадает сам ребенок с его возрастными психологическими, эмоциональными особенностями и потребностями. Многие родители опасаются отдавать детей в профессиональный спорт, так как считают, что он вреден для здоровья, травмоопасен и приводит к инвалидности (16%), кроме того, часть родителей придерживаются мнения о том, что профессиональный спорт — это тяжелый труд и огромные нагрузки (5%) [10].

Важно отметить различие между подростковым и юношеским возрастом. Подростковый возраст, по разным источникам определяется 12-15 годами, характеризуется переходных этапом развития личности, когда индивидуум ищет себя и зависит от внешних оценок и наставлений. Юношеский возраст, по разным источникам это 16-18 лет, характеризуется завершающим этапом формирования личности, возрастанием ответственности и самоконтроля. В нашем исследовании возрастной диапазон юношества будет определяться возрастом 14-18 лет, чего также придерживался И.С. Кон [5].

Понятие эмоционального выгорания было введено в научный оборот американским психиатром Х. Фрейденбергом в 1974 году для описания истощения у представителей помогающих профессий. После систематическое описание феномена эмоционального выгорания было представлено К. Маслач, в которых его суть определялась как синдром, характеризующийся тремя ключевыми компоннтами: эмоциональным истощением, деперсонализацией и редукцией личностных достижений [8]. Впоследствии данная концепция была адаптирована применительно к спортивной деятельности. Исследователи Т. Рейдеке и А. Смит предложили спортивную модель выгорания, включающую физическое и эмоциональное истощение, снижение чувства спортивных достижений и девальвацию занятий спортом, что также нашло эмпирическое подтверждение в работах с участием спортсменов различных видов спорта [2]. В дальнейшем В.В. Бойко разработал одну из наиболее известных отечественных концепций, рассматривающих выгорание как выработанный личностью механизм психологической защиты в ответ на психотравмирующие воздействия, проявляющиеся в виде эмоционального, когнитивного и физического истощения [4].

Актуальность исследования проблемы эмоционального выгорания юных спортсменов обусловлена рядом противоречий. С одной стороны, ориентация на высокие достижения предполагает максимальную концентрацию усилий, строгую дисциплину и всестороннюю вовлеченность тренировочному процессу. С другой стороны, именно такой режим создаёт благоприятную почву для развития истощения, негативного отношения к спорту и снижению чувства собственного достоинства и эффективности [13, с. 182]. Несомненно, особую уязвимость в этом отношении демонстрируют подростки, которые в силу возрастных особенностей находятся в стадии формирования идентичности, отличаются повышенной эмоциональной чувствительностью и неустойчивостью самооценки.

Степень разработанности проблемы в отечественной науке пока нельзя назвать достаточной. Большинство исследований сосредоточено на изучении эмоционального выгорания у взрослых спортсменов. В то же время работы, посвященные непосредственно юным спортсменам единичны, а систематического анализа факторов риска в условиях ориентации на высокие достижения до настоящего времени не проводилось. Особую значимость дальнейшего

исследования данной темы придает от факт, что эмоциональное выгорание в юном возрасте связано не только с уходом их спорта, но и с более серьезными последствиями для психического здоровья, которые могут быть связаны с дальнейшем развитием тревожности и снижением общего психологического благополучия.

Таким образом, проблема эмоционального выгорания юных спортсменов в условиях ориентации на высокие достижения требует глубокого научного осмысления. Настоящая статья представляет собой аналитический обзор современных исследований по данной проблеме, направленный на систематизацию факторов риска и определение перспективных направлений профилактики эмоционального выгорания.

В российской науке наиболее разработанной является ранее упомянутая концепция синдрома эмоционального выгорания В.В. Бойко, согласно которой данный феномен представляет собой выработанный механизм защиты, который проявляется в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующее воздействие. Применительно к спортивной деятельности данный конструкт приобретает специфические черты. Исследование И. А. Корецкой с соавторами показало, что пэмоциональное выгорание негативно сказывается на профессиональной продуктивности спортсменов и способствует накоплению негативных личностных характеристик [14, с. 99]. В работе Г.С. Короткова, посвященной спортсменам-юношам, автор подчеркивает, что в юношеском возрасте особенно значим компонент редукции личностных достижений, поскольку снижение чувства собственной эффективности может негативно влияет на формирующуюся самооценку подростка [7].

Спортивная деятельность по своим характеристикам существенно отличается от других видов активности, это проявляется в соревновательной напряженности, постоянной оценки и отслеживании результатов спортсмена, а также значимости физических нагрузок. Возрастной период 14-18 лет характеризуется интенсивными психофизиологическими изменениями, неустойчивостью самооценки и повышенной эмоциональной чувствительностью. Наложение этих возрастных особенностей на условиях, в которых осуществляется спортивная деятельность, ориентированная на высокие достижения, создает предпосылки для формирования эмоционального выгорания. В работе Н.Н. Сазоновой и соавторов выявлено, что спортсмены с высокими показателями выгорания чаще используют неконструктивные методы борьбы со стрессом [6]. Исследования показывают, что проявление выгорания могут видоизменяться в зависимости от вида спорта, например, в спортивных бальных танцах на первый план выходит эмоциональное истощение [9], в индивидуально-игровых видах прослеживается деперсонализация и снижение чувства достижения [7].

Анализ современных научных работ позволяет выделить три основные группы факторов риска, которая способствуют развитию эмоционального выгорания у юных спортсменов в условиях ориентации на высокие достижения:

Тренировочные и организационные факторы. Ключевым фактором риска, выделяемым в современных исследованиях, выступает ранняя специализация и связанные с ней объемы тренировочных нагрузок. Отмечается, что сохранность спортивного потенциала в юношеских командах напрямую зависит от умения тренера сопоставить физическую нагрузку с психологической стороной подготовки, поскольку эмоциональная и морально-волевая сфера юных спортсменов испытывает масштабную нагрузку [11]. При этом признаки синдрома выгорания выявляются у 57% юных спортсменов, что свидетельствуют о высокой распространенности данного феномена. [11]. Зарубежные исследования подтверждают эти данные. Систематический обзор, включивший 1429 спортсменов в возрасте от 12 до 17 лет, показал, что юные спортсмены, которые специализируются на одном виде спорта, демонстрируют более высокие показатели выгорания по сравнению со сверстниками, практикующими разные виды спорта [1]. Кроме того, исследования стажа спортивной деятельности также выявляют значимые закономерности.

У спортсменов с длительным стажем занятий (более 10 лет) отмечается более высокий уровень эмоционального выгорания. Связанного с обесцениваем собственных достижений на фоне возрастающих требований [12].

Социально-психологические факторы. Значительную роль в развитии эмоционального выгорания играет социальное окружение юного спортсмена, прежде всего тренер и родители. Исследования показывают, что конструктивные взаимоотношения с тренером, его чуткость и эмоциональная поддержка способствуют формированию у спортсменов организованности, снижая обеспокоенность ошибками. Напротив, авторитарный стиль взаимодействия, давление и грубость со стороны тренера связаны с повышенным риском выгорания [3]. Важным фактором также выступает уровень субъективного контроля спортсмена. Согласно исследованию Е.Н. Усмановой и Д.Р. Ульдановой,

юноши в интернальным типом самоконтроля в шесть раз реже испытывают эмоциональное истощение и втрое реже проявляют цинизм по отношению к товарищам по команде по сравнению со спортсменами-экстерналами [11]. При это экстерналы, не справляясь с негативными эмоциями, склонны испытывать глубинное чувство вины вместо чувства ответственности в социальных и личных ситуациях, что создает значительное психоэмоциональное напряжение и препятствие к продуктивному разрешению кризисов [11]. Стоит сказать, что отношения с родителями также играют двойственную роль. С одной стороны, благоприятные отношения с родителями, их вовлеченность и заинтересованность в жизни спортсменов и предоставление автономии препятствуют развитию неконструктивного перфекционизма. С другой стороны, чрезмерные родительские ожидания и давление могут усиливать риск выгорания.

Индивидуально-психологические особенности. Среди личностных факторов, способствующих выгоранию, особое место занимает перфекционизм. Спортивная деятельность всегда направлена на достижение максимально возможных результатов, поэтому спортсмены стремятся оттачивать свое мастерство, что может приводить к формированию перфекционизма, который не всегда носит конструктивный характер [3]. Особую значимость приобретает анализ копинг-стратегий юных спортсменов, то есть то каким образом человек адаптируется к стрессовым ситуациям. Отмечается, что проблемно-ориентированный копинг является наиболее эффективным стилем совладения, предсказывающим более низкие уровни обесценивания достижений, в то время как избегание является менее адаптивным стилем, связанным с более высокими показателями всех компонентов выгорания. Данная информация также согласуется с результатами отечественных исследований, в которых отмечается, что спортсмены с высокими показателями выгорания чаще используют неконструктивные стратегии борьбы со стрессом.

Таким образом, анализ современных исследований позволяет сделать вывод, что эмоциональное выгорание у юных спортсменов формируется под влиянием комплекса факторов: организационные, характеризующихся ранней специализацией и высокими нагрузками, социально-психологических, проявляющихся в характере взаимодействия с тренером и родителями и личностных. Выявленные факторы риска требуют учета при разработке профилактических норм.

Эмоциональное выгорание у юных спортсменов не ограничивается исключительно психологическим дискомфортом, а затрагивает более глубокие уровни функционирования организма, включая физическое здоровье, психическое благополучие и социальное развитие. Последствия выгорания могут быть разделены на три основные группы: физиологические, психологические и социальные.

Проведенный анализ современных исследований позволяет сформулировать ряд выводов. Эмоциональное выгорание юных спортсменов представляет собой многофакторный феномен, в структуре которого выделяются эмоциональное истощение, деперсонализация и обесценивание личных достижений. Установлено, что распространенность признаков выгорания среди юных спортсменов достигает 57%. Ключевыми факторами риска выступают ранняя специализация и чрезмерные тренировочные нагрузки, а также социально-психологические воздействия, включая авторитарный стиль взаимодействия с тренером, высокие родительские ожидания и дезадаптивный перфекционизм спортсмена. Последствия выгорания носят комплексный характер, затрагивая физическое здоровье, психическое благополучие и социальное функционирование. Ориентация на высокие достижения без учеба возрастных особенностей и организации адекватного восстановления выступает значимым фактором риска, требующих пересмотра подходов к подготовке юных спортсменов. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка и апробация комплексных программ профилактики эмоционального выгорания с учетом возрастной и видовой специфики.

Список литературы:

[1] Giusti N.E., Carder S.L., Vopat L., et al. Comparing Burnout in Sport-Specializing Versus Sport-Sampling Adolescent Athletes: A Systematic Review and Meta-analysis // Orthopaedic Journal of Sports Medicine. — 2020. — Vol. 8, No. 3.

[2] Paul H. Groenewal, David Putrino, Marissa R. Norman. Burnout and Motivation in Sport // Burnout and Motivation in Sport – ScienceDirect. 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0193953X21000319#preview-section-snippets (дата обращение: 31.03.2026)

[3] Берилова, Е. И. Особенности взаимосвязи перфекционизма и взаимоотношений с ближайшим социальным окружением у спортсменов юношеского возраста / Е. И. Берилова, Ю. М. Босенко, А. С. Распопова // Научно-педагогическое обозрение. – 2025. – № 5(63). – С. 152-163.

[4] Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении : взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. – Москва : Филинъ, 1996. – 256 с.

[5] Кон, И.С. Психология юношеского возраста : (Проблемы формирования личности). Учеб, пособие для студентов пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1979. — 175 с.

[6] Копинг-стратегии студентов-спортсменов с разным уровнем эмоционального выгорания / Татьянина, Л. Г., Вахнин, Н. А., Сазонова, Н. Н., Сорокин, С. И. // ТиПФК. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-studentov-sportsmenov-s-raznym-urovnem-emotsionalnogo-vygoraniya (дата обращения: 01.04.2026).

[7] Коротков, Г.С. Исследование эмоционального выгорания у спортсменов-юношей в индивидуально-игровых видах спорта: магистерская диссертация. — Екатеринбург: УрФУ, 2025. — 85 с.

[8] Маслач, Кристина. Практикум по социальной психологии / / Эйала Пайнс, Кристина Маслач. — 4. изд., междунар. — СПб. и др. : Питер, 2000. — 522 с.

[9] Садов, Н. В. Эмоциональное выгорание в танцевальных видах спорта / Н. В. Садов // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 51-2. – С. 41-43.

[10] Спорт / ФОМ // Фонд Общественное Мнение / ФОМ. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/15195 (дата обращения: 01.04.2026).

[11]Усманова,Е.Н.Взаимообусловленность показателей уровня субъективного контроля и эмоциональной сферы игроков командных видов спорта 15-16 лет / Е. Н. Усманова, Д. Р. Ульданова // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 78-83.

[12] Шевелева, А. И. Исследование уровня эмоционального выгорания спортсменов, имеющих разный стаж спортивной деятельности / А. И. Шевелева, И. С. Алферова, Е. А. Казаева // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения : Сборник статей VII Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов , Екатеринбург, 17–18 мая 2022 года / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации; Научное общество молодых ученых и студентов. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2022. – С. 3136-3141.

[13] Шинкаренко, В. А. Исследование особенностей стрессоустойчивости подростков, занимающихся спортом / В. А. Шинкаренко // Юный ученый. – 2025. – № 4(89). – С. 181-185.

[14] Эмоциональное выгорание как фактор изменения личностных особенностей (на примере профессиональных спортсменов) / И. А. Корецкая, Н. В. Днепровская, И. В. Шевцова, М. Н. Михайловский // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 10. – С. 99-100.

References:

[1] Giusti N.E., Carder S.L., Vopat L., et al. Comparing Burnout in Sport-Specializing Versus Sport-Sampling Adolescent Athletes: A Systematic Review and Meta-analysis // Orthopaedic Journal of Sports Medicine. — 2020. — Vol. 8, No. 3.

[2] Paul H. Groenewal, David Putrino, Marissa R. Norman. Burnout and Motivation in Sport // Burnout and Motivation in Sport – ScienceDirect. 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0193953X21000319#preview-section-snippets (дата обращение: 31.03.2026)

[3] Berilova, E. I. Features of the relationship between perfectionism and relationships with the closest social environment among youth athletes/E. I. Berilova, Yu. M. Bosenko, A. S. Raspopova//Scientific and Pedagogical Review. – 2025. – № 5(63). - S. 152-163.

[4] Boyko, V.V. Energy of emotions in communication: a look at yourself and others/V.V. Boyko. - Moscow: Filin, 1996. - 256 s.

[5] Con, I.S. Psychology of adolescence: (Problems of personality formation). Study, allowance for students ped. in. - M.: Enlightenment, 1979. - 175 s.

[6] Coping strategies of student-athletes with different levels of burnout/Tatyana, L. G., Vakhnin, N. A., Sazonova, N. N., Sorokin, S. I.//TiPFK. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/koping-strategii-studentov-sportsmenov-s-raznym-urovnem-emotsionalnogo-vygoraniya (дата обращения: 01.04.2026).

[7] Korotkov, G.S. Study of emotional burnout in male athletes in individual sports: master's thesis. - Yekaterinburg: UrFU, 2025. - 85 s.

[8] Maslach, Christina. Workshop on social psychology//Eyala Pines, Christina Maslach. — 4. ed., International. - St. Petersburg. et al.: Peter, 2000. - 522 p.

[9] Sadov, N.V. Emotional burnout in dance sports/N.V. Sadov//Trends in the development of science and education. – 2019. – № 51-2. - S. 41-43.

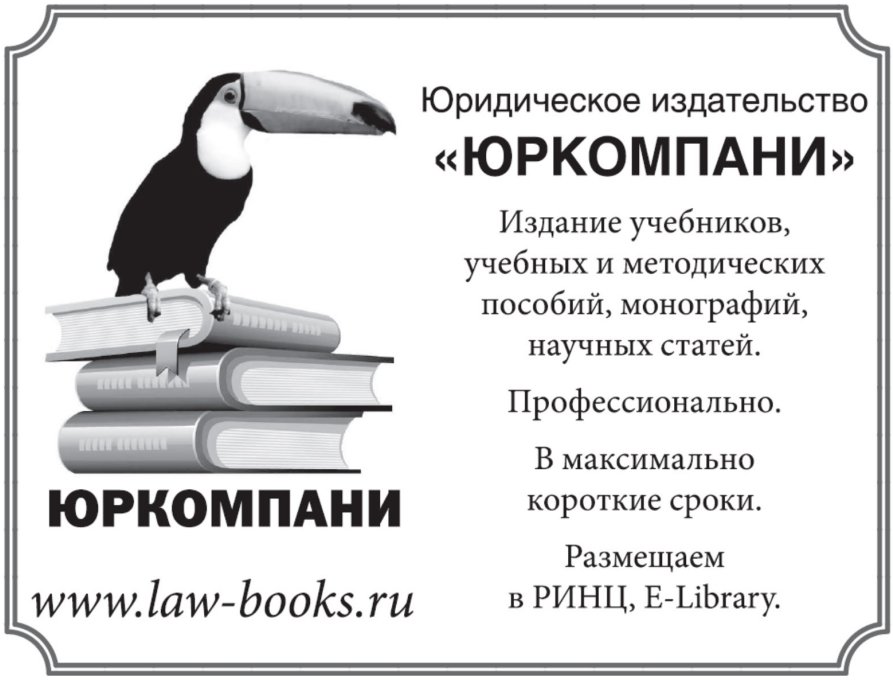
[10] Sport/FOM//Public Opinion Foundation/ FOM. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/15195 (access date: 01.04.2026).

[11] Usmanova, E. N. Interdependence of indicators of the level of subjective control and emotional sphere of team sports players 15-16 years old/E. N. Usmanova, D. R. Uldanova//Pedagogical, psychological and biomedical problems of physical culture and sports. – 2020. - T. 15, NO. 4. - S. 78-83.

[12] Sheveleva, A. I. Study of the level of emotional burnout of athletes with different experience of sports activities/A. I. Sheveleva, I. S. Alferova, E. A. Kazaeva//Actual issues of modern medical science and health care: Collection of articles of the VII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, May 17-18, 2022/Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State Medical University” of the Ministry of Health of the Russian Federation; Scientific Society of Young Scientists and Students. - Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Ural State Medical University” of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2022. - S. 3136-3141.

[13] Shinkarenko, V. A. Study of the features of stress resistance of adolescents involved in sports/V. A. Shinkarenko//Young scientist. – 2025. – № 4(89). - S. 181-185.

[14] Emotional burnout as a factor in changing personal characteristics (on the example of professional athletes)/I. A. Koretskaya, N. V. Dneprovskaya, I. V. Shevtsova, M. N. Mikhailovsky// Theory and practice of physical culture. – 2017. – № 10. - S. 99-100.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-585-591

ДУБРОВСКИЙ Даниил Константинович,

Студент кафедры гражданского права, Санкт-Петербургского Государственного Университета Аэрокосмического Приборостроения,

e-mail: qwerty_004@mail.ru

КОРСИКОВА Наталья Александровна,

Доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук, доцент,

e-mail: korsikova-nataly@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТКАЗА ОТ УЖЕСТОЧЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛЕГИОНЕРОВ В СПОРТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ОСНОВЕ ФУТБОЛА)

Аннотация. *В статье исследуются правовые особенности регулирования участия иностранных игроков в российском профессиональном футболе и анализируется действующая система лимита на легионеров как механизм регулирования спортивного рынка труда. Особое внимание уделено правовой природе лимита, его двойственному характеру как элемента спортивного саморегулирования и инструмента публично-правового воздействия на профессиональный спорт. Рассматриваются исторические этапы формирования лимита в российском футболе, действующий порядок допуска иностранных спортсменов, а также изменения регулирования, вступающие в силу с сезона 2026/27.*

Анализируются основные проблемы существующей модели лимитирования, включая снижение уровня спортивной конкуренции, ограничение трансферной политики клубов, искусственное завышение рыночной стоимости российских игроков и влияние лимита на развитие молодых футболистов. Отдельное внимание уделяется ограниченности международного профессионального обмена в условиях сокращения участия российского футбола в международных соревнованиях.

В работе исследуется зарубежный опыт регулирования участия иностранных игроков, включая подходы UEFA и ведущих европейских футбольных лиг, ориентированные преимущественно на стимулирование подготовки собственных воспитанников без применения жестких количественных ограничений. Проводится сравнительно-правовой анализ российских и зарубежных механизмов регулирования профессионального футбола.

В заключении формулируются предложения по переходу к концепции гибкого регулирования участия иностранных игроков, основанной на объективных критериях эффективности подготовки молодых футболистов, развитии клубных академий и системе экономических стимулов для профессиональных клубов. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении лимита на легионеров как комплексного механизма регулирования профессионального спортивного рынка труда в условиях ограниченного международного взаимодействия. Практическая значимость работы состоит в разработке предложений по совершенствованию российского футбольного регулирования с учетом современных международных подходов и необходимости сохранения конкурентоспособности национального чемпионата.

Ключевые слова: *лимит на легионеров, спортивное право, профессиональный футбол, иностранные игроки, спортивный рынок труда, Российская Премьер-Лига, трансферная политика, спортивное саморегулирование, футбольные академии, UEFA.*

DYBROVSKIY Daniil Konstantinovich,

Student of the Department of Civil Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

KORSIKOVA Natalya Aleksandrovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

PROSPECTS FOR AVOIDING TIGHTER LEGAL REGULATIONS ON FOREIGN PLAYERS IN RUSSIAN SPORTS (WITH A FOCUS ON SOCCER)

Annotation. *This article examines the legal aspects of regulating the participation of foreign players in Russian professional soccer and analyzes the current system of foreign player limits as a mechanism for regulating the sports labor market. Particular attention is paid to the legal nature of the limit and its dual character as both an element of sports self-regulation and an instrument of public-law influence on professional sports. The article examines the historical stages of the quota's development in Russian soccer, the current procedure for admitting foreign athletes, and regulatory changes set to take effect starting with the 2026/27 season.*

The paper analyzes the main problems of the existing quota model, including a decline in the level of sports competition, restrictions on clubs' transfer policies, the artificial inflation of the market value of Russian players, and the quota's impact on the development of young footballers. Particular attention is paid to the limitations on international professional exchange amid the reduction of Russian football's participation in international competitions.

The paper examines international experience in regulating the participation of foreign players, including the approaches of UEFA and leading European soccer leagues, which are primarily focused on encouraging the development of homegrown players without imposing strict quantitative restrictions. A comparative legal analysis of Russian and international mechanisms for regulating professional soccer is conducted.

In conclusion, proposals are formulated for a transition to a concept of flexible regulation of foreign players' participation, based on objective criteria of the effectiveness of training young footballers, the development of club academies, and a system of economic incentives for professional clubs. The scientific novelty of the study lies in examining the limit on foreign players as a comprehensive mechanism for regulating the professional sports labor market under conditions of limited international interaction. The practical significance of the work consists in developing proposals to improve Russian football regulation, taking into account modern international approaches and the need to maintain the competitiveness of the national championship.

Key words: *foreign player limit, sports law, professional soccer, foreign players, sports labor market, Russian Premier League, transfer policy, sports self-regulation, soccer academies, UEFA.*

Материалы и методы. Общеметодологическую основу настоящего исследования составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы научного познания. В работе используются положения российского спортивного законодательства, регламенты Российского футбольного союза и Российской Премьер-Лиги, а также международные нормативные акты FIFA и UEFA, регулирующие участие иностранных спортсменов в профессиональном футболе. Особое внимание уделено анализу правовой природы лимита на легионеров как механизма регулирования профессионального спортивного рынка труда, а также исследованию практики его применения в российском футболе. В рамках сравнительно-правового подхода рассматриваются модели регулирования участия иностранных игроков в ведущих европейских футбольных лигах, включая механизмы UEFA по стимулированию подготовки собственных воспитанников и систему «homegrown players» [1 с. 93 ,4].

Введение: в условиях затяжных геополитических трансформаций и фактического отстранения российского футбола от международных соревнований особую актуальность приобретает вопрос о правовом регулировании участия иностранных игроков в национальных спортивных лигах. Действующие ограничения на привлечение легионеров, направленные на поддержку отечественных спортсменов, в современных условиях всё чаще рассматриваются как фактор, ограничивающий конкурентоспособность клубов, уровень спортивной конкуренции и качество зрелищной составляющей матчей. В этой связи отказ от дальнейшего ужесточения лимитов представляется не столько мерой либерализации рынка труда в сфере спорта, сколько инструментом формирования более гибкой и эффективной модели развития профессионального футбола.

Привлечение квалифицированных иностранных игроков способно обеспечить не только повышение общего уровня соревнований, но и создать условия для профессионального обмена опытом, значение которого существенно возрастает в условиях ограниченного международного взаимодействия. Одновременно возникает необходимость

формирования адаптивного правового механизма, обеспечивающего баланс между открытостью спортивного рынка и защитой интересов российских футболистов, клубов и спортивной инфраструктуры.

Практика применения действующих лимитов демонстрирует наличие ряда негативных последствий, выражающихся в снижении интенсивности конкуренции, дефиците игроков высокого уровня и сокращении коммерческой привлекательности турниров. Жёсткие ограничения на участие иностранных футболистов способны приводить к финансовым потерям клубов, сужению их трансфертных возможностей и усилению оттока перспективных игроков, что в совокупности негативно отражается на развитии национального футбола [11, с. 352].

В современном профессиональном футболе лимит на легионеров выступает одним из ключевых механизмов регулирования участия иностранных спортсменов в национальных соревнованиях. Основной целью введения подобных ограничений традиционно рассматривается обеспечение условий для развития отечественных игроков, поддержание конкурентоспособности национальных сборных команд и защита внутреннего спортивного рынка труда.

При этом российское законодатель не дает легального определения понятия «лимит на легионеров». В законодательстве использует более общую конструкцию, предусматривающую возможность установления ограничений на участие в официальных спортивных соревнованиях спортсменов, не имеющих права выступать за спортивные сборные команды Российской Федерации [12].

Таким образом, термин «лимит на легионеров» носит преимущественно доктринальный и регламентный характер, сформировавшийся в спортивной практике и нормативных актах футбольных организаций.

В научной литературе лимит на легионеров обычно рассматривается как система количественных или регистрационных ограничений, устанавливающих допустимое число иностранных игроков, которые могут быть заявлены клубом либо одновременно участвовать в матче. С правовой точки зрения данный механизм представляет собой особую форму регулирования профессионального спортивного рынка труда, направленную на достижение баланса между принципом свободы профессиональной деятельности и необходимостью защиты национальных интересов в сфере спорта.

Особенность лимита на легионеров заключается в двойственной природе данного института. С одной стороны, он выступает элементом спортивного саморегулирования, поскольку закрепляется в регламентах футбольных федераций и лиг. С другой стороны, его применение затрагивает вопросы трудовых отношений, конкуренции и государственного регулирования спорта, что придаёт ему публично-правовое значение.

Первый раз изменения были внесены в 2005 году: было закреплено, что на поле могут находиться в составе команды не более пяти иностранцев одновременно. Однако, легионером считался только тот, кто провел за свою сборную менее 10 игр. В 2006 году правило игр за сборную было отменено и лимит приобрел вид 7+4 (на поле могли находиться в составе одной команды только 4 легионера одновременно). С сезона 2009 года произошло изменение и лимит перешел на систему 6+5 (на поле могли находиться в составе одной команды только 5 легионера одновременно). Однако начиная с 2012-го года РПЛ вернулась к системе лимитирования, которая уже была установлена в 2006 году. Однако 30 октября 2014 года Исполком РФС утвердил с сезона 2015/2016 гг. новую систему лимитирования в командах Премьер-Лиги. Теперь в заявке должно быть 10 легионеров и 15 российских футболистов. Вопрос в каком соотношении будут они на поле не имеет значения. Позже, 14 июля 2015 года, Исполком РФС утвердил вариант лимитирования – 6+5. А с 2020 - 8+17, а с 2023 лимит действует «13+12». Может быть, даже правильнее называть его «8+5», поскольку на поле по-прежнему будут находиться максимум восемь легионеров одновременно. Уточнение, что граждане Армении, Казахстана, Киргизии и Беларуси не являются легионерами в РПЛ на поле, так как вышеперечисленные страны входят в ЕАЭС (Евразийский экономический союз), но являются легионерами в заявке, то есть входят в те самые 13 человек Легионерами в РПЛ с сезона-2020/21 не считаются игроки из Армении, Казахстана и Киргизии.

Постоянное реформирование лимита на легионеров свидетельствует об отсутствии устойчивого подхода к определению оптимального механизма регулирования участия иностранных спортсменов в российском футболе. Одновременно это отражает продолжающийся поиск баланса между задачами поддержки отечественных игроков и необходимостью сохранения конкурентоспособности национального чемпионата.

Правовая специфика лимита обусловлена тем, что он фактически вводит ограничения на участие отдельных категорий работников иностранных спортсменов в профессиональной спортивной деятельности. Несмотря на то,

что подобные ограничения закрепляются преимущественно в регламентах спортивных федераций и лиг, их последствия выходят далеко за рамки внутреннего спортивного регулирования, оказывая непосредственное влияние на рынок труда профессиональных футболистов. Ограничение числа иностранных игроков влияет на уровень конкуренции между спортсменами, стоимость трансферов, размеры заработных плат [8 с. 116] и кадровую политику клубов.

Одной из ключевых проблем выступает влияние лимита на уровень внутренней конкуренции в чемпионате. Ограничение количества иностранных игроков объективно сокращает круг футболистов, доступных для комплектования состава команд, что отражается на интенсивности конкурентной борьбы и общем уровне исполнительского мастерства. В условиях профессионального спорта именно конкуренция является основным фактором развития игроков и повышения качества соревнований. Наличие в составе клубов квалифицированных иностранных футболистов способствует формированию более высоких требований к уровню подготовки спортсменов и усиливает борьбу за место в основном составе.

Одновременно действующая модель лимитирования оказывает влияние на внутренний трансфертный рынок. В условиях ограниченного числа российских игроков, соответствующих требованиям клубов Премьер-Лиги, существенно возрастает спрос на футболистов с российским спортивным статусом. В результате гражданство фактически приобретает самостоятельную рыночную ценность, что приводит к увеличению трансфертной стоимости и заработной платы российских игроков независимо от их объективного спортивного уровня [7 с. 72].

Особое значение проблема лимитирования приобретает в контексте развития молодых российских футболистов. Формально лимит направлен на расширение возможностей участия отечественных игроков в официальных соревнованиях, однако снижение интенсивности конкуренции внутри клубов может оказывать и обратный эффект. Отсутствие постоянной борьбы за место в составе способно уменьшать мотивацию к профессиональному развитию и ослаблять требования к спортивным результатам. При этом международная практика показывает, что устойчивое развитие молодых игроков обеспечивается прежде всего качественной системой подготовки [11, с.261], инфраструктурой и высоким уровнем конкурентной среды, а не исключительно количественными ограничениями на участие иностранных спортсменов.

Дополнительную актуальность указанные проблемы приобретают в условиях ограниченного участия российского футбола в международных соревнованиях. В современной ситуации внутренний чемпионат во многом становится основным пространством профессионального развития игроков и обмена опытом. В этой связи участие иностранных футболистов сохраняет значение не только как элемент спортивной конкуренции, но и как механизм интеграции российского футбола в мировое профессиональное пространство [10].

В современных условиях значительная часть финансовых ресурсов профессиональных клубов направляется на обеспечение текущей конкурентоспособности команд, тогда как объем инвестиций в долгосрочные проекты развития молодежного футбола остается ограниченным. Как отмечает министр спорта Российской Федерации М.В. Дегтярев: «Суммарный бюджет команд РПЛ - более 120 миллиардов рублей. Несмотря на то что среди этих средств 70–80 процентов прямо или косвенно имеют государственное происхождение, на детско-юношеский спорт клубы тратят 7,4 миллиарда рублей - 6 процентов... В связи с этим мы приняли решение изменить параметры лимита, чтобы побудить команды перераспределить расходы в пользу детско-юношеского футбола, поиска талантов и подготовки в итоге большего количества элитных игроков среди собственных воспитанников».

Существенное влияние на формирование современных подходов оказало развитие европейского права и, прежде всего, принципа свободы передвижения рабочей силы в рамках Европейского союза. После решения Европейского суда по делу Босмана возможность применения прямых ограничений [3] в отношении граждан государств, членов ЕС была существенно ограничена. В результате национальные футбольные федерации и лиги были вынуждены искать альтернативные механизмы регулирования участия иностранных игроков, не противоречащие принципам свободы труда и не дискриминации.

В современных условиях UEFA делает основной акцент не на количественном ограничении иностранцев [4, p 63], а на механизмах стимулирования подготовки молодых игроков. Одним из ключевых элементов подобного подхода выступает система «homegrown players», предусматривающая обязательное наличие в заявке клуба определённого числа футболистов, прошедших подготовку в национальной системе футбола или академии соответствующего клуба. При этом подобная модель не связывает статус игрока исключительно с гражданством, а ориентируется на фактическое участие спортсмена в системе подготовки национального

футбола.

Подобные механизмы используются и в ряде ведущих европейских чемпионатов. Так, В Бундеслиге отсутствует жесткий количественный лимит на участие иностранных игроков, характерный для российского футбола. Регулирование осуществляется посредством системы лицензирования клубов и требований к наличию в заявке футболистов, подготовленных в национальной системе футбола. Согласно регламентам Deutsche Fußball Liga (DFL) [6, p. 30], в заявке клуба должно находиться не менее двенадцати игроков, имеющих статус locally trained players, из которых как минимум четыре футболиста должны являться воспитанниками собственного клуба, а еще четыре — пройти подготовку в других немецких клубах.

Сравнительный анализ зарубежных и российских подходов показывает, что российская модель лимитирования сохраняет более выраженный административно-ограничительный характер. В отличие от большинства ведущих европейских лиг, где приоритет отдается стимулирующим механизмам и развитию системы подготовки игроков, российское регулирование в значительной степени основывается именно на количественном ограничении участия иностранных футболистов.

В этой связи зарубежный опыт представляет особый интерес для оценки перспектив дальнейшего реформирования российского футбольного регулирования. Анализ международной практики свидетельствует о возможности формирования более гибкой модели допуска иностранных игроков, сочетающей развитие конкурентной среды с эффективными механизмами поддержки молодых отечественных футболистов без чрезмерного ограничения профессионального спортивного рынка труда.

Результаты исследования:

Введение целевых правил по игровому времени и регистрации предполагает установление минимальных требований к участию российских футболистов в официальных матчах с учётом возрастных категорий и стажа в клубе. Для юниорских и молодежных составов могут применяться более жёсткие пороги участия с целью обеспечения игровой практики молодым спортсменам, тогда как для основных составов допустима дифференциация в зависимости от длины контракта и периода нахождения в команде. Регистрация и состав матчевой заявки должны отражать эти требования посредством обязательного указания статуса игрока (молодой/местный/новичок) и контроля соблюдения минимальных минут игрового времени. Такой подход допускает гибкость реализации без введения жёстких количественных лимитов, сохраняя возможности для привлечения иностранных специалистов при одновременной защите интересов отечественных футболистов.

Система экономических и спортивных стимулов должна поощрять клубы, подтверждающие реализацию программ развития местных кадров, через налоговые преференции, доступ к субсидиям и трансфертные льготы. Условием получения таких преимуществ может стать сертификация программ академий и выполнение показателей по выпуску игроков в профессиональные составы, а также соблюдение целевых норм по игровому времени для российских футболистов. Финансовые и регуляторные стимулы уменьшат необходимость прямых количественных ограничений и стимулируют долгосрочные инвестиции в подготовку отечественных игроков. Введение прозрачных критериев оценки эффективности программ позволит гармонизировать интересы клубов, государства и спортивных организаций в рамках гибкой модели регулирования.

Финансирование и аккредитацию академий следует выстраивать на основе измеримых критериев эффективности подготовки молодых игроков, таких как процент выпускников, интеграция в основной состав и дальнейшая профессиональная занятость. «Стараясь добиться быстрых спортивных результатов за счет «купли» иностранцев, клубы запустили работу по подготовке спортивного резерва из числа местной молодежи. Вследствие этого спортивная молодежь, не имея возможности профессионального роста, теряет перспективы занять достойное место на национальном рынке работы на основании указанных показателей распределение государственных и федеративных средств должно осуществляться прозрачно и привязано к достигнутым результатам, что позволит сопоставлять вложения с реальным вкладом академий в пополнение основных составов клубов.

Механизмы обязательных инвестиций стоит создать необходимые условия для эффективного тренировочного процесса, путём совершенствования спортивной инфраструктуры [2, p. 101]. В каждом регионе необходимо развивать футбольную школу высокого уровня, тем самым, повышать популярность данного вида спорта в стране. система мониторинга исполнения должна включать регулярную отчетность, верификацию показателей независимыми аудиторами и показатели результативности, такие как доля выпускников, интегрированных в основной состав, и их игровая практика. За невыполнение целевых показателей предусматриваются

санкции, например приостановление доступа к распределяемым средствам, штрафы и иные дисциплинарные меры, которые будут стимулировать соблюдение обязательств и повысить ответственность клубов за подготовку молодёжи.

Предложения включают комплексное законодательное обновление, направленное на введение гибкого правового режима регулирования участия иностранных игроков в российском футболе. Это предполагает гармонизацию национальных норм с нормативами международных федераций и установление прозрачных правил трудовой миграции игроков, что снизит правовую неопределённость при трансферах и трудоустройстве. Важным элементом является внедрение механизмов контроля выполнения образовательных и подготовительных программ, ориентированных на повышение квалификации как российских, так и иностранных футболистов, при сохранении открытости рынка труда в спорте. Комплексный подход позволит реализовать концепцию гибкого регулирования, сочетающую защиту интересов отечественных игроков с обеспечением конкурентоспособности клубов и соответствием международным стандартам.

Заключение.

Проведённое исследование показывает, что лимит на легионеров в современном российском футболе представляет собой не только спортивно-регламентный механизм, но и комплексный инструмент правового регулирования профессионального спортивного рынка труда. Его применение затрагивает вопросы трудовых отношений, конкурентной среды, трансфертной политики клубов, подготовки спортивного резерва и соотношения государственного регулирования со спортивным самоуправлением.

Анализ действующей модели лимитирования свидетельствует о том, что российская система регулирования сохраняет преимущественно административно-ограничительный характер и основывается главным образом на количественном ограничении участия иностранных игроков. При этом постоянное реформирование лимита и неоднократное изменение его параметров указывают на отсутствие устойчивого подхода к определению оптимального механизма регулирования профессионального футбола.

В ходе исследования установлено, что существующая модель лимита оказывает комплексное влияние на функционирование профессиональных клубов и внутреннего футбольного рынка. Ограничение участия иностранных игроков влияет на уровень конкуренции в чемпионате, трансфертную политику клубов и механизмы формирования рыночной стоимости футболистов. Одновременно лимит не способен самостоятельно обеспечить качественное развитие молодых российских игроков при отсутствии достаточного финансирования академий, инфраструктуры и системы подготовки спортивного резерва.

Сравнительный анализ зарубежной практики показывает, что большинство ведущих европейских футбольных систем постепенно отходят от жёстких количественных ограничений в пользу более гибких моделей регулирования. Приоритетное значение в таких системах придаётся развитию молодежного футбола, стимулированию подготовки собственных воспитанников, лицензированию клубов и инвестициям в инфраструктуру. Международный опыт демонстрирует, что устойчивое развитие национального футбола достигается прежде всего посредством системной работы с академиями и подготовки кадров, тогда как лимитирование участия иностранных игроков рассматривается лишь как дополнительный инструмент регулирования [5, p. 248-250].

На основании проведённого исследования представляется целесообразным постепенный переход к концепции гибкого регулирования участия иностранных игроков в российском футболе. Подобная модель должна основываться на сочетании открытости профессионального спортивного рынка с эффективными механизмами поддержки отечественных футболистов и развития молодежного спорта. В качестве основных критериев регулирования могут использоваться показатели подготовки молодых игроков, эффективность работы клубных академий, уровень интеграции воспитанников в основные составы команд и степень конкурентоспособности клубов.

Дополнительное значение приобретает формирование системы экономических и организационных стимулов, направленных на развитие инфраструктуры и повышение качества подготовки спортивного резерва. Финансирование академий, контроль эффективности молодежных программ и обязательные инвестиции клубов в систему подготовки игроков способны стать более результативным механизмом развития национального футбола, чем исключительно количественное ограничение участия легионеров.

Список литературы:

[1] Буянова М. О. Спортивное право. Общая теория: учебник для вузов / М.О. Буянова. - Москва: издательство Юрайт, - 154 с.

[2] FIFA Regulations on the Status and

Transfer of Players. - Zurich: Federation International de Football Association (FIFA), 2025. – 101 p.

[3] Union Royale Belge des Sociétés de Football Association ASBL v. Bosman (C-415/93]

[4] UEFA Statutes. Edition February 2026. - Nyon: Union of European Football Associations (UEFA), 2026. - 63 p.

[5] Premier League Handbook 2025/26. — London: The Football Association Premier League Limited, 2025. - 248-250 p.

[6] DFL Statutes of DFL Deutsche Fußball Liga e.V. and Licensing Regulations. - Frankfurt am Main: DFL Deutsche Fußball Liga e.V., 2023. - 30 p.

[7] Бида М.А., Мирзоян А.Г. Факторы формирования трансферной политики футбольных клубов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2023. - № 1. - С. 66–88.

[8] Гореликов В.А. Трансфер игрока в профессиональном спорте как маркетинговый продукт спортивного клуба // Наука и спорт: современные тенденции. 2021. № 3. С. 115–124.

[9] Истомин Ю. Американская мечта // Ведомости. Спорт. — 2025. № 39. С. 3.

[10] Кожин В.В. Социальная полезность российской модели профессионального спорта // Caucasian Science Bridge. — 2021. № 3. С. 79–91.

[11] Яременко Н. Футбол: откровенная история о том, что происходит на самом деле. — М.: АСТ, 2024. 352 с.

[12] О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ. URL: http:// www.pravo.gov.ru.

References:

[1] Buyanova M.O. Sports law. General theory: textbook for universities/M.O. Buyanova. - Moscow: publishing house Yurayt, - 154 p.

[2] FIFA Regulations on the Status and Transfer of Players. - Zurich: Federation International de Football Association (FIFA), 2025. – 101 p.

[3] Union Royale Belge des Sociétés de Football Association ASBL v. Bosman (C-415/93]

[4] UEFA Statutes. Edition February 2026. - Nyon: Union of European Football Associations (UEFA), 2026. - 63 p.

[5] Premier League Handbook 2025/26. — London: The Football Association Premier League Limited, 2025. - 248-250 p.

[6] DFL Statutes of DFL Deutsche Fußball Liga e. V. and Licensing Regulations. - Frankfurt am Main: DFL Deutsche Fußball Liga e. V., 2023. - 30 p.

[7] Bida MA, Mirzoyan A.G. Factors in the formation of the transfer policy of football clubs// Journal of the New Economic Association. — 2023. - № 1. - S. 66-88.

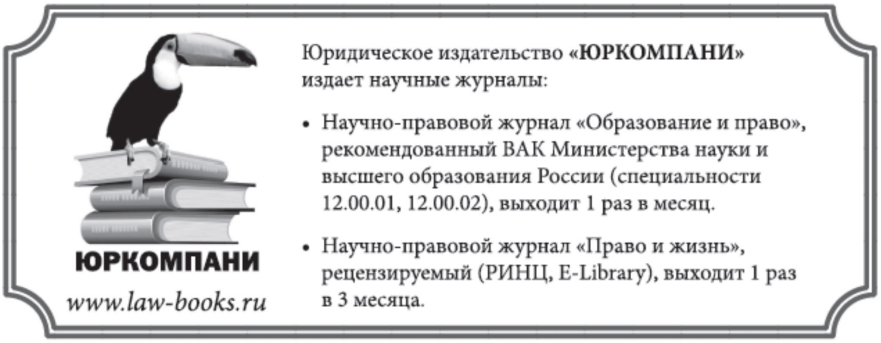
[8] Gorelikov V.A. Transfer of a player in professional sports as a marketing product of a sports club//Science and sports: modern trends. 2021. № 3. S. 115-124.

[9] Istomin Yu. American Dream//Vedomosti. Sports. — 2025. № 39. S. 3.

[10] Kozhin V.V. Social usefulness of the Russian model of professional sports//Caucasian Science Bridge. — 2021. № 3. S. 79-91.

[11] Yaremenko N. Football: a frank story about what is really happening. - M.: AST, 2024. 352 pp.

[12] On physical culture and sports in the Russian Federation: Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ. URL: http:// www.pravo.gov.ru.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-592-600

ПАВЛОВ Олег Витальевич,

Соискатель учёной степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.1 — теоретико-исторические правовые науки. Кафедра теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики (ТИУиЭ), г. Таганрог; ORCID: 0009-0008-1860-9013,

e-mail: Kapitalstroy007@yandex.ru

РИМСКОЕ ПРАВО КАК ПРОТОЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ИМПЕРИИ И АДРИАН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРООБРАЗ АГЕНТНОГО ИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Настоящая статья предлагает юридико-историческую конструкцию, в которой римское право рассматривается не как буквальный технический аналог современной большой языковой модели, а как ее историко-функциональный предшественник: как система накопления, нормализации, переноса и применения текстуализированного знания в пространстве большой политии. В этом ракурсе император Адриан анализируется не как «машина» и не как техноутопическая метафора, а как исторический тип агентного управления, сочетающий роль военного, администратора, законодателя, арбитра, архитектора и культурного медиатора. Такой подход позволяет сместить центр дискуссии с привычной темы регулирования ИИ к более фундаментальному вопросу: как меняются формы юридического знания, юридической подготовки и юридической власти, когда право начинает обслуживаться системами, способными к масштабируемой работе с текстом, инструментами и контекстом. Эта постановка вопроса соотносится с современными исследованиями римского права как инструмента имперской интеграции и с новейшими разработками OpenAI и Anthropic в области reasoning-моделей, агентных систем и tool use.*

Ключевой тезис статьи состоит в том, что римское право было для Империи тем, чем языковая модель является для распределенной вычислительной экосистемы: не сувереном, а средой универсализации, компрессии и переноса знаний; не «вещью в себе», а инфраструктурой, через которую разнородные практики превращались в управляемые и сопоставимые юридические выходы. При таком понимании римская правовая традиция оказывается особенно ценной для современной теории государства и права, поскольку позволяет описать переход от человеческой монополии на юридический текст к режиму, в котором юрист все меньше выступает как ремесленный составитель документа и все больше — как принципал, оркестратор и верификатор сети специализированных ИИ-агентов. Эта линия уже находит подтверждение в эмпирических исследованиях legal AI, legal pedagogy и agentic workflows.

Ключевые слова: *римское право; Адриан; edictum perpetuum; большие языковые модели; агентный ИИ; legal AI; юридическое образование; правовая инфраструктура.*

PAVLOV Oleg Vitalievich,

Applicant for the degree of candidate of legal sciences in the scientific specialty 5.1.1 - theoretical and historical legal sciences. Department of Theory and History of State and Law of the Taganrog Institute of Management and Economics (TIUiE), Taganrog; ORCID: 0009-0008-1860-9013

ROMAN LAW AS A PROTO–LANGUAGE MODEL OF THE EMPIRE, AND HADRIAN AS A HISTORICAL PROTOTYPE OF AGENTIC AI IN THE TRANSFORMATION OF LEGAL EDUCATION

Annotation. *This article advances a legal-historical construction in which Roman law is treated not as a literal technical analogue of the modern large language model, but as its historical-functional predecessor: a system for accumulating, normalizing, transferring, and applying textualized knowledge across the space of a large polity. From this angle, the emperor Hadrian is analyzed not as a "machine" and not as a techno-utopian metaphor, but as a historical type of agentic governance that combines the roles of military commander, administrator, legislator, arbiter, architect, and cultural mediator. This approach shifts the center of debate away from the familiar topic of AI regulation toward a more fundamental question: how the forms of legal knowledge, legal training, and legal power change once law begins to be served by systems capable of scalable work with text, tools, and context. This framing connects with contemporary scholarship on Roman law as an instrument of imperial integration and with recent work by OpenAI and Anthropic on reasoning models, agentic systems, and tool use.*

The article's key thesis is that Roman law was to the Empire what a language model is to a distributed computational ecosystem: not a sovereign, but a medium of universalization, compression, and knowledge transfer; not a "thing in itself," but an infrastructure through which heterogeneous practices were converted into governable and comparable legal outputs. On this understanding, the Roman legal tradition proves especially valuable for the contemporary theory of state and law, because it allows us to describe the transition from a human monopoly over legal text to a regime in which the lawyer acts less as an artisanal drafter of documents and increasingly as a principal, orchestrator, and verifier of a network of specialized AI agents. This line already finds support in empirical research on legal AI, legal pedagogy, and agentic workflows.

Key words: *Roman law; Hadrian; edictum perpetuum; large language models; agentic AI; legal AI; legal education; legal infrastructure.*

Методология и источниковедческая база. Методологически работа опирается на сочетание сравнительно-исторического, юридико-герменевтического и идеал-типического анализа. Сравнение Рима и современных ИИ-моделей не понимается здесь как отождествление сущностей; напротив, речь идет о функциональной аналогии между двумя разными машинами универсализации: одна строилась на дорогах, архивах, юридических формулярах, императорских рескриптах и элите юристов; другая — на данных, вычислениях, посттренинге, inference-time compute и инструментально-агентных интерфейсах. Такая постановка вопроса сознательно избегает грубого анахронизма: античное право не было «нейросетью», а современные модели не являются «новыми цезарями». Однако обе системы позволяют исследовать один и тот же тип проблемы — как большое политико-коммуникативное пространство делает знание переносимым, управляемым и применимым к новым случаям.

Источниковедческая база делится на три уровня. Первый уровень — критически реконструируемые сведения о правовой политике Адриана и развитии римского права: исследования о edictum perpetuum, о политике Адриана, о правовой роли империи, о билингвизме римского права и о взаимодействии имперского и локального права. Второй уровень — исследования по истории античных цивилизаций, позволяющие типологизировать Египет, Грецию и Рим как разные режимы производства знания и управления. Третий уровень — современные первичные источники по frontier AI: официальные публикации OpenAI и Anthropic, а также актуальные научные работы о scaling laws, inference scaling, vibe coding, LLM agents, legal AI и legal pedagogy.

Особое значение имеет критика позднеантичной нарративной традиции. Historia Augusta остается важным, но проблемным источником: Britannica указывает, что ее авторство и датировка спорны, многие ученые считают приписанных авторов фиктивными, а поздние части текста насыщены вымышленными документами и анахронизмами; современные исследования в Histos подтверждают необходимость отделять историческое ядро от литературной фикции. Поэтому эффектные биографические детали о «частной жизни» или символических жестах Адриана в настоящей статье используются только там, где они подтверждаются критической историографией; приоритет отдается верифицируемым элементам его карьеры, политики и правовых реформ.

Римское право как протоязыковая модель империи

Римское право в традиционной юридической науке описывается как один из базовых источников западной правовой цивилизации; однако для целей настоящей статьи

важнее другое: оно было операционной средой, позволявшей Империи поддерживать связность между разными статусами, территориями, языками и локальными обычаями. Клиффорд Андо показывает, что римское гражданство и имперская правовая статусность выступали инструментами империи, а в отдельной работе подчеркивает, что сохранение местных правопорядков и наложение римских судов второй инстанции создали в провинциях особую нишу для «индигенных юристов», способных переводить местный правовой опыт в имперски распознаваемую форму. Иначе говоря, римское право не столько уничтожало различия, сколько перекодировало их в управляемую матрицу. В функциональном смысле это чрезвычайно близко к тому, что делает большая языковая модель: она не устраняет разнообразие входов, а преобразует их в унифицированный режим обработки и вывода.

Эта функция особенно заметна там, где право работает как «обучаемая память» политии. Britannica отмечает, что римское право развивалось через законодательство, магистратские эдикты, сенатусконсульты, интерпретации юристов и позднее — через императорские конституции; при этом интерпретации юристов со временем сами приобретали вес права. Эту структуру источников фиксирует уже Гай (Gai. Inst. 1.2), а Помпоний в «Энхиридионе» дает ее историческую реконструкцию (D. 1.2.2); показательно, что именно Адриан рескриптом придал согласным мнениям управомоченных юристов силу закона (Gai. Inst. 1.7). Следовательно, римское право не было статичным кодексом в современном смысле: оно представляло собой кумулятивный и текстоцентрический массив, из которого извлекались решения для новых дел. Именно это позволяет говорить о нем как о протоязыковой модели: не машинной, но уже построенной на статистике повторяемых формул, на авторитетном корпусе, на обучении элит и на работе с новыми запросами через устоявшиеся схемы обращения.

Юридическая политика Адриана усиливает этот тезис. Исследования о Hadrian's Perpetual Edict показывают, что связанный с Адрианом edictum perpetuum был не просто административным эпизодом, а важным узлом в долгой истории систематизации преторского материала; Cambridge-статья Pringsheim прямо характеризует его правовую политику как начало новой эпохи в римском праве и управлении. Britannica, в свою очередь, указывает, что при Адриане юристы кодифицировали edictum perpetuum (его редакция традиционно связывается с юристом Сальвием Юлианом), а сам император назначал бывших консулов как судебных функционеров по Италии. В терминах современного ИИ это можно описать так: корпус был нормализован, маршруты интерпретации — стабилизированы, а каналы применения — институционально усилены. Это похоже не на первоначальное предобучение, а на мощный этап post-training и архитектурной дисциплины.

Не менее важен языковой аспект. Исследование Симона Коркорана показывает, что римское право в империи Юстиниана существовало в сложном взаимодействии латинского и греческого, причем нормативный текст долго сохранял латинское ядро, а греческие учебные и практические материалы перерабатывали и распространяли его в среде, где чистое владение латынью было ограничено. В результате возник стабилизированный «римско-юридический греческий». Для нашего тезиса это принципиально: римское право действовало не просто как набор норм, а как многоязычная система переноса смысла, в которой ядро, интерфейс и прикладной слой могли различаться. Это очень близко к современной архитектуре багатослойных ИИ-систем, где базовая модель, retrieval-слой, tool calling и пользовательский интерфейс не совпадают, но образуют один рабочий ансамбль.

Адриан и агентное переключение режимов управления

Биография Адриана сама по себе подталкивает к агентной интерпретации. Britannica фиксирует его афинский опыт, его репутацию Graeculus, пребывание в Афинах до назначения в Сирию, избрание эпонимным архонтом, а позднее — создание Панэлленниона, политико-культурной федерации греческих городов. Тот же источник подчеркивает, что его филэллинизм проявлялся не только в идеях, но и в визуальном коде власти — в новой модели императорского портрета с бородой и эллинизированными чертами. Это означает, что Адриан был не просто «образованным императором»: он владел несколькими кодами легитимации и умел переключаться между ними в зависимости от политической сцены.

С правовой и государственно-административной точки зрения особенно важен контраст между Траяном и Адрианом. Britannica и Pringsheim сходятся в том, что по вступлении на престол Адриан быстро отказался от части восточных завоеваний Траяна — прежде всего от армяно-месопотамского расширения — и поставил во главу угла не экстенсивный рост, а управляемую границу, мир и администрируемость. Hadrian's Wall в Британии и более широкая политика консолидации стали символами этой установки. В современном языке ИИ это можно описать как переход от неограниченного наращивания «параметров империи» к compute-optimal governance: не максимальный размер, а

лучший баланс между масштабом, стоимостью содержания и качеством управления.

Агентная аналогия усиливается, если посмотреть на формы деятельности самого императора. Под Адрианом сходились военный командный режим, правовой режим, культурно-дипломатический режим и архитектурный режим. Britannica подчеркивает его поэтические и художественные способности, а статьи о его вилле и о Pantheon указывают на архитектурную и космологическую сложность его проектов. Поэтому Адриана корректнее понимать как исторический прототип многорежимного исполнительного интеллекта, а не как обычного «правителя-гуманитария». Он не был ИИ в буквальном смысле, но структурно объединял то, что сегодня в цифровой среде начинает распределяться между reasoning-моделью, planning-моделью, специализированными инструментами и долговременной памятью.

Именно здесь становится продуктивным сопоставление с нынешними ИИ-платформами. OpenAI описывает o3 и o4-mini как reasoning-модели, способные дольше «думать», обученные инструментальному действию и агентному использованию всех доступных средств внутри ChatGPT; отдельный продукт ChatGPT agent прямо позиционируется как система, которая «думает и действует», используя собственный компьютер, веб-навигацию, код и анализ данных. Anthropic, в свою очередь, презентует Claude 4 как семейство моделей для advanced reasoning, coding и agents, с extended thinking, параллельным использованием инструментов и улучшенной памятью; документация Anthropic подчеркивает различение Opus, Sonnet и Haiku как режимов разной мощности и стоимости, а MCP — как открытый стандарт соединения модели с инструментами и хранилищами данных. Если перевести это на язык античности, то Адриан важен не как «аналог одного конкретного бота», а как фигура, концентрирующая в одном лице то, что современные платформы развертывают в многоуровневую агентную экосистему.

В правовом измерении это особенно существенно. Исследование Riedl и Desai показывает, что по мере «агентизации» ИИ возникают проблемы, давно знакомые праву агентирования: недоопределенность поручения, пределы подразумеваемых полномочий, вопросы лояльности и раскрытия. Следовательно, корректная футурологическая формула не такова, что «ИИ становится императором», а такова, что исполнительная функция дробится и делегируется, тогда как юрист все в большей мере становится принципалом и конструктором режимов полномочия. В этом смысле Адриан — не замена юриста, а историческая модель того, как разнородные роли могут координироваться из одного управляющего центра.

Египет, Греция и Рим как идеальные типы взаимодействия с ИИ

Если вывести обсуждение на более широкий цивилизационный уровень, то триада «Египет — Греция — Рим» — может быть научно очищена и превращена в рабочую идеал-типическую схему. Древний Египет в этом ряду обозначает режим ручного программирования. Britannica напоминает, что египетское письмо породило особый класс профессионалов — писцов, которые занимались учетом, налогообложением, управлением общественными работами и военной логистикой; в более общем обзоре древнеегипетской цивилизации подчеркивается иерархичность идеологии и административно-письменная природа порядка ma'at. Отсюда следует не буквальное, но продуктивное сопоставление: ручное программирование, как и египетская писцовая культура, строится на высокой специализации, эксплицитных инструкциях, закрытом профессиональном знании и значительном барьере входа.

Древняя Греция в предлагаемой схеме обозначает иной режим — режим диалогического поиска формы. Britannica характеризует греческую философию как основание западной теоретической традиции, включающее Сократа, Платона, Аристотеля и стоические школы. Современные исследования о vibe coding определяют этот феномен как программирование через разговор с ИИ, в котором основная когнитивная работа смещается от посимвольного построения к контекстному управлению, проверке, оркестрации и динамическому доверию к модели. Именно поэтому аналогия с Грецией оказывается не публицистической, а методологически уместной: греческий стиль знания — это не бюрократический учет, а беседа, аргументация, постановка общих принципов, испытание гипотез и человеческо-центричная работа с разумом; vibe coding, по данным эмпирических исследований, тоже есть не отказ от мышления, а его перемещение в диалоговую и рефлексивную форму.

Рим же обозначает третий тип — режим рационализированной имплементации. То, что Греция производила как философский капитал, Рим умел превращать в право, администрацию, дороги, статусные матрицы и имперские процедуры. Здесь аналогия между Anthropic и Римом получает научно обоснованную форму. Компания Anthropic делает акцент на режимах углублённого рассуждения с использованием внешних инструментов, на чётком разграничении

типов моделей по их функциям и вычислительным возможностям, на открытом стандарте MCP (Model Context Protocol), а также на агентном программировании, при котором модель способна самостоятельно взаимодействовать с различными инструментами и сервисами. В свою очередь, OpenAI сосредотачивает внимание на моделях рассуждения, на совершенствовании их способностей посредством обучения с подкреплением (reinforcement learning), а также на агентной интеграции множества инструментов в рамках единого пользовательского интерфейса. Поэтому можно сказать так: внутри современной американской ИИ-экосистемы OpenAI чаще выступает как “греческий” полюс концептуального прорыва, а Anthropic — как “римский” полюс систематизации, процедурности и институционального внедрения. Это не факт природы, а аналитический вывод из официально декларируемых исследовательских и продуктовых стратегий обеих компаний.

В таком контексте и стоицизм получает новую функцию. Не случайно римская политико-правовая культура перерабатывала греческие школы под задачи управления; аналогично современный юрист в эпоху пограничных-моделей вынужден перерабатывать абстрактную интеллектуальную мощность ИИ в дисциплину юридического применения. Следовательно, древний мир нужен не как декор к обсуждению технологий, а как теория форм знания, каждая из которых сегодня возвращается в иной технической оболочке: египетская — как экспертная закрытость и ручная настройка; греческая — как разговорное, исследовательское и философское программирование намерения; римская — как агентная, инструментальная и правовая рационализация результата.

На этом фоне полезно скорректировать и карфагенскую аналогию, которую можно распространить на современную китайскую ИИ-среду лишь с существенными оговорками. Nature в 2025 году писала о DeepSeek как об открытом и дешевом сопернике рассуждающих-моделей OpenAI, а Stanford AI Index 2026 фиксирует почти исчезнувший разрыв в производительности между лучшими американскими и китайскими моделями; Reuters сообщает и о дальнейшем агрессивном ценовом давлении DeepSeek. Поэтому говорить о Китае как о «медленном и неумном» сопернике научно неверно. Зато правомерно говорить о другой модели суверенной инфраструктуры и конкурентного развития, где альтернативные цепочки поставок, иные ценовые стратегии и иной политический контекст делают соперничество похожим скорее на межцивилизационную конкуренцию, чем на внутренний спор одной школы.

Масштабирование моделей и масштабирование империи

Современная теория ИИ строится вокруг законов масштабирования. OpenAI в классической работе 2020 года показала, что потери языковой модели подчиняются степенным зависимостям по отношению к размеру модели, объему данных и вычислениям; позднее Chinchilla-подход уточнил оптимальный для выполнения вычислений режим, показав, что модель и число тренировочных токенов должны масштабироваться более сбалансированно, чем это часто предполагалось раньше. В 2025 году OpenAI дополнительно сообщила, что дальнейшее масштабирование обучения с подкреплением (reinforcement learning), а также увеличение объёма вычислений, используемых моделью в процессе рассуждения и формирования ответа (inference-time reasoning), продолжает обеспечивать рост качества моделей o3 и o4-mini. Для правовой теории эта линия важна потому, что она делает развитие ИИ не случайным набором чудес, а управляемой экономикой масштаба.

Однако последние исследования несколько корректируют и эту картину. Работа о законах масштабирования вывода показывает, что при равном объёме вычислительных ресурсов меньшие модели с более эффективными стратегиями рассуждения могут превосходить более крупные модели; другой недавний препринт о законе кинетического масштабирования предупреждает, что масштабирование на этапе тестирования ограничивается не только количеством операций с плавающей запятой, но также объёмом памяти, пропускной способностью и архитектурными узкими местами. Тем самым современная наука об искусственном интеллекте фактически воспроизводит старую политико-правовую истину: большое не всегда означает эффективное; эффективность зависит от конфигурации, маршрутов, задержек и стоимости координации.

Именно здесь становится содержательной аналогия с Римской империей. Разумеется, территориальное расширение Римской империи не подчинялось тем же математическим степенным закономерностям, что и кривая ошибок языковой модели. Но исторически имперский рост тоже требовал снижения предельных издержек координации. Новый цифровой атлас Itiner-e показывает, что дорожная сеть Римской империи была значительно плотнее, чем считалось раньше, и была критична для перемещения людей, товаров, идей и поддержания имперского контроля; отдельная экономико-историческая работа показывает, что современные магистрали

и железные дороги Италии нередко следуют по трассам, заданным римской инфраструктурой. Следовательно, если в ИИ вычисление и контекст образуют материальную основу масштабирования, то в Риме такую роль играли дороги, архивы, финансовое администрирование и правовые процедуры.

В этом смысле Траян и Адриан образуют почти учебный контраст между «наивным масштабированием» и «оптимальным масштабированием». Britannica подчеркивает, что Траяновы восточные завоевания были быстро оставлены Адрианом, а Pringsheim прямо связывает правовую политику Адриана с новой установкой на порядок и мир в границах удерживаемого мира. Если применить современную лексику, можно сказать: Траян стремился к максимальному захвату параметров, Адриан — к повышению качества принятия решений в пределах удерживаемого контекста управления. Это, разумеется, метафора; но именно как метафора она очень точна для юридической теории государства: не каждая способность к захвату есть способность к управлению, а институциональная архитектура права есть исторический способ превращать масштаб в управляемость.

Здесь уместно и еще одно уточнение. Тезис о «римском праве как первой языковой модели» можно защитить только в ослабленной, но научно сильной форме: римское право было не моделью в компьютерном смысле, а архитектурой имперского обобщения, где разнообразные локальные входы — обычаи, статусы, жалобы, споры, налоговые отношения, языковые различия — превращались в повторяемые, формализуемые, переводимые решения. Для LLM это делают токенизация, обучение и выводы; для Рима это делали образование, юристы, канцелярии, магистратские и императорские формы, а также инфраструктура перемещения и хранения знания. Удивительно не то, что эти системы различны, а то, насколько сходны задачи, которые они решают.

Трансформация юридического образования и футурологический прогноз

Современный юридический рынок уже подтверждает, что искусственный интеллект перестал быть второстепенным инструментом. Thomson Reuters в отчёте за 2024 год о профессиональных услугах указывает, что подавляющее большинство юристов и сотрудников юридических подразделений считает генеративный искусственный интеллект применимым в своей работе; Reuters и TechCrunch отмечают стремительный рост стоимости компаний, разрабатывающих решения на основе искусственного интеллекта для юридической сферы: компания Harvey в 2026 году была оценена Reuters в 11 млрд долларов США, а компания Legora — TechCrunch в 5,6 млрд долларов США. Это означает, что обсуждение искусственного интеллекта в юридической деятельности больше не относится исключительно к области футурологических прогнозов: соответствующие технологии уже стали частью рынка юридических услуг, инвестиционной среды и организационных моделей оказания правовой помощи.

Однако именно поэтому юридическое образование не может сводиться лишь к умению пользоваться искусственным интеллектом. Предварительное исследование Но и соавторов показывает, что специализированные системы искусственного интеллекта для юридического поиска, хотя и уменьшают количество ошибок по сравнению с универсальными диалоговыми системами, всё же способны выдавать недостоверные результаты в значительной доле случаев — от 17 % до 33 % в исследованных системах. Reuters в 2026 году описала несколько случаев, когда адвокаты подвергались санкциям или были вынуждены приносить извинения за использование фиктивных цитат и непроверенных результатов, сгенерированных искусственным интеллектом. Это означает, что в эпоху применения искусственного интеллекта в юридической деятельности ключевым профессиональным качеством юриста становится не скорость подготовки текста, а познавательная добросовестность: способность проверить источник информации, восстановить логику правовой аргументации и нести ответственность за материалы, представляемые суду или доверителю.

Юридическое образование уже начинает перестраиваться. Статья Bakht Munir, посвящённая курсу «Искусственный интеллект для юристов» в Школе права Канзасского университета, описывает попытку включить генеративный искусственный интеллект в юридическую подготовку в качестве самостоятельной учебной дисциплины. Вместе с тем двухлетний эксперимент Thibault Schrepel демонстрирует более сложную картину: искусственный интеллект одновременно способствует обучению и создаёт риск формирования упрощённых образовательных стратегий, если его использование не сопровождается строгой методикой критического анализа источников и аргументации. Исследование Linna и Linna, посвящённое судебным требованиям к использованию генеративного искусственного интеллекта в правовом рассуждении, приходит к выводу, что наиболее реалистичная роль искусственного интеллекта в праве сегодня

заключается либо в выполнении большого объёма рутинной работы по простым делам, либо в функции интеллектуального партнёра при анализе сложных правовых вопросов. Наконец, исследование LawFlow показывает, что человеческие юридические процессы по-прежнему остаются более модульными, адаптивными и чувствительными к отдалённым последствиям принимаемых решений, тогда как планы действий, формируемые большими языковыми моделями, нередко оказываются чрезмерно линейными и менее гибкими.

Отсюда и главный футурологический вывод статьи. В ближайшие годы обучение юриста будет меняться не только потому, что «появился новый инструмент», а потому, что меняется базовая единица юридического труда. Вчера этой единицей был текст, создаваемый вручную; сегодня — запрос, проверка, контролируемая генерация, маршрутизация между моделями и инструментами, оценка источников и сборка агентного рабочего процесса. Исследования диалогового программирования с использованием искусственного интеллекта уже показывают, что даже в сфере разработки программного обеспечения профессиональная компетентность постепенно смещается от непосредственного написания кода к управлению контекстом, координации работы различных инструментов и выборочному контролю результатов. OpenAI определяет агентные системы как системы, способные выполнять последовательности действий от имени пользователя с высокой степенью самостоятельности. Применительно к юриспруденции это означает, что сильный юрист будущего — это не только знаток правовых норм и не только специалист по взаимодействию с системами искусственного интеллекта, но и координатор агентной инфраструктуры, способный распределять задачи между специализированными интеллектуальными системами без утраты доктринальной строгости и профессиональной ответственности.

Здесь и возникает неожиданная актуальность римского права. Исторический корпус римского права, разумеется, не меняется от того, что юристы используют ИИ. Но радикально меняется способ его рецепции, преподавания и функционального применения. В условиях, когда ИИ может извлекать, сопоставлять, переводить и соединять огромные массивы текстов, римское право перестает быть только «дисциплиной о происхождении понятий» и становится лабораторией формальной юридической мысли: категориального мышления о статусе, обязательствах, вещах, действиях, юрисдикции, правовом переводе и многоуровневой нормативности. Именно поэтому можно осторожно утверждать, что в XXI веке изменяется не содержание римского права, а его операционное наследие: оно возвращается как школа юридического проектирования для мира, где текст снова стал основной материей власти, но обрабатывается уже не только человеком.

Если довести эту линию до конца, то новый юрист будет обучаться не против ИИ и не «вместо ИИ», а на пересечении трех дисциплин: источниковедческой строгости, античной правовой теории и агентного проектирования. В этом сюжете Адриан важен не как романтический герой, а как показатель того, что широкая интеллектуальная подготовка, способность к межрежимному переключению и умение удерживать управляемый масштаб были и остаются юридически значимыми признаками высшей исполнительной рациональности.

Заключение

Сопоставление Адриана, римского права и современных ИИ-моделей имеет научную ценность лишь при одном условии: если сохранять различие между историческим фактом и аналитической аналогией. При таком условии предложенная конструкция оказывается не риторической игрой, а инструментом для теории истории государства и права. Римское право действительно можно интерпретировать как имперскую систему обучения на корпусе, где нормы, статусы, формулы и интерпретации создавали среду переноса юридического знания между несходными социальными мирами. Адриан действительно может быть прочитан как исторический тип многорежимного управления, в котором военное, юридическое, культурное и архитектурное действие собираются в единую исполнительную логику. И современный поворот к ИИ-агентам действительно заставляет по-новому спросить, кто в юридическом труде будет субъектом, кто — средством, а кто — носителем ответственности.

Главный вывод поэтому можно сформулировать предельно строго. Наследником императорской функции в цифровую эпоху становится не автономная машина, а связка “юрист-принципал + агентная система + проверяемая правовая инфраструктура”. В этой связке римское право выступает не музейным реликтом, а методологией юридической формы; Адриан — не технофантазией, а историческим напоминанием о ценности широты подготовки и переключения режимов; а современный ИИ — не концом юриспруденции, а сменой ее операционной морфологии. Если юридическое образование сумеет ответить на этот вызов, то оно не растворится в автоматизации, а, напротив,

снова станет аристократией метода — как тогда, когда римские юристы превращали разрозненный социальный материал в право имперского масштаба.

Список литературы:

[1] Михайлик А. А., Бабушкин Я. Д. Право и закон в Древнем Риме: у истоков позитивного права // Epomen.Global. 2026. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakon-v-drevnem-rime-u-istokov-pozitivnogo-prava-1 (дата обращения: 25.05.2026).

[2] Ильин М. В. Translatio imperii. Воспроизводство институционального наследия Рима // Политическая наука. 2022. № 1. С. 100–137. DOI: 10.31249/poln/2022.01.04.

[3] Тараборин Р. С. Свод законов гражданских Российской империи 1832 г.: генезис законодательной конструкции // Вопросы управления. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svod-zakonov-grazhdanskih-rossiyskoy-imperii-1832-g-genezis-zakonodatelnoy-konstruktsii (дата обращения: 25.05.2026).

[4] Пашенцев Д. А., Новикова К. С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С. 198–202. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10737.

[5] Кряжевских К. А. Искусственный интеллект и юридическая деятельность: доктрина и практика // Вопросы российской юстиции. 2024. Вып. 32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-yuridicheskaya-deyatelnost-doktrina-i-praktika (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Бирюков П. Н. Искусственный интеллект: вызовы современной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2. С. 256–260.

[7] Богдановская И. Ю., Васякина Е. В., Волос А. А., Данилов Н. А., Егорова Е. В., Калятин В. О., Карпенко О. И., Салихов Д. Р. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 4. С. 278–306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

[8] Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. 494 p.

[9] Ando C. Law, Language, and Empire in the Roman Tradition. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. 176 p.

[10] Johnston D. Roman Law in Context. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 153 p.

[11] Nicholas B. An Introduction to Roman Law. Oxford : Clarendon Press, 1962. 304 p.

[12] Watson A. The Spirit of Roman Law. Athens ; London : University of Georgia Press, 1995. 252 p.

[13] The Digest of Justinian / ed. by A. Watson. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1985. 4 vols.

[14] Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Савельева. М. : Юристъ, 1997.

[15] Институции Юстиниана / пер. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 1998.

[16] Pringsheim F. The Legal Policy and Reforms of Hadrian // The Journal of Roman Studies. 1934. Vol. 24, № 2. P. 141–153. DOI: 10.2307/297053.

[17] Tuori K. Hadrian's Perpetual Edict: Ancient Sources and Modern Ideals in the Making of a Historical Tradition // The Journal of Legal History. 2006. Vol. 27, № 3. P. 219–238. DOI: 10.1080/01440360601041076.

[18] Corcoran S. Roman Law and the Two Languages in Justinian's Empire // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2017. Vol. 60, № 1. P. 96–116. DOI: 10.1111/2041-5370.12049.

References:

[1] Mikhailik A. A., Babushkin Y. D. Law and law in ancient Rome: at the origins of positive law// Epomen.Global. 2026. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-zakon-v-drevnem-rime-u-istokov-pozitivnogo-prava-1 (дата обращения: 25.05.2026).

[2] Ilyin M.V. Translatio imperii. Reproduction of the institutional heritage of Rome//Political science. 2022. № 1. S. 100-137. DOI: 10.31249/poln/2022.01.04.

[3] Taraborin R. S. Code of Civil Laws of the Russian Empire 1832: Genesis of Legislative Construction//Management Issues. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svod-zakonov-grazhdanskih-rossiyskoy-imperii-1832-g-genezis-zakonodatelnoy-konstruktsii (дата обращения: 25.05.2026).

[4] Pashentsev D.A., Novikova K.S. Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation of law//Education and law. 2020. № 7. S. 198-202. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10737.

[5] Kryazhevskikh K. A. Artificial intelligence and legal activity: doctrine and practice//Issues of Russian justice. 2024. No. 32. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-yuridicheskaya-deyatelnost-doktrina-i-praktika (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Biryukov P.N. Artificial intelligence: challenges to modern legal science//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. PP. 256-260.

[7] Bogdanovskaya I. Yu., Vasyakina E.V., Volos A.A., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.O.,

Karpenko O.I., Salikhov D.R. Artificial intelligence and law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. VOL. 17, NO. 4. S. 278-306. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.4.278.306.

[8] Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 2000. 494 p.

[9] Ando C. Law, Language, and Empire in the Roman Tradition. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. 176 p.

[10] Johnston D. Roman Law in Context. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 153 p.

[11] Nicholas B. An Introduction to Roman Law. Oxford : Clarendon Press, 1962. 304 p.

[12] Watson A. The Spirit of Roman Law. Athens ; London : University of Georgia Press, 1995. 252 p.

[13] The Digest of Justinian / ed. by A. Watson. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1985. 4 vols.

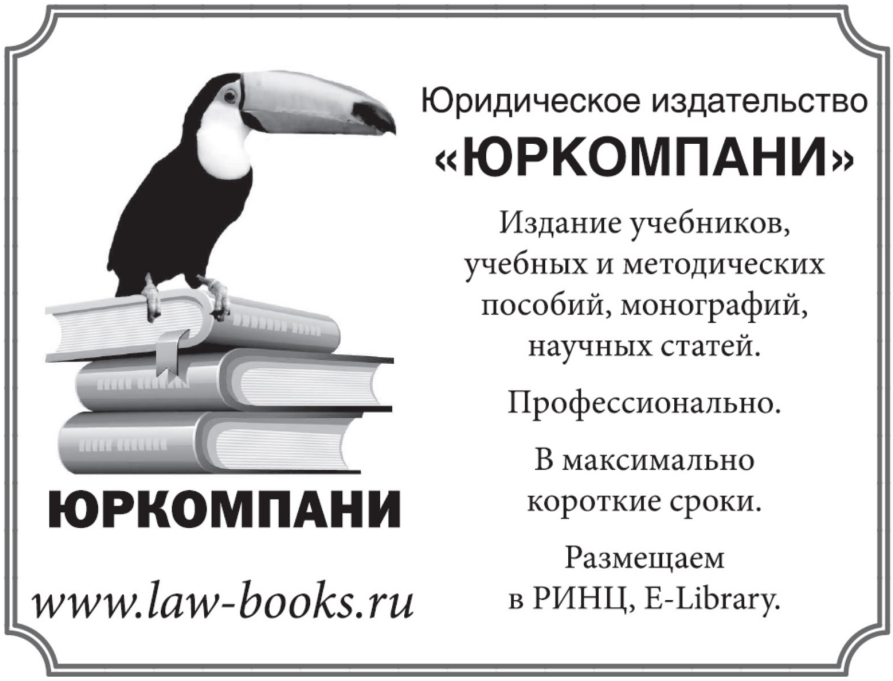
[14] Guy. Institutions/per. With lat. F. Dydynsky; ed. L. L. Kofanova, V. A. Savelyeva. M.: Lawyer, 1997.

[15] Justinian Institutions/per. D. Rassner; ed. L. L. Kofanova, V. A. Tomsinov. M.: Zerzalo, 1998.

[16] Pringsheim F. The Legal Policy and Reforms of Hadrian // The Journal of Roman Studies. 1934. Vol. 24, № 2. P. 141–153. DOI: 10.2307/297053.

[17] Tuori K. Hadrian's Perpetual Edict: Ancient Sources and Modern Ideals in the Making of a Historical Tradition // The Journal of Legal History. 2006. Vol. 27, № 3. P. 219–238. DOI: 10.1080/01440360601041076.

[18] Corcoran S. Roman Law and the Two Languages in Justinian's Empire // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2017. Vol. 60, № 1. P. 96–116. DOI: 10.1111/2041-5370.12049.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-601-605
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,

Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук,

e-mail: mr.kazberov@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СОТРУДНИКОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НА КУРСАХ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *Основной задачей данной статьи является поиск педагогических условий совершенствования подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений в процессе обучения на курсах повышения квалификации по профилактике деструктивного поведения осужденных отбывающих наказание в местах лишения свободы. По результатам осуществленного автором исследования выявляются педагогические условия, способствующие совершенствованию данного направления профессионального развития сотрудников. Цель статьи определение педагогических условий совершенствования подготовки пенитенциарных сотрудников.*

Методами и методиками статьи определяются: исследование новаций в области педагогических условий формирования профессиональных компетенций у пенитенциарного персонала; определение педагогической составляющей ресоциализации осужденного; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области профилактики деструктивного поведения.

Результатами исследования стали: определение направлений подготовки и педагогических условий, способствующих формированию компетенций сотрудников в области выявления и нивелирования факторов риска авитальных проявлений у осужденных отбывающих уголовное наказание в пенитенциарных учреждениях; разработка мер профилактики, включающая элементы подготовки персонала, организации, мониторинга, системы подготовки и самоподготовки.

Ключевые слова: *педагогические условия, педагогическая составляющая ресоциализации осужденных; курсы повышения квалификации, сотрудники, деструктивное поведение; осужденные; пенитенциарное учреждение.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Leading researcher FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR IMPROVING THE TRAINING OF PENITENTIARY STAFF IN THE PREVENTION OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR IN THE PROCESS OF TRAINING IN ADVANCED TRAINING COURSES

Annotation. *The main objective of this article is to identify pedagogical conditions for improving the training of penitentiary staff during advanced training courses on the prevention of destructive behavior among convicts serving sentences in places of imprisonment. Based on the results of the author's research, pedagogical conditions conducive to improving this area of professional development of staff are identified. The purpose of the article is to determine pedagogical conditions for improving the training of penitentiary staff. The methods and techniques of the article are defined: a study of innovations in the field of pedagogical conditions for the development of professional competencies in penitentiary personnel; determination of the pedagogical component of the resocialization of convicts; An analysis and synthesis of new developments and innovative approaches, as well as advanced domestic and international practices in the field of destructive behavior prevention. The study's results include: identifying training areas and pedagogical conditions that contribute to staff competencies in identifying and mitigating risk factors for avital manifestations in convicts serving criminal sentences in penitentiary institutions; developing preventive measures, including elements of staff training, organization, monitoring, and a training and self-training system.*

Key words: *pedagogical conditions, pedagogical component of convict resocialization; advanced training courses; staff; destructive behavior; convicts; penitentiary institution.*

Введение.

Противодействие деструктивному поведению осужденных к лишению свободы остается значимым направлением профессионального воздействия при организации исправления и ресоциализации лиц, преступивших закон. Определение педагогической составляющей процесса ресоциализации осужденного, направлений профилактики его деструктивного поведения требует от профессорско-преподавательского состава пенитенциарных образовательных организаций создания условий для формирования у обучающихся компетентности в области прогнозирования и противодействия деструктивному поведению осужденных. В этой связи проблема раннего выявления и прогнозирования деструктивного поведения отбывающих наказание в местах лишения свободы стоит перед ведомством особенно остро.

Целью статьи определено поиск и разработка педагогических условий необходимых для совершенствования подготовки пенитенциарных сотрудников в области профилактики деструктивных явлений в местах лишения свободы.

Методами и методиками статьи определяются: исследование новаций в области педагогических условий формирования профессиональных компетенций у пенитенциарного персонала; определение педагогической составляющей ресоциализации осужденного, профилактики деструкций; анализ и синтез новелл и инновационных направлений, передового отечественного и зарубежного опыта в области профилактики деструктивного поведения.

Результаты исследования

Подготовка персонала к исправительному воздействию на осужденных остается основной задачей обучения сотрудников в образовательных организациях ФСИН России, одним из основных условий, способствующих адаптации в местах лишения свободы и, следовательно, эффективной ресоциализации осужденных остается организация системы профилактики и противодействия деструктивным проявлениям осужденных (конфликтным, криминальным и особенно аутоагрессивным) поэтому подготовка сотрудников к данной деятельности требует учета особенности поднадзорных склонных к деструктивному поведению, компетенций в области выявления и коррекции данных проявлений а также создания и поддержания особых организационных условий и постоянного учета изменений, новаций и совершенствования. Для повышения эффективности подготовки сотрудников по профилактики деструктивного поведения в процессе обучения на курсах повышения квалификации требуется соблюдение ряда педагогических условий.

Так, повышение уровня подготовленности обучающихся на курсах повышения квалификации требует комплексных усилий, создания образовательной среды, включающей не только общие направления такие как формирование знаний, умений навыков, воспитание, развитие личности, но и учета имеющегося опыта и профессиональных знаний, так как повышают квалификацию состоявшиеся специалисты, причем собственные компетенции у разных обучающихся могут различаться как по широте так и по направлениям подготовки.

В связи с этим первым педагогическим условием, требуемым от профессорско-преподавательского состава и руководства образовательной организации, выступает андрагогический подход к обучению, использование особых педагогических технологий. Данное условие требует учитывать уровень подготовки обучающегося, наличие образования, умений и опыта, которые могут служить исходной точкой для дальнейшего его обучения, источником обучения для группы обучающихся, включения в программы обучения обмен практическим опытом, разбор наиболее сложных ситуаций, поиск совместного их решения.

Отсюда вытекает следующее педагогическое условие – обеспечение взаимосвязи подготовки сотрудников в системе повышения квалификации и их практической работы. Без выполнения этого условия невозможно достичь достаточного уровня развития профессиональных компетенции, так как для пенитенциарной системы практическая составляющая процесса обучения остается первоочередной целью.

Третьим педагогическим условием, на наш взгляд становиться интеграция всех дисциплин, предусмотренных учебным процессом, на проблеме профилактики деструктивных проявлений как в отношении осужденных, так и в отношении самих сотрудников. Здесь формирование компетенций в области сохранения собственного профессионального здоровья становиться основой на которой строиться обучение по работе с деструктивными проявлениями осужденных интеграция профилактической составляющей во все аспекты

деятельности.

И последним педагогическим условием, становиться внедрение в учебный процесс повышения квалификации разработанного нами спецкурса «Противодействие деструктивному поведению в местах лишения свободы».

Остановимся более подробно на задачах спецкурса «Противодействие деструктивному поведению в местах лишения свободы»:

Обеспечение сотрудников системой теоретических и практических знаний в области причин, условий и мер профилактики деструктивного поведения. Здесь необходим учет и адаптация для различных направлений деятельности основных психолого-педагогических и социальных концепций и теорий, изучающих деструктивное поведение и аутоагрессию – это психоаналитическая теория З. Фрейда (рассматривает аутоагрессию как проявление бессознательного инстинкта смерти – Танатоса), бихевиорально-когнитивный подход, определяющий причинами аутоагрессии дезедаптивные реакции и копинг-стратегии, теория фрустрации-агрессии Дж. Долланда и Н. Миллера определяющих аутоагрессию как одну из моделей поведения проявляющуюся при невозможности достичь цели, культурно-исторический подход Л.С. Выготского где аутоагрессия проявляется при нарушении формирования личности как нарушение высших психических функций при развитии социальной дезадаптации. Учеными определяются два основных направления определяющих феномен аутоагрессии. Отечественные исследователи указывают, что причиной суицидального поведения является дезадаптация личности происходящая в кризисных, экстремальных условиях жизнедеятельности [3, 4, 5, 6, 7]. В зарубежных исследованиях предпочтительнее идея о бессознательном влечении у смерти и стресс-диатезе [1, 2, 4].

Нами, по результатам изучения теоретических основ и результатов исследования причин и условий суицидального поведения, ближе точка зрения отечественных исследователей аутоагрессии, где аутодеструктивное поведение определяется как формируемое на фоне социально-психологической дезадаптации личности и конфликтом между актуальной потребностью и тенденцией, препятствующей ее удовлетворению.

Аутоагрессивные проявления – таким образом, определяется нами как патологические модели мышления и поведения, проявляющиеся действиями (реже бездействием), направленными человеком на самого себя с целью причинения физического или психологического вреда.

Формирование знаний умений и навыков в области противодействия деструктивному поведению как важной составляющей профессиональной компетенции. Данная задача, по нашему мнению, должно решаться путем определения и введения в спецкурс знаний о ключевых социально-психологических аспектов этого явления. Основные аспекты нами определены как формы аутоагрессии; уровни воздействия факторов риска на личность; наличие индивидуально-психологических особенностей.

Основными формами аутоагрессии осужденных в местах лишения свободы остаются:

не суицидальное самоповреждающее поведение: членовредительство без цели убить себя (например, нанесение порезов, ударов, прием опасных для здоровья жидкостей, заглатывание предметов и т.д.), причем данная форма, по мнению исследователей, может иметь мотив самонаказания;

истинное суицидальное поведение: полноценные осознанные попытки самоубийства, голодовки, отравления и т.д.;

демонстративно-шантажное поведение с целью манипуляции окружением. Мотивы такого поведения могут включать: протест; достижение поставленной цели, статуса или внимания;

скрытые формы (например, участие в травматичных действиях, неоправданное рисковое поведение, которое исследователями формулируется как способ регуляции страха смерти и экзистенциальной тревоги формируя тему смерти как способ выхода из кризиса [8, с. 20-21]).

Следовательно, учет при обучении данной педагогическая составляющая позволит более эффективно профилактировать аутодеструктивные проявления и организовать эффективную ресоциализацию осужденных.

Задача создание условий для совершенствования подготовки персонала, как мы говорили выше эта задача, состоит во первых, из интеграции профилактического направления в программу подготовки и учета имеющихся компетенций у повышающих квалификацию.

Задача разработки педагогических ситуаций, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности, для практического применения полученных знаний, умений и навыков требует определения направлений воздействия на личность, это позволит составлять базовые задания для формирования компетенций в области выявления склонности к аутоагрессии, а также нивелирования негативного влияния данных уровней на личность. Данными уровнями, требующими учета нами определены:

микросоциальный уровень воздействия на личность осужденного (среда пенитенциарного учреждения, отряда группы, пенитенциарная депривация и изоляция; нарушение адаптации к стрессу; социальная дезадаптация; влияние неформальной тюремной атрибутики, неформального общения, традиций и т.д.);

макросоциальный и личностный уровень воздействия, включающие: общий и индивидуальный фон (низкий уровень образования, акцентуации характера, аддикции наличие расстройств психически у большинства окружающих или самого суицидента).

Индивидуально-психологические особенности:

характерные для суицидального риска: демонстративность, склонность к максимализму, пессимизм, слом культурных барьеров;

характерные для риска членовредительства: выраженная депрессия, склонность к психастеническим реакциям;

общие: неустойчивость волевой саморегуляции, высокая импульсивность на фоне переживаний одиночества.

Эффективная профилактика аутодеструктивного поведения требует комплексного подхода к обучению методикам воздействия на личность и поведение осужденных это:

групповая воспитательная и профилактическая работа, основными методами определяются методы, направленные на снятие напряжения и развитие самоанализа, самокоррекции (кинотерапия, библиотерапия, музыкотерапия);

индивидуальная работа методы и методики, направленные на коррекцию и обучения методам самоконтроля, повышение самооценки и т.д.;

меры: выявление и медикаментозная коррекция психических расстройств осужденных, выявление и профилактика аддиктивных состояний и т.д.

меры: повышение эффективности системы профилактики деструктивных проявлений, активная работа совета воспитателей отряда и сотрудников, курирующих осужденных группы риска, четкое выполнения пунктов профилактических программ и планов работы, учет психологической совместимости заключенных и повышение квалификации персонала для выявления тревожных признаков.

Выводы.

Обобщая вышесказанное отметим, что результатами исследования стали: определение направлений подготовки и педагогических условий, способствующих формированию компетенций сотрудников в области выявления и нивелирования факторов риска аутодеструктивных проявлений у осужденных отбывающих уголовное наказание в пенитенциарных учреждениях; разработка мер профилактики, включающая элементы подготовки и развития персонала, организации системы подготовки и самоподготовки сотрудников на курсах повышения квалификации.

Список литературы:

[1] Вилкова А.В. К вопросу о педагогических условиях риторического совершенствования сотрудников органов внутренних дел в процессе обучения на курсах повышения квалификации [] // Сибирский педагогический журнал. – 2016. – № 3. – С. 59-64.

[2] Вилкова А.В., Литвишков В.М., Сухарева Е.В. Педагогическое мастерство сотрудников в процессе профессиональной подготовки // Вопросы педагогики. – 2018. – № 9. – С. 27-29.

[3] Казберов П.Н. Основы психологической профилактики аутодеструктивного поведения в пенитенциарной сфере / П.Н. Казберов. – Краснодар : Новация, 2023. – 123 с.

[4] Когнитивная психотерапия расстройств личности (практикум по психотерапии) / Под ред. А. Бека и А. Фримена. – Санкт-Петербург.: Питер, 2002. – 544 с.

[5] Онушкин, В. Г. Непрерывное образование - приоритетное направление науки // В. Г. Онушкин, Ю. Н. Кулюткин / Советская педагогика. – 1989. – № 2. – С. 12-18.

[6] Пенитенциарный контроль : Учебник (экспериментальный) / А.А. Прохожев, А.В. Новиков, А.М. Никитин [и др.]. – Москва : Академия военных наук, 2020. – 346 с.

[7] Сысоев, А.М. Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. – Рязань, 2002. – 44 с.

[8] Шабанов В.Б. Кашинский М.Ю. Организационно-правовые проблемы противодействия суицидальным и несуицидальным аутоагрессивным формам поведения // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012 – № 3. – С. 17-24.

References:

[1] Vilkova A.V. On the issue of pedagogical conditions for rhetorical improvement of employees of internal affairs bodies in the process of training at continuing education courses []//Siberian Pedagogical Journal. – 2016. – № 3. - S. 59-64.

[2] Vilkova A.V., Litvishkov V.M., Sukhareva E.V. Pedagogical skills of employees in the process of professional training//Questions of pedagogy. – 2018. – № 9. - S. 27-29.

[3] Kazberov P.N. Fundamentals of psychological prevention of autodestructive behavior in the penitentiary sphere/P.N. Kazberov. - Krasnodar: Novation, 2023. - 123 s.

[4] Cognitive psychotherapy of personality disorders (psychotherapy workshop)/Ed. A. Beck and A. Freeman. - St. Petersburg.: Peter, 2002. - 544 p.

[5] Onushkin, V. G. Continuing education is a priority area of science//V. G. Onushkin, Yu. N. Kulyutkin/Soviet pedagogy. – 1989. – № 2. - S. 12-18.

[6] Penitentiary control: Textbook (experimental)/A.A. Passerev, A.V. Novikov, A.M. Nikitin [et al.]. - Moscow: Academy of Military Sciences, 2020. - 346 p.

[7] Sysoev, A.M. Psychology of Autoaggressive Behavior of Convicts and Its Warning: Abstract. diss.... doc. psychol. sciences. - Ryazan, 2002. - 44 s.

[8] Shabanov V.B. Kashinsky M.Yu. Organizational and legal problems of counteracting suicidal and non-suicidal auto-aggressive forms of behavior//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2012 – № 3. - S. 17-24.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-606-610

ЧУМАКОВА Татьяна Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин, Донского государственного аграрного университета,

e-mail: tana201025@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ И САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию понятия, критериев, компонентов психологического здоровья личности, анализу производственной среды и организации труда на биотехнологическом предприятии. Обозначена цель – изучить влияние психологического здоровья личности на профессиональную деятельность и определить основные пути его сохранения и укрепления. Обоснована актуальность исследования в сфере психологии профессионального здоровья. Проанализированы исследования, в которых выделяются различные подходы к изучению факторов, влияющих на формирование здоровья специалиста. В данной работе выделяется основной вектор исследования психологического здоровья: разработка прикладных аспектов обеспечения профессионального здоровья. Результаты эмпирического исследования могут быть полезны для обобщения знаний в вопросах здоровья специалистов предприятия.*

Ключевые слова: *профессиональная деятельность, личность, здоровье, психологическое здоровье, развитие и саморазвитие личности, факторы, влияющие на психологическое здоровье, уровни психологического здоровья, критерии психологического здоровья.*

CHUMAKOVA Tatyana Nikolaevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and social and humanitarian disciplines, Don State Agrarian University

PSYCHOLOGICAL HEALTH AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT AND SELF-DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL IN THE PROFESSION

Annotation. *This article presents a comprehensive study of the concept, criteria, and components of psychological health, analyzing the work environment and labor organization at a biotechnology enterprise. The goal is to examine the impact of psychological health on professional performance and identify key ways to maintain and strengthen it. The relevance of this research in the field of occupational health psychology is substantiated. Studies highlighting various approaches to studying the factors influencing professional health are analyzed. This paper highlights the primary focus of psychological health research: developing applied approaches to ensuring professional health. The results of this empirical study may be useful for generalizing knowledge on the health of company employees.*

Key words: *professional activity, personality, health, psychological health, development and self-development of personality, factors affecting psychological health, levels of psychological health, criteria of psychological health.*

Введение

Современный этап развития общества характеризуется глубокими трансформациями в сфере труда: размыванием традиционных моделей занятости, ростом её нестабильных, негарантированных форм, интенсификацией производственных процессов. В период с 2015 по 2025 гг. в психологии труда утвердилось представление, что профессиональная деятельность является пространством личностного развития, построения успеха и реализации ценностей взрослой личности [10; 5]. По данным Международной организации труда, уже в 2015 г. лишь около четверти занятых

работали на условиях постоянного контракта, а преобладающая часть была вовлечена в неформальный сектор или временную занятость [9]. Ценностный подход к здоровью (Value-Based Health Care) и концепции активного долголетия переносят фокус с лечения болезней на проактивное сохранение человеческого потенциала, что делает психологические ресурсы ключевым фактором благополучия работника [9; 1].

Особую остроту проблема приобретает в высокотехнологичных отраслях. Показательным примером служит ООО «Амилко» – крупнейшее предприятие на Юге России по глубокой переработке кукурузы [2; 3], где масштабная трансформация требует от коллектива высокой квалификации и значительного запаса психологической устойчивости.

Объектом исследования выступает личность в профессиональной деятельности. Предметом – психологическое здоровье как условие развития и саморазвития личности в профессиональной деятельности (ООО «Амилко»).

Цель исследования – изучить влияние психологического здоровья личности на профессиональную деятельность и определить основные пути его сохранения и укрепления.

Методология

Методология исследования базируется на субъектно-деятельностном и био-психо-социальном подходах. Применялись общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение). Теоретическую базу работы составили труды, освещающие психологические особенности взрослых и возрастную динамику психического развития, подчёркивающие социально-историческую природу критериев зрелости; психологию труда в условиях неопределённости и рисков негарантированной занятости (Т.С. Чуйкова и Д.И. Сотникова); ценностный человекоцентричный подход к здоровью (В.В. Шкарин); проблемы кадровой политики обеспечения профессионального здоровья (С.В. Макаров, Г.М. Гайдаров) [1; 3; 5; 9]; также актуальные публикации о деятельности ООО «Амилко» [2; 4].

Результаты исследования

Психологическое здоровье в современной науке рассматривается не как статичное отсутствие расстройств, а как динамическое состояние, обеспечивающее способность личности к продуктивному функционированию, самореализации и совладанию с вызовами среды [5]. Исследования, проведённые на промышленных предприятиях показывают, что дефицит и диспропорции персонала, неудовлетворительные условия труда и профессиональное выгорание снижают качество продукции и производственную эффективность, а восстановление кадрового потенциала требует длительных инвестиций [8]. Субъективным критерием здоровья может выступать переживание осмысленности и удовлетворённости трудом, тогда как объективными – показатели профессиональной успешности, отсутствие выраженных симптомов выгорания и психосоматических нарушений.

Психологическое здоровье работника детерминировано сложным переплетением возрастно-психологических, личностных, организационных и макросоциальных переменных. Ключевое значение имеют внутренние ресурсы личности, сформированные на предшествующих этапах жизненного пути. Взрослый возраст приносит специфические нормативные конфликты развития, описанные Р. Пэком, которые прямо затрагивают профессиональную сферу. Среди семи измерений, актуальных для взрослости, выделяют: корректировка с признанием ценности мудрости против ценности физических сил, эмоциональная гибкость против катексисного обеднения и умственная гибкость против умственной ригидности [5]. Умственная ригидность, выражающаяся в приверженности устаревшим правилам и недоверии к новым идеям, подрывает адаптационный потенциал работника, вынужденного действовать в быстро меняющихся технологических и организационных условиях. Другая проблема — дифференциация эго против поглощения ролями — предостерегает от полного отождествления себя с профессиональной функцией, так как выход на пенсию или вынужденная смена работы в этом случае оборачиваются острым кризисом идентичности [5]. Перечисленные личностные задачи выступают внутренними факторами, от степени разрешения которых зависит психологическая устойчивость работника.

С организационной стороны психологическое здоровье персонала напрямую связано с политикой кадровой безопасности. Данный комплекс мер, направленный на защиту организации от рисков, порождаемых утратой квалификации и деструктивными трудовыми отношениями формирует среду, снижающую неопределённость и конфликтность. Ключевыми индикаторами служат коэффициент текучести, стабильность персонала и соответствие квалификации сложности выполняемых работ [6]. Системные кадровые проблемы, задокументированные в исследованиях по здравоохранению (диспропорции в структуре, неудовлетворительные условия труда, низкая мотивация) демонстрируют, что отсутствие научно

обоснованной кадровой политики неизбежно порождает угрозы для здоровья работников и качества их труда [3; 15]. Таким образом, факторы, детерминирующие психологическое здоровье в профессиональной деятельности, образуют иерархически организованную систему: от внутренних (возрастные задачи развития, личностные ресурсы) к внешним — организационно-управленческим (ротация, кадровая безопасность) и макросоциальным (политика занятости, возрастные стереотипы). Их совокупное действие обусловливает либо развитие личности через профессию, либо накопление рисков и деструктивных тенденций.

ООО АМИЛКО – крупнейший на Юге России производитель продуктов глубокой переработки кукурузы, расположенный в г. Миллерово Ростовской области. Доля продукции «Амилко» на российском рынке составляет порядка 20% по крахмальным сиропам, 10% – по нативному крахмалу и свыше 50% – по модифицированным крахмалам. Из ключевых продуктов (крахмал, сиропы и корма) можно производить более 30 различных ингредиентов для нужд сельского хозяйства, легкой промышленности, пищепрома и фармакологии [2].

Количество сотрудников – 540 человек. Основные профессии и должности (ООО «Амилко»): аппаратчик получения сухого крахмала; оператор линии розлива патоки; слесарь-сантехник; инженер по качеству и инженер по ремонту. Также в штате есть технологи, лаборанты, упаковщики, водители погрузчиков, бухгалтеры и административно-управленческий персонал.

Анализ производственной среды и организации труда на ООО «Амилко» позволяет выявить ряд проблемных зон, которые сказываются на психологическое здоровье:

интенсивный сменный график (две смены по 12 часов) и выраженная монотония операторского труда на участках розлива, сушки крахмала и фасовки;

отсутствует системная программа психологического сопровождения персонала. (профилактические и просветительские мероприятия);

выявлены признаки недостаточной ротации кадров внутри подразделений: длительное пребывание на одной и той же должности;

высокая ответственность за качество продукции, обусловленное сотрудничеством с корпорациями («Нестле», «Марс») и соблюдением международных стандартов;

реализуемый третий этап инвестиционного проекта, предполагающий масштабную модернизацию и увеличение производственных мощностей.

Таким образом, даже при наличии развитой системы материальной и социальной поддержки, пренебрежение организационно-психологическими аспектами труда формирует комплекс рисков для психологического здоровья работников ООО «Амилко».

Исследование направлено на первичную оценку психологического здоровья сотрудников биотехнологического предприятия. В исследовании приняли участие 62 сотрудника.

Общая выборка включала 35 мужчин и 27 женщин в возрасте от 26 до 55 лет, что соответствует общей возрастной структуре трудового коллектива предприятия. Профессиональный состав и демографические характеристики участников опроса дают основание рассматривать полученные результаты как достаточно показательные для поискового исследования, нацеленного на выявление основных проблемных зон в психологическом здоровье персонала биотехнологического завода.

Для сбора эмпирических данных использовался комплекс взаимодополняющих методов: анкетирование, структурированное интервью и психологическое тестирование (опросник профессионального выгорания (адаптация MBI), шкала психологического благополучия К. Рифф и госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS). Анкета содержала вопросы о субъективной оценке условий труда, удовлетворённости работой, социально-психологическом климате и доступности корпоративных программ поддержки. Обработка данных проводилась методами описательной статистики, корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) и сравнения групп с использованием U-критерия Манна–Уитни.

Проведённое исследование позволило зафиксировать средний уровень эмоционального истощения у 42 % респондентов, преимущественно занятых на операторских должностях с монотонным характером труда. Выраженные симптомы редукции личных достижений отмечены у сотрудников со стажем более 7 лет в условиях непрерывных производственных циклов. Выявлена положительная связь между показателями самоэффективности и удовлетворённостью трудом: работники, демонстрирующие высокую субъективную самоэффективность, реже сообщают о намерении покинуть организацию и лучше справляются с производственными стрессорами.

Анализ социально-демографических характеристик показал, что женщины в возрасте 45–55 лет чаще отмечают дефицит жизненных

перспектив и эмоциональный дискомфорт, даже при условии сохранения брачных отношений. Причинами называются объективные трудности совмещения семейных и профессиональных ролей, дефицит времени и недостаток взаимной поддержки. Эти данные коррелируют с общей картиной выгорания в профессиях, требующих высокой ответственности и самоконтроля.

Сотрудники высоко оценивают социальную политику предприятия: бесплатное питание, компенсация медицинских расходов, помощь в решении жилищных проблем и обучение за счёт компании. А с другой стороны, сменный график и монотония операторского труда остаются основными источниками психоэмоционального напряжения. Полученные результаты подтверждают, что специфические условия биотехнологического производства (12-часовые смены, непрерывный цикл, монотония) выступают значимыми предикторами эмоционального истощения. В то же время развитая система корпоративной социальной поддержки выполняет протективную функцию, смягчая негативное воздействие стресс-факторов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать выводы: психологическое здоровье сотрудников находится под влиянием комплекса организационных и индивидуально-личностных факторов. Ключевыми факторами риска являются сменный график, монотония операторского труда и высокая ответственность за качество продукции. Вместе с тем действующая система социальной поддержки существенно снижает уровень производственного стресса и повышает лояльность персонала.

На основе полученных данных целесообразно:

Разработать и внедрить программу психологического сопровождения, включающую регулярный мониторинг психоэмоционального состояния работников и индивидуальные консультации психолога.

Усилить информационную поддержку социальных программ, чтобы каждый работник имел полное представление о доступных ему видах помощи. Для этого создать информационный портал «Социальная политика Амилко», где в открытом доступе будут размещены сведения обо всех действующих мерах поддержки, контакты ответственных лиц и график приёма психолога.

Проводить ежегодную оценку психологического климата в коллективе с привлечением внешних специалистов Городского психологического центра или Ростовского областного центра психологической помощи.

Реализация предложенных мер позволит не только сохранить психологическое здоровье персонала, но и повысить производительность труда, снизить текучесть кадров и укрепить репутацию ООО «Амилко» как социально ответственного работодателя. Дальнейшие исследования целесообразно направить на лонгитюдное изучение динамики психологического благополучия сотрудников в условиях модернизации производства.

Список литературы:

[1] Активное долголетие в проблемном поле социологии культуры : монография / В. В. Шкарин, Е. В. Говердовская, А. Д. Доника, Н. А. Пром. — Волгоград : ВолгГМУ, 2025. — 192 с. — ISBN 978-5-9652-0924-8. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/498389 (дата обращения: 10.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[2] Андреева, А. Донская «Амилко» намерена увеличить мощность переработки почти в два раза / А. Андреева. – Текст : электронный // РБК Ростов : сайт. – URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/freenews/68dbd0af9a79477c4141b9cc (дата обращения: 28.04.2026).

[3] Макаров, С. В. О кадровой политике в здравоохранении: состояние, проблемы и пути решения (обзор литературы) : монография / С. В. Макаров, Г. М. Гайдаров. — Иркутск : ИГМУ, 2020. — 102 с. — ISBN 978-5-98277-323-4. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/213383 (дата обращения: 04.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[4] Мартов, Е. Завод «Амилко» в Миллерово увеличит производственные мощности почти вдвое /Е. Мартов. – Текст : электронный // Коммерсантъ : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8292515 (дата обращения: 16.04.2026).

[5] Овсяник, О. А. Психологические особенности взрослых : монография / О. А. Овсяник, Н. А. Подымов, Т. Н. Сахарова. — Москва : МПГУ, 2025. — 160 с. — ISBN 978-5-4263-1550-1. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/516741 (дата обращения: 04.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[6] Оценка состояния и уровня экономической безопасности сельскохозяйственного предприятия : монография / В. Л. Аничин, А. И. Добрунова, В. А. Ломазов [и др.]. — Белгород : БелГАУ им.В.Я.Горина, 2024. — 259 с. — ISBN 978-5-6050133-6-5. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/455441

(дата обращения: 04.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[7] Трудовой кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // МЧС России : официальный сайт. – URL: https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-06-09/685e2759737799f23af1417af544a244.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

[8] Фурсевич, И. Н. Оценка эффективности ротации руководителей и специалистов на промышленных предприятиях : монография / И. Н. Фурсевич. — Минск : БНТУ, 2023. — 246 с. — ISBN 978-985-583-889-1. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/421838 (дата обращения: 04.05.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[9] Чуйкова, Т. С. Как эффективно работать и полноценно жить в условиях негарантированной занятости : монография / Т. С. Чуйкова, Д. И. Сотникова. — Уфа : БГПУ имени М. Акмуллы, 2016. — 108 с. — ISBN 978-5-87978-960-7. — Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: https://e.lanbook.com/book/93060 (дата обращения: 19.04.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

[10] Чумакова, Т.Н. Психология профессиональной деятельности и саморазвития : учебник / Т.Н. Чумакова. - Персиановский : Донской ГАУ, 2021. - 320 с. - 490-00. - Текст : непосредственный.

References:

[1] Active longevity in the problem field of sociology of culture: monograph/V.V. Shkarin, E.V. Goverdovskaya, A.D. Donika, N.A. Prom. - Volgograd: Volgograd State Medical University, 2025. - 192 p. - ISBN 978-5-9652-0924-8. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/498389 (accessed: 10.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[2] Andreeva, A. Donskaya “Amilko” intends to almost double the processing capacity/A. Andreeva. - Text: electronic//RBC Rostov: website. - URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/freenews/68dbd0af9a79477c4141b9cc (access date: 28.04.2026).

[3] Makarov, S. V. On personnel policy in healthcare: status, problems and solutions (literature review): monograph/S. V. Makarov, G. M. Gaidarov. - Irkutsk: IGMU, 2020. - 102 p. - ISBN 978-5-98277-323-4. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/213383 (accessed: 04.05.2026). - Access mode: for authoring. users.

[4] Martov, E. Amilko plant in Millerovo will almost double its production capacity/E. Martov. - Text: electronic//Kommersant: website. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/8292515 (access date: 16.04.2026).

[5] Ovsyanik, O. A. Psychological features of adults: monograph/O. A. Ovsyanik, N. A. Podymov, T. N. Sakharova. - Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2025. - 160 p. - ISBN 978-5-4263-1550-1. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/516741 (accessed: 04.05.2026). - Access mode: for authoring. users.

[6] Assessment of the state and level of economic security of an agricultural enterprise: monograph/V. L. Anichin, A. I. Dobrunova, V. A. Lomazov [and others]. - Belgorod: BelGAU named after V.Ya. Gorin, 2024. - 259 p. - ISBN 978-5-6050133-6-5. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/455441 (accessed: 04.05.2026). - Access mode: for authoring. users.

[7] Labor Code of the Russian Federation: Federal Law No. 197-FZ dated 30.12.2001 (amended and supplemented)//EMERCOM of Russia: official website. - URL: https://mchs.gov.ru/uploads/document/2025-06-09/685e2759737799f23af1417af544a244.pdf (access date: 18.04.2026).

[8] Fursevich, I. N. Assessment of the efficiency of rotation of managers and specialists at industrial enterprises: monograph/I. N. Fursevich. - Minsk: BNTU, 2023. - 246 p. - ISBN 978-985-583-889-1. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/421838 (accessed: 04.05.2026). - Access mode: for authoring. users.

[9] Chuikova, T. S. How to work effectively and fully live in conditions of non-guaranteed employment: monograph/T. S. Chuikova, D. I. Sotnikova. - Ufa: BSPU named after M. Akmulla, 2016. - 108 p. - ISBN 978-5-87978-960-7. - Text: electronic//Doe: electronic library system. - URL: https ://e.lanbook.com/book/93060 (accessed: 19.04.2026). - Access mode: for authoring. users.

[10] Chumakova, T.N. Psychology of professional activity and self-development: textbook/T.N. Chumakova. - Persianovsky: Donskoy GAU, 2021. - 320 p. - 490-00. - Text: direct.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-611-618

РЯЗАНЦЕВ Алексей Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры физической культуры,
Астраханский государственный медицинский университет,
Астрахань, Россия,

e-mail: riazantsiev47@mail.ru

ГЕОРГИЕВСКАЯ Юлия Викторовна,

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии, социологии и лингвистики,
Астраханский государственный архитектурно-строительный университет,
Астрахань, Россия,

e-mail: j.v.geo@yandex.ru

ДОВГАЛЕНКО Владимир Степанович,

доцент кафедры гуманитарных, экономических
и управленческих дисциплин Астраханского филиала
«Российская академия народного хозяйства и государственноы службы»,
Астрахань, Россия,

e-mail: nnryaz@mail.ru

ПРОФИЛАКТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СТРЕССА СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СЕССИИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию негативного влияния стресса и информационной перегрузки, характерных для экзаменационных сессий, на когнитивные функции мозга. Анализируется феномен снижения активности и эффективности мозговой деятельности под воздействием данных факторов, а также распространенное ощущение нехватки времени при подготовке к испытаниям. Подчеркивается, что современные условия жизни, характеризующиеся многозадачностью и постоянными эмоциональными перегрузками, усугубляют эту проблему.*

В качестве альтернативы медикаментозным методам предлагается применение научно обоснованных приемов и техник, используемых специалистами. Эти методы направлены на снижение уровня стресса и предотвращение провалов памяти, обеспечивая более эффективное функционирование мозга даже в условиях повышенного адреналина. Статья ориентирована на специалистов в области психологии, педагогики, а также на студентов и преподавателей, заинтересованных в оптимизации учебного процесса и повышении стрессоустойчивости.

Ключевые слова: *экзаменационная сессия, стресс, физическая активность, дыхательные упражнения, водные процедуры, рацион питания, нормализация сна, социальные контакты, чтение стихов, классическая музыка, каллиграфия.*

RYAZANTSEV Alexey Alekseevich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Physical Education Department,
Astrakhan State Medical University,
Astrakhan, Russia

GEORGIEVSKAYA Yulia Viktorovna,
Candidate of Sociological Sciences,

Associate Professor of the Philosophy, Sociology, and Linguistics Department,
Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering,
Astrakhan, Russia

DOVGALENKO Vladimir Stepanovich,

Associate Professor of the Humanities, Economics, and Management Disciplines Department,
Astrakhan Branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Astrakhan, Russia

STUDENT EMOTIONAL STRESS PREVENTION DURING THE EXAM SESSION

Annotation. *This article examines the negative impact of stress and information overload, typical of exam sessions, on cognitive brain function. It analyzes the phenomenon of decreased brain activity and efficiency under the influence of these factors, as well as the common feeling of lack of time when preparing for tests. It emphasizes that modern living conditions, characterized by multitasking and constant emotional overload, exacerbate this problem.*

As an alternative to medication, we propose the use of scientifically proven methods and techniques used by specialists. These methods are aimed at reducing stress levels and preventing memory lapses, ensuring more effective brain function even under conditions of increased adrenaline. This article is intended for specialists in the fields of psychology and education, as well as students and teachers interested in optimizing the learning process and increasing stress resilience.

Key words: *examination session, stress, physical activity, breathing exercises, water treatments, diet, normalization of sleep, social contacts, poetry reading, classical music, calligraphy.*

Стресс и перегруженность новой информацией в период экзаменационной сессии нередко приводят к снижению потенциала человеческого мозга и его активности [8]. Практически каждый человек, подвергавшийся экзаменам или испытаниям, запомнил изматывающее время подготовки к ним и что всегда в этой ситуации «не хватает одного дня!». Да и современная жизнь ежедневно преподносит множественные стрессовые ситуации, многозадачность и эмоциональные перегрузки.

Обстановка во время экзаменационной сессии, как правило, является стрессовой. И хотя гормон кортизол защищает мозг от стресса, но его переизбыток при постоянных негативных ситуациях подавляет работу мозга [4].

Чрезмерное волнение и стресс во время экзаменов, несмотря на хорошую подготовленность, нередко не дают возможности продемонстрировать глубину знаний. Не рекомендуется в этой ситуации прием лекарственных средств, а необходимо воспользоваться средствами и методами, используемыми специалистами, которые, даже при избытке адреналина, помогают снизить уровень стресса и ложных провалов памяти [10].

Процесс запоминания идет успешнее, если увеличить двигательную активность, совершать прогулки, пить достаточное количество воды, не переедать и высыпаться [10].

Положительное влияние физической активности на когнитивные функции является научно обоснованным. Рекомендуется выбирать виды занятий, вызывающие удовольствие (например, танцы, йога, гимнастика, пилатес, кардиотренировки, скиппинг), для обеспечения регулярности. Ежедневная продолжительность занятий не менее 15 минут является достаточной для стимуляции сердечно-сосудистой системы. Увеличение сердечного ритма, достигаемое при данной нагрузке, способствует усиленному поступлению кислорода и питательных веществ к клеткам головного мозга, что является основой для поддержания его оптимального функционирования [4].

Американские ученые экспериментально доказали, что регулярная физическая нагрузка очень значима в профилактике снижения когнитивных способностей человека, даже при нарушении энергетического обмена организма, а мозг при этом не обеспечен достаточным количеством глюкозы и кетонов [9].

Для нормальной функциональной деятельности и улучшения когнитивных способностей головному мозгу необходима энергия, которая обеспечивается глюкозой, поступающей с кровью, и кетоны, дополнительно вырабатываемые печенью [9].

Психологическое состояние человека

тесно связано с физическим, поэтому в состоянии тревожности действенны способы воздействия через тело, с помощью физических упражнений [1]. Оптимальными являются упражнения на растяжение и расслабление мышц.

Дыхательные упражнения с акцентом на выдохе или задержке дыхания способствуют снижению содержания кислорода в крови и выработку адреналина, поддерживающего тревожное состояние [8].

Специалисты рекомендуют следующее упражнение: сидя на стуле с закрытыми глазами, сосредоточьте внимание на своем дыхании – сделать вдох на 3 счета, а выдох на 7. Одновременно с вдохом сильно сжать пальцы ног и удерживать это состояние до окончания вдоха, затем на протяжении выдоха расслабить пальцы. Почувствуете, как из области стоп напряжение уходит. Повторить это упражнение, воздействуя на икроножные мышцы, ягодичные, мышцы бедра, пресса, рук и других частей тела.

Непосредственно перед началом экзамена рекомендуется зевнуть несколько раз, прикрыв рот ладонью – этот прием способствует насыщению мозга кислородом [1].

Для повышения работоспособности и активизации мозгового кровообращения рекомендуется массировать мочки ушей, кожи головы и воротниковой зоны [8]. Приток питательных веществ и кислорода к нейронам снижает стрессовое состояние, напряжение и головные боли. Массаж указанных зон снижает уровень кортизола, но увеличивает содержание эндорфина, дофамина и серотонина, улучшая настроение и уменьшая уровень тревожности.

Активизирует нервную систему и ежедневное принятие душа (2-3 минуты) с температурой менее 20 градусов [8]. Эта водная процедура:

способствует выработке адреналина, взбадривает организм и улучшает концентрацию внимания;

увеличивает выработку эндорфинов (гормона счастья), снижающих тревожность и депрессивное состояние;

является одним из эффективных средств профилактики стресса и его последствий.

Снижение температуры воды и увеличение времени для принятия душа требует постепенности, так как эта процедура должна быть слегка дискомфортной [8].

Популярная в настоящее время рекомендация о достижении 10 000 шагов в сутки как оптимального уровня двигательной активности для поддержания здоровья, берущая начало в Японии после Олимпиады 1964 года, вызывает сомнения у научного сообщества. Исследователи полагают, что данная цифра, скорее всего, была обусловлена маркетинговыми целями, а не научно подтвержденными данными об ее абсолютной эффективности.

Многолетние наблюдения американских ученых, проведенных с использованием наручных трекеров на более чем 6 тысячах человек, позволили объективно определить самое оптимальное количество шагов – 8 200 в день, которое явно отражалось на состоянии здоровья испытуемых [5]. А для страдающих депрессией, излишками веса, депривацией сна, проблемами с желудочно-кишечным трактом для предотвращения и профилактики «нездоровья» количество шагов можно значительно увеличить [5].

Кроме того, в исследовании обнаружена положительная корреляционная зависимость оздоровительного эффекта ходьбы и продолжительности жизни от скорости передвижения. Рекомендуемая скорость передвижения 5 километров в час – это около 85 шагов в минуту при средней длине шага – 0,7 метра [5]. Ходить со скоростью 6 км в час и более еще полезнее.

Для усиления мозговой активности и концентрации внимания можно воспользоваться интересными и разнообразными технологиями, предложенными медиками и нейропсихологами [10].

Для повышения эффективности усвоения учебного материала рекомендуется использовать разнообразные форматы представления текста. Например, чередование чтения в печатном учебнике, на экране компьютера и на планшете способствует обновлению зрительного восприятия и предотвращает его утомление. Дополнительным методом, способствующим концентрации внимания в процессе чтения, является тактильная стимуляция, например, вращение карандаша или ребристой ручки между пальцами [10].

Актерская профессия требует от исполнителей способности к запоминанию значительных объемов текстового материала. Для повышения эффективности этого процесса они применяют методику, которая может быть успешно адаптирована студентами в период подготовки к экзаменам. Данный прием заключается в попеременном чтении текста: один фрагмент читается глазами, а следующий – вслух [10]. Дополнительно, для закрепления материала, актеры используют кинестетический подход, интегрируя физическую активность: после каждой страницы текста выполняется этюд или специальное упражнение, что способствует более прочному запоминанию текста.

В период интенсивной подготовки

к экзаменационным испытаниям, ученые предостерегают от продолжительного самоизолирования и механического заучивания информации. Установлено, что социальное взаимодействие, включая общение с близкими и друзьями, а также установление контактов с интересными личностями, положительно влияет на когнитивные функции [10]. Напротив, социальная изоляция и отстраненность от повседневной жизни не способствуют достижению оптимального уровня умственной работоспособности.

Нейропсихологи предлагают использовать специфические упражнения, способствующие снижению стресса за счет вызывания положительных эмоциональных реакций. Эти методики, известные как «конфликтные упражнения» [10], демонстрируют высокую эффективность. В качестве примера можно привести упражнение «Большие часики»: занимающийся вытягивает руки перед собой, соединяя кисти в замок, имитируя маятник. При движении «маятника» в одном направлении, голова синхронно поворачивается на 45 градусов в противоположную сторону. Рекомендуется выполнять по 15 повторений для каждой стороны.

При выполнении упражнения «Толстый хомяк» обе руки поднимаются вверх, ноги в прыжке на ширине плеч и при этом надуваем щеки. Повторите несколько прыжков.

Непосредственно перед началом экзамена рекомендуется зевнуть несколько раз, прикрыв рот ладонью – этот прием способствует насыщению мозга кислородом.

Во время стресса и информационного перегруза на экзаменах мозг может работать менее эффективно. Чтобы поддержать его активность, могут пригодиться следующие, на первый взгляд, необычные методы и способы [8].

Регулярное прослушивание произведений любимых классических композиторов, с акцентом на позитивные и умиротворяющие композиции, может способствовать достижению так называемого «эффекта Моцарта» [8] примерно через 15-20 минут после начала прослушивания. Помимо пассивного восприятия, активное музицирование на любом инструменте или вокальное исполнение также оказывают благотворное влияние. Данный подход демонстрирует эффективность в снижении уровня усталости и тревожности, а также в улучшении качества сна.

Сидячий образ жизни и недостаток физической активности оказывают серьезное негативное влияние на здоровье человека и функционирование его органов. Активные движения обеспечивают мозг достаточным притоком кислорода, что положительно сказывается на умственной и эмоциональной сфере. Однако, когда мы долго сидим, эти жизненно важные процессы замедляются, что приводит не только к ухудшению когнитивных функций, снижению работоспособности и эмоциональной нестабильности, но и может вызвать необратимые повреждения мозга [2].

В положении сидя мышцы сжигают меньше жира, а кровоток замедляется. Это способствует накоплению жировых бляшек на стенках сосудов и их сужению, что, в свою очередь, повышает кровяное давление и увеличивает нагрузку на сердце, приводя к гипертонии и сердечным заболеваниям.

Длительное сидение также негативно сказывается на поджелудочной железе, которая вырабатывает инсулин для доставки глюкозы в клетки. При отсутствии мышечной активности клетки не сигнализируют о потребности в глюкозе, заставляя поджелудочную железу работать в усиленном режиме. Постоянные перегрузки железы могут спровоцировать развитие диабета. Высокий уровень инсулина также ассоциируется с повышенным риском развития рака, в частности, рака кишечника и молочной железы [2].

При длительном сидении важно соблюдать обязательные правила [3]:

не наклоняться вперед. Если ежедневно склоняться над клавиатурой или вытягивать шею к монитору, то могут деформироваться шейные позвонки, вызывающие трудности при держании шеи и болевые ощущения. Также при наклоне головы постоянное напряжение испытывает трапециевидная мышца, приводящая к болям в плечах;

руки должны быть прижаты по бокам туловища, а плечи расслаблены;

согнутые локти должны быть под углом 90 градусов, а ступни ног стоять на полу. В положении сидя циркуляция крови замедляется, что приводит к задержке жидкости в ногах и появлению отеков, варикоза вен, тромбоза. Ягодичные мышцы при сидении не напряжены, что обуславливает их дряблость, нарушение равновесия и твердости в походке;

на невысокую спинку сидения рекомендуется облокачиваться чуть ниже середины спины. При сгорбленной посадке в поясничном отделе позвоночника значительно возрастает риск образования межпозвоночных грыж;

обязательно делать перерыв в работе через каждые 30-40 минут. Рекомендуется сделать 5-6 упражнений для мышц туловища и походить 2-3 минуты, желательно по лестнице.

Австралийские ученые определили,

что работа стоя, при оптимальном выполнении функциональных обязанностей, является для организма человека более полезной, чем работа сидя, по следующим факторам [12]:

в работу вовлекаются мышцы кора;

уменьшается нагрузка на позвоночник;

снижается негативное влияние гиподинамии на позвоночник;

улучшается уровень метаболизма, вызывающий повышенное сжигание калорий.

Семилетний мониторинг состояния здоровья 80 000 человек с помощью носимых устройств, работающих продолжительное время стоя, показал, что прокрастинация в этой позе довольно затруднительна и это значительно увеличивает оптимизацию труда [12]. Использование конторок для чтения и письма в вертикальном положении соответствует принципам здоровьесбережения. Исследования подтверждают, что данная методика не оказывает отрицательного воздействия на сердечно-сосудистую систему. Однако, установлено, что продолжительное пребывание в вертикальной позе повышает вероятность развития варикозного расширения вен и тромбоза. Более того, для лиц с уже имеющимися сердечно-сосудистыми патологиями, такая рабочая или учебная поза сопряжена с определенными рисками [12].

Исследователями также выявлено негативное влияние на организм длительного сидения при работе (более 10 часов в день), вызывающего риск возникновения ортостатической гипотензии, когда при изменении положения тела кружится голова, наступает обморочное состояние, снижается кровяное давление [12]. Также в этом многолетнем исследовании было установлено, что шесть минут высокоинтенсивной физической нагрузки в день, 30-минутных занятий физическими упражнениями с умеренной нагрузкой или 64-минутной нагрузкой средней интенсивности значительно снижают риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний даже у лиц с ежедневным малоподвижным образом жизни. В подобной ситуации рекомендуется делать перерывы в работе, больше ходить (особенно в зимнее время), подниматься по лестнице без помощи лифта, а иногда и делать это спиной вперед [12].

В ситуации стресса у многих людей работает только одно полушарие мозга, что является негативным и разрушительным для уровня энергии. Для активизации обоих полушарий мозга можно использовать следующие способы [11].

Почитать вслух стихи. Наиболее эффективны стихи с простым и четким ритмом. Речевой аппарат при произношении слов вслух регулируется левым полушарием, а ритмичность контролирует правое полушарие. Чтение вслух прозы или пение не дают подобного эффекта.

По твердому убеждению ученых, оптимальная продолжительность сна составляет 7-9 часов, а здоровому человеку для засыпания требуется 10-15 минут. Важно придерживаться регулярного графика сна, ложась спать примерно в одно и то же время, не позднее 22-23 часов [6]. Перед сном полезно провести на свежем воздухе не менее получаса, принять теплую ванну, расслабиться, послушать спокойную музыку или звуки природы. Следует полностью отказаться от компьютерных игр и прослушивания громкой музыки перед сном.

Чрезмерно мягкая постель нарушает кровообращение спинного мозга и правильное положение позвоночника, защемляет нервные окончания. Жесткость матраца обуславливается особенностями комплекции человека, который, упираясь во все изгибы тела, не оставляет просветов [6].

Лучшим вариантом для сна специалисты считают валик, который подкладывается под шею. Если валик по различным причинам вам неудобен, используйте подушку, которая должна компенсировать расстояние от поверхности кровати до уха, обеспечивая линию позвоночника ровной по всей его длине. Наполнитель подушки не должен пружинить, а сохранять форму головы. Одежда для сна или пижама должна быть свободной и свежей, желательно из натуральных тканей (хлопок, лен), без пуговиц и застежек на передней части одежды [6; 14].

Влажность в комнате для сна должна быть не менее 50%, а температура не выше 20° Цельсия, чтобы обеспечить бодрое и позитивное утреннее пробуждение.

Диетологи и сомнологи уверяют, что самый поздний прием пищи должен заканчиваться за 2-3 часа до сна. При этом за ужином необходимо отказаться от жирных, острых и жаренных блюд, предпочтя им овощи, сухофрукты, овсяные хлопья, кисломолочные продукты [14].

В течение дня не следует злоупотреблять напитками, содержащими кофеин (в том числе черным чаем), а любители кофе могут насладиться последней чашечкой за 6-8 часов до предполагаемого времени сна [6]. Употребление алкоголя перед сном вызывает чувство тревоги и бессонницу.

Во время сна в организме происходят действия по созданию долгосрочной памяти из впечатлений и событий прошедшего дня, восстанавливаются клетки в тканях тела, синтезируются жизненно важные гормоны. При недостаточности сна, прежде всего, страдают

когнитивные функции мозга, скорость реакции и физические возможности человека [6]. При хроническом недосыпе нарушается секреция гормонов, ухудшается аппетит, значительно увеличивается риск развития хронических заболеваний.

Необходимо отметить важность послеобеденного сна (сиесты), который способствует восстановлению организма и увеличению работоспособности. Многочисленными научными исследованиями установлено положительное влияние на производительность мозга небольшого (до 30 минут) дневного сна [8]. Этот перерыв на сон способствует уменьшению импульсивности в принятии решений и улучшению настроения. Однако, если сон длится более получаса, то могут возникнуть сложности возвращения в «рабочее состояние», а внимание и память заметно ухудшатся, также могут возникнуть проблемы с ночным засыпанием.

Тревога и стресс в период экзаменационной сессии могут быть временными, но хроническая бессонница чаще всего вызвана другими причинами.

Рацион для питания в период экзаменов должен содержать необходимые и полезные для мозга вещества и быть, по возможности, разнообразным и разноцветным [4]. К примеру, зеленые, красные, желтые и фиолетовые фрукты, ягоды и овощи, содержащие повышенное количество антиоксидантов, не только улучшают мозговую деятельность, но и замедляют также процессы старения организма.

Специалисты Европейской ортопедической ассоциации рекомендуют наиболее полезные продукты, помогающие улучшить кровоток и сохранить эластичность суставов: сладкий перец, свежий чеснок и черемша, шпинат и петрушка, творог и козий сыр (для лучшего усвоения кальция). Для плодотворной работы мозга и всего организма в целом необходимо следить за балансом витаминов, особенно группы В, и не допускать процесса авитаминоза [2].

Для эффективной работы мозга в процессе умственной деятельности или стрессовой ситуации необходимо пить достаточное количество воды. Необходимо помнить, что все электрохимические процессы, протекающие как в теле, так и в мозге, зависят от проходимости нервных импульсов [11]. А вода является в теле лучшим проводником электрического сигнала. Вода наполняет кислородом клетки крови и обеспечивает оптимальную работу лимфатической системы, выполняющей защитную функцию организма. Употребление чая, соков или других напитков не заменят оздоровительных функций воды для организма.

Филологические исследования последних лет указывают на тревожную тенденцию снижения качества и разборчивости почерка у граждан Российской Федерации [7]. Данная проблема получила особое подтверждение при оценке результатов проведения «Тотального диктанта». Основной причиной данного явления является сокращение практики письма от руки, обусловленное повсеместным использованием цифровых устройств с клавиатурным вводом. Если утрата каллиграфических навыков может быть воспринята как несущественная, то влияние постепенного отказа от письма ручкой на бумаге на когнитивные функции человека приобретает значительный вес.

Графическая деятельность письма от руки является критически важным фактором для поддержания оптимального состояния базовых мозговых механизмов. Она активизирует нейронные пути, связанные с обработкой сенсорной информации от мышечных рецепторов (контролируемой теменными отделами коры головного мозга), а также с механизмами произвольной регуляции и контроля (находящимися под контролем лобных отделов мозга) [7].

С использованием передовых экспериментальных технологий было убедительно доказано, что процесс письма от руки инициирует активацию областей мозга, отвечающих за функционирование рабочей памяти, пространственное ориентирование и когнитивную гибкость (способность к переключению между задачами) [7]. Таким образом, письмо от руки представляет собой комплексный вид деятельности, способствующий развитию нейронных сетей, в то время как механическое взаимодействие с клавиатурой не обеспечивает аналогичного развивающего эффекта. В качестве альтернативных методов стимуляции когнитивных функций могут рассматриваться занятия танцами и гимнастикой, однако полное забвение навыка письма от руки представляется нежелательным с точки зрения поддержания когнитивного здоровья.

Заключение

Анализ показывает, что предэкзаменационное волнение и связанные с ним физиологические и психологические проявления являются естественной реакцией организма на стрессовый фактор [1]. Полное устранение данного состояния возможно только при условии ликвидации первопричины стресса. Следовательно, в период экзаменационной сессии ключевой задачей становится разработка и применение эффективных стратегий совладания с тревогой и стрессом. Высокий

уровень тревожности негативно коррелирует с когнитивными функциями, снижая уверенность в собственных знаниях, ослабляя логическое мышление и способность к усвоению новой информации. Психологические рекомендации предписывают первоочередное применение техник релаксации и снижения уровня тревожности перед началом учебной деятельности [1].

Однако, следует учитывать, что значительная доля переживаний может быть связана с мнимыми угрозами и прогнозированием проблем, не имеющих реального основания. Ироничное наблюдение Марка Твена: «За свою долгую жизнь я пережил много неприятностей, большинство из которых так и не случились» [8], подчеркивает феномен избыточного беспокойства, основанного на внутренних проекциях и катастрофических сценариях.

Список литературы:

[1] Варданян Л. Н. Пять шагов, чтобы справиться с тревогой перед экзаменом // ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/our/news/368269743.html (дата обращения: 15.05.2026).

[2] Добрюха А. Синдром Ильи Муромца // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/26194.3/3081265/ (дата обращения: 15.05.2026).

[3] Как дыхание помогает справится со стрессом // Канал Школы Дыхания СПб. URL: https://t.me›dyhanie_spb/870 (дата обращения: 15.05.2026).

[4] Как поддержать активность мозга и улучшить память // Google. URL: https:// www.google.com/search? (дата обращения: 15.05.2026).

[5] Лаговский В. 8200 шагов в день до здоровья доведут // Комсомольская правда. URL: https:// https://www.kp.ru/daily/ (дата обращения: 15.05.2026).

[6] Линюк Е. А. Секреты хорошего сна // ОГБУЗ «Центр общественного здоровья и медицинской профилактики». URL: https:// profilaktika.tomsk.ru/naseleniyu/stati/zoj/sekrety-khoroshego-sna/ (дата обращения: 15.05.2026).

[7] Мационг Е. Курицы лапой. Как на наш мозг повлияло то, мы почту перестали писать от руки // Российская газета. URL: https:// https:// rg.ru/2020/10/30/reg-urfo/kak-na-nash-mozg-povliialo-to-chto-my-pochti-perestali-pisat-ot-ruki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.05.2026).

[8] Можно ли улучшить работу мозга: 10 неочевидных способов // VK. URL: https:// https:// vk.com/wall-70087715_30399 (дата обращения: 15.05.2026).

[9] Новое исследование выявило способность спортивной активности сохранять уровень когнитивных функций // MK.RU. URL: https:// https://www.mk.ru/science/2025/04/26/novoe-issledovanie-vyyavilo-sposobnost-sportivnoy-aktivnosti-sokhranyat-uroven-kognitivnykh-funkciy.html (дата обращения: 15.05.2026).

[10] Одоевцева С. Как прокачать память и улучшить концентрацию внимания при подготовке к ЕГЭ // MK.RU. URL: https:// https://www.mk.ru/social/2025/05/17/kak-prokachat-pamyat-i-uluchshit-koncentraciyu-vnimaniya-pri-podgotovke-k-ege.html (дата обращения: 15.05.2026).

[11] Деннисон Пол И., Деннисон Гейл Гимнастика ума. Изд-во ИГ Весь, 2023. С. 41-57.

[12] Работа стоя – польза и вред. Кардиологи провели расследование // Food.ru. URL: https://food.ru/articles/13089-rabota-stoya-polza-i-vred (дата обращения: 15.05.2026).

[13] Секреты глубокого сна, о которых вы не знали // Google. URL: https:// www.google.com/search? (дата обращения: 15.05.2026).

[14] Старкина М. Врач назвала продукты, которые снизят уровень стресса перед экзаменом // Новости Москвы – Москва 24 – М24.RU. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/05062025/803389 (дата обращения: 15.05.2026).

[15] Что нужно мозгу в период стресса и депрессии // Цитамины. Пептидные биорегуляторы | Страница бренда. URL: https://cytamins.promo.page/media/chto-nujno-mozgu-v-period-stressa-i-depressii-65fd937e7fbe0b1fbc861ef0_0_0?utm_source=yandex.promopages&utm_medium=cpc&utm_campaign=procerebramin_stress_mozg_inter_zdor_read&utm_content=article&utm_term=inter_zdor_read# (дата обращения: 15.05.2026).

References:

[1] Vardanyan L. N. Five Steps to Coping with Exam Anxiety // HSE. URL: https://www.hse.ru/our/news/368269743.html (accessed: 15.05.2026).

[2] Dobryukha A. Ilya Muromets Syndrome // Komsomolskaya Pravda. URL: https://www.kp.ru/daily/26194.3/3081265/ (accessed: 15.05.2026).

[3] How Breathing Helps Cope with Stress // St. Petersburg Breathing School Channel. URL: https://t.me›dyhanie_spb/870 (accessed: 15.05.2026).

[4] How to Maintain Brain Activity and Improve Memory // Google. URL: https:// www.google.com/search? (date of access: 15.05.2026).

[5] Lagovsky V. 8200 steps a day will lead to health // Komsomolskaya Pravda. URL: https:// https://www.kp.ru/daily/27464/4670338/ (date of access: 15.05.2026).

[6] Linyuk E. A. Secrets of good sleep // OGBUZ “Center for Public Health and Medical Prevention”. URL: https://profilaktika.tomsk.ru/naseleniyu/stati/zoj/sekrety-khoroshego-sna/ (date of

access: 15.05.2026).

[7] Matsong E. Chicken paw. How our brain was affected by stopping writing emails by hand // Rossiyskaya Gazeta. URL: https:// https://rg.ru/2020/10/30/reg-urfo/kak-na-nash-mozg-povliialo-to-chto-my-pochti-perestali-pisat-ot-ruki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 15.05.2026).

[8] Is it possible to improve brain function: 10 non-obvious ways // VK. URL: https:// https://vk.com/wall-70087715_30399 (accessed: 15.05.2026).

[9] A new study has revealed the ability of sports activity to maintain the level of cognitive functions // MK.RU. URL: https:// https://www.mk.ru/science/2025/04/26/novoe-issledovanie-vyyavilo-sposobnost-sportivnoy-aktivnosti-sokhranyat-uroven-kognitivnykh-funkciy.html (date of access: 15.05.2026).

[10] Odoevtseva S. How to pump up memory and improve concentration in preparation for the Unified State Exam // MK.RU. URL: https:// https://www.mk.ru/social/2025/05/17/kak-prokachat-pamyat-i-uluchshit-koncentraciyu-vnimaniya-pri-podgotovke-k-ege.html (date of access: 15.05.2026).

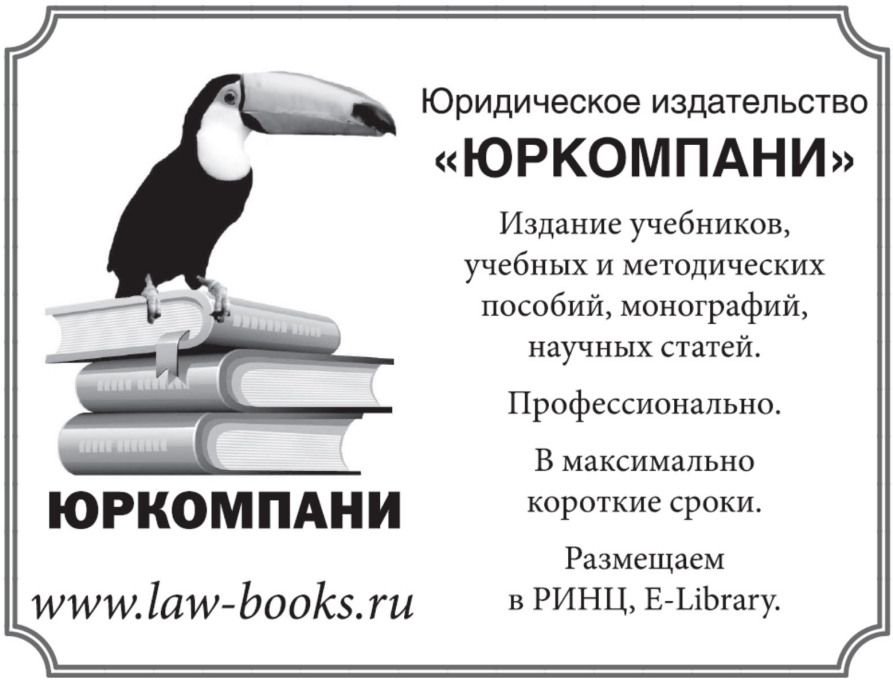
[11] Dennison Paul I., Dennison Gail Mind Gym. IG Ves Publishing House, 2023. Pp. 41-57.

[12] Standing Work – Benefits and Harms. Cardiologists Conducted an Investigation // Food.ru. URL: https://food.ru/articles/13089-rabota-stoya-polza-i-vred (accessed: 15.05.2026).

[13] Secrets of Deep Sleep You Didn't Know // Google. URL: https:// www.google.com/search?и (accessed: 15.05.2026).

[14] Starkina M. A doctor named foods that will reduce stress levels before an exam // Moscow News – Moscow 24 – M24.RU. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/05062025/803389 (accessed: 15.05.2026).

[15] What the brain needs during stress and depression // Cytamins. Peptide bioregulators | Brand page. URL: https://cytamins.promo.page/media/chto-nujno-mozgu-v-period-stressa-i-depressii-65fd937e7fbe0b1fbc861ef0_0_0?utm_source=yandex.promopages&utm_medium=cpc&utm_campaign=procerebramin_stress_mozg_inter_zdor_read&utm_content=article&utm_term=inter_zdor_read# (accessed: 15.05.2026).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-619-625

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЗВОНАРЕВА Наталия Алексеевна,

кандидат психологических наук,
доцент Департамента методики преподавания
социальных и гуманитарных наук
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»,

e-mail: ZvonarevaNA@mgpu.ru

КОРЧАГИНА Тамара Владимировна,

педагогических наук,
доцент Департамента права
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»,

e-mail: KorchaginaTV@mgpu.ru

МАСЛОВА Наталья Николаевна,

кандидат исторических наук,
доцент Департамента методики преподавания
социальных и гуманитарных наук
Института гуманитарных наук ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»,

e-mail: MaslovaNN@mgpu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С.Т. ШАЦКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ СПЛОЧЕННОГО КОЛЛЕКТИВА И ВОЗМОЖНОСТИ ДЕТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется актуальность идей выдающегося советского педагога-экспериментатора С. Т. Шацкого для решения современных задач российской школы. Анализируется его новаторский подход к формированию сплочённого детского коллектива и организации самоуправления, который реализовывался через сеть учреждений (клуб «Сетлемент», колония «Бодрая жизнь», Первая опытная станция). Авторы подчёркивают, что в основе концепции Шацкого лежал гуманистический принцип приоритета личности ребёнка, его активного участия в жизни социума и организации жизнедеятельности на основе совместного труда. В статье раскрываются ключевые принципы его педагогической системы: интеграция воспитания в социальную среду города и деревни, роль творческого труда в развитии личности и сплочении коллектива. В статье анализируется критическое отношение Шацкого к западным педагогическим моделям и его стремление к поиску уникального отечественного пути, основанного на синтезе гуманистических идей русского просветительства. Особое внимание уделяется международному признанию достижений Первой опытной станции, в частности визиту и высокой оценке американского философа и педагога Дж. Дьюи. Обоснован вывод: идеи С. Т. Шацкого о детском коллективе, «открытой школе», трудовом воспитании, взаимопомощи и самоуправлении находят прямое отражение в современных государственных документах, определяющих стратегию развития российского образования.*

Ключевые слова: *С. Т. Шацкий, социальная педагогика, детский коллектив, детское самоуправление, трудовое воспитание, «открытая школа», Первая опытная станция.*

ZVONAREVA Natalia Alekseevna,

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Department of Teaching Methods
of Social Sciences and Humanities
Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University

KORCHAGINA Tamara Vladimirovna,

Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Department of Law
Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University

MASLOVA Natalia Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of Teaching Methods
of Social Sciences and Humanities
Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University

S.T. SHATSKY'S PEDAGOGICAL VIEWS ON THE FORMATION OF A UNITED TEAM AND THE POSSIBILITIES OF CHILDREN'S SELF-GOVERNMENT

Annotation. *The article explores the relevance of the ideas of the outstanding Soviet experimental teacher S. T. Shatsky for solving the modern problems of the Russian school. It analyzes his innovative approach to forming a united children's team and organizing self-government, which was implemented through a network of institutions (the Settlement Club, the Bodraya Zhizn Colony, and the First Experimental Station). The authors emphasize that Shatsky's concept was based on the humanistic principle of prioritizing the child's personality, their active participation in social life, and organizing their activities through collective labor. The article reveals the key principles of his pedagogical system: the integration of education into the social environment of the city and the countryside, and the role of creative work in personal development and team building. The article analyzes Shatsky's critical attitude towards Western pedagogical models and his desire to find a unique Russian path based on the synthesis of the humanistic ideas of Russian enlightenment.*

Key words: *S. T. Shatsky, social pedagogy, children's collective, children's self-government, labor education, "open school", First Experimental Station.*

В XXI веке владение методиками работы с детским коллективом признается важной составляющей профессиональной компетентности учителя, воспитателя. Исследовательский и практический интерес к идее формирования детского коллектива, коллективного воспитания возникал и затухал у педагогов России за последние два столетия неоднократно. Актуальность идеи сплоченного детского коллектива и самоуправления для российской школы и дополнительного образования претерпевала радикальные изменения, зачастую диаметрально противоположные, находящиеся в противоречии друг с другом. Но каждый раз, оглянувшись на опыт предшественников, можно утверждать, что работа по формированию детского коллектива, поддержка детского самоуправления позволяла педагогам решать важные задачи социализации, воспитания и развития детей.

В настоящее время в фокусе обсуждения педагогической общественности новые задачи школы: сохранение фундаментальности и традиций отечественного образования, внимание к идеям классической педагогики России, воспитательная функция школы, трансформация системы образования на основе традиционных российских ценностей, совершенствование программ подготовки учителей, основанных на традициях отечественной педагогической школы.

Обращение к опыту выдающегося русского, советского педагога Станислава Теофиловича Шацкого — это дань уважения и преклонения перед подвижничеством, самоотверженностью российской интеллигенции, советских педагогов, опыт которых вобрал все самое ценное в российской и зарубежной педагогике.

Цель статьи: проанализировать педагогические взгляды С.Т. Шацкого на формирование детского коллектива и детское

самоуправление, показать их потенциал для современной практики.

С.Т. Шацкий как основатель социальной педагогики и организатор «открытой школы». Педагогическое наследие и деятельность С. Т. Шацкого служат подтверждением известного педагогического афоризма: личность может воспитать только личность. Широта его интересов поражает: он изучал естественные науки, имел музыкальное образование и пел в театре, обладал литературным даром, был постановщиком спектаклей и музыкальных творческих вечеров.

С.Т. Шацкий был не только теоретиком-дидактом, но и выдающимся практиком — основателем социальной педагогики и организатором «открытой школы». Сплавом теоретического поиска и осмысления опыта формирования детского коллектива стала работа созданных им и его единомышленниками учреждений: клуба «Сетлемент» (создан совместно с А. У. Зеленко, 1905–1908), школы-колонии «Бодрая жизнь» (1911-1919), Первой опытной станции по народному образованию (1919-1932, реорганизованной впоследствии в Центральную экспериментальную лабораторию Наркомпроса РСФСР). Такова эволюция идей Шацкого: от небольшого клуба для детей рабочих к научно-педагогической станции, работавшей в государственном масштабе.

Объясняя мотивацию поиска собственного педагогического пути С. Т. Шацкий писал: «...Когда я учился, то постоянно чувствовал, что так, как меня учили, не надо ни учиться, ни учить. И моя педагогическая вера выросла из отрицательной оценки педагогики, примененной к себе» [12, т. 1 с. 69].

Согласно воспоминаниям С.Т. Шацкого отправной точкой его педагогических решений стал подход, отличавшийся «общественным характером», предоставлявший «простор творчеству каждому участнику», направленный на «трудовое воспитание, детское самоуправление и удовлетворение детских интересов» [7]. Образцом для Шацкого в отечественной практике стала школа Льва Толстого в Ясной Поляне, в которой применялся принцип обучения в деятельности, много внимания уделялось труду учащихся. Основой для построения новаторской педагогической системы стал приоритет личности ребёнка и его деятельного участия в жизни социума. Заметим, что этот подход сегодня в методических исследованиях называется «функциональной грамотностью» и «личностно-ориентированным обучением».

В основе педагогических взглядов С. Т. Шацкого лежал синтез гуманистических идей русского просветительства, принципа народности и переосмысления опыта как выдающихся российских, так и западных педагогов. Под влиянием идей и опыта «культурных поселений», созданных европейской и американской интеллигенцией среди беднейших слоев населения в конце 19 и начале 20 века, он вместе с единомышленниками создает детский клуб, детский сад и трудовые мастерские в одном из самых неблагополучных районов Москвы, на рабочей окраине. Называлось это «Сетлементом», поселком «культурных людей среди бедного населения».

Однако уже в 1913 году, во время поездки за границу для изучения систем общественного и трудового воспитания, он пришёл к выводу о необходимости поиска собственного, уникального пути, необходимости использования зарубежного опыта через призму отечественных традиций образования и воспитания: «Нам было ясно, что простая пересадка заграничных образцов на русскую почву имеет мало цены» [7].

Изучение зарубежного опыта показало Шацкому огромную разницу между школами разных стран, он отмечал: «Тут мне бросилась в глаза чрезвычайная жизненная приспособляемость заграничных педагогов; они всегда были очень практичными, очень хорошими организаторами, но в то же время чрезвычайно узкими людьми» [12, т. 1 с. 59]. По его мнению, западные педагоги, «лишённые высоких идеалов и глубоких чувств», превращали детский труд в развитие навыков, но такой труд был лишен воспитательного смысла. Особенно негативное, даже «мрачное» впечатление, на него произвели физические наказания детей.

В основе педагогической системы С. Т. Шацкого - идея создания модели «детского общества», интегрированного в социум (городскую или сельскую среду), основанном на безусловном уважении к личности и интересам ребёнка, трудовом воспитании, коллективизме.

Практическая реализация собственных педагогических идей началась летом 1905 года, когда Шацкий с коллегами жил с детьми в деревне, используя временно предоставленную дачу. Впоследствии, благодаря меценатской поддержке М. К. Морозовой, в Калужской области было построено собственное постоянное здание для летней трудовой колонии. «Это была летняя колония, в которой не было прислуги, дети делали всю домашнюю работу сами, ухаживали за огородом и садом. Очень важно было то, что создалось у нас детское общество, где развивалась своя жизнь с ее особенностями, присущими детскому характеру» [12, т. 1 с. 302]. Труд носил характер свободного творчества и самообслуживания («дачу строят сами, готовят, составляют распорядок дня»); на общих

собраниях принимались решения об организации бытовых вопросов, что развивало умение совместного планирования и ответственности за общую жизнь. Организация жизни детского коллектива превращала колонию из места отдыха в действующую лабораторию социального воспитания.

Эта концепция впоследствии реализовывалась через сеть комплексов учреждений (клубы, колонии, Первая опытная станция), что знаменовало собой выход педагогики непосредственно в социальную среду города и деревни.

Принципы воспитания в летней колонии С. Т. Шацкого, как и опыт А. С. Макаренко, стали яркими примерами реализации гуманистических и коллективистских идей в советской педагогике XX века.

Достижения «Первой опытной станции» получили широкую известность за рубежом. В 1928 году С. Т. Шацкий принимал на Опытной станции в Калужской области американскую делегацию во главе с Дж. Дьюи. В своих очерках Дьюи писал о Шацком: «Педагог, о котором я говорю… работал, верил и надеялся, что школа... может мирно и постепенно произвести необходимую трансформацию в других институтах» [8, с. 246].

После посещения «Первой опытной станции» американский педагог и философ, убежденный противник советской власти, подарил фотографию с надписью: «Я уезжаю от вас с чувством симпатии к той стране, в которой возможны такие глубокие педагогические работы» [12, т. 3 с. 214].

Отмечая в своих воспоминаниях эволюцию взглядов советского коллеги, Дьюи подчёркивал, что к моменту их встречи Шацкий пришёл к убеждению: «главной силой, препятствующей социальной реформе... были эгоистические и узколичностные идеалы и методы, насаждённые частной собственностью, прибылью и стяжательством» [8].

Рассуждая о распространенности представлений о полном отсутствии в России свободы и демократии, Дьюи писал: «…надо заметить, что любой иностранец, особенно разделяющий это представление, придет в замешательство, обнаружив, что организация детей в русских школах носит куда более демократический характер, чем в наших, и что они, работая в системе школьного управления, получают гораздо лучшую подготовку для последующего активного участия в местном и производственном самоуправлении, нежели в школах нашей несомненно демократической страны» [8].

Основные компоненты педагогической концепции и опыта развития детского коллектива были описаны С.Т. Шацким в публикациях в дореволюционных изданиях, а затем в первые десятилетия советской власти в отчетах Опытной станции, выступлениях и многочисленных статьях. Наследие С.Т. Шацкого хорошо изучено в советское время, в 1962–1965 гг. Академией педагогических наук РСФСР было издано полное собрание сочинений С. Т. Шацкого в четырёх томах, что является свидетельством официального признания и интереса к его идеям. Практический опыт создания детских коллективов до 1917 года, педагогическая работа на Первой опытной станции по народному образованию привлекали внимание и современных отечественных исследователей [4; 5; 9; 11].

Созданная С.Т. Шацким вместе с единомышленниками модель детского сообщества развивалась, претерпевала изменения и оформлялась в модель детского коллектива со своими разумными совместно разработанными правилами, организационным оформлением и интересной, насыщенной творчеством и социальной активностью жизнью.

Что влияет на создание сплоченного детского коллектива. С.Т. Шацкий считал, что коллектив - это сообщество детей и разумных взрослых, где четко определены роли, обязанности, нормы совместной жизни. Содержанием детской жизни должны быть физический труд, игра, искусство, умственный труд, социальная деятельность как взаимосвязанные элементы жизни коллектива.

Ключевой идеей в развитии детского коллектива стало понимание роли педагогов и воспитателей в жизни детей, которая построена на началах сотрудничества и партнерства, атмосфере доверия и психологической безопасности. «Постепенно колония шла к созданию общества, но не детского только, а общества детей и взрослых. Руководители должны быть членами колонии, подобно детям, но они в то же время регулируют общую жизнь и изучают ее, чтобы самим не стоять на месте», находить новые пути для совершенствования жизни коллектива [12, т. 1 с. 449].

Новаторской была идея о роли физического труда как дисциплинирующего начала, как средства сплочения коллектива и формирования ответственности за общее дело и свой вклад. «Труд вносил некоторую стройность и в самую жизнь колонии. При таком значении труда в колонии нельзя было обойтись без сознательного отношения детей к нему, необходимо было всеми силами привлечь детей к обсуждению того, где и как они будут работать. Чем больше такой сознательности, тем легче работать.

Отсюда появилась практическая важность наших собраний» [12, т. 1 с. 340].

Цель деятельности коллектива - наполнить школу детской игрой, театром, музыкой, спортивными занятиями, обогатить детский опыт, используя социальную среду города и деревни. В 1927 году Шацкий писал: «Школа, которую мы создаем...очень умная, глубокомысленная, революционная, но сухая, школа долга, а не детской радости, живого интереса, … не возбуждающая эмоциональных сторон детской жизни» [12, т. 3 с. 64]. Включение в работу всех учителей музыки, игр, творчества было обязательным требованием в работе на Опытной станции.

В своих работах Шацкий описывает не только педагогические победы, но и «большую историю неудач» (отказ детей от работы, уличная брань и непристойности в общении, агрессия и запугивание в отношении некоторых колонистов). «Общие собрания коллектива стали толчком к тому, чтобы возникали и развивались новые, ...серьезные отношения и привычки» [12, т. 1 с. 334]. Благодаря взвешенному педагогическому подходу постепенно стало вырабатываться понимание принципов сплоченности сообщества педагогов и воспитанников: общие цели, распределение обязанностей, совместный труд и творчество, подчинение правилам сообщества, поддержка слабых, открытое обсуждение правил и нарушений на общих собраниях.

Впоследствии в нашей психолого-педагогической литературе эти подходы были обозначены как внутренние механизмы коллективного воспитания. Процесс взаимодействия личности ребенка и коллектива «определяется не только структурой и организацией группы, но и качеством отношений внутри неё, уровнем психологической сплочённости, ценностной согласованности и общими нормами. Особое значение имеет то, насколько коллектив является для ребёнка значимым, включающим и эмоционально благоприятным» [10, с.13].

Изучая прошлое, педагогическая наука не ищет архаичные инструменты педагогов и воспитателей, а помогает понимать изменчивость педагогической действительности, выявлять причинно-следственные связи, как и почему мы пришли к такому состоянию современного образования.

Современные педагогические реалии устремлены в будущее, но это не отменяет, а лишь в большей степени актуализирует опору на опыт наших предшественников. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в качестве традиционных определены коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений [1].

В 2026 году в ФЗ «Об образовании в РФ» в ст.12.1 в качестве общих требований к организации воспитания обучающихся установлено, что воспитание обучающихся осуществляется на основе включенной в образовательную программу федеральной рабочей программы воспитания. Один из модулей Программы содержит направление деятельности коллектива школы, учителей по созданию сплочённого коллектива класса, детско-взрослых общностей, установления доброжелательных и товарищеских взаимоотношений. Всем участникам образовательных отношений предлагается поддерживать инициативность и ученическое самоуправление на уровне школьных сообществ, класса, детских общественных объединений и организаций; дать право ученическому самоуправлению представлять интересы обучающихся в процессе управления образовательной организацией, осуществлять защиту органами ученического самоуправления законных интересов и прав обучающихся.

Поддержка детского самоуправления в школе помогает педагогам воспитывать в обучающихся инициативность, самостоятельность, ответственность, трудолюбие, чувство собственного достоинства, а обучающимся – предоставляет широкие возможности для самовыражения и самореализации. Детское самоуправление - условие подготовки к взрослой жизни. Поскольку обучающимся младших и подростковых классов не всегда удается самостоятельно организовать свою деятельность, детское самоуправление иногда и на время может трансформироваться (посредством введения функции педагога-куратора) в детско-взрослое самоуправление [2].

В заключении, возвращаясь к цели написания статьи - анализу педагогических взглядов С.Т. Шацкого на формирование детского коллектива и детское самоуправление и выявления потенциала их изучения для современной практики, хотелось бы сделать несколько ключевых выводов:

- в поиске инновационных путей развития отечественной школы необходимо не только перечитывать, осмысливать, переосмыслять идеи ведущих российских педагогов на значимые проблемы, но и комплексно рассматривать перемены, происходящие в отечественном образовании;

- подобный подход целесообразен и действенен лишь тогда, когда он приобретает личный смысл для исследователя, а не становится

набором стандартных обобщений из работ других авторов;

- такое рассмотрение должно быть контекстным, учитывать динамику взглядов предшественников, поскольку идеи, озвученные в одном из произведений, могут меняться, уточняться, а порой, и просто критически переосмысливаться в ходе апробации;

- необходимо внести ясность в используемую терминологию. В современной методической литературе устаревшие понятия существуют наряду с актуальными, при этом их наполнение может существенно различаться. Это затрудняет осмысление изучаемых феноменов (например, самоуправления) и приводит к неверным выводам и обобщениям, которые часто выдаются за исчерпывающее знание в учебных пособиях;

- банальное требование самостоятельного прочтения первоисточника, становится все более насущным в цифровую эпоху. Качественный промт, забитый в поисковик, выдает «исчерпывающую», компактную информацию по любой проблеме, по любому педагогу прошлого и настоящего. Но, основная задача исследователя, читая труды выдающихся педагогов искать собственные смыслы, ответы на вопросы, поставленные самим собой. На это нужно время, возвращение к текстам, поиск необходимых дополнительных работ.

- и, предпоследнее по порядку, но не по значению, важно понять и принять, а порой почувствовать масштабличности, индивидуальный педагогический стиль и иные характеристики наших предшественников. Испытать гордость за их творчество во имя российской педагогики и своего Отечества, сохранить историческую память поколений. В этом отношении пример С.Т. Шацкого может считаться эталонным.

- итоговым суждением является рекомендация настоящим и будущим педагогам-практикам, педагогам-новаторам, педагогам-исследователям, педагогам-наставникам. В поиске своего индивидуального пути важно опираться на авторитет ученых предшественников, впитывая лучшее, создавать новые методики, при этом осмысливая и используя, транслируя опыт выдающихся представителей отечественной педагогической школы.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 25.06.2026).

[2] Приказ Минпросвещения России от 18.05.2023 года № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования. Зарегистрировано в Минюсте России 12.07. 2023 года № 74223. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452180/ (дата обращения: 25.06.2026).

[3] Астафьева Е. Н. Встреча и знакомство Д. Дьюи с С. Т. Шацким в России в 1928 году// Педагогические технологии, №1–2, 2020. - С.143-154.

[4] Богуславский М. В. Педагогика социализации среды Станислава Шацкого // Вестник образования России. — 2023. — № 11. — С. 73–80.

[5] Беляев В.И. Педагогическая концепция С.Т. Шацкого: Эволюция идей, принципов и целей: Диссертация ....доктора пед.наук. 13.00.01. - Москва. 1998. - 350 с.

[6] Бершадская Д. С. Педагогические взгляды и деятельность С. Т. Шацкого /Д. С. Бершадская. – М.: Изд-во АПН СССР, 1960. – 264 с.

[7] Годунова Е. Педагогическая классика для настоящего и будущего: С.Т.Шацкий // Профсоюз «Учитель». URL: https://pedagog-prof.org/arkhiv-statej/pedagogicheskaya-klassika-dlya-nastoyashchego-i-budushchego-stshatskij (дата обращения 25.06.2026).

[8] Дьюи Д. Впечатления от Советской России / пер. с англ. // Хрестоматия по истории школы и педагогики России первой трети XX века: П.Н. Игнатьев, В.В. Зеньковский, С.И. Гессен, Д. Дьюи / ред.-сост. Г.Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2009. — С. 141–179

[9] Кожевников А. Ю. О педагоге и наставнике С. Т. Шацком // МПГУ. URL: https://mpgu.su/bez-rubriki/pedagoge-nastavnike-shackom/ (дата обращения 25.06.2026)

[10] Селиванова Н.Л. Коллектив: вчерашний день или решающий фактор для развития личности сегодня? // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31, № 2. С. 10–15.

[11] Уткин А.В. Школа творческого поиска // Историко-педагогический журнал, № 2, 2018. С. 17-24.

[12] Шацкий С. Т. Педагогические сочинения: в 4 томах / С. Т. Шацкий. — М. : Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1962–1965. 503 с.

[13] С. Т. Шацкий: работа для будущего: Докум. повествование: Кн. для учителя / Сост. В. И. Малинин, Ф. А. Фрадкин. — М.: Просвещение, 1989. —223 с.

References:

[1] Federal Law of December 29, 2012, No. 273-FZ (as amended on April 25, 2026) “On Education in the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (accessed on June 25, 2026).

[2] Order of the Ministry of Education of Russia dated May 18, 2023, No. 370 “On Approval of the Federal Educational Program for Basic General Education. Registered with the Ministry of Justice of Russia on July 12, 2023, No. 74223. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452180/ (accessed on June 25, 2026).

[3] Astafieva E. N. Meeting and acquaintance of D. Dewey with S. T. Shatsky in Russia in 1928 // Pedagogical technologies, No. 1–2, 2020. pp. 143–154.

[4] Boguslavsky M. V. Pedagogy of socialization of the environment of Stanislav Shatsky // Bulletin of Education of Russia. — 2023. — No. 11. — pp. 73–80.

[5] Belyaev V. I. Pedagogical concept of S. T. Shatsky: Evolution of ideas, principles and goals: Dissertation .... Doctor of Pedagogical Sciences. 13.00.01. — Moscow. 1998. — 350 p.

[6] Bershadskaya D. S. Pedagogical views and activities of S. T. Shatsky / D. S. Bershadskaya. – M.: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, 1960. – 264 p.

[7] Godunova E. Pedagogical classics for the present and the future: S. T. Shatsky // Trade Union “Teacher”. URL: https://pedagog-prof.org/arkhiv-statej/pedagogicheskaya-klassika-dlya-nastoyashchego-i-budushchego-stshatskij (date of access 06/25/2026).

[8] Dewey D. Impressions of Soviet Russia / translated from English // Reader on the history of school and pedagogy in Russia in the first third of the twentieth century: P. N. Ignatiev, V. V. Zenkovsky, S. I. Gessen, D. Dewey / ed. and compiler G. B. Kornetov. Moscow: ASOU, 2009. — Pp. 141–179

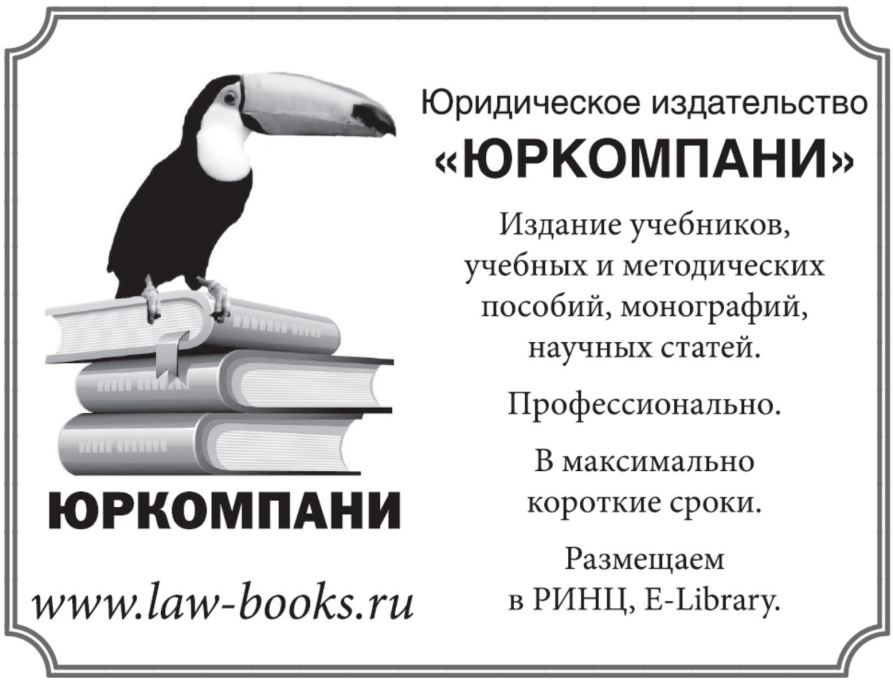
[9] Kozhevnikov A. Yu. About the teacher and mentor S. T. Shatsky // Moscow State Pedagogical University. URL: https://mpgu.su/bez-rubriki/pedagoge-nastavnike-shackom/ (date of access 06/25/2026)

[10] Selivanova N.L. The team: yesterday or a decisive factor for personality development today? // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2025. Vol. 31, No. 2. Pp. 10–15.

[11] Utkin A.V. School of creative search // Historical and pedagogical journal, No. 2, 2018. Pp. 17–24.

[12] Shatsky S. T. Pedagogical works: in 4 volumes / S. T. Shatsky. - M.: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1962–1965. 503 pp.

[13] S. T. Shatsky: work for the future: Document. narration: Book. for the teacher / Comp. V. I. Malinin, F. A. Fradkin. - M.: Education, 1989. -223 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-626-632

ХАЛЬЗОВА Наталья Александровна,

доцент высшей школы физико-математических наук,
кандидат экономических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»,

e-mail: 003818@togudv.ru

ПАНОЧЕВНЫЙ Павел Николаевич,

старший преподаватель высшей школы промышленной инженерии,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»,

e-mail: 005681@togudv.ru

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ ПРИ СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ И ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В условиях глобализации и интернационализации высшего образования, российские вузы сталкиваются с необходимостью создания и поддержания эффективной межкультурной среды для успешной интеграции иностранных студентов и повышения качества образовательного процесса. Данное исследование посвящено анализу ключевых механизмов, обеспечивающих качество образовательного процесса в вузе с учетом развития межкультурного взаимодействия между российскими и иностранными студентами. В статье рассматриваются вопросы адаптации образовательных программ и методик преподавания к потребностям межкультурной аудитории, анализируется роль внеучебной деятельности и студенческих объединений в формировании межкультурной компетентности, а также предлагаются критерии и методы мониторинга эффективности механизмов обеспечения качества. Акцент сделан на выявлении и систематизации факторов, влияющих на успешность адаптации иностранных студентов, формирование их межкультурной компетентности и удовлетворенность образовательным процессом.*

Ключевые слова: *межкультурная среда, обеспечение качества, иностранные студенты, образовательный процесс, адаптация, межкультурная компетентность, внеучебная деятельность, студенческие объединения, мониторинг, образовательные программы.*

KHALZOVA Natalia Alexandrovna,

Associate Professor, Higher School of Physical and Mathematical Sciences,
Candidate of Economic Sciences,
Pacific National University

PANOCHEVNYI Pavel Nikolaevich,

Senior Lecturer, Higher School of Industrial Engineering,
Pacific National University

MECHANISMS FOR ENSURING THE QUALITY OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE UNIVERSITY IN THE CREATION AND DEVELOPMENT OF AN INTERCULTURAL ENVIRONMENT OF INTERACTION BETWEEN RUSSIAN AND FOREIGN STUDENTS

Annotation. *In the context of globalization and internationalization of higher education, Russian universities face the need to create and maintain an effective intercultural environment for the successful integration of foreign students and improve the quality of the educational process. This study is devoted to the analysis of key mechanisms that ensure the quality of the educational process at the university, taking into account the development of intercultural interaction between Russian and foreign students. The article discusses the issues of adapting educational programs and teaching methods to the needs of an intercultural audience, analyzes the role of extracurricular activities and student associations in the formation of intercultural competence, and suggests criteria and methods for monitoring the effectiveness of quality assurance mechanisms. The emphasis is placed on identifying and systematizing the factors influencing the success of the adaptation of foreign students, the formation of their intercultural competence and satisfaction with the educational process.*

Key words: *intercultural environment, quality assurance, international students, educational process, adaptation, intercultural competence, extracurricular activities, student associations, monitoring, educational programs.*

Введение

В эпоху глобализации и интернационализации образования создание эффективной межкультурной среды в высших учебных заведениях становится не просто важным фактором повышения конкурентоспособности вуза, но и необходимым условием подготовки специалистов, способных успешно функционировать в условиях мультикультурного мира. Российские вузы активно привлекают иностранных студентов, стремясь к расширению международного сотрудничества и повышению качества образования. Однако, успешная интеграция иностранных студентов и формирование позитивной межкультурной среды требуют разработки и внедрения специальных механизмов, обеспечивающих качество образовательного процесса. В связи с этим, исследование механизмов обеспечения качества образовательного процесса в вузе при создании и развитии межкультурной среды взаимодействия российских и иностранных студентов представляется актуальным и значимым для развития системы высшего образования в России.

Целью данного исследования является определение и анализ ключевых механизмов, способствующих повышению качества образовательного процесса в высшем учебном заведении в условиях развития межкультурной среды взаимодействия российских и иностранных студентов.

Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном анализе механизмов обеспечения качества образовательного процесса в контексте развития межкультурной среды взаимодействия российских и иностранных студентов.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы научные публикации в области педагогики, социологии, психологии, посвященные проблемам межкультурной коммуникации, адаптации иностранных студентов, управлению качеством образовательного процесса. Методологической основой исследования является анализ научных публикаций, обобщение и систематизация теоретических положений, а также изучение и анализ эмпирических данных, полученных в ходе исследований, проведенных другими авторами. Представленные результаты позволяют выявить наиболее эффективные механизмы обеспечения качества образовательного процесса в вузе при создании и развитии межкультурной среды и разработать практические рекомендации для повышения эффективности образовательной деятельности в данной области.

Результаты и обсуждения

1. Адаптация образовательных программ и методик преподавания к потребностям межкультурной аудитории

В эпоху глобальной интеграции и возрастающей академической мобильности, адаптация образовательных программ и методик преподавания к потребностям межкультурной аудитории становится не просто желательным, но и критически необходимым условием для обеспечения качественного высшего образования. Российские вузы, стремящиеся к укреплению своих позиций на международной арене, сталкиваются с необходимостью трансформации традиционных образовательных подходов, чтобы соответствовать потребностям разнообразного контингента студентов, представляющих различные культурные, языковые и образовательные традиции [7, с. 122]. Этот процесс адаптации представляет собой многоуровневую задачу, требующую комплексного переосмысления целей, содержания и методов обучения.

Первоочередной задачей является учет языковых потребностей иностранных студентов. Недостаточное владение русским языком может стать серьезным барьером для успешного усвоения учебного материала и активного участия в образовательном процессе. В связи с этим, необходимо внедрение специализированных программ языковой подготовки, ориентированных на развитие академической лексики и навыков коммуникации в профессиональной сфере [10, с. 102]. Важно, чтобы языковая поддержка была интегрирована в учебный процесс и предоставлялась на протяжении всего периода обучения, а не только на начальном этапе адаптации.

Второй важный аспект адаптации – это учет культурного контекста. Образовательные программы должны быть чувствительны к культурным различиям в стилях обучения, предпочтениях в методах преподавания и особенностях восприятия информации. Необходимо избегать евроцентричного подхода и стремиться к представлению различных точек зрения и культурных перспектив. Интеграция в учебный процесс примеров из различных культур и цивилизаций способствует расширению кругозора студентов и формированию у них межкультурной компетентности.

Методики преподавания также требуют адаптации к потребностям межкультурной аудитории. Традиционные лекционные форматы могут быть недостаточно эффективными для студентов, привыкших к интерактивным методам обучения. Необходимо активное использование дискуссий, групповой работы, проектного обучения и кейс-стади. Важно, чтобы преподаватели были готовы к работе с разнородными группами студентов и умели создавать атмосферу сотрудничества и взаимоуважения. Особое внимание следует уделять развитию навыков критического мышления и аргументации, которые являются ключевыми для успешной учебы в международной образовательной среде.

Кроме того, необходимо учитывать особенности образовательного бэкграунда иностранных студентов. Различия в системах среднего образования разных стран могут приводить к тому, что студенты, поступающие в российские вузы, имеют разный уровень подготовки по различным дисциплинам [9, с. 537]. В связи с этим, необходимо внедрение программ выравнивания знаний, позволяющих восполнить пробелы в подготовке и обеспечить студентам необходимую базу для успешного усвоения учебного материала.

Адаптация образовательных программ и методик преподавания должна быть основана на систематическом анализе потребностей и ожиданий иностранных студентов. Необходимо проведение опросов, анкетирований и фокус-групп, позволяющих получить обратную связь от студентов и выявить наиболее проблемные моменты в образовательном процессе [4, с. 54]. Результаты этих исследований должны использоваться для внесения корректировок в учебные планы и методические материалы.

Важным фактором успешной адаптации является подготовка преподавателей к работе с межкультурной аудиторией. Преподаватели должны обладать не только высоким уровнем профессиональной компетентности, но и знаниями в области межкультурной коммуникации, педагогической психологии и методики преподавания русского языка как иностранного. Необходимо организация специализированных тренингов и семинаров для преподавателей, направленных на развитие их межкультурной компетентности и повышение их готовности к работе с иностранными студентами.

В заключении отметим, адаптация образовательных программ и методик преподавания к потребностям межкультурной аудитории является сложным и многогранным процессом, требующим комплексного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон. Успешная реализация этой задачи позволит российским вузам не только привлечь больше иностранных студентов, но и обеспечить высокое качество образования для всех обучающихся, формируя поколение специалистов, готовых к профессиональной деятельности в условиях глобального мира. Необходимо обеспечить постоянный мониторинг и совершенствование механизмов адаптации, чтобы соответствовать изменяющимся потребностям и ожиданиям межкультурной аудитории.

2. Роль внеучебной деятельности и студенческих объединений в формировании межкультурной компетентности

В современном высшем образовании, где возрастает мобильность студентов и происходит глобализация рынков труда, формирование межкультурной компетентности становится одним из ключевых требований к выпускникам. Межкультурная компетентность, подразумевающая способность эффективно и уважительно взаимодействовать с представителями различных культур, является необходимым условием успешной адаптации в профессиональной и социальной сферах. В этом контексте, внеучебная деятельность и студенческие объединения играют незаменимую роль, дополняя и расширяя возможности, предоставляемые формальным образовательным

процессом.

Внеучебная деятельность, включающая в себя широкий спектр мероприятий, таких как культурные фестивали, спортивные соревнования, тематические клубы и волонтерские проекты, создает уникальную площадку для неформального общения и взаимодействия студентов из разных стран и регионов [6, с. 535]. Эти мероприятия позволяют студентам выйти за рамки учебной аудитории и познакомиться с культурными особенностями друг друга в непринужденной обстановке. Участие в совместных проектах и мероприятиях способствует разрушению стереотипов и предрассудков, формированию эмпатии и уважения к культурному разнообразию.

Особую роль в формировании межкультурной компетентности играют студенческие объединения, представляющие собой самоорганизованные группы студентов, объединенных общими интересами, целями и ценностями. Студенческие объединения, ориентированные на межкультурный обмен и сотрудничество, такие как международные клубы, ассоциации иностранных студентов и организации, занимающиеся организацией культурных мероприятий, создают благоприятную среду для развития межкультурных навыков и компетенций [2, с. 51].

Деятельность студенческих объединений позволяет студентам не только узнать больше о других культурах, но и развить навыки коммуникации, лидерства, работы в команде и решения проблем в межкультурном контексте. Участие в организации и проведении мероприятий, направленных на популяризацию культурного многообразия, таких как фестивали национальных культур, выставки, концерты и конференции, способствует формированию у студентов чувства ответственности за продвижение межкультурного диалога и взаимопонимания.

Кроме того, студенческие объединения играют важную роль в адаптации иностранных студентов к новой социокультурной среде. Они предоставляют иностранным студентам возможность получить поддержку и помощь в решении различных вопросов, связанных с проживанием, учебой и культурной адаптацией [8, с. 210]. Студенческие объединения также способствуют установлению дружеских связей между российскими и иностранными студентами, создавая атмосферу гостеприимства и взаимопомощи.

Эффективность внеучебной деятельности и студенческих объединений в формировании межкультурной компетентности зависит от ряда факторов, включая активную поддержку со стороны руководства вуза, наличие квалифицированных кураторов и координаторов, разнообразие предлагаемых мероприятий и проектов, а также активное участие самих студентов. Важно, чтобы вузы создавали благоприятные условия для развития и функционирования студенческих объединений, предоставляя им необходимую организационную, финансовую и информационную поддержку.

Внеучебная деятельность и студенческие объединения играют ключевую роль в формировании межкультурной компетентности студентов. Они создают уникальные возможности для неформального общения, обмена опытом и развития навыков, необходимых для успешного взаимодействия в мультикультурном мире [1, с. 80]. Поддержка и развитие внеучебной деятельности и студенческих объединений является важным условием для обеспечения качественного высшего образования и подготовки конкурентоспособных выпускников, готовых к вызовам глобальной экономики и общества. Необходимо постоянное совершенствование форм и методов работы внеучебных структур, чтобы максимально эффективно использовать их потенциал в формировании межкультурной компетентности будущих специалистов.

3. Оценка эффективности механизмов обеспечения качества: критерии и методы мониторинга

В условиях глобализации и интернационализации высшего образования, создание и поддержание эффективной межкультурной среды становится стратегическим приоритетом для многих университетов. Однако, успешная интеграция иностранных студентов и развитие межкультурной компетентности у всех обучающихся требуют не только создания соответствующих условий, но и разработки эффективных механизмов обеспечения качества образовательного процесса, а также методов мониторинга их результативности [5, с. 169].

Первоочередным аспектом оценки эффективности является определение критериев. Эти критерии должны отражать как общие параметры качества образования, так и специфические характеристики, связанные с межкультурным взаимодействием. Среди общих критериев можно выделить: академическую успеваемость студентов (включая динамику успеваемости иностранных студентов), уровень удовлетворенности студентов образовательным процессом, процент трудоустройства выпускников по специальности, качество научных исследований (включая международные публикации и сотрудничество), а также показатели аккредитации образовательных программ.

Однако, для оценки эффективности

механизмов обеспечения качества при создании межкультурной среды необходимо учитывать и специфические критерии. К ним относятся: уровень развития межкультурной компетентности студентов (измеряемый с помощью специальных тестов и оценок), степень интеграции иностранных студентов в учебную и внеучебную жизнь университета, количество межкультурных проектов и мероприятий, организованных студентами и преподавателями, уровень владения иностранными языками (как русским для иностранных студентов, так и иностранными для российских студентов), а также степень удовлетворенности иностранных студентов условиями проживания и обучения в университете.

Для мониторинга эффективности механизмов обеспечения качества необходимо использовать комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы. К количественным методам относятся: статистический анализ успеваемости и трудоустройства студентов, анализ данных опросов и анкетирований студентов, а также оценка публикационной активности преподавателей и научного сотрудничества с зарубежными университетами.

Качественные методы включают в себя: проведение глубинных интервью со студентами, преподавателями и администрацией университета, анализ кейс-стади об успешных и неуспешных практиках интеграции иностранных студентов, участие в фокус-группах с представителями разных культур, а также экспертную оценку межкультурной компетентности студентов и преподавателей.

Особое внимание следует уделить мониторингу эффективности программ адаптации иностранных студентов. Необходимо анализировать, насколько успешно эти программы помогают студентам адаптироваться к новой образовательной среде, преодолевать языковые и культурные барьеры, устанавливать дружеские связи с российскими студентами и чувствовать себя комфортно в университете.

Важным инструментом мониторинга является также обратная связь от иностранных студентов. Регулярные опросы и встречи с представителями администрации университета позволяют оперативно выявлять проблемы и недостатки в организации учебного процесса и вносить необходимые коррективы [3, с. 125].

Для обеспечения объективности оценки эффективности механизмов обеспечения качества необходимо привлекать независимых экспертов, имеющих опыт работы в сфере международного образования и обладающих знаниями в области межкультурной коммуникации.

Так, оценка эффективности механизмов обеспечения качества образовательного процесса в вузе при создании межкультурной среды является сложной и многогранной задачей, требующей использования комплексного подхода, сочетающего количественные и качественные методы. Разработка четких критериев, позволяющих оценить как общие, так и специфические аспекты качества образования, а также систематический мониторинг и анализ полученных данных, являются необходимыми условиями для обеспечения устойчивого развития и конкурентоспособности университета в условиях глобализации высшего образования. Необходимо постоянно совершенствовать методы оценки и мониторинга, чтобы они соответствовали изменяющимся потребностям и вызовам современной образовательной среды.

Выводы

Проведенное исследование позволило углубить понимание механизмов, лежащих в основе обеспечения качества образовательного процесса в российских вузах, активно развивающих межкультурную среду взаимодействия между российскими и иностранными студентами. Анализ существующих практик и теоретических подходов выявил ключевые направления, требующие особого внимания со стороны руководства и профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений.

В частности, исследование подтвердило значимость адаптации образовательных программ и методик преподавания к потребностям межкультурной аудитории. Это предполагает не только учет языковых и культурных особенностей иностранных студентов, но и интеграцию в учебный процесс элементов, способствующих формированию у всех обучающихся уважения к культурному многообразию и навыков межкультурной коммуникации. Разработка гибких и адаптивных образовательных траекторий, учитывающих индивидуальные потребности и образовательный бэкграунд иностранных студентов, является важным фактором повышения их успеваемости и удовлетворенности образовательным процессом.

Не менее важной составляющей эффективной системы обеспечения качества образования в условиях межкультурного взаимодействия является внеучебная деятельность и роль студенческих объединений. Создание условий для активного участия иностранных студентов в культурных, спортивных и иных внеучебных мероприятиях способствует их более быстрой и успешной адаптации к новой социокультурной среде, а также формированию

чувства принадлежности к вузовскому сообществу. Студенческие объединения, представляющие как российских, так и иностранных студентов, выступают важным инструментом межкультурного обмена и взаимопонимания, способствуя преодолению стереотипов и формированию позитивного отношения к культурному многообразию.

В рамках исследования были предложены критерии и методы мониторинга эффективности механизмов обеспечения качества образовательного процесса в условиях развития межкультурной среды. Необходимость регулярной и всесторонней оценки эффективности применяемых мер позволяет своевременно выявлять проблемные зоны и вносить необходимые коррективы в образовательную стратегию вуза. Важным аспектом мониторинга является анализ отзывов и предложений как российских, так и иностранных студентов, а также учет мнения профессорско-преподавательского состава, работающего с межкультурной аудиторией.

Таким образом, исследование выявило взаимосвязь и взаимозависимость рассмотренных механизмов обеспечения качества образовательного процесса. Эффективное функционирование системы обеспечения качества образования в условиях межкультурного взаимодействия требует комплексного подхода, сочетающего адаптацию образовательных программ и методик преподавания, развитие внеучебной деятельности и студенческих объединений, а также регулярную оценку эффективности применяемых мер. Практическая реализация предложенных рекомендаций позволит российским вузам не только повысить качество образования, но и создать благоприятную межкультурную среду, способствующую формированию у выпускников компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности в условиях глобального мира.

Список литературы:

[1] Иоголевич Н. И. Формирование универсальных компетенций «межкультурное взаимодействие» в профессиональной подготовке студентов вуза // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2020. Т. 30. № 1. С. 76-81.

[2] Колечкин И.С., Середа Е.В. Персональная технологическая карта обучающихся // География в школе. 2013. № 9. С. 48-51.

[3] Лазарева А. С. Иноязычные потребности взрослых обучающихся иностранным языкам в плюрилингвальной корпоративной среде / А. С. Лазарева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 12-3. – С. 125-128.

[4] Лазарева А. С. Методика плюрилингвального обучения взрослых иностранным языкам: инвариантное и вариативное обучение / А. С. Лазарева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 5. – С. 53-70.

[5] Селькова А. В., Лаврентьева З. И. Организация профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов в воспитательном пространстве вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики, 2022 г. С. 168-175.

[6] Султанова И. В. Роль и значение дистанционных технологий при обучении английского языка в условиях образовательного пространства вуза / И. В. Султанова // Педагогический журнал. – 2021. – Т. 11, № 6-1. – С. 533-538.

[7] Султанова И. В. Формирование иноязычной социокультурной компетенции студентов технических специальностей в процессе проектной деятельности / И. В. Султанова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 4-3(118). – С. 120-123.

[8] Фокина М. С. Семантические принципы номинирования англоязычных лингвистических игр / М. С. Фокина // Когнитивные исследования языка. – 2024. - № 5. – С. 206-211.

[9] Хайбулаев М.Х., Абдурахманова П. Д., Идрисова П.Г. Анализ подходов определения межкультурной компетентности // Мир науки, культуры, образования, 2018. № 4 (71). С. 537-539.

[10] Шкитина Н.С., Гнатышина Е.В., Касаткина Н.С., Немудрая Е.Ю., Циулина М.В. Педагогические модели формирования эмпатийно-коммуникативной компетентности студентов // Перспективы науки и образования, 2019. № 3(39). С. 101-118.

References:

[1] Iogolevitch N. I. Formation of universal competencies “intercultural interaction” in the professional training of university students // Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy. Psychology. Pedagogy”. 2020. Vol. 30. No. 1. Pp. 76-81.

[2] Kolechkin I. S., Sereda E. V. Personal technological map of students // Geography at school. 2013. No. 9. Pp. 48-51.

[3] Lazareva A. S. Foreign language needs of adult learners of foreign languages in a plurilingual corporate environment / A. S. Lazareva // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. - 2024. - No. 12-3. - Pp. 125-128.

[4] Lazareva A. S. Methodology of Plurilingual Teaching Foreign Languages to Adults: Invariant and Variable Learning / A. S. Lazareva // Scientific and Methodological Electronic Journal “Concept”. - 2025. - No. 5. - Pp. 53-70.

[5] Selkova A. V., Lavrentyeva Z. I. Organization of Professional Intercultural Interaction of Russian and Foreign Students in the Educational Space of a University // Pedagogy. Theoretical and Practical Issues, 2022. Pp. 168-175.

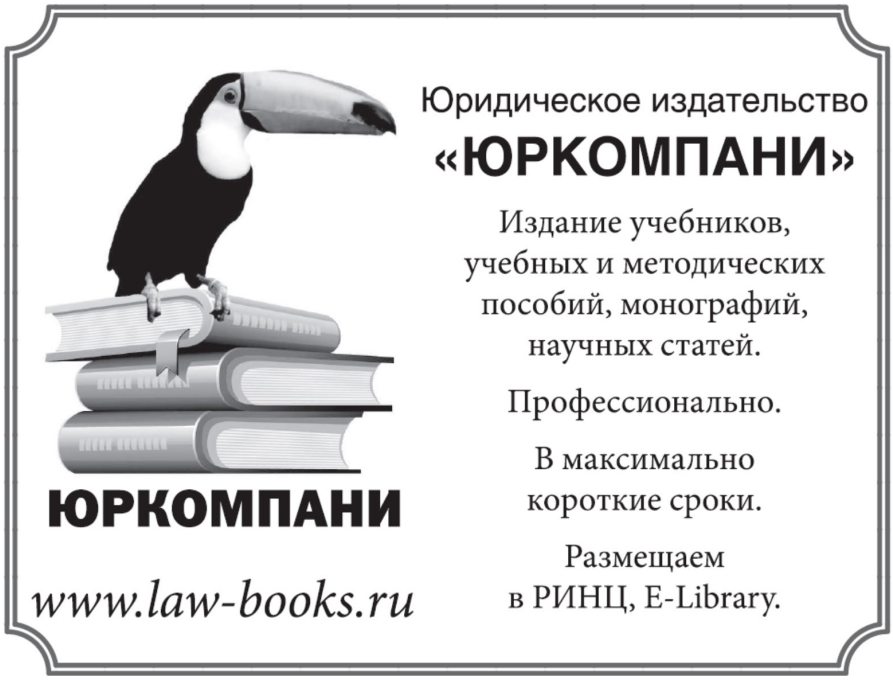
[6] Sultanova I. V. The Role and Importance of Distance Learning Technologies in Teaching English in the Educational Space of a University / I. V. Sultanova // Pedagogical Journal. - 2021. - Vol. 11, No. 6-1. - Pp. 533-538.

[7] Sultanova I. V. Formation of foreign language socio-cultural competence of students of technical specialties in the process of project activities / I. V. Sultanova // International research journal. - 2022. - No. 4-3 (118). - P. 120-123.

[8] Fokina M. S. Semantic principles of nomination of English-language linguistic games / M. S. Fokina // Cognitive studies of language. - 2024. - No. 5. - P. 206-211.

[9] Khaibulaev M.Kh., Abdurakhmanova P. D., Idrisova P.G. Analysis of approaches to defining intercultural competence // World of science, culture, education, 2018. No. 4 (71). P. 537-539.

[10] Shkitina N.S., Gnatyshina E.V., Kasatkina N.S., Nemudraya E.Yu., Tsiulina M.V. Pedagogical models of formation of empathy-communicative competence of students // Prospects of Science and Education, 2019. No. 3(39). P. 101-118.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-633-637

КЛИШКОВА Наталия Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой физики, Военная академия связи им. С. М. Будённого, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: n.v.kpn@ya.ru

МАКСИМОВА Марина Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики, Военная академия связи им. С. М. Будённого, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: marin-vikt@yandex.ru

БАРЕЕВА Роза Сибагатовна,

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры медицинской биофизики и физики, Санкт Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Rosabareeva2014@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ К ОЛИМПИАДАМ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИКА»

Аннотация. *Рассматриваются педагогические условия подготовки курсантов к предметным олимпиадам по физике. Цель исследования состоит в обосновании подходов и организационно-педагогических решений, повышающих результативность участия курсантов в олимпиадном движении. В работе использованы анализ научно-педагогической литературы, нормативных документов, обобщение опыта преподавания физики в военном вузе, а также методы педагогического наблюдения. Показано, что эффективная подготовка к олимпиаде строится на сочетании личностно-ориентированного, системного и культурологического подходов. Установлено, что олимпиада выступает не только средством проверки знаний, но и формой развития познавательной мотивации, исследовательских умений, навыков саморегуляции и готовности к интеллектуальной деятельности в условиях дефицита времени. Обоснована необходимость психолого-педагогического сопровождения курсантов, включающего диагностику, консультирование и развитие устойчивости к стрессу. Сделан вывод о том, что результативность участия в олимпиаде определяется не отдельными тренировочными занятиями, а целостной системой подготовки, учитывающей уровень предметной готовности, индивидуальные особенности и специфику образовательной среды военного вуза.*

Ключевые слова: *физика, олимпиада, олимпиадное движение, курсанты, подготовка к олимпиаде, личностно-ориентированный подход, системный подход, культурологический подход, психолого-педагогическое сопровождение.*

KLISHKOVA Nataliya Vladimirovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Physics Military Academy of Communications named after S. M. Budyonny, Saint Petersburg, Russia

MAXIMOVA Marina Viktorovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Physics, S. M. Budyonny Military Academy of Communications, St. Petersburg, Russia

BAREEVA Rosa Sibagatovna,

Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Medical Biophysics and Physics, Saint Petersburg State Pediatric Medical University, Saint Petersburg, Russia

FEATURES OF CADETS' PREPARATION FOR OLYMPIADS IN PHYSICS

Annotation. *The article examines pedagogical conditions for preparing cadets for subject Olympiads in Physics. The aim of the study is to substantiate approaches and organizational solutions that improve the effectiveness of cadets' participation in Olympiad activities. The study is based on the analysis of pedagogical literature and regulatory documents, the generalization of teaching experience in a military higher educational institution, and pedagogical observation. It is shown that effective Olympiad preparation relies on the combination of learner-centered, systemic and culturological approaches. The Olympiad is considered not only as a means of assessing knowledge, but also as a form of developing cognitive motivation, research skills, self-regulation, and readiness for intellectual work under time pressure. The necessity of psychological and pedagogical support, including diagnostics, counselling and the development of stress resistance, is substantiated. It is concluded that success in Olympiads depends not on isolated training sessions but on an integral preparation system that takes into account the level of subject competence, individual characteristics and the specific educational environment of a military university.*

Key words: *Physics, Olympiad, Olympiad movement, cadets, Olympiad preparation, learner-centered approach, systemic approach, culturological approach, psychological and pedagogical support.*

Введение

Подготовка обучающихся, способных к самостоятельному решению сложных интеллектуальных задач, относится к числу приоритетных направлений современного высшего образования. В этой связи особую значимость приобретает олимпиадное движение, позволяющее выявлять академически сильных обучающихся, поддерживать их предметный интерес и создавать условия для развития исследовательского мышления. Для военного вуза данная задача имеет дополнительное значение, поскольку подготовка курсанта предполагает не только усвоение учебного материала, но и формирование качеств, необходимых для профессиональной деятельности: организованности, устойчивости к нагрузкам, ответственности за принимаемые решения, способности действовать в ограниченное время.

Нормативную основу такой работы составляют Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2006 № 325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи» и Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающие проведение олимпиад и иных интеллектуальных конкурсов как механизмов выявления и развития способностей обучающихся. Олимпиада по физике в вузе выполняет несколько функций одновременно. Она углубляет предметную подготовку, усиливает учебную мотивацию, вовлекает курсантов в исследовательский поиск и позволяет преподавателю увидеть не только уровень усвоения теоретического материала, но и степень сформированности интеллектуальной самостоятельности. В отличие от традиционных форм контроля олимпиада ориентирована не на воспроизведение готовых алгоритмов, а на решение нестандартных задач, требующих гибкости мышления, внутренней дисциплины и умения быстро перестраивать ход рассуждений.

Цель исследования — обосновать педагогические подходы и условия, обеспечивающие эффективную подготовку курсантов к олимпиадам по дисциплине «Физика».

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составили анализ психолого-педагогической литературы по проблемам олимпиадной подготовки, изучение нормативных документов, регламентирующих поддержку одарённых обучающихся, а также обобщение опыта преподавания физики в военном вузе. В качестве методов использовались теоретический анализ, педагогическое наблюдение, сопоставление научных подходов и интерпретация практики подготовки курсантов к предметным соревнованиям.

В современной дидактике предметная олимпиада рассматривается как эффективная внеаудиторная форма работы, направленная на включение обучающихся в интеллектуально-творческую деятельность. Её значение выходит за пределы конкурсного испытания. Олимпиада позволяет выявить уровень готовности к работе с усложнённым материалом, определить интеллектуальные ресурсы курсанта и оценить его способность действовать в условиях повышенной познавательной нагрузки.

Подготовка к олимпиаде требует опоры на принципы вариативности, природосообразности и дифференциации. Принцип вариативности предполагает использование разных типов задач,

форм работы и способов учебного взаимодействия, что создаёт условия для развития многомерного мышления. Принцип природосообразности ориентирует преподавателя на учёт возрастных, психологических и когнитивных особенностей курсантов, влияющих на восприятие и переработку сложной информации. Принцип дифференциации позволяет соотнести содержание и темп подготовки с фактическим уровнем предметной подготовленности обучающихся.

Результаты и обсуждение

Подготовка курсантов к олимпиаде по физике должна строиться как целостная педагогическая система. Её методологическую основу образуют личностно-ориентированный, системный и культурологический подходы.

Личностно-ориентированный подход предполагает внимание к индивидуальной образовательной траектории курсанта. В этом случае знания по физике рассматриваются не как сумма сведений, подлежащих воспроизведению, а как инструмент решения учебных и профессионально значимых задач. Подготовка к олимпиаде должна развивать способность переносить усвоенные способы действия в новые условия, применять межпредметные связи, самостоятельно выбирать стратегию решения и критически оценивать её результат. Такая работа усиливает внутреннюю мотивацию, поскольку курсант начинает воспринимать олимпиаду не как внешнее испытание, а как форму интеллектуального самоутверждения и профессионального роста.

Системный подход требует учитывать взаимосвязь всех компонентов подготовки: содержания учебного материала, методов работы, форм организации занятий, уровня сложности задач, индивидуальных особенностей участников и характера обратной связи. Результат в олимпиадной деятельности достигается не за счёт отдельного фактора, а благодаря согласованности всех элементов подготовки. Преподавателю необходимо выстраивать занятия так, чтобы они последовательно развивали умение анализировать условие задачи, выделять физическую сущность явления, выбирать модель решения, проверять корректность полученного результата и представлять решение в логически завершённой форме.

Особое значение имеет подбор олимпиадных заданий. От качества задач зависит не только соревновательный результат, но и образовательный эффект подготовки. Задания должны выявлять глубину понимания физических закономерностей, стимулировать поиск нескольких способов решения, требовать аргументации и точности рассуждений. При этом чрезмерное усложнение без учёта реального уровня подготовки может привести к утрате мотивации. Следовательно, система заданий должна включать как упражнения на отработку базовых приёмов решения, так и задачи повышенной сложности, ориентированные на развитие интеллектуальной инициативы.

Культурологический подход позволяет рассматривать олимпиадное движение как часть образовательной культуры. В этом контексте физика осваивается не только как учебная дисциплина, но и как особый способ понимания мира, связанный с научным стилем мышления, ценностью доказательности, уважением к интеллектуальному труду и традициям академического сообщества. Участие в олимпиаде приобщает курсанта к культуре научного поиска, где значимы не только правильный ответ, но и путь к нему, умение мыслить строго, последовательно и ответственно. Именно поэтому олимпиадная подготовка способствует развитию не только предметных компетенций, но и общей культуры мышления.

Для военного вуза существенна и воспитательная составляющая олимпиадной деятельности. Работа в команде, совместное обсуждение задач, сопоставление вариантов решения, принятие критики и самоконтроль в условиях напряжения формируют качества, имеющие прямое отношение к будущей профессиональной деятельности. Олимпиада становится пространством, где соединяются интеллектуальное усилие, дисциплина, волевая мобилизация и ответственность за общий результат.

Существенным условием успешной подготовки выступает психолого-педагогическое сопровождение курсантов. Практика показывает, что высокий уровень предметных знаний сам по себе не гарантирует успешного выступления. Для участия в олимпиаде важны высокая и устойчивая работоспособность, концентрация внимания, способность к саморегуляции, стрессоустойчивость, развитый внутренний план действий, гибкость и нестандартность мышления. В этом смысле олимпиадная подготовка одновременно выполняет диагностическую функцию, позволяя выявить сильные стороны курсанта и те затруднения, которые препятствуют полной реализации его возможностей.

Психолого-педагогическое сопровождение должно включать мониторинг индивидуальных особенностей курсантов, консультативную работу, помощь в преодолении тревожности, развитие навыков саморегуляции и формирование адекватной учебной самооценки. Важна также работа с преподавателями, поскольку

именно они определяют характер учебной поддержки, меру сложности заданий и способы стимулирования познавательной активности. При целенаправленной организации такая поддержка способствует сохранению психологического здоровья обучающихся и создаёт условия для устойчивого продвижения в олимпиадной подготовке.

Следует подчеркнуть, что олимпиада по физике представляет ценность не только как форма отбора наиболее сильных участников. Для преподавателя она является средством анализа качества усвоения материала и эффективности применяемых дидактических решений. Для курсанта — возможностью выйти за рамки стандартной учебной ситуации, проверить способность работать с незнакомой задачей, проявить интеллектуальную самостоятельность и волевые качества. Тем самым олимпиадное движение выполняет одновременно образовательную, развивающую, диагностическую и воспитательную функции.

Заключение

Олимпиада по физике в системе подготовки курсантов представляет собой значимую форму интеллектуального и профессионального развития. Её специфика состоит в том, что она требует не только прочных предметных знаний, но и развитых навыков анализа, саморегуляции, быстрой ориентации в нестандартной ситуации и готовности к напряжённой умственной работе.

Результативная подготовка к олимпиадам возможна при условии, что она носит системный характер и строится на сочетании личностно-ориентированного, системного и культурологического подходов. Такая подготовка должна включать дифференцированный подбор заданий, последовательное усложнение учебного материала, развитие исследовательского мышления, а также психолого-педагогическое сопровождение, направленное на укрепление уверенности, снижение тревожности и формирование устойчивости к интеллектуальным нагрузкам.

Следовательно, успех участия курсантов в олимпиаде определяется не единичными тренировками, а продуманной организацией всей системы работы. Именно такая система позволяет повысить качество предметной подготовки, раскрыть интеллектуальный потенциал курсантов и сформировать качества, значимые для их дальнейшего профессионального становления.

Список литературы:

[1] Абдусамедов Г. А. Олимпиадное движение школьников в России: достижения и проблемы (конец XX — начало XXI вв.) // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 5 (35). С. 55–57.

[2] Агаханов Н. Х., Марчукова О. Г., Подлипский О. К. О современных тенденциях в подготовке школьников к математическим олимпиадам // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 266–284.

[3] Банзаракцаева Е. В. Из опыта подготовки и проведения олимпиады по истории Отечества в вузе культуры // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022. № 2 (22). С. 151–156.

[4] Бузыкина О. В. Ученик, учитель, олимпиада: траектория эффективной успешности олимпиадного движения в Республике Мордовия // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2019. № 1 (17). С. 12–16.

[5] Галкина Е. А. Предметные олимпиады: как подготовить учащихся? // Народное образование. 2011. № 5. С. 195–200.

[6] Гулов А. П. Методические и нормативно-правовые основы подготовки к Всероссийской олимпиаде школьников по английскому языку: учебно-методическое пособие. Обнинск: Титул, 2023. 108 с.

[7] Евдокимова В. Е., Перфильева А. В. Применение оборудования технопарка универсальных педагогических компетенций при работе с учащимися школ в системе дополнительного образования // Научное обозрение. Педагогические науки. 2022. № 5. С. 25–29.

[8] Шедько В. В. Методические аспекты подготовки школьников к олимпиадам по программированию на современном этапе // Современное образование Витебщины. 2022. № 3 (37). С. 28–30.

[9] Зайцева С. А., Смирнов В. А. Олимпиадное движение как средство профессиональной самоактуализации студентов // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Педагогические и психологические науки. 2021. № 47 (66). С. 84–96.

[10] Лобанова Е. С., Гангнус Н. А. Формирование тьюторской позиции педагогов дополнительного образования при подготовке обучающихся к Всероссийской олимпиаде школьников // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1. Психологические и педагогические науки. 2018. Вып. 2. С. 161–171.

[11] Лебедев О. Е. Дидактика как теория трансформационных процессов в образовательной системе // Педагогика. 2022. № 1. С. 21–30.

[12] Максимчик О. А. Воспитательный потенциал Всероссийской олимпиады

школьников по английскому языку // Поволжский педагогический вестник. 2022. Т. 10. № 1 (34). С. 85–94.

References:

[1] Abdussamedov G. A. The Olympiad Movement of Schoolchildren in Russia: Achievements and Problems (Late 20th - Early 21st Centuries) // Science and Business: Development Paths. 2014. No. 5 (35). Pp. 55–57.

[2] Agakhanov N. Kh., Marchukova O. G., Podlipsky O. K. On Modern Trends in Preparing Schoolchildren for Mathematical Olympiads // Education Issues. 2021. No. 4. Pp. 266–284.

[3] Banzaraktsayeva E. V. From the Experience of Preparing and Holding the Olympiad on the History of the Fatherland at a Cultural University // Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture. 2022. No. 2 (22). Pp. 151–156.

[4] Buzykina O. V. Student, Teacher, Olympiad: The Trajectory of Effective Success of the Olympiad Movement in the Republic of Mordovia // Bulletin of the Saratov Regional Institute for Education Development. 2019. No. 1 (17). pp. 12–16.

[5] Galkina E. A. Subject Olympiads: How to Prepare Students? // Public Education. 2011. No. 5. pp. 195–200.

[6] Gulov A. P. Methodological and Regulatory Framework for Preparation for the All-Russian School Olympiad in English: A Teaching Aid. Obninsk: Titul, 2023. 108 p.

[7] Evdokimova V. E., Perfil'eva A. V. Use of equipment from the universal pedagogical competencies technology park when working with school students in the supplementary education system // Scientific Review. Pedagogical Sciences. 2022. No. 5. pp. 25–29.

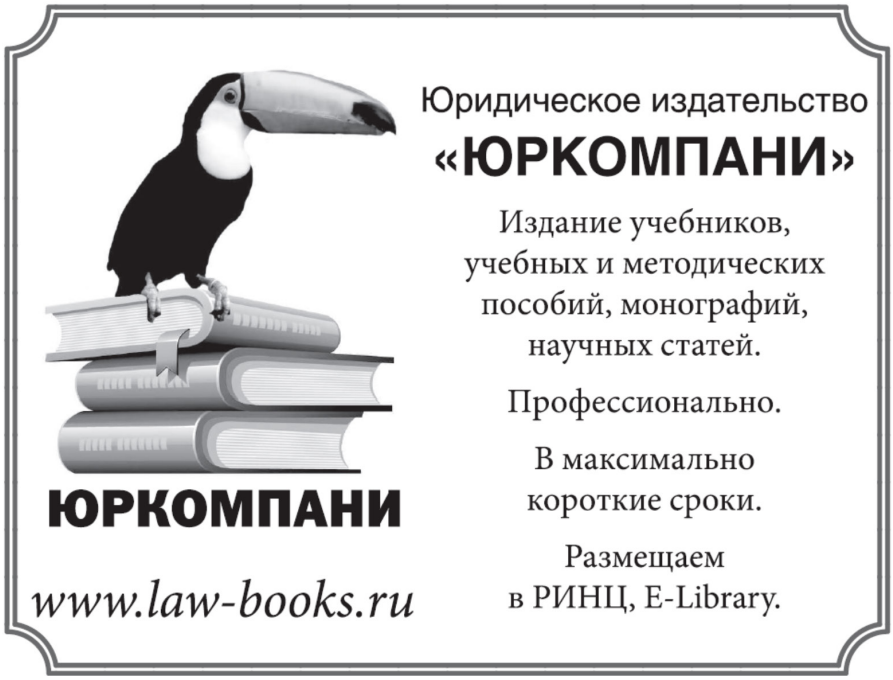
[8] Shedko V. V. Methodological aspects of preparing schoolchildren for programming olympiads at the present stage // Modern education of the Vitebsk region. 2022. No. 3 (37). pp. 28–30.

[9] Zaitseva S. A., Smirnov V. A. The Olympiad movement as a means of professional self-actualization of students // Bulletin of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. Pedagogical and psychological sciences. 2021. No. 47 (66). pp. 84–96.

[10] Lobanova E. S., Gangnus N. A. Formation of the Tutoring Position of Supplementary Education Teachers in Preparing Students for the All-Russian School Olympiad // Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series 1. Psychological and Pedagogical Sciences. 2018. Issue 2. Pp. 161–171.

[11] Lebedev O. E. Didactics as a Theory of Transformational Processes in the Educational System // Pedagogy. 2022. No. 1. Pp. 21–30.

[12] Maksimchik O. A. Educational Potential of the All-Russian School Olympiad in English // Volga Region Pedagogical Bulletin. 2022. Vol. 10. No. 1 (34). Pp. 85–94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-638-641

ИМАНГУЛОВ Раис Шамильевич,

доцент кафедры «Физического воспитания» УВО Университет управления «ТИСБИ» (Казань) ФГБОУ ВО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»,

e-mail: imangulovrais@gmail.com

ГАРИФУЛЛИНА Анастасия Олеговна,

старший преподаватель кафедры «Физического воспитания» ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»,

e-mail: k.a.o.02@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема снижения интереса у студентов высших учебных заведений к дисциплине «Физическая культура». На основе анализа педагогической литературы и практического опыта авторов предлагаются методы повышения мотивации через внедрение здоровьесберегающих и фиджитал - технологий. Представлены результаты исследования, доказывающие, что интеграция инновационных педагогических подходов способствует не только улучшению физических показателей, но и формированию устойчивой потребности в здоровом образе жизни.*

Ключевые слова: *физическая культура, педагогика, мотивация студентов, здоровьесберегающие технологии, фиджитал-спорт, учебный процесс.*

IMANGULOV Rais Shamilievich,

Associate Professor of the Department of "Physical Education" UVO University of Management "TISBI" (Kazan) FSBEI HE "Kazan State University of Architecture and Civil Engineering"

GARIFULLINA Anastasia Olegovna,

Senior Lecturer, Department of Physical Education, FSBEI HE Kazan State Energy University

PEDAGOGICAL ASPECTS OF INCREASING STUDENT MOTIVATION IN PHYSICAL EDUCATION USING MODERN APPROACHES

Annotation. *The article examines the problem of declining interest among higher education students in the discipline of "Physical Education". Based on the analysis of pedagogical literature and practical experience of the authors, methods for increasing motivation through the introduction of health-saving and phygital technologies are proposed. The results of the study are presented, proving that the integration of innovative pedagogical approaches contributes not only to the improvement of physical indicators, but also to the formation of a sustainable need for a healthy lifestyle.*

Key words: *physical education, pedagogy, student motivation, health- saving technologies, phygital sports, educational process.*

Современная система высшего образования ставит перед кафедрами физического воспитания непростую задачу: не просто формально выполнить учебную программу, а реально вовлечь студенческую молодежь в систематические занятия спортом. Как показывает практика, интерес студентов к классическим урокам физкультуры неуклонно снижается, что противоречит требованиям к профессиональной подготовке будущих специалистов.

Педагогика физической культуры сегодня находится на стыке традиционных методик и инновационных технологий. Возникает противоречие между необходимостью формировать физическую культуру личности и отсутствием у современного студента (поколения «цифры») мотивации к традиционным нагрузкам.

Это требует пересмотра педагогических подходов к организации занятий.

В своих исследованиях Гарифуллина А.О. справедливо отмечает, что «в настоящее время, студенческая физическая активность резко падает, студенты все чаще ведут малоподвижный образ жизни. Эта негативная тенденция ускоряется с появлением современной компьютерной техники» [5, с. 4]. Данное утверждение подтверждает актуальность нашего исследования и необходимость поиска эффективных педагогических решений.

Цель исследования: теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность педагогических условий повышения мотивации студентов к занятиям физической культурой.

Задачи исследования:

Провести анализ научно-методической литературы по проблеме мотивации в физическом воспитании.

Выявить основные факторы снижения интереса у студентов к дисциплине.

Разработать и апробировать программу занятий с элементами здоровьесберегающих и цифровых технологий.

Оценить динамику мотивационных показателей в экспериментальной группе.

Исследование проводилось на базе Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ) в период с сентября по декабрь 2025 года (осенний семестр). В эксперименте приняли участие 40 студентов (2 группы по 20 человек: контрольная и экспериментальная). Все участники — студенты 2-го курса, обучающиеся по направлению «Электроэнергетика и электротехника».

Для реализации цели мы использовали педагогический подход, опирающийся на труды Васенкова Н.В. и Галиуллиной Д.Т. Васенков Н.В. в своих работах акцентирует внимание на средствах здоровьесберегающего физического воспитания, подчеркивая: «Новый вид нагрузок для повышения выносливости, в процессе которого укрепляется сердечная мышца, улучшается кровообращение и функция дыхания» [1, с. 712]. Мы адаптировали этот принцип, добавив в разминку функциональные упражнения на выносливость.

Вдохновляясь идеями Галиуллиной Д.Т. о влиянии фиджитал-игр, мы внедрили в экспериментальной группе соревновательный элемент с использованием мобильных приложений и датчиков движения [3].

Важным теоретическим основанием для нас послужили также исследования Гарифуллиной А.О, в которых доказывается, что «систематические физические нагрузки улучшают интеллектуальную деятельность» [5, с. 3]. Это позволило нам обосновать включение в программу не только физических, но и когнитивных элементов, направленных на развитие внимания и быстроты реакции.

Методы исследования:

Педагогический эксперимент;

Анкетирование (опросник мотивации спортивной деятельности);

Педагогическое наблюдение;

Методы математической статистики.

Организация педагогического эксперимента на базе КГЭУ (сентябрь-

Этап	Контрольная группа (n=20)	Экспериментальная группа (n=20)
Входной контроль (сентябрь)	Анкетирование + сдача нормативов	Анкетирование + сдача нормативов
Программа занятий	Традиционная (ОФП, игровые виды)	Модифицированная (здоровье-сбережение + фиджитал)
Выходной контроль (декабрь)	Повторное анкетирование + нормативы	Повторное анкетирование+ нормативы
Анализ результатов	Сравнение динамики показателей (t-критерий Студента)	Сравнение динамики показателей (t-критерий Стьюдента)

В ходе констатирующего этапа эксперимента было выявлено, что у 65% студентов доминирует внешняя мотивация (получение зачета, избегание задолженностей). Низкий интерес к занятиям показали 40% респондентов.

После внедрения разработанной методики результаты изменились. В экспериментальной группе, где занятия включали фиджитал-элементы и принципы здоровье-сбережения по Васенкову Н.В., посещаемость выросла на 25%. Студенты отмечали, что им стало интереснее отслеживать свой прогресс через приложения.

Анализируя роль физической культуры в становлении личности, Абзалова С.В. в своей работе справедливо указывает: «Спорт является одним из главных социальных факторов, способствующих формированию здоровой личности» [2, с. 12]. Наши данные подтверждают этот тезис: у студентов экспериментальной группы улучшились не только физические показатели (сила, выносливость), но и повысилась самооценка, снизился уровень тревожности.

Что касается взглядов Хайруллина И.Т., его подход к физической культуре через призму здоровья при сердечно-сосудистых рисках оказался валиден и для общей группы. Мы использовали его рекомендации по нормализации режима дня и дозированию нагрузки, что позволило снизить количество жалоб на переутомление среди студентов с 15% до 5% [4, с. 186].

Особо следует отметить, что результаты нашего эксперимента коррелируют с данными, полученными Гарифуллиной А.О. В ее работе установлено, что «успеваемость студентов, дополнительно имеющих физическую нагрузку, значимо возросла, по сравнению с успеваемостью студентов, которые занимались по традиционной программе» [5, с. 2]. В нашем исследовании аналогично было зафиксировано повышение среднего балла успеваемости по общеобразовательным дисциплинам у студентов экспериментальной группы на 12% по сравнению с контрольной.

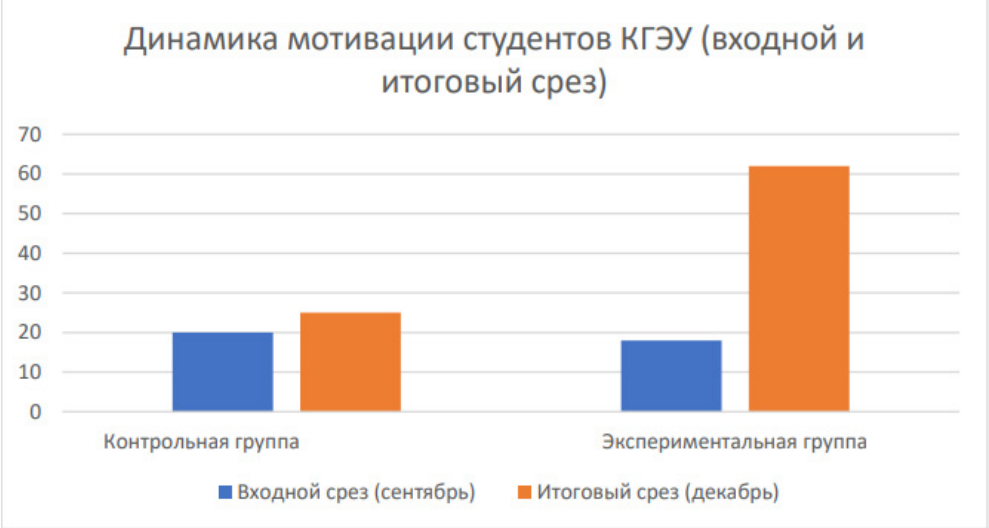

Рис. 1 - Динамика мотивации студентов (входной и итоговый срез)

Проведенное исследование показало, что использование современных педагогических подходов в физическом воспитании (интеграция здоровьесберегающих технологий Васенкова Н.В., социально-личностных методик Абзаловой С.В., инновационных фиджитал-решений Галиуллиной Д.Т., валеологических рекомендаций Хайруллина И.Т., а также когнитивно- физических методов, обоснованных в работах Гарифуллиной А.) позволяет качественно изменить отношение студентов к предмету.

Рекомендуется внедрять в учебный процесс вузов цифровые трекеры активности и фиджитал-турниры, что отвечает запросам современной молодежи и повышает эффективность педагогического воздействия. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку дифференцированных программ физического воспитания с учеом индивидуальных психофизиологических особенностей студентов.

Список литературы:

[1] Васенков Н.В. Средства здоровьесберегающего физического воспитания студентов / Н.В. Васенков, Е.В. Фазлеева, А.С. Шалавина // Наука и образование: новое время. – 2019. – № 1 (30). – С. 710-715.

[2] Абзалова С.В. Роль физической культуры и спорта в жизни студента вуза / И.Ф. Ибрагимов, С.В. Абзалова, А.И. Муртазина, А.Г. Коржева // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 4 (85). – С. 10-13.

[3] Галиуллина Д.Т. Влияние фиджитал-игр на развитие и популяризацию спорта / Д.Т. Галиуллина, Д.Р. Айметдинов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – Т. 4- 1 (91). – С. 20-22.

[4] Хайруллин И.Т. Физическая культура и здоровый образ жизни при сердечно-сосудистых заболеваниях / А.Г. Хайруллин, Р.Г. Хуснутдинова, М.С. Ваганов // Физическая культура, спорт, туризм: наука, образование, информационные технологии. – Казань: КГЭУ, 2023. – С. 185-188.

[5] Сабирзянов С.И., Гарифуллина А.О. Проблемы мотивации студентов к занятиям физической культурой // Образование и право. – 2025. – № 4. – С. 457-460.

[6] Гарифуллина А.О., Яковлева С.С. Влияние физических нагрузок на развитие важных качеств студентов // Образование и право. – 2025. – № 2. – С. 387-391.

[7] Хайруллина Г.И., Гарифуллина А.О. Влияние адаптивной физической культуры на академическую успеваемость студентов // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы X Международной научной конференции. – Донецк, 2025. – С. 282-284.

References:

[1] Vasenkov N.V. Means of health-saving physical education of students/N.V. Vasenkov, E.V. Fazleeva, A.S. Shalavina//Science and education: a new time. – 2019. – № 1 (30). - S. 710-715.

[2] Abzalova S.V. The role of physical culture and sports in the life of a university student/ I.F. Ibragimov, S.V. Abzalova, A.I. Murtazina, A.G. Korzheva//Global scientific potential. – 2018. – № 4 (85). - S. 10-13.

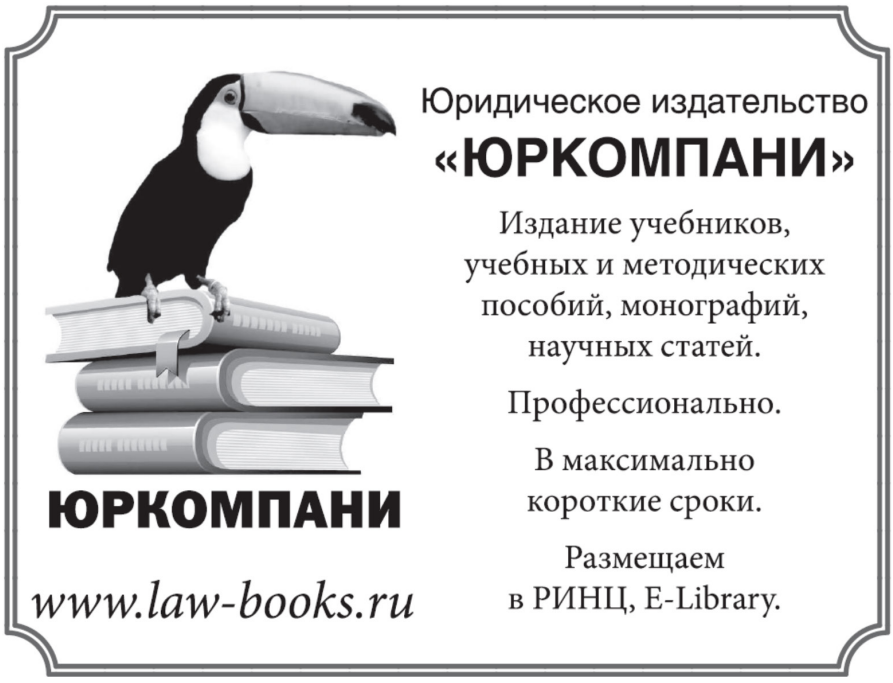
[3] Galiullina D.T. The influence of fijital games on the development and popularization of sports/D.T. Galiullina, D.R. Aymetdinov//International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. - T. 4- 1 (91). - S. 20-22.

[4] Khairullin I.T. Physical culture and a healthy lifestyle in cardiovascular diseases/A.G. Khairullin, R.G. Khusnutdinova, M.S. Vaganov// Physical culture, sports, tourism: science, education, information technology. - Kazan: KGEU, 2023. - S. 185-188.

[5] Sabirzyanov S.I., Garifullina A.O. Problems of motivating students to engage in physical education//Education and law. – 2025. – № 4. - S. 457-460.

[6] Garifullina A.O., Yakovleva S.S. Influence of physical exertion on the development of important qualities of students//Education and law. – 2025. – № 2. - S. 387-391.

[7] Khairullina G.I., Garifullina A.O. The influence of adaptive physical culture on the academic performance of students//Donetsk readings - 2025: education, science, innovation, culture and the challenges of our time. Materials of the X International Scientific Conference. - Donetsk, 2025. - S. 282-284.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-642-648
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ОПАРИН Дмитрий Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры безопасности в ЧС, Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург,

e-mail: mail@law-books.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗАХ МЧС РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические аспекты нормативно-правового регулирования образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования МЧС России. Проведен анализ федерального законодательства, ведомственных нормативных правовых актов и локального регулирования, определяющих особенности подготовки кадров для системы гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности. Особое внимание уделено правовому статусу курсантов и педагогических работников, дисциплинарной ответственности обучающихся, судебной практике по образовательным спорам, цифровизации образовательной среды и внедрению технологий искусственного интеллекта. Выявлены основные проблемы правоприменения и предложены направления совершенствования законодательства в сфере ведомственного образования.*

Ключевые слова: *образовательное право, МЧС России, ведомственное образование, курсанты, образовательный процесс, дисциплинарная ответственность, образовательные споры, правовое регулирование*.

OPARIN Dmitry Evgenievich,

Senior Lecturer at the Department of Emergency Safety, Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg

CURRENT ISSUES OF THE REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA: CURRENT STATE, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The article examines the theoretical and practical aspects of the legal regulation of the educational process in educational institutions of higher education of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The analysis of federal legislation, departmental regulatory legal acts and local regulation defining the specifics of personnel training for the civil defense system, emergency prevention and response, fire safety and human safety on water bodies is carried out. Special attention is paid to the legal status of cadets and teaching staff, disciplinary responsibility of students, judicial practice in educational disputes, digitalization of the educational environment and the introduction of artificial intelligence technologies. The main problems of law enforcement have been identified and directions for improving legislation in the field of departmental education have been proposed.*

Key words: *educational law, Ministry of Emergency Situations of Russia, departmental education, cadets, educational process, disciplinary responsibility, educational disputes, legal regulation.*

Введение

Современная система высшего образования Российской Федерации развивается в условиях цифровой трансформации государственного управления, модернизации профессиональной подготовки кадров и возрастающих требований к обеспечению национальной безопасности.

Согласно действующему законодательству образование – объединенный единой целью процесс обучения и воспитания, приносящий пользу государству, обществу, семье и личности,

а также система приобретенных знаний, умений, навыков, ценностей, опыта, компетенций определенной сложности для удовлетворения интеллектуальных, духовных, моральных, нравственных, творческих и профессиональных потребностей и развития [1].

В исследовании М. И. Фалеева, А. П. Елисеева и Д. Б. Икрамова , посвященного изучению актуальных вопросов организации процесса обучения в вузах МЧС России особое место в данной системе занимают образовательные организации высшего образования МЧС России, осуществляющие подготовку специалистов для федеральной противопожарной службы, гражданской обороны и единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Профильная направленность рабочих учебных планов вузов МЧС России и учебных программ обеспечивает подготовку выпускников вузов МЧС России к установленным видам профессиональной деятельности [2].

Для подготовки руководителей спасательных формирований наиболее ориентирована Академия гражданской защиты МЧС России.

Для научной и инженерной деятельности в области пожарной безопасности лидирующие позиции занимает Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.

Самым крупным региональным вузом системы считается Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России.

Для подготовки специалистов в условиях Сибири и Дальнего Востока ключевую роль играет Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России.

Наиболее выраженная практическая направленность подготовки характерна для Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России и Уральский институт ГПС МЧС России.

Специфика вузов МЧС России обусловлена сочетанием образовательных, административных и служебных правоотношений. Образовательный процесс должен соответствовать требованиям Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», одновременно выполняя задачи кадрового обеспечения МЧС России. Это формирует особую модель правового регулирования, основанную на взаимодействии федерального законодательства, ведомственных нормативных актов и локальных документов образовательных организаций.

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования правовых механизмов регулирования образовательной деятельности в условиях внедрения цифровых технологий, дистанционного обучения, использования искусственного интеллекта и развития новых форм подготовки специалистов для системы МЧС России.

Наиболее сложным и дискуссионным является применение норм гражданского права в сфере образования. Проблемы образовательного права исследовались в трудах В.М. Сырых. Ссылаясь на его труды, автор Четвернина А. В. подчеркивает, что образовательные отношения-это вид общественных отношений, устанавливаемых между обучающимися, образовательными учреждениями и педагогическими работниками с целью получения обучающимися образования не ниже уровня, предусмотренного образовательной программой и подтверждаемого соответствующим документом [3].

Вопросы административно-правового регулирования государственной службы рассматривались Д.Н. Бахрахом, Б.В. Россинским, Ю.Н. Стариловым, Ю.А. Тихомировым.

Несмотря на наличие значительного количества научных работ, комплексные исследования нормативно-правового регулирования образовательной деятельности именно в вузах МЧС России остаются немногочисленными. Недостаточно изучены вопросы дисциплинарной ответственности курсантов, правового регулирования цифровой образовательной среды, применения технологий искусственного интеллекта и механизмов разрешения образовательных конфликтов. Комплексные исследования, посвященные нормативно-правовому регулированию образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования МЧС России, носят фрагментарный характер и преимущественно затрагивают отдельные аспекты организации учебного процесса, служебной подготовки или кадрового обеспечения.

Недостаточно исследованными остаются вопросы правового статуса курсантов образовательных организаций МЧС России, применения дисциплинарной ответственности в образовательной среде, правового обеспечения цифровизации образования, использования технологий искусственного интеллекта в учебном процессе, а также проблемы гармонизации федерального образовательного законодательства и ведомственного нормативного регулирования.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости дальнейшего научного осмысления рассматриваемой проблематики и подтверждают актуальность настоящего исследования. Научный аппарат

исследования, включающий объект, предмет, цель исследования и его задачи, изучает общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления образовательной деятельности в ВУЗах МЧС России.

Применение норм образовательного, административного и служебного законодательства Российской Федерации, регулирующие подготовку кадров в системе МЧС России формируют практику их применения и направления совершенствования.

Комплексный анализ современного состояния нормативно-правового регулирования образовательного процесса в вузах МЧС России и разработка предложений по его совершенствованию включают следующие перспективные направления:

исследование системы правового регулирования образовательной деятельности в вузах МЧС России;

определение особенности правового статуса курсантов и преподавателей;

анализ дисциплинарной практики и возникающих конфликтов;

исследование судебной практики Верховного Суда РФ;

оценку влияния цифровизации и искусственного интеллекта на образовательный процесс;

проведение сравнительного анализ с вузами МВД России и Минобороны России;

разработку предложения по совершенствованию законодательства.

Эффективность подготовки кадров для системы МЧС России напрямую зависит от уровня согласованности норм образовательного, административного и служебного законодательства, а дальнейшее развитие ведомственного образования требует создания специальной модели правового регулирования цифровой образовательной среды и статуса курсанта.

Методология исследования в работе использует диалектический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы исследования. Анализировались нормативные правовые акты, судебная практика Верховного Суда Российской Федерации, локальные нормативные акты образовательных организаций МЧС России и научная литература.

Практическая значимость результатов исследования связана с перспективой их использования при совершенствовании ведомственного законодательства МЧС России, при разработке локальных нормативных актов образовательных организаций, подготовке учебно-методических материалов, а также в деятельности комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений.

Исследовании образовательной деятельности вузов МЧС России как самостоятельного объекта правового регулирования на основе концепции образовательной деятельности вузов МЧС России, как комплексного правового института, объединяющего нормы образовательного, административного и служебного права.

Обоснован вывод о необходимости законодательного закрепления самостоятельного правового статуса курсанта образовательной организации МЧС России.

Выявлены коллизии между образовательными правами обучающихся и требованиями служебной дисциплины.

Предложена авторская классификация конфликтов между курсантами и преподавателями на организационно-правовые, дисциплинарные, образовательные и этико-коммуникативные.

Обоснована необходимость создания специального механизма правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе вузов МЧС России.

Разработана модель совершенствования дисциплинарного производства с дополнительными процессуальными гарантиями для курсантов.

Предложена концепция единой ведомственной системы нормативно-правового регулирования образовательной деятельности в образовательных организациях МЧС России.

Правовое регулирование образовательной деятельности представляет собой систему юридических средств воздействия государства на общественные отношения, возникающие в процессе организации, осуществления и контроля образовательного процесса.

В образовательных организациях МЧС России данная система приобретает особую специфику, обусловленную необходимостью сочетания норм образовательного права, административного права, служебного права и законодательства в области обеспечения безопасности государства.

Система нормативно-правового регулирования образовательной деятельности в вузах МЧС России осуществляется благодаря правовому регулированию образовательной деятельности на трех уровнях:

федеральном;

ведомственном;

локальном.

Основополагающим нормативным

актом выступает Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», закрепляющий правовые, организационные и экономические основы образования. Закон определяет образовательную деятельность как деятельность по реализации образовательных программ и устанавливает права и обязанности участников образовательных отношений. Применительно к вузам МЧС особое значение имеют положения статьи 81 Федерального закона № 273-ФЗ, посвященные особенностям реализации образовательных программ в интересах обороны и безопасности государства. Данные нормы создают правовую основу для разработки специальных образовательных программ и установления дополнительных требований к обучающимся и преподавателям.

Важную роль также играют Федеральный закон № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе», Федеральный закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и законодательство о государственной тайне.

На ведомственном уровне ключевое значение имеют приказы МЧС России № 982 и № 983 от 22 декабря 2020 г., регламентирующие особенности организации образовательной, методической и научной деятельности.

В статье рассмотрен правовой статус курсантов и преподавателей.

Правовой статус курсанта характеризуется двойственной природой. Курсант одновременно является обучающимся и субъектом служебных правоотношений. Наряду с академическими правами он обязан соблюдать требования дисциплины, внутреннего распорядка, профессиональной подготовки и физической готовности. Одной из наиболее сложных юридических конструкций является правовой статус курсанта образовательной организации МЧС России.

Системный подход в образовательном процессе вузов МЧС России по мнению авторов Карапузикова А.А. и Мураева М.П. состоит в том, что методологическая основа образовательного процесса подготовки курсантов в вузах МЧС России сочетает комплексный подход, который включает в себя интеграцию теоретических знаний и практических навыков с применением в процессе обучения современных технологий, ориентированных на формирование компетентных специалистов, способных адаптироваться к различным условиям и качественно решать задачи в дальнейшей профессиональной деятельности [4].

В отличие от студентов гражданских вузов, курсант одновременно выступает:

обучающимся;

субъектом служебных правоотношений;

участником дисциплинарной системы ведомства;

будущим сотрудником федеральной противопожарной службы.

Двойственная природа правового статуса курсантов порождает особые правовые последствия.

Курсанты обладают всеми правами обучающихся, предусмотренными Федеральным законом № 273-ФЗ, включая право:

на получение качественного образования;

на уважение человеческого достоинства;

на участие в управлении образовательной организацией;

на академические права и свободы.

Одновременно на них распространяются специальные обязанности, связанные с соблюдением служебной дисциплины, выполнением распорядка дня, прохождением практической подготовки и поддержанием необходимого уровня физической подготовки.

Указанные особенности обусловливают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования статуса курсантов, направленного на устранение коллизий между образовательным и служебным законодательством.

Правовой статус курсанта образовательной организации МЧС России обладает особой юридической природой и требует самостоятельного нормативного закрепления на федеральном уровне. Современная система дисциплинарной ответственности курсантов нуждается в дополнительной правовой регламентации, направленной на обеспечение баланса между требованиями служебной дисциплины и гарантиями права на образование.

Важно отметить, что в своих работах автор Карапузиков А.А трактует системный подход в образовательном процессе вузов МЧС России является неотъемлемой частью общей стратегии обеспечения пожарной безопасности в России. Он помогает создать квалифицированных специалистов, которые могут эффективно управлять рисками пожаров и аварий и предотвращать потенциальные угрозы [5].

Преподаватели вузов МЧС России обладают академическими правами, установленными образовательным законодательством, однако их деятельность дополнительно регулируется ведомственными требованиями и системой внутреннего контроля качества образования.

Педагогические работники образовательных организаций МЧС России

осуществляют профессиональную деятельность в условиях повышенных требований к квалификации, дисциплине и профессиональной подготовке.

Современное законодательство закрепляет широкий перечень прав преподавателей, включая:

свободу преподавания;

выбор образовательных технологий;

участие в управлении образовательной организацией;

защиту профессиональной чести и достоинства;

повышение квалификации.

Одновременно преподаватели обязаны соблюдать требования законодательства, обеспечивать высокое качество образовательного процесса и участвовать в формировании профессиональных компетенций будущих сотрудников МЧС России.

Одним из наиболее сложных аспектов организации образовательного процесса в ведомственных образовательных организациях является урегулирование конфликтов между курсантами и профессорско-преподавательским составом.

Специфика вузов МЧС России заключается в существовании вертикальной модели управления, основанной на принципах дисциплины, субординации и служебного подчинения. В отличие от гражданских образовательных организаций, курсант находится в двойственном правовом положении: как обучающийся и как лицо, проходящее службу либо специальную подготовку в интересах государства.

Наиболее распространенными причинами конфликтов между курсантами и преподавателями являются:

несогласие с результатами аттестации;

применение дисциплинарных взысканий;

нарушения педагогической этики;

превышение педагогических полномочий;

нарушения принципов объективности оценки знаний;

психологическое давление и нарушение профессиональной этики;

несоблюдение курсантами требований дисциплины;

разногласия при организации практической подготовки.

Сложность правового регулирования заключается в необходимости соблюдения баланса между образовательными гарантиями и требованиями служебной дисциплины.

Проблемой остается недостаточная независимость комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, что требует совершенствования локального регулирования.

Институт дисциплинарной ответственности курсантов базируется на нормах образовательного и служебного законодательства.

Практика показывает необходимость более четкой регламентации процедур дисциплинарного производства, включая обязательное письменное объяснение с правом на ознакомление с материалами проверки, право на представителя и право на обжалование решения.

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации определяет наиболее распространенные категории споров, такие как оспаривание отчисления, взыскание расходов на обучение, возможность восстановления на обучение, оспаривание результатов аттестации; защита социальных гарантий курсантов.

Правовые позиции Верховного Суда РФ свидетельствуют о необходимости строгого соблюдения принципов законности, соразмерности и процессуальной справедливости при принятии решений, затрагивающих образовательные права курсантов.

Правовые позиции высших судебных инстанций исходят из того, что образовательная организация обязана доказать:

наличие дисциплинарного проступка;

соблюдение установленной процедуры;

наличие причинной связи между нарушением и применяемой санкцией;

отсутствие дискриминационных мотивов.

Особую категорию составляют споры о возмещении затрат федерального бюджета на обучение курсантов, досрочно прекративших обучение либо службу.

Судебная практика показывает, что требования о взыскании денежных средств удовлетворяются только при наличии надлежащим образом оформленных контрактов и доказанности фактических расходов государства. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей детализации ведомственных нормативных актов в целях минимизации правовой неопределенности.

Цифровизация образовательной деятельности и внедрение технологий искусственного интеллекта требуют формирования специального механизма правового регулирования в образовательных организациях МЧС России. Проблема исследования заключается в необходимости теоретически и организационно обоснованного проектирования цифровой образовательной среды вузов МЧС России, которое учитывает специфику подготовки курсантов и обеспечивает измеримое улучшение образовательных результатов при соблюдении

требований безопасности и управляемости [6].

Использование ИИ позволяет персонализировать образовательные траектории и моделировать чрезвычайные ситуации, однако требует решения вопросов защиты персональных данных, информационной безопасности и распределения ответственности за решения, принимаемые автоматизированными системами.

Особую актуальность вопросы дистанционного обучения приобрели в период пандемии и последующего развития цифровых образовательных технологий. Для вузов МЧС России использование дистанционного формата сопровождается рядом особенностей.

Во-первых, подготовка специалистов спасательного профиля требует значительного объема практической подготовки.

Во-вторых, часть образовательных программ содержит сведения ограниченного распространения.

В-третьих, существует необходимость постоянного контроля дисциплины и уровня профессиональной готовности обучающихся.

Основными проблемами правового регулирования дистанционного обучения является отсутствие специальных ведомственных стандартов дистанционного обучения, сложность оценки практических компетенций, идентификация личности обучающегося, защита информации ограниченного доступа, недостаточная регламентация использования цифровых платформ.

Сравнительный анализ с вузами МВД России и Минобороны России основывается на определении общих черт, которыми являются:

ведомственный характер подготовки;

повышенные требования к дисциплине;

сочетание образовательных и служебных отношений.

Отличительной особенностью вузов МЧС России является ориентация на подготовку специалистов экстренного реагирования и гражданской защиты, что требует более гибкого сочетания образовательных и служебных механизмов регулирования.

Из проведенного анализа вытекают предложения по совершенствованию законодательства. Необходимо закрепить правовой статус курсанта на федеральном уровне, разработать единый ведомственный акт об образовательной деятельности в системе МЧС России, установить единые стандарты дисциплинарного производства, принять ведомственное положение о применении искусственного интеллекта.

Так же целесообразно продолжить совершенствование правового регулирования дистанционного обучения, усилить независимость комиссий по урегулированию споров.

Создание единого цифрового реестра локальных нормативных актов образовательных организаций МЧС России помогут унифицировать критерии оценки практической подготовки курсантов МЧС.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование образовательного процесса в вузах МЧС России представляет собой самостоятельную многоуровневую систему, обеспечивающую подготовку специалистов для сферы гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций. Современные вызовы, связанные с цифровизацией, развитием дистанционного обучения и внедрением технологий искусственного интеллекта, требуют дальнейшего совершенствования законодательства. Ключевыми направлениями развития являются нормативное закрепление специального статуса курсанта, совершенствование дисциплинарного производства, развитие цифровой образовательной среды и формирование единой концепции правового обеспечения подготовки кадров для системы МЧС России.

Список литературы:

[1] Гусева, А. А. Исторические аспекты правового регулирования образовательных отношений в России / А. А. Гусева, В. В. Кутько // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2018. – Т. 43, № 4. – С. 701-707. – DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-4-701-707. – EDN YSUPHN.

[2] Фалеев, М. И. Некоторые вопросы организации процесса обучения в вузах МЧС России / М. И. Фалеев, А. П. Елисеев, Д. Б. Икрамов // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – Т. 4, № 2(7). – С. 4-17. – EDN STRVPT.

[3] Четвернина, А. В. 2002.04.031. Сырых В.М. Образовательное право как отрасль российского права / ин-т законодательства и сравн. Правоведения при Правительстве рос. федерации. М., 2000. 135 С. Библиогр.: С.133-134 / А. В. Четвернина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 102-105. – EDN BAZFPX.

[4] Карапузиков, А. А. Методологическая основа образовательного процесса подготовки курсантов вузов МЧС России / А. А. Карапузиков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 3(105). – С. 195-203. – EDN TOECMA.

[5] Карапузиков, А. А. Системный

подход в образовательном процессе вузов МЧС России / А. А. Карапузиков, М. П. Мураев // Современные наука и образование: достижения и перспективы развития : Сборник материалов XXX международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 07 июня 2023 года. Том 4. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2023. – С. 110-112. – EDN WHICEU.

[6] Опарин, Д. Е. Цифровая образовательная среда вузов МЧС России: особенности организации подготовки курсантов / Д. Е. Опарин // Правовая информатика. – 2026. – № 1. – С. 299-305. – DOI 10.24412/1994-1404-2026-1-00-33. – EDN TCIZJX.

References:

[1] Guseva, A. A. Historical aspects of the legal regulation of educational relations in Russia/A. A. Gusev, V. V. Kutko//Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. – 2018. - T. 43, NO. 4. - S. 701-707. – DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-4-701-707. – EDN YSUPHN.

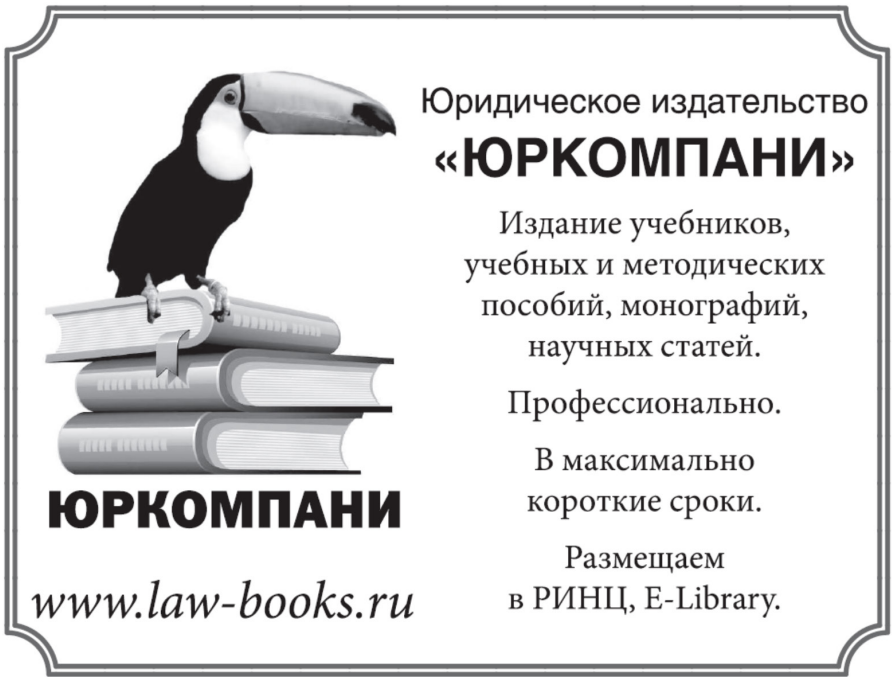
[2] Faleev, M. I. Some issues of organizing the learning process at universities of the Ministry of Emergencies of Russia/M. I. Faleev, A. P. Eliseev, D. B. Ikramov//Civil protection strategy: problems and research. – 2014. - T. 4, NO. 2 (7). - S. 4-17. – EDN STRVPT.

[3] Chetvernina, A.V. 2002.04.031. Syrykh V.M. Educational law as a branch of Russian law/institute of legislation and cf. Law under the Government of the Russian Federation. M., 2000. 135 S. Bibliogr.: P.133-134/A.V. Chetvernina//Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. – 2002. – № 4. - S. 102-105. – EDN BAZFPX.

[4] Karapuzikov, A. A. Methodological basis of the educational process of training cadets of universities of the Ministry of Emergencies of Russia/A. A. Karapuzikov//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3(105). - S. 195-203. – EDN TOECMA.

[5] Karapuzikov, A. A. Systematic approach in the educational process of universities EMERCOM of Russia/A. A. Karapuzikov, M. P. Muraev// Modern science and education: achievements and development prospects: Collection of materials of the XXX International part-time scientific and practical conference, Moscow, June 07, 2023. Volume 4. - Moscow: Scientific and Publishing Center “Empire,” 2023. - S. 110-112. – EDN WHICEU.

[6] Oparin, D. E. Digital educational environment of EMERCOM of Russia universities: peculiarities of organizing the training of cadets/D. E. Oparin//Legal informatics. – 2026. – № 1. - S. 299-305. – DOI 10.24412/1994-1404-2026-1-00-33. – EDN TCIZJX.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-649-657

ЯРОШЕНКО Елена Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и педагогических технологий, Ставропольский государственный педагогический институт», филиал в г. Ессентуки,

e-mail: jaroshenko_lena@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО САДА

Аннотация. *В представленной статье исследуются современные подходы к интеграции информационно коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательный процесс дошкольного учреждения в контексте внедрения единых образовательных стандартов, нацеленных на повышение качества подготовки детей к школе. Классифицируются виды ИКТ, применимые в работе с дошкольниками, подобраны соответствующие методы и формы их интеграции в различные образовательные области ДОУ, а также проводится диагностика когнитивных способностей дошкольников до внедрения ИКТ. По результаты диагностики выявлен преимущественно средний и низкий уровень когнитивных способностей, что потребовало разработки и апробации системы ИКТ занятий для активизации их познавательной деятельности. В исследовании предлагаются темы интегрированных занятий с использованием интерактивных досок, планшетов и мультимедийных презентаций и отбираются наиболее эффективные для данной возрастной группы педагогические приемы. Были проведены занятия по познавательному развитию, развитию речи, сенсорному развитию, знакомству с окружающим миром, художественно эстетическому развитию и физическому развитию. Практическая реализация ИКТ подхода позволила трансформировать образовательную деятельность, сделав ее более наглядной, динамичной и эмоционально привлекательной. Экспериментальная проверка показала, что внедрение ИКТ в дошкольное обучение повышает его эффективность, поскольку цифровые средства выступают дополнением к традиционным педагогическим методам.*

Ключевые слова: *дошкольники, информационно-коммуникативные технологии, классификационные признаки ИКТ, методы обучения дошкольников, образовательные области ДОУ, ИКТ-ресурсы, ИКТ-занятия.*

YAROSHENKO Elena Aleksandrovna,

Candidate of Pedagogical Sciences Associate Professor of the Department of General Pedagogy and Pedagogical Technologies, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Essentuki

USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN PRESCHOOL TEACHING IN A MODERN KINDERGARTEN

Annotation. *This article explores modern approaches to integrating information and communication technologies (ICT) into preschool education in the context of the implementation of unified educational standards aimed at improving the quality of children's preparation for school. It classifies the types of ICT applicable to working with preschoolers, selects appropriate methods and forms for integrating them into various educational areas of preschool institutions, and assesses the cognitive abilities of preschoolers prior to the introduction of ICT. The assessment revealed predominantly moderate to low levels of cognitive abilities, necessitating the development and testing of an ICT-based learning system to enhance their cognitive activity. The study proposes topics for integrated lessons using interactive whiteboards, tablets, and multimedia presentations, and selects the most effective teaching methods for this age group. Lessons were conducted on cognitive development, speech development, sensory development, familiarization with the surrounding world, artistic and aesthetic development, and physical development. The practical implementation of the ICT approach has transformed educational activities, making them more visual, dynamic, and*

emotionally engaging. Experimental testing has shown that the introduction of ICT into preschool education increases its effectiveness, as digital tools complement traditional teaching methods.

Key words: *preschoolers, information and communication technologies, ICT classification features, teaching methods for preschoolers, educational areas of preschool educational institutions, ICT resources, ICT classes*.

Введение

В соответствии с законом «Об образовании в Российской Федерации» (2012) дошкольное образование, которое является одним из уровней общего образования, должно соответствовать современным требованиям, предъявляемым к реализации образовательного процесса. Поэтому информатизация в детском саду стала необходимой реальностью.

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) определяет требования к использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в работе с дошкольниками, акцентируя внимание на безопасности, возрастных особенностях и педагогических принципах.

Компьютеры в школьных классах в настоящее время используются широко, однако в детском саду они еще не превратились в хорошо освоенный инструмент педагогов. Но с каждым годом современные информационные технологии все активнее входят в жизнь дошкольников. Поэтому дошкольное образовательное учреждение (ДОУ) как носитель культуры и знаний также не может оставаться в стороне, поскольку невозможно представить работу педагога ДОУ без использования современных информационных ресурсов.

Использование ИКТ дает возможность обогатить, качественно обновить воспитательно-образовательный процесс в ДОУ и повысить его эффективность. ИКТ открывают возможности для индивидуализации обучения. С помощью специализированных программ можно адаптировать сложность заданий под уровень каждого ребенка, развивать логику, память и творческое мышление. Кроме того, технологии помогают моделировать ситуации, которые сложно воспроизвести в реальной жизни, например, демонстрировать природные явления или работу транспорта. Грамотное использование современных информационных технологий позволяет сделать образовательный процесс информационно емким, зрелищным и комфортным, существенно повысить мотивацию детей к обучению, воссоздавать реальные предметы или явления в цвете, движении и звуке, что способствует наиболее широкому раскрытию способностей дошкольников, активизации умственной деятельности. ИКТ не заменяют традиционные подходы, а дополняют их, повышая качество обучения и развивая ключевые навыки. Однако внедрение ИКТ требует осторожности. Необходимо соблюдать нормы времени, проведенного за экраном, и выбирать программы, соответствующие возрасту и развитию детей. Педагогам важно повышать квалификацию, чтобы грамотно интегрировать технологии в образовательный процесс и создавать собственные дидактические материалы.

Таким образом, актуальность использования ИКТ в дошкольном образовании связана с необходимостью подготовки детей к жизни в цифровом мире, повышением мотивации к обучению и развитием ключевых компетенций. При грамотном применении технологии становятся мощным инструментом, дополняющим традиционные методы и обогащающим образовательный процесс.

Методология исследования. Исследование проводилось на основе теоретико-практического материала, диагностических методик определения когнитивных способностей дошкольников, а также прикладных аспектов использования ИКТ-ресурсов на занятиях по образовательным областям дошкольного образования.

Изложение основного материала статьи

Современные подходы к использованию ИКТ в дошкольном образовании опираются на многолетние исследования отечественных и зарубежных ученых. Отправной точкой для внедрения ИКТ в российскую практику стала научная работа 1987 года на базе центра имени А.В. Запорожца, под руководством Л.А. Парамоновой, Л. С. Новоселовой и Л. Д. Чайновой, заложившая методологические основы применения компьютерных сред в ДОУ. Дальнейшее развитие эти идеи получили в исследованиях Г.А. Репиной, в которых было показано, что ИКТ способствуют развитию психофизиологических функций, таких, как мелкой моторики, оптико пространственной ориентации, зрительно моторной координации, обогащают кругозор и формируют учебную мотивацию, познавательную активность, самостоятельность и произвольность, при условии игровой, эмоционально комфортной формы подачи материала [1, с. 54].

Вклад в осмысление педагогических условий применения ИКТ внесли Д. П. Кушнерова

и Е. Ю. Никитина, систематизировавшие подходы к внедрению цифровых технологий от развивающих игр и мультимедийных презентаций до интерактивного взаимодействия ребенка и педагога [3, с. 12]. В. В. Моторин и Н. В. Кудрявцева подчеркивали роль цифровых игр в развитии волевых качеств, познавательной активности и социальной адаптации дошкольников, а также важность дозированного использования технологий для формирования цифровой грамотности [5, с. 53]. Е.А. Подливаева сформулировала практические требования, акцентируя внимание на то, что занятия с ИКТ необходимо проводить не чаще раза в неделю, ограничивая время работы за компьютером до 15 минут, включая обязательную разминку для глаз и пальцев до и после занятия и физкультминуткой в его ходе [6, с. 65].

Зарубежные исследователи С. Пейперт, Б. Хантер подтвердили, что цифровые инструменты стимулируют логическое мышление, креативность и умение работать с информацией [2, с. 32].

Согласно ФГОС ДО, ИКТ рассматриваются не как самоцель, а как инструмент повышения качества воспитательно образовательного процесса и адаптации детей к информационному обществу, при условии педагогически обоснованного, безопасного применения с учетом возрастных особенностей. Стандарт требует от педагогов необходимого уровня ИКТ компетентности, включая работу с текстовыми редакторами, мультимедийным оборудованием и образовательными программами, а также строгого соблюдения санитарно гигиенических норм, например, для детей 5–7 лет время непрерывной работы за компьютером ограничено 10–15 минутами 3–4 раза в неделю.

Термин «ИКТ» объединяет информационные (методы хранения, обработки и передачи информации) и коммуникационные (способы взаимодействия человека с окружающим миром через компьютер) технологии. В образовании ИКТ выступают как комплекс учебно методических материалов и технических средств, направленных на совершенствование работы всех участников образовательного процесса. Их ключевая задача заключается в адаптации человека к условиям информационного общества. Таким образом, современные подходы предполагают дозированное, методически обоснованное использование ИКТ для развития когнитивных, психофизиологических и личностных качеств дошкольников, с сохранением их здоровья и эмоциональной устойчивости.

При обучении дошкольников с применением ИКТ необходимо опираться на систему классификационных признаков. Это позволит подбирать цифровые средства с учетом образовательных задач и возрастных особенностей детей. Соответствующие признаки наглядно представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Основные классификационные признаки ИКТ в дошкольном образовании

Эффективное внедрение ИКТ в дошкольное образование целесообразно при условии гармоничного сочетания педагогических требований, технических возможностей, возрастных особенностей детей и санитарно гигиенических норм.

Классификация, виды и направления ИКТ демонстрируют пример такого баланса. Они предлагают структурированные модули по ключевым направлениям развития дошкольников – от формирования математических представлений и речевой деятельности до художественно эстетического воспитания и основ естественно научного познания, обеспечивая безопасную, доступную и мотивирующую среду для обучения [6, с. 324].

В дошкольном образовании ИКТ эффективно внедряются в различные направления развития ребенка через сочетание методов и форм работы, которые должны соответствовать образовательным областям и реализовываться через цифровые средства с учетом возрастных особенностей. При подготовке к таким занятиям педагоги анализируют электронные и информационные ресурсы, отбирают материал для НОД, создают презентации при помощи мультимедийных программ. Некоторые методы обучения с применением ИКТ представлены на рисунке 2.

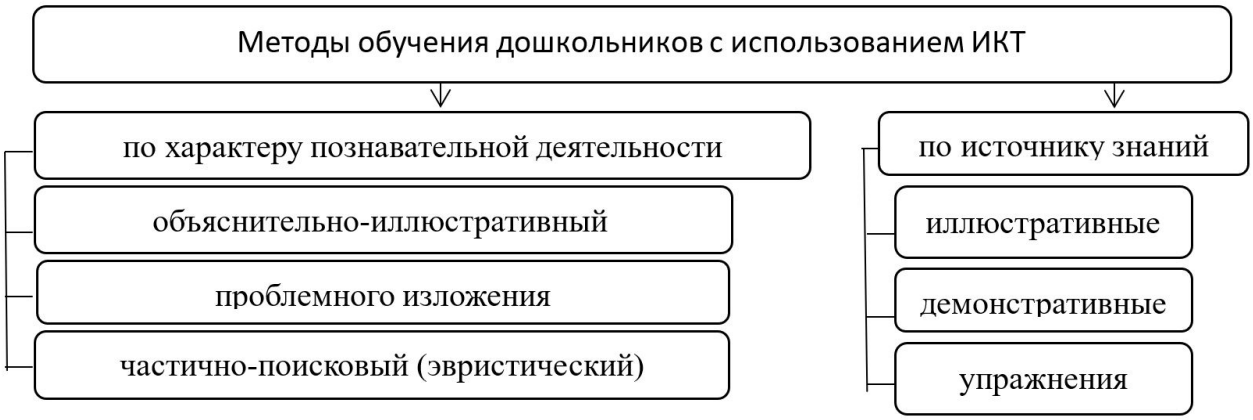

Рисунок 2. Методы обучения дошкольников с применением ИКТ

В познавательном развитии применяются методы демонстраций и иллюстраций. В речевом развитии объяснительно иллюстративный метод поддерживается аудиовизуальным материалом. Используются озвученные сказки, интерактивные азбуки, «говорящие» словари.

Это способствует освоению произношения и соотнесению звука с буквой. Компьютерные дидактические игры обогащают словарный запас, помогают осваивать грамматические конструкции и развивать фонематический слух, например, через подбор слов к картинкам или составление предложений. Для художественно эстетического развития используют метод иллюстраций, задействуют репродукции картин, образцы декоративно прикладного искусства и музыкальные видеофрагменты, формируя эстетический вкус. В физическом развитии метод демонстраций реализуется через видео разминки, танцевальные композиции и имитацию упражнений: дети повторяют движения за анимационными персонажами, развивая координацию и ритм. В социально коммуникативном развитии проблемное изложение применяется в интерактивных сюжетно ролевых играх. Совместно с педагогом дети анализируют ситуации, ищут выходы из конфликтов и аргументируют выбор поведения, осваивая нормы взаимодействия и эмоциональный интеллект.

Методы использования ИКТ определяют способы работы с детьми, а формы внедрения предлагают формат включения цифровых инструментов в образовательный процесс. Они взаимосвязаны, поскольку форма выступает «оболочкой» для практической реализации метода. На рисунке 3 представлены основные формы внедрения ИКТ в образовательный процесс дошкольников.

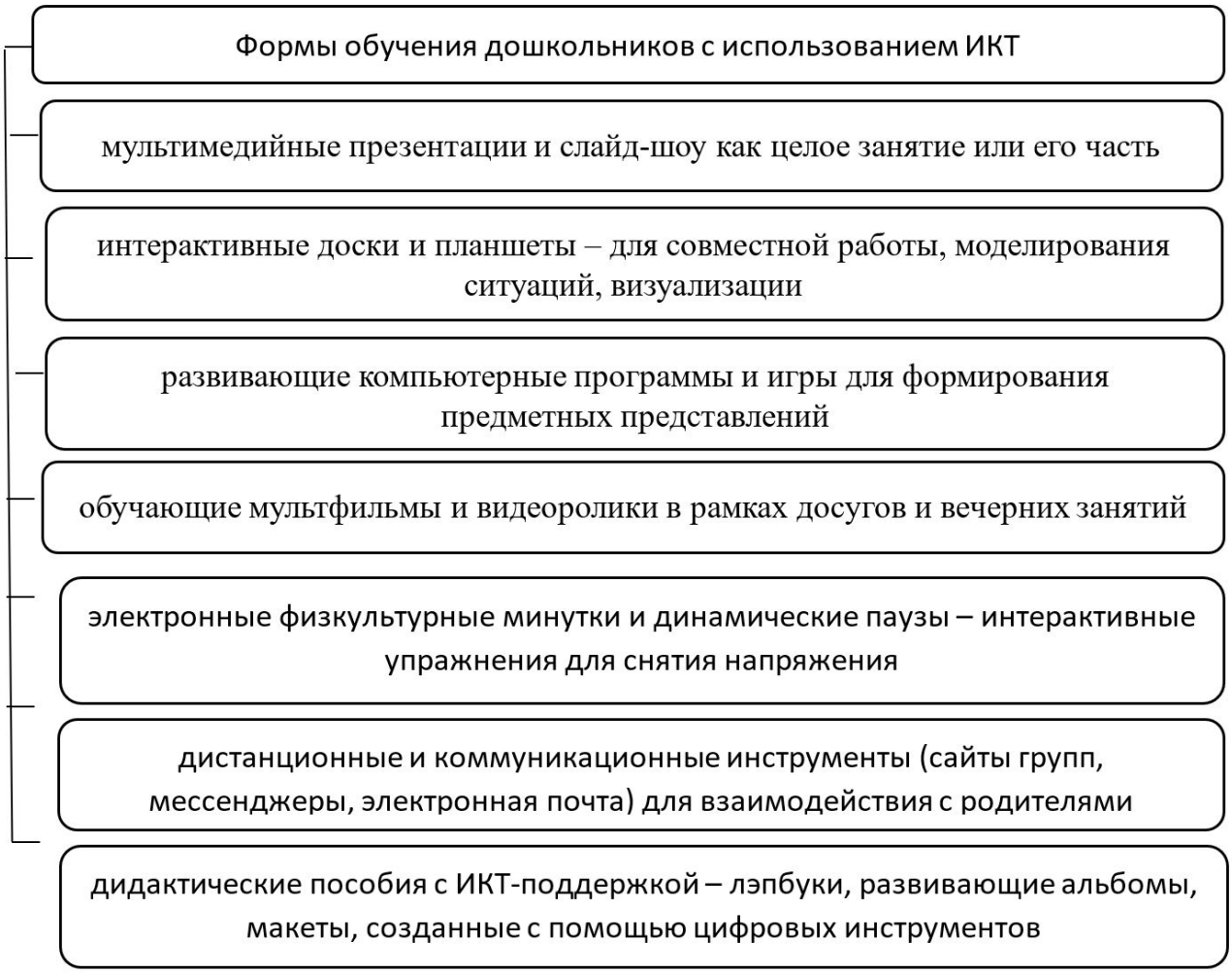

Рисунок 3. Формы внедрения ИКТ в образовательный процесс дошкольников

Теоретический анализ психолого педагогической литературы показал, что ИКТ представляют собой совокупность учебно методических материалов и технических средств вычислительной техники, используемых для повышения эффективности работы педагогов и всестороннего развития детей, в т.ч. в сферах образования, диагностики и коррекции. Ключевое условие их успешного внедрения – это работа квалифицированных специалистов, владеющих техническими навыками, методиками знакомства дошкольников с ИКТ и соблюдающих санитарные нормы эксплуатации оборудования.

Экспериментальное исследование проведено на базе одного из детских садов г. Ессентуки Ставропольского края с участием детей двух старших групп: экспериментальной («А», 22 человека) и контрольной («Б», 22 человека). Работа включала три этапа: констатирующий, формирующий и контрольный.

С целью выявления исходного уровня когнитивных способностей дошкольников до применения ИКТ на констатирующем этапе исследования была проведена оценка памяти, внимания, мышления и речи по методикам Л. А. Головей и Е. Ф. Рыбалко (изучение произвольного и непроизвольного запоминания), А. Л. Венгера («Лабиринт» для исследования устойчивости внимания и наглядно схематического мышления) и Я. Йерасика (диагностика вербального мышления). Результаты применения данных методик представлены на рисунках 4-6.

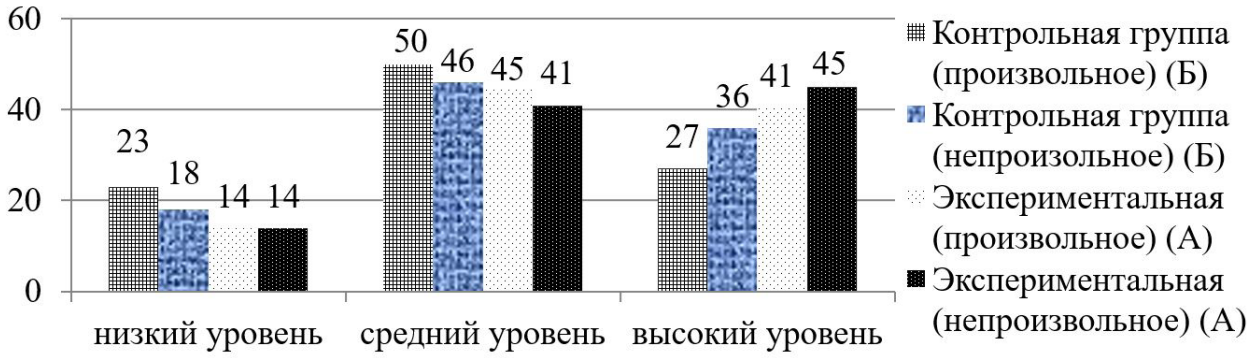

Рисунок 4. Результаты применения методик Л.А. Головей и Е.Ф. Рыбалко

«Изучение произвольного и непроизвольного запоминания в контрольной и экспериментальной группах детей дошкольного возраста на констатирующем этапе исследования, %

Эти данные свидетельствуют о том, что дети допускают многочисленные ошибки, воспроизводят материал фрагментарно и с большой долей неточностей. Они не замечают ошибок и не пытаются их исправить. Концентрация внимания неустойчива. Дошкольники часто и длительно отвлекаются, быстро утомляются, с трудом возвращаются к заданиям. Они теряют установку на запоминание и не удерживает ее до конца работы. Им требуется постоянная помощь и поддержка взрослого для запоминания и ответов.

Результаты сравнения двух групп по методики «Лабиринт» показали, что в экспериментальной группе устойчивость внимания у дошкольников в целом выше. Почти половина детей продемонстрировала высокий уровень (безошибочно проходили лабиринты, применяли рациональные стратегии и самоконтроль), больше половины оставшихся – средний уровень с единичными ошибками и устойчивой концентрацией, а ещё небольшая часть – уровень ниже среднего; при этом ни один ребенок не показал низкого уровня.

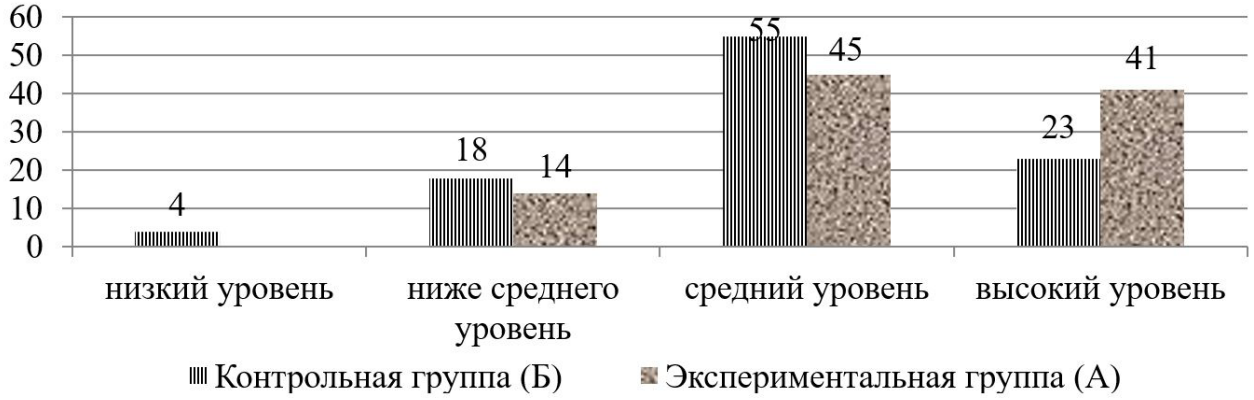

Рисунок 5. Результаты применения методики «Лабиринт» А.Л. Венгер для исследования устойчивости внимания у дошкольников на констатирующем этапе исследования, %

В контрольной группе наблюдается большая вариативность. Помимо детей со средним и высоким уровнем, заметная часть показала уровень ниже среднего (допускали три и более ошибки, нуждались в постоянной поддержке), а отдельные дети – низкий уровень (не смогли завершить задание даже с помощью), что указывает на выраженные трудности регуляции внимания.

Таким образом, экспериментальная группа характеризуется более равномерным распределением результатов и отсутствием негативных случаев, а контрольная группа требует дифференцированной коррекционной работы по формированию навыков планирования, самоконтроля и эмоциональной регуляции.

По методике Я. Йерасика экспериментальная группа продемонстрировала в целом более благоприятную картину. В ней выше доля детей с высокими показателями вербального мышления и отсутствует категория низкого уровня.

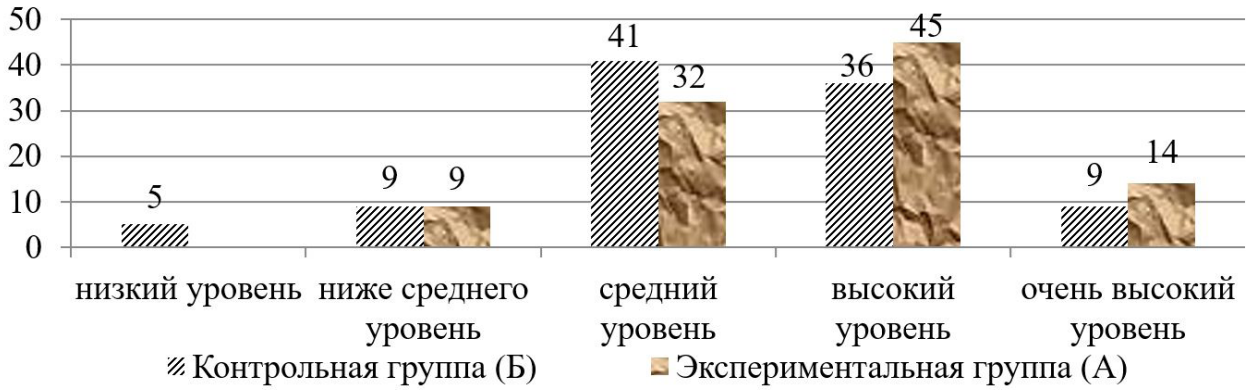

Рисунок 6. Результаты применения методики Я. Йерасика для исследования вербального мышления у дошкольников на констатирующем этапе исследования, %

Контрольная группа, напротив, характеризуется большей долей детей со средним уровнем развития и наличием одного ребенка с низкими показателями, что может потребовать дополнительного внимания и индивидуальной работы в рамках последующего формирующего эксперимента.

Результаты диагностики по трем методикам выявили неоднородность уровня когнитивных способностей, что подтвердило необходимость целенаправленной работы по использования ИКТ в работе ДОУ.

На формирующем этапе эксперимента был разработан и внедрен комплекс занятий с применением ИКТ для активизации когнитивных способностей дошкольников в экспериментальной группе.

На занятии «Весёлый счёт» по познавательно-математическому развитию дети отрабатывали счёт в пределах десяти: с помощью анимационной презентации знакомились с цифрами и изображениями предметов, выполняли логические задания на интерактивной доске, тренировали арифметические навыки в приложении «Учимся с Логошей», участвовали во фронтальной игре «Живой счёт» и в физкультминутке с математическим уклоном. Интерактивные элементы повысили вовлечённость и эффективность усвоения материала. На занятии «Тайны слов» по развитию речи ребята смотрели презентацию «Звуки вокруг нас», проговаривали слова, выделяли начальные звуки и подбирали созвучные; с помощью приложения «Говорящая азбука» изучали буквы, составляли слоги и слова, различали парные звуки; работали с интерактивной доской, играли в «Эхо» и выполняли задание на поиск пар по начальному звуку. Итоговое слайд-шоу закрепило изученное наглядным и увлекательным способом.

На занятии «Запомни и повтори» по сенсорному развитию дети работали в приложении «Рисуем по точкам». Они соединяли точки, чтобы получить контуры предметов. Это развивало координацию «глаз-рука», зрительную память, восприятие цвета и формы; режимы «запомни» и раскрашивания стимулировали творческое экспериментирование, а обсуждение рисунков обогащало коммуникацию и ассоциативное мышление. На занятии «Лес в ноябре» по окружающему миру ребята совершили виртуальную экскурсию по осеннему лесу, отгадывали загадки в мультимедийной презентации и играли в интерактивную игру на классификацию объектов. Все это развивало наглядно-образное мышление, память и навыки сравнения.

На занятии «Серебряные нити» по художественно-эстетическому развитию дети создавали цифровые коллажи в приложении – экспериментировали с композицией, цветом и симметрией, используя виртуальные кисти, фоны и элементы, а также инструменты масштабирования и вращения объектов. Затем коллективно просматривали работы на интерактивной доске и обсуждали. На занятии «Сильные и смелые» по физическому развитию ребята под музыку повторяли упражнения из видеоурока «Весёлая зарядка» с анимационным персонажем, следуя вербальным инструкциям, и играли в «Повторяй за героем». Это помогло тренировать память на последовательность движений и пространственную ориентацию. Продолжительность каждого занятия составила 25–30 минут, что соответствует возрастным требованиям для детей старшей группы.

На контрольном этапе эксперимента оценили эффективность внедрения ИКТ в образовательный процесс ДОУ путем повторного применения диагностических методик, использованных на констатирующем этапе.

В исследовании участвовали контрольная и экспериментальная группы. В итоге в экспериментальной группе, где использовали цифровые инструменты и интерактивные методы, дети добились гораздо более ощутимого прогресса в развитии вербального мышления, памяти и внимания. В контрольной группе, где все шло в обычном режиме, улучшения оказались менее заметными.

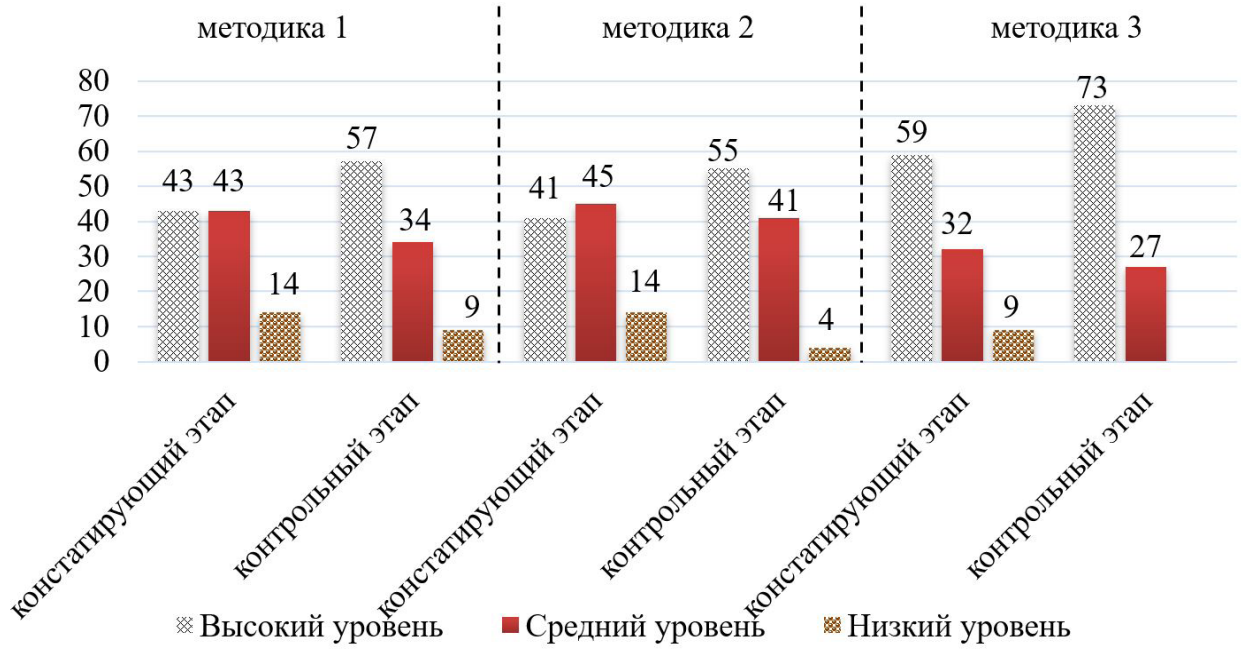

Рисунок 7. Сравнительный анализ результатов в экспериментальной группе «А» на констатирующем и контрольном этапах исследования, %

Сводные результаты диагностики, представленные на рисунке 7, показали положительную динамику по всем методикам в экспериментальной группе после формирующего этапа с внедрением ИКТ в образовательные области ДОУ, что подтверждает эффективность проведенной работы

Заключение

Информатизация сегодня является одним из главных путей модернизации системы образования. Это связано с развитием информационного общества, где самым важным является умение работать с современными технологиями. Информатизация дошкольного образования открывает педагогам широкий спектр возможностей в педагогической практике, направленной на интенсификацию и реализацию инновационных идей воспитательно-образовательного процесса.

В ходе экспериментальной работы по внедрению ИКТ в обучение дошкольников в ДОУ были последовательно реализованы три этапа: первичная диагностика когнитивных способностей детей, систематическая работа с применением цифровых инструментов и анализ результатов. Диагностика позволила зафиксировать исходный уровень развития воспитанников, а последующая интеграция ИКТ в образовательный процесс способствовала позитивной динамике в развитии их когнитивных функций. Полученные данные подтверждают целесообразность и эффективность использования ИКТ в дошкольном образовании при условии их продуманной интеграции в воспитательно образовательный процесс.

Список литературы:

[1] Брыксина, О.Ф. Информационно-коммуникационные технологии в образовании: учебник / О.Ф. Брыксина, Е.А. Пономарева, М.Н. Сонина. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 549 с.

[2] Голованова, Н.Ф. Педагогика: учебник и практикум для вузов / Н.Ф. Голованова. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 372 с.

[3] Кушнерова, Д.П. Информационно-коммуникационные технологии как средство активизации познавательной деятельности детей старшего дошкольного возраста / Д.П. Кушнерова, С.В. Бузмакова, Г.А. Криволапова Челябинск, 2022. – 194 с.

[4] Мартазанова, А.М. Геймификация образовательного процесса в начальной школе

с использованием цифровых технологий / А.М. Мартазанова // Педагогика и психология семьи в контексте развития современного образования: Материалы научно-практической конференции молодых ученых, Ессентуки, 08 ноября 2024 года. – Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2024. – С. 324-329.

[5] Моторин, В.В. Воспитательные возможности компьютерных игр / В.В. Моторин // Дошкольное воспитание. – 2000. – № 11. – С. 53-57.

[6] Пикус, Т.Е. Создание современной образовательной среды для обеспечения качества воспитательно-образовательного процесса посредством внедрения и использования ИКТ в ДОУ / Т.Е. Пикус, Е.А. Подливаева // Педагогическое мастерство: материалы VI Международной научной конференции – Москва: КТ «Буки-Веди», 2015. – С. 65-71.

References:

[1] Bryksina, O.F. Information and communication technologies in education: textbook/ O.F. Bryksina, E.A. Ponomareva, M.N. Sonina. - M.: INFRA-M, 2024. - 549 p.

[2] Golovanova, N.F. Pedagogy: textbook and workshop for universities/N.F. Golovanova. - M.: Yuright Publishing House, 2023. - 372 p.

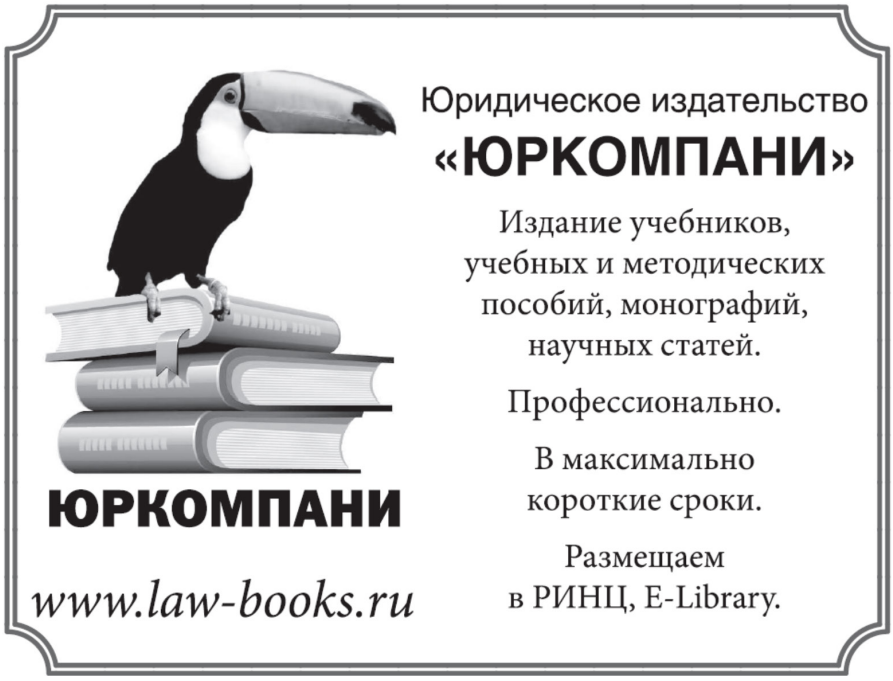
[3] Kushnerova, D.P. Information and communication technologies as a means of enhancing the cognitive activity of older preschool children/D.P. Kushnerova, S.V. Buzmakova, G.A. Krivolapova Chelyabinsk, 2022. - 194 s.

[4] Martazanova, A.M. Gamification of the educational process in elementary school using digital technologies/A.M. Martazanova//Pedagogy and psychology of the family in the context of the development of modern education: Materials of the scientific and practical conference of young scientists, Essentuki, November 08, 2024. - Pyatigorsk: LLC “Advertising and Information Agency on KMV,” 2024. - S. 324-329.

[5] Motorin, V.V. Educational possibilities of computer games/V.V. Motorin//Preschool education. – 2000. – № 11. - S. 53-57.

[6] Pikus, I.E. Creation of a modern educational environment to ensure the quality of the educational process through the introduction and use of ICT in the PTA/I.E. Pikus, E.A. Podlivaeva//Pedagogical skills: materials of the VI International Scientific Conference

- Moscow: CT “Buki-Vedi,” 2015. - S. 65-71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-658-664

ЖЭНЬ Илу,

студент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,

e-mail: unimailque@mail.ru

Научный руководитель:

ФИЛЯСОВА Юлия Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена,

e-mail: phill.yield@gmail.com

ФОРМАТ ЧАТ-ШОУ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЭМФАТИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. *Данная статья посвящена изучению формата чат-шоу в качестве методического приема для обучения эмфатической речи на английском языке как иностранном. Эмфаза выполняет важную роль в процессе речевого общения, передачи ключевых смыслов сообщения, эмоционального состояния коммуникантов и отношения к предмету высказывания. Языковое выражение эмфазы охватывают обширный спектр фонетических, лексических, стилистических и синтаксических средств, способных передавать различные аспекты эмоциональной окраски в устной речи в процессе межкультурной коммуникации. Очевидны преимущества формата чат-шоу для развития иноязычной коммуникативной компетенции, особенно на уровне B1+ и выше, такие как совершенствование аудитивных навыков, наблюдение за вербальным и невербальным поведением носителей английского языка, повышение учебной мотивации, беглости речи и самооценки обучающихся. Тем не менее, преподавателю следует быть осведомленным о факторах риска, например, неуверенность обучающихся, недостаточная сформированность языковых навыков, субъективность восприятия эмфазы. Эффективное применение формата чат-шоу определяется систематизированным подходом к планированию и моделированию эпизодов, комбинированием групповой и индивидуальной подготовки, совершенствованием языковых средств эмфазы на сформированной базе соответствующих речевых навыков, необходимой для минимизации языкового барьера.*

Ключевые слова: *инверсия, контраст, интонация, ударение, просодия, ролевая игра, подготовленная речь, спонтанная речь, аудирование*.

REN Yilu,

student, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Research supervisor:

FILYASOVA Yulia Anatolyevna,

PhD, Associate Professor in the English Language Department for Professional Communication, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

A CHAT SHOW FORMAT FOR TEACHING EMPHATIC SPEECH IN THE ENGLISH LANGUAGE

Annotation. *This article examines the chat show format as a technique for teaching emphatic speech in English as a foreign language. Emphasis plays an important role in verbal communication, conveying key meanings, the emotional state of the communicators, and their attitude toward the subject of speech. Linguistic expressions of emphasis encompass a wide range of phonetic, lexical, stylistic, and syntactic means capable of conveying various aspects of emotional coloring in spoken speech during intercultural communication. The chat show format has clear advantages for developing foreign language communicative competence, especially at level B1+ and further. These include improving listening skills, observing the verbal and nonverbal behavior of native English speakers,*

and enhancing students' motivation, fluency, and self-esteem. However, tutors should be aware of risk factors, such as lack of confidence, insufficient language skills, and the subjective perception of emphasis. Effective use of the chat show format requires a systematic approach to planning and modeling episodes, combining group-based and individual preparation, as well as improving the use of emphasis based on a well-established foundation of relevant language skills, which is necessary for minimizing language barriers.

Key words: *inversion, contrast, intonation, stress, prosody, role play, prepared speech, spontaneous speech, listening.*

Владение иностранным языком – это не только знание правил грамматики и накопление словарного запаса, но и способность к эффективной коммуникации, передаче информации, выражению эмоций, намерений и отношения к предмету высказывания, участникам коммуникации. Эмфатическая речь, представляющая собой совокупность интонационных, синтаксических и лексических средств, призванных выделить и подчеркнуть значимость определенных участков речи, играет ключевую роль в создании смысловой структуры и достижении взаимопонимания.

Обучение эмфатической речи представляет собой сложную задачу, требующую глубокого понимания ее механизмов и составления продуманной последовательности методических действий и приемов [12]. Одним из таких потенциально эффективных форматов обучения может стать имитация популярного телевизионного жанра – чат-шоу. Целью данного исследования является анализ дидактического потенциала формата чат-шоу для развития навыков эмфатической речи на английском языке и изложение методических рекомендаций по его применению на занятиях.

Языковые основы эмфатической речи

Эмфаза является универсальным языковым явлением, однако ее сегментные и интонационные средства могут значительно варьировать в разных языках. В английской устной речи эмфаза достигается за счет использования совокупности просодических компонентов, находящихся в определенных системных отношениях [13]. К фонетическим средствам эмфазы относятся изменение высоты голоса на ударном слоге слова или фразы – контрастное повышение или понижение, увеличение длительности гласного или слова под ударением [15], повышение интенсивности артикуляции, которое может приводить к появлению дополнительных коартикуляционных элементов, таких как гортанный шум или гортанная смычка [14]. На участках ближайшего контекста акцентно выделенных слогов может изменяться скорость произнесения – увеличение и понижение темпа произнесения, нередко появление пауз [18], аллитерации, ассонанса, рифмы [25]. Дополнительно, для создания дополнительного эффекта эмфазы и добавления эмоциональной окраски может меняться тембр голоса.

Лексические средства эмфазы включают слова с оценочной и экспрессивной окраской, лексические повторы, употребление заимствованных слов и неологизмов, гиперболы и литоты [24]. Оценочная лексика способна передавать одобрение, неодобрение, восхищение, скептицизм. Синонимичные повторы создают определенное семантическое поле, которое позволяет выразить идею наиболее эффективным способом, например, critical, crucial, important, key, cornerstone, significant, substantial, influential, serious [22]. Заимствованные термины и неологизмы могут нести в себе эмфатическую нагрузку, подчеркивая новизну и уникальность исследуемого объекта, например, кулинарная лексика из китайского языка – tofu, dim sum, wonton, bok choy, lychee, kumquat, char siu bao. Еще одним лексическим приемом эмфазы служит метафора, более свойственная художественной речи, которая способна создавать образность и подчеркивать определенные свойства высказывания [27], например, a piece of cake – простой для понимания, a bad apple – ненадежный человек, the top banana – лидер коллектива, storm in a teacup – напрасное волнение. Аналогично, гипербола и литота могут использоваться для преувеличения или преуменьшения с целью акцентирования внимания и эмфазы, например, perfect, perfection, ideal, sophistication, cutting edge, pioneering, ground-breaking [23].

Стилистические средства эмфазы охватывают ряд приемов – синтаксическая инверсия [9], употребление риторических вопросов, параллелизм, анафора, эпифора, градация, парантеза, контраст [1; 11]. Инверсия позволяет говорящему привлечь внимание аудитории, подчеркнуть определенную идею, например, Never have I seen such a beautiful restaurant! Little did I know that she was already planning to leave [16]. Риторические вопросы многофункциональны в коммуникативной практике, т.к. помогают сменить тему, вовлечь собеседника, подчеркнуть очевидность ситуации, выразить возмущение или

удивление, например, Isn't it obvious? What have done to deserve this? Who cares? Параллелизм и повторы способствуют созданию речевого ритма, логичности и структурированности высказывания [3], например, The more you practice, the better you get. We searched high and low. She is smart, funny, and athletic. Градация помогает выразить эмфазу за счет расположения слов по нарастанию признака или его убыванию; дополнительно, градация помогает усилить ингерентную связь внутри высказывания: It was a little cold – It was very cold – It was freezing. I'm a bit tired – I'm exhausted – I'm burnt out. Вводные слова и выражения передают не только отношение говорящего к высказыванию, но также подчеркивают степень его значимости, например, It should be emphasized, It cannot go unnoticed, What is especially important [21]. Контраст используется как один из основных средств эмфазы – эксплицитного или имплицитного противопоставления понятий [2; 4], например, He works hard. However, he makes little progress. Miranda is very punctual; as for her brother, I have never seen him come on time. Усиление выразительности достигается с помощью антитезы – сопоставления противоположных по значению понятий в одном контексте, например, при употреблении пословиц: Give every man thy ear, but few thy voice [8; 10]. Таким образом, эмфаза является сложным коммуникативным явлением, способным получать выражение с помощью различных языковых средств.

Формат чат-шоу как методический прием

Чат-шоу, характеризующееся свободной, зачастую импровизационной беседой между ведущим, гостями и иногда аудиторией, предоставляет уникальные возможности для развития навыков устной речи. Структура чат-шоу, как правило, включает приветствие и представление гостей и участников, создание атмосферы непринужденности; основная часть посвящена обсуждению тем, вопросам и ответам, дискуссиям, обмену мнениями. Основную часть составляют личные истории, рассказы и анекдоты, вызывающие эмоциональный отклик у зрителей. Отличительной особенностью чат-шоу является интерактивность, или вовлечение зрителей и приглашенных экспертов в активное обсуждение и участие.

Применение формата чат-шоу в обучении английскому языку, особенно для развития эмфатической речи, позволяет обучающимся наблюдать за носителями английского языка на примере различных англоязычных телевизионных шоу, предоставляет возможность анализировать и имитировать артикуляционные движения и интонационные модели носителей языка. Эмфаза реализуется достаточно часто в речи участников чат-шоу спонтанно и естественно под воздействием коммуникативных условий. Благодаря этому имитация эмфатических средств обучающимися отличается реалистичностью. Тематическое многообразие составляет основу мотивации к данному формату говорения и определяет высокую степень вовлеченности обучающихся благодаря игровой форме и интересу к контенту [7]. Просмотр чат-шоу развивает спонтанность при наблюдении за быстрой реакцией носителей языка в ходе дискуссий и обогащает лексико-грамматический запас обучающихся.

Использование формата чат-шоу для целенаправленного обучения эмфатической речи требует систематизированного подхода. Этапы обучения включают анализ образцов, моделирование «выпуска» или «эпизода», подготовка сценария, составление вопросов для импровизационной части, проведение чат-шоу, анализ ошибок и получение обратной связи. Демонстрация фрагментов аутентичных чат-шоу осуществляется совместно с анализом языковых средств с акцентом на интонацию, ударение, темп речи ведущих и гостей [6]. В ходе просмотра чат-шоу обучающимся предоставляются задания для обсуждения и тренировки языковых средств и моделей, используемых для создания эмфазы.

Моделирование выпуска чат-шоу зависит от уровня владения иноязычной коммуникативной компетенцией. Чем выше уровень владения английским языком, тем более автономна подготовка участников. При начальном и среднем уровнях владения англоязычной коммуникативной компетенцией обучающиеся моделируют отдельные элементы чат-шоу под руководством преподавателя, фокусируя внимание на конкретных эмфатических конструкциях и эмфатических средствах.

Сценарная подготовка к чат-шоу выполняется в группах. В процессе совместной речетворческой деятельности обучающиеся выбирают тематику, определяют план и структуру выпуска, распределяют роли [20], разрабатывают подробные сценарии коротких эпизодов, предполагают реплики, требующие особой эмфатической окраски, учитывая индивидуальные личностные особенности и предпочтения участников.

Импровизация и спонтанная речь остаются неотъемлемыми составляющими чат-шоу. Проведение чат-шоу включает подготовленную и неподготовленную части [26], изученные средства эмфатической речи тренируются в обеих формах говорения. Преподаватель может выступать в роли модератора, подсказывая выбор или указывая на необходимость использования эмфатических средств.

После каждого эпизода проводится анализ ошибок, соответствие реально проведенного чат-шоу запланированному сценарию. Преподаватель и сами обучающиеся оценивают эффективность использования эмфатической речи, отмечают удачные моменты и точки роста.

Тренировочные упражнения, направленные на формирование и совершенствование навыков использования эмфатических средств, включают отработку лексических и грамматических единиц с разной интонацией – удивления, радости, гнева, сомнения, с разными смысловыми акцентами, разнообразными языковыми средствами эмфазы – синтаксическими [17], лексическими, просодическими, а также дополнением вербальных средств жестами и мимикой.

Пример отрывка эпизода:

Host: Sarah, let's kick things off with you. Wildlife photography – that sounds incredibly challenging, but also, I imagine, immensely rewarding. What first drew you to this particular art form?

Participant 1: Well, Alex, it was a combination of things, really. I've always been fascinated by nature, the sheer resilience of it, the intricate beauty. But it was actually a trip to Costa Rica a few years ago that cemented it. I saw a resplendent quetzal – a bird of such breathtaking color, it looked like it was sculpted from jewels. I remember thinking, "I have to capture this." The satisfaction when you finally get that perfect shot, after hours of waiting, patiently observing, is – well, it's unparalleled. It's about connection, really. Connecting with the wild.

Host: "Sculpted from jewels" – what a vivid description! David, your hobby seems to operate on a completely different scale! Miniature ship models. How on earth do you achieve such incredible detail at that size?

Participant 2: (Chuckles) It's less about "how" and more about "why," Alex. For me, it's a form of meditation. Each tiny plank, each finely detailed rope, requires absolute focus. You have to slow down, really slow down, and pay attention to the smallest of details. It's about immersion. When I'm working on a hull, I'm not just gluing wood; I'm almost transported back in time, imagining the vast ocean voyages, the brave sailors. It's a tangible connection to history. And yes, the magnifying glass is my constant companion!

Host: Transported back in time – I can absolutely see that. Emily, ballroom dancing! The grace, the energy, the sheer athleticism involved! What's the driving force behind your passion for ballroom?

Participant 3: Oh, Alex, it's the music, the partner, the story we tell together. Ballroom dancing is a dialogue without words. It's about trust, communication, and expression. When you're out on the floor, the lights are on, the music swells, and you and your partner become one entity. It's a feeling of pure exhilaration. The discipline is intense, yes, the sweat is real, but the joy of perfect synchronicity, of executing a complex routine flawlessly, is simply indescribable. It's a chance to be someone else for a few minutes, to live a moment of sheer magic.

Очевидными преимуществами совершенствования эмфатических языковых средств в формате чат-шоу является наблюдение в ходе аудирования и тренировка оттенков интонации в процессе говорения, артикуляции отдельных звуков с полным типом произнесения, сочетание оценочной лексики и синтаксических эмфатических конструкций, вариативное использование языковых средств в зависимости от эмоционального наполнения ситуации общения. Формат чат-шоу позволяет познакомиться с культурными особенностями англоязычного общения. Несомненно, чат-шоу повышает беглость речи обучающихся. Свободное общение в рамках чат-шоу стимулирует говорение без излишних пауз. Поэтапное постепенное знакомство с форматом чат-шоу способствует формированию уверенности. С психологической точки зрения, успешное участие в чат-шоу повышает самооценку обучающихся.

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества, необходимо учитывать некоторые факторы риска [19]. Во-первых, для начинающих формат чат-шоу может показаться слишком сложным, понимание речи носителей языка абсолютно недоступным. Во-вторых, преподаватель должен знать подробную структуру и особенности проведения чат-шоу для организации процесса подготовки и составления инструкций для обучающихся. В-третьих, отбор языкового материала должен соответствовать программе обучения и уровню развития обучающихся [5]. В-четвертых, эффективность использования эмфазы, с учетом многообразия ее языкового воплощения, может быть достаточно субъективным.

Выводы

Формат чат-шоу благодаря своей динамичности, интерактивности и близости к реальным коммуникативным ситуациям представляет собой эффективный методический прием для обучения эмфатической речи на английском языке. Чат-шоу создает мотивирующую языковую среду, в которой обучающиеся могут не только изучать языковые аспекты эмфазы, такие как инверсия, акцентное выделение, оценочная лексика, но и активно применять их на практике, повышая естественность речи, выразительность и эмоциональную насыщенность высказывания. Эффективное применение формата чат-шоу

определяется пошаговым моделированием сценария, включая комбинирование групповой и индивидуальной работы, планированием и отработкой языкового материала, его последующим использованием, как в подготовленных, так и в неподготовленных высказываниях. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методик использования формата чат-шоу при разных уровнях владения иноязычной компетенцией. В соответствии с уровнем подготовки обучающихся могут быть разработаны оценочные средства эффективности формата чат-шоу как методического приема и созданы учебные материалы для обучения эмфатической речи.

Список литературы:

[1] Анисимова Т. В., Чубай С. А. Особенности использования контраста в дискурсе социальной рекламы // Мир русского слова. – 2021. – № 3. – С. 22-31. – DOI 10.24412/1811-1629-2021-3-22-31.

[2] Ахренова Н. А., Гальцов П. И. Фигуры контраста как инструмент создания комического эффекта в дискурсе стендап комедии // Вопросы прикладной лингвистики. – 2023. – № 51. – С. 87-113. – DOI 10.25076/vpl.51.04.

[3] Басюк И. В. Персуазивная функция повтора и антитезы в инаугурационной речи Дональда Трампа // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 3(34). – С. 26-32.

[4] Викторина Т. В. Антонимия как средство создания контраста в рассказах А. И. Куприна // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 103-106. – DOI 10.30853/filnauki.2020.3.21.

[5] Кислякова Е. Ю. Реализация категории инакости в коммуникативных стратегиях и тактиках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 8-17. – DOI 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17.

[6] Коннова М. Н. К вопросу о хронотопической архитектонике рассказа И.С. Шмелева «Угодники Соловецкие»: ценностное измерение // Новый филологический вестник. – 2023. – № 3(66). – С. 213-225. – DOI 10.54770/20729316-2023-3-213.

[7] Копшукова Е. В., Панина Н. В. Динамика формирования полимодальных компонентов в англоязычном образовательном дискурсе (на материале учебника по грамматике “English Grammar in Use” Р. Мерфи) // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 10-34. – DOI 10.24833/2687-0126-2024-6-2-10-34.

[8] Матвеева Е. В., Ма Т. Ю. Когнитивный потенциал стилистического приема антитезы // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 45-54.

[9] Пашков Е. С. Роль и место синтаксических моделей в процессе изучения русского языка как иностранного // International Journal of Professional Science. – 2026. – № 3-1. – С. 116-120.

[10] Сафарова С. Ю. Антитеза как способ реализации контраста в англоязычном медиатексте научно-популярного регистра // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. – 2019. – № 3. – С. 71-79.

[11] Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале поэзии Николая Гумилева) // Современное профессиональное образование. – 2025. – № 6. – С. 242-246.

[12] Фадеева О. И. Интегрированный подход к обучению эмфатической речи английского языка // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 4-1. – С. 258-266.

[13] Федорова З. А. Акцентное выделение как инструмент воздействия: от фонетики к семантике // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 12-1. – С. 330-336.

[14] Филясова Ю. А. Восприятие акцентно выделенных английских слов структуры CVC без финального согласного носителями русского языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 199-214.

[15] Филясова Ю. А. Просодическое оформление выделенного слова в различных позициях в синтагме // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 2-2. – С. 249-256.

[16] Филясова Ю. А. Синтаксические средства эмфазы в английском рекламном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 3. – С. 27-42. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-3-2.

[17] Хутыз И. П. Синтаксические особенности кратких описаний выпусков англоязычных подкастов академической тематики // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2026. – Т. 8, № 1. – С. 92-110. – DOI 10.24833/2687-0126-2026-8-1-92-110.

[18] Чернова С. П. Роль цифровых технологий в фонетических исследованиях // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 12-1. – С. 337-342.

[19] Яковлев Р. Д. Развитие исследовательской компетентности молодого

педагога в профессиональном образовательном сообществе // International Journal of Professional Science. – 2026. – № 3-1. – С. 134-141.

[20] Bakaeva S. A., Samorodova E. A. New opportunities for the humanities: professional polylogue in a multilingual world review of the first international scientific and practical conference “Professional polylogue in a multilingual world: language, culture, method” (Moscow, April 6-7, 2023) // Professional Discourse & Communication. – 2023. – Vol. 5, No. 2. – P. 90-94. – DOI 10.24833/2687-0126-2023-5-2-90-94.

[21] Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Y. Active processes in modern spoken Russian language (evidence from Russian) // Communications in Computer and Information Science. – 2018. – Vol. 859. – P. 391-400. – DOI 10.1007/978-3-030-02846-6_32.

[22] Filyasova Yu. A. Linguistic means of intensification and emphasis in English promotional discourse // Professional Discourse & Communication. – 2026. – Vol. 8, No. 2. – P. 30-47. – DOI 10.24833/2687-0126-2026-8-2-30-47.

[23] Filyasova, Yu. A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // Training, Language and Culture. – 2022. – Vol. 6, No. 4. – P. 50-61. – DOI 10.22363/2521-442X-2022-6-4-50-61.

[24] Gao B. Linguistics means of prominence in English promotional discourse // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2025. – No. 10. – P. 117-123.

[25] Grigorieva L. V. Phonetic means of emphasis in English promodiscourse // Information-Communication-Society. – 2026. – Vol. 1. – P. 89-93.

[26] Marina O. A., Demchenkova O. A. One-minute talk in teaching speaking for specific purposes // Педагогика и психология образования. 2021. No. 4. P. 84-100. DOI 10.31862/2500-297X-2021-4-84-100.

[27] Vidomenko V. V. Metaphorical representation of functional automobile properties in English promotional discourse // Оригинальные исследования. – 2025. – Vol. 15, No. 9. – P. 141-149.

References:

[1] Anisimova T. V., Chubai S. A. Particularities of the contrast using in social advertising discourse // The World of the Russian Word. 2021. V. 3. P. 22-31.

[2] Akhrenova N. A., Galtsov P. I. Figures of contrast as a tool for creating comic effect in standup comedy discourse // Issues of Applied Linguistics. 2023. V. 51. P. 87-113.

[3] Basyuk I. V. The persuasive function of repetition and antithesis in Donald Trump’s inauguration speech // Language Theory and Intercultural Communication. 2019. V. 3(34). P. 26-32.

[4] Viktorina T. V. Antonymy as a means to create contrast in A. I. Kuprin’s stories // Philology. Theory and Practice. 2020. V. 13, No. 3. P. 103-106.

[5] Kislyakova E. The category of alterity via communicative strategies and tactics // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 2018. V. 1. P. 8-17.

[6] Konnova M. N. Ivan Shmeleff’s “The Saints of the Solovki”: axiological dimension of the literary chronotope revisited // The New Philological Bulletin. 2023. V. 3(66). P. 213-225.

[7] Kopshukova E. V., Panina N. V. Dynamics of multimodal components in English educational discourse: the case of “English Grammar In Use” by Raymond Murphy // Professional Discourse & Communication. 2024. V. 6, No. 2. P. 10-34.

[8] Matveeva E. V., Ma T. Y. A cognitive potential of the stylistic device of antithesis // Theoretical and Applied Linguistics. 2015. V. 1, No. 2. P. 45-54.

[9] Pashkov E. S. The role and place of syntactic models in the process of learning Russian as a foreign language // International Journal of Professional Science. 2026. V. 3-1. P. 116-120.

[10] Safarova S. Yu. Antithesis as a means of contrast implemented in English popular science media text // E-Journal of the Dubna State University. A series of “Science of man and society”. 2019. V. 3. P. 71-79.

[11] Stanislavskaya S. A. Contrast as a principle of organizing a poetic text (based on the poetry of Nikolai Gumilev) // Modern Professional Education. 2025. V. 6. P. 242-246.

[12] Fadeeva O. I. An integrated approach to teaching emphatic speech in English // Humanitarian Scientific Journal. 2026. V. 4-1. P. 258-266.

[13] Fedorova Z. A. Accentual emphasis as a tool of influence: from phonetics to semantics // Humanitarian Scientific Journal. 2025. V. 12-1. P. 330-336.

[14] Filyasova Yu. A. Perception of emphasized English words of CVC structure without a final consonant by native Russian speakers // Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism. 2013. V. 2. P. 199-214.

[15] Filyasova Yu. A. Prosodic correlates of the word in focus in different syntactic positions in English // Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism. 2008. V. 2-2. P. 249-256.

[16] Filyasova Yu. A. The syntactic means of emphasis in the English promotional discourse // Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2024. V. 3. P. 27-42.

[17] Khoutyz I. P. Syntactic features of English-language academic podcast episode descriptions // Professional Discourse & Communication. 2026. V.

8, No. 1. P. 92-110.

[18] Chernova S. P. The role of digital technologies in phonetic research // Humanitarian Scientific Journal. 2025. V. 12-1. P. 337-342.

[19] Yakovlev R. D. Developing young teacher's research competence in the professional educational community // International Journal of Professional Science. 2026. V. 3-1. P. 134-141.

[20] Bakaeva S. A., Samorodova E. A. New opportunities for the humanities: professional polylogue in a multilingual world review of the first international scientific and practical conference "Professional polylogue in a multilingual world: language, culture, method" (Moscow, April 6-7, 2023) // Professional Discourse & Communication. 2023. Vol. 5, No. 2. P. 90-94.

[21] Bogdanova-Beglarian N., Filyasova Y. Active processes in modern spoken Russian language (evidence from Russian) // Communications in Computer and Information Science. – 2018. – Vol. 859. – P. 391-400. – DOI 10.1007/978-3-030-02846-6_32.

[22] Filyasova Yu. A. Linguistic means of intensification and emphasis in English promotional discourse // Professional Discourse & Communication. 2026. Vol. 8, No. 2. P. 30-47.

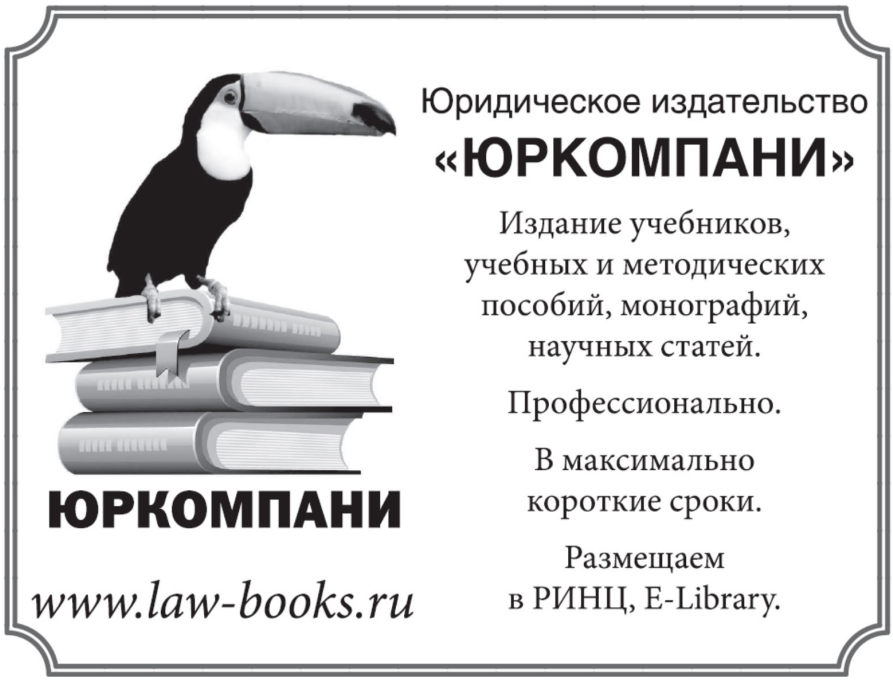
[23] Filyasova, Yu. A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // Training, Language and Culture. 2022. Vol. 6, No. 4. P. 50-61.

[24] Gao B. Linguistics means of prominence in English promotional discourse // Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. No. 10. P. 117-123.

[25] Grigorieva L. V. Phonetic means of emphasis in English promodiscourse // Information-Communication-Society. 2026. Vol. 1. P. 89-93.

[26] Marina O. A., Demchenkova O. A. One-minute talk in teaching speaking for specific purposes // Pedagogy and Psychology of Education. 2021. No. 4. P. 84-100.

[27] Vidomenko V. V. Metaphorical representation of functional automobile properties in English promotional discourse // Original Research. 2025. Vol. 15, No. 9. P. 141-149.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-665-670

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ВЛАСОВ Александр Анатольевич,

заместитель председателя Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности,

e-mail: vlasv-aleks@rambler.ru

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СТРУКТУРУ ЗАНЯТОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ СТАНДАРТИЗАЦИЮ В ПРОМЫШЛЕННОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые особенности текущего состояния регулирования занятости применительно к промышленной отрасли, включая правовое воздействие на динамику численности работников, профессиональный состав и проблемы трудоустройства. Особое внимание уделяется роли профессиональной стандартизации в регулировании трудовых отношений и повышении качества кадрового потенциала работников. Анализируется влияние существующих профессиональных стандартов, установленных для работников, на единообразие наименований должностей и трудовых функций. Рассматриваются меры государственной поддержки занятости, включая программы переподготовки, создания новых рабочих мест и местного социально-экономического развития на примере развития исторически важной в России угольной отрасли. Подчёркивается значимость синхронизации профессиональной стандартизации с технологическим развитием отрасли, включая внедрение цифровых технологий и безопасных практик. Исследование актуально в условиях трансформации отраслей промышленности, связанных с технологическими изменениями, климатической политикой и конкурренцией с альтернативными источниками энергии. Правовое совершенствование системы стандартизации должно содействовать обеспечению баланса между изменениями в технологии, потребностями рынка труда и социальной защитой работников.*

Ключевые слова: *правовое воздействие, занятость, профессиональные стандарты, профессия, персонал, кадры, квалификация, отрасль промышленности, угольная отрасль, цифровизация.*

VLASOV Alexander Anatolyevich,

Postgraduate Student of the Department of Labor Law Academy of Labor and Social Relations, Deputy Chairman of the Russian Independent the trade union of coal industry workers,

LEGAL IMPACT ON EMPLOYMENT STRUCTURE AND PROFESSIONAL STANDARDIZATION

Annotation. *The article examines the legal features of the current state of employment regulation in the industrial sector, including the legal impact on the dynamics of the number of employees, the professional composition, and employment issues. Special attention is paid to the role of professional standardization in regulating labor relations and improving the quality of employees' human resources. The article analyzes the impact of existing professional standards established for employees on the uniformity of job titles and work functions. The article discusses measures of state support for employment, including retraining programs, the creation of new jobs, and local socio-economic development, using the example of the development of the historically important coal industry in Russia. The importance of synchronizing professional standardization with the technological development of the industry, including the introduction of digital technologies and safe practices, is emphasized. The study is relevant in the context of the transformation of industries related to technological changes, climate policy, and competition with alternative energy sources.*

The legal improvement of the standardization system should help ensure a balance between technological changes, labor market needs, and social protection for workers.

Key words: *legal impact, employment, professional standards, profession, personnel, staff, qualifications, industry, coal industry, digitalization.*

Введение. Актуальность исследования структуры занятости и профессиональной стандартизации в различных отраслях экономики обусловлена экономическими и структурными изменениями, происходящими в тех или иных отраслях, а особенно в тех из них, которые связанны со снижением рентабельности и ростом убытков, сокращением занятости ввиду закрытия нерентабельных активов, автоматизацией производства, изменением географии добычи сырьевой продукции. Анализ в них структуры занятости связан, в том числе с перераспределением рабочих мест и необходимостью переподготовки кадров. Например, в угольной отрасли продолжается процесс профессиональной стандартизации, который позволяет привести к единообразию наименования должностей и профессий; более конкретно определить трудовые функции работников; добиться соответствия квалификации сотрудников отраслевым требованиям. Таким образом, исследование структуры занятости и профессиональной стандартизации в промышленности актуально для анализа текущих вызовов в энергетически важных отраслях, разработки мер поддержки работников и предприятий, а также для прогнозирования их будущего развития в условиях глобальных изменений.

Основная часть. Структура занятости применительно к той или иной отрасли экономики имеет определенные особенности, что проявляется в частности на примере угольной промышленности, в которую включено несколько категорий работников, что учитывается в правовом регулировании развития труда в данной отрасли:

- рабочие основных профессий на подземных работах (машинисты горновыемочных машин, проходчики, горнорабочие очистного забоя и т.д.) обеспечивают проведение основных работ по добыче угля в подземных горных выработках;

- рабочие основных профессий на открытых работах (машинисты экскаваторов, бульдозеров, водители большегрузных автомобилей в технологическом процессе) составляют основу персонала при открытой добыче угля;

- инженерно-технические работники (горные мастера, начальники участков, геологи, маркшейдеры, механики) — обеспечивают надзор в процессе проведения соответствующих работ и технологическое сопровождение производства;

- специалисты по автоматизации и IT-технологиям — данная категория работников появилась сравнительно недавно в связи ростом автоматизированных процессов работы и внедрением цифровых технологий;

- вспомогательный персонал (машинисты стационарных установок, конвейеров, электрослесари, водители специальной техники, специалисты по охране труда, экологи) обеспечивает работу вспомогательных служб предприятий в целях обеспечения бесперебойной работы [1].

В связи с изменениями в технологических процессах добычи, переработки, транспортировки угля и горной массы возникли новые тенденции изменения структуры занятости, которые влекут потребность правового совершенствования её дальнейшего развития.

Во-первых, это сокращение доли рабочих традиционных профессий из-за автоматизации процессов. На угледобывающих предприятиях проходят апробацию и тестирование технологии безлюдной выемки полезных ископаемых. Но внедрение роботизированных систем и автоматизации технологических процессов не сможет полностью заменить человеческий труд ввиду сложности процесса добычи угля и необходимости в постоянном контроле за работой систем.

Есть несколько мнений и прогнозов последствий автоматизации производственных процессов. По прогнозам Всемирного экономического форума (ВЭФ), к 2030 году развитие искусственного интеллекта приведёт к сокращению 92 млн рабочих мест по всему миру, а в сфере занятости доля рутинного человеческого труда снизится на 15%. При этом ожидается, что на смену уходящим профессиям придут новые, требующие совершенно других компетенций. Однако есть и другое мнение: автоматизация позволяет перераспределить ресурсы и повысить ценность человеческого труда. Задача технологий — не заменить человека, а освободить его от рутины и создать условия для решения более комплексных и интеллектуальных задач, что должно находить отражение в правовой регламентации соответствующих видов труда [2].

Во-вторых, рост спроса на IT-специалистов и операторов роботизированных систем.

Например, развитие цифровой экономики и цифровизация в угольной отрасли порождает

необходимость в соответствующих специалистах. Если раньше разработка софта и автоматизация процессов были прерогативой технологических компаний, то в последние несколько лет даже традиционные отрасли активно наращивали ИТ-бюджеты. Санкционное давление 2022 года и последующий отказ западных вендоров от работы в России резко изменили приоритеты рынка. Компании экстренно переходили на отечественные аналоги SAP, Oracle и Microsoft, что вызвало спрос на специалистов по 1С, PostgreSQL и российским CRM-системам [3].

В связи с ростом объема данных способность правильно интерпретировать и применять их даёт конкурентные преимущества, поэтому каждое крупное предприятие нуждается в экспертах в данной области. Также быстрорастущее количество киберугроз требует повышенный спрос на специалистов по информационной безопасности, правовые требования к которым должны быть соответствующим образом урегулированы.

В-третьих, повышение требований к квалификации инженерно-технических работников посредством специального законодательства, регламентирующего развитие соответствующей отрасли промышленности. Законодатель постоянно расширяет и повышает требования к квалификации персонала, занятого работами на опасных производственных объектах, в том числе в угольной промышленности. Например, Федеральным законом №373-ФЗ от 24.07.2023 «О внесении изменения в статью 25 Федерального закона „О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности“» изменена периодичность проведения обучения для работников, осуществляющих руководство горными и взрывными работами [4]. Теперь вышеуказанные специалисты обязаны проходить дополнительное обучение один раз в три года, а не в пять лет, как было ранее, что отражается и на правовых требованиях к содержанию образовательных программ.

В-четвертых, увеличение доли специалистов по охране труда и экологии в связи с расширением и повышением правовых требований безопасности.

Согласно Программе развития угольной промышленности России на период до 2035 года, одна из задач — минимизировать условия возникновения чрезвычайных происшествий и повысить состояние промышленной безопасности. Способствовать этому могут реформирование и введение новых систем производственного контроля промышленной безопасности, создание условий для работы уполномоченных по охране труда профсоюза, обязательное формирование совместных комитетов (комиссий) по охране труда из представителей профсоюза и работодателей, разработка механизмов совершенствования образовательных технологий для повышения профессиональной компетентности персонала в вопросах промышленной безопасности и охраны труда [5]. При этом необходимо учитывать сложившуюся и продолжающуюся развиваться систему государственного и локального управления трудом в Российской Федерации [6].

Профессиональная стандартизация в отраслях промышленности может включать в себя процесс разработки и утверждения профессиональных стандартов для работников нескольких подотраслей, как, например, в угольной промышленности – для работников угледобывающих и углеперерабатывающих предприятий. Однако общая цель для отрасли — привести наименование должностей, профессий и специальностей, а также трудовые функции инженерно-технических работников и рабочих к единому стандарту, применяемому на территории России [7].

Появившиеся сравнительно недавно и продолжающиеся совершенствоваться профессиональные стандарты закрепляют единую систему требований к квалификации и уровню профессиональной подготовки кадров. Они являются документами, определяющими требования к квалификации, навыкам и компетенциям работников. В угольной отрасли они помогают повысить безопасность труда шахтеров и гарантировать проведение работ в соответствии с нормами и требованиями законодательства.

К основным функциям профессиональных стандартов относятся: унификация требований к квалификации работников; актуализация образовательных программ вузов и техникумов; повышение уровня безопасности труда; оптимизация кадровой политики предприятий. Кроме того, происходит влияние стандартизации на социальную стабильность в регионах, городах и посёлках.

В угольной отрасли разработкой профессиональных стандартов занимается, созданный решением Национального совета при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям в 2024 году Совет по профессиональным квалификациям в угольной промышленности. К ведению СПК отнесён ряд действующих профессиональных стандартов, в том числе для таких профессий, как горнорабочий подземный, проходчик подземный, машинист подземных установок и другие.

Осуществляемая в стране цифровизация, охватывающая все отрасли промышленности, влияет на структуру занятости и стандартизацию производственных процессов через внедрение цифровых технологий, которые автоматизируют процессы, повышают точность планирования и контроля, а также создают новые требования к компетенциям работников.

Происходит трансформация традиционных форм занятости. Традиционные рабочие места, связанные с физическим трудом, трансформируются в высокотехнологичные и высокопроизводительные места с интеллектуальными факторами производства. Например, концепция «смарт-шахты» подразумевает использование цифровых платформ для мониторинга состояния пластов и работы оборудования, минимизацию участия человека в добыче. Появляются новые требования к компетенциям работников. Автоматизация и роботизация горных работ, внедрение систем искусственного интеллекта и больших данных в управление производством создают принципиально новые требования к компетенциям работников. Например, растёт важность цифровой грамотности, навыков работы с большими данными. Снижается значимость традиционных физических навыков и ручного труда. Это связано с автоматизацией производственных процессов [8].

Однако, переход к цифровым технологиям может увеличить риск сокращения рабочих мест, так как устаревают непроизводительные рабочие места. В этом случае необходимо разрабатывать образовательные программы на профессиональное переобучение работников. Качественные программы требуются, начиная с уровня ученичества, организация которого осуществляется работодателями, как правило, с участием профсоюзных организаций, наставников и привлекаемых специалистов [9].

Нельзя не отметить роль образовательных структур в развитии профессиональной стандартизации. Образовательные структуры играют ключевую роль в развитии профессиональной стандартизации, обеспечивая связь между системой образования и требованиями рынка труда. Они используют профессиональные стандарты как основу для формирования образовательных программ, повышения качества подготовки специалистов и обеспечения их востребованности на рынке труда. Профессиональные стандарты определяют требования к квалификации специалистов, которые необходимы для выполнения конкретных трудовых функций. Образовательные организации обязаны учитывать профессиональные стандарты при формировании федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), примерных и основных образовательных программ (ООП), особенно прикладного характера. Это позволяет обеспечить актуальность содержания образования и соответствие подготовки выпускников потребностям рынка труда [10].

В правовом механизме содействия занятости профессиональные стандарты служат основой для определения профессиональных компетенций, которые должны быть сформированы у выпускников. Образовательные программы разрабатываются так, чтобы результаты обучения (знания, умения, навыки) соответствовали трудовым функциям, указанным в профессиональных стандартах. Образовательные структуры вовлекают представителей работодателей, профессиональных сообществ и отраслевых профессиональных союзов в процесс разработки и экспертизы образовательных программ. Это обеспечивает «обратную связь» от рынка труда и помогает учитывать актуальные требования к специалистам. Поскольку профессиональные стандарты регулярно обновляются, образовательные организации должны своевременно корректировать учебные планы, добавлять новые дисциплины или модули, отражающие современные тенденции в профессии. Это поддерживает динамичность образовательных программ. Преподаватели должны быть знакомы с актуальными профессиональными стандартами и понимать их значение для образовательного процесса. Это требует повышения квалификации педагогов и их вовлечения в профессиональные сообщества [10].

Профессиональные стандарты используются при проведении профессионально-общественной аккредитации образовательных программ. Они служат критерием для оценки соответствия подготовки выпускников требованиям рынка труда. При создании программ профессионального обучения, повышения квалификации и переподготовки образовательные организации обязаны учитывать ПС. Это позволяет адаптировать специалистов к меняющимся условиям профессиональной деятельности [11].

Для повышения эффективности взаимодействия образовательных структур и профессиональной стандартизации требуется системный подход, включающий совершенствование самих ПС, повышение квалификации педагогов и усиление взаимодействия с работодателями; развитие механизмов непрерывного образования для адаптации специалистов к меняющимся условиям

труда; дальнейшее согласование правовых требований к квалификациям в образовании и на рынке труда через координацию усилий профессиональных институтов, объединений и органов управления образованием [12].

Очевидно, что образовательные структуры выступают связующим звеном между системой образования и требованиями рынка труда, используя профессиональные стандарты в правовом механизме содействия занятости как инструмент для повышения качества подготовки специалистов и обеспечения их конкурентоспособности.

Заключение. Если говорить о перспективах развития профессиональной стандартизации, то в ближайшие годы ожидается расширение перечня профессиональных стандартов для новых специальностей; интеграция цифровых компетенций в существующие стандарты; усиление требований к экологической безопасности; развитие программ переподготовки кадров, что в свою очередь должно привести к повышению производительности труда; снижению профессиональных рисков; улучшению качества подготовки специалистов; адаптации каждой отрасли к глобальным технологическим изменениям [13].

Структура занятости в отраслях промышленности постоянно меняется под влиянием технологических новаций и правового воздействия. Профессиональная стандартизация выступает важным правовым инструментом адаптации соответствующей отрасли к новым условиям, обеспечивая безопасность, эффективность и конкурентоспособность производства. Внедрение цифровых технологий требует пересмотра правовых подходов к подготовке кадров и актуализации профстандартов. Дальнейшее развитие различных отраслей экономики будет зависеть от успешной интеграции современных технологий и создания на правовой основе гибкой системы профессиональных стандартов, отвечающих вызовам времени.

Список литературы:

Демидов А.А. Вспомогательный персонал: перечень должностей и функции. // Информационный портал для специалистов по охране труда. URL: https://www.trudohrana.ru/article/104874-25-m11-vspomogatelnyy-personal-perechen-doljnostey-i-funktsii (дата обращения: 18.01.2026).

О. Дмитриенко. Почему технологии изменят рынок труда в будущем: профессии и навыки 2030 года. // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/09/23/pochemu-tehnologii-izmeniat-rynok-truda-v-budushchem-professii-i-navyki-2030-goda.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.03.2026).

Д. Кудерин. IT рынок раздулся и теперь лопнул — есть ли дефицит в ИТ в 2025 году? // Tproger. URL: https://tproger.ru/articles/it-rynok-razdulsya-i-teper-lopnul---est-li-deficit-v-it-v-2025-godu- (дата обращения: 01.03.2026).

Федеральный закон от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности»// Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 26. ст. 3033.

Распоряжение Правительства РФ от 13.06.2020 № 1582-р (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 25. Ст. 3963.

Крылов К.Д., Слюсарев Д.С. Правовая регламентация государственного и локального управления охраной труда // Образование и право. - 2022. - № 1. - С. 53-59

В России утвердили профессиональные стандарты для угольной отрасли// АЭИ «ПРАЙМ». URL: https://1prime.ru/20230510/840559233.html (дата обращения: 19.03.2026).

Рожков А.А., Соловенко И.С., Бесфамильная С.В., Карпенко С.М. Оценка влияния инновационно-цифровой трансформации угольной отрасли России на рынки труда горнопромышленных территорий. Горная промышленность. 2021;(2):67–76.

Крылов К.Д., Андрющенко О.А. Политико-правовые ориентиры социального партнерства в развитии ученичества // Образование и право. - 2024. - № 1. – С. 17-22.

Бичева Т. А., Тарасова А. И., Бичев И. А. Влияние профессиональных стандартов на образовательную деятельность // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2025. № 6. С. 145-148.

Использование профессиональных стандартов в образовательном процессе. Составители Е.Н. Летягина, С.В. Едемская. Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. – 56 с.

Кузнецова Т.А., Репп П.В. Координация профессиональных и образовательных стандартов как механизм эффективного управления качеством образования. Университетское управление: практика и анализ. 2016;(3):62-72.

И. Волошина. Целевая модель обновления профессиональных стандартов. // Сетевое издание “Национальная система квалификаций

России". - URL: https://journal.nark.ru/articles/professionalnye-standarty-i-otsenka-kvalifikatsii/tselevaya-model-obnovleniya-professionalnykh-standartov/ (дата обращения: 19.03.2026).

References:

[1] Demidov A.A. Auxiliary personnel: list of positions and functions. // Information portal for occupational safety specialists. URL: https://www.trudohrana.ru/article/104874-25-m11-vspomogatelnyy-personal-perechen-doljnostey-i-funktsii (accessed: 18.01.2026).

[2] O. Dmitrienko. Why technologies will change the labor market in the future: professions and skills of 2030. // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2025/09/23/pochemu-tehnologii-izmeniat-rynok-truda-v-budushchem-professii-i-navyki-2030-goda.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Accessed: 01.03.2026).

[3] D. Kuderin. The IT market has swelled and now burst – is there an IT shortage in 2025? // Tproger. URL: https://tproger.ru/articles/it-rynok-razdulsya-i-teper-lopnul---est-li-deficit-v-it-v-2025-godu- (Accessed: 01.03.2026).

[4] Federal Law of June 20, 1996 No. 81-FZ (as amended on July 31, 2025) "On State Regulation in the Field of Coal Mining and Use, on the Features of Social Protection of Employees of Coal Industry Organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 26. Art. 3033.

[5] Order of the Government of the Russian Federation of June 13, 2020 No. 1582-r (as amended on October 21, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 25. Art. 3963.

[6] Krylov K.D., Slyusarev D.S. Legal regulation of state and local occupational safety and health management // Education and Law. - 2022. - No. 1. - P. 53-59

[7] Professional standards for the coal industry have been approved in Russia // AEI "PRIME". URL: https://1prime.ru/20230510/840559233.html (date of access: March 19, 2026).

[8] Rozhkov A.A., Solovenko I.S., Besfamilnaya S.V., Karpenko S.M. Assessing the impact of the innovative and digital transformation of the coal industry in Russia on the labor markets of mining territories. Mining industry. 2021; (2): 67–76.

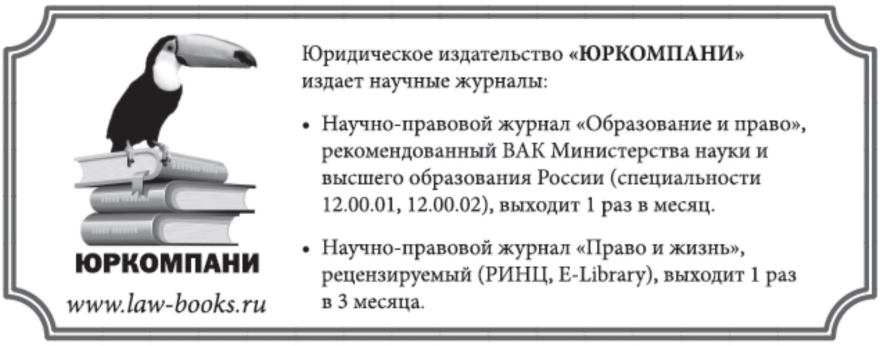
[9] Krylov K.D., Andryushchenko O.A. Political and legal guidelines for social partnership in the development of apprenticeships // Education and Law. - 2024. - No. 1. – P. 17-22.

[10] Bicheva T. A., Tarasova A. I., Bichev I. A. The Impact of Professional Standards on Educational Activities // Information and Economic Aspects of Standardization and Technical Regulation. 2025. No. 6. pp. 145-148.

[11] Use of Professional Standards in the Educational Process. Authors E. N. Letyagina, S. V. Edemskaya. Study Guide. - Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2015. - 56 p.

[12] Kuznetsova T. A., Repp P. V. Coordination of Professional and Educational Standards as a Mechanism for Effective Education Quality Management. University Management: Practice and Analysis. 2016; (3): 62-72.

[13] I. Voloshina. Target Model for Updating Professional Standards. // Online Publication "National Qualifications System of Russia". - URL: https://journal.nark.ru/articles/professionalnye-standarty-i-otsenka-kvalifikatsii/tselevaya-model-obnovleniya-professionalnykh-standartov/ (date of access: 19.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-671-676
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

БАЗАРКИНА Оксана Викторовна,
главный правовой инспектор труда Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности, г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: terkomoksana@rambler.ru

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОФСОЮЗНОГО КОНТРОЛЯ ПРАВОВЫМИ ИНСПЕКТОРАМИ ТРУДА

Аннотация. *В статье рассмотрена деятельность по защите трудовых прав и связанных с ними социально-экономических интересов работников в части особенностей профсоюзного контроля за соблюдением работодателями и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, законодательства о профсоюзах, выполнения ими условий коллективных договоров, соглашений. Изложены задачи, функции и полномочия правовой инспекции труда профсоюза, показана эффективность работы правовых инспекторов труда на примере их деятельности в угольной промышленности в период с 2021 по 2026 годы. Обращено внимание на деятельность профсоюзных юристов по актуализации законодательства.*

Ключевые слова: *трудовое законодательство, отраслевое соглашение, защита трудовых прав, профсоюзный контроль, правовой инспектор труда, угольная промышленность.*

BAZARKINA Oksana Viktorovna,

Chief Legal Labor Inspector
Russian Independent Trade Union
of Coal Industry Workers,
Moscow, Russian Federation

IMPLEMENTATION OF TRADE UNION CONTROL BY LEGAL LABOR INSPECTORS

Annotation. *The article examines the activities aimed at protecting labor rights and related socio-economic interests of employees in terms of the specifics of trade union control over compliance by employers and their representatives with labor legislation and other regulatory legal acts containing labor law, legislation on trade unions, and their fulfillment of the terms of collective agreements. The tasks, functions and powers of the legal labor inspectorate of the trade union are outlined, and the effectiveness of the work of legal labor inspectors is shown using the example of their activities in the coal industry from 2021 to 2026. Attention is drawn to the activities of trade union lawyers in updating legislation.*

Key words: *labor legislation, industry agreement, protection of labor rights, trade union control, legal labor inspector, coal industry.*

Введение. В исторически сложившейся отечественной системе контроля за соблюдением прав работников действуют предусмотренные законодательством различные виды контроля: государственный контроль (надзор), ведомственный, муниципальный и общественный контроль, а также особо выделяется и осуществляется профсоюзный контроль, реализуемый общероссийскими профессиональными союзами и их объединениями, межрегиональными и территориальными объединениями организаций профсоюзов [1]. В соответствии с положениями Трудового кодекса Российской Федерации (ст.370) и Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (ст.19) профессиональные союзы имеют право на осуществление контроля за соблюдением работодателями и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, выполнением ими условий коллективных договоров, соглашений. Для осуществления данного контроля профсоюзами созданы правовые и технические инспекции труда, которые

продолжают и совершенствуют свою деятельность на основе законодательства и принимаемых в соответствии с ним профсоюзных актов, имеющих правовой характер. Проведение в последние годы в стране реформы государственной контрольно-надзорной деятельности и введение ряда ограничений на её осуществление обусловливают привлечение научного внимания к правовым вопросам организации, функционирования и эффективности правовой инспекции труда профсоюзов, на которую не распространяются ограничения, введенные для государственных структур.

Основная часть. Правовая инспекция труда каждого профсоюза осуществляет свою деятельность в соответствии с Положением о правовой инспекции труда (далее по тексту Положение), разработанным непосредственно данным общероссийским профсоюзом в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (ст. 370). Общероссийское объединение профессиональных союзов тоже создаёт правовую и техническую инспекцию труда, которая наделяется полномочиями, предусмотренными положением, утверждаемым соответствующим объединением. Межрегиональное и территориальное объединение (ассоциация) организаций профессиональных союзов, действующее на территории субъекта Российской Федерации, также создаёт правовую и техническую инспекцию труда, которая осуществляет свою деятельность на основании принимаемого им положения в соответствии с типовым положением соответствующего общероссийского объединения профессиональных союзов.

Для повышения качества работы правовых инспекторов труда в каждом общероссийском профсоюзе принятое в нём Положение конкретизируется и дополняется руководящим органом профсоюза рядом документов нормативного и методического характера. В частности, в Российском независимом профсоюзе работников угольной промышленности (Росуглепроф) Положение о правовой инспекции труда дополнено Порядком проведения правовыми и техническим инспекторами труда проверок соблюдения работодателями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, законодательства о профессиональных союзах, выполнения условий коллективных договоров, соглашений, Памяткой инспекторам труда по проверке соблюдения трудового законодательства, Примерным перечнем документов и локальных актов, которые инспекторы труда могут запросить при проведении проверки, Алгоритмом осуществления профсоюзного контроля инспекторами труда и рядом других профсоюзных актов.

Основными задачами Правовой инспекции труда являются:

- защита трудовых прав и связанных с ними социально-экономических интересов членов профсоюза;

- контроль за соблюдением работодателями, их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, выполнения ими условий коллективных договоров, соглашений, законодательства о профсоюзах;

- отстаивание прав и интересов работников при разработке проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных актов органов местного самоуправления, внесении в них дополнений и (или) изменений, разработке и заключении коллективных договоров и соглашений;

- оказание консультативно-правовой помощи организациям и членам профсоюза.

Профсоюзные инспекторы труда имеют право беспрепятственно посещать любых работодателей, у которых работают члены профсоюза с целью проведения проверок на соблюдение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, законодательства о профессиональных союзах, выполнения условий коллективных договоров, соглашений. Рассмотрение представлений соответствующих профсоюзных органов о выявленных нарушениях, принятие мер по их устранению и сообщение этим профсоюзным органам о принятых мерах является одной из основных обязанностей работодателя. Работодатель обязан в недельный срок с момента получения требования об устранении выявленных нарушений сообщить соответствующему профсоюзному органу о результатах рассмотрения указанного требования и принятых мерах (ст. 370 ТК РФ).

Правовые инспекции труда профсоюзов тесно взаимодействуют с Федеральной службой по труду и занятости. Например, в угольной промышленности это взаимодействие осуществляется в рамках заключенного в 2019 году Соглашения о порядке взаимодействия Федеральной службы по труду и занятости и Российского независимого профсоюза работников угольной промышленности.

Правовые инспекторы труда регулярно проводят проверки соблюдения работодателями трудового законодательства Российской Федерации, как самостоятельно, так и с

представителями Государственной инспекции труда, прокуратуры.

В соответствии с пунктом 6 поручений Президента Российской Федерации от 31 декабря 2021 г. № Пр-2576, данных после аварии на Шахте Листвяжная, Роструду совместно с Российским независимым профсоюзом работников угольной промышленности было поручено обеспечить контроль за выполнением условий Федерального отраслевого соглашения по угольной промышленности РФ и по итогам контрольных мероприятий направлять ежегодные доклады в Генеральную прокуратуру Российской Федерации [2].

Для выполнения данного Поручения Росуглепрофом совместно с Рострудом ежегодно разрабатываются графики проверок соблюдения работодателями условий Федерального отраслевого соглашения по угольной промышленности. Совместные контрольные мероприятия успешно реализуются на практике [3].

Например, за период с 2021 по 2026 годы, правовыми инспекторами труда Росуглепрофа проведено 411 проверок работодателей, выявлено и устранено 2130 нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, выполнения ими условий коллективных договоров, соглашений, законодательства о профсоюзах.

В связи с началом СВО в 2022-2025 годах Правительству РФ были переданы полномочия по установлению особенностей проведения контрольно-надзорной деятельности в РФ, в том числе в части введения моратория на проведение проверок, контрольных (надзорных) мероприятий (см. п. 2 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») [4].

Поправками в Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» мораторий на плановые проверки был продлен до 2030 года. В декабре 2024 года было установлено, что плановые проверки проводятся исключительно в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям высокого и чрезвычайно высокого риска.

Действие постановления Правительства РФ № 336 не распространяется на проверки за соблюдением работодателями и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, выполнения ими условий коллективных договоров, соглашений, законодательства о профсоюзах, осуществляемые профсоюзными инспекторами труда, в соответствии со статьей 370 Трудового кодекса Российской Федерации.

Внеплановые проверки Государственной инспекцией труда, в большинстве случаев, проводятся только по согласованию с прокуратурой.

По обращениям Росуглепрофа к Генеральному прокурору Российской Федерации за согласованием проведения внеплановых проверок, отказов не поступало.

Таким образом, осуществление профсоюзного контроля путем проведения проверок правовыми и техническими инспекторами труда – это доступный и действенный способ быстрого реагирования на нарушение трудового законодательства со стороны работодателя.

В период с 2021 по 2025 годы правовыми инспекторами труда Росуглепрофа в 730 случаях была оказана помощь при оформлении исковых заявлений в суд, апелляционных, кассационных жалоб, заявлений в комиссии по трудовым спорам. С участием правовых инспекторов труда в судах было рассмотрено в пятилетний период 421 дело. Практически все заявления и иски удовлетворяются как в судебных органах, так и в комиссиях по трудовым спорам.

Подготовка, сбор материалов и сопровождение в суде работников-членов Росуглепрофа осуществляется не только по вопросам, связанным с трудовой деятельностью, но и по пенсионным, семейным, жилищным, гражданским и другим делам.

Правовые инспекторы труда Росуглепрофа успешно представляют интересы в судебных органах не только членов профсоюза, но и интересы профсоюзных организаций, в том числе в Арбитражных судах Российской Федерации.

За последние пять лет на личный прием за юридическими консультациями к правовым инспекторам труда Росуглепрофа обратился 7281 член Росуглепрофа, кроме того, рассмотрено 3662 письменных жалоб и других обращений членов профсоюза. Работа ведется не только с работниками-членами Росуглепрофа, но и с ветеранами предприятий, студентами.

Правовые инспекторы труда активно принимают участие в рассмотрении и проработке проектов законов и иных нормативных актов, в том числе субъектов Российской федерации, так за пять лет проведена работа над 403 законопроектами.

За 2021-2025 годы инспекторами профсоюза было проведено 2065 экспертиз коллективных договоров, соглашений и

локальных нормативных актов, предоставленных в первичные профсоюзные организации и территориальные организации, на предмет соответствия требованиям действующего законодательства.

Правовые инспекторы труда оказывают практическую помощь в подготовке и проведении отчетных, отчетно-выборных конференций в первичных и территориальных организациях профсоюза, ведут разъяснительную работу в коллективах по трудовому законодательству и иным нормативно правовым актам, содержащим нормы трудового права.

Правовые инспекторы труда не только принимают непосредственное участие в обучении, но и сами организовывают обучение профсоюзного актива, работников территориальных и первичных профсоюзных организаций.

В условиях постоянной трансформации трудового законодательства, внедрения новых современных технологий, цифровизации и искусственного интеллекта, нельзя останавливаться на достигнутых результатах, требуется учет правовых новаций и инициатив в защите трудовых прав и охране труда [4]. Руководство профсоюзов стремится системно повышать эффективность правовой инспекции труда, в том числе путем повышения квалификации и обучения правовых инспекторов труда, несмотря на то, что кадровый состав правовой инспекции труда обладает необходимым образованием и опытом практической деятельности.

Особое место в таком обучении занимают совместные с техническими инспекторами труда обучающие семинары по дополнительным профессиональным программам повышения квалификации, например, такие как: «Система управления охраной труда», «Оценка производственных и экологических рисков в рамках обеспечения техносферной безопасности». Они проводятся профсоюзом с участием академических преподавателей и специалистов-практиков Роструда, Ростехнадзора, ФНПР.

В программу обучения включаются вопросы правоприменения в области трудового права, в том числе социального партнерства, охраны труда, законодательства о профсоюзах и т.д.

Осуществляется взаимодействие между профсоюзами по группам отраслей, в частности, в рамках подписанного в 2021 году Соглашения о сотрудничестве между профессиональными союзами базовых отраслей промышленности и строительства РФ, с целью расширения возможностей для представительства и защиты социально-трудовых прав и экономических интересов членов профсоюза. В деятельности Ассоциации используются такие формы взаимодействия внутри объединения, как круглые столы с участием специалистов членских организаций, входящих в Ассоциацию, по основным направлениям деятельности: социально-экономической, правовой, информационной, охране труда.

Правовые инспекторы труда отраслевых профсоюзов систематически встречаются на заседаниях круглых столов. В процессе общения обсуждаются текущие профсоюзные проблемы, происходит обмен мнениями, по тем или иным вопросам, рассматриваются показательные случаи правоприменительной и судебной практики.

Начиная с 2023 года, ежегодно Федерация независимых профсоюзов России организовывает и проводит Всероссийский юридический форум Федерации независимых профсоюзов России. В нём участвуют представители правовых служб членских организаций ФНПР, профсоюзных правовых инспекций и руководители региональных объединений организаций профсоюзов. Перед участниками выступают представители ФНПР, представители судебной власти страны, прокуратуры, Гострудинспекции, ведущие учёные-юристы в сфере труда и социальной защиты.

На площадках проводимых форумов, эксперты представляют последние научные и практические разработки, касающиеся защиты прав работников, роли профсоюзов в современной правовой системе и совершенствования механизмов социального партнерства. Происходят обсуждения механизмов взаимодействия профсоюзов с государственными органами и социальными партнёрами, обмен опытом правозащитной работы, выработка совместных подходов к защите интересов трудящихся разных отраслей и форм занятости.

Профсоюзные юристы оказывают содействие руководителям профсоюзов в их деятельности в координационном, постоянно действующем органе, который обеспечивает регулирование социально-трудовых отношений и согласование социально-экономических интересов общероссийских объединений профессиональных союзов, общероссийских объединений работодателей и Правительства Российской Федерации - Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК).

В рамках РТК рассмотрено большое количество вопросов, среди которых наиболее важными являлись: о внесении изменений в Трудовой кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ; о проектах федеральных

законов «О занятости населения в Российской Федерации», «О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний», «О страховых пенсиях», «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»; о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации; о размерах страховых взносов в государственные внебюджетные социальные фонды и т.д.

Жаркие споры на рабочих группах РТК велись, в частности, вокруг законопроекта, устанавливающего временный порядок банкротства предприятий угольной отрасли. Законопроект был направлен на ускоренный вариант банкротства угольных предприятий, что могло повлечь за собой серьезные негативные социальные последствия для работников, занятых на этих предприятиях, жителей моногородов, субъектов Российской Федерации. В настоящее время по инициативе профсоюзной стороны законопроект снят с обсуждения.

Кропотливая и почти ежедневная работа проводится профсоюзными юристами над проектами нормативных правовых актов, федеральных программ различного уровня. Направляются заключения и отзывы в Российскую трёхстороннюю комиссию по регулированию социально-трудовых отношений, Государственную Думу РФ, федеральные органы исполнительной власти, ФНПР.

Особый вклад профсоюзов внесён в контрольно-надзорную реформу, которая была направлена на актуализацию законодательства и так называемую «регуляторную гильотину», начавшуюся в 2019 году. В процессе данной работы были пересмотрены действующие нормативные правовые акты, начиная с 1917 года [5].

Одной из правовых задач, стоящих перед профсоюзами, является сохранение действия положений нормативных актов, учитывающих специфику работы и предоставления соответствующих гарантий и компенсаций работникам соответствующих отраслей.

Так, например, в угольной промышленности в результате актуализации законодательства, норму о доплате за передвижение в шахте от ствола к месту работы и обратно, которая ранее была установлена Постановлением Правительства РФ от 15.05.1998 № 452 «О доплате работникам организаций угольной, сланцевой промышленности и шахтного строительства, постоянно занятым на подземных работах, за нормативное время их передвижения в шахте от ствола к месту работы и обратно», было принято решение включить в федеральный закон.

По итогам совещания, проведенного 2 декабря 2021 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в связи с аварией на шахте «Листвяжная» в ноябре 2021, были даны Поручения, в соответствии с которыми было повышены требования в области обеспечения безопасности труда.

Результатом реализации данных Президентом РФ В.В. Путиным Поручений, стал ряд изменений в Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности РФ, устанавливающие дополнительную ответственность работодателей по возмещению ущерба членам семей шахтеров, погибших в результате несчастного случая на производстве или в связи с профессиональным заболеванием (сверх выплат, предусмотренных законодательством РФ об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний); исключение из структуры условно-постоянной части заработной платы шахтеров выплат, прямо или косвенно зависящих от выработки (количества добытого угля), в том числе оплаты по сдельным расценкам, с сохранением доли условно-постоянной части в структуре заработной платы шахтеров не менее 70 процентов. Данные позиции были сохранены при заключении Федерального отраслевого соглашения по угольной промышленности РФ на 2025-2027 годы.

В соответствии с действующим законодательством, положения Соглашения обязательны для выполнения всеми работодателями, подписавшими данное Соглашение и присоединившимися к нему. Конкретные пункты Соглашения, реализуются через коллективные договоры и локальные нормативные акты, согласованные с выборными органами профсоюза, с учетом особенностей предприятия.

Кроме того, вышеуказанные Поручения послужили основой к пересмотру ряда законов по обеспечению безопасности и охраны труда, а также внесению изменений в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, в части установления ответственности работодателей за нарушение обязательств по коллективному договору, соглашению в части, касающейся охраны труда работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в том числе на подземных работах. Данные меры были осуществлены в русле реформирования законодательства об

охране труда и возвышения права на безопасную и здоровую производственную среду

Защита прав и законных интересов членов профсоюза, путем оказания помощи в сборе и подготовке заявлений, жалоб для предъявления в органы контроля (надзора); осуществления функций представительства и защиты в судебных органах не только по трудовым и непосредственно связанным с ними социально-экономическим вопросам, но и по другим насущным проблемам членов профсоюза (пенсионным, жилищным, семейным и т.д.) всегда служила дополнительной мотивацией для профсоюзного членства. Для правовых инспекторов труда общероссийских профсоюзов обосновано оставлена возможность представительства и защиты интересов членов профсоюза по любым спорам.

Заключение. Для решения социально-трудовых проблем, возникающих в различных отраслях, в том числе в связи с финансовыми затруднениями, профсоюзы продолжают тесно и плодотворно работать с органами государственной власти РФ всех уровней, объединениями работодателей, что служит реализации конституционного ориентира на обеспечение и развитие в стране принципов социального партнерства. Осуществление профсоюзного контроля силами правовых инспекторов труда в реалиях действующего трудового законодательства является эффективным и действенным способом защиты и восстановления трудовых прав работников - членов профсоюза. Расширение научного освещения в образовательном процессе деятельности профсоюзных юристов может способствовать развитию юридического образования, подготовке юридических кадров в области трудового права и осуществления контроля за соблюдением трудового законодательства.

Список литературы:

[1] Купреев Я.В. История становления и развития правового регулирования отношений по профсоюзному контролю в сфере труда. // Труд и социальные отношения. 2023. Том 34. № 2. С. 196-203.

[2] Перечень поручений по итогам совещания о ситуации в угольной отрасли Кузбасса // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67550 (дата обращения 21.05.2026).

[3] Власов А. А. Социально-партнерское регулирование труда в угольной промышленности России. // Труд и социальные отношения. 2025. Том 36. № 5. С.191-199.

[4] Крылов К. Д., Новрадова-Василиади С. М. Охрана труда и защита трудовых прав: современное состояние и перспективы // Охрана труда и защита трудовых прав: современное состояние и перспективы: сборник научных докладов и статей междисциплинарного круглого стола, приуроченного к Всемирному дню охраны труда (Москва, 28 апреля 2025 г.) / Акад. труда и соц. отношений, Юрид. фак.; отв. ред.: С. М. Новрадова-Василиади, Е. Б. Вереd – Москва : АТиСО, 2025. – 124 с. – С. 5-12.

[5] Кнутов А.В., Плаксин С.М., Синятуллин Р.Х., Чаплинский А.В. Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 4–27.

[6] Крылов К.Д., Чесалов И.А. Возвышение права на безопасную и здоровую производственную среду // Образование и право. - 2022. - № 11. - С. 43-48.

References:

[1] Kupreev Ya.V. History of the formation and development of legal regulation of relations on trade union control in the sphere of labor. // Labor and social relations. 2023. Vol. 34. No. 2. pp. 196-203.

[2] List of instructions following the meeting on the situation in the Kuzbass coal industry // President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67550 (date of access 05/21/2026).

[3] Vlasov A.A. Social-partnership regulation of labor in the coal industry of Russia. // Labor and social relations. 2025. Vol. 36. No. 5. pp. 191-199.

[4] Krylov K. D., Novradova-Vasiliadi S. M. Occupational safety and protection of labor rights: current state and prospects // Occupational safety and protection of labor rights: current state and prospects: collection of scientific reports and articles of the interdisciplinary round table dedicated to the World Day for Safety and Health at Work (Moscow, April 28, 2025) / Academy of Labor and Social Relations, Law Faculty; ed.: S. M. Novradova-Vasiliadi, E. B. Vered - Moscow: ATiSO, 2025. - 124 p. - P. 5-12.

[5] Knutov A. V., Plaksin S. M., Sinyatullin R. Kh., Chaplinsky A. V. “Regulatory guillotine” in Russia and its quantitative results // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 4–27.

[6] Krylov K.D., Chesalov I.A. Elevation of the Right to a Safe and Healthy Working Environment // Education and Law. - 2022. - No. 11. - Pp. 43–48.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.07.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-677-680
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЛАВРИНЕНКО Александра Александровна,

кандидат юридических наук, ORCID 0000-0003-2129-0695, доцент кафедры общеправовых дисциплин Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Калининград),

e-mail: sasha-lavrinenko@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СТИМУЛИРУЮЩИХ ВЫПЛАТ И ПРЕМИРОВАНИЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. *В контексте трудового законодательства рассматриваются имеющиеся у работодателя возможности материального стимулирования работников. Проводится анализ норм Трудового кодекса Российской Федерации и положений Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 32-П с точки зрения реализации принципа справедливого вознаграждения за труд. Делается вывод о необходимости конкретизации правовой природы стимулирующих выплат некоторых видов.*

Ключевые слова: *работник, заработная плата, работодатель, премия, стимулирующая выплата, лишение премии.*

LAVRINENKO Alexandra A.,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0003-2129-0695 Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia) Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines

LEGAL NATURE OF INCENTIVE PAYMENTS AND BONUSES IN RUSSIAN LABOR LAW

Annotation. *In the context of labor legislation, the article examines the possibilities of material incentives available to employers. It analyzes the provisions of the Labor Code of the Russian Federation and the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 15, 2023, No. 32-P, from the perspective of implementing the principle of fair remuneration for labor. The article concludes that it is necessary to specify the legal nature of certain types of incentive payments*.

Key words: *employee, salary, employer, bonus, incentive payment, bonus deduction.*

Материальное стимулирование персонала является ключевым фактором увеличения эффективности труда, так как способствует повышению его производительности. Оно выступает не только в качестве мощного психологического мотивирующего инструмента работодателя, но и как действенное средство обеспечения добросовестного выполнения работниками их должностных обязанностей.

В настоящее время для предотвращения оттока кадров и решения задач по наращиванию темпов производства товаров, работ и услуг государство вынуждено пересматривать подходы к материальному стимулированию работников различных отраслей экономики. Например, осуществляется внедрение в систему оплаты труда дополнительных стимулов: это доплаты к основному заработку, имеющие разного рода основания для начисления. Таковыми, в частности, являются стимулирующие выплаты за соответствие трудовой деятельности работника установленным критериям, а также за выполнение работы в большем объеме.

Вместе с тем система оплаты труда, помимо стимулирующих надбавок, включает в себя премиальные выплаты. Премия, являясь формой материального мотивирования, по своей сути представляет собой вознаграждение за труд. Основаниями для премирования могут быть добросовестное исполнение обязанностей, достижение профессиональных успехов, выполнение особо значимых поручений работодателя. Нередко нормативными и

локальными актами предусматривается выплата премии за определенный период: ежемесячно, ежеквартально, раз в полгода, ежегодно. При назначении таких премий работодатель, как правило, ориентируется на отсутствие у работника дисциплинарных взысканий, наложенных на него за нарушение трудовой дисциплины.

Все это демонстрирует, что в распоряжении работодателя есть обширный арсенал инструментов для стимулирования персонала, побуждающих не только к ответственному осуществлению служебных функций, но и к активному повышению эффективности своей деятельности.

Для понимания правовой природы стимулирующих выплат необходимо обратиться к структуре заработной платы. В соответствии со ст. 129 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) ее элементами являются вознаграждение за труд, а также компенсационные и стимулирующие выплаты. Рассматривая первые два, можно говорить о том, что законодатель позаботился о формировании обеспечивающих их для работника минимальных гарантий. Однако применительно к стимулирующим выплатам, как верно замечает Н.В. Пугачева, этого сделано не было [1, с. 220]. Закреплены лишь общие положения, предопределяющие возможность работодателя предусматривать в системе оплаты труда различного рода стимулирующие и премиальные выплаты. Они могут быть установлены отраслевыми нормативными актами либо локальными документами организаций и предприятий. В связи с этим есть основания полагать, что отсутствие единого законодательного подхода к порядку начисления стимулирующих доплат и премированию в некоторых случаях становится фактором, обусловливающим допускаемые работодателем злоупотребления, выражающиеся в нарушении принципа справедливого вознаграждения за труд.

Такого рода риски формируются вследствие вероятности субъективного подхода работодателя к принятию решений о поощрении персонала. Причина, на наш взгляд, кроется в диспозитивности норм ТК РФ, касающихся определения системы премирования. Она может закрепляться посредством коллективных договоров, соглашений, локальных нормативных актов. Однако законодательство предусматривает лишь право, но не обязанность работодателя осуществлять выплаты данного вида.

С 1 сентября 2025 года ст. 135 ТК РФ «Установление заработной платы» претерпела изменения в части, регламентирующей ограничение возможностей работодателя уменьшать размер премий работникам в связи с наложением на них дисциплинарных взысканий. Поводом для ее корректировки стало решение Конституционного Суда Российской Федерации, принятое по итогам рассмотрения жалобы гражданки Е.В. Царегородской по поводу лишения ее работодателем всех стимулирующих выплат на весь период действия наложенных на нее дисциплинарных взысканий. Постановлением от 15 июня 2023 г. № 32-П часть вторая ст. 135 ТК РФ была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, так как позволяла без учета количества и качества затраченного труда, а также иных объективных критериев уменьшать размер заработной платы работника, имеющего неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание [2]. Конституционный Суд в своем решении указал на невозможность лишения или произвольного снижения на весь период действия в отношении работника дисциплинарного взыскания входящих в состав его заработной платы стимулирующих выплат (в частности ежемесячной или ежеквартальной премии и вознаграждения по итогам работы за год) и других дополнительных выплат.

Необходимо иметь в виду, что понятия «стимулирующая доплата» и «премия» по своему содержанию не являются равнозначными. Однако в вышеназванном постановлении Конституционный Суд относит к категории стимулирующих выплат как доплаты и надбавки стимулирующего характера, так и премии и иные поощрительные выплаты.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что различаются основания для начисления доплат стимулирующего характера и премий. В первом случае фактически используется мотивационный инструмент, предназначенный для поощрения за достижение работником каких-либо поставленных перед ним целей. Во втором случае работник поощряется за добросовестный труд в рамках выполнения непосредственных функциональных обязанностей. При этом часть третья рассматриваемой нами ст. 135 ТК РФ предоставляет работодателю право предусматривать в локальном нормативном акте условие о снижении работнику размера именно премий (и только их) в связи с применением к нему дисциплинарного взыскания. Основной причиной выявленных несоответствий, как мы уже отмечали ранее, является отсутствие закрепленного в трудовом законодательстве «понятийного аппарат, детализирующего назначения тех и или иных выплат стимулирующего характера» [3, с. 64]. Подчеркнем, что могут быть снижены только премии, которые начисляются за период, в котором к работнику было применено дисциплинарное взыскание, и снижение не может приводить к

уменьшению размера месячной заработной платы работника более чем на 20 процентов.

Важным обстоятельством представляется то, что премии имеют разную правовую природу: их отличия связаны как с системой начисления, так и с основаниями выплаты. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации не все премии входят в состав заработной платы [4]. Речь, в частности, идет о тех из них, которые выплачиваются эпизодически, единовременно и не являются обязательными даже при условии добросовестного исполнения работником трудовых обязанностей. Это, например, премии, начисляемые за выполнение какого-либо особо важного задания, в связи с профессиональным праздником или по случаю юбилея премируемого. Поскольку они не входят в число элементов заработной платы, возможность их получения зависит исключительно от решения руководства. То же самое можно сказать и по поводу ряда премий других видов. Так, субъективным мнением руководителя обусловлен, как правило, размер премии по итогам работы за квартал, за год. В данном случае применяется дифференцированный подход к их начислению, а конкретные суммы выплат устанавливаются исходя из объемов фонда заработной платы на текущий период времени.

Проблема состоит в том, что трудовое законодательство не дает исчерпывающего представления о правовой природе некоторых премий. Хотя они и охватываются понятием заработной платы в той же степени, что и все остальные. В связи с этим возникают затруднения с определением размеров таких поощрительных выплат и круга лиц, подлежащих премированию.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что к числу премий, составляющих неотъемлемую часть заработной платы, относятся те, которые соответствуют ряду критериев: закреплены в ведомственных нормативных актах либо в локальных нормативных актах организаций; четко сформулированы условия их начисления; установлен порядок определения размера выплат и круга премируемых лиц. При этом отметим, что трудовое законодательство Российской Федерации не содержит норм, закрепляющих обязанность работодателя выплачивать премии, а судебная практика опирается на постулат о том, что основанием премирования является решение руководителя.

Далее обратим внимание еще на одно обстоятельство. Следует иметь в виду, что причиной для лишения премии (или уменьшения ее размера) может быть не только наложение дисциплинарного взыскания, но и такое исполнение работником трудовых обязанностей, которое не отвечает требованиям руководителя. И здесь также есть место для субъективизма. Нередко, как пишет П.М. Смирнов, «встречаются случаи личных неприязненных отношений между руководителем и подчиненным» [5, с. 124], следствием чего оказывается произвольное снижение размера премии. Законодатель не учел вероятность возникновения такого рода ситуаций. Новая редакция ст. 135 ТК РФ связывает установление работодателем ограничений, касающихся премирования, только с наложением дисциплинарного наказания. Другие возможные причины лишения премий не рассматриваются.

Результаты сопоставительного анализа обновленного варианта текста ст. 135 ТК РФ и положений Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2023 г. № 32-П, которое послужило основанием для ее корректировки, показывают, что требования судебного органа были учтены не в полном объеме. Новеллой стали ограничения, касающиеся только премий, остальные же выплаты стимулирующего характера в данном контексте не упомянуты. Кроме того, необходимо учитывать, что большая часть премий (за редкими исключениями) не выплачивается ежемесячно, а следовательно, в состав заработной платы не включается, поэтому лишение работника таких выплат или их уменьшение не отражается на размере его заработка.

По нашему мнению, попытка законодателя ограничить субъективизм работодателя, проявляемый в рамках осуществления материального стимулирования персонала, в части, касающейся необоснованного лишения (или понижения) премий, в целом заслуживает поддержки. Однако сохранение диспозитивности в подходе к установлению систем премирования негативно отражается на потенциале такого противодействия. Полагаем, что с точки зрения обеспечения права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы требуется императивная конкретизация на законодательном уровне правовой природы стимулирующих выплат различных видов, а также оснований, на которых возможно лишение работника таких выплат.

Список литературы:

[1] Пугачева Н.В. Стимулирующие выплаты в системе оплаты труда работников: проблемы правоприменения // Ежегодник трудового права. 2025. Вып. 15. С. 220-233.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской».

[3] Лавриненко А.А. Об изменении подходов к установлению системы премирования работников в контексте трудового законодательства // XIV Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2026. С. 63-64.

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.06.2025 № 1736-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беляцкого Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 135, частью первой статьи 191 Трудового кодекса Российской Федерации».

[5] Смирнов П.М. Проблемные вопросы установления работодателем систем премирования // Закон и право. 2025. № 10. С. 122-126.

References:

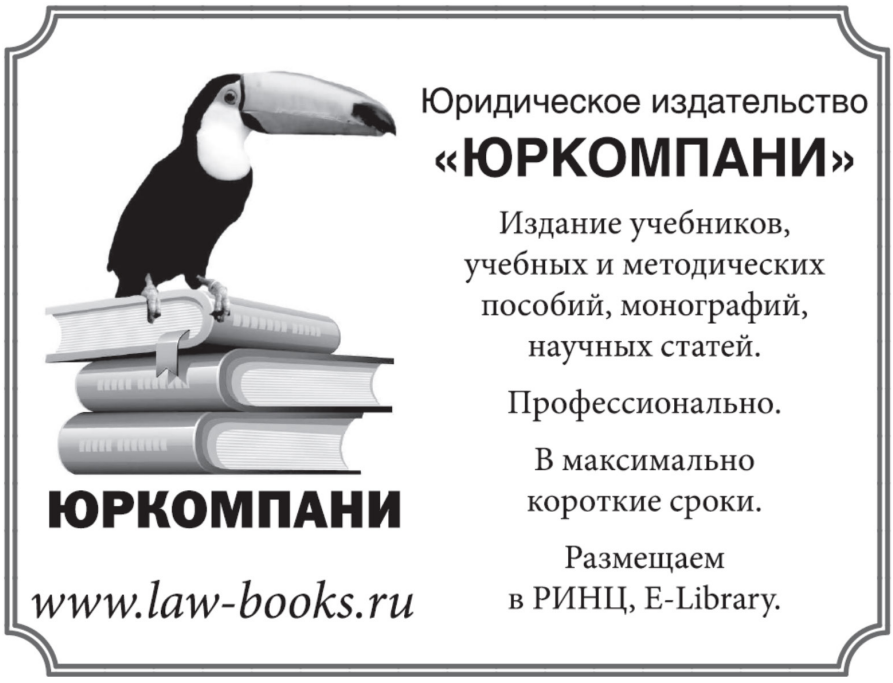
[1] N.V. Pugacheva. Incentive payments in the employee remuneration system: problems of law enforcement//Yearbook of labor law. 2025. No. 15. S. 220-233.

[2] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.06.2023 No. 32-P “In the case of checking the constitutionality of part two of Article 135 and part one of Article 193 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.V. Tsaregorodskaya.”

[3] Lavrinenko A.A. On changing approaches to establishing a bonus system for employees in the context of labor legislation//XIV Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium.” Materials of the international scientific-practical conference. Kaliningrad: KF SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. S. 63-64.

[4] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.06.2025 No. 1736-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Igor Alexandrovich Bialiatski about violation of his constitutional rights by parts one and two of Article 135, part one of Article 191 of the Labor Code of the Russian Federation.”

[5] Smirnov P.M. Problematic issues of establishing bonus systems by the employer//Law and law. 2025. № 10. S. 122-126.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-681-684

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

ПОРОКИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье исследуются пороки трудовых отношений как совокупность правовых и фактических деформаций, при которых труд сохраняет свою социально-экономическую природу, но оформляется вне адекватной правовой модели. На материале современного российского опыта показано, что ключевыми источниками таких пороков выступают подмена трудового договора гражданско-правовыми конструкциями, использование режима самозанятости для маскировки зависимой занятости, платформенная организация труда с алгоритмическим управлением, а также гибридизация дистанционной работы, усиливающая асимметрию доказательств и контроль работодателя. Обосновывается, что формально-юридический подход недостаточен; требуется функциональная квалификация отношений, основанная на критериях экономической зависимости, личного труда и фактической подчиненности. В заключение сформулированы предложения по усилению презумпции трудового характера зависимой работы, повышению прозрачности цифрового управления и развитию коллективной защиты работников.*

Ключевые слова: *трудовые отношения; пороки трудового отношения; платформенная занятость; самозанятость; дистанционная работа; алгоритмическое управление; трудовые права.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

VICES OF LABOUR RELATIONS: THE CONTEMPORARY RUSSIAN EXPERIENCE

Annotation. *The article examines the vices of labour relations as a set of legal and factual distortions in which labour retains its socio-economic nature but is formalized outside an adequate legal model. Based on contemporary Russian experience, the article shows that the main sources of such vices include the replacement of employment contracts with civil-law arrangements, the use of self-employment status to conceal dependent work, platform-based employment with algorithmic management, and the hybridization of remote work, which aggravates evidentiary asymmetry and employer control. The article argues that a formalistic approach is insufficient; labour relations should be classified functionally on the basis of economic dependence, personal labour and factual subordination. The conclusion formulates proposals to strengthen the presumption of the employment nature of dependent work, improve transparency of digital management and develop collective worker protection.*

Key words: *labour relations; vices of labour relations; platform employment; self-employment; remote work; algorithmic management; labour rights.*

Проблема пороков трудовых отношений приобрела в современной России особую остроту не столько из-за сокращения сферы трудового права, сколько вследствие ее качественной трансформации. Формально число занятых и разнообразие правовых форм возрастают, однако значительная часть реального труда перемещается в зоны правовой неопределенности: под гражданско-правовые договоры, в режим самозанятости, в платформенные сервисы и в гибридные модели дистанционной занятости. В этих условиях трудовое отношение все чаще сохраняет экономическую зависимость и организационную включенность в хозяйственную деятельность работодателя, но теряет надлежащую правовую оболочку и защитный потенциал [1; 2].

В научной литературе исследовались как отдельные проблемы разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, так и последствия цифровизации для правового статуса работника [1; 3]. Вместе с тем комплексный подход к порокам трудовых отношений как к устойчивым деформациям правовой связи, возникающим в результате сочетания организационной зависимости, асимметрии информации и цифрового контроля, пока разработан недостаточно. Между тем именно такой подход позволяет увидеть общий механизм правовой эрозии, а не только частные нарушения.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить основные пороки трудовых отношений в современном российском опыте и предложить юридические средства их преодоления. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: уточняется понятие порока трудового отношения; анализируются основные формы его проявления; формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменения. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также доктринальный анализ научных подходов к природе трудовой связи [1; 2; 4].

Термин «порок» в контексте трудового права не следует понимать оценочно или морально. Речь идет о юридико-конструктивном отклонении от нормальной модели трудового отношения, при котором его сущностные признаки либо искажаются, либо подменяются иной правовой формой. В доктрине трудового права трудовое отношение традиционно связывается с личным выполнением работы, возмездностью, организационной подчиненностью, включенностью работника в хозяйственную сферу работодателя и переносом предпринимательского риска на последнего [1; 2].

Порок трудового отношения возникает тогда, когда один или несколько из этих признаков фактически присутствуют, но правовая форма их не отражает. Иными словами, порок – это не отсутствие труда как такового, а рассогласование между фактической и юридической стороной связи. В российской действительности это рассогласование проявляется особенно отчетливо: труд может выполняться в интересах конкретного бизнеса, по его правилам, под его контролем и с использованием его цифровой инфраструктуры, однако быть оформлен как оказание услуг, подряд, агентирование или иная гражданско-правовая модель [1; 3].

Такой разрыв опасен тем, что он выводит работника из сферы гарантий, рассчитанных именно на зависимый труд. Работник лишается устойчивости занятости, гарантий рабочего времени, режима охраны труда, механизмов защиты от одностороннего давления и дисциплинарного произвола. Следовательно, порок трудового отношения – это не просто дефект оформления, а деформация распределения правовых рисков. Экономическая зависимость остается у исполнителя, а социально-правовая ответственность размывается [2; 4].

Наиболее распространенной формой порока трудового отношения в современной России остается подмена трудового договора гражданско-правовой конструкцией. Нередко эта подмена мотивируется снижением издержек, упрощением документооборота и уходом от обязательств, связанных с оплатой времени простоя, предоставлением отпусков, обеспечением охраны труда и участием в системах социального страхования. Формально такое оформление выглядит как свобода договора, но по существу нередко прикрывает зависимую занятость [1; 2].

Особую разновидность этой практики составляет использование статуса самозанятого для маскировки наемного труда. Сам по себе режим налога на профессиональный доход не является противоправным и может служить легальной формой самостоятельной экономической деятельности. Однако в тех случаях, когда исполнитель лишен предпринимательской автономии, не формирует собственную клиентскую базу, зависит от единственного заказчика, подчиняется его графику и стандартам,

возникает признак фиктивной самостоятельности. В такой конфигурации юридическая оболочка начинает служить средством обхода трудовых гарантий [1; 3].

Крупным источником пороков остаётся платформенная занятость. Российская практика доставки, такси, онлайн-услуг, краткосрочных заданий и иных форм «работы через приложение» демонстрирует, что формальная независимость исполнителя часто сочетается с глубоким алгоритмическим управлением. Платформа задает цену, распределяет заказы, ранжирует исполнителей, ограничивает доступ к работе, а иногда фактически исключает их из системы одним техническим решением. Управленческая власть здесь не исчезает, а становится менее заметной, более фрагментарной и потому труднее поддающейся юридической квалификации [4; 5].

Именно в этом состоит качественно новый порок трудового отношения: контроль осуществляется не только человеком-работодателем, но и цифровой архитектурой, которая принимает на себя функции нормирования поведения, оценки эффективности и дисциплинарного воздействия. Работник оказывается зависимым не от очевидного начальника, а от рейтинговой модели, автоматизированных критериев и непрозрачных алгоритмов. Внешне такая конструкция выглядит как рынок свободных услуг, однако по содержанию она все чаще воспроизводит отношения подчиненного труда [4].

Ещё одна форма порока связана с дистанционной и гибридной занятостью. Переход на удаленные и смешанные режимы работы, ускоренный пандемическим периодом и закрепленный впоследствии в повседневной практике, в целом расширил возможности для гибкости и совмещения трудовой и личной жизни. Однако одновременно он обострил проблему рабочего времени, переработок и доказуемости нарушений. Размывание границы между рабочим и нерабочим временем позволяет работодателю сохранять высокий уровень контроля, но затрудняет для работника фиксацию факта сверхурочной нагрузки и давления [2; 3].

Если в традиционной модели трудовой контроль был связан с физическим присутствием в организации, то в дистанционной модели контроль переносится в электронную среду: через мессенджеры, корпоративные трекеры, системы фиксации активности, видеонаблюдение и цифровую отчетность. Такой контроль нередко выходит за пределы допустимого баланса интересов. Порок здесь выражается в том, что внешняя автономия работника сопровождается скрытой интенсификацией труда и ростом доказательной уязвимости. Работник не всегда может подтвердить объем фактически выполненной работы, а значит, и предъявить требования об оплате переработок или компенсаций [2].

Следующая группа пороков касается сферы распределения правового риска. В российском опыте значительную роль играют задержки оплаты, дробление платежей, включение премиальной части в зависимость от произвольных показателей, а также перенос части организационных издержек на самого работника. В формальном смысле трудовой договор существует, но его экономическое содержание искажено. Когда заработная плата перестает быть стабильным вознаграждением за труд и превращается в совокупность зависимых, легко изменяемых и частично недоказуемых выплат, трудовое отношение теряет защитную определенность [1; 2].

Наконец, нельзя не отметить, что пороки трудовых отношений тесно связаны с неравенством сторон. Наиболее уязвимыми оказываются молодые работники, мигранты, женщины с семейными обязанностями, а также лица, включенные в краткосрочную и проектную занятость. Для них особенно характерны информационная асимметрия, слабая переговорная позиция и страх потери дохода. Следовательно, речь идет не только о нарушении формальных прав, но и о воспроизводстве структурной зависимости, которую трудовое право исторически призвано ограничивать [1; 3].

Преодоление пороков трудовых отношений требует отказа от сугубо формального подхода. Если правовая квалификация строится исключительно на названии договора или на добровольном согласии сторон, то реальные отношения легко уходят в серую зону. Поэтому более убедительным представляется функциональный критерий: необходимо исходить из того, кто фактически организует труд, несет предпринимательский риск, определяет условия выполнения работы и контролирует ее результат [1; 4].

С точки зрения правовой политики целесообразно развивать презумпцию трудового характера зависимой работы. Такая презумпция не означает автоматического признания любого возмездного труда трудовым, но позволяет защитить работника, если одновременно присутствуют признаки личного исполнения, экономической зависимости и подчиненности. В платформенной экономике это особенно важно, поскольку цифровая оболочка часто скрывает реальные властные отношения [4; 5].

Второе направление связано с

прозрачностью цифрового управления. Если алгоритм участвует в распределении задач, начислении вознаграждения, рейтинге или отключении исполнителя от работы, работник должен иметь право на понятное объяснение логики таких решений и на их человеческую проверку. Иначе цифровизация превращается не в инструмент повышения эффективности, а в механизм непрозрачного дисциплинарного воздействия [4].

Третье направление касается усиления доказательственных гарантий. В дистанционной и платформенной занятости трудовые споры во многом упираются в вопрос фиксации фактов: времени работы, объема заданий, коммуникации с работодателем, фактического подчинения. Поэтому необходимы более надежные электронные формы учета, обязанность хранить цифровые следы трудовой активности и процессуальные механизмы, снижающие доказательственную уязвимость работника [2; 3].

Наконец, важна коллективная защита. Порок трудового отношения усиливается там, где работник изолирован и не может действовать совместно с другими занятыми. Платформенная экономика и гибридные формы работы часто разрушают традиционные формы коллективной солидарности. Следовательно, современное трудовое право должно искать новые способы представительства интересов работников, включая формы коллективного диалога для цифровых и проектных занятых [1; 4].

Заключение

Современный российский опыт показывает, что пороки трудовых отношений возникают не только вследствие прямого нарушения закона, но и вследствие тонкой юридической мимикрии, когда зависимый труд оформляется как автономная деятельность. Главными носителями таких пороков выступают подмена трудового договора гражданско-правовыми конструкциями, фиктивная самозанятость, платформенная занятость с алгоритмическим управлением и дистанционные режимы, размывающие границы рабочего времени и контроля [1; 2; 4].

Юридически значимым ответом на эти вызовы должен стать переход от формальной к функциональной квалификации трудовых отношений, признание приоритета существа над формой, а также развитие гарантий против обхода трудового права. Российская модель регулирования способна сохранить свою защитную природу только в том случае, если будет ориентирована не на легализацию любой гибкости, а на защиту экономически зависимого труда как такового. Именно в этом состоит современное содержание борьбы с пороками трудовых отношений [1; 3; 5].

Список литературы:

[1] Курс трудового права: учебник / под ред. А. М. Куренного, С. П. Маврина, Е. Б. Хохлова. М.: Статут, 2020.

[2] Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право: учебник. М.: Проспект, 2021.

[3] Трудовое право: учебник / под ред. Ю. П. Орловского, А. Ф. Нуртдиновой. М.: Проспект, 2022.

[4] Aloisi A., De Stefano V. Your Boss Is an Algorithm: Artificial Intelligence, Platform Work and Labour Protection. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[5] Prassl J. Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy. Oxford: Oxford University Press, 2018.

References:

[1] Course of labor law: textbook/ed. A. M. Kurenny, S. P. Mavrina, E. B. Khokhlova. M.: Statute, 2020.

[2] Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor law: textbook. M.: Prospect, 2021.

[3] Labor law: textbook/ed. Yu. P. Orlovsky, A.F. Nurtdinova. M.: Prospect, 2022.

[4] Aloisi A., De Stefano V. Your Boss Is an Algorithm: Artificial Intelligence, Platform Work and Labour Protection. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

[5] Prassl J. Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy. Oxford: Oxford University Press, 2018.

КРИМИНАЛИСТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-685-687

БРОВКИН Дмитрий Владимирович,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,

e-mail: dimpsonn@yandex.ru

НОВЕЙШИЕ РАЗРАБОТКИ И ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИСТИКИ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ОБНАРУЖЕНИЯ, ИДЕНТИФИКАЦИИ И ФИКСАЦИИ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу современных наукоемких технологий и инновационных методов, которые применяются сотрудниками органов внутренних дел для эффективного поиска, сбора и дальнейшего исследования вещественных доказательств и следов преступлений. Рассматриваются различные технические средства, используемые при анализе веществ и материалов в ходе расследования.*

Ключевые слова: *криминалистическая техника, следы преступлений, вещественные доказательства, органы внутренних дел, наукоемкие технологии, инновационные методы, анализ веществ, расследование.*

BROVKIN Dmitry Vladimirovich,

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Specialized and Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE LATEST DEVELOPMENTS AND INNOVATIONS IN FORENSIC SCIENCE: IMPROVING THE DETECTION, IDENTIFICATION, AND RECORDING OF CRIME TRACES

Annotation. *The author in his work conducts a study of various high-tech and innovative methods used in the practical activities of internal affairs agencies to facilitate the search, collection and further study of various material evidence and traces of crimes, considers various types of technical means used in the analysis of substances and materials.*

Key words: *analysis, research, technology, technical means, forensic technology, investigation, crime, trace.*

В наше время, при раскрытии и расследовании преступлений широко применяются различные наукоемкие технологии, технические средства, перспективные криминалистические направления и новейшие методы поиска, собирания и дальнейшего исследования следов.

К примеру, к инновационным методам криминалистического исследования материалов, веществ и изделий следует отнести следующие:

методы и технические средства криминалистического морфоанализа веществ и материалов: оптическая микроскопия и микроскопические методы исследования веществ и материалов, электронная микроскопия, рентгеноскопия.

методы и технические средства криминалистического исследования элементного состава веществ и материалов: эмиссионный спектральный анализ, лазерный микроспектральный анализ, атомный абсорбционный спектральный анализ, люминесцентный спектральный анализ, рентгеновский спектральный анализ, масс-спектрометрический анализ, нейтронно-активационный анализ.

методы и технические средства криминалистического исследования молекулярного и фракционного состава веществ и материалов: спектрофотометрический

способ, спектральный люминесцентный анализ, метод ядерного магнитного резонанса, метод электронного парамагнитного резонанса, хроматографические методы, химико-аналитические методы, методы и средства исследования фракционного состава веществ и материалов, методы и технические средства криминалистического исследования структуры и иных свойств веществ и материалов: методы и исследования фазового состава веществ и материалов, методы исследования структуры веществ и материалов.

При проведении исследований методами оптической микроскопии применяются различные оптические микроскопы.

Под каждый метод исследования применяется определенный микроскоп с определенными конструктивными характеристиками, зависящими от характера объекта.

Наиболее распространены следующие виды микроскопов: ультрамикроскоп, люминесцентный, поляризационный, металлографический, биологический, интерференционный. [1, с.162]

Приведем исследование нескольких методов, более подробно:

ультрамикроскоп – микроскоп, в котором размещена специальная осветительная система, освещающая объект способом, позволяющим рассмотреть мельчайшие частицы за счет рассеяния света.

люминесцентный микроскоп состоит из двух светофильтров.

Первый располагается непосредственно перед источником света и пропускает исключительно ультрафиолет и синие лучи, второй находится на самом тубусе или окуляре и может пропускать только свет длиной волны.

При этом свет в данном микроскопе подается с помощью ртутно-кварцевых ламп (например, микроскоп люминесцентный «Биолаб 11 ЛЮМ» - тринокулярный, планахроматический).

поляризационный микроскоп оснащен двумя фильтрами, позволяющими ориентировать световые волны в одном направлении, за счет чего происходит увеличение контраста между различными областями исследуемого объекта (например, поляризационный микроскоп «Soptop CX40P»).

Работа интерференционного микроскопа основана на методе интерференционного контраста, а именно луч, входя в микроскоп, раздваивается.

После чего один луч направляется сквозь наблюдаемую частицу, второй мимо нее по дополнительной ветви микроскопа (например, микроскоп интерференционный автоматизированный «МИА-Д»). [2, с.290]

Электронная микроскопия, то есть использование этого вида метода подразумевает применение различных электронных микроскопов, в которых вместо света используется пучок электронов, что позволяет получать изображение объектов с максимальным увеличением.

Рентгеноскопия, этот метод используется внутренней структуры предметов, в результате его применения рентгеновские лучи проецируют изображение на бумагу или специальную пленку.

Эмиссионный спектральный анализ, при данном методе осуществляется исследование состава вещества по спектру излучения его атомов.

Лазерный микроспектральный анализ способствует установлению качественного и количественного состава объекта практически не разрушая их.

Атомный абсорбционный спектральный анализ основан на измерении поглощения (абсорбции) невозбужденными атомами определяемого элемента, который находится в состоянии атомного пара.

Масс-спектрометрический анализ – это метод, который позволяет установить количественный показатель концентрации разных компонентов в объекте исследования.

Нейтронно-активационный анализ – метод исследования, позволяющий также установить количественный показатель концентрации разных компонентов в объекте исследования при помощи источника нейтронов.

Спектрофотометрический способ - позволяет установить количественный показатель концентрации разных компонентов в объекте исследования на основе его спектральных свойств.

Спектральный люминесцентный анализ – один из универсальных методов исследования, который позволяет исследовать объекты как органической, так и неорганической природы. Спектры люминесценции возбуждаются облучением вещества ультрафиолетовым светом.

Хроматографические методы разделяют смеси на составляющие ее компоненты, основанный на различной скорости движения веществ, непрерывно делящихся между двумя фазами: подвижной и неподвижной.

Химико-аналитические методы – химические реакции, сопровождающиеся внешним эффектом, которые можно наглядно увидеть. Например, выпадение осадка, изменение цвета жидкости или выделение газа.

Методы и исследования фазового состава

веществ и материалов позволяют установить качественное и количественное содержание фаз, имеющих одинаковый и различный химический состав.

Раскрывая вопрос особенностей изъятия следов обуви с применением передовых технологий, следует отметить электростатический способ, предполагающий использование электростатических подъемных устройств, притягивающих частицы пыли, почвы к полимерной пластине при помощи приборов «Следокоп» и «Projectina». [3, с.350]

Данный метод применяется для сбора следов обуви, образованных сухими строительными смесями или частичками пыли практически на любой поверхности, даже на коже трупа.

Более труднее обнаружить практически видимые или невидимые следы на текстильных материалах или ковровом покрытии.

При движении человека в обуви по ковровому покрытию происходит разделение зарядов: обувь заряжается положительно, а ворсинки коврового покрытия отрицательно.

Использование электростатических подъемных устройств для копирования пылевых следов на текстильных материалах, бумаге, картоне, фанере, кафеле или ламинате, позволяет получить довольно информативное отображение общих и частных признаков подошвенной части обуви на полимерном материалы, обладающем диэлектрическими свойствами.

Подводя итоги следует отметить, что целесообразно, рассматривая более подробно вопрос использования в процессе раскрытия и расследования преступлений инновационных технических средств, актуально уделить внимание следам обуви, так как криминалистическая информативность следов обуви достаточно высока, что позволяет установить совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках расследования уголовных дел.

Список литературы:

[1] Агафонов В. В., Газизов В. А., Натура А. И. Криминалистическая техника. М: Юрайт, 2023. 162 с.

[2] Криминалистика. Исследование документов / под ред. М. В. Бобовкина, А. А. Проткина. М: Юрайт, 2023. 290 с.

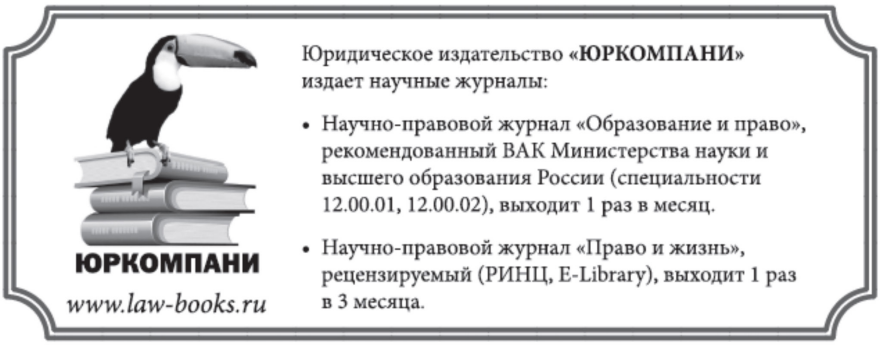
[3] Криминалистика. Полный курс в 2 частях. Часть 2 / под ред. В. В. Агафонова, А. Г. Филиппова. М: Юайт, 2023. 350 с.

References:

[1] Agafonov V. V., Gazizov V. A., Natura A. I. Forensic Science Techniques. Moscow: Yurait, 2023. 162 p.

[2] Forensic Science. Document Research / edited by M. V. Bobovkin, A. A. Protkin. Moscow: Yurait, 2023. 290 p.

[3] Forensic Science. Complete Course in 2 Parts. Part 2 / edited by V. V. Agafonov, A. G. Filippov. Moscow: Yuait, 2023. 350 p.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-688-696

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ТРУСОВА Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

e-mail: etrus.elena@yandex.ru

РОЛЬ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *В статье рассматривается значение судебно-психиатрической экспертизы на этапе предварительного расследования в уголовном судопроизводстве. Исследуется ее роль в установлении обстоятельств, имеющих значение для правильной уголовно-правовой квалификации, оценки вменяемости подозреваемого или обвиняемого, определения его способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, а также решения вопроса о возможности применения принудительных мер медицинского характера. Отдельное внимание уделяется процессуальному порядку назначения экспертизы, содержанию постановления следователя, формулированию вопросов эксперту и оценке экспертного заключения в системе доказательств.*

Обосновывается вывод о том, что судебно-психиатрическая экспертиза на досудебной стадии не является вспомогательной технической процедурой. Ее результаты способны существенно повлиять на направление расследования, объем доказывания, пределы уголовной ответственности и гарантии прав участников процесса. При этом эффективность экспертизы зависит не только от профессионального уровня экспертов, но и от качества процессуальной работы следователя: своевременности назначения исследования, полноты представленных материалов, корректности вопросов и аргументированности принятого решения. Показано, что основные проблемы правоприменения связаны с несвоевременным назначением экспертизы, формальным обоснованием необходимости ее проведения, постановкой перед экспертом вопросов правового характера, неполным обеспечением процессуальных прав стороны защиты, а также недостаточной мотивированностью оценки экспертного заключения. Предлагается рассматривать судебно-психиатрическую экспертизу как комплексный уголовно-процессуальный инструмент, соединяющий доказательственную, гарантийную и правозащитную функции.

Ключевые слова: *судебно-психиатрическая экспертиза, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, вменяемость, невменяемость, доказательства, заключение эксперта, принудительные меры медицинского характера, права обвиняемого, следователь.*

TRUSOVA Elena Anatolyevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia

THE ROLE OF FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The article examines the role of forensic psychiatric examination at the stage of preliminary investigation in criminal proceedings. The study focuses on its importance for establishing legally relevant circumstances, assessing the sanity of a suspect or accused person, determining the person's ability to independently defend his or her rights and legitimate interests, and resolving the issue of possible application of compulsory medical measures. Special attention is paid*

to the procedural order of appointing an examination, the content of the investigator's decision, the formulation of questions to the expert and the evaluation of the expert opinion within the system of evidence.

The article substantiates the conclusion that forensic psychiatric examination at the pre-trial stage should not be considered a merely auxiliary technical procedure. Its results may significantly affect the direction of investigation, the scope of proof, the limits of criminal liability and procedural guarantees of the participants. At the same time, the effectiveness of the examination depends not only on the professional competence of experts, but also on the quality of the investigator's procedural work: timely appointment of the examination, completeness of the submitted materials, correctness of questions and proper reasoning of procedural decisions.

The author identifies the main problems of law enforcement practice: late appointment of forensic psychiatric examination, formal reasoning in the investigator's decision, formulation of legal questions addressed to experts, insufficient protection of the rights of the defence, and insufficiently motivated evaluation of expert opinions. It is proposed to consider forensic psychiatric examination as a complex criminal procedural instrument combining evidentiary, guarantee and human rights functions.

Key words: *forensic psychiatric examination, preliminary investigation, criminal proceedings, sanity, insanity, evidence, expert opinion, compulsory medical measures, rights of the accused, investigator.*

Введение

Судебно-психиатрическая экспертиза занимает особое место в уголовном судопроизводстве. Ее назначение связано не только с необходимостью получить специальные знания в области психиатрии, но и с решением вопросов, от которых зависит сама возможность привлечения лица к уголовной ответственности. Если по делу возникают сомнения в психическом состоянии подозреваемого или обвиняемого, следователь не может ограничиться обычной оценкой поведения лица, показаний свидетелей или медицинских документов. Требуется специальное исследование, проводимое в процессуальной форме и направленное на установление обстоятельств, имеющих юридическое значение.

На этапе предварительного расследования значение судебно-психиатрической экспертизы особенно велико. Именно на этой стадии формируется основа будущего судебного разбирательства: устанавливаются фактические обстоятельства дела, собираются доказательства, решается вопрос о предъявлении обвинения, избрании меры пресечения, прекращении уголовного преследования либо направлении дела в суд. Ошибка в оценке психического состояния лица может привести к существенному нарушению его прав, неправильной квалификации содеянного, необоснованному применению мер процессуального принуждения или, напротив, к игнорированию необходимости медицинского реагирования.

Уголовно-процессуальный закон прямо связывает назначение экспертизы с ситуациями, когда установление определенных обстоятельств невозможно без специальных знаний. В соответствии со статьей 196 УПК РФ судебная экспертиза назначается обязательно, если необходимо установить психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого при наличии сомнений в его вменяемости либо способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Аналогичное значение имеет установление психического или физического состояния потерпевшего, когда возникают сомнения в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания [1].

Судебно-психиатрическая экспертиза находится на пересечении уголовного процесса, уголовного права, судебной экспертологии, психиатрии и прав человека. Ее результаты могут иметь значение для применения статей 21 и 22 УК РФ, определяющих невменяемость и уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, а также для решения вопроса о принудительных мерах медицинского характера [3]. Поэтому экспертиза выполняет не только доказательственную, но и гарантийную функцию: она защищает лицо от необоснованного уголовного преследования в тех случаях, когда психическое состояние исключает возможность вменения.

Актуальность темы усиливается тем, что в правоприменительной практике сохраняются проблемы, связанные с назначением и

оценкой судебно-психиатрической экспертизы. Следственные органы не всегда своевременно реагируют на признаки психического расстройства. Постановления о назначении экспертизы иногда содержат формальные обоснования и неполный перечень материалов, необходимых экспертам. Вопросы, адресованные экспертам, нередко формулируются таким образом, что фактически предполагают правовую оценку, которая относится к компетенции следователя и суда. Отдельную сложность составляет обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого и защитника при назначении экспертизы, особенно если речь идет о помещении лица в медицинскую организацию для стационарного исследования.

Цель настоящей статьи состоит в определении роли судебно-психиатрической экспертизы на этапе предварительного расследования и выявлении процессуальных проблем, влияющих на ее доказательственное и гарантийное значение.

Для достижения указанной цели необходимо рассмотреть нормативные основания назначения судебно-психиатрической экспертизы, определить ее функции на досудебной стадии уголовного процесса, проанализировать требования к постановлению следователя и вопросам эксперту, раскрыть особенности оценки экспертного заключения, а также обозначить направления совершенствования правоприменительной практики.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении судебно-психиатрической экспертизы не только как источника доказательственной информации, но и как процессуального механизма защиты прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

Материалы и методы исследования

Материальную основу исследования составили нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», Закона Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам судебной экспертизы и применения принудительных мер медицинского характера [1–6].

В качестве теоретической базы использованы научные работы по уголовному процессу, судебной психиатрии, судебной экспертологии и юридической аргументации. Особое значение имеют источники, раскрывающие не только медицинское содержание судебно-психиатрического исследования, но и процессуальную природу экспертного заключения, его место в системе доказательств и пределы оценки следователем.

В работе учитываются также исследования З.В. Баишевой, посвященные аргументации в профессиональной речи юриста и психолого-риторическим аргументам в защитительной речи [12; 13]. Эти источники имеют вспомогательное значение для настоящей темы, однако они позволяют подчеркнуть важный аспект: назначение экспертизы и последующая оценка ее результатов требуют от следователя, прокурора, защитника и суда не формального воспроизведения процессуальных норм, а убедительной правовой аргументации. Постановление о назначении экспертизы, ходатайство защитника, возражение против экспертного заключения, оценка доказательств — все эти действия предполагают ясную логику обоснования.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и аналитический методы. Формально-юридический метод применялся при анализе норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства, регулирующих назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы. Системный метод позволил рассмотреть экспертизу в связи с институтами доказывания, уголовной ответственности, мер процессуального принуждения и принудительных мер медицинского характера. Сравнительно-правовой подход использовался при сопоставлении компетенции следователя, эксперта, защитника и суда. Аналитический метод применялся при выделении типичных ошибок, возникающих на стадии предварительного расследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Судебно-психиатрическая экспертиза на этапе предварительного расследования выполняет несколько взаимосвязанных функций. Главная из них — доказательственная. Заключение эксперта относится к числу доказательств по уголовному делу и подлежит оценке наряду с другими доказательствами. Однако специфика судебно-психиатрической экспертизы состоит в том, что она затрагивает не внешнюю сторону события преступления, а способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Иными словами, речь идет о внутреннем состоянии субъекта, которое не может быть надежно установлено обычными средствами доказывания.

Уголовно-правовое значение экспертизы проявляется прежде всего при решении

вопроса о вменяемости. Согласно статье 21 УК РФ лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности. Статья 22 УК РФ предусматривает иной случай: психическое расстройство не исключает вменяемости, но учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера [3]. Для предварительного расследования это означает, что экспертное исследование влияет не только на медицинскую характеристику лица, но и на дальнейшее процессуальное движение дела.

Вторая функция судебно-психиатрической экспертизы — гарантийная. Ее назначение обеспечивает защиту лица от уголовного преследования в условиях, когда имеются сомнения в его способности понимать смысл происходящего и участвовать в уголовном процессе. Если обвиняемый не способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы, дальнейшее производство без учета этого обстоятельства нарушает саму идею справедливого судопроизводства. Поэтому психическое состояние лица имеет значение не только для вопроса о вменяемости в момент совершения деяния, но и для оценки его процессуальной дееспособности на момент расследования.

Третья функция — ориентирующая. Заключение эксперта помогает следователю определить дальнейшую тактику расследования. В зависимости от выводов экспертизы может измениться объем следственных действий, характер допросов, необходимость участия законного представителя, защитника, специалиста, вопрос о мере пресечения, а также перспектива направления дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера. При этом следователь не вправе подменять экспертное исследование собственными предположениями о психическом состоянии лица.

Правовое основание назначения судебно-психиатрической экспертизы связано с наличием сомнений в психическом состоянии участника процесса. Такие сомнения могут возникать из разных источников: медицинских документов, сведений о прохождении психиатрического лечения, странного или неадекватного поведения лица во время следственных действий, показаний родственников, данных о попытках суицида, перенесенных травмах, употреблении психоактивных веществ, резком несоответствии поведения обстоятельствам дела. Однако сами по себе эти данные не решают вопрос о вменяемости. Они лишь создают процессуальное основание для назначения экспертизы.

Качество судебно-психиатрической экспертизы во многом зависит от содержания постановления следователя. В соответствии со статьей 195 УПК РФ следователь выносит постановление о назначении судебной экспертизы, знакомит с ним участников процесса в случаях и порядке, предусмотренных законом, и обеспечивает реализацию их прав [1]. Постановление не должно быть шаблонным. В нем необходимо отразить обстоятельства, вызвавшие сомнение в психическом состоянии лица, указать материалы, предоставляемые эксперту, сформулировать вопросы, не выходящие за пределы специальных знаний.

Именно здесь проявляется значение юридической аргументации. Следователь обязан не только сослаться на статью 196 УПК РФ, но и показать, почему по конкретному делу возникла необходимость в судебно-психиатрическом исследовании. З.В. Баишева справедливо рассматривает аргументацию как важную составляющую профессиональной речи юриста и юридического мышления [12]. Для уголовного процесса этот тезис имеет практическое значение: слабо мотивированное постановление о назначении экспертизы затрудняет проверку законности решения, ограничивает возможности защиты и снижает качество последующей оценки доказательства.

Формулирование вопросов эксперту является одним из наиболее уязвимых элементов следственной практики. Эксперт может отвечать на вопросы, относящиеся к области специальных психиатрических знаний: страдало ли лицо психическим расстройством в момент совершения деяния; могло ли оно осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий; могло ли руководить ими; страдает ли психическим расстройством в настоящее время; способно ли участвовать в следственных действиях; нуждается ли в применении мер медицинского характера. Недопустимыми являются вопросы, предполагающие правовой вывод: виновно ли лицо, подлежит ли оно уголовной ответственности, является ли оно невменяемым в юридическом смысле. Окончательная правовая оценка относится к компетенции следователя и суда.

Проблема разграничения экспертной и юридической компетенции имеет принципиальное значение. Эксперт устанавливает психическое состояние и его влияние на способность лица осознавать свои действия и руководить ими. Следователь и суд оценивают заключение эксперта с точки зрения относимости, допустимости,

достоверности и достаточности в совокупности с другими доказательствами. Заключение эксперта не имеет заранее установленной силы. Оно может быть принято, подвергнуто критической оценке, сопоставлено с другими материалами дела, а при наличии оснований — дополнено или проверено путем назначения дополнительной либо повторной экспертизы.

Следует учитывать и различие между амбулаторной и стационарной судебно-психиатрической экспертизой. Амбулаторное исследование менее ограничительно для лица и обычно проводится, когда экспертам достаточно представленных материалов и непосредственного обследования. Стационарная экспертиза связана с помещением лица в медицинскую организацию и затрагивает конституционно значимые права. Поэтому она требует особенно тщательного процессуального обоснования и судебного контроля в случаях, предусмотренных УПК РФ. Помещение обвиняемого в медицинскую организацию не может рассматриваться как удобный способ получить экспертное заключение; оно допустимо лишь при наличии реальной необходимости.

Особое значение имеет обеспечение прав стороны защиты при назначении экспертизы. Подозреваемый, обвиняемый и защитник вправе знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении, ставить дополнительные вопросы, знакомиться с заключением эксперта, заявлять ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы [1]. Эти права имеют не декоративный, а содержательный характер. Их нарушение может повлечь сомнения в допустимости и достоверности экспертного заключения.

В этой связи показателен и второй источник З.В. Баишевой, посвященный психолого-риторическим аргументам в защитительной речи [13]. Хотя работа относится к сфере судебной риторики, ее выводы применимы к анализу позиции защитника при оспаривании или уточнении экспертных выводов. Защитник, заявляя ходатайство о назначении экспертизы либо ставя вопрос о ее повторном проведении, должен не просто выражать несогласие, а обосновывать, какие обстоятельства остались невыясненными, какие вопросы были сформулированы некорректно, почему выводы эксперта противоречат материалам дела или нуждаются в проверке.

На предварительном расследовании судебно-психиатрическая экспертиза может назначаться не только в отношении подозреваемого или обвиняемого, но и в отношении потерпевшего, если есть сомнения в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Такая экспертиза особенно значима по делам, где показания потерпевшего являются одним из центральных доказательств. При этом назначение экспертизы в отношении потерпевшего требует аккуратного подхода: оно не должно превращаться в способ давления или дискредитации лица, обратившегося за защитой. Следователь обязан соблюдать баланс между интересами доказывания и уважением достоинства участника процесса.

Роль экспертизы проявляется также при решении вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что такие меры применяются при наличии предусмотренных законом оснований и с учетом характера психического расстройства, опасности лица для себя или других лиц, а также возможности причинения иного существенного вреда [6]. На предварительном расследовании экспертное заключение позволяет определить, имеются ли медицинские предпосылки для последующего обращения в суд с соответствующим вопросом. Однако само заключение не заменяет процессуального решения и не освобождает следователя от обязанности доказывать обстоятельства совершенного деяния.

Практическая проблема состоит в том, что судебно-психиатрическая экспертиза иногда назначается поздно, когда значительная часть следственных действий уже проведена. В такой ситуации возникает риск, что допросы, очные ставки или иные действия были проведены с лицом, которое не в полной мере понимало их смысл или не могло эффективно защищаться. Это снижает надежность полученных доказательств и создает основания для последующих процессуальных споров. Поэтому при наличии данных о возможном психическом расстройстве следователь должен решать вопрос об экспертизе без неоправданного промедления.

Другой недостаток связан с неполнотой материалов, направляемых экспертам. Для судебно-психиатрического исследования имеют значение не только медицинские документы, но и материалы уголовного дела, характеризующие поведение лица до, во время и после совершения деяния: протоколы допросов, сведения о поведении при задержании, показания очевидцев, характеристики, данные о социальном функционировании, переписка, аудио- и видеозаписи. Чем беднее фактическая база, тем выше риск поверхностного или чрезмерно

осторожного экспертного вывода.

Еще одна проблема — восприятие экспертного заключения как почти окончательного решения. В уголовном процессе такой подход недопустим. Следователь обязан оценить заключение с точки зрения полноты исследования, ясности выводов, соответствия поставленным вопросам, научной обоснованности, отсутствия внутренних противоречий и связи с другими доказательствами. Если экспертное заключение содержит неопределенные формулировки, противоречит материалам дела или не отвечает на существенные вопросы, необходимо ставить вопрос о дополнительной или повторной экспертизе.

Судебно-психиатрическая экспертиза на досудебной стадии имеет значение и для обеспечения разумного баланса между публичным интересом и правами личности. Государство заинтересовано в раскрытии преступления и привлечении виновного к ответственности. Однако это не может достигаться путем игнорирования психического состояния лица. В тех случаях, когда лицо страдает психическим расстройством, уголовное судопроизводство должно учитывать не только задачу доказывания, но и требования гуманности, законности и медицинской безопасности.

Обобщенно функции судебно-психиатрической экспертизы на этапе предварительного расследования можно представить следующим образом.

Таблица 1. Функции судебно-психиатрической экспертизы на этапе предварительного расследования

Функция	**Содержание**	**Процессуальное значение**
Доказательственная	Установление психического состояния лица, его способности осознавать фактический характер и общественную опасность действий либо руководить ими	Влияет на доказывание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела
Гарантийная	Защита лица от необоснованного уголовного преследования и участия в процессе без учета его психического состояния	Обеспечивает реализацию права на защиту и справедливое судопроизводство
Квалификационная	Создание основы для применения положений о невменяемости или психическом расстройстве, не исключающем вменяемости	Влияет на уголовно-правовую оценку содеянного
Тактическая	Определение дальнейшего направления расследования, необходимости участия защитника, законного представителя, специалиста	Помогает выстроить процессуальную стратегию расследования

Медико-правовая	Выявление оснований для постановки вопроса о принудительных мерах медицинского характера	Связывает уголовное судопроизводство с задачами медицинской безопасности
Правозащитная	Предупреждение применения процессуального принуждения без учета состояния лица	Снижает риск нарушения прав подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего

Для повышения эффективности судебно-психиатрической экспертизы на предварительном расследовании необходимо соблюдать несколько условий. Постановление о назначении экспертизы должно быть мотивированным и содержать конкретные фактические основания. Вопросы эксперту должны относиться к области специальных знаний и не подменять правовую оценку. Экспертам должны предоставляться достаточные материалы дела. Права стороны защиты должны обеспечиваться реально, а не формально. Заключение эксперта должно подвергаться полноценной оценке и сопоставляться с другими доказательствами.

Таким образом, судебно-психиатрическая экспертиза на этапе предварительного расследования является не разовой процедурой, а важным элементом механизма доказывания и защиты прав личности. Ее значение определяется тем, что она позволяет соединить юридическую оценку деяния с медицинским пониманием психического состояния лица, не допуская ни необоснованного освобождения от ответственности, ни неправомерного уголовного преследования лица, неспособного осознавать свои действия или участвовать в процессе.

Выводы

Судебно-психиатрическая экспертиза на этапе предварительного расследования выполняет значимую роль в уголовном судопроизводстве. Она позволяет установить обстоятельства, без которых невозможно правильно решить вопрос о вменяемости лица, его способности самостоятельно защищать свои права, возможности участия в следственных действиях и наличии оснований для применения принудительных мер медицинского характера.

Доказательственное значение экспертизы заключается в том, что ее результаты входят в систему доказательств и помогают следователю оценить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Вместе с тем заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и не освобождает следователя от обязанности критически оценить его в совокупности с другими материалами уголовного дела.

Гарантийная роль судебно-психиатрической экспертизы проявляется в защите прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. При наличии сомнений в психическом состоянии проведение расследования без экспертной проверки может привести к существенным нарушениям права на защиту и принципа справедливого судопроизводства.

Основные проблемы правоприменения связаны с поздним назначением экспертизы, формальным обоснованием постановления следователя, некорректной постановкой вопросов, неполным предоставлением материалов экспертам, ограничением процессуальных возможностей стороны защиты и недостаточной мотивированностью оценки заключения эксперта.

Для совершенствования практики необходимо повышать качество процессуального обоснования назначения судебно-психиатрической экспертизы. Следователь должен указывать конкретные фактические данные, вызвавшие сомнение в психическом состоянии лица, а не ограничиваться общей ссылкой на нормы УПК РФ. Такое обоснование имеет значение не только для законности экспертизы, но и для последующей оценки доказательств.

Требует внимания и разграничение компетенции эксперта и правоприменителя. Эксперт устанавливает медицинские

обстоятельства, связанные с психическим состоянием лица. Вывод о юридических последствиях этих обстоятельств относится к компетенции следователя и суда. Смешение этих уровней снижает качество расследования и может привести к ошибкам в применении уголовного закона.

Судебно-психиатрическую экспертизу следует рассматривать как комплексный уголовно-процессуальный инструмент, соединяющий доказательственную, гарантийную, квалификационную и правозащитную функции. Ее надлежащее использование на этапе предварительного расследования способствует не только установлению истины по делу, но и соблюдению прав человека в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

[2] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 7.

[7] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2021. 576 с.

[8] Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М.: Проспект, 2019. 64 с.

[9] Судебная психиатрия: учебник / под ред. Г.В. Морозова. М.: Юридическая литература, 1990. 256 с.

[10] Руководство по судебной психиатрии / под ред. А.А. Ткаченко. М.: Медицинское информационное агентство, 2019. 966 с.

[11] Дмитриева Т.Б., Ткаченко А.А. Судебная психиатрия: национальное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. 752 с.

[12] Баишева З.В. Аргументация в речи юриста // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2(84). С. 102–107.

[13] Баишева З.В. Психолого-риторические аргументы в защитительной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2(77). С. 46–49.

[14] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2022. 840 с.

[15] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М.: Норма, 2010. 240 с.

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52, Part I. Art. 4921.

[2] Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ “On State Forensic Activity in the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2291.

[3] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[4] Law of the Russian Federation of 02.07.1992 No. 3185-1 “On Psychiatric Care and Guarantees of Citizens’ Rights in Its Provision” // Vedomosti SND i VS RF. 1992. No. 33. Art. 1913.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2010 No. 28 “On Forensic Examination in Criminal Cases” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 2.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.04.2011 No. 6 “On the Practice of Applying Compulsory Medical Measures by Courts” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. No. 7.

[7] Rossinskaya E.R. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative, and Criminal Proceedings. Moscow: Norma, 2021. 576 pages.

[8] Orlov Yu.K. Expert Opinion and Its Evaluation in Criminal Cases. Moscow: Prospect, 2019. 64 pages.

[9] Forensic Psychiatry: Textbook / edited by G.V. Morozov. Moscow: Legal Literature, 1990. 256 pages.

[10] Handbook of Forensic Psychiatry / edited by A.A. Tkachenko. Moscow: Medical Information Agency, 2019. 966 pages.

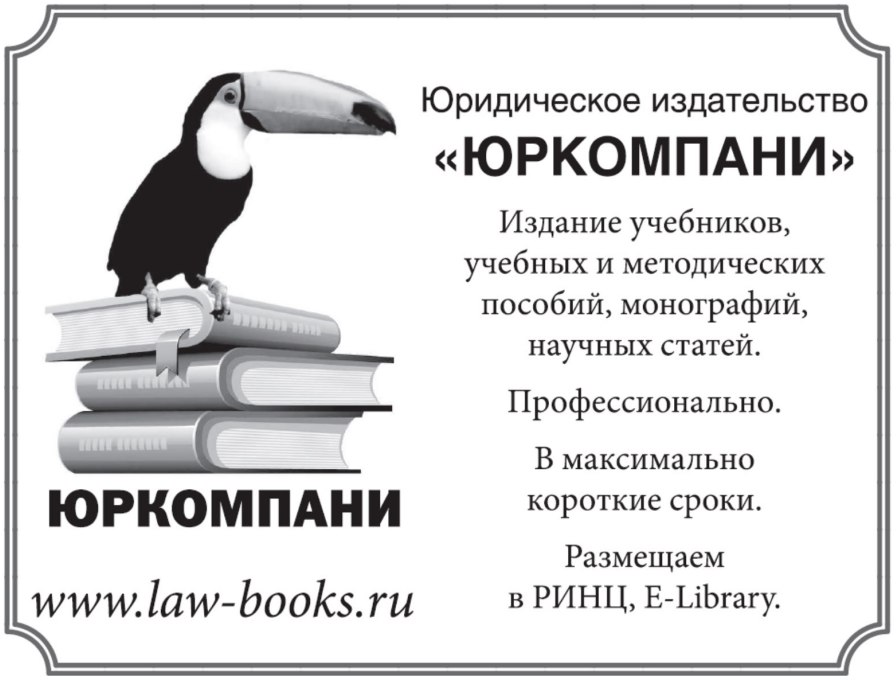
[11] Dmitrieva T.B., Tkachenko A.A. Forensic Psychiatry: National Guide. Moscow: GEOTAR-Media, 2018. 752 pages.

[12] Baisheva Z.V. Argumentation in a Lawyer's Speech // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (84). Pp. 102–107.

[13] Baisheva Z.V. Psychological and Rhetorical Arguments in a Defense Speech // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 11-2 (77). Pp. 46–49.

[14] Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal Procedure: Textbook. Moscow: Norma, 2022. 840 p.

[15] Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. Moscow: Norma, 2010. 240 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-697-701

БОБРОВА Ирина Анатольевна,

кандидат психологических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,

e-mail: mail@law-books.ru

СТАУРСКИЙ Евгений Станиславович,

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории и финансового права
Омской ордена Почета академии МВД России,

e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОСРЕДСТВАМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Автор в своей научной статье рассматривает сущность и различные виды и формы киберпреступлений, способы и методы защиты от злоумышленников, проблемы по профилактике и борьбе с киберпеступлениями осуществляемыми правоохранительными органами на современном этапе в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *киберпреступление, интернет, мошенничество, цифровизация, государство, общество, законодательство, правоохранительные органы, сайт, профилактика, безопасность, закон.*

BOBROVA Irina Anatolyevna,

PhD in Psychology, Associate Professor, Senior Lecturer,
Department of Specialized and Automotive Equipment,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

STAURSKY Evgeny Stanislavovich,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Economic Theory and Financial Law,
Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ON THE ISSUE OF CRIMES COMMITTED VIA THE INTERNET: THE CONCEPT, TYPES OF CYBERCRIMES AND METHODS OF COUNTERACTION

Annotation. *In this scientific article, the author examines the nature and various types and forms of cybercrime, methods and techniques for protecting against cybercrime, and the challenges of preventing and combating cybercrime carried out by law enforcement agencies in the Russian Federation today.*

Key words: *cybercrime, internet, fraud, digitalization, government, society, legislation, law enforcement, website, prevention, security, law.*

На современном этапе одной из важнейших задач правоохранительных органов является обеспечение безопасности общества и государства в сфере информационных технологий и интернет-пространства. Данная необходимость вызвана ростом преступлений совершаемых в телекоммуникационных сетях интернет, поскольку именно интернет площадка стало одним из методов и средств реализации различного вида киберпреступлений, начиная от преступлений в сфере посягательства на чужое

имущество граждан заканчивая банальными проявлениями так называемых кибер-вандалов целью которых не какая-либо финансовая выгода, а привлечение внимания к своим возможностям и методам воздействия разрушая целостность критической информационной инфраструктуры потенциальной жертвы, тем самым показывая свое превосходство над возможностями жертв по защите конфиденциальной информации, что носит угрожающий и раскрывающий секретную информацию характер.

Государственные стратегические документы последовательно выделяют неконтролируемый характер интернета как одну из главных угроз национальным интересам. Это объясняется тем, что анонимность, глобальный охват и скрытность онлайн-среды существенно затрудняют государственные усилия по выявлению, пресечению и квалификации преступлений. Как отмечают эксперты, с которыми мы согласны несмотря на то, что быстрое развитие современных информационных технологий и их применения создает определенные пробелы в законодательстве, своевременное совершенствование отраслевых законов приобретает решающее значение для предотвращения масштабного распространения противоправного деяния. В современном социуме, уже известно о различных категориях и видах преступлений в сфере цифровизации, которые подразделяются на различные подвиды, такие как:

Кейлогер, то есть клавиатурный шпион, один из видов вредоносных программных обеспечений, позволяющих злоумышленнику завладеть информацией потенциальной жертвы, в момент работы и применения клавиатуры, в процессе которого набираемая информация в виде текста, автоматический посредством утечки информации передается третьим лицам, вопреки желания жертвы хакера, поскольку данное противоправное действие происходит скрытно.

Логическая бомба – вредоносное программное обеспечение, средство уничтожения, искажения и обнародования конфиденциальной информации в нужный момент для злоумышленника, носит скрытный характер и причиняет значительный ущерб персональному компьютеру и информации потенциальной жертве.

Компьютерный червь, иначе говоря вирус, проникающий в цифровое персональное пространство жертвы и размножающаяся в его информационной среде и передающая информацию сразу нескольким киберпреступникам и иным заинтересованным злоумышленникам.

Приведенный выше перечень интернет ресурсов, применяющихся злоумышленниками в сети интернет, далеко не исчерпывающий, поскольку существует еще множество вредоносных программных обеспечений и применение их зависит от целей и намерений злоумышленников, а также подверженной посягательству категории лиц, поскольку цели преступного сегмента, далеко не случайные пользователи, а в большинстве случаев материально обеспеченные и финансово выгодные злоумышленникам, потому что хакеры, осуществляют свою противоправную деятельность в целях повышения материального благосостояния. Кроме того, хакеры подразделяются на категории орудующих в цифровом пространстве и промышляющих киберджекингом, фишингом, кибершантажом и иными противоправными посягательствами имеющих цель- финансовое обогащение. Располагая информацией, уже ставшей известной о таких проявлениях и возможностях злоумышленников, правоохранительным органам, в целях защиты информации и в целом обеспечения информационной защищенности и безопасности общества и государства предпринимаются различные методы борьбы с данным преступными проявлениями. В связи с чем, повышается эффективность систем безопасности информации, формируются управления и отделы по борьбе с киберпреступностью, в организациях формируются отделы IT- безопасности, и их деятельность с каждым годом расширяется.

Говоря о стремительно возросшем уровне и числе преступлений, что делает киберпреступность достаточно распространенной и опасной, так как такие преступления как взломы паролей от сайтов и страниц, вплоть до заказа специальными службами разных стран у анонимных группировок атак на правительственные организации недружественных стран. Необходимо отметить, что в каждом последующем году количество атак и размеров выплат хакерам увеличиваются. Кибератаки происходят постоянно. Больше всего преступники интересуются образовательными, исследовательскими сайтами, сайтами правительства и военных структур.

Законодательство в сфере кибербезопасности постоянно совершенствуется в ответ на новые угрозы и возрастающие размеры ущерба, причиняемого в результате совершенствования киберпреступлений.

Кроме этого, постоянно ведется работа по активизации деятельности государственных регуляторов и правоохранительных органов по защите интересов государства и общества. На данном этапе киберпреступность считается преступлением глобального масштаба, наносящая ущерб пользователям сети интернет

колосального размера, исчисляющаяся сотни миллиардов долларов и продолжает суммарно возрастать, что обуславливает заинтересованных органов, принимать самые действенные меры по ее противодействию. Следует отметить, что система противодействия киберпреступности в Российской Федерации недостаточно эффективна, поскольку в ней есть и пробелы, и недостатки в организации безопасности информации. Существует некоторый дефицит в высококвалифицированных специалистах способных противодействовать преступности в данной сфере, кроме того, необходимо сформировать и практиковать современные механизмы взаимодействия на мировом уровне и в последующем развивать тесное сотрудничество на транснациональном масштабе. Само понятие киберпреступность можно охаратеризовать как совокупность противоправных проявлений в информационном пространстве, представляющих угрозу безопасности критической информационной инфраструктуре всех пользователей информационных технологий и виртуального пространства или в рамках компьютерной информационной сети и иных интернет-ресурсов.

Также выделяют классификацию киберпреступлений по различным признакам:

1. По способу использования: компьютер является объектом правонарушения; компьютер используется как запоминающее устройство; компьютер используется как средство, способствующее совершению киберпреступления.

2. По наличию насилия: на агрессивные (кибертерроризм, угроза физической расправы, детская порнография) и неагрессивные (киберкража, кибервандализм, кибермошенничество, кибершпионаж, распространение спама и вирусных программ).

3. По способу воздействия выделяют следующие злоупотребления: физические, операционные, программные, электронные.

Киберпреступления вызваны рядом экономических причин, одним из которых является масштабное использование вредоносных компьютерных программ.

Вместе с тем, производители лицензионной продукции, для затруднения деятельности конкурентов и создания зависимости пользователей от их антивирусных программ, создают вредоносные программы.

Порождает наличие киберпреступности и тот факт, что прибыль от киберпреступлений относительно быстрая и ее легко легализовать с помощью компьютерных технологий и киберпреступников, совершающих хищения. Таким образом, киберпреступность значительно влияет на экономические системы начиная от мировой заканчивая финансовой системой, нарушая при этом связи между элементами данных систем.

Информация выступает объектом преступной деятельности в сфере информационных и телекоммуникационных технологий. Зачастую, ее неправомерное использование является конечной или промежуточной целью преступников. Их деятельность направлена на нарушение стабильного функционирования информационных источников в экономических системах, так как информация является базовым экономическим ресурсом.

В связи с этим, наряду с анонимностью и межгосударственностью их деятельности хакеры не позволяют формироваться новым институтам, способным взаимодействовать с иными формациями находя компромиссы. Таким образом, можно сделать выводы, что киберпреступность - очень выгодная сфера преступной деятельности, которая носит организованный и транснациональный характер.

Критическая информационная инфраструктура по существу является объектом и предметом преступления, а информация, хранящаяся на этих объектах, и является предметом кражи в различных видах, содержаниях и значимости. В дальнейшем рассматривая преступления в данной сфере, целесообразно отметить виды и способы совершения преступлений в сфере информации и иных компьютерных инцидентов, таких как, например:

Неправомерное завладение информации;

утечка персональных данных;

Искажение или уничтожение посредствам вредоносных программных обеспечений личных или иной охраняемых сведений;

Кибермошенничество;

Кибершантаж;

Компьютерный абордаж;

Кибератаки, в том числе с использованием DoS атак и т.д.

В виду стремительного развития информационных технологий и увеличения количества активных пользователей сети интернет, возрастает и количество преступлений в сфере информационного пространства, что конечно же обязывает предпринимать новейшие технологии, разработки и методы противодействия данным проявлениям, что создает определенные трудности для правоохранительных органов

В действующем УК РФ есть только одна глава, которая предусматривает ответственность за киберпреступления – глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая

содержит только три статьи, которые привязаны к определенным вредоносным программно-техническим действиям в сети, а именно ст. 272-274 УК РФ.

В частности, статья 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло ее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование.

Актуально отметить, что фактическое повреждение компьютера, повлекшее уничтожение информации, хранящейся в нем, не влечет за собой последствий, предусмотренных рассматриваемой статьей, потому что объектом преступного посягательства является компьютерная информация, а не носители таковой. Таким образом, основные методы борьбы с киберпреступностью сводятся к нормативно-правовому регулированию и созданию специальных органов. Кроме того, нестандартность, многообразие и обновление способов совершения преступлений в виртуальном пространстве требуют постоянного совершенствования методов борьбы с ними, и зачастую оказываются устаревшими и неэффективными.

В виду чего, объективно важно совершенствовать способы противодействия преступлениям в интернет-пространстве и актуально и необходимо совершенствовать навыки и способности в области компьютерных технологий и программного обеспечения сотрудников правоохранительных органов. Внедрение этих мероприятий даст возможность перейти от пассивного реагирования на противоправные деяния в сети Интернет к активной системе их квалификации, которая будет опираться на принципы законности, технологической нейтральности, соразмерности и защиты прав человека. Лишь при комплексном подходе к развитию административно-юрисдикционной деятельности можно обеспечить стабильный правопорядок в цифровом пространстве, отвечающий современным вызовам и стратегическим задачам государственной политики в области информационной безопасности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изм. от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - ст. 2954.

[2] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – ст. 3872. 7.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – ст. 3448. 8.

[4] Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – ст. 7074.

[5] Аносов А.В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учеб. пособие / А. В. Аносов. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 208 с.

[6] Артамонов В.А. Кибербезопасность в условиях цифровой трансформации социума / В.А. Артамонов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 1. – С. 777-784.

[7] Ахриева М.М. Киберпреступность в условиях современной экономики / М.М. Ахриева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 8-2 (59). – С. 80-82.

[8] Диденко К.В. Некоторые проблемы выявления и предупреждения киберпреступлений / К.В. Диденко // Вестник БЮИ МВД России. – 2020. – № 3. – С. 20-24.

[9] Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография / Е.А. Русскевич. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 227 с.

[10] Шикула И.Р., Куркин Е.Н. Киберпреступность в Российской Федерации: основные методы борьбы и проблемы противодействия // Международный журнал экспериментального образования. – 2023. – № 1. – С. 37-41.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 29, 2017 No. 250-FZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.

[2] Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ “On the National Payment System” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 27. - Art. 3872. 7.

[3] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31. - Art. 3448. 8.

[4] Decree of the President of the Russian Federation of 05.12.2016 No. 646 “On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian

Federation. - 2016. - No. 50. - Art. 7074.

[5] Anosov A.V. Activities of internal affairs bodies to combat crimes committed using information, communication and high technologies: a textbook / A. V. Anosov. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. - 208 p.

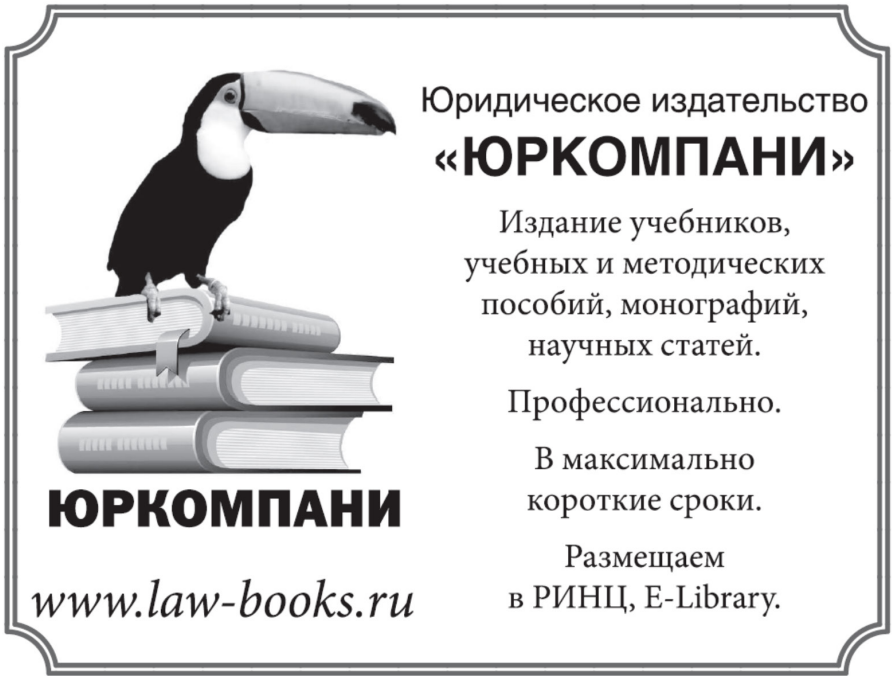
[6] Artamonov V.A. Cybersecurity in the Context of the Digital Transformation of Society / V.A. Artamonov // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. - 2022. - No. 1. - P. 777-784.

[7] Akhrieva M.M. Cybercrime in the Context of the Modern Economy / M.M. Akhrieva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2021. - No. 8-2 (59). - P. 80-82.

[8] Didenko K.V. Some Problems of Detecting and Preventing Cybercrimes / K.V. Didenko // Bulletin of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 3. - P. 20-24.

[9] Russkevich E.A. Criminal Law and “Digital Crime”: Problems and Solutions: Monograph / E.A. Russkevich. - Moscow: INFRA-M, 2019. - 227 p.

[10] Shikula I.R., Kurkin E.N. Cybercrime in the Russian Federation: Main Methods of Combating and Problems of Counteraction // International Journal of Experimental Education. – 2023. – No. 1. – P. 37-41.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-702-705
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ЛЕСНИКОВ Александр Андреевич,

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6125-40.04.01цю «Цифровая юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,

e-mail.ru: lesnikov.aa@dvfu.ru

МАХОНИН Данила Дмитриевич,

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6125-40.04.01цю «Цифровая юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,

e-mail.ru: makhonin.dd@dvfu.ru

ВРОДЛИВЕЦ Адам Александрович,

магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6125-40.04.01цю «Цифровая юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток,

e-mail.ru: vrodlivetc.aa@dvfu.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье исследуется институт смягчающих и отягчающих обстоятельств в системе уголовного права Российской Федерации. Анализируется правовая природа данных обстоятельств, их функциональное назначение и принципы применения с учётом конституционных основ уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется роли смягчающих обстоятельств в гуманизации наказания и их реабилитационному значению, а также проблеме баланса между справедливым ужесточением наказания и чрезмерной репрессивностью при учёте отягчающих обстоятельств. Рассмотрены механизмы индивидуализации уголовной ответственности, закреплённые в статьях 60, 61, 63, 64 и 73 УК РФ, а также в статье 73 УПК РФ. Показано, что отсутствие легального определения смягчающих и отягчающих обстоятельств порождает неоднозначность в судебной практике. Выделены ключевые функции этих обстоятельств: корректирующая, превентивная, гуманизация права и обеспечение справедливости. Сформулировано определение смягчающих и отягчающих обстоятельств.*

Ключевые слова: *смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, индивидуализация наказания, уголовное право РФ, принципы справедливости, гуманизация уголовного наказания, судебная практика, УК РФ, УПК РФ, назначение наказания.*

LESNIKOV Aleksandr Andreevich,

First-year Master's student in the program M6125-40.04.01tsyu "Digital Jurisprudence", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAKHONIN Danila Dmitrievich,

First-year Master's student in the program M6125-40.04.01tsyu "Digital Jurisprudence", Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

VRODLIVETS Adam Aleksandrovich,

First-year Master's student in the program M6125-40.04.01tsyu "Digital Jurisprudence," School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok

CONCEPT AND NATURE OF MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES

Annotation. *The article examines the institute of mitigating and aggravating circumstances within the criminal law system of the Russian Federation. It analyses the legal nature of these circumstances, their functional purpose, and the principles of their application in accordance with the*

constitutional foundations of criminal proceedings.Particular attention is paid to the role of mitigating circumstances in humanising punishment and their rehabilitative significance, as well as to the challenge of balancing fair punishment enhancement with excessive repression when considering aggravating circumstances.The study reviews the mechanisms of individualisation of criminal liability enshrined in Articles 60, 61, 63, 64 and 73 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF), as well as in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the RF (CPC RF). It is shown that the lack of a legal definition of mitigating and aggravating circumstances gives rise to ambiguity in judicial practice.The key functions of these circumstances are identified: corrective, preventive, humanisation of law, and ensuring justice. A definition of mitigating and aggravating circumstances is formulated.

Key words: *mitigating circumstances, aggravating circumstances, individualisation of punishment, Russian criminal law, principles of justice, humanisation of criminal punishment, judicial practice, Criminal Code of the RF (CC RF), Criminal Procedure Code of the RF (CPC RF), sentencing*.

Институт смягчающих и отягчающих обстоятельств занимает центральное место в системе уголовного права, обеспечивая индивидуализацию уголовной ответственности и реализацию принципа справедливости при назначении наказания. Несмотря на фундаментальное значение данных правовых категорий, в действующем законодательстве отсутствует их легальное определение, а в доктрине уголовного права не сформировано единое концептуальное понимание. Цель данной статьи —проанализировать правовую природу смягчающих и отягчающих обстоятельств, их функциональное назначение и принципы применения в контексте конституционных основ уголовного судопроизводства.

Смягчающие и отягчающие обстоятельства представляют собой юридически значимые факторы, учитываемые судом при определении меры наказания за совершённое преступление. Их правовая природа закреплена в статьях 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Смягчающие обстоятельства — это факторы, которые уменьшают степень вины подсудимого или же смягчают его уголовную ответственность. К таким обстоятельствам могут относиться различные личные характеристики правонарушителя, например, его возраст, состояние здоровья, наличие на иждивении несовершеннолетних детей, а также наличие положительных характеристик, таких как трудовая деятельность, активная гражданская позиция, защита Отечества. Также стоит учитывать обстоятельства, сопутствующие самому преступлению, такие как социальное давление или намеренные действия, направленные на предотвращение более серьезных последствий.

Напротив, отягчающие обстоятельства - представляют собой факторы, которые увеличивают степень ответственности правонарушителя. Это могут быть такие элементы, как рецидивная природа преступления, наличие специальных условий, которые делают преступление более опасным (например, насилие, причинение тяжких телесных повреждений и т. д. [1]), а также совершение преступления в группе или в составе ОПГ. Отягчающие обстоятельства, таким образом, указывают на особую степень социальной угрозы, которую представляет себе лицо, совершившее данное преступление.

Рассматривая данный институт с точки зрения социальной психологии, можно заметить, что учет смягчающих обстоятельств имеет важное значение для восприятия справедливости наказания самим осужденным. Когда обвиняемый видит, что суд принимает во внимание его жизненные обстоятельства, положительные стороны его личности, это повышает вероятность осознания им своей вины и стремления к исправлению.

В этом контексте институт смягчающих обстоятельств приобретает не только юридическое, но и социальное, реабилитационное значение.

Исследуя диалектику отягчающих обстоятельств, возникает вопрос: где проходит граница между справедливым ужесточением наказания и чрезмерной репрессивностью? Этот вопрос особенно актуален в современном обществе, где соотношение карательных и восстановительных элементов правосудия постоянно переосмысливается. Как описывает Степашин В.М. в своей работе «Экономия репрессии как принцип уголовного права», ключевым в данном случае должен быть принцип пропорциональности: отягчающие обстоятельства должны увеличивать ответственность ровно настолько, насколько возрастает опасность деяния или степень вины лица, но не более того [2].

В контексте уголовного правоприменения важно учитывать, что и смягчающие, и отягчающие обстоятельства не являются абсолютными

понятиями, а представляют собой динамические элементы, которые могут варьироваться в зависимости от конкретного дела и судебной практики. Разные суды могут по-своему оценивать одни и те же обстоятельства, что подчеркивает необходимый аспект индивидуализации уголовной ответственности.

Смягчающие обстоятельства — факторы, уменьшающие степень общественной опасности деяния или личности преступника (например, явка с повинной, оказание помощи потерпевшему, несовершеннолетие, наличие детей у отца-одиночки, наличие 5 котов и так далее).

Отягчающие обстоятельства — факторы, усиливающие вину или опасность деяния (например, рецидив, совершение преступления в составе группы, особая жестокость).

Разграничение между ними проводится по их влиянию на меру наказания: первые, то есть смягчающие обстоятельства - снижают её, вторые — увеличивают. Однако у данных обстоятельств есть и общая цель — индивидуализация ответственности, позволяющая учесть конкретные условия совершения преступления и личность виновного. Установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, имеет важное значение при назначении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания. В связи с этим в приговоре следует указывать, какие обстоятельства суд признает смягчающими и отягчающими наказание.

Устоявшаяся во времени система уголовного наказания построена, прежде всего, на принципах справедливости и индивидуализации, предполагающих, что каждое наказание должно соответствовать конкретным обстоятельствам преступления и личности виновного, в целом и институт смягчающих и отягчающих обстоятельств основываются, прежде всего на Конституции РФ.

Что касается институтов, которые рассматриваются в данной работе, то принцип законности находит свое отражение в том, что:

Перечень отягчающих обстоятельств является исчерпывающим и может применяться только в строгом соответствии с законом;

Критерии индивидуализации наказания четко регламентированы УК РФ.

Важно отметить, что уголовное законодательство предусматривает комплексный механизм, который позволяет дифференцированно подходить к ответственности лиц, совершивших преступления, учитывая множество факторов, среди которых особую роль играют смягчающие и отягчающие обстоятельства. Российская система уголовного права предусматривает многоуровневую систему индивидуализации наказания. Для каждого состава преступления законодатель устанавливает определенный диапазон наказания — его нижние и верхние пределы, а также возможные альтернативные и дополнительные виды санкций. Данное фундаментальное решение создает необходимую гибкость, позволяющую судебным органам в каждом конкретном случае определять наиболее справедливое и целесообразное наказание с учетом всех обстоятельств совершенного преступления.

Помимо многочисленного количества наказаний в санкциях статей особенной части УК РФ, законодатель предусмотрел дополнительные механизмы индивидуализации:

Возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ) — это исключительный инструмент, позволяющий суду выйти за нижние пределы санкции статьи или назначить более мягкий вид наказания, что является предпосылкой для учета смягчающих обстоятельств;

Институт условного осуждения (ст. 73 УК РФ) — это правовой механизм, при котором осужденному устанавливается испытательный срок, в течение которого он должен своим поведением доказать свое исправление;

Общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ) — базовые принципы, которыми суд обязан руководствоваться при определении меры ответственности.

Согласно общим началам назначения наказания, описанным в диссертационном исследовании Кривенкова О.В. «Общие начала назначения наказания по российскому уголовному праву», судебные органы при вынесении приговора обязаны учитывать разностороннюю систему критериев: характер и степень общественной опасности совершенного деяния, личность виновного, наличие смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также потенциальное влияние назначенного наказания на исправление осужденного и жизненное положение его семьи [3]. Авторы данной работы считают, что эти критерии как раз и образуют фундамент для принятия справедливого и обоснованного судебного решения.

Правовое значение смягчающих обстоятельств трудно переоценить. Российское уголовно-процессуальное законодательство относит их к числу обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию по каждому уголовному делу [4] (ст. 73 УПК РФ), что подчеркивает их высокую процессуальную значимость. Установление и учет смягчающих и отягчающих обстоятельств влечет ряд существенных правовых последствий,

значительно влияющих на положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности от пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств» [1].

Законодательная дефиниция смягчающих обстоятельств в УК РФ отсутствует. На основе системного анализа научной литературы и норм уголовного права можно сформулировать следующее определение: смягчающие наказание обстоятельства — это предусмотренные уголовным законодательством либо признанные таковыми судом, если на это у него есть право, факторы объективного и субъективного характера, которые не относятся к признакам состава преступления, но в свою очередь снижают степень общественной опасности деяния и/или личности виновного и обусловливают необходимость назначения менее строгого наказания.

Предусмотренный статьей 63 УК РФ перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. С учетом этого, обстоятельства, отягчающие наказание, в приговоре должны быть указаны таким образом, как они предусмотрены в уголовном законодательстве.

Правовая природа этих обстоятельств основана на принципах справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманизма (ст. 7 УК РФ). Они не меняют квалификацию преступления, но корректируют санкцию в рамках санкции статьи Особенной части УК РФ. Следует отметить, что данные обстоятельства являются факультативными признаками состава преступления, то есть могут как присутствовать, так и отсутствовать.

Рассуждая о месте данных обстоятельств, видим необходимым выделить их функции:

Корректирующая — данная функция заключается в адаптации наказания к конкретным условиям дела, которое находится в производстве.

Справедливость — то есть обеспечение баланса между тяжестью преступления и мерой ответственности, что является прямым подтверждением сохранения принципа справедливости.

Превентивная — смягчающие факторы стимулируют позитивное поведение (раскаяние), а отягчающие усиливают профилактику рецидива.

Гуманизация права — учёт личностных особенностей (например, несовершеннолетия, беременности).

Обязательность учёта — суд не вправе игнорировать доказанные обстоятельства, их отсутствие в приговоре может стать основанием для отмены решения (п. 3 ст. 307 УПК РФ).

Таким образом, смягчающие обстоятельства выступают важнейшим правовым инструментом гуманизации уголовного наказания и индивидуализации ответственности. Они позволяют адаптировать предусмотренные законом санкции к конкретным обстоятельствам совершенного деяния и личности преступника.

Список литературы:

[1] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025).

[2] Степашин В. М., Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности» 2019. - 14с.

[3] Кривенков Олег Владимирович «Общие начала назначения наказания по российскому уголовному праву»: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08. — Москва, 2001. — 173 с.

[4] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025).

References:

[1] “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended 21.04.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 02.05.2025).

[2] Stepashin V. M., Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law “Saving repression as a principle of criminal law and its implementation in the appointment of criminal liability measures” 2019. - 14s.

[3] Oleg Vladimirovich Krivenkov “General Principles of Sentencing under Russian Criminal Law”: dissertation of a candidate of legal sciences: 12.00.08. - Moscow, 2001. - 173 s.

[4] “Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 21.04.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-706-710

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы определения процессуального статуса электронных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автор анализирует понятие электронных доказательств, выделяет их характерные признаки, исследует современные подходы к формированию критериев допустимости и достоверности. Особое внимание уделено вопросам процессуального оформления изъятия, фиксации и исследования электронной информации, а также проблемам, связанным с использованием технологий дипфейк и искусственного интеллекта. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части регулирования электронных доказательств.*

Ключевые слова: *электронные доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, достоверность, цифровая информация, электронные носители, дипфейк, искусственный интеллект.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CRITERIA OF ADMISSIBILITY AND RELIABILITY

Annotation. *The article examines the problems of determining the procedural status of electronic evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. The author analyzes the concept of electronic evidence, highlights their characteristic features, and explores modern approaches to forming criteria for admissibility and reliability. Particular attention is paid to issues of procedural registration of seizure, fixation and study of electronic information, as well as problems associated with the use of deepfake technologies and artificial intelligence. Based on the results of the study, proposals are formulated for improving the criminal procedure legislation regarding electronic evidence.*

Key words: *electronic evidence, criminal procedure, admissibility of evidence, reliability, digital information, electronic media, deepfake, artificial intelligence.*

Цифровизация общественных отношений и стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий оказали значительное влияние на уголовно-процессуальную деятельность. В современных условиях практически ни одно уголовное дело не обходится без использования сведений,

полученных из электронных источников: переписки в мессенджерах, данных социальных сетей, информации с серверов, записей систем видеонаблюдения, данных геолокации, сведений о платежных операциях и др. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, доля уголовных дел, в которых используются электронные доказательства, ежегодно увеличивается, что подтверждает актуальность настоящего исследования [1, с. 45].

Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит легального определения «электронного доказательства», что порождает существенные теоретические и практические проблемы. Отдельные нормы УПК РФ (ст. 81.1, ст. 164.1) регулируют лишь работу с электронными носителями информации, но не определяют процессуальный режим самой цифровой информации [2, с. 112].

Степень научной разработанности темы характеризуется значительным интересом отечественных процессуалистов и криминалистов. Существенный вклад в исследование проблематики внесли С.В. Зуев, П.С. Пастухов, А.А. Шурухнов, Е.В. Никитина, О.А. Зайцев и другие. Однако дискуссионными остаются вопросы критериев допустимости и достоверности электронных доказательств, особенно в свете появления технологий генеративного искусственного интеллекта [3, с. 78].

Целью настоящей статьи является комплексный анализ критериев допустимости и достоверности электронных доказательств в уголовном процессе и выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Задачи исследования: 1) определить понятие и признаки электронных доказательств; 2) проанализировать критерии их допустимости; 3) выявить особенности оценки достоверности; 4) сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования.

Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный).

В научной доктрине отсутствует единый подход к определению понятия «электронные доказательства». С.В. Зуев определяет электронные доказательства как «сведения о фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, представленные в цифровой форме на электронных носителях и полученные в установленном законом порядке» [4, с. 23]. П.С. Пастухов подчеркивает информационную природу таких доказательств, указывая, что их сущностной характеристикой является нематериальность самой информации при материальности носителя [5, с. 56].

К характерным признакам электронных доказательств следует отнести: 1) представление информации в цифровом (двоичном) коде; 2) необходимость использования технических средств для восприятия; 3) возможность копирования без потери качества; 4) уязвимость к модификации; 5) наличие метаданных, позволяющих установить происхождение и историю файла [6, с. 134].

В уголовно-процессуальной литературе ведется дискуссия о месте электронных доказательств в системе видов доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Одни авторы рассматривают их как разновидность вещественных доказательств, другие – как иные документы, третьи предлагают выделить в самостоятельный вид [7, с. 89]. По нашему мнению, наиболее обоснованной является позиция о необходимости законодательного закрепления электронных доказательств в качестве самостоятельного вида с учетом их специфической природы.

Допустимость как свойство доказательства традиционно определяется через соблюдение надлежащего субъекта, источника, способа получения и порядка процессуального оформления. Применительно к электронным доказательствам каждый из этих критериев приобретает особое содержание.

Надлежащий субъект получения предполагает, что электронные доказательства должны быть получены уполномоченным должностным лицом в рамках возбужденного уголовного дела или доследственной проверки. Особую сложность представляют ситуации трансграничного получения электронной информации, когда серверы провайдеров расположены за пределами Российской Федерации [8, с. 67].

Надлежащий источник предполагает установление происхождения цифровой информации. Как справедливо отмечает О.А. Зайцев, без подтверждения источника цифровая информация не может быть признана доказательством, поскольку отсутствует возможность ее верификации [9, с. 112].

Надлежащий способ получения регулируется ст. 164.1 УПК РФ, которая устанавливает особенности изъятия электронных носителей информации и копирования содержащейся на них информации. Обязательным является участие специалиста, а также применение технических средств, обеспечивающих сохранность данных [10, с. 34].

Несоблюдение этих требований влечет признание полученных доказательств недопустимыми.

Надлежащий порядок процессуального оформления включает составление протоколов с подробным описанием технических характеристик носителей, применяемого программного обеспечения, хеш-сумм файлов. Использование криптографических хеш-функций (MD5, SHA-256) позволяет фиксировать неизменность цифрового объекта на момент изъятия [11, с. 156].

Особо следует выделить проблему получения электронных доказательств из «облачных» хранилищ. Современная судебная практика признает допустимым изъятие такой информации при условии законного доступа к учетной записи пользователя и надлежащего процессуального оформления [12, с. 78].

Достоверность электронных доказательств представляет собой их соответствие действительности, отсутствие искажений и возможность верификации. В отличие от традиционных доказательств, цифровая информация может быть подвергнута модификации без видимых следов, что обусловливает необходимость разработки специальных критериев ее оценки.

Ключевыми критериями достоверности электронных доказательств, по мнению Е.В. Никитиной, являются: 1) аутентичность (подлинность происхождения); 2) целостность (неизменность с момента создания); 3) полнота (наличие всех необходимых метаданных); 4) воспроизводимость (возможность повторного получения тех же результатов исследования) [13, с. 92].

Для подтверждения аутентичности используются электронные подписи, сертификаты, данные регистрации в системах. Целостность подтверждается криптографическими хеш-функциями. Полнота требует сохранения метаданных файла (дата создания, последнего изменения, авторство, GPS-координаты и др.) [14, с. 145].

Особую угрозу достоверности электронных доказательств представляют технологии генеративного искусственного интеллекта, позволяющие создавать реалистичные фальсификации – так называемые «дипфейки». А.А. Шурухнов отмечает, что современные нейросети способны генерировать аудио- и видеозаписи, неотличимые от подлинных невооруженным глазом, что требует обязательного назначения судебной компьютерно-технической экспертизы для проверки видео и аудиоматериалов [15, с. 67].

В этой связи перспективным направлением представляется развитие методик судебной экспертизы, направленных на выявление признаков использования технологий искусственного интеллекта при создании цифровых объектов. Также важным является внедрение технологий блокчейн для фиксации электронных доказательств, что обеспечивает их неизменность с момента изъятия [16, с. 234].

Анализ действующего УПК РФ показывает ряд существенных пробелов в регулировании электронных доказательств. Во-первых, отсутствует легальное определение электронных доказательств. Во-вторых, недостаточно регламентирован порядок работы с информацией, размещенной в сети «Интернет» и облачных хранилищах. В-третьих, не закреплены особенности проверки достоверности цифровых данных с учетом возможностей современных технологий [17, с. 88].

Представляется необходимым дополнить УПК РФ статьей, содержащей определение электронных доказательств и устанавливающей особенности их получения, проверки и оценки. Целесообразно также закрепить обязательное использование специальных программно-аппаратных средств при изъятии электронных носителей, обеспечивающих фиксацию хеш-сумм и блокирование возможности изменения данных [18, с. 145].

Заслуживает внимания и зарубежный опыт, в частности, в США действует Federal Rules of Evidence, специально регулирующие особенности представления электронных доказательств, а в Евросоюзе принят Регламент о европейских ордерах на представление электронных доказательств (E-evidence Regulation 2023) [19, с. 56]. Российское законодательство могло бы воспринять отдельные положения этих актов с учетом национальных правовых традиций.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Электронные доказательства занимают все более значимое место в системе доказывания по уголовным делам, однако их процессуальное регулирование отстает от практических потребностей. Критерии допустимости электронных доказательств требуют конкретизации с учетом цифровой природы носителей информации. Оценка достоверности должна осуществляться с применением специальных технических средств и обязательного участия специалистов и экспертов.

Развитие технологий искусственного интеллекта и распространение дипфейков создают новые вызовы для уголовного судопроизводства, требующие как совершенствования законодательства, так и развития методик

судебной экспертизы. Закрепление в УПК РФ самостоятельного процессуального режима электронных доказательств позволит обеспечить баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав участников процесса.

Список литературы:

[1] Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика России в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 40–52.

[2] Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 109–119.

[3] Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 75–82.

[4] Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 20–30.

[5] Пастухов П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 489 с.

[6] Воронцова С.В. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 130–138.

[7] Овсянников И.В. Электронные доказательства в уголовном процессе: понятие и виды // Уголовное право. 2021. № 5. С. 85–93.

[8] Россинский С.Б. Цифровая информация как самостоятельный объект уголовно-процессуального познания: миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 60–72.

[9] Зайцев О.А., Пастухов П.С. Формирование доктринальной модели уголовно-процессуального доказывания на основе использования информационных технологий // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 105–125.

[10] Григорьев В.Н., Максимов О.А. Заметки на полях по поводу регламентации производства следственных действий с электронными носителями информации // Российский следователь. 2021. № 4. С. 30–37.

[11] Бахтеев Д.В. Криминалистическое исследование цифровых следов: проблемы и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 150–160.

[12] Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Облачные технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы получения и использования доказательств // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 73–84.

[13] Никитина Е.В. Критерии оценки электронных доказательств в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 88–95.

[14] Маслов И.В. Электронные доказательства: теория и практика применения в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2022. 280 с.

[15] Шурухнов А.А. Дипфейк-технологии и проблемы доказывания в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 65–71.

[16] Россинский С.Б. Технология блокчейн в уголовно-процессуальном доказывании: возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 5. С. 230–240.

[17] Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2020. № 7. С. 83–91.

[18] Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. Стратегия развития уголовно-процессуальной деятельности в условиях информационного общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 40. С. 140–152.

[19] Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 50–58.

References:

[1] Zaitsev O.A. Criminal procedure policy of Russia in the context of digitalization//Journal of Russian Law. 2021. № 8. S. 40-52.

[2] Voronin M.I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be ?//Lex Russica. 2020. T. 73. № 6. S. 109-119.

[3] Zuev S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: problems of theory and practice// Bulletin of South Ural State University. Series: Right. 2022. VOL. 22. № 1. S. 75-82.

[4] Zuev S.V., Nikitin E.V. Information technologies in solving criminal procedure problems// All-Russian Criminological Journal. 2021. VOL. 15. № 1. S. 20-30.

[5] Pastukhov P.S. The doctrinal model of improving criminal procedure evidence in the conditions of the information society: dis.... Dr. Jurid. sciences. M., 2020. 489 pp.

[6] Vorontsova S.V. Electronic evidence in criminal proceedings: problems of theory and practice//Russian justice. 2020. № 7. S. 130-138.

[7] Ovsyannikov I.V. Electronic evidence in criminal proceedings: concept and types//Criminal

law. 2021. № 5. S. 85-93.

[8] Rossinsky S.B. Digital information as an independent object of criminal procedure knowledge: myth or reality ?//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2021. № 6. S. 60-72.

[9] Zaitsev O.A., Pastukhov P.S. Formation of a doctrinal model of criminal procedure evidence based on the use of information technologies//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. № 47. S. 105-125.

[10] Grigoriev V.N., Maksimov O.A. Marginal notes on the regulation of the production of investigative actions with electronic media//Russian investigator. 2021. № 4. S. 30-37.

[11] Bakhteev D.V. Forensic study of digital traces: problems and prospects//Russian law: education, practice, science. 2022. № 2. S. 150-160.

[12] Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Cloud technologies in criminal proceedings: problems of obtaining and using evidence//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (61). S. 73-84.

[13] E.V. Nikitina. Criteria for evaluating electronic evidence in criminal proceedings//Criminal proceedings. 2021. № 3. S. 88-95.

[14] Maslov I.V. Electronic evidence: theory and practice of application in criminal proceedings. M.: Yurlitinform, 2022. 280 s.

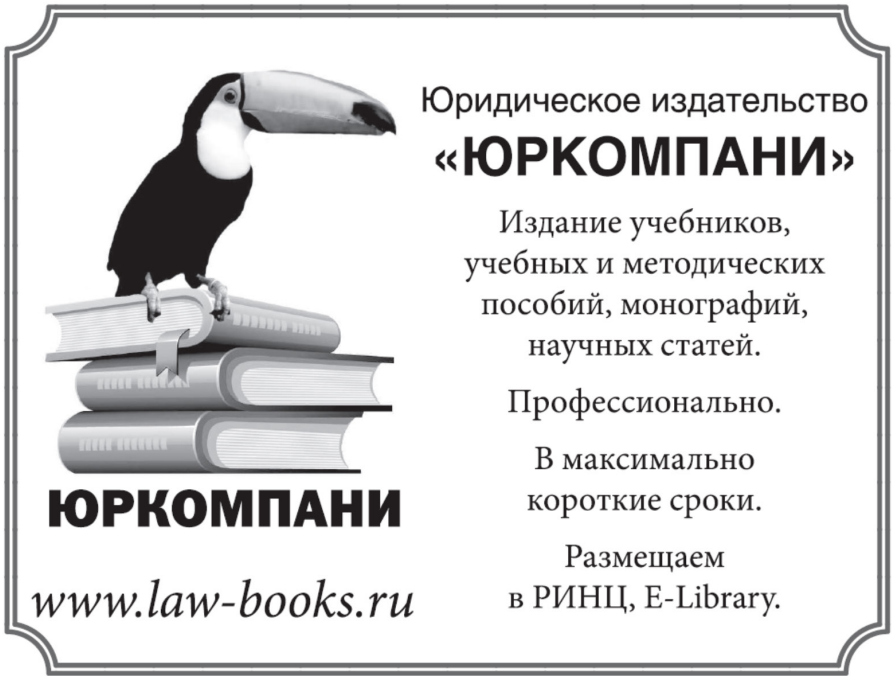
[15] Shurukhnov A.A. Deepfake technologies and problems of proof in criminal proceedings// Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2. S. 65-71.

[16] Rossinsky S.B. Blockchain technology in criminal procedure: opportunities and prospects// State and law. 2022. № 5. S. 230-240.

[17] Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. Electronic criminal case is an instrument for the modernization of criminal proceedings//Russian justice. 2020. № 7. S. 83-91.

[18] Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zaitsev O.A. Strategy for the development of criminal procedure activities in the context of the information society//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. № 40. S. 140-152.

[19] Golovko L.V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution ?//Bulletin of Economic Security. 2021. № 1. S. 50-58.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-711-716

ВИКТОРОВ Артем Олегович,

Преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: viktorovolego1@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ УИС В МЕХАНИЗМЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье исследуется значение профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в механизме ресоциализации осужденных. Актуальность темы обусловлена тем, что принятие Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» изменило нормативный контекст подготовки осужденных к освобождению, социальной адаптации, социальной реабилитации и предупреждения повторной преступности. Цель исследования состоит в определении того, каким образом правовая культура сотрудника УИС влияет на законность, индивидуализацию и реальную результативность ресоциализационной работы. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и конкретно-социологический подходы, позволяющие рассмотреть ресоциализацию не только как социальную или воспитательную деятельность, но и как юридически значимую сферу служебного правоприменения. Обосновывается, что формальное знание законодательства о пробации недостаточно: сотрудник УИС должен понимать правовую природу помощи осужденному, пределы своих полномочий, значение индивидуальной оценки потребностей лица, необходимость межведомственного взаимодействия и корректного документального сопровождения. Научный результат выражается в выводе о том, что профессиональная правовая культура обеспечивает переход от отчетного исполнения мероприятий к индивидуализированной правовой помощи. Делается вывод, что развитие института пробации усиливает требования к правовой подготовке, документационной культуре, уважению к правам осужденных и способности сотрудников УИС сочетать режимные, воспитательные и социально-адаптационные задачи без подмены помощи формальной отчетностью. Особое внимание уделено рискам шаблонной индивидуальной программы, слабого взаимодействия и утраты доверия к администрации учреждения.*

Ключевые слова: *профессиональная правовая культура, уголовно-исполнительная система, ресоциализация, пробация, социальная адаптация, социальная реабилитация, подготовка к освобождению, осужденные, законность, ФСИН России.*

VIKTOROV Artem Olegovich,

Teacher of the department of Civil Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF PENALTIES STAFF IN THE MECHANISM OF RESOCIALIZATION OF CONVICTS

Annotation. *This article examines the role of the professional legal culture of employees of the Russian penal system in the resocialization of convicts. The relevance of this topic is due to the fact that the adoption of Federal Law No. 10-FZ of February 6, 2023, "On Probation in the Russian Federation" has changed the regulatory context for the preparation of convicts for release, social adaptation, rehabilitation, and the prevention of repeat offenses. The purpose of the study is to determine how the legal culture of penal system employees influences the legality, individualization, and actual effectiveness of resocialization efforts. The methodological basis is formed by formal legal, systemic, comparative legal, and specific sociological approaches, allowing us to consider resocialization not only as a social or educational activity, but also as a legally significant area of official law enforcement. It is argued that formal knowledge of probation legislation is insufficient: penal system employees must understand the legal nature of assistance to convicted prisoners, the*

scope of their authority, the importance of individualized assessment of their needs, the need for interagency cooperation, and accurate documentation. The research concludes that a professional legal culture facilitates the transition from report-based implementation of measures to individualized legal assistance. It is concluded that the development of the probation institution strengthens the requirements for legal training, documentation culture, respect for the rights of convicted prisoners, and the ability of penal system employees to combine security, educational, and social adaptation tasks without substituting formal reporting for assistance. Particular attention is paid to the risks of a standardized individual program, weak communication, and loss of trust in the institution's administration.

Key words: *professional legal culture, penal system, resocialization, probation, social adaptation, social rehabilitation, preparation for release, convicted persons, legality, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Введение.

Развитие законодательства о пробации поставило перед уголовно-исполнительной системой вопрос, который не может быть решен только организационным путем. Ресоциализация осужденного предполагает не простое проведение мероприятий перед освобождением, а юридически значимую помощь лицу, находящемуся в ограниченном правовом положении и зависящему от качества служебных решений администрации учреждения. Поэтому научная проблема состоит в определении того, каким образом профессиональная правовая культура сотрудников УИС влияет на реальность, законность и индивидуализированный характер ресоциализации.

Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» закрепил новый правовой контекст, в котором ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация перестают восприниматься как факультативное дополнение к исполнению наказания [5]. Между нормативной моделью и повседневной практикой находится сотрудник УИС, от правовых знаний, ценностной ориентации и способности применять нормы с учетом конкретной ситуации зависит качество помощи осужденному. Цель статьи — определить значение профессиональной правовой культуры сотрудников УИС для законной, индивидуализированной и результативной ресоциализации осужденных. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и конкретно-социологический подходы.

Ресоциализация осужденных и пробация как сфера проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС

Ресоциализация осужденных в современной УИС находится на пересечении исполнения наказания, воспитательной работы, психологического сопровождения, трудовой подготовки, социальной помощи и постпенитенциарного сопровождения [4]. Поэтому она не может быть сведена ни к моральному исправлению, ни к разовым мероприятиям перед освобождением. В научной литературе подчеркивается, что подготовка к освобождению должна обеспечивать реальное включение лица в социальные связи, а не только выполнение учреждением минимального перечня действий [3]. Именно сотрудник УИС переводит общую норму закона в конкретное служебное решение.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» усилил значение индивидуального подхода. Пенитенциарная пробация охватывает социальную и воспитательную работу, психологическую помощь, социальную реабилитацию, подготовку к освобождению, содействие в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 конкретизировал оценку индивидуальной нуждаемости и подготовку индивидуальной программы. Но результат этих процедур зависит не от формы документа, а от способности сотрудника выявить реальную потребность и связать ее с законными способами помощи.

Профессиональная правовая культура сотрудника УИС включает знание законодательства о пробации, понимание правового положения осужденного, уважение к его законным интересам, умение мотивировать решения, корректное обращение с социально значимой информацией и способность межведомственного взаимодействия. В теории профессионально-правовой культуры обоснованно отмечается, что она проявляется не только в объеме знаний, но и в характере правомерного профессионального поведения [9]. Для УИС это положение имеет повышенное значение, поскольку властный характер полномочий сотрудника сочетается с зависимым положением осужденного.

Новое законодательство о пробации показывает, что осужденный должен рассматриваться не только как объект режима

и контроля, но и как субъект правовой помощи. Это не означает ослабления требований законности и безопасности. Напротив, правовая культура сотрудника состоит в умении соотносить контроль и содействие, не подменяя одно другим. Ресоциализация предполагает продолжительный процесс формирования правопослушного поведения, восстановления социальных связей и включения лица в легальные социальные отношения. Восстановление социально полезных связей рассматривается в литературе как значимый элемент пенитенциарной пробации [7].

Специфика УИС заключается в том, что ресоциализационная работа проводится в условиях режима, дисциплинарной власти администрации, ограниченности правового положения осужденных и необходимости поддержания безопасности учреждения. Поэтому профессиональная правовая культура здесь не сводится к абстрактной доброжелательности. Она выражается в точном определении пределов помощи, отказе от произвольного обращения с личной информацией, разъяснении прав и обязанностей, документальном подтверждении действий. На этом уровне обнаруживается связь рассматриваемой проблематики с общей темой профессиональной правовой культуры сотрудников УИС [10].

Правовые риски формального подхода к ресоциализации осужденных

Недостаточный уровень профессиональной правовой культуры проявляется не только в прямом нарушении прав осужденных. Более сложен риск формального исполнения законодательства о пробации: индивидуальная программа превращается в набор стандартных мероприятий, запросы направляются без контроля, сведения о семейных, жилищных, трудовых, образовательных и медицинских обстоятельствах собираются поверхностно, а результат оценивается по наличию документов. В таком случае правовой механизм сохраняет форму, но теряет социально-правовое содержание.

Особую опасность представляет подмена помощи отчетностью. Ресоциализация требует учета того, куда освобождается лицо, имеются ли у него документы, жилье, профессия, состояние здоровья, семейные связи, долги, ограничения, зависимость от асоциального окружения. В исследованиях проблем ресоциализации условно-досрочно освобожденных обращается внимание на значение образования, трудоустройства, материального положения и поддержания связей с родственниками как факторов возвращения к правопослушному поведению [6]. Если сотрудник воспринимает эти обстоятельства как второстепенные, исполненная обязанность не становится реальной правовой помощью.

Правовой риск усиливается тем, что осужденный в учреждении часто не располагает достаточными возможностями самостоятельно защитить свои социальные интересы. Он зависит от своевременности запросов, точности характеристики, полноты разъяснений, подготовки документов и готовности администрации взаимодействовать с внешними субъектами. Поэтому шаблонное действие сотрудника может фактически затруднять трудоустройство, получение медицинской помощи, восстановление документов, оформление социальных выплат или возвращение к семье.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» исходит из межведомственной природы пробации. В ней участвуют учреждения УИС, уголовно-исполнительные инспекции, органы занятости, социального обслуживания, медицинские и образовательные организации, органы публичной власти. Научное обсуждение закона о пробации показывает, что его реализация предполагает дальнейшее развитие уголовно-исполнительного права и практики взаимодействия субъектов [5; 8]. Следовательно, сотрудник должен понимать, какое действие за пределами учреждения необходимо для законного результата.

Формальный подход снижает доверие осужденного к администрации учреждения. Если помощь воспринимается как имитация, а индивидуальная беседа — как способ заполнения документа, осужденный не видит в пробации средства возвращения к нормальной жизни. В этом случае правовые нормы теряют воспитательное воздействие, а правомерное поведение после освобождения не получает устойчивой социальной опоры. Пробация как элемент социального контроля может быть эффективной лишь тогда, когда контроль соединяется с реальной поддержкой и понятными для лица правовыми последствиями [8].

Отдельного внимания требует риск нарушения конфиденциальности социально значимой информации. Индивидуальная программа предполагает обращение к сведениям о здоровье, семейном положении, трудной жизненной ситуации и социальных связях. Правовая культура сотрудника проявляется в понимании, что такая информация не является обычным служебным материалом. Ее сбор, передача и использование должны быть связаны с законной целью ресоциализации и не должны превращаться в дополнительный инструмент давления на осужденного. Иначе помощь утрачивает правовой характер [4].

Правовые риски формального отношения к прокурорскому надзору и судебному контролю

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС в сфере ресоциализации должно начинаться с правовой подготовки по вопросам пробации. Такая подготовка не может ограничиваться ознакомлением с законом и формами документов. Необходимо разбирать правовую природу пенитенциарной и постпенитенциарной пробации, пределы полномочий учреждения, основания индивидуальной программы, взаимодействие с внешними субъектами и типичные ошибки формального подхода [1; 5]. В учебно-методической литературе по ресоциализации осужденных давно подчеркивается значение специально организованной подготовки освобождаемых лиц [1], однако теперь эта подготовка должна быть прочитана через требования нового закона.

Второе направление связано с развитием навыков индивидуальной правовой оценки положения осужденного. Сотрудник должен уметь отличать стандартную социальную характеристику от юридически значимой информации, влияющей на содержание помощи. Наличие паспорта, регистрации, профессии, места проживания, состояния здоровья, семейных связей, трудового опыта и возможности обучения должно оцениваться не как бытовое описание, а как основание для правового действия. Иначе индивидуальная программа будет воспроизводить общие формулы и не станет средством предупреждения повторной преступности [3]. Монографические исследования по проблемам ресоциализации показывают, что успешное возвращение лица в общество требует связи между освобождением, контролем и реальной социальной поддержкой [2].

Третье направление — повышение качества межведомственного взаимодействия. УИС не может самостоятельно решить все вопросы социальной адаптации освобождаемого лица, но именно учреждение нередко первым выявляет нуждаемость и инициирует дальнейшие действия. Поэтому сотрудникам необходимы устойчивые алгоритмы взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями, органами занятости, социальной защиты, здравоохранения, образования и местного самоуправления. При этом алгоритм не должен заменять правовое мышление. Он лишь задает последовательность действий, а профессиональная правовая культура позволяет определить, какие меры действительно нужны конкретному осужденному.

Четвертое направление — развитие документационной культуры. Индивидуальная программа, социальная характеристика, запросы, ответы, уведомления и сведения о проведенных мероприятиях должны фиксировать не видимость работы, а ее юридически значимый ход. Документ должен отвечать на вопрос, что выявлено, почему выбрана соответствующая мера, кому направлен запрос, какой ответ получен и что сделано после его получения. Для воспитательных подразделений исправительных учреждений такая культура особенно важна, поскольку они часто находятся ближе всего к фактической динамике поведения осужденного [10].

Пятое направление — регулярный анализ прокурорской, судебной и ведомственной практики по вопросам соблюдения прав осужденных, подготовки к освобождению, социального сопровождения и исполнения обязанностей в сфере пробации. Такой анализ необходим для выявления повторяющихся дефектов: несвоевременных запросов, неполных разъяснений, шаблонных характеристик, несогласованности подразделений, нарушения конфиденциальности, отсутствия оценки результата. При этом профессиональная правовая культура не сводится к страху ответственности: ее содержание состоит в установке на законное, уважительное и результативное выполнение функции [9].

Наконец, необходимо формировать у сотрудников понимание того, что ресоциализация не противопоставлена режиму, а дополняет его в пределах закона. Режим обеспечивает порядок исполнения наказания, но сам по себе не решает вопрос о способности лица жить после освобождения правопослушно. Профессиональная правовая культура позволяет увидеть связь между дисциплиной, воспитательной работой, трудовой подготовкой, психологическим сопровождением, восстановлением документов, трудоустройством и органами пробации. Такая связь делает пробацию рабочим элементом уголовно-исполнительной политики.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что профессиональная правовая культура сотрудников УИС является не внешним нравственным дополнением к ресоциализации, а условием ее правовой состоятельности. В условиях действия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» подготовка осужденного к освобождению, оказание содействия в социальной адаптации и восстановлении социальных связей должны рассматриваться как юридически значимая деятельность, требующая индивидуальной оценки, мотивированных решений, корректной документации и межведомственного взаимодействия.

Научный результат статьи состоит в

обосновании того, что качество ресоциализации зависит не только от содержания нормативных предписаний, но и от уровня правовой культуры сотрудника, реализующего эти предписания в конкретной ситуации. Новизна подхода заключается в рассмотрении профессиональной правовой культуры сотрудников УИС как связующего элемента между режимной природой исполнения наказания и социально ориентированными механизмами пробации [5]. Именно этот элемент позволяет избежать подмены помощи отчетностью и превратить индивидуальную программу из формального документа в средство правовой поддержки лица.

Для УИС данный вывод имеет практическое значение. Властно-распорядительный характер полномочий, ограниченное правовое положение осужденных и сложность перехода от изоляции к социальной самостоятельности требуют от сотрудника не только исполнения инструкций, но и развитого правового мышления. Поэтому совершенствование профессиональной правовой культуры должно включать правовую подготовку по вопросам пробации, обучение индивидуальной оценке нуждаемости, развитие документационной культуры, анализ практики нарушений и укрепление уважительного отношения к правам осужденных и освобождаемых лиц. Профессиональная правовая культура сотрудников УИС должна рассматриваться как необходимое условие законной, индивидуализированной и результативной ресоциализации осужденных в условиях развития института пробации.

Список литературы:

[1] Ананьев О.Г. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных, освобождаемых из исправительных учреждений : курс лекций. Рязань : Академия ФСИН России, 2011. 210 с.

[2] Евтушенко И.И. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы и их ресоциализация : монография. Волгоград : РПК «Политехник», 2005. 174 с.

[3] Адоевская О.А. Подготовка осужденных к освобождению от отбывания наказания как механизм ресоциализации и реального включения их в гражданское общество // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14(1–4). № 2. С. 156–164. DOI: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).2.156-164.

[4] Ефремова И.А. Ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация несовершеннолетних: сущность и соотношение понятий // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4). № 3. С. 304–313. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.304-313.

[5] Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1(54). С. 80–90. DOI: 10.53993/2078-3914/2023/1(54)/80-90.

[6] Закиров Т.М. О некоторых проблемах ресоциализации осужденных условно-досрочно освобожденных // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4). № 2. С. 278–287. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.278-287.

[7] Кириловский О.В., Лапенков Е.О. Реализация пенитенциарной пробации в вопросе восстановления социально полезных связей осужденных // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 1(10). С. 26–29.

[8] Карпов К.Н. Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2(105). С. 178–187. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.81.25.016.

[9] Кожевников В.В. Профессионально-правовая культура юристов-практиков // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 2. С. 5–16.

[10] Викторов А.О. Особенности правовой культуры сотрудников воспитательного отдела исправительного учреждения // Закон. Право. Государство. 2024. № 2(42). С. 105–107.

References:

[1] O.G. Ananiev. Re-socialization and social adaptation of convicts released from correctional institutions: a course of lectures. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. 210 s.

[2] Yevtushenko I.I. Parole of prisoners sentenced to imprisonment and their re-socialization: monograph. Volgograd: RPK Polytechnic, 2005. 174 pp.

[3] Adoevskaya O.A. Preparation of convicts for release from serving their sentences as a mechanism for re-socialization and their real inclusion in civil society//Criminal Executive Law. 2019. T. 14 (1-4). № 2. S. 156-164. DOI: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).2.156-164.

[4] Efremova I.A. Resocialization, social adaptation and social rehabilitation of minors: essence and correlation of concepts//Criminal executive law. 2023. T. 18 (1-4). № 3. S. 304-313. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.304-313.

[5] Skiba A.P., Maloletkina N.S. Law “On Probation in the Russian Federation” as a prerequisite for the further development of penal law//Bulletin of the Kuzbass Institute. 2023. № 1(54). S. 80-90. DOI: 10.53993/2078-3914/2023/1(54)/80-90.

[6] T.M. Zakirov. On some problems of

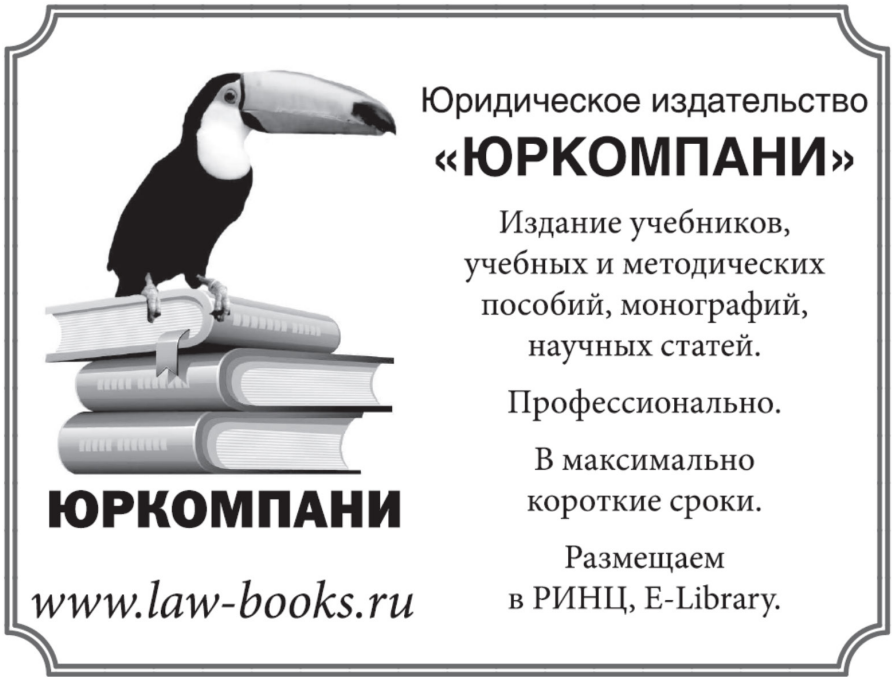
resocialization of convicts on parole//Penal law. 2024. T. 19 (1-4). № 2. S. 278-287. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.278-287.

[7] Kirilovsky O.V., Lapenkov E.O. Implementation of penitentiary probation in the issue of restoring socially useful ties of convicts//Issues of modern science and practice. 2024. № 1(10). S. 26-29.

[8] Karpov K.N. Probation as an element of social control over persons who have committed a crime//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2(105). S. 178-187. DOI: 10.55001/2312-3184.2023.81.25.016.

[9] Kozhevnikov V.V. Professional and legal culture of legal practitioners//Bulletin of Omsk University. "Right" series. 2020. VOL. 17. № 2. S. 5-16.

[10] Viktorov A.O. Features of the legal culture of employees of the educational department of a correctional institution//Law. Right. State. 2024. № 2(42). S. 105-107.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-717-721
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,

Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук,

e-mail: mr.kazberov@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ПЕРСОНАЛА

Аннотация. *Материалы публикации посвящены важному и не теряющему своей актуальности проблемному вопросу содержательных характеристик аспектов профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала в современных условиях служебной деятельности. Для установления рассматриваемых характеристик аспектов профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала было важно рассмотреть, прежде всего, проявления механизмов формирования и развития профессиональной дезадаптации в процессе нарушений различных аспектов профессиональной деятельности сотрудников ФСИН России, приводящих к деструктивным проявлениям как в профессиональной деятельности сотрудников, так и в их жизнедеятельности вне службы.*

Вместе с тем, основной задачей функционирования пенитенциарной психологической службы является поддержание и развитие профессионально-психологической надежности (устойчивости) сотрудников пенитенциарной системы в целом. В предметную область этой надежности входят: ценностно-мотивационный, операциональный и психофизиологический (модуляционный) компоненты личности сотрудника ФСИН России.

Целью статьи, таким образом, выступает выявление содержательных аспектов профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала. Задачи исследования: определение характера влияния профессионального психологического сопровождения сотрудников УИС на эффективность их служебной деятельности, включающего в себя: профессионально-психологический отбор кандидатов на службу, психологическое сопровождение социальной адаптации молодых сотрудников к условиям службы, формирование и развитие профессиональных компетенций сотрудников; определить относятся ли к числу составляющих элементов профессиональной дезадаптации пенитенциарного персонала: аддикции, проблемы с психическим и психофизиологическим здоровьем, проявления признаков акцентуаций личности и общего дезадаптивного поведения сотрудников на службе; установить может ли понятие профессиональная дезадаптация раскрываться как непрерывный процесс, включающий функциональную (биологическую) психологическую и социальную подструктуры, проявляющуюся в результате влияния негативных сторон профессиональной деятельности, а также влияющую на характер служебных и внеслужебных отношений; уточнить могут ли к ведущим формам и факторам риска развития профессиональной дезадаптации относятся длительное и интенсивное воздействие специфики деятельности и пенитенциарного стресса на личность, индивидуально-личностные особенности сотрудника, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют требованиям пенитенциарной деятельности.

Рабочие гипотезы исследования: на эффективность служебной деятельности оказывает значительное влияние профессиональное психологическое сопровождение сотрудников УИС, включающее в себя профессионально-психологический отбор кандидатов на службу, психологическое сопровождение социальной адаптации молодых сотрудников к условиям службы, а также формирование и развитие профессиональных компетенций сотрудников; содержательные аспекты профессиональной дезадаптации пенитенциарного персонала имеют широкий спектр составляющих их элементов, к их числу относятся: аддикции, проблемы с психическим и психофизиологическим здоровьем, проявления признаков акцентуаций личности и общего дезадаптивного поведения сотрудников на службе; профессиональная дезадаптация может быть определена как

непрерывный процесс, включающий функциональную (биологическую) психологическую и социальную подструктуры, проявляющуюся в результате влияния негативных сторон профессиональной деятельности, влияющую на характер служебных и внеслужебных отношений и приводящей к развитию в личности сотрудников отрицательных свойств и качеств, а также появлению стойких нарушений психического здоровья; к ведущим формам и факторам риска развития профессиональной дезадаптации относятся длительное и интенсивное воздействие специфики деятельности и пенитенциарного стресса на личность, а во-вторых индивидуально-личностные особенности сотрудника, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют требованиям пенитенциарной деятельности.

Результаты исследования. Исследовав вопрос, содержательных аспектов профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала, нами сформулирован ряд выводов об: междисциплинарном формате изучения этого вопроса; содержании определения профессиональной дезадаптации; содержательной структуре профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарных сотрудников.

Ключевые слова: *содержательные аспекты, профессиональная деформация, социальная дезадаптация, пенитенциарные сотрудники, признаки профессиональной деформации.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Leading researcher FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SUBSTANTIVE ASPECTS OF PROFESSIONAL DEFORMATION AND SOCIAL MALADJUSTMENT OF PENITENTIARY PERSONNEL

Annotation. *The publication's materials address the important and persistently relevant issue of the substantive characteristics of aspects of professional and social maladjustment among penitentiary personnel in the modern context of their professional activities. To establish the characteristics of these aspects of professional and social maladjustment among penitentiary personnel, it was crucial to examine, first and foremost, the mechanisms underlying the formation and development of professional maladjustment during disruptions to various aspects of the professional activities of FSIN employees, leading to destructive manifestations both in their professional activities and in their off-duty life.*

At the same time, the primary objective of the penitentiary psychological service is to maintain and develop the professional and psychological reliability (stability) of penitentiary system employees as a whole. This reliability encompasses the value-motivational, operational, and psychophysiological (modulatory) components of the FSIN employee's personality.

The aim of this article, therefore, is to identify the substantive aspects of professional and social maladjustment among penitentiary personnel. Research objectives: To determine the impact of professional psychological support for penitentiary system employees on their performance, including: professional and psychological selection of candidates for service, psychological support for the social adaptation of young employees to service conditions, and the development and development of professional competencies; to determine whether the following are among the components of professional maladjustment of penitentiary personnel: addictions, mental and psychophysiological health problems, manifestations of personality accentuations, and general maladaptive behavior of employees on duty; to establish whether the concept of professional maladjustment can be understood as a continuous process, including functional (biological) psychological and social substructures, manifested as a result of the influence of negative aspects of professional activity, and also affecting the nature of work and off-duty relationships; To clarify whether the leading forms and risk factors for the development of professional maladjustment include the prolonged and intense impact of the specific nature of the work and penitentiary stress on the personality, as well as individual and personal characteristics of the employee that do not meet or do not fully meet the requirements of penitentiary work.

Working hypotheses of the study: the effectiveness of professional work is significantly influenced by professional psychological support of penitentiary staff, including the professional and psychological selection of candidates for service, psychological support for the social adaptation of young employees to service conditions, as well as the formation and development of professional competencies of employees; the substantive aspects of professional maladjustment of penitentiary personnel have a wide range of constituent elements, including: addictions, mental and psychophysiological health problems, signs of personality accentuation and general maladaptive behavior of employees on duty; Professional maladjustment can be defined as a continuous process involving functional (biological), psychological, and social substructures, manifested as a result of the negative aspects of professional activity, affecting the nature of work and non-work relationships and leading to the development of negative traits and qualities in employees, as well as the emergence of persistent mental health disorders. The leading forms and risk factors for the development of professional maladjustment include the prolonged and intense impact of the specific nature of the work and penitentiary stress on the personality, and secondly, the individual and personal characteristics of the employee that do not meet or do not fully meet the requirements of penitentiary activity.

Research Results. Having examined the substantive aspects of professional and social maladjustment of penitentiary personnel, we formulated a number of conclusions regarding: the interdisciplinary format for studying this issue; the content of the definition of professional maladjustment; and the substantive structure of professional and social maladjustment of penitentiary employees.

Key words: *substantive aspects, professional deformation, social maladjustment, penitentiary staff, signs of professional deformation*.

Введение.

Одной из основных задач функционирования пенитенциарной психологической службы является поддержание и развитие профессионально-психологической надежности (устойчивости) сотрудников пенитенциарной системы в целом. В предметную область этой надежности входят, прежде всего, ценностно-мотивационный, операциональный и психофизиологический (модуляционный) компоненты личности сотрудника ФСИН России. Такое поддержание и развитие профессионально-психологической надежности (устойчивости) можно определить, как профессиональное психологическое сопровождение сотрудников пенитенциарной системы. Профессиональное психологическое сопровождение включает в себя профессионально-психологический отбор кандидатов на службу, психологическое сопровождение социальной адаптации молодых сотрудников к условиям службы, а также формирование и развитие профессиональных компетенций сотрудников. Между тем, значительное внимание при реализации профессионального психологического сопровождения должно уделяться состоянию: аддикций, психического и психофизиологического здоровья, проявлениям признаков акцентуаций личности и общего дезадаптивного поведения сотрудников на службе [6, с. 140].

Итак, отметим, что содержательные аспекты профессиональной дезадаптации пенитенциарного персонала имеют широкий спектр составляющих их элементов. Так, помимо сложностей и экстремальных условий самой служебной деятельности на личность сотрудника оказывают влияние часто неблагополучные характеристики его социальных условий жизни вне службы, элементарная бытовая неустроенность личной жизни и жизни семьи сотрудника, социальное окружение, способствующее аддиктивным характеристикам жизнедеятельности пенитенциарного сотрудника.

Гипотезы исследования:

на эффективность служебной деятельности оказывает значительное влияние профессиональное психологическое сопровождение сотрудников УИС, включающее в себя профессионально-психологический отбор кандидатов на службу, психологическое сопровождение социальной адаптации молодых сотрудников к условиям службы, а также формирование и развитие профессиональных компетенций сотрудников;

содержательные аспекты профессиональной дезадаптации пенитенциарного персонала имеют широкий спектр составляющих их элементов, к их числу относятся: аддикции, проблемы с психическим и психофизиологическим здоровьем, проявления признаков акцентуаций личности и общего дезадаптивного поведения сотрудников на службе;

профессиональная дезадаптация может

быть определена как непрерывный процесс, включающий функциональную (биологическую) психологическую и социальную подструктуры, проявляющуюся в результате влияния негативных сторон профессиональной деятельности, влияющую на характер служебных и внеслужебных отношений и приводящей к развитию в личности сотрудников отрицательных свойств и качеств, а также появлению стойких нарушений психического здоровья;

к ведущим формам и факторам риска развития профессиональной дезадаптации относятся длительное и интенсивное воздействие специфики деятельности и пенитенциарного стресса на личность, а во-вторых индивидуально-личностные особенности сотрудника, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют требованиям пенитенциарной деятельности.

Цель статьи выступает выявление содержательных аспектов профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала.

Задачами, реализующими цель исследования, выступают:

определение характера влияния профессионального психологического сопровождения сотрудников УИС на эффективность их служебной деятельности, включающего в себя: профессионально-психологический отбор кандидатов на службу, психологическое сопровождение социальной адаптации молодых сотрудников к условиям службы, формирование и развитие профессиональных компетенций сотрудников;

определить относятся ли к числу составляющих элементов профессиональной дезадаптации пенитенциарного персонала: аддикции, проблемы с психическим и психофизиологическим здоровьем, проявления признаков акцентуаций личности и общего дезадаптивного поведения сотрудников на службе;

установить может ли понятие профессиональная дезадаптация раскрываться как непрерывный процесс, включающий функциональную (биологическую) психологическую и социальную подструктуры, проявляющуюся в результате влияния негативных сторон профессиональной деятельности, а также влияющую на характер служебных и внеслужебных отношений;

уточнить могут ли к ведущим формам и факторам риска развития профессиональной дезадаптации относятся длительное и интенсивное воздействие специфики деятельности и пенитенциарного стресса на личность, индивидуально-личностные особенности сотрудника, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют требованиям пенитенциарной деятельности.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтеза, дедукция, интервью, анализа практики организации воспитательной работы, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Сотрудники пенитенциарной системы испытывают воздействие профессиональной дезадаптации как проявление стрессогенных условий профессиональной деятельности как на психическом, так и на физиологическом уровне. Изучению профессиональной дезадаптации свойственен междисциплинарный и межотраслевой научный характер, так педагогикой рассматривается аспект педагогической запущенности, психологией – личностные расстройства как следствие психотравмы, медициной исследуются расстройства приспособительных реакций, а социологией – социальные стрессовые расстройства [1, с. 78; 4, с. 55].

В нашем исследовании мы определяем профессиональную дезадаптацию как непрерывный процесс, включающий функциональную (биологическую) психологическую и социальную подструктуры, проявляющуюся в результате влияния негативных сторон профессиональной деятельности, влияющую на характер служебных и внеслужебных отношений и приводящей к развитию в личности сотрудников отрицательных свойств и качеств, а также появлению стойких нарушений психического здоровья.

Исследователями данного феномена определены ведущие формы и факторы риска развития профессиональной дезадаптации, изучив которые, мы выделили специфические для сотрудников уголовно-исполнительной системы [1, 2, 5, 8].

Это, во-первых, длительное и интенсивное воздействие специфики деятельности и пенитенциарного стресса на личность, а во-вторых индивидуально-личностные особенности сотрудника, которые не соответствуют или не в полной мере соответствуют требованиям пенитенциарной деятельности. И если в первом случае развитие профессиональных компетенций сможет смягчить или снизить проявление дезадаптации, то во-втором риск проявления и развития дезаптационных проявлений возникает с самого начала службы. Из этого следует, что выявление факторов риска необходимо проводить с момента поступления на службу, осуществляя контроль за поведением и состоянием сотрудника.

Когда причиной деформации выступает несоответствие требованиям личностные качества, то уголовно-исполнительная система получает беспомощного и неподготовленного к конфликтам и стрессовым обстоятельствам сотрудника.

Также стоит отметить, что следует отделять такие формы дезадаптации, когда длительное воздействие негативных факторов на сотрудника с деформированной личностью, который признан профессионалом, им осознаются, но он сознательно использует свои профессиональные компетенции и приёмы воздействия на осужденных нарушая рамки, дозволенные законом или, игнорирует обязанности становиться безразличным.

Выводы, заключение. Осуществив, таким образом, рассмотрение вопроса содержательных аспектов профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала, нами сформулирован ряд выводов.

Во-первых, проявление такого психологического феномена как профессиональная дезадаптация пенитенциарного персонала весьма активно изучается в формате междисциплинарного научного пространства: психологией, педагогикой, социологией, медициной и т.д. Во-вторых, раскрывая определение профессиональной дезадаптации и раскрывая содержательные аспекты профессиональной и социальной дезадаптации пенитенциарного персонала мы определяем, что данная дезадаптация является системным и непрерывным процессом, а также в нее входят определенные подструктуры личности (ценностно-мотивационный, операциональный и психофизиологический). В-третьих, помимо сложностей и экстремальных условий самой служебной деятельности на личность сотрудника оказывают влияние часто неблагополучные характеристики его социальных условий жизни вне службы, это элементарная бытовая неустроенность личной жизни и жизни семьи сотрудника, социальное окружение, способствующее аддиктивным характеристикам жизнедеятельности пенитенциарного сотрудника.

Список литературы:

[1] Болдырева Т.А. Диагностика профессиональных деструкций личности. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. 182 с.

[2] Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. – 2021. – № 12(147). – С. 95-97.

[4] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.

[4] Караваев О.В., Субботина О.М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440.

[5] Федорова Е.М. Профессиональные кризисы как фактор развития профессионального отчуждения начальников отрядов // Вестник института: преступление и наказание. – 2015. – № 2. – С. 72-75.

[6] Худоян А.А. Тип межличностных отношений у сотрудников с разной степенью выраженности стресса // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3. – С. 138-142.

References:

[1] Boldyreva T.A. Diagnosis of professional personality destructions. - Orenburg: Orenburg State University, 2017. 182 pp.

[2] Vilkova A.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. – 2021. – № 12(147). - S. 95-97.

[4] Dmitrieva TB, Shostakovich BV Aggression and Mental Health. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 464 p.

[4] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on the social adaptation of convicts//Penal policy and issues of the execution of criminal sentences: Sat. materials International. scientific-practical. conf. (Ryazan, November 24-25. 2016): in 2 vols. Ryazan, 2016. VOL. 2. S. 437-440.

[5] Fedorova E.M. Professional crises as a factor in the development of professional alienation of squad leaders//Bulletin of the Institute: crime and punishment. – 2015. – № 2. - S. 72-75.

[6] Khudoyan A.A. Type of interpersonal relationships among employees with varying degrees of stress//Modern trends in the development of science and technology. – 2016. – № 3. - S. 138-142.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-722-728

АЛЫМОВ Дмитрий Владимирович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета,

e-mail: sledczy@list.ru

ЛОТОРЕВА Екатерина Андреевна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: ek.lotoreva@gmail.com

КИЗИЛОВА Мария Александровна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: mriamriak@gmail.com

СКОРКИНА Виктория Геннадиевна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: vika.skorkina.05@mail.ru

ПРЕСНЯКОВА Светлана Сергеевна,

студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: svetlana11.19@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВНЕШНЕГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию криминалистических средств и методов преодоления противодействия, оказываемого расследованию со стороны лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. Рассматриваются формы внешнего противодействия, его субъектный состав, типичные приёмы воздействия на участников процесса и способы его преодоления. Предложена классификация тактических приёмов нейтрализации внешнего противодействия в зависимости от стадии расследования и характера оказываемого воздействия. Сформулированы рекомендации по совершенствованию тактики производства отдельных следственных действий в условиях активного противодействия расследованию, осуществляемого извне.*

Ключевые слова: *противодействие расследованию, внешнее противодействие, криминалистическая тактика, следственная ситуация, конфликтная ситуация расследования, нейтрализация противодействия, тактические приёмы.*

ALYMOV Dmitry Vladimirovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at Southwestern State University

LOTOREVA Ekaterina Andreevna,

Student of the Law Faculty of Southwestern State University

KIZILOVA Maria Alexandrovna,

Student of the Law Faculty of Southwestern State University

SKORKINA Victoria Gennadievna,

Student of the Law Faculty of Southwestern State University

PRESNYAKOVA Svetlana Sergeevna,

Student of the Law Faculty of Southwestern State University

CRIMINALISTIC ASPECTS OF OVERCOMING RESISTANCE TO EXTERNAL INVESTIGATION

Annotation. *The article is devoted to the study of forensic means and methods of overcoming the resistance to the investigation by persons who are not participants in criminal proceedings. The forms of external resistance, its subject composition, typical methods of influencing the participants in the process, and ways of overcoming it are considered. A classification of tactical methods of neutralizing external resistance is proposed, depending on the stage of the investigation and the nature of the influence. Recommendations are formulated for improving the tactics of conducting individual investigative actions in the conditions of active external resistance to the investigation.*

Key words: *counteraction to investigation, external counteraction, criminalistic tactics, investigative situation, conflict situation of investigation, counteraction neutralization, tactical techniques.*

Эффективность уголовного преследования определяется не только профессионализмом следователя и качеством нормативной базы, но и способностью органов расследования противостоять целенаправленному воздействию, препятствующему установлению истины по делу. Можно сказать, что противодействие расследованию преступлений представляет собой устойчивый криминальный феномен, масштабы которого возрастают пропорционально усложнению структуры преступности, увеличению базы организованных преступных формирований и расширению коррупционных связей в правоохранительных органах.

Актуальность избранной темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Статистические данные, опубликованные Следственным комитетом Российской Федерации свидетельствуют о значительном числе уголовных дел, расследование которых существенно осложняется противодействием со стороны лиц, формально не вовлечённых в производство по делу. По экспертным оценкам, приводимым в работах профессора Е.П. Ищенко, противодействие расследованию и в целом быстрое и полное раскрытие преступлений в той или иной форме оказывается по абсолютному большинству дел о тяжких и особо тяжких преступлениях [1, с. 195]. Как следствие, внешнее противодействие, исходящее от коррумпированных должностных лиц, представителей организованной преступности, родственников и знакомых обвиняемых, адвокатов, злоупотребляющих процессуальными правами, затрудняет доказывание и нередко приводит к утрате доказательств, изменению показаний свидетелей и потерпевших, вынужденному прекращению уголовных дел [2, с. 2023].

Степень научной разработанности проблемы позволяет констатировать, что отечественная криминалистика располагает значительным теоретическим потенциалом в области преодоления противодействия расследованию преступлений. Основы учения о противодействии расследованию заложены в трудах Р.С. Белкина в монографии «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня». Профессор В.Н. Карагодин в докторской диссертации «Преодоление противодействия предварительному расследованию» разработал систему теоретических положений, определяющих понятие, классификацию и методы нейтрализации противодействия. Значительный вклад в развитие данного направления внесли работы А.Ф. Волынского, посвящённые организационным аспектам преодоления противодействия.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и систематизации криминалистических средств и приёмов преодоления внешнего противодействия расследованию преступлений на основе анализа теоретических положений и правоприменительной практики.

Противодействие расследованию в широком понимании охватывает любую деятельность, препятствующую решению задач предварительного следствия и дознания. Так, по мнению Р.С. Белкина, под противодействием расследованию преступлений понимается «умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по уголовному делу» [3, с. 59]. В.Н. Карагодин предложил рассматривать противодействие как «умышленное действие (систему действий), направленное на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу» [4, с.18].

Таким образом, в науке усматривается своего рода единство во мнении о том, что такое «противодействие расследованию преступлений» и какое негативное воздействие оно оказывает на процесс расследования и достижение основных целей уголовного судопроизводства.

В криминалистической науке принято выделять «внутреннее противодействие

расследованию преступлений» и «внешнее противодействие расследованию преступлений.

Особенностью «внутреннего противодействия» является то, что оно осуществляется лицами, которые вовлечены в сферу уголовного-процессуальных отношений, но их цели никоим образом не совпадают с целями расследования. Внутреннее противодействие обычно предполагает своего рода конфликтную ситуацию, которая возникает между следователем и лицами, обладающими определенным процессуальным статусом.

Преодоление такого противодействия целиком и полностью зависит от профессионализма следователя и его умения нейтрализовать конфликтную ситуацию, либо грамотно организовать процесс расследования, систематизировать криминалистически значимую информацию для установления значимых для дела обстоятельств.

Что касается «внешнего» противодействия расследованию преступлений, то оно, по нашему мнению, носит более опасный и деструктивный характер, так как для его преодоления профессионализма следователя обычно недостаточно. Многое зависит от способности следователя интуитивно прогнозировать рассматриваемый способ противодействия расследованию, а также его психологической устойчивости и способности к глубокому аналитическому осмыслению нестандартных ситуаций, возникающих в процессе расследования.

Внешнее противодействие расследованию представляет собой деятельность лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства в процессуальном смысле, однако целенаправленно препятствуют установлению обстоятельств совершённого преступления. А.М. Сажаев указывает, что направленность внешнего противодействия зависит от субъектов, их возможностей и целей противодействия. Субъектами такого противодействия выступают должностные лица учреждений, предприятий, организаций, не зависимо от форм собственности, а также коррумпированные представители властных структур и правоохранительных органов [5, с. 3-4].

Необходимо сказать, что разграничение внутреннего и внешнего противодействия осуществляется прежде всего на основании субъектного критерия. Как обоснованно указывает Р.С. Белкин, характер противодействия напрямую зависит от процессуального положения лица, вовлечённого в уголовное производство. Так, внутреннее противодействие может выражаться в особенностях поведения и приемах, осуществляемых недобросовестными защитниками, использующими предоставленные им законом правомочия вопреки задачам правосудия, либо подозреваемыми, которые дают заведомо ложные показания, пытаясь запутать следствие. Внешнее же противодействие, напротив, реализуется субъектами, не наделёнными каким-либо процессуальным статусом в рамках данного уголовного дела, но при этом преследующими цель воспрепятствовать объективному установлению обстоятельств произошедшего [6].

Мы можем предположить, что отличие внешнего противодействия от внутреннего заключается, по мимо субъектного состава, также в сложности его выявления. Если действия подозреваемого или обвиняемого по сокрытию следов преступления прогнозируемы и во многом типичны для определённых категорий дел, то вмешательство извне зачастую носит латентный характер и обнаруживается следователем уже после наступления негативных последствий, например, когда свидетель меняет ранее данные показания без видимых на то оснований. По нашему мнению, именно запоздалое обнаружение фактов внешнего вмешательства является ключевой криминалистической проблемой, требующей разработки специальных тактических рекомендаций для следователей и доработки имеющихся.

Возвращаясь к субъектному критерию противодействия, стоит сказать, что вопрос о круге лиц, способных выступать субъектами противодействия расследованию, остаётся в криминалистической науке дискуссионным. Так, Р.С. Белкин классифицировал субъектов противодействия на две группы: «внутреннего» и «внешнего» противодействия и, в целом, относил к числу таких субъектов прежде всего обвиняемых и подозреваемых, их защитников, свидетелей и потерпевших, специалистов и экспертов, должностных лиц учреждений, сотрудников представительных органов, а также лиц, не имеющих процессуального статуса по делу [6, с. 53]. Несколько иной подход предлагает профессор В.Н. Карагодин, который акцентирует внимание на разграничении субъектов по степени их осведомлённости о ходе расследования, полагая, что именно объём информации, доступной конкретному лицу, определяет характер и результативность избранных им приёмов противодействия. При этом, он подчёркивал, что такое противодействие в конечном счёте всегда ориентировано против сотрудников органов дознания и следствия [4].

Наиболее интересным представляется утверждение А.Ф. Волынского, который включает в субъектный состав противодействия

коррумпированных сотрудников правоохранительных органов, способных использовать служебное положение для утечки процессуально значимой информации. Данная категория субъектов представляет особую угрозу, поскольку их действия зачастую не оставляют очевидных следов, а мотивация чаще всего является корыстной [7, с. 34]. Уголовная ответственность за подобное поведение предусмотрена статьей 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, а при наличии корыстного умысла может квалифицироваться по статье 290 УК РФ как получение взятки.

Отдельную группу составляют так называемые «пассивные» субъекты противодействия. А.М. Кустов определяет такое противодействие, как сокрытие вследствие пассивного поведения лиц, являющихся носителями криминалистически значимой информации о событии преступления и его участниках, препятствующих осуществлению расследования и правосудия [8, с. 109]. Данные лица формально не совершают активных действий, направленных против расследования, но могут сознательно уклоняться от содействия органам следствия. В данную категорию можно отнести, например, свидетелей, отказывающихся давать показания при отсутствии законных оснований, либо существенно искажающих информацию, умалчивая об обстоятельствах, имеющих значение для расследуемого дела.

На сегодняшний день в криминалистической науке не сложилось единого мнения относительно субъектного состава лиц, оказывающих «внешнее» противодействие расследованию преступлений. По нашему мнению, существующие классификации субъектов противодействия нуждаются в дополнении с учётом современных реалий, состояния преступности и детерминантов ее развития. В частности, на сегодняшний день в научной литературе недостаточно внимание уделяется роли тех субъектов «внешнего» противодействия расследованию, которые используют свой авторитет в обществе или используют свое должностное положение с целью оказания давления на законную деятельность следственных работников, направленных на установление обстоятельств дела. Кроме того, полагаем целесообразным при построении криминалистической классификации субъектов противодействия учитывать не только их процессуальное положение и характер совершаемых действий, но и уровень профессиональной подготовленности, который непосредственно влияет на сложность обнаружения и преодоления оказываемого ими сопротивления.

Заслуживает внимание вопрос о формах внешнего противодействия расследованию, при этом, необходимо ответить, что единого подхода к их классификации в криминалистической науке до настоящего времени не выработано. О.Л. Стулин среди форм внешнего противодействия особо отмечает воздействие на участников уголовного процесса как наиболее распространённый и общественно опасный вид, так как позволяет противодействующей стороне напрямую влиять на доказательственную базу и ход расследования. Такая форма противодействия включает: подкуп, угрозы, шантаж, физическое или психическое воздействие [9]. Практика свидетельствует о том, что давление на свидетелей и потерпевших, экспертов и иных участников процесса может принимать самые различные проявления, от уговоров и обещаний материального вознаграждения до прямых угроз физической расправой. Так, по данным Всероссийского исследования Федеральной палаты адвокатов РФ 2025 года, среди 1824 адвокатов, 72,1% из них сталкивались с попытками склонить их доверителей к признанию вины. Также 53,5% респондентов сообщали об угрозах привлечения к ответственности за активную защиту [10].

Особый интерес вызывает суждение профессора И.А. Возгрина, который подчёркивал, что противодействие расследованию может иметь системный, организованный характер, когда действия направлены на саботаж следствия и координируются централизованно [11, с. 62]. Такой подход позволяет рассматривать противодействие не как автономные действия отдельных субъектов, а как часть общей стратегии, направленной на затруднение или срыв расследования.

По нашему мнению, при классификации форм внешнего противодействия необходимо учитывать также и способ коммуникации между субъектом противодействия и объектом его воздействия. Современная следственная практика свидетельствует о том, что всё меньше субъекты внешнего противодействия напрямую воздействуют на следователя. Всё большее распространение получают дистанционные формы воздействия: угрозы через мессенджеры, удалённое уничтожение электронной информации, размещение в сети публикаций, дискредитирующих расследование. Статья 309 УК РФ охватывает указанные деяния вне зависимости от способа их совершения, однако их выявление требуют от следователя владения специфическими тактическими приёмами работы с цифровыми следами. Можно утверждать, что разграничение контактных и дистанционных форм противодействия имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение

для выбора адекватных средств их преодоления.

Своевременное выявление факта противодействия является обязательной предпосылкой его эффективного преодоления. Следователь, не распознавший признаки оказываемого воздействия на ход расследования, лишён возможности адекватно на них реагировать, что в конечном счёте ведёт к утрате доказательств и снижению качества расследования в целом. Профессор А.Г. Филиппов подчёркивает, что распознавание противодействия представляет собой самостоятельную диагностическую задачу, решение которой требует от следователя не только профессиональных знаний, но и развитой наблюдательности [12, с. 152].

Представляется целесообразным разделить способы внешнего противодействия на две группы: процессуальные и непроцессуальные.

Признаки «внешнего» противодействия процессуального характера могут быть выявлены непосредственно в ходе производства следственных действий и работы с материалами уголовного дела. Среди них следует выделить: внезапное изменение ранее данных показаний свидетелями либо потерпевшими; отказ от ранее признательных показаний; указание свидетеля на положения статьи 51 Конституции Российской Федерации при очевидном отсутствии оснований для реализации данного права, то есть когда допрашиваемый не является субъектом, против которого могут быть использованы его показания, и не состоит в родственных отношениях с обвиняемым; уклонение от явки по вызовам следователя свидетелей, которые ранее являлись без каких-либо препятствий и т.д..

Признаки «внешнего» противодействия непроцессуального характера выявляются, как правило, посредством оперативно-розыскной деятельности и иных организационных мер. К ним можно отнести: поступление оперативных сведений о попытках воздействия заинтересованных лиц на участников уголовного судопроизводства; установление фактов встреч и контактов между лицами, заинтересованными в исходе дела, и свидетелями, ранее давшими изобличающие показания; обнаружение признаков наблюдения за следователем или сотрудниками оперативных подразделений; размещение в средствах массовой информации или в сети Интернет материалов, содержащих данные о ходе предварительного расследования, не подлежащие разглашению в силу статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

По нашему мнению, распознание факта «внешнего» противодействия должно представлять собой системную аналитическую работу, а не сводиться к реагированию на единичные ситуации оказания деструктивного воздействия субъекта. Единичный акт противодействия расследованию, зачастую не является признаком устойчивой негативной позиции привлекаемых к расследованию лиц. Оно может быть связано, например, с неверным подходом к установлению психологического контакта с допрашиваемым или иными лицами, способными оказать деструктивное воздействие на законную деятельность следователя. Так, например, свидетель способен изменить показания вследствие добросовестного заблуждения или уточнения собственных воспоминаний. Неявка по вызову бывает вызвана болезнью, командировкой, иными объективными обстоятельствами. Однако, когда несколько таких признаков фиксируются одновременно или в тесной хронологической последовательности, а их сопоставление с данными оперативно-розыскного характера указывает на единый источник и общую направленность, у следователя появляется достаточное основание для вывода о целенаправленном противодействии расследованию и для незамедлительного принятия мер по его нейтрализации.

Система криминалистических средств преодоления «внешнего» противодействия расследованию может быть структурирована по нескольким основаниям: по характеру применяемых мер, по стадии расследования, по объекту защиты от противодействия.

Если за основу принять характер используемых мер, то следует разграничить организационные, тактические и процессуальные средства. Организационная составляющая предполагает прежде всего грамотное планирование следственной работы, включение в структуру расследования разнообразных тактических комбинаций и операций, направленных на выяснение личностных особенностей лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Зачастую, обладая информацией о личностных особенностях участников уголовного судопроизводства, а также их социальный статус, позволяют спрогнозировать следственную ситуацию на предмет возможного противодействия и разработать наиболее эффективный комплекс тактических приемов, направленных на преодоление противодействия расследованию.

Тактические средства охватывают приёмы, реализуемые следователем как при производстве конкретных следственных действий, так и в рамках расследования в целом. Принципиальное значение здесь приобретает фактор внезапности при постановке вопросов.

Допрос вновь новых свидетелей желательно проводить в кратчайшие сроки, то есть до того момента, когда заинтересованные лица узнают о его существовании и получат возможность оказать на него негативное воздействие. Обыски и выемки следует планировать таким образом, чтобы исключить заблаговременное предупреждение лиц, у которых они производятся. Процессуальные средства базируются на тех полномочиях, которыми следователь наделён в силу закона.

Следует отметить, что, действенность процессуальных и тактических средств преодоления «внешнего» противодействия в значительной мере определяется их комплексным и своевременным применением. Изолированное использование отдельных мер, например только тактических или только процессуальных, как правило, оказывается недостаточным. Эффективное преодоление противодействия достигается тогда, когда следователь одновременно задействует организационные, тактические и процессуальные меры, совмещая их с возможностями оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем наиболее серьёзную опасность для расследования представляет противодействие, исходящее от должностных лиц, использующих в этих целях своё служебное положение. Коррумпированный чиновник обладает несравнимо большими возможностями, нежели частное лицо. Он способен инициировать необоснованное изъятие уголовного дела у следователя и его передачу другому должностному лицу, организовать служебные проверки в отношении самого следователя, обеспечить систематическую утечку сведений о планируемых следственных действиях, оказать административное давление на руководителя следственного органа, заблокировать исполнение следственных запросов подчинёнными организациями и учреждениями. Преодоление коррупционного противодействия требует мер, которые выходят далеко за пределы тактики производства отдельных следственных действий.

Мы убеждены, что именно противодействие со стороны должностных лиц заслуживает наибольшего внимания как со стороны науки, так и со стороны законодателя. Действующее правовое регулирование, на наш взгляд, не в полной мере обеспечивает процессуальную независимость следователя в ситуациях коррупционного давления. Создание межведомственных следственных групп является эффективным, но всё же частным решением проблемы, и дальнейшая разработка системных гарантий независимости расследования остаётся актуальной задачей.

На основании проведённого исследования могут быть сформулированы следующие результаты.

Проблема преодоления «внешнего» противодействия расследованию носит комплексный характер и не может быть решена исключительно средствами криминалистической тактики. Достижение положительного результата предполагает применение организационных, процессуальных, оперативно-розыскных и тактических мер, объединённых общим замыслом следователя и подчинённых единой цели: обеспечению полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств расследуемого события.

Вместе с тем мы считаем необходимым признать, что значительная часть выявленных проблем лежит за пределами возможностей криминалистической науки и не устранима одними лишь методическими рекомендациями. Реальная защищённость свидетелей и потерпевших, несмотря на существование специального законодательства в данной сфере, остаётся недостаточной. Причины этого носят преимущественно организационный и финансовый характер: программы государственной защиты участников уголовного судопроизводства нередко реализуются не в полном объёме в силу ограниченности выделяемых ресурсов. Противодействие расследованию со стороны должностных лиц, злоупотребляющих служебным положением, и вовсе требует преобразований, которые относятся скорее к сфере государственного управления и антикоррупционной политики, нежели к предмету криминалистики. Тем не менее разработка и внедрение тактических рекомендаций способны существенно повысить эффективность расследования даже в условиях несовершенства нормативно-правовой и организационной среды.

Список литературы:

[1] Ищенко, Е.П. Криминалистика: Курс лекций. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. — 416 с.

[2] Мылус, О.В., Салкуцан, О.А. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления // Столыпинский вестник, №. 5(4), 2023, С. 2013-2025.

[3] Белкин, Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики /Р.С. Белкин // М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА), 2001. — 240 с.

[4] Карагодин, В.Н. Преодоление противодействия предварительному

расследованию /В.Н. Карагодин//Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. - 176 с.

[5] Сажаев, А. М. Формы и способы «внешнего» противодействия расследованию / А. М. Сажаев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 1(3). – С. 258-261.

[6] Белкин, Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами /Р.С. Белкин// Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции органов предварительного расследования: учеб. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. — Москва, 1997 — С. 691–704.

[7] Волынский, А. Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений / А. Ф. Волынский // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 27-36.

[8] Кустов, А. М. Механизм преступления и противодействие его расследованию / А. М. Кустов. – Ставрополь : Ставропольский университет, 1997. – 132 с.

[9] Стулин, О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09. — Санкт-Петербург, 1999. — 171 с.

[10] Владимир Буранов. Более 70 % адвокатов заявили о давлении со стороны правоохранителей – ФПА. 2025 год [Электронный ресурс] // РАПСИ. URL:https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20251119/311351868.html (дата обращения: 18.05.2026).

[11] Возгрин, И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : Курс лекций / И. А. Возгрин ; Санкт-Петербург. юрид. ин-т. Ч. 4 / 20 см. — СПб. : Санкт-Петербург. юрид. ин-т, 1993- — СПб. : Санкт-Петербург. юрид. ин-т, 1993. — 79 с.

[12] Филиппов, А. Г. Криминалистика: учебник / А. Г. Филиппов. — М.: Юрайт, 2019. — 466 с.

References:

[1] Ishchenko, E.P. Forensics: Course of lectures. - Moscow: CONTRACT Law Firm; AST-MOSCOW, 2007. - 416 s.

[2] Mylus, O.V., Salkutsan, O.A. Opposition to the preliminary investigation and ways to overcome it//Stolypinsky Bulletin, No. 5 (4), 2023, S. 2013-2025.

[3] Belkin, R. S. Forensics: Today's Challenges. Topical issues of Russian forensics/R.S. Belkin//M.: NORMA Publishing House (NORMA Publishing Group - INFRA), 2001. - 240 s.

[4] Karagodin, V.N. Overcoming opposition to the preliminary investigation/V.N. Karagodin// Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1992. - 176 s.

[5] Sazhaev, A. M. Forms and methods of "external" counteraction to the investigation/A. M. Sazhaev//Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2015. – № 1(3). - S. 258-261.

[6] Belkin, R.S. Counteracting the investigation and ways to overcome it with forensic and operational-search means and methods/R.S. Belkin//Forensic support of the activities of the criminal police of the preliminary investigation bodies: study. manual/ed. T.V. Averyanova, R.S. Belkin. - Moscow, 1997 - S. 691-704.

[7] Volynsky, A.F. On ways to counter the investigation of economic crimes/A.F. Volynsky// Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2013. – № 4-2. - S. 27-36.

[8] Kustov, A.M. Crime mechanism and counteraction to its investigation/A.M. Kustov. - Stavropol: Stavropol University, 1997. - 132 s.

[9] Stulin, O.L. Tactical foundations of overcoming intentional counteraction to the investigation of crimes: dissertation... Candidate of Law: 12.00.09. - St. Petersburg, 1999. - 171 s.

[10] Vladimir Buranov. More than 70% of lawyers declared pressure from law enforcement officers - FPA. 2025 [Electronic resource]//RAPSI. URL: https://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20251119/311351868.html (access date: 18.05.2026).

[11] Sublimine, I.A. Scientific foundations of forensic methods of investigating crimes: Course of lectures/I.A. Sublimine; St. Petersburg. jurid. in-t. Part 4/20 cm. - St. Petersburg: St. Petersburg. jurid. Institute, 1993- - St. Petersburg: St. Petersburg. jurid. Institute, 1993. — 79 c.

[12] Filippov, A. G. Forensics: textbook/A. G. Filippov. - M.: Yurayt, 2019. - 466 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-729-736

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере кибербезопасности. Обосновывается, что цифровизация общественных отношений существенно изменила механизм совершения преступлений, структуру преступной деятельности, способы причинения вреда и характер доказывания. Особое внимание уделяется разграничению преступлений в сфере компьютерной информации и смежных составов: мошенничества, незаконного оборота средств платежей, нарушения тайны переписки, неправомерного доступа к охраняемой законом информации, преступлений против критической информационной инфраструктуры. Отмечается, что использование информационно-телекоммуникационных технологий не всегда означает наличие состава преступления в сфере компьютерной информации: в ряде случаев цифровая среда выступает лишь способом совершения традиционного преступления. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к квалификации киберпреступлений, основанного на сочетании уголовно-правового, криминологического и цифрово-криминалистического анализа.*

Ключевые слова: *кибербезопасность, киберпреступность, квалификация преступлений, компьютерная информация, неправомерный доступ, вредоносные программы, цифровые доказательства, критическая информационная инфраструктура, информационно-телекоммуникационные технологии.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

QUALIFICATION OF CRIMES IN THE FIELD OF CYBERSECURITY: PROBLEMS AND TRENDS

Annotation. *The article examines current problems of criminal-law qualification of crimes in the field of cybersecurity. It is argued that the digitalization of social relations has significantly changed the mechanism of committing crimes, the structure of criminal activity, methods of causing harm and the nature of proof. Particular attention is paid to distinguishing crimes in the field of computer information from related offences: fraud, illegal circulation of payment instruments, violation of secrecy of correspondence, unlawful access to legally protected information, and crimes against critical information infrastructure. The article notes that the use of information and telecommunication technologies does not always mean the existence of a crime in the field of computer information: in some cases, the digital environment is only a method of committing a traditional crime. The author concludes that a comprehensive approach to the qualification of cybercrimes is necessary, based on a combination of criminal-law, criminological and digital-forensic analysis.*

Key words: *cybersecurity, cybercrime, qualification of crimes, computer information, unlawful access, malware, digital evidence, critical information infrastructure, information and telecommunication technologies.*

Цифровизация общественных отношений привела к существенной трансформации современной преступности. Информационно-телекоммуникационные технологии стали не только средством коммуникации, но и самостоятельной средой совершения преступлений, пространством хранения имущественных и личных ценностей, инструментом управления социально значимой инфраструктурой. В этих условиях кибербезопасность приобретает значение одного из ключевых направлений уголовно-правовой охраны.

Современная киберпреступность уже не сводится к неправомерному доступу к компьютерной информации или созданию вредоносных программ. Она включает сложные формы преступного поведения: фишинг, атаки программ-вымогателей, использование ботнетов, неправомерный оборот персональных данных, хищения с применением электронных средств платежа, атаки на критическую информационную инфраструктуру, использование криптовалют для сокрытия преступных доходов. Как справедливо отмечается в зарубежной литературе, киберпреступность развивается не только за счет технологических инноваций, но и вследствие изменения социальных практик использования цифровой среды [1; 3; 4].

Для уголовного права это означает необходимость переосмысления ряда традиционных подходов к квалификации преступлений. В цифровой среде усложняется установление объекта посягательства, момента окончания преступления, характера наступивших последствий, причинной связи, субъективной стороны и роли каждого участника. Особую проблему представляет разграничение преступлений, непосредственно посягающих на компьютерную информацию, и преступлений, в которых информационно-телекоммуникационные технологии используются только как способ совершения деяния.

Актуальность темы обусловлена также тем, что правоприменительная практика сталкивается с высокой латентностью киберпреступлений, трансграничностью атак, использованием анонимизирующих технологий, криптовалютных сервисов, облачных хранилищ и распределенных сетей. При этом неверная квалификация может привести либо к необоснованному расширению уголовной ответственности, либо к неполному отражению общественной опасности содеянного.

Цель настоящей статьи – выявить основные проблемы квалификации преступлений в сфере кибербезопасности и определить современные тенденции их уголовно-правовой оценки.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определить содержание понятия преступлений в сфере кибербезопасности; рассмотреть особенности квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации и оборота вредоносных программ; проанализировать проблемы разграничения киберпреступлений и смежных составов; определить значение цифровых доказательств для квалификации; сформулировать основные тенденции развития уголовно-правовой оценки преступлений в сфере кибербезопасности.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, логический и криминологический методы. Использован также междисциплинарный подход, предполагающий учет технических особенностей цифровой среды при толковании признаков состава преступления.

В российском уголовном праве традиционно используется категория преступлений в сфере компьютерной информации. Она связана прежде всего с нормами главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающими ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, а также неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру.

Однако понятие преступлений в сфере кибербезопасности является более широким. Оно охватывает не только деяния, непосредственным объектом которых выступает безопасность компьютерной информации, но и преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий. В отечественной литературе справедливо подчеркивается, что цифровая среда изменяет не только способ совершения преступления, но и механизм причинения вреда, структуру соучастия, характер следов преступной деятельности и особенности доказывания [14; 15].

В зарубежной доктрине для описания данного явления используется разграничение

cyber-dependent crimes (преступления, невозможные без использования цифровой среды) и cyber-enabled crimes (преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий) [3; 4]. К первой группе относятся преступления, невозможные вне цифровой среды: неправомерный доступ, создание и распространение вредоносного программного обеспечения, DDoS-атаки, вмешательство в работу информационных систем. Ко второй группе относятся традиционные преступления, которые могут совершаться и без использования цифровых технологий, но в цифровой среде приобретают новые масштабы и формы: мошенничество, вымогательство, незаконная торговля, оборот персональных данных, распространение запрещенной информации.

Для российской квалификации данное разграничение имеет принципиальное значение. Если компьютерная информация является самостоятельным объектом посягательства, содеянное может квалифицироваться по нормам о преступлениях в сфере компьютерной информации. Если же информационно-телекоммуникационная сеть используется только как канал коммуникации или способ введения потерпевшего в заблуждение, основная квалификация должна определяться характером непосредственного объекта посягательства: собственность, личные права, общественная безопасность, порядок управления и т.д.

Так, если лицо с использованием мессенджера убеждает потерпевшего перевести денежные средства под ложным предлогом, информационная технология выступает способом обмана. В такой ситуации центральное значение имеет имущественное посягательство. Иная правовая оценка требуется, если лицо получает неправомерный доступ к учетной записи потерпевшего, изменяет данные, копирует охраняемую информацию, блокирует доступ к системе или использует вредоносную программу.

Следовательно, преступления в сфере кибербезопасности можно определить как совокупность уголовно наказуемых деяний, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации, безопасности информационной инфраструктуры либо совершаемых с использованием цифровых технологий в качестве существенного способа преступного воздействия.

Неправомерный доступ к компьютерной информации является одним из базовых составов в системе уголовно-правовой охраны кибербезопасности. Его квалификация предполагает установление нескольких ключевых обстоятельств: наличия охраняемой законом компьютерной информации, факта доступа к ней, неправомерности такого доступа, наступления предусмотренных законом последствий, а также умышленной формы вины.

Основная сложность заключается в определении неправомерности доступа. В техническом смысле доступ может осуществляться различными способами: подбором пароля, использованием похищенных учетных данных, эксплуатацией уязвимости, обходом средств идентификации и аутентификации, применением вредоносного программного обеспечения, использованием служебных полномочий вопреки установленным правилам. Однако уголовно-правовая оценка не может сводиться только к техническому факту подключения к системе.

В российской доктрине обращается внимание на то, что неправомерный доступ должен оцениваться с учетом правового режима информации, пределов предоставленных лицу полномочий, наличия либо отсутствия согласия обладателя информации, а также последствий, наступивших в результате такого доступа [16; 17]. Иными словами, необходимо установить не только то, что лицо получило техническую возможность взаимодействия с информационной системой, но и то, что оно не имело правового основания для соответствующих действий.

Особенно сложными являются ситуации, связанные с инсайдерами. Работник организации может иметь законные учетные данные и доступ к определенным информационным ресурсам, однако использовать их для копирования базы клиентов, передачи коммерчески значимых сведений конкурентам, удаления информации или изменения программных настроек. В подобных случаях вопрос о неправомерности доступа должен решаться через анализ пределов предоставленных полномочий. Если лицо имело доступ только для выполнения служебных задач, но использовало его вопреки установленному назначению и с причинением предусмотренных законом последствий, содеянное может приобретать признаки преступления в сфере компьютерной информации.

Не менее важна проблема последствий неправомерного доступа. Уголовно-правовое значение имеют уничтожение, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации. При этом копирование информации нередко вызывает дискуссии: в отличие от уничтожения или блокирования оно может не нарушать работоспособность системы и не лишать владельца доступа к данным. Однако незаконное копирование охраняемой информации нарушает ее конфиденциальность и может причинять существенный вред интересам

личности, организации или государства.

Таким образом, квалификация неправомерного доступа требует установления не только технического механизма проникновения, но и правового режима информации, пределов полномочий субъекта, характера совершенных операций, наступивших последствий и направленности умысла.

Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ представляет собой самостоятельное направление киберпреступности. Современное вредоносное программное обеспечение используется для шифрования данных, кражи учетных данных, скрытого майнинга криптовалюты, удаленного управления устройством, перехвата сообщений, организации DDoS-атак, обхода средств защиты.

Особенность квалификации состоит в том, что вредоносная программа может выступать одновременно предметом преступления, средством его совершения и элементом преступной инфраструктуры. Лицо может разработать вредоносный код, приобрести его на теневом ресурсе, модифицировать, передать другим участникам, разместить на зараженном сайте или использовать для атаки на конкретную систему.

При этом важно разграничивать самостоятельный состав, связанный с оборотом вредоносных программ, и иные преступления, в которых такая программа является способом совершения деяния. Например, если вредоносное программное обеспечение используется для хищения денежных средств, содеянное может требовать квалификации по совокупности преступлений: как деяние, связанное с вредоносной программой, и как преступление против собственности. Если же лицо создало программу, заведомо предназначенную для неправомерного уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации, но не применило ее к конкретной системе, возникает вопрос о моменте окончания преступления и о соотношении с приготовлением к иным преступлениям.

Существенную проблему образуют программы двойного назначения. Многие инструменты тестирования защищенности сетей, сканеры уязвимостей, средства удаленного администрирования, криптографические приложения и программы анализа трафика могут использоваться как законно, так и противоправно. Поэтому уголовно-правовая оценка не должна строиться исключительно на технической способности программы причинить вред.

Для вывода о вредоносном характере программы необходимо учитывать ее назначение, функциональные особенности, контекст создания и распространения, наличие механизмов сокрытия, обхода защиты, несанкционированного копирования или блокирования информации, а также осведомленность лица о предназначении соответствующего программного продукта. В зарубежных исследованиях отмечается, что криминальные рынки вредоносного программного обеспечения все чаще функционируют по модели сервисной экономики, когда лицо может не обладать глубокими техническими знаниями, но приобретает готовые инструменты, инструкции, инфраструктуру рассылки или аренду ботнета [2; 13]. Данное обстоятельство повышает значение доказывания субъективной стороны.

Следовательно, квалификация деяний, связанных с вредоносными программами, должна опираться не на формальное наличие программного инструмента, а на установление его вредоносного назначения, характера использования и умысла виновного.

Одной из наиболее сложных задач является разграничение преступлений в сфере компьютерной информации и смежных составов. На практике это особенно актуально для мошенничества, незаконного оборота средств платежа, нарушения тайны переписки, незаконного получения и распространения персональных данных, вымогательства и легализации преступных доходов.

В отечественной уголовно-правовой литературе неоднократно подчеркивалось, что квалификация преступления должна исходить из точного установления всех признаков состава, а не из внешнего сходства способов совершения деяния [22]. Применительно к киберпреступности это означает, что сам факт использования сети Интернет, мобильного приложения или электронного устройства еще не свидетельствует о наличии преступления в сфере компьютерной информации.

Если виновный вводит потерпевшего в заблуждение посредством сайта, телефонного звонка, электронной почты или мессенджера, а потерпевший самостоятельно переводит денежные средства, ключевым признаком выступает обман как способ завладения имуществом. В таком случае цифровая среда лишь обеспечивает коммуникацию между виновным и потерпевшим. Иная ситуация возникает, когда виновный получает неправомерный доступ к банковскому приложению, использует похищенные учетные данные, изменяет реквизиты платежа, вмешивается в работу информационной системы или применяет вредоносное программное обеспечение. Здесь посягательство может

затрагивать не только отношения собственности, но и безопасность компьютерной информации.

Особого внимания требует незаконный оборот персональных данных. Массовые утечки баз данных могут быть результатом неправомерного доступа, действий инсайдера, нарушения правил эксплуатации информационной системы либо последующей покупки уже похищенной информации. В зависимости от фактических обстоятельств содеянное может затрагивать различные объекты уголовно-правовой охраны: неприкосновенность частной жизни, тайну связи, коммерческую тайну, безопасность компьютерной информации, интересы собственности. Поэтому квалификация должна учитывать источник получения данных, способ доступа, характер информации и роль конкретного лица.

Отдельный блок составляют атаки на критическую информационную инфраструктуру. Технически они могут напоминать иные кибератаки: использование вредоносного кода, подбор учетных данных, DDoS-воздействие, эксплуатация уязвимости. Однако их повышенная общественная опасность обусловлена специальным объектом посягательства – устойчивым и безопасным функционированием информационных систем, обеспечивающих значимые сферы жизни общества и государства. Атака на сервер обычной коммерческой организации и атака на систему, связанную с энергетикой, транспортом, связью, здравоохранением или финансовой инфраструктурой, могут быть сходны по техническому механизму, но различны по юридической природе и последствиям.

Таким образом, при разграничении киберпреступлений и смежных составов необходимо исходить не из технологического ярлыка деяния – «фишинг», «ботнет», «ransomware» (вредоносная программа-вымогатель), «DDoS», а из уголовно-правовых признаков состава: объекта, объективной стороны, последствий, причинной связи, субъективной стороны и специальных признаков субъекта.

Киберпреступления часто совершаются распределенными группами, участники которых находятся в разных регионах или государствах и взаимодействуют через анонимные каналы связи. Один участник может создавать вредоносное программное обеспечение, другой – предоставлять серверную инфраструктуру, третий – осуществлять фишинговую рассылку, четвертый – выводить денежные средства через электронные кошельки или криптовалютные сервисы, пятый – легализовать преступные доходы.

Такая структура осложняет установление признаков соучастия. В классической уголовно-правовой модели необходимо доказать совместность действий, умышленный характер участия и осознание общего преступного результата. В цифровой среде эти признаки могут подтверждаться перепиской в закрытых каналах, распределением ролей, оплатой услуг, предоставлением доступа к инфраструктуре, использованием единых инструкций, технической координацией действий.

Однако недопустимо автоматически признавать соучастником всякое лицо, оказавшее техническую услугу. Например, администратор хостинга может не знать, что размещенный ресурс используется для фишинга или распространения вредоносного программного обеспечения. Иная оценка возможна, если лицо осознанно обеспечивает функционирование преступной инфраструктуры, принимает меры по сокрытию владельцев ресурса, реагирует на блокировки путем переноса данных, получает оплату в условиях очевидной анонимизации и продолжает оказывать услуги после уведомлений о противоправном характере деятельности.

Субъективная сторона имеет особое значение и при оценке программ двойного назначения. Наличие у лица технического инструмента не всегда свидетельствует о преступном умысле. Необходимо установить, осознавало ли лицо вредоносное назначение программы, намеревалось ли использовать ее для неправомерного воздействия на информацию или информационную систему, понимало ли последствия своих действий.

В современных исследованиях подчеркивается, что человеческий фактор остается центральным элементом киберпреступности: даже сложные технические атаки часто опираются на социальную инженерию, ошибку пользователя, слабую организацию информационной безопасности или инсайдерский доступ [5; 7]. Поэтому квалификация должна учитывать не только технологический механизм преступления, но и поведение конкретных лиц, их информированность, роль и направленность умысла.

Квалификация преступлений в сфере кибербезопасности тесно связана с собиранием, исследованием и оценкой цифровых доказательств. Логи доступа, IP-адреса, сведения о сетевом трафике, хеш-суммы файлов, данные доменной регистрации, криптовалютные транзакции, переписка в мессенджерах, образы жестких дисков, данные мобильных устройств и облачных хранилищ имеют значение не только для доказывания факта совершения преступления, но и для установления его юридических признаков.

Например, журналы событий могут подтверждать момент доступа,

последовательность действий и используемые учетные данные; анализ вредоносного кода – его функциональное назначение; хеш-суммы – неизменность изъятых файлов; сетевые логи – направление и интенсивность атаки; данные блокчейн-аналитики – движение похищенных средств. Без такого анализа затруднительно установить, имел ли место неправомерный доступ, произошло ли копирование или модификация информации, была ли программа вредоносной, наступили ли юридически значимые последствия.

В российской криминалистической литературе отмечается, что цифровые следы отличаются высокой изменяемостью, зависимостью от программно-аппаратной среды и необходимостью специальной экспертной интерпретации [18; 19]. Поэтому правовая квалификация не должна строиться на единственном техническом идентификаторе. IP-адрес, например, не всегда указывает на конкретное лицо, поскольку могут использоваться VPN, прокси-серверы, публичные сети Wi-Fi, ботнеты или зараженные устройства третьих лиц.

Юридически значимая связь между деянием и конкретным субъектом должна подтверждаться совокупностью доказательств: результатами осмотров и экспертиз, сведениями о платежах, перепиской, данными об устройствах, логами авторизации, показаниями свидетелей, информацией о владении учетными записями, а также иными цифровыми и традиционными доказательствами.

В связи с этим цифровые доказательства выполняют двойную функцию. С одной стороны, они позволяют установить фактический механизм кибератаки. С другой стороны, они помогают определить уголовно-правовые признаки состава: способ совершения преступления, последствия, причинную связь, форму вины, роль соучастников и момент окончания преступления.

Анализ современной доктрины и практики позволяет выделить несколько тенденций квалификации преступлений в сфере кибербезопасности.

Первая тенденция состоит в расширении значения цифрового способа совершения преступления. Информационные технологии все чаще рассматриваются не как нейтральный канал коммуникации, а как фактор, повышающий общественную опасность деяния. Это связано с масштабируемостью атак, возможностью автоматизации, трансграничностью, высокой латентностью и сложностью идентификации виновных лиц.

Вторая тенденция заключается в усилении уголовно-правовой защиты критической информационной инфраструктуры. В современном обществе нарушение работы информационных систем может привести не только к имущественному ущербу, но и к сбоям в энергетике, транспорте, здравоохранении, связи, финансовой системе. Поэтому атаки на такие объекты требуют самостоятельной и более строгой уголовно-правовой оценки.

Третья тенденция выражается в увеличении числа ситуаций, когда требуется квалификация по совокупности преступлений. Одна кибератака может одновременно затрагивать отношения собственности, безопасность компьютерной информации, тайну связи, персональные данные, коммерческую тайну и порядок функционирования организации. Ограничение квалификации одним составом не всегда отражает полный объем общественной опасности.

Четвертая тенденция связана с необходимостью разграничения уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности. Нарушение пользовательского соглашения, корпоративной политики информационной безопасности или внутренних правил доступа само по себе не всегда должно влечь уголовную ответственность. Уголовное право должно сохранять значение крайнего средства реагирования и применяться при наличии общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления.

Пятая тенденция состоит в росте значения междисциплинарной компетенции правоприменителя. Корректная квалификация киберпреступлений невозможна без понимания особенностей облачных сервисов, сетевых протоколов, вредоносного программного обеспечения, криптовалютных операций, цифровых следов и методов компьютерно-технической экспертизы. При этом техническое описание деяния должно быть переведено на язык уголовно-правовых признаков состава преступления.

Наконец, шестая тенденция связана с транснационализацией киберпреступности. Преступник, потерпевший, сервер, платежная инфраструктура и цифровые следы могут находиться в разных государствах. Это осложняет не только расследование, но и юридическую оценку места совершения преступления, роли соучастников и объема причиненного вреда.

Заключение

Квалификация преступлений в сфере кибербезопасности является одной из наиболее сложных проблем современного уголовного права. Ее сложность обусловлена не только технологической новизной способов совершения преступлений, но и трансформацией самих общественных отношений, охраняемых

уголовным законом.

Основной вывод состоит в том, что преступления в сфере кибербезопасности не могут квалифицироваться исключительно через техническое описание деяния. Термины «фишинг», «ботнет», «ransomware», «DDoS-атака», «вредоносный код» имеют важное криминалистическое значение, однако уголовно-правовая оценка должна опираться на признаки состава преступления: объект, объективную сторону, последствия, причинную связь, субъективную сторону и признаки субъекта.

Представляется необходимым различать две группы преступлений: во-первых, деяния, непосредственно посягающие на компьютерную информацию и информационную инфраструктуру; во-вторых, традиционные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Такое разграничение позволяет избежать как необоснованного расширения уголовной ответственности, так и недооценки общественной опасности современных цифровых атак.

Для повышения качества квалификации киберпреступлений необходимо развитие единообразной судебной практики, повышение технической компетентности следователей, прокуроров, судей и экспертов, уточнение критериев неправомерности доступа, выработка подходов к оценке программ двойного назначения, совершенствование методик исследования цифровых доказательств и учет транснационального характера киберпреступности.

Список литературы:

[1] Lavorgna A. Cybercrimes: Critical Issues in a Global Context. London: Palgrave Macmillan, 2020.

[2] Holt T.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and Digital Forensics: An Introduction. 3rd ed. New York: Routledge, 2022.

[3] The Oxford Handbook of Cyber Security / ed. by P. Cornish. Oxford: Oxford University Press, 2021

[4] Yar M., Steinmetz K.F. Cybercrime and Society. 3rd ed. London: SAGE Publications, 2019.

[5] Leukfeldt E.R., Holt T.J. The Human Factor of Cybercrime. London; New York: Routledge, 2019.

[6] Clough J. Principles of Cybercrime. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

[7] Gillespie A.A. Cybercrime: Key Issues and Debates. London; New York: Routledge, 2016.

[8] Wall D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity Press, 2007.

[9] Brenner S.W. Cybercrime and the Law: Challenges, Issues, and Outcomes. Boston: Northeastern University Press, 2012.

[10] Kerr O.S. Cybercrime's Scope: Interpreting "Access" and "Authorization" in Computer Misuse Statutes // New York University Law Review. 2003. Vol. 78. No. 5. P. 1596–1668.

[11] Kerr O.S. Norms of Computer Trespass // Columbia Law Review. 2016. Vol. 116. No. 4. P. 1143–1184.

[12] Button M., Cross C. Cyber Frauds, Scams and Their Victims. London; New York: Routledge, 2017.

[13] Cybercrime in Progress: Theory and Prevention of Technology-Enabled Offenses / ed. by T.J. Holt, A.M. Bossler. London; New York: Routledge, 2016.

[14] Русскевич Е.А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2021.

[15] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2022.

[16] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2023.

[17] Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.С. Комиссарова. М.: Проспект, 2021.

[18] Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2022.

[19] Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2021.

[20] Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ: монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016.

[21] Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. М.: Проспект, 2021.

[22] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юридическая литература, 1972.

References:

[1] Lavorgna A. Cybercrimes: Critical Issues in a Global Context. London: Palgrave Macmillan, 2020.

[2] Holt T.J., Bossler A.M. , Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and Digital Forensics: An Introduction. 3rd ed. New York: Routledge, 2022.

[3] The Oxford Handbook of Cyber Security

/ ed. by P. Cornish. Oxford: Oxford University Press, 2021

[4] Yar M., Steinmetz K.F. Cybercrime and Society. 3rd ed. London: SAGE Publications, 2019.

[5] Leukfeldt E.R., Holt T.J. The Human Factor of Cybercrime. London; New York: Routledge, 2019.

[6] Clough J. Principles of Cybercrime. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

[7] Gillespie A.A. Cybercrime: Key Issues and Debates. London; New York: Routledge, 2016.

[8] Wall D.S. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. Cambridge: Polity Press, 2007.

[9] Brenner S.W. Cybercrime and the Law: Challenges, Issues, and Outcomes. Boston: Northeastern University Press, 2012.

[10] Kerr O.S. Cybercrime's Scope: Interpreting "Access" and "Authorization" in Computer Misuse Statutes // New York University Law Review. 2003. Vol. 78. No. 5. P. 1596–1668.

[11] Kerr O.S. Norms of Computer Trespass // Columbia Law Review. 2016. Vol. 116. No. 4. P. 1143–1184.

[12] Button M., Cross C. Cyber Frauds, Scams and Their Victims. London; New York: Routledge, 2017.

[13] Cybercrime in Progress: Theory and Prevention of Technology-Enabled Offenses / ed. by T.J. Holt, A.M. Bossler. London; New York: Routledge, 2016.

[14] E.A. Russkevich. Criminal law counteraction to crimes committed using information and communication technologies: monograph. M.: Yurlitinform, 2021.

[15] Russian criminal law. Special part: textbook/ed. A.I. Raroga. M.: Prospect, 2022.

[16] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: 4 vol. 4. Special part. Sections X-XII/resp. ed. V.M. Lebedev. M.: Yurayt, 2023.

[17] Russian criminal law. Special part: textbook/ed. V.S. Komissarova. M.: Prospect, 2021.

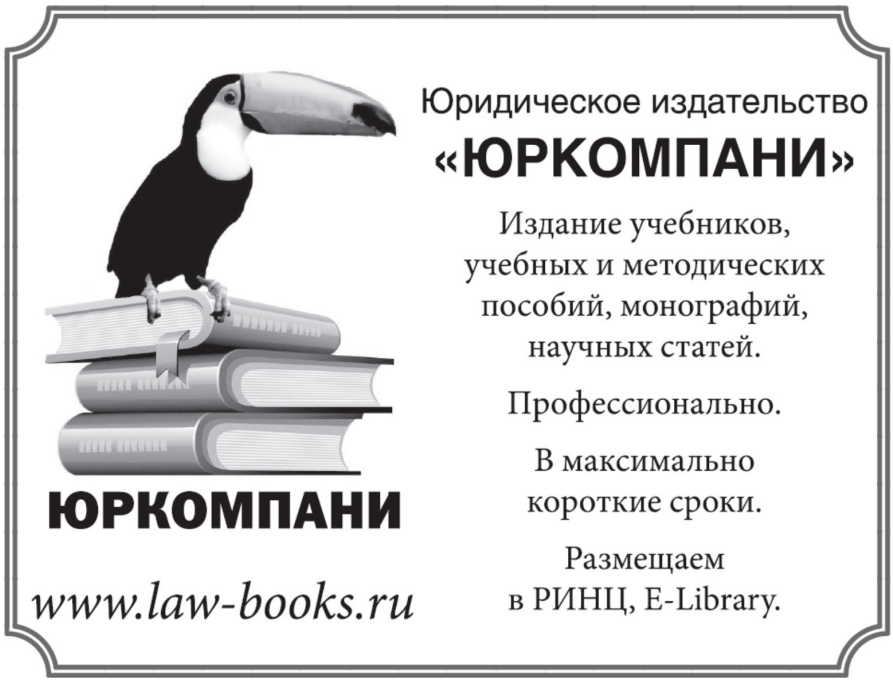
[18] Forensics: textbook/ed. E.P. Ishchenko. M.: Prospect, 2022.

[19] Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph. M.: Norma; INFRA-M, 2021.

[20] Cybercrime: criminological, criminal law, criminal procedure and forensic analysis: monograph/ ed. N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2016.

[21] A.V. Brilliantov. Criminal Law of Russia. Parts General and Special: textbook. M.: Prospect, 2021.

[22] Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. M.: Legal literature, 1972.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-737-743

ИОВЕНКО Андрей Романович,

аспирант, Дальневосточный федеральный университет,

e-mail: montle@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ В СФЕРЕ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, совершаемых представителем власти в сфере правосудия. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о наличии теоретических проблем, связанных с установлением признаков преступлений, необоснованному расширению объективной стороны преступлений в сфере правосудия.*

Ключевые слова: *должностное лицо, представитель власти, преступления в сфере правосудия, 300 УК РФ, 299 УК РФ, 301 УК РФ, проблемы квалификации.*

IOVENKO Andrey Romanovich,

graduate student, Far Eastern Federal University

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED BY GOVERNMENT OFFICIALS IN THE FIELD OF JUSTICE

Annotation. *This article discusses the problems of qualifying crimes committed by a government official in the field of justice. Based on the results of the conducted research, the author comes to the conclusion that there are theoretical problems associated with the identification of signs of crimes, unjustified expansion of the objective side of crimes in the field of justice.*

Key words: *official, government representative, crimes in the field of justice, 300 of the Criminal Code of the Russian Federation, 299 of the Criminal Code of the Russian Federation, 301 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualification problems.*

Впервые преступления против правосудия, как особая группа преступлений в российском праве, были указаны в Уголовном уложении Российской империи 1903 г. [2], хотя по отдельности многие известны со времени возникновения уголовного права. В первых уголовных кодексах РСФСР (1922 и 1926 годов) преступления против правосудия в отдельную группу не выделялись [3], но уже в УК РСФСР 1960 г. [4] они снова были объединены. В действующем УК Российской Федерации 1996 г. преступления против правосудия помещены в одноименной главе 31.

В период за 2025 г. к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 299-303, 305 УК РФ было осуждено 160 лиц. Наибольшее количество граждан (99) было привлечено по ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств) [15]. На первый взгляд достаточно небольшое количество лиц было привлечено к ответственности за рассматриваемые преступления, однако рассматривая количество привлечённых должностных лиц, то за указанный период было вынесено 40 приговоров в отношении указанной категории лиц.

С одной стороны, руководствуясь статистическими данными, можно прийти к выводу о достаточно низком уровне преступности в рядах должностных лиц, с другой стороны, данные показатели не являются объективными, в виду того, что уровень латентности подобных преступлений является достаточно высоким.

Безусловно, следует согласиться, что официальная статистика, относительно преступлений против правосудия, совершаемая должностными лицами, является недействительной. А.И. Бастрыкин в докладе о проделанной Следственным комитетом РФ за прошедший год работе указал, что количество совершаемых должностных преступлений не уменьшается, при этом существенное количество преступлений приходится на коррупционные, в частности взяточничество. При этом относительно

преступлений против правосудия Председатель Следственного комитета РФ указал, что число совершаемых преступлений невелико, но это не говорит о действительной ситуации в правоохранительной и судебной системе, подчеркнув высокий уровень латентности среди данной группы преступлений [15].

Как отмечает Ю.И. Стецовский: «Мы повседневно сталкиваемся с хроническими болезнями – фальсификацией уголовных дел, обвинительным уклоном, нарушением прав человека» [12, с. 4].

Действительность уголовно-правовых средств защиты правосудия во многом зависит от того, насколько четко законодателем определены основания и условия их использования [13, с. 17].

Ключевым при квалификации преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами, является установление субъекта посягательства. В ходе анализа статей главы 31 УК РФ было установлено, что в ряде норм содержится прямое указание на возможных субъектов преступления.

В частности, за незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) в качестве субъектов могут выступать прокурор, следователь или лицо, производящее дознание, субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) названы: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник. За вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта наказание несет судья (ст. 305 УК РФ).

В других же статьях круг субъектов может быть определен в результате толкования, а именно обращению к УПК РФ, федеральным законам. К таким нормам можно отнести ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела» ист. 301 УК РФ «Незаконное задержание, заключение под стражу или со держание под стражей».

В ходе анализа положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» установлено, что в указанном постановлении отсутствуют разъяснения относительно применения положений ст. 300 УК РФ, в связи с чем является актуальным рассмотреть особенности квалификации деяния лиц по указанной статье и выявить проблемы квалификации.

В ст. 300 УК РФ содержится запрет на незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание. Рассматривая диспозицию указанной статьи, следует указать, что положения данной статьи применимы в тех случаях, когда лицо, согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ, становится подозреваемым, либо именуется обвиняемым (ч. 1 ст. 47 УПК РФ).

По смыслу положения ст. 300 УК РФ прокурор, следователь или лицо, производящее дознание «отказывается» от уголовного преследования, которое было инициировано им самим или другим уполномоченным на то должностным лицом. Представленная позиция прослеживается в определении Верховного суда РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ по делу в отношении следователя Б. установила: «Узнав от Б., что одним из оснований прекращения уголовного преследования является смерть обвиняемого, М. в свидетельство о смерти Губайдуллиной Мафрузы внес изменения, указав свои фамилию, имя, отчество и другие данные, через жену передал его Б., который на основании указанного документа вынес постановление о прекращении уголовного преследования в связи со смертью обвиняемого М., незаконно освободив его от уголовной ответственности» [7].

В рассматриваемом материале дела, следователь – представитель власти, который вынес постановления о прекращении уголовного преследования, его действия были квалифицированы по ст. 300 УК РФ, как незаконное освобождение от уголовной ответственности.

Борков В.Н. в своем исследовании указывал, что в диспозиции ст. 300 УК РФ отсутствует указание на признак «заведомости» [9, с. 206]. Но очевидно, что осознание отсутствия законных оснований для освобождения от уголовной ответственности подозреваемого и обвиняемого выступает в качестве латентного признака состава и характеризует освобождение, как незаконное.

Возвращаясь к материалам рассматриваемого дела, судом было установлено, что следователь не имел законных оснований к прекращению уголовного преследования в отношении граждан, он «руководствовался личной заинтересованность, умышленно, осознавая то обстоятельство, что в материалах расследуемого дела имеются достаточные основания для привлечения лиц к уголовной ответственности, вынес незаконное постановление о прекращении производства предварительного следствия, освободив лиц от уголовной ответственности».

На первый взгляд создается видимость того, что следователь не имел умысла на

совершение незаконного освобождения от уголовной ответственности, однако разобрав всю хронологию предъявляемого следователю обвинению, стоит отметить, что он всячески создавал условия для принятия незаконного решения – Б. предлагал различные варианты, позволяющие лицам избежать уголовной ответственности, фактически следователь прорабатывал план действий, направленных на незаконное освобождение лиц от уголовной ответственности. В определении Судебной коллегии ВС РФ, указала, что «незаконному процессуальному решению предшествуют действия или бездействия, создающие ложные основания для его принятия» [6].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, характеризуется в форме умысла. Применительно к нашему материалу судебной практики, следователь осознавал, что лица принесли ему сфальсифицированное свидетельство о смерти, в следствие того, что следователь самостоятельно предложил им представленный вариант, позволяющий в дальнейшем вынести постановление о прекращении уголовного преследования.

О более расширенной трактовки ст. 300 УК РФ указывают и иные определения Верховного суда РФ. Так, по обвинению в совершении посягательства, предусмотренного ст. 300 УК РФ, судом первой инстанции за отсутствием состава преступления была оправдана следователь М. «Суд указал в приговоре, что А. и Б. на момент вынесения следователем постановления о прекращении дела не являлись подозреваемыми, так как со дня избрания в отношении их меры пресечения в виде подписки о невыезде прошло более 10 дней, а обвинение им не было предъявлено» [8].

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, рассмотрев материал дела, отменила оправдательный приговор, указав следующее: «Действия по незаконному освобождению лица от уголовной ответственности не ограничиваются вынесением постановления о прекращении уголовного дела, как указано судом. Действия по созданию условий для вынесения такого постановления также являются объективной стороной преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ. Суд указал в приговоре, что А. и Б. перестали быть подозреваемыми, так как им не было предъявлено обвинение в 10-дневный срок после избрания меры пресечения. Однако суд оставил без внимания, что предъявить А. и Б. обвинение в установленный законом срок должна была сама следователь М., которая этого не сделала при наличии имеющихся доказательств их вины в совершении преступления» [6].

Резюмируя, высший судебный орган РФ расширил объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, признав поведение, направленное на создание условий для принятия незаконного процессуального решения, в качестве составной части объективной стороны преступления.

Фактически состав ст. 300 УК РФ приобретает сложный составной характер, расширяющий представление о злоупотреблении должностными полномочиями.

Н.Н. Ковтун и А.П. Кузнецов считают, что «… реализация функции уголовного преследования не может быть поставлена в зависимость от формального появления в уголовном процессе процессуальной фигуры обвиняемого или подозреваемого» [11, с. 34].

Возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности, например, следователя в связи с незаконным отказом в возбуждении уголовного дела, когда лицо не приобрело статус подозреваемого или обвиняемого.

В частности, перечисленные должностные лица могут незаконно вынести решения, в результате которых в отношении лица не будет осуществлено уголовное преследование и как следствие привлечение к уголовной ответственности.

Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ, под уголовным преследование следует понимать процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих определений признал началом осуществления публичного уголовного преследования в отношении лица момент возбуждения в отношении него уголовного дела [5].

Детально рассматриваю диспозицию ст. 300 УК РФ, законодатель указывает на «незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемого и обвиняемого». Однако следователь, дознаватель осуществляют уголовное преследование и именно на этой стадии лицо приобретает статус подозреваемого, обвиняемого.

В связи с чем, М.А. Кауфман предлагает ст. 300 УК РФ назвать: «Заведомо незаконный отказ прокурора, следователя или дознавателя от уголовного преследования или его прекращения» [10, с. 131].

С представленной формулировкой названия статьи следует согласится, ведь понятие «уголовного преследования» является

более точной, характеризующей деятельность должностных лиц по установлению событий преступления и изобличению виновных.

Рассматривая позицию УПК РФ относительно разграничения понятий «уголовное преследование» и «уголовная ответственность», законодатель использует в следующем контексте: прокурор, следователь, дознаватель, орган дознания осуществляют уголовное преследование; подозреваемый и обвиняемый привлекаются к уголовной ответственности.

Имеется в виду, что субъект преступления, предусмотренный ст. 300 УК РФ, осуществляет уголовное преследование, в свою очередь преступники привлекаются к уголовной ответственности.

В.Н. Борков относительно рассматриваемого вопроса отмечал, что в исследуемом контексте существенным является объективный характер обязанности преступника быть привлеченным к уголовной ответственности. Прокурор, следователь или дознаватель своим незаконным решением не могут освобождать преступника от обязанности нести уголовную ответственность (так же, как вор не становится собственником похищенного имущества) [9, с. 198].

Таким образом, положения ст. 300 УК РФ распространяются на действия прокурора, следователя, лица, осуществляющего дознание, только в части незаконного не привлечения подозреваемого, обвиняемого к уголовной ответственности. Фактически субъекты преступления не выполняют возложенную на них обязанность по уголовному преследованию, в свою очередь уголовное преследование, согласно положениям УПК РФ, осуществляется именно в отношении подозреваемого и обвиняемого.

При этом рассматривая особенности порядка возбуждения уголовного дела, мы пришли к выводу, что у следователя больше возможностей вынести незаконное решение и вследствие освободить от уголовного преследования, ответственности лицо именно до возбуждения уголовного дела, в результате проверки сообщения о преступлении. Данный позицию поддерживают многие правоприменители [14].

Стоит согласиться с учеными, которые рассматривают в качестве юридического факта, порождающего уголовно процессуальные отношения, не решение о возбуждении дела, а поступление сведений о совершенном или готовящемся преступлении.

«Освобождение от уголовной ответственности, – пишет Б.Б. Булатов, – может произойти и в рамках принятия незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела, когда лицо не занимает процессуального положения подозреваемого или обвиняемого».

С целью повысить эффективность уголовно-правовой охраны интересов правосудия, Б.Б. Булатов предлагает в ст. 300 УК РФ установить ответственность за «вынесение… следователем, дознавателем заведомо незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного пре следования, повлекших освобождение лица от уголовной ответственности» [18, с. 257].

Следует согласиться с позицией автора, относительно установление в ст. 300 УК РФ ответственности за незаконный отказ от возбуждения уголовного дела, ведь именно с данной стадии начинается последующее уголовное преследование и как следствие привлечение к уголовной ответственности.

В случае отсутствия указанного положения, основное предназначение уголовного судопроизводства, а именно защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в полной мере не будет реализовано.

В качестве дополнительной гарантии защиты интересов личности и государства в сфере судопроизводства, В.Н. Борков предлагает следующую редакцию нормы:

«Статья 300. Невыполнение обязанности уголовного преследования

Невыполнение обязанности уголовного преследования –…

Невыполнение обязанности уголовного преследования по тяжким и особо тяжким преступлениям и при обнаружении признаков соответствующих посягательств –…» [8, с. 315].

Предложенные изменения являются востребованными и наиболее корректными в сложившихся условиях. Рассматривая более подробно трактовку положений, предложенных В.Н. Борковым, стоит отметить, что автор фактически делает отсылку к положениям ст. 21 УПК РФ, в которых определен круг субъектов, которые осуществляют уголовное преследование - прокурор, а также следователь и дознаватель. Важное указание содержится в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

В данном случае путем введения формулировки «невыполнение обязанности уголовного преследования» автор исключает неточность со стороны законодателя в той части, что следователь, прокурор, лицо, производящее

дознание, не осуществляют освобождение от уголовной ответственности, данные лицо, согласно положениям УПК РФ, осуществляют именно уголовное преследование. К тому же, представленная формулировка позволяет правоприменителю в полной мере установить, что входит в понятие уголовного преследования и какие обстоятельства по делу позволяют квалифицировать действия лица по ст. 300 УК РФ.

В предложенной В.Н. Борковым редакции ст. 300 УК РФ в ч. 2 предполагается установление ответственности за невыполнение обязанности … при обнаружении признаков соответствующих посягательств. Имеется в виду, что автор предлагает установить ответственность в отношении следователя, прокурора, дознавателя в случае незаконного отказа в возбуждении уголовного дела за тяжкие и особо тяжкие преступления. На первый взгляд весьма правильная позиция установить ответственность за данной деяние, однако возникает вопрос, связанный с необходимостью установить ответственность за невыполнение обязанности при обнаружении признаков преступлений легкой и средней тяжести.

С одной стороны, автору следовало предусмотреть ответственность за указанное деяние в ч. 1 ст. 300 УК РФ, с другой стороны, согласно статистическим данным за 2025 год сотрудниками прокуратуры были признаны незаконными и необоснованными около 35 000 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [17].

При этом по результатам прокурорских проверок из всего массива отказанных в возбуждении уголовных дело, на основании указанных постановлений, было возбуждено порядка 4000 уголовных дел [17].

В таком случае значительное количество должностных лиц были бы привлечены к уголовной ответственности, следовательно, органы предварительного расследования в части обеспечения кадрового состава опустели, ведь фактически должностные лица не выполнили обязанность по возбуждению уголовного дела, при выявлении соответствующих признаков.

К тому же, положениями УПК РФ предусмотрена норма, предусматривающая осуществление «контроля» за действиями следователями и дознавателями, в части вынесения незаконного и необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела, со стороны прокурора, руководителя следственного органа или суда.

Таким образом, предусмотреть уголовную ответственность за незаконный отказ в возбуждении уголовного дела не представляется возможным, так как ежедневно в органы предварительного расследования поступают значительно количество сообщений о преступлении и должностное лицо в виду небрежности может вынести незаконный и необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, и для недопущения подобного, нормами УПК РФ предусмотрен механизм по контролю за деятельность представленных органов. Данный механизм, подобен порядку оспаривания несогласной стороной решения суда в части обращения в вышестоящий суд.

В ходе проделанной работы выявлена проблема, связанная с достаточно широким и неоднозначным названием ст. 300 УК РФ, установлением объективной стороны данного преступления. Данная проблема во многом связана с позицией Пленума Верховного суда РФ, который расширил объективную сторону состава преступления, признав поведение, направленное на создание условий для принятия незаконного процессуального решения, в качестве составной части объективной стороны преступления.

Предлагаем переименовать статью 300 УК РФ и изложить ее в следующей редакции «Статья 300 УК РФ. Невыполнение обязанности уголовного преследования:

Невыполнение обязанности уголовного преследования –…

То же деяние, соединенное с освобождением лица от уголовной ответственности, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление –…»;

В данном случае путем изложения ст. 300 УК РФ, согласно предложенной формулировки, вопросы, связанные с установлением признаков объективной стороны преступления, будет решен. При этом установление в качестве квалифицированного признака ответственность за невыполнение обязанности уголовного преследования, соединенного с освобождением лица от уголовной ответственности, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, считаем целесообразным, в следствие разной степени общественной опасности у преступлений, предусмотренных различными частями предложенной автором редакции статьи.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63- // СПС «Консультант плюс».

[2] Уголовное уложение Российской империи от 22.03.1903 г. // СПС «КонсультантПлюс». Утратило силу.

[3] Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Республики от 1.09.1922 г. // СПС «КонсультантПлюс». Утратило

силу.

[4] Уголовный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // СПС «КонсультантПлюс». Утратило силу.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 234-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Поповича А.М. на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 92 и частью четвертой статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx.

[6] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2005 г. № 72-о04-63 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2006 г. № 11-о06-46 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 7. С. 11. // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. … док. юрид. наук: 12.00.08 – Омск. 205. 315 с.

[10] Кауфман М.А. Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. 298 с.

[11] Ковтун Н.Н., Кузнецов А. П. Сущность и содержание функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Рос. судья. 2004. № 6. С. 31-39.

[12] Стецовский Ю.И. Концепция судебной реформы и проблемы конституционной законности в уголовном судопроизводстве // Государство и прав. 1993. № 9. С. 4-12.

[13] Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Издательство Волгоградского государственного университета. 1999. С. 16-24.

[14] Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Краснова И.В. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2022 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=87329761.

[15] Доклад А.И. Бастрыкина к Международному дню борьбы с коррупцией // URL: https://tass.ru/interviews/19484225?ysclid=m4m77jfo5q440500594.

[16] Судебная статистика ВС РФ за 2025 год // URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17.

[17] Официальный сайт МВД России. Статистические данные // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports?ysclid=m4yzdw7jjk729488354.

[18] Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: М: Омск, 2003. С. 257.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-//SPS “Consultant Plus” dated 13.06.1996 .

[2] Criminal Code of the Russian Empire of 22.03.1903//SPS “ConsultantPlus.” Lost power.

[3] Criminal Code of the Russian Socialist Federal Republic of 1.09.1922//SPS “ConsultantPlus.” Lost power.

[4] Criminal Code of the RSFSR, approved by Armed Forces of the RSFSR 27.10.1960 //SPS “ConsultantPlus.” Lost power.

[5] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.06.2006 No. 234-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen A.M. Popovich about violation of his constitutional rights by the provisions of part one of Article 92 and part four of Article 146 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation “//URL: http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx.

[6] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of January 19, 2005 No. 72-o04-63//SPS “ConsultantPlus.”

[7] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 13, 2006 No. 11-o06-46//SPS “ConsultantPlus.”

[8] Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. № 7. P. 11 .//SPS “ConsultantPlus.”

[9] Borkov V.N. Crimes against the exercise of state functions committed by officials: dis.... doc. jurid. Sciences: 12.00.08 - Omsk. 205. 315 s.

[10] Kaufman M.A. Crimes against justice/ed. A.V. Galakhova. M., 2005. 298 c.

[11] Kovtun N.N., Kuznetsov A.P. Essence and content of the function of criminal prosecution in the criminal process of Russia//Ros. judge. 2004. № 6. S. 31-39.

[12] Stetsovsky Yu.I. The concept of judicial reform and the problems of constitutional legality in criminal proceedings//State and rights. 1993. № 9. S. 4-12.

[13] Lobanova L.V. Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation. Volgograd State University Publishing House. 1999. S. 16-24.

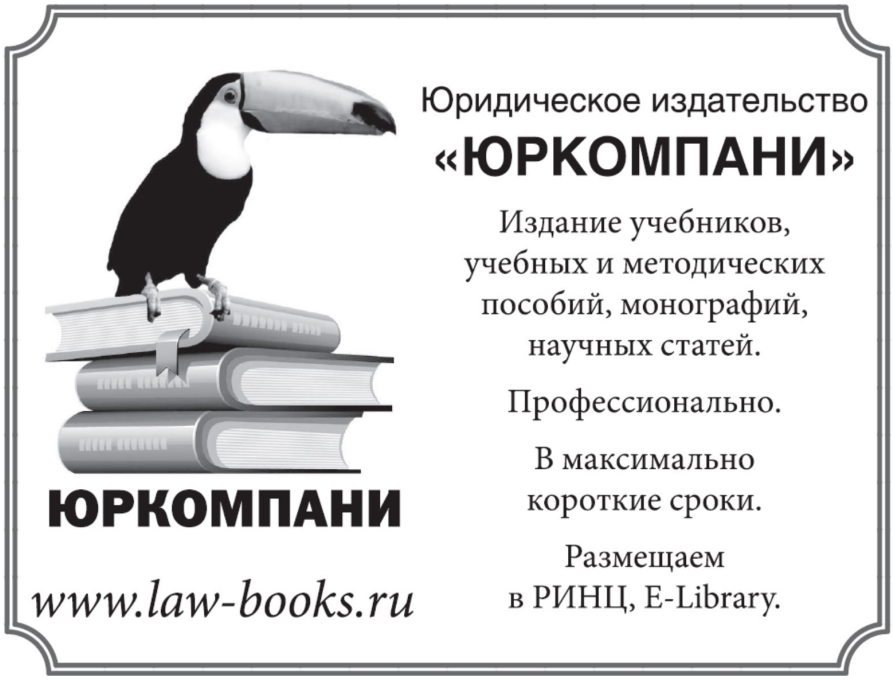
[14] Report of the Prosecutor General of the Russian Federation I.V. Krasnov at a meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 2022 URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=87329761.

[15] Доклад А.И. Бастрыкина к Международному дню борьбы с коррупцией // URL: https://tass.ru/interviews/19484225?ysclid=m4m77jfo5q440500594.

[16] Judicial statistics of the RF Armed Forces for 2025//URL: https ://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17.

[17] Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistics//URL: https ://xn--b1aew.xn--p1ai/reports? ysclid = m4yzdw7jk72948354.

[18] Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings: M: Omsk, 2003. S. 257.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-744-753

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,

Студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург,

e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Антонович,

Студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург,

e-mail: lordpetrotema@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург

e-mail: mmimi1963@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ В РАМКАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ И ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ОТЛОЖЕННОЙ ВЕРИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена концептуальному обоснованию и детальной разработке специального правового режима уголовного судопроизводства в условиях чрезвычайных ситуаций. Целью исследования является формирование сбалансированной нормативной модели, минимизирующей риски правового нигилизма, устраняющей неопределенность в статусе спасателей и оптимизирующей временные ресурсы правоохранительных органов. В качестве главного результата исследования предложена авторская концепция дифференциации функций органов МЧС России и военной прокуратуры в зоне бедствия. Обосновано внедрение инновационного института «отложенной верификации доказательств», разделяющего процессуальный цикл на фазу экспресс-фиксации цифровыми средствами и фазу последующей правовой оценки. В рамках реализации принципа процессуальной экономии аргументирована необходимость оптимизации сроков задержания до 120 часов без судебного решения при условии экстренной эвакуации лица в безопасную зону. Сформулировано положение о «процессуальном иммунитете гуманитарных миссий», устанавливающее императивный запрет на изъятие техники и отвлечение спасателей во время проведения неотложных работ. Также разработан комплексный уголовно-процессуальный механизм защиты участников ликвидации чрезвычайных ситуаций от необоснованного преследования по статье 286 УК РФ за превышение полномочий в рамках правила «золотого часа». Проведенный анализ подкреплен системной интеграцией современных доктринальных подходов к технологизации процесса, разумности сроков и трансформации подсудности в условиях действия особых правовых режимов.*

Ключевые слова: *прокуратура, МЧС России, ЧПК РФ, чрезвычайная ситуация, процессуальная экономия, отложенная верификация, процессуальный иммунитет, доказательства, уголовное судопроизводство, превышение полномочий.*

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,

Student Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

PETROV Artem Antonovich,

Student Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

MOISEEENKO Mikhail Ivanovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure and Law Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

CRIMINAL PROCEDURAL EXCEPTIONS WITHIN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ECONOMY AND THE SPECIAL PROCEDURE FOR DEFERRED EVIDENCE VERIFICATION

Annotation. *This article is devoted to the conceptual substantiation and detailed development of a special legal regime for criminal proceedings in emergency situations. The purpose of the study is to form a balanced regulatory model that minimizes the risks of legal nihilism, eliminates uncertainty regarding the status of rescue workers, and optimizes the time resources of law enforcement agencies. As the main result of the study, the author proposes a proprietary concept for differentiating the functions of the EMERCOM of Russia and the military prosecution service in a disaster zone. The introduction of an innovative institute of "deferred evidence verification" is substantiated, which divides the procedural cycle into a phase of express digital recording and a phase of subsequent legal assessment. Within the framework of implementing the principle of procedural economy, the study argues for the necessity of optimizing detention periods up to 120 hours without a court order, subject to the emergency evacuation of the individual to a safe zone. A provision on the "procedural immunity of humanitarian missions" is formulated, establishing an imperative ban on the seizure of equipment and the distraction of rescue workers during urgent operations. Furthermore, a comprehensive criminal procedural mechanism has been developed to protect emergency response participants from unjustified prosecution under Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation for abuse of power within the "golden hour" rule. The conducted analysis is supported by the systemic integration of modern doctrinal approaches to the technologization of the process, the reasonableness of timeframes, and the transformation of jurisdiction under special legal regimes.*

Key words: *prosecution service, EMERCOM of Russia, Extraordinary Procedural Code of the Russian Federation, emergency situation, procedural economy, deferred verification, procedural immunity, evidence, criminal proceedings, abuse of power.*

Введение

Существующий в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС) дуализм между необходимостью безотлагательного проведения аварийно-спасательных работ и задачами по сохранению следов преступления эксплицирует острую проблему правовой неопределенности, нивелирующей юридическую защищенность сотрудников спасательных служб. В отсутствие четко регламентированного нормативного механизма, определяющего пределы допустимого изменения обстановки места происшествия ради спасения человеческих жизней, назрела необходимость внедрения специального процессуального режима. В рамках реализации принципа процессуальной экономии данный режим должен предусматривать дифференциацию функций: пока подразделения МЧС осуществляют деблокирование и эвакуацию пострадавших, органы военной прокуратуры осуществляют оперативную экспресс-фиксацию доказательственной базы посредством непрерывной фото-, видеосъемки и лазерного сканирования, а также производят безотлагательное изъятие ключевых образцов для последующей экспертизы. Подобный

подход позволит нормативно закрепить институт «отложенной верификации доказательств», минимизировать риски утраты криминалистически значимой информации и создать надежные правовые гарантии для участников ликвидации последствий ЧС. Ординарный уголовно-процессуальный порядок, рассчитанный на стабильное функционирование государственных институтов, в условиях масштабных антропогенных, техногенных или природных катастроф объективно заходит в тупик, требуя решительного пересмотра базовых подходов к конструированию правовой ткани. Непредсказуемость кризисных процессов диктует необходимость формирования качественно новой доктринальной парадигмы, способной нормативно закрепить легитимные отступления от привычных регламентов правоохранительной деятельности. В связи с этим мы полагаем, что конструирование теоретической концепции Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ) должно опираться на жесткий императивный фундамент. «Принцип процессуальной экономии выступает не просто рекомендацией, а базисным императивом для радикального, но законного упрощения всей правоохранительной и административной деятельности в условиях кризиса» [1, с. 139]. Данный тезис позволяет рассматривать процессуальную экономию не как ситуативное проявление правоприменительного усмотрения, а как фундаментальный методологический вектор построения экстраординарных режимов судопроизводства.

Теоретические основы и методы исследования

Базовым вектором выступает диалектический метод познания, позволивший исследовать уголовно-процессуальные исключения в их динамике и взаимосвязи с меняющимися внешними факторами социальной среды. Системно-структурный метод применен нами для анализа внутренней архитектуры предлагаемого специального процессуального режима и установления иерархических связей между его элементами, такими как прокурорский надзор, процессуальные сроки и правовой статус спасательных служб. Формально-юридический метод позволил детально смоделировать конкретные нормативные конструкции, определить четкие границы применения правовых ограничений и сформулировать дефиниции новых процессуальных институтов. Важное место в работе занимает метод правового моделирования, с помощью которого нами спроектированы две самостоятельные фазы института отложенной верификации и алгоритм реализации процессуального иммунитета гуманитарных миссий. Это позволяет авторам обеспечить чистоту теоретического анализа перед переходом к конкретным содержательным блокам исследования.

Обоснование принципа процессуальной экономии

В экстраординарных условиях ЧС обусловлено критической дефицитностью временного ресурса, требующей тотального упрощения и незамедлительного характера всех проверочных и ограничительных процедур. Традиционный уголовно-процессуальный порядок в зоне бедствия объективно парализует правоприменение, в связи с чем процессуальная экономия должна выражаться в оптимизации временных интервалов и временном сужении пределов судебного контроля. В условиях ЧС срок задержания лица без судебного санкционирования целесообразно пролонгировать до 120 часов единожды, исключая промежуточную стадию продления данного срока судом, при одновременном сокращении срока составления протокола задержания до 1 часа с момента фактического лишения свободы передвижения, минуя стадию доставления в орган дознания. Вся система судебных мероприятий в эпицентре экстраординарной ситуации подлежит императивной отсрочке. При невозможности обеспечения безопасности задержанного и организации обычного уголовно-процессуального порядка в течение 5 суток, правовой механизм процессуальной экономии предусматривает его незамедлительную эвакуацию в безопасную зону, включая иные субъекты Российской Федерации. По прибытии в безопасное место и в пределах общего 120-часового срока реализуется судебный контроль: лицо либо освобождается под подписку о невыезде, либо, при невозможности применения мер, не связанных с изоляцией от общества, подвергается заключению под стражу по решению суда безопасной зоны или суда региона эвакуации. Необходимость внедрения столь радикально оптимизированных механизмов продиктована не субъективным желанием упростить государственное принуждение, а объективными законами функционирования сложных систем в условиях хаоса, где избыточные формальные процедуры ведут к гибели всей структуры правопорядка. «Основополагающим принципом функционирования Вселенной является принцип экономии (в значении оптимальной достаточности). Природе незачем тратить лишние ресурсы в ситуации, когда той же цели возможно добиться, приложив меньшее количество усилий» [2, с. 88]. С позиции доктрины уголовного процесса, данное философское умозаключение находит

прямое отражение в праве, где минимизация процессуальных издержек становится синонимом сохранения управляемости в зоне катастрофы. Каждое вводимое нами изъятие представляет собой не хаотичный отказ от формы, а выверенную и структурированную юридическую конструкцию, разграничивающую этапы собирания информации и ее последующего закрепления. «Каждая упрощённая процедура представляет собой сложносоставное образование, включающее в себя досудебную и судебную части» [3, с. 87]. В рамках ЧПК РФ эта сложносоставность выражается в жестком нормативном разделении досудебного сбора информации и последующего судебного санкционирования, вынесенного за пределы опасной зоны. Такое территориальное и процедурное смещение фокуса неизбежно требует трансформации традиционных институтов подсудности, поскольку суды в зоне бедствия физически не могут осуществлять свои функции, а затягивание вопросов ограничения свободы недопустимо. «Представляется необходимой детальная законодательная регламентация оснований и порядка изменения подсудности Верховным Судом РФ в случае невозможности осуществления судом правосудия на какой-либо территории, исключения из общих правил подсудности на определенный период некоторых категорий преступлений в пользу их рассмотрения военными судами, временное расширение в экстраординарных, но заранее определенных в уголовно-процессуальном законе случаях, персональной подсудности военных судов. Данные законодательные положения в условиях действия особых правовых режимов позволят как обеспечить реализацию публичного интереса в уголовном процессе, в том числе обязанность осуществления уголовного преследования, так и повысить гарантии доступа граждан к правосудию и справедливость судебного разбирательства, которые должен осуществлять суд, созданный на основании закона» [4, с. 348]. Прокомментируем данный подход: изменение подсудности и привлечение военных судов в рамках ЧПК РФ выступает важнейшим гарантом соблюдения прав граждан в тот момент, когда ординарные судебные органы парализованы чрезвычайными обстоятельствами. В экстраординарных режимах правила поведения субъектов не могут ограничиваться рамками одной отрасли, поскольку они обеспечивают комплексную безопасность. «Можно сделать вывод, что в уголовно-правовых режимах правила поведения субъектов правоотношений могут содержаться как в самих уголовно-правовых нормах, так и в нормативных правовых актах иных отраслей права. Одним из важнейших аспектов функционирования уголовно-правовых режимов реализации функций уголовного права является наличие режимных гарантий исполнения режимных правил, к которым относятся юридические, организационные, информационные, материально-технические гарантии функционирования уголовно-правовых режимов» [5, с. 122]. Этот вывод подчеркивает, что ЧПК РФ выступает комплексной организационно-юридической гарантией, объединяющей материальные и процессуальные аспекты деятельности в зоне ЧС.

Детальная регламентация «Института отложенной верификации»

В условиях экстраординарных правовых режимов предопределяет императивное разделение единого процессуального цикла на две самостоятельные фазы: фазу оперативного действия и фазу правовой оценки. В рамках первой фазы, разворачивающейся непосредственно в очаге чрезвычайной ситуации, полномочиями по безотлагательному сбору доказательственной базы наделяются военные прокуроры (при ведении контртеррористических операций) либо прокуроры органов общего надзора (в зонах ЧС, не сопряженных с непосредственной боевой угрозой). Исключение из данной стадии традиционных институтов (таких как участие понятых и защитников) компенсируется жесткими технико-технологическими требованиями: фиксация осуществляется исключительно посредством сертифицированных аппаратно-программных комплексов, исключающих возможность последующего монтажа или модификации метаданных, с обязательной автоматической трансляцией потокового аудио- и видеосигнала на удаленный защищенный сервер. Применение таких высокотехнологичных комплексов, однако, должно быть строго ограничено рамками фиксации объективной реальности и не превращаться в бездумную передачу мыслительных функций правоприменителя алгоритмическим системам. «Автоматизация всего лишь возможный, но вовсе не идеальный путь технологизации судопроизводства. Замена человека автоматом, роботом, фантастическим киборгом это удел мечтаний сферы материального производства. В свою очередь, производство по уголовному делу, пусть и называется «производством», но включает в себя и материальную, и нематериальную (неосязаемую) деятельность. Поэтому в силу своей двойственной материально-духовной природы уголовное судопроизводство не может приветствовать безраздельную автоматизацию» [6, с. 134]. Мы полностью солидарны с этой позицией: цифровые технологии в рамках первой фазы отложенной верификации служат лишь для беспристрастного консервирования

следов, в то время как интеллектуальная оценка и духовная составляющая правосудия остаются прерогативой человека. Внедрение цифровых инструментов фиксации обусловлено общеисторическим развитием уголовного процесса, стремящегося к технологизации. «Можно заключить, что электронные технологии, применяемые при расследовании и рассмотрении уголовного дела в суде, должны прочно войти во все стадии уголовного судопроизводства Российской Федерации» [7, с. 132]. Этот тезис подтверждает, что использование лазерного сканирования и потоковой передачи данных в зоне ЧС является закономерным шагом цифровой трансформации следственной деятельности. Переход ко второй фазе — правовой оценке и процессуальному закреплению результатов — осуществляется под контролем прокурора района или вышестоящего прокурора, уполномоченного принимать ключевые решения в границах зоны ЧС. Механизм отложенной верификации носит характер углубленного последующего контроля и включает в себя обязательное проведение комплексных криминалистических экспертиз на предмет аутентичности записей, а также оценку материалов с участием технических специалистов и стороны защиты в безопасной зоне. Несмотря на объективное упрощение процедур первоначальной фиксации, предлагаемый проект ЧПК РФ сохраняет незыблемым принцип законности: любое отступление от установленного специального порядка влечет за собой признание полученных сведений недопустимыми доказательствами в соответствии со статьей 75 УПК РФ, что исключает правовой нигилизм и гарантирует соблюдение прав участников уголовного судопроизводства после ликвидации последствий чрезвычайной ситуации. Для понимания ценности этого двухфазного механизма необходимо признать, что ординарные досудебные проверочные стадии в условиях ЧС породили бы катастрофический бумажный хаос. «Необходимость принятия ежегодно 8-9 млн (с повторными) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела обусловила непроизводительные затраты труда порядка 20 тыс. сотрудников полиции по их вынесению и тысяч прокуроров по их отмене, а также способствовала за последнее время значительному сокращению количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,784 млн в 2006 г. до 895,6 млн преступлений в 2023 г.) и тем самым - существенному (на 49,8%) снижению эффективности деятельности в первую очередь органов внутренних дел и других правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений» [8, с. 33]. Приведенные статистические данные наглядно доказывают, что перенос бремени верификации на посткризисный период позволяет избавить правоохранительную систему от бессмысленного бюрократизма в тот момент, когда каждая минута должна быть потрачена на фиксацию реальных улик. Чрезвычайно-процессуальное законодательство должно быть гибким инструментом, чутко реагирующим на материальные условия среды. «Законодательство в сфере борьбы с преступностью в целом и его уголовно-правовая и уголовно-процессуальная составляющие являются динамическими явлениями реальной действительности. Эффективность функционирования данной отрасли права зависит не только и не столько от качества сформулированных в них правовых норм, регулирующих общественные отношения, сколько от реальных потребностей в их существовании, их реализация правоохранительными органами с учетом складывающихся социальных, экономических и правовых факторов» [9, с. 276]. В контексте нашей концепции это означает, что реальные потребности защиты общества в условиях ЧС полностью оправдывают временное разделение процессуальной формы на оперативную и проверочную фазы. При этом жесткие стандарты доказывания не снижаются, а переносятся во вторую фазу, защищая процесс от проникновения недостоверной информации. «Если в любой иной сфере деятельности в обоснование вывода могут быть положены любые истинные сведения (аргументы), то в сфере судопроизводства в качестве аргументов могут выступать исключительно доказательства, полученные в установленном законом порядке, проверенные и оцененные как достоверные. В этом заключается основное отличие используемых в качестве аргументов для доказывания сведений (доказательств) в доказательственном праве» [10, с. 125]. Данное требование является стержневым: отложенная верификация — это не придание юридической силы дефектным сведениям, а особый способ обеспечения надлежащего процессуального качества доказательств.

«Процессуальный иммунитет гуманитарных миссий»: запрет на вмешательство в работу спасателей

Важнейшим элементом архитектуры проектируемого ЧПК РФ, обеспечивающим беспрепятственное функционирование аварийно-спасательных служб и иных субъектов ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, выступает «процессуальный иммунитет гуманитарных миссий». Данный правовой конструкт устанавливает императивный запрет на любое процессуальное вмешательство в деятельность лиц, задействованных в

спасательных работах, на протяжении всего периода действия экстраординарного режима. Содержание указанного иммунитета носит характер объективной правовой необходимости и включает в себя не только запрет на отвлечение спасательного персонала для производства вербальных процессуальных действий (опросов, объяснений), но и консервацию материально-технической базы миссии — абсолютное табу на изъятие спасательной техники, средств связи, специального оборудования и оперативной документации до полного завершения спасательной фазы. Предоставление столь широких преференций силам МЧС России обусловлено тем, что их бесперебойная работа напрямую связана с обеспечением фундаментальных интересов государства по выживанию населения. «Определяющим фактором для применения специальной процедуры привлечения к ответственности служит исполнение обязанностей, сопряженных с обеспечением государственных интересов Российской Федерации» [11, с. 175]. Из этого следует, что должностные лица спасательных служб выполняют особую публичную функцию, приоритет которой в момент катастрофы выше ординарных следственных задач. Мы подчеркиваем, что данный иммунитет не является искусственным или необоснованным юридическим исключением из общего принципа равенства всех перед законом. «Дифференцированное отношение не подразумевает создание привилегий ради привилегий, а выступает как мера, направленная на оптимизацию правоприменительной деятельности и повышение эффективности судебной системы, причем такая практика обосновывается не только в национальных, но и в международных правовых рамках» [12, с. 68]. Указанный подход защищает спасателей от избыточного давления, не нарушая фундаментальных основ справедливости, а лишь временно оптимизируя правовое поле ради спасения жизней. Временные границы действия процессуального иммунитета жестко привязаны к институту прокурорского санкционирования особых правовых режимов: указанный режим неприкосновенности вступает в силу с момента верификации прокурором субъекта Российской Федерации приказа о введении режима ЧС и прекращает свое действие исключительно после аналогичного подтверждения прокурором приказа о ликвидации (прекращении) указанного режима. Единственным нормативно закрепленным основанием для досрочного и точечного снятия иммунитета является ситуация очевидного совершения преступления деятелями гуманитарной миссии, а именно — их задержание непосредственно в момент совершения общественно опасного деяния или при попытке умышленного уничтожения криминалистически значимых улик, подтвержденное присутствующими должностными лицами прокуратуры либо очевидцами. Нарушение предписаний о процессуальном иммунитете влечет за собой жесткие дуалистические последствия правового и деликтного характера. Во-первых, любые фактические данные и материалы, полученные в обход и во время действия данного запрета, признаются недопустимыми в силу прямого указания закона, что полностью нивелирует их юридическую ценность для будущего уголовного дела. Во-вторых, должностное лицо, допустившее неправомерное вмешательство в работу гуманитарной миссии, подлежит привлечению к ответственности, дифференцируемой в зависимости от субъективной стороны деяния: от строгой дисциплинарной ответственности при добросовестном заблуждении или процессуальной ошибке до уголовного преследования при наличии прямого или косвенного умысла на дезорганизацию спасательных работ. Таким образом, институт гуманитарного иммунитета выступает нормативным барьером, защищающим приоритет спасения человеческих жизней от избыточных процессуальных обременений и исключающим необходимость присутствия в зоне ЧС органов дознания, следствия и суда.

Временные параметры и процессуальные сроки стадии верификации в рамках ЧПК РФ

Важнейшим условием соблюдения принципа законности при реализации института отложенной верификации является установление жестких, законодательно ограниченных сроков, по истечении которых любые поисково-фиксационные материалы, полученные в экстраординарных условиях, утрачивают свой юридический потенциал. Дифференциация временных интервалов в проектируемом ЧПК РФ привязана к моменту фактического устранения пространственно-временных ограничений зоны бедствия. Точкой отсчета для начала исчисления срока верификации собранных материалов и процессуальных действий работников прокуратуры выступает момент их фактического вывоза из зоны чрезвычайной ситуации в безопасную зону. Общий пресекательный срок для осуществления полной проверки и правовой оценки материалов составляет 10 суток со дня официального окончания режима ЧС. Учитывая масштабы катастрофы и объем собранного массива данных, данный срок может быть однократно пролонгирован до 30 суток исключительно по мотивированному решению прокурора субъекта Российской Федерации, что в

полной мере отвечает принципу процессуальной экономии. Особый порядок исчисления сроков предусмотрен для ситуаций, сопряженных с ограничением личной свободы граждан. В случае принудительной эвакуации задержанного лица за пределы зоны бедствия, совокупный экстраординарный срок его содержания под стражей без судебного санкционирования не может превышать 120 часов. При этом экспресс-верификация материалов для обеспечения судебного контроля носит неотложный характер: судебное заседание по вопросу применения меры пресечения в виде заключения под стражу должно быть инициировано, проведено, и итоговое процессуальное решение должно быть вынесено строго в течение 8 часов после истечения, указанного 120-часового интервала. Введение подобных временных рамок отложенного контроля требует глубокого научного осмысления, поскольку любое сужение прав личности на первоначальном этапе должно компенсироваться высочайшим качеством последующей проверки и предоставлением четких гарантий. «Введение допроса на стадии возбуждения уголовного дела может стать эффективным инструментом для повышения качества доказательственной базы и обеспечения законности принимаемых решений. Однако такая мера требует глубокого научного осмысления, в том числе с точки зрения обеспечения процессуальных гарантий для участников процесса, таких как: право на квалифицированную юридическую помощь, включая право на защиту, и предупреждение об ответственности за сообщение заведомо ложных сведений. Указанное в результате позволит обеспечить баланс между эффективностью правоохранительной деятельности и защитой прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс» [13, с. 194]. Мы полагаем, что в рамках ЧПК РФ данный баланс достигается именно за счет того, что полноценный допрос с участием защитника и предупреждением об ответственности переносится во вторую фазу, жестко ограниченную пресекательными сроками, что исключает риск злоупотреблений. Отсутствие автоматических систем защиты прав граждан в ординарном процессе часто ведет к ущемлению их интересов, что недопустимо в посткризисный период. «Гражданину, чьи права нарушены неоправданным затягиванием сроков производства, достаточно сложно разобраться с порядком компенсации, бесплатного юридического сопровождения не организовано, «автоматически» председатель суда в стадиях судебного разбирательства, прокурор и руководитель следственного органа на этапе досудебного производства соответствующими полномочиями не наделены» [14, с. 8]. ЧПК РФ нивелирует эту проблему: по истечении пресекательного срока аннулирование недоказанных материалов происходит автоматически, обязывая прокурора незамедлительно освободить лицо. Пропуск установленных законом сроков верификации или судебного контроля влечет за собой императивные и необратимые правовые последствия аннулирующего характера. В силу прямого запрета на нарушение процессуальных сроков, напрямую влияющих на баланс защиты прав и свобод граждан, любые фактические данные, не прошедшие процедуру прокурорского и экспертного подтверждения в детерминированные временные рамки, автоматически признаются недопустимыми доказательствами. Соответственно, уголовное преследование в отношении задержанных лиц подлежит незамедлительному прекращению ввиду отсутствия легитимной доказательственной базы, что исключает злоупотребление правом со стороны государства и выступает гарантией против необоснованного ограничения прав личности в постэкстраординарный период.

Юридический механизм защиты участников ликвидации чрезвычайных ситуаций от уголовной ответственности за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)

Специфика функционирования сил ликвидации чрезвычайных ситуаций в экстраординарных условиях неразрывно связана с концепцией «золотого часа» — критического, жестко ограниченного временного интервала, в течение которого проведение аварийно-спасательных мероприятий минимизирует летальность среди пострадавших. В правовой доктрине давно признано, что стандартные алгоритмы правоприменения не могут эффективно функционировать в условиях кризиса. «Крайне актуальным и востребованным, прежде всего, со стороны практических работников правоохранительных органов на современном этапе представляется вопрос расследования преступлений в различных нестандартных, кризисных условиях, что обусловливается не только общеизвестными событиями последних лет, оказавшими существенное влияние на жизнь общества и государства, но и различными негативными событиями, происходящими, к сожалению, на систематической основе (природные пожары, наводнения, землетрясения, масштабные техногенные катастрофы и другие)» [15, с. 112]. Именно эта нестандартная обстановка требует создания превентивного защитного щита для сотрудников МЧС и силовых ведомств. Необходимость принятия мгновенных, ситуативно обусловленных решений в условиях экстремального дефицита

времени и перманентного стресса вступает в объективное противоречие с формализованными границами должностных полномочий. В связи с этим проектируемый ЧПК РФ закладывает превентивный юридический механизм, исключающий необоснованное уголовное преследование сотрудников спасательных и силовых ведомств по статье 286 УК РФ. Главным материально-правовым постулатом данного механизма выступает правило автоматического признания любых действий, совершенных в строгом соответствии с регламентом ЧПК РФ, обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Если на кону находились жизнь и здоровье человека, выбранный сотрудником вариант спасения, признанный специалистами наиболее подходящим в конкретной обстановке, признается априори правомерным, даже если он повлек за собой существенное изменение картины происшествия, уничтожение поисково-фиксационных материалов или причинение материального вреда. Процессуальным гарантом легитимности таких решений выступает институт сопреодоления рисков со стороны органов прокуратуры. Работники прокуратуры, непосредственно присутствующие в эпицентре чрезвычайной ситуации и в составе оперативного штаба, осуществляют сквозной надзор за ходом ликвидации последствий и в режиме реального времени верифицируют законность экстренных мер. Подобная модель означает фактическое разделение ответственности за принятые оперативно-тактические решения между спасательными службами и надзорным органом, что блокирует возможность последующего одностороннего обвинения должностных лиц. Несмотря на то, что в доктринальном плане невозможно полностью исключить наличие преступного умысла априори, экстраординарный режим ЧПК РФ устанавливает приоритет предотвращения вреда над бюрократическим формализмом. Процессуальная волокита, способная повлечь за собой гибель граждан, необратимый подрыв здоровья или масштабный имущественный ущерб (угрожающий безопасности государства и жизнедеятельности населения), признается общественно более опасной, нежели вынужденное отступление от ординарных административных предписаний. Таким образом, баланс между уголовно-правовым запретом превышения полномочий и необходимость оперативного реагирования в «золотой час» разрешается в пользу безусловной защиты жизни человека, обеспечивая спасателям надежный правовой щит от субъективных обвинений со стороны следственных органов в посткризисный период.

Заключение

Проведенное авторами исследование позволяет констатировать, что разработка концептуальных основ Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации — это не изолированный научно-теоретический эксперимент, а продолжение масштабной, системной работы по модернизации отечественного уголовно-процессуального права в эпоху глобальных вызовов. Предложенная модель, основанная на разделении процессуального цикла на оперативную и оценочную фазы, нормативном закреплении «процессуального иммунитета гуманитарных миссий» и оптимизации сроков задержания, наглядно доказывает свою жизнеспособность и теоретическую сбалансированность. Жесткая реализация принципа процессуальной экономии в сочетании с институтом отложенной верификации доказательств способна эффективно защитить права граждан и обеспечить правовую безопасность сотрудников МЧС России и прокуратуры, не нарушая при этом фундаментальный принцип законности. Настоящая публикация развивает и дополняет положения ранее опубликованных трудов в рамках данного научного направления. Авторы отдают себе отчет в том, что масштаб решаемой проблемы требует консолидации усилий широкого круга специалистов в области уголовного процесса, криминалистики, теории государства и права, а также представителей смежных отраслей знания. В связи с этим мы открыто обращаемся к российскому научному сообществу — ведущим ученым, процессуалистам, представителям академических институтов и ведомственных вузов — с призывом принять активное участие в дальнейшей теоретической разработке и детальном обсуждении доктрины чрезвычайного процессуального законодательства. Только через широкую научную дискуссию, сопряженную с глубоким анализом правоприменительной практики, возможно сформировать безупречный и надежный правовой щит, способный защитить высшие ценности нашего государства и общества в экстраординарные периоды его истории.

Список литературы:

[1] Купряшин В.С. Концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как инструмент систематизации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2026. №2. С. 133-142.

[2] Смолин А.Ю. Несовершенство «человека процессуального» как предпосылка совершенствования технологии уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2026. № 1 (77). С. 85-92.

[3] Боярская А.В. Особенности нормативной регламентации упрощённых уголовно-процессуальных процедур (постановка проблемы) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. Т. 21, № 1. С. 86-95.

[4] Чекулаев Д.П. Подсудность в условиях военного положения или иного особого правового режима: от истории к современности // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 4. С. 321-356.

[5] Долгополов А.А., Ильяшенко А.Н., Белоконь А.В. Об уголовно-правовых режимах реализации функций уголовного права // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 4(111). - С. 117-124.

[6] Маркелов А.Г. Соблюдение законности при применении технологии уголовно-процессуального компромисса // Вестник ННГУ. 2024. №3. С. 134-139.

[7] Петухова Ж.П. Приостановление предварительного следствия в условиях пандемии // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 52, № 4 (72). С. 129-134.

[8] Гаврилов Б.Я. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства и его роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 29-37.

[9] Гаврилов Б.Я. К вопросу о некоторых проблемах совершенствования уголовной политики: мнение ученого и позиция правоприменителя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. №1 (65). С. 276-284.

[10] Корнакова С.В. Проблемы законодательного закрепления обязанности доказывания и презумпции невиновности в УПК РФ. Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 120-130.

[11] Хлызов И.С. Особый статус отдельных категорий лиц в уголовном судопроизводстве в контексте соблюдения принципа равенства: анализ и критика // Теория и практика общественного развития. 2025. № 3. С. 174-180.

[12] Богаткина Р.Ш. Особенности возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 2 (60). С. 64 - 70.

[13] Шин А.К. Стадия возбуждения уголовного дела: поиск баланса между процессуальной формой и доказательственной ценностью объяснений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2(97). С. 190-194.

[14] Бормотова Л.В. Разумность сроков уголовного судопроизводства - частный случай неоправданной правовой конвергенции, нарушающей исторический уклад // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 1-16.

[15] Михайлов П.И. Нестандартная обстановка как фактор, предопределяющий особый порядок производства по уголовным делам // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 111-116.

References:

[1] Kupryashin V.S. The concept of the Extremely Procedural Code of the Russian Federation as an instrument for systematizing legislation in the field of ensuring national security//Education and law. 2026. №2. S. 133-142.

[2] Smolin A.Yu. Imperfection of the “procedural man” as a prerequisite for improving the technology of criminal proceedings//Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 1 (77). S. 85-92.

[3] Boyarskaya A.V. Features of the regulatory regulation of simplified criminal procedure procedures (posing a problem)//Bulletin of Omsk University. “Right” series. 2024. VOL. 21, NO. 1. S. 86-95.

[4] Chekulaev D.P. Jurisdiction under martial law or other special legal regime: from history to modernity//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2025. T. 20. № 4. C. 321-356.

[5] Dolgopolov A.A., Ilyashenko A.N., Belokon A.V. On criminal law regimes for the implementation of the functions of criminal law//Philosophy of law: scientific and theoretical. journal. Rostov-on-Don. 2024. № 4(111). - S. 117-124.

[6] Markelov A.G. Compliance with the law when using the technology of criminal procedure compromise//Bulletin of the NSU. 2024. №3. S. 134-139.

[7] Petukhova J.P. Suspension of the preliminary investigation in a pandemic//Legal Bulletin of DSU. 2024. T. 52, NO. 4 (72). S. 129-134.

[8] Gavrilov B.Ya. On the current state of criminal procedure legislation and its role in improving the effectiveness of individual institutions of criminal proceedings//Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (68). S. 29-37.

[9] Gavrilov B.Ya. On the question of some problems of improving criminal policy: the opinion of the scientist and the position of the law enforcement officer//Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. №1 (65). S. 276-284.

[10] Kornakova S.V. Problems of legislative consolidation of the obligation to prove and presumption of innocence in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Lex russica.

2025. Т. 78. № 3. S. 120-130.

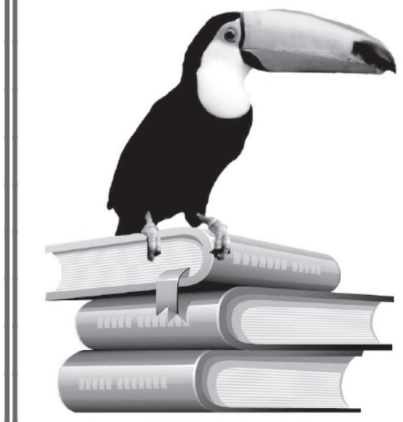
[11] Khlyzov I.S. Special status of certain categories of persons in criminal proceedings in the context of compliance with the principle of equality: analysis and criticism//Theory and practice of social development. 2025. № 3. S. 174-180.

[12] Bogatkina R.Sh. Peculiarities of initiating a criminal case against certain categories of persons// Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Т. 16. № 2 (60). S. 64-70.

[13] AK Shin. The stage of initiating a criminal case: finding a balance between the procedural form and the evidentiary value of explanations//Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Т. 31, NO. 2 (97). S. 190-194.

[14] Bormotova L.V. The reasonableness of the terms of criminal proceedings is a special case of unjustified legal convergence that violates the historical structure//Legal research. 2024. № 9. S. 1-16.

[15] Mikhailov P.I. Non-standard situation as a factor that predetermines a special procedure for criminal proceedings//Eurasian Bar. 2026. № 1 (78). С. 111-116.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-754-758

САМОГИН Артем Сергеевич,

ассистент кафедры КБ-12 «Правовое обеспечение национальной безопасности» Института кибербезопасности и цифровых технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва,

e-mail: samogin@mirea.ru

СТАРЦЕВА Диана Андреевна,

Студентка 2-го курса специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» Института кибербезопасности и цифровых технологий Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва,

e-mail: wed.sun3298@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА КАК ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Аннотация. *В статье проводится всесторонний анализ правовых аспектов умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества как формы противоправного деяния, ответственность за которое предусмотрена статьей 167 Уголовного кодекса Российской Федерации. Преступление представляет собой серьезную угрозу не только для имущественных отношений и различных сфер человеческой деятельности, но и для базовых прав граждан, таких как право на жизнь, здоровье и неприкосновенность жилища. Умышленное уничтожение имущества влечет значительные материальные убытки как для граждан, так и для организаций, ограничивая их в праве распоряжаться принадлежащим им имуществом. Также анализируются сложные правовые вопросы, в частности, критерии определения значительного ущерба, а также разграничение понятий «уничтожение имущества» и «причинение ущерба». Особое внимание уделяется спорным ситуациям, таким, как уничтожение домашних животных и виртуального имущества, правовой статус которых в российском законодательстве остается недостаточно определенным. В завершении особое внимание уделяется необходимости непрерывного совершенствования как нормативно-правовой основы, так и судебной практики в целях повышения эффективности защиты права собственности граждан и уменьшения количества преступлений, связанных с преднамеренным уничтожением чужого имущества.*

Ключевые слова: *нарушение имущественных прав, владение имуществом, виртуальные активы, уголовное право, определение вида правонарушения, предмет преступной деятельности, совершенствование правовой базы.*

SAMOGIN Artem Sergeevich,

Assistant of the Department of KB-12 “Legal support of national security” of the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “MIREA-Russian Technological University”, Moscow

STARTSEVA Diana Andreevna,

2st year student of the specialty “Legal support of national security” Institute of Cybersecurity and Digital Technologies Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “MIREA-Russian Technological University”, Moscow

SOME PROBLEMS OF QUALIFYING INTENTIONAL DESTRUCTION OF ANOTHER’S PROPERTY AS A CRIMINAL ACT

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the legal aspects of the intentional destruction or damage of someone else's property as a form of unlawful act, the responsibility for which is provided for in Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation. Crime poses a serious threat not only to property relations and various spheres of human activity, but also to the basic rights of citizens, such as the right to life, health and inviolability of the home. Intentional destruction of property entails significant material losses for both citizens and organizations, limiting their right to dispose of their property. Complex legal issues are also analyzed, in particular, the criteria for determining significant damage, as well as the distinction between the concepts of "destruction of property" and "causing damage." Particular attention is paid to controversial situations such as the destruction of pets and virtual property, the legal status of which remains insufficiently defined in Russian legislation. In conclusion, special attention is paid to the need for continuous improvement of both the regulatory framework and judicial practice in order to increase the effectiveness of protecting citizens' property rights and reduce the number of crimes related to the deliberate destruction of other people's property.*

Key words: *violation of property rights, ownership of property, virtual assets, criminal law, definition of the type of offense, the subject of criminal activity, improvement of the legal framework.*

Конституция Российской Федерации гарантирует охрану прав частных владельцев имущества, но недостаточно, так как в настоящее время повышается количество преступных посягательств на чужое имущество, что требует от государства больших мер защиты по отношению к собственности (ч. 1 ст. 35) [1, с. 12]. В связи с этим, на государство возлагается обязанность обеспечения государственной и общественной безопасности. К примеру: назначение достаточно строгого наказания лицам, покушающимся на чужое имущество, с полным возмещением материального ущерба пострадавшему.

В соответствии со статьей 167 Уголовного Кодекса РФ установлены меры ответственности за умышленное уничтожение либо порчу чужого имущества. Из статьи можно выделить два состава преступления в соответствии с частью 1 самой статьи, в случае умышленного уничтожения или повреждения имущества:

1. Нанесение существенного вреда потерпевшему в результате умышленного разрушения либо порчи его имущества (ч. 1 ст. 167). Значительный ущерб должен составлять более 5000 рублей;

Актуальность исследования умышленного уничтожения чужого имущества обусловлена, тем, что происходит значительное воздействие на имущественные права граждан и юридических лиц, а также необходимостью правовой защиты собственности. Умышленное уничтожение чужого имущества представляет собой деяние, заключающееся в противоправном лишении собственника или иного законного владельца имущества путём его полного уничтожения, с целью причинения вреда или без таковой. В свою очередь, под уничтожением понимается такое повреждение, которое делает имущество непригодным для использования и не подлежащим восстановлению или экономически невыгодным к восстановлению. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что рассматриваемое деяние не преследует цели извлечения имущественной выгоды, однако обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с хищением, поскольку влечёт исключение материальных ценностей из сферы экономического оборота и общественного потребления. [4, с. 125]. Из этого можно сделать вывод о том, что государство должно давать более крепкую защиту, а само наказание установлено недостаточно строго в отличии от тайного хищения чужого имущества (ст. 158). При хищении имущество изымается у владельца, но может быть возвращено (Например, в ходе расследования или добровольного возмещения ущерба), а при уничтожении имущество теряет свою ценность без возможности восстановления (Например, при поджоге или взрыве). Проблема встречается в России, но в некоторых зарубежных странах, преступление рассматривается строже и влечет за собой более серьезное наказание за его совершение (УК Республики Болгария, УК Швейцарии) [5, с. 110].

В анализируемом положении Уголовного кодекса предусмотрена градация последствий, возникающих в результате умышленного уничтожения чужого имущества, на два вида ущерба - значительный и менее значительный. Текущий вопрос не стоит упускать из поля зрения, так как преступлением может считаться только причинение значительного ущерба, что подтверждается диспозицией статьи уголовного кодекса. Незначительный же ущерб нашел своё отражение в статье 7.17 КоАП и влечет за собой наложение административного штрафа в размере от 300 до 500 рублей.

Также значимой проблемой остаётся задача

различения полного уничтожения и повреждения имущества (ст. 168 УК РФ). Трудность состоит в установлении определённой демаркации между указанными видами преступлений. В вопросе стоит обратить внимание на критерий «экономической нецелесообразности восстановления», так как он может быть субъективным и зависеть от конкретных обстоятельств. При уничтожении чужого имущества подразумевается умышленное действие, которое приводит к тому, что вещь либо полностью утрачивает свою функциональность, либо теряет пригодность в такой мере, что её восстановление или ремонт становятся невозможными или экономически нецелесообразными. Критерий функциональной способности применяется для подтверждения факта уничтожения, квалификации состава преступления и оценки размера ущерба.

Материальной проблемой нашего вопроса является сложность в оценке ущерба. Практически каждый потерпевший хочет получить полную материальную компенсацию ущерба, но в реалиях это может быть проблематично. Оценка может быть субъективной и затруднительной, а экспертиза может дать противоречивые результаты [6, с. 164].

Хотелось бы представить ситуацию умышленного уничтожения чужого имущества. В умышленном уничтожении чужого домашнего животного имуществом является домашнее животное. Представим ситуацию: гражданин N жестоко избил породистую соседскую собаку, что повлекло за собой смерть животного. В этой ситуации может возникнуть проблема с оценкой ущерба, когда учитывается не только рыночная стоимость собаки, но и эмоциональная ценность для владельца. В таких случаях суд должен учитывать и моральный ущерб [11, с. 6].

Следующую ситуацию хочется представить из сферы игровой индустрии: у гражданина Z взломали аккаунт в онлайн-игре и в ней была уничтожена внутриигровая валюта. В данном примере стоит выделить проблему с определением статуса виртуального имущества как «чужого имущества», а также с оценкой её стоимости. Основная юридическая сложность в данной ситуации связана с отсутствием в российском законодательстве точного определения правового статуса игровой валюты. Согласно условиям пользовательского соглашения, виртуальные предметы, включая игровую валюту и персонажей, являются собственностью разработчика игры. Несмотря на то, что внутриигровые ценности иногда продаются на неформальных онлайн-площадках за реальные деньги, то при покупке товаров на сторонних сайтах обычно имеется договор купли-продажи. В большинстве случаев, условия купли-продажи регулируются публичной офертой, которая размещается на сайте продавца. Указанные виды договорных соглашений подлежат правовому регулированию на основании положений главы 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающей общие положения о договорах. В случае если Иванов сможет доказать, что его игровая валюта имела реальную денежную ценность и её утрата привела к существенному материальному ущербу, он вправе обратиться в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела по статье 167 УК РФ. В дополнение к этому, у Иванова имеется право обратиться в суд с иском о возмещении причиненного ему ущерба.

Цифровые активы представляют собой сложный и неоднозначный объект с точки зрения уголовного права, а их оценка требует разработки и применения новых, специализированных методик. Оценка цифровых активов в уголовном праве сопряжена с рядом сложностей, обусловленных их уникальными характеристиками. Таким образом, при установлении величины причинённого ущерба учитываются следующие обстоятельства (Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48):

При определении ответственности за преступление, связанное с активом, первостепенное значение имеет его рыночная стоимость на момент совершения преступления. Данные берутся с криптовалютных бирж и других торговых площадок;

вид цифрового актива: криптовалюта, NFT, токены и другие активы имеют разную природу и способы оценки;

наличие ликвидности: на сколько легко актив можно было бы продать на момент преступления;

технические особенности актива: к примеру, особенности блокчейна, на котором основан актив, могут влиять на его оценку;

экспертное заключение: в некоторых случаях может потребоваться привлечение специалистов по оценке цифровых активов.

В контексте вопроса следует подчеркнуть, что оценка ущерба проводится в российских рублях по официальному курсу Банка России, действовавшему на дату совершения преступления. В случаях значительного ущерба, оценка производится в рамках судебной экспертизы [7, 109].

Таким образом, из вышеизложенного стоит сделать вывод, что в современных условиях усиление защиты имущественных прав в рамках уголовного законодательства становится необходимостью. Важно понимать,

что нанесение такого ущерба может впоследствии принимать не только материальный характер, но и моральный. При уничтожении или повреждении имущества, обладающего значительной эмоциональной ценностью для владельца (включая домашних животных, воспринимаемых как члены семьи и имеющих породные характеристики), помимо оценки его рыночной стоимости, проводится всесторонняя оценка для определения и выплаты компенсации за моральный ущерб. Также следует отметить, что динамичное развитие общественных отношений обусловливает необходимость постоянного совершенствования законодательства, особенно в таких быстроразвивающихся сферах, как цифровые активы. Вот некоторые предложения по изменению статьи 167 УК РФ:

Уточнение понятие «имущество», включив в него цифровые активы, чтобы устранить неопределенность и более эффективно привлекать к ответственности лиц, совершивших преступление в цифровой сфере;

изменения предложены с целью повышения эффективности правового регулирования и обеспечения адекватной защиты имущественных прав граждан в условиях развития цифровых технологий.

Ужесточение наказания за уничтожение чужого имущества с использованием компьютерных технологий и вредоносных программ, учитывая потенциально более масштабные последствия таких действий;

Действующая статья 167 УК РФ не полностью охватывает преступления, связанные с уничтожением или повреждением цифровых активов и домашних животных. Для устранения пробела в законодательстве необходимо изложить ч.3 ст.167 в новой редакции: определить правовой статус цифровых объектов, адаптировать понятие «Имущественно-цифровой актив» к современной цифровой среде и учесть способы уничтожения в условиях информационных технологий.

Инициируемые поправки в ч. 4 ст. 167 Уголовного кодекса Российской Федерации ориентированы на совершенствование механизма оценки вреда, причинённого в результате умышленного уничтожения либо повреждения имущества, путём расширения понятия ущерба, включая в его состав моральный вред. Эти поправки помогут обеспечить более справедливую компенсацию убытков, особенно в тех случаях, когда уничтоженное имущество имеет для потерпевшего особую эмоциональную ценность.

Если у суда возникают сомнения в том, что ущерб является лишь материальным, проведение психологической судебной экспертизы становится важным шагом для комплексной оценки ущерба, учитывающей как моральный вред, так и потерю эмоциональной ценности имущества.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с изм. и доп., вступ. В силу с 04 июля 2020 г.)// Собрание законодательства РФ. – 2020. - №27. - ст.12.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - №25. – ст. 85.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. №48 «О практике применения законодательства о преступлениях против собственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. - №2.

[4] Ступина О.И., Радченко О.В. Квалифицирующие признаки умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. - №34. – с.123-130

[5] Набиев Ф.Ф. Сравнительный анализ зарубежного законодательства об ответственности за умышленное уничтожение (повреждение) имущества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2015. -№4. – с. 108-112

[6] Степанов М.В. Вопросы квалификации умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. - №24. – с. 163-167.

[7] Долгиева М.М. Цифровые активы и уголовное законодательство России // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. - №1 (45). – с. 108-113.

[8] Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности // Учёные записки юридического института МВД России. – 2017. – с.78.

[9] Сафронова И.Н. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. - №2 (78). – с. 75-81.

[10] Баева М.А., Палий О.И. Актуальные проблемы умышленного уничтожения и повреждения чужого имущества // Молодой учёный. – 2017. - №7(141). – с. 319-322.

[11] Эрделевский А.М. Критерии и метод оценки размера компенсации морального вреда // Государство и право. - 1997. - №4. -с. 5-12.

[12] Юдина У.С. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества // Вестник экономической

безопасности. – 2020. - №4. – с. 84-88.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (amended and supplemented, entry Effective July 04, 2020)//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - №27. - Article 12.

[2] Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on 2025)//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. - №25. - Art. 85.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 “On the practice of applying legislation on crimes against property “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. - №2.

[4] Stupina O.I., Radchenko O.V. Qualifying signs of deliberate destruction or damage to someone else’s property//Bulletin of Tomsk State University. Right. – 2019. - №34. - p. 123-130

[5] Nabiev F.F. Comparative analysis of foreign legislation on liability for intentional destruction (damage) of property//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. -№4. - p. 108-112

[6] Stepanov M.V. Issues of qualification of intentional destruction or damage to someone else’s property//Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. - №24. - p. 163-167.

[7] Dolgieva M.M. Digital assets and criminal legislation of Russia//Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. - №1 (45). - p. 108-113.

[8] Shalagin A.E., Grebenkin M.Yu. Criminological and criminal legal characteristics of crimes against property//Scientific notes of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. - p.78.

[9] Safronova I.N. On the issue of criminal liability for the destruction or damage to property// Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. - №2 (78). - p. 75-81.

[10] Baeva M.A., Paliy O.I. Actual problems of deliberate destruction and damage to someone else’s property//Young scientist. – 2017. - №7(141). - p. 319-322.

[11] Erdelevsky A.M. Criteria and method for assessing the amount of compensation for moral damage//State and law. - 1997. - №4. -s. 5-12.

[12] Yudina U.S. On the issue of criminal liability for destruction or damage to property//Bulletin of Economic Security. – 2020. - №4. - p. 84-88.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-759-764

ВИКТОРОВ Артем Олегович,

Преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: viktorovolego1@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ УИС ПРИ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ

Аннотация. *В статье исследуется профессиональная правовая культура сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при ограничении прав осужденных в условиях режима особых условий. Актуальность темы определяется тем, что данный режим представляет собой исключительную правовую ситуацию, в которой требования безопасности учреждения, защиты жизни и здоровья, поддержания правопорядка и сохранения управляемости учреждения объективно могут повлечь временное изменение обычного порядка реализации отдельных прав осужденных. Цель исследования состоит в определении значения профессиональной правовой культуры сотрудников УИС для законного, обоснованного, соразмерного и процедурно корректного ограничения прав осужденных. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и конкретно-социологический подходы. Практическая значимость исследования связана с возможностью использовать выводы при правовой подготовке сотрудников, оценке служебных решений и профилактике конфликтов в исправительных учреждениях. Обосновано, что формального знания статьи 85 УИК РФ недостаточно для правомерного служебного поведения: сотрудник должен различать основание введения режима особых условий и конкретную меру ограничения, учитывать временный характер исключительного режима, пределы служебного усмотрения, требования мотивированности и проверяемости решений. Научный результат выражается в выводе о том, что профессиональная правовая культура проявляется в способности сотрудника не подменять законное ограничение права произвольным сужением правового статуса осужденного, корректно документировать решения, сохранять юридическую определенность ограничений и обеспечивать их последующую оценку. Сделан вывод, что правовая культура в рассматриваемой сфере должна рассматриваться не как общее нравственно-служебное качество, а как необходимое условие законности, безопасности и юридической устойчивости решений администрации исправительного учреждения.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система; профессиональная правовая культура; режим особых условий; права осужденных; ограничение прав; служебное усмотрение; законность; соразмерность; исправительное учреждение.*

VIKTOROV Artem Olegovich,

Teacher of the department of Civil Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROFESSIONAL LEGAL CULTURE OF PENAL SYSTEM EMPLOYEES WHEN RESTRICTING THE RIGHTS OF CONVICTS UNDER SPECIAL CONDITIONS

Annotation. *This article examines the professional legal culture of employees of the Russian penal system when restricting the rights of convicts under special conditions. The relevance of this topic lies in the fact that this regime represents an exceptional legal situation in which the requirements of institutional security, the protection of life and health, the maintenance of law and order, and the preservation of the institution's governance may objectively entail a temporary change to the usual procedure for exercising certain rights of convicts. The purpose of this study is to determine the role of the professional legal culture of penal system employees in ensuring lawful, justified, proportionate, and procedurally correct restrictions of convicts' rights. The methodological framework includes formal legal, systemic, comparative legal, and specific sociological approaches.*

The practical significance of the study lies in the potential use of the findings in legal training for employees, the evaluation of official decisions, and conflict prevention in correctional institutions. It is substantiated that formal knowledge of Article 85 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation is insufficient for lawful official conduct: an employee must distinguish between the basis for introducing a special conditions regime and a specific restrictive measure, take into account the temporary nature of the exceptional regime, the limits of official discretion, and the requirements for the justification and verifiability of decisions. The scientific result is expressed in the conclusion that professional legal culture is manifested in an employee's ability to avoid substituting a legitimate restriction of rights with an arbitrary narrowing of the legal status of the convicted person, accurately document decisions, maintain the legal certainty of restrictions, and ensure their subsequent evaluation. It is concluded that legal culture in this area should be viewed not as a general moral and official quality, but as a necessary condition for the legality, security, and legal stability of decisions by the correctional institution administration.

Key words: *penal system; professional legal culture; special conditions regime; rights of convicted persons; limitation of rights; official discretion; legality; proportionality; correctional institution.*

Введение.

Режим особых условий в исправительном учреждении является одной из наиболее сложных сфер проявления профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы. Его исключительность состоит не только в изменении порядка функционирования учреждения, но и в том, что публичная власть администрации в этот период становится более концентрированной, а возможности осужденных по реализации отдельных прав могут объективно сужаться либо переводиться в более жесткие процедурные рамки. Поэтому исследовательский интерес должен быть обращен не к пересказу порядка введения режима, а к качеству правового поведения сотрудника, принимающего либо исполняющего ограничительное решение [1; 2].

Научная проблема состоит в том, что режим особых условий нередко воспринимается преимущественно как организационно-режимный инструмент, тогда как для осужденного он выражается через изменение правового положения: порядка свиданий, получения передач, передвижения, участия в труде, обучении, культурно-просветительной и иной деятельности. Статья 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации закрепляет основания, сроки и отдельные последствия введения такого режима, однако сама по себе не устраняет вопрос о правовой культуре ее применения. Цель исследования — определить значение профессиональной правовой культуры сотрудников УИС для законного, обоснованного, соразмерного и процедурно корректного ограничения прав осужденных.

Режим особых условий как сфера повышенной правовой ответственности сотрудников УИС

Режим особых условий возникает тогда, когда обычный порядок исполнения наказания оказывается недостаточным для защиты жизни и здоровья людей, безопасности учреждения, сохранения управляемости и восстановления правопорядка. В доктрине он обоснованно рассматривается как особый правовой режим, изменяющий привычное соотношение дозволений, запретов и позитивных обязанностей в уголовно-исполнительных правоотношениях [2]. Однако для темы профессиональной правовой культуры важнее иное: сотрудник УИС должен видеть в каждом ограничении не только режимную меру, но и юридически значимое решение, затрагивающее правовой статус осужденного [10].

Действующая редакция статьи 85 УИК РФ допускает изменение распорядка дня, ограничение деятельности отдельных служб, введение усиленного варианта охраны и надзора, особого порядка допуска на объекты, а также изменение порядка реализации ряда прав осужденных. Эти меры не равнозначны свободному административному усмотрению. Они предполагают конкретное основание, связь между обстоятельством и мерой, временный характер, определенность содержания и возможность последующей проверки. Поэтому профессиональная правовая культура проявляется в умении различать сам факт введения режима особых условий и конкретное ограничение, применяемое к определенной сфере жизнедеятельности учреждения [3].

Формальное знание нормы здесь недостаточно. Сотрудник может правильно назвать основание режима, срок и должностное лицо, уполномоченное принять решение, но ошибочно считать, что введение режима автоматически оправдывает любое дополнительное сужение прав осужденных. Такая позиция противоречит правовой природе исключительного режима: он

вводится для стабилизации обстановки, а не для расширения административного удобства. Следовательно, правовая культура включает способность удерживать границу между необходимым ограничением и произвольным расширением властного воздействия [4].

Специфика УИС усиливает значимость этой границы. Исправительное учреждение является закрытой режимной системой, в которой осужденный находится в устойчивой зависимости от администрации, а внешние каналы защиты прав ограничены организационными и фактическими обстоятельствами. При режиме особых условий эта зависимость возрастает: изменяются маршруты передвижения, порядок допуска, коммуникация с родственниками, представителями, общественными и контрольными субъектами. Поэтому правовое поведение сотрудника должно быть не только исполнительным, но и юридически осмысленным: необходимо понимать, какое право ограничивается, на какой срок, по какой причине и в каком объеме [5; 8].

Профессиональная правовая культура в рассматриваемой сфере включает правовое мышление, уважение к сохраняющемуся правовому статусу осужденного, понимание временного характера ограничений, правовую сдержанность и способность мотивировать служебное решение. Осужденный не утрачивает правовой статус полностью; он несет ограничения, вытекающие из приговора, закона и режима исполнения наказания. Именно поэтому ограничение права должно быть объяснимо не только оперативной необходимостью, но и юридической логикой. Документирование в такой ситуации является не техническим приложением к режимной деятельности, а формой служебной ответственности [8; 9].

Правовые риски формального и чрезмерного ограничения прав осужденных

Недостаточный уровень профессиональной правовой культуры обнаруживается не только в прямом незаконном запрете. Более распространенным является формальное расширение режима особых условий на сферы, которые не связаны с фактическим основанием его введения. Угроза безопасности учреждения может требовать временного изменения перемещения осужденных, порядка допуска на объекты и усиления надзора, но не всегда оправдывает одинаково широкое ограничение свиданий, переписки, получения передач, трудовой или культурно-просветительной деятельности. Здесь требуется не автоматизм, а правовая оценка необходимости [6; 7].

Риск чрезмерного ограничения усиливается тем, что статья 85 УИК РФ использует достаточно общие формулы, а конкретизация многих процедур переносится на подзаконный и ведомственный уровень. В литературе обращается внимание на необходимость более точного определения объема ограничиваемых прав и порядка действий должностных лиц в период особых условий [3]. Для сотрудника это означает работу в зоне повышенной ответственности: отсутствие детальной нормативной формулы не освобождает от обязанности соотносить меру с законом, целью режима и фактической обстановкой.

Одной из типичных деформаций является смешение режима особых условий с обычными режимными требованиями, плановыми мероприятиями либо дисциплинарной практикой. Такое смешение опасно тем, что исключительный правовой режим начинает восприниматься как продолжение повседневного административного воздействия. В результате временные ограничения фактически закрепляются как обычный порядок, а отдельные меры применяются без достаточной связи с обстоятельствами, ради которых режим был введен. Профессиональная правовая культура должна препятствовать именно этому переходу: исключительность режима не должна исчезать в служебном языке и документах [1].

Вторая группа рисков связана с шаблонным оформлением решений. В напряженной оперативной обстановке документирование может восприниматься как второстепенная обязанность. Между тем при последующем ведомственном контроле, прокурорской проверке или судебной оценке значение имеет не только фактическая обстановка, но и то, как она была юридически отражена. Если решение содержит лишь общие ссылки на безопасность без указания связи с ограничением конкретного права, возникает сомнение в его обоснованности и соразмерности. Устойчивость правового решения формируется не после спора, а в момент его принятия.

Третья группа рисков касается недостаточного информирования осужденных. В условиях режима особых условий коммуникация администрации с осужденными имеет самостоятельное юридическое значение. Если лицо не понимает, какое право ограничено, на какой срок, по какой причине и в каком порядке возможна защита нарушенного права, повышается конфликтность, увеличивается число жалоб, ухудшается управляемость учреждения. Правовая культура сотрудника требует не убеждать осужденного в целесообразности всех мер, а обеспечивать минимально необходимую правовую определенность ограничения.

Особо чувствительны ограничения, затрагивающие материально-бытовое

обеспечение, медицинское сопровождение, получение передач, свидания, жалобы и поддержание социальных связей. Исследования режима особых условий в лечебно-профилактических учреждениях и материально-бытовой сфере показывают, что правоограничения в исключительный период должны оцениваться с учетом недопустимости ухудшения базовых условий содержания сверх необходимого [5; 6]. Это имеет не только гуманитарный, но и управленческий смысл: чрезмерное сужение правового положения осужденных способно усилить напряженность, ради преодоления которой режим был введен.

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС при ограничении прав осужденных в условиях режима особых условий

Совершенствование профессиональной правовой культуры в данной сфере должно начинаться с отказа от упрощенного представления о режиме особых условий как о преимущественно силовом или организационном инструменте. Для сотрудника УИС это особая правовая ситуация, в которой безопасность учреждения достигается не вопреки законности, а через юридически точное применение исключительных мер. Поэтому правовая подготовка должна включать не только изучение статьи 85 УИК РФ, но и анализ связи между основанием режима, целью ограничения, объемом вмешательства и способом фиксации решения [2; 10].

Практически значимым направлением является обучение сотрудников разграничению основания введения режима и конкретной меры ограничения. В учебных и служебных занятиях необходимо моделировать ситуации, при которых одно и то же основание не влечет одинакового набора ограничений. Карантинные обстоятельства, массовое неповиновение, угроза вооруженного нападения или чрезвычайная ситуация требуют различной правовой логики. Это позволяет вырабатывать навык выбора минимально необходимой меры, а не механического применения запрета.

Отдельного внимания требует развитие навыков мотивированного служебного решения. Сотрудник должен уметь кратко и юридически корректно фиксировать фактическое обстоятельство, правовое основание, ограничиваемое право или изменяемый порядок его реализации, срок, территорию или круг лиц, должностное лицо, принявшее решение, и порядок последующей проверки. Такая фиксация не должна превращаться в избыточный документооборот, однако она должна исключать неопределенность. Чем точнее оформлена мера, тем проще оценить ее законность и тем ниже риск последующего признания действий администрации необоснованными [7; 8].

Необходимо системно изучать судебную, прокурорскую и ведомственную практику, связанную с ограничением прав осужденных. Ценность имеет не только анализ выявленных нарушений, но и разбор ситуаций, в которых действия администрации были признаны обоснованными. Это позволяет формировать у сотрудников не страх перед контролем, а понимание критериев юридически устойчивого решения. Контрольные механизмы в таком подходе становятся элементом профессионального обучения, а не только реакцией на уже допущенное нарушение.

Значимым резервом является правовая коммуникация с осужденными. В условиях режима особых условий сотрудник не обязан вести дискуссию о целесообразности управленческого решения, однако обязан сохранять корректность, определенность и законность разъяснения. Осужденному должно быть ясно, что ограничение имеет временный характер, связано с конкретным основанием и не означает утраты всех иных прав. Такая коммуникация снижает конфликтность и одновременно дисциплинирует администрацию: решение, которое невозможно объяснить в правовых категориях, нуждается в дополнительной проверке.

Внутриведомственный контроль за пропорциональностью мер должен быть ориентирован не только на наличие приказа о режиме особых условий, но и на содержание последующих ограничений. Проверяться должны сроки, фактическая необходимость, соответствие меры основанию режима, недопущение произвольного расширения ограничений, качество информирования осужденных, полнота рассмотрения жалоб и состояние документационного сопровождения. Такой контроль выражает институциональную сторону профессиональной правовой культуры: она не сводится к личным качествам отдельного сотрудника, а закрепляется в устойчивых процедурах учреждения [9].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что режим особых условий является одной из наиболее показательных сфер проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС. Его исключительный характер объективно допускает временное изменение порядка реализации отдельных прав осужденных, однако не устраняет требований законности, необходимости, соразмерности, определенности, мотивированности и проверяемости служебных

решений. Формальное знание статьи 85 УИК РФ не обеспечивает правомерного поведения, если сотрудник не способен различать основание режима, конкретную меру ограничения и пределы собственного усмотрения.

Научный результат статьи состоит в обосновании того, что профессиональная правовая культура в рассматриваемой сфере должна пониматься как прикладная способность сотрудника принимать и исполнять ограничительные решения без произвольного расширения правовых последствий режима особых условий. Для УИС это имеет особое значение вследствие закрытого характера исправительных учреждений, зависимости осужденного от администрации и повышенной цены процедурных ошибок. Профессиональная правовая культура сотрудников УИС должна рассматриваться не только как внутреннее качество служебной деятельности, но и как необходимое условие законного, соразмерного и юридически устойчивого ограничения прав осужденных в условиях режима особых условий.

Список литературы:

[1] Алексеев А. Ю. Режим особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы: особенности правового положения осужденных : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2024. 211 с.

[2] Кашуба Ю. А., Алексеев А. Ю. Юридическая сущность режима особых условий // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16(1–4), № 3. С. 306–311. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.306-311.

[3] Сиряков А. Н. Режим особых условий в исправительных учреждениях Содружества Независимых Государств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1(41). С. 56–61.

[4] Дергачев А. В., Скиба А. П. Чрезвычайное положение как основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях: проблемы регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 3. С. 244–248.

[5] Тунчик Т. С., Дмитриев Д. Б. Режим особых условий в лечебно-профилактических учреждениях: некоторые вопросы регламентации // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16(1–4), № 3. С. 312–317. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.312-317.

[6] Юсупова А. Н. Материально-бытовое обеспечение осужденных при режиме особых условий в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16(1–4), № 3. С. 318–321. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.318-321.

[7] Кулешов М. А. Об обеспечении прав и законных интересов осужденных при режиме особых условий // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3(21). С. 68–71.

[8] Уткин В. А. Права осужденных в исправительных учреждениях: ограничения и обеспечение // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 96–106. DOI: 10.17223/22253513/46/7.

[9] Кониченко Е. Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2005. 185 с.

[10] Викторов А. О. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2023. № 4(40). С. 152–154.

References:

[1] Alekseev A. Yu. Regime of special conditions in institutions of the penal system: peculiarities of the legal status of convicts: dis.... cand. jurid. sciences. Ryazan, 2024. 211 pp.

[2] Kashuba Yu. A., Alekseev A. Yu. Legal essence of the special conditions regime//Criminal executive law. 2021. T. 16 (1-4), NO. 3. PP. 306-311. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.306-311.

[3] Siryakov A. N. Regime of special conditions in correctional institutions of the Commonwealth of Independent States//Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2018. № 1(41). S. 56-61.

[4] Dergachev A.V., Skiba A.P. State of emergency as the basis for the introduction of a regime of special conditions in correctional institutions: problems of regulation//Penal law. 2017. T. 12 (1-4), NO. 3. S. 244-248.

[5] Tunchik T. S., Dmitriev D. B. The regime of special conditions in medical institutions: some issues of regulation//Penal law. 2021. T. 16 (1-4), NO. 3. S. 312-317. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.312-317.

[6] Yusupova A. N. Material support for convicts under the regime of special conditions in correctional institutions//Penal law. 2021. T. 16 (1-4), NO. 3. S. 318-321. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.318-321.

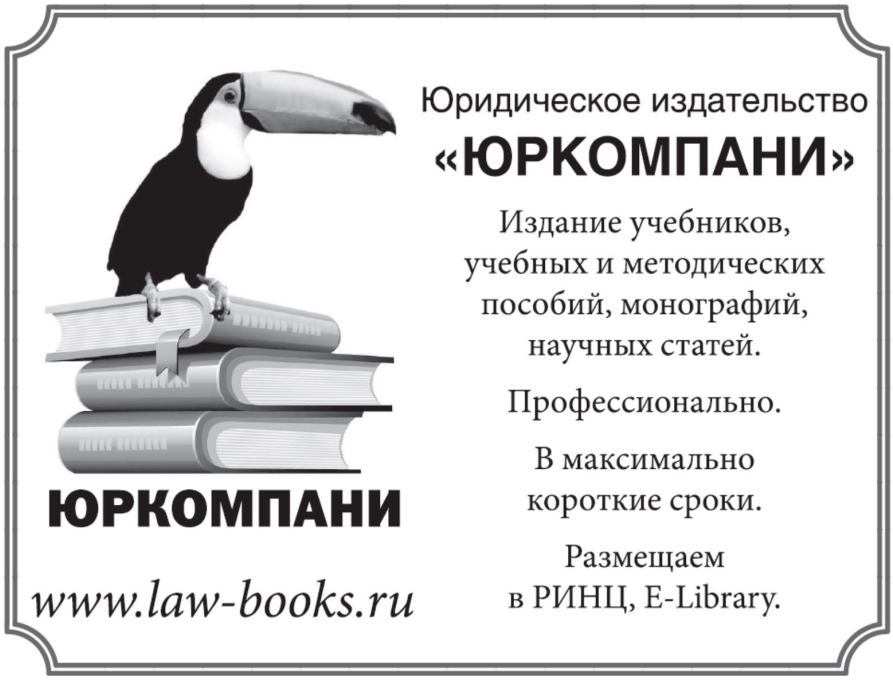
[7] Kuleshov M. A. On ensuring the rights and legitimate interests of convicts under the regime of special conditions//Penal law. 2015. № 3(21). S. 68-71.

[8] Utkin V. A. Rights of convicts in correctional institutions: restrictions and support//Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 46. S. 96-106. DOI: 10.17223/22253513/46/7.

[9] Konichenko E. B. The legal culture of employees of the penitentiary system in modern

Russian society (general legal analysis): dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.01. Vladimir, 2005. 185 pp.

[10] Viktorov A. O. Legal culture of employees of the penitentiary system in the Russian Federation// Law. Right. State. 2023. № 4(40). S. 152-154.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-765-769

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

ПРОБЛЕМАТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МОШЕННИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматривается комплекс уголовно-правовых, криминалистических и процессуальных проблем, возникающих при расследовании мошенничеств, совершаемых с участием несовершеннолетних, в том числе вовлеченных в схемы дистанционного хищения денежных средств в качестве так называемых «дропов» и курьеров. Анализируются особенности механизма вовлечения подростков в мошенническую деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей, трудности квалификации содеянного по совокупности ст. 159 и ст. 150 УК РФ, специфика производства следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых и проблемы доказывания осведомленности подростка о преступном характере деятельности. Сформулированы предложения по совершенствованию методики расследования данной категории преступлений и профилактической работы.*

Ключевые слова: *мошенничество; несовершеннолетние; вовлечение в совершение преступления; дистанционные хищения; дропы; цифровые следы; методика расследования; допрос несовершеннолетнего; киберпреступность; профилактика.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROBLEMS OF INVESTIGATING FRAUD-RELATED CRIMES INVOLVING MINORS

Annotation. *The article examines a set of criminal law, forensic and procedural problems arising in the investigation of fraud committed with the participation of minors, including those involved in remote theft schemes as so-called “money mules” and couriers. The author analyzes the mechanism of involving adolescents in fraudulent activities through information and telecommunication networks, difficulties in qualifying acts under Articles 159 and 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, the specifics of investigative actions with minor suspects, and problems of proving the adolescent’s awareness of the criminal nature of the activity. Proposals are formulated to improve the methodology for investigating this category of crimes and preventive work*.

Key words: *fraud; minors; involvement in crime; remote theft; money mules; digital traces; investigation methodology; interrogation of a minor; cybercrime; prevention.*

Цифровая трансформация преступности, наблюдаемая в последнее десятилетие, привела к качественному изменению структуры мошеннических посягательств. По данным официальной статистики, доля преступлений,

совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, устойчиво превышает четверть от общего числа зарегистрированных преступлений, при этом значительную часть из них составляют дистанционные мошенничества. Одной из наиболее тревожных тенденций последних лет стало системное вовлечение организаторами мошеннических схем несовершеннолетних – в качестве «дропов» (лиц, предоставляющих свои банковские карты и счета для транзита похищенных средств), курьеров, забирающих наличные деньги у потерпевших, операторов «колл-центров», а также лиц, осуществляющих регистрацию сим-карт и электронных кошельков.

Привлекательность несовершеннолетних для организаторов преступных схем объясняется рядом факторов: пониженным порогом критического мышления подростков, их активным присутствием в социальных сетях и мессенджерах, где осуществляется вербовка, стремлением к «быстрому заработку», а также расчетом организаторов на снисходительность правосудия к несовершеннолетним и на сложность доказывания умысла подростка.

Степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной. Отдельные аспекты противодействия дистанционным мошенничествам исследовались в работах А.Л. Осипенко, В.В. Бычкова, Е.Р. Россинской, В.А. Мещерякова [1; 2; 3; 4], проблемы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность – в трудах представителей криминологической школы А.И. Долговой [5]. Вместе с тем комплексного криминалистического осмысления именно расследования мошенничеств с участием несовершеннолетних, учитывающего двойственный процессуальный статус подростка (одновременно субъекта преступления и жертвы вовлечения), в современной литературе не представлено.

Цель настоящей статьи – выявление и систематизация проблем, возникающих при расследовании преступлений мошеннической направленности, совершаемых с вовлечением несовершеннолетних, и выработка предложений по их разрешению. Задачи: охарактеризовать механизм вовлечения несовершеннолетних в мошеннические схемы; проанализировать проблемы квалификации; выявить организационно-тактические трудности расследования; сформулировать рекомендации по совершенствованию следственной практики.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный метод), а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, метод изучения материалов следственной и судебной практики.

Криминалистический анализ материалов уголовных дел позволяет выделить типичный механизм вовлечения подростков в мошенническую деятельность. Вербовка осуществляется преимущественно дистанционно: через мессенджеры, социальные сети, игровые платформы и тематические каналы с объявлениями о «легком заработке». Организаторы используют многоступенчатую систему конспирации: непосредственный контакт с подростком осуществляет «куратор», личность которого скрыта за анонимными аккаунтами, оплата производится на электронные кошельки или в криптовалюте, инструкции даются дозированно, что позволяет поддерживать у вовлекаемого иллюзию законности деятельности либо неопределенность ее характера [2; 6].

Можно выделить следующие типичные роли несовершеннолетних в мошеннических схемах: 1) «дроп» – предоставление банковской карты, счета, доступа к личному кабинету банка для транзита и обналичивания похищенных средств; 2) курьер – получение наличных денежных средств от потерпевших (как правило, в схемах типа «родственник попал в беду»); 3) «технический персонал» – оформление сим-карт, регистрация аккаунтов, аренда абонентских номеров; 4) непосредственный исполнитель обманных действий – оператор связи с потерпевшим. Как отмечается в литературе, феномен «дропперства» приобрел в подростковой среде характер своеобразной субкультуры, в которой передача банковской карты за вознаграждение не воспринимается как противоправное деяние [6; 7].

Особую сложность представляет то обстоятельство, что несовершеннолетний в подобных схемах выступает одновременно в двух качествах: как лицо, участвующее в совершении мошенничества (или содействующее ему), и как жертва вовлечения в преступную деятельность со стороны взрослых организаторов. Эта двойственность предопределяет специфику предмета доказывания и тактики расследования.

Первая группа проблем носит квалификационный характер. При установлении факта вовлечения несовершеннолетнего совершеннолетним лицом содеянное подлежит квалификации по совокупности соответствующей части ст. 159 УК РФ и ст. 150 УК РФ. Однако на практике вменение ст. 150 УК РФ затруднено: дистанционный и анонимный характер вербовки не позволяет в большинстве случаев установить личность «куратора» и доказать его осведомленность о несовершеннолетнем

возрасте вовлекаемого. Между тем достоверное знание виновным о возрасте вовлекаемого либо допущение этого обстоятельства является обязательным признаком субъективной стороны состава, что подтверждается устойчивой позицией высшей судебной инстанции и доктрины [5; 8].

Вторая квалификационная проблема – определение формы соучастия и роли несовершеннолетнего. Подросток-«дроп», предоставивший карту, может рассматриваться как пособник (ч. 5 ст. 33, ст. 159 УК РФ), как исполнитель легализации (ст. 174, 174.1 УК РФ), а при недоказанности умысла на участие в хищении – вообще не подлежать уголовной ответственности. Следственная практика по данному вопросу противоречива [7; 9]. Ключевым вопросом доказывания становится осведомленность несовершеннолетнего о преступном происхождении средств, проходящих через его счет. Косвенными доказательствами такой осведомленности служат: содержание переписки с «куратором», явная несоразмерность вознаграждения характеру «услуги», использование конспиративной лексики, систематичность операций, предшествующая блокировка карт банками по признакам сомнительных операций.

Третья проблема связана с возрастом субъекта. Уголовная ответственность за мошенничество наступает с 16 лет, тогда как организаторы целенаправленно вербуют лиц 14–15 лет, заведомо не подлежащих ответственности по ст. 159 УК РФ. В таких случаях взрослый организатор должен признаваться посредственным исполнителем (ч. 2 ст. 33 УК РФ), однако его неустановление фактически приводит к безнаказанности всех участников схемы. Введение Федеральным законом от 31.07.2025 уголовной ответственности за неправомерную передачу электронных средств платежа (ст. 187.1 УК РФ в редакции законодателя о противодействии «дропперству») частично закрывает этот пробел, однако порождает новые вопросы о соотношении составов и о применимости новеллы к несовершеннолетним.

Расследование подобных преступлений сталкивается с разнообразными проблемами в методике. Во-первых, это проблема работы с цифровыми следами. Основной массив доказательственной информации по данной категории дел сосредоточен в цифровой среде: переписка в мессенджерах, сведения о движении средств по счетам, IP-адреса, данные о геолокации, логи криптовалютных транзакций. Е.Р. Россинская обоснованно указывает на необходимость формирования целостной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, отмечая неготовность значительной части следователей к самостоятельной работе с цифровыми следами [3]. Применительно к делам с участием несовершеннолетних проблема усугубляется тем, что подростки активно используют функции автоматического удаления сообщений, анонимные аккаунты и устройства, оформленные на третьих лиц. Своевременное изъятие и осмотр мобильного устройства несовершеннолетнего подозреваемого с участием специалиста становится решающим следственным действием, при этом возникают сложные вопросы соблюдения тайны переписки и получения судебного решения [4; 10].

Во-вторых, проблема установления организаторов. Многоуровневая структура мошеннических групп, трансграничный характер деятельности «колл-центров», использование анонимизирующих технологий приводят к тому, что к ответственности привлекаются преимущественно низовые звенья – курьеры и «дропы», среди которых высока доля несовершеннолетних, тогда как организационное ядро остается вне досягаемости. А.Л. Осипенко справедливо отмечает, что эффективное противодействие сетевой организованной преступности невозможно без развития оперативно-разыскных возможностей в цифровой среде и международного сотрудничества [1]. В зарубежной литературе аналогичная проблема описана применительно к феномену «money mules» (специальный термин, обозначающий дропов): исследователи констатируют, что вербовка молодежи в качестве финансовых посредников является типовым элементом организованного онлайн-мошенничества, а правоохранительная реакция концентрируется на наиболее уязвимых и заменимых участниках схем [11; 12].

В-третьих, тактико-психологические проблемы производства следственных действий с несовершеннолетними. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) требует обязательного участия защитника, педагога или психолога (ст. 425 УПК РФ), ограничен по продолжительности и предполагает учет возрастных особенностей психики. Типичными трудностями являются: установление психологического контакта с подростком, занимающим позицию отрицания либо демонстрирующим лояльность «куратору»; преодоление добросовестного заблуждения подростка относительно правовой оценки его действий; диагностика самооговора либо, напротив, преуменьшения собственной роли. В литературе подчеркивается необходимость привлечения психолога не формально, а

содержательно – для подготовки допроса, выбора формулировок вопросов и оценки достоверности показаний. Целесообразно также назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы для установления способности несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (ч. 3 ст. 20 УК РФ), особенно при наличии признаков отставания в психическом развитии.

В-четвертых, проблема обеспечения двойного процессуального статуса. Если в отношении несовершеннолетнего установлены признаки вовлечения его в преступление взрослым лицом, материалы в этой части подлежат выделению, а подросток приобретает по выделенному делу статус потерпевшего. На практике такое выделение производится далеко не всегда, что нарушает права несовершеннолетнего и ослабляет доказательственную базу по ст. 150 УК РФ.

Расследование рассматриваемой категории дел неотделимо от профилактической составляющей. Криминологические исследования показывают, что типичный портрет вовлекаемого подростка не сводится к социально неблагополучным группам: в схемы «дропперства» вовлекаются и учащиеся благополучных семей, мотивированные потребительскими стандартами цифровой среды [5; 6]. Зарубежные исследования виктимности при онлайн-мошенничестве (C. Cross, M. Button) демонстрируют, что молодые пользователи, вопреки распространенному мнению, не менее, а в ряде сегментов более уязвимы к отдельным видам онлайн-обмана, чем старшие возрастные группы [11; 12].

Это диктует необходимость включения в методику расследования обязательного профилактического блока: установление каналов и обстоятельств вербовки, внесение представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, взаимодействие с подразделениями по делам несовершеннолетних, образовательными организациями и кредитными организациями (в части мониторинга «дроп-активности» по счетам несовершеннолетних). Значимым направлением является развитие финансовой и цифровой грамотности подростков, на что обращается внимание и в педагогико-правовой литературе [9].

Преступления мошеннической направленности с вовлечением несовершеннолетних следует рассматривать как самостоятельный объект частной криминалистической методики, специфика которой определяется: дистанционным механизмом вовлечения, двойственным статусом несовершеннолетнего (соучастник и жертва вовлечения), доминированием цифровых следов в доказательственной базе и многоуровневой структурой организованных групп.

В предмет доказывания по данной категории дел в обязательном порядке должны включаться: обстоятельства вовлечения несовершеннолетнего (канал вербовки, личность вербовщика, содержание инструкций); степень осведомленности подростка о противоправном характере деятельности; данные о психическом развитии несовершеннолетнего и условиях его жизни и воспитания (ст. 421 УПК РФ).

Целесообразна разработка на уровне ведомственных методических рекомендаций алгоритма первоначального этапа расследования, включающего: незамедлительное изъятие и экспертное исследование мобильных устройств; получение сведений о движении средств по счетам и связанных с ними устройствах; фиксацию переписки с «кураторами» до ее удаления; выделение материалов по признакам ст. 150 УК РФ.

Требуется углубление специализации следователей по делам о дистанционных хищениях и расширение практики создания следственно-оперативных групп с участием специалистов в области компьютерной информации, а также развитие межгосударственного взаимодействия для установления организаторов трансграничных «колл-центров».

Следственная профилактика должна быть дополнена системной информационно-просветительской работой с подростками о правовых последствиях «дропперства», с привлечением кредитных организаций и образовательных учреждений.

Вовлечение несовершеннолетних в мошеннические схемы представляет собой комплексную угрозу: оно не только расширяет ресурсную базу организованной преступности, но и криминализирует подростковую среду, формируя у молодежи толерантное отношение к участию в хищениях. Эффективное расследование данной категории преступлений требует сочетания современного криминалистического инструментария работы с цифровыми следами, ювенальной специфики производства следственных действий и активной профилактической позиции органов расследования. Дальнейшие научные исследования целесообразно направить на разработку полноструктурной частной методики расследования дистанционных мошенничеств, совершаемых организованными группами с участием несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет и новые подходы к противодействию ей // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 38–46.

[2] Бычков В.В. Дистанционное мошенничество: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 2. С. 41–48.

[3] Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 256 с.

[4] Мещеряков В.А. Цифровые следы в структуре механизма совершения преступления // Воронежские криминалистические чтения. 2020. № 22. С. 60–68.

[5] Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 1008 с.

[6] Иванова Л.В. Вовлечение несовершеннолетних в совершение дистанционных хищений: криминологический аспект // Виктимология. 2023. Т. 10, № 1. С. 75–83.

[7] Шебанов Д.В. Уголовно-правовая оценка деятельности «дропов» в механизме дистанционных хищений // Российский следователь. 2023. № 8. С. 45–49.

[8] Боровиков В.Б. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: вопросы квалификации // Уголовное право. 2021. № 5. С. 13–19.

[9] Долгиева М.М. Дропперство как новое явление в российской криминальной практике // Законность. 2022. № 4. С. 48–52.

[10] Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Цифровые следы как доказательства по уголовным делам // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26–29.

[11] Cross C. Theorising the impact of COVID-19 on the fraud victimisation of older persons // The Journal of Adult Protection. 2021. Vol. 23, № 2. P. 98–109.

[12] Button M., Cross C. Cyber Frauds, Scams and their Victims. London: Routledge, 2017. 230 p.

References:

[1] Osipenko A.L. Organized crime on the Internet and new approaches to countering it//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. S. 38-46.

[2] Bychkov V.V. Remote fraud: criminal law and forensic characteristics//Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2021. № 2. S. 41-48.

[3] Rossinskaya E.R. Theory of information and computer support of forensic activities: monograph. M.: Yurlitinform, 2022. 256 s.

[4] Meshcheryakov V.A. Digital traces in the structure of the crime mechanism//Voronezh forensic readings. 2020. № 22. S. 60-68.

[5] Criminology: a textbook for universities/ under the general. ed. A.I. Dolgova. 4th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2020. 1008 s.

[6] L.V. Ivanova. Involvement of minors in remote theft: criminological aspect//Victimology. 2023. VOL. 10, NO. 1. S. 75-83.

[7] D.V. Shebanov. Criminal law assessment of the activities of “drops” in the mechanism of remote theft//Russian investigator. 2023. № 8. S. 45-49.

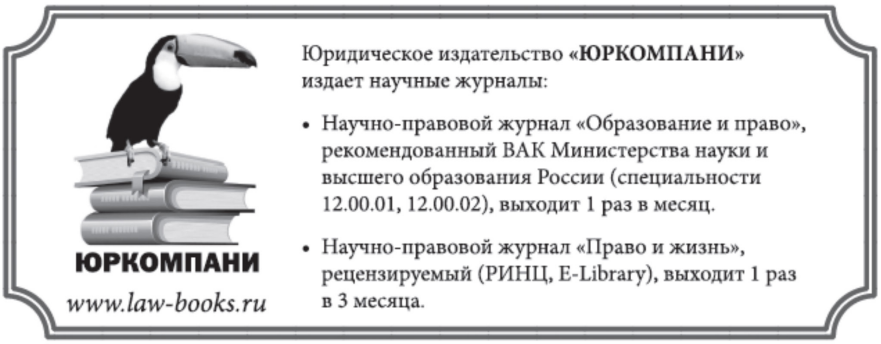
[8] Borovikov V.B. Involvement of a minor in the commission of a crime: issues of qualification// Criminal law. 2021. № 5. S. 13-19.

[9] Dolgieva M.M. Droppery as a new phenomenon in Russian criminal practice//Legality. 2022. № 4. S. 48-52.

[10] Bagmet AM, Skobelin S.Yu. Digital traces as evidence in criminal cases//Russian investigator. 2021. № 1. S. 26-29.

[11] Cross C. Theorising the impact of COVID-19 on the fraud victimisation of older persons // The Journal of Adult Protection. 2021. Vol. 23, № 2. P. 98–109.

[12] Button M., Cross C. Cyber Frauds, Scams and their Victims. London: Routledge, 2017. 230 p.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-770-774
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,

Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук,

e-mail: mr.kazberov@mail.ru

АСПЕКТЫ ЗНАНИЙ ОБ АВИТАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *Проблемный вопрос проявления авитального поведения осужденных, а соответственно и необходимости обучения работников пенитенциарной системы предотвращению такого крайне деструктивного поведения осужденных никогда не терял своей актуальности и значимости. Соответственно, знания об авитальном поведении осужденных в пенитенциарных учреждениях имеют особое значение в общей системе профессиональной подготовки пенитенциарных работников (повышение квалификации, переподготовка, самостоятельная подготовка).*

Авитальному поведению потенциального суицидента из числа осужденных, свойственны весьма яркие внешностные вариации проявления в рамках пресуицидального периода и двух его фаз: предиспозиционной и суицидальной. Достаточно часто суициденты-осужденные открыто высказывают желание покончить с собой, предпринимают попытки самоповреждений и суицидов, часть которых реализуется. Знания о характеристиках пресуицидального периода являются значимым подспорьем для пенитенциарных работников различных служб и отделов в направлении профилактики авитального поведения осужденных.

Целью статьи, таким образом, является раскрытие содержательных аспектов знаний об авитальном поведении осужденных с целью реализации профилактических мероприятий.

Задачи исследования: установление вероятных характеристик внешнего проявления авитального поведения осужденных в виде вербального высказывания намерений покончить с собой, а также в виде актов самоповреждения и завершенных суицидальных поступках, являющихся значимым психодиагностическим маркером профилактической работы с осужденными; определение фаз (периодов) пресуицидального периода авитального поведения осужденных, а также вербальных и поведенческих характеристик, свойственных рассматриваемым фазам; выявление существующих видов авитального поведения осужденных с определением и детализацией основных характеристик этих видов; проверка предположения о том, что возникновение и развитие авитального поведения осужденных усугубляется рядом дезадаптивных нарушений, таких как психические отклонения и аддикции, низкий духовно-нравственный потенциал, проблемы в семейных отношениях и т.д.

Рабочие гипотезы исследования: авитальное поведение осужденных ярко проявляется внешне в их открытых высказываниях о намерениях покончить с собой, реальных актах самоповреждения и завершенных суицидальных поступках, сопряженных с летальными исходами, что является значимым психодиагностическим маркером профилактической работы с осужденными; пресуицидальный период авитального поведения осужденных включает в себя предиспозиционную и суицидальную фазы, которым характерно: психологическая напряженность, беспокойство, перерастающее в состояние внутренней тревоги, ощущение безразличия и апатии, бессмысленности своего существования; существует четыре вида авитального поведения, определяющихся исходя из целей, которые преследует осужденный-суицидент: истинное авитальное поведение, скрытное авитальное поведение, импульсивное авитальное поведение, демонстративно-шантажное авитальное поведение; возникновение и развитие авитального поведения осужденных усугубляется рядом дезадаптивных нарушений, таких как психические отклонения и аддикции, низкий духовно-нравственный потенциал, проблемы в семейных отношениях и т.д.

Результаты исследования. Изучив проблемный вопрос проявления авитального поведения осужденных, а соответственно и необходимости обучения работников пенитенциарной системы предотвращению такого крайне деструктивного поведения осужденных, мы пришли к некоторым выводам. Авитальное поведение потенциального суицидента из числа осужденных, имеет весьма яркие внешностные вариации проявления в рамках пресуицидального периода и двух его фаз: предиспозиционной и суицидальной. Суицидент открыто высказывается о желании покончить с собой, предпринимает попытки самоповреждений и суицидов, часть которых реализуется. Знания о характеристиках пресуицидального периода являются значимым подспорьем для пенитенциарных работников различных служб и отделов в направлении профилактики авитального поведения осужденных. Анализ имеющейся теоретико-методической литературы определил четыре вида авитального поведения, дифференцированных исходя из целей, преследуемых осужденными-суицидентами: истинное авитальное поведение, скрытное авитальное поведение, импульсивное авитальное поведение и демонстративно-шантажное авитальное поведение.

Ключевые слова: *знания об авитальном поведении, виды авитального поведения, пресуицидальный период, обучение пенитенциарных работников, пенитенциарные сотрудники, суициды, демонстративно-шантажное поведение осужденных.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,

Leading researcher FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ASPECTS OF KNOWLEDGE ABOUT THE AVITAL BEHAVIOR OF CONVICTS

Annotation. *The problematic issue of avital behavior in convicts, and consequently the need to train penitentiary system employees to prevent such extremely destructive behavior, has never lost its relevance and importance. Accordingly, knowledge about the avital behavior of convicts in penitentiary institutions is particularly important in the overall professional training of penitentiary employees (advanced training, retraining, and independent training).*

The avital behavior of potential suicidal convicts is characterized by very pronounced external variations within the pre-suicidal period and its two phases: pre-dispositional and suicidal. Quite often, suicidal convicts openly express a desire to end their lives, attempting self-harm and suicide, some of which are realized. Knowledge of the characteristics of the pre-suicidal period is a significant aid for penitentiary employees of various services and departments in preventing avital behavior in convicts.

The purpose of this article is to uncover the substantive aspects of knowledge about the avital behavior of convicts for the implementation of preventive measures.

The objectives of the study are to establish probable characteristics of the external manifestation of avital behavior in convicts, such as verbal expressions of suicidal intent, as well as acts of self-harm and completed suicidal acts, which are significant psychodiagnostic markers for preventive work with convicts; to determine the phases (periods) of the pre-suicidal period of avital behavior in convicts, as well as the verbal and behavioral characteristics inherent in these phases; to identify existing types of avital behavior in convicts, defining and detailing the main characteristics of these types; to test the hypothesis that the emergence and development of avital behavior in convicts is aggravated by a number of maladaptive disorders, such as mental disorders and addictions, low spiritual and moral potential, problems in family relationships, etc. The working hypotheses of the study: the avital behavior of convicts is clearly manifested externally in their open statements about the intention to commit suicide, actual acts of self-harm and completed suicidal acts associated with fatal outcomes, which is a significant psychodiagnostic marker of preventive work with convicts; the pre-suicidal period of avital behavior of convicts includes predispositional and suicidal phases, which are characterized by: psychological tension, anxiety, developing into a state of internal anxiety, a feeling of indifference and apathy, the meaninglessness of one's existence; there are four types of avital behavior, determined based on the goals pursued by the convict-suicidal: true avital behavior,

secretive avital behavior, impulsive avital behavior, demonstrative-blackmail avital behavior; the emergence and development of avital behavior of convicts is aggravated by a number of maladaptive disorders, such as mental deviations and addictions, low spiritual and moral potential, problems in family relationships, etc. Research Results. Having studied the problematic issue of avital behavior in prisoners, and consequently the need for training penitentiary staff to prevent such extremely destructive behavior, we reached several conclusions. The avital behavior of potential suicidal prisoners exhibits very pronounced external variations within the pre-suicidal period and its two phases: pre-dispositional and suicidal. Suicidal individuals openly express a desire to end their lives and attempt self-harm and suicide, some of which are realized. Knowledge of the characteristics of the pre-suicidal period is a significant aid for penitentiary staff in various departments and services in preventing avital behavior in prisoners. An analysis of the available theoretical and methodological literature identified four types of avital behavior, differentiated based on the goals pursued by convicted suicidal individuals: true avital behavior, hidden avital behavior, impulsive avital behavior, and demonstrative-blackmail avital behavior.

Key words: *knowledge of avital behavior, types of avital behavior, pre-suicidal period, training of penitentiary workers, penitentiary employees, suicides, demonstrative-blackmailing behavior of convicts.*

Введение.

Собственно, авитальное поведение осужденных, проявляется внешне в их открытых высказываниях о намерениях покончить с собой, реальных актах самоповреждения и завершенных суицидальных поступках, сопряженных с летальными исходами.

Считается, что пресуицидальный период включает в себя две фазы или стадии: предиспозиционную и суицидальную [3, с. 47; 6, с. 20].

Первая из них характеризуется чрезмерной психологической напряженностью, лихорадочным поиском приемлемых путей и способов разрешения создавшейся критической ситуации. Отмечается фиксация внимания на «непреодолимых» жизненных трудностях, все чаще появляются мысли о нежелательном развитии событий. Ожидание негативных исходов вызывает повышенное беспокойство, перерастающее в состояние внутренней тревоги. Возникает ощущение безразличия и апатии, бессмысленности своего существования. Прошлое и настоящее оцениваются с позиции самообвинения, преувеличивается осознание собственных ошибок.

Гипотезы исследования:

авитальное поведение осужденных ярко проявляется внешне в их открытых высказываниях о намерениях покончить с собой, реальных актах самоповреждения и завершенных суицидальных поступках, сопряженных с летальными исходами, что является значимым психодиагностическим маркером профилактической работы с осужденными;

пресуицидальный период авитального поведения осужденных включает в себя предиспозиционную и суицидальную фазы, которым характерно: психологическая напряженность, беспокойство, перерастающее в состояние внутренней тревоги, ощущение безразличия и апатии, бессмысленности своего существования;

существует четыре вида авитального поведения, определяющихся исходя из целей, которые преследует осужденный-суицидент: истинное авитальное поведение, скрытное авитальное поведение, импульсивное авитальное поведение, демонстративно-шантажное авитальное поведение;

возникновение и развитие авитального поведения осужденных усугубляется рядом дезадаптивных нарушений, таких как психические отклонения и аддикции, низкий духовно-нравственный потенциал, проблемы в семейных отношениях и т.д.

Целью статьи выступает раскрытие содержательных аспектов знаний об авитальном поведении осужденных с целью реализации профилактических мероприятий.

Задачами, способствующими достижению цели исследования, выступают:

установление вероятных характеристик внешнего проявления авитального поведения осужденных в виде вербального высказывания намерений покончить с собой, а также в виде актов самоповреждения и завершенных суицидальных поступках, являющихся значимым психодиагностическим маркером профилактической работы с осужденными;

определение фаз (периодов) пресуицидального периода авитального поведения осужденных, а также вербальных и поведенческих характеристик, свойственных рассматриваемым фазам;

выявление существующих видов

авитального поведения осужденных с определением и детализацией основных характеристик этих видов;

проверка предположения о том, что возникновение и развитие авитального поведения осужденных усугубляется рядом дезадаптивных нарушений, таких как психические отклонения и аддикции, низкий духовно-нравственный потенциал, проблемы в семейных отношениях и т.д.

Методы, методики, использованные в работе: анализ, индукция, синтез, дедукция, анализа практики организации психологической и воспитательной работы с осужденными с авитальным поведением, обобщение, наблюдение и т.д.

Результаты исследования.

Отметим, что в случае углубления переживаний осужденным психотравмирующих ситуаций, обозначенных нами выше, возможно возникновение непосредственно суицидальной фазы. В случае, если при этом суицидент пытается переломить травмирующую его ситуацию и сделать ее более приемлемой, но это не получается, то формируется мысленная установка, что все действия и мысли напрасны и тщетны. Рассматриваемая суицидальная фаза (период), как правило, сопровождается попытками и завершенными актами аутоагрессии и суицида осужденного.

Результаты анализа имеющейся теоретико-методической литературы позволили определить, что исследователями рассматриваемого вопроса выделяются, как правило, четыре вида авитального поведения, исходя из целей, которые преследует осужденный-суицидент, это:

истинное авитальное поведение;

скрытное авитальное поведение;

импульсивное авитальное поведение;

демонстративно-шантажное авитальное поведение.

Значительные трагические события, которые в действительности пережил осужденный, которые пришлось ему осмыслить и попытаться принять, способны привести к истинным авитальным (аутоагрессивным) действиям, а в итоге и к летальному исходу.

Скрытное (косвенное) авитальное поведение реализуется осужденным с игровым мотивом таких действий. Здесь нет основательной осознанности необходимости уйти из жизни, человек более полагается на волю судьбы (игра со смертью).

Импульсивное авитальное поведение может характеризоваться некоторой аффективностью, неосознаваемостью в полной мере того, что делает осужденный-суицидент в данный момент, в том числе и по причине значительной динамики происходящего с человеком.

Демонстративно-шантажное авитальное поведение преследует функциональную цель, то есть цель вынудить социальное окружение (представителей администрации учреждения) выполнить желаемое им.

Результаты исследования показали, что специфическими для пенитенциарной системы ситуациями, сопряженными с особенностями исполнения наказания и субкультурными факторами, являются:

рассогласование между личностно значимыми целями, актуализированными потребностями и невозможностью их удовлетворения; трудности адаптации к метам лишения свободы;

резкое изменение образа жизни и стереотипов поведения;

следование неформальным нормам поведения, которые оправдывают и провоцируют совершение аутоагрессивных действий, своего рода субкультурное суицидальное влияние; межличностные конфликты с другими осужденными; угроза потерять занимаемый статус в криминальной субкультуре; конфликты с представителями администрации [4, с. 322; 5, с. 27].

Авитальная активность осужденных корреспондируется с возрастным диапазоном: от 20 до 30 лет (более половины случаев).

Эти тенденции согласуются с официальной статистикой и результатами прикладных исследований в области суицидологии, согласно которым молодые люди чаще, чем другие слои населения совершают суициды. Дело в том, что у них превалирует так называемая игровая мотивация, они совершают рискованные и авантюрные предприятия, не задумываясь об их негативных последствиях для себя лично и своего ближайшего социального окружения [2, с. 211].

Как уже указывалось выше, у осужденных возникновение и развитие дезадаптивных нарушений усугубляется дефицитом и проблемами в семейных отношениях, низким духовно-нравственным потенциалом, психическими отклонениями и аддикциями [1, с. 7].

Авитальная активность в местах лишения свободы, таким образом, характеризуется весьма определенными и ярко проявляющимися характеристиками и особенностями. Часть из этих характеристик указаны в нашей публикации, определяя, тем самым, приобретение необходимых знаний о закономерностях проявления различных форм авитальной активности.

Выводы, заключение.

В итоге, отметим, что авитальное поведение потенциального суицидента из числа осужденных, имеет весьма яркие внешностные вариации проявления в рамках пресуицидального периода и двух его фаз: предиспозиционной и суицидальной. Суицидент открыто высказывается о желании покончить с собой, предпринимает попытки самоповреждений и суицидов, часть которых реализуется. Знания о характеристиках пресуицидального периода являются значимым подспорьем для пенитенциарных работников различных служб и отделов в направлении профилактики авитального поведения осужденных.

Благодаря анализу имеющейся теоретико-методической литературы нами определены четыре вида авитального поведения, дифференцированных исходя из целей, преследуемых осужденными-суицидентами: истинное авитальное поведение, скрытное авитальное поведение, импульсивное авитальное поведение и демонстративно-шантажное авитальное поведение. Каждому из четырех указанных видов авитального поведения осужденных свойственны ярко выраженные содержательные характеристики, часть из которых раскрыты в данной публикации.

Список литературы:

[1] Вагин Ю.Р. Корни суицидальной активности // Суицидология. – 2011. – Т. 2, № 4(5). – С. 3-10.

[2] Вагин Ю.Р. Тифоанализ (теория влечения к смерти) // Труды Пермского образовательного научно-исследовательского центра авитальной активности. – Т. 1. – Пермь : ПОНИЦАА, 2003. – С. 210–246.

[3] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.

[4] Казберов П.Н. Диагностический инструментарий пенитенциарного психолога при организации профилактики авитальной активности в местах лишения свободы // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 321-325.

[5] Кулакова С.В. Факторы и механизмы формирования готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к обеспечению безопасности в пенитенциарных учреждениях // Глобальный научный потенциал. 2018. № 10(91). С. 27-28.

[6] Spielrein S. Die Destruction als Ursache des Werdens // Jarbuch fur psychanalytische und psychopatologische Forschungen. – 1912. – № 4. – С. 18-22.

References:

[1] Vagin Y.R. Roots of suicidal activity// Suicidology. – 2011. - T. 2, NO. 4 (5). - S. 3-10.

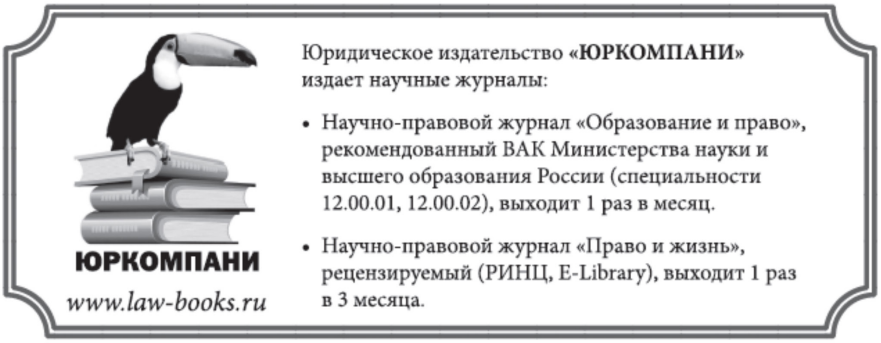
[2] Vagin Yu.R. Tifoanalysis (theory of attraction to death)//Proceedings of the Perm Educational Research Center for Avital Activity. - VOL. 1. - Perm: PONITSAA, 2003. - S. 210-246.

[3] Dmitrieva TB, Shostakovich BV Aggression and Mental Health. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 464 p.

[4] Kazberov P.N. Diagnostic tools of a penitentiary psychologist in organizing the prevention of avital activity in places of deprivation of liberty// Education and law. – 2023. – № 9. - S. 321-325.

[5] Kulakova S.V. Factors and mechanisms for building the readiness of employees of the penitentiary system to ensure security in penitentiary institutions//Global scientific potential. 2018. № 10(91). S. 27-28.

[6] Spielrein S. Die Destruction als Ursache des Werdens // Jarbuch fur psychanalytische und psychopatologische Forschungen. – 1912. – № 4. - S. 18-22.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-775-784

СЕМЕНОВ Александр Александрович,

научный сотрудник ФКУ НПО «СТиС» МВД России,

e-mail: mail@law-books.ru

ГОНЧАР Владимир Владимирович,

доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,

e-mail: vg0778@bk.ru

РАЗВИТИЕ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКУРРЕНТНЫХ И СПАЙКОВЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются альтернативные архитектуры нейросетей, включая спайковые и рекуррентные модели. Особое внимание уделяется механизмам памяти, обработке последовательных данных и проблемам обучения таких сетей. Описаны принципы работы LSTM и GRU, а также практические аспекты применения рекуррентных нейросетей в задачах анализа последовательностей.*

Ключевые слова: *нейросети, рекуррентные нейросети, RNN, LSTM, GRU, спайковые нейросети, нейроморфные вычисления, последовательности данных, память нейросети, backpropagation through time.*

SEMENOV Alexander Alexandrovich,

Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution "STIS" of the Ministry of Internal Affairs of Russia

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,

Associate Professor, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

DEVELOPMENT AND ARCHITECTURAL FEATURES OF RECURRENT AND SPIKING NEURAL NETWORKS

Annotation. *This article examines alternative neural network architectures, including spiking and recurrent models. Particular attention is paid to memory mechanisms, processing of sequential data, and training issues of such networks. The operating principles of LSTM and GRU are described, as well as practical aspects of applying recurrent neural networks to sequence analysis problems.*

Key words: *neural networks, recurrent neural networks, RNN, LSTM, GRU, spiking neural networks, neuromorphic computing, data sequences, neural network memory, backpropagation over time.*

Приступим к изучению разновидностей нейросетей. В свое время, когда еще преобладало мнение, что действительно полезная нейросеть должна быть подобна мышлению человека, полносвязные нейросети с этой точки зрения выглядели недостаточно убедительно, поскольку их аналогия с устройством биологических нейронов была «притянута за уши». В попытке придумать модель нейросети, более близкую к реальности, обратились к знаниям в области биофизики, которые давали следующее представление о том, как работают некоторые нейроны: нейрон принимает от предыдущих нейронов сигналы, складывающиеся в нем, как бы увеличивая его заряд; с течением времени заряд иссякает, но если он достигает определенного уровня, то инициирует передачу этим нейроном сигнала

другим нейронам. Нейросеть, состоящую из таких нейронов, назвали спайковой.

Спайковая нейросеть/импульсная нейросеть – нейросеть, состо элементарных элементов, моделирующих накопление и ис некоторого заряда с течением времени.

Из описанного механизма вытекает, что в спайковой нейросети посылка одним элементом сигнала следующему элементу зависит не только от свойств элемента, но также и от моментов времени, в которых он в свою очередь получил сигнал. Одно и то же число сигналов может либо привести к испусканию элементом сигнала (именно из этой аналогии на самом деле и проистекает название «функция активации», если входные сигналы получены за короткий промежуток времени, либо не привести, если они распределены во времени. При этом числовыми параметрами одного элемента, определяющими его поведение, являются значение заряда, при котором происходит передача сигнала, объем накапливаемого заряда с получением сигнала от другого элемента и скорость иссякания заряда.

Нейроморфные вычисления – область исследований, в которой пытаются найти совершенные математические выражения для описания устройства человеческого мозга и воплотить их в вычислительной технике для достижения значимых практических результатов.

Можно понять, что в нейросети с таким устройством ключевую роль будет играть именно ее архитектура, поскольку от нее будет зависеть, как минимум, число входов у каждого элемента и, следовательно, вероятность того, что элемент накопит достаточный заряд. Однако практических задач, на которых бы этот класс нейросетей явно продемонстрировал эффективность, пока не нашли, в связи с чем и не определились со способом их обучения – градиентным спуском или чем-то еще. С другой стороны, спайковые нейросети подражают биофизическим процессам лучше других придуманных нейросетей, в чем сторонники аналогии нейросетей с устройством мозга видят надежду на то, что спайковым нейросетям со временем будет найдено существенное применение. Грубо говоря, они предполагают, что спайковые нейросети хороши, просто люди пока не научились их учить.

Приметили также, что устройство спайковой нейросети достаточно хорошо может быть смоделировано аналоговым (т. е. таким, работа которого не разбита строго на такты, как у обычного процессора) физическим устройством, отсюда и появился интерес к разработке нейроморфных процессоров. С другой стороны, любые эксперименты со спайковыми нейросетями, разумеется, могут лежать только в математической плоскости, т. е. требуют конкретных математических моделей и формул, а их реализация (тем более обучение нейросети заранее не известным способом) на аппаратуре требует программируемости и, следовательно, создания цифрового вычислительного устройства. Этим объясняется беспорядок и путаница в области нейроморфных процессоров. Теоретически они должны быть аналоговыми, но делают цифровыми. От них ожидают решения перспективных задач, а каких конкретно и как обучить для решения этих задач нейросети – никто толком не знает.

Если отбросить биофизические аналогии, то от спайковых нейросетей остается следующая идея: элементам нейросети можно придавать некоторые переменные, значения которых могут модифицироваться и изменяться от одного использования нейросети к другому. Такую конструкцию можно интерпретировать как наличие памяти у нейросети, а можно – как генерацию в одном запуске нейросети части входных данных для следующего запуска, т. е. использование нейросетью себя же, в связи с чем за такими нейросетями закрепился термин «рекуррентные».

Рекуррентная нейросеть/RNN – нейросеть с памятью, т. е. такая нейросеть, генерирующая в результате запуска не только выходные значения, но и значения, которые будут использованы в следующем запуске ею же. Рекуррентной может называться не только вся нейросеть, но и ее отдельные слои, блоки или элементы, реализующие описанное свойство.

Эта идея хорошо подходит для задач, в которых данные сгруппированы в последовательности из однотипных переменных, особенно если длины этих последовательностей могут быть разными, например: перевод текстов с одного языка на другой, анализ звуковых данных, предсказание изменений экономических показателей по имеющимся измерениям и т. д.

Попробуем представить себе строение такой нейросети. Рассмотрим слой, у которого есть входные данные X и веса W, после выполнения вычислений некоторой функции f над которыми получаются выходные данные Y (рисунок 1, слева). В общем случае под этой схемой может скрываться любой обучаемый слой с одним входом и одним выходом. Сделаем так, чтобы этот слой умел запоминать последние выходные данные и использовать их при следующих вычислениях. Условимся, что он помнит последние вычисленные выходные данные Y под именем YПР. Функцию f и веса W придется модифицировать так, чтобы в вычислениях функции f совместно использовались X, YПР и W, в результате чего будут получаться выходные значения Y, которые будут передаваться на выход слоя, а также запоминаться для следующего запуска (рисунок 1, справа).

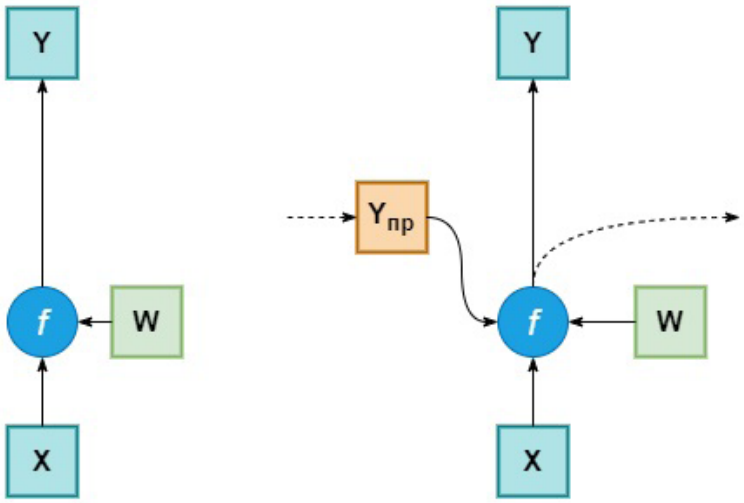

Рисунок 1.Функция и вес.

В общем случае X, W и Y могут быть многомерными массивами, а функция f сколько угодно сложной, т. е. этим способом можно сделать более сложную рекуррентную модификацию из обучаемого слоя любой природы (полносвязный, сверточный и т. д.).

Рассмотрим теперь решение задачи с помощью рекуррентной нейросети. Как было отмечено ранее, такие нейросети хорошо подходят для данных, составляющих некоторую последовательность. Общая схема применения рекуррентной нейросети приведена на рисунке 2. Нейросеть принимает на вход последовательность из некоторого числа (как минимум, одного) значений Xi, но не сразу вся, а по одному элементу за запуск. При этом несколько запусков нейросети нарисованы рядом, а пунктирными стрелками между ними проиллюстрирована передача запомненных значений. Начиная с определенного запуска (хоть с первого, хоть с последнего, хоть с любого другого), ее выходные значения интерпретируются как последовательность из нескольких (как минимум, одного) полезных данных Yj, которая вся попадает в лосс L для оценки качества нейросети (при обучении). В общем случае между рекуррентными слоями могут быть также и обычные слои.

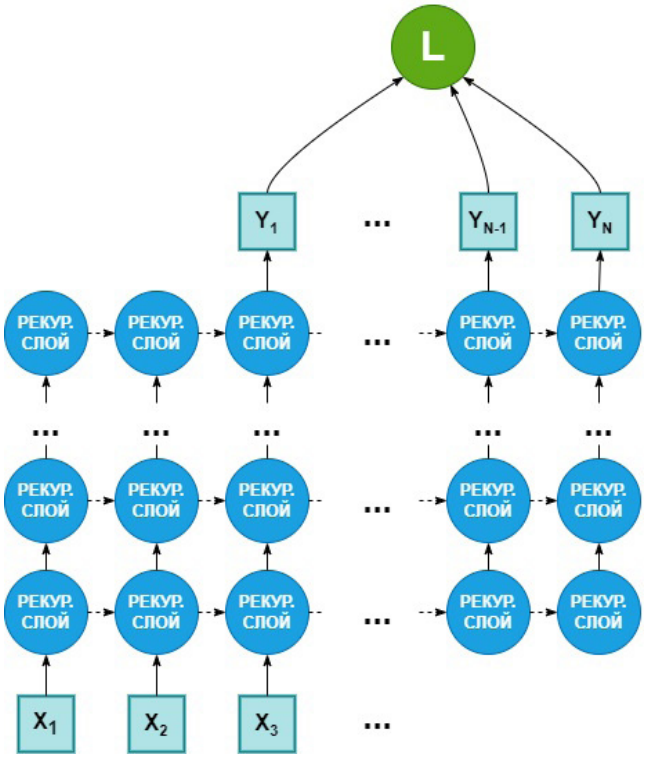

Рисунок 2. Общая схема применения рекуррентной нейросети.

Обратим внимание, что реализовать обучение такой нейросети методом обратного распространения ошибки не составит труда: оно будет выглядеть так же, как обучение нейросети, состоящей из нескольких параллельных ветвей, сходящихся к концу. Однако есть одно существенное отличие: на рисунке 2 одни и те же слои и, следовательно, их веса, отображены несколько раз, т. е. при вычислении градиента по весам каждое значение градиента будет состоять из нескольких слагаемых, по одному на каждый запуск нейросети. Эта техника применения обратного распространения ошибки называется «обратным распространением ошибки сквозь время» – backpropagation through time. Чтобы данный процесс не был бесконечным, его замыкают, для чего во время обучения ограничиваются последовательностями фиксированной длины. При этом начальные значения памяти каждого слоя заполняют чем-то, чаще всего – нулями, также поступают с входными данными запусков после того, как в нейросеть поступило последнее осмысленное значение Xi, а выходные данные нейросети до Y1 попросту игнорируют.

Процесс обучения рекуррентной нейросети мы описали, алгоритмически он все же получается более запутанным, чем для обычных, поэтому применяемые на практике слои несколько сложнее, чем на рисунке 1, рассмотрим их устройство.

Сверточные нейросети до определенного момента страдали от свойства градиентного спуска скорее изменять значения слоев в конце нейросети, нежели слоев в начале. В процессе обучения рекуррентных нейросетей эта проблема проявляется не только при большой длине нейросети, но также и при длинных последовательностях: градиентный спуск может изменять значения весов так, чтобы они реагировали в большей степени на последние попавшие в нейросеть данные, нежели на попавшие ранее. Как следствие, рекуррентные нейросети плохо работали с длинными последовательностями. Чтобы решить такую проблему, применили механизм: придумали от запуска к запуску запоминать в слое не только предыдущее выходное значение Y, но и некоторое значение S, которое бы в качестве слагаемого содержало, в том числе, аналогичное значение с предыдущего запуска SПР, схема подобного слоя приведена на рисунке 3, знаком «+» обозначено сложение двух массивов.

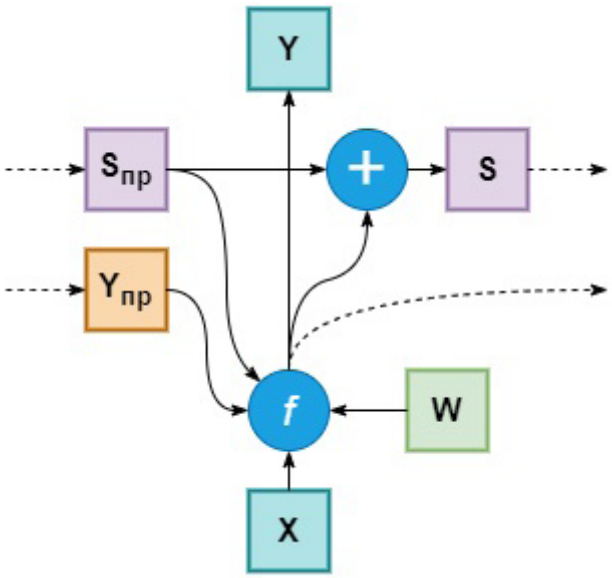

Рисунок 3. Схема слоя со значением S.

В разных практических задачах могут возникать разные последовательности с разным характером взаимосвязей между ними.

В некоторых последовательностях длина связи не влияет на ее значимость (например, связь слов в длинном сложноподчиненном предложении), в некоторых, напротив, может быть связана с ней на прямую (например, в последовательности видеокадров). Чтобы как-то навязать нейросети ту логику работы, которая (по предположению разработчика) лучше всего соответствует особенностям конкретной задачи, в рекуррентный слой добавляют дополнительные функции с определенными ролями. Пример такого построения с формулами приведен на рисунке 4, в нем:

буквой «**σ**» обозначена сигмоида, tanh означает функцию гиперболического тангенса;

символом «+» обозначено поэлементное сложение двух массивов одинаковой формы, символом «Ø» – поэлементное умножение двух массивов одинаковой формы;

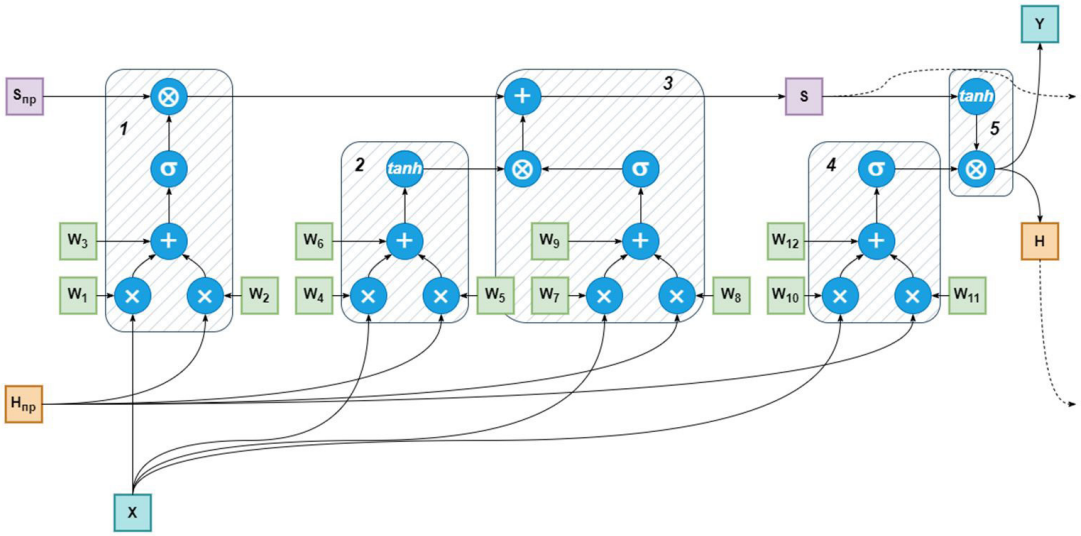
символом «×», в зависимости от типа данных, обозначено умножение двух чисел, умножение матрицы весов на вектор данных или выполнение операции свертки.

Как видно, один такой рекуррентный слой фактически состоит из нескольких других слоев. Когда его придумывали, рассуждали так:

Информация о нескольких предыдущих запусках, хранящаяся в S, может быть полезна или нет. Чтобы нейросеть могла отбросить эту информацию в необходимых обстоятельствах, нужно сделать так, чтобы эта информация умножалась на коэффициенты в диапазоне от 0 до 1, зависящие от X и НПР. Для этого (заштрихованная зона 1 на рисунке 4) выполняют перемножение этих данных с весами W1 и W2, добавляют к результату биас (биасы) W3, после чего к полученному массиву применяют сигмоиду, а полученные после нее значения домножают поэлементно на значения СПР.

Чтобы контролировать, насколько большую долю вновь вычисленные значения (заштрихованная зона 2 на рисунке 4) буду составлять в значении S, нужно эти значения домножить на коэффициенты в диапазоне от 0 до 1, зависящие от X и НПР, и только тогда прибавить к СПР (заштрихованная зона 3 на рисунке 4).

Только часть полученного значения S должна быть передана в качестве выходного значения, эту долю определят коэффициенты в диапазоне от 0 до 1, зависящие от X и НПР (заштрихованая зона 4), которые будут потом поэлементно умножены на значения S, предварительно подвергнутые преобразованию функцией гиперболического тангенса (заштрихованная зона 5 на рисунке 4).

$$G_1 = \sigma(W_1 \times X + W_2 \times H_{\text{ПР}} + W_3),$$
$$G_2 = \sigma(W_7 \times X + W_8 \times H_{\text{ПР}} + W_9),$$
$$G_3 = \sigma(W_{10} \times X + W_{11} \times H_{\text{ПР}} + W_{12}),$$
$$S = G_1 \otimes S_{\text{ПР}} + G_2 \otimes tanh(W_4 \times X + W_5 \times H_{\text{ПР}} + W_6), H = Y = G_3 \otimes tanh(S)$$

Рисунок 4. Пример построения с формулами.

Как видно, функциям G1, G2 и G3 в приведенном примере придается как бы роль светофоров. При этом нет никакой гарантии, что математический смысл операций в обученной нейросети будет соответствовать той логике, которая была придана изначально при составлении слоя. Такое распределение ролей существует только в воображении разработчика и нужно для того, чтобы помочь ему не запутаться и гипотетически обосновать, что сконструированный рекуррентный слой может полностью выполнить свою часть задачи. Функции указанного типа называются «воротами».

Ворота/вентили/глазки/gates – комбинации функций в рекуррентных слоях, которым при построении рекуррентного слоя мысленно придается какая-то регулирующая роль. Разные схемы построения рекуррентных слоев отличаются, в первую очередь, разным количеством и порядком использования ворот и, как следствие, немного разными свойствами.

Hidden state и memory cell – термин, которым в контексте рекуррентных слоев иногда называют сохраненное выходное значение H и передаваемое значение S, соответственно. Обозначаются чаще всего, соответственно, H и C (автор использовал в тексте букву «S» по той причине, что в русскоязычном тексте латинская буква «C» легко путается с кириллической).

LSTM/Long short-term memory – схема построения рекуррентного слоя, в которой, помимо hidden state, есть memory cell. Существуют разные вариации LSTM с разным набором ворот.

GRU/Gated recurrent unit – наиболее популярная схема построения рекуррентного слоя среди отличных от LSTM. Существуют разные вариации GRU с разным набором ворот.

В зависимости от того, какие данные обрабатываются рекуррентным слоем, выбирается соответствующая операцию «×». Например, если нейросети обрабатывает картинки, то X и Y будут трехмерными картами признаков, соответственно, также трехмерными картами признаков будут S и H. В таком случае один рекуррентный слой будет содержать в себе восемь сверточных слоев, пять слоев активации, один слой поэлементного сложения (eltwise) и три слоя поэлементного умножения.

При этом все восемь сверточных слоев выполняются параллельно, не друг за другом, т. е. они не позволяют выстроить несколько уровней признаков, как это позволили бы сделать восемь последовательных слоев. Таким образом, для получения признака определенного уровня понадобится столько же рекуррентных слоев, сколько понадобилось бы не рекуррентных.

Как видно, замена полносвязной или сверточной нейросети на рекуррентный аналог усложняет нейросеть на порядок. Однако на практике так делать и не нужно. Вместо этого пытаются по природе задачи интуитивно предположить, на каком уровне или нескольких уровнях признаков целесообразно сопоставление данных признаков между несколькими запусками нейросети, в соответствии с чем в нейросети предусматривают один или несколько рекуррентных слоев, а оставшиеся части нейросети составляют из обычных слоев. Чем больше таких уровней, тем больше рекуррентных слоев и меньше обычных. Соответственно, полностью рекуррентные нейросети целесообразнее применять в тех задачах, в которых вся содержательная информация раскрывается именно в последовательности входных данных, а не в отдельной единице (например, при классификации текста).

Примерами задач, решаемых как с помощью обычных нейросетей, так и с помощью рекуррентных, является обнаружение объектов на видео или классификация видео. С помощью обычной сверточной нейросети можно обработать каждый кадр видео, но часть информации может содержаться только непосредственно в последовательности кадров (например, направление движения предметов на видео). Поэтому полезно каким-то образом сопоставлять результаты обработки нескольких кадров. Если при этом особенности задачи не диктуют какой-нибудь очевидный алгоритм такого сопоставления, то поиск этого алгоритма целесообразно возложить на нейросеть.

Для задачи классификации видео (например, определения темы видеоролика) можно предложить архитектуру нейросети, которая будет выполнять сверточную обработку кадра и после сопоставлять выявленные признаки между несколькими кадрами, в результате чего давать признаки классов (рис. 9.5, сверху). В задаче детекции объектов объекты разного размера могут обнаруживаться на разных слоях нейросети, принимая это во внимание можно составить сверточную нейросеть, в которой после каждого пулинга будет следовать один рекуррентный сверточный слой, а после последнего будет обычная для задачи детекции постобработка. Например, первая схема успешно применена для выявления сцен насилия 13F [2], а вторая – для выявления объектов, масштаб которых может в разы меняться от кадра к кадру (рисунок 5) 14F [1].

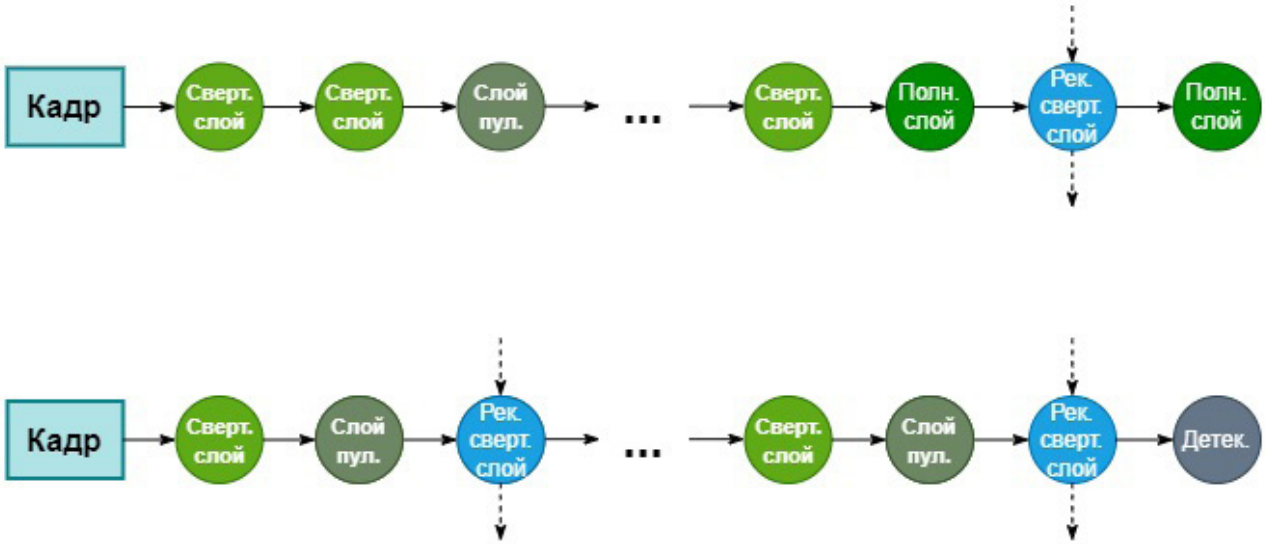

Рисунок 5. Схемы выявления нейросетями сцен.

В первом приведенном примере авторы применили двустороннюю рекурсию. Этот прием целесообразен в случаях, когда можно себе представить анализ (или генерацию) последовательности как в прямом, так и в обратном порядке (например, если нейросеть используется для перевода текстов с языка на язык, а в языках используется разный порядок членов предложения). При использовании такого приема значения Y и H уже не совпадают, а вместо одного значения H имеются два значения H1 и H2, одно из которых передается в одном направлении, а другое – в противоположном. Значение Y вычисляется на основе обоих значений H1 и H2. Наиболее простая схема реализации этого принципа без деталей приведена на рисунке 6.

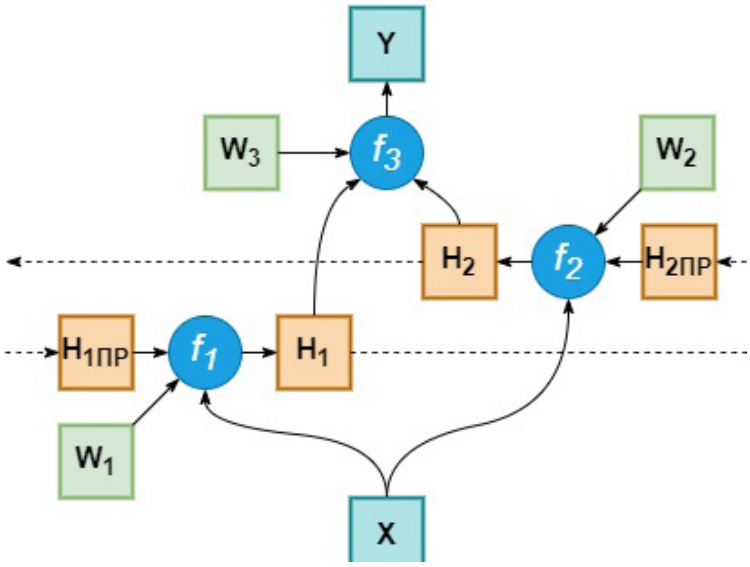

Рисунок 6. Простая схема реализации принципа без деталей.

Двусторонняя рекурсия не мешает применению метода обратного распространения ошибки, но несколько затрудняет процесс: просчет невязок так, как это показано на рисунке 2, может выполняться только строго от слоя к слою, при чем на каждом слое часть невязок, связанных со значением H1, вычисляются в одном направлении (от первого запуска к последнему), а часть, связанная с H2, наоборот, в обратном.

Список литературы:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. // Research Gate. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_ Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b265892851cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. // CVF Open Access. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_ Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. // Research Gate. – URL: https://www. researchgate.net/publication/301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (дата обращения: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (дата обращения: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (дата обращения: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural

networks. 2012. // NeurIPS Proceedings. – URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e 924a68c45b-Paper.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for Convolutional Neural Networks. 2015. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (дата обращения: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (дата обращения: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (дата обращения: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (дата обращения: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (дата обращения: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (дата обращения: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. // arXiv.org. – URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (дата обращения: 11.01.2026).

[16] Официальный сайт ONNX. – URL: https://onnx.ai/ (дата обращения: 11.01.2026).

[17] Основы технологий искусственного интеллекта: учебное пособие/ А.А. Семенов, В.В. Гончар, А.С. Эрдниев. – Московский университет МВД России имени В.Я, Кикотя, 2025. – 190с.

[18] Финансовый мониторинг: учебное пособие / В.И. Глотов, А.У. Альбеков, О.Н. Тисен и др. – КноРус, 2022. – 198 с.

[19] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018, №9. С. 51-54.

[20] Овчинский А.С., Аветисян К.Р. Аудиальные воздействия на участников массовых мероприятий как объект административно-правового регулирования// Вестник Московского университета МВД. 2015. № 1-. С. 293-297.

[21] Зиборов О.В., Аветисян К.Р. Комплексный подход при противоборстве организации массовых беспорядков// Вестник Московского университета МВД. 2023. № 7. С. 100-104.

References:

[1] Chen Zhang, Joohee Kim Video object detection with two-path convolutional LSTM pyramid. 2016. // Research Gate. – URL: https://www.researchgate.net/publication /343702579_ Video_Object_Detection_With_ Two-Path_ Convolutional_LSTM_ Pyramid/fulltext/5f3b265892851cd302013482/Video-Object-Detection-With-Two-Path-Convolutional-LSTM-Pyramid.pdf/ (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Hanson A., Koutilya PNVR, Sanjukta Krishnagopal, Larry Davis Bidirectional Convolutional LSTM for the Detection of Violence in Videos. 2018. // CVF Open Access. – URL: https://openaccess.thecvf.com/content_eccv_2018_workshops/w10 /html/Hanson_Bidirectional_Convolutional_LSTM_or_the_Detection_of_ Violence_in_ Videos_ ECCVW_2018_paper.html (дата обращения: 15.01.2026).

[3] Howard A.G., Menglong Zhu, Bo Chen, Kalenichenko D. MobileNets: Efficient Convolutional Neural Networks for Mobile Vision Applications. 2017. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04861/ (access date: 11.01.2026).

[4] Iandola F.N., Han S., Moskewicz M.W., Ashraf K., Dally W.J., Keutzer K. SqueezeNet: AlexNet-level accuracy with 50x fewer parameters and <0.5MB model size Recognition. 2016. Published as a conference paper at ICLR. 2015. // Research Gate. – URL: https://www. researchgate.net/publication/301878495_SqueezeNet_AlexNet-level_accuracy_with_50x_fewer_ parameters_ and_05MB_model_size (дата обращения: 10.01.2026).

[5] Ioffe S., Szegedy C. Batch Normalization: Accelerating Deep Network Training by Reducing Internal Covariate Shift. 2015. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1502.03167/ (access date: 13.01.2026).

[6] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Deep Residual Learning for Image Recognition. 2015. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1512.03385 (access date: 11.01.2026).

[7] Kaiming He, Xiangyu Zhang, Shaoqing Ren, Jian Sun Spatial pyramid pooling in deep convolutional networks for visual recognition. 2015. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1406.4729/ (access date: 11.01.2026).

[8] Krizhevsky I., Sutskever I., Hinton G.E. Imagenet classification with deep convolutional neural networks. 2012. // NeurIPS Proceedings. - URL: https://proceedings.neurips.cc/paper_files/paper/2012/file/c399862d3b9d6b76c8436e924a68c45b-Paper.pdf (accessed on: 12.01.2026).

[9] Lavin A., Scott Gray Fast Algorithms for

Convolutional Neural Networks. 2015. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/abs/1509.09308 (access date: 11.01.2026).

[10] Mikolov T., Kai Chen, Corrado G., Jeffrey Dean Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. 2013. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/abs/1301.3781 (access date: 15.01.2026).

[11] Norman P. Jouppi, Cliff Young, Nishant Patil and others In-Datacenter Performance Analysis of a Tensor Processing Unit. 2017. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1704.04760 (access date: 11.01.2026).

[12] Ronneberger O., Fischer Ph., Brox Th. U-Net: Convolutional Networks for Biomedical Image Segmentation. 2015. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1505.04597/ (access date: 13.01.2026).

[13] Szegedy C., Wei Liu, Chapel Hill, Yangqing Jia, Pierre Sermanet, Scott Reed, Dragomir Anguelov, Dumitru Erhan, Vincent Vanhoucke, Andrew Rabinovich Going Deeper with Convolutions. 2014. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1409.4842 (accessed on: 12.01.2026)

[14] Simonyan K., Zisserman A. Very Deep Convolutional Networks for Large-Scale Image Recognition. 2015. Published as a conference paper at ICLR 2015. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1409.1556 (access date: 10.01.2026).

[15] Wei Liu, Anguelov D., Erhan D., Szegedy C., Reed S., Cheng-Yang Fu, Berg A.C. SSD: Single Shot MultiBox Detector. 2016. // arXiv.org. - URL: https://arxiv.org/pdf/1512.02325 (access date: 11.01.2026).

[16] ONNX official website. - URL: https://onnx.ai/ (access date: 11.01.2026).

[17] Fundamentals of artificial intelligence technologies: a textbook/A.A. Semenov, V.V. Gonchar, A.S. Erdniev. - Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya, Kikotya, 2025. - 190s.

[18] Financial monitoring: training manual/V.I. Glotov, A.U. Albekov, O.N. Tisen et al. - KnoRus, 2022. - 198 s.

[19] Tisen O.N. Countering modern methods and methods of recruitment to international terrorist organizations//Russian Justice. 2018, №9. S. 51-54.

[20] Ovchinsky A.S., Avetisyan K.R. Audio effects on participants of mass events as an object of administrative and legal regulation//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. 2015. № 1-. S. 293-297.

[21] Ziborov O.V., Avetisyan K.R. An integrated approach to confronting the organization of mass riots//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. 2023. № 7. S. 100-104.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-785-790

МАРКАРОВ Михаил Давидович,

аспирант ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», руководитель следственного отдела по городу Солнечногорск Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области,

e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ ОПЕРАТОРА ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРАВИЛ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Аннотация. *Рассмотрено правовое значение информационной системы в механизме существования и оборота цифровых прав. Определена юридическая природа устанавливаемых оператором правил и выявлены пределы его усмотрения при их формировании и последующем изменении. Предложено разграничивать технические, организационно-учетные и договорные условия функционирования информационной системы. Сформулированы предложения по защите пользователей при изменении правил и совершенствованию предварительного контроля со стороны Банка России.*

Ключевые слова: *цифровые права, информационная система, оператор информационной системы, правила информационной системы, пределы усмотрения.*

MARKAROV Mikhail Davidovich,

Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba; Head of the Investigative Department for the City of Solnechnogorsk, Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Moscow Region

LIMITS OF DISCRETION OF THE INFORMATION SYSTEM OPERATOR IN ESTABLISHING RULES FOR THE EXERCISE OF DIGITAL RIGHTS

Annotation. *This article examines the legal significance of an information system in the mechanism for the existence and circulation of digital rights. It defines the legal nature of the rules established by the operator and identifies the limits of its discretion in their formation and subsequent amendment. It proposes distinguishing between technical, organizational, accounting, and contractual conditions for the functioning of the information system. Proposals are made to protect users when rules are changed and to improve preliminary control by the Bank of Russia.*

Key words: *digital rights, information system, information system operator, information system rules, limits of discretion.*

Включение цифровых прав в систему объектов гражданских прав сопровождалось формированием особого механизма их существования и оборота. Согласно статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) цифровыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права [1]. Их содержание и условия осуществления определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление цифрового права и распоряжение им допускаются только в соответствующей информационной системе. Буквальное толкование статьи 141.1 ГК РФ позволяет констатировать, что законодатель изначально ограничил усмотрение оператора информационной системы при определении правового режима цифровых прав. Виды обязательственных и иных прав, признаваемых цифровыми, устанавливаются федеральным законом, а содержание конкретного цифрового права определяется предусмотренным законом основанием его возникновения. Деятельность оператора, порядок функционирования информационной системы и содержание ее

правил регулируются специальными законами, а соблюдение установленных ими требований в отдельных случаях контролирует Банк России.

Из этого можно сделать вывод о том, что правила информационной системы, в которой осуществляется оборот цифровых прав, имеют иной характер по сравнению с правилами, регулирующими другие отношения участников гражданского оборота в информационной среде (в особенности платформенные отношения). Возникновение последних обычно предполагает акцепт заранее определенных условий оферты и воспроизводит модель заключения договора присоединения, основанную на принципе свободы договора. Полагаем, что информационная система входит в установленную законом конструкцию цифрового права как ее обязательный элемент, поскольку вне такой системы юридически невозможны осуществление цифрового права и распоряжение им. Для дальнейшего анализа определим место информационной системы в правовой конструкции цифрового права. Как указывает М.А. Рожкова, наличие электронной формы фиксации само по себе не позволяет отнести субъективное гражданское право к цифровым правам и не изменяет правовую природу существующего обязательственного или иного права [2]. Оператор информационной системы в связи с этим не создает новые виды имущественных благ и не определяет их правовой режим по собственному усмотрению, а обеспечивает предусмотренный законом способ существования и осуществления соответствующих прав. Обязательственное право, не отнесенное законом к цифровым, способно существовать и переходить к другому лицу независимо от платформы, на которой размещены сведения о нем. Утрата электронной записи в обычных платформенных отношениях не исключает возможности подтвердить обязательство договором, перепиской, платежными документами и иными доказательствами. Напротив, осуществление цифрового права предполагает наличие в информационной системе сведений о его принадлежности соответствующему лицу. Отсутствие такой записи исключает возможность осуществления права и распоряжения им внутри системы.

Поэтому необходимо разграничивать запись в информационной системе и удостоверенное ею субъективное гражданское право. Запись обеспечивает фиксацию принадлежности цифрового права и совершение операций с ним, однако не определяет содержание соответствующего требования. Содержание и объем права определяются законом и основанием его возникновения, тогда как информационная система обеспечивает установленный порядок его учета, осуществления и перехода к другому лицу.

Рассмотренное соотношение позволяет выделить два взаимосвязанных аспекта, характеризующих роль информационной системы в правовой конструкции цифрового права. В ней фиксируются принадлежность цифрового права и результаты совершенных операций. Одновременно система служит предусмотренной законом средой выражения юридически значимых распоряжений.

После определения значения информационной системы следует обратиться к юридической природе устанавливаемых оператором правил. Правила регулируют порядок функционирования системы, права и обязанности оператора и пользователей, условия допуска и иные организационные вопросы. Применительно к системам выпуска цифровых финансовых активов законодатель предусматривает участие Банка России в согласовании правил и вносимых в них изменений [3; 4]. Такое согласование придает правилам более формализованный характер, однако не исключает усмотрения оператора по вопросам, прямо не урегулированным законом и не охваченным предметом контроля со стороны регулятора. В части, регулирующей взаимоотношения оператора и пользователя, положения правил включаются в содержание заключаемого между ними договора. Если условия такого договора заранее определены оператором и могут быть приняты пользователем только путем присоединения (статья 428 ГК РФ). Вместе с тем правила информационной системы нельзя полностью отождествлять с условиями договоров присоединения, заключаемых в рамках обычных платформенных отношений, поскольку они определяют не только юридические условия взаимодействия сторон, но и технические возможности системы. Как верно отмечают П. Де Филиппи и С. Хассан, ограничения программного регулирования связаны с невозможностью полностью воспроизвести в алгоритме гибкость правовых норм [5]. Если система не позволяет совершить, зафиксировать или учесть определенную операцию, закрепление соответствующей возможности в правилах само по себе не обеспечивает ее реализацию. В результате внутри системы могут оказаться недоступными способы распоряжения правом, обычно осуществляемые вне нее (например, уступку требования, передачу права в залог и т.д.).

На указанную особенность обращает внимание В.К. Андреев в работе, посвященной проблемам адаптации обязательственных прав к обращению на инвестиционной платформе [6]. По мнению автора, единый порядок учета не

может определяться отдельными соглашениями оператора с каждым участником. Момент внесения записи, последовательность исполнения распоряжений и способы идентификации должны применяться единообразно ко всем участникам информационной системы. Поэтому организационное назначение правил выходит за пределы обычного двустороннего договора. В связи с этим представляется, что правила информационной системы, закрепляющие обусловленный ее техническими возможностями порядок совершения операций, обязательны для пользователя не только в силу заключенного с оператором договора, но и в силу закона.

Установив соотношение различных уровней регулирования, можно перейти к определению содержания усмотрения оператора платформы. Оно представляет собой предоставленную законом возможность выбрать один из нескольких допустимых способов организации информационной системы и взаимодействия ее участников. Необходимость определенной степени свободы обусловлена невозможностью исчерпывающего законодательного описания архитектуры каждой системы. Чрезмерно детальное регулирование технических вопросов создало бы зависимость правового режима от решений, подверженных быстрому технологическому устареванию.

По нашему мнению, усмотрение оператора информационной системы ограничено в большей степени, чем свобода договора, предоставленная участникам гражданского оборота (п. 2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ). Пределы такого усмотрения определяются предметом, целями и принципами специального регулирования. Техническая сложность информационной системы обусловливает повышенные требования к предсказуемости действий оператора. Для конкретизации пределов усмотрения оператора при формировании правил системы целесообразно выделить три группы регулируемых ими вопросов. К первой относятся технические параметры функционирования информационной системы, включающие особенности формирования программного ресурса. В этой части оператору может быть предоставлено наиболее широкое усмотрение. Он вправе самостоятельно выбирать используемые технологии, если они соответствуют требованиям законодательства. Вторую группу образуют организационно-учетные вопросы, непосредственно связанные с выпуском, учетом и реализацией цифровых прав. К ним относятся порядок внесения записей, исполнения распоряжений и т.д. Соответствующие правила должны соответствовать требованиям закона и решению о выпуске и не могут изменять содержание цифрового права или установленные законом условия его осуществления. Дискуссионным является вопрос о возможности оператора дополнять установленный законом порядок [7; 8; 9]. Представляется, что такая конкретизация допустима в части, прямо не урегулированной законодательством, при условии, что она не противоречит обязательным требованиям закона и не ограничивает предоставленные пользователю правомочия. Третья группа охватывает иные договорные условия использования платформы. Например, порядок предоставления дополнительных услуг, размер и порядок внесения платы, иные вопросы. В этой части отношения оператора и пользователя имеют обычный договорный характер, поэтому их условия могут дополняться и изменяться по соглашению сторон в пределах, установленных законом. При этом необходимо различать отношения с потребителем и отношения с лицом, использующим систему в предпринимательской или иной профессиональной деятельности. Условия договора с потребителем не должны ухудшать его положение по сравнению с правами, предоставленными законодательством о защите прав потребителей [10; 11], тогда как в отношениях с иными пользователями оператор обладает более широким усмотрением, ограниченным императивными нормами и существом соответствующих обязательств [12; 13].

Указанное разграничение имеет значение не только при первоначальном формировании правил, но и при их последующем изменении (статьи 310 и 421 ГК РФ). Допустимый объем усмотрения оператора в этой части зависит прежде всего от правовой природы соответствующего права. Если содержание права по своей природе допускает изменение либо такая возможность предусмотрена законом или решением о выпуске, корректировка правил является допустимой. При этом возможность, основания и пределы соответствующих изменений должны быть предусмотрены правилами, действовавшими на момент возникновения права. Оценка допустимости изменений, как указывалось выше, зависит также от правового статуса пользователя. Измененные условия не должны ухудшать положение пользователя-физического лица по сравнению с правами, предоставленными ему законом, либо предоставлять оператору возможность произвольно изменять содержание обязательства. Следовательно, пределы усмотрения определяются не только их предметом, но также природой цифрового права, правовым статусом пользователя и первоначально установленным порядком функционирования системы. Особую сложность представляют случаи

прекращения доступа к системе вследствие отказа пользователя принять новую редакцию ее правил. В такой ситуации пользователь может лишиться технической возможности осуществлять уже возникшее цифровое право, хотя само право не прекращается. Представляется целесообразным предусмотреть для него возможность отчуждения цифрового права оператору информационной системы с получением эквивалентного имущественного предоставления (по аналогии с отчуждением долей участия в коммерческих корпоративных организациях[2]). Вопрос о круге лиц, которым должна предоставляться такая гарантия, требует отдельной оценки. Минимально она должна распространяться на пользователей, являющихся физическими лицами и не использующих информационную систему в предпринимательской деятельности. Вместе с тем неразрывная связь цифрового права с информационной системой позволяет поставить вопрос о распространении соответствующего механизма на всех пользователей. В качестве одного из возможных направлений совершенствования действующего законодательства предлагается закрепить в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ специальный порядок предварительного контроля изменений правил информационной системы. В рамках указанного порядка может быть предусмотрена обязанность оператора уведомлять Банк России о предполагаемых изменениях не менее чем за три месяца до предполагаемой даты их введения, представлять обоснование их необходимости и оценку последствий для обладателей ранее возникших цифровых прав. По результатам рассмотрения Банк России вправе потребовать повторного согласования правил или корректировки предлагаемых изменений, а при их противоречии закону либо нарушении прав пользователей отказать во введении новой редакции. Такой порядок позволит ограничить усмотрение оператора при изменении правил и обеспечить предварительную оценку последствий для пользователей.

В заключение отметим, что усмотрение оператора информационной системы имеет производный и функционально ограниченный характер. Его пределы зависят от характера регулируемого вопроса, правовой природы цифрового права, статуса пользователя и содержания правил, действовавших на момент возникновения права. Наиболее широкая свобода допустима при определении технических параметров функционирования системы, тогда как иные условия должны соответствовать закону и решению о выпуске, Последующее изменение правил не должно лишать пользователя возможности осуществлять принадлежащее ему цифровое право. Обеспечению такого баланса могут способствовать усиление предварительного контроля со стороны регулятора и закрепление способов защиты имущественных прав пользователя при прекращении доступа к информационной системе.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Рожкова М.А. Цифровые права (digital rights) – что это такое и нужны ли они в Гражданском кодексе? // Закон.ру. 2020. 17 августа. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_ digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse (дата обращения: 12.06.2026).

[3] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018.

[4] Положение Банка России от 16 декабря 2020 г. № 746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, о порядке и сроках представления операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов в Банк России сведений о лицах, распоряжающихся акциями (долями) указанных операторов, а также о порядке представления и согласования Банком России изменений в правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск

2 Аналогия проводится с предусмотренными корпоративным законодательством случаями перехода доли участия в пользу корпорации с последующей выплатой участнику ее действительной стоимости. Она не означает отождествления информационной системы с коммерческой корпорацией. Сходство состоит в замкнутости системы и ограничении распоряжения соответствующим правом. Отчуждение доли третьим лицам может быть ограничено законом или уставом корпорации, равно как и осуществление цифрового права и распоряжение им допускаются только в информационной системе. Поэтому при утрате возможности осуществлять цифровое право внутри системы может быть предусмотрен его переход к оператору с выплатой пользователю стоимости такого права.

цифровых финансовых активов, изменений в правила обмена цифровых финансовых активов» // Вестник Банка России. 2021. № 7 (2247).

[5] De Filippi P., Hassan S. Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code Is Law to Law Is Code // First Monday. 2016. Vol. 21. No. 12.

[6] Андреев В.К. Проблемы адаптации обязательственных прав к обращению в инвестиционной платформе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 85-90.

[7] Климова А.Н. Особенности реализации принципа свободы договора в предпринимательских договорах // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 57-63.

[8] Мечетин Д.В. Пределы правового регулирования договорных отношений // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 57-61.

[9] Гордеев П.А. Диспозитивность в регулировании гражданских правоотношений. Теоретико-методологический анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4 (106). С. 79-85.

[10] Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 28 декабря 2025 г., с изм. от 17 февраля 2026 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. 2012. 11 июля. № 156.

[12] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

[13] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 (ред. от 22 июня 2021 г.) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. 4 апреля. № 70.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.

[2] Rozhkova M.A. Digital Rights – What Are They and Are They Needed in the Civil Code? // Zakon.ru. 2020. August 17. URL: https://zakon.ru/blog/2020/08/17/cifrovye_prava_digital_rights__chto_eto_takoe_i_nuzhny_li_oni_v_grazhdanskom_kodekse (accessed: June 12, 2026).

[3] Federal Law of 31 July 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31, Part I. Article 5018.

[4] Bank of Russia Regulation of 16 December 2020 No. 746-P “On the maintenance by the Bank of Russia of a register of operators of information systems in which digital financial assets are issued, a register of operators of digital financial asset exchange, on the procedure and deadlines for the submission by operators of information systems in which digital financial assets are issued and digital financial asset exchange operators to the Bank of Russia of information on persons disposing of shares (stakes) of the specified operators, as well as on the procedure for the submission and approval by the Bank of Russia of amendments to the rules of the information system in which digital financial assets are issued, amendments to the rules of the digital financial asset exchange” // Bank of Russia Bulletin. 2021. No. 7 (2247).

[5] De Filippi P., Hassan S. Blockchain Technology as a Regulatory Technology: From Code Is Law to Law Is Code // First Monday. 2016. Vol. 21. No. 12.

[6] Andreev V.K. Problems of Adapting Obligatory Rights to Circulation in an Investment Platform // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2021. No. 6. Pp. 85-90.

[7] Klimova A.N. Features of the Implementation of the Principle of Freedom of Contract in Entrepreneurial Agreements // Legal Science. 2016. No. 1. Pp. 57-63.

[8] Mechetin D.V. Limits of Legal Regulation of Contractual Relations // Legal Science. 2015. No. 4. Pp. 57-61.

[9] Gordeev P.A. Dispositiveness in the Regulation of Civil Legal Relations. Theoretical and Methodological Analysis // Russian Law: Education, Practice, Science. 2018. No. 4 (106). Pp. 79-85.

[10] Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-1 “On the Protection of Consumer Rights” (as amended on December 28, 2025, as amended on February 17, 2026) // Vedomosti of the CIS and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. No. 15. Art. 766.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 17 “On the Consideration by Courts of Civil Cases Regarding Disputes over the Protection of Consumer Rights” // Rossiyskaya Gazeta. 2012. July 11. No. 156.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014 No. 16 “On Freedom of Contract and Its Limits” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of

the Russian Federation. 2014. No. 5.

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 (as amended on June 22, 2021) “On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations” // Rossiyskaya Gazeta. 2016. April 4. No. 70.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-791-795

НЕЖИНСКАЯ Ксения Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,

e-mail: mail@law-books.ru

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ МВД СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу ключевых аспектов обеспечения кибербезопасности в деятельности сотрудников Министерства внутренних дел с учетом особенностей современного правового государства. Кибербезопасность стала одним из приоритетных направлений в сфере обеспечения безопасности информационных технологий и личных данных в органах правопорядка; важные аспекты исследования: киберугрозы для сотрудников правоохранительных органов; анализ типов угроз, с которыми сталкиваются сотрудники МВД при использовании информационных технологий в своей деятельности. Значение обучения и повышения квалификации. Изучение роли систем обучения и тренингов по кибербезопасности для сотрудников правоохранительных органов для эффективной защиты информации. Законодательное обеспечение кибербезопасности. Анализ законодательной базы с целью выявления пробелов и необходимых изменений для повышения уровня защиты данных и информационных ресурсов. Разработка стратегий противодействия киберугрозам. Выявление оптимальных стратегий и тактик обеспечения кибербезопасности в деятельности сотрудников МВД для предотвращения инцидентов и утечек информации. В результате исследования установлено, что эффективное обеспечение кибербезопасности в деятельности сотрудников МВД современного правового государства требует комплексного подхода, сочетающего в себе обучение персонала, строгие правила безопасности, использование современных технологий защиты и постоянное анализирование и улучшение действующих мер и механизмов.*

Ключевые слова: *кибербезопасность, сотрудник МВД, правовое государство, цифровые технологии.*

NEZHINSKAYA Ksenia Sergeevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State at the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

MAIN ASPECTS OF CYBERSECURITY IN THE ACTIVITIES OF MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS EMPLOYEES IN A MODERN LEGAL STATE

Annotation. *This article is devoted to the analysis of key aspects of ensuring cybersecurity in the activities of employees of the Ministry of Internal Affairs, taking into account the peculiarities of the modern rule of law. Cybersecurity has become one of the priorities in the field of information technology and personal data security in law enforcement agencies; important aspects of the study: cyber threats to law enforcement officers; analysis of the types of threats faced by Interior Ministry employees when using information technology in their activities. The importance of training and professional development. Exploring the role of cybersecurity education and training systems for law enforcement officials to effectively protect information. Legislative provision of cybersecurity. Analysis of the legislative framework in order to identify gaps and necessary changes to improve the level of protection of data and information resources. Developing strategies to counter cyber threats. Identification of optimal cybersecurity strategies and tactics in the activities of Interior Ministry employees to prevent incidents and information leaks. As a result of the study, it was found that effective cybersecurity in the activities of employees of the Ministry of Internal Affairs of a modern rule-of-law state requires an integrated approach combining staff training, strict security rules, the use of modern protection technologies and continuous analysis and improvement of existing measures*

and mechanisms.

Key words: *cybersecurity, Interior Ministry officer, rule of law, digital technologies.*

Кибербезопасность в деятельности сотрудников Министерства внутренних дел России представляет собой сложную область, требующую комплексного подхода и строгого соблюдения нормативно-правовых норм. В условиях цифровизации правоохранительной деятельности обеспечение защиты информации становится неотъемлемой частью оперативной и административной работы ведомства. Более того, защита персональных данных граждан, а также конфиденциальной информации МВД напрямую воздействует на эффективность функционирования правоохранительной системы и доверие со стороны общества.

Основой формирования системы кибербезопасности в МВД служит ряд нормативных актов, среди которых центральное место занимает приказ МВД РФ № 678 от 2012 года [1]. Этот документ устанавливает правила обработки и защиты персональных данных, регулирует права и обязанности сотрудников ведомства по обеспечению конфиденциальности информации. Несмотря на это, практика показывает, что единых стандартов и четких методик, обеспечивающих эффективное взаимодействие всех подразделений по кибербезопасности, пока не выработано. Это создает риски утечки данных и потенциальные угрозы для информационных систем ведомства.

Особое значение для обеспечения надежной защиты информации имеют организационно-структурные подходы к построению системы кибербезопасности. В МВД функционируют специализированные подразделения, задачей которых является мониторинг, предупреждение и устранение киберугроз. Однако недостаточная координация и отсутствие единой системы взаимодействия между этими подразделениями зачастую приводят к замедлению реакций на возникающие вызовы. В связи с этим анализ существующей структуры и выработка рекомендаций по ее совершенствованию представляют собой важный этап исследований [2].

Технические и программные средства защиты информации являются неотъемлемой составляющей современных систем кибербезопасности МВД. Внедрение современных технологий шифрования, систем контроля доступа, антивирусного и сетевого мониторинга позволяет снизить риски несанкционированного доступа и обеспечить целостность данных. Тем не менее, высокая динамика развития киберугроз требует постоянного обновления технических решений, а также повышения квалификации сотрудников, ответственных за информационную безопасность.

Юридическая ответственность за нарушения правил информационной безопасности играет важную роль в поддержании дисциплины и предотвращении злоупотреблений внутри ведомства. Нормы, закрепленные в законодательстве, определяют меры воздействия на сотрудников, допустивших нарушения, и стимулируют строгое соблюдение регулирований. В то же время необходимость учета правовых аспектов в условиях цифровой трансформации МВД требует комплексного анализа существующих механизмов ответственности и возможного их совершенствования [1; 3].

Основные вызовы цифровой среды, включая растущую сложность кибератак и повышение уровня профессионализма злоумышленников, требуют от МВД постоянного совершенствования системы кибербезопасности. В ходе данного исследования будет проводится комплексный анализ нормативных и организационных аспектов, а также технических решений, что позволит сформулировать рекомендации по усилению защиты информации. Особое внимание будет уделено подготовке методических материалов, направленных на повышение компетентности сотрудников МВД в области кибербезопасности, что является критически важным для обеспечения устойчивой и эффективной работы ведомства в современных условиях правового государства.

Основой обеспечения кибербезопасности в деятельности сотрудников МВД являются нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок обработки и защиты персональных данных, а также общие требования к информационной безопасности в государственном секторе. Основным документом ведомственного уровня в этой сфере является приказ МВД РФ № 678 от 2012 года «Об организации защиты персональных данных». Этот приказ определяет комплекс мер, направленных на обеспечение защиты информации, содержащей персональные данные, при их сборе, обработке и хранении в подразделениях МВД [4].

Приказ № 678 устанавливает ключевые принципы организации защитных мероприятий, включая обязательное назначение ответственных лиц за обработку персональных

данных, разработку и внедрение локальных актов, регламентирующих процедурные и технические аспекты защиты информации. Одним из центральных требований является необходимость проведения регулярных аудитов информационных систем, а также внедрение системы контроля доступа, обеспечивающей разграничение полномочий сотрудников в соответствии с их должностными обязанностями. Особое внимание уделяется правилам передачи данных и предотвращению несанкционированного доступа из внешних и внутренних источников.

Положения приказа непосредственно опираются на требования федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает основные обязанности операторов персональных данных по защите прав субъектов информации. Закон предусматривает обязательное уведомление об обработке данных, обеспечение их достоверности и полноты, а также меры по защите от утраты или неправомерного использования. При этом правоохранительные органы наделены дополнительными полномочиями, что накладывает на них повышенную ответственность за соблюдение конфиденциальности и безопасности информации [5].

Помимо федерального закона № 152-ФЗ, в структуру нормативно-правовой базы входят положения Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», регламентирующего аспекты функционирования информационных систем и установления требований к их защите. Данный закон вводит классификацию информации по уровням конфиденциальности, что важно для систем МВД, обрабатывающих значительные объемы служебных и секретных данных. Требования к криптографической защите и восстановлению информации отражены в нормативных документах, регулирующих использование специализированных средств защиты информации [6].

Внутренние нормативные акты МВД дополняют федеральное законодательство методическими рекомендациями и локальными регламентами, направленными на практическое выполнение требований защиты информации. Однако анализ функционирования системы показывает, что зачастую нормативные положения носят общий характер и требуют значительной адаптации к специфике работы различных подразделений. Специфика оперативных задач МВД и необходимость быстрого доступа к информации иногда вынуждают сотрудников обходить регламентированные процедуры, что создает уязвимости в системе безопасности.

Технические стандарты, установленные в нормативных актах, не всегда полностью учитывают особенности инфраструктуры МВД, включая использование устаревшего программного обеспечения и неполную интеграцию систем контроля доступа. Кроме того, отсутствие единой автоматизированной платформы для мониторинга исполнения требований кибербезопасности осложняет своевременное выявление и устранение нарушений. Проблемы возникают также на уровне кадрового обеспечения: недостаточное обучение сотрудников в области информационной безопасности снижает эффективность реализации нормативных требований.

Таким образом, несмотря на достаточно глубокую и детализированную нормативно-правовую базу, включающую приказ МВД № 678 от 2012 года и соответствующие федеральные законы, внедрение и обеспечение её полноценного исполнения сталкивается с множеством трудностей. Однако даже при наличии подробной нормативной базы возникают определённые сложности в реализации этих требований на практике.

На практике реализация требований нормативных документов сталкивается с рядом препятствий, существенно усложняющих обеспечение кибербезопасности в МВД. Одной из ключевых проблем является несовершенство организационной структуры и отсутствие единого централизованного управления системой информационной безопасности. В результате различные подразделения и службы отвечают за разные аспекты защиты данных, но между ними отсутствует эффективный обмен информацией и координация действий. Это создает условия для возникновения «узких мест» в обеспечении безопасности и затрудняет оперативное реагирование на инциденты.

Сложности усугубляются недостаточным уровнем технической оснащенности информационных систем МВД. В ряде подразделений используются устаревшее программное обеспечение и аппаратные средства, которые не способны обеспечить надежную защиту от современных киберугроз. Отсутствие регулярного обновления и модернизации систем приводит к накоплению уязвимостей, которые могут быть использованы злоумышленниками для несанкционированного доступа к конфиденциальной информации. Кроме того, интеграция различных информационных систем зачастую выполнена фрагментарно, что снижает общий уровень контроля и усложняет выявление нарушений.

Кадровые проблемы также оказывают

существенное влияние на функционирование системы защиты информации. Недостаточная подготовка и низкий уровень знаний сотрудников в области кибербезопасности приводят к ошибкам при работе с информационными ресурсами. Часто регламентированные процедуры безопасности игнорируются или выполняются формально, что увеличивает риск утечки данных и возможности совершения неправомерных действий внутри ведомства. Отсутствие мотивации и систематического повышения квалификации ухудшает ситуацию и делает необходимым разработку комплексных программ обучения [7].

Еще одной значимой проблемой является недостаточная разработанность и применение механизмов мониторинга и аудита в режиме реального времени. Текущая практика выявления нарушений в защите информации базируется преимущественно на периодических проверках и ретроспективном анализе, что не обеспечивает оперативности и эффективности реагирования. Отсутствие автоматизированных систем анализа инцидентов и предупреждения угроз лишает сотрудников МВД возможности своевременно принимать меры по нейтрализации рисков.

Приведенные выше проблемы создают серьезные препятствия для полного и эффективного внедрения нормативных требований в повседневную деятельность МВД. Эти вызовы указывают на необходимость перехода от разрозненных частных мероприятий к комплексному системному подходу, учитывающему как технические, так и организационные аспекты безопасности. Для решения этих проблем необходим системный подход на организационном уровне.

Для эффективного управления системой информационной безопасности предлагается сформировать многоуровневую организационную структуру подразделений по обеспечению кибербезопасности в МВД, охватывающую федеральный, региональный и районный уровни [8].

На федеральном уровне создается Центральный отдел кибербезопасности, который будет отвечать за разработку единой стратегии защиты информационных ресурсов МВД, методологическое сопровождение и координацию работы региональных подразделений. Этот отдел оснащается экспертами в области информационной безопасности, аналитиками киберугроз и специалистами по реагированию на инциденты. Ключевыми задачами ЦОКБ выступают мониторинг угроз на государственном уровне, стандартизация технических и организационных мер и обеспечение информационного обмена с другими ведомствами и правоохранительными структурами.

Региональный уровень представлен специализированными отделами информационной безопасности в каждом территориальном управлении МВД. Эти подразделения осуществляют внедрение и адаптацию федеральных нормативов к местным условиям, осуществляют мониторинг состояния систем защиты в подразделениях региона и проводят обучение сотрудников в области кибербезопасности. Региональные отделы служат связующим звеном между федеральным центром и районными подразделениями, отслеживая локальные инциденты и организуя их расследование с технической и организационной поддержкой.

На районном уровне предлагается создание мобильных групп информационной безопасности, интегрированных в структуру местных отделов МВД. Эти группы непосредственно взаимодействуют с персоналом, обеспечивают выполнение требований по защите информации, проводят первичный анализ и оперативное реагирование на киберугрозы, а также содействуют проведению регулярных инструктажей и проверок. Благодаря их непосредственному присутствию на местах повышается оперативность выявления угроз и предотвращения инцидентов.

Для обеспечения взаимодействия всех уровней предусматривается введение специализированных коммуникационных каналов и единой информационной платформы, позволяющей централизованно обмениваться данными о состоянии безопасности, инцидентах и практиках защиты. Внедрение системы отчетности и регулярных совещаний обеспечит контроль за выполнением установленных мер и позволит своевременно корректировать стратегии.

Такая структура позволит обеспечить координацию действий на всех уровнях Проведённое исследование позволило подробно проанализировать нормативно-правовую базу, регулирующую вопросы кибербезопасности в деятельности сотрудников МВД, с особым акцентом на приказ МВД РФ № 678 от 2012 года. Установлено, что несмотря на наличие достаточно подробных и детализированных положений, практике реализации часто препятствуют недостаточная координация и фрагментарность мер по защите персональных данных и информационных систем. Это приводит к повышенным рискам утечки информации и снижению общей эффективности обеспечения безопасности ведомственных информационных ресурсов.

Выявленные проблемы функционирования системы информационной безопасности связаны как с организационными недостатками, так и с техническими ограничениями существующей

инфраструктуры МВД. Несовершенство структуры управления информационной безопасностью, отсутствие централизованного контроля и недостаточная подготовка кадров существенно ограничивают возможности быстрого и эффективного реагирования на современные киберугрозы. Эти факторы осложняются вызовами цифровой среды, включающими развитие сложных кибератак, рост внутреннего риска и необходимость учета новых технологий.

Анализ организационно-структурных подходов продемонстрировал, что формирование многоуровневой структуры подразделений по обеспечению кибербезопасности с ясным распределением функций и полномочий является основой эффективного управления защитой информации. Федеральный, региональный и районный уровни должны взаимодействовать через централизованные коммуникационные каналы и единую информационную платформу, что повысит прозрачность и оперативность обмена данными о возникающих угрозах и инцидентах.

Технические и программные средства, применяемые в МВД, требуют постоянного обновления и интеграции современных методов защиты, включая криптозащиту, многофакторную аутентификацию и системы мониторинга с использованием искусственного интеллекта. Важным элементом является внедрение автоматизированных систем аудита и анализа действий пользователей для выявления внутренних угроз, что позволит минимизировать возможность злоупотреблений и случайных ошибок.

Юридическая ответственность за нарушения правил информационной безопасности выступает эффективным механизмом предупреждения нарушений и формирует правовую основу дисциплинарных, административных и уголовных мер. Однако для укрепления дисциплины и мотивации сотрудников необходимы дополнительные меры, направленные на повышение культуры безопасности и развитие системы обучения.

Современные вызовы цифровой среды подтверждают необходимость комплексного подхода к обеспечению кибербезопасности в МВД, предусматривающего не только технические новшества, но и совершенствование нормативной базы, организационной структуры и методов подготовки персонала. Это позволит сформировать устойчивую и адаптивную систему защиты, способную оперативно реагировать на динамично меняющиеся угрозы.

Список литературы:

[1] Иванов П.С. Основы кибербезопасности в правоохранительных органах // Журнал безопасности. – 2020. – № 3. – С. 22–30.

[2] Смирнова А.В. Современные методы защиты информации в МВД // Информационная безопасность. – 2019. – № 7. – С. 15–24.

[3] Кузнецов М.Ю. Анализ угроз кибербезопасности в деятельности сотрудников полиции // Правоохранительная практика. – 2021. – № 2. – С. 40–48.

[4] Петрова Е.Н. Роль человеческого фактора в обеспечении кибербезопасности МВД // Вестник юридического университета. – 2018. – № 12. – С. 58–65.

[5] Волков Д.В. Технические средства защиты информации в МВД: состояние и перспективы // Журнал технической безопасности. – 2022. – № 1. – С. 10–18.

[6] Сидоров А.А. Киберпреступность и меры противодействия в правовом государстве // Право и безопасность. – 2019. – № 4. – С. 33–41.

[7] Николаева Т.Г. Правовые аспекты обеспечения кибербезопасности в государственной службе // Государственная служба. – 2020. – № 6. – С. 47–53.

[8] Максимов И.В. Обучение сотрудников МВД принципам информационной безопасности // Педагогика и право. – 2021. – № 5. – С. 29–36.

References:

[1] Ivanov P.S. Fundamentals of Cybersecurity in Law Enforcement Agencies // Security Magazine. - 2020. - No. 3. - Pp. 22-30.

[2] Smirnova A.V. Modern Methods of Information Protection in the Ministry of Internal Affairs // Information Security. - 2019. - No. 7. - Pp. 15-24.

[3] Kuznetsov M.Yu. Analysis of Cybersecurity Threats in the Activities of Police Officers // Law Enforcement Practice. - 2021. - No. 2. - Pp. 40-48.

[4] Petrova E.N. The Role of the Human Factor in Ensuring Cybersecurity of the Ministry of Internal Affairs // Bulletin of the Law University. - 2018. - No. 12. - Pp. 58-65.

[5] Volkov D.V. Technical Means of Information Protection in the Ministry of Internal Affairs: Status and Prospects // Journal of Technical Security. – 2022. – No. 1. – P. 10–18.

[6] Sidorov A. A. Cybercrime and Countermeasures in a Rule of Law State // Law and Security. – 2019. – No. 4. – P. 33–41.

[7] Nikolaeva T. G. Legal Aspects of Ensuring Cybersecurity in the Civil Service // Civil Service. – 2020. – No. 6. – P. 47–53.

[8] Maksimov I. V. Training the Ministry of Internal Affairs Employees in Information Security Principles // Pedagogy and Law. – 2021. – No. 5. – P. 29–36.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-796-800

ОРЕШНИКОВА Ксения Сергеевна,

Преподаватель кафедры публичного права Государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: shkunova.ksenia@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и правовые аспекты цифрового суверенитета как категории, отражающей способность государства самостоятельно определять правила функционирования цифровой среды, обеспечивать устойчивость национальной инфраструктуры связи и контроля над критически значимыми информационными процессами.*

Особое внимание уделяется соотношению цифрового суверенитета с конституционным принципом государственного суверенитета, правом на неприкосновенность частной жизни, режимом персональных данных и правовым регулированием критической информационной инфраструктуры. Показано, что цифровой суверенитет не сводится к изоляции национального сегмента сети Интернет, а предполагает юридически выверенный баланс между технологической независимостью, доступностью цифровых сервисов и гарантиями прав и свобод человека.

На основе анализа Конституции Российской Федерации, федеральных законов об информации, связи, персональных данных и безопасности критической информационной инфраструктуры, а также научных публикаций выявляются ключевые проблемы нормативного регулирования: фрагментарность понятийного аппарата, зависимость от зарубежных технологических решений, риски избыточного ограничения доступа к информации и недостаточная определенность механизмов ответственности операторов цифровых платформ. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития законодательства и выработки целостной модели правового обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации.

Ключевые слова: *цифровой суверенитет, информационное право, критическая информационная инфраструктура, персональные данные, технологическая независимость, цифровая безопасность, государственное регулирование.*

ORESHNIKOVA Ksenia Sergeevna,

Lecturer, Department of Public Law State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL REGULATION OF DIGITAL SOVEREIGNTY

Annotation. *The article examines the theoretical and legal aspects of digital sovereignty as a category reflecting a state's ability to independently determine the rules governing the digital environment, ensure the resilience of national communications infrastructure, and control critically important information processes.*

Special attention is given to the relationship between digital sovereignty and the constitutional principle of state sovereignty, the right to privacy, the legal regime of personal data, and the regulation of critical information infrastructure. The study shows that digital sovereignty cannot be reduced to the isolation of the national segment of the Internet; rather, it presupposes a legally balanced combination of technological independence, accessibility of digital services, and guarantees of human rights and freedoms.

Based on an analysis of the Constitution of the Russian Federation, federal laws on information, communications, personal data, and critical information infrastructure security, as well as doctrinal

publications, the article identifies the main regulatory problems: fragmentation of the conceptual framework, dependence on foreign technological solutions, risks of excessive restriction of access to information, and insufficiently defined liability mechanisms for digital platform operators. The author concludes that further development of legislation and a coherent model for the legal support of digital sovereignty in the Russian Federation are required.

Key words: *digital sovereignty, information law, critical information infrastructure, personal data, technological independence, digital security, state regulation.*

Цифровизация государственного управления, бизнеса и повседневных коммуникаций изменила не только способы обмена информацией, но и саму архитектуру публичной власти, поскольку в цифровой среде государство вынуждено обеспечивать одновременно открытость сервисов, устойчивость инфраструктуры и защиту национальных интересов. В результате вопрос о цифровом суверенитете перестал быть сугубо технологическим и приобрел отчетливо правовой характер, требующий осмысления через призму конституционного строя, информационной безопасности и гарантий прав человека [1,2].

В доктрине цифровой суверенитет понимается по-разному: как способность государства самостоятельно определять правила цифровой среды, как совокупность мер по защите инфраструктуры и данных либо как более широкий правовой режим, обеспечивающий независимость критических цифровых процессов от внешнего контроля и внешних центров принятия решений [8-11]. При этом наиболее продуктивным представляется подход, согласно которому цифровой суверенитет не тождествен закрытию национального сегмента сети Интернет, а выражает право и обязанность государства устанавливать правила функционирования цифрового пространства, не разрушая при этом свободу информации и международное взаимодействие.

Актуальность темы усиливается тем, что зависимость от иностранных программных платформ, сетевого оборудования, облачных сервисов и трансграничных каналов передачи данных создает для государства не только технологические, но и юридические риски. К таким рискам относятся невозможность полного контроля над маршрутами трафика, утрата управляемости критической информационной инфраструктурой, а также вероятность неправомерного вмешательства в процессы хранения и использования данных граждан и организаций [5-7].

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и доктринальный методы. Их применение позволило рассмотреть цифровой суверенитет не как абстрактную политическую категорию, а как совокупность нормативных предписаний, организационных процедур и гарантий, направленных на обеспечение самостоятельности государства в цифровой сфере.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ, Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ, а также Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [1-7].

Доктринальная база включает публикации, посвященные информационному и цифровому суверенитету, в том числе работы О.В. Романовской, Е.О. Гаврилова, А.А. Ефремова, Д.А. Печегина и И.В. Бородушко, в которых по-разному раскрываются пределы суверенитета государства в цифровой среде, его связь с технологической независимостью и механизмами правового регулирования [8-12].

Поскольку цифровой суверенитет находится на пересечении публичного и частного права, особое значение имеет сопоставление правовых норм с фактической архитектурой цифровых сервисов: системами связи, реестрами, платформами государственных услуг, центрами обработки данных и средствами защиты информации. Такой подход позволяет выявить, где именно возникают юридически значимые точки уязвимости и какие инструменты правового регулирования оказываются наиболее эффективными.

Исследование исходило из гипотезы, что цифровой суверенитет можно обеспечить лишь при одновременном соблюдении трех условий: наличии собственных или контролируемых государством критических цифровых ресурсов, достаточной правовой регламентации процессов обработки данных и сохранении конституционного

баланса между безопасностью, свободой информации и правом на частную жизнь.

Правовая конструкция цифрового суверенитета складывается из нескольких взаимосвязанных блоков. Первый блок связан с конституционными основами государственного суверенитета и обязанностью государства обеспечивать целостность, безопасность и независимость своего правопорядка [1]. Второй блок образуют нормы, регулирующие информационные отношения, связь и персональные данные [2]. Третий блок связан с режимом критической информационной инфраструктуры, без которого цифровой суверенитет превращается в декларацию, не подкрепленную организационными механизмами [5,7].

Федеральный закон № 149-ФЗ устанавливает общую рамку правового режима информации и информационных технологий, а Федеральный закон № 152-ФЗ формирует обязательные требования к обработке персональных данных, включая принципы законности, целевого ограничения и минимизации сведений [2,3]. В контексте цифрового суверенитета эти нормы важны не только как гарантии прав личности, но и как инструменты формирования контролируемого национального информационного пространства, в котором данные не могут произвольно перемещаться, использоваться или объединяться вне установленных правовых оснований.

Значимую роль играет Федеральный закон № 126-ФЗ «О связи», поскольку именно он задает правовые основы функционирования сетей связи, а значит, и всей инфраструктуры, через которую осуществляется доступ к цифровым сервисам, государственным информационным системам и трансграничному обмену данными [4]. В сочетании с Федеральным законом № 90-ФЗ этот акт образует правовой каркас устойчивого функционирования российского сегмента сети Интернет, предусматривая механизмы управления трафиком, координации сетевых процессов и защиты от внешних угроз устойчивости, безопасности и целостности коммуникационной среды [6].

В научной литературе цифровой суверенитет нередко связывается с понятием информационного суверенитета. Так, А.А. Ефремов показал, что «информационный суверенитет государства формируется как ответ на глобализацию и рост зависимости от транснациональных цифровых платформ», а Е.О. Гаврилов подчеркивал, что «цифровой суверенитет в условиях глобализации не может означать самоизоляцию», поскольку «государство сохраняет включенность в международное информационное пространство» [9, 10]. Эти подходы позволяют сделать вывод о том, что цифровой суверенитет следует понимать как суверенное право государства на регулирование, а не как запрет на цифровое взаимодействие.

Важнейшим направлением регулирования является обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры. Федеральный закон № 187-ФЗ закрепляет специальный режим охраны значимых объектов, а Указ Президента Российской Федерации № 166 усиливает курс на технологическую независимость и преимущественное использование отечественного программного обеспечения и оборудования на значимых объектах КИИ [5,7]. В этих нормах цифровой суверенитет выражается наиболее рельефно, поскольку государство получает юридические инструменты для ограничения зависимости от иностранных решений в стратегически чувствительных сегментах.

Однако правовое регулирование цифрового суверенитета не должно сводиться к импортозамещению. При всей важности технологической автономии главным ориентиром остается человек и его конституционные права. Цифровой суверенитет, основанный исключительно на логике контроля, может привести к чрезмерному расширению наблюдения, несоразмерным ограничениям свободы информации, усилению блокировочных практик и снижению доверия к цифровой среде. Следовательно, нормативные меры в этой сфере должны оцениваться через критерии необходимости, соразмерности и правовой определенности [8].

Отдельной проблемой выступает разграничение публичного и частного контроля над цифровой инфраструктурой. Значительная часть платформ, облачных сервисов, поисковых систем и мессенджеров принадлежит частным компаниям, зачастую с трансграничной структурой управления. Это означает, что государство не может рассчитывать на цифровой суверенитет без правовых механизмов, обеспечивающих прозрачность алгоритмов, возможность локализации данных, аудита информационной безопасности и исполнения законных требований регулятора. Иначе говоря, цифровой суверенитет в современном праве невозможен без определенной степени «юридизации» цифровой архитектуры.

С практической точки зрения цифровой суверенитет проявляется в нескольких уровнях. На инфраструктурном уровне речь идет о национальных сетях связи, точках обмена трафиком, центрах обработки данных

и резервных каналах управления. На уровне данных - о режиме хранения, обработки и передачи персональных и иных чувствительных сведений. На уровне программного обеспечения - о способности государства и отечественного рынка обеспечивать базовые цифровые функции без критической зависимости от внешних поставщиков. На организационном уровне - о наличии компетентных регуляторов, механизмов межведомственного взаимодействия и процедур реагирования на компьютерные инциденты.

Романовская О.В. справедливо связывает цифровой суверенитет с более широким контекстом информационного общества, где государство вынуждено одновременно отвечать на вызовы киберугроз, ускорения обмена данными и трансформации публичного управления [8]. В этом смысле правовое регулирование цифрового суверенитета должно строиться не по модели единичного закона, а как межотраслевой комплекс норм, охватывающий конституционное, информационное, административное, гражданское и уголовное право.

Печегин Д.А. указывает на «необходимость правовых механизмов защиты цифрового суверенитета, включая регуляторные и уголовно-правовые средства, поскольку зависимость цифровой среды от внешних акторов создает не только технические, но и правонарушающие риски» [11]. Данный вывод особенно важен в условиях кибератак, дезинформации, несанкционированного доступа к данным и использования цифровых платформ в целях воздействия на общественные и государственные институты.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о пределах государственного вмешательства. Чем более технологически сложной становится цифровая среда, тем выше риск подмены правового регулирования чисто административным контролем. Между тем цифровой суверенитет требует именно правового, а не произвольного режима: гражданин и организация должны понимать, какие данные собираются, кто ими распоряжается, на каких основаниях осуществляется ограничение доступа и как оспариваются незаконные действия операторов.

Таким образом, правовое регулирование цифрового суверенитета можно описать как систему норм, направленных на обеспечение самостоятельности государства в цифровой сфере, защиту критически важной инфраструктуры, локализацию и безопасное использование данных, а также на сохранение баланса между безопасностью и свободами личности. В этой системе юридическая защита цифровой среды не является самоцелью: она служит инструментом устойчивого развития государства и гарантией того, что цифровизация не разрушит конституционные основы правопорядка.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровой суверенитет представляет собой самостоятельный объект правового регулирования, тесно связанный с конституционным принципом государственного суверенитета, информационной безопасностью и правами человека. Он выражает способность государства формировать и поддерживать такой режим цифровой среды, при котором ключевые инфраструктуры, данные и сервисы остаются управляемыми, защищенными и правовоопределенными.

Нормативное ядро цифрового суверенитета в Российской Федерации образуют Конституция Российской Федерации, федеральные законы об информации, связи, персональных данных и безопасности критической информационной инфраструктуры, а также подзаконные акты, направленные на технологическую независимость и устойчивость национального цифрового пространства [1-7]. Вместе с тем действующее регулирование сохраняет фрагментарный характер и нуждается в концептуальном объединении.

Наиболее важным направлением дальнейшего развития законодательства является закрепление целостной дефиниции цифрового суверенитета и установление четких правил его реализации: в отношении данных, инфраструктуры, программного обеспечения, трансграничного обмена сведениями и ответственности операторов цифровых платформ. При этом любые меры по укреплению суверенитета должны оцениваться через их соответствие конституционным правам и принципу соразмерности.

Следовательно, эффективная модель правового регулирования цифрового суверенитета должна сочетать технологическую независимость, устойчивость критической инфраструктуры, защиту персональных данных и сохранение открытого, но безопасного цифрового пространства. Именно такая модель позволяет государству укреплять независимость, не подрывая правовую защищенность личности и доверие общества к цифровой трансформации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237; Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3448.

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

[4] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

[5] Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4736.

[6] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2214.

[7] Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 30.03.2022.

[8] Романовская О.В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 174–183.

[9] Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 146–152.

[10] Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

[11] Печегин Д.А. Правовые механизмы защиты цифрового суверенитета государства: сравнительно-правовой аспект // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 2. С. 9–20.

[12] Бородушко И.В. Технологический суверенитет России: теоретико-правовые основы, механизмы достижения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2023. № 3(43). С. 86–96.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25. № 237; Russian newspaper. 2020. July 4th. № 144.

[2] Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3448.

[3] Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ “On Personal Data “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31. Art. 3451.

[4] Federal Law of 07.07.2003 No. 126-FZ “On Communications “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2003. № 28. Art. 2895.

[5] Federal Law of 26.07.2017 No. 187-FZ “On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4736.

[6] Federal Law of 01.05.2019 No. 90-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Communications” and the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 18. Art. 2214.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 30.03.2022 No. 166 “On measures to ensure the technological independence and security of the critical information infrastructure of the Russian Federation “//Official Internet portal of legal information. 30.03.2022.

[8] Romanovskaya O.V. Law, Information Society, Digital Sovereignty//Izvestia Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Right. 2024. Vol. 24, no. 2. S. 174-183.

[9] Gavrilov E.O. Digital sovereignty in the context of globalization: philosophical and legal aspects//Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2020. № 2. S. 146-152.

[10] Efremov A.A. Formation of the concept of information sovereignty of the state//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. № 1. S. 201-215.

[11] Pechegin D.A. Legal mechanisms for protecting the digital sovereignty of the state: comparative legal aspect//Russian Journal of Legal Research. 2022. VOL. 9. № 2. S. 9-20.

[12] Borodushko I.V. Technological sovereignty of Russia: theoretical and legal foundations, mechanisms of achievement//National security and strategic planning. 2023. № 3(43). S. 86-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-801-805

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ДОСТУП К УСЛУГАМ И ЗАЩИТА ДАННЫХ

Аннотация. *В статье исследуются правовые проблемы цифровизации системы социального обеспечения в Российской Федерации. Автор анализирует современное состояние нормативно-правового регулирования предоставления государственных услуг в социальной сфере в электронной форме, рассматривает механизм проактивного (беззаявительного) назначения мер социальной поддержки, а также правовые гарантии защиты персональных данных получателей социальных выплат. Особое внимание уделено функционированию Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) и социального казначейства. Выявлены ключевые риски цифровизации, связанные с цифровым неравенством и угрозами информационной безопасности, предложены направления совершенствования законодательства.*

Ключевые слова: *социальное обеспечение, цифровизация, государственные услуги, ЕГИССО, социальное казначейство, персональные данные, проактивное предоставление услуг, цифровое неравенство.*

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

DIGITALIZATION OF SOCIAL SECURITY: ACCESS TO SERVICES AND DATA PROTECTION

Annotation. *The article examines the legal problems of digitalization of the social security system in the Russian Federation. The author analyzes the current state of legal regulation of electronic provision of public services in the social sphere, considers the mechanism of proactive (non-application-based) assignment of social support measures, as well as legal guarantees for the protection of personal data of recipients of social benefits. Special attention is paid to the functioning of the Unified State Information System of Social Security (USISSS) and the social treasury. The key risks of digitalization related to digital inequality and threats to information security are identified, and directions for improving legislation are proposed.*

Key words: *social security, digitalization, public services, USISSS, social treasury, personal data, proactive provision of services, digital inequality.*

Цифровая трансформация публичного управления, осуществляемая в Российской Федерации в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», привела к качественным изменениям в механизме реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение, гарантированного статьей 39

Конституции РФ. Переход от заявительного к проактивному порядку предоставления мер социальной поддержки, формирование Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО), внедрение модели «социального казначейства» существенно изменили правовую природу взаимоотношений граждан и уполномоченных органов в данной сфере [1].

Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного правового осмысления процессов цифровизации социального обеспечения, поскольку увеличение объёма обрабатываемых персональных данных, в том числе специальных категорий (о состоянии здоровья, инвалидности, семейном положении), создаёт повышенные риски для прав человека [2]. Несмотря на значительный массив научных публикаций, посвящённых отдельным аспектам цифровизации (работы М.Л. Захарова, Э.Г. Тучковой, Ю.В. Васильевой, Ф.О. Дзгоевой, М.В. Лушниковой), комплексное исследование баланса между расширением доступа к услугам и защитой данных получателей остаётся актуальной задачей.

Цель статьи – проанализировать правовые механизмы цифровизации социального обеспечения в России, выявить проблемы обеспечения доступа граждан к социальным услугам и защиты их персональных данных, а также сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Задачи исследования: 1) охарактеризовать действующую правовую модель цифровизации социального обеспечения; 2) выявить проблемы реализации принципа проактивности; 3) исследовать правовые гарантии защиты персональных данных получателей социальной поддержки; 4) определить риски цифрового неравенства.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный).

Цифровизация социального обеспечения в России опирается на ряд базовых нормативных актов и реализуется через создание интегрированных информационных систем. Ключевую роль играет Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», в который введена глава, регулирующая функционирование ЕГИССО – единого информационного ресурса, аккумулирующего сведения обо всех мерах социальной поддержки, предоставляемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [3].

Как справедливо отмечает Ю.В. Васильева, ЕГИССО выполняет двойную функцию: с одной стороны, обеспечивает информационную прозрачность и устраняет дублирование мер поддержки, с другой – выступает инструментом цифрового профилирования получателей [1, с. 47]. Внедрение модели «социального казначейства», предполагающее консолидацию функций по назначению и выплате мер социальной поддержки в Социальном фонде России, образованном с 1 января 2023 г. в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ, призвано обеспечить «единое окно» взаимодействия гражданина с системой социального обеспечения [4].

По справедливому замечанию Ф.О. Дзгоевой, цифровизация социального обеспечения должна рассматриваться не только как технологическое, но и как сущностное правовое преобразование, изменяющее принципы отрасли и требующее переосмысления категорий «социальный риск», «нуждаемость», «адресность» [5, с. 112]. В частности, цифровая верификация нуждаемости через систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) позволяет применять «комплексную оценку нуждаемости» при назначении единого пособия, введённого Федеральным законом от 21 ноября 2022 г. № 455-ФЗ.

Одним из ключевых направлений цифровизации стало внедрение проактивного (беззаявительного) порядка предоставления мер социальной поддержки. Согласно действующему законодательству, ряд выплат (например, единовременное пособие при рождении ребёнка, материнский (семейный) капитал) назначается без заявления получателя на основании данных, поступающих в Социальный фонд России через СМЭВ.

Как отмечает М.В. Лушникова, проактивный режим коренным образом меняет правовую конструкцию реализации права на социальное обеспечение: волеизъявление получателя из обязательного юридического факта превращается в презюмируемое согласие, что ставит вопрос о допустимости такой трансформации с точки зрения принципа диспозитивности [6, с. 28]. Аналогичную позицию высказывает Е.Е. Мачульская, обращая внимание на необходимость закрепления права получателя отказаться от проактивного назначения выплаты [7].

Вместе с тем, как подчёркивает Т.С. Гусева, проактивная модель существенно повышает реальную доступность мер социальной поддержки для социально уязвимых категорий граждан, которые ранее не реализовывали свои права

вследствие незнания о них либо организационных барьеров [8, с. 65].

Однако цифровая трансформация порождает и новые риски ограничения доступа. На это указывают исследования цифрового неравенства: значительная часть пожилых граждан, лиц с инвалидностью, жителей сельских территорий не имеют устойчивых навыков использования цифровых сервисов либо не обладают доступом к ним [9]. По данным А.В. Бабаевой и С.А. Чиркина, преимущественная ориентация системы социального обеспечения на портал «Госуслуги» создаёт de facto «цифровой ценз», противоречащий принципу всеобщности социального обеспечения [10, с. 84].

Цифровизация социального обеспечения связана с массовой обработкой персональных данных, включая специальные категории, предусмотренные статьёй 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Данные о состоянии здоровья, инвалидности, доходах, составе семьи, обращении за психиатрической и наркологической помощью аккумулируются в ЕГИССО и подсистемах Социального фонда России.

Как обоснованно отмечает А.А. Савельев, правовое регулирование обработки персональных данных в социальной сфере должно отвечать повышенным стандартам, поскольку утечка таких данных способна не только нарушить право на неприкосновенность частной жизни, но и повлечь дискриминационные последствия для субъекта [11, с. 153]. Согласно исследованию Л.К. Терещенко, отечественное законодательство о персональных данных, несмотря на изменения, внесённые Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ, не в полной мере обеспечивает защиту прав субъектов в условиях больших данных и алгоритмической обработки [12, с. 21].

Особую остроту приобретает проблема профилирования и автоматизированного принятия решений. Часть 1 статьи 16 Закона о персональных данных запрещает принятие решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта, исключительно на основании автоматизированной обработки, без согласия субъекта. Однако в системе социального казначейства многие решения о назначении выплат фактически принимаются автоматически на основании данных СМЭВ, что требует более чёткого правового регулирования [13].

Е.А. Войниканис обращает внимание на необходимость внедрения в российское законодательство концепции «защиты данных по умолчанию и по замыслу» (privacy by design and by default), аналогичной положениям GDPR, что особенно важно в социальной сфере [14, с. 76]. Сравнительно-правовой анализ, проведённый М.А. Рожковой, показывает, что европейская модель защиты данных в публичных социальных сервисах строится на принципах минимизации данных, целевого ограничения и подотчётности оператора [15].

Сохраняется и проблема информационной безопасности. По данным Р.А. Шахбазяна, число утечек персональных данных из государственных информационных систем за последние годы существенно возросло, что ставит под угрозу доверие граждан к цифровым сервисам социального обеспечения [16, с. 39].

На основании проведённого анализа представляется целесообразным выделить следующие направления развития законодательства:

Во-первых, необходимо законодательно закрепить право гражданина на отказ от проактивного назначения мер социальной поддержки и на сохранение традиционного (заявительного) порядка их получения, что соответствует принципу свободного волеизъявления.

Во-вторых, требуется обеспечить альтернативные «нецифровые» каналы доступа к социальным услугам с законодательным запретом понуждения к использованию цифровых сервисов. Как справедливо указывает О.В. Ерофеева, право на «аналоговое» взаимодействие с государством должно рассматриваться как элемент права на социальное обеспечение [17, с. 92].

В-третьих, целесообразно усиление гарантий защиты персональных данных получателей мер социальной поддержки путём введения специальных требований к их хранению и обработке в ЕГИССО и системе социального казначейства, включая обязательную оценку воздействия на права субъектов (DPIA) перед внедрением новых цифровых сервисов.

В-четвёртых, требуется развитие механизмов оспаривания решений, принимаемых на основании автоматизированной обработки данных, включая право на «человеческое вмешательство» при принятии значимых решений о социальных выплатах [18].

Заключение

Цифровизация социального обеспечения в Российской Федерации представляет собой объективный и в целом позитивный процесс, существенно расширяющий доступность мер социальной поддержки и повышающий эффективность их предоставления. Внедрение ЕГИССО, проактивного порядка предоставления услуг, модели социального казначейства способствует реализации принципов адресности и оперативности социальной защиты.

Вместе с тем цифровая трансформация порождает новые правовые вызовы: риски цифрового неравенства, ограничения принципа диспозитивности при проактивном предоставлении услуг, угрозы безопасности персональных данных получателей. Преодоление этих рисков требует комплексного совершенствования законодательства о социальном обеспечении и о персональных данных, направленного на обеспечение баланса между технологической эффективностью и гарантиями прав граждан.

Дальнейшее развитие цифровой модели социального обеспечения должно опираться на принципы технологической нейтральности, инклюзивности и приоритета прав человека, что позволит реализовать конституционное право на социальное обеспечение в условиях цифрового общества.

Список литературы:

[1] Васильева Ю.В. Цифровизация в сфере социального обеспечения: правовые проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — Вып. 52. — С. 41–58.

[2] Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России: учебник. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2020. — 624 с.

[3] Барбашова Т.П. Единая государственная информационная система социального обеспечения как элемент цифровой трансформации социальной сферы // Социальное и пенсионное право. — 2022. — № 2. — С. 14–19.

[4] Антипьева Н.В. Социальный фонд России: правовые основы деятельности и направления развития // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 5. — С. 92–105.

[5] Дзгоева Ф.О. Социальное обеспечение в условиях цифровой экономики: новые вызовы и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 4. — С. 108–118.

[6] Лушникова М.В. Цифровизация социально-обеспечительных отношений: новые правовые конструкции // Вестник трудового права и права социального обеспечения. — 2022. — Вып. 16. — С. 24–34.

[7] Мачульская Е.Е. Право социального обеспечения: учебник для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2021. — 449 с.

[8] Гусева Т.С. Проактивный формат предоставления социальных выплат: проблемы правового регулирования // Социальное и пенсионное право. — 2021. — № 4. — С. 62–67.

[9] Чесалина О.В. Цифровизация и право социального обеспечения: точки соприкосновения // Трудовое право в России и за рубежом. — 2020. — № 4. — С. 31–34.

[10] Бабаева А.В., Чиркин С.А. Цифровое неравенство как препятствие реализации права на социальное обеспечение // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 6 (210). — С. 82–86.

[11] Савельев А.И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2021. — 552 с.

[12] Терещенко Л.К. Защита персональных данных в эпоху больших данных: тенденции развития законодательства // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 11. — С. 18–30.

[13] Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. — 2020. — № 2. — С. 5–17.

[14] Войниканис Е.А. Право, технологии и данные: эволюция регулирования персональных данных // Закон. — 2021. — № 8. — С. 70–82.

[15] Рожкова М.А. Цифровые права: понятие и содержание в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. — 2020. — № 6. — С. 3–14.

[16] Шахбазян Р.А. Информационная безопасность государственных информационных систем в социальной сфере: правовые проблемы // Информационное право. — 2023. — № 1. — С. 36–41.

[17] Ерофеева О.В. Доступность государственных социальных услуг в условиях цифровизации: правовой аспект // Социальное и пенсионное право. — 2022. — № 3. — С. 89–94.

[18] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2020. — № 1. — С. 9–21.

References:

[1] Vasilyeva Yu.V. Digitalization in the field of social security: legal problems//Bulletin of Perm University. Legal sciences. — 2021. - Issue 52. - S. 41-58.

[2] Zakharov M.L., Tuchkova E.G. Social security law of Russia: textbook. - 6th ed., Revised. and add. - M.: Prospect, 2020. - 624 s.

[3] Barbashova T.P. Unified state information system of social security as an element of digital transformation of the social sphere//Social and pension law. — 2022. — № 2. - S. 14-19.

[4] N.V. Antipyeva. Social Fund of Russia: Legal Foundations of Activities and Directions of Development//Journal of Russian Law. — 2023. - VOL. 27. — № 5. - S. 92-105.

[5] Dzgoeva F.O. Social security in the digital economy: new challenges and development prospects//Current problems of Russian law. — 2021. - T. 16. — № 4. - S. 108-118.

[6] Lushnikova M.V. Digitalization of social security relations: new legal structures//Bulletin of labor law and social security rights. — 2022. - Issue 16. - S. 24-34.

[7] Machulskaya E.E. Social security law: textbook for universities. - 4th ed., Revised and add. - M.: Yurayt, 2021. - 449 s.

[8] Guseva T.S. Proactive format for the provision of social benefits: problems of legal regulation//Social and pension law. — 2021. — № 4. - S. 62-67.

[9] O.V. Chesalina. Digitalization and the law of social security: points of contact//Labor law in Russia and abroad. — 2020. — № 4. - S. 31-34.

[10] Babaeva A.V., Chirkin S.A. Digital inequality as an obstacle to the realization of the right to social security//Law and the state: theory and practice. — 2022. — № 6 (210). - S. 82-86.

[11] Savelyev A.I. Scientific and practical commentary on the Federal Law “On Personal Data.” - 2nd ed., Revised and add. - M.: Statute, 2021. - 552 s.

[12] Tereshchenko L.K. Protection of personal data in the era of big data: trends in the development of legislation//Journal of Russian Law. — 2022. - VOL. 26. — № 11. - S. 18-30.

[13] E.V. Talapina. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects//Journal of Russian Law. — 2020. — № 2. - S. 5-17.

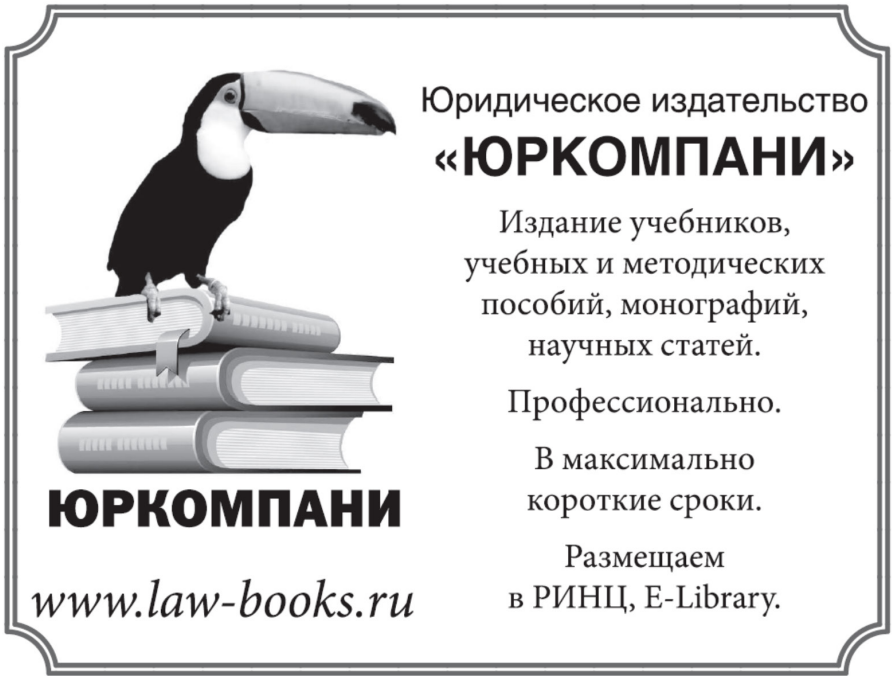
[14] Voynikanis E.A. Law, Technology and Data: Evolution of Personal Data Regulation//Law. — 2021. — № 8. - S. 70-82.

[15] Rozhkova M.A. Digital rights: concept and content in Russian and foreign law//Economy and law. — 2020. — № 6. - S. 3-14.

[16] R.A. Shahbazyan. Information Security of State Information Systems in the Social Sphere: Legal Problems//Information Law. — 2023. — № 1. - S. 36-41.

[17] Erofeeva O.V. Accessibility of state social services in the context of digitalization: legal aspect// Social and pension law. — 2022. — № 3. - S. 89-94.

[18] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in Digital Reality//Journal of Russian Law. — 2020. — № 1. - S. 9-21.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-806-809

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и кафедры информационной безопасности Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,

e-mail: bezzateeva@inbox.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема процессуальной достоверности цифровых доказательств в российском судопроизводстве. Актуальность исследования обусловлена тем, что электронная переписка, скриншоты, сведения из государственных информационных систем, аудио- и видеозаписи, журналы событий и иные цифровые следы активно используются в доказывании, однако законодательство не содержит единой дефиниции цифрового доказательства и единых критериев проверки его происхождения, целостности и воспроизводимости. Предлагается применять «цифровой паспорт доказательства», позволяющий фиксировать источник, способ получения, метаданные, хеш-значение, условия хранения и проверочные действия. Делается вывод о необходимости сочетания законодательных стандартов, дополнительных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и локальных регламентов работы с цифровыми материалами.*

Ключевые слова: *цифровые доказательства; электронные доказательства; процессуальная достоверность; электронная подпись; скриншот; метаданные; искусственный интеллект.*

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna,

Senior Lecturer of the Department of Civil Law, Saint-Petersburg State University of Aeronautical Instrumentation

PROCESSUAL VALIDITY OF DIGITAL EVIDENCE IN A RISK-ORIENTED MODEL OF CONSOLIDATION AND EVALUATION

Annotation. *The article discusses the problem of procedural reliability of digital evidence in Russian legal proceedings. The relevance of the study is due to the fact that electronic correspondence, screenshots, information from state information systems, audio and video recordings, event logs, and other digital traces are actively used in proof, but the legislation does not contain a unified definition of digital evidence and unified criteria for checking its origin, integrity, and reproducibility. It is proposed to use a "digital evidence passport" that allows to record the source, method of obtaining, metadata, hash value, storage conditions, and verification actions. The article concludes that it is necessary to combine legislative standards, additional clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation, and local regulations for working with digital materials*.

Key words: *digital evidence; electronic evidence; procedural reliability; electronic signature; screenshot; metadata; artificial intelligence.*

В современных условиях цифровизация правосудия перестала быть только техническим направлением судебной деятельности. Она изменила само содержание доказывания, поскольку значительная часть юридически значимых фактов фиксируется не в бумажном документе, а в электронной информационной среде. Доказательственное значение приобретают сообщения электронной почты и мессенджеров, сведения из личных кабинетов, данные государственных информационных систем, журналы доступа, аудио- и видеозаписи. Действующее законодательство Российской Федерации допускает цифровую форму фиксации информации. Статьи 71 ГПК РФ и 70 КАС РФ называют документы и материалы в форме цифровой, графической записи, полученные

посредством электронной связи или сети Интернет. Статья 75 АПК РФ использует более лаконичную формулу об иных документах в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа. УПК РФ предусматривает электронные документы в судебном производстве, а электронные носители информации регулирует через правила о вещественных доказательствах, изъятии, копировании и хранении. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливает виды электронной подписи, но не охватывает массив неподписанных цифровых следов.

В результате сформировался нормативный разрыв: цифровые доказательства фактически применяются, однако единая процессуальная модель их проверки пока отсутствует. [1, 2] Это снижает предсказуемость судебной оценки, осложняет распределение бремени доказывания при возражениях о фальсификации и требует разработки единых критериев исследования цифровых объектов.

Методология исследования

Исследование основано на общенаучных и специальных юридических методах познания. Диалектический метод позволил рассмотреть цифровое доказательство как динамично развивающееся явление, находящееся на пересечении процессуального права, информационного права, технической фиксации данных и судебной экспертологии. Системный метод использовался для анализа цифровых доказательств во взаимосвязи с правилами допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств, а также с институтами электронной подписи, нотариального обеспечения доказательств, судебной экспертизы и защиты от фальсификации. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить традиционные правила исследования письменных и вещественных доказательств с особенностями цифровых объектов, которые могут быть изменены, скопированы, удалены или воспроизведены в иной технической среде. Риск-ориентированный метод позволил дифференцировать объем проверочных действий в зависимости от вероятности искажения, монтажа, утраты контекста или синтетической генерации цифрового материала.

Основными целями исследования являются:

Целью настоящего исследования является разработка риск-ориентированной процессуальной модели закрепления и оценки цифровых доказательств, обеспечивающей проверку их происхождения, целостности, принадлежности и воспроизводимости без необоснованного усложнения доступа к правосудию.

Актуальность разработки риск-ориентированной модели обусловлена рядом нерешенных теоретико-прикладных вопросов правового режима цифровых доказательств. Прежде всего, в действующем процессуальном законодательстве отсутствует единое понятие цифрового доказательства, что затрудняет формирование унифицированных критериев его допустимости, относимости и достоверности. Используемая законодателем формула о «документах и материалах, выполненных в форме цифровой записи» позволяет включать электронные сведения в доказательственный материал, однако не раскрывает их технологической и процессуальной специфики. Между тем цифровой объект отличается повышенной воспроизводимостью и изменяемостью: он может быть скопирован, преобразован, перемещен в иную информационную среду, представлен суду в виде файла, распечатки, скриншота либо иного производного отображения. В связи с этим цифровое доказательство целесообразно рассматривать не как изолированный информационный объект, а как совокупность взаимосвязанных элементов, включающих содержание сведений, источник их происхождения, техническую среду формирования, способ фиксации и доступные механизмы последующей проверки. Такой подход позволяет оценивать не только смысловое содержание представленного материала, но и условия его создания, сохранения, передачи и воспроизведения.

Особую сложность представляет судебная оценка скриншотов, электронной переписки и сообщений в мессенджерах, поскольку данные материалы нередко выступают производной формой фиксации первоначального цифрового следа. В судебной практике они могут признаваться доказательствами при наличии даты, времени, адреса интернет-страницы, сведений об отправителе, номере телефона, аккаунте или иных идентифицирующих признаках. Вместе с тем при невозможности установить принадлежность учетной записи, номера телефона или электронного адреса конкретному лицу такие доказательства нередко оцениваются критически либо исключаются из числа убедительных подтверждений юридически значимых обстоятельств. Подобный подход является процессуально оправданным, поскольку направлен на предотвращение фальсификаций, однако одновременно он свидетельствует об отсутствии единых стандартов аутентификации цифровых материалов и снижает предсказуемость

судебной защиты. В научной литературе справедливо подчеркивается, что идентификация источника, подтверждение достоверности и минимизация риска фальсификации относятся к числу ключевых проблем цифрового доказывания. [3]

Дополнительное значение указанная проблема приобретает в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Генеративные модели позволяют создавать реалистичные изображения, тексты, аудио- и видеозаписи, которые внешне могут восприниматься как достоверное отражение действительности. В результате традиционная ориентация на формальное представление файла, распечатки или визуального отображения цифрового объекта уже не обеспечивает достаточного уровня процессуальной надежности. Проверка цифрового доказательства должна включать анализ его происхождения, целостности, условий хранения, признаков изменения, а при необходимости - возможность экспертной или специальной технической проверки. Следовательно, современное процессуальное право нуждается в переходе от формального признания цифровых материалов к воспроизводимой модели их закрепления и оценки, позволяющей проследить цепочку возникновения, фиксации, хранения и представления цифрового объекта в суде.

Исходная идея риск-ориентированной модели состоит в том, что разные цифровые доказательства имеют различный уровень уязвимости. Электронный документ с усиленной квалифицированной электронной подписью, скриншот из мессенджера без указания номера телефона и видеозапись, по которой заявлено возражение о возможном дипфейке, не должны проверяться одинаково. Суд оценивает не только вид доказательства, но и риск его искажения. Практическим инструментом может стать «цифровой паспорт доказательства», то есть приложение к ходатайству о приобщении материала или часть протокола осмотра. В него включаются: источник цифровых сведений; лицо, выполнившее фиксацию; дата, время и часовой пояс; устройство и программная среда; формат файла; метаданные; хеш-значение либо отметка о невозможности его получения; способ хранения; сведения об электронной подписи, отметке времени, нотариальном обеспечении или экспертной проверке.

Значение паспорта состоит не в усложнении доступа к правосудию, а в обеспечении проверяемости. Для скриншота сайта достаточно указать адрес страницы, дату и время фиксации, сведения о лице, выполнившем фиксацию, и приложить распечатку либо электронный файл. Для переписки требуется раскрыть признаки принадлежности аккаунта стороне спора: договорное указание адреса, историю общения, сведения оператора связи, данные личного кабинета или иные подтверждения. Для аудио- и видеозаписи важны сведения о первичном устройстве записи, признаках монтажа и необходимости привлечения специалиста либо назначения экспертизы.

Уровень риска может быть низким, средним или высоким. Низкий риск характерен для данных государственных информационных систем и документов с проверяемой электронной подписью; средний - для скриншотов, переписки и личных кабинетов; высокий - при заявлении о фальсификации, признаках монтажа, неустановленной принадлежности аккаунта или вероятности синтетической генерации. При высоком риске требуются специальные знания: консультация специалиста, экспертное исследование или судебная экспертиза.[4]

Предлагаемая модель позволяет согласовать процессуальную экономию и необходимость достоверного судебного познания. В делах с низким уровнем риска суд может ограничиться проверкой электронных реквизитов, полномочий источника и формальной целостности документа. В делах со средним уровнем риска необходимо исследовать контекст получения цифрового объекта, принадлежность аккаунта или устройства, последовательность переписки, метаданные и возможные альтернативные источники подтверждения. В делах с высоким уровнем риска проверочные действия должны включать специальные знания, сопоставление оригинала и копий, анализ признаков монтажа, проверку хеш-значения и оценку возможности синтетической генерации.

Совершенствование регулирования может начинаться с закрепления в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ общего определения цифрового доказательства как сведений об обстоятельствах дела, созданных, обработанных, переданных или сохраненных в электронной форме, достоверность которых проверяется через анализ источника, способа фиксации, целостности данных, метаданных, электронной подписи, журналов событий, заключения специалиста, экспертизы или иных средств. Такая дефиниция не отменяет действующие виды доказательств, но формирует единый стандарт исследования.

Во-вторых, необходимо установить минимальные реквизиты представления цифрового доказательства: источник, дату и способ фиксации, лицо, форму представления, а для файлов - формат, объем, хеш-значение и

сведения о носителе. Нотариальное обеспечение должно оставаться надежным способом фиксации, но не универсальным условием допустимости, иначе защита граждан, работников, потребителей и малых организаций будет осложнена.

В-третьих, следует развить разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о правилах исследования цифровых доказательств: когда отсутствие нотариального удостоверения не препятствует оценке материала, какие признаки должен содержать скриншот, как проверять принадлежность аккаунта и как распределять бремя доказывания при заявлении о фальсификации цифрового объекта.

В-четвертых, организациям, регулярно представляющим цифровые материалы в суд, целесообразно утверждать локальные регламенты фиксации и хранения цифровых доказательств. Такие регламенты должны предусматривать порядок создания копий, сохранения метаданных, расчета хеш-значений, ограничения доступа к файлам, ведения журналов действий и оформления пояснений к цифровым объектам. Это особенно важно для банков, операторов электронных площадок, образовательных организаций, работодателей и иных субъектов, у которых значительная часть доказательственной информации возникает в электронных системах.

Цифровые доказательства стали обычным элементом судебного доказывания, однако их процессуальный режим остается недостаточно определенным. Законодательство допускает документы и материалы в цифровой форме, а также электронные документы в отдельных процессуальных режимах, но не устанавливает единой модели проверки происхождения, целостности, воспроизводимости и принадлежности цифровых данных. Поэтому судебная практика вырабатывает подходы по отдельным категориям споров, что приводит к различиям в оценке сходных материалов.

Предложенная риск-ориентированная модель позволяет избежать как общего недоверия к цифровым доказательствам, так и их некритического принятия. Центральным элементом модели является цифровой паспорт доказательства, обеспечивающий прозрачность источника, способа фиксации, метаданных, хеш-значения, условий хранения и проверочных действий. Минимальные требования, развитие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и локальные регламенты позволят повысить предсказуемость оценки доказательств, снизить риск фальсификаций и сохранить баланс между доступностью правосудия и достоверностью судебного познания.

Список литературы:

[1] Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Digital Law Journal. - 2024. - Т. 5. - № 4. - С. 79–95.

[2] Костенко Р. В. Допустимость доказательств в цифровую эпоху: трансформация процессуальных стандартов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. - 2025. - № 1. - С. 30–35.

[3] Ковалева Н. В., Жук А. П. Допустимость электронных доказательств в гражданском процессе // Диалог. - 2025. - № 2. - С. 66–68.

[4] Староверова О. В. Зарубежный опыт правового регулирования представления (цифровых) электронных доказательств в гражданском процессе // Вестник экономической безопасности. - 2025. - № 5. - С. 113–117.

References:

[1] Kazikhanova S. S. Electronic evidence in the theory of forensic evidence//Digital Law Journal. - 2024. - VOL. 5. - № 4. - S. 79-95.

[2] Kostenko R.V. Admissibility of evidence in the digital age: transformation of procedural standards//Legal Bulletin of Kuban State University. - 2025. - № 1. - S. 30-35.

[3] Kovaleva N.V., Zhuk A.P. Admissibility of electronic evidence in civil proceedings//Dialogue. - 2025. - № 2. - S. 66-68.

[4] Staroverova O. V. Foreign experience in legal regulation of the presentation of (digital) electronic evidence in civil proceedings//Bulletin of Economic Security. - 2025. - № 5. - S. 113-117.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-810-815

ДЕМИДОВ Константин Сергеевич,

аспирант 2-го курса автономной некоммерческой научно-исследовательской организации «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина»,

e-mail: konst.demidov2017@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ ПРИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ В СТРАНАХ ЕАЭС

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности использования смарт-контрактов в трансграничной торговле стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте цифровой трансформации внешнеэкономической деятельности. Анализируется правовая природа смарт-контрактов, механизм их функционирования на базе технологии распределённого реестра, а также преимущества и риски применения в международной торговле. Особое внимание уделяется состоянию правового регулирования смарт-контрактов в национальном законодательстве государств-членов ЕАЭС, включая Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» в России и Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» в Беларуси. Выявлены правовые коллизии и пробелы в регулировании, связанные с отсутствием единого наднационального подхода и унифицированных стандартов. Рассмотрены практические аспекты внедрения смарт-контрактов в управлении логистическими цепочками, таможенном декларировании и финансовых расчётах между участниками торговли. Представлена оценка экономического эффекта от внедрения технологии, согласно которой сокращение транзакционных издержек может достигать 14-37% в зависимости от сектора. Обоснована необходимость гармонизации законодательства стран ЕАЭС, разработки типовых форм смарт-контрактов и создания механизмов разрешения споров, адаптированных к специфике блокчейн-технологий, что позволит обеспечить устойчивое развитие цифровой торговли в интеграционном объединении.*

Ключевые слова: *смарт-контракты, блокчейн, трансграничная торговля, Евразийский экономический союз, распределённый реестр, электронный документооборот, таможенное декларирование, токенизация активов, логистические цепочки, цифровые финансовые активы.*

DEMIDOV Konstantin Sergeevich,

second-year postgraduate student at the autonomous non-profit research organization “P.A. Stolypin international institute of informatization and public administration”

FEATURES OF USING SMART CONTRACTS IN CROSS-BORDER TRADE IN THE EAEU COUNTRIES

Annotation. *The article discusses the features of the use of smart contracts in cross-border trade of the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of the digital transformation of foreign economic activity. The legal nature of smart contracts, the mechanism of their functioning based on distributed registry technology, as well as the advantages and risks of application in international trade are analyzed. Particular attention is paid to the state of legal regulation of smart contracts in the national legislation of the EAEU member states, including the Federal Law “On Digital Financial Assets” in Russia and Decree No. 8 “On the Development of the Digital Economy” in Belarus. Legal conflicts and regulatory gaps associated with the lack of a single supranational approach and unified standards have been identified. The practical aspects of the implementation of smart contracts in the management of logistics chains, customs declarations and financial settlements between trade participants are considered. An assessment of the economic effect of introducing the technology is presented, according to which the reduction in transaction*

costs can reach 14-37% depending on the sector. The need to harmonize the legislation of the EAEU countries, develop standard forms of smart contracts and create dispute resolution mechanisms adapted to the specifics of blockchain technologies is substantiated, which will ensure the sustainable development of digital trade in the integration association.

Key words: *smart contracts, blockchain, cross-border trade, Eurasian Economic Union, distributed registry, electronic document management, customs declaration, asset tokenization, supply chains, digital financial assets.*

В условиях стремительной цифровизации международной торговли и углубления интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) особую актуальность приобретает задача оптимизации трансграничных торговых операций. Современные вызовы, связанные с глобальной конкуренцией и необходимостью повышения эффективности внешнеэкономической деятельности, диктуют потребность в поиске инновационных решений. В этом контексте блокчейн-технологии, в частности смарт-контракты, представляют собой перспективный инструмент для преодоления существующих барьеров в торговле между странами ЕАЭС.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей и перспектив применения смарт-контрактов в трансграничной торговле ЕАЭС, что позволит оценить их потенциал для создания конкурентоспособной евразийской цифровой экосистемы. Методологическую основу работы составили анализ нормативной базы, сравнительно-правовой метод, а также кейс-анализ практического опыта внедрения цифровых решений.

Понятие «смарт-контракт» было предложено криптографом Ником Сабо ещё в 1990-е годы, изначально обозначая компьютерный протокол, способный автоматически исполнять условия сделки [3, с. 16]. В технологическом смысле смарт-контракт представляет собой программный код, размещённый в распределённой информационной системе, чаще всего на базе блокчейна. Этот код при наступлении заранее определённых условий самостоятельно совершает предусмотренные действия без дополнительного волеизъявления сторон. Однако прямое заимствование такого определения в юридическую плоскость сопряжено с определёнными трудностями.

Право оперирует не столько кодом, сколько соглашением сторон, их волей и правовыми последствиями. В этой связи в доктрине сформировались два основных подхода: технический, рассматривающий смарт-контракт исключительно как программный алгоритм, и юридико-функциональный, признающий его формой фиксации или способом исполнения гражданско-правового договора. Для практикующих юристов принципиально важно различать эти уровни, поскольку смарт-контракт как код и как юридическая конструкция не всегда совпадают, хотя и тесно взаимосвязаны. Смарт-контракт функционирует на основании технологии распределённого реестра – блокчейна, представляющего собой децентрализованную, распределённую и неизменяемую цифровую базу данных, где информация хранится в виде цепочки блоков, связанных криптографическими методами.

Одним из ключевых преимуществ блокчейна является невозможность удаления или изменения данных, содержащихся в блоке; возможно лишь создание нового блока с актуальной информацией. Кроме того, все субъекты, имеющие доступ к этой цепочке, должны дать согласие на добавление новых блоков, что минимизирует риск мошеннических сделок. Для смарт-контракта характерны такие признаки, как применение исключительно в интернет-пространстве, автоматическое исполнение обязательств при наступлении установленных обстоятельств без дополнительного вмешательства сторон, а также прямая зависимость исполнения обязательств одной стороны от действий другой.

В настоящее время отсутствует единая классификация смарт-контрактов, однако с точки зрения исполнения соглашений можно выделить контроль имущественных отношений при операциях с цифровыми активами, финансовые сервисы и исполнение обязательств по кредитным продуктам [2, с. 79].

Механизм функционирования смарт-контрактов в торговых операциях базируется на блокчейн-платформах, которые служат основой для их работы. Эти децентрализованные базы данных, где все записи собираются в блоки и связываются криптографическими алгоритмами, обеспечивают безопасность и неизменность данных. Криптографическая защита реализуется через хеш-функции, алгоритмы консенсуса и цифровые подписи. Весь процесс реализации смарт-контракта делится на несколько шагов. Вначале закладываются условия смарт-контракта, далее определяется платформа и язык

программирования, на которых будет писаться код. После написания и тестирования кода смарт-контракт разворачивается в блокчейне, и автоматически происходит проверка и выполнение его условий. Одним из важнейших моментов в этом процессе являются оракулы, сервисы, которые предоставляют смарт-контрактам информацию из внешних источников, так как сами смарт-контракты не могут самостоятельно получать данные извне.

Оракулы дают возможность смарт-контрактам реагировать на внешние ситуации, к примеру, изменение цен или погодных условий. Помимо прочего, в торговых сделках важную роль может играть токенизация активов, которая представляет собой процесс создания цифровых аналогов прав на реальные или виртуальные активы. Это существенно облегчает торговлю, позволяет осуществлять дробное владение активами и упрощает автоматизацию операций [4, с. 240].

Смарт-контракты революционизируют международную торговлю: они позволяют экономить на комиссиях, устраняют лишних посредников и ускоряют платежи. Как только условия сделки прописаны в коде, расчеты становятся мгновенными и автоматическими. Помимо этого, блокчейн делает цепочки поставок прозрачными, всегда можно узнать, где находится товар и соблюдаются ли сроки.

Но полагаться только на технологии рискованно. Если код содержит ошибку, исправить ее практически невозможно, что влечет за собой финансовые потери. Ко всему прочему возникают юридические сложности: в разных странах свои нормы, и неясно, как решать споры в суде. К тому же публичность блокчейна не вполне совместима с коммерческой тайной, а при большом объеме транзакций система может попросту «зависать».

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) сейчас правовая база для таких технологий отсутствует. Нет единых стандартов, а основной Договор о ЕАЭС от 2014 года вообще не предусматривает никакого учета блокчейна или смарт-контрактов [6]. Все регулирование в настоящий момент находится в зачаточном состоянии и еще не достигло наднационального уровня. Решения Евразийской экономической комиссии по цифровой повестке, хотя и включают инициативы, связанные с цифровизацией, носят общий характер и не содержат конкретики относительно регулирования смарт-контрактов. Инициативы по созданию единого цифрового пространства ЕАЭС и проект цифровой платформы трансграничной торговли также пока не привели к разработке наднациональных норм, напрямую регулирующих смарт-контракты.

Национальное законодательство стран ЕАЭС демонстрирует различные подходы к регулированию смарт-контрактов. В России нет понятия смарт-контракта как такового. Но в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах» отражена возможность использовать смарт-контракты для осуществления сделок с токенизированными активами [7]. В Гражданском кодексе РФ также предусмотрена возможность исполнения обязательств с использованием информационных технологий. В Республике Беларусь Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» создаёт предпосылки для развития блокчейна и смарт-контрактов, особенно в части Парка высоких технологий [8]. В Казахстане в Концепции развития финтех-индустрии упоминаются цифровые технологии, но прямого регулирования смарт-контрактов нет, однако в Международном финансовом центре «Астана» действуют более либеральные правила.

Армения и Киргизия находятся на первом этапе разработки законодательства по смарт-контрактам, полноценные законы о них в этих странах пока отсутствуют. Но имеются существенные коллизии и пробелы в правовом регулировании. Различия в понимании правовой природы смарт-контрактов в доктрине и законодательстве разных стран ЕАЭС приводят к правовой неопределённости. Отсутствие унифицированных стандартов затрудняет трансграничное применение смарт-контрактов, поскольку требования к электронной подписи или формату документов могут существенно различаться.

Проблемы признания юридической силы электронных документов, а также вопросы подсудности и применимого права в случае споров между сторонами из разных стран ЕАЭС остаются нерешёнными. Кроме того, не урегулированы вопросы квалификации ошибок программного кода, распределения ответственности за некорректное исполнение, а также возможности одностороннего отказа или изменения условий смарт-контракта. Для гармонизации регулирования требуется разработка общих принципов на наднациональном уровне и координация усилий государств-членов.

Особенности применения смарт-контрактов в трансграничной торговле ЕАЭС тесно связаны со спецификой самого интеграционного объединения. Объёмы взаимной торговли стран ЕАЭС постоянно растут, достигнув 90,4 млрд долларов США в 2024 году, с прогнозом превышения 100 млрд долларов в 2025 году [9]. Основными товарными группами являются продовольственные товары, сельскохозяйственное сырьё, древесина, текстиль и металлы. Перевод таможенных органов стран ЕАЭС на электронное декларирование не

решил ряд системных проблем, препятствующих развитию внешней торговли.

В числе основных барьеров, технологическая разобщенность государств-членов, отсутствие единых протоколов авторизации и несоответствие используемых сегодня форматов данных международным стандартам. Кроме того, по-прежнему действующее требование о бумажной форме внешнеторговых договоров не позволяет полностью перевести процессы во взаимной торговле в цифровой формат.

Использование смарт-контрактов может значительно усовершенствовать торговые операции в рамках союза за счет автоматизации платежей и ведения сопроводительной документации. Это позволит избежать задержек при взаимных расчетах по торговым операциям и создаст базу для развития других финансовых сервисов, в том числе основанных на цифровых валютах.

В логистической сфере у блокчейн-технологий другой эффект, неизменность условий сделки и прослеживаемость грузов по всему цепочкам перемещений. Плюс автоматическое выполнение обязательств по контрактам увеличивает достоверность планирования расхода ресурсов и уменьшает потребность в избыточных обменах информацией.

На стадии таможенного администрирования смарт-контракты дают возможность автоматизировать верификацию документов, расчет пошлин и контроль за выполнением нетарифных мер. В частности, применение блокчейна в каналах цифровых сертификатов прекращению далеко не всегда честных дистрибьюторов подлинность товаров упрощает.

Изменения коснутся и банковского сопровождения внешней торговли: перевод аккредитивов и банковских гарантий в программный код ускорит процесс обеспечения обязательств по контрактам. Существующие технологические платформы (например, Ethereum, Hyperledger) уже сегодня позволяют создавать такие решения, хотя их внедрение на всем пространстве союза до сих пор сталкиваются с необходимостью формирования единой институциональной инфраструктуры в рамках ЕАЭС.

В ЕАЭС постепенно появляются цифровые проекты, в том числе «Цифровой ЕАЭС» или системы прослеживаемости товаров. Одной из задач в данной сфере является внедрение смарт-контрактов к уже существующим сервисам электронного документооборота, к примеру, российской ГИС ЭПД (система электронных торговых решений).

Для того, чтобы применить смарт-контракты в трансграничной торговле, следует решить проблему технической несовместимости: привести к единому формату данные и обеспечить взаимную работу (интероперабельность) различных блокчейн-платформ. Параллельно необходимо разработать правовые механизмы, на базе которых электронные торговые документы, выданные в одной стране, будут признаваться в другой.

Сейчас эти технологии внедряются на практике с помощью пилотных проектов. В России, смарт-контракты и блокчейн для логистики и финансов уже тестируют в Сбербанке, ВТБ и «Ростелекоме» [5, с. 767]. В Беларуси нормативную платформу для данного рода инициатив создал по аналогии с ПВТ вышеназванный Декрет. Если говорить о Казахстане, то здесь, для развития финтеха и смарт-контрактов, центром становится площадка МФЦА [1, с. 230]. Кроме того, совместные проекты по созданию единого цифрового пространства ЕАЭС позволяют на практике выявлять и устранять барьеры для масштабирования этих технологий.

Для внедрения смарт-контрактов необходимо подготовить четыре слоя: обучить персонал, обновить IT-инфраструктуру для работы с блокчейном, унифицировать бизнес-протоколы и наладить диалог между государством и бизнесом для формирования нормативной базы.

Экономию подтверждают расчеты: транзакционные издержки снижаются на 14,37%, ускоряются взаиморасчеты и документооборот. Автоматизация процессов также служит дополнительной защитой от коррупции. В масштабах ЕАЭС это может стать основой для стабильных торговых связей и повышения взаимного оборота между странами Союза.

Но развитие технологии сдерживают недостатки законодательства и отсутствие наднациональных стандартов. С технической точки зрения, это проблемы производительности блокчейн-сетей, а с управленческой, низкий уровень цифровой зрелости бизнеса и инертность рынка. Главным направлением политики в области регулирования остается работа над гармонизацией законодательства стран Союза для устранения правовых коллизий. Разработка типовых форм смарт-контрактов для торговли, а также создание механизмов разрешения споров, адаптированных к специфике блокчейн-технологий, являются важными шагами.

Регулирование ответственности за ошибки в коде смарт-контрактов и защита прав потребителей также требуют особого внимания. Перспективы развития цифровой торговли в ЕАЭС связаны с реализацией дорожной карты цифровой трансформации торговли. Интеграция

с глобальными инициативами, такими как Всемирная торговая организация (ВТО) и Организация Объединённых Наций (ООН), позволит ЕАЭС стать частью более широкой цифровой экосистемы.

Потенциал создания единой блокчейн-платформы ЕАЭС может значительно повлиять на конкурентоспособность интеграционного объединения, обеспечивая прозрачность, эффективность и безопасность торговых операций. Прогноз развития на период до 2030 года указывает на возрастающую роль цифровых технологий в международной торговле, что требует от стран ЕАЭС активной адаптации и внедрения инновационных решений.

Подытоживая, можно отметить, что проведённое исследование отражает высокую практическую значимость возможности интеграции распределённых реестров в трансграничную торговлю ЕАЭС. Ключевые аспекты их использования в условиях единого экономического пространства в первую очередь связаны с широкой перспективой снижения трансакционных издержек, ускорении торгового оборота повышении прозрачности и сокращении рисков торговцев и государств-партнёров. Однако для реализации всего потенциала необходимых предпринять совместные меры по гармонизации законодательства, выработке единых стандартов и подготовке соответствующей инфраструктуры.

Рекомендации для органов государственного регулирования и участников рынка включают активное участие в формировании наднационального права, инвестиции в цифровые компетенции и инфраструктуру, а также стимулирование пилотных проектов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на глубокое изучение вопросов разрешения споров, ответственности за ошибки в коде и защиты конфиденциальности данных, что позволит обеспечить устойчивое развитие цифровой торговли в рамках ЕАЭС.

Список литературы:

[1] Джусупов А.С., Джусупова Р.Ж., Казамбаева А.М. Перспективы внедрения технологий умных контрактов в финансовые операции Казахстана // Научный журнал «Вестник Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова». – 2025. – Т. 82. – №. 4. – С. 229-234.

[2] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – №. 4. – С. 78-105.

[3] Кобелев Н.К. Смарт-контракты: обзор степени изученности в российской научной лите-ратуре //Отечественная юриспруденция. – 2023. – №. 1 (50). – С. 15-19.

[4] Крыцула А.А. Правовой режим смарт-контрактов: код или договор //Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – №. 56. – С. 239-267.

[5] Лютиков С.В. Правовое регулирование и развитие смарт-контрактов в России // Актуальные проблемы развития российского законодательства и практика его применения. – 2022. – С. 766-781.

[6] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии http://www.eurasiancommission.org/, 05.06.2014.

[7] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.

[8] Декрет № 8 от 21.12.2017 «О развитии цифровой экономики» // Президент Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 25.02.2026).

[9] Тренды и перспективы товарооборота и инвестиций в рамках ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. – [Электронный ресурс]. URL: [вставь ссылку] (Дата обращения: 29.04.2026).

References:

[1] Dzhusupov A.S., Dzhusupova R.Zh., Kazambaeva A.M. Prospects for the introduction of smart contract technologies in financial transactions in Kazakhstan//Scientific journal “Bulletin of the Aktobe Regional University named after K. Zhubanov.” – 2025. - T. 82. – №. 4. - S. 229-234.

[2] Efimova L.G., Mikheeva IE, Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – №. 4. - S. 78-105.

[3] Kobelev N.K. Smart contracts: a review of the degree of study in the Russian scientific literature// Domestic jurisprudence. – 2023. – №. 1 (50). - S. 15-19.

[4] Krytsula A.A. Legal regime of smart contracts: code or contract//Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2022. – №. 56. - S. 239-267.

[5] Lyutikov S.V. Legal regulation and

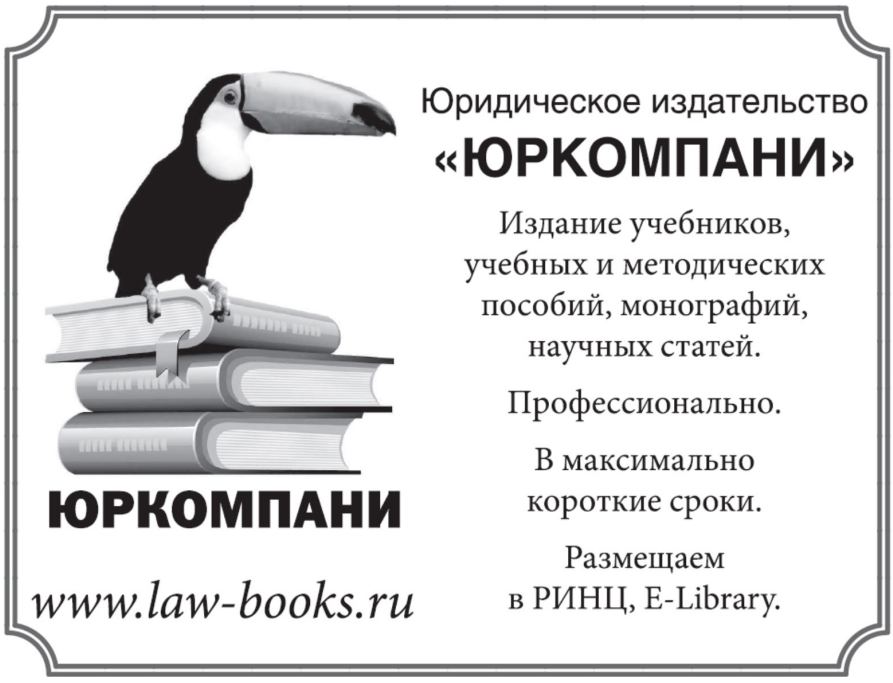
development of smart contracts in Russia//Actual problems of the development of Russian legislation and the practice of its application. – 2022. - S. 766-781.

[6] Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana 29.05.2014) (as amended by 25.05.2023)//Official website of the Eurasian Economic Commission http://www.eurasiancommission.org/, 05.06.2014.

[7] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended by 15.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - No. 31 (part I). - Art. 5018.

[8] Decree No. 8 of 21.12.2017 “ On the Development of the Digital Economy “//President of the Republic of Belarus [Electronic Resource]. --URL: https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (access date: 25.02.2026).

[9] Trends and prospects of trade and investment within the EAEU//Eurasian Economic Commission. - [Electronic resource]. URL: [insert link] (Accessed on: 29.04.2026).

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-816-823

БОНДАРЕВА Елена Владимировна,

Сочинский государственный университет, Факультет инновационных инженерных и цифровых технологий, Кафедра инфомационных технологий и математики, г. Сочи, Россия Доцент кафедры информационных технологий и математики, кандидат технических наук,

e-mail: bondareva_05@mail.ru

СТАРОДУМОВ Леонид Львович,

Сочинский государственный университет, Факультет инновационных инженерных и цифровых технологий, Кафедра инфомационных технологий и математики, г. Сочи, Россия Доцент кафедры информационных технологий и математики, кандидат педагогических наук,

e-mail: stalleon@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАСЧЕТНЫХ ОТМЕТОК УРОВНЯ МОРЯ

Аннотация. *При определении уровней моря разной обеспеченности в рамках преподавания курса «Гидрология» в высшей школе могут возникать проблемы, связанные с методологическими и практическими сложностями. В данной статье выстроен четкий алгоритм по расчету уровней моря и в качестве примера приведен расчет уровней моря различной обеспеченности в условиях Черного моря.*

Определение расчётных отметок уровня моря проводится для обоснования проектных решений в различных областях, связанных с морской деятельностью, строительством, гидрометеорологическими исследованиями и защитой территорий. Это позволяет учитывать возможные колебания уровня воды, связанные с природными явлениями (приливами, ветровым волнением, изменениями атмосферного давления, температурными колебаниями и другими факторами).

Так, при проектировании берегозащитных сооружений, портов, причалов, волноломов и других объектов, подверженных воздействию морских вод определение расчётных отметок уровня моря используется при определении максимально допустимых уровней подъёма воды и волн, с целью обеспечения безопасности конструкций и предотвращения их разрушения. Также данные о уровне моря необходимы для инженерных гидрологических изысканий, расчёта нагрузок на сооружения, планирования инженерной защиты территорий.

Ключевые слова: *уровень моря, коэффициенты вариации и асимметрии.*

BONDAREVA Elena Vladimirovna,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Technologies and Mathematics, Sochi State University

STARODUMOV Leonid Lvovich,

Associate Professor of the Department of Information Technology and Mathematics Sochi State University

DETERMINATION OF DESIGN SEA LEVEL ELEVATIONS

Annotation. *This article outlines a clear algorithm for calculating sea levels and provides an example of calculating sea levels of varying probability in the Black Sea.*

The determination of design sea level elevations is carried out to justify design decisions in various fields related to maritime activities, construction, hydrometeorological research, and territorial protection. This allows for the consideration of possible water level fluctuations associated with natural phenomena (tides, wind waves, atmospheric pressure changes, temperature fluctuations, and other factors).

For instance, when designing coastal protection structures, ports, piers, breakwaters, and other structures exposed to seawater, the determination of design sea level elevations is used to define the maximum permissible levels of water and wave rise, with the aim of ensuring structural safety and preventing their destruction. Sea level data is also necessary for engineering hydrological surveys, calculating loads on structures, and planning engineering protection of territories.

Key words: *sea level, coefficients of variation and skewness*.

В соответствии с нормативными документами [1,2] при определении нагрузок на гидротехнические сооружения отметки уровней моря должны иметь определенную обеспеченность в зависимости от класса капитальности гидротехнического сооружения.

Определение расчетных значений уровней моря заданной обеспеченности условно можно разбить на 3 этапа:

1. выполняется статистический анализ материалов многолетних наблюдений по данным МГ станции в районе исследуемого участка.
2. На основе обработки данных ряда натурных наблюдений рассчитываются коэффициенты вариации и асимметрии рядов уровней моря.
3. Выполняется расчет ординат кривых обеспеченности уровней и определяются расчетные значения уровней моря разной обеспеченности.

В данной статье рассмотрим определение расчетных значений уровней заданной обеспеченности на участке берега, расположенном на Черноморском побережье на основе данных ближайшей МГ станции за период, протяженностью более 50 лет, представленных в таблице 1.

Таблица 1 – Уровни моря по данным МГ станции

№ год	Средний	Максимальный	Минимальный
1	482	503	454
2	472	495	448
3	479	498	452
4	487	507	464
5	482	498	465
6	482	506	467
7	479	500	442
8	490	514	460
9	480	498	449
10	473	492	449
	470	488	448
12	474	497	459
13	479	499	456
14	472	487	455
15	479	500	454
16	482	504	456
17	484	507	452
18	485	502	468
19	491	511	460
20	484	513	452
21	477	493	455
22	481	498	458
23	478	494	460
24	480	500	453
25	485	505	464

26	489	506	470
27	481	496	466
28	477	494	461
29	483	505	465
30	478	502	462
31	475	499	457
32	478	496	456
33	486	513	467
34	485	507	469
35	490	513	472
36	490	509	470
37	492	511	471
38	488	508	469
39	487	506	464
40	491	507	474
41	483	505	466
42	492	509	472
43	496	511	479
44	490	514	472
45	483	501	458
46	483	501	465
47	489	509	470
48	503	526	479
49	489	511	462
50	484	502	467
51	495	522	469
52	490	509	467
53	487	506	465

На основе обработки данных ряда натурных наблюдений, представленных в таблице 1, в таблицах 2,3,4 в порядке убывания представлены уровни годовые средние, максимальные и минимальные.

Таблица 2 – Годовые уровни моря

Годовые средние						
N	H	H/Hср	K-1	(K-1)^2	(K-1)^3	P %
1	503	1,039702	0,039702	0,001576	0,00006	1,31
2	496	1,025233	0,025233	0,000637	0,00002	3,18
3	495	1,023166	0,023166	0,000537	0,00001	5,06
4	492	1,016965	0,016965	0,000288	0,00000	6,93
5	492	1,016965	0,016965	0,000288	0,00000	8,80
6	491	1,014898	0,014898	0,000222	0,00000	10,67
7	491	1,014898	0,014898	0,000222	0,00000	12,55
8	490	1,012831	0,012831	0,000165	0,00000	14,42
9	490	1,012831	0,012831	0,000165	0,00000	16,29
10	490	1,012831	0,012831	0,000165	0,00000	18,16

11	490	1,012831	0,012831	0,000165	0,00000	20,04
12	490	1,012831	0,012831	0,000165	0,00000	21,91
13	489	1,010764	0,010764	0,000116	0,00000	23,78
14	489	1,010764	0,010764	0,000116	0,00000	25,66
15	489	1,010764	0,010764	0,000116	0,00000	27,53
16	488	1,008697	0,008697	7,56E-05	0,00000	29,40
17	487	1,00663	0,00663	4,4E-05	0,00000	31,27
18	487	1,00663	0,00663	4,4E-05	0,00000	33,15
19	487	1,00663	0,00663	4,4E-05	0,00000	35,02
20	486	1,004563	0,004563	2,08E-05	0,00000	36,89
21	485	1,002496	0,002496	6,23E-06	0,00000	38,76
22	485	1,002496	0,002496	6,23E-06	0,00000	40,64
23	485	1,002496	0,002496	6,23E-06	0,00000	42,51
24	484	1,000429	0,000429	1,84E-07	0,00000	44,38
25	484	1,000429	0,000429	1,84E-07	0,00000	46,25
26	484	1,000429	0,000429	1,84E-07	0,00000	48,13
27	483	0,998362	-0,00164	2,68E-06	0,00000	50,00
28	483	0,998362	-0,00164	2,68E-06	0,00000	51,87
29	483	0,998362	-0,00164	2,68E-06	0,00000	53,75
30	483	0,998362	-0,00164	2,68E-06	0,00000	55,62
31	482	0,996295	-0,00371	1,37E-05	0,00000	57,49
32	482	0,996295	-0,00371	1,37E-05	0,00000	59,36
33	482	0,996295	-0,00371	1,37E-05	0,00000	61,24
34	482	0,996295	-0,00371	1,37E-05	0,00000	63,11
35	481	0,994228	-0,00577	3,33E-05	0,00000	64,98
36	481	0,994228	-0,00577	3,33E-05	0,00000	66,85
37	480	0,992161	-0,00784	6,15E-05	0,00000	68,73
38	480	0,992161	-0,00784	6,15E-05	0,00000	70,60
39	479	0,990094	-0,00991	9,81E-05	0,00000	72,47
40	479	0,990094	-0,00991	9,81E-05	0,00000	74,34
41	479	0,990094	-0,00991	9,81E-05	0,00000	76,22
42	479	0,990094	-0,00991	9,81E-05	0,00000	78,09
43	478	0,988027	-0,01197	0,000143	0,00000	79,96
44	478	0,988027	-0,01197	0,000143	0,00000	81,84
45	478	0,988027	-0,01197	0,000143	0,00000	83,71
46	477	0,98596	-0,01404	0,000197	0,00000	85,58
47	477	0,98596	-0,01404	0,000197	0,00000	87,45
48	475	0,981826	-0,01817	0,00033	-0,00001	89,33
49	474	0,979759	-0,02024	0,00041	-0,00001	91,20
50	473	0,977692	-0,02231	0,000498	-0,00001	93,07
51	472	0,975625	-0,02438	0,000594	-0,00001	94,94
52	472	0,975625	-0,02438	0,000594	-0,00001	96,82
53	470	0,971491	-0,02851	0,000813	-0,00002	98,69
Нср	483,7924528		Сумма	0,009898	0,00003	

Таблица 3 – Годовые максимальные уровни моря

Годовые максимальные						
N	H	H/Hср	К-1	(К-1)^2	(К-1)^3	P %
1	526	1,043846183	0,043846183	0,001922488	0,00008	1,31
2	522	1,035908189	0,035908189	0,001289398	0,00005	3,18
3	514	1,020032201	0,020032201	0,000401289	0,00001	5,06
4	514	1,020032201	0,020032201	0,000401289	0,00001	6,93
5	513	1,018047703	0,018047703	0,00032572	0,00001	8,80
6	513	1,018047703	0,018047703	0,00032572	0,00001	10,67
7	513	1,018047703	0,018047703	0,00032572	0,00001	12,55
8	511	1,014078706	0,014078706	0,00019821	0,00000	14,42
9	511	1,014078706	0,014078706	0,00019821	0,00000	16,29
10	511	1,014078706	0,014078706	0,00019821	0,00000	18,16
11	511	1,014078706	0,014078706	0,00019821	0,00000	20,04
12	509	1,010109709	0,010109709	0,000102206	0,00000	21,91
13	509	1,010109709	0,010109709	0,000102206	0,00000	23,78
14	509	1,010109709	0,010109709	0,000102206	0,00000	25,66
15	509	1,010109709	0,010109709	0,000102206	0,00000	27,53
16	508	1,008125211	0,008125211	6,6019E-05	0,00000	29,40
17	507	1,006140712	0,006140712	3,77083E-05	0,00000	31,27
18	507	1,006140712	0,006140712	3,77083E-05	0,00000	33,15
19	507	1,006140712	0,006140712	3,77083E-05	0,00000	35,02
20	507	1,006140712	0,006140712	3,77083E-05	0,00000	36,89
21	506	1,004156214	0,004156214	1,72741E-05	0,00000	38,76
22	506	1,004156214	0,004156214	1,72741E-05	0,00000	40,64
23	506	1,004156214	0,004156214	1,72741E-05	0,00000	42,51
24	506	1,004156214	0,004156214	1,72741E-05	0,00000	44,38
25	505	1,002171715	0,002171715	4,71635E-06	0,00000	46,25
26	505	1,002171715	0,002171715	4,71635E-06	0,00000	48,13
27	505	1,002171715	0,002171715	4,71635E-06	0,00000	50,00
28	504	1,000187217	0,000187217	3,50501E-08	0,00000	51,87
29	503	0,998202718	-0,001797282	3,23022E-06	0,00000	53,75
30	502	0,99621822	-0,00378178	1,43019E-05	0,00000	55,62
31	502	0,99621822	-0,00378178	1,43019E-05	0,00000	57,49
32	502	0,99621822	-0,00378178	1,43019E-05	0,00000	59,36
33	501	0,994233721	-0,005766279	3,325E-05	0,00000	61,24
34	501	0,994233721	-0,005766279	3,325E-05	0,00000	63,11
35	500	0,992249223	-0,007750777	6,00745E-05	0,00000	64,98
36	500	0,992249223	-0,007750777	6,00745E-05	0,00000	66,85
37	500	0,992249223	-0,007750777	6,00745E-05	0,00000	68,73
38	499	0,990264725	-0,009735275	9,47756E-05	0,00000	70,60
39	499	0,990264725	-0,009735275	9,47756E-05	0,00000	72,47
40	498	0,988280226	-0,011719774	0,000137353	0,00000	74,34
41	498	0,988280226	-0,011719774	0,000137353	0,00000	76,22
42	498	0,988280226	-0,011719774	0,000137353	0,00000	78,09

43	498	0,988280226	-0,011719774	0,000137353	0,00000	79,96
44	497	0,986295728	-0,013704272	0,000187807	0,00000	81,84
45	496	0,984311229	-0,015688771	0,000246138	0,00000	83,71
46	496	0,984311229	-0,015688771	0,000246138	0,00000	85,58
47	495	0,982326731	-0,017673269	0,000312344	-0,00001	87,45
48	494	0,980342232	-0,019657768	0,000386428	-0,00001	89,33
49	494	0,980342232	-0,019657768	0,000386428	-0,00001	91,20
50	493	0,978357734	-0,021642266	0,000468388	-0,00001	93,07
51	492	0,976373235	-0,023626765	0,000558224	-0,00001	94,94
52	488	0,968435242	-0,031564758	0,000996334	-0,00003	96,82
53	487	0,966450743	-0,033549257	0,001125553	-0,00004	98,69
Hср	504		Сумма	0,012439024	0,00005	

Таблица 4 – Годовые минимальные уровни моря

Годовые минимальные						
N	H	H/Hср	K-1	(K-1)^2	(K-1)^3	P %
1	449	0,969335154	-0,030664846	0,000940333	-0,00003	1,42
2	452	0,975811781	-0,024188219	0,00058507	-0,00001	3,44
3	452	0,975811781	-0,024188219	0,00058507	-0,00001	5,47
4	452	0,975811781	-0,024188219	0,00058507	-0,00001	7,49
5	453	0,977970657	-0,022029343	0,000485292	-0,00001	9,51
6	454	0,980129533	-0,019870467	0,000394835	-0,00001	11,54
7	454	0,980129533	-0,019870467	0,000394835	-0,00001	13,56
8	455	0,982288408	-0,017711592	0,0003137	-0,00001	15,59
9	455	0,982288408	-0,017711592	0,0003137	-0,00001	17,61
10	456	0,984447284	-0,015552716	0,000241887	0,00000	19,64
11	456	0,984447284	-0,015552716	0,000241887	0,00000	21,66
12	456	0,984447284	-0,015552716	0,000241887	0,00000	23,68
13	457	0,986606159	-0,013393841	0,000179395	0,00000	25,71
14	458	0,988765035	-0,011234965	0,000126224	0,00000	27,73
15	458	0,988765035	-0,011234965	0,000126224	0,00000	29,76
16	459	0,990923911	-0,009076089	8,23754E-05	0,00000	31,78
17	460	0,993082786	-0,006917214	4,78478E-05	0,00000	33,81
18	460	0,993082786	-0,006917214	4,78478E-05	0,00000	35,83
19	460	0,993082786	-0,006917214	4,78478E-05	0,00000	37,85
20	461	0,995241662	-0,004758338	2,26418E-05	0,00000	39,88
21	462	0,997400538	-0,002599462	6,75721E-06	0,00000	41,90
22	462	0,997400538	-0,002599462	6,75721E-06	0,00000	43,93
23	464	1,001718289	0,001718289	2,95252E-06	0,00000	45,95
24	464	1,001718289	0,001718289	2,95252E-06	0,00000	47,98
25	464	1,001718289	0,001718289	2,95252E-06	0,00000	50,00
26	465	1,003877164	0,003877164	1,50324E-05	0,00000	52,02
27	465	1,003877164	0,003877164	1,50324E-05	0,00000	54,05
28	465	1,003877164	0,003877164	1,50324E-05	0,00000	56,07

29	465	1,003877164	0,003877164	1,50324E-05	0,00000	58,10
30	466	1,00603604	0,00603604	3,64338E-05	0,00000	60,12
31	466	1,00603604	0,00603604	3,64338E-05	0,00000	62,15
32	467	1,008194916	0,008194916	6,71566E-05	0,00000	64,17
33	467	1,008194916	0,008194916	6,71566E-05	0,00000	66,19
34	467	1,008194916	0,008194916	6,71566E-05	0,00000	68,22
35	467	1,008194916	0,008194916	6,71566E-05	0,00000	70,24
36	468	1,010353791	0,010353791	0,000107201	0,00000	72,27
37	469	1,012512667	0,012512667	0,000156567	0,00000	74,29
38	469	1,012512667	0,012512667	0,000156567	0,00000	76,32
39	469	1,012512667	0,012512667	0,000156567	0,00000	78,34
40	470	1,014671542	0,014671542	0,000215254	0,00000	80,36
41	470	1,014671542	0,014671542	0,000215254	0,00000	82,39
42	470	1,014671542	0,014671542	0,000215254	0,00000	84,41
43	471	1,016830418	0,016830418	0,000283263	0,00000	86,44
44	472	1,018989294	0,018989294	0,000360593	0,00001	88,46
45	472	1,018989294	0,018989294	0,000360593	0,00001	90,49
46	472	1,018989294	0,018989294	0,000360593	0,00001	92,51
47	474	1,023307045	0,023307045	0,000543218	0,00001	94,53
48	479	1,034101423	0,034101423	0,001162907	0,00004	96,56
49	479	1,034101423	0,034101423	0,001162907	0,00004	98,58
Hср	463		Сумма	0,011884707	0,00001	

Расчет статистических параметров рядов натурных наблюдений, представленных в уровней моря выполнен согласно требований таблицах 2-4, рассчитаны коэффициенты п.5.4 «Свода правил» [3]. вариации и асимметрии рядов уровней моря,

На основе обработки данных ряда которые представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Коэффициенты вариации и асимметрии рядов уровней моря

Уровень моря	Коэффициенты вариации (Cv) и асимметрии (Cs)	
Наивысшие за год	Cv	0,0155
	Cs	0,2474
Среднегодовые	Cv	0,0138
	Cs	0,2179
Наинизшие за год	Cv	0,0157
	Cs	0,0505

Результаты расчета ординат кривых обеспеченности уровней представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Ординаты кривой обеспеченности уровней моря у рассматриваемого участка берега

	Годовые средние									
	0,1	1	3	5	10	20	25	30	40	50
Ф	3,42	2,49	1,97	1,71	1,30	0,83	0,65	0,50	0,22	-0,04

Ф · Cv	0,05	0,03	0,03	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01	0,00	0,00
1+(Ф · Cv)	1,05	1,03	1,03	1,02	1,02	1,01	1,01	1,01	1,00	1,00
[1+Ф · Cv)] · Hср	507	500	497	495	492	489	488	487	485	484
Годовые максимальные										
	0,1	1	3	5	10	20	25	30	40	50
Ф	3,45	2,5	1,98	1,71	1,3	0,82	0,64	0,49	0,21	-0,04
Ф · Cv	0,05	0,04	0,03	0,03	0,02	0,01	0,01	0,01	0,00	0,00
1+(Ф · Cv)	1,05	1,04	1,03	1,03	1,02	1,01	1,01	1,01	1,00	1,00
[1+(Ф · Cv)] · Hср	531	523	519	517	514	510	509	508	506	504
Годовые минимальные										
	0,1	1	3	5	10	20	25	30	40	50
Ф	3,16	2,36	1,9	1,65	1,28	0,84	0,65	0,52	0,24	-0,01
Ф · Cv	0,05	0,04	0,03	0,03	0,02	0,01	0,01	0,01	0,00	0,00
1-(Ф · Cv)	0,95	0,96	0,97	0,97	0,98	0,99	0,99	0,99	1,00	1,00
[1-(Ф · Cv)] · Hср	440	446	449	451	454	457	458	459	461	463

Где: Ф – отклонение ординат биноминальной кривой обеспеченности;

Ф х Cv – отклонение ординат при коэффициенте вариации отличном от единицы;

(Ф х Cv+1) Hср – уровни разной обеспеченности, в сантиметрах над нулем графика поста.

Расчетные значения уровней моря разной обеспеченности представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Расчетные уровни моря, см

Вид уровня моря	Обеспеченность в %					
	0,1	1	5	10	30	50
Наивысшие за год	531	523	517	514	508	504
Среднегодовые	507	500	495	492	487	484
Наинизшие за год	440	446	451	454	459	463

Согласно данных таблицы 7 для исследуемого участка берега средняя отметка из наивысших уровней моря равна 504 см (+0,4 м БС), из среднегодовых – 484 см (-0,16 м БС), из наинизших – 463 см (-0,37 м БС). Уровень моря 1% обеспеченности из наивысших годовых составляет 523 см (+0,23 м БС). Уровень моря 5% обеспеченности из наивысших годовых равен 517 см (+0,17 м БС).

Список литературы:

[1] 38.13330.2012 «Нагрузки и воздействия на гидротехнические сооружения (волновые, ледовые и от судов)». Актуализированная редакция СНиП 2.06.04-82*. М., 2012.

[2] СП 58.13330.2012 «Гидротехнические сооружения. Основные положения». Актуализированная редакция СНиП 33-01-2003. М., 2012.

[3] СП 32-103-97. «Проектирование морских берегозащитных сооружений». Корпорация «Трансстрой». М., 1998. 222 с.

References:

[1] 38.13330.2012 Loads and Impacts on Hydraulic Structures (Wave, Ice and from Vessels). Updated revision of SNiP 2.06.04-82 *. M., 2012.

[2] SP 58.13330.2012 “Hydraulic structures. Basic provisions.” Updated revision of SNiP 33-01-2003. M., 2012.

[3] SP 32-103-97. “Design of offshore shore protection structures.” Transstroy Corporation. M., 1998. 222 pp.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-824-828

САМИГУЛЛИН Венир Калимуллович,

доктор юридических наук, профессор,
Уфимский юридический институт МВД России,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,

e-mail: Svenir@internet.ru

ПРАВОПОРЯДОК В ДИСКУРСЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *В статье в проблемном ключе рассматривается правопорядок как социально-юридический феномен, анализируемый сквозь призму культуры. На взгляд автора статьи, правопорядок не может быть понят вне культурного контекста, вне традиций, ценностей, норм и образцов поведения, укоренённых в сознании и повседневной жизни народа. Предлагается различать узко-юридическое (формальное) и широкое (культурологическое) понимание правопорядка. На основе данных истории, антропологии, философии права и культурологии выделяются восточный и западный типы правопорядка, а также смешанные и переходные формы. Автор обращает внимание, что правопорядок не только устанавливается государством, но и «вырастает» из культуры, поэтому его устойчивость и легитимность напрямую зависят от соответствия культурным кодам общества. Особое внимание уделено соотношению традиции и новации в поддержании правопорядка, а также роли правосознания, языка, религии и морали. Констатируется, что теоретическая разработка проблематики правопорядка в дискурсе культуры ещё далека от завершения и требует дальнейших междисциплинарных исследований.*

Ключевые слова: *правопорядок, культура, дискурс, традиция, новация, правосознание, типы правопорядка, Восток, Запад, правовая культура.*

SAMIGULLIN Venir Kalimullovich,

Doctor of Law, Professor,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Professor of the Department of State Law disciplines

LEGAL ORDER IN THE DISCOURSE OF CULTURE

Annotation. *The article examines, in a problem-oriented manner, the legal order as a socio-legal phenomenon analyzed through the prism of culture. In the opinion of the author of the article, legal order cannot be understood outside the cultural context, outside the traditions, values, norms and patterns of behavior rooted in the consciousness and everyday life of the people. It is proposed to distinguish between a narrow (formal) legal understanding of legal order and a broad (culturological) one. Based on data from history, anthropology, philosophy of law and cultural studies, Eastern and Western types of legal order, as well as mixed and transitional forms, are identified. The author notes that legal order is not only established by the state but also «grows» out of culture, therefore its stability and legitimacy directly depend on compliance with the cultural codes of society. Special attention is paid to the relationship between tradition and innovation in maintaining legal order, as well as to the role of legal consciousness, language, religion and morality. It is stated that the theoretical development of the issues of legal order in the discourse of culture is still far from complete and requires further interdisciplinary research.*

Key words: *legal order, culture, discourse, tradition, innovation, legal consciousness, types of legal order, East, West, legal culture.*

Наука там, где закономерность. Но можно ли говорить о закономерностях правопорядка, если рассматривать его не только как формальную определённость общественных отношений, закреплённую законом и обеспеченную государственным принуждением, но и как явление культуры – многомерное, исторически изменчивое, впитывающее в себя язык, религию, обычаи, нравственные идеалы и коллективные представления народа? Представляется, что без ответа на этот вопрос любое теоретизирование о правопорядке оказывается неполным, а практические усилия по его укреплению – малоэффективными. Ибо правопорядок, если основательно вдуматься, – это не только режим законности и не только система правоотношений. Это ещё и определённое состояние культуры, мера согласия между нормативным предписанием и реальным поведением, между долженствованием и сущим, между словом закона и совестью человека.

В юридической литературе советского периода, а отчасти и в постсоветской правовой науке, правопорядок принято было рассматривать почти исключительно в инструментальном ключе: как результат действия правовых норм, как состояние упорядоченности, достигаемое силой принуждения. Культурные же аспекты этой проблемы либо вовсе игнорировались, либо отодвигались на периферию в рубрику «правовая культура». Однако такое узкое видение, предствляется, не выдерживает сопоставления с фактами реальности. Достаточно сравнить, как функционирует правопорядок, например, в современной Японии. В этой стране огромную роль играют традиционные механизмы медиации и «сохранение лица», и в странах Западной Европы, где доминируют формальные судебные процедуры. Везде имеются законы, существуют суды, функционирует полиция – но правопорядок не одинаковый, а разный. Почему? Ответ, очевидно, лежит в плоскости культуры. Что же такое «дискурс культуры» применительно к правопорядку? Не вдаваясь в излишнее терминологическое многообразие, под дискурсом культуры мы будем понимать совокупность смыслов, ценностей, нарративов, символов и практик, которые разделяются членами данного общества и через которые они осмысливают и оценивают феномены порядка и беспорядка, законного и незаконного, справедливого и несправедливого. Дискурс культуры задаёт ту самую «оптику», сквозь которую граждане видят правопорядок – либо как нечто чужое, навязанное, либо как органичную часть своей жизни. Конструктивен взгляд, согласно которому все учения о правопорядке, если классифицировать их по отношению к культуре, могут быть разделены на три основные группы. Представим это в виде таблицы. См. Таблицу 1.

Таблица 1. Типология подходов к правопорядку в дискурсе культуры

	Группы подходов	Основная характеристика	Примеры
	1	2	3
1	Нормативистский (узко-юридический)	Правопорядок отождествляется с законностью, рассматривается как формальное соответствие поведения нормам права, независимо от культурного контекста	Ганс Кельзен, юридическая наука советского периода (марксистско-ленинская теория государства и права)
2	Культуроцентрический (широкий)	Правопорядок понимается как элемент культуры, укоренённый в традициях, обычаях, религии и морали; закон эффективен лишь тогда, когда инкорпорирован в культурный код	Историческая школа права (Савиньи), Л.И. Петражицкий, некоторые направления правовой антропологии)
3	Синтетический	Правопорядок есть результат взаимодействия формальных (государственно-правовых) и неформальных (культурных, социальных) регуляторов; признаётся их взаимовлияние	Современные интегративные теории права, концепция «живого права»

Приведенная классификация – не жёсткая. В чистом виде эти подходы встречаются редко.

Однако для анализа, особенно в сравнительно-правовом ключе, она думается вполне приемлемая.

Наука там, где закономерность. Какие же закономерности можно выявить, рассматривая правопорядок в дискурсе культуры? В порядке обсуждения обозначим следующие три закономерности.

Первая закономерность. В обществах, где правовая система формировалась «сверху» – по воле монарха или революционной власти, без опоры на укоренённые культурные традиции, – правопорядок оказывается непрочным, требует постоянного и массированного принуждения, а его нарушения воспринимаются населением не как проступок против общего блага, а как сопротивление чуждой силе. Напротив, там, где правопорядок постепенно «вырастает» из народных обычаев, из практики мирного разрешения споров, из общепризнанных нравственных заповедей, он пользуется более высокой легитимностью и самоподдерживающейся устойчивостью.

В качестве ***второй*** закономерности можно указать на следующее. Правопорядок и культура находятся в отношениях взаимного конструкта. Культура производит определённые типы правопорядка (восточный, западный), а сложившийся правопорядок, в свою очередь, формирует культурные стереотипы поведения – привычку к законопослушанию или, напротив, к обходу закона. Привычки сердца и нравы значат для демократии не меньше, чем формальные институты [1].

Третья закономерность: переход от одного культурного типа правопорядка к другому. Например, от общинного к индивидуализированному. Такой переход невозможен без глубоких культурных сдвигов, которые занимают не одно десятилетие. Взгляд, согласно которому достаточно принять хорошие законы, и правопорядок наладится, есть иллюзия и весьма опасная. Законы будут либо игнорироваться, либо использоваться как ширма для произвола, если они противоречат культурным установкам большинства.

Исходя из данных современных исследователей – антропологов, культурологов, историков права – в качестве основных факторов, определяющих специфику правопорядка в различных культурных дискурсах, могут быть названы:

1. религиозные основания (исламский правопорядок с его шариатом, правопорядок в обществах протестантской этики, христианская традиция в православной (византийской) версии и др.);

2. тип социальной организации (общинный или индивидуалистический, патриархальный или эгалитарный);

3. отношение к закону как к ценности (легизм в Китае, идея «правового государства» на Западе, «правда» в русской традиции);

4. способы разрешения конфликтов (состязательный процесс versus медиация и примирение; публичное наказание versus восстановительные практики);

5. язык права – то, как правовые категории и понятия соотносятся с повседневной речью, с моральным словарём народа.

Конструктивен взгляд, отстаиваемый рядом мыслителей [М. Вебер (1864 – 1920), Р. Давид (1906 – 1990), В.С. Нерсесянц (1938 – 2005)], по которому предлагается различать восточный и западный типы правопорядка. При этом, как и в случае с происхождением государства, восточный путь формирования правопорядка древнее. Для него характерно: доминирование ритуала и обычая над законом (обычай не закон, но действует как закон), синкретизм правовых и нравственно-религиозных предписаний, слабое различение права и морали, высокая роль коллектива, приоритет примирительных процедур. Западный тип правопорядка (восходящий к римскому праву) – это формальная определённость, автономия права от морали и религии, отработанные процедурно-процессуальные формы, верховенство закона, гарантии прав личности (человека и гражданина) [4].

Однако было бы ошибочным абсолютизировать это различие. Современные исследования показывают, что в реальной жизни любого общества сосуществуют элементы и восточного, и западного типов. Более того, такой тип правопорядка, который может быть обозначен как смешанный. Это отнюдь не эклектика, а живая адаптация правовых институтов к конкретному культурному ландшафту. Важнейшей категорией, связывающей правопорядок и культуру, является правовая традиция. Традиция (от лат. traditio – передача) в данном контексте выступает как механизм трансляции ценностей, образцов поведения, способов толкования и применения норм от поколения к поколению. Новация же – как обновление, вызванное изменением культурной среды. При этом, заметим, не всякая новация полезна для правопорядка, и далеко не всякая традиция заслуживает сохранения. Проблема в том, чтобы найти меру соотношения традиции и новации. Применительно к правопорядку в дискурсе культуры эта мера есть степень согласованности новых правовых институтов с глубинными культурными кодами народа. Игнорирование культурных кодов – верный путь к правовому нигилизму [2].

Можно ли, изучая различные культуры в сопоставлении с состоянием их правопорядка, установить некие универсальные, общечеловеческие основания правопорядка? Данные современной науки, в том числе международно-правовые документы (Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 года, Международные пакты о правах человека), дают утвердительный ответ. Право на жизнь, на личное достоинство, на справедливое правосудие, на защиту от произвола – эти ценности признаны сегодня глобальной культурой. Однако пути их институционализации, конкретные механизмы и процедуры могут различаться в зависимости от культурного дискурса. И в этом смысле правопорядок всегда локален, даже когда он апеллирует к универсальным принципам.

Отдельного рассмотрения заслуживает языковая ткань правопорядка. Не случайно в средневековом праве формулировались целые доктрины о значении слов, о клятвах, о символических действиях. Слова закона – это не просто знаки; они – часть культуры. Одно и то же предписание, выраженное на официальном [5], книжном языке и на живом, понятном большинству языке, будет по-разному восприниматься и по-разному влиять на поведение. Отсюда – проблема перевода правовых норм на язык повседневности, проблема правового просвещения и образования. Это не техническая, а именно культурная задача. В Российской Федерации, как и во многих других странах, проблематика правопорядка в дискурсе культуры обостряется в связи с многонациональным и многоконфессиональным составом населения. Здесь сталкиваются разные культурные традиции: от сельских общин, сохраняющих элементы обычного права, до мегаполисов с западными стандартами делового оборота. Как обеспечить единый в своей основе правопорядок при уважении к культурному разнообразию? Это, пожалуй, один из сложнейших вопросов, на который невозможно дать однозначный ответ. Ясно одно: игнорирование культурных различий ведёт к конфликтам, а их абсолютизация – к распаду государства.

В заключение позволим себе несколько выводов, которые носят предварительный характер.

1. Правопорядок не может быть адекватно понят и тем более эффективно построен без его рассмотрения в дискурсе культуры. Культура – не внешний фон, а внутренняя пружина правопорядка, его живая субстанция.

2. Необходима развернутая классификация подходов к правопорядку по признаку их отношения к культуре, что позволяет упорядочить многообразие существующих теорий и практик.

3. Восточный и западный типы правопорядка – это не застывшие модели, а идеально-типические конструкции, которые в реальности смешиваются, порождая переходные и гибридные формы.

4. Традиции и новации в правопорядке требуют осторожного и взвешенного сочетания: радикальный разрыв с традицией разрушает легитимность правопорядка, а полное отрицание новаций обрекает его на застой и отчуждение от динамики общества.

5. Наиболее перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение конкретных механизмов «вращивания» правовых норм в культурный опыт народа – через образование, язык, медиа, семью, религиозные институты.

Государства не только образуются, но и распадаются, гибнут и возрождаются [3]. То же самое можно сказать о правопорядке – особенно в его культурном измерении. Культурные коды могут утрачиваться, забываться, замещаться чуждыми образцами – и тогда правопорядок становится формальной оболочкой, не защищённой доверием и привычкой. Напротив, возрождение культурной традиции способно вдохнуть новую жизнь в правопорядок. Вопрос о правопорядке в дискурсе культуры – это, по существу, вопрос о том, как сделать так, чтобы закон был не внешней силой, а внутренним убеждением, чтобы соблюдение правил стало второй натурой человека. Ответ на этот вопрос лежит не столько в сфере юриспруденции, сколько в сфере воспитания, языка, искусства – всего того, что составляет культуру. И потому, на взгляд автора, будущее теории права – за её сближением с культурологией, антропологией, социологией и психологией. Только на путях междисциплинарного синтеза можно установить важнейшие закономерности, объясняющие, почему в одних культурах правопорядок цветёт, а в других – прозябает, почему одни законы живут, а другие умирают.

Наука там, где закономерность. Но закономерности правопорядка в дискурсе культуры ещё ждут своего исследователя.

Список литературы:

[1] Самигуллин В.К. О теориях происхождения государства // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 8–16.

[2] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. М. : Издательская группа «Прогресс», 1990. 808 с.

[3] Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные

правовые системы современности : пер. с фр. М. : Международные отношения, 2009. 456 с.

[4] Нерсесянц В.С. Философия права : учебник для вузов. М. : ИНФРА-М, 2017. 848 с.

[5] Краснова, С. В. Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений / С. В. Краснова // Право и государственность. – 2026. – № 1(10). – С. 52-56.

References:

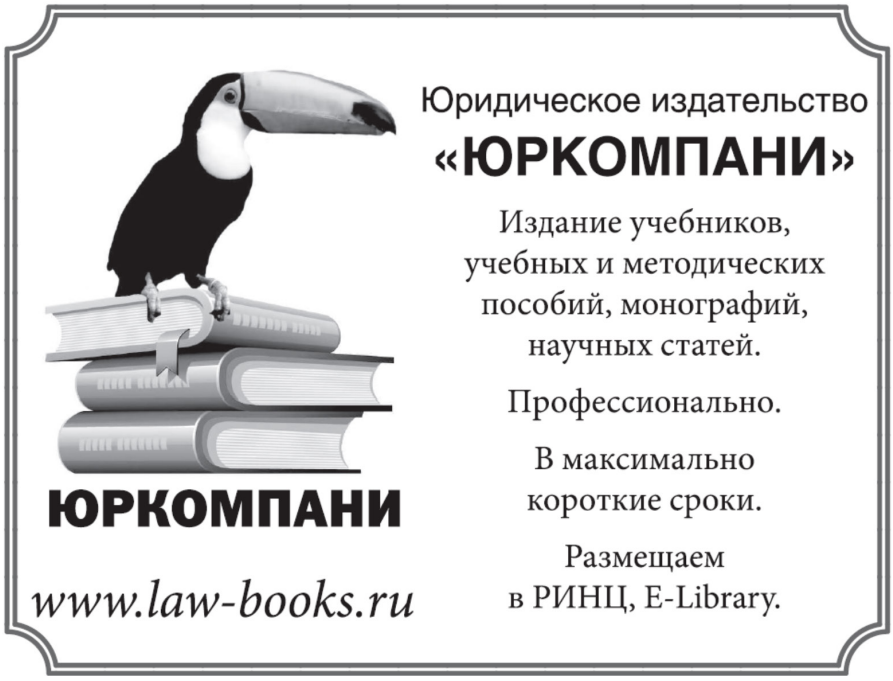
[1] Samigullin V.K. On theories of the origin of the state // Law and statehood. 2025. № 1 (6). S. 8-16.

[2] Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism: trans. With German. M.: Publishing group “Progress,” 1990. 808 pp.

[3] David R., Joffre-Spinosi K. The main legal systems of our time: trans. From French M.: International Relations, 2009. 456 pp.

[4] Nersesyants V.S. Philosophy of law: textbook for universities. M.: INFRA-M, 2017. 848 pp.

[5] Krasnova, S.V. National projects in the system of legal regulation of public relations / S.V. Krasnova // Law and statehood. – 2026. – № 1(10). - S. 52-56.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-829-836

СОРОКИНА Наталья Ивановна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: sorokina_na@urgau.ru

РАХИМОВА Тахмина Рахматовна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: taxmina-2016@bk.ru

СТЕПАНОВ Роман Иванович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: stepanov_ri@urgau.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: makarova_tn@urgau.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,

преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский государственный аграрный университет,

e-mail: volkova_sa@urgau.ru

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ: СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ И СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается синтаксическая синонимия как система функционально близких, но не полностью тождественных конструкций в таджикском и английском языках. Цель исследования состоит в выявлении способов передачи сходного грамматико-семантического содержания средствами различных синтаксических моделей: придаточных предложений, сжатых оборотов, предложных и инфинитивных конструкций, атрибутивных словосочетаний, а также активных и пассивных форм.*

Источниковую базу работы составили диссертационное исследование и автореферат автора настоящей статьи, а также научные публикации, посвящённые синонимическим структурам, динамической синонимии и стилистическим функциям синтаксических средств.

Методологическую основу исследования образует сопоставительный анализ конструкций с учётом их семантики, грамматической формы, коммуникативного центра, стилистической окраски и переводческой эквивалентности. Установлено, что синтаксические синонимы при сохранении общего содержания по-разному распределяют логический акцент, степень эксплицитности и характер связи между компонентами высказывания.

Научная значимость статьи заключается в уточнении роли синтаксической синонимии в сопоставительном описании разносистемных языков и в практике перевода.

Ключевые слова: *синтаксическая синонимия, синтаксический синоним, разносистемные языки, таджикский язык, английский язык, сопоставительный анализ, грамматическая семантика, синтаксическая конструкция, коммуникативная функция, переводческая эквивалентность.*

SOROKINA Natalia Ivanovna,

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State Agrarian University

RAKHIMOVA Takhmina Rakhmatovna,

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State Agrarian University

STEPANOV Roman Ivanovich,

Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State Agrarian University

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,

Lecturer, Department of Foreign Languages, Ural State Agrarian University

SYNONYMOUS RESOURCES OF LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS: SEMANTIC-STYLISTIC AND SYNTAGMATIC ORGANIZATION

Annotation. *The article examines syntactic synonymy as a system of functionally close, but not completely identical, constructions in the Tajik and English languages. The aim of the study is to identify the ways in which similar grammatical and semantic content is conveyed by means of different syntactic models: subordinate clauses, condensed constructions, prepositional and infinitive constructions, attributive word combinations, as well as active and passive forms.*

The source base of the study consists of the dissertation research and the abstract of the author of the present article, as well as scholarly publications devoted to synonymous structures, dynamic synonymy, and the stylistic functions of syntactic means.

The methodological basis of the study is formed by a comparative analysis of constructions, taking into account their semantics, grammatical form, communicative focus, stylistic colouring, and translational equivalence. It has been established that syntactic synonyms, while preserving the general content, distribute logical emphasis, the degree of explicitness, and the nature of the relationship between the components of an utterance in different ways.

The scholarly significance of the article lies in clarifying the role of syntactic synonymy in the comparative description of languages belonging to different systems and in translation practice.

Key words: *syntactic synonymy, syntactic synonym, languages of different systems, Tajik language, English language, comparative analysis, grammatical semantics, syntactic construction, communicative function, translational equivalence.*

Синонимия в разносистемных языках обнаруживает не только близость языковых единиц, но и пределы их взаимозаменяемости. Для таджикского, английского и русского материала это особенно существенно: слово или конструкция могут соотноситься с одной и той же предметной областью, но отличаться оттенком значения, регистром, сочетаемостью, синтаксическим акцентом или речевой функцией. Поэтому синоним не является простым «заместителем» другой единицы. Он входит в систему выбора, где смысловая близость всегда соотнесена с различием.

Научная задача статьи состоит в том, чтобы связать несколько уровней описания: лексико-семантический, стилистический, синтагматический, синтаксический и переводческий. Такой ракурс важен для сопоставительного языкознания: в одном языке оттенок может быть закреплён за отдельным словом, в другом – за устойчивой парной формулой, а в третьем – за синтаксической конструкцией или порядком компонентов. Материалом служат только опубликованные исследования, уже привлечённые к статье; диссертационные и авторефективные тексты автора не используются.

В центре внимания находится синонимический ряд как микросистема. В ней общий семантический центр объединяет единицы, а различительные признаки сохраняют их самостоятельность. Именно эта двойственность делает синонимию продуктивным объектом лексикологии, семасиологии, стилистики и теории перевода.

Материал и методика исследования

Источниковую базу составляют статьи Л.Г.

Хисматуллиной о критериях организации слов в синонимическое гнездо; Е.А. Баяндуровой и Ж.С. Калустьянц о семантических и функциональных связях английских синонимов; М.З. Даминовой о композиционно-стилистических свойствах синонимических единиц русского и таджикского языков; М.Н. Имомовой об употреблении парных синонимов; Ш. Кабирова и М.Б. Аюбовой о сочетаемости обычных и имяобразовательных слов; Е.А. Яновой и С.Х. Казиахмедовой о связи синонимии со структурой языкового значения и переводом; А.П. Чулановой о динамической синонимии высказываний; М.Н. Тилляходжаевой и Ш.И. Хакимовой о лексическом богатстве национального языка; Н.Ф. Михеевой и Ф.А. Ахмедовой о фразеологической синонимии в русском, английском и таджикском языках.

Методика анализа включает компонентное выделение общих и дифференциальных сем, контекстуальное описание сочетаемости, сопоставление таджикских, английских и русских единиц, а также интерпретацию переводческих следствий. Цитаты и языковые примеры сохраняются в исходной форме; после каждого значимого фрагмента даётся авторский комментарий, чтобы показать, как он работает на доказательство основной идеи статьи.

1. Синонимический ряд: тождество как основание, различие как условие существования

Синонимический ряд возникает тогда, когда слова или конструкции имеют общий смысловой центр. Но этот центр не означает полного совпадения значений. Хисматуллина формулирует это положение предельно точно:

«При этом “тождество” не понимается как наивное “равенство” или абсолютное совпадение значений. Иначе и речи не было бы о существовании синонимов в языке» [8, с. 234].

Цитата важна для всей логики статьи: синонимы сохраняются в языке именно потому, что не дублируют друг друга полностью. Общая семантическая база позволяет объединить их в один ряд, а различие создаёт функциональную необходимость каждого члена ряда. В сопоставлении таджикского, английского и русского материала это особенно заметно: одна и та же предметная область может быть расчленена языками неодинаково. Там, где английский язык различает регистр или тип сочетаемости, таджикский может использовать парную формулу или словообразовательную модель, а русский – стилистически окрашенную конструкцию.

Хисматуллина далее подчёркивает системную роль различительных признаков:

«дифференциальные признаки каждого из синонимов приобретают особую значимость и являются необходимым основанием, обусловливающим и поддерживающим наличие синонимов в языковой системе» [8, с. 235].

Здесь принципиально слово «поддерживающим». Различие не является побочным свойством синонимии; оно обеспечивает устойчивость ряда. Если убрать дифференциальные признаки, синонимический ряд превратится в набор дублетов, а язык постепенно устранит избыточность или распределит формы по разным сферам употребления. В таком понимании синонимия выступает не как проблема «одинаковых слов», а как способ организации смысловой вариативности.

Близкую позицию занимает Янова и Казиахмедова, когда указывают на отсутствие единого решения вопроса о границах синонимического ряда:

«до сих пор нет единства взглядов в отношении определения синонимов, методов их изучения, принципов выделения и классификации синонимов, границ синонимического ряда» [10, с. 107].

Этот тезис не следует понимать как признак теоретической неопределённости в отрицательном смысле. Он показывает многоуровневость объекта. Синоним можно определить через общность значения, через функцию, через сочетаемость, через стилистическую замену или через переводческую эквивалентность. Но ни один критерий отдельно не исчерпывает явление. Для статьи важна совокупность признаков: семантическое тождество задаёт ряд, а функциональные различия объясняют его внутреннюю организацию.

2. Семантический оттенок и стилистическая окраска

Семантический оттенок проявляется там, где слова соотносятся с одним понятийным полем, но выделяют разные стороны ситуации. В английском материале Баяндурова приводит ряд простых примеров:

«lucky – удачливый, happy – счастливый, to say – сказать (вымолвить), to tell – сказать (сообщить)» [1, с. 117].

В этой цитате важны не переводы сами по себе, а тип различия. Lucky связано с удачным обстоятельством или благоприятным исходом, happy – с внутренним состоянием человека. To say фиксирует факт произнесения, тогда как to tell включает адресата и коммуникативную направленность сообщения. Поэтому замена одного слова другим возможна лишь в ограниченных условиях. Если в контексте важен адресат, to tell точнее; если нужен сам акт речи, to say нейтральнее. В таджикском и русском переводе это различие также требует контекстного выбора: «сказать», «сообщить», «баён кардан», «гуфтан»

не покрывают одинаковые коммуникативные ситуации.

Стилистическая окраска выявляет другую сторону синонимического ряда. В статье Баяндуровой приведён ряд, где слова различаются не только значением, но и регистром:

«clothing – costume – dress – attire – decoration – vestment; to begin – to commence; to come – to arrive» [1, с. 117].

Ряд показывает, что стилистическая маркированность может быть не менее существенной, чем предметное значение. Begin и commence обозначают начало действия, но commence тяготеет к книжному или официальному регистру. Come и arrive связаны с движением к пункту назначения, однако arrive подчёркивает результат прибытия и чаще используется в нейтрально-официальном контексте. Clothing, attire и vestment также не являются простыми дублетами: первое слово нейтрально обозначает одежду, второе может звучать книжнее, третье связано с особой сферой употребления. Следовательно, стилистическая окраска ограничивает взаимозаменяемость даже при близком денотативном значении.

Хисматуллина, рассматривая синонимические гнёзда прилагательных, связывает периферию ряда с эмоционально-оценочными различиями:

«доминанты синонимических гнезд выражают нейтральное значение, лишенное всяких эмоций», тогда как другие члены ряда передают «эмоции разного характера» [8, с. 237].

В этой позиции содержится важный критерий внутренней структуры ряда. Доминанта фиксирует общий признак без дополнительной эмоциональной нагрузки. Периферийные элементы уточняют этот признак, вводят оценку, интенсивность, книжность, разговорность или экспрессию. Для разносистемных языков такое распределение не всегда симметрично: доминанта одного языка может переводиться нейтральным словом, а периферийный член – сочетанием или описательной конструкцией. Именно здесь возникает переводческая сложность: нужно передать не только «что обозначено», но и «как обозначено».

Даминова расширяет эту проблему, связывая синонимию со стилистической организацией речи:

«Синтаксическая синонимия, так же как и лексическая, тесно взаимосвязана с экспрессивными стилистическими средствами языка» [2, с. 5].

Эта мысль помогает не изолировать лексику от синтаксиса. Экспрессия может возникать через выбор слова, через парное сочетание, через порядок компонентов или через грамматическую конструкцию. Поэтому семантико-стилистическая организация синонимии охватывает не только словарь, но и построение высказывания.

3. Сочетаемость как граница взаимозаменяемости

Лексическая сочетаемость показывает, что близость значений не гарантирует свободной замены. В таджикском материале это особенно ясно раскрыто в статье Кабирова и Аюбовой. Авторы подчёркивают, что соединение слов подчиняется семантическому полю:

«Дар доираи ибораҳо низ вақте як калима бо калимаи дигар ҳамнишин мешавад, ки агар онҳо ба як ҳавзаи маъной тааллуқ дошта бошанд» [4, с. 6].

Эта цитата задаёт ключевой критерий синтагматики: слова соединяются не механически, а по смысловой совместимости. Для синонимии это означает, что выбор близкой по значению единицы должен учитывать не только словарную дефиницию, но и круг слов, с которыми она способна образовывать естественные сочетания. Синоним может быть семантически близким, но синтагматически непригодным для данного контекста.

Авторы приводят конкретный пример с глаголом «хондан»:

«Масалан, вожаи хондан калимаҳои китоб, мақалла, рӯзнома, асар, рисола, нома ва амсоли инҳоро тадой, яъне ҷазб мекунад ва ба онҳо ҳамнишин мешавад» [4, с. 6].

Здесь сочетаемость выступает частью значения. Глагол «хондан» ориентирован на объект, который может быть прочитан: книгу, журнал, газету, произведение, письмо. Если в эту позицию поставить слово из другого семантического поля, сочетание станет ошибочным или образным. Поэтому синоним не выбирается только по принципу близости: он должен соответствовать модели управления, предметной области и ожиданиям языка. Для перевода это особенно важно: английское read, русское читать и таджикское хондан близки, но их синтагматический диапазон не всегда полностью совпадает.

В той же статье показано, что сочетаемость может быть прямой и переносной:

«дар калимаи китобхона, Душанбешаҳр ҳамнишинӣ бар пояи маънои аслӣ сурат гирифта бошад, лекин дар вожаи сангдил ҳамнишинӣ дар заминаи маънои маҷозӣ ташаккул ёфтааст» [4, с. 5].

Примеры «китобхона» и «Душанбешаҳр» строятся на прямой смысловой связи, а «сангдил» – на метафорическом переносе. Такая модель важна для понимания синонимии: переносное

значение часто создаёт новые ряды, где слова сближаются не по исходному предметному признаку, а по образной функции. В русском переводе «каменное сердце» или «жестокий» передают разные стороны той же метафоры: первое сохраняет образ, второе даёт лексическую интерпретацию.

Английский материал демонстрирует сходную зависимость от сочетаемости. Баяндурова приводит ряд:

«piece, morsel, lump, slice, chunk» [1, с. 120].

Общий смысл ряда связан с понятием части или куска, но слова распределяются по форме, размеру, веществу и способу отделения части от целого. Piece занимает более широкую позицию и может функционировать как нейтральная доминанта. Morsel ассоциируется с небольшим куском пищи, slice – с тонким ломтем, lump – с плотным комком или куском вещества, chunk – с крупным фрагментом. Поэтому «a slice of cheese» нельзя без изменения предметной картины заменить на «a lump of cheese», а «a lump of sugar» – на «a slice of sugar». Синонимия здесь ограничена объектом, с которым слово сочетается.

Янова и Казиахмедова прямо связывают это свойство с глагольными рядами:

«Глаголы, входящие в один синонимический ряд, могут обладать разными ограничениями по сочетаемости» [10, с. 108].

Тезис важен для теории перевода. Словарный эквивалент не всегда пригоден в конкретной синтаксической позиции: глагол может требовать другого типа субъекта, объекта или дополнения. Поэтому переводчик работает не с отдельной лексемой, а с сочетанием, где значение уточняется синтагматически.

4. Парные синонимы: усиление, уточнение, ритмизация

Парные синонимы отличаются от обычного синонимического выбора. Здесь два близких элемента не заменяют друг друга, а выступают совместно, образуя устойчивую формулу. Имомова описывает это явление через сочетания, распространённые в английском и таджикском материале:

«safe and sound», «with might and main», «really and truly» [3, с. 106].

Каждая из этих английских пар показывает, что совместное употребление не сводится к простому повтору. Safe and sound соединяет идею безопасности и целостности; with might and main усиливает значение предельного усилия; really and truly закрепляет достоверность утверждения. В таких формулах второй компонент не лишний, а композиционно значимый: он усиливает, ритмизирует и завершает выражение.

В таджикском материале Имомова приводит ряд устойчивых пар:

«меҳру муҳаббат», «саъю кӯшиш», «сабру тоқат», «фикру андеша» [3, с. 107].

Эти сочетания демонстрируют культурно и стилистически закреплённую форму смыслового уплотнения. «Меҳру муҳаббат» соединяет тепло, привязанность и любовь; «саъю кӯшиш» объединяет волевое стремление и практическое усилие; «сабру тоқат» передаёт не только терпение, но и способность выдерживать трудность; «фикру андеша» соединяет мысль и размышление. Полная замена парной формулы одним словом возможна только при смысловом сжатии, но при этом теряются ритм, экспрессия и культурная привычность выражения.

Даминова рассматривает парные синонимы как материал композиционно-стилистического анализа:

«Композиционно-стилистический анализ парных синонимов русского и таджикского языков дает возможность проследить закономерности процесса образования контекстуальных сходств и различий в сопоставляемых языках» [2, с. 5].

В этой формулировке важен акцент на «контекстуальных сходствах и различиях». Парные синонимы не только называют признак или действие, но и организуют речевой фрагмент. Они могут усиливать оценку, создавать ритм, подчеркивать эмоциональное состояние или закреплять традиционную формулу книжной, публицистической и художественной речи. В русском и таджикском материале такие пары часто связаны с экспрессией и риторической плотностью; в английском – с исторически устойчивыми формулами, многие из которых закреплены в правовой, публицистической или разговорной сфере.

Тилляходжаева и Хакимова связывают богатство языка с наличием большого числа лексических средств для выражения одного понятия:

«Дар забони модарии мо як мафҳум тавассути, бемуболиға, даҳҳо ва садҳо воҳиди луғавӣ баён мегарданд» [7, с. 46].

Эта мысль помогает объяснить место парных синонимов в таджикской речевой культуре. Когда одно понятие имеет несколько средств выражения, язык получает возможность не только назвать предмет, но и выбрать тональность: нейтральную, торжественную, эмоциональную, книжную или народно-поэтическую. Парные формы становятся одним из способов такой тональной настройки.

5. Синтаксическая и динамическая синонимия

Синонимические отношения проявляются не только в лексике. Сходное содержание может быть выражено разными синтаксическими средствами. Однако синтаксические варианты редко бывают полностью равнозначны: они меняют порядок информации, логический акцент или стилистическую тональность.

Янова и Казиахмедова приводят показательную пару:

«Мальчик бросил камень» – «Камень был брошен мальчиком» [10, с. 107].

В обеих конструкциях описана одна ситуация: субъект совершает действие, объект подвергается воздействию. Но активная форма выдвигает на первый план деятеля, а пассивная – объект и результат действия. Поэтому синтаксическая замена сохраняет событийную основу, но меняет коммуникативную перспективу. В переводе это различие не всегда можно передать буквальным сохранением формы; иногда важнее удержать фокус высказывания.

В английском материале авторы приводят другой пример:

«That he went there was a mistake» – «It was a mistake that he went there» [10, с. 107].

Обе конструкции выражают оценку факта, но распределяют информацию по-разному. Первая выносит придаточное содержание в позицию подлежащего и тем самым делает факт исходной темой высказывания. Вторая использует формальное it, характерное для английской грамматической организации, и делает фразу более естественной для нейтрального синтаксиса. Значение близко, но синтаксическая нагрузка неодинакова.

Чуланова уточняет границы такого рода близости через понятие динамической синонимии:

«В отношении индивидуальных комбинаций языковых средств в речи, выражающих тождественное или близкое содержание, может быть применен термин “несистемная, динамическая синонимия”» [9, с. 30].

Понятие динамической синонимии полезно для сопоставительного описания разносистемных языков. Не всякая близость конструкций является устойчивой парадигматической связью в системе языка. Иногда она создаётся в конкретном речевом фрагменте, где разные грамматические средства описывают одну ситуацию. Это важно для перевода: переводчик может заменить сложноподчинённое предложение простым, придаточное – оборотом, актив – пассивом, но каждая замена меняет ритм, логическую явность и стиль.

Михеева и Ахмедова показывают близкий принцип на материале фразеологической синонимии:

«Под фразеологическими синонимами понимаются фразеологизмы с предельно близким значением, как правило, соотносимые с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью» [6, с. 8].

Хотя речь здесь идёт о фразеологизмах, для синтаксического анализа важна сама идея частичного совпадения. Близость значения не отменяет различий в сочетаемости и стилистической окраске. Фразеологические, лексические и синтаксические синонимы подчиняются общему принципу: они могут сближаться функционально, но сохраняют разные условия употребления.

6. Сопоставительный и переводческий аспект

Сопоставление таджикского, английского и русского материала показывает, что общие принципы синонимии реализуются разными механизмами. Для всех трёх языков значимы общий семантический центр, дифференциальные признаки, стилистическая окраска, сочетаемость и контекст. Различаются способы распределения этих признаков.

В таджикском материале особенно заметна роль семантического поля и парной организации. Примеры Кабирова и Аюбовой показывают, что слово соединяется с другим словом только при смысловой совместимости. Примеры Имомовой демонстрируют, что парные формы «меҳру муҳаббат», «саъю кӯшиш», «сабру тоқат», «фикру андеша» выполняют не только номинативную, но и усилительную функцию. Для перевода это означает, что однословный эквивалент часто передаёт предметный смысл, но ослабляет экспрессивную плотность исходного выражения.

Английский материал в работах Баяндуровой и Калустьянц чаще раскрывает разграничение по регистру и сочетаемости. В ряду «to continue – to go on – to proceed» нейтральное continue обладает более широким диапазоном; go on связано с разговорной окраской; proceed тяготеет к официальному или книжному стилю. В переводе эти различия нельзя игнорировать: все три глагола могут передаваться русским «продолжать» или таджикским «идома додан», но стилистическая характеристика будет разной.

Калустьянц, вслед за традицией английской лексикологии, связывает синонимические отношения со структурой значения:

«Понимание сущности синонимических отношений слов связана с пониманием структуры языкового значения слова» [5, с. 8].

Формулировка источника сохранена

дословно. Для настоящей статьи она важна как указание на метод: синонимы нельзя анализировать только через переводной эквивалент. Нужно видеть структуру значения: какие признаки являются общими, какие – различительными, какие реализуются только в контексте. Именно поэтому словарная близость не обеспечивает переводческой точности.

Русский материал выполняет в статье роль сопоставительного посредника. Через него наглядно видна связь синонимии со стилистическим выбором и синтаксической организацией. Активная и пассивная конструкции, сложноподчинённые и развернутые речевые фрагменты, нейтральные и книжные варианты показывают, что значение в речи распределяется не только между словами, но и между структурами.

Переводческий вывод можно сформулировать так: синоним переводится не как изолированная единица, а как элемент контекста. Если английское safe and sound в конкретном случае выражает благополучное возвращение, перевод должен передать не только «безопасность», но и целостность состояния. Если таджикское «сабру тоқат» передаётся одним словом «терпение», смысл сохраняется, но ослабляется двойная ритмико-оценочная формула. Если proceed заменяется нейтральным «продолжать», исчезает книжно-официальный оттенок. Поэтому перевод синонимов требует учета семантики, сочетаемости, стиля и коммуникативного фокуса одновременно.

Заключение

Редакционно уточнённый анализ подтверждает: синонимические ресурсы разносистемных языков образуют систему функционального выбора. Синонимический ряд строится на единстве сходства и различия. Сходство объединяет элементы вокруг общего понятийного центра, различие сохраняет их самостоятельность и объясняет необходимость параллельного существования.

В рассмотренных источниках выявлены несколько типов функциональных различий. Семантические оттенки разграничивают близкие слова внутри одного поля; стилистическая окраска распределяет члены ряда по нейтральной, книжной, разговорной, официальной или экспрессивной сферам; сочетаемость ограничивает формальную взаимозаменяемость; парные синонимы усиливают и ритмизируют речь; синтаксические синонимы сохраняют близкое содержание, но меняют логический акцент и композицию высказывания.

Таджикский материал показывает особую роль семантической совместимости и парных формул. Английский материал демонстрирует тонкие различия регистра и комбинаторики. Русский материал помогает раскрыть стилистическую и синтаксическую перспективу синонимии. В переводе эти различия приобретают практическое значение: адекватность достигается не буквальной заменой одного слова другим, а передачей функции, оттенка, сочетаемости и коммуникативной направленности исходной единицы.

Список литературы

[1] Баяндурова, Е. А. Анализ семантических и функциональных связей слов и их синонимии в современном английском языке / Е. А. Баяндурова // Язык, коммуникация и социальная среда. - 2017. - № 15. - С. 116-123.

[2] Даминова, М. З. Синонимические единицы и их композиционно-стилистическая характеристика в русском и таджикском языках / М. З. Даминова // Вестник института языков. - 2020. - № 4 (40). - С. 5-12.

[3] Имомова, М. Н. Употребление парных синонимов в речи / М. Н. Имомова // Вестник Педагогического университета. - 2019. - № 2 (79). - С. 106-111.

[4] Кабиров, Ш. Ҳамнишинии вожаҳои маъмулӣ ва унсурҳои номсоз / Ш. Кабиров, М. Аюбова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. - 2018. - № 5. - С. 5-11.

[5] Калустьянц, Ж. С. Исследование синонимии в контексте смысловой и функциональной связи слов / Ж. С. Калустьянц // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: основные тенденции языковой политики в современном мире (языковое строительство, языковое развитие, языковая ситуация): сборник материалов II Международной научно-практической конференции. - Владикавказ, 2022. - С. 7-12.

[6] Михеева, Н. Ф. Явление синонимии глагольных фразеологизмов, обозначающих чувства, в русском, английском и таджикском языках / Н. Ф. Михеева, Ф. А. Ахмедова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. - 2013. - № 3. - С. 7-14.

[7] Тилляходжаева, М. Н. О факторе обогащения национального языка / М. Н. Тилляходжаева, Ш. И. Хакимова // Вестник Педагогического университета. - 2020. - № 3 (86). - С. 45-49.

[8] Хисматуллина, Л. Г. Тождество и различие как основные критерии организации слов в синонимическое гнездо в татарском и английском языках (на примере имен прилагательных) / Л. Г. Хисматуллина // Вестник Чувашского университета. - 2008. - № 1. - С. 234-

237.

[9] Чуланова, А. П. Семантические особенности речевых сложноподчиненных предложений и речевых сверхфразовых единств, описывающих одну и ту же объективную ситуацию / А. П. Чуланова // Вестник Томского государственного университета. - 2010. - № 341. - С. 30-32.

[10] Янова, Е. А. Взаимосвязь синонимических отношений со структурой языкового значения слова в теории и практике перевода / Е. А. Янова,// Вестник Московской международной академии. - 2016. - № 1. - С. 106-111.

References:

[1] Bayandurova, E. A. Analysis of semantic and functional relationships of words and their synonymy in modern English / E. A. Bayandurova // Language, communication and social environment. - 2017. - No. 15. - P. 116-123.

[2] Daminova, M. Z. Synonymous units and their compositional and stylistic characteristics in the Russian and Tajik languages / M. Z. Daminova // Bulletin of the Institute of Languages. - 2020. - No. 4 (40). - P. 5-12.

[3] Imomova, M. N. Use of paired synonyms in speech / M. N. Imomova // Bulletin of the Pedagogical University. - 2019. - No. 2 (79). - P. 106-111.

[4] Kabirov, Sh. Combination of common words and name-forming elements / Sh. Kabirov, M. Ayubova // Message of the National University of Tajikistan. Department of philological sciences. - 2018. - No. 5. - S. 5-11.

[5] Kalustyants, Zh. S. Study of synonymy in the context of semantic and functional connection of words / Zh. S. Kalustyants // Language and culture as a national treasure in a multicultural environment: the main trends of language policy in the modern world (language construction, language development, language situation): collection of materials of the II International scientific and practical conference. - Vladikavkaz, 2022. - Pp. 7-12.

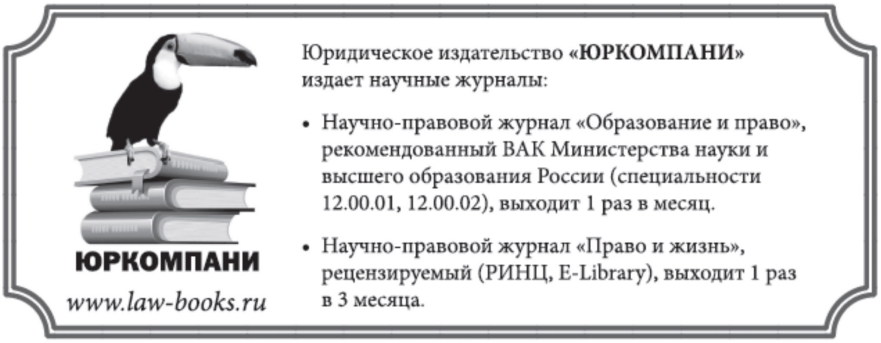
[6] Mikheeva, N. F. The phenomenon of synonymy of verb phraseological units denoting feelings in the Russian, English and Tajik languages / N. F. Mikheeva, F. A. Akhmedova // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education issues: languages and specialty. - 2013. - No. 3. - Pp. 7-14.

[7] Tillyakhodzhaeva, M. N. On the Factor of Enrichment of the National Language / M. N. Tillyakhodzhaeva, Sh. I. Khakimova // Bulletin of the Pedagogical University. - 2020. - No. 3 (86). - P. 45-49.

[8] Khismatullina, L. G. Identity and Difference as the Main Criteria for Organizing Words into a Synonymous Nest in the Tatar and English Languages (using Adjectives as an Example) / L. G. Khismatullina // Bulletin of the Chuvash University. - 2008. - No. 1. - P. 234-237.

[9] Chulanova, A. P. Semantic Features of Complex Sentences and Speech Super-Phrase Units Describing the Same Objective Situation / A. P. Chulanova // Bulletin of Tomsk State University. - 2010. - No. 341. - P. 30-32.

[10] Yanova, E. A. The Relationship of Synonymous Relations with the Structure of the Linguistic Meaning of a Word in Translation Theory and Practice / E. A. Yanova,// Bulletin of the Moscow International Academy. - 2016. - No. 1. - P. 106-111.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-837-842

ДЬЯКОВА Наталия Владимировна,

старший научный сотрудник лаборатории политологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук, ORCID ID 0009-0000-8112-9479,

e-mail: nata.law.msu@bk.ru

ЧЕРНЫХ Николь Максимовна,

Бакалавр Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

e-mail: nikol.chernykh@bk.ru

ОПАСНАЯ ИЛЛЮЗИЯ: КАК КИНЕМАТОГРАФ ИСКАЖАЕТ ОБРАЗ СЕРИЙНОГО ПРЕСТУПНИКА И ВЛИЯЕТ НА ВОСПРИЯТИЕ УГРОЗЫ

Аннотация. *Серийный преступник давно перестал быть фигурой исключительно уголовного дела. С 1980-х годов его образ активно осваивается кинематографом — жанром, который не просто воспроизводит криминологическую реальность, но систематически её переосмысливает. Между научно выверенным психологическим портретом серийного убийцы, построенным методами профайлинга, и тем, что видит зритель на экране, пролегает дистанция, природа и последствия которой в отечественной науке не изучены. Цель исследования — выявить, в какой мере кинематографические образы серийных преступников соответствуют криминалистическим и психологическим типологиям, и установить факторы, обусловливающие отклонение от них. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, диалектический метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. Выводы. Расхождение между криминалистическим и кинематографическим образами серийного преступника — не случайное и не устранимое. Исследование позволяет установить его природу и объяснить, почему оно устойчиво воспроизводится вне зависимости от жанра, страны производства и степени документальности материала. Научно-практическая значимость полученных выводов состоит в понимании того, что психологический портрет серийного преступника — инструмент, в котором три блока: психопатологический, поведенческий и мотивационный — работают только в связке. Изъять один из них значит получить не портрет, а его фрагмент, пригодный скорее для дезориентации следствия, чем для его помощи. Кинематограф последовательно точен там, где проверить его легче всего, — в поведенческом блоке. Но там, где проверить труднее — в мотивации, в психопатологии, во внутреннем мире персонажа - произведения уходят от реальности в сторону нарративной привлекательности и вниманию зрителей. Зрительское восприятие этих образов опасно не своей неточностью —оно опасно своей частичной точностью: достаточной, чтобы выглядеть достоверно, и недостаточной, чтобы формировать правильные представления о том, как выглядит реальная угроза.*

Ключевые слова: *серийный преступник, кинематограф, криминальная психология, криминалистический профайлинг, психология восприятия, расхождение образов, реальная угроза.*

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

DYAKOVA Natalia Vladimirovna,

Senior Researcher at the Laboratory of Political Science Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Psychological Sciences, ORCID ID 0009-0000-8112-9479

CHERNYKH Nicole Maksimovna,

Bachelor of Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

A DANGEROUS ILLUSION: HOW CINEMA DISTORTS THE IMAGE OF A SERIAL KILLER AND INFLUENCES PERCEPTIONS OF THREAT

Annotation. *A serial criminal has long ceased to be a figure exclusively in a criminal case. Since the 1980s, his image has been actively mastered by cinema, a genre that not only reproduces criminological reality, but systematically rethinks it. There is a distance between the scientifically verified psychological portrait of a serial killer, built by profiling methods, and what the viewer sees on the screen, the nature and consequences of which have not been studied in Russian science. The purpose of this study is to determine the extent to which cinematic portrayals of serial killers correspond to forensic and psychological typologies, and to identify the factors that contribute to deviations from these typologies. The research methodology is based on general scientific and specific scientific methods of cognition, the dialectical method, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, system-structural, formal-legal, and comparative-legal methods. Conclusions. The discrepancy between the forensic and cinematic images of a serial killer is not accidental and cannot be eliminated. The research allows us to establish its nature and explain why it is consistently reproduced regardless of the genre, country of production, and degree of documentary material. The scientific and practical significance of the findings lies in the understanding that a psychological profile of a serial killer is a tool that relies on the interplay of three components: psychopathological, behavioral, and motivational. Removing any one of these components results in a profile that is less effective than it could be, as it is more likely to confuse investigators rather than provide valuable insights. Cinematography is consistently accurate where it is easiest to verify, which is in the behavioral block. However, where it is more difficult to verify, such as in motivation, psychopathology, and the inner world of the character, the works deviate from reality in favor of narrative appeal and audience attention. The danger of these portrayals lies not in their inaccuracy, but in their partial accuracy: they are accurate enough to appear credible, but not accurate enough to provide accurate representations of real threats.*

Key words: *serial killer, cinema, criminal psychology, forensic profiling, perception psychology, image discrepancy, real threat*.

Криминалистическое и психологическое изучение серийных убийц в России строится прежде всего на трудах Ю.М. Антоняна [1] и работах В.А. Образцова совместно с Н.Н. Богомоловой [6] в области криминальной психологии. В зарубежной науке методологическую базу поведенческого профайлинга заложили сотрудники Отдела поведенческих наук ФБР — Дж. Дуглас, Р. Ресслер и А. Берджес, проводившие систематическое интервьюирование осуждённых серийных убийц и обобщившие полученные данные в единую типологию [4, с.18]. При этом само понятие «серийный преступник» в отечественной доктрине концептуально не устоялось [2, с. 199], а работ, соединяющих криминалистический профайлинг с анализом кинематографической репрезентации, в российской науке практически нет. Этот пробел составляет научную новизну настоящего исследования.

Актуальность темы исследования определяется двумя разнородными, но сходящимися в одной точке основаниями. Научное: отечественная методика составления психологического портрета неизвестного преступника продолжает развиваться, однако её соотношение с американскими профайлинговыми школами остаётся дискуссионным [8, с. 75]. Социальное: криминальный кинематограф формирует у массовой аудитории устойчивые, нередко ошибочные представления о природе серийного преступника [9, P. 47]. Расхождение между экранным образом и реальностью — это не художественная условность: оно способно искажать как поведение потенциальных жертв, так и следственные версии на начальном этапе расследования.

Объект настоящего исследования — психологический портрет серийного преступника в двух измерениях: как криминалистический инструмент следствия и как конструкт кинематографа. Предмет исследования — закономерности соответствия и расхождения между криминалистической методологией построения психологического портрета серийного убийцы и его кинематографической репрезентацией.

Понятие «серийный преступник» вошло в научный оборот сравнительно недавно — его появление связано не с теоретическими разработками криминологии, а с практическими нуждами следствия. В США термин serial killer был введён в профессиональный язык агентом ФБР Р. Ресслером в конце 1970-х годов для

обозначения лиц, совершающих убийства последовательно, с разрывом во времени между эпизодами [4]. До этого следственная и судебная практика оперировала более широкими категориями — «многократный убийца», «повторный преступник», — которые не позволяли зафиксировать специфику поведенческой модели именно серийного деятеля [3, 5]. Введение нового термина отражало не просто терминологическое уточнение, но смену исследовательской оптики: акцент перемещался с отдельного преступления на паттерн поведения преступника.

В отечественной уголовно-правовой науке понятие «серийный преступник» по сей день не получило законодательного закрепления [12]. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит данного термина ни в качестве квалифицирующего признака, ни в качестве самостоятельной категории: уголовно-правовое значение имеет лишь множественность преступлений (совокупность, рецидив) безотносительно к их серийному характеру. Криминологическая доктрина восполняет этот пробел частично: серийность фигурирует в научных работах как описательная, а не нормативная характеристика. Это порождает терминологическую неопределённость, которая существенно затрудняет сравнительные исследования и межведомственный обмен данными при расследовании серийных преступлений [2, с. 200].

Мотивация серийного убийцы — наиболее трудный для реконструкции элемент криминологического портрета. Серийные убийства нередко лишены очевидного внешнего побудителя — корысти, ревности, мести. Их движущей силой чаще служат внутрипсихические факторы: патологическое влечение, фантазийные сценарии, потребность в доминировании [2, с. 201]. Ю.М.Антонян обозначал этот феномен как «убийство ради убийства» — формулу, указывающую на неотъемлемую связь между убийством и стремлением к власти и контролю над жертвой [1, с.23]. Именно специфика мотивации объясняет, почему при расследовании серийных убийств традиционные методы поиска должны уступать место методам, основанным на анализе личности неизвестного преступника.

Понятие серийного преступника — самостоятельная криминологическая категория с устойчивыми структурными признаками: множественностью эпизодов, разделённых охладительными периодами, паттерновым поведением и преимущественно эндогенной мотивацией. Выработанные типологии создают необходимый понятийный фундамент для перехода к следующему вопросу: каким именно содержанием наполняется психологический портрет представителя каждого из выделенных типов.

Кинематограф не воспроизводит преступность в буквальном смысле — он её осмысляет. Между реальной преступной обстановкой и образом преступного мира, который формируется у зрителя после просмотра фильма, существует многоступенчатая система отбора и трансформации событий, обусловленная коммерческим интересом. Рей Сёррет описывает эту систему как «закон обратного отражения»: чем реже преступление встречается в статистике, тем выше вероятность его экранизации [7]. Серийное убийство встречается в криминальном кино особенно часто, не из-за своей типичности, а потому что оно обладает максимальной драматической и визуальной выразительностью.

Криминальный триллер располагает устойчивым набором правил. Первое— интеллектуализация маньяка: экранный серийный убийца почти неизменно наделяется незаурядным умом, тогда как большинство реальных обнаруживают средний или ниже среднего уровень интеллекта [4, с.14]. Второе — эстетизация насилия: способ убийства, орудие, место получают выраженную эстетическую разработку [7, с. 318]. Третье — акцент на злодее, сюжет нередко предоставляет зрителю понять и изучить мотивы преступника ещё до того, как следствие его установило.

Начиная с 1990-х годов кинематограф активно обращается к реальным делам серийных убийц. Обращение к реальным событиям создаёт иллюзию достоверности, однако за ней неизбежно скрываются трансформации нескольких типов. Первая — сжатие временного масштаба: расследование, растянувшееся на годы, укладывается в несколько серий. Вторая — драматизация: реальные следственные действия, как правило, рутинны и лишены нарративного напряжения — кино их переосмысляет. Третья, самая значимая, — психологическая детализация мотивов: там, где реальный преступник движим патологическим влечением без концептуального обоснования, экранный персонаж получает развёрнутую внутреннюю философию [9, P. 61]. К.Э Разлогов справедливо указывает: кинематограф не располагает инструментарием для точной криминологической реконструкции — его язык ориентирован на эмоциональное переживание, а не на аналитическое [7, с. 321].

Кинематограф формирует образ серийного преступника по своим законам: каждый новый фильм опирается на уже существующие представления и одновременно их укрепляет, создавая замкнутую систему узнаваемых приёмов.

Фильмы и сериалы не показывают реальную криминологическую картину напрямую — они создаёт собственную версию преступника. Интеллектуализация маньяка, эстетизация насилия и акцент на злодее —три приёма, которые делают экранный образ отличным от научного портрета преступника.

Проведем сравнительный криминалистический анализ кинообразов: «Молчание ягнят» [10] и «Фишер» [11]. Два выбранных для анализа кинопроизведения представляют различные стратегии работы с образом серийного преступника. «Молчание ягнят» Джонатана Демме (1991) — западный художественный фильм, герой которого Ганнибал Лектер, создан по мотивам книг Томаса Харриса и лишь отчасти основан на реальных преступлениях. Сюжет рассказывает о психопате который похищает и убивает молодых женщин по всему Среднему Западу Америки. ФБР, уверенное в том, что все преступления совершены одним и тем же человеком, поручает агенту Клариссе Стерлинг встретиться с Ганнибалом Лектером (заключенным-маньяком), который мог бы объяснить следствию психологические мотивы серийного убийцы и тем самым вывести на его след. Фильм сочетает психологический триллер с детективной интригой и исследует сложные отношения между Старлинг и Лектером.

«Фишер» (2023) — отечественный сериал, прямо отсылающий к уголовному делу Сергея Головкина, известного как «Фишер» [11]. Сюжет следует за расследованием серии убийств, показывая методику и поведение преступника, действующего с пугающей точностью, жертвами становятся мальчики 12–16 лет, которых он заманивает, а затем удерживает в тайном погребе под своим гаражом, где подвергает пыткам и убийствам. Сериал стремится к документальной точности в изображении преступника и его жертв, при этом оставаясь художественной адаптацией.

Ганнибал Лектер с позиций криминалистической типологии представляет последовательно выстроенный организованный тип [4, с. 34]. Кинообраз соответствует профилю организованного убийцы с высокой точностью — сценаристы целенаправленно использовали наработки ФБР-профайлинга [4, с. 58]. Однако именно там, где образ наиболее точен, начинается его наиболее радикальное расхождение с реальностью: Лектер наделён исключительным интеллектом и изощрённой культурой [10]. Реальный организованный убийца — как правило, социально неприметный человек, чья «организованность» определяется не интеллектом, а отработанным механизмом [1, с.18].

Мотивационный профиль Лектера фактически лишён криминологического содержания: убийства совершаются как акт эстетического суждения [2, с.77]. С точки зрения типологии ФБР, ближайшим аналогом была бы миссионерская мотивация — однако реальный миссионерский тип действует из идеологических побуждений, а не из аристократического презрения. Ю. М. Антонян описывал ключевой психологический механизм серийного убийцы через концепцию отчуждения [1, с.23]. У Лектера отчуждение инвертировано — он воспринимает жертву слишком интенсивно. Он буквально «изучает» жертву — через прикосновение, вкус, запах (каннибализм как крайняя форма присвоения). Лектер стремится проникнуть в сознание жертвы, предсказать её страхи, слабости, реакции. Он играет с ней, затягивая агонию, наслаждаясь её отчаянием и бессилием. Этот нарративный ход делает персонажа захватывающим, но криминологически недостоверным.

«Фишер» избирает иную стратегию. Сергей Головкин в сериальном воплощении демонстрирует ряд характеристик, соответствующих криминалистическому профилю: устойчивый выбор жертв из числа социально уязвимых подростков, контроль над ними, сокрытие следов, привычное место для убийства. Поведенческий блок передан без существенных искажений. Мотивация же слегка изменена для драматического эффекта: ему приписана философия власти и желание соревноваться. На самом деле реальная мотивация Головкина была гораздо более примитивной и трагичной — это смесь детских психологических травм, психических отклонений и отсутствия социальных навыков, а не осознанное стремление к доминированию.

Анализ показывает следующую закономерность, единую для обоих произведений: поведенческий блок портрета передаётся с относительной точностью. Мотивационный и психопатологический блоки систематически трансформируются в направлении нарративной привлекательности [9, p. 61]. Криминалистика стремится к минимально достаточному объяснению; кинематограф нуждается в психологической глубине как условие зрительской вовлечённости [6, с.103].

В западных триллерах серийных убийц романтизируют чаще, делая их харизматичными, умными или привлекательными. В отечественных фильмах акцент делается на психологическом разборе, мрачности и жертвах, избегая идеализации преступника, что связано с культурными различиями и восприятием тру-крайма («настоящее преступление»). Тру-крайм

это документальный жанр в массовой культуре, включающий в себя литературу, фильмы и сериалы, в которых автор исследует преступления и подробно описывает действия людей, связанных с этими событиями и пострадавших от них.

Данные произведения воспроизводят профиль убийц с достаточной точностью для создания ощущения достоверности процесса. Такое ощущение несёт в себе наибольшую угрозу, так как позволяет считать обоснованными одновременно достоверные убеждения о поведении преступника и принципиально ошибочные.

Рассмотрим образ серийного преступника и зрительское восприятие: социальные последствия. Центральный парадокс криминального кинематографа: зритель, наблюдающий за серийным убийцей с позиции его субъективности, частично разделяет точку зрения преступника. Зритель «Молчания ягнят» воспринимает Лектера как человека с внутренней логикой и обаянием — качествами, которые реальный серийный убийца демонстрировать не способен: его психопатология разрушает именно способность к полноценному межличностному взаимодействию [1, с. 9]. Кинопроизведение предлагает вымышленную субъективность там, где реальность представляет психологический дефицит.

Систематическое воспроизведение романтизированного образа маньяка влечёт эффект, который Рей Сёррет описывает как нормализацию исключения: то, что должно восприниматься как патологическое отклонение, получает культурный статус нормы [9, p. 88]. Нормализация действует тонко: она формирует образ маньяка как человека исключительного, противопоставленного серости повседневного бытия [9, p. 97]. Опасность в том, что этот образ радикально расходится с социальным портретом реального серийного преступника: неприметного, чья опасность определяется именно отсутствием черт исключительности [1, с. 14].

Потенциальная жертва, чьи представления сформированы кинематографом, ориентируется на внешние маркеры угрозы — исключительность, демонстративность, — которые в реальном серийном убийце, как правило, отсутствуют [6, с. 89]. Головкин годами совершал убийства в одном и том же парке, предлагая подростков подвезти до дома — поведенческая схема, не имеющая ничего общего с манипуляциями кинематографического маньяка [4, с. 91]. Жертвы шли добровольно не потому что были неосторожны, а потому что реальный преступник не давал оснований для ожидаемой тревоги.

На уровне следственной практики воздействие кинематографических стереотипов принято описывать через эффект «CSI» — завышенные ожидания относительно возможностей криминалистики, сформированные под влиянием сериалов и фильмов [9, p. 103]. Однако есть и более тонкий механизм: следователь, сформировавшийся на образе интеллектуального маньяка, начинает искать в деле нарративную логику — скрытое послание, символическую систему жертв, демонстративность почерка. Реальное серийное убийство этой логикой не обладает: Сергей Головкин убивал одним и тем же способом в одном и том же месте, без эстетических амбиций и без шифров [9, p 112]. Версия об «обычном» повторяющемся сценарии требует значительно меньше интеллектуальных усилий, чем построение изощрённого нарративного профиля, — но именно она, как правило, и оказывается верной.

У этой проблемы есть и обратная сторона. Криминальный кинематограф при определённых условиях способен выполнять функцию просвещения. «Фишер» показателен: сериал фиксирует способность маньяка годами существовать в социальной среде без подозрений, тем самым косвенно опровергая миф об исключительной узнаваемости серийного преступника [7, с. 330]. Граница между просвещением и мифотворчеством проходит по линии авторской ответственности: готов ли создатель пожертвовать эмоциональным воздействием ради криминологической точности [8, с. 77].

Зрительское восприятие образа серийного преступника несёт три взаимосвязанных риска: виктимологический — через ложные критерии распознавания угрозы; следственный — через навязывание нарративных схем реальным делам; социальный — через нормализацию образа маньяка. Ни один из этих рисков не фатален. Вопрос в том, готово ли коммерческое кинопроизводство платить за их снижение рейтингами своего продукта.

Заключение.

Расхождение между криминалистическим и кинематографическим образами серийного преступника — не случайное и не устранимое. Работа позволяет установить его природу и объяснить, почему оно устойчиво воспроизводится вне зависимости от жанра, страны производства и степени документальности материала.

Психологический портрет серийного преступника — инструмент, в котором три блока: психопатологический, поведенческий и мотивационный — работают только в связке. Изъять один из них - значит получить не портрет, а его фрагмент, пригодный скорее для дезориентации следствия, чем для его помощи. Вероятностная

природа портрета — не недостаток метода, а его честное ограничение, которое профессиональный следователь обязан учитывать.

Кинематограф последовательно точен там, где проверить его легче всего, — в поведенческом блоке. Ганнибал Лектер и Сергей Головкин в своих экранных воплощениях действуют примерно так, как и должен действовать организованный серийный убийца: аккуратно, с контролем над ситуацией, без случайных жертв. Но там, где проверить труднее — в мотивации, в психопатологии, во внутреннем мире персонажа, — оба произведения уходят от реальности в сторону нарративной привлекательности и вниманию зрителей. Разница между ними в том, откуда они уходят: западный триллер — из мифа об исключительном злодее, российский сериал — из социально узнаваемой среды.

Зрительское восприятие этих образов опасно не своей неточностью — неточность была бы очевидна. Оно опасно своей частичной точностью: достаточной, чтобы выглядеть достоверно, и недостаточной, чтобы формировать правильные представления о том, как выглядит реальная угроза. Человек, воспитанный на «Молчании ягнят», будет искать исключительность там, где её нет. Следователь, привыкший к нарративной логике сериалов, будет искать послание там, где есть лишь примитивный повторяющийся сценарий.

Психологический портрет серийного преступника — криминалистический инструмент, рождённый из практической необходимости. Кинематограф превратил его в культурный миф. Расстояние между этими двумя версиями одного и того же явления измеряется не в метрах плёнки, а в точности представлений, с которыми люди выходят из кинозала и возвращаются в реальный мир.

Список литературы:

[1] Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997. 304 с.

[2] Ахмедшина Н.В., Ахмедшин Р.Л. О генезисе понятия «серийный преступник» // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 199–203.

[3] Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 93–101.

[4] Дуглас Дж., Берджес А., Ресслер Р. Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы / пер. С. Богданова. М.: Эксмо, 2021. 340 с.

[5] Крюкова Е.С Устойчивость и повторяемость преступной деятельности в пространстве и времени как закономерность серийных убийств // Журнал Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3. С. 264–272.

[6] Образцов В.А., Богомолова Н.Н. Криминалистическая психология. М.: Юнити-Дана, 2002. 448 с.

[7] Разлогов К.Э. Мировое кино: история искусства экрана. М.: Эксмо, 2011. 688с.

[8] Файзуллина А.А. Методика составления психологического портрета преступника при расследовании серийных убийств // Юридическая наука. 2022. № 10. С. 75–77.

[9] Surette R. Media, Crime, and Criminal Justice. Cengage Learning, 2014. 368 p[10]

[10] Молчание ягнят / The Silence of the Lambs [Фильм] / реж. Дж. Демме. США: Orion Pictures, 1991. 118 мин.

[11] Фишер [Сериал] / реж. Сергей Тарамаев, Любовь Львова. Россия: Кинопоиск HD, 2023, 1-й сезон, 8 серий.

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Antonyan Y.M. Psychology of murder. M.: Lawyer, 1997. 304 pp.

[2] Akhmedshina N.V., Akhmedshin R.L. On the genesis of the concept of “serial criminal “//Bulletin of Tomsk State University. 2017. № 424. PP. 199-203.

[3] Drapkin L.Ya., Dolinin V.N., Shuklin A.E. The use of a forensic portrait of a criminal in the investigation of serial murders//Electronic Appendix to the Russian Law Journal. 2017. № 4. S. 93-101.

[4] Douglas J, Burges A, Roessler R. Sexual maniacs. Psychological portraits and motives/per. S. Bogdanov. M.: Eksmo, 2021. 340 s.

[5] Kryukova E.S. Stability and frequency of criminal activity in space and time as a pattern of serial murders//Journal Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2021. № 3. S. 264-272.

[6] Obraztsov V.A., Bogomolova N.N. Forensic psychology. M.: Unity-Dana, 2002. 448 p.

[7] Razlogov K.E. World cinema: the history of screen art. M.: Eksmo, 2011. 688s.

[8] Fayzullina A.A. Methodology for compiling a psychological portrait of a criminal in the investigation of serial murders//Legal science. 2022. № 10. S. 75-77.

[9] Surette R. Media, Crime, and Criminal Justice. Cengage Learning, 2014. 368 p[10]

[10] The Silence of the Lambs. USA: Orion Pictures, 1991. 118 mins.

[11] Fisher [TV series]/directed. Sergey Taramaev, Lyubov Lvova. Russia: Kinopoisk HD, 2023, 1st season, 8 episodes.

[12] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ//SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-843-848

ВИКТОРОВ Артем Олегович,

Преподаватель кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: viktorovolego1@gmail.com

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ УИС ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С АДВОКАТАМИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *В статье рассматривается профессиональная правовая культура сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации при взаимодействии с адвокатами, защитниками, законными представителями, представителями по доверенности и иными лицами, оказывающими осужденным юридическую либо иную правовую помощь. Актуальность исследования определяется тем, что право осужденного на получение квалифицированной юридической помощи реализуется в особых условиях исполнения наказания, где режимные требования, безопасность учреждения и властно-распорядительные полномочия администрации неизбежно пересекаются с правом лица на защиту своих прав и законных интересов. Цель исследования состоит в определении значения профессиональной правовой культуры сотрудника УИС для законного, корректного и процедурно устойчивого взаимодействия с адвокатами и представителями осужденных. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой подходы. Обосновывается, что формального знания норм о допуске, свиданиях, обращениях и переписке недостаточно: сотрудник должен понимать пределы режимных ограничений, значение конфиденциальности общения, недопустимость произвольного воспрепятствования защите и необходимость мотивированного служебного поведения. Сделан вывод, что профессиональная правовая культура проявляется в уважении к правовому статусу осужденного, корректном отношении к адвокату и представителю, точности документирования, правовой сдержанности и способности отличать законное режимное требование от административного препятствия. Предложены меры совершенствования правовой подготовки, документационного сопровождения и внутриведомственного анализа типичных нарушений.*

Ключевые слова: *профессиональная правовая культура, уголовно-исполнительная система, осужденный, адвокат, юридическая помощь, представитель осужденного, конфиденциальность, законность, режим исправительного учреждения.*

VIKTOROV Artem Olegovich,

Teacher of the department of Civil Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL CULTURE OF THE UIS EMPLOYEES WHEN INTERACTING WITH LAWYERS AND REPRESENTATIVES OF CONVICTED PERSONS

Annotation. *This article examines the professional legal culture of penal system employees in the Russian Federation when interacting with lawyers, defense attorneys, legal representatives, representatives under power of attorney, and other individuals providing legal or other legal assistance to convicted individuals. The relevance of this study is determined by the fact that a convicted individual's right to receive qualified legal assistance is realized in the unique conditions of the penal system, where penal regime requirements, facility security, and the administration's powers inevitably intersect with the individual's right to protect their rights and legitimate interests. The purpose of this study is to determine the importance of the professional legal culture of penal system employees for lawful, correct, and procedurally sound interactions with lawyers and representatives of convicted individuals. The methodological framework is based on formal legal, systemic, and comparative legal approaches. It is argued that formal knowledge of the rules governing access, visits, communications, and correspondence is insufficient: employees must understand the limits of penal*

restrictions, the importance of confidential communication, the inadmissibility of arbitrary obstruction of defense, and the need for motivated professional conduct. It is concluded that professional legal culture is manifested in respect for the legal status of the convicted person, a polite attitude toward the lawyer and representative, accurate documentation, legal restraint, and the ability to distinguish a legitimate security requirement from an administrative obstacle. Measures are proposed to improve legal training, documentation support, and internal analysis of typical violations.

Key words: *professional legal culture, penal system, convicted person, lawyer, legal assistance, convicted person's representative, confidentiality, legality, correctional facility regime.*

Введение.

Право осужденного на юридическую помощь в условиях исполнения наказания приобретает особое значение, поскольку реализуется не в обычной социальной среде, а в пространстве режимного учреждения, где лицо находится в устойчивой зависимости от администрации. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность осужденного пользоваться услугами адвокатов и иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи. Однако юридическая значимость данной сферы не исчерпывается наличием нормы. Реальное качество ее реализации во многом зависит от того, как сотрудник УИС понимает пределы своих полномочий, смысл режима и допустимость ограничений.

Научная проблема состоит в том, что взаимодействие сотрудников УИС с адвокатами и представителями осужденных нередко воспринимается как техническая процедура допуска, свидания, регистрации обращения или проверки документов. Между тем именно в таких ситуациях обнаруживается действительный уровень профессиональной правовой культуры: способность действовать не только формально законно, но и юридически мотивированно, сдержанно, уважительно к правовому статусу всех участников. Цель исследования — определить значение профессиональной правовой культуры сотрудников УИС для законного, корректного и процедурно устойчивого взаимодействия с адвокатами и представителями осужденных. Методологическую основу составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой подходы.

Взаимодействие с адвокатами и представителями осужденных как сфера проявления профессиональной правовой культуры сотрудников УИС

Взаимодействие сотрудника УИС с адвокатом или представителем осужденного находится на пересечении нескольких правовых начал: режима исправительного учреждения, обеспечения безопасности, права на юридическую помощь, права на обращение, конфиденциальности правового общения и служебной дисциплины. Поэтому данная сфера не может рассматриваться как второстепенное организационное действие. Сотрудник, оформляющий допуск, организующий свидание, принимающий обращение либо реагирующий на правовую позицию представителя, фактически участвует в реализации гарантии, имеющей конституционно-правовое значение. В научной литературе справедливо подчеркивается, что правовая культура сотрудников пенитенциарной системы проявляется не только в знании норм, но и в устойчивом правомерном поведении при исполнении служебных полномочий [1]. Это особенно важно там, где осужденный объективно ограничен в самостоятельной защите своих интересов.

Специфика УИС состоит в том, что администрация учреждения обладает властно-распорядительными полномочиями, а осужденный находится в положении правовой и фактической зависимости. В такой ситуации адвокат или представитель становится не внешним препятствием для деятельности учреждения, а участником механизма обеспечения законности. Через юридическую помощь проверяется обоснованность служебных решений, предупреждаются произвольные ограничения, обеспечивается возможность обжалования действий администрации. Общая теория уголовно-исполнительного права исходит из того, что режим исполнения наказания должен сочетать требования изоляции и безопасности с сохранением гарантированных законом прав осужденного [2]. Следовательно, профессиональная правовая культура сотрудника выражается в умении видеть в правовом представителе не противника учреждения, а законного посредника между осужденным и правовыми способами защиты.

Формальное знание порядка свиданий, пропускного режима или приема обращений не исключает правокультурного дефекта. Сотрудник может знать норму, но применять ее таким образом, что юридическая помощь

становится затрудненной: путем необоснованного ожидания, избыточных требований к документам, неясной мотивировки отказа, нарушения конфиденциальности общения или формального ответа на жалобу. Поэтому профессиональная правовая культура включает как когнитивный компонент — знание права, так и ценностно-поведенческий компонент — уважение к законному интересу лица, точность применения полномочий и готовность действовать в пределах права. В диссертационных исследованиях правовой культуры сотрудников пенитенциарной системы отмечается ее связь с качеством служебного поведения и способностью сотрудника выполнять задачи учреждения без утраты правового содержания своей деятельности [3].

Особое значение имеет конфиденциальность общения осужденного с адвокатом. Она не является привилегией адвоката и не сводится к удобству организации свидания. Конфиденциальность служит условием реальности юридической помощи: без нее осужденный не может свободно сообщить обстоятельства, имеющие значение для защиты, а адвокат не может полноценно сформировать правовую позицию. Исследователи профессионального правосознания сотрудников УИС обоснованно связывают правовую культуру с ценностной ориентацией на законность и уважение к правам личности в специфических условиях исполнения наказания [4]. Поэтому сотрудник обязан различать допустимый визуальный контроль, обусловленный безопасностью, и недопустимое вмешательство в содержание правового общения, которое разрушает саму гарантию юридической помощи.

Правовые риски формального и конфликтного подхода к юридической помощи осужденным

Недостаточный уровень профессиональной правовой культуры проявляется не только в прямом отказе допустить адвоката или представителя к осужденному. Более распространенными могут быть косвенные формы воспрепятствования: затягивание оформления, требование документов, не предусмотренных законом или явно избыточных по ситуации, создание организационных препятствий, использование неопределенных ссылок на занятость помещений, режимные мероприятия либо отсутствие должностного лица, уполномоченного принять решение. Внешне такие действия могут выглядеть как обычная служебная процедура, но по правовому результату они ограничивают возможность осужденного получить своевременную юридическую помощь. В литературе по вопросам оценки уровня правовой культуры сотрудников УИС обращается внимание на необходимость связывать ее не с декларациями, а с фактическим качеством правомерного поведения [5].

Конфликтный подход особенно опасен тогда, когда адвокатская активность воспринимается сотрудником как сомнение в авторитете администрации. Такая установка приводит к подмене правовой коммуникации служебной оборонительной реакцией. Жалоба, ходатайство, запрос документов или требование обеспечить конфиденциальное свидание начинают восприниматься не как законный способ защиты, а как давление на учреждение. Между тем право осужденного на квалифицированную юридическую помощь предполагает возможность обращения к специалисту именно тогда, когда лицо не согласно с действиями администрации, условиями содержания, применением взыскания, переводом, ограничением переписки или иным служебным решением. Вопросы обеспечения права осужденного на юридическую помощь уже рассматривались как самостоятельная проблема уголовно-исполнительного права, поскольку без эффективного доступа к адвокату и представителю иные гарантии нередко становятся затрудненными [6].

Существенный риск связан с неопределенностью правового положения «иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи». С одной стороны, учреждение обязано учитывать режим и безопасность, а потому не может игнорировать проверку личности, документов и целей посещения. С другой стороны, неопределенность не должна превращаться в произвольное усмотрение. Сухарев обоснованно указывает на рассогласованность норм уголовно-исполнительного законодательства при реализации права осужденных на юридическую помощь, в том числе в части свиданий с адвокатами и иными лицами [7]. Для правовой культуры сотрудника это означает необходимость не расширять запреты по аналогии, а искать юридически корректное решение: проверить документ, зафиксировать основание допуска либо отказа, указать конкретную норму и фактическое обстоятельство, исключить устные запреты без последующего документирования.

Отдельную группу рисков образуют нарушения конфиденциальности общения и ненадлежащее документирование. Даже если свидание формально предоставлено, размещение в помещении, где содержание разговора может восприниматься третьими лицами, применение средств прослушивания либо присутствие сотрудника вне пределов допустимого контроля подрывает смысл правовой помощи. Проблемы

организации свиданий в исправительных учреждениях уже отмечались в научной литературе как область, где жалобы участников требуют более точной регламентации и единообразной практики [8]. Однако регламентация сама по себе не решает вопроса, если сотрудник не обладает навыком правовой сдержанности. Его задача состоит не в том, чтобы затруднить общение под предлогом режима, а в том, чтобы обеспечить режим без разрушения законной цели свидания.

Наконец, формальный подход увеличивает правовые последствия для самого учреждения: возрастает количество жалоб, прокурорских проверок, административных исков, обращений в адвокатские палаты и общественные правозащитные структуры. Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи осужденным включает не только участие в вопросах исполнения приговора, но и обжалование решений, действий и бездействия должностных лиц администрации исправительных учреждений [9]. Поэтому некорректное поведение сотрудника не остается внутренним эпизодом учреждения. Оно становится юридически проверяемым фактом, способным повлиять на оценку законности служебного решения, репутацию администрации и доверие к исполнению наказания как публично-правовой деятельности.

Совершенствование профессиональной правовой культуры сотрудников УИС при взаимодействии с адвокатами и представителями осужденных

Совершенствование профессиональной правовой культуры в рассматриваемой сфере должно начинаться не с общих призывов к уважению закона, а с изменения содержания служебной подготовки. Сотрудникам необходимо системно разъяснять, что право осужденного на юридическую помощь является не факультативным элементом режима, а правовой гарантией, действующей и в условиях лишения свободы. При этом обучение должно включать не только нормы УИК РФ и Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110, но и практические модели служебного решения: какие документы проверяются, как фиксируется обращение, как оформляется отказ, какие обстоятельства могут быть признаны режимно значимыми, а какие являются лишь удобством администрации. Зарубежный и сравнительно-правовой материал показывает, что право осужденных на юридическую помощь требует процедурной определенности, иначе оно становится зависимым от локальной практики учреждения [10].

Важным направлением является обучение мотивировке служебных решений. Отказ, ограничение, перенос свидания, невозможность допуска конкретного лица, изменение помещения или времени общения не должны выражаться в устной формуле «нельзя» либо «нет возможности». Правовая культура сотрудника проявляется в структуре решения: норма — фактическое обстоятельство — правовая цель — соразмерная мера — способ последующей проверки. Такая модель не отменяет режимных требований, но защищает их от произвольного толкования. В условиях УИС мотивированность имеет двойное значение: она обеспечивает право осужденного и его представителя понимать причину ограничения, а также защищает сотрудника и учреждение от необоснованных обвинений при последующей проверке.

Не менее значимо качество документационного сопровождения. Регистрация обращений, заявлений о свидании, сведений о допуске, причин отказа, времени прибытия адвоката или представителя, обстоятельств организационного переноса должна рассматриваться не как бюрократическая нагрузка, а как доказательная форма законности. Именно документы позволяют восстановить фактическую картину, отделить законное режимное требование от административного препятствия и исключить произвольное толкование действий учреждения. В этом смысле профессиональная правовая культура имеет управленческое измерение: она выражается в устойчивой привычке оформлять юридически значимые действия так, чтобы они могли быть проверены прокуратурой, судом, вышестоящим органом ФСИН России или иным компетентным субъектом.

Третье направление связано с развитием культуры правовой коммуникации. Сотрудник УИС не обязан соглашаться с каждой позицией адвоката или представителя, но обязан реагировать на нее корректно, без личной конфронтации и без переноса конфликта на осужденного. Недопустимо, чтобы подача жалобы, обращение к адвокату или активная позиция представителя становились основанием для неформального давления на осужденного. Подобная практика опасна не только с точки зрения прав личности, но и с точки зрения внутренней устойчивости режима: она формирует недоверие, увеличивает конфликтность и создает основания для проверок. Следовательно, правовая коммуникация должна включаться в служебную подготовку как самостоятельный навык: умение выслушать правовую позицию, отделить требование от эмоции, ответить в пределах компетенции и не выходить за пределы служебной роли.

Перспективной мерой является

внутриведомственный анализ типичных нарушений при взаимодействии с адвокатами и представителями осужденных. Такой анализ не должен сводиться к поиску виновных после жалобы. Его задача — выявлять повторяющиеся слабые места: задержки допуска, разночтения в документах, неясность полномочий ответственных лиц в выходные и праздничные дни, недостаточную оборудованность помещений для конфиденциальных свиданий, ошибки при регистрации обращений, формальные ответы на заявления. На этой основе могут формироваться краткие служебные алгоритмы, учебные занятия, разборы судебной и прокурорской практики. В таком подходе профессиональная правовая культура становится не отвлеченной характеристикой личности, а элементом качества управления учреждением.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что взаимодействие сотрудников УИС с адвокатами и представителями осужденных является самостоятельной и юридически значимой сферой проявления профессиональной правовой культуры. Оно не сводится к пропускному режиму, организации свидания или регистрации обращения. В данной сфере проверяется способность сотрудника сочетать требования безопасности и режима с уважением к праву осужденного на юридическую помощь, конфиденциальность общения и мотивированное рассмотрение правовых обращений.

Научный результат статьи состоит в обосновании положения о том, что профессиональная правовая культура сотрудника УИС в отношениях с адвокатом и представителем выражается в четырех взаимосвязанных качествах: юридически точном понимании пределов полномочий, уважительном отношении к законному статусу участников, процедурной мотивированности решений и документальной проверяемости служебных действий. Новизна подхода заключается в переносе акцента с общего описания прав адвоката или осужденного на анализ качества правового поведения сотрудника УИС в конкретных ситуациях допуска, свидания, конфиденциального общения, рассмотрения обращений и реагирования на жалобы.

Для УИС это имеет прикладное значение, поскольку формальный или конфликтный подход в данной сфере порождает не только нарушение прав осужденного, но и управленческие риски для учреждения: рост жалоб, прокурорских проверок, судебных споров и недоверия к администрации. Поэтому профессиональная правовая культура сотрудников УИС должна рассматриваться не только как внутреннее качество служебной деятельности, но и как необходимое условие законного, корректного и доверительного взаимодействия с адвокатами и представителями осужденных.

Список литературы:

[1] Викторов А.О. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в Российской Федерации // Закон. Право. Государство. 2023. № 4 (40). С. 152–154.

[2] Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2023. 432 с.

[3] Кониченко Е.Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2005. 185 с.

[4] Орлова А.А. Некоторые аспекты формирования профессионального правосознания и профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 124–126.

[5] Софронов С.А. Правовая культура и критерии оценки ее уровня у сотрудников УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 2 (117). С. 33–41.

[6] Бриллиантов А.В. Обеспечение права осужденного на получение квалифицированной юридической помощи // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 20–23.

[7] Сухарев С.Н. Рассогласованность норм уголовно-исполнительного законодательства при реализации права осужденных на юридическую помощь // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190). С. 171–173.

[8] Прокудин В.В. Проблемы организационно-правового регулирования проведения свиданий в исправительных учреждениях // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190). С. 174–176.

[9] Буслаева О.Б. Деятельность адвоката по оказанию юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях. М.: Типография «11-й ФОРМАТ», 2016. 261 с.

[10] Кузнецова О.Б. Право осужденных на получение юридической помощи в зарубежном законодательстве // Евразийская адвокатура. 2015. № 3 (16). С. 38–43.

References:

[1] Viktorov A.O. Legal culture of employees of the penitentiary system in the Russian Federation// Law. Right. State. 2023. № 4 (40). S. 152-154.

[2] Criminal executive law of Russia: textbook/

ed. V.I. Seliverstova. 8th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2023. 432 p.

[3] Konichenko E.B. The legal culture of employees of the penitentiary system in modern Russian society (general legal analysis): dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.01. Vladimir, 2005. 185 pp.

[4] A.A. Orlova. Some aspects of the formation of professional legal awareness and professional legal culture of employees of the penitentiary system// Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2. S. 124-126.

[5] Sofronov S.A. Legal culture and criteria for assessing its level among employees of the penal system//Vedomosti of the penal system. 2012. № 2 (117). S. 33-41.

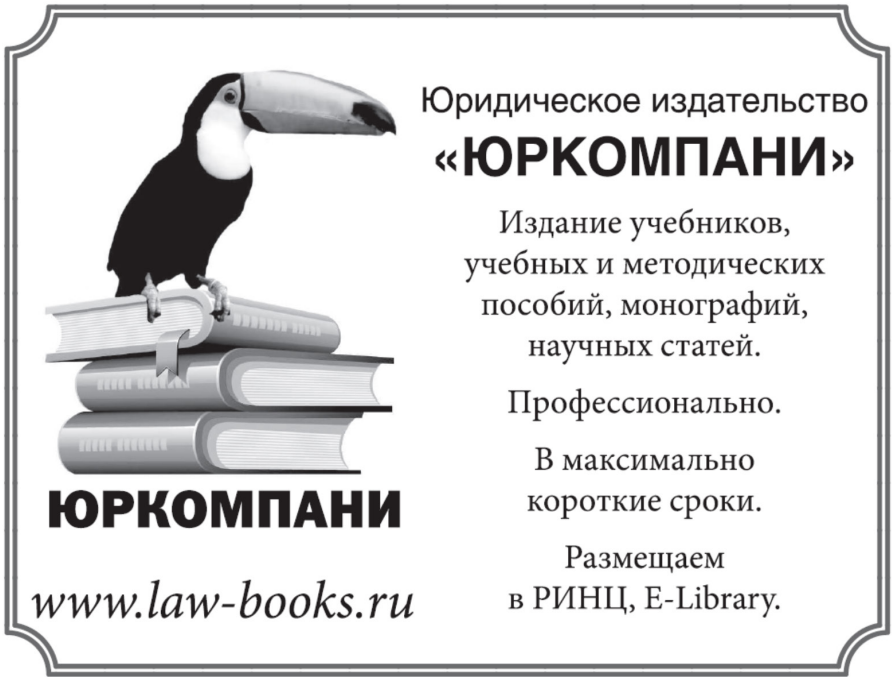
[6] Diamonds A.V. Ensuring the convict's right to receive qualified legal assistance//Criminal enforcement law. 2016. № 2. S. 20-23.

[7] Sukharev S.N. Inconsistency of norms of penal legislation in the implementation of the right of convicts to legal assistance//Law and the state: theory and practice. 2020. № 10 (190). S. 171-173.

[8] V.V. Prokudin. Problems of organizational and legal regulation of visits in correctional institutions//Law and state: theory and practice. 2020. № 10 (190). S. 174-176.

[9] Buslaeva O.B. Activities of a lawyer to provide legal assistance to convicts serving sentences in correctional institutions. M.: Printing house "11th FORMAT," 2016. 261 pp.

[10] Kuznetsova O.B. The right of convicts to receive legal assistance in foreign legislation// Eurasian Bar. 2015. № 3 (16). S. 38-43.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-849-853

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

СОСНОВСКИЙ Евгений Сергеевич,

преподаватель кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения,

e-mail: jacksos730@gmail.com

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации правовой культуры в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ). Автор анализирует основные тенденции изменения правосознания граждан, профессионального юридического сообщества и правотворческих органов в эпоху цифровизации. Исследуются проблемы этико-правового регулирования применения ИИ, риски размывания традиционных ценностно-нормативных установок, а также перспективы формирования «цифровой» правовой культуры. Особое внимание уделено вопросам ответственности за вред, причинённый системами ИИ, защите прав человека в условиях алгоритмического принятия решений и формированию правовой грамотности населения. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к развитию правовой культуры, учитывающего как технологические инновации, так и сохранение фундаментальных гуманистических ценностей права.*

Ключевые слова: *правовая культура, искусственный интеллект, правосознание, цифровизация, цифровое право, этика ИИ, алгоритмическое регулирование, правовая грамотность, ответственность, права человека*.

KIRILLOVA Tatiana Konstantinovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

SOSNOVSKY Evgeny Sergeevich,

Lecturer at the St. Petersburg State Universityof Aerospace Instrumentation

LEGAL CULTURE IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

Annotation. *The article examines topical issues of transformation of legal culture in the context of the rapid development of artificial intelligence (AI) technologies. The author analyzes the main trends in changing the legal consciousness of citizens, the professional legal community and law-making bodies in the era of digitalization. The problems of ethical and legal regulation of AI application, the risks of erosion of traditional value and normative attitudes, as well as the prospects for the formation of a «digital» legal culture are studied. Particular attention is paid to issues of liability for harm caused by AI systems, protection of human rights in the context of algorithmic decision-making, and the formation of legal literacy of the population. A conclusion is drawn on the need for a comprehensive approach to the development of legal culture, taking into account both technological innovations and the preservation of fundamental humanistic values of law.*

Key words: *legal culture, artificial intelligence, legal consciousness, digitalization, digital law, AI ethics, algorithmic regulation, legal literacy, liability, human rights.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) на протяжении последнего десятилетия привело к существенным изменениям не только в экономической и социальной сферах, но и в правовой системе общества. Внедрение алгоритмических систем в государственное управление, судопроизводство, правоохранительную деятельность, оказание юридических услуг ставит перед юридической наукой принципиально новые задачи. Среди них особое место занимает проблема трансформации правовой культуры – сложного социокультурного феномена, отражающего отношение общества и личности к праву, уровень развития правосознания, правовой деятельности и правовых институтов [1, с. 14].

Актуальность темы обусловлена тем, что развитие ИИ оказывает двойственное воздействие на правовую культуру: с одной стороны, оно расширяет возможности правовой коммуникации, повышает доступность правовой информации, способствует совершенствованию правоприменительной практики; с другой – порождает риски деформации правосознания, размывания традиционных правовых ценностей, утраты человеком субъектности в правовых отношениях [2, с. 47]. Вопросы этики ИИ, ответственности за алгоритмические решения, защиты персональных данных и прав человека в цифровой среде требуют научного осмысления в контексте формирования новой модели правовой культуры.

Степень научной разработанности темы характеризуется растущим интересом исследователей к проблемам взаимодействия права и ИИ. Существенный вклад в разработку проблематики цифровизации права и правовой культуры внесли работы Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора, А.В. Минбалеева, П.М. Морхата, И.Р. Бегишева, А.А. Карцхия и других отечественных учёных [3; 4; 5]. Вместе с тем комплексное исследование правовой культуры в условиях развития ИИ остаётся недостаточно разработанным.

Цель настоящей статьи – выявить основные направления трансформации правовой культуры под влиянием технологий ИИ и определить пути её развития в условиях цифровой эпохи.

Задачи исследования: 1) раскрыть содержание правовой культуры в контексте цифровизации; 2) проанализировать влияние ИИ на правосознание и правовое поведение; 3) выявить ключевые этико-правовые проблемы применения ИИ; 4) предложить направления совершенствования правовой культуры.

Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, социолого-правовой) методы исследования.

Правовая культура традиционно понимается как качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и правового развития субъектов [1, с. 18]. Структурно она включает познавательный, ценностно-ориентационный и поведенческий компоненты. В условиях цифровой трансформации каждый из этих компонентов претерпевает существенные изменения.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор обоснованно отмечают, что цифровизация порождает новое измерение правовой реальности, в котором классические правовые категории нуждаются в переосмыслении [3, с. 9]. Возникает понятие «цифровая правовая культура», которое включает в себя: цифровую правовую грамотность, навыки безопасного поведения в цифровой среде, понимание особенностей правового регулирования отношений, опосредованных технологиями, в том числе ИИ [6, с. 112].

А.В. Минбалеев подчёркивает, что развитие технологий ИИ требует формирования у субъектов права специальных компетенций, позволяющих критически оценивать результаты работы алгоритмических систем и осознанно использовать их в юридической практике [5, с. 28]. Это формирует запрос на новый тип правовой социализации личности, ориентированный на гибридную (физическую и цифровую) реальность.

Воздействие ИИ на правосознание носит многоплановый характер. С позитивной стороны, использование интеллектуальных систем правового консультирования (чат-ботов, юридических ассистентов на основе больших языковых моделей) повышает доступность правовой информации для широких слоёв населения, способствует росту правовой грамотности [7, с. 64]. Граждане получают возможность оперативно получать первичную юридическую консультацию, что особенно важно в условиях неравномерного распределения юридических услуг по территории страны.

Вместе с тем П.М. Морхат указывает на риски, связанные с некритическим восприятием результатов работы ИИ-систем: пользователи склонны переоценивать точность алгоритмических рекомендаций, что может приводить к принятию ошибочных правовых решений [4, с. 75]. Возникает феномен «алгоритмического конформизма», при котором человек делегирует машине свою правовую субъектность.

Особую обеспокоенность вызывает явление «правовой деформации», порождаемое массовым распространением дипфейков, генеративных моделей, способных создавать правдоподобные, но недостоверные юридические документы. И.Р. Бегишев справедливо отмечает, что данные технологии создают новые формы противоправного поведения, требующие как уголовно-правового реагирования, так и формирования у населения навыков критической оценки цифрового контента [8, с. 156].

В профессиональной среде ИИ трансформирует деятельность юристов: автоматизация рутинных операций (анализа документов, поиска прецедентов, составления типовых договоров) высвобождает время для творческой работы, но одновременно ставит вопрос о профессиональной идентичности юриста, его этических обязательствах при использовании ИИ-инструментов [9, с. 23].

Развитие ИИ обнажает фундаментальные этико-правовые проблемы, непосредственно затрагивающие правовую культуру общества. Первая из них – проблема ответственности за вред, причинённый системами ИИ. Дискуссия о возможности признания ИИ субъектом права («электронным лицом») остаётся открытой [4, с. 102]. Российская доктрина в основном придерживается позиции, согласно которой ответственность должны нести разработчики, владельцы и операторы соответствующих систем [10, с. 89].

Вторая проблема связана с алгоритмической предвзятостью (bias). Системы ИИ, обученные на исторических данных, способны воспроизводить и усиливать существующие в обществе дискриминационные практики. Это особенно опасно при использовании ИИ в правосудии, правоохранительной деятельности, кредитном скоринге [11, с. 41]. Защита от алгоритмической дискриминации становится новым направлением правозащитной деятельности и важнейшим элементом современной правовой культуры.

Третья проблема – обеспечение прозрачности и объяснимости алгоритмических решений. Принцип «права на объяснение», получивший развитие в европейском Общем регламенте по защите данных (GDPR), постепенно проникает и в российскую правовую доктрину [12, с. 58]. Гражданин должен иметь возможность понять основания принятого в отношении него юридически значимого решения, что является необходимым условием реализации права на судебную защиту.

Четвёртая проблема – защита персональных данных и неприкосновенности частной жизни в условиях массового сбора и обработки информации системами ИИ. А.А. Карцхия отмечает, что цифровой суверенитет личности становится новой ценностью, требующей правовой защиты [13, с. 67].

В ответ на эти вызовы в Российской Федерации в 2021 году был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта – рамочный документ, формулирующий принципы ответственного развития ИИ. Подобные документы, включая Рекомендацию ЮНЕСКО об этических аспектах ИИ (2021), формируют международный консенсус о ценностно-нормативных основаниях развития технологий [14, с. 31].

Анализ выявленных проблем позволяет предложить ряд направлений развития правовой культуры в условиях ИИ-революции.

Первое направление – формирование цифровой правовой грамотности населения. Необходима интеграция в образовательные программы всех уровней модулей, посвящённых правам и обязанностям субъектов в цифровой среде, особенностям взаимодействия с ИИ-системами, способам защиты от алгоритмической дискриминации [6, с. 119]. Особое значение приобретает правовое просвещение в сфере критической оценки цифрового контента.

Второе направление – развитие профессиональной правовой культуры юристов. Современный юрист должен обладать базовыми знаниями в области ИИ, понимать принципы работы алгоритмических систем, владеть навыками их использования при соблюдении этических норм. Это требует пересмотра стандартов юридического образования, включения в учебные планы соответствующих дисциплин [9, с. 28; 15, с. 142].

Третье направление – совершенствование правотворческой культуры. Создание адекватного правового регулирования отношений в сфере ИИ требует от законодателя как глубокого понимания технологических особенностей, так и приверженности фундаментальным правовым ценностям. Принцип «человекоцентричности» (human-centric approach) должен оставаться методологической основой правового регулирования ИИ [3, с. 14].

Четвёртое направление – укрепление этической составляющей правовой культуры. Гуманистические ценности права – достоинство человека, справедливость, равенство, защита уязвимых групп – должны выступать ориентиром при оценке любых технологических инноваций. Как справедливо указывает Н.Н. Черногор, цифровизация не должна вести к утрате антропологических оснований права [16, с. 21].

Пятое направление – развитие международного сотрудничества в сфере

регулирования ИИ. Трансграничный характер цифровых технологий требует выработки согласованных подходов к их правовому регулированию, обмена лучшими практиками, формирования глобальной правовой культуры цифровой эпохи [14, с. 36].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Развитие технологий искусственного интеллекта оказывает глубокое и многомерное воздействие на правовую культуру современного общества, трансформируя её содержательные, структурные и функциональные характеристики. Возникает новый феномен – цифровая правовая культура, интегрирующая традиционные правовые ценности и компетенции с навыками безопасного и эффективного взаимодействия с цифровыми технологиями.

Влияние ИИ на правовую культуру носит амбивалентный характер: расширяя возможности правовой коммуникации и доступности правовой информации, оно одновременно порождает риски деформации правосознания, размывания субъектности человека в правовых отношениях, появления новых форм противоправного поведения.

Адекватный ответ на вызовы цифровой эпохи требует комплексной стратегии развития правовой культуры, включающей повышение цифровой правовой грамотности населения, модернизацию юридического образования, совершенствование правотворчества, укрепление этической составляющей правовой жизни и развитие международного сотрудничества. При этом фундаментальным принципом должна оставаться человекоцентричность права – приоритет защиты прав, свобод и достоинства человека над любыми технологическими и экономическими интересами.

Дальнейшие исследования в данной сфере представляются перспективными в части эмпирического изучения изменений правосознания различных социальных групп под влиянием ИИ, разработки методик оценки уровня цифровой правовой культуры, а также сравнительно-правового анализа международного опыта регулирования ИИ.

Список литературы:

[1] Певцова Е.А. Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX–XXI веков: монография. – М.: Новый учебник, 2020. – 416 с.

[2] Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Тенденции и перспективы развития информационного права в условиях цифровой трансформации // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 45–58.

[3] Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 5–16.

[4] Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. – М.: Буки Веди, 2021. – 254 с.

[5] Минбалеев А.В. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 6. – С. 25–34.

[6] Зенин С.С., Кутейников Д.Л., Япрынцев И.М., Ижаев О.А. Формирование правового регулирования цифровой среды и цифровой правовой грамотности // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 110–123.

[7] Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25. – № 1. – С. 60–73.

[8] Бегишев И.Р. Уголовно-правовые риски применения технологий искусственного интеллекта // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 150–162.

[9] Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 17–32.

[10] Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 85–109.

[11] Незнамов А.В. Алгоритмическая предвзятость в правовом измерении // Закон. – 2021. – № 8. – С. 38–48.

[12] Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. – 2021. – № 3. – С. 55–62.

[13] Карцхия А.А. Цифровой суверенитет: правовой аспект // Мониторинг правоприменения. – 2022. – № 1. – С. 64–72.

[14] Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91. – № 11. – С. 28–37.

[15] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 138–161.

[16] Черногор Н.Н., Залоило М.В. Цифровизация и будущее права // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 5–22.

References:

[1] E.A. Pevtsova. Legal culture and legal education in Russia at the turn of the XX-XXI centuries: monograph. - M.: New textbook, 2020. - 416 s.

[2] Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Trends and prospects for the development of information law in the context of digital transformation// State and law. – 2022. – № 9. - S. 45-58.

[3] Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in Digital Reality//Journal of Russian Law. – 2021. – № 1. - S. 5-16.

[4] Morhat PM Artificial Intelligence: A Legal View: A Monograph. - M.: Buki Vedi, 2021. - 254 s.

[5] Minbaleev A.V. Problems of legal regulation of artificial intelligence//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2022. – № 6. - S. 25-34.

[6] Zenin S.S., Kuteinikov D.L., Yapryntsev I.M., Izhaev O.A. Formation of legal regulation of the digital environment and digital legal literacy//Legal paradigm. – 2021. - T. 20. – № 2. - S. 110-123.

[7] Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2021. - T. 25. – № 1. - S. 60-73.

[8] I.R. Begishev. Criminal law risks of using artificial intelligence technologies//Current problems of economics and law. – 2021. - T. 15. – № 1. - S. 150-162.

[9] E.V. Talapina. Law and Digitalization: New Challenges and Prospects//Journal of Russian Law. – 2022. – № 2. - S. 17-32.

[10] Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law (search for legal forms to regulate the digital economy) ?//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2020. – № 4. - S. 85-109.

[11] Neznamov A.V. Algorithmic bias in the legal dimension//Law. – 2021. – № 8. - S. 38-48.

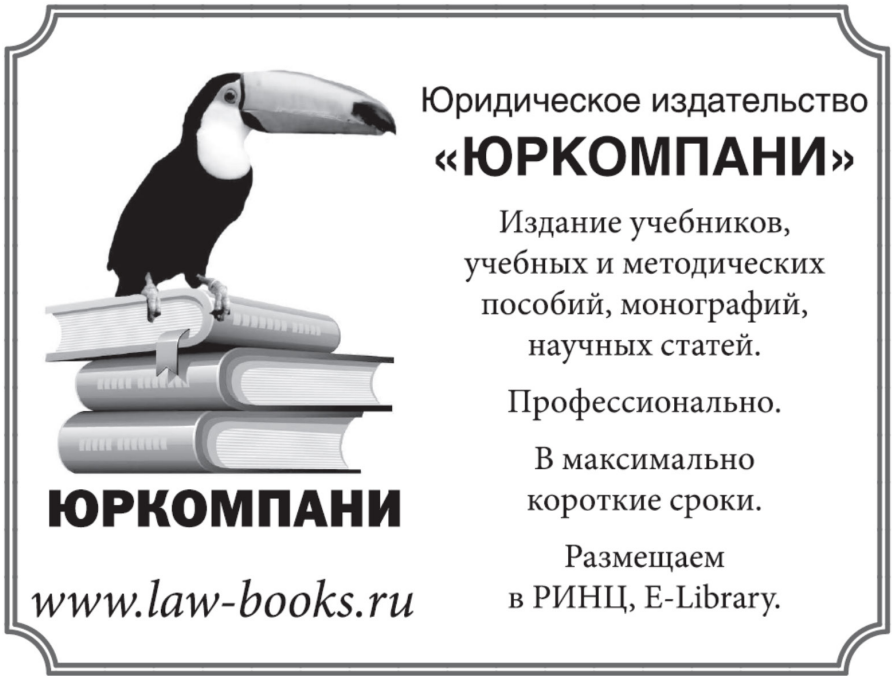
[12] Arkhipov V.V., Naumov V.B. Information and legal aspects of the formation of legislation on robotics//Information law. – 2021. – № 3. - S. 55-62.

[13] Karzhia A.A. Digital Sovereignty: Legal Aspect//Enforcement Monitoring. – 2022. – № 1. - S. 64-72.

[14] Shahrai S.M. Digital Constitution. Fundamental rights and freedoms of the individual in a totally information society//Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2021. - T. 91. – № 11. - S. 28-37.

[15] Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work//Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – № 2. - S. 138-161.

[16] Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Digitalization and the Future of Law//Journal of Russian Law. – 2020. – № 11. - S. 5-22.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-854-858
Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

КОРОЛЕВА Людмила Анатольевна,

старший преподаватель кафедры языковой подготовки, Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия,

e-mail: misskoroleva01@gmail.com

ХАЛАТЯН Раиса Федоровна,

старший преподаватель кафедры языковой подготовки, Государственный университет по землеустройству, Москва, Россия,

e-mail: raisa_khalatyan@mail.ru

О ‘КАТЕГОРИЯХ АНГЛИЙСКОГО МЫШЛЕНИЯ’ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ: ‘ДИАЛОГ’ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА И МАКСА ШЕЛЕРА

Аннотация. *Насколько нам известно, Шелер и Витгенштейн никогда не пересекались и никогда не ссылались друг на друга. Они жили в разных мировоззренческих измерениях. Шелер был католическим философом, систематиком нравственных ценностей и автором т.н. материальной этики, критиком и одновременно поклонником Ницше. Витгенштейн был агностиком, логиком, соучредителем (английской) аналитической философии и, судя по всему, книгам Ницше предпочитал музыку Мендельсона. Тем не менее, и Шелер, и Витгенштейн были «рабами» родного немецкого языка. Именно поэтому у них был иммунитет в отношении нередкой полисемии английского мышления. На эту «полисемию» английского менталитета в период Первой мировой войны обратил внимание Шелер и наметил интересную концепцию лексических парных оппозиций английского языка. Дело в том, что носители английского языка – вольно или невольно – применяют эти оппозиции для подмены одних понятий другими. Шелер просто наметил эту тему, т.е. не дал ей теоретического обоснования. По нашему мнению, таким обоснованием может послужить лингвистическая философия Витгенштейна.*

Ключевые слова: *Этические ценности, дихотомии, лингвистика, лексикография, семантика, лингвистические игры, теория семейного сходства*.

KOROLEVA Liudmila,

senior teacher of the Language Training Department, the State University of land use planning, Moscow, Russia

KHALATYAN Raisa,

senior teacher of the Language Training Department, the State University of land use planning, Moscow, Russia

A ‘CATEGORICAL TABLE OF THE ENGLISH MIND’ WITH SPECIAL REFERENCE TO ENGLISH LEXICA: A ‘DIALOGUE’ BETWEEN LUDWIG WITTGENSTEIN AND MAX SCHELER

Annotation. *As we know, Scheler and Wittgenstein never met and never made references to each other. They lived their lives in different cognitive worlds. Scheler was a Catholic philosopher, who was eager to systematize moral values. He is known as a forerunner of the so-called substantive ethics. He both criticized and admired Nietzsche. Wittgenstein was an agnostic and a cofounder of the so-called analytical philosophy. He preferred music composed by Mendelsohn to books written by Nietzsche. Nonetheless, both Scheler and Wittgenstein were “slaves” of their native German language. By the way, they could not be misled by the occasional ‘polysemy’ of the English thought (see below). It is due to this misleading polysemy that Scheler during the First world war came across some annoying peculiarities of the English mind and mapped out an interesting conception of lexical dual oppositions of the English language, which play a destructive role in any political English*

discourse. They are usually used by native English speakers – consciously or subconsciously - in order to substitute one notion for another. Scheler never made a full-fledged theory of his conception. But it seems that the linguistic philosophy by Wittgenstein is apt to fill this gap.

Key words: *Ethical values, dichotomies, linguistics, lexicography, semantics, linguistic games, a family resemblance theory.*

Тема статьи пришла на ум в тот момент, когда нам попалась на глаза небольшая заметка немецкого философа-персоналиста и создателя концепции материальной этики Макса Шелера (1874 - 1928) [5]. В ней Макс Шелер предстаёт не только в качестве философа и культуролога, но и как оригинальный лексикограф, наметивший удивительную этико-лингвистическую концепцию т.н. парных лексических оппозиций английского языка. Указанная заметка называется «О таблице категорий английского мышления» [4].

Несмотря на громкое название, её трудно назвать полноценной научной статьей. В ней всего две страницы [4] и содержит она оппозиции терминов, которые лексически самостоятельны, семантически не совпадают и порой даже этически несовместимы. По поводу этой заметки уместно вспомнить поговорку «мал золотник, да дорог». Мы постараемся по возможности измерить латентную глубину того, что по Шелеру составляет лингвистическую уникальность английского менталитета. Шелер не посчитал необходимым разрабатывать концепцию парных лексических оппозиций на основе собственной философии, известной как «христианский (католический) персонализм». Но, к счастью, практически сразу у нас возникла ассоциация шелеровской концепции английского мышления с лингвистической философией Людвига Витгенштейна (1889 - 1951).

Пятнадцать лет разницы в возрасте между Шелером и Витгенштейном сами по себе сигнализируют о том, что эти мыслители принадлежали к разным поколениям. Но дело не только в этом: они принадлежали и к разным мировоззренческим эпохам. Шелер полностью погружен в стихию критицизма 18 и 19 веков от Канта (1724 - 1804) до Ницше (1844 - 1900). Когда Ницше скончался, Витгенштейн был ещё 11-летний гимназист. Шелер вслед за Ницше были критиком эпохи модерна и глашатаем т.н. материальной этики, а Витгенштейн был приверженцем «идеи невыразимости этического в противоположность пустопорожней болтовне философов – этиков» [8] и рассматривается как один из лидером философии постмодернизма, которым, впрочем, сам себя не считал.

Несмотря на принципиальные разногласия (см. ниже) оба мыслителя сходятся в том, что язык может «играть» нами и с нами. Алгоритм нашего исследования таков: мы (1) начинаем с краткого введения в творчество Витгенштейна, (2) находим в нём то, что созвучно шелеровской концепции парных лексических оппозиций английского языка и, наконец, (3) проводим заключительный анализ этой концепции.

Как известно, творчество Витгенштейна принято разделять на два этапа – ранний и поздний. На первом этапе Витгенштейн фактически готовит т.н. linguistic turn – «лингвистический поворот», или даже разворот – западной философии от анализа платонических «идей», т.е. от классической метафизики к анализу грамматики и семантики обыденного языка. Первой вехой стала работа под названием «Логико-философское исследование» [9]. Впрочем, это немецкоязычная работа была издана с опечатками и другими досадными изъянами, поэтому кульминацией раннего периода принято считать двуязычное немецко-английское издание под новым названием «Логико-философский Трактат» [2]. Введение к этому «Трактату» предпослал сам Бертран Рассел – один из соучредителей т.н. аналитической философии. После издания «Трактата» Витгенштейн на продолжительное время потерял интерес к философии, так как считал, что в этой сфере он сделал всё, что было в его силах.

После продолжительный паузы, в ходе которой Витгенштейн успел поработать школьным учителем в австрийской глубинке, монастырским садовником, плотником и даже архитектором, «возродился» поздний Витгенштейн. Затянувшаяся пауза заставила Витгенштейна взглянуть на свой «Трактат» критическим взглядом. В результате Витгенштейн переосмыслил свои же достижения в «Логико-философском Трактате», но остался верен сквозной линии своего творчества. Речь идёт о своеобразной версии лингвистической философии. Раннего и позднего Витгенштейна объединяет чувство «глобального разочарования»: «Кстати, в старой идеологии — грубо говоря, в идее западной философии — ставятся проблемы двух видов научного познания: существенные, великие, универсальные — и несущественные, случайные. Наша идея, напротив, в том, что в научном познании нет великих, существенных проблем» [10].

Сильно упрощая центральную мысль Витгенштейна, можно сказать, что все глубинные проблемы философии он считает проблемами

языка. Кульминацией творчества позднего Витгенштейна стала работа под названием «Философские исследования» [9]. По понятным причинам в научном наследии Витгенштейна нас интересуют, прежде всего, те работы, в которых преобладают лингвистические, а не логико-философские аргументы. Здесь нет произвола и субъективности, с нашей стороны. Здесь надо вспомнить о Шелере. Дело в том, что Шелер в своей концепции парных лексических оппозиций английского языка фактически проводит мысль о том, что менталитет английского истеблишмента с логикой «дружит» плохо (см. подробнее ниже).

Ещё в предисловии к «Трактату» Витгенштейну в одном абзаце удалось сконцентрировать главную мысль своей лингвистической философии: «Книга обращается к философским проблемам и показывает — как я полагаю, — что постановка этих проблем покоится на непонимании нашего языка. Весь Смысл книги можно охватить приблизительно такими словами: то, что вообще можно сказать, можно сказать ясно, а о том, о чем нельзя говорить, должно хранить молчание. Стало быть, книга проводит границу мышлению, или, скорее, не мышлению, а проявлению мыслей» [9].

Лингвистическая философия позднего Витгенштейна, прежде всего, является лингвистической прагматикой, чем-то в роде дорожной карты: «Язык расставляет всем схожие ловушки: это огромный лабиринт с множеством неверных поворотов. И потому мы наблюдаем, как люди один за другим идут проторенными тропами, и знаем заранее, где они собьются с пути, где пойдут прямо, пропустив поворот, и т. д. И я должен сделать следующее: установить знаки на всех перекрестках с неверными поворотами, чтобы помочь людям миновать опасности» [2].

Следует отметить, что английский менталитет не имеет аналога немецкому термину «Gegen-Stand». Если по возможности перевести этот термин ближе к оригиналу, то получим слово «Противо-Стойка», или «Контр-Стенд», т.е. «вещь, поставленная напротив». Возникает вопрос: «Кем?». Интуитивно ближайший ответ будет следующим: «Кем? Наблюдателем этого самого «Контр-Стенда».

Русскоязычный менталитет более, чем английский расположен к уяснению немецкого слова «Gegenstand», что по-русски означает «предмет». В самом деле, если термин «Пред-Мет» перевести в глагольную форму, то получаем «Пред-Метить», т.е. «предварительно отметить (заметить, подметить, пометить) какую-либо «вещь»», например, в целях последующих (когнитивных или практических) манипуляций с этой «вещью». По контрасту английское полисемантическое слово “subject” в зависимости от контекста может означать и «субъект», и «объект», и «предмет». Более того, существует конкуренция между английскими терминами “subject” и “object”. Последний также может означать и «объект», и «предмет». Ясно, что речь идёт о досадной полисемии и конкуренции важных исследовательских категорий.

Поздний Витгенштейн синтезирует свою (специальную) лингвистическую философию, где он придерживается родного немецкоязычного менталитета, с (общей) аналитической философией, где он вынужден делать уступки англоязычному мышлению. Отсюда, языковая игра по Витгенштейну может иметь неаналитическую форму обыденного языка, т.е. форму здравого смысла, например, в виде императивных высказываний: «Принеси мне швабру!». С другой стороны, нет логических препятствий «поиграть» в аналитическую языковую игру (в духе английской аналитической философии): «Принеси мне палку, к которой снизу прикреплена щётка!» [10]. Наконец, возможен и третий вариант подобной языковой игры: «Принеси мне щётку!» Ясно, что в последнем случае такая (эллиптическая) языковая игра может привести исполнителя приказа в замешательство: вместо подразумеваемой «приказчиком» «половой швабры» исполнитель в итоге своих раздумий может принести, скажем, одежную щётку или зубную щётку или щётку для волос и т.п.

Именно третий (эллиптический) вариант языковой игры, на наш взгляд, характерен для «Таблицы категорий английского мышления» по Шелеру с той лишь разницей, что английский менталитет играет в свои игры всегда произвольно и ни перед кем не отчитывается за свои «эллиптические идиосинкразии». Единственным оправданием здесь служит – вольная или невольная - приверженность английского мышления концепции семейного сходства Витгенштейна [10]. Более того, автор этой концепции, похоже, придавал ей универсальный и даже тотальный смысл: «Власть языка в том, что он все делает похожим, и это в полной мере проявляется в словаре…» [2].

Переходим к краткому анализу «Таблицы категорий английского мышления» по Шелеру [4]. Его гениальная мысль заключается в том, что для английского менталитета обычным делом является подмена смыслов в любом возможном дискурсе. И самое интересное: семантическая подмена происходит в форме своеобразной «лингвистической игры», а именно таким образом, что сами участники дискурса (1) не знают, что они совершают семантическую подмену и (2) тем более, не замечают такой подмены у

других. Соавторы долго искали подходящий термин для этого удивительного феномена и, наконец, остановились на понятии скрытая «лингвистическая шизофрения». Одновременно данное понятие представляет собой своеобразную игру, где «фишками» выступают устойчивые шаблоны англоязычного менталитета, который – подсознательно или нет - определяет цель, метод и результат указанной «игры».

Целью такой словесной эллиптической игры всегда является термин, подлежащий «вытеснению» из дискурса. Например, термин “community” просто замещается термином “society” вопреки тому, что они существенно различаются по смыслу. Так, термин “family” (семья) входит в объём понятия “community” (неформальное сообщество), но несовместим или «плохо дружит» с понятием “society” (формальное, договорное общество, например, акционерная компания). Кстати, термин “university” несовместим с термином “society”, но совместим с термином “community” в смысле неформального сообщества студентов и преподавателей.

Методика указанной лингвистической игры по преимуществу представляет собой обмен негативными (отрицательными) речевыми актами участников. Как сказано выше, участники дискурса стараются не анализировать смыслы, а элиминировать их. Иначе говоря, идеологически неудобные и, особенно, метафизически глубокие понятия подлежат вытеснению и замене на «идеологически корректные» категории.

Шелер приводит такой пример: полисемантический термин “culture”, который всегда требует контекстуальной интерпретации и – более или менее – аргументированного анализа, английский менталитет вытесняет в пользу узкоутилитарного понятия “comfort” в духе Иеремии Бентама [3]. Соответственно, контрагент по дискурсу берет за основу своей последующей аргументации не «якобы вытесненное» понятие “culture”, а термин “comfort”. Этот термин контрагент по дискурсу можно далее сопоставить, скажем, с понятием “utility” (польза).

Результат такой лингвистической игры всегда представляет собой «элиминацию» одного из членов парной оппозиции в духе ложной «бритвы Оккама», когда один из членов парной оппозиции – a priori – считается «избыточным». В приведенном выше примере видно, что результат указанной лингвистической игры будет носить откровенно циничный характер. В контексте английского менталитета термин “culture” оказывается бесполезным: он просто не вписывается в ряд «идеологически корректных» идентификаций термина «культура» сначала с «комфортом» и, наконец, с «полезностью».

Вот другой пример, который приводит Шелер [4]: английский менталитет имеет тенденцию смешивать понятие «teacher» (учитель) с понятием «shepherd» (пастух). Иначе говоря, в отличие от германской модели образования личность английского ученика в британской системе образования - по Шелеру - выводится за скобки. Английский учитель средней школы в Англии (по (крайней мере, в период Первой мировой войны), в отличие от тогдашней немецкой средней школы, должен просто безоговорочно следовать указаниям «пастуха-учителя».

В любом случае в результате обмена лингвистическими элиминациями (редукциями) участники англоязычного дискурса конструируют мир тоталитарных (монолитных) понятий. Указанные лексические редукции представляют собой не просто «редакцию» или, точнее, вычеркивание из дискурса нежелательной лексики. Они по факту обеспечивают незаметную подмену смыслов, «устраняя» из дискурса термины, которые для господствующего “public opinion” являются идеологически некомфортными или метафизически глубокими. Можно ли этому противостоять и если да, то как именно?

На наш взгляд, в рамках английского менталитета этому противостоять невозможно, но этому можно противопоставить средства лингвистической компаративистики, причем, как в её диахронической версии (например, привлекая к анализу данной проблематики латынь), так и в её синхроническом варианте (например, опираясь на данные иных современных языков), как это блестяще продемонстрировал Макс Шелер.

Итоги:

Шелер так же, как и Витгенштейн полностью погружен в логику (родного для них) немецкого языка; соответственно, (1) Шелеру было нетрудно сформулировать противоположные категории в его «Таблице английских лексических оппозиций» в терминах «Контр-Стендов» (Gegen-Stände), а (2) Витгенштейн, со своей стороны, наметил нам механизм взаимодействия этих «Контр-Стендов» в терминах (2а) языковой игры и (2б) т.н. семейного сходства (понятий).

В ходе исследования удалось выявить когнитивную связь между шелеровской концепцией лексических парных оппозиций, характерных для английского менталитета, с одной стороны, и теорией лингвистических игр Людвига Витгенштейна, с другой. Конкретно речь идёт об эвристическом характере взаимодействия указанной концепции Шелера с двумя категориями языковой теории Витгенштейна, а именно, с терминами “linguistic game” (лингвистическая игра) и ”family resemblance” (семейное сходство).

Удалось выявить некий

«шизофренический» аспект лингвистической игры по Шелеру-Витгенштейну; он заключается в том, что терминологические «половинки» такой парной оппозиции как бы «игнорируют» лексическую ассоциативную связь друг с другом. Каждая полярная категория такой лексической парной оппозиции как бы «запрограммирована» на поиск «внешних» ассоциативных связей, например, посредством вторжения внутрь иных парных лексических оппозиций. Например, английский менталитет вполне допускает такие ассоциации, когда, скажем, первый участник дискурса подменяет смысл термина «teacher» (учитель) смыслом слова «shepherd» (пастух), а второй участник дискурса, в свою очередь, подменяет слово «shepherd» словом «exploiter» (эксплуататор).

В ходе указанной лингвистической игры её участники создают особую «лингвистическую реальность», которая (1) обладает верификационным иммунитетом, т.е. как бы не нуждается в подтверждении со стороны внелингвистической реальности и, более того, (2) претендует на эксклюзивный статус, что делает какие-либо ссылки на внелингвистическую реальность избыточными.

Список литературы:

[1] Витгенштейн Л. Tractatus Logico-Philosophicus. Пер. с нем. и комментарии Вадима Руднева // Людвиг Витгенштейн: Избранные работы. – М: Издательский Дом «Территория Будущего». – 2005.

[2] Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. Предисловие К. Королева. Пер. с англ. Л. Добросельского. – М.: Астрель. – 2010.

[3] Bentham J. Utilitarianism. – London: Progressive Publishing Company. – 1890.

[4] Scheler M. Kategorientafel des englischen Denkens // Scheler M. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg. - Leipzig: Verlag der Weissen Bücher. – 1917.

[5] Scheler M. Philosophical Perspectives. Transl. by Oscar Haac. Boston: Beacon Press. 1958.

[6] Scheler M. On the Eternal in Man. translated by Bernard Noble. London: SCM Press. 1960.

[7] Scheler M. Ressentiment transl. by William W. Holdheim. New York: Schocken. 1972.

[8] Wittgenstein L. Logisch-Philosophische Abhandlung. Erste Druckfassung. // W. Ostwald (Hrsg.), Annalen der Naturphilosophie. Band 14. – 1921.

[9] Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. With an Introduction by B. Russell. N.Y.: Harcourt, Brace and Company; London: Reagen Paul etc., - 1922.

[10] Wittgenstein L. Philosophical Investigations. 3rd Edition. Transl. by G.E.M. Anscombe. – N.Y.: Macmillan Publish-ing Company. – 1968.

[11] Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // G. E. M. Anscombe, R. Rhees, G. H. Von Wright (Hrsgs.) Ludwig Wittgenstein Werkausgabe. Band 1. - Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. – 1999.

References:

[1] Витгенштейн Л. Tractatus Logico-Philosophicus. Per. with nem. and comment-rii Vadim Rudnev//Ludwig Wittgenstein: Selected works. - M: From the orphanage “Territory of the Future.” – 2005.

[2] Wittgenstein L. Culture and value. On credibility. Foreword by K. Korolev. Per. from the English L. Dobroselsky. - M.: Astrel. – 2010.

[3] Bentham J. Utilitarianism. – London: Progressive Publishing Company. – 1890.

[4] Scheler M. Kategorientafel des englischen Denkens // Scheler M. Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg. - Leipzig: Verlag der Weissen Bücher. – 1917.

[5] Scheler M. Philosophical Perspectives. Transl. by Oscar Haac. Boston: Beacon Press. 1958.

[6] Scheler M. On the Eternal in Man. translated by Bernard Noble. London: SCM Press. 1960.

[7] Scheler M. Ressentiment transl. by William W. Holdheim. New York: Schocken. 1972.

[8] Wittgenstein L. Logisch-Philosophische Abhandlung. Erste Druckfassung. // W. Ostwald (Hrsg.), Annalen der Naturphilosophie. Band 14. – 1921.

[9] Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. With an Introduction by B. Russell. N.Y. : Harcourt, Brace and Company; London: Reagen Paul etc. , - 1922.

[10] Wittgenstein L. Philosophical Investigations. 3rd Edition. Transl. by G.E.M. Anscombe. – N.Y. : Macmillan Publish-ing Company. – 1968.

[11] Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // G. E. M. Anscombe, R. Rhees, G. H. Von Wright (Hrsgs.) Ludwig Wittgenstein Werkausgabe. Band 1. - Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. – 1999.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при реко-

мендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется ***БЕСПЛАТНО***, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на ***ДОГОВОРНО***Й основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за *ПЛАТУ*.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматики и стилистики языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;

2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

3. Название статьи (буквы – прописные);

4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (//), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (//) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References) , в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07
ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Актуальность исследования вызвана … Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The relevance of the research is caused by … Purpose: … The research methodology is … As a result, it is justified … First, … Second, … The authors conclude that … In this connection, it is important to note …

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи ……

……

……

……

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/ (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N 2. P. 68-75. Режим доступа: https://doi.org/10.1177/1045159515602256 (дата обращения 30.07.2018).

[8]……

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/ (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant»». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // Adult Learning. 2016. Vol. 27. N 2. P. 68-75. Rezhim dostupa : https://doi.org/10.1177/1045159515602256 (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8]……

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 03.08.2026.
Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 125.
Тираж 300 экз. Заказ № 67.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.